

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

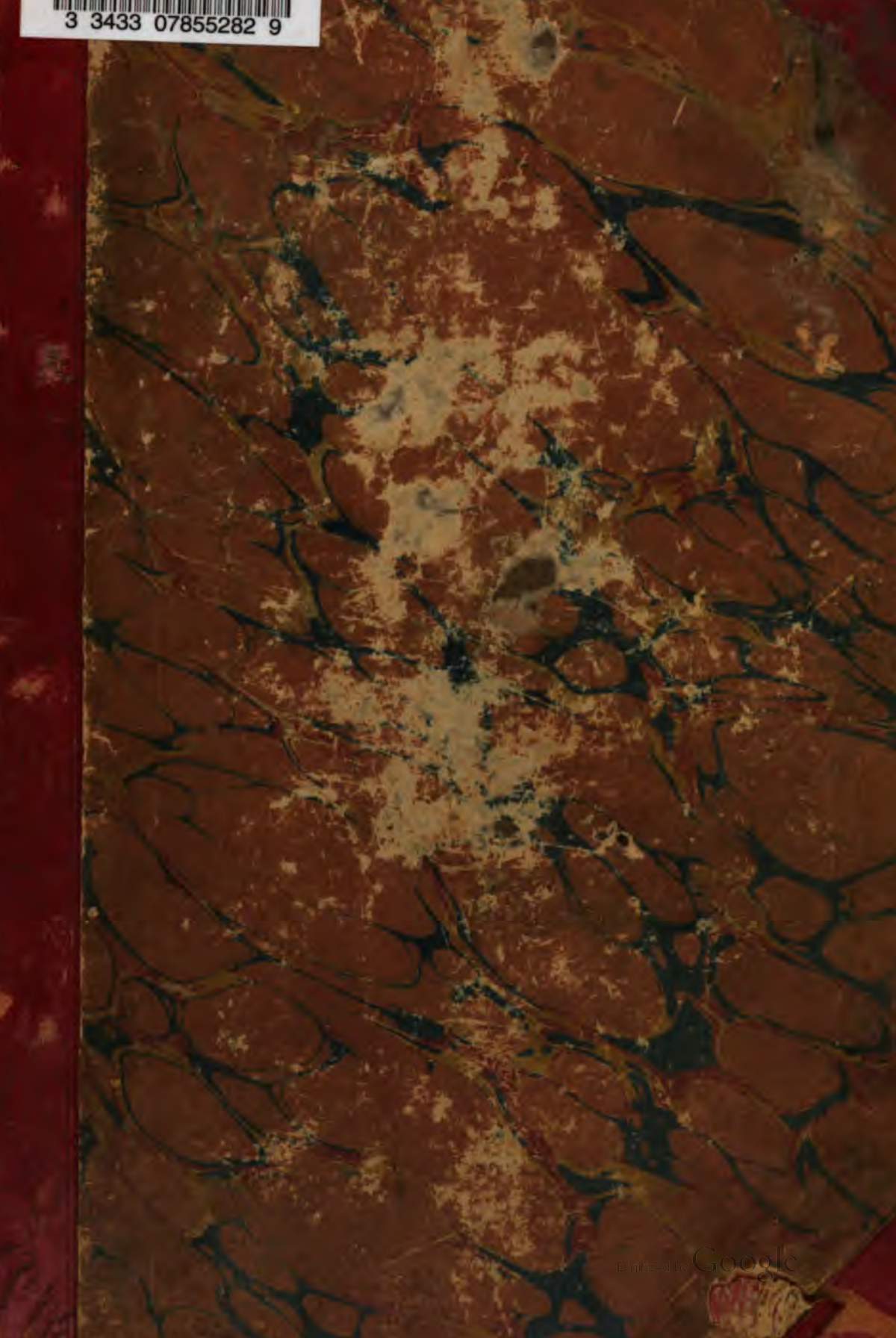
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855282 9

*QCA
Moskvityanin

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ

НА 1851 ГОДЪ.

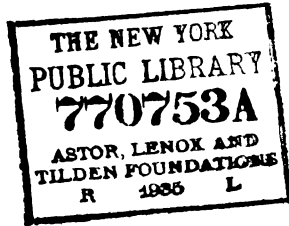
Часть IV.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ И Н. СТЕПАНОВА.

1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 1 дни, 1854 года.

Ценсоръ *Д. Ржевскій.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 13.

Июль.

Кн. 1.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПАРИЗНЫ БАЙРОНА.

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей,
Слышишь пѣсня соловья.
То часъ, какъ любящихъ слова
Въ тиши вѣжище и страстиѣ,
И шумъ колеблющихся волвъ
Какой-то музыкою полвъ,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И звѣзды ярки въ небесахъ,
Вода синѣй во тьмѣ ночной,
Темнѣ зелень на листахъ,
И полусвѣтъ лежитъ на всемъ,
Съ прозрачно-вѣжной темнотой,
Который слѣдуетъ за днемъ,
Лишь сумерки растаютъ подъ луной.

PERL, JAN 21 1935

II.

Но не слушать въ тиши, какъ шумить водопадъ
 Паризина прокралась изъ мрачныхъ палатъ,
 Не за тѣмъ, чтобъ молиться ночнымъ небесамъ
 Выходила синьора въ тѣнистый свой садъ,
 Не за тѣмъ и въ бесѣдкѣ, чтобъ въ ней
 Наслаждаться прохладою подъ сѣнью вѣтвей.
 Она слушаетъ жадно—но не пѣснь соловья,
 Хотя словно къ сказкѣ внимательно ухо ея....
 Вотъ шорохъ за темною сѣтью вѣтвей,
 И блѣднѣютъ ланиты.... и сердце забилось сильнѣй....
 Вотъ голосъ послышался въ шелестѣ листьевъ чуть-чуть....
 Ярko вспыхнули щеки, высоко волнуется грудь....
 Еще минута—близокъ срокъ....
 Прошла—и овъ у милыхъ ногъ!

III.

И что для нихъ весь мiръ кругомъ,
 Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
 Вся жизнь—и неба и земли,
 Чужда ихъ оку и уму,
 Какъ будто умерли всему
 Оши—кругомъ, вблизи, вдали,
 Живя лишь для себя двоихъ,
 Какъ будто бъ не было другихъ....
 И вздохи тягостные ихъ
 Безумной радости полны.
 Пусть задыхаяся отъ нихъ,
 Грудь разорвать сердца должны....
 Опасность.... стыдъ или вина
 Тревожно-нѣжнаго ихъ сна
 Ничто не въ сплѣхъ перервать.
 Что нужды имъ?... И кто жъ изъ насъ,
 Кому страстей горячку знать
 Дано въ удѣлъ.... минуту, часъ
 Не позабылъ у милыхъ ногъ....
 Всему не умереть бы могъ,

Не презирать людской молвы.
 Но все пройдет, увы, увы!
 Проснемся мы, но лишь тогда
 Как сонъ исчезъ — и навсегда!

IV.

Со взглядомъ долгимъ и нѣмымъ,
 Любви преступной мѣсто имъ
 Оставить должно.... Пусть уста
 Какъ бы прощаясь навсегда,
 Слились въ лобзанья.... Жарки ихъ
 Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
 И Паризины грѣшный взглядъ
 Боятся неба вышины;
 Какъ обличители вины,
 Святила ярія глядятъ,
 А все какъ прежде, жарки ихъ
 Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
 Какъ бы прикованы стоятъ
 Они на мѣстѣ.... но должны
 Разстаться, врозь идти съ тоской
 Глубокой, съ смутною душой
 Съ стыдомъ, сопутникомъ вины.

V.

На одинокомъ ложѣ сна
 Все такъ же Уго мысль грѣшна.
 Она жь преступную главу
 Склоняетъ къ сердцу мужа.... сонъ
 Ее объялъ, но смутенъ онъ;
 Въ тревожномъ снѣ, какъ на яву,
 Зоветь того въ бреду больномъ,
 Чье имя не сказала бь днемъ,
 И мужа къ жаркимъ персямъ жметъ....
 Лобзаньемъ пробужденъ,
 Ее въ объятя онъ беретъ,
 И весь восторгомъ упоенъ,

Мечтаетъ сладко, что и вздохъ,
 И поцѣлуй, и трепеть могъ
 Внушить лишь онъ во время сна,
 Что и во спѣ—его она!

VI.

Ее сжимаетъ страстно онъ
 И льнетъ къ устамъ.... но что съ тобой
 Принцъ Азо? чѣмъ ты пораженъ,
 Какъ бы Архангела трубой?
 И точно.... звука бѣ не слыжалъ
 Онъ въ гробъ равнаго тому....

.....

И точно.... въ звукѣ страшномъ томъ
 Душѣ проклятiе звучитъ,
 Въ томъ звукѣ, въ имени чужомъ
 Ея вина и Азо стыдъ.
 И чье же имя?... Какъ волна,
 Которая къ крутымъ скаламъ
 Уноситъ, бѣшено-вольна,
 Похищенный со берега хламъ
 И разбиваетъ.... такъ въ его
 Душѣ все этотъ звукъ разбила.
 Чье жъ имя? Уго!... да, того,
 И думать онъ не могъ о комъ;
 Чью мать онъ первую любилъ,
 Кто былъ грѣха его плодомъ,
 Біанки сыномъ—жертвы той,
 Довѣрчивой и молодой....

А. Григорьевъ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Единого Лили, кого ты любить могла,
Хочешь вполнѣ ты себѣ и по праву....
Твой онъ вполнѣ и единственно.
Ибо вдали отъ тебя мнѣ,
Жизни быстро-стремительной
Все движеніе шумное
Словно легкій флеръ, сѣвозъ который я
Вижу твой ликъ изъ-за облака,
И пріветливо-вѣрвый, онъ свѣтитъ мнѣ,
Какъ за радужнымъ блескомъ сіянья полночнаго,
Вѣчныя звѣзды сверкають.

А. Григорьевъ.

СОНЪ И ПАЗИФАЯ.

Ярко блестящая пряжка надъ бѣлою полною грудью
Дѣвы-Хариты молодой ризы вязала концы;
Сзади вились по плечамъ, умащенные сладкою амброй,
Запахъ далеко лил, волны кудрей золотыхъ;
Свѣжій вѣнецъ прилегалъ къ высоко подвизаннымъ косамъ;
Серьги съ подвѣской тройной, съ блескомъ качались въ ухахъ;
Тихо ступала нога круглобедрал. Такъ Пазифаю
Юноша-Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.
Крѣпкой обвита рукой, покраснѣла Харита младая,
Но возрастающій жаръ вѣжды прекрасной сомкнулъ,
И въ упоеньи любви, на цвѣты опускался, дѣва,
Члены раскинувъ, съ кудрей своей уронила вѣнецъ.

А. Фетъ.

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

«Отвори-ка мнѣ ворота, иль окно открой скорѣй,
И горячимъ поцѣлуемъ друга милаго согрѣй!
Иль хоть дай палюбоваться лучезарною красой,
Ты, съ очами голубыми, съ темпурсою косою!»
— Кто ты, кто ты тамъ стучишься и мѣшаешь мнѣ заснуть?
И почему меня ты знаешь, докажи мнѣ чѣмъ-нибудь!
«На дворѣ твоёмъ широко, я примѣтилъ у воротъ:
Вишня спѣлая и яблоня кудрявая ростеть!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня, въ моихъ покояхъ, ты не знаешь ли примѣтъ?—
«У тебя въ опочивальнѣ лампа мѣдная висить,
По утрамъ ее ты гасишь, по ночамъ она горить!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня на бѣломъ тѣлѣ ты не знаешь ли примѣтъ?
«Знаю, знаю: у тебя одно укушено плечо,
То, что, помнишь ли, недавно цѣловалъ я горячо.
Да подъ бѣлыми грудями у тебя еще пятно.»
— Помню, помню, другъ мой милый! отворю сейчасъ окно!—

1851. Москва.

И. Бергъ.

УРСУЛА.

ПОВѢСТЬ ГЕРЦОГИНИ Д'АРБУВИЛЬ. (*)

Я хочу просто рассказать вамъ то, что видѣла. Это — одно изъ грустныхъ воспоминаній моей жизни, — одна изъ тѣхъ мыслей, къ которымъ стремится душа съ тихою печалью въ часы унынія. Изъ такихъ мыслей рождается, не знаю какое-то отреченіе отъ слишкомъ живыхъ надеждъ этого міра, какое-то самозабвеніе, заглушающее всякій ропотъ, и призывающее насъ къ молчаливой покорности.

Если когда-нибудь стануть читать эти страницы, я бы не желала, чтобъ ихъ прочли люди счастливые, совершенно счастливые. Для нихъ тутъ нѣтъ ни чего, — ни изобрѣтеній, ни происшествій. Но есть души, которыя немного страдали, много мечтали, и склонны къ легкой грусти. Эти души замѣчая мимоходомъ какое-либо страданіе, или слыша звукъ, похожій на вздохъ, — останавливаются, прислушиваются, и сожалеютъ. Съ ними я могу говорить — какъ будетъ говорить-ся; рассказать имъ повѣсть, простую, какъ все истинное, трогательную, какъ все простое.

На сѣверъ, близъ Бельгійской границы, стоитъ мрачный, неизвѣстный городокъ. Военныя предосторожности окружили его высокими укрѣпленіями, которыя, кажется, хотять раздавить собою ветхіе домики, находящіеся внутри его. Бѣднымъ жителямъ, окруженнымъ стѣнами, нельзя уже стало съ тѣхъ поръ построить ни одного домика, на луговинѣ окружающей ихъ городокъ. При умноженіи пародонаселенія, они умень-

(*) См. Москвитян. 1850 г. N 21 и 22.

шпли свои площади, пересѣкли улицы, пожертвовали пространствомъ, правильностью, благосостояніемъ. Дома, построенные одинъ возлѣ другаго, и стѣсенные окружающими ихъ стѣнами, издали представляютъ взорамъ видъ огромной темницы.

Климатъ сѣверной Франціи, не будучи очень холоднымъ, угрюмо-печаленъ: сырость, туманъ, тучи и снѣгъ омрачаютъ небо, и оледеняютъ землю въ продолженіе полугода. Густой и черный дымъ каменнаго угля, возвышаясь надъ каждымъ жилищемъ, увеличиваетъ мрачный видъ этого сѣвернаго городка.

Я никогда не забуду холоднаго впечатлѣнія грусти, которое пропзвелъ онъ на меня, въ то время, какъ я переѣзжала подъемный мостъ, служащій въѣздомъ. Съ ужасомъ сврашивала я самое себя: неужели тутъ есть существа, которыя здѣсь родились и должны умереть, не зная ничего о прочей землѣ. Въ самомъ дѣлѣ были люди, которымъ выпала такая участь. Но Провидѣніе, всегда благое, даже и въ лишеніяхъ, кои Оно налагаетъ, ниспослало жителямъ этого городка необходимость трудиться, желаніе пріобрѣсть благосостояніе, въ которомъ они нуждаются, и этими средствами отняло у своихъ бѣдныхъ, обездоменныхъ дѣтей, время думать о томъ, что небо ихъ мрачно и лишено солнечнаго свѣта. Они даже забыли то, чего не имѣютъ. Но я, при входѣ въ этотъ мрачный и дымный городъ, старалась припомнить всѣ солнечные дни моей жизни, всѣ часы, проведенные на просторѣ и подъ яснымъ небомъ. Съ этой минуты, я стала благодарить за то, что прежде считала общимъ достояніемъ всѣхъ людей: за свѣтъ, за воздухъ, за горизонтъ.

Я жила полтора года въ этомъ городкѣ, и начала бы, можетъ быть, роптать на это продолжительное заключеніе, какъ вдругъ со мною случилось слѣдующее:

Чтобъ дойти до однихъ воротъ укрѣпленія, я должна была ежедневно, въ часъ прогулки, проходить маленькій переулочекъ, похожій на лѣстницу, въ которомъ почва была взрыта на подобіе ступеней, для того чтобы сдѣлать спускъ удобнѣе. Проходя по этому узкому и темному переулку, давно уже я опережала свои шаги, думая только о томъ, куда я иду.

съ такія петерфильныя; но однажды, случайно, глаза мои остановились на бѣдномъ домикѣ, который одинъ, казалось, только и былъ обитаемъ. Онъ былъ въ одинъ этажъ и съ двумя окнами; между этими окнами была маленькая дверь, а сверху чердакъ. Стѣны дома были выкрашены темно-сѣрою краской; окна состояли изъ тысячъ переплетныхъ съ тусклыми и зеленоватыми стеклами. Свѣтъ не могъ проникать за эту преграду и освѣщать внутренность комнаты. Къ тому же, улица была слишкомъ узка для того, чтобы когда-либо могло проникнуть въ нее солнышко. Въ ней царствовала непрестанная тѣнь и всегда было холодно, даже въ жары.

Зимою, когда снѣгъ замерзалъ на ступеняхъ переулка, нельзя было сдѣлать шагу, не подвергаясь опасности упасть; потому дорога эта была такъ пустынна, что, можетъ быть, л одна проходила по ней однажды въ день. Не помню, чтобы я когда-нибудь встрѣтила тамъ прохожаго, или увидѣла птицу, садившуюся на минуту въ трещину стѣны. Надѣюсь, — говорила я сама себѣ, — что въ этомъ печальномъ домѣ живутъ люди, которые уже достигли послѣднихъ предѣловъ жизни, и по этому не могутъ ни печалиться, ни сожалѣть. Жить въ немъ молодому было бы ужасно!

Домикъ по прежнему оставался молчаливымъ; въ немъ не слышать было никакого шума, не замѣтно никакого движенія. Онъ былъ спокоенъ, какъ могила, и каждый день я спрашивала себя: кто же живетъ въ немъ?

Наступила весна. Въ переулкѣ снѣгъ замѣнился слякотью; слякоть уступила мѣсто почвѣ болѣе сухой; потомъ около стѣнъ показалась травка. Уголочекъ неба, который съ большимъ трудомъ можно было видѣть отсюда, сдѣлался чище. Наконецъ, даже въ это темное мѣсто, весна забросила при- знакъ жизни. Но въ домикѣ все не было замѣтно ни шума, ни движенія.

Однажды, въ Іюнь мѣсяцъ, я отправилась, по обыкновенію, на свою ежедневную прогулку, какъ вдругъ замѣтила (да простятъ мнѣ читатели это выраженіе), съ глубокою

горестно, маленькій пучекъ фіалокъ, стоявшихъ въ стаканъ, на одномъ изъ оконъ домика.

— О! воскликнула я, здѣсь кто-нибудь да страдаетъ!

Для того, чтобы любить цвѣты надобно, быть или молоду, или, по крайней мѣрѣ, сохранить воспоминанія юности; надобно быть несовершенно поглощену матеріальною жизнью, надобно имѣть сладостную способность—ничего не дѣлая, не быть празднымъ, то есть, надобно мечтать, вспоминать, надѣяться. Чтобы чувствовать наслажденіе, которое доставляетъ благоуханіе цвѣтка, надобно сохранить извѣстную степень душевной чувствительности. Въ этомъ наслажденіи есть нѣчто идеальное, нѣчто поэтическое, просвѣчивающееся посреди существностей жизни. Когда, въ бѣдномъ и трудолюбивомъ существованіи, я вижу любовь къ цвѣтамъ, то предчувствую борьбу между нуждами жизни и влеченіями душъ. Мнѣ кажется, что я могу говорить, даже разговариваться съ тѣмъ, кто выращаетъ цвѣтокъ возлѣ стѣны своей хижины. Въ этотъ день букетъ фіалокъ огорчилъ меня; онъ говорилъ: здѣсь есть существо, которое живетъ, сожалея о воздухѣ, о солнцѣ, о счастьи; которое чувствуетъ, чего не достаетъ ему, которое такъ бѣдно радостнымъ, что я, бѣдная фіалка, составляю уже отраду въ его жизни...

Съ грустью смотрѣла я на эти цвѣты; я спрашивала себя, не слишкомъ ли скоро завянутъ они отъ темноты и холода переулка и не дойдетъ ли до нихъ порывъ вѣтра. Они внушали мнѣ участіе. Я бы желала надолго сохранить ихъ для того, кто ихъ любилъ.

На другой день я опять шла мимо стараго домика. Цвѣты уже нѣсколько поизмѣнились, проживши минувшій день. Они постарѣли, и ихъ безцвѣтные лепесточки уже повисли. Не смотря на то, они еще сохраняли нѣсколько запаха, объ нихъ еще заботились. Подойдя ближе, я замѣтила, что окно было нѣсколько отворено. Лучъ, не скажу солнца, но лучъ дневнаго свѣта проникалъ въ домъ, и оставлялъ на полу свѣтлую полосу; но налѣво и направо отъ этой полосы темнота была еще сильнѣе, и я не могла ничего разсмотрѣть.

На завтра, я опять проходила мимо; то былъ день почти лѣтній; птицы пѣли; на деревьяхъ показались почки; тысячи насекомыхъ жужжали въ воздухѣ. Все блистало отъ солнца. Жизнь, почти радость, проявлялась всюду.

Одно изъ оконъ домика было отворено настежь.

Я подошла ближе, и увидѣла сидѣвшую и работавшую у окна женщину. Первый взглядъ, который я бросила на нее, удвоилъ печаль, внушавшую ея скучнымъ жилищемъ. Я не могла бы сказать, какихъ лѣтъ была эта женщина. Она не была ужъ очень молода, не была, или уже перестала быть хорошенькою. Она была блѣдна, болезненна или печальна — не могу опредѣлить въ точности. Но вѣрно то, что черты лица были у ней пріятныя; что недостатокъ свѣжести могъ произойти отъ горя также, какъ и отъ числа лѣтъ; что эта блѣдность, если бы она не огорчала сердца, то имѣла бы нѣсколько прелести при черномъ матовомъ цвѣтѣ ея волосъ. Она нагнулась на свою работу; она была тонка, или похудѣла. Руки ея были бѣлы, но нѣсколько костлявы и длинны. На ней было темное платье, черный фартукъ, бѣленькій воротничекъ, совсѣмъ гладкій; а букетъ, который стоялъ два дня на окнѣ, былъ уже почти спрятанъ въ одной изъ складокъ лифа, конечно для того, чтобы не потерять даже малѣйшаго его запаха.

Она подняла глаза и поклонилась мнѣ; тутъ я разглядѣла ее лучше.

Она была еще молода, но такъ близка къ той минутѣ, въ которую перестаютъ быть молодыми, что на это послѣднее прощанье съ молодостью было грустно смотреть. Было очевидно, что она страдала, но ввролтно безъ борьбы, безъ ропота, почти безъ слезъ. На лицѣ ея выражалось молчаніе, покорность и спокойствіе, — но то спокойствіе, которое настаётъ послѣ смерти. Я воображала себѣ, что она не испытала никакого потрясенія, что душа ея томилась — и угасла; что она не сокрушилась, а склонилась, согнулась и упала на землю безъ шума, безъ перелома.

Да, взоръ, лице, положеніе этой женщины говорили все

это. Есть вѣдь люди, которые высказываются съ одного взгляда, и о которыхъ помнишь, видѣвши ихъ на одну секунду.

Каждый день я находила ее на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она кланялась мнѣ; потомъ, спустя нѣкоторое время, она прибавляла къ своему поклону грустную и пріятную улыбку. Вотъ что я могла узнать о существованіи этой женщины, которую видѣла постоянно сидящую подъ окномъ.

По воскресеньямъ она не работала. Я полагала, что въ эти дни она ходила куда-нибудь, потому что по понедѣльникамъ на окнѣ стоялъ букетикъ фіалокъ. Но на слѣдующіе дни онъ увядалъ и былъ замѣлемъ только по прошествіи недели. Я думала еще, что она почти бѣдна и зарабатываетъ потихоньку пащущный хлѣбъ, потому что я, видѣла какъ она шла по прекрасной и богатой кисей, а сама была одѣта чрезвычайно просто. Наконецъ, она не одна жила въ домѣ; потому что однажды нѣсколько повелительный голосъ позвалъ: «Урсула!» и она поспѣшно встала. Этотъ голосъ не былъ голосъ господина; Урсула повпновалась не такъ, какъ повпнуется служанка. Было замѣтно какое-то сердечное желаніе въ поспѣшности, съ которою она встала, хотя голосъ не имѣлъ никакого вѣжнаго выраженія. Я думала, что, можетъ быть, Урсула не любима тѣми, которые живутъ съ нею; что съ нею даже обращаются грубо, тогда какъ она по своему печальному и кроткому характеру привязалась къ нимъ, не получая въ замѣнъ своей привязанности ничего.

Время текло, и съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе знакомилась съ таинственною жизнію бѣдной Урсулы, не смотря на то, что у меня, для узнанія ея тайны, не было другаго средства, какъ проходить однажды въ день мимо ея открытаго окна.

Я уже сказала, что она, смотря на меня, улыбалась; вскорѣ, во время прогулки, я стала рвать цвѣты, потомъ поутру, робко, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, я положила ихъ на окно Урсулы. Урсула покраснѣла, потомъ улыбнулась еще пріятнѣе обыкновеннаго. Послѣ того каждый день у ней

былъ новый букетъ; мало по малу къ полевымъ цвѣтамъ я стала прищипывать растенія изъ моего сада. На окнѣ появились цѣлые пучки цвѣтовъ, цвѣты въ поясъ Урсулы. Наконецъ наступила весна—лѣто для сѣраго домика.

Однажды вечеромъ, при входѣ моемъ въ городъ, шелъ проливной дождь, въ то время, какъ я проходила по узкому переулку. Урсула бросилась къ двери, отворила ее, взяла меня за руку, ввела, и когда мы вошли въ корридоръ, предшествовавшій комнатѣ, въ которой она обыкновенно сидѣла, бѣдная дѣвушка схватила меня за руки и съ глазами почти полными слезъ, сказала:

— Благодарю васъ!

Это былъ нашъ первый разговоръ. Я вошла.

Комната, въ которой работала Урсула, служила вмѣсто гостиной; ноги леденѣли на красныхъ плитахъ пола; соломенные стулья составляли единственную ея мебель, два старые подзеркальничка украшали ея углы. Эта комната, длинная, узкая, освѣщаемая однимъ окошечкомъ, выходящимъ на улицу, была темна, холодна и сыра.

О! Урсула была права, что садилась подъ окномъ, ловила воздухъ и свѣтъ, столь необходимые для жизни! Я поняла тогда причину бѣдности бѣдной дѣвушки. Она не то, чтобы лишлась свѣжести: она никогда не имѣла ея! Она изныла, какъ растенія, прозябавшія въ тѣни.

Въ темномъ углу гостиной, на двухъ креслахъ, болѣе покойныхъ, чѣмъ остальные, сидѣли два человека, которыхъ сначала я, за темнотою, не могла разглядѣть. То были старикъ и женщина почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Она взяла вдали отъ окна, и не смотря на свою работу: она была слѣпа. Старикъ ничего не дѣлалъ; онъ смотрѣлъ неподвижно и бессмысленно впередъ. Увы! Онъ переступилъ обыкновенныя границы жизни, въ немъ существовало одно тѣло; нельзя было, взглянувши на этого бѣднаго старика, не понять, что онъ впалъ въ совершенное дѣтство.

Можно подумать, что когда жизнь слишкомъ продолжается, то душа, какъ бы недовольная своимъ долгимъ илѣномъ, ста-

рается вырваться из своей темницы, и своими усилиями разрываетъ узы еднства. Она возмущаетъ свое жилище. Она еще не улетѣла, но уже не тамъ, гдѣ бы должна быть.

Вотъ что скрывалъ сѣренькій домикъ въ своемъ уединеніи, молчаніи и темнотѣ. Слѣпую старушку, безумнаго старика, бѣдную молодую дѣвушку, увядшую прежде времени, потому что молодость ея была стѣснена, угнетена старостью, ея окружающею, старыми стѣнами, удерживавшими ее въ плѣну!

Увы! Участь Урсулы была еще печальнѣе, чѣмъ я полагала; смотря на ея блѣдность и уныніе, я думала, что она страдала отъ какого-нибудь несчастія; а въ ея жизни не было ничего.... ничего!

Она видѣла, какъ съ каждымъ днемъ улетала ея молодость, красота, надежды, жизнь; а между тѣмъ не было ничего, ничего, кромѣ молчанія и забвенія!

Я стала часто навѣщать Урсулу, и вотъ что однажды, сидя со мною у окна, рассказала она про свою жизнь.

— Я родилась въ этомъ домикѣ; никогда не выходила изъ него; но родители мои не здѣшніе: тутъ мы чужестранцы, безъ связей, безъ друзей. Родители мои женились не молодые. Я никогда не знала ихъ молодыми. Матушка ослѣбла. Это несчастіе отяжелило ея характеръ; потому родительскій домъ всегда былъ для меня такъ мраченъ; я никогда въ немъ не пѣла. Ни кто въ немъ не былъ счастливъ; дѣтство мое было молчаливо; мнѣ никогда не позволялось ни малѣйшаго шума; ласкали меня рѣдко. Однакоже родители любили меня, но не говорили о томъ, что чувствовали; я судила о ихъ сердцѣ по своему; я любила—и заключила изъ этого, что и они любятъ меня. Но жизнь моя не всегда была такъ печальна, какъ теперь: у меня была сестра....

На глазахъ Урсулы заблестали слезы; но слезы эти остановились; онѣ ужъ привыкли скрываться въ сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она продолжала:

— У меня была старшая сестра; она была, подобно матушкѣ, немного молчалива, но сострадательна, кротка, ласкова

со мною. Мы очень любили другъ друга... Раздвѣляли между собою попеченія о нашихъ родителяхъ. Никогда мы не имѣли счастья погулять вмѣстѣ, тамъ, въ лѣсу, на холмикѣ. Одна изъ насъ всегда оставалась дома, чтобы ходить за старымъ отцомъ; но та, которая выходила, приносила другой вѣтки боярышника, сорванная у плетней, говорила сестрѣ о солнцѣ, о деревьяхъ, о воздухѣ. И этой казалось, что и она уходила изъ дома; потомъ ввечеру, мы работали вмѣстѣ при свѣтѣ лампы. Въ это время мы не могли разговаривать, потому что наши родители дремали возлѣ насъ; по крайней мѣрѣ, одна изъ насъ, поднявъ глаза, встрѣчала на лицѣ другой пріятную улыбку; потомъ мы отправлялись спать къ себѣ въ комнату, и засыпали не прежде, какъ дружескій голось повторилъ уже нѣсколько разъ: «Прощай, доброй ночи, сестра!»

«Отъ чего Богу было не угодно оставить насъ вмѣстѣ, а? Но я не ропщу, потому что Марѳа тамъ счастлива!»

«Не знаю, отъ недостатка ли воздуха, движенія, или недостатка счастья, зародилась болѣзнь Марѳы; но я видѣла, какъ она слабѣла, изнемогала, страдала. Увы! я одна безпокоилась о ней; матушка не могла ее видѣть, а Марѳа никогда не жаловалась. Батюшка начиналъ уже впадать въ безчувствіе, въ которомъ вы теперь его видите. Уже очень поздно успѣла я уговорить сестру послать за докторомъ.

«Тогда ужъ нечего было дѣлать; она протомилась еще нѣсколько времени, потомъ—скончалась.

«Наканунъ своей смерти, она посадила меня возлѣ своей кровати, взяла мою руку своими дрожащими руками, и сказала:

«— Прощай, моя бѣдная Урсула. На землѣ мнѣ жаль только одну тебя. Будь терпѣлива, ухаживай хорошенько за батюшкою и за матушкою; они добры, Урсула, любятъ насъ, хотя не всегда говорятъ намъ это. Береги для нихъ свое здоровье; ты можешь умереть только послѣ нихъ. Прощай, милая сестра; не плачь слишкомъ много; молись чаще Богу.... и до свиданія, Урсула!»

«Спусти три дня, сестру мою вынесли отсюда въ гробу, и я осталась одна съ родителями.

«Когда я сказала матушкѣ о смерти сестры, она вскрикнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и ушла на колѣни. Я подошла къ ней, подняла ее и посадила на кресло. Съ тѣхъ поръ она уже не плакала, не кричала; только сдѣлалась еще молчаливѣе прежняго, и я вижу, что она чаще обыкновеннаго перебираетъ пальцами свои четки.

«Мнѣ почти нечего вамъ болѣе рассказывать. Батюшка впалъ въ совершенное дѣтство; мы потеряли наше маленькое состояніе. Мнѣ хотѣлось, чтобы родители мои не замѣтили этого; обмануть ихъ такъ легко: одинъ ничего не понимаетъ, другая не видитъ. Я принялась работать и стала потихоньку продавать свое вышиванье. Со смерти сестры я ни съ кѣмъ ужъ не говорю. Люблю чтеніе, но не могу читать: надо работать. Воздухомъ пользуюсь я только по воскресеньямъ; не могу ходить далеко, потому что одна.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывши моложе, я много мечтала вотъ здѣсь, у окна, смотря на небо; я паслала мое одиночество тысячами вымысловъ, которые сокращали мнѣ долгіе дни. Теперь какое-то оцѣпенѣніе овладѣло моими мыслями: я уже не мечтаю.

«Покуда я была молода, педурна собою, я все еще надѣялась на случай, на какую-нибудь перемену въ моей участи. Теперь мнѣ двадцать девять лѣтъ; печаль болѣе, чѣмъ самые годы, состарила мое лицо. Все кончено!... Я ужъ ничего не жду, ничего не надѣюсь; здѣсь окончу свои одинокіе дни.

«Не думайте однакожъ, чтобы я тотчасъ покорилась моей горькой участи. Нѣтъ, бывали дни, когда сердце мое возмущалось и не хотѣло состариться не любя. Не быть любимой еще возможно, но не любить — это убійственно! Признаться ли? Я роптала на Провидѣніе.

«Но это внутреннее волненіе также мнѣ вало, какъ и мои надежды. Я думаю о радостныхъ словахъ Марѣ: «до свиданія, сестра!» и во мнѣ теперь только одна страдательная

покорность, одно смиренное самоотверженіе. Я часто молюсь, рѣдко плачу. А вы, — вы счастливы?»

Я не отвѣчала на вопросъ Урсулы; говорить при ней о счастьи, было бы тоже, что говорить о неблагодарномъ другѣ съ тѣми, которыхъ онъ забылъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ прекрасное осеннее утро, я вышла изъ дома, чтобы отправиться къ Урсулѣ, какъ вдругъ молодой поручикъ того полка, который стоялъ въ городкѣ гарнизономъ, пришелъ навѣстить меня; видя, что я хотѣла идти, онъ предложилъ мнѣ руку и отправился со мною къ узкому переулку Урсулы. Случайно я стала говорить о ней, объ участіи, которое она во мнѣ возбуждаетъ; замѣтивъ, что молодой человекъ, котораго назову Морицомъ д'Эрваль, слушаетъ съ удовольствіемъ этотъ рассказъ, я пошла медленнѣе. Когда мы дошли до сѣренькаго домика, я успѣла окончить исторію Урсулы. Онъ посмотрѣлъ на нее съ участіемъ и жалостью, поклонился и ушелъ. Урсула, надѣявшаяся видѣть только одну меня, при видѣ незнакомца смутилась и слегка покраснѣла. Не знаю, отъ этого ли минутнаго проблеска жизни въ ея лицѣ, или отъ того, что мнѣ такъ хотѣлось, но бѣдная дѣвушка показалась мнѣ даже хорошенькою.

Не могу описать тѣхъ неопредѣленныхъ мыслей, которыя промелькнули у меня въ головѣ: я долго смотрѣла на Урсулу, потомъ, погруженная въ свои размышленія, встала, взяла нѣсколько прядей ея волосъ, и спустила ихъ пониже на ея блѣдныя щеки. Потомъ я сняла у себя съ шеи черную бархатку, надѣла на нее и приколола цвѣты къ ея поясу. Урсула улыбалась, не понимая моихъ мыслей. Меня всегда огорчала улыбка Урсулы: ничего не можетъ быть печальнѣе улыбки несчастныхъ. Они какъ будто улыбаются для другихъ, а не для себя.

Прошло много времени прежде, чѣмъ я опять увидала Морица д'Эрваль, много дней прежде, чѣмъ случай привелъ насъ опять вмѣстѣ съ нимъ къ сѣренькому домику. Но наконецъ это случилось, на возвратномъ пути съ веселой

прогулки въ довольно многочисленномъ обществѣ. При входѣ въ городъ, всѣ разошлись; я взяла подъ руку Морница д'Эрваль, и мы пошли къ Урсулѣ. Не было никакой основательной причины, но я невольно почувствовала сильное волненіе; я уже не говорила, но строила въ умѣ тысячу мечтательныхъ плановъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы молодой офицеръ не отгадалъ, о чемъ я думала. Я воображала, почти надѣялась, что онъ понимаетъ мое внутреннее волненіе; но увы! можетъ быть, ничего этого не было.... Въдѣ есть много такого, что выражается только словами!

Это было вечеромъ, однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ осеннихъ вечеровъ, когда все спокойно и все отдыхаетъ; ни малѣйшій вѣтерокъ не шелестилъ въ деревьяхъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами заходящаго солнца. Невозможно было не предаться сладкимъ мечтаніямъ при видѣ этой прекрасной природы, которая въ эту минуту усыпляла все, находящееся въ ея лонѣ, кромѣ человека, который еще бодрствовалъ, для того, чтобы мыслить. То была одна изъ тѣхъ минутъ, когда душа умиляется, когда мы становимся лучше, когда мы готовы плакать, не имѣя однакоже никакого горя.

Я подняла глаза, и съ самаго входа въ переулочекъ увидѣла Урсулу. Послѣдній лучъ солнца падалъ на окно и блистала на головѣ Урсулы. Ея черные волосы отъ этого какъ-то необыкновенно лоснились. Искра радости сверкнула у ней въ глазахъ, когда она увидѣла меня, и она улыбалась тою печальною улыбкою, которую я столько любила. Какъ ни густы были складки ея чернаго платья, но все-таки можно было замѣтить, гдѣ станъ ея перехватывался поясомъ. Отъ чего этотъ станъ былъ очень тонокъ, очень гибокъ и не лишенъ граціи. Фиалки, ея любимые цвѣты, были приколоты къ лифу.

Въ блѣдности Урсулы, въ ея черномъ платьѣ, въ цвѣтахъ, въ этомъ лучѣ заходящаго солнца, ея освѣщавшаго, было что-то гармонически согласное съ красотою вечера, съ сладкою мечтательностію, которая овладѣла нами.

— Вотъ Урсула! — сказала я Морпцу д'Эрваль, обращая его вниманіе на низенькое окошко домика.

Онъ посмотрѣлъ, потомъ пошелъ, устремивъ на нее глаза. Этотъ взоръ смутилъ бѣдную дѣвушку, застычивую, какъ бывають застычивы въ пятнадцать лѣтъ, и когда мы подошли къ ней, на лицъ ея игралъ самый живой румянецъ. Морицъ д'Эрваль остановился, обмѣнялся съ нами нѣсколькими словами, и удалился. Не съ этого дня онъ сталъ часто возвращаться въ городъ по переулку Урсулы; разъ какъ-то ему случилось съ ней раскланяться. Наконецъ однажды онъ зашелъ къ ней вмѣстѣ со мною.

Бывають люди, ужъ такъ отвыкшіе отъ надежды, что даже не постигають счастья, случающагося съ ними. Исчезавшая въ своей печали, въ своей безнадежности, какъ въ густомъ покровѣ, скрытащемъ отъ нея внѣшній міръ, Урсула ничего не видѣла, ничего не объясняла себѣ, ничѣмъ не волновалась. Она оставалась при Морицѣ, какъ и при мнѣ, также убитою, также покорною своей участи.

Что касается до Морица, я не могу ясно растолковать, что происходило у него въ сердцѣ. Онъ не любилъ, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю; но жалость, которую Урсула внушала ему, доходила до привязанности, до преданности. Душа этого молодаго человека, нѣсколько восторженнаго и мечтательнаго, любила атмосферу грусти, окружавшую Урсулу. Онъ приходилъ къ ней толковать о дурной сторонѣ жизни, роптать на счастье, говорить только о неудачахъ, не замѣчая, что въ этомъ обмѣнѣ печали, исходило изъ двухъ сердець, еще юныхъ, сладостное сочувствіе, похожее на счастье, котораго существованіе они отрицали.

Наконецъ однажды, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, и опять вечеромъ, Морицъ д'Эрваль, гуляя по полю со мною у опушки лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ общихъ друзей, сказалъ мнѣ:

— Составлять счастье другаго, не есть ли самое существенное счастье въ этомъ мірѣ?... И не заключается ли въ радости, которую доставляешь другому, самая неизъяснимая сладость....

Принести себя на жертву тому, кто безъ вась змалъ бы въ жизни однѣ слезы, не завиднѣ ли самой блестящей участи? Оживить умирающую душу.... не прекрасная ли это мечта?

Я со страхомъ смотрѣла на него. Слезы блистали у него на рѣсницахъ.

— Да! — сказалъ онъ, — спросите Урсулу, хочетъ ли она выйти за меня за мужъ?

Радостное восклицаніе было моимъ отвѣтомъ, и я бросилась къ жилищу бѣдной дѣвушки.

Когда я вошла къ Урсулѣ, она, по обыкновенію, сидѣла у окна за работою, въ какомъ-то усыпленіи. Одиночество, отсутствіе всякаго шума, недостатокъ всякаго сочувствія, дѣйствительно усыпили ея душу. Единственная Божія милость заключалась въ томъ, что она уже не страдала. Лишь другіе только жалѣли о неподвижности этого существованія, не пмѣвшаго ни жизни, ни молодости. Она улыбнулась, глядя на меня. Это было одно изъ самыхъ сильныхъ движеній ея бѣдной убитой души. Я не побоялась сильно потрясти ея больного организма, поразивъ ее внезапнымъ ощущеніемъ счастья: я хотѣла видѣть, на время ли исчезла жизнь, или погасла совершенно.

Я съела возлѣ нея на стулѣ, взяла ее за руку, и устремивъ на нее глаза, сказала:

— Урсула, Морницъ д'Эрваль поручилъ мнѣ спросить тебя, хочешь ли ты быть его женою?

Бѣдная дѣвушка была поражена, какъ громомъ; въ ту же минуту слезы брызнули изъ глазъ ея; кровь ея, такъ долго бывшая въ неподвижности, потекла быстро, и разлила на щекахъ ея самый яркій румянецъ; грудь ея поднималась; она едва переводила дыханіе; сердце ея сильно билось; руки ея судорожно сжимали мои. Урсула была лишь въ усыпленіи: она пробуждалась.

Урсула полюбила вдругъ; можетъ быть, она любила и до сихъ поръ, но въ тайнѣ отъ себя и отъ другихъ; въ эту минуту завѣса была разорвана, и она увидѣла свою любовь.

Черезъ нѣсколько секундъ, она провела рукою по лбу, и сказала тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ, это невозможно!

Я повторила опять тѣ же слова:

«Морицъ д'Эрваль спрашиваетъ, хочешь ли ты быть его женою», — для того, чтобы приучить Урсулу къ соединенію этихъ словъ, которыя, подобно тому, какъ гармоническія ноты составляютъ аккордъ, составляли для блѣдной дѣвушки неизвѣстную мелодію.

— Его женою! повторяла она съ восторгомъ, его женою!

И, бросившись къ креслу своей матери, она сказала:

— Матушка, слышите ли? онъ хочетъ, чтобы я была его женою.

— Дочь моя, — отвѣчала слѣпая, нѣца своею рукою руку Урсулы, — милая дочь моя, Богъ рано или поздно долженъ былъ наградить тебя за твою добродѣтель.

— Господи! — воскликнула Урсула, что это дѣлается иныче со мною? *Его женою! Милая дочь моя!*

Она бросилась на колѣни, скрестила руки, и слезы полились изъ глазъ ея.

Въ эту минуту послышались шаги въ маленькомъ корридорѣ.

— Это онъ! — воскликнула Урсула — О Господи! — прибавила она, положивъ обѣ руки на сердце, — вотъ она, жизнь-то!

Я вышла потаенною дверью, и оставила Урсулу одну, прекрасную отъ слезъ, волненія, счастья, — припять Морица д'Эрваль.

Съ этого дня Урсула совершенно измѣнилась. Она выпрямилась, оживилась, помолодѣла, подѣ сладкимъ вліяніемъ счастья. Она нашла болѣе, чѣмъ улетѣвшую красоту: въ ней виднѣлось какое-то внутреннее сіяніе, придававшее ея лицу неопредѣлимое выраженіе скрытой радости. Ея счастье заняло что-то отъ ея прежняго характера; оно было сосредоточено въ самомъ себѣ, молчаливо, спокойно, восторженно втайнѣ. Оттого Морицу, полюбившему женщину, сидящую въ тѣни, блѣдную и разочарованную въ жизни, нечего было

перемѣнять въ картинѣ, которая ему понравилась, хотя Урсула была счастлива.

Они проводили другъ подлѣ друга цѣлые вечера въ маленькой гостиной, освѣщаемые лишь мѣсячными лучами, доходящими изъ открытаго окна. Они говорили немного, а болѣе смотрѣли одинъ на другаго и мечтали вдвоемъ.

Урсула любила искренно, простодушно. Она говорила Морицу:

— Я счастлива; люблю тебя, и благодарю.

Для ихъ счастья имъ не нужно было ни солнца, ни вольнаго воздуха, ни простору. Сѣренькій домикъ одинъ былъ свидѣтелемъ этой любви. Урсула все работала, и оставалась близъ родителей. Но если тѣло ея неподвижно занимало то же мѣсто, какъ и прежде, то душа ея улетѣла, свободная, воскресшая, свѣтлая; стѣны этого тѣснаго жилища уже ея не сдерживали; она получила крылья. Такъ волшебное дѣйствіе надежды не только украшаетъ будущность, но даже овладѣваетъ настоящимъ, и своею могучею призмою измѣняетъ видъ всего! Бѣдный домикъ былъ также мраченъ и теменъ, какъ и за двадцать лѣтъ.... Но одна мысль, проскользнувшая въ глубину женскаго сердца, сбѣжала изъ него настоящій дворецъ! О! мечты, надежды, посѣщайте, посѣщайте жизнь нашу, хоть бы потомъ вамъ и пришлось исчезнуть, какъ исчезаютъ въ небѣ облака!... Тотъ, кто не знавалъ васъ, въ тысячу разъ бѣднѣе того, кто о васъ сожалѣетъ. Такъ протекло для Урсулы счастливѣйшее время.

Но наступилъ день, когда Морицъ, входя въ маленькую гостиную, сказалъ своей невѣстѣ:

— Другъ мой, посѣшимъ нашею свадьбою; полкъ скоро смѣнится съ караула: намъ надо жениться, чтобъ тебѣ можно было ѣхать со мною.

— А мы далеко поѣдемъ, Морицъ!

— Что же, развѣ ты боишься, милая Урсула, видѣть новыя страны, другой уголокъ земли?

— Не за себя, Морицъ, но за моихъ родителей: они слишкомъ стары, чтобы пуститься въ дальній путь.

Морицъ стоялъ неподвижно передъ Урсурою. Хотя густой покровъ, налагаемый счастьемъ на глаза, не позволялъ Морицу размышлять, но онъ зналъ хорошо, что Урсула должна была разстаться съ своими родителями, для того чтобы раздѣлится съ нимъ его кочующую жизнь. Онъ предвидѣлъ ея горе, но, полагаясь на любовь, которую внушалъ къ себѣ, думалъ, что эта преданная любовь поможетъ осушить слезы, которыхъ не онъ причиною. Надобно было наконецъ объяснить Урсулѣ ея будущность. И Морицъ, грустный отъ неизбежнаго горя, которое принесетъ онъ своей невѣстѣ, взялъ ее за-руку, посадилъ на обыкновенное мѣсто, и сказалъ ей тихо:

— Другъ мой, твоему отцу и матери невозможно слѣдовать за нами въ нашей кочующей жизни!... До сихъ поръ, Урсула, мы любили и плакали вмѣстѣ; мы дѣлали изъ жизни мечту, не предлагая себѣ никакого вопроса о ея положительныхъ требованіяхъ. Пришла минута поговорить о нашей будущности. Другъ мой, я не имѣю состоянія, все мое богатство — мой шпага. Я только-что начинаю служить; жалованье мое состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ франковъ, что осуждаетъ насъ обоихъ на многія лишенія. Я надѣялся на твое мужество. Но ты одна должна за мною слѣдовать. Присутствіе твоихъ родителей вовлекло бы насъ въ неизбежную нищету; мы стали бы нуждаться въ кускѣ хлѣба!

— Покинуть батюшку и матушку! — воскликнула Урсула.

— Оставить ихъ съ тѣмъ, что они имѣютъ, въ этомъ домикѣ; поручи ихъ надежнымъ людямъ, а сама поспѣлуй за твоимъ мужемъ.

— Оставить батюшку и матушку!... — повторяла Урсула; такъ ты не знаешь, что для ихъ существованія недостаточно того, что они имѣютъ; что я работаю безъ ихъ вѣдома, для того чтобы платить за наемъ этого печальнаго жилища, что уже лѣтъ двадцать они окружены только моими попеченіями?

— Бѣдная моя Урсула, — продолжалъ Морицъ, — надобно покориться необходимости. Ты скрывала отъ нихъ потерю ихъ маленькаго состоянія, — пусть же теперь они узнаютъ объ этомъ, потому что это необходимо! Устрой ихъ жизнь такъ, какъ

позволяеть ихъ оставшееся имущество, оттого-что — увы! другъ мой, намъ нечего давать имъ.

— Бхать, не взявъ ихъ съ собой!... Это невозможно! Я говорю тебѣ, что должна для нихъ работать!

— Урсула, Урсула! — продолжалъ Морицъ, сжимая въ своихъ рукахъ руки бѣдной дѣвушки, — умоляю тебя, не предавайся порывамъ твоего великодушнаго сердца; подумай, разсмотри хорошенько. Мы не отказываемъ давать имъ, но намъ нечего дать. Мы можемъ жить только одни, и это еще потому, что ты и я имѣемъ довольно мужества для того, чтобы страдать.

— Я не могу ихъ оставить!... — возразила Урсула, съ сокрушеніемъ смотря на стариковъ, дремавшихъ въ своихъ креслахъ.

— Такъ ты не любишь меня, Урсула? — сказалъ Морицъ своей невѣстѣ.

Бѣдная дѣвушка отвѣчала однимъ потокомъ слезъ.

Морицъ долго еще пробылъ съ нею. Говорилъ ей сладостныя слова любви, разъ сто толковалъ ей о своемъ положеніи, увѣрялъ ее въ невозможности исполнить ея мечты, входилъ въ подробности будущаго существованія ея родителей, потомъ ушелъ, осыпавъ ее ласковыми именами. Она слушала его, не отвѣчая.

Урсула, оставшись одна, склонилась головою на руку, и просидѣла неподвижно нѣсколько часовъ сряду. Увы! позднее счастье, мелькнувшее въ ея жизни, улетало! Сладкія мечты, эти подруги молодости, такъ давно для нея уже не существовавшія, возвратились только съ тѣмъ, чтобы улетѣть снова! Забвеніе, молчаніе, темнота, опять овладѣли этимъ существомъ, которое лишь на минуту хотѣло-было оспорить у нихъ счастье! Такъ прошла ночь! Что произошло въ душѣ бѣдной дѣвушки? Это знаетъ одинъ Богъ. А она не открыла на землѣ никому....

При первыхъ лучахъ солнца, она вздрогнула, затворила окно, стоявшее открытымъ съ самаго вечера, и блѣдная, дрожащая отъ холода и волненія, взяла листъ бумаги, перо, и написала слѣдующее:

«Прощай, Морицъ!. Я остаюся съ батюшкой и матушкой. Они нуждаются въ моихъ попеченіяхъ и работъ. Оставить ихъ на старости, значило бы умертвить ихъ. Я одна остаюся у нихъ на свѣтъ! Сестра, при послѣднемъ вздоханіи, поручила ихъ мнѣ, и сказала: «до свиданія, Урсула!» Я бы не увидала ее, если бы не исполнила своей обязанности.

«Я очень любила тебя, и всегда буду любить! Отнынѣ жизнь моя будетъ лишь воспоминаніемъ о тебѣ. Ты былъ добръ, великодушенъ; но, увы! мы слишкомъ бѣдны, чтобы жениться. Я поняла это вчера....—Прощай!... Надо имѣть много мужества, чтобы написать это слово!... Надѣюсь, что жизнь твоя будетъ пріятна. Другая женщина, болѣе меня счастливая, будетъ любить тебя.... Въдь такъ легко любить тебя! Но-все таки не позабывай совершенно бѣдной Урсулы. Прощай, другъ мой! О! я знала, что не могу быть счастлива!

Урсула.»

Я сокращаю разсказъ. Урсула опять увидѣла Морица, меня. Но всѣ наши просьбы, мольбы были напрасны: она никакъ не хотѣла оставить своихъ родителей. «Я должна для нихъ работать!» говорила она. Тщетно, сдѣлавшись за нее эгоисткою, я говорила ей про любовь Морица, про ея собственное счастье. Тщетно съ нѣкоторою жестокостью, я напоминала про ея лѣта, про невозможность ожидать какой-нибудь переменны въ ея судьбѣ.... Она плакала, слушая меня, омочая слезами работу, которую не хотѣла прерывать. Потомъ, склонивши на грудь голову, повторила тихимъ голосомъ:

— Они умрутъ отъ этого; я должна для нихъ работать!

Она требовала отъ насъ, чтобы мы не говорили ея матери о томъ, что случилось. Тѣ, для которыхъ она жертвовала собою, не узнали объ этомъ никогда. Благовидная ложь скрыла отъ нихъ причину разрыва свадьбы ихъ дочери.... Урсула опять сидѣла на своемъ мѣстѣ подъ окномъ, опять принялась за вышиванье, работала безъ отдыха, неподвижная блѣдная, убитая горемъ.

Увы! Морицъ д'Эрваль имѣлъ одну изъ тѣхъ душъ, ко-

торыя полагають границы самой преданности, и не умѣють дѣлать возвышенных сумасбродствъ. Его сердце, такъ же, какъ и разумъ, допускало, что есть вещи невозможныя. Если бы свадьба Урсулы свершилась безъ препятствій, можетъ быть, до своего послѣдняго издыханія, она бы вѣрила въ *безграничность* любви своего мужа. Бываютъ привязанности, не допускающія затрудненій. Но явилось препятствіе, какъ роковое испытаніе, и показало ясно, даже самому Морицу, что его любовь имѣетъ предѣлы!

Мориць умолялъ, долго плакалъ, потомъ обидѣлся, вналь въ уныніе и—удалился.

Насталъ день, въ который Урсула, сидя подѣ окномъ, услышала издали полковую музыку, и тяжелые, мѣрные шаги раздались въ ушахъ ея. Это выходилъ полкъ, предшествуемый музыкою. Звукъ трубъ, какъ печальное прощаніе, раздались, и потомъ замолкли въ переулкѣ, въ которомъ жила Урсула. Она слушала съ трепетомъ. Музыка, сначала громкая и близкая отъ нея, вскорѣ стихла и удалилась. Потомъ издали, долеталъ до нея только одинъ неопредѣленный гулъ: потомъ, время отъ времени, вѣтеръ доносилъ какой-нибудь одинокій звукъ; потомъ, наконецъ, совершенное молчаніе наступило послѣ всѣхъ пѣсень, исчезавшихъ въ пространство. Послѣдняя надежда Урсулиной жизни, казалось, была соединена съ этими аккордами, раздававшимися издалика.... Она убѣгала, удалялась, угасала съ ними! Бѣдная дѣвушка уронила на колѣни шитье, и закрыла лице руками. Между ея палець пробилось нѣсколько слезъ. Она оставалась въ такомъ положеніи, покуда слышался шумъ шаговъ и полковая музыка; потомъ опять принялась за работу.... и принялась за нее на всю жизнь!

Съ тѣхъ поръ Урсула сдѣлалась еще блѣднѣе, молчаливѣе, неподвижнѣе прежняго. Эти новыя слезы увнесли за собою послѣдніе слѣды ея молодости и красоты. Она постарѣла въ нѣсколько дней. Теперь она ужъ никому не могла нравиться; но если бы и могла, такъ не захотѣла бы этого. «Все кон-

чено!» сказала она уже давно; и теперь она была права: точно, для неѣ все было кончено!

О Мориць д'Эрваль съ этихъ поръ не было никакого слуха. Урсула понравилась ему, какъ прелестная картина, грустное выраженіе которой тронуло его душу; отдаляясь, краски этой картины поблѣднѣли, потомъ исчезли. Онъ позабылъ!

Боже мой, какъ многое забывается въ этой жизни! Зачѣмъ небо, позволившее, чтобы столько людей забывали любовь отъ привычки видѣть себя вмѣстѣ, не позволило тѣмъ, которые находятся въ разлукѣ, долго оплакивать другъ друга? О, Боже! Какъ часто бываетъ тяжела жизнь, Тобою созданная!

Годъ спустя послѣ этихъ происшествій, мать Урсулы занемогла. Противъ ея болѣзни не было никакихъ средствъ; это сама жизнь улетала безъ потрясеній, безъ разрыва. Урсула сидѣла, молилась возлѣ кровати своей матери, потомъ приняла послѣдній вздохъ съ послѣднимъ ея благословіемъ.

— Теперь твоя очередь, Марса,—сказала Урсула;—матушка теперь возлѣ тебя! Приведи ее къ Богу!

Потомъ она встала на колѣни передъ старикомъ, который остался одинъ. Она надѣла на него черное платье, такъ онъ что онъ и не замѣтилъ этого; но на второй день, послѣ смерти бѣдной сѣпной, когда вынесли кресло, на которомъ сидѣла она столько лѣтъ возлѣ старика-мужа, старикъ обернулся къ пустому мѣсту и вскрикнулъ:

— Жена!

Урсула стала говорить, старалась развлечь его, но онъ повторялъ:

— Жена!

И двѣ слезы выкатились у него изъ глазъ. Вечеромъ принесли ему пищу; но онъ отвернулъ голову, и печальнымъ голосомъ, устремивъ глаза на пустое мѣсто, сказалъ опять:

— Жена!

Урсула, въ отчаяніи, пробовала все, что только могли изобрѣсть ея горе и любовь.... Старичекъ нагнулся къ тому мѣсту, гдѣ стояло кресло сѣпной, и, не принимая никакой

пищи, скрестивъ руки, смотрѣль на Урсулу, повторяя, какъ ребенокъ, который умоляетъ, чтобы получить, чего ему хочется:

— Жена!

Мѣсяць спустя, онъ умеръ.

Въ послѣднія минуты, когда призванный священникъ старался заставить его подумать о Богѣ, его Создателѣ, была минута, когда ему показалось, что умиравшій разумъ ожилъ, потому что старикъ скрестилъ руки, посмотрѣль на небо, и воскликнулъ въ послѣдній разъ: «жена!» какъ будто она пролетѣла надъ его головою.

Урсула, когда выносили изъ сѣраго домика гробъ ея отца, прошептала:

— Боже мой! я заслуживала, чтобы они пожгли еще нѣсколько времени.

И Урсула осталась одна навсегда.

Все это случилось уже много лѣтъ тому назадъ.

Я должна была оставить городъ.... оставить Урсулу. Я путешествовала, много событій одно за другимъ прошло въ моей жизни, не изгладивъ изъ моей памяти исторію бѣдной дѣвушки. Но Урсула, какъ и всѣ люди, разбитые горемъ, и отказывающіеся отъ всякаго утѣшенія, перестала ко мнѣ писать. Послѣ тщетныхъ усилій заставить ее плакать вмѣстѣ со мною, я потеряла ея слѣдъ.

Что съ нею сдѣлалось? Жива ли она? Умерла ли?

Увы! бѣдная дѣвушка никогда не была счастлива, — и я боюсь, что она еще жива!

А. П.

У ЧРЕЖДЕНІЕ ДЛѢ СТУДЕНТОВЪ

ЛАВРСКОЙ СЕМИНАРІИ,

*содержимыхъ коштомъ Платона, Митрополита Московскаго
и Калужскаго.*

1. Содержаться пяти студентамъ, изъ коихъ одинъ инспекторъ.

2. Всѣмъ имъ и будущимъ по нимъ именоваться по фамиліи—Платоновъ, какимъ прозваніемъ имъ писаться не только будучи въ Семинаріи, но и по выпускѣ изъ оной, въ какомъ бы они состояніи ни были.

3. Избираемымъ имъ быть отъ насъ, доколѣ мы будемъ въ живыхъ, а послѣ насъ избираемымъ имъ быть отъ Ректора и Префекта.

4. Всякой студентъ, желающій на сіе содержаніе опредѣлиться, долженъ дать подписку, что онъ не желаетъ вступить въ какое либо состояніе, какъ только въ духовное: и о семъ спрашивать ихъ каждый годъ, не перемѣнили ли своего намеренія; и ежели отмѣнили, то изъ сего содержанія немедленно исключить.

5. Свойство избираемыхъ должно быть непремѣнно, чтобъ они были отцевъ недостаточныхъ, но наилучшихъ нравовъ, ученія, понятія и прилежанія; притомъ троемъ изъ Риторики, одному изъ Философіи и одному изъ Богословія, который долженъ быть инспекторомъ.

6. Пищею, питьемъ и платьемъ довольствоваться всѣмъ одинаково безъ всякой одному отъ другаго отличности, и жить всѣмъ въ одной кельи, нарочно отъ насъ приготовленной.

7. На все содержаніе, то есть, на пищу, платье и обувь каждому полагается по 30 руб. въ годъ, и того на пятерыхъ 150 рублей.

8. Быть при нихъ истопнику, который долженъ быть изъ стариковъ, и на него полагается 15 р.: его должность приготовить пищу, вычистить платье, истопить, и содержать все въ опрятности и беречь все въ келіи.

9. На дрова и на свѣчи въ годъ полагается 15 рублей.

10. На бумагу и книги полагается въ годъ по 10 рублей, и сіи книги должны навсегда оставаться для будущихъ Студентовъ Платоновыхъ въ Семинаріи, и чрезъ нѣсколько лѣтъ можно завести не худую бібліотеку.

11. На посуду, на бѣлье для стола и на починку въ келіи полагается въ годъ по 10 рублей.

12. На все содержаніе по сему будетъ въ годъ на пять человекъ 200 руб. и сіи деньги всегда получать Лаврскому учрежденному Собору изъ Воспитательнаго Дома процентами съ положенной отъ насъ въ оной домъ вѣчно четырехъ тысячъ рублей суммы, втораго числа Августа.

13. Ежели паче чаянія, на которую статью будетъ нѣсколько назначеннаго числа денегъ недоставать, то дозвоительно по хозяйству, что отъ одной статьи будетъ оставаться, обращаться на другую, и сіе зависѣть будетъ отъ опекуна.

14. Опекунъ будетъ отъ насъ назначаемъ, а въ небытность нашу, отъ Ректора и Префекта, одинъ изъ лучшихъ учителей.

15. Опекуна должность есть смотрѣть надъ Студентами и надъ Инспекторомъ, все ли исправно какъ въ разсужденіи ученія, благо нравія, такъ содержанія, чистоты и опрятности, и для того посѣщать ихъ долженъ конечно хотя чрезъ день единожды.

16. Онъ же опекунъ содержитъ у себя деньги и выдаетъ Инспектору, что надлежитъ на содержаніе, и подъ его присмотромъ готовится пища, платье, получаютъ книги, дрова и прочее.

17. Онъ же опекунъ долженъ требовать отъ Инспектора записки въ расходъ.

18. Онъ же опекунъ долженъ намъ репортовать письменно о благосостояніи Студентовъ чрезъ два мѣсяца: а ежели будетъ какая неисправность, или кои изъ Студентовъ окажутся не хороши или въ ученіи, или въ нравахъ, представлять намъ.

19. Инспектора должность есть, смотрѣть надъ Студентами, чтобъ были они исправны въ должности, вели бы себя порядочно и опрятно, читать съ ними книги, и всякія затрудненія въ чтеніи, также и по школь объясненіями своимъ рѣшать, также смотрѣть за кельей, платьемъ и всѣмъ содержаніемъ, чтобъ было все порядочно и хозяйственно, и самому ему слушаться опекуна.

20. Студенты между собою должны всегда разговаривать или по-латыни или по-французски, или по-нѣмецки, кон тѣмъ языкамъ учатся.

21. Студенты не могутъ никогда въ дома къ отцамъ и сродникамъ отпускаемы быть, а дозволена можетъ быть имъ одна прогулка, но и то не болѣе, какъ единожды въ двѣ недѣли, съ дозволенія опекуна; но никогда нигдѣ кромѣ своей кельи не ночевать, и не отпускать никогда никуда одного, но или всѣхъ, или двухъ вмѣстѣ; а въ баню ходить чрезъ двѣ недѣли всѣмъ съ инспекторомъ.

22. Двое изъ студентовъ всегда должны обучаться Греческому языку, и на ономъ разговаривать.

23. Платье у всѣхъ одинаковое: казакины голубаго сукна съ заворотами синими, камзолъ, штаны, тулупъ покрытый и халать: казакины на два года съ выворотомъ, камзолъ и штаны на годъ, тулупъ съ овчинами на три года съ перетною покрывшею, и халать на годъ, шляпа на годъ, шапка на два года, и перчатки теплые на годъ.

24. По третямъ года долженъ опекунъ намъ представлять Студентовъ для осмотра.

25. Болѣе сего содержанія сіи студенты отъ Семнарінъ требовать и получать не должны.

26. Сія студенты по оковчаніи курса ученія, когда явятся достойными, обладеживаются отъ насъ хорошею протекціею, впрочемъ бывъ просвѣщены и благонравны, и сами собою стрѣются съ счастіемъ.

27. Никто сего учрежденія перемѣнить не долженъ; а желаемъ мы и молимъ Бога, чтобы оно цѣло и ненарушимо сохранялось навсегда, ибо наше намѣреніе ни къ чему клонится, какъ токмо подать помощь бѣднымъ, но благоуспѣшнымъ и благонравнымъ ученикамъ, церковь снабдитъ хорошими слушателями и изъявитъ нашу предъ Богомъ благодарность за преподанное намъ отъ Него свыше какое либо просвѣщеніе.

28. Сіе подлинное учрежденіе за рукою нашею хранитъ при дѣлахъ въ соборѣ, а копію за скрѣпною опекуна прибить на стѣнѣ въ кельи, гдѣ будутъ жить студенты.

Платонъ Митрополитъ Московскій и Архимандритъ Троицкія Лавры.

Москва.

1789 года Августа 21 дня

(Сообщено П. С. Казанскимъ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ, ПО ДРЕВНЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ, и пр. Пахмана. Москва, 1851. Стр. VI, 212, въ 8 д. л.

Это—разсужденіе на степень магистра, замѣчательное тѣмъ, что впервые вноситъ понятіе о родовомъ бытѣ въ сферу юриспруденціи, и притомъ, для рѣшенія вопросовъ права. Юридическая сторона разсужденія весьма удовлетворительна, заключая въ себѣ полное и ясное изложеніе судебныхъ доказательствъ, со временъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками до Уложенія. Особенно справедливость требуетъ сказать это о второй части сочиненія, гдѣ авторъ излагаётъ исторію судебныхъ доказательствъ въ послѣдніе два съ половиною вѣка до законодательства Царя Алексѣя Михайловича. Первой части повредилъ родовой бытъ, и повредилъ существенно. Пользуясь этимъ случаемъ, посмотримъ ближе и пристальнѣе на этотъ родовой бытъ, составляющій теперь предметъ многихъ споровъ и частыхъ нападокъ.

И, во-первыхъ, что такое родовой бытъ, по мнѣнію г. Пахмана? Вотъ картина, представленная авторомъ (*). *«Лѣтопись, изображала древнѣйшую жизнь Русскихъ Славянъ, представляетъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ племенъ, изъ коихъ каждое, съ принадлежащими къ нему родами, жило на своей землѣ, отдѣльно и независимо отъ другихъ племенъ,—живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ.»* Почти слово въ слово, по Нестору, и спорить тутъ невозможно. Дѣйствительно такъ жили древнѣйшіе Рус-

(*) Стр. 12.

скіе Славяне. Но былъ ли это родовой бытъ? Вотъ вопросъ. Далѣе г. Пахманъ говоритъ (*), что *отличительныя черты первоначальнаго родоваго быта суть: добродушіе, искренность, взаимное довѣріе*. Тутъ что-нибудь да не такъ. Это — золотой вѣкъ или какой-то золотой бытъ, о которомъ давно уже перестали говорить. Не даромъ и г. Пахманъ здѣсь не приводитъ словъ Нестора, въ доказательство своихъ словъ; не даромъ здѣсь къ понятію *родоваго быта* прибавляетъ онъ новое понятіе *первоначальнаго*, о которомъ прежде не говорилъ. Но послѣдуемъ за авторомъ. «*При такихъ условіяхъ, т. е. при общемъ добродушіи, искренности, взаимномъ довѣріи, нарушеніе правъ, обиды, споры, представляются явленіями весьма рѣдкими; а судебная расправа была столь же проста, какъ и расправа отца. Очевидно, что судебныхъ доказательствъ — бытъ не могло. Показаніе истца признается несомнѣнно вѣрнымъ. Значеніе (судебныхъ доказательствъ) можно отчасти приписать только очевиднымъ признакамъ нарушенія правъ.*» Противъ всего этого можно сдѣлать одно возраженіе: напрасно г. Пахманъ дробитъ эти слѣдствія описаннаго имъ первоначальнаго родоваго быта. *При сказанныхъ условіяхъ, просто, однимъ словомъ, не было нужды ни въ судѣ, ни въ расправѣ*. Но таковы ли дѣйствительныя условія и отличительныя черты родоваго быта, принятаго авторомъ за начало для его выводовъ? Кто это скажетъ теперь; кто рѣшится повторить? Какіе *отечественные изслѣдователи* (**) могли ввести въ такой грѣхъ или промахъ нашего автора? Понимаемый такимъ образомъ, родовой бытъ долженъ былъ отомстить автору, и испортить его весьма хорошее дѣло, въ самомъ началѣ.

Что же онъ такое, этотъ родовой бытъ? Прежде всего должно отличать *родовыя, родственныя отношенія* отъ родоваго быта. Отношенія родства, свойства — могутъ быть вездѣ, и должны быть повсюду и вѣчно. Но, сами по себѣ, эти от-

(*) Стр. 13.

(**) Стр. 2, строк. 6, 7, сверху.

вошенія не составляютъ родоваго быта. Родовыя отношенія суть естественныя связи, имѣющія мѣсто между отдѣльными лицами,—отношенія, которыя потомъ опредѣляются обычаями народа, законами государства, и входятъ въ составъ правъ и обязанностей. Также точно должно отличать родовой бытъ отъ жизни въ семьѣ и родѣ. Живемъ и мы, ктѣ въ семьѣ, ктѣ семейно; но нельзя сказать, чтобъ мы жили въ быту родовомъ. Современный бытъ Россіи, безъ сомнѣнія, есть бытъ государственный, хотя трудно представить себѣ у насъ когонибудь безъ семьи и рода. Не помнящимъ родства, въ наше время, достается вездѣ въ благоустроенныхъ обществахъ, и достается болѣе, чѣмъ древнимъ изгоямъ. Родовой бытъ справедливо противопоставляется у г. Пахмана общинному и государственному, и составляетъ, по мнѣнію автора, какъ бы первичную форму бытія Русскаго народа. Существованіе такого быта, который предшествовалъ, у древнѣйшихъ Русскихъ Славянъ, позднѣйшему политическому, доказывается у г. Пахмана выраженіями Нестора—*живяху каждо съ родомъ своимъ, володѣя родомъ своимъ*, и т. д. Если бы не было у Нестора о томъ ни одного слова, существованіе первичнаго быта у древнѣйшихъ Славянъ было бы дѣломъ рѣшительно безспорнымъ. Другой вопросъ, каковъ былъ тотъ бытъ древнѣйшихъ Славянъ, который описанъ Несторомъ въ выраженіяхъ, приводимыхъ г. Пахманомъ? Древнѣйшіе Русскіе Славяне Нестора уже составляли общества—извѣстныя племена; имѣли правителей—старѣйшинъ и князей; наконецъ, знали нѣкоторые законы—обычай, поровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидно, вѣдался судомъ и расправой. Можно ли такой бытъ назвать родовымъ?

Изъ сказаннаго видно, что понятіе о родовомъ бытѣ авторъ относитъ, болѣе или менѣе ясно, къ сферѣ науки о государственномъ правѣ, въ его историческомъ развитіи. Родовой бытъ изображается въ видѣ первой ступени общественности, въ видѣ зародыша и начала дальнѣйшаго политическаго развитія народа. Мы очень рады были, встрѣтивъ вопросъ о родовомъ бытѣ впервые на его мѣстѣ, въ юридическомъ сочиненіи, и, по праву, ожидали отъ автора кое-какихъ объясненій. Но г.

Пахманъ, на бѣду для своей собственной задачи, принялъ понятіе о родовомъ бытѣ на вѣру, какъ результатъ (*) изъ сочиненій историческаго содержанія, куда оно, естественно, вносится, какъ предполагаемый результатъ юридическихъ изслѣдованій. Дѣло осталось по прежнему нерѣшеннымъ и темнымъ.

Въ области права, родовой бытъ долженъ обозначать собою известную степень общественнаго существованія народа. Не то или другое лицо представляется въ родовомъ бытѣ, а цѣлый народъ известнаго періода исторіи характеризуется родовымъ бытомъ. Весь народъ Русскій, хоть бы напр., до пришествія Варяговъ, поконится въ родовомъ бытѣ. Какимъ же способомъ дойдемъ мы до понятія о народѣ, о чемъ-то цѣломъ и единомъ, представляя его въ то же время разбитымъ и разрозненнымъ, среди родовыхъ отношеній? Можно ли говорить тамъ о народной жизни, гдѣ нѣтъ ничего общаго въ частяхъ народа, кромѣ явленій, отрицающихъ общность семей, родовъ? Одно изъ двухъ: или, говоря о родовомъ бытѣ, вы должны отрицать общую жизнь народа, и представлять его отдѣльными небольшими группами семействъ: тогда нечего говорить о народѣ; тогда нѣтъ предмета для исторіи; тогда вы входите въ область совершенной темноты и хаоса. Или, говоря о родовомъ бытѣ, вы станете представлять себѣ общую жизнь известнаго народа, соединеннаго единствомъ языка, вѣрованій, обычаевъ: тогда родовой бытъ нельзя будетъ приравнивать къ жизни народа, и онъ останется выраженіемъ для существованія отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Соглашалась, что

(*) Г. Пахманъ дѣйствовалъ съ большою ловкостію, допуская въ свое сочиненіе такое понятіе о родовомъ бытѣ. Кто не замѣтитъ, изъ слѣдующихъ словъ, его недоверія къ этому родовому быту? *«Замѣчасмъ измѣненія въ системѣ доказательствъ, говоритъ авторъ, на 1 стр., но главныя начала не раскрываются опредѣлительно и т. п. Причина неопредѣленности, продолжаетъ онъ на 2 стр., независимо отъ того и другаго, скрывается, безъ сомнѣнія, въ характеръ всей нашей древней исторіи, какъ онъ понятъ отечественными изслѣдователями. Это — борьба элемента родоваго съ государственнымъ. Если такой взглядъ исторически вѣренъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что источникъ неопредѣленности долженъ скрываться въ борьбѣ означенныхъ началъ.»* Вотъ какъ объясняется выраженіе: *безъ сомнѣнія!*

нѣкогда родственная связь была единственнымъ основаніемъ для соединенія людей, мы однакожь ограничиваемъ дѣйствіе этого основанія естественнымъ человѣческимъ обществомъ — семьею, родомъ, и не можемъ допустить этого основанія для объясненія связи въ цѣломъ народѣ или даже въ племени. И племя уже не знаетъ и не чувствуетъ своего родства физическаго, которое необходимо, по чувству, подчиняетъ членовъ одному главѣ семейства.

Разсмотримъ, въ видѣ примѣра, бытъ Славянъ, описанный Несторомъ, и, обыкновенно, называемый родовымъ. Если бы дѣйствительно Славяне того времени жили бытомъ родовымъ, какъ попали бы въ описаніе Нестора — *языкъ Словенскій*, племена, имъ вычисляемыя, Полянъ, Древлянъ, Вятичей, Радимичей, — съ ихъ князьями, старыми, отчими обычаями, городами — Новгородомъ, Кіевомъ? Изъ родового быта, связаннаго одною кровію, однимъ родствомъ, нельзя вывести ни понятія о князѣ, ни нужды въ городѣ, ни возможности обычая, общаго для цѣлаго племени. Племя слишкомъ широко для того, чтобы сложиться и существовать на основаніи одного кровнаго союза. Оно ведетъ уже войны, беретъ въ плѣнъ, овладѣваетъ землею, и ее дѣлитъ, по извѣстнымъ понятіямъ о заслугахъ, доблести, силѣ и т. п. Племя заключаетъ въ себѣ множество родовъ, которые не равны и по своему положенію, качеству, и по своему составу, по числу семействъ. Чтѣ же соединитъ эти роды въ племенное единство? Племя цѣлые вѣки паростаетъ изъ родовъ, какъ роды изъ семействъ; какъ же члены этого племени сохранять живую память о своемъ родственномъ единствѣ? Племя расселяется на извѣстномъ значительномъ пространствѣ, занимая часто многія рѣчки, во всю длину, и многія земли, въ разныхъ направленіяхъ; гдѣ же тутъ доискиваться родства, и кто станетъ признавать его, при чужой бѣдѣ? Но Несторъ говоритъ о *родахъ*! Да, но когда? Во времена, которыхъ не опредѣляетъ годами, — во времена до-историческія. «Кій, Щекъ и Хоривъ — мужи мудри и смыслени — нарицахуел Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ — и эти-то Поляне, — родоначальники Полянъ, какъ пле-

мени, — Кій, Шекъ, Хоривъ, жили особъ и володѣли роды своими, какъ и другіе Поляне, отцы и дѣды этихъ трехъ братьевъ» (*). Послѣ того Несторъ уже описываетъ бытъ Славянъ племенной (**), когда они образовали особыя племена, съ особыми обычаями и норовами. Этотъ племенной бытъ не сообщалъ Славянамъ никакой силы, почему одни племена платили дань Хозарамъ, другія Варягамъ, пока не наполнилась ими *Русска земля* (***), и пока потомъ, при содѣйствіи Варяговъ, не образовался изъ нихъ одинъ сильный народъ (****), сперва грозный для Византіи, наконецъ занявшій у нея свое просвѣщеніе христіанскою вѣрою. Вотъ естественное теченіе разсказа Нестора. Началь онъ разсказомъ о родахъ, родовымъ бытомъ — бытомъ до-историческимъ; перешелъ къ разсказу о племенахъ—быту общинному, по городамъ и селамъ, и заключаетъ свое введеніе образованіемъ изъ племенъ одного Русскаго народа. Гдѣ же родовой бытъ? Ужели можно внести его въ исторію юриспруденціи?—Обращаемся къ Разсужденію г. Пахмана, и рассмотримъ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ родоваго быта для древнѣйшаго нашего права.

Для уясненія дѣла, предложимъ себѣ нѣсколько вопросовъ. Чѣмъ отличается родовой бытъ, какъ онъ понятъ г. Пахманомъ, отъ послѣдующихъ степеней развитія общественности? Извѣстно, что предметъ и содержаніе, которые опредѣляются бытомъ родовымъ, общиннымъ или государственнымъ, постоянно, въ каждомъ изъ нихъ, остаются тѣ же: земля и вообще предметы владѣнія; отношенія лицъ къ предметамъ владѣнія и между собою, по родству и кровн, по взаимному согласію и волю. Но, можетъ быть, начала, которыми опредѣляются эти предметы, будутъ измѣняться вмѣстѣ съ перемѣною быта? Весьма возможно; но эта перемѣна началъ не зависитъ отъ быта, а отъ причинъ, которыя производятъ перемѣны въ самомъ бытѣ. Напр.: пришествіе Варяговъ, введеніе Христі-

(*) Лавр. 4.

(**) Лавр. 5.

(***) Лавр. 7.

(****) Лавр. 8 и слѣд.

анства, нашествіе Монголовъ, безъ сомнѣнія, должны были измѣнить начала и убѣжденія Русн, но также точно, какъ и самый бытъ ея. Начала и убѣжденія народа касательно права собственности, личной свободы, семейныхъ отношеній, правдиваго суда и твердой расправы родятся и развиваются въ умѣ народа и его совѣсти или нравственности, и измѣняются только съ развитіемъ народнаго духа, а не быта. Но, можетъ быть, начальники и главы племенъ Славянскихъ, въ періодъ родоваго быта, могли имѣть вліяніе на эти начала и сообщали имъ особое свойство, по кровной связи своей съ членами рода? Опять нѣтъ, если мы будемъ принимать слова Нестора даже въ смыслъ г. Пахмана; ибо Несторъ говоритъ, что Славянскіе роды имѣли свои *обычаи* и разнаго рода *коровъ*, т. е. правила и начала, которыя стояли выше частнаго, личнаго произвола. — Не обращая вниманія на случайныя исключенія, мы должны предпологать, что старѣйшины и начальники судили и рядили, въ каждомъ родѣ, по этимъ обычаямъ. И, безъ сомнѣнія, ни одинъ князь не дозволилъ бы умыкать женъ, какъ князь Полнъ не дозволялъ, въ своемъ племени, умыкать дѣвицъ, по обычаю Древлянъ. Начальники итѣялись; родоначальники уступали мѣсто старѣйшинамъ; старѣйшины — князьямъ; но дѣла родовъ, вообще говоря, шли путемъ давнихъ обычаевъ.

Другими словами, родовой бытъ не могъ имѣть никакого вліянія на самыя начала юридической жизни; напротивъ, какъ первоначальная форма, онъ самъ зависѣлъ отъ свойства началъ и ихъ развитія. Выводить начала и установленія юридическія изъ этого быта весьма несправедливо, и даже опасно, какъ доказалъ своею работою г. Пахманъ. По его выводу, въ родовомъ быту, *истецъ пользовался полнымъ довѣріемъ*; стоило ему разинуть ротъ, дѣло рѣшалось въ его пользу; отвѣтчикъ былъ безотвѣтенъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ, весь смышленный народъ пошелъ бы въ истцы, и не стало бы отвѣтчиковъ. По выводу г. Пахмана, въ родовомъ быту, *признаки нарушенія права*, напр. изломанная, испорченная вещь, *были и доказательствами*. Разумѣется, и здѣсь бы смышленный

народъ нашелся, и сталъ бы ломать и портить свои дурныя вещи, и требовать у безответныхъ ответчиковъ вещей по-лучше и подороже. Родоначальники, старѣйшины, очевидно, судили и рядили зря. Да и за чѣмъ держали ихъ Славяне, при такой расправѣ родового быта?

Но, если начало Разсужденія неудачно, за то остальное достойно всѣхъ похвалъ, сказанныхъ словесно на диспутѣ, и напечатанныхъ. *Finis coronat opus. В. Л.*

Мы получили еще рецензію Разсужденія г. Пахмана, (въ сущности совершенно согласную съ выше-предложенною, которая, не смотря на свою краткость, обличаетъ знатока и мастера), и помѣщаемъ ее въ извлеченіи. Намъ особенно пріятно, что занимающіеся Русскою Исторіею начинаютъ, наконецъ, обнаруживать ясно свое мнѣніе о призракахъ родового быта и его насильственныхъ приложеніяхъ. До сихъ поръ мы слышали только Гг. Аксакова, Бѣляева, Шеппинга. Теперь подали голосъ В. Л. и г. Мстиславскій. Г. Катковъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ отозвался очень глухо. Будемъ надѣяться, что и всѣ скоро увидятъ въ такъ называемомъ родовомъ бытѣ одинъ только звукъ, пустое слово, а не историческій ключъ. Но жаль, что нѣсколько молодыхъ ученыхъ перепортили свои труды ни за что, ни про что. *М. П.*

.... Намъ кажется, говоритъ г. Мстиславскій, что авторъ, вопреки объявленія своего на стр. 2, не извлекалъ системы своей или теоріи изъ данныхъ явленій разсматриваемаго періода, а прилагалъ къ дѣлу готовую. Отчего иногда случается, что или данныя не отвѣчаютъ на вопросы, предлагаемые авторомъ, или отвѣты, приписываемые даннымъ, оказываются принадлежащими самому автору или извѣстной теоріи.

Что касается до перваго, то, признаемся, мы вовсе не понимаемъ, зачѣмъ означаются иногда особыми §§ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: о порядкѣ допроса свидѣтелей; о порядкѣ представленія и вызова свидѣтелей; о послѣдствіяхъ неявки?

и т. п. (стр. 62, 65). Если для того только, чтобъ имѣть право сказать, что о томъ или другомъ не находимъ никакихъ извѣстій въ памятникахъ даннаго періода (стр. 65), то, казалось бы, не стоило труда и задавать подобные вопросы. А между тѣмъ изъ-за нихъ выставляются иной разъ предположенія въ родъ слѣдующаго: «Не находя въ Русской Правдѣ ничего относительно судебныхъ поединковъ, мы не отрицаемъ того предположенія, что статьи о нихъ *утратились*, тѣмъ болѣе, что поединки могли у насъ существовать въ эпоху Русской Правды» (стр. 112). Помнится намъ, что г. Калачевъ выразилъ въ «Изслѣдованіяхъ» своихъ о Русской Правдѣ совершенно противоположное мнѣніе о полнотѣ статей Р. Правды. Оправдывая цѣль изданія своего текста Русской Правды на основаніи 50 списковъ, онъ далъ понять, между прочимъ, что если бы впоследствии и случилось открыть новые списки, то можно быть увѣреннымъ, что они не представляютъ ничего новаго относительно содержанія статей своихъ. Какъ согласить теперь два такія противоположныя мнѣнія? — Но положимъ, впрочемъ, что не оправдывается предположеніе г. Калачева; — наука отъ этого не въ убыткѣ: распространится кругъ понятій нашихъ о древнемъ Русскомъ правѣ, объяснятся хотя одно слово или выраженіе, не совсѣмъ удобопонятное изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ. А если не оправдывается ваше предположеніе?... то *во-первыхъ*... слово сказано будетъ даромъ, и *во-вторыхъ*... иной, пожалуй, воспользуется имъ, употребить по своему, оснуетъ новую теорію или систему, а пуще всего, будетъ ссылаться на вашъ авторитетъ, какъ напр. ссылаются же вы на *родовое начало*, какъ послѣднее слово новѣйшей науки, положенное, по точнымъ словамъ вашимъ, «въ основу вѣрнаго историческаго взгляда на всю нашу древнюю исторію» (стр. 4, 12)....

Но обратимся къ отвѣтамъ или *заключеніямъ*, извлекаемымъ, по словамъ автора, «изъ содержанія дошедшихъ до насъ юридическихъ памятниковъ» (стр. 2). Возьмемъ разсужденіе объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой, относимыхъ авторомъ къ т. н. *ордалямъ* или *судамъ Божиимъ*.

Изъ содержанія Русской Правды ясно всякому, кто только внимательно изучалъ этотъ памятникъ, что испытаніе *жельзомъ* и родственное ему испытаніе *водой* не могли принадлежать къ числу народныхъ судебныхъ обычаевъ въ древней Россіи, такъ какъ ими нарушается напр. естественная, логическая связь между послѣдними. Есть мнѣніе, принадлежащее Карамзину, и защищаемое, какъ извѣстно, другими учеными, что они заимствованы изъ Скандинавіи, особенно испытаніе *жельзомъ* (*judicium ferri*), относительно котораго въ Шведскихъ законахъ говорится: всѣ сомнительныя дѣла должны быть рѣшаемы *жельзомъ* и *судомъ Божиимъ*; кого огонь не сожжетъ, тотъ невиненъ, кого сожжетъ, тотъ преступникъ (*Стриг. de jure Sueonum*). Авторъ, уступая Скандинавскому вліянію внѣшнюю сторону этого обычая, относительно внутренней стороны не согласенъ съ означеннымъ мнѣніемъ, приписывая туземное происхожденіе у насъ этому *суду Божию*. На чемъ же авторъ основываетъ мнѣніе свое о туземномъ происхожденіи у насъ *ордалий*, иначе *судовъ Божіихъ* (*Gottesurtheile, Gottesgerichte, ordale, judicia Dei*)?... Послушаемъ самого автора.

«Есть мнѣніе, что *суды Божіи*, существовавшіе у насъ въ древнѣйшія времена, заимствованы нами отъ Германцевъ; но съ этимъ мнѣніемъ *нельзя согласиться*. Религіозное вѣрованіе, лежащее въ основаніи *судовъ Божіихъ*, есть вѣрованіе, свойственное каждому народу, каковы бы ни были его понятія о верховномъ существѣ. Кромѣ Германскихъ народовъ, они были извѣстны у древнихъ Грековъ; особенно были развиты *ордалий* у Индійцевъ, и освящены законами и постоянною судебною практикою; они были извѣстны у древнихъ Евреевъ, также въ Африкѣ,—въ Сенегамбін, Гвинее, въ Тибетѣ, Перу и т. д.» (стр. 66); и въ другомъ мѣстѣ: «о заимствованіи, какъ мы замѣтили выше (т. е. на стр. 66), *нельзя говорить относительно такихъ явленій* (говорится собственно объ испытаніи *жельзомъ* и *водой*), которыя повторяются у многихъ народовъ, разьединенныхъ между собой и временемъ и пространствомъ» (стр. 68).

Вотъ все, сказанное авторомъ въ огражденіе мнѣнія своего.

Ясно, что авторъ основываетъ мнѣніе свое о туземномъ происхожденіи у насъ ордалій и собственно испытаній водой и желѣзомъ на томъ, что они были въ обычаѣ у многихъ народовъ, или, пожалуй, имѣли туземное происхожденіе у Германцевъ, Грековъ, Индійцевъ и т. д.—Но развѣ то, что свойственно многимъ, обязательно для каждаго народа?... *Во-первыхъ* не логично, а *во-вторыхъ* ясно, что у автора теорія идетъ впереди дѣла. Что же касается до мнѣнія о господствѣ *суетвѣрія* и *грубыхъ заблужденій*, съ идеею копъ сопряжена у автора идея туземнаго происхожденія ордалій, какъ у многихъ народовъ, напр. Германскихъ, такъ и у насъ (стр. 3, 5), то должно согласиться, что мнѣніе это нуждается въ значительныхъ подкрѣпленіяхъ относительно Русскаго народа, напр. въ періодъ Русской Правды, такъ какъ оно имѣетъ прямыя улики противъ себя въ самой Правдѣ Русской.

Не опровергнувъ мнѣнія Карамзина и не утвердивъ своего, авторъ впадаетъ за тѣмъ въ новую ошибку, полагая, что испытаніямъ подвергался у насъ не одинъ отвѣтчикъ, но также *истецъ*, и обнаруживаетъ несостоятельность своей теоріи, основывая такое положеніе свое на слѣдующихъ словахъ статьи: «Искавшѣ ли послуха не налѣзуть, а *истца* начнетъ головою клепати: и *тому* дати правду желѣзо; такоже во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то *дати* ему желѣзо *изневоли*....» Подчеркнувъ, какъ мы видѣли, слова *истца*, *тому*, *изневоли* и т. д., авторъ пишетъ: «*Истецъ* подвергался испытаніямъ вообще при отсутствіи доказательствъ, которыя бы подтверждали справедливость иска или обвиненія, а именно: въ искахъ о смертоубійствѣ и о воровствѣ, когда не могъ представить свидѣтелей или подкрѣпить свой искъ другими доказательствами; въ этихъ случаяхъ онъ подвергался испытаніямъ противъ воли, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ: «искавшѣ ли послуха не налѣзуть...» и проч. (стр. 75). Но замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ подчеркнутыхъ словъ читаются по другимъ спискамъ совершенно иначе: такъ напр. вмѣсто слова *тому*, на которомъ въ особенности хочеть опереться мнѣніе автора,

полагающаго , что слово это относится къ истцу , въ Троицкомъ , какъ и во многихъ другихъ спискахъ , значитсѣ *имъ*: «искавшѣ ли послуха не нальзуть , а истця начнетъ головою клепати: тогда дати *имъ* правду желъзо...» (см. Текст. Р. Правд. , изд. Н. Калачева. стр. 7). Положимъ , авторъ вправъ не соглашаться напр. съ мнѣніемъ г. Дубенскаго , полагающаго , на основаніи чтенія *имъ* , что на желъзо должны были идти истецъ и отвѣтчикъ—оба , положимъ , вправъ даже потому , что , если бы , какъ говоритъ авторъ , подвергались испытанію и тотъ и другой , то никогда дѣла не могли бы рѣшаться , по свойству самаго испытанія , долженствовавшаго , по обыкновеннымъ законамъ природы , имѣть однѣ и тѣ же послѣдствія для обѣихъ сторонъ (стр. 75); но онъ не правъ противъ текста статьи , не обративъ никакого вниманія на слово *правду* , стоящее впереди желъза. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на это слово и принялъ въ соображеніе напр. замѣчаніе г. Калачева , что *правда* употреблялась у насъ также и въ смыслѣ суда , то онъ увидѣлъ бы , что выраженіе: «дати *имъ* правду желъзо» означаетъ не болѣе не менѣе , какъ: дать имъ *судъ* желъзо , т. е. разсудить ихъ—истца и отвѣтника посредствомъ желъза. А такъ какъ другое выраженіе: «тогда дати *ему* желъзо изъ неволи» получаетъ полное опредѣленіе свое въ статьѣ о *послусьхъ свободныхъ* (она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ) , въ которой ясно изображено , по чьему требованію и кому давалось желъзо,—то можно быть увѣреннымъ , что , если бы авторъ принялъ въ соображеніе совокупность всѣхъ этихъ словъ и выраженій,—онъ не заставилъ бы истца , въ доказательство справедливости иска своего , брать въ руки раскаленное желъзо , тѣмъ болѣе , что послѣдствія *желъзнаго* доказательства были , по собственнымъ словамъ автора , *одни и тѣ же*. — Впрочемъ , авторъ , кажется , и самъ чувствовалъ пеловкость такого объясненія своего , и чтобы облегчить ее , обращается къ слову: *изъ неволи* , говоря , что истецъ подвергался испытаніямъ противъ воли , когда не могъ представить свидѣтелей , или подкрѣпить свой искъ другими доказательствами. — Но какая

же, спрашивается, неволя могла настоять въ этомъ случаѣ истцу, когда искъ восходилъ отъ него, и онъ не могъ же не знать, какія потребны были доказательства въ томъ или другомъ случаѣ?—Не доказавъ положенія своего изъ Русской Правды, авторъ обращается къ Римскому праву, и говоритъ, что слово изъ *неволи* напоминаетъ Римское правило: *onus probandi incumbit ei qui agit*, и имѣетъ тотъ смыслъ, что истецъ, взводящій на кого-либо искъ или обвиненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергающій его ответственности и даже безчестию со стороны общества, не можетъ, при недостаткѣ доказательствъ, оставить свой искъ безъ окончанія, но долженъ, для подтвержденія его справедливости, по *неволю* подвергнуться одному изъ судовъ Божіихъ (стр. 98). Но мы уже имѣли случай замѣтить, что *неволи* въ собственномъ смыслѣ не могло настоять истцу, какъ не было никакой неволи возводить ему на кого-либо искъ или обвиненіе (*поклепъ*). А что до Римскаго правила, по которому тяжесть доказыванія лежала на истцѣ, — полагаемъ, такъ у Римлянъ, какъ и у прочихъ народовъ, — то должно согласиться, что между этимъ правиломъ и случаемъ испытанія отвѣтчика желѣзомъ такъ же мало общаго, какъ между обычными способами доказыванія — по Русской Правдѣ — и необычайнымъ доказательствомъ — желѣзомъ, которое не иначе было понимаемо Русскою Правдой, какъ въ образъ истинной муки: «А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому: то ти желѣзныи урокъ, кто си въ чемъ емлетъ. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людий рѣчи, либо ли запа нань будетъ, либо прохоженше ношное, или кимъ либо образомъ аже не ожжется, то про муки не платити ему; но едино желѣзное кто и будетъ яль» (*); или другая статья: «Ты тяжъ всѣ судяль послухи свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ и емѣти и на желѣзо; аже обвинити и, то емлетъ

(*) См. «Текст. Р. Правд.» изд. Н. Калачева, 1846 г., стр. 16.

на немъ свое, не обвинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопыи рѣчи ялъ и» (*). Изъ послѣдней статьи, носящей, по нѣкоторымъ спискамъ, название «о свободныхъ послусъхъ», авторъ можетъ усмотрѣть ясно, что *неволя* идти на желѣзо настояла *обвиняемому*, т. е. отвѣтчику, а зависѣла она отъ *хотѣнія*: «по оже хочеть истець или иметь и...» и т. д...

Предложимъ теперь нѣсколько замѣтокъ собственно историческихъ, имѣя въ виду показать вообще неудобоприложимость готовыхъ теорій, даже самыхъ лучшихъ, къ нашей древней исторіи. Коснувшись *жельзнаго урока*, т. е. пошлины, платимыхъ цтцемъ при употребленіи въ качествѣ судебного доказательства—*жельза*, авторъ говоритъ, что 40 кунъ платились князю, 5 кунъ мечнику и полгривны дѣтскому (стр. 80). Полагаемъ: 40 кунъ платились *судіямъ*, а не князю, въ пользу котораго шли вируы и продажи. — Приводя на стр. 28 слова лѣтописца: «имяху бо обычан свои, и законъ отецъ своихъ и преданья», авторъ замѣчаетъ, что здѣсь слово «законъ» имѣеть также значеніе нравовъ, обычаевъ, а, можетъ быть, въ особенности значеніе правилъ вѣры. Отвѣчаемъ: предположеній можно дѣлать сколько угодно; но *здѣсь* они бесполезны, потому что многое изъ того, что лѣтописецъ называетъ «закономъ отецъ своихъ и преданьями», живетъ доселѣ въ разнообразныхъ выраженіяхъ и оборотахъ Русской Правды, отличныхъ по своему складу отъ обыкновенной рѣчи, и которые, безъ всякаго сомнѣнія, прежде нежели получили письменную форму памятника, имѣли живую форму народныхъ пословицъ или притчей, вообще—*преданій*, что и утверждаетъ лѣтописецъ. — Относительно *дѣтскаго* авторъ выставляетъ замѣчаніе г. Куницына, что онъ имѣлъ значеніе полицейскаго служителя,—и свое собственное, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ лицо, облеченное судебною властію (стр. 80). Отвѣчаемъ: дѣтскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; а если бы авторъ объяснилъ настоящее значеніе этого лица и сопровивоствоявшаго ему на судъ меч-

(*) См. тамъ же.

ника; то можно быть увѣреннымъ, что онъ не сказалъ бы, что у насъ до XV вѣка не было никакого различія между формами судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, а увидѣлъ бы существованіе той и другой формы и, можетъ быть, не одной *формы*—еще въ періодъ Русской Правды,—потому что судъ о *головѣ* производился, по Русской Правдѣ, въ присутствіи не однихъ судей, но также мечника и дѣтскаго отрока, между тѣмъ какъ дѣла не уголовныя разсматривались одними судьями, исключая случай испытанія отвѣтчика посредствомъ *жельза*, въ каковомъ случаѣ также требовалось присутствіе того и другаго. — Авторъ относитъ *присягу* къ ордалямъ или судамъ Божіимъ (стр. 24, 81); а мы думаемъ, что судъ совѣсти есть одинъ изъ первыхъ, и несомнѣнное доказательство существованія у насъ такого суда, въ періодъ Правды, видимъ въ статьѣ объ *урокахъ ротныхъ*, отличныхъ по своему содержанию вообще отъ *уроковъ судебныхныхъ*, и въ частности отъ *уроковъ вирныхъ* и отъ *жельзнаго урока*.

Мы коснулись только нѣкоторыхъ, и то болѣе теоретическихкихъ, положеній автора, какъ несомнѣстныхъ съ современнымъ состояніемъ историческихкихъ наукъ у насъ, требующихъ основательнаго, критическаго изученія памятниковъ, давно уже опередившихъ недалекій взглядъ заемныхъ теорій; что же касается до этой существенной, матеріальной стороны, то за добросовѣстное и отчетливое изложеніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ сочиненія автора, нельзя не отдать ему полной справедливости.

В. М—iii.

Указаніе для производства уголовныхъ слѣдствій,
Сост. Н. Калайдовичъ. Изд. 2-е. Спб. 1850. Стр. 166. въ 12 д.

Москвитянинъ еще въ 1849 году высказалъ свое мнѣніе объ этой книгѣ, и второе изданіе служитъ доказательствомъ, что у насъ существуетъ потребность въ такихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ заключаются практическія замѣчанія о приложеніи законовъ. Новое изданіе сдѣлано безъ всякой перемѣны. Статья о формальномъ слѣдствіи по прежнему

не полна. Мы бы желали видѣть въ книгѣ г. Калайдовича побольше такихъ очерковъ, какъ очеркъ горлана-крестьянина; потомъ, какъ забыть нашихъ деревенскихъ бабъ.... Дайте намъ описаніе всѣхъ особенностей деревенскаго быта: это много облегчитъ молодого слѣдователя, незнакомаго съ жизнью, только что окончившаго свое ученіе, а для такихъ именно и назначена книга г. Калайдовича.

Накалакевскій тѣплый минеральный источникъ въ Мингреліи. Изд. Д-ръ С. Плешковскій. Тифлисъ. 1851.

Тамъ, гдѣ бьетъ этотъ цѣлительный ключъ, на берегу рѣки Техуры, въ гористой мѣстности, разстояніемъ отъ Кутаиса 40 верстъ, въ древности находилась столица Колхидскихъ царей. Мѣстные жители пользовались имъ издавна; но неудобства пути и недостатокъ помѣщенія были причиною, что изъ другихъ мѣстъ большыя рѣдко являлись сюда. Въ настоящее время этихъ препятствій почти не существуетъ: по распоряженію владѣтеля Мингреліи, Князя Д. Д. Дадіана, устроена, въ прошломъ году, каменная стѣна для воспрепятствованія затопленію источника при наводненіи рѣки Техуры; вскорѣ будетъ построены купальный домъ съ ваннами и пріютное помѣщеніе для посѣтителей; обращено вниманіе на удобство въ доставленіи продовольствія большимъ пріѣзжимъ; доступъ верховой ѣзды къ источнику облегченъ исправленіемъ ведущей къ нему дороги; ближайшая окрестность очищена. Словомъ, не достаетъ общества, газетъ, танцевальной залы да оркестра музыки, чтобы Накалакевскому источнику стать на ряду съ какою-нибудь минераль-водною знаменитостію, потому что цѣлебная сила его во многихъ болѣзняхъ, на основаніи химическаго разложенія воды, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И такъ, во здравіе пейте Накалакевскую воду всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а касательно комфорта не заботьтесь слишкомъ: комфортъ — понятіе условное; иной ѣдетъ за границу лечиться и беретъ съ собой своего повара, опасаясь, что иностранные метрдотели не угодятъ на его большой вкусъ; а иному чашка молока, свѣжій воздухъ да ясная погода на сердцѣ — болѣе ничего и не нужно, и весь тутъ комфортъ.

Кромѣ Накалакевскаго минеральнаго источника, въ этой же брошюрѣ описанъ Рачинскій кислородный ключъ, столь же полезительный въ разныхъ ведугахъ. Самая брошюра издана съ доброю цѣлю: въ пользу учебнаго заведенія Св. Нины въ Кутаисѣ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ практически согласованный съ арміею. Перев. съ Нѣм. Генераль-Маіоръ *Стефанъ*. Спб. 1850. стр. 140, въ 8 д. л.

Подлинникъ этого сочиненія принадлежитъ Австрійскому Полковнику Штрениеру, и считается классическимъ въ военной литературѣ. Сокративъ его въ нѣкоторыхъ частяхъ, переводчикъ прибавилъ къ нему нѣсколько своихъ примѣчаній, такъ что вся книга состоитъ изъ введенія и 6 главъ. Въ введеніи разсматривается вопросъ объ отношеніи адъютантской части (дежурства) къ Генеральному Штабу, и развивается афоризмъ: «единство—душа арміи», взятый эпиграфомъ для сочиненія. Въ слѣдующихъ 6 главахъ разсматриваются: училище Генеральнаго Штаба; нравственныя и физическія качества, науки и свѣдѣнія, необходимыя для офицеровъ; служба Генеральнаго Штаба въ мирное время и на войнѣ. — Замѣтимъ еще, что сочиненіе это первоначально было напечатано въ Военномъ Журналѣ (за прошлый годъ)—превосходномъ изданіи, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстно нашей публикѣ. К.

Библиотека для чтенія, 1851 года, NN 4-й и 5-й.
Апрѣль и Май.

Въ отдѣлѣ Русской Словесности этихъ двухъ книжекъ помѣщены: *Notturmo*, стихотвореніе *Н. Щербины*; *Мачиха*, повѣсть *Лейлы*, части первая и вторая, *Двѣ доли*, повѣсть *Анны Гернеръ* и наконецъ *Амальфи и Пиза*, замѣтки туриста, *П. Яковлева*. — Разберемъ ихъ по порядку. *Notturmo* *Н. Щербины* какъ-то мало останавливаетъ на себѣ вниманіе. Пока читаешь его, замѣчаешь и хорошій стихъ и нѣкоторыя картины, напоминающія знакомыя намъ всѣмъ явленія въ природѣ, но по прочтеніи не остается того цѣлаго впечатлѣнія, которое даетъ особую цѣну лирическимъ стихотвореніямъ. — Одно изъ самыхъ дорогихъ свойствъ поэтическихъ произведеній этого рода, состоитъ въ томъ, что продолженіе ихъ условливается вложеннымъ содержаніемъ, — читатель чувствуетъ, какъ вмѣстѣ съ послѣднимъ стихомъ исчерпывается совершенно идея, породившая стихотвореніе, и отходитъ совершенно удовлетвореннымъ, приобретае не простой наборъ, положимъ, пріятныхъ ощущеній, но нѣчто такъ твердо слитое, что оно безъ всякаго труда сохраняется въ его душѣ, не смотря на то, что поэтъ былъ *повидимому* совершенно произволенъ сочетать такія или иныя

ощущения въ своемъ стихотвореніи.... Вотъ именно этого нѣтъ въ *Notturmo Г. Щербинь*; правда, оно довольно естественно состоитъ изъ двухъ половинокъ, изъ которыхъ въ первой набросано нѣсколько очерковъ вечерней природы, во второй изображено нѣсколько личныхъ ощущеній поэта, есть вѣрная и очень понятная связь между этими двумя половинами; но очень можно бы продолжить нѣсколько болѣе какъ первую, такъ и вторую половины, разумѣется, не измѣняя общаго тона стихотворенія, и оно не только не потеряло бы, но обогатилось бы прибавленіями, имѣющими такое же достоинство, какъ и все остальное; понятно, что не можетъ быть органическаго единства въ такомъ произведеніи, котораго части не стоятъ въ неизмѣнной пропорціи съ цѣлымъ, а между тѣмъ безъ этой органической связи лирическое стихотвореніе всегда имѣетъ видъ какъ будто недоошеннаго, преждевременно родившагося на свѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ сочиненнаго, произвольнаго, близкаго къ простому стихотворству. — Впрочемъ все высказанное нами не можетъ быть отнесено прямо къ Н. Щербинѣ уже и потому, что стихотвореніе его, по поводу котораго пришли намъ въ голову высказанныя мысли, во-первыхъ все-таки недурно, а во 2-хъ подписано 1845-мъ годомъ, слѣдов. принадлежитъ къ ранней дѣятельности этого поэта, послѣ которой мы имѣемъ его же *Греческія стихотворенія*. Переходимъ къ прозѣ и именно къ *Мачизъ* — повѣсти Лейлы.

Странныя вещи совершаются на свѣтъ. Кто изъ насъ не помнитъ того времени, когда Библіотека для чтенія такъ ловко и остроумно издѣвалась надъ плохими произведеніями Русской Литературы, когда все, что ни было смѣшнаго и страшнаго въ печати, вдвое страннѣе и смѣшнѣе являлось подъ искусною рукою ея критика, и одинъ уже видъ цвѣтной обертки этого журнала вызывалъ на уста улыбку — предтечу будущаго, неистощимаго смѣха. Доставалось же тогда (и по дѣломъ) всѣмъ непризваннымъ поэтамъ, романистамъ, драматургамъ и проч. И какъ весело дѣлалось все это: какъ пчела, умѣющая, говорить, извлекать медъ и изъ лдовитыхъ растѣній, Библіотека для чтенія владела потерянными въ наше время даромъ, воспользоваться самымъ плохимъ собраніемъ стихотвореній, самую безобразною повѣстью, для того, чтобы доставить несомнѣнное удовольствіе своимъ читателямъ. Изчезло безвозвратно это веселье, легкое время, какъ-то тяжело стали наши критики, и уклонившись отъ своей прямой обязанности занимать публику, стали сердито и коротко отзываться о такихъ произведеніяхъ. Изрѣдка только появится въ какомъ-нибудь журналѣ легкая и игривая

статья по поводу какого-нибудь плохого изданія, но уже и въ самихъ читателяхъ не встрѣчаетъ она такого радушнаго и лестнаго приѣма, какъ бывало прежде. Конечно, можно, пожалуй, утѣшиться мыслью, что потребности публики стали лучше, что сама критика сдѣлалась серьезнѣе; но сколько ни разумѣе всякое настоящее въ сравненіи съ прошлымъ, всегда есть въ этомъ послѣднемъ что-нибудь такое, о чемъ пожалѣешь невольно. Вотъ передъ нами двѣ части повѣсти, помѣщенной въ Библиотекѣ для чтенія. Весело подумать, что бы сдѣлала съ ними прежде сама же Библиотека для чтенія, къ какому длинному ряду милыхъ и веселыхъ шутокъ подала бы она поводъ рецензенту, что бы смѣху было читателямъ. И вотъ именно такая *удобная для критики* повѣсть лежитъ передъ нами, а между тѣмъ какъ-то угрюмо смотришь на нее и нѣтъ никакой охоты шутить. Да и какъ впрочемъ не едѣлаться угрюмымъ, когда, по обязанности рецензента, прочтешь почти 120 страницъ самой странной и неловкой болтовни, не встрѣтивъ въ этой сухой и бесплодной степи ни одного мѣста, на которомъ бы отдохнуло вниманіе, ни одного живаго образа, ни одной свѣтлой мысли... Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ частяхъ *Мачихи* нѣтъ даже содержанія, потому что ничего не происходитъ. Передъ глазами читателя бранятся только постоянно двѣ молодыя женщины, и бранятся самымъ страннымъ образомъ,—Почти единственно въ этомъ состоитъ вся первая часть, только во второй начинается нѣчто, какъ будто похожее на завязку, есть нѣкоторое столкновеніе, изъ котораго могло бы что-нибудь выйти,—выйдетъ ли, это другой вопросъ.—Но если въ *Мачихѣ* нѣтъ никакихъ достоинствъ положительныхъ, то есть очень много претензій, выражающихся то въ попыткахъ на оригинальныя мысли, то въ сочиненіи новыхъ словъ, то въ изображеніи какихъ-то странныхъ отношеній между двумя молодыми женщинами, въ чемъ авторъ, вѣроятно, видитъ откровенное представленіе дѣйствительности, но что очень близко граничитъ съ цинизмомъ. Постараемся подтвердить сказанное выписками.

Къ претензіямъ на оригинальныя мысли мы причисляемъ слѣдующія: «Въ этихъ тряпкахъ (нарядахъ); которымъ многіе стараются оказывать презрѣніе, заключается болѣе высокихъ тайнъ природы, болѣе *элементовъ гуманности*(?), болѣе мудрости, нежели какъ воображаютъ философы! (стр. 83)» «У мужчинъ вмѣсто нервовъ канаты (стр. 123). Мужчину стоитъ только взбѣсить порядочно—тогда онъ весь вашъ—нѣмень, покорень, преданъ, любить безъ памяти. Это опытомъ доказано, (стр. 86). «я другія, которыя скучно перепечатывать.

Къ новымъ или страннымъ словамъ и фразамъ принадлежатъ слѣдующія: произвольство, желательство, громоразразительное положеніе, выглядѣть, пожарное выраженіе зора, сугубо (въ устахъ малоденькой дѣвочки), отвѣчать съ Африканскою сухостью, врачиха (женскій родъ отъ врачъ); я готова *клясться*, если увижу, что я неправа (слова опять таки молодой дѣвушки).

Но всего болѣе въ этой повѣсти такихъ фразъ, которыя мы назвали выше циническими. Какъ иначе отозваться о слѣдующихъ выраженіяхъ, вложенныхъ въ уста восемнадцатилѣтней дѣвушки въ разговорахъ ея съ мачихою, почти ровестницею. «Хорошо вамъ представляться благородною, вы ужь были замужемъ, а мнѣ-то каково; я знаю, зачѣмъ вамъ *приспичило* скорѣй въ деревню; я давно примѣтила, что вы хотите прибрать его (жениха) къ рукамъ.—Но довольно, замѣтите, что все это говорится дѣвушкою, которую самъ авторъ называетъ умною и хорошо образованною. Читатели, можетъ быть, посѣгуютъ на то, что мы такъ долго останавливали вниманіе ихъ на такомъ *странномъ* произведеніи, какъ *Мачиха*.—Но что же дѣлать иначе, какъ не приводить иногда въ совершенную ясность достоинства повѣстей, печатаемыхъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ. Позволительно, конечно, напечатать иногда и не вполне хорошую повѣсть, если ужь на нихъ очень сильно требованіе, но вѣдь всему же есть мѣра или, какъ это еще сильнѣе говорится по Латини: *est modus in rebus*.

Любопытна также и другая повѣсть, помѣщенная въ Апрельской книжкѣ Библиотеки для чтенія. Она называется *Дѣвѣ доли*, и написана *Аншою Гернеръ*. Мысль этой повѣсти, сколько мы могли понять, заключается въ томъ, что одна мать была несчастлива, а дочь ея счастлива,—отсюда объясняется и названіе повѣсти. — Конечно задуматься можно и надъ такимъ явленіемъ въ жизни, но сдѣлать изъ него повѣсть нѣтъ никакой возможности. Характеры матери и дочери не только не обрисованы вѣрно, но даже почти совсѣмъ не тронуты. Впрочемъ въ этой повѣсти по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ претензій, и потому она все-таки лучше первой.

Амальфи и Пиза. Замѣтки туриста, В. Яковлева. Замѣтки эти написаны живо и читаются съ удовольствіемъ.—Конечно, въ нихъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, никакихъ результатовъ внимательнаго изученія страны и ея жителей; авторъ бѣгло описываетъ свои впечатлѣнія; пробудятся въ немъ историческія воспоминанія, онъ останавливается на нихъ; поразить его картинная мѣстность — онъ рисуетъ ее, съ такою же охотою и такъ же интересно умѣетъ онъ рассказать ка-

кую-нибудь встрѣчу въ горахъ , тарантеллу , прогулку по морю. Если бы не лежала на всѣхъ этихъ замѣткахъ печать нѣкоторой неумѣренной восторженности и наклонности къ оригинальнымъ и живымъ оборотамъ, иногда какъ будто искусственнымъ, то они представляли бы очень пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ есть много мѣстъ, которыя по живости и картинности изложенія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Къ такимъ принадлежитъ напр. ночь въ галереяхъ Campo-Santo, которую мы выписываемъ, чтобы познакомить читателей съ манерою рассказчика.

«Съ утра я брожу по этому кладбищу, превратившемуся въ музей; потомъ отдыхаю на мраморной скамьѣ, противъ собора. Городской шумъ сюда не долетаетъ. Площадь пустынна; трава ея желтѣетъ подъ лѣтними лучами, но не помята: разнузданные кони рѣзвятся здѣсь какъ въ степи. Но приходите сюда въ часы сумрака при звѣздномъ мерцаніи, смотря на громадныя памятники Пизы, вы невольно отступаете отъ чудесной башни, которая уже рушится... Одиннадцать часовъ било на башнѣ, когда я постучался у входа въ Campo-Santo. Солнечный ключарь принялъ меня въ сумрачныя галереи, снова замкнулъ дверь и точно ночной призракъ улегся въ порожній гранитный саркофагъ, въ которомъ четыре тысячи лѣтъ покоилась какая-нибудь Фивскія мумія... Я остался одинъ посреди безмолвнаго и пустыннаго кладбища... во какого кладбища? Это дворецъ мертвыхъ, украшенный мраморными аркадами, расписанный фресками, благоухающій кипарисами. При пѣжномъ свѣтѣ лунной тосканской ночи, Campo-Santo является во всемъ своемъ таинственномъ великолѣпнн. Полуразбитые мраморные остатки древняго искусства, кажутся сейчасъ вышедшими изъ-подъ рѣзца ваятеля. Бюсты, статуи, группы оживляются, точно блѣдные призраки, вышедшіе изъ могилъ: на каждомъ шагу вы встрѣчаете опустѣвшіе саркофаги. Вдоль стѣнъ, между гробницами, гдѣ поутру вы видѣли одни блѣдыя фрески, при лунномъ полусвѣтѣ толпится безконечный рой тѣней, одушевленныхъ, — но жизнью не земною. Даже это странное смѣшеніе католическихъ памятниковъ съ остатками языческой древности, поражавшее васъ днемъ, теперь едва замѣтно. — Между тѣмъ какъ средневѣковыя картины представляютъ вамъ мирныя сцены пустыннической жизни; — на античныхъ барельефахъ продолжаются языческія празднества; надъ готической гробницей вы замѣчаете пляшущихъ грацій; подъ трагическими сценами фресокъ Органьи, видите сфинкса, съ его Египетскимъ спокойствіемъ; надъ гробомъ Гибелина — колонну съ мусульманской чалмой, подъ урной, обвитой гирляндой Ванка — прахъ ревностнаго

католика; наконецъ, между всѣми этими гробницами, Campo-Santo приютило фронтисписъ каплица Діаны. — Ночь длится въ бесѣдѣ съ призраками. Сквозь мраморные узоры аркадъ виднѣется темная лазурь ночи и сверкающія звѣзды. Кипарисы неподвижны; изъ кустарника, покрывающаго Campo-Santo, золотистыми роями вылетаютъ живыя искры. Но что за мелодическій ропотъ возникаетъ подъ портьяками?... Это вѣтеръ блуждаетъ по готической колоннадѣ. Вотъ снова мнѣ слышится заглушенный стонъ, какъ будто изъ глубины могильной.... Это отдаленный шумъ моря.»

Такъ-же живо и почти такъ же удачно написано все это путешествіе, котораго продолженіе мы встрѣтили бы съ большимъ удовольствіемъ.

Въ отдѣлѣ иностранной словесности помѣщены четвертая и пятая часть *Шерли*; но такъ какъ этотъ романъ еще не конченъ, то мы не будемъ пока говорить о немъ. И потому переходимъ къ отдѣлу наукъ и художествъ.

Приключенія Пладиіи, эпизодъ изъ 5-го столѣтія, статья Амедея Тьерри. Это простая и трогательная исторія дочери Θεодосіа Великаго и супруги варвара Атаульфа, вышедшей за него по любви, потомъ овдовѣвшей и принужденной выйти за римлянина Констанція. Около этой Пладиіи группируются нѣсколько другихъ лицъ, и изъ всего этого выходитъ довольно живая картина. Авторъ излагаетъ «приключенія Пладиіи, списывая почти слово въ слово тогдашнія хроники, самыя сухія и неудобопонятныя изъ всѣхъ историческихъ лѣтописей. Но сама эта эпоха, говоритъ онъ, полна повзій. Она оживляетъ въ памяти историка малѣйшія подробности великаго переворота, происшедшаго въ обществѣ 5-го столѣтія, когда варварство смѣшалось съ утонченною образованностью и произвело невѣроятную смѣсь сословій, породъ, государствъ и міровъ.

Таковы были приключенія дочери Θεодосіа Великаго, — такъ заключаетъ авторъ свой рассказъ, — жившей въ пятомъ столѣтіи въ Галліи, и оставившей тамъ воспоминаніе о своей любопытной судьбѣ. Долго еще посѣщали, въ Нарбоннѣ, домъ Ингенуя; долго рассказывали, по преданіямъ, объ этой любви, возникшей посреди убійствъ, вздоховъ, заглушаемыхъ шумомъ, сопровождающимъ разрушенія міра. Эти рассказы переходили изъ роду въ родъ, были прикрашены и мало-по-малу превратились въ повѣсти о странствующихъ, принцессахъ, о красавицахъ, завоеванныхъ съ мечемъ въ рукахъ, укрощающихъ свирѣпыхъ побѣдителей, и для которыхъ приданое собирается грабежемъ королевствъ. Здѣсь-то, а не въ исторіи Меровинговъ или Карловни-

говъ, надобно искать источника этихъ сказокъ, сочиненныхъ въ средніе вѣка, и усладившихъ досуги нашихъ прабабушекъ; и въ простыхъ историческихъ происшествіяхъ можно найти начало оригинальнѣйшихъ вымысловъ народной поэзіи.

Нельзя не поблагодарить редакцію Биб. для Чт. за переводъ этого интереснаго разсказа.

Музыка и виртуозы (разговоръ между любителемъ пѣнія, скрипачемъ солистомъ и капельмейстеромъ). Сочинитель этого разговора Г. А. Стровъ вздумалъ возобновить въ нашей литературѣ діалогическую форму, которую мы считали уже погибшею, и, разумѣется, долженъ былъ подчиниться законамъ, существующимъ для этого метода изложенія, т. е. вывести одного *Здравомысла* (въ настоящемъ случаѣ капельмейстера), и одного или двухъ другихъ, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы задирать Здравомысла своими промахами и вызывать его на произнесеніе безъ апелляціонныхъ положеній. — Споръ происходитъ о преимуществахъ вокальной музыки предъ инструментальною, но здѣсь же говорится и о *виртуозахъ* и о *концертантномъ стилѣ*, и о *скромности*, необходимомъ свойствѣ виртуозовъ, и о многомъ другомъ. — Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что довольно скучно читать подобные разговоры, и что простая статья объ этомъ же предметѣ, конечно, потребовала бы болѣе серьезной и внимательной отдѣлки, но за то и сама была бы интереснѣе. Это о формѣ; что же касается до содержанія этой статьи, то судить о немъ уже дѣло музыкантовъ.

Къ очень интереснымъ статьямъ въ этомъ отдѣлѣ Библиотеки для Чтенія принадлежитъ также «Путешествіе и труды Августа Лейарда въ древней Ассиріи и открытіе памятниковъ Ниневіи, статья третья». Картина страны, еще не успѣвшей оправиться отъ хищническаго набѣга Курдовъ и ожидавшей въ страхѣ новаго нападенія, представлена очень живо. Приемы, дѣланые путешественникамъ въ различныхъ селеніяхъ, костюмы, обычаи жителей, ихъ благоговѣйное почтеніе къ патріарху, удаленному отъ своей паствы — все это описано съ большимъ искусствомъ и придаетъ этому разсказу значительный интересъ. Вообще путешествіе это представляетъ очень много живыхъ и интересныхъ подробностей, а описаніе памятниковъ, видѣнныхъ путешественниками близъ христіанской деревни Мальтайн, недалеко отъ города Догука, кажется намъ такъ любопытнымъ, что мы спѣшимъ подѣлиться имъ съ нашими читателями, испросивъ, разумѣется, у Библиот. для чт. извиненія въ этомъ похищеніи.

«Короткій, но очень трудный переходъ, по весьма крутому всходу, привелъ меня къ памятникамъ.

Четыре доски высѣчены въ скаль. На каждой доскѣ девять фигуръ. Изваяніе — Ассирійское, и очевидно позднѣйшаго періода, современное зданіямъ Корсабадскимъ и Кугонджинскимъ. Изображенія, изваяныя въ четырехъ барельефахъ, всѣ одинаковы и представляютъ по видимому поклоненіе богамъ. Двѣ фигуры, первая и послѣдняя, представляютъ царей; остальные — языческія божества, стояща на животныхъ. Первое въ рогатой шапкѣ, квадратной, не закругленной на верхушкѣ, съ острымъ концемъ или съ гербовою лиліей, — изваяніе такъ искажено, что я не могъ въ точности различить, остріе ли это или лилія. Въ одной рукѣ оно держитъ кольцо, а въ другой ремень или змѣю, и стоитъ на двухъ животныхъ, одно быкъ, а другое въ родѣ грифа, или льва съ орлиною головою, но безъ крыльевъ. Второе божество, безбородое, держитъ въ одной рукѣ кольцо, и сидитъ на престолѣ, котораго спинка и нижнія части поддерживаются человѣческими фигурами съ хвостами (нѣсколько похожими на тѣ, что на вазѣ, открытой въ Пимрудѣ), и птицами съ человѣческими головами. Все покоится на двухъ животныхъ, на львѣ и быкѣ.

Третье божество походитъ на первое и стоитъ на крылатомъ быкѣ. У четырехъ слѣдующихъ на оконечности рогатой шапки звѣзда о шести лучахъ. Первое изъ нихъ держитъ въ одной рукѣ кольцо, и стоитъ на грифѣ безъ крыльевъ; второе также держитъ кольцо, и сидитъ на лошади, покрытой попоной, на подобіе лошадей, представленныя на изваяніяхъ Хорсабадскихъ; третье машетъ чѣмъ-то, совершенно похожимъ на условный перунъ въ статуяхъ и изображеніяхъ Греческаго Юпитера, и поддерживается крылатымъ львомъ; четвертое — безбородое, держитъ кольцо, и стоитъ на львѣ безъ крыльевъ.

«Два царя, лицомъ къ божествамъ, имѣютъ одну руку поднятую, а въ другой держатъ булаву, или нѣчто подобное.

«Всѣ изваянія сильно пострадали отъ долгаго нахождения на воздухѣ; одно было почти истреблено прорубкою входа въ комнату, высѣченную за нимъ въ скаль, и вѣроятно служившую нѣкогда могилою. Такъ какъ изваяніе было пожертвовано этому изсѣченію, то, кажется, оно должно принадлежать народу, отличному отъ того, который зарывалъ, тамъ своихъ покойниковъ, и занимавшему страну въ древнѣйшій періодъ. Впрочемъ, возможно и то, что дверью могилы служила плита, на которой продолжался барельефъ, и что все было тщательно прилажено, чтобы скрыть входъ. Подобныя изсѣченныя могилы встрѣчаются

между изваяніи на скалахъ въ Бавіанѣ, которыя принадлежать къ одному періоду съ Мальтайскими.

«Детали въ этихъ барельефахъ, сколько можно ихъ различить, совершенно сходны съ теми, что на позднѣйшихъ Ассирійскихъ памятникахъ. По головному убору царей, по формѣ престола сидящаго божества, и по самой отдѣлкѣ, изваянія Мальтайскія очень похожи на Хорсабадскія».

О достоинствѣ статьи: *Художественная выставка рѣдкихъ вещей*, А. Александрова, которой помѣщена въ Майской книжкѣ первая часть, равно какъ и о вѣрности сужденій, въ ней высказанныхъ, мы не беремся произнести своего сужденія; но уже и потому она обращаетъ на себя вниманіе, что представляетъ полное и подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ вещей, бывшихъ на выставкѣ, и написана легкимъ, оживленнымъ слогомъ.

Въ отдѣлѣ промышленности и сельскаго хозяйства помѣщены вторая и третья части статьи: *Тонкорунное овцеводство въ Россіи*. Мы уже говорили и прежде о достоинствахъ этой статьи, представляющей довольно полный историческій обзоръ движенія этой важной отрасли сельскаго хозяйства, и тѣхъ постановленій и учрежденій правительства, которыя имѣли цѣлью поощреніе развитія ея въ нашемъ отечествѣ. Повторимъ еще разъ, что подобная статья сдѣлала бы честь всякому журналу.

Въ отдѣлѣ критики остановилъ наше вниманіе разборъ *Тюфяка*, повѣсти г. Писемскаго, напечатанной сперва въ нашемъ журналѣ и потомъ уже вышедшей отдѣльною книжкой. По принятому редакціею Библиотеки для Чтенія правилу, она не говоритъ ничего о повѣстяхъ, помѣщаемыхъ только въ журналахъ, и дожидается, для произнесенія своего суда, появленія ихъ въ особомъ изданіи. Можно бы, пожалуй, замѣтить кое-что о странности такого правила, но уже давно сказано, что у всякаго барона своя фантазія. Стало бытъ нечего и говорить объ этомъ. Что касается до разбора *Тюфяка*, то нельзя не согласиться, что можно бы написать вѣчто и подъяльбе, послѣ всѣхъ критикъ на эту повѣсть, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Конечно, очень похвально, когда критикъ въ своей рецензіи старается только высказать свое сужденіе о данномъ произведеніи, не заботясь о томъ, чтобы задѣть другихъ критиковъ того же произведенія, и въ этомъ отношеніи рецензентъ Библиотеки для Чтенія подаетъ свой статейкой прекрасный примѣръ; но странно же, съ другой стороны, притворяться или быть въ самомъ дѣлѣ совершенно невѣдущимъ о томъ, что пишется другими,

и не принять къ свѣдѣнію тѣхъ ошибокъ, или тѣхъ дѣльныхъ мыслей, которыя попадались въ статьяхъ другихъ критиковъ. Вѣдь все подобное расширяетъ нашъ взглядъ на дѣло, указываетъ въ немъ новыя стороны, и странно же пренебрегать такую выгодою.

Литературная лѣтопись Библіотеки для Чтенія. Но въ разбираемыхъ теперь двухъ книгахъ она не представляетъ ничего особаго. Скажемъ лучше нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ. Намъ всегда пора- жало въ ней то обстоятельство, что, будучи знакомъ съ тою книгой, какая въ ней разбирается, никакъ не угадаешь напередъ, что скажетъ о ней Лѣтопись. Преимущественно это относится къ произведеніямъ, принадлежащимъ къ области изящнаго. Такая неожиданность сужденій имѣетъ впрочемъ свою хорошую сторону: она придаетъ литературѣ разнообразіе, котораго конечно бы не было, если бы всѣ были согласны въ своихъ сужденіяхъ.

Къ большимъ статьямъ въ *смѣси* принадлежатъ: Сальваторъ Роза (статья вторая и послѣдняя), и Исторія гравированія, Генриха Делаборда. Не лишены также интереса и мелкія извѣстія.

Этимъ мы и оканчиваемъ отчетъ объ Апрельской и Майской книжкѣ Библіотеки для Чтенія, сообщивъ читателямъ на прощаніе коротенькій результатъ, выведенный нами изъ нашихъ изслѣдованій о характерѣ этого журнала. Изъ многократныхъ попытокъ оказывается, что въ отдѣлѣ Русской словесности лучше и не покушаться; отдѣлѣ иностранной словесности замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ стараются помѣстить такія произведенія, которыя еще не были помѣщены въ другихъ Русскихъ журналахъ; отдѣлѣ наукъ и художествъ, а также и отдѣлѣ промышленности и сельскаго хозяйства представляетъ часто *очень* интересныя статьи; критики и литературной лѣтописи — иногда курьозныя статьи; смѣсь — много живыхъ мелкихъ извѣстій, а изрѣдка премиленькіе или пресмѣшныя переводныя рассказы.

Современникъ, № 5. Май.

1) Мертвое озеро. Томъ второй. Часть седьмая.

Глава, которой открывается седьмая часть романа, называется: «Новыя лица». Быть такъ! познакомитесь еще съ новыми лицами, которыя впрочемъ на этотъ разъ оказываются болѣе достойными названія лицъ, нежели два Дагобера предшествовавшей части. Вопросъ о томъ, для чего являются безпрестанно все новыя лица, —

почему авторы забываютъ совершенно о главныхъ герояхъ романа — мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ совершенно излишній въ отношеніи къ такимъ безцвѣтнымъ компиляціямъ, какъ «Мертвое озеро.» Пора привыкнуть къ мысли, что героевъ тутъ нѣтъ, что основной мысли и связи искать нечего, — что все, приходящее случайно въ голову авторамъ, переходитъ тотчасъ же и въ романъ.

Новыя лица — приживалки въ домѣ старой и богатой вдовы — и надобно признаться, онѣ списаны довольно вѣрно съ дѣйствительности, — во многихъ случаяхъ, какъ увидимъ мы далѣе, подмѣчены даже внутреннія пружины ихъ существованія.

«Приживалки были почти однѣхъ лѣтъ всѣ, т. е. не моложе 35 лѣтъ и не старше 40. Онѣ всѣ имѣли что-то общее между собою, какъ «во взглядѣ и умально-приторной, угодливой улыбкѣ, такъ въ голосѣ и въ движеніяхъ. Одѣты онѣ были бѣдно, но чисто. Прически ихъ напоминали страшную старину, и безъ исключенія у всѣхъ проборы «были косые: это дѣлало ихъ лица еще непріятнѣе. Онѣ всѣ сидѣли «въ уголку, кромѣ одной, сидѣвшей у стола, за самоваромъ, съ болѣе «свободными движеніями и взглядами. Эта особа имѣла лицо широ- «кое, злое, носъ малый, а ротъ огромный; уши безобразныя, кото- «рыя сжминутно передергивались какъ телеграфъ. Роста она была «ниже средняго; фигуру имѣла плоскую; походка почтенной прижи- «валки болѣе походила на припрыгиванье, чѣмъ на обыкновенную «походку. Цвѣтъ лица у ней былъ красноватый, а горло рѣзко отдѣ- «лялось своимъ *сходствомъ съ горломъ индѣйки*: оно имѣло способ- «ность краснѣть, если владѣтельница его чѣмъ-нибудь была недо- «вольна, а такъ какъ это случалось поминутно, то горло прижи- «валки непрерывно мѣняло свой цвѣтъ, то краснѣя, то блѣднѣя.»

Черты изображенія — какъ видите, очень рѣзки, даже грубы не много — но мы не противъ этихъ крупныхъ чертъ, лишь бы онѣ имѣли основу въ дѣйствительности.

Подобострастная лесть въ отношеніи къ старой вдовѣ, сплетничавые другъ на друга, злость приживалокъ, вѣчный страхъ ихъ за свое дѣйствительно-сомнительное положеніе, все это обозначено довольно ловко и мѣтко.

«Что это, какъ долго не выходитъ сегодня Наталья Кириловна, замѣтила она (особа съ горломъ индѣйки) неопредѣленно, не адресуясь въ особенности ни къ кому изъ сидѣвшихъ въ комнатѣ.

«Можетъ быть, *отпочивала* ночь дурно! отвѣчала одна изъ четырехъ «приживалокъ, высокая ростомъ и весьма худая, съ мутными глазами,

«болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и съ огромными зубами. Къ украшенію этой особы служилъ еще довольно большой и непривлекательный «зобъ»; она непрерывно мотала головой, напоминая алебастровыхъ зайчиковъ съ проволочными шеями, что носятъ на лоткахъ по улицамъ.

«Вотъ было бы хорошо, если бы она слышала все! радостно сказала Ольга Петровна (такъ звали главную приживалку, сидѣвшую у стола).

«И-и-и, что вы, Ольга Петровна, сохрани Боже! пугливо воскликнула приживалка съ зобомъ и сильнѣе замотала головой.

«Не дай Богъ! какъ можно! произнесли остальные.»

Предметъ особенной ненависти Ольги Петровны — десятилѣтняя дѣвочка, воспитанница Натальи Кириловны, Зина. Эта Зина — едва ли не лучше выдержанный характеръ въ всемъ романѣ. Ея борьба съ Ольгой Петровной — борьба ловкая, хитрая, лукавая: она рано поняла и характеръ своей благодѣтельницы, и интриги приживалокъ; она сжилась съ этой сферою, и хотя умна, но не выше, въ нравственномъ смыслѣ, окружающихъ ее.

Что касается до самой Натальи Кириловны — то она богатая старая дѣва, въ которой баловство родителей и богатство развили необыкновенныя причуды. «Уже лѣтъ десять какъ она не переступала черезъ порогъ своего дома, потому что причуды ея приняли обширные размѣры и странныя формы. Она сердилась, если кто «ѣхалъ по улицѣ скоро, кричала, завидѣвъ собаку, воображая, что она «должна быть непременно бѣшеная, и приказывала убивать ее своимъ лакеямъ, которые обыкновенно ѣхали за ней верхомъ.» Наталья Кириловна мало по малу зачерствѣла окончательно въ узкомъ эгоизмѣ — по натурѣ, можетъ быть, не злая и не глупая, сдѣлалась домашнимъ тираномъ, — но она привязалась къ своему двоюродному племяннику, и естественно, что эта привязанность приняла у нея такіе же фантастическіе размѣры, какъ и ея причуды. Многія черты этой привязанности обозначены прекрасно въ романѣ, хотя собственно авторы повторяютъ здѣсь сами себя. Уже въ первой части романа, мы видѣли такую же страстную привязанность злой и капризной старой дѣвы къ ея воспитаннику.

«Наталья Кириловна въ первой годъ рѣдко видѣла своего племянника. Но мало по малу она начала сбрасывать съ себя холодность и равнодушіе къ этому мальчику, чувства болѣе нѣжныя проникли въ сердце этой женщины, никогда до той поры не испытывшей любви

«къ кому нибудь. Всѣ въ домѣ покорились прихотямъ ребенка. Наталья Кириловна уничтожилась передъ желаніями своего племянника, «который былъ живой, умный и необыкновенно красивый мальчикъ».

«Трудно описать отчаяніе Натальи Кириловны, когда ея племянникъ немного захворалъ. Дни и ночи она сидѣла у его кровати; и тѣ, кто зналъ ее съ дѣтства, въ первый разъ замѣтили слѣды слезъ «на ея холодномъ лицѣ».

«Тяжело было для домашнихъ выздоровленіе и безъ того капризнаго ребенка; Наталья Кириловна, боясь его слезъ, предупреждала «его. Дѣтская была завалена игрушками, на покупку которыхъ была «встрачена значительная сумма. Но это мало развлекало ребенка; конь капризничалъ и въ одинъ вечеръ началъ кричать и плакать, что «ему скучно. Никто не могъ его развеселить. Множество приживалокъ, набранныхъ въ домъ для присмотра за дворней и для выдумыванія игръ ребенку, истощили запасъ терпѣнія и не знали, что «говорить, потому что ребенокъ не давалъ имъ разинуть рта, крича: «не могу слушать, скучно, скучно!... Приживалки, дѣти всей дворни «собрались въ дѣтскую и принялись танцовать передъ капризнымъ «мальчикомъ; но и это было безъуспѣшно. Наталья Кириловна терлась, придумывая, чѣмъ бы развлечь ребенка, и вдругъ сама пустилась танцовать, припѣвая и постукивая своей палкой».

«Все, что было въ комнатѣ, съ ужасомъ глядѣло на неловкія тѣло-«движенія Натальи Кириловны, которую привыкли видѣть съ вѣчно «гордой осанкой. И теперь—эта женщина плясала передъ ребенкомъ, «который одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ улыбался. Замѣтивъ «это, Наталья Кириловна начала вертѣться сильнѣе и громче припѣ-«вать. Ребенокъ залился смѣхомъ и забилъ въ ладоши. Но не долго «смогла утѣшать Наталья Кириловна своего племянника: съ ней сдѣ-«лалось дурно, и ее въ изнеможеніи отвели въ спальню и уложили «въ постель.»

Племянникъ выросъ и отправился путешествовать. Съ отъѣздомъ племянника, Наталья Кириловна начала скучать; все, что напоминало его, она приказала перенести въ свою спальню. Одна изъ воспитанницъ, которой онъ оказывалъ болѣе вниманія, сдѣлалась неотлучной тѣнью ея и должна была каждый вечеръ рассказывать что-нибудь объ отсутствующемъ старухѣ. Эта воспитанница была Зина. Развитие различныхъ качествъ натуры Зины подъ вліяніемъ гнета Натальи Кириловны—представлено превосходно. Зина сначала понравилась старухѣ потому, что умѣла занять ея праздное воображеніе склад-

нымъ разсказомъ о сплетняхъ и мелочныхъ буряхъ маленькаго домашняго мірка—и вслѣдствіе этого, сама постепенно вдавалась въ импровизацію:

«Часто Зина изнывала отъ напряженныхъ усилій своего воображенія, сидя на скамейкѣ у кровати Натальи Кириловны, въ комнатѣ, «освященной одной свѣчей, подъ зеленымъ колпакомъ, рѣшительно «не зная, что говорить.

«Что съ тобой, матушка? ты, кажется, сегодня двухъ словъ не «умѣешь связать! говаривала тогда Наталья Кириловна. Ну что такое «интереснаго слушать о твоей дѣвичьей? *Не знаешь ничего, такъ «сочини что нибудь сама!* строго замѣчала Наталья Кириловна.»

Въ самомъ дѣлѣ—какъ же не сочинить ей, бѣдной дѣвочкѣ, которую поятъ и кормятъ, одѣваютъ и обуваютъ.—Вѣдь отъ того, въ какой степени развлечетъ она свою *благодѣтельница*—зависитъ все ея существованіе.... Она наконецъ привыкла къ мысли, что должна быть потѣхою чужой праздности—она вынуждена была понять это,—привыкла къ сценамъ, отъ которыхъ прежде горько плакала.

«По наущенію приживалокъ, въ особенности Ольги Петровны, которая, вѣроятно, изъ безпредѣльной преданности къ своей благодѣтельницѣ, *не могла равнодушно видѣть въ ней расположенія къ кому нибудь,* — Наталья Кириловна, приказывая иногда собрать «узелокъ съ бѣльемъ и платьемъ Зины, вручала его ей и говорила *грустно:*

«Иди, иди изъ моего дома!

«Дѣвочка горько плакала, цѣловала колѣна старухи, просила «пощады; приживалки тащили ее за руки изъ комнаты, и часто «Зина на колѣняхъ и обливаясь слезами ползала за Натальей Кириловной, умоляя о прощеніи.... И долго еще Зина рыдала сидя въ «дѣвичьей.»

Такия унизительныя сцены повторялись, конечно, довольно часто, и естественно, что дѣйствіе ихъ на Зину постепенно, такъ сказать, притуплялось. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ ничтожности причинъ гнѣва, въ ничтожности причинъ прощенія, оплакавши, можетъ быть, это разъ всю безвыходность унизительнаго положенія—Зина покорилась трагической необходимости, отреклась отъ всякаго нравственнаго достоинства—помирилась съ постыдными комедіями, разыгрываемыми передъ нею другими, стала сама играть комедію.... Горькая правда, а все-таки правда!

«Сдѣлавшись постарше, она плакала только передъ глазами На-

«тащи Кириловны, а выходя въ дѣвичью, очень покойно вытирала «слезы и весело разговаривала съ горничными, зная, что не прой- «детъ двухъ часовъ, какъ за ней придетъ какая-нибудь изъ прижи- «валокъ, и скажетъ, чтобъ она шла вновь просить прощенья у своей «благодѣтельницы, которая уже скучала безъ Зины и нетерпѣливо «ждала ее.»

И Зина цѣною человѣческаго достоинства купила вліяніе на На- талью Кириловну.... Зины стали бояться въ домѣ, приживалки стали ей льстить, кромѣ Ольги Петровны: съ ней только должно было бо- роться Зинѣ, свыкшейся уже съ домою, гдѣ, по энергическому описанію автора, «не смотря на наружное согласіе, кипѣла вражда, «зависть и всѣ житейскія страсти. Праздность процвѣтала и никого «не удивляла въ домѣ. Приживалки цѣлые дни возились съ ко- «феемъ или чаемъ, вѣроятно, чувствуя потребность поминутно прома- «чывать горло, пересохшее отъ болтовни и сплетней.»

Перипетіи борьбы между Зиной и Ольгой Петровной возбуж- даютъ большой интересъ. Ихъ только и прослѣдимъ мы, обращая вниманіе на вѣншнюю ткань исторіи, только по связи съ этими пери- петіями.

Надобно вамъ сказать, что въ Зинѣ развилась охота покровитель- ствовать. Такъ покровительствуетъ она Гришѣ, совоспитаннику пле- мянника Натальи Кириловны, такъ покровительствуетъ она Дагобера, т. е. Ивана Софроньча, съ его дражайшей половиной, бывшей пре- жде воспитанницей Натальи Кириловны, и съ дочерью Настей. Эти лица весьма мало интересны—и отецъ съ дочерью явнымъ образомъ предназначены представлять гонимую добродѣтель. Семья Ивана Софро- ньча пріѣзжаетъ къ благодѣтельницамъ не во время, ночью, и сво- имъ пріѣздомъ потревожила покой благодѣтельницы. Ольга Петровна пользуется этимъ случаемъ—уничтожить Зину, но не на такую на- пала. Начинается допросъ:

«Федосья Васильевна пріѣхала-съ! въ одинъ голосъ сказали при- «живалки.

«А когда? а когда? что, небось утромъ? обращаясь къ Лукьяну, «говорила Ольга Петровна.

«Никакъ вѣтъ-съ: ночью, отвѣчалъ Лукьянъ.

«Видите! вотъ, вотъ она все такъ жетъ! дрожа отъ радости, ска- «зала Ольга Петровна, обращаясь къ Натальѣ Кириловнѣ, которая «забарабанила быстро пальцами по столу.

«Вы что-то сегодня очень сердиты и такія глупости говорите, что

«право скучно слушать, вставь съ кресель и выпрямившись, грозно «сказала Наталья Кириловна. — Ну кто посмѣетъ солгать мнѣ?»

«Да какъ можно! избави Боже! да видано ли, да слыхано ли? «раздались въ отвѣтъ восклицанія прижвалокъ.»

«Тогда Наталья Кириловна обратилась къ Лукьяну и повелитель-но сказала:

«Говори, какой шумъ былъ ночью на дворѣ?»

«Кошку ловили-сь! поспѣшно отвѣчалъ Лукьянъ.»

«И ты тоже смѣешь! выходя изъ себя, говорила Ольга Петровна.»

«Если угодно, я вамъ убитую кошку покажу: такая рыжая, улы-«баясь, сказалъ Лукьянъ.»

«Ольга Петровна всплеснула руками и, съ ужасомъ вскрикнувъ: «батюшки! мой васька! выбѣжала изъ комнаты.»

Нечего и говорить, что все это подстроено хитрой дѣвочкой.

Но вотъ попалась и она, попалась въ какой-то непростительной шалости, выдана матерью Насти, выдана даже самой Настей — и отдана подъ начало Ольгѣ Петровнѣ. Не думайте, чтобы потерялась она въ критическомъ положеніи — нѣтъ — она уже достаточно развра-щена для того, чтобы вынести всякое униженіе, употребить въ дѣло лезть, притворство, даже подлость — только бы достигнуть своей цѣ-ли.... Эгоизмъ, самый холодный и безпощадный эгоизмъ опуталъ уже сѣтями эту легкомысленную и не глубокую, хотя даровитую натуру.

«Первые дни страшно было посмотрѣть на Зину: она ничего не «ѣла и все плакала. Ольга Петровна придумывала всякаго рода уни-«женія для свой жертвы и въ случаѣ сопротивленія шла жаловаться «Натальѣ Кириловнѣ, которая наконецъ дала ей право наказывать «Зину по собственному усмотрѣнію. Зина безусловно покорилась сво-«ему врагу, увидѣвъ его превосходство....»

Довольно сказать, что она льстила Ольгѣ Петровнѣ, наговаривала на Настю, разыграла трогательную сцену, испрашивая прощеніе у своей *благодѣтельницы* — но поставила на своемъ, приобрѣла еще больше вліянія на старуху и отплатила Ольгѣ Петровнѣ.

До какой степени гадка стала она сама, побѣдивши свою гадкую соперницу, показываютъ ея отношенія къ Настѣ:

«Зина только наружно сохранила къ ней прежіюю дружбу, и сама «была главною двигательницею всѣхъ преслѣдованій, обрушившихся «на голову бѣдной дѣвочки. Зина имѣла много причинъ не любить «Настю: Настя была лучше ея лицомъ, умѣла уже хорошо читать и «писать, и часто своей откровенностью и наивностью брала верхъ

«надь хитростями Зины — так что Зинѣ становилось вдруг не ловко. «Зина вообще мало училась — да и некогда было ей учиться — ей мѣшала Наталья Кириловна: «Соскучившись, она отрывала се отъ урока, «говоря: ты развѣ не можешь бросить свои глупыя книги; видиши «вѣдь, что я сегодня больна. И Зина бросала урокъ и старалась «развлечь ее.

Настя съ отцемъ наконецъ прогнана изъ дому благодѣтельница, за то, что въ Настю влюбился Гриша, совоспитаникъ племянника благодѣтельница....

Привѣщаетъ Тавровскій, племянникъ Натал и Кириловны, но не является къ теткѣ, а играетъ въ карты, у какой-то барыни. Зина уведомляетъ его запискою, что старуха очень сердита, и такимъ образомъ вступаетъ въ отношеніе съ нимъ....

2) Странный человекъ, г. Н. А — ва.

Мы всегда рады появленію рассказовъ остроумнаго и наблюдательнаго автора «Провинціальныхъ писемъ», и особенно рады тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ онъ не выходитъ изъ хорошо-знакомой ему колена, не идеализируетъ дѣйствительности и отдается вѣсьмъ порывамъ своего нѣсколько злобнаго юмора. «Странный человекъ» принадлежитъ именно къ такимъ рассказамъ. Субъектъ, попавшійся подъ анатомическій скальпель автора «Володи Верженцева» и «Лобеуса» — пренеприятельный, и притомъ болѣзненный стороны его организма по видимому вполне извѣстны г. А-ву. Никита Флегонтычъ ѣдетъ съ обозомъ какъ *присталой* человекъ. «То есть какъ же присталой?» спрашиваетъ авторъ извозчиковъ, бесѣдуя съ ними на постояломъ дворѣ.

«Присталой, просто, батюшка. Нагнали мы его верстѣ за сто отсюда, пѣшеходомъ. Просить, возьмите меня съ собою до Москвы, «позвольте на возу сидѣть, кормы давайте, а я вамъ за то во всю «дорогу, по ночамъ, лошадей караулить буду. Я — говорить — мастеръ «караулить лошадей. Спросилъ я у него бумагу: бумага есть, въ «порядкѣ, написано, что при мѣстахъ бывалъ.... Намъ хоть караульщика-то бы и не надо, да жалко стало: одежда на немъ такая «худенькая, видно обѣднялъ на ту пору.... Взяли....» Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что Никита Флегонтычъ все пустяки дѣлаетъ, что за нимъ еще смотрѣть надо.... «Тѣмъ только больно любъ «сдѣлался парнямъ нашимъ, — говорить извозчикъ, — что на ночлегахъ «и отдыхать тѣшить ихъ до упаду.» — Именно, онъ «все виды своимъ «выводитъ и разсужденія выправляетъ.» И точно, съ первыхъ же

словъ, Никита Флегонтычъ оказывается человѣкомъ *выправляющимъ разсужденіи*, къ чему приступаетъ обыкновенно, принимаясь крутить хохолокъ бѣлыхъ волосъ, оставшійся у него на вискѣ. Вотъ что, напримѣръ, говорятъ онъ извощику Нефеду: «Никогда не сбудишь кладъ съ рукъ—я тебѣ говорю, братецъ. Что значить сбыть «съ рукъ»?.. Ты взялъ, напримѣръ, рубль и бросилъ его въ рѣку—это ты рубль сбывъ съ рукъ, потому что онъ отуда не придетъ къ тебѣ назадъ какъ пудель. Смотри же теперь: отдашь ты купцу «пудъ хлѣба, а черезъ недѣлю купишь на базарѣ пудъ муки... Вы-ходить одно и тоже, нуль, мечта,—и никакой у тебя сдачи не было. Понимаешь ли?»

Глубокомысленно? не правда ли?—И вѣдь согласитесь, что не одинъ Никита Флегонтычъ *выправляетъ* такія глубокомысленныя разсужденія. «Человѣкъ этотъ—какъ справедливо выражается г. А-въ—казалось, стоялъ на рубежѣ, отдѣляющемъ свѣтлый міръ ума отъ прихотей «и настойчивости безумія.—Онъ похожъ былъ на недоноска, не успѣвъ «шаго развиться ни въ какую сторону.» Лучшій отвѣтъ на все его разсужденія, по видимому, отличающіяся логичностью—отвѣтъ Нефеды: «Эхъ, Никита Флегонтычъ! пестро ты говоришь, а толку что-то мало «выходить». Никита Флегонтычъ самъ сознаетъ свое несчастье: «Вы «и я—говорятъ онъ автору—стоимъ оба на высотѣ познаній, а *познанія у насъ нѣтъ совершенно никакого*. Жажда тебя мучить, а «удовлетворенія нигдѣ не отыщешь. *Всякій предметъ тебѣ вдвойнѣ «кажется*. Ты думаешь онъ черный, а передумаешь, выходитъ онъ «бѣлый. На всякій вопросъ, по доброму, слѣдовало бы имѣть одинъ «отвѣтъ, а у меня ихъ два и больше. Вотъ гдѣ несчастье! да и другое еще есть. Смотрѣть ни на что не лзя,—все кажется, *позади «предмета, есть еще предметъ, который мнѣ одному виденъ и съ первыми разпорचितъ.*»

Согласитесь, что если бы герой г. Станкевича, о которомъ мы недавно говорили, былъ хоть на минуту искрененъ, онъ заговорилъ бы точь въ точь, какъ Никита Флегонтычъ Распутица. «И въ любой «картинѣ—говоритъ между прочимъ Никита Флегонтычъ—что вы «видите? писанныя фигуры; а невидимыхъ фигуръ, которыя между «тѣми разгулываютъ, вы не видите, а вѣдь онѣ-то всю сущность «картины и составляютъ.»

Превосходно разсказываетъ Никита Флегонтычъ о томъ, какъ, предавшись прилежному изученію нѣмецкихъ книгъ, онъ посреднъ тяжелыхъ занятій, набрелъ на мысль, что упустилъ пзъ виду весьма

важное обстоятельство, именно *пренебрегъ потребностью взаимной любви*, — о томъ, какъ любилъ онъ и страдалъ: *мучительно.... порядкомъ и весьма сходно съ описаніями*, — прибавляя *глубокомысленно*: «Такимъ образомъ пережилъ я *треволненія* молодости и «расплатился разъ на всегда съ неизбежными заблужденіями ея.»

Однимъ словомъ, Никита Флегонтычъ — остроумная, мастерская карриатура, которой идеализированные подлинники найдутся не въ одной современной повѣсти, и нельзя не поблагодарить г. А -- ва за эту карриатуру.

Въ отдѣлѣ критики помѣщена статья о «Кометѣ», изъ которой мы узнаемъ между прочимъ слѣдующія важныя истины: 1) Что критика художественная отжила, что эта критика въ лицѣ Рётшера не признавала достоинствъ въ Мольерѣ, Корнельѣ, Шиллерѣ — вещи, которыя можно говорить только нашей публикѣ, ибо этой послѣдней неизвестно, — что говоритъ Рётшеръ о Тартюфѣ, о Донѣ Карлосѣ и проч. въ своихъ различныхъ и весьма достойныхъ изученія *Abhandlungen*, 2) что «Первое Апрелья» г-жи Туръ, послѣ драматической поговорки г. Тургенева: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется» рѣшительно, лучше всего, что было написано у насъ въ этомъ родѣ. Между прочимъ, главное достоинство «Перваго Апрелья» полагается въ живомъ, остроумномъ разговорѣ, переносящемъ читателя въ сферу дѣйствующихъ въ немъ лицъ, при чемъ изъясняется сожалѣніе, что русскій языкъ не привыкъ еще къ *гибкости* и *тонкости*, какиихъ требуетъ *легкая, быглая болтовня* гостинной. Мы, къ сожалѣнію, *разговорито* именно и не слышимъ въ сценахъ г-жи Туръ, если разумѣть подъ драматическимъ разговоромъ такой, въ которомъ тонко ли, рѣзко ли — но во всякомъ случаѣ обозначаются индивидуальныя отбѣнки дѣйствующихъ лицъ — и съ другой стороны, слишкомъ высоко цѣнимъ превосходную, отличающуюся художественной окопчанностью, комедію г. Тургенева: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», чтобы причислить къ одному съ ней роду «Первое Апрелья».... Мы не говоримъ ничего о сужденіи автора статьи на счетъ таланта г. Островскаго вообще и его «Неожиданнаго случая» въ особенности — не желая повторять мнѣніе одного изъ нашихъ сотрудниковъ, высказанное имъ въ прошедшей книжкѣ нашего журнала и вполне нами раздѣляемое.

Замѣтимъ въ этомъ *Н Современника* прекрасныя статьи: «Историческое значеніе капитала»; «Открытіе неизвѣстной донынѣ пьесы Мольера» — и покажѣсь, оставимъ въ сторонѣ «Замѣтки о Русской журналистикѣ, Г. новаго поэта, замѣнившія «Письма иногороднаго

подписчика», ожидая съ нетерпѣніемъ, чтобы ясное высказать литературныя начала начинающаго критика. Г.

Нѣсколько словъ о 2-мъ Шульгофѣ по поводу статьи г-на Строва.

Въ V-мъ N «Современника» мы были чрезвычайно удивлены статьей г. Строва о Петербургскихъ концертахъ, въ которой, разбирая между прочимъ игру г. Шульгофа, г. Стровъ говоритъ, что въ ней нѣтъ ничего особеннаго и что многія дамы въ Петербургѣ сыгравутъ не хуже самаго г. Шульгофа его-же собственныя сочиненія!?. Мы беремъ за перо не для защиты г. Шульгофа: его слава слишкомъ велика, чтобы выиграть или потерять что-нибудь отъ фельетонныхъ мнѣній, но для того, чтобы при семъ удобномъ случаѣ сказать нѣсколько словъ о г. Шульгофѣ и высказать наше мнѣніе о разныхъ музыкальныхъ статейкахъ, являющихся въ нѣкоторыхъ Русскихъ газетахъ и журналахъ. Намъ говорили о г. Шульгофѣ прежде, чѣмъ мы его слышали, что направленіе его игры и композиціи составляетъ нѣчто среднее между игрой и композиціями Фильда и Шопена. Игры ихъ мы не слышали, а сравнивая ихъ композиціи съ композиціями г. Шульгофа, скажемъ, что между ними видна большая разница въ талантѣ: сочиненія г. Шульгофа хороши, составлены съ знаніемъ дѣла, въ нихъ есть прекрасныя мотивы, изящныя и блестящія пассажи, но нѣтъ свободы, нѣтъ цѣлости въ содержаніи, что составляетъ необходимое условіе всякаго вполнѣ музыкальнаго произведенія и видно въ композиціяхъ Фильда и Шопена. Въ отношеніи же отсутствія элемента трескучести (если можно такъ выразиться) и въ устройствѣ мотивовъ и пассажей, не выходящихъ изъ предѣловъ фортепіано, не дѣлающихъ его подражаніемъ ни оркестру, ни скрипкѣ, ни прочимъ инструментамъ (мы разумѣемъ здѣсь оригинальныя сочиненія г. Шульгофа)—это направленіе дѣйствительно схоже съ направленіемъ Фильда и Шопена. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно разумное пониманіе средствъ фортепіано и умѣнье извлечь изъ этихъ средствъ все возможно-прекрасное. Вслѣдствіе этого, вся его внѣшняя сила отличается блескомъ и прелестью, соединенными съ величайшей простотой. Мы видѣли, какой огромный эффектъ произвели его сочиненія на публику; но этотъ огромный эффектъ больше произошелъ отъ удивительнаго исполненія г. Шульгофа; мы увѣрены, что его сочиненія не такъ скоро были бы замѣчены публикой безъ превосходнаго ихъ выполненія самимъ г. Шульгофомъ.

Отсутствіе гениальности въ композиціи ярко обнаружилось при

исполненіи его сочиненій другими фортепіанистами, не смотря на то, что они играли ихъ очень осторожно, подражая скромной игрѣ г. Шульгофа, но все-таки композиціи производили весьма слабый эффектъ, сыгранныя не самимъ авторомъ. Въ Москвѣ г. Шульгофъ, кромѣ своихъ сочиненій, игралъ и чужія, въ томъ числѣ 4-ю часть *Sonate pathétique* Бетговена, и его же прекрасную сонату (f-dur) со скрипкой. Объемъ и цѣль нашей статьи не позволяютъ намъ слишкомъ распространяться объ игрѣ г. Шульгофа; осмѣлимся только замѣтить г. Строну, что такія пьесы, какъ транскрированная г. Шульгофомъ увертюра Вебера «Оберонъ», тарантелла Альбана, пожалуй еще и «*Etude des trilles*» требуютъ огромнаго механизма, и были исполнены г. Шульгофомъ съ такимъ совершенствомъ, съ такимъ умомъ, какъ едва ли удастся сыграть не только Петербургскимъ дамамъ, но и самой г-жѣ Бореръ, этому гигантскому дарованію между всеми женщинами-виртуозками, которыхъ мы слышали. Прибавимъ еще: въ своемъ родѣ г. Шульгофъ рѣшительно неподражаемъ. Въ заключеніе же, скажемъ нѣсколько словъ о Русской музыкальной критикѣ: кромѣ прекрасныхъ и дѣльныхъ статей г. Дамке въ Библиотекѣ для Чтенія, и многихъ статей, помѣщаемыхъ въ музыкальной хроникѣ Отеч. Зап. и еще нѣкоторыхъ въ фельетонахъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей, всѣ прочія статейки суть болѣе или менѣе слѣдующаго содержанія: въ нихъ трактуется о томъ, что такой-то, или такая-то прекрасно играетъ или поетъ, что звуки его, или ся инструмента или голоса подобны кристаллу, трогаютъ душу и проч. и проч. Это бы еще была не бѣда, потому что весьма похвально, о добротѣ души, восхищаться кристалльными звуками своего фаворита, надъ этимъ можно еще немножко посмѣяться; но бѣда въ томъ, что нѣкоторые господа, не имѣя рѣшительно никакихъ свѣдѣній въ искусствѣ, часто позволяютъ себѣ весьма рѣзкіе приговоры о такихъ артистахъ и композиторахъ (*), которые высоко стоятъ въ искусствѣ,—это уже досадно, и досаднѣе еще то, что не имѣя противниковъ, эти гг. полновластно царствуютъ въ фельетонномъ мірѣ разныхъ журналовъ и газетъ, а пора бы, кажется, имъ догадаться, что писать о томъ, чего не понимаешь, страшный грѣхъ противъ здраваго смысла.

(*) Одно изъ подобныхъ сужденій читали мы недавно въ статьѣ, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: дѣло шло о Камаринской г-нѣ Глики, которую весьма порицалъ г. авторъ. Подобныя вещи странно видѣть въ печати.—Странно такъ же видѣть, какъ музыкальныя статьи Современника легко обращаются съ великими именами Мейербера, Мендельсона и т. д.

ГЕРЦОГИ ГИЗЫ.

(ОКОНЧАНИЕ.)

II. Последние Гизы.

Въ 1603 году, Французскій дворъ очень спокойно присутствовалъ на свадьбѣ Карла герцога Гиза съ принцессой Моденской. Но послѣ нѣсколькихъ дней торжествъ и удовольствій, молодой супругъ былъ вовлеченъ въ жаркую придворную ссору. Два брата (изъ дома Бурбонновъ) принцъ Конти и графъ Соассонскій, столкнувшись каретами, на Луврской дорогѣ, заспорили о томъ, кто первый долженъ свернуть всторону, и заспорили такъ горячо, что дѣло дошло до вызова. Гизъ, которому королева поручила уговорить Конти, какъ противника болѣе непреклоннаго, очень удачно исполнилъ ея порученье. Между тѣмъ придворные перетолковали въ другую сторону вмѣшательство въ это дѣло принца Лотарингскаго, и заставили на него смотрѣть графа Соассонскаго, какъ на оскорбителя, въ лицѣ сего, достоинства прищевъ крови. Тотчасъ же составились двѣ партіи, готовыя поддерживать, въ наступающей борьбѣ, графа Соассонскаго и Гиза, сдѣлавшагося уже его противникомъ. Коннетабль обвинялъ Гиза передъ Совѣтомъ, и требовалъ его ареста; королева и Сюлли его оправдывали. Гизъ изъявилъ готовность передать графу Соассонскому свое извиненье, черезъ посредство маршала Буиллюви и герцога Эпернонъ, но графъ не удовольствовался этимъ, и требовалъ извиненья прямого и личнаго. Принцъ Лотарингскій, боясь за свою свободу, готовъ уже былъ согласиться и на это условіе, но отправившись въ отель Соассонъ, зашелъ къ своему дядѣ, Майеню, который жилъ тамъ же и который тоже вошелъ въ это дѣло, желая кончить его миролюбно, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не уронить достоинства своего дома. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, онъ отправился къ королевѣ и сказалъ ей, отъ имени своего племянника, слѣдующія слова:

«Государыня, если то, что случилось во вторникъ, подастъ какой-нибудь поводъ г-ну графу де Соассонъ жаловаться на меня, то я могу увѣрить Ваше Величество, что я не имѣлъ никакого намѣренія нанести ему неудовольствіе, и очень сожалею, если сдѣлалъ это. Напротивъ, еслибъ я встрѣтилъ его, я бы отдалъ ему всѣ должныя почести, потому что желаю остаться его покорнѣйшимъ слугою. — Мнѣ очень пріятно слышать то, что вы говорите, — отвѣчала королева, — и я остаюсь этимъ совершенно довольна.» — Послѣ такого отзыва королевы, никто больше не смѣлъ упоминать объ этомъ происшествіи.» (*).

Вотъ переходъ отъ великихъ Гизовъ къ маленькимъ Гизамъ; послѣ трагедіи водевилъ. Майенъ, начальникъ Лиги, заключаетъ собой первую пьесу и начинаетъ вторую. Нѣкогда чуть чуть не король Франціи и дѣйствительный король Парижа, усомнившись теперь въ своемъ прекрасномъ и спокойномъ убѣжищѣ — Соассонской отелѣ, переходить отъ важныхъ своихъ занятій къ мирному устройству семейныхъ дѣлъ.

Съ этой минуты Гизы исчезаютъ. Сыну Балафре отъ всей славы предковъ его осталась въ наслѣдство одна только шпага. Онъ обратилъ ее противъ Испанцевъ, которымъ слишкомъ много льстилъ, можетъ быть именно съ тѣмъ, чтобъ имѣть причину воевать съ ними. Привычка повелѣвать не скоро забывается; Гизы, вынужденные отказаться отъ почестей, не могли вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ отказаться отъ своей заносчивости и съ трудомъ подчинялись законамъ. Послѣ смерти Генриха IV, герцогъ Карлъ Гизъ и принцъ Жоанвильскій, братъ его, думали опять возобновить счастливые дни баррикадъ и лиги. Надобно прочесть въ книгѣ г. де Булье убійство барона де Люксъ, совершенное кавалеромъ Гизомъ, сыномъ герцога Генриха, родившимся уже послѣ его смерти. Этотъ разсказъ чрезвычайно живъ и исполненъ чувства. Вспышки подобнаго рода проявлялись отъ времени до времени въ фамилиі Гизовъ; герцогъ Карлъ, глава ихъ дома, ободренный безнаказанностью, вздумалъ возобновить прошедшее, и очертя голову предался всѣмъ дурачествамъ своей молодости; но онъ забылъ, что тогда уже былъ Ришелье. Едва только пустился онъ въ разныя приключенія, какъ желѣзная рука остановила его и вытолкнула въ Италію, гдѣ этотъ старый шалунъ, все еще воображая себя начальникомъ шайки, умеръ въ неизвѣстности, не вооруживъ за себя ни одного человѣка.

(*) Nistoire de Ducs de Guises IV.

Я не буду слѣдовать за историкомъ въ быстромъ исчисленіи всѣхъ принцевъ Лотарингскихъ до царствованія Людовика XIV. Но онъ рассказываетъ съ самыми занимательными подробностями о Неаполитанской экспедиціи, гдѣ, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Гизовъ, храбрость, изобрѣтательность воображенія и увлекательность смѣшиваются съ двумя чинами, которыя были свойственны кардиналу Лотарингскому, герцогу Генриху, герцогу Майеню, и которымъ были не причастны только Клодь и Францискъ. Безъ всякаго сомнѣнія пріятно видѣть этого блестящаго паладина, называющаго себя наследникомъ Анжуйскаго дома, когда онъ вступаетъ въ Неаполь, чтобъ провозгласить себя обладателемъ, немножко фантастической, короны своихъ предковъ. Когда герцогъ Гизъ представляется намъ посреди этого миеологическаго моря, въ своей росписной и вызолоченной галерѣ, какъ полубогъ, какъ аргонавтъ; когда цѣлое народонаселеніе, вполнину обнаженное, какъ древніе народы, бѣжитъ къ нему на встрѣчу, съ криками радости и похвалы, — тогда охотно увлекаешься обаяніемъ и сочувствуешь современникамъ, которыя, видя Конде и Гиза въ каррусели, вскрикивали: «Вотъ герой баснословный рядомъ съ героемъ историческимъ!» Но когда съ очарованныхъ береговъ Мергелины переносишься въ отвратительное подземелье, въ грязную пещеру *Toriona dell' Carmilla*, когда видишь г. Гиза льстецомъ Дженоаро Аннеса, въ сообществѣ гнусныхъ товарищей разврата и отвратительной любовницы, вокругъ ложа которой блещутъ алмазы и жемчугъ, дорогія вазы и ткани, серебро и золото, похищенные во дворцахъ и церквахъ: когда видишь наконецъ этого аристократа, этого принца, стремившагося къ коронѣ и потомъ ночующаго въ домѣ укрывателя воровскихъ вещей, тогда чувство отвращенія заглушаетъ всѣ прочія чувства. Нравственное паденіе Гизовъ замедлилось, однакожь, на нѣкоторое время. Одинъ изъ нихъ, сдѣлавшись чистымъ прислужникомъ Жюля Мазарина и сторожемъ великаго Конде, выигрывалъ еще сраженія и завоевалъ острова Св. Маргариты. Во время Фронды, герцогъ Эльбёвъ, единственный остатокъ Лотарингскаго Дома во Франціи, потомокъ младшаго сына Клодова, попробовалъ было, по примѣру предковъ своихъ, зажечь междоусобную войну, но его тотчасъ же заставили отказаться отъ начальства надъ войсками.

Приключенія Маріи де Роганъ, Герцогини де Шеврѣзъ, набрасываютъ также романическій интересъ на послѣднихъ Гизовъ, которые все еще продолжали играть военную и политическую роль, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Послѣ этихъ послѣднихъ отблесковъ уга-

сающей славы Гизовъ видишь только упадокъ ихъ, скажемъ больше, униженіе до послѣдній степени, даже до подозрѣнія въ отравленіи....

Къ портретной галлерей Гизовъ надобно теперь прибавить еще вѣсколько лицъ, очерченныхъ Сень-Сямономъ, который сдѣлалъ членовъ Лотарингскаго дома своими привилегированными жертвами. Какая впергія, какой комическій жаръ, какая горькая ѣдкость въ этихъ яркихъ очеркахъ! Сколько поймано имъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія лицъ изъ этой фамиліи, столь многочисленной, пользовавшейся такой силой во Франціи, нѣкогда украшавшей ее, и потомъ сдѣлавшейся наказаніемъ для двора Людовика XIV, своею дерзостью, своими пороками и своимъ корыстолюбіемъ, которое, возрастая постепенно въ упадающихъ потомкахъ Гизовъ, обратилось наконецъ въ какую-то непреодолимую алчность! Какъ ярко обрисованы, на примѣръ, портреты де Грана—графа Арманьяка, Великаго Конюшаго, и графа Морсана, его брата. Вотъ что говоритъ о послѣднемъ Сень-Симонъ: «Придворный, подло раболѣпствующій, пресыщенный грабежемъ церквей, женщинъ, вдовъ и сиротъ, былъ пораженъ апоплексіей горла, которая, не повредивъ ни умственныхъ его способностей, ни прочихъ частей тѣла, лишила его только возможности ѣсть. Болѣе двухъ мѣсяцовъ находился онъ въ такомъ мучительномъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока не могъ уже пропускать въ горло ни одной капли, безъ большаго труда. Онъ заставлялъ при себѣ обѣдать всѣхъ своихъ людей, и съ жадностью вдыхалъ запахъ подаваемыхъ имъ кушаньевъ, томясь между тѣмъ страшнымъ голодомъ, отъ котораго наконецъ и умеръ. Такая смерть графа Морсана сильно поразила всѣхъ, которымъ были извѣстны его грабительства. Кажется, что послѣ такого перерожденія, при такихъ низкихъ качествахъ, Гизы не могли сохранить ни малѣйшаго остатка прежняго своего могущественнаго вліянія. Они не только потеряли все свое внутреннее достоинство, но не смотря на наружный блескъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, основанный на королевскихъ милостяхъ, не пользовались даже независимымъ состояніемъ, до такой степени, что многіе изъ членовъ ихъ дома впади въ совершенную бѣдность.

Ясно, что ужъ нельзя было ожидать ничего важнаго и опаснаго отъ тѣхъ, которые нѣкогда были Гизами; а между тѣмъ они все еще какъ-то увлекали остатками прежняго обаянія и другихъ и самихъ себя. У нихъ, по крайней мѣрѣ, вырывались иногда смѣлыя выходки. Вотъ одна довольно любопытная, которую рассказываетъ Сень-Симонъ. «Принцы Лотарингской крови никогда не могли быть истинно привязаны къ Французскому Двору, и еще меньше къ принцамъ крови Бурбонской.

Это я говорю по поводу грубости, которая сорвалась съ языка г. Легранъ и выказала настояшія его чувства. Однажды, въ Марли, онъ игралъ съ королемъ въ *ланскне*, а онъ былъ самый вздорный и горячій игрокъ. Незнаю, по какому случаю Великая герцогиня Тосканская (дочь Гастона, герцога Орлеанскаго) тоже вмѣшалась въ игру. Она сдѣлала огромный ударъ Леграну, который, ударивъ, въ свою очередь, кулакомъ по столу и склонившись лицомъ къ сукну стола, воскликнулъ очень громко: «о проклятый домъ! перестанешь ли ты вредить намъ?» Великая герцогиня покраснѣла, улыбнулась и промолчала. Король, и всѣ бывшіе тутъ кавалеры и дамы слышали эти слова очень хорошо. Великій конюшій приподнялъ носъ надъ столомъ и посмотрѣлъ на всю честную компанію, съ шутовскимъ видомъ.»

Et le roi que fit-il?—Le roi se prit à rire (*).

Это очень вѣроятно и такъ и должно быть, но Сень-Симонъ думаетъ иначе и принимаетъ вещи за серьезныя. По его мнѣнію отель Гизовъ въ царствованіе Людовика XIV, то же самое, что была она въ царствованіи Генриха III, и принцъ Водетонъ, побочный сынъ Карла IV, герцогъ Лотарингскій, лице нѣкогда очень извѣстное, но нынче совершенно забытое, противъ котораго онъ вооружается съ двойнымъ ожесточеніемъ, кажется ему вторымъ Майснемъ или Балафре. Въ исторіи *стула съ ступкой* онъ видитъ новыя баррикады; происшествіе это представляется ему чѣмъ-то важнымъ и выказывающимъ все коварное лукавство «этихъ волчатъ» — какъ называетъ онъ Гизовъ, — которыхъ, по его мнѣнію, такъ хорошо описалъ, въ своихъ пребожественныхъ письмахъ, Кардиналъ д'Осса.» Расскажемъ эту исторію со стуломъ. У Водемона, этого Эль-Бѣскаго Лигёра, были кривыя и чрезвычайно короткія ноги; ему какъ-то вздумалось сѣсть на стулъ, въ присутствіи Короля, въ Марлійскомъ салонѣ, къ крайнему неудовольствію всѣхъ прочихъ герцоговъ и самого Сень-Симона, въскательнаго въ такихъ случаяхъ еще больше другихъ. Король приказалъ переменить подъ нимъ стулъ, и подать ему табуретъ съ скамейкой подъ ноги. Восхищенный этимъ, Сень-Симонъ воспѣваетъ похвальный гимнъ Королю, и восклицаетъ: «Изъ высшаго класса, Водемонъ поступилъ наконецъ въ классъ безногихъ!»

Въ другомъ происшествіи дерзость *Гизовичей* выказалась еще больше и взволновала весь дворъ въ отношеніи этикета, на который Сень-Симонъ смотрѣлъ съ такимъ уваженіемъ. Всегда думали, что при

(*) А что сдѣлалъ король? Король засмѣялся.

дворъ Людовика XIV была строгая дисциплина. Но это мѣбнѣе ошибочное; Гизы ее нарушили. Наглость Лотарингскаго дома выходила изъ всякихъ границъ. Во всѣхъ церемоніалахъ, на всѣхъ выходахъ принцы и принцесы Лотарингскія старались занять мѣста выше герцоговъ и герцогинь Франціи. Наконецъ дѣло дошло до того, что во время одного церемоніала, обманувъ и оттеревъ назадъ какую-то глупенькую штатсъ-даму, принцессы Лотарингскія вошли въ придворную церковь прежде герцогинь. Такое страшное преступленіе должно было зажечь войну во всѣхъ четырехъ концахъ государства, какъ во время борьбы католицизма съ протестантизмомъ. Къ счастью г. Сень-Симонъ былъ тутъ на лицо для спасенія Франціи. Онъ поступилъ геройски, и замѣнилъ въ этой народной войнѣ Коливьи. Конечно, здѣсь дѣло шло не о сраженіи, а просто о томъ, чтобъ идти съ жалобой къ королю, но никто изъ герцоговъ не принималъ на себя такого посольства, — или не осмѣливаясь на это, или боясь показаться смѣшнымъ. Г. Сень-Симонъ рѣшился на геройскій подвигъ, и одинъ однихонекъ приблизился къ логовищу льва, т. е. къ дверямъ кабинета Людовика XIV, что, говоря по правдѣ, тоже было довольно опасно. Король стоялъ въ амбразурѣ окна, и былъ очень въ хорошемъ расположеніи духа. Имѣя не совсѣмъ острый слухъ, онъ наклонилъ ухо къ посланнику, голосъ котораго немножко дрожалъ, не смотря на то, что онъ увѣряетъ въ противномъ; потому Его Величество очень граціозно и пріятливо подвѣлъ голову, какъ бы говоря: «хорошо; тутъ нѣтъ ничего худаго.»

Благодаря героизму г. Сень-Симона, дѣло рѣшилось въ пользу герцоговъ. Принцесы Лотарингскія были *обойдены* въ церемоніалѣ въ свою очередь, должны были занять лѣвую сторону и даже просить извиненія у герцогинь. Но такъ какъ въ успѣхъ трудно умѣрять себя, то г. Сень-Симонъ наслаждался своимъ торжествомъ не совсѣмъ скромно. Онъ началъ говорить въ слухъ, и очень вольно, на счетъ Лотарингскаго дома, на счетъ его честолюбія, на счетъ его наглости, и потомъ вздумалъ лично оскорблять г-на Ле-Гранъ, безпрестанно проходя мимо его, съ видомъ гордымъ, и озирая его съ головы до ногъ, что въ самомъ дѣлѣ должно было показаться страннымъ, потому что г. Сень-Симонъ не былъ ни великаномъ для того, чтобъ смотрѣть на Ле-Грана съ высока, ни карлой, чтобы поднимать на него глаза такъ, какъ онъ это дѣлалъ. «Наружность моя не была привлекательна» — говорить въ одномъ мѣстѣ самъ о себѣ Сень-Симонъ. Погруженный въ свой огромный паратный парикъ, онъ часто былъ долженъ снимать его, потому что у него дѣлались приливы крови къ головѣ. Но ни его

невѣстой молодую вдову, изъ знатной фамиліи, герцогиню де Ледегюильеръ, дочь Маршара Диора. Несмотря на владѣтельный санъ герцога, г-жи де Ледегюильеръ отказала ему начисто, во-первыхъ потому, что Французы не любятъ экспатрироваться, а во-вторыхъ и репутація герцога не слишкомъ льстила ему. Не бывъ еще старикомъ, онъ уже казался имъ отъ излеществъ разгульной жизни, и съ помощью налоговъ, которыми обременялъ своихъ подданныхъ, содержалъ великолѣпный сераль. Кромѣ того, первая его жена умерла скоропостижно, и даже тѣ, которые въ этомъ случаѣ поддерживали сторону герцога, говорили, что она умерла съ печали.

Потомки Гизовъ, готовые ухватиться за всякій случай, захотѣли воспользоваться и этимъ, безъ сомнѣнія называя поступокъ г-жи Ледегюильеръ глупостью. У одной изъ принцессъ Лотарингскаго дома, герцогини д'Эльбѣоръ (Франциска де Новьель) была дочь невѣста. Герцогиня была женщина грубая, невоспитанная, и чрезвычайно честолюбивая; напротивъ дочь ея, юная Сусанна, могла служить образцомъ кротости и, если судить по ея портрету, образцомъ красоты увлекательной. Лицо ея не было похоже на лица Миньяровой кисти, въ которыхъ выраженіе кокетства преобладаетъ надъ всѣмъ; напротивъ лицо Сусанны, что было рѣдкостью въ XVII, вѣкъ выражало красоту меланхолическую, трогательную. Ея мать и всѣ родные предложили ей, или лучше сказать отдали приказаніе, выдти за герцога Мантуанскаго, и такое приказаніе заставило ее содрогнуться. Зная репутацію герцога, она то же хотѣла отказать ему; но тутъ весь Лотарингскій домъ напалъ на нее, и она не имѣла силъ противиться такимъ общимъ настояніямъ. Одна надежда оставалась ей: Лудовикъ XIV былъ противъ этого союза; можегъ быть онъ не нравился ему по прежней политикѣ, всегда отклонявшей союзъ Гизовъ съ иностранными дворами; или можетъ быть — и что гораздо вѣроятнѣе, — сама дѣвица Эльбѣоръ тайно просила его защиты. Лудовикъ XIV всегда любилъ откровенность, и хотя уже охлажденчій ко всему своимъ набожными занятіями и лѣтами, онъ все еще оказывалъ благосклонность угнетенной красотѣ. Онъ не въ силахъ уже былъ покровительствовать ей съ твердостью, но по крайней мѣрѣ очень охотно выслушивалъ подобныхъ просительницъ. Спротивленіе короля скоро однакожъ было уничтожено интригами и настояніями членовъ Лотарингскаго дома, которые, по примѣру предковъ своихъ, не пощадили никакихъ средствъ для того, чтобъ достигнуть своей цѣли и ускорить этотъ бракъ. Дѣйствительно время его приближалось, гибель Сусанны становилась неизбежна, какъ вдругъ другая

любовь заставила герцога Мантиуанскаго забыть свою прекрасную невесту. Легкомысленный, непостоянный, мало заботящийся о данномъ словѣ, герцогъ ухалъ изъ Парижа, вовсе не думая о томъ, что онъ долженъ жениться черезъ нѣсколько дней. Дѣвица Эльбѣоръ думала, что она спасена; но ея мать и тетка взяли ее, и, вопреки всѣхъ приличій, поскакали съ ней вмѣстѣ, за бѣглецомъ. Они преслѣдовали его, на дорогѣ въ Италию, отъ станціи до станціи. И наконецъ, достигли въ Неверъ, въ гостиницѣ. Ему напомнили его обѣщаніе: онъ началъ отпираться, началъ спрашивать, чего отъ него хотятъ. Съ большимъ трудомъ его убѣдили, усовѣстили, и тутъ начинается одна изъ тѣхъ сценъ, которыя только Сень-Симонъ имѣетъ право разсказать. «Едва только вырвано было у него согласье, какъ г-жа Эльбѣоръ и г-жа Пампадуръ, сестра ея, послали герцогскій экипажъ за священникомъ, который въ ту же минуту и обвинялъ герцога съ Сусанной. Тотчасъ послѣ свадебнаго обряда, всѣ бывшіе въ комнатѣ вышли, чтобы дать новобрачнымъ полную свободу, хотя герцогъ вовсе не желалъ этого и просилъ всѣхъ остаться. Г-жа Пампадуръ, вышедъ изъ комнаты, остановилась у дверей и стала подслушивать. Новобрачные не приближались другъ къ другу, и завели посторонній разговоръ, который, впрочемъ, довольно трудно было имъ поддерживать. Разсудивъ наконецъ, что больше дожидаться нечего, г-жа Пампадуръ позвала свою сестру, и они опять вошли къ молодымъ. Было ясно, какъ пріятно герцогу его супружество».

Дѣйствительно, не трудно было предвидѣть послѣдствія такого союза, и несчастная Сусанна испытала это слишкомъ горько. Раздраженный насиліемъ, съ которымъ навязали ему жену, герцогъ Мантиуанскій началъ мстить Сусаннѣ, которая въ этомъ случаѣ сама была жертвой. Онъ обращался съ ней какъ нельзя хуже, дѣлалъ ее свидѣтельницей самыхъ необузданныхъ своихъ поступковъ, предпочелъ ей недостойную соперницу, окружилъ ее шпионами и клеветниками. Страшась за свою репутацію, даже за жизнь и свободу, герцогиня Мантиуанская рѣшилась обмануть бдительность своихъ враговъ. Она прибѣгла къ единственной оставшейся ей надеждѣ, къ состраданію короля, и тайно написала къ г-жѣ Ментеновъ, на глазахъ которой она родилась, и которая любила ее съ самаго дѣтства. Именемъ этой любви закликала она г-жу Ментеновъ доставить ей средства къ побѣгу, для спасенія чести и жизни. «Какъ ни ужасно мое положеніе, — писала она, — какъ ни дерзко мое предпріятіе, но я надѣюсь, что Провидѣніе, которое допустило меня сдѣлаться жертвой послушанію роднымъ, и привело сюда противъ

моей воли и желанія, поможетъ мнѣ и освободиться отсюда достойной сожалѣнія, но не порицанія. Я надѣюсь также на милость короля и на вашу, и прошу васъ, именемъ самаго Бога, скрыть мою къ вамъ просьбу отъ всѣхъ, *даже* отъ моей матушки» (*).

Герцогиня Мантуанской удалось уйти и скрыться въ одномъ изъ монастырей Лотарингіи, въ Понта-Муссонъ, гдѣ однакожъ она пробыла не долго. Одержимая грудной болѣзью, еще больше усилившейся отъ горя, она переехала въ Винценской замокъ, гдѣ ей дали помѣщеніе. «Она переселилась въ Винценъ, — говоритъ Сень-Симонъ, — подъ тѣмъ *предлогомъ*, что ей нужно пить молоко и пользоваться деревенскимъ воздухомъ». И такъ въ этомъ жилищѣ интригъ и соперничества, большихъ и малыхъ выходовъ, въ этой атмосферѣ, въ которую вѣчно былъ погруженъ Сень-Симонъ, воздухъ полей, тѣнь лѣсовъ, аромат цвѣтовъ, тишина, спокойствіе, блѣскъ дня и слабый свѣтъ сумерекъ, все, что только могло облегчить разстерзанное сердце, освѣжить больную грудь, оживить умирающую молодую женщину, все это, говорю я, по мнѣнію Сень-Симона, не было для нея существенной необходимостью, удовольствіемъ, счастьемъ, а однимъ только предложомъ! Къ несчастью и самая ея мать была одинакаго мнѣнія съ ея врагами. Въмѣсто того, чтобъ окружить Сусанну нѣжными попеченіями, родственники сѣумѣли только гордиться ея титуломъ, купленнымъ такой дорогой цѣной. Они принуждали ее разыгрывать роль государыни и требовали для нея всѣхъ почестей, принадлежащихъ ея сану; даже сами выдумывали почести, вовсе ей не принадлежащія. Только и слышно было отъ нихъ, что о гордыхъ претензіяхъ герцогини Мантуанской; она не соблаговолила допустить къ *рукъ* такую-то принцессу, она приказала отодвинуть назадъ карету такой-то герцогини. Наконецъ ее перессорили со всѣми, и возстановили противъ нея многочисленную толпу ея почитателей, уважавшихъ ея несчаствіе, увлекавшихся ея очаровательнымъ обращеніемъ. Совершенно покорная своей матери и своимъ родственникамъ, она не имѣла твердости имъ противиться, но видѣла все бѣдствіе своего положенія, и просила совѣтовъ и помощи у г-жи Ментенонъ. «Я молода, — писала она, — и притомъ не опытна. Я имѣю надобность въ руководителѣ, имѣю надобность въ вашей дружбѣ.» Никто ни принималъ въ ней участія; она была оставлена, оклеветана. Ее обвиняли въ томъ, въ чемъ были виноваты другіе, и наконецъ нашли въ ней смѣшныя стороны: ея кротость и тихость стали на-

(* Письма г-жи Ментенонъ, VII, стр. 130.

зывать сантиментальностью и притворством (*). Весь свѣтъ отступился отъ нея.

Что же дѣлали въ это время ея недостойные родственники. Удаливъ отъ себя хорошее общество, они собрали дурное, и жажда корысти побѣдила самую гордость этого дома, который жилъ только королевскими милостями; игроки, искатели приключеній наполнили Винценскій замокъ, сдѣлавшійся публичнымъ игорнымъ домомъ. Молодая, добродѣтельная, безукоризненная герцогиня Мантуанская впала въ общее презрѣнiе. Наконецъ смерть избавила ее отъ позора, вовсе ею незаслуженнаго. Утомленiе, которое наводило на нее окружающее ее общество, безсонныя ночи, истощили послѣднiя ея силы, и сдѣлали ея болѣзнь неизлѣчимою. Напрасно прибѣгали къ шарлатанамъ и эмпирикамъ. Герцогиня умерла отъ своей продолжительной и жестокой болѣзни, которую переносила она съ такимъ терпѣнiемъ, съ такой покорностью волю Промысла, которая исторгла даже слово запоздалаго участiя у охладѣвшей къ ней жмѣствы съ другими, г-жи Ментенонъ: «бѣдная герцогиня Мантуанская умерла, — писала она къ принцессѣ Урсинской. Я больше виню ея мать, чѣмъ ее».

Такъ кончилась жизнь эта молодая женщина. Быть можетъ, она унесла съ собой въ гробъ нѣжную и грустную тайну, которая какъ будто бы пробивается сквозъ жесткой и строгой разсказъ Сень-Симона.... Сусанна умерла, не доживъ еще и до двадцати четырехъ лѣтъ.

Въ XVIII вѣкѣ положенiе Лотарингскаго дома становится менѣе драматическимъ. Передъ самой революцiей жизнь членовъ его текла легко и спокойно, какъ жизнь всей Французской аристократiи, съ которой они не думали уже и равняться. Страсть къ царствованiю прошла въ нихъ, и всѣ честолюбiе ограничивалось желанiемъ жить прiятно въ Версали или въ Монжѣ. Имя этого замка соединяется съ воспоминанiями о молодости Вольтера, жившаго въ немъ нѣсколько времени. Покровительствуемый Лотарингскимъ домомъ, онъ сдѣлался потомъ, въ свою очередь, его покровителемъ. Это Вольтеру пришла мысль устроить свадьбу своего друга, Ришелье, съ дочерью Гиза; и онъ велъ переговоры объ этомъ со всѣмъ терпѣнiемъ и внимательностью дѣловаго человѣка (**). Онъ же ссужалъ нуждающихся Гизовъ деньгами, которыхъ ему никогда не возвратили, и говорилъ съ ними такимъ

(*) Г-жа Ментенонъ къ принцессѣ Урсинской. Т. I писемъ, стр. 453.

(**) *Correspondence*, edition Renouard, t. XLVI, p. 362.

фамильярнымъ тономъ, которому предки нхъ, Францискъ, даже самъ Балафре, не смотря на всю свою парадность, вѣроятно, немножко бы удивились. Въ самомъ дѣлѣ надобно согласиться, что Вольтеръ перешелъ границы обвнхъ принятыхъ имъ на себя ролей: и свата и благосклоннаго кредитора. Вотъ, на примѣръ, какіе стихи осмѣялся онъ поднести Герцогинѣ Ришелье, родной дочери принца Гиза.

Plus mon œil étonné vous suit et vous observe,
Et plus vous ravissez mes esprits éperdus;
Avec les yeux noirs des Venus,
Vous avez l'esprit de Minerve;
Mais Minerve et Vénus ont reçus des avis,
Il faut bien que je vous en donne,
Me parlez désormais de vous qu'à vous amis,
Et de votre père à personne (*).

Напротивъ о г. Ришелье можно говорить цѣлому свѣту. Репутаціи его всегда была безукоризненна, но не совсѣмъ такова была репутація сестры его, герцогини де Буильонъ. По словамъ нѣкоторыхъ, она была соперницей Адриены Лекувертюръ. Г-нъ Скибъ, основываясь на современныхъ мемуарахъ (**), сдѣлалъ героиней этого анекдота, впрочемъ не подтвержденнаго никакими фактами, принцессу де Буильонъ Собіеескую. Кузень ея, принцъ Ликсгеймъ, убитъ на дуели герцогомъ Ришелье, котораго произхождение онъ считалъ не такъ знатнымъ, чтобы онъ былъ достоинъ родства съ потомками Гизовъ. Ликсгеймъ говорилъ объ этомъ слишкомъ вольно, и Ришелье заставилъ его замолчать, убивъ на гласисѣ Филипсбурга. Вдова Ликсгейма сдѣлалась знаменита уже подъ другимъ именемъ. Это она, граціозная маршалша де Мирето, вдохновила Монтескїе единственными порядочными стихами, которые удалось сочинить этому великому писателю во всю свою жизнь. Вообще въ эту эпоху отрасль Лотарингскаго дома, водворившаяся во Франціи, поддерживалась только однѣми женщинами. Г-жа Мерсазъ, воспитательница наследныхъ принцевъ и принцессъ, въ честь которой одинъ изъ павильоновъ Тюилерійскаго дворца названъ ея именемъ, пользо-

(*) Чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ больше вы меня восхищаете; у васъ прекрасные черные глаза Венеры и умъ Минервы, но Мерверта и Венера принимаютъ совѣты, и я вамъ дамъ совѣтъ: говорить о себѣ только вашимъ друзьямъ, а о вашемъ отцѣ не говорить никому.

(**) Между прочимъ на *Journal de l'avocat Barbio*, изданный Французскимъ историческимъ обществомъ.

вадась большимъ уваженіемъ, и была женщина почти государственная. Салонъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ партіи оппозиціонной герцогу Шоазелю. Родственный союзъ съ Австрійскимъ домомъ и сама Марія Антуанета подвергались тамъ жестокому порицанію. Сарказмы, направляемые изъ павильона Мерсанъ на юную дофиню, послужили поводомъ и примѣромъ для всѣхъ жалкихъ обвиненій, отъ которыхъ впоследствии такъ много страдала королева. Другая принцесса Лотарингскаго дома, Юлія Бретань де Роганъ Гюимене, графиня де Брионъ, славилась своей красотой; и всѣ мы видѣли еще ея невѣстку, принцесу Водемонъ, (дѣвица де Монтморанси), сохранившую въ нашемъ обществѣ, смѣшанномъ изъ всѣхъ сословій, обращеніе и манеры того времени, когда искусство жить въ свѣтѣ доведено было до высочайшаго достоинства. Възлivity, чувство собственнаго достоинства, наружность, вполне соответствующая знатной дамѣ нисколько ни затмѣвали простоты ея характера и природнаго ума. Поэтому Ривароль очень удачно сравнилъ ее съ «природой, иногда суровой, часто прекрасной и всегда благодѣтельной.»

Съ именемъ г-жи де Брионъ соединяется воспоминаніе о послѣдней побѣдѣ, одержанной домомъ Гизовъ. Французскій дворъ праздновалъ свадьбу дофина съ эрцгерцогиней Австрійской, Маріей Антуанетой. Въ программу торжествъ входилъ, по обыкновенію, парадный балъ. Тотчасъ же разнесся слухъ, что на этомъ балѣ принцесса Лотарингская, дочь графини де Брионъ, и сынъ ея принцъ Ламбесъ, будутъ танцовать менуэтъ непосредственно послѣ принцевъ крови. Говорятъ, что такая честь была исходатайствована дѣтямъ графини де Брионъ самой Императрицей Маріей Терезіей, что впрочемъ не совсѣмъ вѣроятно. Какъ бы то ни было, только все Французское дворянство, высшее, среднее, низшее, единодушно возстало противъ этого. Рѣшились подать королю записку, черезъ епископа Наіонскаго. Записка была написана въ тонѣ самомъ патетическомъ, и въ ней живо было выражено крайнее огорченіе вельможъ королевства; просители, въ подкрѣпленіе правъ своихъ, подняли всю Французскую исторію, со временъ Франциска I, и ссылаясь на нѣс., - ужь конечно не забыли первыхъ Гизовъ и лиги. Король не давалъ никакого рѣшенія четыре дни: можно посудить, каково было общее нетерпѣніе и безпокойство въ продолженіе этого времени. Наконецъ Лудовикъ XV далъ отвѣтъ уклончивый: онъ только призывалъ дворянство къ вѣрности, къ покорности, и, по его собственнымъ выраженіямъ, къ взаимной дружбѣ. Но это воззваніе не успокоило претендентовъ, особенно дамъ, которыя должны были уча-

ствовать въ менуэтъ. Король сердился, но наконецъ сдѣлалъ *половинную* уступку: двѣца де Брионнъ должна была танцовать тотчасъ послѣ принцевъ крови, но братъ ея, принцъ Ламбекъ, послѣ г-жи де Лаваль, кавалеромъ которой былъ назначенъ графъ д'Артуа.... Блаженны тѣ времена, когда подобныя вещи составляли дѣло государственное!

Этотъ самый принцъ Ламбекъ, извѣстный въ Вевѣ подъ именемъ принца Карла Лотарингскаго, послѣдній въ своемъ родѣ, умеръ нѣтъ давно, находясь на службѣ старшей отрасли своего дома, нѣкогда покровительствуемой Гизами, иногда даже презираемой ими, и наконецъ безъ всякихъ происковъ и усилій, а по одному духу обстоятельствъ, достигшей той степени величія, которой тщетно добивались Гизы.

Такъ кончилъ, во времена наши, темную и безвѣстную жизнь свою послѣдній потомокъ «этихъ воиновъ—героевъ, этихъ смѣлыхъ и глубокихъ политиковъ, поборниковъ вѣры, защитниковъ и вмѣстѣ разрушителей троновъ; этихъ послѣднихъ представителей, если не феодализма, такъ по крайней мѣрѣ аристократическаго могущества.» Ихъ историкъ, который такъ вѣрно очертилъ ихъ характеры въ началѣ своего сочиненья, и кончилъ свой трудъ съ искусствомъ и талантомъ, заслужившими справедливый успѣхъ. Несмотря на то, что отдѣлить біографію Гизовъ отъ общихъ событій Французской исторіи, съ которыми они такъ тѣсно связаны, было дѣломъ довольно труднымъ, маркизъ де Булье почти вездѣ преодолѣлъ эти трудности очень удачно. Онъ далъ Французской литературѣ очень важную монографію, которой ей недоставало; и полвая благодарность ему за прекрасный рассказъ о событіяхъ эпохи достопамятной, во время которой, въ числѣ прочихъ историческихъ лицъ, и предки его сражались съ честью.

ГЕНЕВИВЪ, par A. de Lamartine. 1850. *Женева*, рассказъ А. Ламартина.

La nature, la nature et encore la nature!

Lamartine. Geneviève.

Кто-то уже очень давно сказалъ, что искусство въ томъ, чтобы его не было замѣтно. Кто бы ни былъ этотъ *кто-то*, но онъ сказалъ правду. Искусство — творчество, а творчество, т. е. способность творить, обнаруживается на самомъ твореніи, какъ необходимомъ его слѣдствіи. Оттого, твореніе автора только тогда полно жизни и красоты, когда вызвано дѣйствительной, а не воображаемой творческой способностью и имѣетъ это достоинство лишь въ той мѣрѣ, въ какой надѣленъ авторъ этой способностью. Другаго мѣрила невозможно приложить къ литературному произведенію, рѣшаясь произнести надъ нимъ безпристрастный судъ. Оно полно жизни, оно увлекаетъ читателя въ созданный писателемъ міръ, если представляетъ мысль автора въ тѣхъ дѣйствительно человѣческихъ образахъ, которые мы называемъ характерами, въ образахъ, свободно раскрывающихся, не сдавленныхъ тяжелой печатью личности автора. При такомъ условіи нечего и говорить о завязкѣ, этомъ фокусѣ столкновеній созданныхъ авторомъ характеровъ, потому что полные жизни, облеченные въ плоть и кровь, типы непременно должны подѣйствовать одинъ на другаго такъ, а не иначе. Оттого думаемъ мы, что созданіе живыхъ характеровъ — главный и несомнѣнный признакъ таланта. Скажемъ болѣе — болѣшая или мѣньшая живость характеровъ предполагаетъ болѣшую или мѣньшую степень таланта. Вотъ почему мы рѣшительно отказываемся признать большой талантъ за однимъ изъ современныхъ Французскихъ писателей, за авторомъ сентиментальной «Женева», сентиментальныхъ «Признаій», сентиментальныхъ «Гармоній» и наконецъ сентиментальныхъ поэмъ. Русскій умъ слишкомъ свѣтелъ, чтобы много сочувствовать его сентиментальной метафизикѣ. Гораздо съ болѣшимъ участіемъ и любовью читаемъ мы Проспера Меримѣ, Альфреда Мюссэ и некоторыхъ другихъ современныхъ Французскихъ романистовъ и драматурговъ.

Это не значитъ, однако, чтобы мы отказывали г. Ламартину въ талантѣ: мы только отказываемъ ему въ *большомъ* талантѣ, основываясь на блѣдности большей части его характеровъ, изъ которыхъ безпрестанно просвѣчиваетъ его сентиментальнѣйшая личность. Едва ли кто-либо не согласится съ нами въ томъ, что сентиментальность — признакъ холодноватой природы, ищущей замѣнить чувство воображеніемъ и здравый смыслъ натянutoй, пелегко переваримой моралью. — Въ ней-то и заключается, по нашему мнѣнію, явный и важный недостатокъ музы г. Ламартина; она-то, быть можетъ, помѣшала его таланту развиваться вполне! Сентиментальность — вещь страшная по своему вліянію на всего внутренняго человека. Она подъѣдаетъ жизнь его въ самомъ корнѣ, она удаляетъ его изъ дѣйствительнаго міра въ блѣдный міръ блѣдной фантазіи, она чуть не останавливаетъ біенія сердца и движенія крови въ жилахъ! Пусть вспомнитъ читатель «Рафаэля» эти *pages de la vingtième année*; пусть вспомнитъ онъ, какъ, при всемъ желаніи убѣдить себя и весь міръ въ дѣйствительности и глубокой искренности страсти этого молодого человека, г. Ламартинъ не можетъ не заставить его драпироваться передъ собою, передъ женщиной, будто бы любимой имъ, наконецъ передъ читателями его записокъ, и тѣмъ отнять у него всякую вѣру въ ея искренность и дѣйствительность! Кто же, спрашиваемъ мы, кто же не подумалъ, закрывая книгу, что и Рафаэль, и его Юлія, и любовь ихъ безцвѣтны, потому что натянuty и сентиментальны, что Рафаэль и Юлія — не живые характеры, а темные образы, слабо освѣщенные той «вѣчно задумчивой луной», которую такъ сильно и вмѣстѣ такъ холодно любятъ мечтатели. Кто же, прочитавъ «Признанія», не почувствовалъ совершеннѣйшей полноты образовъ, которые авторъ напрасно силится создать передъ нами. Прекрасный образъ Граціеллы одинъ составляетъ исключеніе, да и то авторъ, даже въ молодости, остался равнодушенъ къ этому образу. Всѣ прочія лица «Признаній» — идеальны добры, идеальны честны, идеальны самоотвержены: ихъ и не отличишь одно отъ другаго.

«Женевъевой» начинается рядъ разсказовъ, назначенныхъ г. Ламартиномъ для простаго народа. Лѣто 1846 года провелъ онъ въ Марсели, гдѣ, какъ почти во всѣхъ провинціальныхъ городахъ Франціи, появленіе стихотворца произвело необыкновенное движеніе, и слѣдовательно нарушило обычную монотонію жизни. Провинціалы страшно любопытны узнавать столичныя лица, особенно столичнаго поэта. Въ числѣ литераторовъ, посѣтившихъ Ламартина чуть не въ самую минуту его

пріѣзда въ Марсель, была дѣвушка, нарочно пріѣхавшая изъ Э, чтобы увидѣть его. Ей было около сорока лѣтъ.

— Что заставило васъ пріѣхать сюда? спросилъ ее Ламартинъ. *Вы не то, что эти волны, которыя приливаютъ и отливаютъ, сами не зная зачѣмъ. Вы мыслите; вы кажется мнѣ дѣвужкой умной и живой; какая же мысль заставила васъ взять мѣсто въ дилжансѣ и пріѣхать изъ Э прямо ко мнѣ?*

Оказывается, что сорокалѣтняя дѣвушка не только любитъ стихи, *«qui chantent bien dans l'oreille ou qui pleurent bien dans les yeux»* (мы отказываемся перевести эти слова), но и сама пишетъ посланія и эпиграфы къ своему щегленку. Г. Ламартинъ такъ характеризуетъ ея поэзію: *это, говоритъ онъ, грустная монотонія, это романсъ, построенный на нѣсколькихъ нотахъ, и семь-восемь образовъ для выраженія безконечнаго.*

Быть можетъ, она была очень почтенная дѣвушка, одна изъ тѣхъ любознательныхъ и мыслящихъ натуръ, которыя, не смотря ни на какія обстоятельства, достигаютъ своей цѣли — выучиваются грамотѣ, и такимъ образомъ получаютъ возможность удовлетворить свою любознательность. Но, судя по разсказу г. Ламартина, мы не можемъ сказать этого утвердительно — такъ слабо очерченъ ея характеръ, такъ много натягута въ ея разговоръ. Она жалуется, между прочимъ, на бѣдность книгъ и писателей, доступныхъ ея сословію (она была бѣдная швея *couturière*). Это можетъ быть и справедливо, но она говоритъ объ этомъ не какъ живое существо, а какъ тѣ неподвижныя дѣти, которымъ вмѣняютъ въ достоинство ихъ неподвижность. — Это лишаетъ разговоры всякаго живаго интереса. Ламартинъ говоритъ съ ней, какъ наставникъ съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, на которомъ лежитъ неизгладимая печать изъ здраваго и широкаго, а узкаго благопріятія. Въ разговоръ ея много истинаго и справедливаго, но въ то же время пропасть фразъ. Всѣмъ известна бѣдность дѣтской литературы; народъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на ребенка; народная книга должна быть приспособлена къ народному характеру и народнымъ понятіямъ, — но вопросъ въ томъ, чтó значитъ это приспособленіе и чтó охотнѣе поетъ и читаетъ народъ — «Гармунія» и «Ифеневьеву» Ламартина, или пѣсни Беранже?

Этотъ разговоръ заставилъ г. Ламартина, разсказать исторію Ифеневьевы. Къ тому же, авторъ *Josephyn* получалъ множество писемъ отъ своихъ поклонниковъ, которые спрашивали его, между прочимъ, кто была Марта, чтó стало съ ней по смерти священника, и въ

самомъ ли дѣлѣ послала она это имя. Г. Ламартинъ отвѣчаетъ, что ее звали и зовутъ Женеьевой, потому что она еще жива. «Вотъ повѣсть ея жизни, говоритъ онъ, повѣсть однообразная, короткая, блѣдная, какъ зимній день, эготъ небольшой промежутокъ между продолжительными сумерками. Я помню рассказъ ея, какъ будто она говорила со мной только вчера. *Небо надѣлило меня способностью запоминать мльста, лица, звукъ голоса; для меня не существуетъ времени. Двадцать мльтъ — ночь для меня. Но это вышшла память. Мнь не нужно памяти, чтобы не забыть впечатлннй, привязанностей, чувствъ, ударовъ, поразившихъ сердце. Они не перестаютъ жить въ моемъ сердцѣ. Они не минули, а совершаются во мнь; прошедшее чуждо моей натурѣ: все въ ней настоящее.... Внутри мени въ самомъ дѣлѣ совершается тайна вьчлаго движенія, котораго механики напрасно ищутъ внь Бога. Это рано доказало и дало мнь почувствовать духовность души и безконечность, Я увьренъ, что не ошибусь ни въ одномъ обстоятельстве, подробности, словъ, звукъ голоса, рассказывал мой разговоръ съ Женеьевой».*

Мы не будемъ подробно рассказывать исторіи Женеьевы, и только укажемъ на общее содержаніе новой повѣсти Ламартина. Женеьева — блѣдная дѣвушка, рано лишившаяся отца и матери, и обязанная сама снискивать себѣ пропитаніе. Она добра, трудолюбива, набожна, честна, самоотверженна, чувствительна, терпѣлива и т. д. — словомъ, владеетъ всѣми качествами души, въ которыхъ совершенно терется ея личный характеръ. Она переживаетъ много горя, она несчастлива большую часть своей жизни, она осталась чиста, какъ голубь, не смотря на всѣ тяжелыя обстоятельства, она принесла себя на жертву поруганію, чтобы спасти репутацию своей умершей сестры, она, наконецъ, не позволяетъ себѣ убить муху на томъ основаніи, что не человекъ далъ ей жизнь. Но, спрашивается, что же изъ этого для народа, который имѣлъ въ виду г. Ламартинъ? Мы думаемъ, что рассказъ его гораздо болѣе интересенъ для высшихъ классовъ общества, нежели для народа. Онъ знакомитъ ихъ съ жизнью, обычаями, народа, слѣдовательно съ вещами, которыя и безъ «Женеьевы» очень хорошо извѣстны народу. Что же новаго сказалъ г. Ламартинъ той портнихѣ изъ Э, которой посвятилъ свой рассказъ? Она сама пережила едва ли не все, пережитое Женеьевой. Сентиментальная біографія служанки не прибавитъ ничего къ стихотвореніямъ, въ которыхъ она воспѣваетъ своего друга — щегленка. Если мы не ошибаемся, г. Ла-

мартинъ вращается въ заколдованномъ кругу, безъ ясно сознанной цѣли. Систематическая, холодная мораль его не увлекаетъ человѣка съ сердцемъ, а тѣмъ болѣе народъ, у котораго больше сердца, нежели способности и охоты къ метафизическимъ отвлеченностямъ, напоминающимъ блаженной памяти алхимию. Какъ ни старается г. Ламартинъ о простотѣ разсказа, но въ разсказѣ его всего менѣе простоты.—Вы найдете въ немъ удачныя сцены, даже прекрасныя описанія мѣстностей; но цѣлое далеко отъ того, чтобъ удовлетворить всѣмъ, хотя главнымъ, требованіямъ искусства. Читая «Женевьеву», вы рѣшительно теряетесь, когда задумаетесь надъ ея характеромъ. Мѣстами авторъ ставитъ ее на недостижимую сентиментально-правственную высоту; иногда вы думаете видѣть въ ней ясныя признаки идиотизма; изъ жалкой и несчастной авторъ, самъ того не зная, дѣлаетъ ее смѣшной каррикатурой. Дѣло въ томъ, что она ни нравственная героиня, ни каррикатура, а просто добрая, простая женщина и преданная служавка. Но г. Ламартинъ любитъ *возвышенное*. «Съ религіознымъ уваженіемъ и вѣжной улыбкой, говоритъ онъ, созерцалъ я всегда тотъ классъ людей, которыхъ въ древности называли рабами или вольноотпущенными, въ Греціи кормилицами, *domestique* или живую часть дома въ средніе вѣка, *domus* во Франціи, семьей въ Италіи и Испаніи, и это настоящее названіе домашней прислуги (*), потому что слуга въ основаніи не что иное, какъ пополненіе, разширеніе того милаго и вѣжнаго союза между людьми, который называется семействомъ. Эта семья безкровнаго родства, семья по усыновленію, и пр. пр.... *Слуга для семейства тоже, что внутренний дворъ для самаго дома*». Вотъ въ чемъ главный недостатокъ г. Ламартина, какъ художника.

Намъ остается указать на тѣ отрывки въ разсказѣ г. Ламартина, которые кажутся намъ наиболѣе удачными.

Оставшись сиротой, Женевьева открыла маленькую лавочку и торговала мелочами. Молодой разнощикъ Киприанъ (Сургиен) часто навѣщалъ ее, и закупалъ у ней свои товары. — Это былъ здоровый, добродушный юноша, привязавшійся къ ней и задумавшій на ней жениться. Однажды прислалъ онъ къ ней своего отца; Женевьева поправилась старику, и онъ предложилъ ей выйдти за сына. Вотъ ея

(*) Русскій бытъ представляетъ названіе, еще болѣе возвышенное, болѣе значительное, болѣе трогательное: *домочадцы*. М. П.

свиданіе съ Кипріаномъ въ первое воскресенье послѣ ея разговора съ отцомъ.

«Въ воскресенье Кипріанъ, по обыкновенію, пришелъ ко мнѣ, говорить Женеьева. Ему было вмѣстѣ и весело и совѣстно; мнѣ тоже. Онъ робко протянулъ мою руку черезъ конторку, за которой и складывала серпянку, слегка пожалъ се, и смотрѣлъ мнѣ въ лице, чтобы узнать, не сержусь ли я на него. Я не сказала ни слова и вовсе не казалась сердитой. Это ободрило его.

— Такъ вы не сердитесь на меня, Женеьева? сказалъ онъ.

Я отвѣчала ему только: *нѣтъ*—голосомъ очень нѣжнымъ, и не отнимала руки. Мы оставались въ этомъ положеніи долго, долго, не говоря ни слова, но сердце мое такъ сильно билось, и его сердце тоже, что ихъ было слышно, какъ мушкетеръ.

— Женеьева, сказалъ онъ наконецъ, отецъ говорилъ съ вами?

— Да, отвѣчала я ему и не сказала больше ни слова.

— Такъ насъ могутъ благословить въ наступающемъ мѣсяцѣ.

— Въ наступающемъ мѣсяцѣ? отвѣчала я.

— Конечно! сказалъ онъ, вставал, и отъ радости началъ бить въ ладоши.

— Конечно! отвѣчала я съ важностью, какъ будто произносила клятву.

— Такъ пойдемъ гулять по лугу, потому что я не могу усидѣть на мѣстѣ. У меня болятъ ноги—такъ хочется мнѣ выйти съ вами, Женеьева, и всѣмъ землякамъ, которые мамѣ встрѣтятся и спросятъ: «съ кѣмъ это Кипріанъ?» отвѣтить: съ моей *невѣстой*.

И мы пошли.

Мы гуляли весь вечеръ, далеко, очень далеко, по лугамъ, по берегу рѣки. Малушка сестра моя была съ нами: она не понимала, что происходитъ между нами, бѣгала взадъ и впередъ, забавляясь бабочкой или маленькой рыбкой, показывавшейся въ водѣ. Мы говорили также мало, какъ и дома, мы все время держались за руки, т. е. за концы пальцевъ, какъ дѣти, идущія въ школу. Это было ему пріятно, мнѣ тоже, и мы вдыхали такъ глубоко, такъ глубоко, что малюшка отъ времени до времени тихо говорила мнѣ: «Ты грустна, Женеьева. И за чѣмъ этотъ противный Кипріанъ огорчаетъ тебя?»

Это смѣшило Кипріана, которому я передавала слова дѣвочки, когда она убѣгала отъ насъ. Я закрывала глаза фартукомъ, будто утирая

слезы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы улыбнуться и съ улыбкой посмотреть на Кипріана. Онъ пожималъ мнѣ руку. Дѣвочка сдергивала «артугъ съ моихъ глазъ и говорила: «а! вы смеетесь, стало быть все это шутка!»

Вотъ описаніе помолвки въ томъ видѣ, въ какомъ она совершается въ Дофина.

«Не успѣла я завязать башмаки и спереди и сзади приколоть къ зеленому шелковому платью мою красную косынку, какъ услышала шаги мула, остановившагося у крыльца. Кто-то постучался; я отворила дверь: это былъ Кипріанъ, въ новомъ платьѣ, въ новыхъ башмакахъ, въ новой шляпѣ съ широкими полями, изъ-за которыхъ видѣлись его длинныя черныя волосы. На дворѣ еще было не совсѣмъ свѣтло, хотя прошло уже три недѣли отъ святой. Подъ окнами, на улицѣ, не было еще никого.

Кипріанъ выѣхалъ ночью, чтобы привезти меня въ свою деревню рано утромъ, и поспѣть къ обѣднѣ въ сельскую церковь. Мулъ вѣлъ у крыльца изъ мѣшка, повѣшеннаго ему на шею. На немъ было красное перо, цѣпь изъ бубенчиковъ, которые весело звучали при малѣйшемъ движеніи шеи, кожаный нагрудникъ, украшенный блестящими какъ золото бляхами, широкое, покрытое цвѣтнымъ шерстянымъ ковромъ, сѣдло съ толстой косяной и мѣдной рукоятью спереди, чтобы опираться, и двумя желѣзными стременами, на коротенькихъ ремняхъ, чтобы женщина могла поставить въ нихъ ноги.

— Поспѣшимъ, Женеваева, сказалъ Кипріанъ. Не надо терять времени; путь длиннѣе, а солнце поднимается быстро. Когда оно выйдетъ изъ-за роши, семья моя будетъ уже ждать насъ.

«Я заперла дверь, и отдала ему ключи, какъ будто онъ уже мужъ мой. Онъ взялъ меня на руки, посадилъ на сѣдло, поставилъ мои ноги въ стремена, далъ мнѣ въ одну руку поводья, а другою совѣтовалъ держаться за рукоятъ сѣдла.

«Не бойтесь, Женеваева, сказалъ онъ, я пойду съ боку немного впереди и поведу мула подъ уздцы. Если онъ оступится и вы испугаетесь, то закричите мнѣ и бросайтесь прямо ко мнѣ: я не дамъ вамъ упасть на земь».

«Я боялась, но не сказала ни слова и скоро успокоилась, смотря на плеча и волосы Кипріана, почти касавшіеся моего колѣна и сметавшіе мнѣ пылъ съ башмака. Я думала: «мнѣ нечего бояться, когда онъ

такъ близко отъ меня». Было еще не совсѣмъ свѣтло, когда мы миновали мостикъ и стали подниматься по тропинкѣ, ведущей въ горы. Киприанъ не оглядывался на меня и не говорилъ со мною ни слова; онъ громко запѣлъ, и притомъ, такимъ звучнымъ голосомъ, что окрестныя скалы повторяли его пѣсню. То была горная обручальная пѣсня:

•Belle, ouvrez moi la porte

•A l'heure de minuit.

Голосу Киприана вторили бубенчики и копыта мула; пробуждающійся соловей, улетающій жворонокъ, шумный водопадъ и молодыя дѣвушки, накинущія постели и выбѣгавшія на улицу, чтобы посмотреть на насъ, все это было такъ весело! Я была счастлива: мнѣ казалось, я поднимаюсь на седьмое небо.... Минутами сердце сжималось при мысли, что я покинула Жозетту, но грусть по ней продолжалась недолго. Киприанъ сворачивалъ на другую скалу, входилъ въ другой лѣсъ, переходилъ черезъ ручей босыми ногами, или сидя за мною на мулъ, и мнѣ снова становилось весело и отрадно.

.....

— И онъ ни разу не поцѣловалъ васъ, Женева? спросилъ Ламартинъ.

— О нѣтъ! клянусь вамъ, что нѣтъ! отвѣчала Женева. Онъ слишкомъ честенъ для этого. Онъ краснѣлъ болѣе меня. Онъ не коснулся меня губами, пока отецъ не сказалъ ему потомъ за объдомъ: «Киприанъ, поцѣлуй же невесту»!

«Отъ времени до времени, останавливались мы въ тѣни, на краю пѣнящагося ручья, чтобы дать вздохнуть мулу. Киприанъ срывалъ вѣтку съ молодой сосны, и давалъ ее мнѣ, чтобъ освѣжиться ею и сгоять мухъ съ лица; когда мнѣ захотѣлось пить, онъ зачерпнулъ горсть воды изъ ручья и далъ мнѣ напиться. Вода отъ рукъ его казалась мнѣ особенно вкусной, какъ будто это еще болѣе сближало меня съ тѣмъ, кто долженъ былъ сдѣлаться моимъ мужемъ, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ пила потъ и жизнь его (!). Когда я напилась, онъ пилъ послѣ меня и бросалъ мнѣ въ лице нѣсколько освѣжительныхъ капель воды. Вотъ все, что случилось съ нами въ дорогъ.

.....

Когда мы подъехали къ длинному деревянному мосту, окрашенному красной краской, мы услышали ружейные выстрѣлы, которые какъ громъ раздавались въ пропасти. «Не бойтесь, сказалъ Кипріанъ; родные идутъ намъ на встрѣчу съ парнями и дѣвушками».

«Мы встрѣтили ихъ на серединѣ моста. Ихъ было человекъ тридцать. Тутъ были парни и дѣвушки, старые и малые. Отецъ Кипріана стоялъ впереди всѣхъ. Кипріанъ передалъ ему мула. Дѣти бросали подъ ноги животнаго хлѣбныя зерна и макъ; весь мостъ былъ устланъ краснымъ макомъ, но я была красавице мака: мнѣ было совѣстно, что меня встрѣчаютъ съ почестями, какъ королеву!»

«Меня проводили такимъ образомъ до церкви, гдѣ священникъ благословилъ насъ, и отсюда въ хижину Кипріанова отца, гдѣ мы должны были привѣтствовать старуху-мать и отвѣдали хлѣба. Передъ всякой избой мы находили столикъ, покрытый пеньковой скатертью, пироги, сахарныя блины, пирожки, бѣлое вино и цвѣты въ вѣдѣ. Матери и дочери стояли у порога; надо было отвѣдать всего по пути. Таковъ обычай. Исполнивъ его, невѣста принадлежала къ общинѣ.

«Мать Кипріана подала мнѣ сосновую лѣсенку о трехъ ступенькахъ, когда я сходила съ мула. Она взяла меня за руку, и не смотря на то, что хромала, торжественно повела меня въ хлѣвъ, въ житницу, въ амбаръ, къ колодцу, въ прачешную, къ печкѣ и наконецъ въ домъ. Здѣсь стоялъ длинный столъ; на столѣ лежалъ сдобный хлѣбъ, кушанья и вино; она повела меня къ плитѣ, на которой дымились кастрюли; она заставила меня дотронуться до котла и тагана; потомъ подѣловала меня и сказала два-три слова на мѣстномъ нарѣчій, которыхъ я не поняла.

«Я не смѣла отвѣчать ей, и если бѣ не увидѣла въ эту минуту Кипріана, который стоялъ сзади съ родными, я бы убѣжала. Мужчины сѣли за столъ; мать, я и другія женщины прислуживали имъ. Отецъ отъ времени до времени сажалъ меня на скамью, давалъ мнѣ ѣсть и выпить съ нимъ кружку бѣлаго вина; остальное время, приподнявъ платье, и пришиливъ его къ поясу, засучивъ рукава, и безъ прически, ходила я съ другими женщинами мѣсить вотрушки, вымывать блюда и наполнять бутылки. «Она не горда, а добрая работница, говорили старухи Кипріановой матери; Богъ пославъ вамъ счастье; у васъ будетъ хорошая служанка въ домъ».

Послѣ обѣда Женевьева на томъ же мулѣ отправилась въ свою деревню Вуаронъ. Отецъ посадилъ ее на мула. Вся деревня провожала ее до краснаго моста. *В.*

Авторъ, можетъ быть, правъ въ основаніи, но нельзя не признаться, что Ламартинъ исполненъ увлекательныхъ страницъ, и пріятно бываетъ иногда забываться, уносясь съ нимъ въ міръ *его* сентиментальности. Духъ нашего вѣка совершенно другой, противоположный, — потому Ламартинъ и не можетъ имѣть столько поклонниковъ, сколько имѣлъ бы онъ, родясь въ другое время, потому и нравятся теперь больше Пр. Мериме, Алф. де Мюссе, которые, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, должны, кажется, уступить ему въ своей *valeur intrinseque*. *М. П.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 14.

Юль.

Кн. 2.

СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ МАГАБГАРАТЫ.

(Посвящается Казтану Андреевичу Коссовичу).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переведенный мною рассказъ о «Сундѣ и Упасундѣ» есть одинъ изъ эпизодовъ древне-Индійской поэмы Магабгараты, которая сочинена отшельникомъ Вьясою, за 2,000 лѣтъ до Р. Х. Въ ней рассказывается о разрывѣ и борьбѣ двухъ родственныхъ племенъ — Куру и Панду, но въ этотъ главный рассказъ входитъ множество побочныхъ, которые имѣютъ между собою связь, и взятые вмѣстѣ съ главнымъ, составляютъ одно цѣлое. Съ листовъ Магабгараты вѣетъ чѣмъ-то дивнымъ, особеннымъ, незнакомымъ, и въ этомъ старомъ есть очень много новаго. Но чтобъ чувствовать отраду и сладость этихъ свѣжихъ, нетронутыхъ рудниковъ, чтобъ понимать эти чудные, величественные рассказы и увлекаться ими, надо много труда и терпѣнія, надо глубоко изучить этотъ міръ и совершенно сродниться съ нимъ душою. Тогда только оживетъ передъ вами мертвая Санскритская буква, и вы получите чистѣйшее наслажденіе отъ прочтенія знаменитой Магабгараты.

Эта поэма напечатана была всего только одинъ разъ, въ Калькуттѣ, въ 1834 и 1839 годахъ, разными учеными Индусами, при помощи Англійскаго Комитета Народнаго Просвѣщенія и Азіятскаго Бенгальскаго Общества. Ни на одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ ея полнаго перевода. Намъ извѣстны одни отрывки, какъ-то: эпизодъ о «*Савитри*» въ Нѣмецкихъ стихотворныхъ переводахъ Боппа, Гольцмана и Гёсера; эпизодъ о «*Потопъ*», рассказанный по-Русски нашимъ санскритологомъ Петровымъ; «*Бгъвадъ-Гита*», классически переданная на Латинскій языкъ А. Шлегелемъ и Х. Лассеномъ; «*Путешествіе Арджуна въ міръ Индры*» — переводъ Боппа, и наконецъ «*Наль и Дамаянти*» — рассказъ, извѣстный и Русскимъ читателямъ въ переводахъ Гг. Жуковскаго и Вельтмана.

Вотъ все, или почти все, что мы знаемъ изъ огромнаго сочиненія Вьясы. Но все это, взятое вмѣстѣ, есть только одна капля въ этомъ Индійскомъ морѣ — въ Магабгартѣ.

Въ Калькуттскомъ изданіи Магабгарты, передъ самымъ ея текстомъ, напечатано нѣсколько тысячъ стиховъ, написанныхъ въ видѣ предисловія позднѣйшимъ Индійскимъ повтомъ, котораго имя неизвѣстно. Любопытны его восторженные похвалы поэмѣ. Я приведу нѣсколько изъ нихъ въ самомъ вѣрномъ прозаическомъ переводѣ, потому что вѣрный стихотворный переводъ ихъ совершенно невозможенъ.

Вотъ какъ говоритъ древній Индійскій редакторъ Магабгарты объ ней и объ ея сочинителѣ:

«Отшельникъ Кришна — Двапална (Вьяса) составлялъ эту поэму въ продолженіи трехъ лѣтъ. Во все это время онъ не имѣлъ никакихъ иныхъ желаній и помысловъ. Все время стоялъ на ногахъ, онъ, чистый и могучій духомъ; огонь благочестія и самопорабощенія проникалъ всю его душу.»

«Человѣкъ, ставши на путь, ведущій къ небу, не обрѣтаетъ такого наслажденія, какое вкушаешь, слушая сіе сказаніе, исполненное чистоты.»

«Все, чѣмъ держится законъ и общественная жизнь; все, чѣмъ движутся страсти; и все, что возвышаетъ человѣка надъ страстями, если есть все сіе въ Магабгартѣ, то есть и въ жизни; если же не найдешь сего въ Магабгартѣ, то не найдешь и въ дѣйствительности.»

«Пусть Двуродженный (т. е. Брѣгманъ, или Кшаттрія) знаетъ 4 Вѣды, со всеми Ангами и Упанишадами, но если онъ не знаетъ сего сказанія, то онъ не мудръ.»

«Неизмѣримый разумомъ Вьяса изложилъ здѣсь законы человѣческихъ отношеній, великіе законы правды и любви.»

«Если выслушаешь это повѣствованіе, то тебя уже не плѣвнѣтъ никакой другой разсказъ, какъ послѣ пѣвнѣи Пуноскокилы ты не станешь слушать карканья ворона.»

«Если ты не вкушалъ сладости сего разсказа, то знай, что безъ него нѣтъ поэзии на землѣ, какъ безъ вкушенія пищи нѣтъ крѣпости человѣческому тѣлу.»

«Какъ ищущіе благоденствія подданные, находятъ его въ великомъ и мудромъ государѣ, такъ и поэты, ищущіе вдохновенія, находятъ его въ глубокомъ кладязѣ сего повѣствованія.»

Сколько правды въ этихъ словахъ, рѣшить трудно. Надо сдѣлаться Брагманомъ и прочесть Магабгарату. Но прочесть ее не такъ легко: въ ней, какъ говоритъ тотъ же поэтъ—18 книгъ, въ которыхъ, какъ дополненіе, присоединяется 19-я, Гариванса (потомство Гарія, т. е. Вишну). Въ этихъ 19 книгахъ 387,024 стиха!! Это исчисленіе написано также стихами. Любопытно видѣть, къ какимъ хитростямъ и поэтическимъ вольностямъ (впрочемъ не противорѣча законамъ своего языка) прибѣгаетъ редакторъ Магабгараты, исчисляя стихи ея. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

«Ади-първа—книга первая—содержитъ въ себѣ восемь тысячъ словъ (т. е. двустышій) и еще восемьдесятъ словъ, и еще четыреста словъ.»

«Книга вторая содержитъ въ себѣ двѣ тысячи словъ и еще пятьсотъ словъ и еще одиннадцать словъ,» и т. д.

Теперь перейдемъ къ эпизоду о «Сундѣ и Упасундѣ.» Въ основаніи этого разсказа лежитъ древнее міеологическое преданіе. — Дайтѣи, потомки богини Дити, жены Касьяпа, одного изъ міростроителей, находились въ вѣчной враждѣ съ Адитѣями, сыновьями Адити, другой жены Касьяпа. Причиною ихъ вражды было слѣдующее обстоятельство. Когда существа были созданы Брагмою и міростроителями, должно было имъ увѣковѣчить свое бытіе—достать изъ нѣдръ океана влагу безсмертія. Долго трудились заодно Дайтѣи и Адитѣи; наконецъ желанная влага заблестала; Дайтѣи бросились къ ней и каждый закричалъ: «моя влага! моя влага!» Брагма и Вишну наказали ихъ за это, лишивъ влаги и отдавъ ее кроткимъ Адитѣямъ, потому что они трудились съ самоотверженіемъ, меньше тѣхъ думая о наградѣ.

Мой переводъ Сунда и Упасунда сдѣланъ безъ всякихъ ученыхъ притязаній и довольно далеко отъ подлинника. Это скорѣе подражаніе, нежели переводъ. Здѣсь читатель не найдетъ всего того, что разска-

770753A

зывается о Сундѣ и Упасундѣ въ Магабгаратѣ. У меня только сущность, экстрактъ того разсказа, потому что я хотѣлъ сдѣлать какъ можно болѣе доступнымъ и удобнымъ для чтенія этотъ эпизодъ, а въ подлинникѣ (если не ознакомишься окончателно съ духомъ Санскритской поэзіи) онъ кажется довольно нескладнымъ произведеніемъ, исполненнымъ безпрестанныхъ повтореній и какого-то беспорядка, къ чему очень трудно привыкнуть.

Слоки, или двустипшія подлинника я замѣнилъ четырехстишіями, потому что тамъ каждый стихъ слоки имѣетъ посерединѣ пересѣченіе, больше, нежели цезуру, такъ что изъ двухъ слокъ выходитъ четыре стиха. Размѣръ подлинника совершенно такой, какъ у меня, съ тою только разницею, что у меня онъ правильнѣе, а тамъ количество четырехсложной стопы чрезвычайно неопредѣленно и самый размѣръ слоки, состоящей обыкновенно изъ восьми такихъ стопъ, или изъ 32-хъ слоговъ, безпрестанно измѣняется; но дактиль на концѣ слышится вездѣ и тамъ. Я пробовалъ-было и другіе размѣры, но ни одинъ не пришелся къ дѣлу какъ надо, и я принужденъ былъ обратиться къ этимъ однообразнымъ дактилямъ. Бываютъ случаи, когда размѣръ есть дѣло очень важное. Такъ Данте понятенъ и живъ только въ своихъ неподражаемыхъ терцинахъ; Гомеръ въ своихъ гекзаметрахъ; а нашего Илью Муромца, или Васюку Буслаева, или Соловья Будиміровича никогда не перескажете ямбомъ или хореемъ такъ, какъ онъ пропѣтъ Русскимъ напѣвомъ у Кирши Данилова. Злѣсь же, въ Магабгаратѣ, этотъ постоянный дактиль на концѣ нуженъ для выраженія какой-то величавости и торжественности разсказа, какой-то священной тишины, располагающей ко вниманію.

Собственныя имена (въ которыхъ, какъ я полагаю, нѣтъ никакой особенной важности) я переводилъ двойко: иногда, для размѣра, удерживалъ окончаніе подлинника *асъ*, а иногда замѣнялъ его нашимъ *в*: такъ *Сундасъ* я перевелъ *Сундъ*, а *Ракшасъ*, *Ямасъ*, *Кѣлясъ* и другіе оставилъ какъ въ подлинникѣ. Я имѣю въ свою защиту немногіе примѣры словъ, взятыхъ съ Греческаго, гдѣ окончаніе подлинника *ос* сохранилось безъ перемѣны: Патмосъ, Родосъ, Косъ. Тогда какъ въ другихъ случаяхъ *ос* измѣнилось въ *в*: *Ἀλεξάνδρος*—Александръ и м. д.

Въ заключеніе я хочу сказать о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, встречаемыхъ переводчикомъ съ Санскритскаго языка на какой-нибудь изъ Европейскихъ, хотя читателямъ нѣтъ никакого дѣла до этихъ затрудненій. Мы привыкли переводить съ языковъ Европейскихъ и знаемъ всѣ условія этихъ переводовъ. Другое дѣло языкъ Санскритскій. Мы со своими

языками передъ нимъ тоже, что однострунная скрипка передъ четырех-струнной, и иногда не возьмемъ всѣхъ его нотъ и тоновъ, какъ бы ни были длинны наши пальцы. Одно изъ главнѣйшихъ его свойствъ — необыкновенная и почти непонятная для насъ гибкость и, такъ сказать, тягучесть. Всякая мысль по-Санскритски можетъ быть выражена, смотря по вадобности, въ одномъ, въ двухъ, въ трехъ, въ десяти, въ двадцати словахъ. Напримѣръ: «я вижу столъ, окрашенный красной краской, покрытый лакомъ и стоящій въ углу.» Все это древнѣйшій Индусъ сказалъ бы въ двухъ словахъ: онъ сказалъ бы: *вижу столъ*, но передъ словомъ *столъ* поставилъ бы все то, что надо объ немъ сказать, взявши для того не полныя слова, а только ихъ корни, которые, по свойству языка, обратились бы въ эпитеты къ слову, передъ которымъ поставлены. Это удивительное свойство языка преимущественно затрудняетъ переводчика. Представьте себѣ, что въ рѣчи встрѣтятся три-четыре такихъ сжатыхъ слова: у васъ выйдетъ 20! Это, конечно, болѣею частью, еще не бѣда, но бываютъ случаи, когда сжатость и краткость въ рѣчи совершенно необходимы. Читатели Москвитянина вѣроятно припомнятъ отрывокъ изъ Васантасены, переведенный г. Коссовичемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Витъ преслѣдуетъ баддерку Васантасену по улицамъ города, они, на бѣгу, должны говорить кратко; въ двухъ-трехъ словахъ высказывать все. И точно: Индѣйскій поэтъ употребляетъ для этого самый сжатый языкъ, гдѣ иногда въ одномъ звукѣ сказано очень много. А у насъ выходятъ преогромные переводы.

Еще, кромѣ свойства, о которомъ я упомянулъ, у Санскритской рѣчи есть свой особенный складъ и порядокъ, съ которымъ также очень трудно бороться. Для примѣра я приведу здѣсь буквальный переводъ одного мѣста изъ Сакунталы. Раджа говоритъ своему кучеру объ антилопѣ, которую они преслѣдуютъ: «посмотри: шея-изгибо-очаровательная, къ налетающей колесницѣ привязанно-взорая, задне-половиною-тѣла стрѣло-паденіе-боязнь въ передне-тѣло-ушедшая, дѣрбгами полуизжеванными усталость-открыто-ротъ выпавшими сте-путвая, смотри однако, высоко-прыганіемъ въ воздухъ больше, чѣмъ по землѣ шествуетъ.» Не угодно ли все это понять и выразить Русскою живою рѣчью!

Вотъ переводъ этихъ строкъ: «посмотри, она, выгнувъ очаровательно свою шею, устремила взоръ на быструю колесницу, преслѣдующую ее; она поджала заднюю часть своего тѣла, боясь нашихъ стрѣлъ, и устываетъ путь полуизжеванными дѣрбгами, выпадающими у нея изъ роту, открытаго отъ усталости! Но взгляни: все-таки она быстрыми прыжками несется больше по воздуху, чѣмъ по землѣ!»

Какъ живописно и какъ невыносимо-длинно! Впрочемъ это длинно только по-Русски, а въ подлинникѣ, всего лишь пять короткихъ стиховъ.

Все это, всѣ эти сухія, длинныя и утомительныя объясненія я почелъ нужнымъ высказать, защищая не столько себя и свой переводъ, сколько другихъ, которые занимаются этимъ дѣломъ гораздо серьезнѣе меня. Очень грустно слышать, когда ихъ упрекаютъ въ тяжеломъ слогѣ, въ длинотѣ и неблагозвучіи періодовъ, не зная, можетъ быть, до какой степени трудно здѣсь быть краткимъ, легкимъ и благозвучнымъ въ выраженіи.

Кончая эти строки, приношу мою искреннюю благодарность известному нашему санскритологу К. А. Коссовичу, который помогалъ мнѣ въ настоящемъ трудѣ моемъ совѣтами и сообщилъ мнѣ нѣсколько переводовъ Сунда и Упасунда на разныхъ языкахъ, и всѣ необходимыя примѣчанія.

Желающимъ прочесть самый близкій построчный переводъ предлагаемаго эпизода, рекомендую книгу Ф. Боппа:—*Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel, nebst anderen Episoiden des Maha-bharata.* 1824. Berlin.

Н. Б.

СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

I.

Послушай вмѣстѣ съ братьями
Старинное сказаніе
Во всѣхъ его подробностяхъ,
О Партга, о Юдгитгира! ¹

Въ дни оны былъ у Дайтіевъ ²
Могучій царь Никѹмбгаса,
Родившійся отъ племени
Асурь-Гинань-Якәсипу. ³

И были у Никѹмбгасы
Два сына—Сундъ и Упасундъ,
Богатыри могучіе,
Во всемъ другъ съ другомъ схожіе.

Одни и тѣ же помыслы
Въ нихъ были и желанія,
Однѣ и тѣ же радости,
Однѣ и тѣ же горести.

Въ единый часъ за трапезу
Садилась братья дружные,
Однѣ другому сладкое
И говоря, и дѣлая.

Когда же въ возрастъ мужескій
Вступили Сундъ и Упасундъ,
И укрѣпились мышцы ихъ
Несокрушимой силою:

Явилось въ нихъ отважное
И дерзкое желаніе—
Завоевать вселенную,
Великое трехміріе. ⁴

Замысливъ подвигъ дерзостный,
Восходятъ оба Дайтія
На холмъ высокій Виндгіясь, ⁵
Свершить обътъ Питамгаъ. ⁶

И тамъ, облекшись въ вѣлаку, ⁷
Томятся лютымъ голодомъ,
И жаждой превеликою
Терзаются и мучатся.

Препобѣдивши похоти,
Питаюсь только вѣтрами,
На пальцахъ, неподвижные,
Стоять они и молятся.

Какъ древо, станъ ихъ вытянуть,
Ихъ руки къ верху подняты,
И не моргая, очи ихъ
Глядятъ, не закрываются.

И загорѣлся Виндгіясь
Неутошимымъ пламенемъ
Такого благочестія,
И дымъ всклубилъ онъ пдъ небу.

Смутились въ небѣ Дѣвасы
И стали противъ Дайтіевъ
Коварствовать, препятствуя
Святой обътъ имъ выполнить.

Прельщали ихъ каменьями,
И серебромъ, и золотомъ,
И красотою женскою,
Необходимоспльною.

Но крѣпки были Дайти
 Душой обѣтовѣрною :
 Молился, не покорствуя
 Соблазнамъ и прельщеніямъ.

Варугъ чудо непоятное,
 Передъ очами Дайтievъ,
 Душой великодоблестныхъ,
 Свершилось на Виндгiасъ:

Ихъ жены, сестры, матери,
 Преслѣдуемы Ракшасомъ. *
 Бѣжали мимо, требуя
 Защиты ихъ и помощи.

Съ распущенными косами,
 Одеждъ своихъ лишеныя,
 Роняя украшенія,
 Молили: о, спасите насъ !

Но крѣпки были Дайти:
 Обѣта не нарушили —
 И вмигъ видѣнье чудное,
 Какъ облако разсѣялось.

И самъ тогда Питѣмага,
 Міровъ блюститель, Праотецъ,
 Обѣтовѣрнымъ Дайтиямъ
 Явился, Брѣгма видимый.

И повелѣлъ молящимся
 Асурасамъ, да выскажутъ
 Ему желанья тайныя
 И помыслы сердечныя.

Тогда, передъ Питѣмагой
 Представъ, сказали Дайти:
 «Отецъ, когда доволенъ ты
 Обѣтнымъ нашимъ подвигомъ :

Услыши насъ и даруй намъ
 Волшебствъ искусство тайное,
 И даруй намъ оружіе,
 Въ бою непобѣдимое !

И облеки насъ образомъ
 Свободноперемѣнчивымъ
 По нашему желанію,
 И сдѣлай насъ безсмертными!»!

— Все будетъ вамъ даровано
 По вашему желанію,
 О чемъ теперь вы молитесь ;
 Единого безсмертія

Не будетъ вамъ. Потребуйте
 Инаго — и исполнится !
 Просите смерть, о Дайти,
 Подобную безсмертію !

Святой обътъ вы подняли, —
 Сказавъ: да будемъ властвовать !
 И потому не дастся вамъ
 Наслѣдіе безсмертія ! —

«Даруй же намъ въ наслѣдіе,
 Отецъ всесовершеннѣйшій,
 Все, что живеть и движется
 Во всѣхъ странахъ трехмірія !

И все, что безъ движенія —
 Деревья, камни, золото,
 И землю всю пространную
 Даруй ты намъ въ наслѣдіе !

И да не знаемъ страха мы:
 Страхъ цѣлаго трехмірія
 Въ двоихъ насъ да сокроется!»
 И имъ въ отвѣтъ Питѣага :

— Все будетъ вамъ даровано,
 О чемъ теперь вы молитъ,
 И доля смерти дастся вамъ
 По вашему желанію ! —

Сказавши такъ и Дайтіевъ
 Дарами изобильными
 Благословивъ, Питѣага
 Ушелъ въ міръ Брѣгмы на небо.

Тогда вожди Асѹрасовъ,
 Всещедро надѣленные
 Дарами благодатными,
 Сошли съ холма Виндгійскаго.

Народъ, вождей увидѣвши,
 Премудрыхъ и прославленныхъ
 И одаренныхъ Брѣгмою,
 Бѣжалъ толпами встрѣчу имъ.

— Они же, сбросивъ вѣлаку,
 И сдѣлавшись кудрявыми,
 Украсились богатыми
 Безпыльными одеждами ;

И много драгоценностей
 Надѣли, и устроили
 Веселія и пиршества,
 И праздники великіе.

Ѣшь, пей, ликуй и радуйся,
 Пой пѣсни, веселитесь ! — вотъ
 Какія рѣчи слышались
 И день, и ночь у Дайтіевъ.

Народъ шумѣлъ и тѣшился;
 И такъ у нихъ играющихъ
 Промчались годы цѣлые
 Какъ быстрыя мгновенія.

II.

Едва пиры окончились,
 Вожди, горя желаніемъ
 Завоевать трехміріе,
 Созвали рать великую.

Потомъ, когда созвѣздія
 Явились благосклонныя,
 Пошли они, могучіе,
 Напутствуемы ближними.

И шли великой ратию,
 Вооружась: кто палицей,
 Кто копіемъ, кто молотомъ,
 Кто тяжкою сѣкирою.

Чараны⁹ вдохновенныя
 Сопровождали Дайтіевъ
 Торжественными пѣснями
 И гимнами побѣдными.

Сперва они по воздуху;
 Вездѣ ходитъ могущіе,
 Пошли къ селеньямъ Дѣвасовъ,
 пылая битвы пламенемъ.

И побѣжали Дѣвасы,
 Провидя, что Питѣмага
 Благословилъ Асұрасовъ
 Дарами благодатными.

Тогда, занявъ трехміріе
 И побѣдивши Якшасовъ,¹⁰
 Пошли войною Дайтіи
 На существа воздушныя;

Потомъ на змѣевъ огненныхъ,
 Внутри земли гнѣздящихся;
 Потомъ пошли на Млѣчгасовъ,¹¹
 Средь моря обитающихъ;

Потомъ пошли на Брагмановъ ¹²
 И на святыхъ отшельниковъ,
 И въ воду ихъ свѣтлыя
 Бросали, не потребуя.

Тогда святыя Брагманы
 И доблестью богатые
 Отшельники разгнѣвались —
 И проклинали Дайтievъ ;

Но страшныя проклятія,
 Какъ скаламъ стрѣлы острыя,
 Безвредны были Дайтievъ,
 Благословеннымъ Брагмою.

И, забывая подвиги,
 Отшельники и Брагманы
 Бѣжали отъ Асурасовъ,
 Какъ змѣи отъ Гарутманта. ¹³

И были ихъ обители
 Разнесены, разграблены ;
 Сосуды драгоценныя
 Разбиты и раскиданы.

Стояла вся вселенная
 Пустая и безмолвная,
 Какъ будто бы убитая
 Жестокимъ богомъ Времени. ¹⁴

Затихли всюду праздники,
 Пирь и ликованія,
 И жертвы благодатныя
 Не воскурялись Дѣвасамъ.

На запусѣлыхъ пастбищахъ
 Не видно было пастырей ;
 Земля была наполнена
 Костями и черепьями.

А грозные Асұрасы,
Слонами ставши ярыми,
Съ ланитами распухшими
По всей вселенной рыскали.

То злобными гїенами,
То львами, то пантерами,
Попережъбно дѣлались
И убивали Двиджасовъ. ¹⁸

И наконецъ, соперника
Нигдѣ себѣ не вѣдая,
Въ долину Куру ¹⁶ пышную
Себѣ столицу создали ;

И въ честь завоеванія
Великаго трехмірія
Установили праздники,
Веселія и пиршества.

III.

Тогда высокомудрые,
Разгнѣванные Сиддгасы, ¹⁷
Увидѣвъ истребленіе,
Пошли къ отцу Питаматѣ.

И видятъ Брагму-Праотца,
На лучезарномъ облакѣ
Въ сіяніи сидящаго,
Среди боговъ и Дѣвасовъ,

Вайкганъ, ¹⁸ Балаякгильясы, ¹⁹
Аджасы, ²⁰ Маричипасы, ²¹
Вимудги, ²² Теджагарбгасы, ²³
И мужи Брагмомудрые, ²⁴

И Магадѣва ²⁵ съ Агнисомъ, ²⁶
 И солнце вмѣстѣ съ мѣсяцемъ,
 И Сѣврасъ ²⁷ рядомъ съ Ваюсомъ, — ²⁸
 Сидѣли вокругъ Питѣмаги.

Тогда, предъ свѣтлымъ Брѣгмою
 Склонившись, стали Сиддгасы
 Разказывать дѣянiя
 Жестокосердыхъ Дѣйтiевъ.

Что было, все повѣдали,
 Моля отца — Питѣмагу
 Явить имъ правосудiе
 И защитить отъ Дѣйтiевъ.

Разказъ молящихъ выслушавъ,
 Питѣмага задумался, —
 И смерть неотвратимую
 Опредѣлилъ Асурасамъ.

Потомъ Всесовершенствоiй,
 Призвавши Висвакарману, ²⁹
 Сказалъ: создай мнѣ женщину
 Красы всеувлекательной!

И мудрый Висвакармана,
 Благословенный Брѣгмою,
 Пошелъ и создалъ женщину
 Блестящую и чудную.

И все, что въ мiрѣ движется,
 И все, что безъ движенiя, —
 Отвсюду Висвакармана
 Изъялъ одно прекрасное, —

И слилъ очаровательно,
 Благословенный Брѣгмою,
 Въ единомъ свѣтломъ образѣ
 Новосозданной женщины.

Потомъ рукою щедрою
 На плечи ей прекрасныя
 Въ роскошномъ изобиліи
 Просыпала драгоцѣнности.

Во всемъ составѣ созданной
 Единой части не было,
 На что не заглядѣлся бы,
 Взоръ самыхъ небожителей.

И такъ какъ все прекрасное
 Зерно къ зерну подобрано
 Въ ней было, то Питѣмага
 Нарекъ ее — Тилѣттама. ⁵⁰

И такъ онъ новосозданной
 Сказалъ: «ступай къ Асѹрасамъ
 И красотой всеильною
 Посѣй вражду межъ братьями !

Такъ сдѣлай!» — И Тилѣттама,
 Сказавъ: — я это сдѣлаю ! —
 Склонилась передъ Брѣгмою
 И мимо небожителей

Пошла. Къ Востоку Брѣгаванъ ⁵¹
 Сидѣлъ тогда, а къ Западу
 Магѣсварасъ ⁵², а къ Сѣверу
 Сидѣли Дѣвы свѣтлые.

Когда пошла Тилѣттама,
 То Брѣгаванъ, не двигаясь,
 Глазами жадно-страстными
 За ней повсюду слѣдовалъ.

На всѣ четыре стороны
 У Брѣгавана свѣтлаго
 Четыре лика выросло,
 Со взорами изъ лотоса ⁵³.

Когда пошла Тилёттама
 Востокомъ — вдругъ восточное
 У Бгагавана выросло
 Лице; когда же къ Западу

Пошла — мгновенно къ Западу
 Лице явилось; Съверомъ
 Пошла — явилось къ Съверу
 Еще лице; какъ на Поддень

Пошла она — и Бгагаванъ
 За ней лицомъ полуденнымъ
 Слѣдилъ ужѣ. И съ Индрою
 Случилось нѣчто дивное:

И позади, и спереди,
 У Индры всемогущаго
 Тогда сверкнули тысячи
 Очей огнепылающихъ.

Такъ Магадѣва нѣкогда
 Пріялъ четыре образа;
 Такъ и убійца Бѣлса⁵⁴
 Тысячеглазымъ сдѣлался.

И мудрецы, и Дѣвасы
 Туда, гдѣ шла Тилёттама,
 За ней слѣдили взорами,
 То въ ту, то въ эту сторону.

Единый лишь Питѣмага
 Спокойно на Тилёттаму
 Глядѣлъ очами тихими
 И божески-безстрастными.

Когда ушла Тилёттама,
 Всѣ мудрецы и Дѣвасы,
 И мужи Брагмолудрые
 Подумали: все кончено!

Тогда Всесовершенѣйшій
 Владыка успокоился,
 И распустилъ собраніе
 Пресвѣтлыхъ небожителей.

 IV.

Межъ тѣмъ вожди Асурасовъ,
 Завоевавъ трехміріе
 И побѣдивши Девасовъ,
 И Якшасовъ, и Ракшасовъ,

И всѣ у нихъ сокровища
 Отнявши, и не вѣдая
 Нигдѣ себѣ соперника,
 Устроили веселія,

И праздники, и пиршества,
 И всякими забавами,
 Какъ боги всемогущіе,
 Въ своей столицѣ тѣшились.

То насыщались яствами,
 То сладостными питьями,
 То прелестями женскими,
 То жгли благоуханія.

И по полямъ, и по лѣсу,
 И по горамъ утесистымъ,
 И въ небесахъ по воздуху
 Ходили, какъ безсмертные.

Однажды на отлогости
 Виндгіяса высокаго,
 Въ тѣни цвѣтущихъ Салясовъ ³⁸,
 Сидѣли Сундъ и Упасундъ.

Кругомъ толпились женщины;
 Однѣ, при звонѣ вадитра ³⁹,
 Увеселяли Дайтіевъ
 Пльнительными пѣснями.

Другія, антилопами
 Вокругъ носясь и бѣгая,
 То играми, то плясками
 Прельщали побѣдителей.

Вдругъ, видятъ — тихо цѣдъ дугу,
 Блестая сонмомъ прелестей,
 Въ пурпурномъ одѣяніи,
 Съ плеча лукаво спущенномъ,

Ища цвѣтовъ Карникара ³⁷,
 По берегамъ растущаго,
 Идетъ, какъ бы безсмертная,
 Прекрасная Тилѣттама.

Едва ее идущую
 Асурасы увидѣли,
 Вдругъ бросили съдалища
 И къ ней на встрѣчу кинулись.

И за руки Тилѣттому,
 Любовью оба полные,
 Схватили: Сундъ за правую,
 А Упасундъ за лѣвую.

И въ мигъ вошло въ нихъ бѣшенство
 И отлетѣла кроткая
 Любовь отъ нихъ. «Моя она!»
 — Она моя! — воскликнули. —

И другъ на друга бросились,
 Какъ звѣри разъяренные,
 Схвативъ мечи тяжелые,
 И пали въ битвѣ яростной.

И долго на Виндгіясь,
 Съ растерзанными членами,
 Какъ солнца, съ неба сбитыя.
 Лежали два Асураса.

Увидѣвъ это зрѣлище,
Ихъ войны и женщины,
Исполненные ужаса,
Бѣжали въ преисподнюю.

Тогда Всесовершеннѣйшій
Творецъ міровъ Питѣамага
На землю, въ сонмѣ Девасовъ,
Низшелъ почтить Тилѣттаму.

И рекъ, чтобы Тилѣттама,
Какъ Лякшми ³⁸ гибкотѣлая,
Себѣ, что хочетъ, выбрала
Во всѣхъ странахъ трекмірія.

И выбрала Тилѣттама
Себѣ міры блестящіе;
И ей тогда Питѣамага
Сказалъ Всесовершеннѣйшій:

«Ты будешь вмѣстѣ съ солнцами
Витать въ мірахъ блистающихъ,
Лучами осіянная
И оку недоступная!»

И одаривъ Тилѣттаму
Такою благодатію,
Творецъ міровъ Питѣамага
Ушелъ въ міръ Брагмы на небо.

Н. Бергъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Юдгіштгира, иначе Партга, — сынъ царницъ Приты, или Кунти, одинъ изъ героевъ Магабхараты, которому разсказывается повѣсть о Судьѣ и Уна-судьѣ.

2) Дайтія — какъ сказано въ предисловіи — значить сынъ богини Дити, женою Касьяпа и потомъ вообще потомокъ Дити. Дайтіи называются иначе Асурани, въ противоположность Адитіямъ, которые называются Сурами, или Дѣвами. У меня Асураси, Сурасы, Дѣвасы.

3) Гьянъ-Якăспу — сынъ одного изъ вождей Дайтіевъ.

4) Трехміріемъ (тройлѣкіямъ) Индусы называли землю, воздухъ и небо (звѣздное пространство).

5) Такъ называется одна въ цепи горъ, отдѣляющихъ Индустанъ отъ Декана.

6) Питăмага — собственно значить великій отецъ, праотецъ. Это обыкновенное названіе Брăгмы.

7) Одвяніе изъ древесной коры.

8) Ракшасы — кровожадные существа исполническаго роста, пожравшія людей.

9) Чарăны — плясуны и пѣвцы Индійскаго неба.

10) Якшасы — стражи сокровищъ бога Кувера, одного изъ Адитіевъ.

11) Именемъ Млѣчги назывались у Индусовъ народы чуждаго имъ происхожденія.

12) Высшее сословіе древне-Индійскаго общества — каста жрецовъ.

13) Гарутмантъ, или Гарудъ — сынъ Касьяпа и Винаты. О томъ, какъ онъ отыскалъ змѣя, говорится подробно въ сказаніи о Джимутавăганъ переводъ К. А. Коссовича.

14) Богъ Времени — Кăлясъ, иначе Ямасъ — есть также и богъ Смерти.

15) Двнджасъ — буквально значить дважды рожденный. Употребляется иногда вмѣсто имени Брăгманъ и вмѣсто Кшăтіріа (войнъ).

16) Знаменитая долина въ Санкритскомъ эпосѣ, бывшая полемъ битвы между племенами Куру и Панду.

17) Особенный родъ боговъ, или Дѣвасовъ.

18) Отшельники.

19) Боги, величіиномъ въ палецъ, обладающіе необыкновенною мудростію. Они произошли изъ волосъ Брăгмы.

20) Буквально — нерожденные.

- 21) Питающиеся лучами.
- 22) Буквально — восторженные.
- 23)
- 24) Брагмоумудрый — Брагмарши — это третья степень мудрецов; всях степеней 4: мудрец просто, мудрец из низшаго класса — называется *Риши*; за симъ слѣдуетъ Раджарши — мудрец изъ касты Кшатриевъ; далѣе Брагмарши — Брагмоумудрый — и наконецъ Парамарши, разумящій даже и то, что выходитъ изъ предѣла понятій и чувствъ.
- 25) Вишну.
- 26) Богъ огня.
- 27) Сакрасъ, или Индра — богъ видимой природы.
- 28) Вьюсь, или Вью — вѣтеръ.
- 29) Висвакармана — Всетворящій.
- 30) Слово *Тилл* называется по-Санскритски особенный родъ риса — *sesamum orientale*.
- 31) Сива.
- 32) Индра.
- 33) Лотосъ — цвѣтокъ, принадлежащій къ роду водяныхъ лилій. Онъ имѣетъ множество породъ и названій. Былъ особенно почитаемъ древними Индусами.
- 34) Баласъ — одинъ изъ Дайтиевъ, нападавшій на Адитьевъ. Его убилъ Индра.
- 35) Дерево — въ ботаникѣ *scholea robusta*.
- 36) Вадитръ — музыкальный инструментъ, вѣроятно въ родѣ лиры, или арфы. Названіемъ напоминаетъ Греческое *βάρβιτον* и Чешское *Varito*.
- 37) Каринкаръ — цвѣтокъ въ ботаникѣ *Cassia fistula*.
- 38) Жена Вишну, богиня красоты и блаженства, Индійская Венера.

ИСТОРИЯ РАЗДѢЛЕНІЯ ВРЕМЕНИ.

Раздѣленіе времени на недѣли имѣеть свое начало въ самой глубокой древности. Книга Бытія говоритъ намъ, что сотвореніе міра совершилось въ шесть дней, а седьмой былъ посвященъ покою. Не смотря на то, не всѣ однакожь древніе народы удержали это раздѣленіе.

Греки дѣлили свои мѣсяцы на *декады*, или періоды, состоящіе изъ десяти дней. Французы въ 1792 году хотѣли ввести у себя такое же раздѣленіе времени, но не успѣли въ этомъ.

Греческія декады назывались:

Первая: *ἰτάμενος μῆν* (начало мѣсяца).

Вторая: *Μεσῶν μῆν* (середина мѣсяца).

Третья: *Φθίνων μῆν* (конецъ мѣсяца).

У Грековъ не было собственно ни праздниковъ, ни шабашей, какъ дней отдохновенія, ни въ десятый, ни въ седьмой день. Первый день мѣсяца у нихъ назывался *νουμηνία*, день новолунія, и былъ посвященъ Гекатѣ, богинѣ Луны. Другіе дни именовались просто по числительному порядку, т. е.: *ἰτάμενος*, второй; *μεσῶν*, третій; *φθίνων*, четвертый, и такъ далѣе, кромѣ послѣднихъ дней второй и третьей декады, которые уже назывались *ἑκάς* и *τριακάς* (двадцатымъ и тридцатымъ). Седьмой день первой декады былъ посвященъ Аполлону, девятый Тезею. У нихъ были еще и другіе религиозные праздники, въ различные дни и различные времена года.

У Римлянъ не было ни *декадъ*, состоящихъ изъ десяти дней, ни *недѣль*, состоящихъ изъ семи; они дѣлили свои мѣсяцы на три неравныя части, называвшіяся: *календы*, *ноны* и *иды*, дни которыхъ тоже не имѣли никакого другаго названія, кромѣ именъ числительныхъ. Первый день календы начинался съ перваго дня новолунія; въ этотъ день еще издревле было обыкновеніе *призывать*, т. е. созывать народъ для приношенія, въ честь этого событія, жертвъ, или для ознаменованія его какимъ-либо религіознымъ обрядомъ. Этотъ же день былъ и въ родѣ Еврейскаго шабаша, составляя раздѣленіе между днями, назначенными для дѣловыхъ занятій. Отсюда слово *calendae*, отъ *calo*, по-Гречески *καλέω*, призывать, день, въ который призываютъ. Ноны (отъ *nonas*, девятый) составляли девять дней, предшествующихъ *идамъ*, а *иды*, происходящія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ глагола *iduarē*, раздѣлять, но гораздо вѣроятнѣе отъ имени богини *Io*, праздника которой совершались во время полнолунія, означали средній день или половину мѣсяца. Кажется, что Римляне, принявъ этотъ способъ исчисленія времени, совершенно перевернули его, и не исчисленіе свое соображали со временемъ, а уже самое время подгоняли къ своимъ календамъ, нонамъ и идамъ. Такъ, напримѣръ, выраженіе: *tertio calendae* значило у нихъ третій день *передъ* календами. Третій день послѣ календъ они, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ года, называли *пятнадцатый день нонъ*, а въ продолженіе прочихъ восьми мѣсяцевъ *тринадцатый день нонъ*. Эта система, довольно сложная, стала еще сбивчивѣе, когда успѣхи, сдѣланные въ астрономіи, за полвѣка до Рождества Христова, заставили замѣнить лунный годъ солнечнымъ. До того времени, вмѣсто 365 дней, въ году считали только 360, раздѣляя его на 12 мѣсяцевъ, заключавшихъ въ себѣ каждый по 30 дней; это исчисленіе было принято какъ самое приближительное къ кругообороту луны, который совершается въ 29 дней, 44 минуты 2,9. Чтобъ уровнять теченіе своего гражданскаго года съ теченіемъ года солнечнаго, Римляне продолжали и укорачивали мѣсяцы по своему произволу, и

наконецъ дали въ этомъ случаѣ полную свободу своимъ жрецамъ, или, какъ они у нихъ назывались, *понтифексамъ*. Такая неопредѣленность и сбивчивость въ ходѣ времени дала возможность вмѣшаться сюда и интригамъ политическимъ: дни, назначаемые для выборовъ въ общественныя должности, отдалялись или наступали скорѣе по усмотрѣнiю правительства. Все это довело до такой путаницы, что когда Юлій Цезарь измѣнилъ календарь, такъ лѣтнiе мѣсяцы пришлись осенью, осеннiе зимой и т. д. По совѣту Халдейскаго астронома Созигена, Цезарь отодвинулъ 25 марта на 90 дней назадъ, для того, чтобы оно соответствовало весеннему равноденствiю, и привелъ мѣсяцы въ то самое число дней, какое каждый изъ нихъ имѣетъ теперь (*). Но сдѣлавъ это измѣненiе, Цезарь нисколько не измѣнилъ названiя дней и не ввелъ никакого новаго раздѣленiя мѣсяцевъ. Лишнiй день, остающiйся въ продолженiе каждыхъ четырехъ лѣтъ и прибавляемый нами къ Феврало, прибавлялся у Римлянъ къ календамъ передъ Февральскими идами, т. е. между половиною Февраля и 1-мъ числомъ Марта. День этотъ прилагался не къ послѣднему числу мѣсяца, какъ у насъ, а включался между шестымъ и седьмымъ днями календы, которая въ такомъ случаѣ состояла уже не изъ 15, а изъ 16 дней, и называлась *bis-sexto calendas*, т. е. дѣлимая на 2, *высокосная* календа, отъ чего произошло и названiе нашего высокоснаго года.

Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ Римскiй народъ совершенно привыкъ къ Юлианскому календарю; не смотря на то, что эта реформа сдѣлала важное улучшенiе, ей много еще препятствовало раздѣленiе времени на календы, ноны и иды. Между тѣмъ она все-таки способствовала Римлянамъ къ принятiю, впоследствии, исчисленiя времени гораздо болѣе простаго и легкаго. Въ эту эпоху, завосванiя Римлянъ познако-

(*) Это исправленiе календаря совершилось посредствомъ двухъ способовъ: продолженiемъ въ некоторыхъ мѣсяцѣхъ нѣсколькими лишними днями, и включенiемъ, только на одинъ первый годъ (47 до Р. Хр.), между Ноябрьемъ и Декабремъ, еще двухъ экстраординарныхъ мѣсяцевъ, одинъ въ 38 дней, другой въ 34.

мили ихъ съ календарями другихъ народовъ. Индійцы, Сирияне, Арабы и Египтяне считали время семидневными недѣлями. Когда эти страны, или по крайней мѣрѣ части этихъ странъ, сдѣлались Римскими провинціями, правители ихъ начали считать время по методу, принятой восточными народами, которыми они управляли. И эта метода, превосходства которой надъ Римской нельзя было не признать, постепенно перешла изъ провинцій и въ самый Римъ. Въ III и IV вѣкахъ, календы, ноны и иды повсемѣстно замѣнились уже семидневными недѣлями, и дни стали называть именами планетъ: *dies solis* (день Солнца), *dies Lunae* (день Луны), *dies Martis* (день Марса), *dies Mercurii* (день Меркурія), *dies Iovis* (день Юпитера), *dies Veneris* (день Венеры), *dies Saturnis* (день Сатурна).

Эти астрономическія названія дней ясно доказываютъ, что принятіе Римлянами семидневныхъ недѣль было дѣломъ совершенно независимымъ отъ религіи Іудейской или Христіанской, хотя распространеніе Христіанства, въ послѣдствіи и въ нѣкоторомъ отношеніи, тоже не осталось безъ вліянія на это измѣненіе. Еврейскія имена дней суть слѣдующіе: *іомъ ахардъ*, день одинъ; *іомъ шени*, день два; *іомъ шелши*, день три; *іомъ ребии* или *аруба*, день четыре; *іомъ шамши*, день пять; *іомъ шшехи*, день шесть; седьмой день называется *іомъ шаба* или *шебашъ*, и также *саббашъ* или *шаббашъ*.

И такъ Римскія имена дней были заимствованы не отъ Іудеевъ, но изъ календарей Индійскихъ, Халдейскихъ и Египетскихъ, и очень любопытно прослѣдить вліяніе міеологіи народовъ западной Азіи и Африки на тевтоническія племена сѣверной Европы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о недѣльномъ раздѣленіи времени у Египтянъ, и не многіе историческіе документы, которые говорятъ объ этомъ, не принадлежатъ къ глубокой древности. Геродотъ говоритъ только, что Египтяне посвящали свои мѣсяцы и дни различнымъ божествамъ. Плиній утверждаетъ, что, по ихъ мнѣнію, каждый день на

ходился подъ вліяніемъ какой-либо планеты, сообразно съ порядкомъ ихъ обращенія, и Діонъ Кассій, писавшій въ III-мъ вѣкѣ, въ то время, когда недельное раздѣленіе времени было принято уже во всей Италиі, доказываетъ, что это раздѣленіе перешло изъ Египта вмѣстѣ съ его номенклатурою дней. Этотъ послѣдній писатель прибавляетъ, что у Египтянъ каждый часъ дня былъ посвященъ особенной планетѣ, такимъ порядкомъ, что по истеченіи каждыхъ семи дней, первый часъ дня опять принадлежалъ той же планетѣ. Вотъ порядокъ, въ которомъ семь планетъ слѣдовали одна за другой: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Солнце, Венера, Меркурій и Луна; первые часы недели, посвященные Сатурну, были исчислены такъ, что послѣ нихъ наступали часы Солнца, потомъ часы Луны, потомъ часы Марса; а часы Юпитера приходились уже на слѣдующее утро, и т. д. Діонъ Кассій говоритъ также, что каждый день назывался именемъ той планеты, которая предшествовала его восходу.

Христанъ, Латинскій писатель позднѣйшаго времени, приписываетъ астрономическое названіе дней Вавилонянамъ. Городотъ говоритъ, что раздѣленіе дня на двѣнадцать частей Греки заимствовали отъ Халдеянъ. Птоломей замѣчаетъ, что Халдеяне очень вѣрно вычисляли уже эклиптику во времена Навуходносора, за 730 лѣтъ до Р. X. Но намъ кажется всего вѣрнѣе, что семидневная неделя имѣетъ свое начало въ Индіи. Индійскіе астрологи имѣли обыкновеніе, о которомъ говоритъ Діонъ Кассій, посвящать различные часы дня различнымъ планетамъ, и по названію планеты перваго часа дня давали названіе и самому дню.

Вотъ названія семи дней недели на древне-Санкритскомъ языкѣ, который былъ языкомъ священныхъ книгъ Индійцевъ :

Адиція-варъ.	день Солнца.
Сома-варъ.	день Луны.
Маугала-варъ.	день Марса.
Будда-варъ	день Меркурія.

Врихаспатъ-варъ.	день Юпитера.
Субра-варъ	день Венеры.
Сани-варъ.	день Сатурна.

Корень этихъ именъ постоянно остается въ названіи дней на всѣхъ Индійскихъ нарѣчіяхъ, и замѣчено, что во всемъ Индуставъ число *семь* считается числомъ мистическимъ, которому и до сихъ поръ приписывается таинственный смыслъ. Въ своемъ сочиненіи о празднествахъ Индусовъ, профессоръ Вильсонъ говоритъ, что тамъ, кромѣ дня, посвященнаго *Адици* или *Ра*ви (солнцу), каждый седьмой день луны также считается священнымъ, особенно же седьмые дни послѣ новолунія, изъ числа которыхъ одинъ, называющійся *Баскаріа-Сапта*ми, и бывающій зимой, празднуется съ особымъ, великолѣпнымъ торжествомъ. Въ молитвахъ, читающихся во время богослуженія, слово *семь* занимаетъ у Индійцевъ также важное мѣсто. *Сапта*ми, или *великая седьмица*, составляетъ у нихъ одно изъ именъ, представляющихъ божество. Поклонники ея такъ обращаются къ ней: «Матерь всей твари, Седмица, ты, которая составляешь единое съ повелителемъ *семи* коней и *семи* таинственныхъ словъ, слава тебѣ въ обители солнца». И потомъ, простираясь передъ изображеніемъ солнца, они прибавляютъ: «Слава тебѣ, свѣтило *семи* міровъ, блистающее въ колесницѣ, влекомой *семью* быстрыми конями; слава тебѣ, безконечно, творящее, слава тебѣ въ этотъ *седьмой* день Луны» (*).

Въ *Ригъ-Веда-Санхита*, въ сборникъ древнихъ Индійскихъ гимновъ, которые такъ же чтутся Индійцами, какъ псалмы Давида Израильянами, слово *семь* ежеминутно встрѣчается въ такихъ изрѣченіяхъ, какъ слѣдующія:

«Податель свѣта, божественный Сиріусъ съ блистающими кудрями, *семь* коней влекутъ тебя въ твоей огненной колесницѣ....

«Солнце, на колесницѣ, запряженной *семью* конями, спо-

(*) *Asiatic journal*, vol. VIII. p 85.

койно катится по воздушному пространству и несется на ней надъ мірами» (*).

Это, можетъ быть, аллегорическій намекъ на семь цвѣтовъ призмы или на семь дней недѣли; но дальше мы находимъ еще «*семь холмовъ, семь трудныхъ переходовъ, семь дней, посвященныхъ таинствамъ, совершаемымъ Индрой (**); трижды семь таинственныхъ обрядовъ и семь проразныхъ рѣкъ, истекающихъ съ анеб (***)*». Каста Брамниновъ раздѣляется также на семь степеней, что имѣло свое начало отъ *семи Риэхисовъ, или покаянниковъ, особъ священныхъ, о которыхъ упоминается въ Ведахъ.*

Не забудемъ однакожъ, что число *семь* есть по преимуществу священное число. Изъ книги Бытія знаемъ мы, что сотвореніе міра совершилось въ *семь* дней, и у Евреевъ установленъ шабашъ въ каждый *седьмой* день. Кромѣ того свящ. книги говорятъ еще ошабашъ въ каждые *семь* мѣсяцевъ; въ каждыя *семь* лѣтъ, и о юбилеѣ, который праздновали черезъ *семью* *семь* лѣтъ. У нихъ же видимъ мы, что животныя входили въ ковчегъ по *семи* паръ; *семь* жрецовъ, съ *семью* трубами, обходящихъ въ продолженіи *семи* дней стѣны Ерихона; Валаама, воздвигающаго *семь* олтарей, для принесенія на нихъ въ жертву *семи* быковъ и *семи* агнцевъ; серебро, *семь* разъ очищенное въ горниль; *семь* женъ у одного мужа... А въ Апокалипсисѣ находимъ *семь* храмовъ, *семь* подсвѣчниковъ, *семь* духовъ, *семь* звѣздъ, *семь* свѣтильниковъ, *семь* печатей, *семь* ангеловъ, *семь* сосудовъ, *семь* казней, *семь* громовъ, змѣя о *семи* главахъ и въ *семи* коронахъ, и проч. проч.

Что корни нѣкоторыхъ словъ во всѣхъ вообще языкахъ восточной Азии имѣютъ между собой большое сходство, это

(*) The first Asthaka, or book of the Rig-veda; translated by Professor Wilson, p. 133.

(**) Вильсонъ, въ той же книгѣ, стр. 164.

(***) Тамъ же стр. 192.

достоверно; но вопросъ, который именно народъ началъ прежде употреблять эти слова, едва ли въ настоящее время можетъ быть рѣшенъ съ точностью. Впрочемъ этимологія слова *семь* достаточно объясняетъ причины, связавшія съ нимъ преданія, и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе шабаша.

Еврейское слово *саба* или *шаба*, а у новѣйшихъ Евреевъ *шебашъ*, что значитъ *семь*; значитъ еще *лѣтъ*. *Сабъ* то же, что *старикъ*, человекъ *послѣдвшій отъ лѣтъ*. *Саббашъ*, который имѣетъ у насъ значеніе *отдохновенія*, значитъ также и *старость*, и происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ одного и того же корня. *Сбо* на языкѣ Копто-Египетскомъ значитъ *ученость*. *Сабо*, по-Коптски тоже, что *sage* мудрецъ, ученый. Друиды назывались *Сабамі*, а религія ихъ *сабеизмомъ* или *шабеизмомъ*. У Кельтовъ *Таб-айхъ* назывался день, въ которой собирались *саббы* (*), отсюда значеніе слова *шабашъ*, какъ собранія, которымъ впослѣдствіи стали именовать сборища вѣдьмъ и колдуновъ.

И такъ шабашемъ назывался день, когда *старики*, или *старшины правленія*, имѣли обыкновеніе собраться или для совѣтовъ о дѣлахъ общественныхъ, или для церемоній религіозныхъ. Дни, проходившіе между ихъ сборищами, составляли періоды *шабашей*; продолженіе этихъ періодовъ уже обозначалось самымъ словомъ *шабашъ*, равнозначительнымъ слову *семь*. Такимъ образомъ словомъ *шабашъ* опредѣлялось теченіе недели, точно также, какъ словомъ *мѣсяцъ* опредѣлялось теченіе луны (**). Собранія частію политическія, преимущественно же религіозныя въ день *шабаша* придали важность его значенію, которая сама собой передалась и числу *саба*,

(*) Apocalypsis, vol. II, p. 297.

(**) Сходство этихъ двухъ послѣднихъ словъ очень замѣтно въ Англійскомъ языкѣ: *moon*, луна и *month*, мѣсяцъ. У Грековъ (*μήν* и *μήνη*) значитъ въ одно время луна и мѣсяцъ. На Латинскомъ *mensis*, и на Санскритскомъ *मास*, мѣсяцъ, или *मासा* луна, имѣютъ одинаковое происхожденіе. Смот. Плутархъ, Тим. На Еврейскомъ, луна и мѣсяцъ называются однимъ и тѣмъ же словомъ: *Ирахъ*, которое обыкновенно пишется *Іерахъ*.

семь, соответствовавшему тогда, по случаю этих сборищ, совершенно и окончанию всехъ важныхъ дѣлъ. Впоследствии, съ помощію астрологіи, число это сдѣлалось числомъ счастливымъ, священнымъ.

Названія двѣхъ новѣйшихъ Аравитянъ соответствуютъ названіямъ двѣхъ Еврейскимъ. У нихъ точно также: *іомъ-ахадъ*, день одинъ; *іомъ-тхена*, день два; *іомъ-тульта*, день три; *іомъ-арба*, день четыре; *іомъ-хамза*, день пять; *дорума* день мечети или соединенія (магометане, точно также какъ и христіане, шестой день вывели изъ-подъ общей нумераціи), *сabtъ*, седьмой день. Но г. Принсепъ (*) говоритъ, что дни у древнихъ Арабовъ назывались: *баваль*, *бахумъ*, *джабаръ*, *дабаръ*, *симуниъ*, *аруба*, и *шійяръ*.

Баваль долженъ происходить отъ Боала или *Бела*, которому поклонялись отступившіе отъ Бога Іудеи (**), и о которомъ Римскіе и Греческіе историки говорятъ, какъ о божествѣ Ассиріавъ, Финикіянъ и Карфагенцевъ. *Баальтиъ* у Финикіянъ и Сиріанъ было имя Солнца. Отсюда имя *Бальбекъ*, которое Греки перевели *Геліо-полисомъ*, что значитъ *городъ солнца*. На монетахъ Карфагенскихъ, и на большей части надписей, найденныхъ въ Пальмиръ, имя Ваала видно около изображенія солнца. Тождество Ваала съ солнцемъ еще больше подтверждается частымъ упоминаніемъ объ алтаряхъ, воздвигаемыхъ ему на «мѣстахъ возвышенныхъ», и объ огнѣ, возжигаемомъ въ честь его, — обыкновеніе очень извѣстное у поклонниковъ огня и солнца. Вааль, вѣроятно, происходитъ отъ Еврейскихъ словъ *ба*, сожигать, бросать въ огонь, и *аль*, Богъ, что, слѣдовательно, и могло значить: Богъ-огонь или Богъ огня, соответственно значенію Аполлона у Грековъ (***) . Имя Ваала имѣетъ множество измѣненій: Баль, Белъ,

(*) Смотри статью подъ заглавіемъ: *Ancient Eras*, въ «Companion to the British Almanack» 1830.

(**) Подъ видомъ золотого тельца или телицы.

(***) Огнепоклонство входитъ въ нѣкоторые обряды и древней религіи Ирландцевъ, да вѣроятно и во всю религію Друидовъ. И теперь еще Ирландцы зажигаютъ большой огонь, на горахъ, 1-го Мая, въ день всехъ Святыхъ и Св.

Вааль, Веліаль, Вельзевуль, Веленась, или Веланарь. Его между прочимъ смѣшивали съ Молохомъ, упоминаемымъ въ Ветхомъ Заветѣ.

Ваваль значитъ еще господинъ и повелитель; солнце дѣйствительно есть свѣтило, управляющее временемъ и господствующее надъ нимъ. Возьмемъ здѣсь еще въ соображеніе употребленіе числительныхъ именъ, для обозначенія дней недели. *Авваль* на новомъ Арабскомъ языкѣ значитъ *первый*; такъ же точно назывался и у древнихъ Арабовъ день, посвященный Богу, по крайней мѣрѣ по свидѣтельству нѣкоторыхъ ориенталистовъ, которые предпочитаютъ это слово слову *баваль*. Но если принять слово *авваль* въ этомъ последнемъ смыслѣ, тогда оно не могло произойти иначе, какъ отъ испорченности слова *Аль*, Богъ.

Различіе въ названіи дней у древнихъ Арабовъ съ новѣйшими подаетъ поводъ думать, что и настоящія Еврейскія названія ихъ относятся ко временамъ не совсѣмъ древнимъ. Очень вѣроятно, что у Евреевъ произошло въ этомъ случаѣ измѣненіе въ ту эпоху, когда Моисей измѣнилъ лѣтосчисленіе, и велѣлъ Израильтянамъ вести его со времени исхода изъ Египта, какъ съ начала новой эры. Первымъ мѣсяцемъ этого счисленія былъ *Абибъ*, или Мартъ. Его начали съ перваго новолунія весенняго равноденствія. Съ этой эпохи Иудеи наблюдали двойной годовой оборотъ: годъ священный или церковный, который начинался съ равноденствія весенняго, и по теченію котораго у нихъ рассчитывались церковные праз-

Жава. Суевѣрные исполнители этого обряда, вошедшаго въ употребленіе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, также въ день Св. Жава, думаютъ этимъ умилоустивить ее въ пользу своей жатвы и стада. У Ирландцевъ это называется *Baal-theine*; а ночь на день всѣхъ святыхъ *Oidhche Lamhna*, ночь *Ламны* и *Бальсаба*. *Ламна* значитъ солнце, на Цельтійскомъ нарѣчій. *Sean Bahl-sabh* значитъ на Цельтійско-Ирландскомъ *Господь* и *смерть*, и соответствуетъ Еврейскому *баль*—*Господь*, и *забахъ*—*умерщвлять*, *приноситъ въ жертву*. Значитъ, что *Oidhche Lamhna*, была ночь жертвоприношенія Господу. *Забахъ* и *Саба* суть измѣненія одного и того же слова, доказывающаго одинаковость обыкновенія.

дни; и годъ хронологическій или гражданскій, который начинался съ равноденствія осенняго. Изъ этихъ двухъ годовыхъ оборотовъ, одинъ, безъ сомнѣнія, соответствовалъ лунному теченію, другой солнечному. У Египтянъ годъ начинался въ Августъ, съ появленіемъ Сиріуса, *Собачьей звѣзды* (*), при восходѣ солнца. Писаніе ничего не говоритъ намъ объ измѣненіи Іудейскихъ недѣль со времени новой ихъ эры, но во всякомъ случаѣ измѣненіе должно было произойти, и во всякомъ случаѣ праздникъ Пасхи ставилъ ихъ въ необходимость вести нумерацію дней, какъ бы впрочемъ они ни назывались у нихъ. Недѣля Пасхи должна была начинаться у Іудеевъ 14-го Марта, былъ ли этотъ день *Авваль*, *Ахванъ*, *Джибаръ*, или какой другой—все равно. По этому можно полагать опредѣлительно, что Іудеи, отдѣленные отъ другихъ народовъ, должны были непременно вести счетъ днямъ во все продолженіе года. Впослѣдствіи видимъ уже мы у Евреевъ номенклатуру дней числительную, замѣнившую прежнія, болѣе древнія, названія, и эта номенклатура распространилась и въ другихъ странахъ, вмѣстѣ съ исламизмомъ. Въ Персіи, напримѣръ, всѣ дни недѣли въ настоящее время различаются точно также: *іакъ-шамбе*, *до-шамбе*, *си-шамбе*, *харъ-шамбе*, *нани-шамбе*, т. е. первый день, второй день, третій день, четвертый день и пятый день; пятница называется *джума* (день мечети), а суббота *хаста*, седьмой день. Но древніе Персіане, говорятъ, не знали недѣльнаго раздѣленія вре-

(*) Египтяне, караулившіе разлитія Нила, замѣтили, что вода начинаетъ прибывать съ того времени, когда выходъ Сиріуса бываетъ передъ самымъ солнечнымъ восходомъ. По этому они дали Сиріусу, какъ бы предупреждающему ихъ о разлитіи воды, имя *сторожевой собаки*. Названіе это перешло потомъ и Августу мѣсяцу, въ теченіи котораго обыкновенно начиналось разлитіе Нила и слѣдовательно появлялась *собачья звѣзда*. Мы называемъ это время *канікулами*, а Англичане *dog days*, *собачьими днями*. Впрочемъ иногда и у насъ Іюль и Августъ называютъ также собачьими мѣсяцами, и приписываютъ происхожденіе этого названія тому, что въ эту пору преимущественно бьются собаки.

мени, и каждый день мѣсяца называли особеннымъ именемъ (*). Турецкая номенклатура дней тоже сходна, въ своемъ основаніи, съ этой: *базаръ-гуни*, базарный день, *базаръ-артази*, день послѣ базара; *сали*, вторникъ (происхождение этого слова неизвѣстно); *харъ-шамбахъ*, четвертый день; *панишамбахъ* пятый день; *джума*, день мечети; *джали-артаза*, день послѣ мечети.

Сдѣлавъ изслѣдованіе о происхожденіи слова *семь*, и упомянувъ о таинственномъ вліяніи, которое ему приписывали, мы замѣтимъ здѣсь, что каждое число, въ свою очередь, у того или другаго народа, служило предметомъ нѣкоторыхъ суевѣрій. Пифагоръ, который, какъ говорятъ, путешествовалъ по Египту, Халдеѣ, Ассиріи и Индіи, принесъ съ собой въ Грецію, съ востока, таинственную вѣру въ числа. Уже раздѣляя мнѣніе этого философа, Греческіе писатели (за 500 лѣтъ до Р. Х.), начали чтить число *семь*, какъ священное. Но число, которое преимущественно чтили Пифагорейцы, было *тетраχτὺς*, или *четыре*, какъ составляющее квадратъ и какъ основаніе системы всѣхъ вычисленій. Вліяніе этого числа видѣли въ *четырехъ* временахъ года, въ *четырехъ* странахъ свѣста, въ *четырехъ* промежуткахъ лиры, и т. д. Въ слѣдствіе этой системы надобно было раздѣлить математическія науки на *четыре* разряда, и дать всѣмъ вещамъ раздѣленіе четверное.

Во времена новѣйшія, *сорокъ* дней составляли философскій мѣсяцъ, и по первымъ *сорока* днямъ заключали о томъ, каково будетъ цѣлое сорокалѣтіе.

Триады считались числомъ священнымъ между Пифагорейцами. *Монада* (единица, частица нераздѣльная) была эмблемой творческаго могущества и первымъ началомъ всего. *Диада* считалась матеріей, и на соединеніе *диады* съ *монадой*, (т. е. единицы со второй цифрой) смотрѣли какъ на символъ начала, середины и конца всѣхъ вещей. Эту мысль, вѣроятно, философы заимствовали у Индійцевъ, у которыхъ *Брама*

(*) Dictionnaire persan de Richardson. Edit de 1829, p. 292.

создатель, *Вишну* хранитель, и *Сива* разрушитель, составляли, въ соединеніи своемъ, Тріаду.

Число пять, или *пентада*, имѣло также у послѣдователей Пифагора свой таинственный смыслъ, слагаясь изъ четнаго и нечетнаго числа. Эти послѣднія числа философы раздѣляли какъ мужскія и женскія. Замѣчательно, что и Китайцы точно также относили *четныя* числа къ женскому роду — *юинъ*, а *нечетныя* къ мужескому — *уангъ*, и въ отношеніи вѣры въ число *пять* ушли еще далѣе. У нихъ число, составленное изъ суммы пяти первыхъ четныхъ чиселъ 2, 4, 6, 8 и 10, т. е. 30 называется земнымъ числомъ; а составленное изъ суммы пяти первыхъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7 и 9, т. е. 25 небеснымъ. *Пять* представляетъ по ихнему сердце. У нихъ *пять* планетъ: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурій; *пять* внутренностей: желудокъ, печень, сердце, легкое и почки; *пять* стихій: земля, лѣсъ, огонь, металлъ и вода; *пять* первоначальныхъ цвѣтовъ: желтый, зеленый, красный, бѣлый и черный; *пять* различныхъ вкусовъ: сладкій, кислый, горькій, острый и соленый (*). Во время своихъ весеннихъ праздниковъ, въ честь земледѣлія, они сѣютъ *пять* сортовъ хлѣбныхъ сѣмянъ, празднуютъ всенародно и съ великимъ торжествомъ *пятый* день *пятой* луны, и черезъ каждые *пять* дней у нихъ открывается базаръ. Но за цѣпью Гималайскихъ горъ, и по мѣрѣ удаленія отъ Египта и Индіи, также какъ и странъ, прилегающихъ къ нимъ, всякій слѣдъ *шабаша* исчезаетъ; народы, живущіе тамъ, не приписываютъ важности ни *седьмому*, ни какому-либо другому числу, и не наблюдаютъ ни въ религіозномъ, ни въ гражданскомъ отношеніи недѣльнаго раздѣленія времени, которое составляетъ принадлежность Индійскихъ обычаевъ и Европейской образованности.

Китайцы не только отдають преимущество числу *пяти* передъ *семью* въ его значеніи (за исключеніемъ поклонниковъ

(*) *Davis's Chinese*, p. 395.

Индійскаго буддизма, которое впрочемъ составляетъ въ Китаѣ секту слабую), но не имѣютъ и недѣль, или лучше сказать имѣютъ недѣли пятидневныя, если только можно назвать недѣлей эти пять дней, протекающіе отъ базара до базара (*). Китайскій годъ заключаетъ въ себѣ мѣсяцы двоякаго рода: лунные и солнечные, изъ которыхъ послѣдніе раздѣляютъ его на 24 періода, такъ что Китайскій солнечный мѣсяць составляетъ собственно только половину нашего мѣсяца и продолжается не болѣе 15 дней. Дни и мѣсяцы лунные обозначаются числительными именами тѣхъ и другихъ, какъ напримѣръ 1-й день 4-го мѣсяца, 9-й 6-го и т. д. Что же касается до коротенькихъ, солнечныхъ мѣсяцевъ, ихъ называютъ: первый, *Лейх-чжунъ* (мѣсяць начала весны) или первый *Лейх-чжа* (начала лѣта), и т. д. Въ терминологіи астрологической вмѣсто названія времени, употребляютъ названіе его созвѣздія, напр. *кео*, *рогъ*; *неу*, *женщина*; *цзингъ*, *звѣзда*,—въ смыслѣ метафорическомъ, въ которомъ и мы говоримъ иногда: *въ каникулы*, *на Вспѣхъ Святыхъ*, *съ заговѣнья*.

Вмѣсто нашихъ двѣнадцати знаковъ зодіака, Китайская астрономія считаетъ, въ своемъ лунномъ году, двадцать восемь созвѣздій, число, дѣлимое на четыре и на семь. Китайцы наблюдаютъ дни благоприятные и неблагоприятные, счастливые и несчастные, по качеству звѣзды, подъ вліяніемъ которой находится тотъ или другой день. Ваканціи, т. е. гулевыя дни у Китайцевъ бываютъ только во время праздниковъ, совершающихся черезъ каждыя три мѣсяца; кромѣ того они празднуютъ съ особеннымъ торжествомъ новый годъ; и такъ какъ зимнее время, въ которое начинается у нихъ, такъ же какъ и у насъ, новый годъ, для большей части работъ неудобно, то празднество это продол-

(*) Докторъ Моррисонъ замѣчаетъ въ своемъ *View of China*, что у Китайцевъ есть *шабаша* или дня отдохновенія, и заключаетъ по этому, что они не имѣли сношеній съ прочими народами въ то время, когда вводилось это установленіе.

жается, во всѣхъ классахъ народа, отъ двухъ до трехъ недель, а присутственныя мѣста закрываются на мѣсяць.

Китайскій календарь имѣетъ своимъ основаніемъ, съ немногими измѣненіями, раздѣленіе времени, принятое всѣми Монгольскими племенами, занимающими обширныя страны восточной Азіи. Отъ Тибета до Явы всѣ народы слѣдуютъ одному и тому же раздѣленію мѣсяцевъ, принимаютъ, вмѣсто нашего 100-лѣтняго вѣка, кругъ въ 60 лѣтъ, и употребляютъ одну и ту же номенклатуру дней и мѣсяцевъ; у всѣхъ точно также бываютъ базары черезъ каждыя пять дней, и нѣтъ семидневныхъ недель, съ религіознымъ празднествомъ въ седьмой день, кромѣ тѣхъ однакожь, у которыхъ Индійскій буддизмъ измѣнилъ древнія собственныя обыкновенія.

Если мы изъ стараго свѣта перейдемъ въ новый, то замѣтимъ вещь чрезвычайно любопытную и которой безъ сомнѣнія нельзя было предполагать: это сходство обычаевъ восточной Азіи съ природными обычаями средней Америки. Удревнихъ Мексиканцевъ, покоренныхъ Фернандомъ Кортесомъ, были также пятидневныя недели, и принятый ими циклъ, или полный кругооборотъ солнца, въ 52 года, очень близко соответствовалъ Татарскому и Китайскому, въ 60 лѣтъ. Ихъ мѣсяцы состояли изъ 20 дней, и ихъ годъ заключалъ въ себѣ 18 мѣсяцевъ съ 5-ю прибавочными днями. (*) У нихъ были и астрологическіе мѣсяцы, состоявшіе изъ 13 дней. 1461 этихъ мѣсяцевъ составляли ихъ 52-х-лѣтній циклъ, и замѣчательно, что это то самое число, которое у Египтянъ сдѣлало важный зодіа-

(*) Для счисленія времени, Ацтеки соразмѣряли свой гражданскій годъ съ годомъ солнечнымъ. Такъ какъ солнечный годъ содержитъ въ себѣ около 6-ти часовъ лишнихъ сверхъ 365 дней, то этимъ часамъ вели счетъ, такъ же, какъ теперь делаемъ мы; только эти часы прилагались у Ацтековъ не такъ, какъ у насъ, черезъ каждыя три года, къ высокосному году, а какъ у некоторыхъ Азіатскихъ народовъ, черезъ періодъ гораздо болѣе продолжительный, именно черезъ 52 года, которыя составляли ихъ циклъ. Тогда они разомъ прибавляли къ этому кругообороту 13 дней, или точнѣе 19 дней и $\frac{1}{2}$. Прескоттъ: *Завоеваніе Мексики*.

кальный періодъ 1461 года, когда ихъ годовыя времена и праздники возвратились снова къ своему исходному пункту.

Сходство многихъ древнихъ Мексиканскихъ и Перуанскихъ обычаевъ съ Азіатскими, такъ же какъ и нѣкоторое наружное сходство обоихъ племенъ, подаетъ поводъ почти къ несомнѣнному заключенію, что во времена глубокой древности, между обитателями Америки и Азіи были сношенія. Возможность этихъ сношеній, черезъ Беринговъ проливъ и цѣпь острововъ, которалъ идетъ по Тихому океану, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, ясно доказана. Но такъ какъ во время открытія Америки Испанцами и Португальцами, тамъ не было вовсе ни коровъ, ни лошадей, ни овецъ и вообще никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ Эскимосскихъ собакъ, то это доказываетъ, въ свою очередь, не смотря на совершенное противорѣчіе вообще принятой идеи объ этомъ предметѣ, что переселеніе Монгольскихъ племенъ совершилось не изъ Азіи въ Америку, а изъ Америки въ Азію.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что во времена первобытныя, когда охота была необходимою для челоука, весь міръ составлялъ не что иное, какъ огромное поле охоты. Дикіе Индійцы, преслѣдуя звѣрей лѣсовъ своихъ, и часто преслѣдуемые сами другимъ племенемъ, должны были по необходимости переходить съ одного конца материка на другой. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, на который историки мало обращали вниманія, и который состоитъ въ томъ, что въ древнія времена, при такомъ положеніи общества всѣ уголки земли и всѣ ея захолустья непременно были гораздо подробнѣе изслѣдованы, чѣмъ изслѣдованы они послѣ того нашими учеными. Едва ли былъ тогда хоть одинъ народъ постоянно осѣдлый на одной точкѣ земнаго шара. Массы двигались съ мѣста на мѣсто, отыскивая новую дичь, новыя пастбища, новыя рыбныя ловли; необходимость дѣлала людей неутомимыми путешественниками. Теперь, не смотря на наши желѣзныя дороги, на наши пароходы, путешествіе досталось только на долю немногаго числа торговцевъ, да ученыхъ изслѣдователей, между тѣмъ какъ милліоны людей, столпив-

шись на одномъ и томъ же кускѣ земли, рождаются, живутъ и умираютъ подъ звукъ одного и того же колокола своей деревни. Какая разница между однообразной жизнью нашего хлѣбонашца или мастераваго съ суровой и подвижной жизнью дикаго Американца, который преслѣдуетъ стадо буйволовъ, въ бышеномъ ихъ бѣгѣ, по горамъ и долинамъ, на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ верстъ! Археологи часто затрудняются, встрѣчая языческія пмена, которыя носятъ на себѣ нѣкоторые изъ острововъ Великобританіи, какъ напримѣръ, острова *Arrani* (*Arran*), *Илы* (*Ila*), *Буты* (*Bute*), *Шкие* (*Skie*), *Юна* (*Iona*), и рѣки: *Изида* и *Камъ* или *Гранта* (*Cam*, *Granta*) (*), но мы имѣемъ полное право полагать, что не только Англія, Шотландія и Ирландія, но даже страны еще болѣе сѣверныя, какова напримѣръ Исландія, были неоднократно посѣщаемы первобытными и многочисленными племенами разныхъ чужеземныхъ народовъ, которые между тѣмъ составляли, такъ сказать, рой одного улья, и родиной которыхъ была плоская возвышенность тропическихъ странъ.

Другая любопытная черта, которую указываютъ намъ изслѣдованія историческія и этнологическія, это замѣчаніе, что начальное переселеніе народовъ происходило съ Востока на Западъ, а не съ Запада на Востокъ, т. е., какъ говорится, по солнцу, по направленію пассатныхъ вѣтровъ и по теченію морей. Народы шли, какъ идутъ по вольному пастбищу огромныя стада и всѣ вообще травоядныя животныя, обыкновенно придерживаясь направленія вѣтра; на морѣ придерживались они того же правила, боясь встрѣтить противное теченіе или противный отливъ.

(*) *Бута* (*Bute*), должно происходить отъ *Буды*, *Арранъ* и *Ила*—имева жень *Будды*; *Шкие* (*Skie*) вѣроятно происходитъ отъ *Шакія*; *Манъ* отъ *Мани-Арранъ*, *Махи-Манъ*, или *Мену*. *Юна*, по-Еврейски значущее *Голубь*, *Голубица*, происходитъ отъ Египетскихъ *Ю* и *Изиды*, и отъ Велеры Кипрской, однимъ изъ девизовъ которой былъ голубь, и гдѣ одинъ изъ острововъ такъ же назывался *Коломба*. Рѣка *Изида* въ Оксфордѣ, и гербъ этого города, на которомъ изображенъ быкъ, указываютъ такъ же на сходство мифологій друидовъ съ мифологіей древняго Востока. *Камъ* и *Гранта* Кембриджа тоже два божества Иадін. *Apocalypsis*, V. II, p. 287 и 295.

Изъ этого слѣдуетъ положительно, что переселенія иначе не можетъ быть, какъ изъ Америки въ Азію, но никакъ не обратно. Наружное сходство сѣверныхъ Американцевъ съ Монгольскимъ племенемъ и моносиллабическій или Китайскій характеръ языка многочисленныхъ обитателей Новой Испаніи (*) никакъ не должно приписывать нашествію Монголовъ на Америку, но скорѣй переселенію самихъ Монголовъ изъ Америки. Не возможно предполагать, чтобы племена Татаръ, племена чисто пастушескія, переселяясь изъ Азіи въ Америку, на судахъ навѣрное довольно просторныхъ для того, чтобы помѣстить барана, не захватили съ собою туда этихъ животныхъ; между тѣмъ какъ очень правдоподобно допустить, что Американскіе охотники, переселившись въ природную страну барановъ, легко могли превратиться въ мирныхъ пастырей.

И такъ образованность Мексиканцевъ, Перуанцевъ, и всѣхъ этихъ угасшихъ племенъ, о существованіи которыхъ свидетельствуютъ только гигантскія развалины, разбросанныя по всей средней Америкѣ до береговъ океана, была образованность чисто древняя; иди, по крайней мѣрѣ, надобно предполагать, что Американскія племена отделились отъ прочихъ племенъ челоуѣчества до введенія въ употребленіе желѣза и до открытія письменности. Древніе Мексиканцы обрабатывали золото, серебро, олово и мѣдь, но желѣза они не знали, не смотря на то, что Америка имъ изобилуетъ, а замѣняли его твердымъ камнемъ въ родѣ гагата. Ихъ письма ограничивались гіероглифическими начертаніями, а цифры замѣнялись символическимъ расположеніемъ точекъ.

И у нихъ не было *шабашей*.

Въ этомъ-то отношеніи и любопытно было намъ изслѣдовать происхожденіе образованности Мексиканской и Перувианской. Если оно шло изъ древняго міра, то это ясно уже доказываетъ, что *шабашъ* не былъ обыкновеніемъ общимъ. Какова бы впрочемъ ни была его древность, но по крайней мѣрѣ

(*) Прескоттъ. *Завоеваніе Мексики*.

Азіатцы не знали о немъ понятія до изобрѣтенія письменныхъ знаковъ, выражающихъ звуки, и до введенія въ употребленіе желѣза. Точно такъ и въ цѣлой Америкѣ, отъ сѣвера и до юга, нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы первобытные ея жители придерживались семидневнаго раздѣленія времени; между тѣмъ какъ многія ихъ обыкновенія были сходны съ восточными и, въ томъ числѣ, съ Еврейскими. По этому нѣкоторые писатели заключили, что сѣверная Америка населилась частью разсѣявагося племени Іудеевъ. Но Іудей, разсѣявшись по Азіи и Европѣ, повсюду приносилъ съ собою шабашъ, который между тѣмъ, до открытія Новаго Свѣта Португальцами и Испанцами, вовсе, какъ уже мы сказали, не былъ тамъ извѣстенъ. Это ужь одно можетъ послужить доказательствомъ, что Индійцы Сѣверной Америки составляютъ племя совершенно различное съ Іудеями.

Если мы перейдемъ отъ Америки къ многочисленнымъ группамъ острововъ Тихаго Океана, извѣстныхъ подъ именемъ Полинезій, мы и тамъ напрасно будемъ искать недѣльнаго раздѣленія времени. У всѣхъ тамошнихъ жителей мы найдемъ одинъ и тотъ же календарь, раздѣляющій время на мѣсяцы, которые начинаются съ рожденіемъ луны, но нигдѣ нѣтъ семидневныхъ недѣль, какъ у жителей Индустана и новѣйшей Европы. Дни считаются отъ восхожденія до захожденія солнца, и каждый называется своимъ особеннымъ именемъ. На всемъ Полинезскомъ Архипелагѣ есть праздники, расчисленные по временамъ года и соответствующіе болѣе или менѣе праздникамъ западнаго полушарія; но нѣтъ ни *шабаша*, ни семидневныхъ недѣль, которыя также неизвѣстны, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ, ни жителямъ Новой Зеландіи, ни Австраліи. Въ сложности, раздѣленіе времени на семидневныя недѣли не только нельзя назвать обыкновеніемъ общимъ, но даже и въ наши времена, не смотря на все вліяніе въ этомъ отношеніи религіи Христіанской и Іудейской, оно извѣстно едва ли половинѣ обитателей земнаго шара.

Шабашъ чисто въ Іудейскомъ смыслѣ, т. е. совершенное отчужденіе въ этотъ день отъ всѣхъ житейскихъ занятій,

принадлежить исключительно их только религии. При всем своем уважении к числу семи, Индейцы никак не вменяли себя в обязанность оставлять все свои занятия в седьмой день. Разумеется, занятия прерывались в часы богослужения, но потом опять шли своим чередом, и преимущественно в эти дни собирались у них торги и ярмарки. У магометан, которые творят омовение и молитву по пяти раз в день, а во время *рамазана* наблюдают рождение луны, постясь до захождения солнца, при всей строгости их религиозных правил, несколько не считается грехом работать в день их *шабаша*, т. е. в пятницу, в промежутки времени, остающегося от молитв. Точно тоже видим мы и у многих христианских народов. Противное мнение встречается только у Английских протестантов, Шотландских пуритан и у их Американских последователей. Воскресные торги и ярмарки суть вещи обыкновенные на всем Европейском материке, и до Крошвеля это обыкновение существовало так же и в Англии. Церкви Греческая, Католическая и Протестантская никого не стесняют строгими правилами *шабашей раввинских*; воскресный день у Христиан обыкновенно дѣлится между обязанностями религиозными, домашними работами и занятиями, составляющими отдохновение.

Материалы, собранные по поводу вопроса, который мы изложили здесь только в главных его очерках, могут служить предметом важнаго историческаго изучения. Благодаря этимъ материаламъ, можно составить точную идею о первомъ шагѣ человечества къ образованности, и объ успѣхахъ его въ борьбѣ съ грубостью и невѣжествомъ первыхъ вѣковъ.

Безъ труда можно дойти до источника, изъ котораго люди почерпнули первыя понятія объ исчисленіи времени, и видѣть, какъ солнце, луна и звѣзды послужили имъ «знаками, посредствомъ которыхъ они могли опредѣлять дни, времена года и самыя годы». Первый замѣченный періодъ былъ, безъ сомнѣнія, замѣнъ свѣта тьмою и тьмы свѣтомъ; погомъ замѣтили періодъ болѣе продолжительный отъ восхожденія, до новаго восхожденія солнца, или отъ заката его до заката.

Такимъ образомъ, «утро» и «вечеръ» составили первый «день» (*). Скоро обозначился срокъ времени еще больше долгій; луна помогала въ этомъ случаѣ, и между двумя новолуніями заключался «мѣсяцъ.» Періодъ между новолуніемъ и полною луною составилъ полмѣсяца (то, что Французы называютъ *la quinzaine*, пятнадцать дней, а Англичане *fortnigt*, отъ *four-teen nights*, четырнадцать ночей); наконецъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, замѣченныя измѣненія луны съ каждой ея четвертою, раздѣлили мѣсяцъ на четыре части.

Послѣ мѣсяца, должайшіе обороты времени раздѣлились временами года: зимой, порою посѣва и порою жатвы. Эти-то тройные періоды года, сохранявшіеся въ преданіяхъ, были неправильно названы толкователями древнихъ писменъ «годами.» Впрочемъ у различныхъ народовъ и число временъ года было различное. Одни считали четыре времени, какъ и мы: весну, лѣто, осень и зиму; другіе три: посѣвъ, жатву и зиму; третьи только два времени: зиму и лѣто. Кончили тѣмъ, что послѣ не иначе стали считать время, какъ отъ зимы до зимы; и потомъ стали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ, чтобъ опредѣлить годъ солнечный. Отсюда во многихъ мѣстахъ родилось обыкновеніе, наблюдать годъ двоякаго рода: церковный, по которому сохранялся порядокъ церковныхъ праздниковъ, по древнему установленію, и который считался по измѣненіямъ

(*) Евреи продолжают и теперь считать дни отъ восхожденія до захожденія солнца, а не отъ полночи до полночи, какъ считается вообще въ цѣлой Европѣ. У Вавилонянъ день начинался съ восхожденіемъ солнца, и въ немъ считалось, до слѣдующаго восхожденія, 24 часа, которые не дѣлились на два равные періода, т. е. на 12 часовъ дня и 12 ночи. Въ Библии не упоминается о часахъ до времени пророка Давида, который ознакомился съ нравами Вавилонянъ. Геродотъ говоритъ, что Греки научили Египтянъ раздѣлять дни на 12 часовъ. Сначала часы были не равны, и продолжались сообразно съ долгою дня, что въ нѣкоторыхъ земляхъ осталось еще и до сихъ поръ. Раздѣленіе дня на 24 части вошло въ употребленіе у Римлянъ не задолго до первой Пунической войны. Они раздѣляли свою ночь на четыре *стражи*, и день на періоды, сообразныя съ этимъ же раздѣленіемъ. Во время пребыванія І. Христа на землѣ, Римляне и Іудеи, хотя и продолжали раздѣлять время *стражами*, но въ Писаніи уже ясно говорится о 12 часахъ дня.

луны, и гражданскій или солнечный, который указывалъ хронологию болѣе точною.

Семидневная недѣля, безъ всякаго сомнѣнiя, имѣеть свое начало отъ лунныхъ измѣненiй и сообразныхъ съ ними празднествъ у древнихъ народовъ; но она не вошла въ обыкновенiе общее потому, что празднества во время четвертей луны не были столько общими, какъ празднества во время новолунiя и полнолуниа; между тѣмъ «день новолунiя», по своему значенiю хронологическому, считался въ древнемъ мiрѣ, да и въ наши времена еще считается между племенами необразованными, днемъ важнымъ и торжественнымъ. Это мнѣнiе было общее въ полномъ смыслѣ слова. Послѣ дня новолунiя вторымъ днемъ, имѣющимъ такъ же сильное влiянiе на главныя событiя жизни, считали непосредственно день полной луны. Эти - то дни преимущественно избирали *сабы* для своихъ совѣщанiй, что и дало имъ названiе, какъ уже мы говорили, «дней саба» или *шабаша*. Когда, впоследствии, *сабы* начали собираться при началѣ каждой четверти луны, периодъ, заключающiйся между этихъ сборищъ, образовалъ недѣлю или *седьмицу*, названiе которой равно опредѣляется у Евреевъ словами *саба* и *сабоахтъ*, значенiе которыхъ мы разбирали уже выше.

Семь сутокъ недѣли, принимаемой въ томъ размѣрѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, не могли заключать въ себѣ каждые непременно по 24 часа; это были недѣли *лунныя*, по ходу которыхъ первый день каждаго мѣсяца непременно начинался съ рожденiемъ луны. По этому онѣ не могли соответствовать нашимъ недѣлямъ, нисколько независимымъ отъ лунныхъ измѣненiй, и установившимся вмѣстѣ съ установленiемъ солнечнаго года. Солнечный годъ потребовалъ и новой номенклатуры; названiя: «день новолунiя и день полнолуниа» замѣнились общимъ именемъ «дня луны», *lunae dies* (*),

(*) У Французовъ *lundi*. У насъ, какъ извѣстно, названiе дней совершенно не относится къ лунѣ или мѣсяцу, а собственно только къ недѣлѣ. *Понедѣльникъ*, первый день послѣ недѣли, и т. д., уже по числительному порядку самой недѣли.

уже безъ отношенія его къ прибыли или ущербу луны. Вивствъ съ установленіемъ солнечнаго года, и самый семидневный кругооборотъ дней, можетъ быть, тоже бы уничтожился, еслибы седьмой день не былъ освещенъ, въ новѣйшія времена религіей, а въ древнія, также частію обрядами религіозными, частію сборищами, судившимъ дѣла гражданскія.

Когда восточные Азіатцы и жители средней Америки нашли настоящую долготу дня, они замѣтили, что мѣсяцы и годы гораздо вѣрнѣе дѣлятся на пять, чѣмъ на всякое другое число, и вѣроятно приняли бы у себя пятнадцатидневныя недѣли, точно такъ же, какъ западные ихъ сосѣди приняли семидневныя, еслибъ только этому не воспротивились ихъ древніе обычаи. Въ Америкѣ, календарь Ацтековъ заключаетъ въ каждомъ мѣсяцѣ равное число дней и недѣль, что гораздо удобнѣе нашего раздѣленія, и ихъ астрономическія исчисленія до того вѣрны, что въ 1519 году, когда Испанцы вторглись въ Мексикку, Ацтеки, по своему календарю, шли совершенно согласно съ настоящимъ временемъ, между тѣмъ какъ Европейцы, по календарю Юліанскому, ушли отъ него впередъ около одиннадцати дней (*).

На обоихъ полушаріяхъ наблюденіе небесныхъ тѣлъ, показывающихъ раздѣленіе времени, исключительно принадлежало древнимъ жрецамъ, или, лучше сказать, это была первоначальная наука тѣхъ людей, которые впоследствии, посредствомъ нея, и сдѣлались жрецами. Старцы или *сабы*, которые старались сначала замѣчать рожденіе луны, и первые успѣли сдѣлать въ этомъ случаѣ нужныя открытія, составили наконецъ касту мудрецовъ, или астрологовъ - предсказателей, совѣты которыхъ считались необходимыми каждый разъ, когда встрѣчался вопросъ о какомъ-нибудь важномъ государственномъ дѣлѣ. Уваженіе къ ихъ знаніямъ вселило вѣру, что они почерпаютъ эти знанія изъ источниковъ сверхъестественныхъ,

(*) Прескоттъ. *Завоеваніе Мексики.*

и эта вѣра, соединившись съ вѣрою во вліяніе звѣздъ на дѣла человѣческія, породила *сабеизмъ*, или поклоненіе солнцу и лунѣ. Эта религія самая древнѣйшая изъ всѣхъ языческихъ религій. Первыми храмами этой религіи были хижины предсказателей, которые обыкновенно устроивали свои жилища на горахъ, для удобства астрономическихъ наблюдений. Алтарями жертвоприношеній служили камни, на которыхъ они, во время своихъ ночныхъ занятій, зажигали огонь, и готовляли себѣ пищу. Жертвами богамъ служили животныя, приносимыя въ подарокъ предсказателямъ, для закланія на этихъ алтаряхъ. Пользуясь суевѣріемъ народа, астрологи присвоили себѣ право не только назначать, сообразно съ теченіемъ планетъ, дни благопріятные для начинанія дѣлъ политическихъ, но также предсказывать счастливые и несчастные дни вообще, по вліянію на нихъ таинственныхъ существъ, населяющихъ солнце и луну. Они доказывали необходимость поклоненія этимъ неизвѣстнымъ существамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открывали и средства, которыми можно ихъ умлостивить.

У всѣхъ народовъ древняго происхожденія, которымъ чуждо еще образованіе, жрецъ всегда вмѣстѣ и астрологъ, или, по крайней мѣрѣ, на него возложена обязанность наблюдать измѣненія луны и по нимъ опредѣлять время, какъ по единственному календарю цѣлаго племени.

Этимъ объясняется фактъ, подтверждаемый всеми писателями и всеми памятниками историческими, что во времена древней цивилизаціи религія и большая часть власти гражданской сосредоточивались въ рукахъ іерархій *астрономической*. Въ Египтѣ, Вавилонѣ, въ Средней Азіи и средней Америкѣ жрецы были астрономы, потому что астрономія была ихъ постоянная наука, переходящая изъ рода въ родъ; и когда жрецы изучили ее до того, что могли предсказывать затмѣнія, они пріобрѣли надъ народомъ власть моральную, которая заставляла трепетать царей, и противъ которой никакія военныя силы не могли бороться съ успѣхомъ.

Отсюда тоже происходит примѣсь мифовъ и символовъ астрономическихъ, встрѣчаемая во всѣхъ древнихъ религіяхъ, и которая даже вкрадывалась въ испорченное христіанское ученіе, проповѣдуемое еретиками въ III вѣкѣ. Еще больше: слѣды этихъ символовъ сохранились еще и теперь въ нашихъ знакахъ Зодіака. Древніе жрецы астрономы (Халдеи, Индіане или Египтяне), наблюдая теченіе солнца, какъ тогда думали, между звѣздъ, замѣтили, что въ различныя времена года оно приближается къ различнымъ созвѣздіямъ, и дали этимъ созвѣздіямъ названія, соответствующія свойствамъ тѣхъ временъ, въ которыя солнце къ нимъ приближалось, а нѣмъ изъ нихъ назвали именами животныхъ и другихъ знакомыхъ предметовъ, по предполагаемому сходству съ ними самой формы созвѣздія. Такимъ образомъ дождливая пора года дала своему созвѣздію названіе *Водолей*; *Овенъ* названъ такъ отъ времени стриженія овецъ, и *Скорпионъ* долженъ былъ служить эмблемой палящихъ жаровъ осени восточныхъ странъ. Отсюда произошли двѣнадцать знаковъ Зодіака, и это чудное сходство ихъ у всѣхъ древнихъ народовъ, которое поставило антикваріевъ въ страшное затрудненіе. Между тѣмъ вовсе не нужно, кажется, предполагать, чтобы народы заимствовали знаки эти другъ у друга; напротивъ, очевидно, что, по законамъ ума человѣческаго, всѣ касты священныхъ астрономовъ были приводимы инстинктомъ, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Поклоненіе солнцу, какъ великому представителю божества, наблюденіе надъ теченіемъ звѣздъ, названія созвѣздіи и вліяніе временъ года, все это вмѣстѣ послужило основаніемъ для учрежденія годовыхъ религіозныхъ торжествъ и обрядовъ, и внесло въ религію различныя эмблемы. Когда, напримѣръ, солнце вступило въ созвѣздіе *Тельца*, во время весенняго равноденствія, *телець* или *быкъ* служилъ эмблемою божества. Не самое животное въ началѣ обожали въ немъ Египтяне, но подъ этой формой они поклонялись *Апису*, т. е. *аб-изъ*, создатель, источникъ жизни (по-Еврейски *Абъ*—отець, и *изъ*—существованіе). *Озирисъ* и *Изида* соответствовали другъ другу: *Озирисъ*

былъ верховный учредитель порядка (по - Еврейски *Сирь* значить учреждать, управлять; откуда происходит Французское слово *Sir*, государь). Въ смыслъ же метафорическомъ, *Озирисъ* представлялъ солнце, какъ верховнаго распорядителя времени; а символомъ *Изиды*—источника плодородія, была луна, какъ заимствующая свѣтъ свой отъ солнца. Такъ какъ быкъ или телець, по поводу весенняго равноденствія, былъ посвященъ *Озирису*, то и корову посвятили *Изидѣ*, эмблемами которой были также овца и голубка. Отсюда произошло поклоненіе Израильтянъ золотому тельцу, и отсюда же суевѣрное поклоненіе быкамъ, коровамъ, баранамъ и голубямъ, которое распространялось по всей Азіи, и существуетъ, мѣстами, и до нашихъ временъ (*). Отъ посвященія божеству разныхъ эмблемъ, родилась мысль поклоняться этимъ видимымъ вещамъ, вмѣсто духа невидимаго, и изъ этого составилось идолопоклонство. Израильтяне вѣровали въ Бога подъ именемъ *Иеговы*, но они говорили Аарону: «покажи намъ Бога, которому мы поклоняемся,» и по этому случаю Ааронъ сдѣлалъ имъ золотого тельца.

Аммонъ Ре Египетскій слѣдался впоследствии эмблемой Юпитера Аммона Греческаго. Далѣе видимъ мы, что *Иеровоамъ*, указавъ народу два золотыхъ тельца, сказалъ: «Вотъ твои боги, Израиль, которые вывели тебя изъ Египта».

Это были вѣроятно эмблемы быка и коровы, посвященныя Египтянами *Озирису* и *Изидѣ*, *Ваалы* Арабовъ и Сиріянъ.

Позднѣйшіе слѣды этихъ идей древней цивилизаціи мы видимъ у *Ацтековъ* и *Перуанцевъ*. Мы находимъ ихъ, какъ древнихъ *Халдеевъ* или *Египтянъ*, подъ вліяніемъ іерархіи астрономовъ и астрологовъ, которые изучали небеса, какъ священную

(*) У *Китайцевъ* быкъ до сихъ поръ играетъ важную роль во время ихъ весеннихъ праздниковъ, учрежденныхъ въ честь земледвія. У нихъ дѣлается статуя быка изъ глины; послѣ извѣстныхъ церемоній, эту статую, наполненную внутри еще маленькими статуями быковъ, разбиваютъ, и народъ наперерывъ расхватываетъ эти изображенія. (Davis's Chinese, ch. 18).

книгу; слагали созвѣздія въ формы, изобрѣтаемыя ихъ воображеніемъ, и составляли изъ нихъ аллегорическія религіозныя изображенія; наблюдали теченіе звѣздъ, для составленія гороскоповъ, и которые, наконецъ, собирали факты и приобрѣтали знанія для того только, чтобы все это употреблять въ пользу своей касты. Такъ точно было у Египтянъ, у Ассиріянъ, у Мидянъ, у Персовъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, до Грековъ и Римлянъ включительно. Древнее вліяніе міѳологіи *сабовъ* или астрологовъ перешло въ Аѳины и въ Римъ, гдѣ пустило новые корни. Слѣды его до сихъ поръ не изгладились, и теперь, посреди насъ, въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, мы встрѣчаемъ еще на каждомъ шагу безчисленное множество суевѣрныхъ обычаевъ, истинное начало которыхъ нигдѣ иначе нельзя найти, какъ въ астрономіи и астрологіи первыхъ вѣковъ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ОДОВСКАГО

КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ.

Списокъ съ отписки слово въ слово.

Благословеніемъ всесплного Бога отъ высочайшей и всемогущей Его десницы святымъ елеемъ помазану истинному поборнику православные христіанскіе вѣры, ни въ чесомъ несуменныя Авраамскія, пророческія, Апостольскія, мученическія, отеческія, преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, богоугодно пожившихъ и Богу угодившихъ, благочестивому великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Россіи Самодержцу, холопъ твой, Микитка Одоевской, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ году, Сентября въ 8-е, въ твоей Государевъ Царевъ и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, грамотъ писано ко мнѣ, холопу твоему, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о высокомъ великаго Государя здравіи, и о пресвѣтлыхъ чудесахъ великаго свѣтилника и чудотворца Филиппа, Митрополита Московского и всеа Россіи, и ко мнѣ, холопу твоему, и къ дѣтишкамъ моимъ твоя Государская неизреченная милость. И я холопъ твой з дѣтишками своими со Алешкою и вида такую твою Государскую милость къ себѣ, отъ радости въ слезахъ Бога благодарили и вседомовно о вашемъ Государскомъ здравіи молили и молимъ, чтобъ вамъ Государемъ по вашей Государской вѣрѣ умножилъ ваши Государскіе лета и подаровалъ бы вамъ, Великому Государю, наслѣдіе рода царствія вашего, и видѣти бѣ вамъ, Государемъ, дѣти дѣтей своихъ даже и до четвертого рода, и державу бы царствія вашего милостию своею сохранилъ во всякомъ устроеніи и во из-

обилии плодовъ земныхъ. И что Государь мнѣ, холопу твоему, и дѣтишкамъ моимъ далъ Богъ, за такую милость должно отдать за православную христіанскую вѣру и за святыхъ Божіихъ церкви и за тебѣ, Великаго Государя, пострадати не токмо до крови, но и до смерти; и за такое твое Государское челолюбіе и милость къ намъ, рабомъ твоимъ, похвала тебѣ, Государю, не отъ челолюбкѣ, но отъ Бога. Зѣло, Государь, страшно высокая начати и промовѣдати преславно есть отнѣле же сечеса царски ень дѣда твоего Государева благодѣстиваго и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всеа Россіи Самодержца, умноженія ради грѣхъ всѣхъ православныхъ христіанъ Московскаго Государства попущеніемъ Божиимъ, учелп державу Россійскаго царствія самовласно восхитати, и отъ сего учало быть межъусобіе и метежи, и за сіе предалъ Богъ Россійское Государство въ плѣнь и въ расхищеніе языкомъ, яко древняго Израиля, и самый царствующи градъ Москву завладѣли еретики Поляки и Литва, и церкви Божіи обругали, и всякое украшеніе Московскаго Государства разорили и пусто положили. И нже вслѣскимъ Творецъ Господь Богъ нашъ, искони промышляя полезная на спасеніе челолюбкомъ, восхотѣ обновити корень Россійскаго Царствія, отъ того же проивѣте Благодѣстивая Государыня Царица и Великая Княгиня Настасея Романовна, избралъ благодѣстивую вѣтвь отца твоего Государева, Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всеа Россіи Самодержца, отъ самыхъ пеленъ возраста помазахъ его Государя слезамъ радости на Московское Государство, яко древле при Царь Саулъ Давида на царство. И волею, Государь, Божіей прославился сіе Божіе дарованіе на отца твоемъ Государь нашемъ царское именованіе всемъ людемъ и въ тѣ времена владычимъ Царемъ пзвѣстися; и се слышаще, завистно таеми, ничесо же успѣша, и въ Московскую, Государь, осаду при Полякахъ и Литвѣ отецъ твой Государь нашъ пребывалъ яко агнецъ незлобивый посреде волковъ; и отъ нихъ еретиковъ Царское именованіе на немъ Государь не утаился; оны же невозмогша ни-

чего сотворити; понеже, Богомъ пасомъ, сохранился отъ всѣхъ здравъ даже до лѣта устроенія, и Россійскаго Государствія всенародное множество отъ злобъ своихъ обратился на поколѣнїе къ Богу, и проповѣдали постъ даже и до ссушихъ младенцевъ, якоже древле Невенитяне. Человѣколюбивый Богъ, видя обращеніе, Московское Государство изъ еретическихъ рукъ исхитилъ рукою своею крѣпкою и мышцею высокою, якоже древняго Израиля изъ Египта, и Божиимъ, Государь, благоволеніемъ Московскаго Государства народи вси вкупѣ согласившеся, и собрали на Россійское Царство Государемъ царемъ, и Великимъ Княземъ древле избраннаго и помазаннаго Богомъ отца твоего Государя нашего; и всенародное множество молило у него и просило, чтобъ пожаловалъ принялъ Богомъ дарованный ему престоль и скипетръ Россійскаго Царствія и былъ Государемъ и Царемъ. И онъ, Великій Государь, исполняя заповѣди Христовы, неспѣшно такому дѣлу касается; но благоволеніемъ Божиимъ ко прошенью всенароднаго множества едва преклоняется, и пришедъ въ царствующій градъ Москву на богодарованный ему Государю Царскій Престоль, и о разореніи Церквей Божіихъ и монастырей и о запустеніи такого Великаго Государства душевно поболь, и всемогущему Богу и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ Святымъ со слезами моляся о смирномъ строеніи державы своея, царствующаго града Москвы и всея Великія Россіи; и по его Государской вѣрѣ благому изволенію даде ему Богъ разумъ воеже творити волю благу и богоугодну и совершенну вѣчну на небесехъ, и повелѣніемъ его Государскимъ начаша церкви Божія и монастыри строити и всякими лепотами украшати, и царствующаго града Москвы и прочіихъ городовъ и Всероссійскаго Царствія расточенные люди собрали, и своею Государскою милостию одаровалъ, и не во многихъ, Государь, лѣтѣхъ аки отъ лютыя зны пролетіе ввиде и аки отъ солнечныхъ теплотъ удоліе процвѣте, тако, Государь, и царствующій градъ Москва и прочіе грады и вси поспѣшеніемъ Божиимъ и ево Государскою милостию и разумомъ обновилися и процвѣли паче древнихъ лѣтъ,

и потомъ Государь междоусобіи укротилъ, и окрестныя Государства умирилъ, и царство свое широмъ оградилъ; и не до сего, Государь, стати и молчанію предати, но подобаетъ чудеса Божія ясно въщати. Древле, Государь, первому благочестивому и великому Царю Константину подаровалъ Богъ отъ земныхъ недръ честный крестъ Господень, на немже плотію распялся Христосъ Богъ нашъ, въ сохраненіе благочестивыя его державы и всемъ вѣрнымъ во спасеніе: подобно, Государь, тому и отцу твоему, благочестивому Государю Царю и Великому Князю, Миханлу Ѳедоровичу всеа Руси, даровалъ Богъ ему, Государю, отъ басурманскихъ рукъ божественную ризу Христа Бога нашего въ сохраненіе благочестивыя его державы Россійскаго царства въ вѣчны роды и всѣмъ православнымъ христіаномъ во спасеніе; равно, Государь, благочестіе и вѣра обоихъ великихъ Государей, равно имъ и дарованіе Божіе, и отъ сего, Государь, божественныя ризы Христа Бога нашего и доныи источники чудесъ проливаются. Потомъ даровалъ ему, Государь, Господь Богъ благочестиву отрасль тебя, Государя, въ наслѣдія благочестивыя его державы Россійскаго царствія, и о семъ Государь велии Бога благодарилъ, и тебя, Государь, благочестію и страху Божію научи, и возрасти, Государь, и процвѣте въ дому Божіи отчи, яко маслина плодovitа въ дому Божіи; и изволеніемъ, Государь, Божіимъ отецъ твой, Государь нашъ, оставилъ земное свое царство въ наслѣдіе тебѣ, Государю; а самъ переселился въ вѣчныя обители небеснаго царствія; и его Государевыми молитвами подаровалъ тебѣ, Государю, Богъ премудрость, якоже древле Царю Соломону; возлюбилъ еси, великинъ Государь, судъ и правду и милость, и возненавидѣлъ беззаконіе. Сего ради помага ти Богъ елеемъ радости паче причасникъ твоихъ. Истины Государь исполнительъ заповѣдемъ Христовымъ возлюбилъ благолѣпіе дому Божіи, церкви Божіи и монастыри всякимъ благолѣпіемъ украсилъ, и благочестивыя своей державы люди благоразсудилъ, управилъ, и отъ басурманскаго нахожденія царство свое оградилъ, и православныхъ христіанъ

отъ плъщенія овозмоуль, и враговъ неработны явилъ, и о семъ, Государь, достоитъ благодарити со псалмопѣвцемъ Давидомъ: Блаженъ мужъ, боілся Господа, въ заповѣдехъ Его восхоцетъ зѣло, сильно на земли будетъ сѣмя его. Родъ правыхъ благословится; слава и богатство въ дому его, и правда его пребываетъ во вѣки. И подароваль тебѣ, Государю, Богъ по благочестію истинному ревнителя, возврати твердаго алмаанта, по благочестію же ревнителя, за истинну пострадавашаго, чудосемь источника, за тебѣ, Государя, и за всѣхъ православныхъ христіанъ приснаго молитвенника къ Богу, Филиппа Митрополита Московскаго и всея Россіи мощи въ царствующи градъ Москву на его святительскіи престолъ, якоже древле при благочестивомъ и великомъ Царѣ Феодосіи юномъ покаяннуо великого проповѣдника и за истину такоже пострадавашаго, Іоанна Златоустаго, на его святительскіи престолъ отъ Команъ въ Царьградъ. О благочестивые и великіе Государи Цари, отецъ и сынъ! Се вамъ, Государемъ, похвала и слава не отъ чловѣкъ, но отъ Бога; понеже славящихъ Его православляетъ васъ, великихъ Государей, и обогатилъ паче нѣхъ Царей земныхъ. Сіе, Государь, богатство паче злата, топазія. Гдѣ, Государь, слышать но во мнмыхъ христіанскихъ Государствахъ, чтобъ слѣные вочесилпть, хромые ходили и болящіе различными недуги испѣллись? Токмо вамъ, благочестивымъ Государемъ, подароваль Богъ сію славу, честь. Буди, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Россіи Самодержецъ, здравъ на многіе лѣта со своею благочестивою и благородною Царицею а съ нашею Государынею, Благовѣрною Царицею помощницею твоему благочестію, и своими Государевыми благовѣрными и благородными сестрами, а съ нашими Государынями, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Ирною Михайловною, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Анною Михайловною, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Татьяною Михайловною, и со своими Государевыми благовѣрными и благородными дочерьми, а съ нашими Государынями, благовѣрною Царевною и Великою Княжною, Евдокеею Алексѣвною и благовѣрною Царевною и Великою

Княжною, Мареою Алексѣвною, и съ отцемъ своимъ богомольцемъ, а съ нашимъ Великимъ Господиномъ Никомомъ, Патріархомъ Московскимъ и всеа Россіи, и со всеми своими Государевы богомольцы, и зъ бояры, и съ Христолюбивымъ воинствомъ и доброты, и со всеми православными Христіаны, и по вашей Государской вѣрѣ и благочестію подасть Господь Богъ вамъ, Государемъ, Наслѣдникомъ Царствія вашего, и корень вашъ Государской не пресечется во вѣки аминь. А твоя Государская милость ко мнѣ, холопу твоему и къ дѣтишкамъ моимъ незабвена будетъ до исхода живота нашего, а грамота твоя Государская въ родъ нашъ соблюдетца во вѣки. А что, Государь, написано въ концѣ твоей Государевы грамоты, того я, холопъ твой, прочесть неразумѣлъ; милость, Государь, покажи надо мною; холопомъ своимъ, вели разрешить мое недоумѣніе. А въ вотчинѣ твоей Государевѣ, въ царствующемъ градѣ Казань, и въ пригородахъ Казанскихъ, и въ всехъ люди Божіи и твои Государевы православные Христіане и бесурмане и разныхъ вѣрѣ, милостію Божіею, а твоими Государскими молитвами и счастьемъ, въ добромъ устроеніи. А мѣдныя, Государь, руды милостію Божіею и твоимъ Государскимъ счастьемъ, сыскано много, и заводы, Государь, къ мѣдному дѣлу заводимъ; а писано къ тебѣ, Государю, про то подлинно прежде сего выныхъ отпискахъ. Да и о семь, Государь, у тебя Государя милости прошу; будетъ простотою своею о чемъ погрѣшилъ въ сей отпискѣ, положи, Государь, на милость холопу твоему, какъ тебѣ милосердому Государю, Богъ извѣститъ. А сокольники твои Государевы Михай Табалинъ и Игнатей Кельинъ приѣхали въ Казань съ твоими Государевыми грамотами, к намъ, холопомъ твоимъ, Сентября въ 18-е, и по твоему Великаго Государя Узаку я, холопъ твой, давъ имъ подводы и провожатыхъ, отпустилъ ихъ въ Сибирь, въ 20 числѣ на первомъ часу дни.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Опытъ о преподаваніи, Ивана Гасфельда. Спб. 1851 г.

Въ настоящее время важность, необходимость и польза образованія сознается у насъ вообще. Въ наше время, и люди простые, наши мужички, уже считаютъ важнымъ и полезнымъ приобрѣтеніемъ, если дѣти ихъ мало-мальски обучены грамотѣ, или хотя могутъ прочесть на дорожномъ столбѣ число верстъ, и люди-вельможи благодарятъ судьбу, если попадется къ нимъ въ домъ учитель-гуверверъ съ разнообразными свѣдѣніями. Правда, что и въ наше время есть еще много людей, которые разсматриваютъ образованіе съ вѣшной стороны, — со стороны тѣхъ выгодъ, которыя имъ достигаются. Но какія бы ни были причины, побуждающія въ наше время родителей образовывать дѣтей, и молодыхъ людей учиться, — близкія или дальнія, внутреннія или вѣшныя, — важно здѣсь то, что возможно-полное образованіе считается первою и существенною необходимостію. И пусть родители воспитываютъ дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ знатными и богатыми, и пусть сама наша молодежь учится для того, чтобы образованіемъ проложить себѣ дорогу къ службѣ и приобрѣсти средства для жизни; но нельзя не радоваться и такому взгляду на воспитаніе, когда вспомнишь, какъ не далеко еще ушло отъ насъ то время, когда на науку смотрѣли иначе, и когда дѣти, при отправленіи въ учебное заведеніе, оплакивались горькими, безнадежными слезами.

Но при такомъ всеобщемъ сознаніи важности и необходимости образованія, не прекращаются жалобы, что наука есть трудъ тяжелый, изнурительный, верьдко отнимающій у родителей единственное ихъ дитя, а учителей, достойныхъ назваться въ строгомъ смыслѣ наставниками, еще очень не много. Дѣйствительно, не смотря на множество толковъ и системъ о воспитаніи дѣтей и методахъ преподаванія наукъ, начиная отъ Ликурга, Платона, Сократа, Цицерона и до Локка, Песталлоци, Ж. Ж. Руссо, Нимейера и многихъ другихъ второстепенныхъ писателей въ этомъ родѣ, споръ еще не рѣшенъ, и воспитаніе

и образованіе дѣтей есть по истинѣ дѣло темное, запутанное и трудное. Но этого нельзя привести въ оправданіе родителямъ, которые не хотятъ знать, въ чемъ должно состоять воспитаніе дѣтей, и поступаютъ ошущью и безсознательно; тутъ родители неизвинительно виноваты. У насъ, когда настала пора учить дѣтей, отдають ихъ въ учебное заведеніе, или берутъ въ свой домъ гувернера или учителя. Мы не намѣрены говорить о воспитаніи, которое получаютъ дѣти въ учебныхъ заведеніяхъ: тутъ правительство предписало и утвердило, чему и какъ должны дѣти учиться; здѣсь все подведено подъ форму и законъ, и воля родителей отсюда устранена; самые учителя здѣсь обязаны слѣдовать программамъ, руководствамъ, развѣ съ небольшими отступленіями. Мы хотимъ говорить только о домашнемъ воспитаніи, или о воспитаніи, гдѣ воля родителей свободна и просторна, а наставники или учителя также могутъ поступать какъ угодно относительно методы и способовъ своихъ занятій и преподаваній наукъ. По нашему личному убѣжденію, мы предпочитаемъ воспитаніе и образованіе общественное или публичное воспитанію и образованію домашнему. Не говоря о весьма многихъ преимуществахъ перваго передъ послѣднимъ, укажемъ только на то обстоятельство, что большая часть, такъ называемыхъ, дѣльныхъ молодыхъ людей, у насъ выходила и выходитъ изъ воспитанниковъ публичныхъ заведеній, а не домашнихъ, и родители, призывая это преимущество, эти выгоды, какъ бы долго ни воспитывали дома дѣтей, отдають ихъ, хотя на короткое время, въ старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній или въ университеты. Слѣдовательно, общественное воспитаніе у насъ завершаетъ воспитаніе домашнее, и это завершеніе послѣдняго первымъ считается также существенною необходимостію. Будемъ же говорить о воспитаніи и образованіи домашнемъ.

Вина родителей, которые при воспитаніи дѣтей поступаютъ безсознательно и ошущью, состоитъ въ томъ, что они, признавая необходимость воспитанія и образованія, не хотятъ прежде всего уяснить самимъ себѣ, въ чемъ должно состоять это воспитаніе и образованіе. Многие очень умные, образованные и нѣжные отцы и матери и не подозреваютъ, что есть великое множество книгъ и системъ, трактующихъ весьма разумно и дѣльно о воспитаніи и образованіи. Смѣшно бы было, если бы родители вздумали исключительно слѣдовать методѣ воспитанія какого-либо одного автора; но недѣзя не считать страннымъ и предосудительнымъ, что иной отецъ или мать готовы лучше читать какой-либо пустой романъ и безтолковую повѣсть, нежели про-

честь дѣльный трактатъ о воспитаніи и образованіи дѣтей. Эти отцы и матери заботятся, чтобы дѣти ихъ были удобно помѣщены и красиво одѣты, и храни Богъ, если дитя заболѣетъ! горю вѣтъ мѣры, слезамъ утѣшенія; тотчасъ во всѣ концы шлютъ за докторами, но до появленія доктора, употребятъ и знаютъ употребить тысячи средствъ къ облегченію больнаго. Но если ребенокъ заболѣетъ духомъ, если въ сердцѣ дитяти явится червякъ, который видимо подтачиваетъ все нравственное основаніе этого будущаго человѣка, увы! тутъ еще болѣе слезъ и отчаянія, но помочь этой бѣдѣ не берутся, не могутъ и не знаютъ....

Какъ медикъ есть врачъ физическихъ недуговъ человеческихъ, такъ наставникъ или учитель должны быть врачами духовныхъ, нравственныхъ. Но посмотрите, много ли найдется у насъ такихъ врачей, такихъ наставниковъ и учителей? Число ихъ въ настоящее время велико; но многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе и образованіе дѣтей отъ недостатка, ограниченнаго состоянія, слѣдовательно и видятъ въ своихъ занятіяхъ только средства къ своему насущному содержанію; другіе сдѣлались наставниками и учителями отъ того, что служба и казенное мѣсто не доставляетъ имъ тѣхъ выгодъ и удобствъ, какъ жизнь учителя въ хорошемъ и богатомъ домѣ, гдѣ они и спокойны и обезпечены, даже черезъ-чуръ, на нѣсколько лѣтъ впередъ обезпечены. У насъ, напримѣръ, гимназистъ или семинаристъ, студентъ или бывшій въ университетѣ даютъ уроки, поступаютъ жить въ дома отъ того, что они люди бѣдные и не имѣютъ другихъ средствъ къ своему содержанію; кандидатъ или дѣйствительный студентъ предпочитаютъ, по окончаніи университетскаго курса, отправиться въ деревню и взять на себя обязанности наставника и учителя потому, что въ этой должности даютъ имъ тысячу или полторы серебромъ денегъ и все квартирное содержаніе, а на казенной службѣ они не получаютъ на первый разъ и четвертой части этой суммы. Ясно, что какъ родители берутъ въ свой домъ учителей *ex obligatio*, такъ и учителя поступаютъ къ нимъ *ex professio*; то есть, какъ родители приглашаютъ учителей отъ того, что нужно, необходимо образовывать дѣтей, такъ молодые люди становятся учителями потому, что имъ представилось удобное мѣсто или, какъ говорятъ они, выгодная кондичія. Родители, взявшіе къ себѣ въ домъ учителя, все дѣло воспитанія оставляютъ на его волю, потому что сами ничего не разумѣютъ въ этомъ дѣлѣ; молодые же люди становятся учителями не по призванію, не по внутреннему убѣжденію и не по сознанію важности и пользы

своихъ обязанностей. Между тѣмъ, неужели между многими учителями или тѣми, которые принимаютъ на себя роль наставниковъ и учителей, нѣтъ наставниковъ и учителей въ истинномъ смыслѣ этого слова? Конечно есть. Но у насъ существуетъ странное предубѣжденіе родителей: они всегда готовы предпочесть гимназиста семинаристу, кандидата дѣйствительному студенту, справедливо считая, что кандидатъ больше знаетъ студента, гимназистъ семинариста; но тутъ не берется во вниманіе самое главное и существенное достоинство наставника или учителя—его способность къ этому дѣлу. Намъ не разъ случалось встрѣчать такихъ семинаристовъ, которые учили лучше многихъ и очень многихъ кандидатовъ, и дѣйствительныхъ студентовъ, которые преподавали науки лучше нѣкоторыхъ профессоровъ; а имъ, этимъ семинаристамъ и студентамъ, платили цѣну весьма ограниченную, сравнительно съ тою, какую готовы были платить кандидату и магистру, и тотчасъ промѣнивали ихъ на перваго *патентованнаго* *ученаго мужа*. Удивляйтесь же послѣ этого, что у насъ иногда огромныя суммы истрачиваются, и самыя горячія заботы и усилія сосредоточиваются на воспитаніи и образованіи дѣтей, а дѣти все-таки не оправдываютъ въ послѣдствіи и половины отъ нихъ ожидаемаго и предполагаемаго.

Не менѣе важна касательно воспитанія и другая странность родителей. Они любятъ давать разнообразныя познанія своимъ дѣтямъ; но никогда не стараются подмѣтнть въ дѣтяхъ врожденныя способности къ одной какой-нибудь наукѣ или искусству. Часто дитя обнаруживаетъ особенное расположеніе, напримѣръ, къ математикѣ, одному какому-нибудь языку или искусству: но его продолжаютъ мучить надъ исторіею и географіею, фехтованьемъ или танцами, а число математическихкихъ уроковъ, рисованья или музыки, остается одно и то же въ продолженіе ведѣли. Отъ этого, когда дитя сдѣлается уже молодымъ человѣкомъ и захочетъ избрать любимыя предметы для своихъ занятій, не рѣдко оставляетъ въ сторонѣ эти любимыя предметы отъ скудности знанія ихъ, и берется за другіе, къ которымъ гораздо слабѣе сочувствуетъ, но болѣе отчетливо ихъ знаетъ. Лучше всего видѣть примѣры этому на тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые поступаютъ въ университеты изъ домашнихъ воспитанниковъ. Большая часть изъ нихъ идетъ по юридическому факультету потому, что здѣсь, при поступленіи въ университетъ, не требуется особенныхъ знаній въ древнихъ языкахъ и наукахъ математическихкихъ, хотя эти молодые люди иногда преимущественно любятъ науки историко-филологическаго и

математическаго факультетовъ. Вотъ почему въ аудиторіяхъ университета очень часто можно встрѣтить молодаго слушателя, который съ удовольствіемъ слушаетъ лекціи тригонометріи или Славянскихъ нарѣчій, нежели Римскаго и общенароднаго права, и даже предпочтаетъ перваго послѣднимъ. Вотъ почему иной студентъ-математикъ съ удовольствіемъ читаетъ во все продолженіе своего пребыванія въ университетѣ Русскія лѣтописи, и только передъ экзаменомъ заглядываетъ, и то по необходимости, въ тетради математическихъ лекцій. — У меня есть знакомый. Опъ семи лѣтъ, не зная ни одной ноты, даже рѣдко прикасаясь къ клавишамъ фортепяня, началъ по слуху наигрывать всѣ слышанныя имъ пѣсни, романсы и танцовальныя пѣсы. Родители мало и даже никакого не обращали вниманія на способности и расположеніе ребенка къ музыкѣ, и заставляли его чаще сидѣть надъ исторіею и ариметикою. Между тѣмъ страсть къ музыкѣ сама собою въ немъ развивалась, и когда онъ сталъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ и его опредѣлили въ военную службу, онъ имѣлъ въ стѣнахъ своей квартиры фортепяня прежде, чѣмъ былъ готовъ новый его мундиръ. Въ 30 лѣтъ, всѣ любители и нелюбящіе музыки восхищались игрою его, хотя ноты для него все еще оставались невѣдомымъ міромъ. На бѣду, мой знакомый жилъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было хорошихъ учителей музыки. Когда онъ переселился въ одну изъ нашихъ столицъ и ему случилось слышать себя похвалы извѣстныхъ артистовъ, онъ плакалъ, какъ дитя. Часто онъ говорилъ въ дружескомъ кругу: «если бы меня съ тѣхъ поръ, какъ начали учить писать цифры, учили музыкѣ, изъ меня, можетъ быть, что-нибудь и вышло, а теперь меня ставятъ иногда въ тупикъ самыя пустыя недоразумѣнія въ нотахъ». Другой примѣръ. Дитя страстно любило птичекъ и цвѣты; но кто же изъ дѣтей не любитъ ихъ? Такъ думали отецъ и мать нашего ребенка, и не обращали вниманія, даже бранили, когда онъ отрывалъ глаза отъ книги и засматривался на канарейку или попугая, или пачкалъ платья, гоняясь въ саду за жуками и бабочками, или обсыпалъ себя пылью травъ и цвѣтовъ. Потомъ молодой человѣкъ учился въ гимназій и, по окончаніи курса, былъ также опредѣленъ въ гражданскую службу; но онъ скоро оставилъ ее и поселился въ своей деревнѣ. Живи на свободѣ и распоряжаясь собою свободно, онъ сдѣлался теперь замѣчательнымъ натуралистомъ и агрономомъ, считается членомъ нашего Общества естествоиспытателей, доставляетъ и доставляетъ ему множество матеріаловъ съ весьма дѣльными своими замѣчаніями, а все-таки не перестаетъ сожалѣть и жа-

ловаться, что его не учили въ молодости тому, къ чему онъ обнаруживалъ свои способности. — Что бываютъ врожденныя способности и неспособности къ изученію языковъ, мы приведемъ на память читателей Меццофанти, знавшаго нѣсколько десятковъ ихъ, и А. С. Пушкина, жаловавшагося, что онъ никакъ не можетъ выучиться Нѣмецкому языку, а если и сдѣлаетъ въ немъ какіе успѣхи, то очень скоро опять забываетъ.

Но благодаря судьбу, у насъ есть уже много родителей, которые воспитываютъ своихъ дѣтей не изъ однихъ матеріальныхъ выгодъ, и педагоги, которые видятъ въ своихъ занятіяхъ не одни только средства къ жизни. При этомъ стали также обращать вниманіе, чтобы наиболее развивать врожденныя способности дитяти къ известной науцѣ или искусству. Далѣе, самое преподаваніе, не говоря уже о появленіи многихъ превосходныхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, почти съ каждымъ днемъ у насъ улучшается. Этому улучшенію способствуютъ какъ успѣхи просвѣщенія вообще, такъ многіе трактаты и споры о методахъ преподаванія или обученія въ особенности. Книги и статьи подобнаго рода возбуждаютъ большое вниманіе родителей и педагоговъ, читаются съ удовольствіемъ, и, если онѣ дѣльны и полезны, заслуживаютъ глубокую благодарность. По этому нельзя не предполагать, чтобы не возбудила подобнаго вниманія и не заслужила искренней благодарности и книга г. Гасфельда: «Опытъ о преподаваніи». Въ ней встрѣтите вы много весьма дѣльныхъ, полезныхъ и умныхъ совѣтовъ и замѣчаній. Докажемъ это.

Г. Гасфельдъ убѣжденъ, что «обученіе можно привести къ гораздо простѣйшей формѣ противъ той, въ которой его представляли себѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, и можно открыть систему преподаванія, неизмѣненно основанную на законахъ природы» (стр. 5).

За этимъ авторъ представляетъ картину постепеннаго развитія ребенка съ ранняго дѣтства до значительной возмужалости тѣломъ и духомъ. Здѣсь авторъ говоритъ: «внимательный наблюдатель откроетъ, что духъ и тѣло дитяти развиваются въ одномъ и томъ же отношеніи, что они движутся параллельно, и удерживаются въ самомъ точномъ равновѣсіи, если только дитя совершенно здорово» (стр. 12). По нашему мнѣнію, въ такомъ же равновѣсіи должны находиться духъ и тѣло и въ послѣдствіи, когда дитя перейдетъ въ юношу. Величайшій у насъ недостатокъ, существующій при воспитаніи дѣтей, состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ мало обращалось вниманія на физическое развитіе дѣтей. При постоянномъ упражненіи умственныхъ ихъ силъ, только

разъ въ недѣлю, а иногда и того рѣже, позволяютъ дѣтямъ погулять или покататься на воздухъ; большую же часть времени они проводятъ въ стѣнахъ комнаты, гдѣ только въ немногихъ, чаще въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, есть гимнастическія упражненія. Отъ того учащіяся дѣти наши блѣдны и слабы, а самое развитіе умственныхъ ихъ силъ идетъ не такъ быстро, какъ этого можно бы было ожидать, если бы развитіе духа и тѣла, выражаясь словами г. Гасфельда, двигалось параллельно. Поэтому намъ нравится слѣдующій весьма благоразумный совѣтъ автора: «пусть дѣти остаются дѣтьми; заботьтесь объ ихъ тѣлесномъ здоровьѣ, давайте имъ здоровую пищу; пускай ихъ бѣгаютъ и играютъ съ другими дѣтьми; берите ихъ домой лишь тогда, когда они достаточно устали, когда уже можно рассчитывать, что сонъ имъ будетъ здоровъ и покоемъ» (стр. 16).

Далѣе г. Гасфельдъ утверждаетъ, что дѣтей не прежде должно начинать учить, какъ когда они сами «дадутъ вамъ почувствовать, что пора уже начать вести ихъ обученіе искусно-систематически.» (стр. 17). Подобное же требованіе касательно времени обученія дѣтей было выражено многими классическими писателями («о воспитаніи:» Ж. Ж. Руссо, напримѣръ, также требуетъ, чтобы дитя непременно начинало учиться не прежде, какъ когда оно обнаружитъ къ тому сильнѣйшее расположеніе и желаніе. Но многія дѣти никогда его не обнаруживаютъ. Многія изъ нихъ бываютъ окружены безчисленными игрушками, забавами; имъ нѣтъ времени и обнаружить желанія или расположенія сѣсть за книгу и учиться; другія же хотя и обнаружатъ его, но въ эпоху уже полнаго своего развитія, когда они начнутъ сознавать необходимость знанія, и когда будетъ уже поздно надѣяться на быстрое развитіе умственныхъ ихъ силъ. Поэтому, намъ кажется, что мнѣвіе г. Гасфельда относительно поры обученія дѣтей будетъ справедливо, если прибавить, что въ дѣтяхъ должно быть подготовлено и развито желаніе и расположеніе учиться, которое они должны рано обнаружить.

Далѣе авторъ говоритъ, что, при началѣ ученія дѣтей, родители и учителя обыкновенно впадаютъ въ самыя важныя ошибки. «Не рѣдко этотъ переходъ отъ мнимой праздности къ труженнической дѣятельности совершается чрезвычайно неприятымъ для ребенка способомъ, и слишкомъ часто предполагаютъ, что непременно нужно заставлять ребенка учиться. Наши первые наставники исполняютъ иногда свою многотрудную обязанность съ величайшимъ отвращеніемъ; дѣти очень хорошіе наблюдатели, и обыкновенно учатся съ такою же неохотою, съ какою ихъ учатъ. Иной разъ учитель требуетъ отъ ребенка слишкомъ

многого; слѣдствіе этого известно: ребенокъ учится мало, или и совсѣмъ не учится. Торжественнаго лица учителя достаточно, чтобы сдѣлать для ученика урокъ въ высшей степени бесполезнымъ и мучительнымъ. Средства, употребляемая для возбужденія вниманія ученика, не всегда бываютъ самыя лучшія, и въ такомъ случаѣ они не рѣдко ведутъ къ слѣдствіямъ, для избѣжанія которыхъ слѣдовало бы напрягать всѣ свои силы. Самая форма обученія неприятно поражаетъ, и слишкомъ много требуетъ вниманія къ скучнымъ урокамъ. *Но самая важная ошибка состоитъ въ томъ, что ребенка занимаютъ изученіемъ самыхъ бесполезныхъ вещей, между тѣмъ, какъ предметы великой важности оставляются безъ всякаго вниманія. Родители очень часто полагаютъ, что нѣтъ необходимости въ самомъ началѣ приглашать хорошаго учителя, и полагаютъ всему дурное основаніе*» (стр. 18 и 19). Подчеркнутыя нами строки особенно достойны вниманія.

«По моему мнѣнію,» говоритъ авторъ, «самый совершенный способъ обученія долженъ состоять въ движеніи по прямой линіи отъ незванія къ знанію» (стр. 22).

На вопросъ, какъ должно учить дѣтя читать, авторъ отвѣчаетъ: «мы должны выучить дѣтей читать, но не тѣмъ способомъ, какъ это обыкновенно дѣлается: цѣлыя недѣли и мѣсяцы занимаютъ ихъ азбукою и скучными складами. На это тратится слишкомъ много времени, и ученіе наскучаетъ дѣтямъ прежде, чѣмъ они узнаютъ его достоинство. Возьмите маленькій томикъ, напечатанный по возможности ясно, содержащій въ себѣ легкія фразы, повторяйте буквы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тамъ находятся, и повѣрьте, дѣти, хотя бы число ихъ въ вашемъ классѣ простиралось до пятидесяти, этимъ способомъ гораздо скорѣе узнаютъ буквы, нежели тѣмъ, который обыкновенно употребляютъ для этого труднаго дѣла. Правда, дѣти не будутъ знать буквъ въ алфавитномъ порядкѣ, но много ли выгодъ приобретаютъ они отъ этого порядка? Никакой!» (24 стр.). Мысль, высказанная г. Гасфельдомъ, объ обученіи дѣтей чтенію прямо съ фразъ, не прибѣгая къ азбукѣ, уже давно известна, и желательно, чтобы эта метода вошла во всеобщее употребленіе.

На вопросъ: «чему же должны учиться дѣти?» авторъ отвѣчаетъ слѣдующими, въ высшей степени достойными вниманія словами, которыя уже были высказаны почтеннымъ Профессоромъ Московскаго Университета С. П. Шевыревымъ, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи во время университет. акта «Объ отношеніи семейнаго

воспитанія къ государственному», 1842 г., стр. 48 — 49): «Прежде всего языку страны, въ которой они рождены и воспитаны, языку, на которомъ говорили у нихъ колыбели, на которомъ пѣвцы воснѣли дѣянія ихъ предковъ; этотъ языкъ, *а не другой*, долженъ быть основаніемъ всѣхъ нашихъ познаній; на немъ сообщены были намъ первыя наставленія въ нашей молодости; помощью его сдѣланы были первыя впечатлѣнія на младенческую душу. На этомъ языкѣ мы молимся, на немъ говорить съ нами Государь — благодѣтель, на немъ написаны наши законы. На этомъ языкѣ насъ учатъ любить наше отечество, которое, по справедливости, должно быть средоточіемъ всѣхъ нашихъ помышленій. Житель полярныхъ странъ не завидуетъ людямъ, родившимся въ тѣни померанцевъ; онъ не броситъ льда своего, чтобы дышать благоуханіемъ лѣсовъ, о которомъ онъ не имѣетъ понятія; онъ полагаетъ, что южныя страны, въ которыхъ не водится китовъ, должны быть почти необитаемы. Это чувство естественно, достойно уваженія.»

«Нѣтъ надобности говорить, что первыя начала религій и основанія общаго образованія должны быть сообщены намъ на первомъ языкѣ, которымъ мы говоримъ, т. е. на языкѣ отечественномъ. Мудрецъ не вадумаетъ посадить своихъ лучшихъ растений въ саду сосѣда» (стр. 34).

«Когда разсудокъ ребенка нѣсколько образовался, онъ владѣетъ уже *общимъ логическимъ чувствомъ грамматики* (?), которая въ главныхъ чертахъ своихъ, одна и та же во всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ. Только въ эту пору, никакъ не раньше наступаетъ время учить его чужимъ языкамъ.»

«Помощью перваго языка, который узнаемъ, должны мы научиться отвлекать, сравнивать, совокуплять, анализировать и мыслить; приобрѣтши известную ловкость въ этихъ умственныхъ дѣйствіяхъ, мы сравнительно гораздо легче научимся чужимъ языкамъ. Человѣкъ вовсе не необыкновенныхъ способностей легко узнаетъ пять, шесть языковъ, но не можетъ имѣть претензій на ученость. Только изъ алмаза можно вышлифовать брилліантъ.»

«На обладаніе иностранными языками вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на абсолютное знаніе: оно составляетъ не болѣе какъ средство, ведущее къ знанію, и то только при благоразумномъ его употребленіи. Но если приобрѣтенная нами способность говорить на языкахъ различныхъ народовъ ведетъ насъ къ неразборчивому подражанію свойствамъ, которыхъ собственно слѣдовало бы избѣгать, *то нашей національности грозитъ опасность*, и лучше было бы, если бы воображеніе

намъ не пускалось за границу за бесполезными удобствами; ибо нѣтъ сомнѣнія, что лучше не знать чужихъ языковъ, чѣмъ знать ихъ, и употреблять свое знаніе безразсудно.» (стр. 35, 36 и 37).

Здѣсь сказано, что подражаніе свойствамъ языковъ различныхъ народовъ грозитъ опасностью нашей національности. Это черезъ чуръ уже преувеличено; все же остальное въ высшей степени вѣрно и замѣчательно.

Далѣе, на слѣдующихъ страницахъ, г. Гасфельдъ излагаетъ свою методу преподаванія Англійскаго языка. Эта метода такъ хороша, что она, съ небольшими измѣненіями, можетъ быть приложена къ изученію и другихъ языковъ. Въ одномъ только можетъ встрѣтиться здѣсь затрудненіе: это предположеніе автора, что «первыя двадцать уроковъ языка не слишкомъ труднаго относительно грамматическихъ формъ, должно преподавать по таблицамъ; текстъ, служащій для чтенія, долженъ быть напечатанъ на отдѣльныхъ листкахъ такъ, чтобы между каждыми двумя строчками текста первыхъ десяти уроковъ оставалось около дюйма; въ этомъ промежуткѣ слушатели записываютъ свои замѣчанія и значенія словъ.» (стр. 54). Слѣдовательно приложеніе метода г. Гасфельда къ изученію другихъ языковъ, предполагаетъ прежде изданіе таблицъ, «составленіе которыхъ,» по замѣчанію же г. Гасфельда: «необходимо предполагаетъ въ учителѣ большую опытность въ его занятіяхъ. Новичокъ не напишетъ ихъ такъ, какъ это сдѣлаетъ человѣкъ опытный» (56 стр.). Но мы отъ всей души желаемъ, чтобы эти таблицы по всемъ преподаваемымъ у насъ языкамъ были составлены скорѣе, тѣмъ болѣе, что преподаваніе языковъ, особенно не въ столицахъ, у насъ идетъ плохо. Иные ученики, на примѣръ, семь лѣтъ учатся Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, а по окончаніи курса не въ состояніи безъ лексиконовъ и труда прочесть Корнелія Непота и какой-нибудь легкой рассказъ на Французскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ. Не говоримъ уже о томъ, что не многіе выучиваются говорить по-Французски или по-Нѣмецки, отъ чего иногда ученикъ по окончаніи курса, не знаетъ основательно ни грамматики, ни большаго запаса словъ, и не имѣетъ понятія о литературѣ тѣхъ языковъ, которымъ онъ учился семь лѣтъ? По нашему мнѣнію главнѣйшая этому причина состоитъ въ томъ, что учителя—иностранцы, совершенно незнающіе языка Русскаго. Большею частію они имѣютъ обыкновеніе учить такимъ образомъ: отмѣчаютъ карандашемъ въ грамматикахъ Шапсаля, Лейбрихта, Цумпта цѣлые параграфы тѣхъ правилъ, которыя ученикъ долженъ влучить; но правила эти никогда не объясняются, а если

и объясняются, то ученикъ рѣшительно ихъ не понимаетъ на новомъ, еще неизвѣстномъ для него языкѣ. Бѣдный ученикъ долго сидитъ надъ заучиваніемъ заданныхъ правилъ, наконецъ выдолбитъ ихъ такъ, что языкъ можетъ безошибочно ихъ проболтать; учитель пансіонскій запишетъ ему 4 или 5, но ученикъ все-таки ихъ не понимаетъ и къ вечеру того же дня забываетъ. Ему задаютъ переводы съ иностраннаго языка на Русскій; если это дѣлается въ классѣ, въ присутствіи учителя, то учитель, незнающій Русскаго языка, только перефразируетъ ихъ, а не переводитъ, и этихъ фразъ никто не понимаетъ изъ тѣхъ учениковъ, которые прежде не вынесли изъ дому запаса для пониманія ихъ. Если же переводъ съ иностраннаго языка на Русскій дѣлается на дому, то тутъ ученикъ можетъ написать по-Русски все, что прійдетъ ему въ голову; учитель не пойметъ.

Такъ-какъ значеніе словъ не объясняется ни при изученіи грамматическихъ правилъ, ни при переводахъ, то число этихъ словъ весьма не велико остается въ памяти ученика, да и изъ этихъ словъ онъ не можетъ выразить правильно мысли, не зная, гдѣ какое изъ нихъ употребляется по своему значенію. Ясно, что для устраненія этого недостатка необходимо, чтобы учителя иностранныхъ языковъ были изъ Русскихъ, или хотя и иностранцы, но съ основательнымъ знаніемъ языка Русскаго. Доказательствомъ этому служатъ успѣхи учащихся въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ находятся учителя, на примѣръ, Латинскаго и Греческаго языковъ, окончившіе курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ или въ одномъ изъ нашихъ Университетовъ; во Французскомъ же и Нѣмецкомъ языкахъ успѣваютъ тамъ, гдѣ встрѣчаются Французы и Нѣмцы хотя съ ограниченнымъ знаніемъ нашего природнаго языка. Мы думаемъ, что иностранцевъ учителей можно совершенно замѣнить Русскими педагогами, и думаемъ потому, что въ Гимназіяхъ преподаваніе языковъ преимущественно теоретическое, а теорію ихъ весьма основательно знаютъ многіе изъ нашихъ молодыхъ педагоговъ. Иностранцевъ же, Французовъ и Нѣмцевъ, незнающихъ Русскаго языка, можно допустить только въ высшихъ классахъ, гдѣ ученики уже приготовлены къ пониманію ихъ, или дать имъ мѣста гувернеровъ, надзирателей, слѣдовательно тамъ, гдѣ преимущественно должна быть практика.

Потому намъ кажется въ высшей степени справедливымъ и мнѣніе Г. Гасфельда, «что учитель долженъ знать природный языкъ своихъ слушателей» (стр. 40), и что онъ «не прежде долженъ составлять

«фразы на преподаваемомъ языкѣ, какъ когда ученики на немъ же «будутъ въ состояніи отвѣчать ему» (стр. 42).

На 48-й страницѣ авторъ говоритъ: «больше нужно думать о обогащеніи ученика формами словъ, чѣмъ самыми словами; помощью «первыхъ увеличивается число выраженій; послѣднія въ чрезвычайно «большомъ числѣ могутъ развѣ обременить память, но никакъ не «обогатятъ ея». И на 49 страницѣ: «должна быть причина для введенія «каждаго новаго слова; оно должно быть неразрывно связано со всѣми «предыдущими лекціями». Еще на 50 стр. «мало по малу должно вводить «большую быстроту выраженій, постепенно приучать ухо къ схватыванію «словъ, произносимыхъ людьми, не привыкшими говорить такъ ясно, «какъ долженъ говорить учитель; ибо уроженцы земли, языку которой «мы учимся, не расположены обращать большое вниманіе на своихъ «сосебѣдниковъ; они привыкли говорить съ своими земляками, и не «думаютъ поблажать слушателю. Они говорятъ на своемъ языкѣ съ «такою же беспечностью, съ какою говорили на немъ предъ ними съ «самаго нѣжнаго ихъ младенчества. И не совсѣмъ-то легкое дѣло для «инострнца, даже владѣющаго глубокимъ знаніемъ языка, понять вы- «сраженія, съ которыми уже сильно сдружилось ухо туземца.» (Стр. 50).

Мы достаточно выписали изъ книги Г. Гасфельда, чтобъ показать, какъ много въ ней умнаго, дѣльнаго и достойнаго вниманія. Но не можемъ удержаться, чтобъ не выписать еще слѣдующихъ словъ, касающихся до учителей вообще.

«Первое условіе, необходимое для преподаванія, состоитъ въ слѣ- «дующемъ: учитель долженъ владѣть полезными знаніями, и быть въ «состояніи передать другимъ то, чтѣ онъ знаетъ самъ» (стр. 23).

Это требованіе отъ учителя разбираемаго нами автора особенно замѣчательно въ томъ отношеніи; что многіе изъ нашихъ молодыхъ педагоговъ, дающихъ уроки въ домахъ, берутся за преподаваніе всѣхъ предметовъ; они готовы учить Китайскому языку и Тарабарской грам- «мотѣ, которая существуетъ только въ воображеніи людей, лишь бы «представился тому только случай. Неудивительно же, что иной учить «и Исторіи, и Математикѣ, Словесности и Естественной Исторіи. По «нашему мнѣнію, учителемъ должно быть тѣхъ наукъ, которыя основа- «тельно и многосторонне извѣстны, а знать такъ можно только одну или «двѣ науки, а не десять.

«Ребенокъ долженъ начать учиться, моя первая прозьба къ учителю: «никогда не забывайте, что вы были то же ребенкомъ; отправляйте «вашу должность добросовѣстно, заслужите любовь вашихъ маленькихъ

«питомцевъ, и они васъ полюбятъ; въ вашихъ рукахъ будетъ самое «надежное и самое чистое средство побужденія; изучите вашихъ «маленькихъ питомцевъ, научитесь сперва сами; и потомъ уже начинайте учить. Если вы были столько счастливы, что имѣли хорошихъ «учителей въ молодости, подражайте имъ; если нѣтъ, избѣгайте ихъ «ошибокъ. Забудьте гордость и тщеславіе, припоровите ваши выраженія «къ способностямъ вашихъ питомцевъ, будьте нѣжны въ упрекахъ, «и бережливы на похвалы; не употребляйте лести, не возбуждайте «соревнованія,—иначе вы возбудите въ нихъ лишь неутолимую жажду «къ похвалѣ, и вольете въ эти маленькія существа, созданныя для «того, чтобы любить другъ друга, мучительныя чувства зависти и «ненависти,—и это въ самомъ нѣжномъ младенствѣ!—Показывайте «имъ привлекательныя черты знанія, и они полюбятъ этотъ даръ Божій «ради его самого, будутъ стараться пріобрѣсти его ради наслажденія «владѣть имъ, а не ради тщеславія выставять его» (стр. 20).

«Учитель долженъ владѣть простымъ искусствомъ низойти на степень «своихъ слушателей: его тщеславіе должно заснуть; съ маленькимъ «мальчикомъ онъ долженъ быть старшимъ братомъ, съ дѣвочкой онъ «долженъ умѣть говорить и о куклахъ. Всѣ преимущества, пріобрѣ- «тенныя имъ цѣлыми годами занятій, должны исчезнуть во время урока. «Учитель долженъ выбирать для разговора предметы пріятныя и знакомыя «его слушателямъ, нисколько притомъ не заботясь о себѣ» (стр. 57).

Того же требуютъ отъ учителей почти всѣ классическіе писатели о воспитаніи, Ж. Ж. Руссо, Пистолоцци, Нимейеръ и другіе.

Г. Гасфельдъ, вопреки многимъ врагамъ всякой системы, непременно требуетъ, чтобы учитель въ своихъ занятіяхъ былъ строго систематиченъ.

«Всѣ предшествующіе уроки, данныя имъ (учителемъ) питомцамъ, «должны постоянно сохраняться въ умѣ его; каждое слово, имъ про- «изнесенное, должно стоять передъ нимъ, какъ написанное. Онъ не «долженъ предлагать ни одного вопроса, на который нельзя было бы «дать отвѣта, основаннаго на предъидущихъ урокахъ. Эта связь «между уроками, это постоянное возвращеніе къ прежнему есть дѣло «чрезвычайной важности; безъ этого нѣтъ системы, и весь актъ «обученія, которой долженъ собственно представлять цѣлый, недѣ- «лимый запасъ свѣдѣній, становится отрывочнымъ и легко утра- «чивается». (Стр. 30).

«Дитя должно научиться образоватъ и совокуплять мысли (?); «для этого учитель долженъ владѣть искусствомъ изъяснять все

«самымъ простымъ образомъ; онъ долженъ продолжать объясненіе «со многими перемѣнами до тѣхъ поръ, пока вопросы и отвѣты ученика не убѣдятъ его вполне, что тотъ въ совершенствѣ позналъ «изъясняемую мысль, и сочеталъ ее съ знаніями, приобрѣтенными въ «предъидущіе уроки; слѣдовательно при обученіи постоянно должно «оглядываться назадъ; нѣсколько, хотя очень мало, должно каждый «день прибавлять къ прежнему знанію, и ни одна частица его не должна «быть потеряна. Если вы учите такимъ образомъ, вы глубоко въ землю «сажаете сѣмя; оно проростетъ и далеко разстелетъ свои корни, оно «выйдетъ на поверхность почвы, поднимется до облакъ, подъ тѣнью «его отдохнетъ усталый путешественникъ, на вѣтвяхъ его орлы совьютъ «себѣ гнѣзда» (стр. 28).

Мы далеко не выписали изъ книги Г. Гасфельда всѣхъ прекрасныхъ мѣстъ; ихъ очень много.

Если бы кто захотѣлъ отыскать въ «Опытѣ о преподаваніи» ошибки, то могъ бы ихъ найти въ неточности выраженной мысли, но и этихъ ошибокъ очень мало. Такъ, напримѣръ, на 40 страницѣ Г. Гасфельдъ, желая сказать, что дитя сначала укрѣпляется въ тѣлесныхъ органахъ, и потомъ начинаетъ стоять и ходить, выражается такимъ образомъ: «Дитя уже приобрѣло извѣстную крѣпость въ своихъ низкихъ «оконечностяхъ»(!?).

Или, на 26 страницѣ: «слова суть воспріемлемые слухомъ представители идей и мыслей.» Если здѣсь разумѣются отдѣльные слова, что они суть воспріемлемые слухомъ представители идей и мыслей, — какъ это должно понимать изъ книги Г. Гасфельда, то что же будутъ предложенія и періоды, гдѣ слова являются не отдѣльно, а въ сочетаніи съ другими? Развѣ предложенія и періоды въ этомъ случаѣ не суть также воспріемлемые слухомъ представители идей и мыслей?

На страницѣ 34-й, каллиграфія смѣшана вообще съ знаніемъ писать. «Хотя каллиграфія есть чисто механическая ловкость, которую «можно приобрѣсти въ весьма короткое время, но пренебрегать ею не «слѣдуетъ. Она составляетъ существенную часть нашего воспитанія (не образованія ли?); даетъ намъ средства сообщаться съ «самыми отдаленными частями земнаго шара, чрезвычайно облегчаетъ «всѣ наши обязанности (неужели каллиграфія облегчаетъ обязанности «наши и къ Богу, Церкви и проч?), особенно если мы съ значительною «ловкостію владѣемъ этимъ искусствомъ; въ жизни насъ ожидающей, «она дѣлаетъ насъ менѣе зависимыми отъ нашихъ подчиненныхъ; не «одинъ секретъ былъ выданъ потому, что знаменитый (?) владѣтель

«его былъ невкуснымъ писцомъ, и оттого долженъ былъ вѣрить его «другимъ, людямъ болѣе искуснымъ, но менѣе скромнымъ.» Мы думаемъ, что кто пишетъ такъ, какъ паразитъ курица, и тотъ, будучи *знаменитымъ* владѣтелемъ секрета, не просить другаго написать его. Бурмистръ, на примѣръ, не прибѣгнетъ съ просьбою къ каллиграфу написать барину доносъ на прикащика, если самъ можетъ какъ-нибудь писать. Деревенская барышня не попроситъ ученаго мужа написать *billet doux*, если она сзумѣетъ хотя булавкою нацарапать его.

На страницѣ 33-й: «Математика должна составлять часть образованія *каждаго* мальчика (отъ чего же и не дѣвочки?); эта положительная наука, если только хорошо преподають ее, даетъ совершенно опредѣленную форму юному мышленію; она проникаетъ все наше *умственное существованіе* (?) и *сообщаетъ намъ средства отличить истину отъ заблужденія.*» Неужели только одна Математика?

Не нравятся намъ и такія выраженія: «многіе полагають, что дѣти начинаютъ учиться лишь тогда, когда они *принимаются кушать* «свой *прямичный алфавитъ* (стр. 17). Или: «родителямъ нравится изумительная память ихъ *милашекъ*». (!) (стр. 26).

Но вообще такихъ ошибокъ въ книгѣ Г. Гасфельда мало, и слогъ хорошъ. Изданіе ея очень красиво.

Н. Роговскій-Рожанскій.

Легенда о Монтегрозъ. Историческій романъ Вальтера-Скотта. Перев. съ Англійскаго. Москва. 1851 г. Въ типогр. Кириллова. Въ 16-ю долю листа. Часть 1-я, 196 стран. Часть 2-я, 190 стран.

Трудно въ наше время представить себѣ хотя одного читателя, который бы незнакомъ былъ хотя съ нѣкоторыми изъ произведеній великаго Шотландскаго романиста и для котораго эти произведенія не сливались бы во едино съ лучшими впечатлѣніями молодости! Трудно подумать такъ же, чтобы въ наше время могъ опять возникнуть вопросъ о томъ, къ истинному или къ ложному роду въ искусствѣ принадлежать эти романы или, лучше сказать, эти міры, созданные великимъ поэтомъ. Понять страстное поклоненіе Вальтеру-Скотту, пожалуй, доходящее до крайности—весьма возможно, но понять равнодушіе къ нему мы отречаемся и за себя лично и за бѣдшую часть читающей массы. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ поэтъ,—кто творитъ живые образы—то едва ли найдется писатель болѣе В. Скотта до-

стойный этого имени. Лица, имъ изображаемыя, до такой степени ясны въ фантазиі самого поэта и изображены съ такимъ высокимъ, чуждымъ всякой задней мысли простодушіемъ, что они ходятъ какъ живые передъ читателемъ: каждый почти романъ его — цѣлый, самъ въ себѣ замкнутый, полный міръ, съ которымъ вы сживаетесь все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше въ него углубляетесь. Помните ли вы, напримѣръ, этотъ маленькій міръ Шетлендскихъ острововъ въ «Морскомъ разбойникѣ» съ мирнымъ бытомъ стараго Ларда Магнуса Труала, помните ли вы дочерей стараго Ларда — бѣлокурую и простую Бланку, червоолосую и фантастическую Минну, — болтуна-поэта Галькёрдъ, съ его безконечными разказами о Драйденѣ, — агронома Триптолема Айловли, возмущившаго своими педантскими теоріями душу стараго управаго Ларда, — Файтѡюль-Чидскую Норну, всю окруженную обаяніемъ таинственности ужаса. Вы знали эти лица, вы пиروвали съ одними у стараго Магнуса Труала, дѣля съ ними отъ души ихъ маленькія радости и маленькія огорченія, — вы любили ихъ, мирились даже съ плутомъ разношникомъ Брайсомъ, такъ наивно пользовавшимся остатками кораблекрушенія — вамъ жаль было, что странный пришлецъ Клевлендъ разрушилъ спокойствіе маленькаго мірка — и съ другой стороны, не могли вы отказать въ симпатіи этому молодцу капитану съ его разгульными товарищами, удалыми разбойниками. — Вамъ жаль, глубоко жаль было поэтической Минны, полюбившей блестящаго и опаснаго пришлеца, — болѣзненно сжималось ваше сердце за бѣдную грустную красавицу, когда въкала она съ отцемъ къ старей сьумасшедшей Норнѣ искать у нея исцѣленія отъ любовнаго недуга, — когда въ темную сырую ночь, презирающая опасности по своей гордой и фантастической натурѣ, но все-таки пугливая, слабая и трепещущая, встрѣчена была она старымъ и добрымъ болтуномъ Галькёрдъ. Чудный, неотразимо-влекущій міръ — чудные, до послѣднихъ изгибовъ личности знакомые вамъ характеры.... А Невѣста Ламмермурская — одна изъ вѣчныхъ поэмъ любви, можетъ быть самая простодушная послѣ поэмъ:

О Ромео и Юліи его,

можетъ быть столько же печальная.... А міръ Иванаго или Айвенго съ его королемъ Ричардомъ, съ необузданно-страстнымъ храмовникомъ Брианомъ — съ разрывающей сердце сценой прощанія жидовки Ребекки съ рыцаремъ Айвенго.... А Вудстокъ съ его Оливеромъ Кромвеллемъ, — а романы изъ эпохи крестовыхъ походовъ, — и наконецъ несравненный достолюбезный капитанъ Далджети Друмтваккетъ «Легенды о Монтрозѣ»... Но есть ли возможность исчислить всѣ живыя су-

щества, вызванный изъ темной дали прошедшаго гениальнымъ повѣствователемъ. Вообще, по силѣ и простотѣ изображенія, по непосредственности творчества — Вальтеръ-Скоттъ стоитъ совершенно въ уровень съ величайшимъ изъ поэтовъ, съ Шекспиромъ . . . А между тѣмъ, неизмѣримая бездна лежитъ еще между нимъ и творцемъ Гамлета и Фальстафа. Эту бездну положило между ними — міросозерцаніе, безконечно-широкое у одного и нѣсколько узкое у другаго. Вальтеръ-Скоттъ — поэтъ реставраціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками, съ любовью къ прошедшему, такъ сказать, въ укоръ настоящему, Шекспиръ — поэтъ своего настоящаго и вѣчнаго будущаго, полный разумной вѣры въ человѣка, не сковавшій своего идеала условными формами: все равно доступно ему, — ибо во всемъ видитъ онъ ясно пути судьбъ Божіихъ . . . Замѣчательно странно то, что читая романы Вальтера-Скотта, не сосредоточиваешь *никогда* своего интереса на главномъ героѣ, — кому какое дѣло до этого ограниченнаго рыцаря Айвенга, — до этого добраго мальчика Мордона-Мертѣна въ «Морскомъ разбойникѣ» — до этого благороднаго Ментейна въ «Легендѣ о Монтрозѣ», до самаго Квинтевъ-Дорварда въ романѣ этого имени? Дѣло не въ нихъ, въ этихъ сшитыхъ на одну мѣрку прекрасныхъ молодыхъ людяхъ, не въ ихъ пустыхъ и довольно водяныхъ страстишкахъ — дѣло въ Бріанъ и Ребеккѣ, въ Клеелендѣ и Миннѣ, въ Далджетти и Алланѣ Макъ Олеѣ, въ Людовикѣ XI-мъ. Не таковъ идеалъ человѣка у Шекспира — не на одну мѣрку сшиты эти Гамлетъ, Лиръ, Отелло, Тальботъ, Фоонбриджъ — не таковъ наконецъ Генрихъ V-й, это полное отраженіе великой личности самаго поэта. Они — главные центры всего: ибо они, съ своими страшными заблужденіями и истинно-великими качествами — настоящіе представители человѣчности — въ нихъ караются уклоненія отъ правды и въ нихъ же возвеличивается правда жизни . . .

Но, повторяемъ опять — по яркости и простотѣ представленія, по многообразію типовъ, только созданія В. Скотта достойны занять мѣсто съ созданіями Шекспира . . . Отраднo успокоивается душа человеческая, скинаясь съ этими пѣльными, замкнутыми въ себѣ мірами — передъ которыми — увы! блѣднѣютъ весьма замѣтно, всѣ безъ исключенія произведенія новой литературы.

Мы не станемъ рассказывать читателямъ содержанія превосходнаго романа: «Легенда о Монтрозѣ». Вѣроятно — однимъ изъ нихъ оно знакомо по французскимъ или нѣмецкимъ переводамъ, — большинству по старому русскому переводу, явившемуся въ двадцатыхъ годахъ подѣ

названиемъ: «Выслужившійся офицеръ или война Монтроза», остальные же, наконецъ, вѣроятно, не замедлятъ познакомиться съ новымъ переводомъ. Мы лично — перечли этотъ удивительный романъ чуть ли не въ четвертый разъ — и, давно не испытывали такого полного наслажденія. Стоить только вѣсколко вдаться въ мѣръ повта, ознакомиться сколько-нибудь съ этими мастерски созданными лицами, поражающими то своей простотою, какъ характеръ самого Монтроза, то мрачной поэзіей, которой проникнутъ образъ Аллана Макъ-Олея, то дикой энергіей, какъ личность Ранальда, то простодушной женской прелестью, какъ Аннота Ляль, то наконецъ истиннымъ, полнымъ жизни комизмомъ, какъ почтенный капитанъ Далджетти Друмтваккетъ — и вы сами, точно какъ будто пережили всю эту давно минувшую жизнь, вамъ трудно отрываться отъ нея, — вамъ жаль, что кончена повѣсть, хотя вы сами видите, что нечего прибавить къ ней.... Есть что-то чрезвычайно успокоительное въ этомъ чтеніи, что-то равно дѣйствующее на всякій возрастъ.

Оставляемъ въ сторонѣ главнаго героя, благороднаго Лорда Ментейна: онъ принадлежитъ къ общему роду прекрасныхъ молодыхъ людей, представителей всякой добродѣтели и возвышенной чести, хотя Лордъ Ментейнъ все-таки не въ такой степени вялъ, какъ рыцарь Айвенго, и не въ такой степени безцвѣтенъ, какъ Мордовъ-Мертѣнь. — Остановимся прежде всего на трагическомъ лицѣ Аллана Макъ-Олея. Характеръ его истинно-трагическій — хотя нигдѣ великій поэтъ не поставилъ его на ходули: понятно, какъ подъ свѣрнымъ туманнымъ небомъ эта страстная натура развилась односторонне, какъ сложилось его мрачное и скорбное воззрѣніе на жизнь, еще болѣе усиленное развитіемъ фантастической стороны души, вѣры въ предопредѣленіе и видѣнія. Съ самаго перваго появленія — эта фигура обозначается чрезвычайно рельефно.

«Изъ боковой двери быстрыми шагами вошелъ въ залу горецъ, прямой, тонкій станъ котораго, полное вооруженіе, перья на шляпѣ, и твердая самоувѣренная походка показывала человека высокаго званія. Задумчиво подошелъ онъ къ столу и не сказалъ ни слова въ отвѣтъ графу Ментейну, который, назвавъ его Алланомъ, привѣтливо спросилъ о здоровьѣ. «Теперь не надо ни слова говорить съ нимъ» шепталъ старикъ дворецкій. Высокій горецъ сѣлъ на пустое мѣсто возлѣ камина, вперивъ глаза въ красное пламя и высокую кучу торфа, и, казалось, погрузился въ глубокое раздумье. Видъ мрачной суровости, простекавшей, можетъ быть, отъ уединенной жизни, если бы то былъ

Лоуландецъ, можно было бы приписать религиозному фанатизму, но эта умственная болѣзнь, столь обыкновенная въ Англіи и въ Шотландіи у Лоуландцевъ, очень рѣдко встрѣчалась у горцевъ того времени. У нихъ были особенные предрасудки, которые омрачали умы ихъ переходящими химерами, точно такъ же, какъ фанатическій пуританизмъ умы ихъ сосѣдей.

«Ваше сіятельство, сказалъ слуга горецъ, наклонившись къ графу Ментейну, — «ваше сіятельство — не должны теперь говорить ни слова съ Алланомъ: его умъ омраченъ».

«Графъ Ментейнъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою и пересталъ спрашивать молчаливаго горца».

Все окружающее Аллана слѣпо вѣрить въ его способность бесѣдовать съ невидимымъ міромъ и поддерживаетъ въ немъ суевѣрное расположеніе души. Неукротимый въ припадкахъ своей маніи, смиряющійся только при звукахъ голоса простодушной и милой Анноты Ляль, — гордый какъ демонъ, — исполненный горскихъ понятій о кровной мести, — онъ — истинный центръ драмы. Любовь его къ Аннотѣ и робка и глубока, и вмѣстѣ подозрительна и ревнива: ревность подсказываетъ ему, что Ментейнъ его счастливый соперникъ, и онъ принимаетъ свои подозрѣнія за тайный голосъ невидимыхъ духовъ.

Другой трагическій образъ — Ранальдъ Макъ Эгль, — начальникъ «дѣтей тумана» — презираемаго племени, полнаго заклятой ненависти къ своимъ преслѣдователямъ, въ особенности къ Макъ-Олеямъ, хранящаго свои особы таинственныя вѣрованія. Одна изъ самыхъ поразительныхъ сценъ романа — та, когда переодѣтый Ранальдъ бесѣдуетъ съ своимъ кровнымъ врагомъ Алланомъ и раздуваетъ въ немъ ненависть къ Ментейну:

«Пытливо-суровые взгляды Аллана такъ смутили Ранальда Макъ-Эгля, что рука его легла было уже на кинжалъ, готовясь отразить непріятельское нападеніе, какъ внезапно Алланъ Макъ-Олей, прошедши быстрыми шагами по палаткѣ, протянулъ ему руку въ знакъ дружбы. Они сѣли другъ возлѣ друга и стали разговаривать тихимъ таинственнымъ голосомъ. Это вовсе не удивило Ментейна и Аллана Макъ-Олея, — потому что у горцевъ между, ясновидящими была какая-то симпатія, обнаруживавшаяся при первой встрѣчѣ. Они любили говорить другъ съ другомъ о свойствахъ своихъ видѣній»....

Въ этомъ разговорѣ Алланъ раскрываетъ тайну своей души, преслѣдующую его самага видѣніями и призраками.

«Повторяю еще, говорилъ онъ — мнѣ представлялся какой-то горнецъ, который, казалось, воцѣпился книжалъ въ грудь Ментейну, тому молодому челоуѣку въ пунцовомъ платѣ съ золотымъ шитьемъ, который недавно вышелъ отсюда. Но не смотря на всѣ мои старанія, сколько ни *таращилъ* я глаза, никакъ не могъ рассмотреть лице этого горца, равно какъ и догадаться, кто онъ, хотя видъ и приемы его не совсемъ были мнѣ безызвѣстны.

«Обертывали ли вы вашъ пладъ?» — спросилъ Ранальдъ — какъ предписывается въ подобныхъ случаяхъ, правилами опытныхъ ясно-видящихъ ?

«Разумѣется, отвѣчалъ Алланъ тихимъ и дрожащимъ, какъ будто отъ внутренняго волненія, голосомъ.

«Въ какомъ же видѣ представлялось вамъ тогда это видѣнїе?» спросилъ Ранальдъ.

«Съ пладомъ тоже обернутымъ, отвѣчалъ Алланъ тѣмъ же тихимъ и дрожащимъ голосомъ.

«Если такъ, будьте увѣрены, что собственная ваша, а не чья-нибудь другая рука будетъ орудемъ смерти того челоуѣка, тѣнь котораго вы видѣли.

«О, моя тревожная душа, уже тысячу разъ, пугала себя этою мыслью» — вскричалъ Алланъ. «Но это невозможно! Если бы даже въ вѣчной книгѣ судебъ прочелъ я подобный приговоръ — и тогда бы я *объявилъ* это невозможнымъ! мы связаны съ нимъ узами кровнаго родства и связью, во сто разъ еще священнѣйшею: мы дрались въ однихъ рядахъ, сабли наши дымились кровью однихъ и тѣхъ же враговъ! Можно ли мнѣ дотронуться до него хотя пальцемъ?»

«Однако, это случится, — отвѣчалъ Ранальдъ, — непременно случится, хотя причина и таится еще во мракѣ будущаго. Положимъ, прибавилъ онъ, едва сдерживая свои ощущенія, что вы преслѣдовали вмѣстѣ враговъ, какъ бульдоги добычу; но развѣ никогда не случилось вамъ видѣть, какъ начинаютъ драку и грызутся бульдоги надъ самымъ трупомъ издыхающаго оленя.

«О нѣтъ, это невозможно! проговорилъ Макъ-Олей, вставая. Какое это предопредѣленіе судебъ. Это внушеніе какого-нибудь злаго духа изъ тартара.

«Сказавъ это — онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

«Однако чему быть, того не миновать! проговорилъ Сынъ Тумана, смотря въ слѣдъ ему съ восторженнымъ видомъ, — стрѣла, налитанная

адамъ, уже подь бокомъ у тебя. Радуйтесь тѣни убитыхъ! Сабля убійцъ вашихъ обогрется скоро въ собственной ихъ крови».

Сцена смерти Ранальда Макъ Эгля въ особенности ярко обрисовываетъ эту дикую и энергическую натуру:

«Постой на минуту», обращается овъ къ своему внуку, — «выслушай послѣднюю волю отца твоего отца. Помни судьбу твоего племени и свято чти древніе обычаи «Дѣтей Тумана». Теперь мы нечто иное, какъ разбѣянная толпа, которую тѣсятъ изъ долины въ долину сабля каждаго кіана, владѣющаго тѣми мѣстами, гдѣ его предки рубили дрова и носили воду для нашихъ отцовъ. Но, въ глубинѣ дремучаго лѣса, ты, Кеннетъ, сынъ Эпорта не признавай ты Эрда, не собирай денегъ, не держи стада, не ищи зеренъ. Пусть горная дичина замѣнитъ тебѣ стада; если жъ ты будешь чувствовать недостатокъ, то раскидай имущество твоихъ притѣснителей Саксонцевъ и Галловъ, изъ которыхъ послѣдніе тѣ же самые Саксонцы, потому что предпочитаютъ стада и пастбища и чести храбрости. Впрочемъ, для насъ это хорошо, что они такъ поступаютъ. Они вызываютъ этимъ насъ къ отыщенію и освѣщаютъ права нашей мести. Помни, Кеннетъ, тѣхъ, которые дѣлали добро нашему племени, и не щади своей крови, если она имъ понадобится. Если Меслемъ придетъ къ тебѣ, — ты защити его, хотя бы даже цѣлое войско шло за нимъ, въ Глакво и Арнамурхавъ мы жили съ нимъ въ мирѣ, въ то время, какъ онъ съ своими проходилъ мимо. Сыновья Дармиды, племя Дарланваража, скопище Мептейна, — на нихъ мое проклятіе, Дитя Тумана! И ты не щади ихъ, не щади ни одного изъ носящихъ на себѣ эти имена, если случай представитъ тебѣ. А овъ скоро представитъ; потому что ихъ собственныя сабли скоро устремятся другъ противъ друга, побѣжденный же убѣжитъ къ племени Тумана и погубнетъ отъ его Дѣтей. Повторяю тебѣ еще разъ, Клинетъ, иди и страся прахъ ногъ твоихъ отъ жилища людей, соединенныхъ между собою здѣсь для войны или для мира! Прощай, мой возлюбленный! Пусть смерть твоя будетъ похожа на смерть предковъ твоихъ; чтобъ трудъ и старость не потрясли преждевременно твоего духа! Ступай! Живи свободенъ; помни услуги оказанныя тебѣ; мсти обиды, нанесенныя твоему племени. Ступай!»!

Историкъ ли, поэтъ ли всегда останавливается съ невольнымъ сочувствіемъ на судьбахъ племенъ, представляющихъ собою, такъ сказать, окаменѣлости давно прошедшаго, среди новыхъ явленій цивилизаціи. Горсть ли это туземцевъ ушедшихъ отъ меча побѣдителей, —

горсть ли завоевателей, вытѣсненныхъ новыми завоевателями, но нельзя безъ глубокаго участія смотреть на отчаянную, трагическую борьбу меньшинства, закоренѣлаго въ своихъ вѣрованіяхъ, враждебнаго въ отношеніи ко всему новому, гордаго своей борьбой, своимъ беззащитнымъ положеніемъ. Можетъ быть никто не способенъ былъ такъ симпатизировать подобной борьбѣ, какъ великій Шотландскій романистъ, полный самъ какой-то суевѣрной любви къ прошедшему. Никто такъ же не передавалъ этихъ трагическихъ образовъ съ такою простотою и непосредственностью.

Вѣрный самъ себя до послѣдней минуты, его Ранальдъ не внимаетъ увѣщаніямъ майора Далджетти, заботящимся о томъ, чтобы языческая смерть его, не подала дурнаго примѣра войску: — и желающаго, чтобы пріятель его не умеръ, какъ татаринъ:

«Единственнымъ отвѣтомъ умирающаго на *эти* слова была просьба, чтобы его подняли и положили на такое мѣсто, откуда бы онъ могъ видѣть часть окрестности земли. Глубокой снѣгъ и иней, лежавшіе такъ долго на вершинахъ горъ, стекая теперь внизъ быстрыми потоками, пробирались по высокимъ горнымъ мрачнымъ зубцамъ крутыхъ утесовъ, которые были похожи на дикія острова океана травъ.

«Духъ Тумана! сказалъ Рапольдъ Макъ Эгль, — племя наше называетъ тебя отцемъ своимъ и защитникомъ. Прими въ храмъ Тумановъ, того, кого ты такъ часто хранилъ при жизни.

«Сказавши это, онъ упалъ навзничь на руки человѣка, державшаго его, и молча обернулся къ стѣнѣ».

Въ яркой противоположности съ этими мрачными грандіозными характерами — является капитанъ Далджетти Друмтваккетъ, комическій типъ, если не равный Сэру Джону Фальстаффу, то по крайней мѣрѣ, достойный занять первое за нимъ мѣсто. И здѣсь опять приходится изумляться непосредственности изображенія. Не смотря на всю симпатію къ прошедшему, къ дикой энергіи Ранальда, къ аристократической гордости и необузданности Аллана Макъ Алея, — поэтъ однако никогда не обращается въ сатирика, рисуя достолюбезную личность Далджетти; пусть Ментейнъ презираетъ храбраго служака, пусть Макъ Оли смотрятъ на него съ презрѣніемъ пополамъ съ враждою, — великій Монтроза инаго мнѣнія о капитанѣ. И въ самомъ дѣлѣ — Далджетти-сынъ своей эпохи: въ немъ есть даже своего рода честность, хотя крайне ограниченная и не выходящая изъ круга фрунтовыхъ понятій. Самолюбіе — и притомъ весьма грубое — у него на первомъ планѣ — но въ немъ есть неоцѣненные качества: находчивость и

рвительность въ опасныхъ случаяхъ, вѣрность собаки въ отношеніи къ тому, кто его нанялъ — строгость въ исполненіи обязанности до педантизма, до того, что онъ скорѣе готовъ умереть, чѣмъ перейти въ службу конвента, днемъ раньше истеченія срока, на который нанялся онъ въ королевскую службу. Въ немъ наконецъ много юмору, чрезвычайно оригинальнаго юмору, то наивнаго, то циническаго.... Вообще — это одинъ изъ типовъ, которыхъ позабыть нельзя, разъ познакомившись съ ними.

Что касается до перевода романа — то хотя онъ и сдѣланъ съ подлинника, но страдаетъ совершеннымъ отсутствіемъ отѣлки, изящества. Вальтера-Скотта нельзя переводить такъ, какъ переводятся «Монткристо», разныя «Тайны» или романы Февала — и это мы считаемъ долгомъ напомнить переводчику, тѣмъ болѣе, что *спрытымъ и излишнимъ* переводомъ всѣхъ романовъ Вальтера-Скотта, онъ можетъ оказать весьма значительную услугу нашей литературѣ. Г.

Полное собраніе Русскихъ летописей, изд. Археологическою Коммиссіею. Т. V. Спб. 1851. Стр. 17 и 279 въ 4 д. л.

Дополненія къ актамъ историческимъ. Спб. 1851. Т. IV. Стр. XII, 416, 11 и 12 въ 4 д. л.

Акты относящіяся къ Исторіи Западной Россіи. Т. IV. Спб. 1851. Стр. XIII, 529, 26 и 20 въ 4 д. л.

ANCIENNES NOUVEAUX SCRIPTURES VECHES etc. (Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи. Т. I. Московскія летописи Конрада Буссова и Петра Петрея) Спб. 1851. Стр. XI, 385 въ 4 д. л.

Въ V томѣ П. С. Р. Л. заключается Псковская вторая Летопись съ прибавленіями и Софійская первая. Сходствуя до XV в. содержаніемъ съ другими летописными памятниками, Псковская вторая съ XV столѣтія содержитъ въ себѣ повѣсти, которыя пропущены или изложены въ послѣдней не столь обстоятельно. Дѣла Псковской церкви, сношенія Псковитянъ съ Московскими Великими Князьями, Новгородомъ и Литвою, размирія и битвы съ Ливонскими рыцарями, строеніе церквей въ Псковѣ и пригородовъ въ Псковской области, способы и цѣнность народнаго продовольствія, моровыя язвы, пожары и голодъ свирѣпствовавшіе по временамъ въ Псковѣ, изображены въ этой Летописи въ краткихъ, но живыхъ и иногда довольно подробныхъ очер-

кахъ. Въ « Прибавленіяхъ » помѣщены слѣд. отдѣльныя повѣсти : а) объ осадѣ Пскова Шведскимъ Королемъ Густавомъ Адольфомъ и военныхъ дѣйствіяхъ Шведовъ въ Псковской области , въ 1615 г., о Московскихъ событіяхъ во время смутнаго перехода и о восшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича ; б) объ отступленіи Пскова отъ Московскаго государства въ эпоху междоцарствія, и о послѣдовавшихъ отъ того безпачалій и народныхъ бѣдствіяхъ , и в) о крещеніи Чуди и Лопарей, и исполненіи языческихъ обрядовъ въ Новгородской области, въ 1534 г. (Карамзину Пск. 2-я Л. была извѣстна подъ именемъ Пск. Синодальной). Вслѣдъ за Временникомъ Несторъ, Софійская I Л. описываетъ Новгородскія событія, заимствованныя, съ подновленіемъ слога, изъ Лаврентіевской и Новгородской I и IV Л. а съ XIV вѣка дѣянія Московскаго и другихъ удѣльныхъ княжествъ. Въ составъ этой лѣтописи вполнѣ и въ отрывкахъ вошли слѣд. статьи: Русская правда, повѣсть о житіи Александра Невскаго , описаніе мученической кончины двухъ Михайловъ Черниговскаго и Тверскаго , сказаніе о подвигахъ Димитрія Донскаго и о взятіи Тохтамышемъ Москвы, и духовное завѣщаніе Св. Митрополита Кипріяна.

Въ IV от. «Дополненій къ Актамъ историческимъ» содержатся грамоты, относящіяся ко второму десятилѣтію царствованія Алексѣя Михайловича (1655—1664). Большая часть этихъ документовъ состоитъ изъ грамотъ, наказовъ и отписокъ о дѣйствіяхъ Русскихъ въ сѣверной и восточной Сибири, и о мѣрахъ Правительства къ введенію благоустройства въ тамошнемъ краѣ. Въ нихъ, между прочимъ, заключаются любопытныя извѣстія о плаваніи Дежнева, о войнахъ Русскихъ съ Китайцами, объ устройствѣ и умноженіи регулярныхъ, солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ и проч.

Содержаніе IV ст. «Актвъ», относящихся къ Исторіи Западной Россіи», составляютъ грамоты и историческіе докумѣнты (числомъ болѣе 1000), принадлежащіе къ государствванію въ Литовской Руси Польскаго Короля Сигизмунда III (1588—1632). Къ примѣчательнѣйшимъ изъ нихъ относятся : договоръ Сигизмунда съ Московскими боярами по случаю призванія на престолъ сына его Владислава ; посольство перваго Самозванца къ Сигизмунду ; матеріалы для жизнеописанія Курбскаго, для исторіи Уніи, для исторіи Православной Церкви въ Галиціи ; грамоты, объясняющія законодательство, судопроизводство, управление и внутренній бытъ Литовской Руси и друг.

Въ т. «Сказаній иностранныхъ писателей о Россіи напечатаны на Нѣмецкомъ языкѣ. Хроника Копрада Буссова и находящіяся съ нею въ

связи мѣста ихъ Петреевой лѣтописи, о событіяхъ смутнаго періода нашей исторіи (отъ 1601—1613 г.) Русскій переводъ сочиненія Буссова напечатанъ Проф. Устряловымъ въ I т. «Сказаній современниковъ и Димитрій Самозванецъ», подъ именемъ Беровой Московской лѣтописа.

Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи,
сост. М. Рейнке. 2 Ч. Спб. 1843—50. Стр. LXVI, 512 и
362 въ 4 д. л.

Атласъ Бѣлаго моря, составленный авторомъ этой книги, находится въ употребленіи у моряковъ уже 17 лѣтъ, пользуясь большимъ авторитетомъ. Теперь является необходимое объясненіе къ нему, составляющее, вмѣстѣ съ атласомъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ М. Ф. Рейнке, который, съ 1827 по 1832 годъ, начальствовалъ экспедиціею, снаряженною для повѣрки и пополненія прежнихъ картъ Бѣлаго моря. Первая часть «Гидрографическаго описанія» посвящена собственно Бѣлому морю, вторая—Лапландскому берегу, (*) или, какъ называютъ его наши промышленники, Мурманскому.—«При составленіи «Описанія сѣвернаго берега Россіи», говоритъ авторъ, я имѣлъ въ виду, что одна лощія, т. е. наставленіе для входовъ къ якорнымъ мѣстамъ, хотя и удовлетворяетъ необходимымъ потребностямъ мореплавателя, но недостаточна для ознакомленія съ прочими свойствами описываемаго края. Поэтому рѣшился помѣстить тутъ всѣ замѣчанія, которыя казались мнѣ, для такой дѣли, не бесполезными. Бѣольшая часть гидрографическихъ и статистическихъ замѣтокъ собрана мною и моими помощниками, на мѣстѣ занятій нашихъ, по личнымъ наблюденіямъ или достовернымъ рассказамъ тумемцевъ. Гидрографическія показанія о мѣстахъ нами осмотрѣнныхъ взяты изъ журналовъ прежнихъ описей и изъ рукописныхъ лощій Поморскихъ мореходовъ. Свѣдѣнія историческія выписаны частію изъ дѣлъ присутственныхъ мѣстъ въ городахъ, гдѣ намъ случалось быть, и пополнены изъ прежнихъ известныхъ описаній Архангелогородскаго края.—Принятый въ книгѣ способъ изложенія слѣдующій: 1) Въ введеніи—обзоръ прежнихъ морскихъ съемокъ и картъ, и отчетъ объ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ экспедиціею, и о картахъ, изъ этого составленныхъ. 2) Въ общемъ обзорѣ—главныя и

(*) По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, 2-я ч. была издана прежде 1-й, въ 1843 году.

отличительныя черты, относительно гидрографіи, статистики и физических свойств того края. Въ приложеніяхъ къ этому обзору — таблицы съ гидрографическими подробностями и указанія, служащія ключемъ къ частнымъ описаніямъ якорныхъ мѣстъ. 3) Въ частныхъ описаніяхъ — собственно лоція, съ подробнымъ, по возможности, описаніемъ береговъ, мелей, теченій и якорныхъ мѣстъ. Въ приложеніяхъ помѣщены статистическія свѣдѣнія о примѣчательныхъ мѣстахъ, а для объясненія нѣкоторыхъ словъ, употребляемыхъ Архангелогородскими мореходами, краткій словарь. — О достоинствахъ обширнаго труда г. Рейнеке должны судить специалисты. Довольно сказать, что онъ увѣичанъ полною Демидовскою премією.

Путевыя замѣтки. Грузино, Новгородъ, Боровичи, Устюжна. *Д. Мацкевича.* Спб. 1851. Стр. 62 въ 8 д. л.

«Петербургскій Сентябрь часто принадлежитъ къ мѣсяцамъ самымъ скучнымъ и печальнымъ.... Но нѣтъ ничего лучше длинныхъ ненастныхъ вечеровъ Петербургскаго Сентября для тихихъ семейныхъ или дружескихъ бесѣдъ вокругъ пылающаго камина или шумящаго самовара».... Въ одинъ изъ такихъ-то вечеровъ небольшой кружокъ молодыхъ людей распивалъ чай, и одинъ изъ собесѣдниковъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ провелъ лѣто, именно о своей повѣздѣ въ Грузино, Новгородъ, Боровичи и Устюжну. Казалось, должно бы ожидать, что рассказчикъ обратитъ главное вниманіе на свои личныя впечатлѣнія, *impressions de voyage*: напротивъ, онъ почти ничего не сказалъ объ этомъ, а какъ любитель исторіи, сообщилъ все, что читалъ объ этихъ мѣстахъ. Не знаемъ, какъ приняли этотъ рассказъ его собесѣдники, и сколько нашли они въ немъ для себя новаго, нечитаннаго гдѣ-нибудь прежде: но мы прочли «Путевыя замѣтки» не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что путешествуютъ у насъ по Россіи очень мало, а съ исторической или вообще какой-нибудь цѣлью, не по надобности, не для одного времяпрепровожденія, еще меньше. Впрочемъ, повѣзка автора не совсѣмъ была бесплодна для любимаго имъ предмета: въ Устюжнѣ онъ отыскалъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ осадѣ этого города Поляками въ 1609 году. Слѣдующія подробности о Грузинѣ встрѣтились намъ въ печати тоже, кажется, въ первый разъ.

«Главный домъ или дворецъ, въ которомъ останавливался блаженной памяти Императоръ Александръ, во время посѣщенія Его Величествомъ

Грузина, наполненъ предметами, посвященными воспоминаніямъ о Благословенномъ: тутъ есть портреты и бюсты Государя, подаренные Его Величествомъ Гр. Аракчееву, и разныя любопытныя и драгоценныя вещи, и между прочимъ столовыя бронзовыя часы, играющіе тотъ самый маршъ, при звукахъ котораго Императоръ Александръ съ своими побѣдоносными войсками вступилъ, въ 1814 г., въ Парижъ. Часы эти образцовое произведеніе въ своемъ родѣ: они изображаютъ мавзоль Императору Александру на пьедесталѣ. Возлѣ мавзолея поставленъ изъ черной бронзы воинъ, держащій корону. Въ немъ легко узнать Гр. Аракчеева. На мавзолѣ возвышается бюстъ Императора Александра, а въ верхнюю часть мавзолея вставлена вызолоченная часовая доска. По сторонамъ ея четыре знака зодіака, относящіеся къ мѣсяцамъ Декабрю, Марту, Сентябрю и Ноябрью, и напоминающіе время рожденія Императора, восшествія его на престолъ, коронованія и кончины. Подъ доской надпись: «Императоръ Александръ Благословенный скончался въ Таганрогѣ, 19 Ноября 1825». Часы бьютъ только разъ въ день, поутру въ 10 часовъ 50 минутъ. Въ это время отворяются находящіяся подъ доскою дверцы; за ними виднѣтъ портретъ покойнаго Государя и надъ нимъ слова: «въ четвергъ въ 10 часовъ и 50 минутъ утра». При послѣднемъ ударѣ часовъ, слышна музыка, повторяющаяся три раза. Главную доску пьедестала украшаетъ барельефъ, изображающій присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго и В. Княжества Финляндскаго; на одной изъ боковыхъ сторонъ гербъ Гр. Аракчеева, а на другой надпись: «Памяти Государя и благодѣтеля — признательный подданный. Парижъ. 1826.» Барельефъ исполненъ въ Парижѣ по рисунку известнаго нашего художника Егорова. Въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, лежитъ между прочимъ портфель, въ которой Графъ представлялъ Государю для доклада дѣла по своей части. Всѣ эти предметы, свидѣтельствующіе о благоволеніи къ нему незабвеннаго Императора, по завѣщанію покойнаго Графа Алексѣя Андреевича, должны оставаться здѣсь, въ такомъ видѣ и порядкѣ, какъ видимъ ихъ теперь, на вѣчныя времена».

Нѣкоторыя изъ замѣчаній автора, относящихся не къ исторіи, нельзя оставить безъ вниманія. Таково, напримѣръ, его мнѣніе о ямщикахъ, у которыхъ, по его словамъ «въ осанкѣ и во взглядѣ гораздо болѣе естественности и непринужденности, чѣмъ у пныхъ людей, стоящихъ выше ихъ на ступеняхъ общественной лѣстницы». Или вотъ еще чтó замѣтилъ авторъ вообще о Русскомъ мужикѣ: «Иногда плетется огромный обозъ, гдѣ все поражаетъ громадностію размѣровъ: рогожныя

ивитки, лошади съ пестрыми дугами и люди питомцы *Великой Россіи*, могучіе, пригожіе, въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шлепкахъ. Мужики сидятъ часто въ телѣгахъ кучками, и слушаютъ, какъ одинъ изъ нихъ читаетъ книгу, какую-нибудь народную сказку, до которыхъ крестьяне наши такіе охотники. На лицахъ слушателей написано величайшее вниманіе: они, кажется, не роняютъ ни одного словечка изъ того, что слышатъ. Въ народѣ Русскомъ, полномъ жизни, молодости и силы, чрезвычайно много любви къ чудеснымъ, поэтическимъ вымысламъ: рассказы о небывалыхъ приключеніяхъ сказочныхъ героевъ воспламеняютъ воображеніе и даютъ обильную пищу игривой «фантазіи». Насчетъ игривости фантазіи и любви къ чудесному можно поспорить; но за извѣстіе, что извозчики дорогою занимаются чтеніемъ, вмѣсто того чтобы дремать, лежа въ телѣгахъ, или курьихать «*Степь Саратовскую, взрѣдка покрывшая на коней*», — за это извѣстіе слѣдуетъ поблагодарить автора....

О затмѣніяхъ солнца вообще и въ особенности о полномъ солнечномъ затмѣніи, которое случится $\frac{16}{28}$ Іюля 1851 года. Сост. *М. Хотинскимъ*. Спб. 1851. Стр. 72 въ 12 д. л.

Читатели Москвитянина, безъ сомнѣнія, помнятъ статью нашего извѣстнаго астронома *Θ. А. Семенова*, который первый изъ Русскихъ ученыхъ вычислилъ данныя солнечнаго затмѣнія въ этомъ году и составилъ карту для него. (Москв. 1850, N 13) Поэтому, считая излишнимъ входить въ какія-либо подробности по поводу брошюры г. Хотинскаго, скажемъ только, что она написана общепонятно для каждаго, даже не учившагося астрономіи.

Руководство къ Русскому таможенному тарифу по Европейской торговлѣ. Сос. *О. Бартниковскимъ*. Спб. 1851. Стр. 96 въ 12 д. л.

Полныя таможенныя тарифы, 1841 и 1851 г. въ сравнительныхъ таблицахъ, и проч. сост. *Д. Соколовъ и С. Комаровъ*. Спб. 1851.

Видно, этотъ предметъ не пересталъ еще быть современною новостью, и желающіе ознакомиться съ нимъ не удовлетворились ни объемистой книгой «*Общій тарифъ*», ни брошюрой: «*Сравненіе таможенныхъ тарифовъ 1841 и 1851 г.*» Новое «*Руководство*» и «*тарифы*» не заклю-

чаютъ въ себѣ ничего новаго, но составлены тщательно, и следовательно должны принести пользу тѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Употребленіе тарифовъ, составленныхъ гг. Соколовымъ и Комаровымъ, много облегчаетъ алфавитный указатель поменованныхъ въ нихъ предметовъ.

Адресъ - Календаръ лѣтнихъ жителей Сокольниковъ,
1851 года. М. 1851. Стр. 27 въ 24 д. л.

Бывало, лѣтомъ половина Москвы развѣзжалась по деревнямъ, а половина оставалась въ городѣ, и, благодаря приволью въ тѣсныхъ садахъ, бульварахъ, окрестныхъ рощахъ, не жаловалась на недостатокъ ни зелени, ни чистаго воздуха. Въ продолженіе вѣсколькихъ лѣтъ, на памяти у всѣхъ у насъ, климатъ Москвы не измѣнился, число садовъ не уменьшилось, бульваровъ прибавилось, удобства загородныхъ прогулокъ увеличились — и все-таки, не смотря на это, Москвичи сѣтуютъ на скуку городской лѣтней жизни, жалуются на пыль и жаръ, требуютъ какъ можно больше зелени, вздыхаютъ о сельской природѣ, словомъ, «дачеманируютъ». Откуда взялась эта любовь къ природѣ, эта Нѣмецкая страсть быть лѣтомъ непременно *in Grüne* — Москвичи знаютъ какъ нельзя лучше, хотя не сознаются въ подражаніи. Между тѣмъ, дачная жизнь развивается съ каждымъ годомъ, и если не дойдетъ до того, что клочекъ земли да пара тощихъ березъ будутъ составлять дачу, такъ это лишь потому, что, не говоря уже о предмѣстіяхъ, окрестности Москвы представляютъ такое раздолье для дачниковъ, какое рѣдко гдѣ можно найти. Затѣмъ, почти все остальное совершенно по-Петербургски: удачниковъ то же времяпрепровожденіе, то же сочувствіе къ природѣ, выражаемое тѣмъ, что въ вистъ-ералашъ играютъ на открытомъ воздухѣ, та же необходимость общества и визитовъ, тѣ же концерты, то же Тиволи (!!!), тѣ же иллюминаціи, и наконецъ.... та же литература. «Адресъ-Календаръ Сокольниковъ».... Да, Сокольники занимаютъ самое почетное мѣсто между Московскими дачами. Прежде они могли бояться соперничества Петровскаго парка; теперь, особенно съ открытіемъ желѣзной дороги, слава и процвѣтаніе ихъ упрочены навсегда. Концерты Зейденштегера съ «великолѣпными огнями,» полковая музыка, цыгане, павильонъ для танцевъ, кондитерскія, кофейныя, наконецъ — источники живой воды — для кого въ купальняхъ на Яузѣ, для кого въ гигиеническихъ ваннахъ доктора Кюблока, для кого въ аптекѣ; наконецъ здоровый воздухъ и прекрасное мѣстоположеніе,

которыми всякой можетъ пользоваться даромъ; наконецъ «Адресь-Календарь,» за который надобно заплатить 15 коп. серебромъ: все это соединяетъ въ себѣ главныя требованія дачной жизни, поставленной на городскую ногу и окруженной приличнымъ комфортомъ....

А что же сказать о Сокольницкомъ Адресь-Календарь? Ничего, — книжечка, довольно красивая и съ своей цѣлю сообразная.

О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, по поводу статьи объ нихъ г. Соловьева, помѣщенной въ «Кометъ» (*).

.... Г. Соловьевъ по обычаю опять говорить о родовыхъ отношеніяхъ, — это условіе, безъ котораго онъ не можетъ писать. Конечно для науки нѣтъ убытка, ежели кто-либо изъ трудящихся занимается преимущественно однимъ вопросомъ; наука здѣсь даже выигрываетъ; ибо хотя взглядъ изслѣдователя невольно суживается отъ занятія однимъ вопросомъ; тѣмъ не менѣе вопросъ получаетъ большую опредѣленность и ясность, такъ что наконецъ дѣлается для всякаго понятнымъ, стоитъ ли этотъ вопросъ того, чтобы имъ заниматься, есть ли онъ дѣйствительно существенный вопросъ науки, или важность, ему приписываемая, взята со стороны, и существенно ему не принадлежитъ. Г. Соловьевъ, написавши дѣлую большую книгу объ отношеніяхъ Русскихъ князей Рюрикова дома, и издавши нѣсколько статей въ томъ же духѣ, кажется, достигъ этой желанной ясности, и ежели не себя, то другихъ вполне убѣдилъ, что вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей не вытекаетъ изъ Русской исторіи, и не имѣетъ въ ней никакого значенія, и что въ пользу этаго вопроса ничего уже нельзя сказать новаго, что остается только повторять и перефразировать сказанное и недоказанное. Но чтобы наши слова не показались придиркою, мы обратимся къ настоящей статьѣ г. Соловьева, и укажемъ, на сколько наше замѣчаніе подтверждается самою статьею.

(* Мы выразили уже въ послѣднемъ номерѣ наше удовольствіе, что туманъ родовыхъ отношеній, пущенный неопытною, а распространенный малосвѣдушею и своекорытною журналистикою, давно разсѣянный въ глазахъ знающихъ людей, — напелъ уже многихъ судей въ печати, изъ которыхъ иные зашли даже слишкомъ далеко, отвергая безусловно всякое родовое отношеніе. Нынѣ помѣщая еще одну дѣльную статью, пожалѣемъ только, что она является безъ имени. М. П.

Онъ начинаетъ свою статью такъ: «Давно уже писатели Русской исторіи начали останавливаться на удивительныхъ отношеніяхъ между нашими древними князьями, искать объясненій странному раздѣлу между ними, при которомъ боковыя линіи не исключались изъ владѣнія главнымъ столомъ, переходившимъ не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ цѣломъ родѣ Ярослава 1-го. Въ настоящее время это явленіе обратило на себя особенное вниманіе изслѣдователей, пришедшихъ къ тому убѣжденію, что отношенія между нашими древними князьями были чисто родовыя, и что постепенный переходъ этихъ родовыхъ отношеній въ государственныя составляетъ господствующее явленіе, около котораго вращается весь интересъ древней Русской исторіи, до самаго престѣпенія Рюриковой династіи». Это небольшое начало заключаетъ въ себѣ сущность всѣхъ писаній г. Соловьева; оно повторяется и модулируется имъ постоянно вездѣ; но правильно ли сказанное здѣсь г. Соловьевымъ и повторенное имъ нѣсколько разъ прежде, это вопросъ, который мы теперь и постараемся разрѣшить.

По словамъ г. Соловьева, изслѣдователи Русской исторіи, замѣчая, что по раздѣлу, существовавшему между древними Русскими князьями, боковыя линіи не исключались изъ владѣнія главнымъ столомъ, переходившимъ не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ цѣломъ родѣ Ярослава 1-го, въ настоящее время пришли къ убѣжденію, что отношенія между нашими древними князьями были чисто родовыя. Здѣсь не мѣсто перечислять немногочисленныхъ писателей, пришедшихъ, по словамъ г. Соловьева, къ сказанному убѣжденію; главный вопросъ заключается не въ этомъ, а въ томъ, въ чемъ состоитъ это убѣжденіе. Конечно, въ наукѣ исторической убѣжденіе должно состоять въ фактахъ, и въ надлежащемъ и прямомъ пониманіи фактовъ. Посмотримъ же, что говорятъ факты Русской исторіи, повнимаемые просто и естественно, безъ натяжекъ.

По словамъ лѣтописи, Ярославъ передъ кончиной своей урядилъ сыновей, сказавши имъ послѣ увѣщанія въ любви и мирѣ: «Поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну своему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушаете мене, та то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Перенславль, а Игорю Володимиръ, а Вячеславу Смолинескъ.» И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не переступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: «аще кто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помогай егоже обидятъ» (1): Здѣсь каждый видитъ, что нѣтъ и помину или

(1) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 70.

даже намека, на нераздѣльное владѣніе общею родоюю волостью, какъ думаетъ доказать г. Соловьевъ въ своей книгѣ объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома ⁽²⁾, Ярославъ прямо назначаетъ удѣлы: «Раздѣли имъ грады, заповѣда имъ не переступати предѣла братня, ни согнати.» Слѣдовательно, каждому сыну назначаетъ отдѣльное владѣніе и даже опредѣляетъ границы владѣній: «не переступати предѣла братня,» т. е. выделяетъ каждого сына изъ общаго наслѣдія, точно также, какъ и теперь какой-нибудь умирающій вотчинникъ сталъ бы назначать своимъ сыновьямъ одному такую деревню, другому другую, третьему третью, и такъ далѣе; напр. сказалъ бы: старшему сыну моему Павлу даю деревню Полярково, гдѣ я самъ жилъ, второму сыну Сергѣю даю деревню Перелыгино, третьему Кузмѣ Савостьяново и подобн. Конечно, упомянутыхъ Павла, Сергѣя и Козму, теперь ни кто не называетъ общими нераздѣльными владѣльцами родовой собственности. А форма и смыслъ приведеннаго нами раздѣла владѣній между сыновьями нынѣшняго вотчинника совершенно одинаковы съ формою и смысломъ Ярославова раздѣла, записаннаго въ лѣтописи; слѣдовательно фактъ, записанный въ лѣтописи, рѣшительно противоречитъ положенію о нераздѣльномъ владѣніи общею родоюю собственностію между сыновьями Святослава. Г. Соловьевъ видѣлъ самъ, кажется, слабую сторону своего положенія о небываломъ нераздѣльномъ владѣніи родоюю собственностію; и посему тогда же стараясь заподозрить свидѣтельство лѣтописи, называя его позднѣйшею вставкою ⁽³⁾; конечно, назвать вставкою что угодно немудрено, но должно доказать, почему именно такое-то мѣсто лѣтописи кажется вставкою; посмотримъ же, какъ доказываетъ свои слова г. Соловьевъ. Первымъ доказательствомъ онъ полагаетъ то, что выраженія, употребленныя лѣтописцемъ при описаніи кончины Ярослава, принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ ⁽⁴⁾. Но такое доказательство ни по какой логикѣ не могло бы отвергать подлинности формъ раздѣла Ярославова; естественно, что при одинакихъ случаяхъ могли быть и одинакія выраженія, тѣмъ больше въ языкѣ простомъ, неизысканномъ. Притомъ же въ продолженіи XI, XII и XIII вѣковъ лѣтопись нигдѣ не употребляетъ при описаніи кончинъ княжескихъ, тѣхъ выраженій, какія приведены лѣтопи-

(2) Ист. отнош. между кн. Рюр. дома, стр. 71.

(3) Тамже, 71. (4) Тамже, 72.

сцемъ при описаніи кончины Ярослава. Такъ о кончинѣ Всеволода Ярославича лѣтопись говоритъ: «разболѣвшюся ему вельми, посла по сына своего Володимира Чернигову, пришедшу Володимиру, видѣвъ и вельми больна супца, и плакався; пресѣдающу Володимеру и Ростиславу, сыну его мевшему, пришедшу же часу, преставися тихо и кротко, и приближися ко отцемъ своимъ» (5). Или о кончинѣ Всеслава Полотскаго: «Преставися Всеславъ Полотскій князь, мѣсяца Априля въ 14 день, въ 9 часъ дне въ среду» (6). Или объ Олегѣ Святославичѣ: «преставися Олегъ Святославичъ въ 8 день Августа» (7). Или о Святополкѣ Михайлѣ: «приспѣ праздникъ пасхы, и празноваша и по праздницѣ разболѣся князь; а преставися благовѣрный князь Михайлъ зовемый Святополкъ, мѣсяца Априля въ 16 день за Вышгородомъ» (8). Или о Мономахѣ: «преставися благовѣрный князь, христілюбивый и великій князь всеа Русіи, Володимеръ Мономахъ. Сего преставленіе бысть Маіа въ 19, и спрятавше тѣло его положиша у св. Софѣя, въ отца Всеволода, пѣвше обычныя пѣсни надъ нимъ. Святители же жалше си плакахуся по св. и добромъ князи, весь народъ и вси люде по немъ плакахуся, и сынове его Мстиславъ, Ярополкъ, Вячславъ, Георгій, Андрей, и внуци его, и сынове его разидошася каждо въ свою волость, идже бѣше комуждо ихъ раздаялъ волости» (9). О кончинѣ Мстислава: «преставися благовѣрный князь Мстиславъ, Володимеръ сынъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, емуже и дѣти свои съ Богомъ на рудъ предастъ; преставися Мстиславъ Априля въ 15, празной недѣли въ пятюкъ» (10). О кончинѣ Всеволода Ольговича: «Всеволодъ же пришедъ въ Кіевъ разболѣся, и посла по брата своего по Игоря и по Святослава, и бысть вельми боленъ, и ста подъ Вышегородомъ въ островъ; и Всеволодъ же призва къ собѣ Кіане и нача молвити: «азъ есмь вельми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, иметесь по мѣ.» Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣсяца Августа въ 1 день» (11). Или о кончинѣ Изяслава Мстиславича сказано: «разболѣся вел. князь Кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный и христілюбивый, славный Изяславъ Мстиславичъ, вѣнукъ Володимеръ, и плакася по немъ вся Русская земля, и вси Чернїи Клобуци, яко по дари и господнягъ своимъ, вапачеже яко по отци, въ недѣлю на ночь преставися на Филипъвъ день» (12). О Юрьѣ Долгорукомъ: «пивъ Гюрги въ осменяка у Петра, въ тѣ день на ночь разболѣся, и бысть боленіа его 5 дній. И пре-

(5) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. 93. (6) Тамже 117. (7) Тамже 127. (8) Ипат. 4. (9) Ibid. 10. (10) Ibid. 12. (11) Ibid. 22. (12) Ibid. 74.

ставися Киевъ Гюрги Володимировичъ, князь Киевскій, мѣсяца Мая въ 15, въ среду на ночь» (13). Или о Ростиславѣ Мстиславичѣ: «и поодоша съ нимъ (Ростиславомъ) изъ Смоленска, а уже ему вельми изнемогающе, а и бы въ селѣ Рогвѣдинѣ въ Зарубѣ, и нача молвити Иванови Фроловичю покладнику своему, и Борисови Захарычю: «взовита ми Семьона попа, ать створити молитву;» а самъ vzdъвъ рупѣ свои нача молитву творити.... И бѣ видѣти слезы его лежачи на сиранию его, яко женчужная зерна. И тако, отирая слезы убрुземъ, успе мѣсяца марта въ 14 день» (14). Или о кончинѣ Давыда Смоленскаго: «преставися князь Давыдъ Смоленскій и постригся и въ скымъ бывъ» (15). Или о кончинѣ Всеволода Юрьевича: «егда приспѣ конецъ ему временнаго сего и многмятежнаго житія, тихо и безмолвно преставися, и приложися ко отцемъ своимъ; и плакашася по немъ сынове его плачемъ великимъ, и вси боляре его и мужи и вся земля власти его» (16). Или наконецъ о кончинѣ В. К. Александра Невскаго сказано: «преставися великый князь Олександръ сынъ Ярославъ» (17). Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ 42 лѣтописныхъ описаній, какъ оканчивали жизнь свою наши древнѣе князья, и ни одно изъ нихъ не походитъ на описаніе кончины Ярослава, даже въ XIV вѣкѣ, когда писалъ Лаврентіевскій списокъ лѣтописи, нигдѣ не встрѣчается описанія подобнаго тому, которое употребилъ Несторъ при описаніи кончины Ярослава. Слѣдовательно первое доказательство, выставленное г. Соловьевымъ, доказываетъ не подложность заподозрѣваемаго имъ свидѣтельства Нестора о раздѣлѣ владѣній, учиненномъ Ярославомъ, но или поверхностное знакомство изслѣдователя съ лѣтописями, или клевету на лѣтописцевъ.

Далѣе г. Соловьевъ, желая поддержать свои подозрѣнія относительно Ярославова раздѣла, выставляетъ доказательствомъ какія-то несообразности въ ходѣ событій другъ за другомъ. Онъ говоритъ: «въ началѣ описанія сказано: еще живу сущю ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожу свѣта своего.» «Наряди сыны своя» показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины в. к. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ старшинство и Киевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? Онъ не могъ думать, что отецъ его еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: «се азъ отхожу свѣта сего.» вмѣстѣ съ Изяславомъ развѣхались другіе Яросла-

(13) Ibid. 81. (14) ibid. 95. (15) Лавр. 174. (16) ibid. 185. (17) Лавр. 204.

вичи, кромѣ Всеволода, который и похоронилъ отца.... Изъ всего видно, что лѣтописецъ, желая непременно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбии, соединилъ два отдаленныя другъ отъ друга событія: разсылку сыновей по областямъ и кончину Ярослава» (18). Это второе доказательство о подложности Ярославова раздѣла служить новымъ свидѣтельствомъ, что г. Соловьевъ, или съ намѣреніемъ не хочетъ понимать лѣтописей, или очень слабо знакомъ съ ними. Ему представляются въ разсказѣ лѣтописца два отдаленныя событія, тогда какъ въ дѣйствительности они слѣдовали одно за другимъ непосредственно. Ярославъ уже старшій и слабый здоровьемъ, пользуется случаемъ, что всѣ сыновья его собрались въ Кіевъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и учинилъ между ними раздѣлъ владѣній на случай своей смерти, и потомъ отпустилъ изъ Кіева, или даже можетъ быть послалъ одного въ Новгородъ, другаго въ Волинь, можетъ быть для ратныхъ дѣлъ или по другимъ какимъ нуждамъ правленія, остальныхъ въ другія мѣста, удержавъ только при себѣ любимца Всеволода. Подобные случаи въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются не разъ. Такъ напримѣръ подлѣ 1218 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «Великій князь Костянтивъ, сынъ Всеволожь, посла старшійшаго сына своего Василька Ростову на столъ, а Всеволода на Ярославль на столъ, рекъ имъ: возлюбленная моя чада! будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди его во всемъ соблюдающа, и моя нравы вся воспримѣте, яже ма видѣста творяща.... азъ бо вѣмъ, сына моя, яко отцѣствоіе мое близъ приближается отъ свѣта сего, и се поручаю васъ Богу и Пречистой Его Матери, и брату и господину Гюргю, да то вы будетъ въ мене мѣсто, и тако дѣловавъ ея любезно, отпусти ея когда въ свою власть. Тогоже зимы, мѣсяца Февраля въ 2 день.... преставися христолюбивый великій князь Костянтивъ» (19). Здѣсь описаніе нѣсколько подробнѣе, и потому спорить противъ него вѣтъ никакой возможности; но въ сущности и описаніе Ярославовой кончины совершенно одинаково. Костянтивъ, чувствуя приближеніе смерти, раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, и простившись, отпустилъ ихъ на удѣлы; точно тоже сдѣлалъ и Ярославъ въ такихъ же обстоятельствахъ, и подозревать здѣсь несообразность можетъ только тотъ, у котораго есть задняя мысль; слѣдовательно и второе, ово же и послѣднее, доказательство г. Соловьева не

(18) Истор. отн. между Русск. кн. стр. 73.

(19) Лавр. 187.

доказывает подложности Ярославова раздѣла. А когда это такъ, то стало быть сыновья Ярослава получили особые удѣлы, а не были владѣльцами нераздѣльной родовой области; и следовательно перваго и основнаго положенія родоваго быта въ нашей исторіи не существуетъ, и вопросъ объ этомъ предметѣ навязывается изслѣдователями со стороны, а не вытекаетъ изъ жизни народной, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ и значеніи, какое думаетъ придать родовому быту г. Соловьевъ (*).

Далѣе, всѣ свидѣтельства лѣтописей XI, XII, XIII и XIV столѣтій постоянно указываютъ, что князья въ своихъ удѣлахъ были полными самостоятельными владѣльцами, а не временными владѣльцами общей нераздѣльной родовой собственности. Такъ въ 1097 году Давыдъ Игоревичъ говоритъ в. к. Святополку, когда Василько Ростиславичъ, остановившись на дорогѣ подъ Кіевомъ, не хотѣлъ захватить къ Святополку въ гости: «видиши ли—не помини тебе, ходя въ твою руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узриши, аще ти не займетъ градъ твоихъ Турова и Пиньска» (20). Здѣсь Давидъ ясно отличаетъ Василькову волость отъ Святополковой, и даже говоритъ, что Василько тогда только можетъ считаться въ рукахъ Святополковыхъ, когда находится въ Кіевской области; когда же уѣдетъ въ свою волость, то и у Святополка отниметъ города. Да и въ этомъ же году еще прежде указаннаго нами случая всѣ потомки Ярослава на общемъ съѣздѣ раздѣлили между собою волости; и при этомъ раздѣлѣ прямо сказано: «каждо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кіевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю» (21). А еще прежде, въ 1096 году Олегъ Святославичъ говорилъ Изяславу Владимировичу, захватившему Муромъ: «иди въ волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего, да хочю ту съдя порядъ створити со отцемъ твоимъ» (22). Следовательно потомки сыновей Ярослава имѣли отдѣльные владѣнія, и именно тѣ, которыя принадлежали имъ отцамъ, и такъ они не были временными владѣльцами общей нераздѣльной родовой собственности, и о нераздѣльности родоваго достоянія тутъ нѣтъ и помину, следовательно ее тогда не было и въ самой жизни, и г. Соловьевъ напрасно ее навязываетъ Русскимъ XI столѣтія. Въ XII столѣтіи тѣ же свидѣтельства о княжескихъ удѣлахъ и отчинахъ и о несущо-

(20) Лазр. 110. (21) *ibid.* 109. (22) *ibid.* 107.

(*) По моему мнѣнію Ярославъ роздалъ города и волости за долго до своей смерти,—подобно Владимиру Святому; но это ни сколько не уменьшаетъ силъ въ возраженіи критика. М. П.

ствованіи въ тогдашней жизни идей о нераздѣльномъ владѣніи общемою родовою собственностію, такъ въ 1135 году: Ольговичи и нѣтъ союзники говорятъ Ярополку Кіевскому: «что вы отецъ держали при вашемъ отцѣ, того же и мы хотимъ; аже не власть, то не жалуйте что ся удѣеть» (23). Или подъ 1140 годомъ Андрей Владимировичъ Переяславскій, когда Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій приказывалъ ему перейти въ Курскъ, отвѣчалъ: «лѣпши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курское княженіе, отецъ мой Курскъ не съдѣлъ, но въ Переяславлѣ» (24). Или въ 1142 году братья Всеволодовы говорятъ: «дасть ны по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Кльчскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятичъ» (25). Или въ 1157 году Юрій Долгорукій говоритъ Владимиру Андреевичу: «сыну! азъ есмь съ твоимъ отцомъ, а съ моимъ братомъ Андреемъ, крестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся намъ оставеть, то тыи будетъ обонимъ дѣтемъ отецъ, и волость удержати» (26). Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ ясное свидѣтельство о существованіи въ XII вѣкѣ удѣловъ, а не нераздѣльнаго владѣнія общимъ родовымъ достояніемъ (*). Тѣ же свидѣтельства встрѣчаемъ и въ XIII вѣкѣ; такъ, напримѣръ, въ 1218 году вел. кн. Константинъ Всеволодичъ назначаетъ особые удѣлы сыновьямъ въ своихъ Ростовскихъ владѣніяхъ (27). Или Ярославъ Всеволодичъ назначаетъ удѣлы своимъ дѣтямъ, и удѣлы сіи постоянно остаются въ нѣтъ потомствѣ на долгое время; то же дѣлаютъ Тверскіе, Московскіе, Суздальскіе и другіе князья въ XIV вѣкѣ. Итакъ факты Русской жизни въ продолженіи первыхъ четырехъ вѣковъ по смерти Ярослава не подають и намековъ на нераздѣльное владѣніе князей общимъ родовымъ достояніемъ, и говорятъ совершенно противное сему положенію.

Теперь посмотримъ въ извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей, сколько найдется свидѣтельствъ о правѣ родоваго старѣйшинства во владѣніи старшимъ столомъ. Ярославъ отказалъ Кіевъ старшему сыну, и наказалъ другимъ сыновьямъ, чтобы они слушали старшаго, «якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто» (28). Лѣтопись даже свидѣтельствуеть, что Ярославъ говорилъ третьему сыну своему Всеволоду: «ще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей, съ правдою, а не насиліемъ» (29). Это послѣднее извѣстіе указываетъ на

(23) Ипат. 13. (24) *ibid.* 16. (25) *ibid.* 18. (26) *ibid.* 80.

(27) Лавр. 187. (28) *ibid.* 69. (29) *ibid.* 92.

(*) Общимъ родовымъ достояніемъ можно называть Русскую землю только въ томъ смыслѣ, что всякій князь считалъ себя въ правѣ имѣть въ ней какой-нибудь и отъ кого-нибудь участокъ. *М. II.*

существованіе правила наследовать брату послѣ брата, а не сыну послѣ отца во владѣніи великокняжескимъ престоломъ. И точно это правило исполнялось при благоприятствующихъ обстоятельствахъ. Такъ Изяславу наследовалъ за смертію Святослава Всеволодъ; а послѣ Всеволода былъ великимъ княземъ Святополкъ сынъ Изяславовъ, какъ старшій въ родѣ; потомъ Кіевъ принадлежалъ Владимиру Мономаху, а не сыну Святополкову. Послѣ Мономаха владѣлъ Кіевомъ Мстиславъ сынъ его, а потомъ другой сынъ Ярополкъ; но они не были уже старшими въ Ярославовомъ родѣ, ибо старше ихъ были внуки старшихъ дѣтей Ярослава, т. е. Изяславы и Святославы. Такимъ образомъ правило родового старшійшинства перестало быть правиломъ на дѣлѣ, еще въ первой половинѣ XII столѣтія, да и до этаго времени оно въ сущности не прилагалось къ дѣлу: ибо еще Изяславъ, оставленный Ярославомъ для младшихъ дѣтей вмѣсто себя, вовсе не былъ таковымъ для своихъ братьевъ, и даже былъ изгнанъ ими изъ Кіева, и до тѣхъ поръ не могъ воротиться, пока не умеръ второй братъ Святославъ. Потомъ Всеволодъ преемствовалъ Изяславу, не столько потому, что онъ былъ старшій въ родѣ, сколько потому, что былъ несравненно сильнѣе всѣхъ другихъ наличныхъ князей, своихъ племянниковъ; ибо онъ по своимъ союзамъ то съ Святославомъ, то съ Изяславомъ, кромѣ своей наследственной области Переяславской успѣлъ захватить владѣнія своихъ племянниковъ, т. е. области Черниговскую и Смоленскую. Святополкъ также владѣлъ Кіевомъ очевидно не по старшійшинству, а потому что Владимиръ Мономахъ уступилъ ему это владѣніе. Мономахъ же въ этой уступкѣ, конечно, руководствовался не уваженіемъ къ старшійшинству, а тѣмъ, что въ случаѣ его притязаній на Кіевъ Святополкъ соединился бы съ дѣтьми Святослава, которыхъ родовымъ достоинствомъ неправильно владѣлъ Мономахъ. Лѣтопись объ этомъ ясно говоритъ; вотъ ея слова: «Володимерь же нача размышляти, река: «аще саду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ преже отца его былъ»⁽³⁰⁾. Здѣсь Владимиръ самъ говоритъ, что уступаетъ Кіевъ не изъ уваженія къ старшійшинству Святополка, но потому что при неуступкѣ нужно было воевать съ Святополкомъ, и что слѣдовательно война сія еще не совсѣмъ была сподручна. Когда же по смерти Святополка Мономахъ занялъ Кіевъ, и былъ на столько силеиъ, что уже не могъ опасаться соперничества со стороны другихъ князей, то не подумалъ и вспомнить о старшійшинствѣ и прямо назначилъ наследникомъ Кіевского стола сына своего Мстислава⁽³¹⁾, тогда какъ

(30) Лавр. 93. (31) Лавр. 139.

живы были не только сыновья Давида и Олега Святославичей, троюродные братья Мстиславу и старшіе его по родовымъ счетамъ, но даже двоюродный братъ самаго Мономаха Ярославъ Святославичъ, дядя Мстиславовъ. Все это ясно показываетъ, что правило родового старшинства при наслѣдованіи старшимъ княжескимъ столомъ, уже при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не имѣло никакой силы, и старшіе, ежели не имѣли своихъ особенныхъ средствъ, то даже не предьявляли своего права противу младшихъ, имѣвшихъ средство поддержать свое искательство; такъ Святославичи молчали противу Всеволодичей, пока сіи были сильны. Слѣдовательно право родового старшинства даже при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не было уже мѣркою княжескихъ отношеній; а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе оно теряло свое значеніе; съ легкой руки Мстислава племянники стали перебивать владѣніе Кіевомъ не только у двоюродныхъ, но даже у родныхъ дядей, а младшіе родные братья отбивать престолъ у старшихъ. Такъ Мстиславовъ сынъ Изяславъ перебилъ владѣніе Кіевскимъ престоломъ у дяди своего Юрія Долгорукаго; а этотъ Юрій перебилъ право у старшаго своего брата Вячеслава. Конечно, Изяславъ во время споровъ съ Долгорукимъ за Кіевъ иногда прибѣгалъ къ старшинству Вячеслава, и показывалъ, что править Кіевскою областью отъ имени старшаго дяди; но онъ это дѣлалъ только съ тою цѣлію, чтобы пользоваться дружиною Вячеслава, которая ему была нужна для войны съ сильнымъ соперникомъ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ Владиміромъ Галицкимъ, а со всѣмъ не для того, чтобы укрываться старшинствомъ дяди, которое не думалъ уважать и самъ Долгорукій. Тоже самое нѣсколько прежде происходило въ домѣ Святославичей; въ 1127 году Всеволодъ Ольговичъ выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава Святославича; тогдашній великій Князь Кіевскій Мстиславъ вступился было за Ярослава, но скоро отступился отъ него и оставилъ Всеволода въ покоѣ, какъ бы чувствуя, что и самъ не больше имѣетъ правъ на Кіевъ, какъ Всеволодъ на Черниговъ (*).

По смерти Изяслава право старшинства даже не упоминалось между Князьями. Такъ Изяславу преемствовалъ на Кіевскомъ престолѣ братъ его Ростиславъ, но не по старшинству своему, а по приглашенію Вячеслава и Кіевлянъ, потомъ Кіевляне пригласили къ себѣ въ Князя Изяслава Давыдовича изъ Черниговскаго дома; этотъ Изяславъ, не имѣя силъ защищаться, сдаетъ Кіевъ Долгорукому; при чемъ замѣчательно

(*) Объ этомъ предметѣ см. въ моихъ изслѣдованіяхъ, Т. IV. М. II.

выраженіе сего послѣдняго, сказанное **Изяславу**: «мнѣ отчина **Кіевъ**, а не тобѣ» (32). Здѣсь **Долгорукій** не думаетъ считаться старѣйшинствомъ съ **Изяславомъ**, но выставляетъ отчинное право, — мнѣ отчина **Кіевъ**. По смерти **Долгорукаго Изяславъ Давыдовичъ** опять занялъ **Кіевъ**, но не по праву старѣйшинства, хотя онъ дѣйствительно былъ давно уже старѣйшимъ во всемъ родѣ **Ярославовомъ**, ибо самъ не думалъ соблюдать старшинства въ своемъ родѣ, отдавши послѣ себя **Черниговъ** племяннику своему **Святославу Володимировичу** по отчинному праву, а не по праву старшинства, по которому бы **Черниговъ** слѣдовалъ двоюродному его брату **Святославу Ольговичу**. Потомъ, когда изгнали **Изяслава Давыдовича**, то въ **Кіевъ** приглашенъ былъ **Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій**, также по отчинному праву, ибо приглашеніе сіе было явно въ нарушение правъ старѣйшинства **Изяслава Давыдовича**, который **Ростиславу** проходился дядей. По смерти **Ростислава** занялъ **Кіевъ Мстиславъ Изяславичъ** по приглашенію народа и **Князей**, а не по старѣйшинству, ибо старше его былъ дядя его **Владимиръ Мстиславичъ**, который самъ участвовалъ въ приглашеніи **Мстислава** (33). И приглашеніе сіе было сдѣлано, не по какому-либо искусственному представленію старѣйшинства **Мстислава**, о которомъ тогда не имѣли и понятія, но только по тому, что другіе **Князья** думали поживиться отъ **Мстислава** волостями, какъ прямо сказано въ **лѣтописи** (34). Потомъ, когда выгнали **Мстислава**, то получилъ **Кіевъ Глѣбъ Юрьевичъ** изъ **Долгорукихъ**, и опять не по старшинству, а по волѣ своего старшаго брата **Андрея Боголюбскаго**. По смерти **Глѣба** занялъ **Кіевъ Владимиръ Андреевичъ Дорогобужскій** по приглашенію племянниковъ, а не по старшинству, ибо послѣ **Глѣба** старшинство принадлежало дѣтямъ **Долгорукаго**. Послѣ **Владимира** **Кіевъ** получилъ **Романъ Ростиславичъ**, по назначенію **Андрея Боголюбскаго**; потомъ **Кіевъ** перешелъ къ **Ярославу Изяславичу Луцкому**, который по роду своему хотя былъ старшій противъ **Ростиславича**, но получилъ **Кіевъ** не по старшинству, а только потому, чтобы противопоставить его притязаніямъ **Боголюбскаго**. Послѣ **Ярослава** **Кіевъ** былъ занятъ опять **Романомъ Смоленскимъ**, а потомъ братомъ его **Рюрикомъ**, и далѣе **Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ**, совершивъ безъ отношеній къ старѣйшинству, а только по тому, кому изъ нихъ благопріятствовали обстоятельства. По смерти **Святослава** **Кіевъ** опять былъ занятъ **Рюрикомъ**, у котораго отнялъ его **Романъ Мстиславичъ Волинскій**, племянникъ **Рюрикѣвъ**,

(32) Лавр. 148. (33) Ипат. 96. (34) Ипат. 96.

который уступилъ Кіевъ Рюрикову сыну Ростиславу. По смерти Романа Рюрикъ опять занялъ Кіевъ, а потомъ уступилъ его Всеволоду Черному, сыну покойнаго Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Потомъ Ростиславичи отняли Кіевъ у Всеволода, и отдали Мстиславу Романовичу, племяннику Рюрикову, когда Рюрикъ былъ еще живъ. Когда Мстиславъ палъ въ битвѣ на Калкѣ, Кіевскимъ княземъ сдѣлался двоюродный братъ его Владимиръ Рюриковичъ. У этого Владимира Кіевъ отнялъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій и отдалъ его союзнику своему Изяславу Мстиславичу; Изяславъ выгналъ Ярославъ Всеволодовичъ, племянникъ Боголюбскаго, а у Ярослава отнялъ Кіевъ опять Володимиръ Рюриковичъ, котораго выгналъ оттуда Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, а Михаила выгналъ Давидъ Романовичъ Галичскій, а потомъ Кіевъ опять достался Михаилу, и по убіеніи его въ ордѣ Батыемъ, родъ Русскихъ Князей въ Кіевѣ прекратился. И всѣ сіи занятія происходили безъ отношенія не только къ старшинству, но и даже къ отчинному праву; Кіевъ переходилъ отъ одного рода къ другому, потомъ опять возвращался въ прежній родъ, отъ старшихъ къ младшимъ, отъ младшихъ къ старшимъ, смотря по тому, кому благоприятствовали обстоятельства. Такимъ образомъ изъ 29 князей, владѣвшихъ Кіевомъ по смерти Ярослава до Батыя, трое были сыновья Ярославова: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, одинъ, произшедшій отъ старшаго Ярославова сына Изяслава Святополкъ, семеро происходили изъ поколѣнія втораго Ярославова сына Святослава, собственно изъ племени его внука Олега, одинъ сынъ Всеволодовъ Владимиръ Мономахъ, четверо сыновей Мономаховыхъ; два Мстиславича; Изяславъ и Ростиславъ Смоленскій; трое изъ поколѣнія Изяслава Мстиславича; двое изъ роду Юрія Долгорукаго, и одинъ Владимиръ Андреевичъ Дорогобужскій, внукъ Мономаховъ, котораго отецъ умеръ не бывши великимъ княземъ.

Изъ сихъ двадцати девяти Князей для насъ особенно замѣчательны по отношенію къ одному изъ основныхъ положеній г. Соловьева, князя Всеволодъ и Игорь Ольговичи, Изяславъ Давыдовичъ и Владимиръ Андреевичъ Дорогобужскій. Г. Соловьевъ, объясняя случаи, исключавшіе князей изъ старшинства и даже изъ владѣнія родовой собственностію, говоритъ: «Могло случиться, что князь навсегда оставался младшимъ членомъ рода, и навсегда малолѣтнимъ, слѣд. навсегда неспособнымъ не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ,

или великимъ княземъ; въ такомъ случаѣ дѣти его навсегда оставались младшими ⁽³⁵⁾; т. е. судя по представленнымъ здѣсь разсужденіямъ г. Соловьева, навсегда неспособными не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи. Первая часть этого положенія дѣйствительно и случилась съ Олегомъ и Давыдомъ Святославичами и съ Андреемъ Володимировичемъ: они точно умерли, не бывши старшими членами рода, т. е. великими князьями. Теперь падо бы было ожидать, что сбудется и вторая половина положенія, т. е. ихъ дѣти никогда не только не будутъ великими князьями, но даже не получатъ участка во владѣніи общимъ нераздѣльнымъ достояніемъ рода; ибо г. Соловьевъ выдаетъ вторую часть своего положенія за основной законъ въ отношеніяхъ между князьями, законъ, почерпнутый изъ самой жизни древнихъ Русскихъ князей, изъ свойствъ родового быта. Но жизнь древнихъ Русскихъ и не думала слѣдовать закону, навязываемому ей г. Соловьевымъ; дѣти Олега и Давыда Святославичей и Андрея Владимировича, никогда не бывшихъ великими князьями, и даже не объявлявшихъ претензіи на это достоинство, не только владѣли удѣлами, но и были даже великими князьями; и одинъ изъ нихъ Всеволодъ Ольговичъ даже можетъ считать въ разрядѣ великихъ князей Киевскихъ цѣлое и прямое свое потомство, т. е. сына (Святослава Всеволодича), внука (Всеволода Святославича) и правнука (Михаила Всеволодича). Такимъ образомъ прямые и ясные факты Русской древней жизни свидѣтельствуютъ, что приведенный здѣсь законъ княжескихъ отношеній, навязываемый ей г. Соловьевымъ, очевидно взятъ по ошибкѣ изъ какой-нибудь другой жизни, а не изъ Русской. А посему руководствоваться симъ закономъ при изученіи Русской исторіи, значитъ ни больше ни меньше, какъ искажать исторію.

Вотъ основныя положенія г. Соловьева, постоянно и вездѣ навязываемыя имъ древней Русской исторіи, какъ законъ жизни старыхъ Русскихъ князей, какъ основаніе всѣхъ ихъ отношеній другъ къ другу, какъ основа родового быта, царившаго, по его мнѣнію, въ древней Русской жизни, и по сему долженствующія быть ключемъ къ правильному пониманію всѣхъ явленій въ древней Русской исторіи. Приведенныя вами здѣсь ясныя и неопровержимыя свидѣтельства летописей, поставленныя, какъ они есть сами по себѣ, безъ натяжекъ и толкованій съ заднею мыслию, для всякаго ясно говорятъ, что положенія сіи, одни вовсе не принадлежать къ Русской исторіи, какъ взятые ошибочно со-

(35) Ист. отнош. Кн. Рюр. дома, стр. 31.

всѣмъ изъ другой, а не изъ Русской жизни, а другія такое слабое вліяніе имѣли на древнюю жизнь Руси, что едва замѣтны въ ней, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть мѣркою, на которую бы прикладывались всѣ явленія древней Русской жизни, какъ того желаетъ авторъ; что родовой бытъ, проповѣдуемый имъ по своему, и служащій, по его мнѣнію, краеугольнымъ камнемъ всей Славянской Русской жизни отъ незапамятныхъ временъ чуть не до конца XVII вѣка, вовсе не имѣлъ на Руси такого значенія, какое ему приписываютъ. Въ разборѣ остальныхъ положеній г. Соловьева, разсыпанныхъ въ разныхъ его сочиненіяхъ, въ настоящее время не состоитъ уже надобности; ибо г. Соловьевъ высказался уже довольно ясно, и теперь каждый безъ указаній видитъ, что приведенныя и разобранныя нами здѣсь положенія служатъ для него главною основою, на которой зиждутся всѣ остальные его правила и мнѣнія; а ежели основа, какъ здѣсь доказано фактами, взятыми изъ нашихъ лѣтописей, оказывается несостоятельною; то очевидно, что та же несостоятельность присуща и всему зданію, построенному на такой основѣ. Притомъ же мы здѣсь разбираемъ не всѣ сочиненія автора, а только послѣднюю его статью о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, и обратились къ разбору положеній, высказанныхъ авторомъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, единственно по тому, что настоящая статья зиждется на сихъ же положеніяхъ, и безъ ихъ пересмотра не можетъ быть понята надлежащимъ образомъ, да и по указанію самого автора написана для того, чтобы показать, что законы родоваго быта, придуманные имъ для Русской исторіи, есть общи и для другихъ Славянъ⁽³⁶⁾.

Первое, что бросается въ этой статьѣ каждому въ глаза, это рѣшительное отсутствіе указаній на источники, которыми пользовался авторъ при ея составленіи; онъ нигдѣ не приводитъ ни одного свидѣтельства ни изъ Чешскихъ, ни изъ Польскихъ лѣтописей, онъ просто хочетъ, чтобы ему вѣрили на слово, чтобы всѣ положенія, имъ проповѣдуемая, основывались только на его авторитетѣ; (а сколько можно полагаться на его авторитетъ, каждый ясно можетъ видѣть изъ представленнаго выше разбора основныхъ положеній въ отношеніи къ Русской исторіи). Слѣдовательно статья эта совершенно лишена характера учено-историческихъ изслѣдованій, гдѣ факты и свидѣтельство древнихъ памятниковъ должны быть основаніемъ и опорой всякаго труда, а по сему ее должно разсматривать не больше, какъ литературное произведеніе, гдѣ

(36) Комета Альманахъ, стр. 233.

все зависит от логики сочинителя. И такъ волей-неволей, по самому характеру статьи, мы должны разсматривать ее только въ этомъ отношеніи.

Авторъ, упомянувши мелькомъ о Любушиномъ судѣ, и о какой-то борьбѣ Славянскаго обычая съ Нѣмецкимъ, прямо говоритъ: «Послѣ Буривоя (съ котораго начала проясняться Богемская исторія) остались двое сыновей, Спитиггъвъ и Вратиславъ; оба брата княжили по старинному Славянскому обычаю, владѣли нераздѣльно: обоихъ мы видимъ въ 895 году на Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ они признаютъ надъ собою верховную власть Римско-Германскаго Императора». Что послѣ Буривоя остались два сына Спитиггъвъ и Вратиславъ, противъ этого логически возражать нельзя, это по законамъ логики правильно, (мы не ссылаемся на исторію и не будемъ ссылаться во всемъ разборѣ потому, что авторъ не ссылается на нее самъ, и намъ рѣшительно не слѣдъ присоединять ее сюда, какъ вещь совершенно не относящуюся къ статьѣ); но что оба брата княжили по старинному Славянскому обычаю, владѣли нераздѣльно, — этого положенія изъ словъ автора нигдѣ не видать; ибо, ежели принять за основу сего положенія слѣдующее извѣстіе: «обоихъ мы видимъ въ 895 году на Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ оба они признаютъ надъ собою верховную власть Римско-Германскаго Императора» (37), то надобно сказать и о всѣхъ Германскихъ князьяхъ, бывшихъ на томъ же сеймѣ и признававшихъ верховную власть Императора, что и они также княжили по старинному Славянскому обычаю, а не по Нѣмецкому; можетъ быть, г. Соловьевъ такъ и думаетъ, мы не знаемъ объ этомъ; но во всякомъ случаѣ онъ выразился очень темно, и безъ основанія, требуемаго логикою.

Далѣе авторъ говоритъ: «Неизвѣстно, были ли сыновья у Спитиггъва, но братъ его Вратиславъ оставилъ по смерти своей троицъ сыновей — Вячеслава, Болеслава и Спитиггъва, владѣвшихъ нераздѣльно и одноправно по старому обычаю; кроткій Вячеславъ былъ вѣрнымъ подручникомъ Императора, давалъ ему ежегодно по 500 гривенъ серебра и по 420 воловъ; но второму брату Болеславу не нравилась эта подчиненность: онъ убилъ Вячеслава, и тотчасъ началъ дѣйствовать противъ Германіи» (38). Что Вратиславъ оставилъ троицъ сыновей, это логически правильно; но что они владѣли нераздѣльно и одноправно по старому обычаю, этого опять не видать, почему такъ говоритъ авторъ;

(37) Ibid. 234. (38) Ibid. 235.

а скорѣе изъ слѣдующихъ словъ самаго же автора можно заключить, что братья правили раздѣльно, каждый своею долею, ибо одинъ Вячеславъ платилъ ежегодно Императору по 500 гривенъ серебра и по 120 воловъ, а другой Болеславъ не платилъ, чего при нераздѣльномъ и одноправномъ правленіи сдѣлать нельзя. Стало быть здѣсь таже неясность въ изложеніи и недостаточность въ логическихъ основаніяхъ, какія уже были замѣчены прежде, и разпространяться о нихъ много, послѣ сказаннаго, нѣтъ никакой нужды.

ПАНТЕОНЪ И РЕЦЕПТУАРЪ Русской сцены. Май. Книжка пятая и шестая.

Прежде всего, мы считаемъ пріятною обязанностью замѣтить, что съ нѣкотораго времени, Пантеонъ сдѣлался несравненно осторожнѣе — по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ своимъ критическимъ статьямъ, — и если бы журналъ отказался отъ своихъ двухъ отдѣловъ, именно «Юмористики» и «Балагура» — если бы не помѣщалъ онъ почти постоянно вздорныхъ повѣстей вообще и рассказовъ о юности знаменитыхъ артистовъ въ особенности, то можно было бы съ достовѣрностью предположить, что это изданіе создало наконецъ свою настоящую, специальную цѣль и рѣшилось не измѣнять ей. Къ сожалѣнію, только статьи о театрѣ стали отличаться дѣльностью — и то, кажется, благодаря тому, что ихъ принялъ на себя самъ редакторъ, Ф. А. Кони, коротко знакомый и съ драматическою литературою и съ сценическимъ искусствомъ. Такъ и въ этой книжкѣ, мы съ удовольствіемъ прочли его отчетъ о русскомъ театрѣ въ Петербургѣ, отличающійся здоровымъ взглядомъ на дѣло и строгостью въ отношеніи къ повседневной посредственности. Напрасно только, кажется намъ, почтенный авторъ отчета такъ ловко и подробно рассказываетъ содержаніе разныхъ доморощенныхъ драмъ и водевилей, забываемыхъ публикою почти тотчасъ же по опущеніи завѣса. Гораздо интереснѣе было бы читать объ артистахъ, игравшихъ въ этихъ несчастныхъ штукахъ. Впрочемъ, заключенія, выводимыя г. Кони на счетъ этихъ произведеній — почти всѣ остроумны и основательны. Кромѣ статей о театрѣ, встрѣтили мы и всѣ другіе отдѣлы журнала, а именно:

1) *Отдѣлъ повѣствовательный.* Тутъ помѣщены два рассказа — одинъ оригинальный, другой переводный. *Оригинальный* принадлежитъ г. Савинову, называется: «Русскій комикъ XVIII-го столѣтія» — и, какъ можно догадаться уже по названію — написанъ по извѣстному рецепту;

т. е. художникъ противопоставленъ непонимающей его презрѣнной толпѣ. Художникъ тутъ — комикъ Крутицкій; толпа — во первыхъ его отецъ; это — толпа добрая; — во вторыхъ пріятель отца — это толпа злая, какой-то купчина. Представитель злой толпы подозреваетъ въ чернокушнѣ Крутицкаго, который учить роль изъ оперы: «Мельникъ», — отецъ или представитель толпы доброй, отпускаетъ сына на театръ, но хочетъ непременно, чтобы тотъ игралъ героемъ, а не мужикомъ и т. д. Штука весьма обыкновенная и даже съ клеймомъ известной фабрики. Разсказъ переводный называется «Сцены изъ жизни Моцарта», и по своей бездѣятности не далеко отстоитъ отъ оригинальнаго.

II) *Исторія искусства.* Въ этомъ отдѣлѣ встрѣтили мы статью г. Густава Планша о *Комедіяхъ г. Ожье*. Всякъ, кто знакомъ съ такъ называемыми французскими критиками отъ г. Планша до г. Филарета Шаля включительно, за котораго недавно такъ гнѣвно вступился «Современникъ», вѣроятно, вспомнивши пословицу, что «свой своему по неволѣ другъ» — всякій, повторяемъ мы, кто читалъ эти пресловутыя этюды — вѣроятно, жалѣлъ потомъ о времени, потраченномъ имъ на прочтеніе, о времени, которое могъ бы употребить съ большею пользою на знакомство съ самыми источниками или сочиненіями о семъ предметѣ Нѣмцевъ и Англичавъ. Для французскихъ критиковъ (за исключеніемъ весьма не многихъ) до сихъ поръ еще

Печатный всякій листъ быть кажется святымъ,

до сихъ поръ еще въ теоріи изящнаго они не шагнули дальше курса Баттѣ, нѣкоторые посмѣлѣе — курса Блера, и наконецъ весьма немногіе отважились на эстетику Гегеля въ переработкѣ г. Бенара. Все остальное, они, говоря quasi-учевымъ языкомъ, *игнорируютъ*.

Такъ и Густавъ Планшъ обнаруживаетъ совершенно дѣтскую наивность въ своихъ понятіяхъ о комедіи. Онъ, напримѣръ, простодушно убѣжденъ, что г. Ожье изобразилъ греческую жизнь въ своей комедіи: *La Cigüe*, переведенной по русски г. Зотовымъ, о которой мы представили довольно подробный отчетъ, рассматривая предшествовавшій *N* Пантеона, — и мало ли въ чемъ убѣжденъ г. Планшъ; почему же впрочемъ и не быть ему такъ убѣжденнымъ? Вѣдь убѣжденъ же г. Филаретъ Шаль, что онъ *изучалъ* испанскую драму, рассказавши содержаніе двухъ, трехъ драмъ Кальдерона, да двухъ драмъ Аларкона, — убѣжденъ же г. Арсеній Гуссе, что онъ въ своихъ «*Portraits littéraires du XVIII siècle*» представилъ живую картину литературной жизни избранной имъ эпохи? Да извинять намъ читатели нашъ нѣсколько легкій тонъ въ отношеніи къ французской критикѣ. Въ не-

давнее время, нѣкоторые изъ нашихъ Петербургскихъ журналовъ начали рѣшительно обращаться къ галломаніи въ этомъ отношеніи и посмѣиваться надъ Нѣмцами. Не беремъ на себя защиты Нѣмецкихъ критиковъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они виноваты дѣйствительно, т. е. въ излишней любви къ отвлеченностямъ, въ туманности взгляда,—но все-таки изъ тьмы запутанностей нѣмецкой критики блеснетъ подъ часъ лучъ свѣта, тогда какъ французская ясность не даетъ ровно ничего. Разумѣется, мы исключимъ изъ этого числа не многихъ, занимавшихся основательно изученіемъ литературы, преимущественно историковъ литературы, — исключимъ такъ же и даровитыхъ людей, которые мимоходомъ сказали много превосходныхъ частныхъ замѣчаній объ искусствѣ, людей, обладавшихъ *тактомъ*, каковы Подье, Шатобрианъ—не смотря на отсталость своихъ теорій,—но собственно критики, критики эстетической у французовъ не было и прежде, нѣтъ и до сихъ поръ.

III) Въ отдѣлѣ *мемуаровъ* напечатана статья «Жизнь актрисы Кипно», написанная именно въ томъ легкомъ родѣ, о которомъ мы только что говорили. Жаль, что прервана редакціею «Записки Тальмы», замѣняющая этимъ пустымъ и не говорящимъ ровно ничего очеркомъ.

IV) *Юмористика*. Г. П. Александровъ, написавшій штуку «Невѣсты», назвалъ ее сценами изъ жизни. Мы съ своей стороны, замѣтили только, что жизни-то именно и недостаетъ въ этихъ сценахъ изъ жизни. Это даже—не простая копія съ маленькой, никому не нужной дѣйствительности, даже не бесплодное переписыванье обыденныхъ разговоровъ,—но дѣйствительности такой нигдѣ не найдется, да и разговоровъ такихъ ни гдѣ не услышите. Сцены отличаются удивительнымъ средствомъ съ комедіями г. Федорова, г. Яковлевскаго, г. Руднева и иныхъ современныхъ драматурговъ.

V) Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено нѣсколько статей довольно интересныхъ, какъ то: отрывки изъ записокъ русскаго моряка, Письмо изъ Калифорніи, Исторія перваго горнаго завода въ Россіи,—но какимъ образомъ попали эти статьи въ изданіе, посвященное драматургіи и спенъ—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Если уже, напримѣръ, «Исторія перваго горнаго завода въ Россіи» относится къ театру, то спрашивается—почему же не войти въ Пантеонъ и Репертуаръ статьямъ о желѣзныхъ дорогахъ, о городской полиціи и т. д.—Уже одно заглавіе подобной статьи, когда встрѣчаешь его въ театральномъ журналѣ, возбуждаетъ впечатлѣніе чрезвычайно комическое.

VI) Есть наконецъ въ Пантеонѣ отдѣлъ «Балагуръ.» Анекдоты его

и шуточки говорят сами за себя. Нѣсколько изъ нихъ, самыхъ коротенькихъ, мы выписываемъ на выдержку:

«Чадолюбивый отецъ жаловался въ обществѣ, что у него три дочери красавицы, изъ которыхъ каждой онъ назначилъ по 10,000 руб. «серебр., а между тѣмъ до сихъ поръ никто не беретъ. Помилуйте, «возразилъ какой-то *острлкъ*, да я первый съ удовольствіемъ возьму «парочку.»

Остроумно, не правда ли? А вотъ шуточка отличающаяся особенною новостью:

«Дядушка, кто выдумалъ порохъ?

«Не помню, душенька, а на что тебѣ?

«Да тетушка говоритъ, что не вы.»

Въ числѣ *новостей* встречаемъ такъ же эпиграмму Пирона:

Ci git Piron qui ne fut rien,

Par même académicien.

Мы подозреваемъ впрочемъ, что отдѣлъ: «Балагуръ» имѣетъ въ журналѣ назначеніе готовить читателей къ тому наслажденію, которымъ даритъ ихъ ежемѣсячно Репертуаръ русской сцены. Такъ и въ нынѣшней книжкѣ, водевилъ г. Федорова: «Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ — въ своемъ не видимъ и бревна» вполне стоитъ анекдотовъ Балагура. Мы, впрочемъ, не станемъ *знакомить* читателей съ вѣтвямъ произведеніемъ, а перейдемъ къ капитальной вещи Майской книжки Пантеона, къ трагедіи Т. Кёрнера: «Црипи», переведенной г. Аппельротомъ.

Т. Кёрнеръ — такъ рано умершій для искусства, искренне-оплаканный тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ Германіи, не принадлежить, конечно, къ числу свѣтилъ первой величины, — но онъ и своею кратковременною, и чистою отъ всякаго упрека жизнію, и благородною смертію на полѣ чести и особеннымъ характеромъ своего лиризма, какъ нельзя болѣе осуществилъ стихъ того великаго поэта, чьего могучаго вдохновенія былъ онъ нѣсколько слабымъ, но живымъ отзывомъ, — знаменитый стихъ, который служитъ постояннымъ *Motto* для всѣхъ Шиллеровскихъ драмъ, — основой всего созерцанія поэта и его школы:

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde....

Лиризмъ Кёрнера представляетъ собою свѣтлую крайность Шиллеровскаго лиризма. *Das Schöne, das Erhabne* — безъ малѣйшей почти примѣси личнаго элемента — вотъ сущность Кёрнеровскихъ стихотвореній. Вспомните только:

Vater, ich rufe Dich...

вспомните послѣдній советъ благороднаго юнаго мечтателя:

Die Wunde brennt—die bleichen Lippen bebent...

вспомните, наконецъ, самую эпоху, по своимъ стремленіямъ къ возста-новленію прошедшаго, совершенно противоположную той, которая ей предшествовала, противоположную этому Drang und Sturm Periode, породившему желѣзно-рукаго Гёца фонъ Берлихингена съ его безчисленными спутниками и Карла Моора съ таковыми же—эту эпоху *первыхъ* романтиковъ, еще жившихъ въ областяхъ неопредѣленнаго *Высокаго* и неопредѣленнаго *Прекраснаго*—вспомните только всю эту обстановку—и, сочувствуя Керперовскому лиризму, сочувствуя благородной смерти прекраснаго юноши, вы повторите однако слова Ленскаго въ *Онгинь*:

Все благо: бдѣнія и сна

Приходитъ часъ опредѣленный.

Что такая эпоха, вся, такъ сказать, облеченная розовымъ флеромъ таинственнаго, чудеснаго, неопредѣленнаго, — эпоха, нѣсколько разъ проговаривавшаяся въ своей несостоятельности въ отношеніи къ практической жизни, взывавшая вмѣстѣ съ *Юганной*:

Kein Gott erscheint, kein Engel zeigt sich mehr

или утѣшавшая себя въ скептической резигнаціи:

Du hast gehofft—dein Lohn ist abgetragen,

Dein Glaube war dein zugewognes Glück,

что такая эпоха менѣе всякой другой была способна къ созданію драмы—это ясно уже само собою. Еще менѣе способенъ былъ къ драмѣ юноша Кернеръ. Ему все представлялось въ видѣ преувеличенномъ—и героизмъ, и любовь, и злодѣйство; вездѣ и во всемъ выражалъ онъ только свои чисто лирическія стремленія—и въ самыхъ герояхъ своихъ видѣлъ не людей, не лица—а отвлеченныя чувствованія. Между тѣмъ, такъ искреннъ, такъ, можно сказать, свѣты были эти стремленія въ натурѣ самаго поэта—что нельзя отказать въ сочувствіи его лирическимъ драмамъ, его *Розамундѣ*, его *Тони*, наконецъ его *Црини*.

Взгляните, напримѣръ, на *Црини* какъ на драму—и многое, что дорого въ этомъ произведеніи по отношенію къ личности его автора, многое, чего, можетъ быть, нельзя читать безъ слезъ и энтузіазма въ лирическую минуту—подъ ножомъ холоднаго анализа покажется безцвѣтнымъ, неумѣстнымъ, даже—боимся сказать—комическимъ. Разсмотрите два основныя характера драмы—султана *Солимана* и самаго *Црини*—что вы въ нихъ увидите? Бомбасть, бомбасть и одинъ бомбасть. Этотъ *Солиманъ* передъ смертію читаетъ о самомъ себѣ съѣдущій монологъ:

Душа героя знает ли заботы?
 Я жилъ въ бояхъ и для одной лишь славы,
 Минуты счастья искупалъ я кровью
 И сладость жизни всю испилъ до капли.
 Моихъ дѣяній грозный отголосокъ
 Какъ громъ во всей вселенной отозвался
 И въ трепеть человечество привелъ.
 Мои дѣла возбуждать удивленье
 Позднѣйшаго потомства и проложить
 Къ безсмертію себя блестящій путь.
 Пусть червь, раздавленный моею стопою,
 Расскажетъ міру, что я шелъ по трупамъ
 И по развалинамъ, что миллионы
 Людей низринулъ я во мракъ могильный
 Единственно по прихоти своей,
 Стенанья одного червя умолкнутъ
 Отъ кликовъ миллионныхъ, ослѣпленныхъ
 Зарницею моею великой славы.
Одно великое не умираетъ
И въ гробъ подъ землей оно нетлѣнно....

Во всѣхъ словахъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Солимана, какимъ онъ является въ трагедіи, такъ и видно, что онъ предназначенъ представлять собою несокрушимую гордость, дикое величіе.... Что касается до графа Црини, то этотъ послѣдній, въ контрастъ Солиману—идеаль безкорыстнѣйшаго героя, чуждаго всякихъ человѣческихъ слабостей. Весь Кёрнеровскій Црини, однимъ словомъ, не что иное, какъ риторическое расположеніе слѣдующаго монолога:

И такъ ужъ я стою на грани жизни,
 Настанетъ скоро смерти грозной часъ,
И заплативъ послѣдній долгъ отчизнѣ,
Въ душѣ умолкнетъ всѣхъ желаній гласъ.
 Не даромъ въ битвѣ кровь моя прольется,—
 Душа въ обитель свѣта вознесется.

Истлѣетъ въ прахъ наше поколѣнье,
 Пройдутъ вѣка, и благодарный звукъ
 Мой прахъ почтять слезою умиленья.
 За край родной кто палъ отъ вражьихъ рукъ,
 Тотъ памятникъ себя воздвигъ священный,
 Въ сердцахъ сограждавъ вѣчный и нетлѣнный.

Я слѣдую сердечному стремленью,
 Что къ славнымъ подвигаѣмъ меня влекло,
 И слѣпо покоряюсь Providѣнью,
 Оно меня на жертву обрекло,
 Славнѣйшій мнѣ подвигъ я свершаю:
 За вѣру, за отчизну умираю....

За что въка приветствуютъ героя?
 И пѣснь за что гласить его дѣла?
 Онъ грудью твердою стоялъ средъ боя
 Оплотомъ чести, карой зла....
 И смѣлаго ударъ судьбы сражаетъ,
 Но смертью онъ побѣду искупаеть....

Весь характеръ Принца, если только можно назвать характеромъ неясный образъ, поставленный на неизмѣримыхъ ходули, не что иное, какъ парафраза этого монолога, который въ свою очередь, есть то же не что иное, какъ отголосокъ Шиллеровыхъ стихотвореній «Des Mädchen von Orleans» и «Wilhelm Tell.»

Какъ героизмъ въ драмѣ Шиллеровскій и доведенный до крайности, до призрачности, лишенный тѣхъ чертъ, которыя дѣлають дѣйствительно грандіозными образы Веррины,—Маркиза Позы и Валленштейна, въ особенности послѣдняго, такъ точно и любовь въ «Принцѣ» Кернера—любовь Шиллеровскихъ героевъ и героинь. Юраничъ, это тотъ же Максъ, только доведенный до крайнихъ предѣловъ ложнаго пафоса; Елена—таже Текла, только гораздо болѣе вдающаяся въ сентенціи: Максъ и Текла, взятые отдѣльно сами по себѣ, и въ поэмѣ Шиллера довольно блѣды: они имѣють значеніе потому только, что близъ нихъ рельефнѣе выдается мрачная фигура Валленштейна. Текла хороша только въ сценѣ съ капитаномъ, принесшимъ ей вѣсть о гибели Макса, а самъ Максъ прекрасенъ только въ воспоминаніи Валленштейна:

Er ist dahin, ist Staub....
 Er ist der Glückliche; Er hat vollendet.
 Für ihn ist keine Zukunft mehr....

 Mir dünkt wenn ich ihn sähe, wär mir wohl.
 Er ist der Stern, der meinem Leben strahlt
 Und wunderbar oft stärkte mich sein Anblick....

Что же случилось съ этими Максомъ и Теклой, переименованными въ Юранича и Елену. Вотъ какъ говоритъ Юраничъ:

Я счастливъ ли?

Передо мною небо растворилось;
 О, я такъ счастливъ, такъ богатъ теперь,
 Какъ на землѣ едва ли кто бываетъ.
 Тебя, моя Елена, приобрѣлъ
 Не только сердцемъ я, но и мечемъ.

на что Елена отвѣчаетъ ему:

*О гордый юноша! Уже ли ты
 Свободною любовью недоволенъ?
 Не воинъ, а юношѣ Лоренцо
 Я безкорыстно сердце подарила.*

Отношеніе Елены къ матери такъ же мало естественно, какъ и отношеніе къ Лоренцо. Мать ея читаетъ ей въ полномъ смыслѣ слова: *Eine Pre-digt* объ обязанностяхъ супруги воина, и Елены, послѣ нѣсколькихъ возраженій, соглашается съ ней и сама настраивается на общій *героическій* тонъ пьесы.

Сцена, наиболее исполненная ложнаго пафоса — переговоры Црини съ визиремъ Мегметомъ Соколовичемъ. Пафосъ поглотилъ тутъ все, и человѣка уже не видать въ Црини, такъ легко раздѣляющемся съ мыслию о казни сына. Стоитъ только привести себѣ на память сцены между Тальботами, отцомъ и сыномъ, и сцену смерти того и другаго въ первой части Шекспирова Генриха VI-го, чтобы этотъ героизмъ Кернеровской драмы потерялъ почти всякую цѣну... и съ другой стороны — всѣ эти героическія женщины блѣднѣютъ передъ простой и мужественной Порціей въ Шекспировскомъ же Юліѣ Цезарѣ.

Самая осада города, защищаемаго небольшою горстью храбрыхъ, составляющая внѣшнюю канву Кернеровой трагедіи, не употреблена въ дѣло настоящимъ образомъ. Кто знаетъ только по разбору Сисмонди драму Сервантеса: «Осада Нуманціи» съ ея исполненными истиннаго хотя и суроваго героизма сценами, тотъ, конечно, не приметъ большого участія въ Осадѣ Сигета.

Однимъ словомъ, лиризмъ, и одинъ лиризмъ, составляетъ достоинство Црини — да и тотъ интересуется только по отношенію къ личности автора. Въ переводѣ, драма, разумѣется, потеряла весьма много, тѣмъ болѣе, что языкъ часто не повинуется г. Аппельроту, что стихъ его во многихъ мѣстахъ тянется вяло, что рѣчь у него не драматическая. Вообще мы предпочитаемъ изданный въ тридцатыхъ годахъ прозаическій переводъ «Црини» — имѣющій, по крайней мѣрѣ, достоинство подстрочной вѣрности. У г. Аппельрота встрѣчаемъ мы безпрестанно слѣдующее перенесеніе словъ:

Никто не может похвалиться, что
 Меня заставил сверотить съ дороги,
 что не многимъ превосходить извѣстные стихи :

Вѣтры свѣрвые ду-
 Ють, гулять не пойдутъ;

или подобныя ударенія:

Судтана воля и *средь Австріи...*

(стр. 11)

О Принц я твою *довѣренность*
 Приобрѣла...

(стр. 17)

или наконецъ усѣченія и сокращенія:

Слухъ носится, что Турки *вооружились*.

(стр. 17)

Какъ видно, г. Аппельротъ принялся за переводъ въ стихахъ не по призванію, иначе онъ не обходился бы со стихомъ такъ небрежно. Такими переводами можно только убить подлинникъ, особенно если само содержаніе довольно бѣдно. Даже драмамъ Шекспира вредятъ дурные переводы, какими изобилуетъ наша литература—даже Байроновъ *Донъ Жуанъ* искаженъ переводомъ до того, что и узнать его нельзя;—тѣмъ печальнѣе судьбы переводныхъ трагедій Кернера или другаго второстепеннаго поэта. Относительная польза такихъ переводовъ заключается только въ томъ, что въ нихъ выступаютъ ярко недостатки подлинниковъ для критика, неподкупаемаго уже изяществомъ формы,—во этой пользы, конечно, не имѣлъ въ виду г. Аппельротъ, не имѣютъ такъ же въ виду и другіе наши переводчики. Въ настоящее время въ особенности страсть переводить въ стихахъ безъ малѣйшаго призванія къ этому дѣлу, распространилась чрезвычайно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣтъ ничего легче, какъ передавать чужой звучный и полный силы стихъ размѣренными строчками, иногда гладкими и безцвѣтными, иногда шероховатыми, а иногда и вовсе *нечитаемыми*. Нужны только смѣлость и способность обходиться безъ церемоній, *très cavalièrement*, съ избраннымъ авторомъ, хотя бы этотъ авторъ былъ Шекспиръ. Критика равнодушно смотритъ на плохое и хорошее въ этомъ родѣ, глумится даже, когда добросовѣстный, знающій дѣло и владѣющій стихомъ переводчикъ примется за дѣльный трудъ, какъ глумилась она недавно надъ извѣщеніемъ, что г. Бергъ занимается переводами *народныхъ пѣсень*, забывши при этомъ кстати посмѣяться и надъ Гердеромъ, издавшимъ, какъ извѣстно, «*Die Stimmen der Völker*».... Надобно надѣяться, что

подобное странное равнодушіе къ хорошему и дурному, какъ слѣдствіе невѣжества, пройдетъ вмѣстѣ съ молодостью у вашей критики, и что, вслѣдствіе этого, насъ перестанутъ угощать и переводчики искаженіями хорошихъ подлинниковъ.

Едва мы окончили разборъ пятой книжки Пявтеона, какъ получили шестую, и прочитавши ее, рѣшились передать читателямъ ея содержаніе, вслѣдъ за разсмотрѣнною уже 5-ю книжкою этого журнала.

Первое мѣсто занимаетъ въ ней произведеніе г. Ив. Ни—ва: «Куликовская битва», названное скромно историческими сценами. Да не винить насъ авторъ въ томъ недовѣрїи, съ которымъ мы приступили къ его «Куликовской битвѣ.» Мы глубоко убѣждены въ томъ, что сильное и здоровое дарованіе въ состояніи извлечь изъ быта нашего отечества какія угодно драмы—историческія ли, семейныя ли, все равно,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣли и читали уже столько бездарнѣйшихъ штукъ въ этомъ родѣ, столько странныхъ клеветъ на русскую исторію и на русскаго человека — или, съ другой стороны, видѣли столько неудачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ людьми даровитыми или добросовѣстными, были свидѣтелями сценическихъ паденій такихъ драмъ, которыя дышали, такъ сказать, правдою изображаемаго ими быта, и между тѣмъ страдали отсутствіемъ сценическаго интереса,—что подозрительность наша въ отношеніи ко всѣмъ подобнымъ произведеніямъ объясняется весьма легко. Въ самомъ дѣлѣ, Борисъ Годуновъ, и только Борисъ Годуновъ во всей пѣлости; двѣ, три патетическихъ сцены въ Димитрїѣ самозванцѣ А. С. Хомякова, нѣсколько *истинныхъ* сценъ въ Марѣѣ Посадницѣ М. П. Погодина—вотъ все, что русская драматургія произвела достойнаго великихъ событій исторіи нашего отечества. Остальное или молодая попытка дарованія, какъ «Царская невѣста», или искусныя драматическія компіляціи людей, набившихъ руку, или наконецъ жалкія и смѣшныя претензіи бездарности.... Въъ всего этого стоитъ драма—лѣтопись К. С. Аксакова, полная энергіи и правды, возвышенной любви къ родинѣ и къ русскому человѣку — благороднѣйшая драматическая ошибка, не принадлежащая собственно къ области искусства. Печего говорить, кажется, что историческая драма—вовсе не то, что понимаютъ подъ нею рутинеры съ одной стороны, и авторъ «Освобожденія Москвы» съ другой, и было бы довольно странно говорить о значеніи исторической драмы по поводу одного изъ дюжинныхъ произведеній. Смѣшно было бы приводить тутъ драмы Шекспира, смѣшно упоминать даже о драмъ-хроникѣ Мериме: *La jascuerie*.

Недовѣріе, съ которымъ приступали мы къ историческимъ сценамъ г. Ив. Ни—ва оправдывалось все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше мы читали. Начинаятся историческія сцены саморазглагольствіемъ Рязанскаго князя Олега, сидящаго у окна, въ которое видна рѣка, *осіаваемая* мѣсяцемъ: между прочимъ, мы узнаемъ изъ этого саморазглагольствія, что Ока бѣжитъ изъ Рязани въ Москву....

Течеть Ока, въ Москву она бѣжитъ....

За нею въ слѣдъ мои влекутся мысли.

Приходитъ Кореевъ—предназначенный авторомъ быть злымъ духомъ князя Олега Рязанскаго. Князь Олегъ пускается съ нимъ въ слѣдующіе политико-экономическіе вопросы.

О л е г ъ.

Хозяйственный вопросъ я предложу,
Ты вѣришь ли хлѣбовъ перерожденно?

К о р е е в ъ.

Что за вопросъ? бываетъ, говорятъ,
Что изъ овса родится рожь—овсянка.

О л е г ъ.

И въ нравственномъ посвѣтъ *тоже есть*.
Гдѣ всплывчивость посвѣтъ оскорбленье,
Тамъ выростетъ досада на себя... и т. д.

Не смотря на свои возраженія, Олегъ сдается, впрочемъ, на лукавые совѣты Кореева, и, какъ обыкновенно бываетъ у нашихъ драматурговъ, читаетъ великолѣпную тираду, по его уходѣ:

Онъ впрочемъ правъ, въ виду худаго мало:
Сомнителенъ Дмитрія успѣхъ,
А если вдругъ онъ дѣло проиграетъ,
Такъ я въ Москвѣ и я глава собратій!
И я бразды праменія приму,
Его отца исполню начинанья,
Соединю въ одну державу все.
Тамъ гордый Псковъ—и *если ручки Славянъ*
Въ одно солью я море, и потомъ
Мечтать себя дозволю о татарахъ (???),
Ихъ трепетать заставлю передъ Русью,
Поссорю ихъ сперва между собою,
И смутами воспользуюсь строптивыхъ....

съ величіемъ встаетъ (Sic!).

И слава, честь главу мою вянчаютъ,
 И лѣтопись гласитъ изъ рода въ родъ
 О дѣйствіяхъ премудраго Олега!
 Онъ все связалъ, что рушили вѣка;
 Низвергнулъ то, что полтораста лѣтъ
 Надъ бѣдною странною тяготѣло;
 Онъ счастье, блаженство водворилъ,
 Онъ начерталъ премудрыя законы,
 Источникъ онъ всѣхъ благъ и счастья Руси!
 И вня я великаго усую,
 И, загремѣвъ въ листахъ бытописаній,
 Въ сказаніяхъ народовъ не умру!
 О сладкая великому награда!

Все въ этомъ монологѣ исполнено претензій—да и претензій—то насколько не оригинальныхъ. Всѣ такія мечтанія о своемъ будущемъ величіи слышали мы отъ разныхъ героевъ гг. Кукольника и Полеваго....

Слѣдить содержаніе «историческихъ сценъ» было бы излишне. Лица историческія въ нихъ безцвѣтны, или, какъ Мамай, нарисованы густыми красками лубочныхъ литографій, — лица, изобрѣтенныя самимъ авторомъ—или взяты имъ на прокатъ у Кукольника и Полеваго, или просто нелѣпы. Нелѣпы въ особенности пѣвецъ Андрей Серкизь, распѣвающий пѣсни при весьма неудобныхъ случаяхъ. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ поетъ:

Что такъ бьешься, ретивое,
 И тоскуешь?
 Али что-либо ты злое,
 Сердце, чуешь?
 Ввтеръ свищеть, навъваетъ
 Непогоду,
 Сердце ноетъ, предвѣщаетъ
 Намъ невзгоду....

Но главная—то бѣда не въ томъ, что Серкизь поетъ пѣсни; бѣда въ томъ, что въ сочиненіи этого господина проглядываетъ шиллеровская претензія. Онъ представляетъ собою рано гибнущее прекрасное....

Едва ли не нелѣпѣе еще пѣвца Серкиза племянникъ злодѣя Епифана Кореева Андрей Кореевъ, предназначенный представлять собою размашистую русскую удадь и любовь къ отечеству, притворяющийся съ дядею въ Рязани и смѣющийся надъ его неудавшимися хитростями на самомъ полѣ Куликовской битвы.

Что касается до *souvenir locale*, неизбежнаго во всякой исторической драмѣ, и приобретаемаго, какъ известно весьма дешево — то особенно ярокъ мѣстный цвѣтъ въ изображеніи татаръ. Такъ, напримѣръ, входить къ Мамаю Девлетъ Кильдей, и говорить:

Саламъ алейкумъ, нашъ великій ханъ.

Тотъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчаетъ ему:

Алейкумъ эсаламъ! Что ты мнѣ скажешь?

Мамай, разумеется, страшно грозитъ на Россію:

Неврине! зачѣмъ же лзуть въ споръ?
Вотъ то ихъ хвостъ, мы выметемъ Россію
И дань возьмемъ, вотъ что на небѣ звѣздъ,
Ты видишь самъ Мамаю назначенье,
Противъ небесъ строптиво не пойдешь....

Нѣкто Бырдай въ особенности занимается возбужденіемъ ярости въ татарскомъ ханѣ, и совершенно по-татарски льститъ его самолюбію:

Но могутъ ли герои цвѣлой Руси
Съ свѣтиломъ дня Мамаемъ состязаться?
Медвѣдь и волкъ, шакалы, барсы, тигры
Дерзнуть ли всѣ идти противъ слова,
Особенно, когда онъ раздражень?...

Самъ Мамай походитъ нѣсколько на Солымана въ Керяеровскомъ «Црини» — только авторъ придалъ ему, конечно, больше лютости. Оно такъ и быть должно — недаромъ же онъ татарнякъ!

Въ отдѣлѣ повѣствовательномъ — помещена ужасная и чувствительная повѣсть г. Савинова: Красная Феска.

Статья «Начало и развитіе оперы въ Европѣ» — больше общаетъ, нежели даетъ, хотя все-таки читается съ интересомъ.... О Юмористикѣ Пантеона вообще и о разсказѣ г. Бутовскаго «Двѣ сдачи въ Преферансъ» — мы рѣшаемся умолчать. Театральную летопись — мы, кажется, сглазили. Въ шестой книжкѣ — она потеряла свой серьезный тонъ и пустилась въ каламбуры вмѣстѣ съ разбираемыми ею штукаками.

«Всякій шутъ Иванъ Ивановичъ» — шутка-поговорка въ двухъ картинкахъ съ куплетами — вещь, о которой говорить совѣстно. Куплеты ея, кромѣ претензій и безвкусія, отличаются еще совершеннымъ незнаніемъ русскаго языка:

Мы съ женой на старость (и) лтъ
Накутили было бѣдъ,

Но по счастью, оно (что?)
 Все окончилось смѣшно.
 А вѣдь мало-ль есть семей,
 Гдѣ отъ женъ или отъ мужей
 Какъ навется кавардакъ (?!!??),
 То расходится не такъ....

Какой это языкъ?...

А вотъ и стереотипный, неизбѣжный куплетъ о Петербургѣ:

Питеръ—дивная столица,
 Я осмѣюсь доложить,
 Распотѣшить мастераца
 И карманъ растормошить....
 Здѣсь что шагъ, то удивенье,
 Всюду мраморъ да гранить,
 И ужъ точно, освѣщенье
 Все на газъ обстоитъ (!)

и т. д., все въ этомъ же родѣ по известному образцу—куплету о Петербургѣ въ «Комедіи съ Дядюшкой....»

Г.

Военный Журналъ, издав. Военно-Ученымъ Комитетомъ. 1850. NN 4, 5 и 6.

Разбирая «Морской Сборникъ,» мы упоминали уже о ложномъ предубѣжденіи противъ специальности, существующемъ въ большинствѣ нашей публики. Другое превосходное изданіе—«Военный Журналъ,» можетъ служить доказательствомъ неосновательности этого предубѣжденія. Не говоримъ уже о томъ, много ли имѣетъ оныхъ читателей, въ какомъ числѣ экземпляровъ расходится,—но спросимъ: многіе ли знаютъ о его существованіи, хотя по имени? Сколько намъ известно, очень не многіе. «Военный»—такъ, стало быть, оныхъ надобенъ только военному человѣку, «морской»—моряку.... такъ думаетъ большая часть людей съ притязаніями на имя образованныхъ. Въ этомъ случаѣ, многіе похожи на жителя какого-нибудь захолустья, который дальше своей стороны нигдѣ не бывалъ, и тотчасъ заблудится, какъ перейдетъ заповѣдную черту. То же самое (употребимъ старое классическое выраженіе) въ «храмѣ знанія»: одинъ уголокъ его знакомъ намъ, тутъ мы дома, а на всѣ прочіе смотримъ какъ на terra incognita. «Такія-то науки нужны для такого, а мнѣ дѣла до нихъ нѣтъ....» Положимъ,

что въ области знаній, одни общи для всѣхъ, а другія назначены для извѣстнаго круга: но вѣдь между ними существуетъ такая тѣсная связь, что одно не полно безъ другаго. Отъ специалиста требуется полное знаніе избраннаго имъ предмета, отъ всякаго образованнаго чловѣка—знакомство со всѣмъ, въ чемъ проявляется мысль.... Но—виноваты: мы заговорили о «пользѣ наукъ,» вдались въ тѣ общія мѣста, которыя ясны какъ день.... что же дѣлать? Непрiятно повторять эти общія мѣста, но, видно, они позабылись многими: иначе, по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить равнодушiя нашей публики къ нѣкоторымъ специальнымъ изданiямъ.

Подобно «Морскому Сборнику,» «Военный Журналъ» специаленъ на столько, что, представляя богатый запасъ знаній для военнаго чловѣка, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ составить занимательное чтеніе для всякаго любознательнаго, не требуя никакихъ предварительныхъ специальныхъ свѣдѣній. Мы постоянно помѣщали содержаніе его книжекъ за прошлый годъ, и теперь рѣшились рассмотреть три послѣднiя—(полугодіе), съ тою цѣлю, чтобы каждый читатель могъ изъ нашего обзора судить объ общедоступной занимательности этого изданiя.

Первый отдѣлъ В. Ж. «Военныя науки вообще» долженъ бы, по-видимому, быть доступнымъ для однихъ военныхъ; но помѣщенный въ немъ статьи отличаются самымъ популярнымъ изложеніемъ. Таковы: Генеральный Штабъ, практически согласованный съ арміею (*); О военной наукѣ въ связи ея съ прочими и съ общественнымъ бытомъ (соч. Лунджи Бланка, замѣчательное сколько по изложенію, столько и по взгляду автора); Очеркъ исторiи Генеральнаго Штаба въ западной Европѣ и въ Россiи (соч. Князя Голицына). Послѣдняя статья особенно важна по новости предмета. «Генеральный Штабъ, говоритъ авторъ, составляетъ нынѣ существенную принадлежность всякой благоустроенной арміи и одну изъ важнѣйшихъ отраслей ея внутренняго устройства. Исторiя его, по тѣсной связи своей съ исторіею образованiя и устройства Европейскихъ армій и, можно сказать, съ исторіею всего новѣйшаго военнаго искусства, чрезвычайно любопытна и поучительна. Не смотря на то—странное дѣло—Генеральный Штабъ до сихъ поръ еще не удостоился чести имѣть своего историка, и ни въ одной Европейской военной литературѣ нѣтъ даже краткой исторiи его». Пополняя этотъ недостатокъ, авторъ скромно замѣчаетъ, что не имѣетъ притязанiя на честь быть первымъ историкомъ Генеральнаго Штаба; но

(*) Статья эта издана потомъ отдѣльно, и мы уже говорили объ ней.

эта честь принадлежит ему по всемъ правамъ, за тщательно и добросовѣстно составленный трудъ. Исслѣдованіе Князя Голицына раздѣлено на слѣд. части: общее понятіе о Генеральномъ Штабѣ въ наше время; рѣшеніе вопроса: существовалъ ли, и въ какомъ видѣ, Г. Ш. въ древнія времена; очеркъ исторіи Г. Ш. въ западной Европѣ и въ Россіи. Последняя часть (исторія Г. Ш. въ Россіи) еще не напечатана. — «Комментаріи Наполеона» (ст. I. Основныя правила военного искусства). Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ *Journal des armes spéciales* нѣсколько статей г. Левассора, который желалъ привести въ нѣкоторую систему замѣчанія Наполеона о военномъ искусствѣ. На сколько удалось ему это намѣреніе, можно видѣть уже изъ начала статьи. «*Необходимость правилъ*. Всѣ великіе полководцы древности и тѣ, которые достойно слѣдовали по проложеннымъ ими путямъ, были обязаны славою своихъ подвиговъ исключительно тому, что дѣйствовали на основаніи истинныхъ правилъ военного искусства, т. е. на основаніи точнаго соображенія своихъ средствъ съ цѣлю и обстоятельствами. Сколь ни велики были ихъ предпріятія, сколько ни огромны успѣхи, они постоянно смотрѣли на войну, какъ на науку. Въ этомъ-то смыслѣ, дѣйствія великихъ полководцевъ должны намъ служить образцами, и только при внимательномъ изученіи сихъ примѣровъ, мы можемъ питать надежду приблизиться къ нимъ. Самые блистательные мои подвиги были приписываны счастью, и, конечно, не задумаются вмѣнить мнѣ въ ошибки мои неудачи, хотя иногда лучшіе планы не удаются по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, между тѣмъ какъ, по прихотямъ счастья, соображенія ошибочныя оканчиваются успѣшно. Если бы я написалъ исторію моихъ походовъ, то многіе удивились бы, что я постоянно изощрялъ мой умъ и мои способности изученіемъ основныхъ правилъ военного искусства.» — Намъ кажется, что желаніе говорить отъ имени Наполеона должно увеличить трудность задачи, избранной авторомъ, и даже, можетъ быть, повредить ему, точно также, какъ потеряла отъ этого же въ отношеніи историческомъ біографіи Наполеона, составленная извѣстнымъ военнымъ писателемъ. Но, какъ бы то ни было, важность предмета, избраннаго г. Левассоромъ, очевидна, и интересъ его сочиненія, вѣроятно, долженъ возрасти въ слѣдующихъ статьяхъ.

Во 2 отд. «Исторія военного искусства» помѣщены: «Прежде и теперь» — мастерски составленный, бѣглый очеркъ постепенныхъ усовершенствованій въ военномъ искусствѣ. Авторъ статьи — Нѣмецъ; потому понятно, что, говоря о новѣйшемъ времени, онъ обратилъ

преимущественное вниманіе на Германію. Желательно, чтобы подобный очеркъ былъ составленъ и въ отношеніи къ Русскому войску. Любопытна также статья: «Завоеваніе Португальцами Тангера.»

«Библиографія» посвящена разсмѣтрѣнію замѣчательнѣйшихъ военныхъ сочиненій. (Можно надѣяться, что со временемъ Редакція В. Ж. будетъ упоминать здѣсь о *всѣхъ* книгахъ по этому предмету, появляющихся и на Русскомъ языкѣ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи замѣтны пропуски.) Наиболее любопытны разборы: Переписки принца Евгенія Савойскаго, Сочиненій о военныхъ событіяхъ въ Италіи въ 1848—49 годахъ, и Историческаго обзорѣнія Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.

«Смѣсь» и «Разныя извѣстія» В. Ж. представляютъ не мѣншую занимательность, даже и не для военныхъ. Таковы статьи: Лагерь и казармы Британской арміи; О субординаціи; Огнестрѣльная хлопчатая бумага; Новое сочиненіе о войнѣ 1812 и 1813 г.; Отзывъ Американца о Наполеонѣ; О значеніи Гибралтарскаго пролива, и проч. Для доказательства извлечемъ по нѣскольку строкъ изъ нѣкоторыхъ.

Лагерь и казармы Британской арміи. Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Лондонѣ книга, авторъ которой самъ служилъ въ Британскомъ войскѣ. Между прочимъ, онъ составилъ таблицу, показывающую пропорцію причинъ, условливающихся нынѣ, въ Англии, вступленіе въ военную службу. Изъ 120 человекъ, становящихся подъ ружье, находятся: 80 бѣдняковъ (пролетаріевъ), которые, не имѣя средствъ къ существованію, думаютъ обезпечить тѣмъ свою судьбу; 20 бѣдныхъ изъ образованнаго сословія, стеченіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ ввергнутыхъ въ несчастіе; 16 лѣнливцевъ, смотрящихъ на военную службу какъ на ремесло легкое; 8 негодаевъ, почитающихъ армію своимъ послѣднимъ убѣжищемъ; 1 преступникъ, старающійся ускользнуть отъ преслѣдованія законовъ; 2 непослушныхъ родителямъ сыновей; 8 недовольныхъ жизнію и безпокойныхъ характеромъ; 1 честолюбецъ, и 2, побужденныхъ къ этому шагу другими причинами.... Любопытно бы узнать, до какой степени верна эта таблица. Описывая свою службу въ Индіи, авторъ говоритъ, что въ тамошней Англійской арміи господствуетъ чрезвычайная страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Военные суды въ Индіи заняты, большею частію, слѣдствіями по дѣламъ, касающимся пьянства. Бѣлая горячка—обыкновенная болѣзнь въ мѣстныхъ военныхъ госпиталяхъ; рѣдко проходитъ недѣля, чтобы не поступалъ больной, одержимый этимъ недугомъ. Въ продолженіе 40-мѣсячной стоянки поля, въ которомъ служилъ авторъ, умерло

слишкомъ 50 челов.; изъ нихъ 25 лишились жизни отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ....

Новое сочиненіе о войнѣ 1812 и 1813 годовъ принадлежитъ полковнику Англійской службы Джоржу Каткарту, (Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813. By Colonel the Hon. George Cathcart. London. 1850.) Авторъ имѣлъ возможность основательно изучить описываемыя имъ событія. Отецъ его, Лордъ Каткартъ, былъ назначенъ, не задолго предъ открытіемъ кампаніи, Британскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и находился въ свитѣ Императора Александра во всю войну 1813 г. Авторъ записокъ, тогда 19-лѣтній юноша, поручикъ гвардіи, состоялъ при отцѣ своемъ въ званіи адъютанта. До капитуляціи Парижа онъ постоянно былъ при арміи, присутствовалъ при всѣхъ военныхъ операціяхъ, и имѣлъ случай видѣть 8 великихъ сраженій, выигранныхъ или проигранныхъ, въ которыхъ Наполеонъ командовалъ лично.... Разсматривая, между прочимъ, военныя свойства и преимущества разныхъ армій, полковникъ Каткартъ говоритъ: «Французы, народъ храбрый и воспламеняемый, блистательны и страшны въ атакѣ. Въ случаѣ отбоя происходитъ такая же сильная реакція, которая могла бы имѣть пагубныя слѣдствія, если бы не было наготовѣ резерва. Тогда Французовъ легко снова собрать, и мужество ихъ восстанавливается. Русскіе хотя не такъ воспламеняемы, однако, при атакѣ, никакая армія не можетъ сравниться съ ними храбростію и стойкостію, при чемъ они имѣютъ еще то преимущество, что незнакомы, повидимому, съ чувствомъ страха, и, будучи опрокинуты или разбиты, никогда не могутъ быть доведены до безпорядочнаго бѣгства съ поля сраженія. Прусскія войска, участвовавшія въ силѣ компаніяхъ, состояли, большею частію, изъ весьма молодыхъ солдатъ, провиннутыхъ энтузіазмомъ, который возбуждалъ ихъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ. При пораженіи, слѣдствіи минутнаго безпорядка и замѣшательства, неизбѣжныя во всѣхъ молодыхъ войскахъ, были у Пруссаковъ не столько ощутительны, какъ у Французскъ; но хотя Пруссаки опять выстраивались и воспламенялись патриотическимъ одушевленіемъ, однако, въ случаѣ несчастія, не могли соперничествовать съ Русскими въ стоицизмъ. Собственно Австрійцы были превосходно дисциплинированы и храбры, но пѣхота ихъ уступала въ энергіи Французамъ и Пруссакамъ, а по физическимъ средствамъ Австрійцы далеко отставали отъ крѣпкихъ и здоровыхъ Русскихъ солдатъ. Богемцы (Чехи) казались здоровѣе и сильнѣе, но, по характеру, мало отличались отъ своихъ Австрійскихъ ратныхъ товарищей. Венгерская

пѣхота рѣшительно превосходила и тѣмъ и другихъ нравственною и физическою силою, и образцовый гренадерскій корпусъ, сформированный изъ Венгерцевъ, не имѣлъ себѣ подобнаго во всей союзной арміи.» Вотъ нѣсколько словъ о Наполеонѣ въ день сраженія при Бауцентѣ: «21 Мая (н. с.) было прекрасное лѣтнее утро. Все было тихо, и даже ружейные выстрѣлы по линіи форпостовъ слышались изрѣдка. Мы собрались на мѣсто сраженія, на разсвѣтъ. Императоръ Россійскій и Король Прусскій уже находились на возвышеніи передъ фронтомъ, въ центрѣ боевой линіи. Между тѣмъ непріятель пришелъ въ движеніе, и, казалось, сосредоточивалъ свои главныя силы на высотахъ, непосредственно передъ Бауценомъ, угрожая или нашему лѣвому флангу, или нашему центру. Ясно можно было рассмотреть самого Наполеона, окруженнаго штабомъ, и очевидно занятого построеніемъ своихъ войскъ. Потомъ онъ слѣзъ съ лошади и сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и разговаривая съ офицерами своей свиты. Всѣ наши подозрныя трубы были направлены на Императора Французовъ; но какъ Лордъ Каткартъ имѣлъ лучшую трубу, то всѣ пользовались ею, даже Императоръ Александръ и Король Прусскій. Хотя оба непріятельскіе штаба не были въ выстрѣловъ, и самъ Наполеонъ находился подъ Русскими выстрѣлами, однако союзники не хотѣли тревожить его наблюденій. Мы узнали Бертіе и другихъ генераловъ, но одинъ человекъ, съ которымъ разговаривалъ Наполеонъ, посматривая потомъ на карту, оставался для членовъ союзной главной квартиры загадкою. Онъ былъ въ свѣтло-желтомъ мундирѣ, и, послѣ многихъ догадокъ, мы рѣшили, что это долженъ быть Мюрать, большой щеголь, являвшійся въ разнообразныхъ костюмахъ. При справедливости нашего предположенія, обстоятельство сіе было важно: присутствіе Мюрата доказывало, что вооруженіе Итальянцевъ подвинулось, и кромѣ того, его личная дѣятельность, какъ превосходнаго кавалерійскаго генерала, требовала съ нашей стороны особенной бдительности. Въ такомъ убѣжденіи оставались мы до вечера, когда узнали, чрезъ плѣнныхъ и дезертировъ, что человекъ въ желтомъ мундирѣ былъ просто Саксонскій почталіонъ, который служилъ Французамъ проводникомъ и котораго Наполеонъ разспрашивалъ о названіи различныхъ деревень.»—Эти отрывки заставляютъ жалеть, что въ В. Ж. не представлено болѣешихъ извлеченій изъ замѣчательнаго сочиненія Каткарта.

Кстати же будетъ здѣсь и *Отзывъ Американца о Наполеонѣ*. Этотъ Американецъ — г. Эмерсонъ, издалъ въ Лондонѣ томъ своихъ

философскихъ очерковъ, въ которомъ, между портретами Монтана, Сведенборга, Гёте, Шекспира, находится и портретъ Наполеона. Вотъ нѣкоторыя выставленныя имъ характеристическія черты, не вездѣ однако вѣрныя и внушенныя отчасти желаніемъ быть оригинальнымъ. «Бонапарте, говоритъ Американскій писатель, былъ самымъ точнымъ и самымъ замѣчательнымъ выраженіемъ 19-го вѣка, ума и дѣйствія, мысли умовъ образованныхъ и стремленія массъ. Анекдоты о Наполеонѣ, его исторія, его записки, читаются съ жадностію, именно потому, что каждый изучаетъ въ сихъ книгахъ свою собственную исторію. (?) Наполеонъ типъ вполне современный. Какъ представитель массъ, онъ сосредоточивалъ въ себѣ умъ и геній Франціи, поглощалъ въ себѣ все, чтобы выразить все съ большею силою; казалось, онъ одинъ выигрывалъ битвы, составлялъ своды законовъ, устанавливалъ мѣры и вѣсы, проводилъ дороги, пролагалъ пути чрезъ Альпы. Инженеры, ученые, таланты и умъ, все относились къ нему одному, и Наполеонъ все принималъ, всему сообщалъ свою печать. Отъ того своеобразность его выказывалась разительнѣе, ибо его устами говорила Франція, его рукой дѣйствовалъ Франція. Наполеонъ прибѣгалъ только къ естественнымъ двигателямъ, но силы ихъ онъ извѣшивалъ съ математическою точностію и одушевлялъ своимъ геніемъ. Никогда не терялъ онъ изъ вида примѣненія теоріи къ практикѣ. Въ этомъ смыслѣ, и война была для него арифметическимъ правиломъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы всегда имѣть большее, въ сравненіи съ неприятелемъ, число войскъ на пунктѣ, гдѣ предполагалась атака. Всѣ его маневры ограничивались тѣмъ, что онъ шелъ на неприятеля тангенсомъ, и разбивалъ неприятельскія силы по одиначкѣ. Быстрота эволюціи давала ему относительный перевѣсъ. Выборъ средствъ, ихъ упрощеніе и соображеніе, вотъ одна изъ тайнъ торжества Наполеона. Хотя онъ и называлъ себя человѣкомъ судьбы, однако не всегда довѣрялъ случаю, и никогда не тратилъ времени на пустословныя доказательства. Гроза болтуновъ и людей, затемнявшихъ истину, онъ видѣлъ, гдѣ сопротивлялась ему матерія, угадывалъ пружину, которую надлежало привести въ движеніе, рычагъ, которымъ надлежало дѣйствовать, и сопротивленіе было побѣждено. И битвы были такимъ образомъ заранѣе выигрываемы въ его головѣ; и какъ всегда у него было уже разсчитано, то онъ и не нуждался въ совѣтникахъ. Ни въ политикѣ, ни въ войнѣ, Наполеонъ никогда не колебался, потому что имѣлъ планъ, для осуществленія котораго жертвовалъ всѣмъ. Если бы было можно, онъ сократилъ бы прямую линію, лишь бы скорѣе

достигнуть цѣли. Рѣшившись однажды на что-нибудь, онъ смѣло шелъ впередъ, ничего не жалѣя, ни снарядовъ, ни денегъ, ни солдатъ, ни генераловъ, ни самого себя. Быстрый, какъ молнія, въ атакахъ, онъ былъ неуязвимъ въ своихъ ретраншаметахъ; но по своей системѣ, почиталъ атаку лучшею обороною; самая запальчивость его была результатомъ разчета; самыя смѣлыя мѣры были основаны на глубокихъ соображеніяхъ. «При Монтебелло, говоритъ онъ, я приказалъ Келлерману идти въ атаку съ 800 кавалеристами, и съ 800 человекими онъ разсыялъ 6000 Венгерскихъ гренадеровъ, передъ глазами Австрійской кавалеріи. Эта кавалерія стояла въ полу-льѣ; она могла прибыть на поле сраженія въ четверть часа, и я замѣтилъ, что именно эти четверть часа *всегда* рѣшали побѣду.» — Утверждали, что Наполеонъ не умѣлъ отступать. Но передъ сраженіемъ онъ думалъ не столько о томъ, что сдѣлаетъ въ случаѣ успѣха, сколько о томъ, какъ надобно будетъ поступить при неудачѣ. Когда явился Наполеонъ, всѣ всенные полагали, что въ военномъ искусствѣ уже не могло быть ничего новаго, какъ и теперь думаютъ иные, что ни въ политикѣ, ни въ литературѣ, ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ философіи, не могутъ имѣть мѣста никакія нововведенія. Во всѣ времена, мнимые мудрецы твердили, что міръ устарѣлъ, обветшалъ. Наполеонъ вѣрилъ, въ этомъ случаѣ, больше своему здравому смыслу, нежели стереотипному приговору вѣковъ. Онъ не упалъ духомъ отъ того приѣма, которымъ были встрѣчены его нововведенія, и не обращалъ вниманія на всевозможныя возраженія. Утверждали, напримѣръ, что зимой Альпы непроходимы. «Зима, говорилъ напротивъ Наполеонъ, самое удобное время для перехода чрезъ высокія горы. Снѣгъ тогда крѣпокъ, погода постояннѣе, и нечего бояться лавинъ, единственной опасности въ Альпахъ. Въ сихъ возвышенныхъ странахъ, часто бывають прекрасныя дни въ Декабрѣ, дни холодныя и сухіе, при ясномъ небѣ». Обвиняли Наполеона въ шарлатанствѣ, упрекали его за искаженіе имъ исторіи въ бюллетеняхъ и въ Мониторѣ, особенно за желаніе его изумлять и ослѣплять міръ; говорили, что въ самомъ величіи его было нѣчто искусственное и театральное, какъ и въ народѣ, котораго онъ представлялъ собою. Конечно, всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону; но надобно сознаться, что этотъ театръный герой хорошо сыгралъ свою роль. Исторія должна произнести приговоръ ему и аббату Прадону, утверждавшему, что этотъ герой былъ просто Юпитеръ-Скапень, которому онъ служилъ иногда суфлеромъ. Если Наполеонъ имѣлъ своихъ фанатиковъ, то онъ имѣлъ также и своихъ

враговъ: не могъ же онъ быть безнаказанно возмутителемъ міра, разрушителемъ прошедшаго, творцемъ новой Франціи, преемникомъ старинной монархіи и дѣтищемъ революціи».

Такъ судятъ о Наполеонѣ Американецъ, видимо расположенный къ нему. А кстати объ Американцахъ. Въ В. Ж. помѣщенъ біографическій очеркъ покойнаго Президента Соединенныхъ Штатовъ, Захарія Тейлора. Вотъ одинъ характеристическій анекдотъ изъ этого очерка. Командуя, въ чинѣ генерала, Американской арміей противъ Мексиканцевъ, Тейлоръ, наканунѣ рѣшительной битвы при Буэнавистѣ, созвалъ военный совѣтъ. Офицеры обнаружили большую нерѣшительность, выставили на видъ непомѣрный численный перевѣсъ непріятеля, и нѣкоторые говорили даже объ «отступательномъ движеніи» Американской арміи. «Все ли вы сказали, господа?» спросилъ наконецъ главнокомандующій, и прибавилъ хладнокровно: «въ такомъ случаѣ, я откладываю совѣтъ до завтра, послѣ сраженія». На другой день была одержана блистательная побѣда, имѣвшая слѣдствіемъ присоединеніе къ союзу Калифорніи и Новой Мексикки....

Кажется, послѣ этихъ отрывковъ нельзя не согласиться, что В. Ж. можно читать съ пользою и занимательностію не однимъ военнымъ людямъ.

Московский Врачебный Журналъ, издав. *Александромъ Полунинымъ* и *Дмитріемъ Миномъ*. Москва, 1851. Книжки 1 и 2.

Непредвидѣнные обстоятельства были причиною, что Москвитянинъ замедлялъ подѣлиться съ своими читателями тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя производитъ въ душѣ каждаго благомыслящаго, каждаго любителя всеобщаго и отечественнаго просвѣщенія появленіе возродившагося въ такомъ прекрасномъ видѣ, Московскаго Врачебнаго Журнала. Честь основанія названнаго журнала принадлежитъ достопочтѣнному и неуспывному Президенту Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, А. Е. *Евсінусу*. Не смотря на все рвеніе перваго основателя и издателя, продолжать начатое изданіе, множество служебныхъ занятій принудили его сложить съ себя это бремя. Но къ счастью, оно нашло могучія рамена, съ юношескою бодростію и мужественною отвагою принявшія его на себя: изданіе не пало, но возвысилось, и журналъ, благодаря просвѣщенной дѣятельности извѣ-

стныхъ уже своими полезными трудами издателей, и многихъ, сколько просвѣщенныхъ, столько и опытныхъ, сотрудниковъ, становится на ряду съ лучшими Европейскими своими братьями. Московскій Врачебный Журналъ является вѣрнымъ отголоскомъ, богатымъ сборникомъ Европейскихъ успѣховъ въ различныхъ отрасляхъ медицины, современнымъ представителемъ столь быстро въ новѣйшее время движениа ея въ собственномъ нашемъ отечествѣ, посредникомъ между существующимъ направлениемъ ея въ Москвѣ и многочисленными воспитанниками Московскаго Университета, разсыпанными по всей Россіи. Содержаніе Московскаго Врачебнаго Журнала такъ обширно, многозначительно, разнообразно, поучительно, что невольно выходишь изъ обыкновеннаго, ограниченнаго круга понятій о врачеваніи или леченіи, и переносишься къ чистѣйшему, лучшему, возвышеннѣйшему понятію о жизни и врачеваніи.

Человѣкъ — жилецъ въ великомъ зданіи земной природы, въ которомъ непрерывно дѣйствуютъ разнообразныя стихіи, а отъ нихъ находится въ большей или меньшей зависимости тѣлесный составъ его; и потому для собственнаго своего блага онъ долженъ познакомиться съ ними, чтобы знать, какъ должно ему обращаться въ кругу ихъ дѣйствій. Такое знаніе особенно важно для врача, чтобы ставить больныхъ въ выгоднѣйшія для здоровья ихъ отношенія съ силами природы, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствуетъ на природу человѣческую; слѣдовательно врачъ долженъ быть другъ природы, знающій потаенныя пружины ея дѣйствій. Отсюда становится весьма очевидною польза медицинскаго журнала, знакомящаго читателей съ успѣхами познанія природы. Новый Московскій Врач. Ж. начинается статьею современныхъ понятій объ атмосферѣ и ея вліяніи на человѣка, которая по ясности изложенія и важности содержанія можетъ быть весьма интересною не только для врачей, но и для каждаго образованнаго человѣка; авторъ статьи г. *Мишъ*, представилъ въ ней новое свидѣтельство своего таланта, своего образованія, своего усердія на пользу общую. *Гиппократъ*, заслужившій названіе отца Медицины, одаренный отъ природы проникательнымъ взглядомъ на вещи и необыкновенною наблюдательностію, глубоко понималъ всю важность и необходимость познанія вѣшней природы; твореніе Гиппократа, говоритъ одинъ извѣстный истолкователь его, относящееся къ познанію воздуха, воды и мѣстностей, кажется, превосходить всѣ другія письмена великаго мужа, по изученію предмета и краснорѣчію; обыкновенный, важный тонъ Гиппократовой рѣчи облекается здѣсь особенною прелестію; и потому

не должно удивляться, что столько славных ученых посвящали труды свои изучению этого удивительного творения. Мы радуемся, что направление Моск. Вр. Ж. соответствует высокому направлению Медицины, которое далъ ей уже Гиппократъ. Кромъ статьи г. *Мина*, здъсь встрѣчаются еще двѣ рѣчи: въ одной изъ нихъ, въ рѣчи г. *Полунина*, живо изображается связь Естественныхъ наукъ съ Медициною, примѣненіе общесторонняго изученія природы къ Медицинѣ; въ другой, въ рѣчи г. *Басова*, говорится о могуществѣ природы и спасительномъ соединеніи ея съ Хирургією. «Пространство, говоритъ авторъ послѣдней въ началѣ ея, занимаемое нашимъ тѣломъ во вселенной, безконечно мало относительно къ ея безмѣрному протяженію. Еще меньше глазъ, тотъ дивный органъ, въ которомъ изображается сводъ небесный съ мириадами звѣздъ, которымъ усматриваемъ обширныя поверхности, покрытыя вѣчно движущимися волнами, въ которомъ рисуются цвѣтами испещренные дуга, которымъ схватываемъ изумительное разнообразіе видимаго міра. Посмотрите же, какъ мало окно въ глазъ, сквозь которое мы видимъ безграничный океанъ и красоту вселенной, какъ мала та дверь, которою всходятъ тьмочисленные слуги великаго посланника и исполнителя Творческихъ повелѣній — свѣта, тончайшіе и быстротечные лучи его, переносящіе по зыбямъ зенитра разнообразнѣйшія формы и цвѣта тѣмъ природы въ приготовленные и открытые для нихъ чертоги глаза. Не представляется ли здъсь печать Предвѣчной Премудрости, установившей путь столь ограниченный для свободного вхожденія въ органъ зрѣнія всего видимаго на землѣ, въ моряхъ, воздухѣ и небесахъ». Не выражается ли уже здъсь, въ приведенныхъ для примѣра немногихъ строкахъ, могущество природы, силами которой по всемогущему слову Творца устроивается такой чудный органъ и отношенія его къ видимому міру? Продолженіе рѣчи соответствуетъ ея началу, и читатели найдутъ въ ней не одинъ примѣръ удивительныхъ оборотовъ въ дѣйствіяхъ природы человѣческой. Повидимому авторъ, долженствовавшій говорить рѣчь не въ кругу врачей, но среди многочисленнаго собранія слушателей, большею частію незнакомыхъ съ Медициною, старался сдѣлать избранный имъ предметъ сколько возможно доступнымъ для понятія всѣхъ, — дѣло, какъ извѣстно каждому, не очень легкое; въ этомъ отношеніи рѣчь его заслуживаетъ особеннаго вниманія, и старанія автора, кажется, были не напрасны. Весьма отрадно видѣть, что эта бесѣда о природѣ, восхваляя могущество ея, выходитъ изъ предѣловъ слѣпаго поклоненія и привязанности къ ея силамъ, но обращается къ Виновику бытія, указы-

ваетъ въ могущество природы и спасительныхъ дѣйствіяхъ ея противъ болѣзней слѣды Творческой Премудрости и Благости, и чрезъ то примыкаетъ къ незыблемымъ основаціямъ Вѣры, которая есть главнѣйшая опора Царства Русскаго. Ктожь теперь изъ нашихъ читателей не согласится, что направленіе Моск. Вр. Ж. возвышенно и прекрасно?

Наша Медицина, благодаря мудрымъ распоряженіямъ и попечительности Правительства, болѣе и болѣе возвышается; какъ же не порадоваться появленію журнала, въ которомъ выражается высшее направленіе столь важной для благоденствія народовъ науки, который не наполняется выставкою эфемерныхъ наблюденій или розсказней о средствахъ и леченіяхъ, безотчетно придвигаемыхъ ко вратамъ славы и встрѣчающихъ на пути непроходимую для нихъ рѣку забвенія, но содержитъ въ себѣ прилежную разработку всѣхъ основаній глубокаго, прочнаго и обширнаго познанія Медицины.

Загляните, съ какимъ знаніемъ и искусствомъ г. *Варнекъ* входитъ въ лабиринтъ строенія печени и отдѣленія желчи, съ какимъ терпѣніемъ проходитъ по немъ, чтобы объяснить строеніе и механизмъ дѣйствія столь важнаго органа: надобно быть не-врачемъ, или даже совсѣмъ не любопытнымъ, отказаться отъ просвѣщенія по недостатку времени или другимъ причинамъ, чтобы, взглянувши на приложенный къ журналу рисунокъ, весьма ясно показывающій строеніе печени у рака, не взглянуть на прекрасную путеводительницу по лабиринту — статью г. *Варнека*, такъ ясно говорящую, что успѣхъ сравнительной (анатоміи и) физиологіи имѣетъ сильное вліяніе на развитіе физиологіи челоуѣка и всѣхъ ея приложеній къ медицинѣ. Г. *Лясковскій* въ статьѣ «фармакологическія особи», — благородно и отважно выступаетъ съ глубокомысленными своими изслѣдованіями на обширное поле неточностей и сомнѣній относительно приготовленія, дѣйствія и употребленія лекарствъ. «Не должны ли мы, говорить въ одномъ мѣстѣ авторъ, выразить добросовѣстно состояніе этой науки и, не боясь ложнаго стыда, безъ утайки обнаруживать недостаточность нашихъ свѣденій, — для того чтобы знать, что намъ остается еще изслѣдовать?... Что же происходитъ отъ распространенія между массою врачей такихъ понятій, какъ идіосинкразія и т. п.? — Вмѣсто того, чтобы силиться сорвать съ темныхъ случаевъ, препятствующихъ развитію науки, ту занавѣску, которая мѣшаетъ прозрѣть эти случаи, для нихъ шивается новая номенклатурная одежда, затягивающая ихъ со всѣхъ сторонъ и почитаемая за тѣмъ, вслѣдствіе ея ученой выкройки, неприкосновенною эмпириками — исполнителями. Въ наукѣ появляется парадный истуканъ, которому выгодно приносить

жертвы. Онъ даетъ отпущеніе медицинскимъ грѣхамъ.... Если предположеніе такой идіосинкразіи способствовало распространенію ложныхъ понятій между врачами со стороны физиологін и патологін, то оно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, произвѣдило истинный застой въ развитіи терапіи со стороны лекарствовѣденія. Провозглашеніе этой идіосинкразіи составило убаюкивающую пѣснь, подъ звуками которой уснуло не одно дитя фармакологической пытливости.... Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что въ безчисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ предположеніе созидало внутри тѣла больного идіосинкразію (особенное смѣшеніе), эта идіосинкразія существовала дѣйствительно, но только не въ тѣлѣ больного, а въ лекарствѣ..., въ весьма понятномъ различіи вещественнаго состава одноименныхъ лекарствъ, въ потаенныхъ отдѣлахъ москательныхъ балагановъ, въ кастрюляхъ лаборантовъ, въ формулахъ фармакопей и т. п.» Ограничиваемся выпискою этихъ строкъ изъ статьи г. Лясковаго, полной проицательнаго критическаго взгляда на свойства лекарствъ, и представляющей новое доказательство того, что разбираемый нами журналъ заслуживаетъ неслестныя похвалы. Строгая критика необходима и весьма важна какъ въ фармакологін, такъ и въ терапевтикѣ, какъ въ познаніи, такъ и назначеніи и употребленіи лекарствъ; только знакомство съ нею можетъ показать всю несовременность рецептовъ *Радемахера* и подобныхъ имъ, изобличающихъ,—скажемъ словами г. Лясковаго,—забавное невѣжество своего автора, представляющихъ запоздалый памятникъ алхиміи среднихъ вѣковъ.

Начавши съ природы вообще, указавши потомъ на замѣчательныя статьи анатомическо-физиологическую и фармакологическую, необходимо указать теперь на статьи гигиеническія и токсикологическія, куда относятся: Г. *Мина*, о ядѣ, развивающемся въ колбасахъ и рыбѣ, г. *Лясковаго*, о бѣлужинномъ ядѣ, г. *Севрука* опыты надъ дѣйствіемъ масляной кислоты на животный организмъ, поводомъ къ которымъ были смертельныя случаи отъ употребленія въ пищу соленой бѣлужины. Неумышленныя отравленія отъ употребленія пищевыхъ веществъ пробудятъ, какъ должно надѣяться, надлежащее вниманіе врачей и вообще людей образованныхъ, къ которому призываютъ ихъ вышеуказанныя статьи *Моск. Вр. Журнала*, и вниманіе къ самому журналу, польза и занимательность котораго становятся болѣе и болѣе очевидными.

Современныя понятія о столь тяжелой болѣзни, какъ тифъ, ясно и точно изложенныя въ статьѣ о тифѣ г. *Полунина*; терапевтическій опытъ г. *Иноземцева* надъ отравленіемъ узловатой нервной системы

и зависящимъ отъ нея отдѣленіемъ мочи, опытъ, въ которомъ моча, бывшая густою и кроваваго цвѣта, не разъ становилась свѣтлою, нормальною при употребленіи рожковъ (*secale cornutum*), и опять измѣнялась по вышесказанному при употребленіи вмѣсто рожковъ эмульсіи; наблюденія г. *Севрука*, относящіяся къ двумъ жестокимъ болѣзнямъ — огневнику и углевнику; рѣдкій случай подздошной жировой грыжи, которую вырѣзалъ и описалъ г. *Басовъ*; его же наблюденіе и замѣчанія относительно бродящей внутренней рожи и смертельной отѣчной жабы, на которую онъ обращаетъ достоюлжное вниманіе въ хирургическомъ отношеніи, указывая въ отчаянныхъ случаяхъ на спасеніе погибающихъ отъ ней посредствомъ операціи: вотъ патологическія, терапевтическія и хирургическія статьи, на которыя достаточно взглянуть, чтобы убѣдиться въ богатствѣ и занимательности журнала въ этихъ отношеніяхъ.

Всѣ доселѣ упомянутыя статьи суть оригинальныя, составляютъ большую часть журнала, и вмѣстѣ съ другими также оригинальными могли бы составить порядочный томъ, если бы печать новаго М. Вр. Журнала не была такъ убогоста и форматъ его не былъ такъ великъ, каковы они суть. Можно порадоваться такой дѣятельности журналистовъ и сотрудниковъ. Но кромѣ тѣхъ статей онъ представляетъ еще прекрасный и богатый выборъ — извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ всего интереснѣйшаго по всѣмъ отраслямъ Медицины; извѣстія о торжественномъ собраніи Им. Моск. Университета, о засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, о Московскомъ физико-медицинскомъ и другихъ обществахъ и проч. — Цѣль предлагаемой статьи не есть подробный разборъ этого журнала, который потребовалъ бы многихъ страницъ; но желаніе познакомить читателей нашихъ съ этимъ полезнѣйшимъ и, можно сказать, изящнымъ изданіемъ, которому нельзя не пожелать отъ всей души большаго и большаго во всемъ успѣха. Надѣемся, что онъ найдетъ полное сочувствіе и ободреніе въ просвѣщенной медицинскою и немедицинскою Русскою публикѣ, умѣющей цѣнить и всегда поддерживать истинное рвеніе и стремленіе къ общественной пользѣ и распространенію полезныхъ свѣденій, относящихся къ познанію жизни и къ ея сохраненію, рвеніе, такъ ясно выразившееся въ Моск. Вр. Журналѣ; и желаемъ, чтобы онъ сдѣлался у врачей *настоящею книгою*.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 15.

Августъ.

Кн. 1.

ФИЗИОНОМІЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

Чортъ знаетъ: говорилъ, говорилъ, а ничего не вынесешь.

Слова моего пріятеля.

— but all descriptions garble
The true effect, and so we had better not
Be too minute, an outline is the best,—
A lively reader's fancy does the rest.

Don Juan, canto VI.

Значеніе Нижегородской ярмарки въ отношеніи торговомъ давно уже опредѣлено. Объ немъ мы говорить не будемъ. Мы посмотримъ на ярмарку какъ на сборное мѣсто двухъ-сотъ-тысячнаго самаго пестраго народонаселенія, которое, среди серьёзныхъ занятій коммерческихъ, не забываетъ и веселиться, и тѣмъ оживляетъ, обыкновенно довольно тихую, Нижегородскую жизнь.

Нашъ взглядъ на настоящій предметъ, можетъ быть, будетъ отзываться дилеттантизмомъ, будетъ поверхностнымъ; заранѣе въ томъ просимъ извиненія.

Нижегородская ярмарка начинается *ex facto* въ первыхъ чис-

лахъ Іюля, и оканчивается уже въ Сентябрь, тогда какъ ехъ же начало ея 15 Іюля, и конецъ 25 Августа. Такимъ образомъ, Августъ мѣсяцъ есть время разгара ярмарочной торговли, время суматохи и кипѣнія Нижегородской жизни. — Послѣ Макарьева дня (25 Іюля) ряды лавокъ наполняются товарами, вездѣ видны вереницы обозовъ, табуны скота и цѣлыя толпы мелочныхъ разнощиковъ.

Нечего говорить о томъ, какую важную роль играетъ ярмарка даже въ частномъ, семейномъ быту Нижегородцевъ. Къ этому времени отцы семействъ стараются скопить побольше денегъ на годовую провизию, на удовольствія и наряды дѣтей. Это терминъ разнаго рода сдѣлокъ, срокъ денежныхъ платежей. Образъ жизни совершенно измѣняется. Съ раняго утра, у всякаго въ головѣ идея ѣхать на ярмарку, ѣхать такъ, Богъ знаетъ для чего, а не ѣхать нельзя, потому что всѣ ѣдутъ. Да и что дѣлать тѣмъ, которые бы остались въ городѣ? Дома всѣ пусты, гулянья никѣмъ не посѣщаются; меркантильный колоритъ ложится на всѣхъ и на все, и надо слишкомъ много стоицизма, чтобы не послѣдовать общему стремленію. Но за то, какія ужасныя опустошенія, въ одинъ этотъ мѣсяцъ, происходятъ въ бумажникахъ и кошелькахъ Нижегородцевъ и пріѣзжихъ собственно на ярмарку! Съ какииъ вздохомъ пной, возвратясь домой, пересчитываетъ неприятно убавившуюся пачку кредитныхъ билетовъ, и оправдываетъ себя, при этомъ случаѣ, вѣчной фразой: «что дѣлать, теперь ярмарка!»

Отъ чего же происходитъ это разрушительное вліяніе меркантильнаго сезона на капиталы и капиталцы потребителей, разумется, въ пользу торговаго сословія?

Если вы хотите это понять, то садитесь въ мальпость; если вы житель столицы, велите заложить свой тарантасъ, если вы поклонникъ провинціальной или деревенской жизни, а если вы нашъ братъ горожанинъ, то, съ патріотическою гордостію, помѣститесь въ омнибусъ, и пріѣзжайте на ярмарку. Тутъ вы убѣдитесь, что, пройдя это множество рядовъ, наполненныхъ всѣмъ, что только породилъ самый изысканный

вкусъ образованныхъ націй, надо быть варваромъ, эскимосомъ, или, по крайней мѣрѣ, Диогеномъ, чтобы не взять нужную, а иногда и вовсе ненужную, но тѣмъ болѣе привлекательную вещь, заплатить за нее иногда и дорого, но что дѣлать! За то, если вы купили вещь для себя, то всегда найдете въ головѣ довольно аргументовъ, чтобы доказать, что она была вамъ совершенно необходима; если же вы купили ее въ подарокъ хорошенькой дочери, если вы отецъ, — молодой женѣ, или... но положимъ, что вы нѣжный отецъ или любезный мужъ. Представьте, что вы возвратились домой. Васъ встрѣчаетъ дочь, которая, вѣрно, прехорошенья, потому что я уважаю отцовъ только хорошенькихъ дочерей, а къ вамъ я чувствую какое-то особенное уваженіе, особенную симпатію. Итакъ, представьте, васъ встрѣчаетъ хорошенькая шестнадцатилѣтняя (вѣрно не многимъ ошибся) дочь, говоритъ вамъ своимъ музыкальнымъ голосомъ: *Воп voig, rara*, (вы, конечно, вѣдали вечеромъ, потому что это вѣрное средство видѣть лрмарочный *beau-monde* и купить все вдвое дороже. Видите, я очень хорошаго объ васъ мнѣнія). Вы^р вручаете ей гостинецъ, получаете въ замѣнъ два нѣжныхъ поцѣлуя... А! чего это стоитъ! Теперь представьте, что вы любезный мужъ. Ваша жена прелестна какъ Венера. Я въ этомъ увѣренъ потому, что у васъ прекрасный вкусъ. Положимъ, что утромъ вы не много поссорились, такъ, потому что жена ваша лѣвою ногою, — *rag-don*, — ножкою, да еще маленькою, хорошенькою ножкою (я видѣлъ, какъ вы покупали ей бархатныя туфли), встала съ постели, или, можетъ быть, это была одна изъ тѣхъ *querelles de concubance*, которыя, какъ говорятъ люди опытные, необходимы для поддержанія семейнаго счастія. Итакъ по утру вы поссорились; жена ваша даже не простилась съ вами, когда вы увъжали. Теперь вы хотите побѣдить ее великодушіемъ, беретъ ей въ магазинъ у *Luon* матерію на платье, возвращаетесь домой, съ увѣренностію въ побѣдѣ и выгодномъ мирѣ. И что же? Ссора забыта; уже бѣленькая ручка жены обнимаетъ васъ, уже жена вамъ шепчетъ на ухо что-то такое, отъ чего вы вовсе и не помпнаете о брошенныхъ вами пятидесяти, ста рубляхъ.

Даже, если вы не отец и не мужъ... Но довольно. Какъ же послѣ этого обвинять ярмарку, какъ сердиться, что она такъ жадно поглощаетъ ваши богатства, не пугаясь ихъ громадності, если вы имѣете счастье быть вторымъ Крѣзомъ, и не пренебрегая послѣднимъ рублемъ, который вы со вздохомъ вынимаете изъ кошелька, давая клятву никогда не ѣздить на островъ этой опасной Камписы. Мнѣ часто выпадала доля втораго рода; но я справедливъ, не браню ярмарки, а напротивъ, всегда скажу, что она благодарна къ людямъ, умѣющимъ цѣнить эстетическую сторону ея дѣятельности.

Итакъ, по чувству патріота, эмирофила, терпсимаха, или назовите меня какъ угодно, я бы рѣшился писать апологію ярмарки, написалъ бы ее высокопарно, съ претензіями на ученость, однимъ словомъ, во вкусъ апологій блаженного стараго времени, но мнѣ кажется, что пока къ тому нѣтъ побудительной причины, потому что ярмарку любитъ вслкій, кто бывалъ на ней, исключая, разумѣется, тѣхъ, вадъ довърчивостію или щедростію которыхъ она слишкомъ жестоко пошутила. Въ этомъ мнѣніи я, кажется, не встрѣчу противниковъ, особенно въ женщинахъ, особенно молоденькихъ, потому что гдѣ же (я не говорю о столицахъ) удобнѣе, во-первыхъ, купить или получить въ подарокъ, новый бурнусъ, граціозную шляпку, и во-вторыхъ, показаться въ нихъ въ кругу истинныхъ цѣнителей прекраснаго, гдѣ все это удобнѣе, легче сдѣлать, какъ не на ярмаркѣ, которая такъ развиваетъ общественность?

Сбираясь описывать ярмарку по просту, безъ затѣй, мы будемъ располагать это описаніе разныхъ сторонъ ея въ порядкѣ важности ихъ вліянія на умы и вкусы не торговаго, цѣховаго, занятаго класса, а на умы собственно *ярмарочной публики*, т. е. той касты, которая пріѣзжаетъ сюда покупать все для себя нужное, пріѣзжаетъ, слѣдовательно, съ цѣлію *наслажденія*. Съ этой-то точки возрожденнаго ярмарочнаго и очень скоропреходящаго эпикурензма, мы будемъ смотрѣть на первое, по важности, временное торжище Россіи.

П А С С А Ж Ъ.

Пріѣхавъ на ярмарку изъ города, вы, вѣрно, остановите экипажъ свой у Главнаго дома, съ тѣмъ, чтобы посмотреть пассажъ.

Безмолвная нѣкогда, вѣчно-пустая колоннада Главнаго дома, теперь уже нѣсколько лѣтъ составляетъ любимое мѣсто прогулки ярмарочной публики. Наружныя арки забраны стеклянными рамами; во всѣхъ остальныхъ устроены лавки, отдѣланныя и драпированныя съ большимъ вкусомъ.

Пассажъ надо смотрѣть вечеромъ. Утромъ вы увидите тутъ десятка два-три разсчетливыхъ покупателей, которые, съ стоическимъ хладнокровіемъ, перерываютъ кипы товаровъ, спрашиваютъ о цѣнѣ той или другой вещи, и уходятъ, большею частію, не купивши, но обѣщаясь подумать, а иногда просятъ отложить.

Но когда стемнѣетъ, сюда собираются, во-первыхъ, тѣ, которые располагаютъ провести вечеръ въ театрѣ, клубѣ, или быть въ концертѣ, во-вторыхъ, собственно habitués пассажа. Тутъ всѣ лавки освѣщаются. На устроенную по срединѣ эстраду выходитъ оркестръ музыкантовъ, и вы цѣлый вечеръ слушаете то длинную увертюру, то вальсъ Штрауса, то цѣлый рядъ самыхъ новыхъ, но, увы, самыхъ эфемерныхъ полекъ. — Музыка сдѣлалась у насъ непременною принадлежностію всякаго рода публичныхъ гуляній. Ее слушаетъ съ удовольствіемъ и записной меломанъ, вздрагивая иногда отъ какофоническихъ аккордовъ, которые беретъ оркестръ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы доказать ту великую истину, что только присутствіе диссонанса заставляетъ понимать всю прелесть гармоніи. Еще съ большимъ удовольствіемъ ее слушаетъ профанъ, нисколько не удивляясь новымъ *re*, новымъ *si*, которыми подчуетъ его щедрый корифей.

Итакъ, музыка играетъ. Посмотримъ же, что дѣлается въ пассажѣ. Ряды аркъ давно уже наполнены самою пестрою толпою. Городскіе и пріѣзжіе франты, люди положительные, отжившіе юноши, старички съ юными чувствами, спекулянты,

артисты, школьники, собственно такъ называемые фланёры *ex professo*; потомъ, прелестныя, хорошенькія, и, увы, безобразныя женщины, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ, съ самыми разнообразными предположеніями на нынѣшній вечеръ, — все это ходитъ, останавливается, говорить, смѣется, толкается. *Le passage n'est plus à passer.*

Надо замѣтить, что здѣсь вы видите явное сближеніе востока съ западомъ — рѣшеніе той великой задачи, надъ которой такъ давно уже бьются ученые. Возлѣ галантерейныхъ модныхъ лавокъ красуются лавки Черкесовъ, Армянъ и Персіянъ. Всѣ эти Азіатцы, большею частію, очень статны, съ прекрасными выразительными глазами. Вотъ одна изъ причинъ (конечно, второстепенныхъ), отъ чего нѣкоторыя дамы такъ охотно останавливаются передъ лавками жителей полудня, не такъ торгуются съ ними, какъ съ чадами сѣвера, и даже, какъ говорятъ, начинаютъ вѣрить въ фатализмъ; вотъ причина, почему нынѣ въ такой модѣ канаузъ, мовъ и другія ткани черноглазыхъ Азіатцевъ.

Но и мы, получившіе въ удѣлъ пару сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ никакой Прометей не отыскалъ бы ни малѣйшей искры, (за то и не попалъ бы въ число нашихъ соотчичей — Кавказцевъ), и мы согласимся, что эти Азіатскія лавки чрезвычайно украшаютъ пассажъ, уничтожаютъ монотонію Европейскихъ рядовъ, становятся въ самый наглядный контрастъ, на примѣръ, съ лавкою *M-me L'Hôpital*. Цѣлыя кипы ковровъ, приваленныя къ колоннамъ, замѣняютъ диваны, и служатъ мѣстомъ отдохновенія для усталыхъ поклонниковъ фланёрства. Мы упомянули имя *M-me L'Hôpital*. Ея лавка, которая болѣе похожа на выставку (*exposition*) дамскихъ нарядовъ, соединяетъ въ себѣ образцы всего, что придумала мода, чтобы сдѣлать изъ хорошенькой женщины самое очаровательное, воздушное созданіе, придумала на бѣду бережливымъ отцамъ и ревнивымъ мужьямъ, которые смотрятъ на эти вещи съ точки зрѣнія самаго отчаяннаго пессимизма. Говоря о лавкѣ, нельзя не замѣтить, что хозяйки ея — двѣ хорошенькія Франуженки, одна брюнетка, другая блондинка, очень граціозныя

и любезныя. — За недостаткомъ мѣста, тутъ выложена только малая часть товаровъ *M-me L'Hôpital*, товаровъ, въ числѣ которыхъ всякая бездѣлица отличается особеннымъ вкусомъ. За то, передъ лавкой ея вѣчно нѣсколько дамъ и кружокъ молодежи; даже записные мизогинны рѣшаются подойти къ заманчивой лавкѣ, и рѣдко уходятъ съ пустыми руками. —

Если вы близоруки, а между тѣмъ имѣете непреодолимое желаніе разсмотрѣть физиономіи, мелькающія мимо васъ подъ плясками всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ, то, не выходя изъ пассажа, ступайте въ лавку оптика *Швабе*. Онъ надѣлитъ васъ очками, лорнетомъ, биноклемъ, и тогда ни одно хорошенькое личико не укроется отъ вашего взора. — Хорошія и относительно-дешевыя вещи вы можете получить въ лавкѣ *Якобсона* или нашего Нижегородца *Гребенщикова*. — Кромѣ того, въ пассажѣ двѣ лавки съ картинами, напирѣсная лавка *Спиглазова*, выставка вазъ и статуетокъ изъ сыраго мрамора, и пр. и пр.

А между тѣмъ, толпа все ходитъ, все прогуливается по пассажиру, описывая обыкновенно кругъ около оркестра, въ которомъ столько же гармоніи и ассонанса, сколько и въ самой публикѣ, нерѣдко представляющей сочетаніе альфы и омеги ярмарочнаго населенія. Вездѣ слышны разговоры, фразы, заглушаемыя то кстати, то некстати, ударами смычковъ и звуками неумолимыхъ волторнѣ.

— Ну, что же, *mon cher*, уступаютъ за сто двадцать рублей; — вѣдь, право, это недорого, говоритъ хорошенькая дама, обращаясь съ восхитительною улыбкою къ мужу, который, кажется, въ эту минуту вовсе не раздѣляетъ мнѣнія жены.

Въ оркестрѣ *tutti con moto*.

Мужъ притворяется, что не слышитъ сладкой апострофы своей половины, и начинаетъ дѣловой разговоръ съ господиномъ съ всѣдневной физиономіей, который, какъ *deus ex machina*, избавилъ его отъ трагической роли, которую налагало на него требованіе жены.

Тщетно послѣдняя, подстрекаемая аргументами купца, доказываетъ, что сто двадцать рублей дать за такую хорошень-

кую мантилью, какую она торгуетъ, ничего не значить, что это почти даромъ,—мужъ неумолнитъ.

— Я вамъ говорю, что дайте росписку въ полученіи, а прежде нечего и толковать.

— Но, помилуйте, какъ же дать росписку! Я, конечно, вамъ вѣрю...

Оркестръ играетъ *allegro furioso*.

Последнихъ словъ всенеднежнаго господина не слышно.

Дама приходитъ въ отчаяніе, бросаетъ взглядъ сожалѣнія на обольстительную мантилью, и увлекаемая мужемъ, уходитъ изъ пассажа.

Оркестръ продолжаетъ играть финаль какой-то громогласной увертюры.

— Изволили быть-съ у Петра Ивановича? говоритъ молодой человекъ въ жилетъ съ райскими птицами, догоняя даму съ пересѣльными формами.

— Какъ же, были, Иванъ Семенычъ, были, цѣлый вечеръ протанцовали. Ахъ, какъ было весело!

— Чай, теперь музыку достать трудно-съ: всѣ въ комедіяхъ-съ.

— Наняли-было Потапыча криваго, да такой грѣхпроводникъ: жена была пмянница, ну знаете, выпилъ лишнее, взяли въ Часть. Ужъ Петръ Ивановичъ да нахлебникъ на митарахъ играли.

— Говорятъ-съ, что Петръ Ивановичъ-то хорошо играютъ. Я-было хотѣлъ у нихъ позаняться.

— Очень хорошо играютъ, особенно мазурку, знаете, эдакъ на разстрой.

Усатый баринъ съ угрожающими бровями разлучилъ райскихъ птицъ и пересѣльные формы. Онъ жарко говорилъ съ какимъ-то повѣреннымъ въ сертукъ *po sie* время.

— Чортъ его знаетъ—все дѣло испортить. Говорить: западена лошадь, нѣтъ груди, бабки, говоритъ, слабы, заднія ноги дурно вставлены у лошади. Нѣтъ, лобезный, ты сначала пошайтася по конюшнямъ, да потомъ и разсуждай. Вишь,

бестія, подъѣхалъ: ноги дурно вставлены. Да что толковать? ты, чай, видѣлъ— добра лошадь, безъ всякаго ораута, а ноги— вотъ.

При этомъ баринъ поднялъ палку, и сталъ держать ее въ вертикальномъ положеніи.

— Ну, такъ что же, сударь, то есть барышникъ-то разстроилъ? сказалъ повѣренный, поглаживая бороду.

— Развелъ, мошенникъ! Ну да ужъ я же ему!

При этомъ проходившій мимо учитель, взглянувъ на разсерженнаго гиппофла, невольно вспомнилъ Нептуна, укрощавшаго вѣтеръ, и произнесъ въ классическомъ восторгѣ: Quos ego!

Повѣренный лукаво улыбнулся, самодовольно поправилъ полы сертука, и пошелъ вслѣдъ за разгнѣваннымъ баринѣмъ.

Оркестръ заигралъ польку.

У Армянской лавки сошлись дама, одѣтая à quatre épingles, и молодой человѣкъ, кажется, сейчасъ вырванный изъ парижской картинки.

— Des siècles, madame, vous étiez invisible.

— Ah, charmée de vous voir. Скажите, пожалуйста, не слышали вы, что за исторія вышла у графини съ Отрѣзковымъ?

— Mais c'est revoltant. Видите ли въ чемъ дѣло: графиня....

Въ оркестръ послышался ужасный ударъ смычковъ. Разговаривающіе отступили и съели на тюкъ Персидскихъ ковровъ.

Hé bien, je vous écoute!

— Представьте себя....

Въ это время въ дверяхъ пассажа показалась дама въ черномъ бурнусѣ. Дама à quatre épingles и молодой человѣкъ съ картинки пошли къ ней на встрѣчу.

— Vous vous faites désirer, comtesse; я только васъ ждала, чтобы вѣхать chez la dame noire. Allons!

Дама пошла къ подъѣзду. Молодой человѣкъ посадилъ ихъ въ экипажъ, распрощался съ ними и возвратился. Усталый оркестръ не слыша игралъ какой-то галопъ.

Молодой человѣкъ съ картинки подошелъ къ офицеру, тор-

гующему мраморную вазу. Въ это время въ толпѣ мелькнула желтая шляпка. Молодой человекъ обернулся.

- Ну что?
 - Ничего,
 - Какова, а?
 - Хороша.
 - Да ты, братецъ, медъ: прелестна! А бурнусъ замѣтилъ?
 - Нѣтъ.
 - Мой подарокъ. Пятьдесятъ рублей заплатилъ, слышишь? значитъ стоить....
 - Ты гдѣ нынче ужинаешь?
 - Я думаю, дома.
 - Фи, топ шер, пойдѣмъ къ Морелю.
- Толпа рвѣдла.
- Какъ же?—дама самъ-третей и никакой масти....
 - Дрянная собачонка-то—весь хвостъ вылазъ.
 - Впрочемъ загляните въ лѣтопись; тамъ вы увидите, какое важное участіе....
 - Чепчикъ-то стоить три рубля, да ленты два съ половиной.

The heart is like the sky, a part of heaven,
But changes night and day, too, like the sky.

Don Juan, canto II.

Если вы подъѣдете къ главному ярмарочному дому съ городской стороны и войдете въ пассажъ, то вы увидите на право входъ въ дворянскій клубъ, и на лѣво—въ ресторацію Мореля. Клубъ и Морель—двѣ великія пружины дѣятельности городского и ярмарочнаго населенія.

Для клуба, охотникъ поиграть въ карты презираетъ разстояніе, непогоду, нерѣдко упреки жены, ѣдетъ за нѣскольکو верстъ, чтобы сыграть двѣ-три пули въ преферансъ, съѣсть кусокъ бистека, иззабнуть, возвращаясь домой черезъ рѣку, дурно проспять ночь, подѣ влияніемъ проигрыша.

— Нѣтъ, никогда уже больше не поведу въ клубъ, говорить мужъ-картежникъ, вставъ поутру съ постели, не выспавшись, и подходя къ женѣ, которая уже давно за самоваромъ:— съ тѣхъ поръ какъ началась ярмарка, мы съ тобою вовсе не видимся, та сiège, не существуемъ другъ для друга. Напримѣръ, вчера—утромъ на ярмаркѣ, вечеромъ на ярмаркѣ, вернулся я, ты уже спала; теперь я только что всталъ, и долженъ ѣхать пробовать вина съ Петровымъ.

Жена молчитъ; по лицу видно, что она не въ восторгѣ отъ прошедшей ночи.

— Ну что ты сдѣлалъ вчера?

— Разумѣется, проигралъ; развѣ я когда-нибудь выигрываю?

— Такъ для чего же ты играешь?

— Такъ, знаешь.... ну что же вѣдь больше дѣлать? Нѣтъ, да я больше не поведу. Это скучно. Сегодня вечеромъ я дома; мы будемъ одни.... я хочу помириться съ тобою....

— Полно, mon cher, я не сержусь на тебя, но видишь ли что: сегодня вечеромъ мнѣ надо съѣздить за шляпкой; мнѣ она будетъ нужна къ завтраму.

Мужъ не отвѣчаетъ ни слова, да и что отвѣтить на эдакій аргументъ! онъ обиваетъ пепель съ папироски, потягивается да припоминаетъ вчерашнія игры.

Вечеромъ онъ опять въ клубъ. Это произошло чисто-случайно. Жена была въ магазинъ; тутъ ужъ недалеко: не то что тащиться изъ города!

While Bacchus pours out wine, or hands a jelly:
Eggs, oysters, too, are amatory food.

Don Juan, canto II.

Ресторация Мореля.

Когда у васъ пустъ желудокъ, когда вамъ жарко, или, просто, когда вамъ хочется съ пріятелемъ распить бутылку рёдерера, Морель получаетъ въ глазахъ вашихъ высокое зна-

ченіе. Ни одно славное имя не произведетъ тогда на ваше ухо такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ скромное имя ресторатёра.

Войдите къ нему.

Длинная зала, довольно мило убранная, уставлена двумя рядами столовъ, между которыми во всю длину—промежутокъ, ведущій къ буфету. Здѣсь на полочкахъ, обставленныхъ цвѣтами и деревьями, красуются хорошенькіе штофы и графинны съ водками и ликерами, тутъ маленькія бутылочки шато-лафита и шато-д'юкема съ фольговыми пробками, тутъ золотые ярмыки рѣдерера.

Если бы самъ Бахусъ, въ своей барсовой кожѣ, съ тирсомъ и вѣнкомъ изъ лозъ виноградныхъ на головѣ, оставивъ Эмладу, населенную теперь ненавистными для него мусульманами, если бы самъ Бахусъ взглянулъ на эту пирамиду, въ которой, конечно, болѣе жизни, чѣмъ въ колоссальной храминѣ Хеопсовой, то, вѣрно бы, на всегда оставилъ скучный Олимпъ, гдѣ то и дѣло ссора да брань между небожителями, забылъ бы Гебу и ея нектаръ, и сталъ бы прогуливаться по ярмаркѣ, какъ нѣкогда гулялъ по Индіи, основывая, вмѣсто городовъ, кондитерскія да кофейни.

Какъ бы полюбили тебя, добрый Діонисъ, какой бы шумный кружокъ составлялся вокругъ тебя, какіе оглушительные залпы изъ пробокъ дѣлали бы твои винолюбивые сателлиты! И вѣрно, Нижегородцы съумѣли бы тебѣ понравиться; вѣрно, франты наши стали бы носить тросточки въ видѣ тирса, а вѣтвь винограда сдѣлалась бы любимого куафюрой модной дамы.

И дѣйствительно, въ залу вошелъ.... Саратовскій помѣщикъ Василій Васильевичъ Тупокопытовъ. На немъ сакъ-пальто небывалой моды, бархатный жилетъ, который онъ сшилъ себѣ уже на ярмаркѣ, и надѣлъ теперь, презрѣвъ совѣтомъ портнаго—не носить бархатнаго жилета въ Августѣ, — сапоги, не производящіе никакого шума, хотя владѣтель ихъ довольно твердою ногою шелъ по скользкой стезѣ ярмарочной жизни,—на головѣ клокъ съдыхъ волосъ и пространныя, какъ Саратов-

скія степи, лысна. Да простить мнѣ благосклонный читатель, что голова Василья Васильевича заняла послѣднее мѣсто въ моемъ описаніи. Это произошло безъ всякаго, съ моей стороны, намѣренія унижить внутреннія и внѣшнія достоинства лишенной волосъ его головы. Чтобы загладить свою ошибку, я съ особеннымъ рвеніемъ, съ особенною любовью, займусь описаніемъ фізіономіи Василья Васильевича.

Случалось ли вамъ ѣздить по проселочнымъ дорогамъ, и останавливаться передъ околицею какой-нибудь деревушки, въ которую никогда не заглядывалъ ея владѣлецъ. Вы смотрите, и удивляетесь: что это, какъ будто все 'не на мѣстѣ! Заборъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало быть избѣ, изба тамъ, гдѣ бы должно быть дерево, дерево тоже какъ не въ своей тарелкѣ— обсохло, обгнило, раскололось; у дерева стоитъ корова, что-то не въ духѣ, смотритъ пристально на вспаханное поле да пожевываетъ. Надъ всѣмъ этимъ— сѣрое, сердитое небо; изорвавшіяся, точно послѣ драки, облака, несутся прочь поскорѣе, безъ оглядки. Мелкій ненастный дождь окропляетъ вашу повозку, гаситъ вашу сигару, и, тихо ударяясь о влажную землю, краснорѣчиво объщаетъ вамъ скучное путешествіе.

— Что это, какъ все тутъ неприглядно, неопрятно, некстати, какъ должно быть здѣсь скучно, думаете вы, завертывается крѣпче въ шинель, и засыпаетъ.

Точно такое же чувство овладѣло бы вамъ, если бы вы пристальнѣе разглядѣли благороднѣйшую часть тѣла Василья Васильевича. Какъ будто фізіономія его была вѣкогда въ общемъ владѣніи у бранчивыхъ помещиковъ, представляя явные слѣды чрезполосицы. Долго, видно, дѣлили они свои территории, рѣзали ихъ вдоль и поперекъ, кланьями и полосами, рыли ямы и вбивали колья безъ пощады, вздорили, спорили, наконецъ пюнуили, и раздѣлили какъ рука взяла. Тутъ, говорятъ, будь глазъ, здѣсь ротъ, тутъ носъ. Раздѣляли, да и сами не рады; стали другъ друга обрѣзывать да обмѣривать, колья повыдергали, нарыли новыхъ ямъ, межи перенахали. Просто, чортъ ногу переломить въ дачѣ. Наконецъ, пришелъ землемеръ, и провелъ окончательныя межи. Но и тутъ ладу

нѣтъ: носъ такъ и нарываетъ, чтобы захватъ въ глазъ да загнать его подальше, въ болото, а бѣдная бровь попала между двухъ огней, корчится, изгибается, описываетъ дуги самыми разнообразными радугами. По всему видно, что она не на своемъ мѣстѣ. Надъ всею этой картиной издѣвается пространный ротъ, искривясь ироническою улыбкой; его положеніе самое завидное, раздолье такое, что любо глядѣть. То онъ съежится почти въ незамѣтную точку неопредѣленнаго цвѣта, то растянется далеко, далеко, такъ что бѣдныя уши подѣ-часъ дрожать за свое существованіе.

Не подозрѣвая такого хаотическаго состоянія своей физиономіи, Василій Васильевичъ преспокойно сѣлъ за одинъ изъ крайнихъ столовъ, поставилъ къ окошку свою палку, положилъ свой картузь возлѣ себя, и, самодовольно потирая руки, спросилъ себя рюмку водки, придумывая, между тѣмъ, какъ поступить въ дальнѣйшемъ ходѣ собственнаго насыщенія.

Красивая рюмка на подносикѣ, въ сопровожденіи прослезившагося передъ смертію куска швейцарскаго сыру, явилась предъ Василіемъ Васильевичемъ.

Но отчего же онъ не прикасается къ столь любимой имъ настойкѣ? отчего глаза его такъ странно вращаются при взглядѣ на эту скромную интродукцію завтрака?

— Что это? наконецъ проговорилъ онъ робкимъ голосомъ, что это... это, то есть, пробная что ли, то есть это единственно для пробы, хороша ли настойка, а?

— Никакъ нѣтъ-съ, это обыкновенная рюмка.

— Ну такъ ты, братецъ, пожалуй мнѣ необыкновенную, знаешь, понатуральнѣе.

Человѣкъ, подававшій водку, понялъ причину замѣшательства Василія Васильевича, принесъ графинъ и рюмку гораздо большаго калибра, за что и былъ награжденъ благосклонною улыбкой водкофила.

Вслѣдъ за тѣмъ, по данной картѣ, Василій Васильевичъ назначилъ блюда для своего завтрака, и сталъ, между тѣмъ, поглядывать, что происходило вокругъ его, не забывая дѣлать важные опыты для рѣшенія вопроса о томъ: когда вкус-

нѣе настойка—если ее нальешь вровень съ краями, или только вполовину, или, наконецъ, чуть на донышко. Не знаю, къ какимъ результатамъ привели его эти эксперименты, только рюмка щедрою рукою стала наполняться, угрожая бѣдному графину совершеннымъ истощеніемъ.

Что же дѣлается вокругъ нашего героя?

За столами сидятъ поклонники меркательности, сидятъ кружками, компаніями, исправно кушаютъ, и ведутъ живой разговоръ, вѣроятно о разныхъ предметахъ, до общежитія, продажи и купли относящихся. Такъ бы выразился Василій Васильевичъ, если бы вздумалъ описать свое пребываніе у Мореля. Но Василій Васильевичъ былъ слишкомъ благообразенъ для того, чтобы описывать такія неважныя обстоятельства своей жизни. Замѣтимъ мимоходомъ, что, по выходѣ изъ земскаго суда, въ которомъ онъ дослужился до губернскихъ секретарей, Василій Васильевичъ въ весь свой вѣкъ не написалъ ничего, кромѣ двухъ просьбъ на плута—сосѣда, который оттянулъ—было у него пустошь. Да и къ чему описывать? ну если кто спросить, то можно такъ рассказать, а отъ жены, на примѣръ, онъ и вовсе скроетъ, что ходилъ къ нѣмцу завтракать.

— Что это, ты не нашелъ что ли тамъ русскаго-то трактира, что сталъ пріучаться къ нѣмецкимъ-то яствамъ, сказала бы его супруга, въ отвѣтъ на подобный рассказъ. Или денегъ лишнихъ много завелось? Эдакъ-то, отецъ мой, будешь транжирить, такъ далеко не уѣдешь: какъ разъ пустишь по міру жену и дѣтей.

Предвидя подобныя сему замѣчанія со стороны своей супруги, Василій Васильевичъ рѣшился, вообще, умолчать о своемъ поведеніи на ярмаркѣ, готовя, въ отвѣтъ на многочисленныя распросы своей Марьи Петровны, самыя общія фразы, или околичности. Между тѣмъ, кругомъ говоръ, стукъ тарелками, ножами, звукъ откупориваемыхъ бутылокъ, возгласы нетерпѣливыхъ и крики удовлетворенныхъ гастрономовъ.

Прислушивается Василій Васильевичъ къ разговорамъ, хочется ему дознаться, о чемъ можно разсуждать съ такимъ

жаромъ? Другое дѣло—при расплатѣ послѣ пикета или преферанса; ну тамъ понятно—денежки, насущный интересъ; отчего и не покричать? А тутъ, не можетъ же быть, что всякій изъ этихъ господъ надулъ одинъ другаго. Притомъ, на видъ-то все люди смиренные. Правда, что волосы у нихъ какъ-то эдакъ зачесаны за уши, что не совсѣмъ прилично скромному словѣчку; но одѣты чисто, не то что какіе-нибудь выжиги. Василій Васильевичъ напрягаетъ свой слухъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло у этихъ господъ. Но, Богъ знаетъ: словъ много, а смыслу нѣтъ въ рѣчахъ, какъ будто просто языкомъ, ради скуки, болтаютъ. Иное слово будто и понятно, да не хорошо и сказать-то его—такое нехорошее слово. Ну вотъ въ эдакомъ же родѣ говорятъ въ Сарентѣ, думаетъ Василій Васильевичъ; проѣзжалъ я тамъ прошлой зпмой. Такъ! значить и это Нѣмцы. Но что же за чудо, неужели здѣсь вовсе Русскимъ духомъ не пахнетъ? неужели я одинъ попалъ сюда?... А! вонъ тамъ усатый-то полковникъ, лихой долженъ быть. Вѣдь вотъ, подошелъ бы къ нему эдакъ побесѣдовать; да нѣтъ, вѣрно сердить, пожалуй укажетъ на двери; лучше не мѣшать ему.

Въ это время вошли въ дверь трое молодыхъ людей, въ джакеткахъ, съ хлыстиками въ рукахъ.

— Ухъ, какъ жарко! Эй, человѣкъ, шампанскаго!

— Скажи пожалуйста, что сдѣлалось съ твоею лошадыю: отчего она вдругъ стала упрячиться?

— Тутъ была маленькая хитрость: я нарочно хотѣлъ отстать, чтобы дать время...—При этомъ онъ сказалъ что-то въ полголоса.

— Charmant, charmant! закричали всѣ трое. Бутылка шампанскаго подана, пробка вылетѣла, бѣлая пѣна зашкряпалась изъ горлышка, и скоро переполнила стаканы. За первую бутылкою послѣдовала вторая, за второю третья. Прошло съ полчаса.

— А, пора! сказалъ одинъ изъ нихъ, увидавъ что-то въ окно.

Всѣ трое встали, и вышли изъ комнаты, оставивъ недопитые стаканы.

Вонъ оно, какъ валяютъ, подумалъ Василій Васильевичъ, глядя вслѣдъ уходившимъ, — сдѣлалось, видите, жарко, такъ ради этого случая изволили вытянуть три бутылочки. Ну, ужъ должно быть образованные люди. Да видно ужъ и не впервые: денегъ не заплатили, а съ нихъ и не спрашиваютъ. Нѣтъ, я помню, какъ разъ я забрался въ трактиръ-то, еще мальчишкой былъ, да хотѣлъ улизнуть, такъ шинеленку-то сняли; въ другой разъ не захотѣлось. — Философскія размышленія Василя Васильевича вдругъ прерваны были громкими залпами пробокъ. Какой-то господинъ, сидѣвшій недалеко отъ него, долго размахивалъ руками, что-то доказывалъ съ удивительною энергіею, краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно. Вся его компанія слушала его въ мертвомъ молчаніи. Наконецъ лица прояснились, глаза просіяли у слушателей, жестъ оратора, казалось, приходилъ къ концу. Конецъ былъ ex abrupto. Сдѣлавъ трагическій жестъ правою рукою, господинъ сказалъ что-то во всеуслышаніе. Вдругъ лакеи засуетились, и черезъ минуту шесть бутылокъ шампанскаго явились для вознагражденія терпѣливой аудиторіи. Всѣ, казалось, были довольны, потирали руки, гордо поправлялись на стульяхъ. По всему было замѣтно, что сейчасъ совершилась какая-нибудь сдѣлка. Ораторъ впалъ въ совершенную апатію, съ ожесточеніемъ опоражнивалъ налитые стаканы. Въмѣсто звучнаго solo его голоса, теперь слышалось отчаянное tutti, а стаканы все наполнялись, а пустыя бутылки уносились, уступая мѣсто новымъ, непочатымъ, еще покрытымъ блестками своей подвальной жизни.... Какое высокое значеніе получило ты въ нашъ вѣкъ, вино благословенной Шампаніи! Какое жестокое сердце,

Quis te bibendo

Murmurant, Dolopum aut duri miles Ulyxi
Temperet et lacrymis gaudii et felicitatis,

скажемъ вмѣстѣ съ Виргиліемъ.

Что краснорѣчивѣе, что глубже говоритъ душѣ, что сильнѣе заставляетъ биться радостью сердце, что скорѣе, легче разгонитъ печаль, разсѣетъ грусть, утолитъ жаръ безнадеж-

ной страсти, что воодушевляет поэта, что подсказывает ему самый удачный мелодический стихъ, что роскошно разлагается въ чудные аккорды въ душѣ музыканта, какъ не ты, благословенная, огнистая струя. Заключенная въ мрачную бутылку, проведя всю жизнь въ подземельи, ты жадио вырываешься на свободу, рѣзвишься, искришься, бросаешь во все стороны серебряную пѣну, ты сама какъ будто наслаждаешься мгновениемъ. Огоньки бѣгаютъ по твоей поверхности, а внутри, послушайте, внутри какой-то таинственный говоръ, повлѣтный для души, отверзтой къ впечатлѣніямъ прекраснаго, а не огрубѣвшаго отъ пошлой, вседневной жизни, слуха....

• Quand le vin de champagne
Fait en échappant
Pan, pan,
La douce gaité me gagne.

ФИЛАРМОНИЧЕСКАЯ СТОРОНА ЯРМОРКИ.

And there are songs...
Byron.

Въ этомъ же самомъ корпусѣ, изъ пассажа, вы можете пройти въ концертную и бальную залу. О балахъ говорить нечего. Ярмарочные балы ни чѣмъ не отличаются отъ другихъ баловъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, много бываетъ хорошихъ дамъ и дѣвицъ, еще болѣе дурныхъ и посредственныхъ. И здѣсь дочки прыгаютъ до упаду, и маменьки зѣваютъ отъ скуки да любятъ, глядя на веселящуюся молодежь, и здѣсь есть дансеры ex professo, и люди видящіе въ танцахъ поденную, неизбежную работу. Скажемъ нѣсколько словъ о концертахъ. Странное явленіе. Въ то время, когда ярмарка живетъ и дышетъ подъ музыку, когда никакой звѣрь, никакая картина не покажется вамъ безъ того, чтобы подъ ухомъ у васъ не гудѣлъ нарочно-нанятой фаготъ или не пиццала неумолимая скрипка, — серьезная, высокая музыка не по

душѣ ярмарочному населенію. Это происходитъ, быть можетъ, отъ того, что истинный любитель ярмарки хочетъ *веселиться*; онъ смотритъ на музыку какъ на средство, а не на цѣль. Отъ того, онъ съ удовольствіемъ прохаживается подь звуки галопа или польки, весело подтягиваетъ какой-нибудь плаксивой симфоніи, незатѣйливо выполняемой, разсѣянно слушаетъ увертюру. Но все это для него дѣло постороннее. Онъ видитъ въ этой шумной музыкѣ одно изъ тѣхъ наркотическихъ средствъ для души, которыя необходимы человѣку, живущему для мгновенія. Но если вы его введете въ залъ, гдѣ собрались истинные меломаны съ цѣлію слушать, если вы его поставите лицомъ къ лицу съ артистомъ, который разовьетъ предъ нимъ высокую, вѣчную музыкальную идею, идею, которая не терпитъ поверхностнаго вниманія, которая всецѣло овладѣваетъ душою, потрясаетъ всѣ фибры вашего существа, которой впечатлѣніе столь сильно, что не скоро позволить освободиться изъ-подъ своего вліянія, — ему сдѣлается душно, тяжело, онъ пойметъ тогда, что серьезная музыкальная идея не всякому и не вдругъ доступна, что она требуетъ извѣстнаго настроенія души, психической гармоніи между творцомъ и слушателемъ.

Но если ярмарочная публика дѣйствительно холодна къ высокимъ музыкальнымъ талантамъ, то съ другой стороны, въ зацѣпу ея вкуса надо сказать то, что въ этомъ нѣсколько виноваты сами гг. артисты. Зная, что большинство ярмарочнаго населенія состоитъ изъ людей чисто-Русскихъ по вкусу и образованію, зная, что истинныхъ цѣнителей музыки въ этой огромной массѣ мало, что музыкальное образованіе не составляетъ удѣла каждаго даже просвѣщеннаго человѣка, зная все это, они бы должны были нѣсколько польстить національности, сойти съ своихъ котуриъ, дать средство понимать себя большинству, однимъ словомъ — или внести въ характеръ своей музыки Русскій элементъ (особенно, если артистъ самъ Русскій), или самымъ составомъ концерта, выборомъ пьесъ, заинтересовать, затронуть чисто-Русское сердце, не привыкшее еще, въ этомъ случаѣ, подчиняться приговору умствующей головы. Справедливость этого замѣчанія доказали концерты

Шуберта и Лазарева. Распространяться въ похвалахъ первому значило бы повторять сказанное уже сто разъ. Но что же вышло на дѣль? Въ концертъ Г. К. Шуберта залъ былъ, можно сказать, пусть, тогда какъ у Лазарева онъ былъ полонъ, полонъ не знатоками ех professo, не педантами, а людьми, пришедшими послушать народной музыки, безъ претензій и вычуръ, а такъ, на распахку, по-русски.

Но вы скажете на это: для чего артисту популярность? для чего, въ угоду толпѣ, дѣлать изъ своего творческаго таланта забавную игрушку для профана?

Я не объ этомъ говорю. Не впадайте въ тривіальность, не унижайте своего таланта въ видахъ прибыли, а только старайтесь о томъ, чтобы васъ понимали.

Для чего природа вложила въ васъ этотъ божественный даръ? Не для того, чтобы вы эгостически курили еиміамъ сознаваемой вами идеи изъяснаго, не для того, чтобы, на своемъ таинственномъ, загадочномъ языкѣ, вы говорили только съ прозелитами искусства. Нѣтъ, вашъ талантъ есть достояніе всѣхъ вашихъ современниковъ, всѣ они съ одинаковымъ правомъ потребуютъ отъ васъ каждый своего, и верхъ вашего торжества будетъ тогда, когда вы удовлетворите всякаго, прибѣгающаго къ вашему таланту съ цѣлю благороднаго наслажденія.

Покажите знатоку глубину вашихъ идей, изумите его гениально-неожиданными сочетаніями звуковъ, представьте передъ нимъ титаническую борьбу диссонанса съ гармонією—и онъ пойметъ, оцѣнитъ васъ. Но не забудьте, что въ толпѣ вашихъ слушателей есть люди, которые, можетъ, еще лучше понимаютъ прекрасное, но понимаютъ его сердцемъ, безъ резонёрства, и для нихъ будьте понятны. Представьте имъ пластическую, наглядную сторону своего искусства, развейте передъ ними идею пьесы просто, послѣдовательно, натурально, а не дробите ее, не анализируйте такъ своенравно, не грозите ей совершеннымъ уничтоженіемъ въ ряду бурныхъ фантазій.

Тогда, повѣрьте мнѣ, вы будете любимцемъ не касты, а цѣлой націи.

Ярмарку посещали многі замѣчательные артисты. Лѣтъ 8 тому назадъ, была здѣсь Англійская пѣвица, г-жа Бишопъ, которая въ своихъ концертахъ давала сценическія представленія: съ нею былъ арфистъ Бокса. Потомъ Шубертъ, который былъ два раза, Грасси, Опоре, молодой превосходный пианистъ Рубинштейнъ, изъ Русскихъ — покойный Варламовъ, Дмитриевъ-Сельчинъ и Аванасьевъ. Г-жа Бишопъ пѣла, между прочимъ, Татарскія пѣсни, отъ чего поклонники Магомета были въ великомъ восторгѣ.

ТЕАТРЪ, КОНДИТЕРСКІЯ etc.

Q. An saltem Iudi prohibendi?

R. Non, nisi turpes, aut cum excessu fiant,

— — nè habeant, serò quod dicant:

Dives eram dudum, fecerunt me tria nudum,

Alea, vina, Venus: tribus his sum factus egenus.

Philos. p. IV s. Ethica.

Теперь мы выйдемъ изъ пассажа — вамъ, вѣрно, жарко и душно; освѣжимся ночнымъ воздухомъ. Небо усыяно звѣздами, прохладный вѣтеръ дуетъ съ Волги. Повернемъ на право. Прямо въ глазахъ у васъ каналъ, черезъ который ведетъ мостикъ, а за нимъ ряды гостиницъ и балагановъ. Все это освѣщено прекрасно; безчисленные огоньки блестящею чертою окаймляютъ берега канала, и звѣздное небо, отражаясь въ водѣ вмѣстѣ съ освѣщеніемъ искусственнымъ, представляется дномъ какого-то чуднаго царства пигмеевъ, гдѣ все полно таинственной, непостижимой дѣятельности. Остановитесь не доходя до моста. Сзади у васъ ярмарочный гостинный дворъ, уже совершенно потонувшій во мракѣ, впереди рѣзвая картина трактирной и балаганной жизни. Со всѣхъ сторонъ долетаютъ до вашего слуха отдаленные звуки десятковъ оркестровъ; все это смѣшано съ народнымъ говоромъ, стукомъ экипажей, все это носитъ какой-то праздничный, карнавальнй колоритъ. Мимо гостиницъ и кондитерскихъ, вы подходите къ театру. Пред-

ставленіе обыкновенно начинается въ 9 часовъ. Въ это время купцы только что оканчиваютъ дѣла свои, запраютъ лавки, и отправляются провести остатокъ вечера въ театрѣ.

На театральномъ крыльцѣ уже давно толпится народъ; кареты, коляски, дрожки съ своими species и varietates всѣхъ возможныхъ временъ и фасоновъ, останавливаются предъ дверьми ярмарочнаго одсона; дверка кареты отворится, на низенькую подножку встанетъ маленькая, хорошенькая ножка, прыгнетъ на крыльцо, и пчезнетъ за дверью, не давши вамъ налюбоваться узенькою пяткою. Вслѣдъ за каретой на лежачихъ рессорахъ, которой густой, ровный стукъ сладко раздается въ душѣ ея владѣльца, и непріятно шевелитъ слухъ обладателя высокой кареты прошлаго времени, кареты необъятной, громадной, теряющей вершину за облаками, — тянутся извожичьи дрожки, въ которыхъ какой-нибудь злой волшебникъ помѣстилъ отдѣленіе адскаго оркестра. Какъ ни ступить лошадь, и колеса, и оглобли, и каждый винтикъ зазвѣнать, завоюютъ, железо не ладитъ съ деревомъ, лѣзутъ врознь, хотятъ уничтожить другъ друга. Извожикъ терпѣливо переноситъ ссору двухъ элементовъ своего экипажа, изрѣдка только, сомнительнымъ взоромъ, посмотритъ на задъ на увитыя веревками рессоры; потомъ, какъ будто оставшись довольнымъ современнымъ положеніемъ этого угла челнока житейскаго моря, приударитъ лошадку, но приударитъ такъ, хладнокровно, въ полной увѣренности, что этотъ ударъ нисколько не измѣнитъ ея благоразумнаго шага.

На аффишѣ стоить: *Любовный напитокъ*, опера Доницетти; актъ первый, *Устраха глаза велики*, или *уберегъ*, но *надолго ли?* и *Зала для стрижки волосъ*.

Возьмемъ билеты въ кресла. Въ первомъ ряду цѣна по 1 р. 50 к. сер.

Театръ довольно великъ, свѣтелъ и чистъ; ложи открытыя; въ глубинѣ надъ ложами галлерей, которая очень помѣстительна; оркестръ удовлетворителенъ.

Театръ мало по малу наполняется; въ ложахъ появляются дамы хорошенькія, молоденькія, большію частію въ ярма-

рочныхъ обновахъ; между рядами кресель видны городскіе и пріѣзжіе львы, франты дурнаго тона, снисходительные помящники, купцы съ бородами и безъ бородъ, со всеми возможными прическами, изрѣдка пестрѣютъ шляпки модистокъ. Галлерей посѣщается преимущественно людьми расчетливыми всѣхъ сословій, въ особенности купцами; тутъ же видны горничныя аристократки; въ райкѣ пролетаріи всѣхъ классовъ, поклонники дешевыхъ наслажденій.

Оркестръ играетъ увертюру. Меломаны слушаютъ ее съ важностію, бьютъ легонько тактъ, и въ лучшихъ мѣстахъ, показываютъ улыбку восторга; непосвященная въ таинства часть публики разговариваетъ, судитъ, рядитъ, лорнируетъ хорошее и дурное.

Увертюра кончена, занавѣсъ поднять. Вдругъ со всѣхъ сторонъ рукоплесканія. Цѣнители излщнаго отчаянно бьютъ въ ладоши; ихъ примѣру слѣдуетъ вся масса публики.

На сценѣ сельская картина: толпа крестьянъ и крестьянокъ, и впереди ихъ прекрасная Аддина, съ книгою въ рукъ. Вотъ причина общаго восторга. Аддина дѣйствительно прекрасна: у нея большіе голубые глаза, обворожительный ротъ, жемчужные зубы. Она высока ростомъ, стройна и граціозна *amplamente*. На ней коротенькое бѣленькое платье, отдѣланное голубыми лентами, на головѣ куафюра изъ такихъ же лентъ.

O, qu'elle est belle! слышится въ креслахъ.

Опера начинается прекраснымъ хоромъ. Вскорѣ раздается и голосъ Аддины въ сольной партіи.

Что, если бы тебѣ, любезный читатель, случилось идти по горамъ поэтической Гельвеціи, и, гдѣ-нибудь между скалъ въ долинѣ, увидать живописную хижну, а передъ нею Аддину въ толпѣ хорошенькихъ крестьянокъ; что, если бы эта Аддина, своимъ звучнымъ голосомъ, спѣла тебѣ прелестную арію Долицетти, и пѣніе это далеко бы разнеслось между горами въ свѣжемъ, прохладномъ воздухѣ долинъ, что, если бы она была мила и любезна съ тобою *κατ' ἔξοχην*? Не покинулъ ли бы ты свой сѣверъ, не переселился ли бы на берега Женевскія, чтобы съ прелестною пастушкою провести остатокъ прозаич-

чески-начатой жизни? *Ubi bene, ibi patria*, сказалъ бы ты въ убѣжденіе своего разсудка.

Теперь ты не въ Швейцаріи, но Аддина передъ тобою; она прелестна какъ юная природа, а голосъ ея сладокъ какъ признаніе въ любви. Не ѣзди же въ Гельвецію, добрый читатель: тамъ ты не найдешь такой Аддины!

Аддина, въ кругу простыхъ, безхитростныхъ, буколическихъ, пожалуй, поселянъ, считается умницею: она читаетъ книги, и *все знаетъ*. Оттого передъ нею всѣ благоговѣютъ, всѣ ея слушаются, уважаютъ ее. Но это не помѣшало одному крестьянину полюбить Аддину, полюбить нѣжно, горячо, но, увы, безнадежно. У него соперникъ — сержантъ, ловкій, смѣлый, увѣренный въ себя.

Сержантъ выходитъ на сцену, поднося букетъ Аддинѣ. Что можетъ быть очаровательнѣе аріи, которою онъ приветствуетъ свою возлюбленную. Ея волнообразный, убаюкивающий ритмъ созданъ, мнѣ кажется, при плескѣ горнаго потока, въ тѣни благовоной долины. — Сержантъ милъ и любезенъ, но слишкомъ самолюбивъ; Аддина имъ недовольна. Ее трогаетъ нѣмая страсть пастушка, который признается ей въ прекрасной, пластически-ясной аріи. Какъ ручей, съ которымъ онъ сравниваетъ свое сердце, она свѣжа и благотворна. Въ ней слышится голосъ чистой любви, полной преданности судьбѣ и какой-то тоскливой безнадежности.

Роль буффа, доктора Дулькомаро, выполнена прекрасно.

Послѣ окончанія перваго акта, долго публика оставалась подъ обаяніемъ послѣднихъ звуковъ голоса Аддины. Но пора нѣмага восторга прошла, наступила пора критики.

— Она была сегодня неподражаема, сказалъ престарѣлый театраль, съ зачесаннымъ вверхъ кокомъ, — я всегда говорю, эдакую пѣвицу хоть въ Петербургъ.

— И съ какимъ вкусомъ одѣта, прелесть! — замѣтилъ высокій юноша въ очкахъ.

— Впрочемъ таланты надобно разцѣпывать по отношенію къ мѣстнымъ способамъ. Эстетическое чувство абсолютно удовлетворено быть не можетъ; всякое, такъ называемое, совер-

шенство, есть ни что иное, какъ.... — Тутъ голосъ оратора былъ заглушенъ говоромъ выходящей изъ кресель толпы.

— Игры много; вотъ что важно. Только знатокъ пойметъ, какъ рѣдко соединяется это съ талантомъ вокальнымъ.

— *Infiniment d'âme, infiniment d'âme!*

— Пройдемся-ка по водочкѣ, Петръ Васильичъ, что-то холодно. Ну ужъ потѣшила, Богъ съ ней; не жалко цѣлковаго.

Публика, во ожиданіи второй пьесы, выходила изъ театра, съ цѣлю покурить, закусить, выпить или провѣтриться. Не подходящія ни подъ одну изъ этихъ категорій остались лорнировать дамы.

— Кто эта брюнетка въ букляхъ, на право?

— Это,—позволь—это пріѣзжая изъ Одессы; *on la dit très-galante.*

— *Impossible!*... такъ надо познакомиться.

— Это не полковница ли Жокарева, смѣю спросить-съ.

— Нѣтъ, мужъ ея негодіантъ.

— А то я думалъ-съ, что это полковница Жокарева, потому что у насъ въ полку былъ полковникъ Жокаревъ.

Сказавши это, воинъ съ довольнымъ видомъ сталъ крутить свой пигмеевскій усъ.

Между тѣмъ, вышедшая изъ театра публика спѣшила подышать свѣжимъ воздухомъ, а вслѣдъ за тѣмъ, заглянуться облаками дыма въ одной изъ кондитерскихъ.

Въ связи съ театромъ устроено *Café restaurant* Дмитріева и кондитерская Кемарскаго, а перейдя улицу, кондитерская Мишеля.

Здѣсь, посреди густыхъ облаковъ табачнаго дыма, вы увидите всѣхъ посѣтителей театровъ и балагановъ, пришедшихъ отдохнуть отъ впечатлѣній видѣннаго и слышаннаго, передать другъ другу свои мнѣнія, а главное—выпить и закусить.

Всѣ кондитерскія сходны между собою. Въ каждой буфетъ, уставленный графинами водки и тарелками съ сыромъ, балыкомъ, кильками и подобными псевдо-возбудителями человѣческаго аппетита, полки, заключающія въ себѣ всѣ аристокра-

тическія фамиліи винопроизводительнаго міра, трубки съ пепрышками, насаженными съ гигиеническою цѣлю, по стѣнамъ картинки, которыя были бы соблазнительны, если бы не были столь уродливы, и вездѣ дымъ отъ трубокъ, сигаръ, сигаретокъ, папирововъ, пахитосовъ, табахитосовъ, дымъ несумлимый какъ кредиторъ, ѣдкій какъ сатпра, ... и всякія поэтическія и прозаическія уста вдыхаютъ его то съ упоеніемъ энциурензма, то съ циническою жадностію, то съ хладнокровіемъ пресыщенія. Узенькія струйки выотся, летять къ потолку, сливаются въ общую массу, разстилаются по полу и радостно вырываются въ растворенную дверь.

Престарѣлый театраль съ кокомъ вошелъ къ Дмитріеву, съ жаромъ разговаривая съ какимъ-то существомъ, тотчасъ потонувшимъ въ волнахъ дымнаго моря.

Ну вотъ хоть бы нынче! Ну какъ же было не вызвать? Чортъ знаетъ, хлопаешь, никто не поддержитъ.... Человѣкъ, водки!

— Да вѣдь я бы радъ, но что же дѣлать? никто не симпатизируетъ, — отвѣчалъ тоненькій голосъ изъ-за облака.

— Не симпатизируетъ!... стали бы симпатизировать, если бы изъ своего кармана сдѣлали костюмы. Ты думаешь, чего мнѣ стоила эта опера, а?

— Не знаю.... робко отвѣчалъ голосъ невидимаго существа.

— То-то и есть, не знаешь. Полтораста рублей стоитъ мнѣ опера. Ну, теперь знаешь?

Но всему было замѣтно, что театраль былъ взволнованъ: онъ бросилъ нѣсколько папировокъ, увѣряя, что онъ не курятся, забраковалъ поданную ему рюмку водки, и съ особеннымъ ожесточеніемъ относился къ существу, таившемуся за волнами дыма.

Въ дверь вбѣжалъ искатель спальныхъ ощущений, въ соломенной фуражкѣ, и бросился къ сидѣвшему въ углу психому артисту.

— Ужъ наши-то уѣхали туда.... знаешь....

— Какъ уѣхали? да мы то чего же посмотримъ?

— Да театр-то еще не кончился. Мнѣ бы хотѣлось по-смотреть Малиновскую.

— Вздоръ, братецъ, то важнѣе. У тебя есть извозчикъ?

— Есть.

— Ну, такъ ѣдемъ.

Друзья вышли на крыльце, сѣли на парнаго извозчика, сказали ему что-то, и онъ, съ особенною энергіею, ударилъ по лошадамъ, какъ будто предвидя значительную поживу.

Вслѣдъ за тѣмъ, высокій юноша съ длинными русыми волосами, въ поношенномъ пальто, съ цинически-развязными манерами, медленно вошелъ въ дверь, трагически подступилъ къ сидѣвшему на диванѣ литератору изъ дворянъ, и сжалъ его въ объятіяхъ.

— Петровъ, какими судьбами? проговорилъ литераторъ, разжевывая бисквитъ, обмоченный въ пѣнь шеколада.

— Пріѣхалъ навѣстить тебя, мой Титиръ. Ну, что твой вѣтвистый букъ, твоя унылая свирѣль?

Литераторъ изъ дворянъ махнулъ рукою, и допилъ шеколадъ, какъ будто желая залить какую-то нѣмую тоску.

— Проза, carissime, проза! Я нынче сдѣлался серьезнымъ, дѣловымъ человѣкомъ, смотрю на міръ проинчески, бросаю Теокрита, но не забылъ своего Мелибея.

При этомъ литераторъ изъ дворянъ протянулъ руку юношѣ-цинику.

— Возможно ли? Своенравный поклонникъ Піэрида, не любившій подчиняться никакому догматизму, никакому авторитету, вдругъ сдѣлался дѣльнымъ, полезнымъ человѣкомъ. Не вѣрю, dearest, не вѣрю. *Ἐπέχω καὶ οὐδέτις ὀρίζω*, скажу вмѣстѣ съ Пиррономъ, не повѣрю до тѣхъ поръ, пока ты не расскажешь мнѣ своихъ походовъ; непременно, — *Geschichte deines Lebens*, безъ того не отстану.

Литераторъ изъ дворянъ принялъ элегическую позу, велѣлъ мальчику подать два стакана пушша, и началъ. Долго, долго говорилъ онъ. Уже давно допитой стаканъ запынился полнымъ до краевъ, буфетчикъ записалъ уже довольно значи-

тельную цифру на счетъ ученыхъ друзей, а они все говорили, говорили съ жаромъ, одушевленіемъ....

Между тѣмъ въ сторонѣ—разговоръ болѣе практическій.

— Выпей, ну хоть еще рюмочку.

— Не могу-съ, уже достаточно—а впрочемъ развѣ для бодрости?...

— Ну, конечно. Эй, малый, дай-ка еще этой-то вотъ, за-дорной.

Подали графинъ какой-то адской водки. Подчующій и подчуемый съѣли за столъ, хотѣли-было что-то сказать другъ другу, но промолчали, краснорѣчиво поглядывая на стоящій передъ ними графинъ.

Между тѣмъ въ театрѣ шла и отошла вторая пьеса. Публика хохотала, хлопала, вызывала.

Оркестръ сыгралъ двѣ-три польки, занавѣсъ поднялся, и передъ глазами зрителей явилась внутренность *salon pour la soupe de cheveux* Впдаля, и самъ поклонникъ филокоминъ въ черномъ фракѣ, *pantalou colant*, башмакахъ, съ раскаленными щипцами въ рукѣ и готовымъ комплиментомъ на устахъ. Пьеска идетъ очень удачно. Она оканчивается миниатюрнымъ баломъ, на которомъ вы видите четыре типа дансеровъ Французскаго цинизма, Нѣмецкой наввности, полу-Русской чопорности и чисто-Русской недоученой веселости.

Театръ кончился. На крыльцѣ толпа. Отвсюду подаются экипажи, и въ разныхъ направленіяхъ развозятъ полу-сонную публику. Группы пѣшеходовъ завершаютъ процессію.

— Поѣдемъ слушать цыганъ, сказалъ гулливый помѣщикъ высокому гусару съ рыжими усами, который въ раздумьи стоялъ на подъѣздѣ, считая, что слишкомъ было бы рано отправиться домой.

— Прекрасная идея! гдѣ они сегодня?

— У Веренинова. Эй, извозчикъ!

— Да вотъ, я думаю, и Петръ Васильичъ не прочь будетъ отъ нашей компаніи.

Слова эти относились къ низенькому старичку съ смѣющейся

физиономіей, который въ это время заносилъ ногу въ дрожки, съ благочестивымъ намѣреніемъ ѣхать домой.

— Нѣтъ, ужь поздно. Притомъ же жена нездорова, сказала онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Э, полно, что за отговорки, такъ ли въ старые годы жилали! Ну, вдемъ что ли, дружище!

Старичекъ, убежденный доводами усатаго Демосеена, какъ будто нехотя согласился, и отправился вслѣдъ за гусаромъ и помѣщикомъ, рассчитывая, между тѣмъ, что женѣ можно будетъ сказать, что театръ прошелъ до разсвѣта, что это несосно, и что впередъ уже никогда не поѣдетъ.

Скоро дрожки нашихъ героевъ остановились передъ ярко-освѣщенной гостиницею. Друзья медленно вошли на крыльцо, небрежно отвѣтили на поклонъ буфетчика и лакеевъ, заглянули въ сосѣднюю залу, и поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Здѣсь почти никого не было изъ посѣтителей; только въ сторонѣ сидѣла группа цыганъ, пившихъ чай.

При видѣ этихъ смуглыхъ лицъ, усы гусара конвульсивно подернулись, помѣщикъ съ какою-то отвагою забросилъ назадъ свои кудри, глаза старичка покрылись масломъ.

— Наташа, Маша, Любаша! вскричалъ гусаръ, вглядываясь поочередно въ лица смуглянокъ; вотъ, чортъ возьми, славная встрѣча. Недѣлю назадъ слушалъ я васъ въ Москвѣ, и теперь опять я съ вами. У меня какъ будто сердце чуяло. Ну, что жъ вы встали? Обнимите стараго вонна, прижмите его къ ретивому понъжиѣ, да спойте ему пѣсенку любимую, удалую. Эй, человекъ, шампанскаго дорогимъ пѣсельникамъ. Да чтобъ остановки не было. Весь погребъ сюда на сцену.

Цыганки окружили стараго кутилу, заговорили съ нимъ про Москву, про послѣднія гулянья, про вновь сложенные пѣсни.

— А что же Стеши не видно, моей милой Стеши?

— Она больна, осталась въ Москвѣ.

— Эхъ, жаль. Вотъ дѣвушка, прелесть, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, — что глаза, что ротъ! а голосъ.... у! да что и говорить. — Ну-ка, потѣшите меня, какъ бывало въ старые годы, затяните веселую.

На верхъ взошли пѣсколько цыганъ, и весело покиснулись старому знакомому. Гитары настроены, стаканы налпты. Вотъ раздался звонкій голось Любашн, залплся, потонулъ въ какой-то безднѣ нѣги и огня, и потомъ снова, какъ стонъ сладострастія, вырвался наружу, хватая за сердце, повертывая его какъ игрушку; вотъ снова замеръ онъ, и изчезъ въ бакхическомъ аккордѣ хора. Какъ море бушуютъ звуки, неистово стараются покрыть другъ друга; никакого ритма, повиднмому, нѣтъ въ этомъ хаотическомъ хорѣ. Что ни нота, то крикъ, вздохъ, ропотъ, стenanіe. Гдѣ же тутъ музыка? Но отчего же вы такъ жадно прислушиваетесь къ этой бурѣ чувствъ, отчего же вы задерживаете дыханіе, боясь пропустить едва замѣтный звукъ переводимаго голоса, отчего каждый взрывъ этого волкана страсти находитъ родную струну въ вашемъ сердцѣ, и такъ мощно потрясаетъ ее? Тутъ говорить чувство свѣжее, неистраченное чувство, страсть; изношенная, разтерянная вами по пути безцвѣтной жизни, сама природа вѣщааетъ намъ здѣсь на своемъ понятномъ языкѣ, въ укоръ изысканности теорій, отуманивающихъ голову, изсушающихъ сердце, всегда готовое, при первомъ случаѣ, отозваться на знакомый, не забытый еще, голось чувства. Не разъ любовался я тобою, свободный, разгульный таборъ, не разъ восхищался выразительными лицами твоихъ дѣтей, ихъ огненнымъ, полнымъ нѣги взоромъ, стройнымъ, гибкимъ станомъ, вѣчно-беззаботною улыбкою на коралловыхъ устахъ твоихъ смуглыхъ красавиць.

Я люблю тебя, разгульная каста, люблю не какъ загадку для этнографа, не какъ отродье древнѣйшей изъ націй въ мірѣ, такъ чудно передавшей свой типъ своимъ потомкамъ черезъ цѣлыя тысячелѣтія. Я люблю тебя за твои пѣсни, за твои чудныя, страстныя пѣсни. Слушая ихъ, я забываю сухую, пошлую дѣйствительность, въ какомъ-то нѣмомъ восторгѣ я ловлю каждый звукъ этой бакхической музыки, — и трудно, тяжело оторваться отъ этой искусственной чаши. Прильнуль бы къ ней жадными устами, и до конца бы вппвалъ эту жгучую отраву.

Посмотрите на самыхъ пѣвцовъ: — съ какимъ чувствомъ, съ

какою энергією они поють каждую пѣсню. Взгляните на эту гордую осанку, на этотъ пламенный взоръ, на эти свободныя движенія, представляющія часто самый смѣлый гроттескъ, тѣмъ болѣе привлекательный, что онъ совершенно натураленъ: онъ есть отраженіе души, предающейсѣ чарующему восторгу.

Помѣщикъ забылъ объ агрономіи и хозяйственныхъ расчетахъ, и щедрою рукою вынималъ изъ бумажника кредитныя билеты. Онъ жадно затягивался поданною ему трубкой, и, пуская кольца дыма, старался надѣвать ихъ на стоявшій передъ нимъ стаканъ шампанскаго.

Старичекъ взиралъ на дщерей Азіи какъ на запрещенный плодъ. Онъ поминутно улыбался, барабанялъ пальцами по столу, и дѣлалъ въ умъ какія-то невыгодныя для своей супружки сравненія.

Гусаръ оперся на обѣ руки, и пристально глядѣлъ на разгульную группу. Лицо его горѣло отъ восхищенія; на усахъ, какъ два брилліанта, блестяли капли рѣдерера.

Уже все приняло въ его глазахъ какой-то фантастическій характеръ; всѣ предметы окрасились волшебнымъ розовымъ цвѣтомъ. Очаровательное пѣніе, огненные взоры красавицъ, ихъ сладострастныя движенія, упоительный жаръ, разлитой въ жилахъ жгучими струями рѣдерера, все это слылось для него въ какой-то чудный, обольстительный рядъ непрерывныхъ восторговъ. Какъ будто эти облака дыма, эта атмосфера, полная какого-то бакхическаго зноя, совсѣмъ скрыли отъ него бѣдную землю съ ея несчастіями, неудобствами и лишеніями и вѣчно одинакою, пошлою фізіономіей. Онъ забылъ объ этой скупой планетѣ, которая даетъ человѣку наслажденія по капль, записывая каждую изъ нихъ на длинный счетъ его благосостоянія и репутаціи, и выговаривая, за-одно съ неумолимою смертію, страшные проценты съ расточительнаго субъекта; онъ парилъ теперь въ какое-то надземное царство вѣчной нѣги и наслажденія; цѣлое море упоенія представлялось его жаднымъ взорамъ, и онъ въ изступленіи глоталъ его жгучія волны.

The moment night with dusky mantle covers
The skies (and the more duskily the better).

Byron.

Оставимъ нашихъ пріятелей въ этомъ чаду восторга, вырвемся изъ знойной сферы наслажденія и спокойнымъ окомъ пытливаго наблюдателя взглянемъ на все пространство ярмарки съ ея многообразными принадлежностями.

Звѣзды уже потухаютъ на небѣ, свѣжій вѣтерокъ возвѣщаетъ утро; огни постепенно гаснутъ въ окнахъ гостинницъ и домовъ. Все стихаетъ. Изрѣдка только запоздалый полусонный извозчикъ проѣдетъ по улицѣ, и стукъ его дрожекъ глухо отдается между каменными рядами лавокъ, какъ будто въ укоръ гулливому человечеству, превращающему ночь въ день, а день въ ночь, и заставляющему, вмѣстѣ съ собою, насиловать природу бѣдную лошадь, непремѣнное условіе своихъ гедоническихъ экскурсій. За то, съ какими негодованіемъ смотрятъ, я думаю, потомки пегасовъ и букефаловъ на преуспѣяніе меркантильности, и только изобрѣтеніе Фультона, избавившее тысячи изъ ихъ собратій отъ непрерывнаго головокруженія, примиряетъ ихъ съ плодами цивилизаціи.

Въ лавкахъ въ это время, уже огни погашены, и тысячи торговцевъ, отъ миллионера до мелочнаго разнощика, покоятся крѣпкимъ сномъ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ.

Что витааетъ надъ головами вашими въ эти минуты краткаго покоя, многочисленные представители Русскаго промышленнаго сословія? Не рисуетъ ли вамъ фантазія картинъ всѣхъ странъ, щедро напоившихъ своими произведеніями полки вашихъ лавокъ? Не слышится ли кому-нибудь изъ васъ ревъ ствернаго медвѣдя, сердито vzdымающаго глыбу пушистаго снѣга у входа въ свою берлогу? Налитыми кровью глазами, онъ смотритъ на шкуры своихъ братьевъ, подруги своей угрюмой жизни, превратившіяся въ щегольскую шубу, и жалобно раздается ревъ его у одинокой берлоги. Не представляется ли кому-нибудь изъ васъ картина далекаго моря? Кроткій тюлень выставляетъ грустное лицо поверхъ плывущей льдины,

разсѣянно смотритъ въ даль, и напрасно щетъ любимаго товарища. Давно уже не встрѣчалъ онъ его въ синемъ лонѣ холднаго, равнодушнаго моря, и на вопросы его, трущіяся другъ о друга льдины въцаютъ о неизмѣнномъ законѣ прехожденія. Какъ страшныя орудія пытки, представляются ему ряды ящиковъ, на которыхъ растянута истерзанная кожа милыхъ его сердцу. Онъ блестятъ, ерошатся между рядами гвоздей, неумолно приковавшихъ ихъ къ произведенію чело-вѣческой прихоти, и часто, часто вспоминаютъ о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ на днѣ океана. Долго смотритъ одинокій тюлень на синѣющія у горизонта волны, слезы катятся у него изъ глазъ, и съ стукомъ падаютъ на обледѣвшую грудь. Чтò ему за дѣло, что члены его семьи, друзья его дѣтства согрѣваютъ желудки тысячей людей, что они необходимы спутники вѣдущаго всѣми путями чело-вѣчества, чтò ему эти почести, эта важная роль, которую они играютъ? Теперь онъ не встрѣтитъ знакомаго лица, все перемѣнилось, порода ихъ обмельла тѣломъ и духомъ, и грустно ему, глядя на свои сѣдины, вспомнить, что у него не будетъ потомства. Слезы сыплются изъ глазъ несчастнаго старца, и затѣйливо кристаллизуются на матовомъ фонѣ снѣга. Но, вотъ, поверхность земли раскрывается; вы спускаетесь въ ея пѣдра. Мрачные своды пересѣкаютъ тамъ другъ друга; влажный, удушливый газъ скопляется въ этихъ вмѣстилищахъ. Норы глистовъ, червей и боящихся днѣ четвероногихъ пронизали пласты глины и чернозема. Быстрые ручьи льются въ разныхъ направленіяхъ по скрытымъ ложамъ, съ шумомъ впадаютъ въ рѣки и озера, закованныя въ гранитныя массы, и подь-часъ, въ видѣ фонтановъ, выбиваются на свѣтъ Божій, гдѣ, журча и играя при лучахъ яркаго солнца, текутъ по мягкому лугу. Сладострастно обнимаютъ они зеленые стебельки цвѣтовъ, попадающихся на пути, и рѣзво прыгаютъ по разноцвѣтнымъ ступенямъ каменистаго русла. А вотъ, тянется длинная жила руды, цѣпкими клещами захватившей громадная подземныя пространства. Она какъ будто боится жадности чело-вѣка; она предвидитъ, что ее скоро оторвутъ отъ роднаго, десятками

вѣковъ укатаннаго ложа, перекують, переплавятъ, наложатъ на нее клеймо прихоти и тщеславія, и въ какой-то непонятной, причудливой формѣ, выставятъ на показъ холодно псы-тующему взору практически-настроеннаго человѣчества.

Тускло блеститъ алмазь на темномъ днѣ подземной глубины. Онъ одѣтъ въ плотную кору, нѣжится въ уютномъ уголкѣ, доставшемся ему при довременномъ переворотѣ земнаго шара, когда горы, падая и раздавливая горы, открывали цѣлыя моря подъ земною толщею, и когда неизмѣримые волканы, раскаливъ нашу планету, изорвали, изтерзали ее, погнавши воды на горы, на мѣсть безднѣ взгромоздили Эльбрусы, Давамагирн и Шимборазо, и, преобразовавъ всю поверхность земную, загадали трудную загадку геологу просвѣщеннаго вѣка, который тщетно вглядывается въ вѣковыя раны страждущей планеты, и отыскиваетъ причину ея необъяснимой болѣзни. Но и тебя достануть, блестящая слезка чувствительной нѣкогда земли, разколотъ твою теплую одежду, обѣкутъ все, что напоминаетъ тебѣ твою безвѣстную жизнь, и заковавъ въ золотыя цѣпи, поведутъ къ алтарю роскоши и барыша. И вотъ, ты вдѣлана въ блестящій фермуаръ. Въмѣстѣ съ вереницею крупныхъ жемчужинъ, поднятыхъ на днѣ океана, ты связана въ одно богатое ожерелье. Вы лежите на бѣлой, какъ мраморъ, обольстительной, какъ взглядъ непритворной любви, шеѣ красавицы. Тысяча взоровъ устремлены на васъ, дѣти подземнаго царства, тысяча взоровъ какъ будто волшебствомъ прикованы къ вамъ. Но не обольщайтесь—не вы причины общаго восторга, не вы магнитный полюсъ для способной чувствовать касты человѣчества. Не ослѣпительные переливы твоихъ призматическихъ огней, бѣдный алмазь, не матовая, розовая бѣлизна драгоцѣнныхъ перловъ заставляютъ такъ прогрессивно биться еще юныя, свѣжія сердца не отжившаго поколѣнія людей. Роскошныя формы воздымающейся отъ полноты чувствъ груди, нѣжно-голубые контуры античной шеи, огненный взглядъ, брошенный будто на удачу изъ-подъ темныхъ ресницъ—вотъ что влечетъ всѣхъ къ вамъ, богатыя рамы прелестной картинны, тѣмъ рѣзче выдающейся красоты свои, чѣмъ

болѣе вы стараетесь своимъ бездушнымъ оптическимъ блескомъ затмить искру разгорающагося подъ тугниъ корсетомъ этикета и приличій, чувства. И всѣ царства природы, всѣ края пространной земли пивіють здѣсь своихъ представителей, породы людей всѣхъ цвѣтовъ и типовъ, различествуя въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ религіозныхъ и политическихъ, съ одинаковымъ рвеніемъ служатъ идеѣ прибыли, признають ее, эту идею, за одинъ изъ могучихъ двигателей человѣческой дѣятельности, и отсюду несутъ разнообразныя произведенія къ многочисленнымъ фокусамъ эллиптически-растяжимаго торговаго міра.

Извозчики—необходимое условіе вашихъ поѣздокъ на ярмарку, если у васъ нѣтъ своего крѣпкаго экипажа и здоровыхъ лошадей. Если ваша карета или дрожки покрылись почтенными сѣдинами, если ваши лошади стали задумываться и размышлять о суетѣ мірской, то не прерывайте ихъ благочестивыхъ думъ, а берите извозчика. Извозчики очень гуманны на ярмаркѣ. Изъ города до ярмарочнаго театра, за пролетки, вы заплатите четвертакъ, очень покойно проѣдете по шоссе, идущему вдоль нижняго базара, потомъ по длинному мосту, изрѣдка вздрагивающему подъ ударами тысячей ногъ, копытъ и лапъ, въ обуви всѣхъ сортовъ и безъ оной, подъ колесами, смазанными мазью, саломъ, дегтемъ и пылью, и, вслѣдъ за тѣмъ, вы очутитесь на ярмаркѣ, между рядами лавокъ, обозовъ, толпами продавцовъ и покупателей.

Преусиживаніе человѣческой мудрости, желаніе сблизить людей другъ съ другомъ, развить общественность (я не хочу подозревать другой цѣли), породили въ Нижнемъ, на время ярмарки, омнибусы. Это родъ крытой линейки, запряженной четырьмя лошадьми съ кондукторомъ, вооруженнымъ громгласною трубой. На задней сторонѣ этого omnibus доступнаго экипажа, въ оправданіе его названія, вы видите надпись: цѣна 10 коп. сер. Десять копѣекъ изъ города на ярмарку, или обратно! Да это, просто, даромъ! Вы садитесь, и что же? Возьмъ васъ хорошенькое существо въ образѣ гризетки, съ кар-

тономъ, въ которомъ, вѣрно, шляпка или чепчикъ. Но дѣло не въ картонѣ. На дворѣ вѣтрено. Вслѣдствіе этого, платокъ, покрывающій шейку хорошенькаго существа, развѣвается по воздуху; шейка становится виднѣе. Существо поправитъ платочикъ, но такъ, что новалъ часть шейки предстанетъ любопытнымъ взорамъ. Въ это время на дорогѣ неровность. Омнибусъ безъ рессоръ, потому толчокъ довольно чувствителенъ. Въ испугѣ, хорошенькое существо хватаетъ васъ за руку. Въ предупрежденіе подобныхъ несчастій, вы подвигаетесь ближе къ картону, поддерживаете его рукою. Подъ картономъ рука ваша встрѣчаетъ ручку, ненарочно жметъ ее. Вслѣдъ за этимъ, новый толчокъ, новое пожатіе рукъ. Совершенно растерявшись, вы произносите какое-то нескромное слово. Вамъ отвѣчаютъ молчаніемъ, потомъ фразою: «какъ можно!», произнесенною нетвердымъ голосомъ. Вы остаетесь довольными. Достигнувъ цѣли путешествія, вы выходите, и идете вслѣдъ за картономъ, боясь за участь шляпки или чепчика, претерпѣвшихъ столько толчковъ и возбуждившихъ тѣмъ ваше состраданіе.

Между тѣмъ, пока вы играли роль защитника слабыхъ, вокругъ васъ происходили маленькія драмы и водевили житейскія. Тутъ жена бранила шопотомъ, переходившимъ часто въ крикъ, своего мужа за мотовство, состоявшее въ ежедневномъ посѣщеніи трактира, гдѣ онъ игралъ на бильярдѣ на пиво. Тутъ грозный мужъ обещался поколотить какого-то франта за то, что сей послѣдній совершенно нечаянно, какъ увѣряла жена, попалъ къ ней въ спальню, ошибаясь дверью. Тутъ восхищались нѣкоторые, выторговавъ у купца, сверхъ чаянія, полтинникъ; другіе вздыхали, потому что истратили больше, чѣмъ ожидали. А омнибусъ все это время ѣхалъ, не обращая вниманія на разнородные интересы своихъ пассажировъ, и кондукторъ, завидя задыхающагося отъ жара пѣшехода, гостеприимно манилъ его подъ сѣнь этого ковчега, плывшаго по сыпучимъ волнамъ всюду-проникающей пыли. Но пѣшеходъ, вслѣдствіе какихъ-то экономическихъ соображеній, махалъ отрицательно рукою, и съ сожалѣніемъ глядѣлъ на удаляющуюся доску съ надписью: цѣна 10 коп. сер.

Самолюбіе есть одна изъ господствующихъ страстей въ человѣкѣ. Будь онъ богатъ или бѣденъ, хорошъ или дурень, счастливъ, или несчастливъ, самолюбіе привьется къ нему, овладѣетъ имъ, и всегда выразится ясно, наглядно, сообразно съ его положеніемъ въ обществѣ. Намъ недовольно того, что мы неразлучны съ своимъ я, что мы во всякомъ зеркалѣ, во всякомъ катоптрическомъ тѣлѣ, видимъ свою фizioномію, иногда, правду сказать, очень не красивую, — нѣтъ, мы желаемъ имѣть повтореніе той же фizioноміи на стѣнѣ, на письменномъ столѣ, въ медальонѣ, въ браслетѣ etc. И въ этомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, самолюбіе проявляется сообразно съ общественнымъ положеніемъ человѣка. Деспотъ восточный выливаетъ свой образъ изъ золота и мѣди, въ громадномъ размѣрѣ, въ угрожающей позѣ для строптивыхъ подданныхъ. Левъ нашего вѣка принимаетъ самый байроническій видъ, лишь только упадетъ на него копирующій взглядъ живописца. Воинъ, съ особою отвагою, опирается на свою саблю, и грозно смотритъ на анти-марціальную половину человеческого рода. Франтъ долго приглаживаетъ волосы, и поправляетъ складки новаго жилета. Педантъ принимаетъ глубокомысленную фizioномію, какъ будто рѣшаетъ судьбу Европы. Кутило ex professo держитъ папирску, и допиваетъ стаканъ шампанскаго. Сентиментальная дѣвица непремѣнно съ птичкой, цвѣточкомъ, или развернутымъ письмомъ, молодая вдова съ ищущимъ кого-то взоромъ. Всякій выражаетъ свою любимую привычку, свою *idée fixe*, считая ее непогрѣшительною.

Но самолюбіе, проявляющееся въ желаніи имѣть свой портретъ, бываетъ двухъ родовъ: первое, когда мы снимаемъ его для себя, для того, чтобы постоянно любоваться своею фizioноміей; это признакъ грубаго самолюбія, черта неразвитаго ума; второе, когда мы снимаемъ портретъ для другихъ — шагъ впередъ на пути образованности. Наконецъ, когда мы желаемъ имѣть передъ собою милый образъ, хотя въ слабомъ оттискѣ той одушевленной красоты, которая присуща ему въ натурѣ, когда цѣль наша состоитъ въ забвеніи всѣхъ порочныхъ склон-

ностей при созерцаніи прелестнаго облика, самолюбіе исчезаетъ, и дѣятельная объективная любовь заступаетъ мѣсто холоднаго любопытства и тщеславія.

На двухъ концахъ моста, перекинутаго черезъ каналъ, стоятъ два балагана съ вывѣсками: Дагерротипные портреты. Одинъ изъ нихъ Пейхеца, а другой Александровскаго. При входѣ въ комнату дагерротиписта, вы увидите десятки портретовъ разныхъ величинъ и форматовъ; каждый изъ нихъ такъ отчетливъ, такъ точно-индивидуаленъ, что смотришь съ удовольствіемъ на незнакомую и часто безобразную фізіономію, какъ будто чародѣйствомъ перенесенную на эту блестящую пластинку.

Если вы желаете имѣть удачный, со вкусомъ снятый портретъ, то ступайте къ г. Пейхену. Онъ посадитъ васъ подъ открытымъ небомъ у хорошенькаго столика, дастъ вамъ, по возможности, граціозную позу, если вы отъ природы не любите харить, нѣсколько секундъ велитъ вамъ смотретьъ на одну точку, и потомъ скажетъ вамъ, что портретъ готовъ. Вы съ любопытствомъ подойдете къ досчечкѣ, которую онъ вамъ покажетъ, подвергнувъ ее прежде какому-то химическому процессу. На другой день вы берете портретъ, дарите его.... ну кому бы то ни было, и получаете въ награду поцѣлуй, или, можетъ быть, нѣчто лучшее.

CONCLUSIO.

I non mean to be serious;—it is time.

Don Juan, cante XIII.

Ярмарочный гостинный дворъ выстроенъ чрезвычайно регулярно. Главная часть его расположена въ видѣ прямыхъ корпусовъ, идущихъ отъ главнаго дома къ собору, и пересѣкаемыхъ проулками. Со стороны собора, онъ замыкается китайскими лавками, выстроенными во вкусъ утвердившейся на срединѣ націи, а съ противоположной стороны поперечнымъ кор-

пусомъ, образующимъ съ главнымъ домомъ пространную площадь. Ряды сундучный, москательный, винные балаганы—деревянные.

Любимое мѣсто прогулокъ ярмарочной публики есть модный рядъ, занимающій средину между другимп. Здѣсь по улицѣ устроенъ бульваръ, убитый щебнемъ и обсаженный кустарниками. Зеленя лавочки, стоящія по обѣимъ сторонамъ, служатъ для отдохновенія гуляющимъ.

И чего, чего нѣтъ въ этомъ модномъ ряду! Сколько соблазновъ для любящихъ рядиться кавалеровъ и таковыхъ же дамъ! Все, начиная отъ дорогихъ фермуаровъ, браслетовъ, французскихъ шелковыхъ матерій, до ботинокъ, перчатокъ, шпилекъ, булавокъ, отъ великолѣпнаго бурнуса до граціозной куафюрки, отъ богатыхъ бронзовыхъ часовъ до часовъ маленькихъ, которые владѣтельница ихъ вѣшаетъ на шателенку, прищепленную къ упругому корсету; всѣ бездѣлушки для стола, статуэткы, препараты косметическіе — все это заставляетъ не рѣдко разбѣгаться хорошенькіе глазки, заставляетъ биться закованные въ корсетъ сердечки. Съ другой стороны, чудовищныя пальто всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, пестрые cache-peз, эксцентрическія фуражки, тросточки, плюши, казимиры, разнообразныя какъ кожа хамелеона, трико, картинкы и каррикатуркы, смертоносное оружіе, гибкіе бичи, лакированные и прюселевые сапоги, сапожки и ботинки, башмаки, туфли, пестрые какъ ярмарочная жизнь, широкіе и располагающіе къ нѣгѣ какъ стихъ Гафиза, халаты,—все это прельщаетъ другую половину ярмарочнаго населенія.

Нижегородская ярмарка, имѣвшая колыбелью страну востока и міръ монгольскій, по мѣрѣ движенія своего на западъ, болѣе и болѣе утрачивала азіатскій характеръ, усвоивая себѣ съ каждымъ годомъ видъ европейскаго торжища. За то теперь Персіане, Армяне, Бухарцы—гости, а не хозяева, не корифеи ярмарки и ея дѣятельности. Теперь восточный житель пріятно разнообразитъ своимъ костюмомъ торговую толпу, а не составляетъ основу этой меркательной картинкы, и баранья шапка, чалма, бѣлая войлочная шляпа на бритой головѣ

правовѣрнаго живописно мелькаютъ посреди шляпъ полярковыхъ черныхъ съ подхватомъ и безъ подхвата, съ лентами, павлиньими перьями, пряжками, и безъ этихъ атрибутовъ франтоватаго крестьянина, между шапками и картузами рабочего класса, мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ.

Попавши въ сердце Россіи, ярмарка должна была обрусть въ своихъ отправленіяхъ. Это замѣтно какъ въ ходѣ торговли, такъ и въ пріемахъ русскаго купческаго сословія. Съ одной стороны, мѣна товара на товаръ, характеризующая торговлю азіатскую, и доказывающая вообще неразвитость меркантильныхъ началъ, уступила мѣсто покупкѣ на чистыя деньги и въ кредитъ, съ другой стороны, не осталось и слѣдовъ той лѣни, той неподвижности, которая не покидаетъ восточнаго кунца даже среди его торговыхъ занятій. Ее замѣнило русское проворство, русская готовность угодить, услужить, пріобрѣсти побольше покупателей. Эта наклонность, проистекающая, можетъ быть изъ славянской добродѣтели—гостепріимства, выражается въ привычкѣ *зазывать, закликать* покупателей, исчисляя передъ ними всѣ товары, наполняющіе ту или другую лавку. Но хорошо еще, если вы найдете въ рекомендуемой лавкѣ все, что назвалъ вамъ сей-часъ закликало, увѣряя, что у нихъ все гораздо дешевле и лучше, чѣмъ у другихъ. А то бываетъ и такъ, что многое высчитывается номинально, по старой памяти, по рутинѣ,—и если вы, услышавши, что тутъ есть самый лучший гроденапль, войдете въ лавку, и спросите гроденаплю, вамъ отвѣтятъ ни сколько не смѣшавшись: «гроденаплю никакъ нѣтъ-съ; сей-часъ былъ, но весь купленъ; впрочемъ есть очень хорошій атласъ; онъ будетъ прочнѣе и наряднѣе.» За этимъ слѣдуютъ доказательства, что вамъ гораздо лучше купить атласу. Что дѣйствительно не корыстолюбіе, не одно желаніе прибыли, заставляетъ иныхъ нуницовъ такъ настойчиво просить въ свою лавку, доказывается тѣмъ, что, если вы очень торгуетесь, то вамъ уступаютъ вещь не рѣдко за свою цѣну, лишь бы не отпустить васъ съ пустыми руками, а иногда идутъ за чѣмъ-нибудь за полверсты, въ другую лавку, желая непременно продать вамъ у

себя. Въ этомъ, какъ-будто, заключается *point d'honneur* нашего купечества. Конечно, эта черта сохранилась только между купечествомъ чисто-русскимъ по правамъ и образованию; какъ всякій обычай, усвоенный большинствомъ, конечно и она разумна, и, можетъ быть, относительно необходима. Между тѣмъ, влияніе западной цивилизаціи произвело то, что привычка зазывать мало по малу оставляется, и можно думать, что наши купцы скоро найдутъ въ своихъ приемахъ золотую средину, избѣгнувъ двухъ крайностей — угрюмости и флегматизма Англичаиъ и прежней излпшней наклонности къ услужливости.

Вотъ, любезный читатель, физиологическій очеркъ Нижегородской ярмарки, которымъ я хотѣлъ познакомить тебя съ ея различными сторонами. Цель моя была показать, что наша ярмарка, кромѣ важности торгово экономической, представляетъ интересъ вообще для наблюдательнаго ума, и удовлетворяетъ, по возможности, ищущаго разнообразныхъ впечатлѣній человека. Для собственнаго убѣжденія, прїѣзжай на ярмарку, взгляди въ нее окомъ безпристрастія, и если ты не согласишься со мною, то, значить, я ошибся.

Въ свое извиненіе скажу тогда, во-первыхъ:

Errare humanum est,

во-вторыхъ:

Dulce est desipere in loco.

СЦЕНЫ ИЗЪ МЕХИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1811 ГОДА.

Солдаты Курено (*).

Дорога отъ Гвадалахара до Тепиха идетъ черезъ Сьерру Мадре. Тамъ, въ этой цѣпи каменистыхъ горъ, то высоко поднимающихся свои острые верхи, то раздѣляющихся узкими шероховатыми ущеліями, остались неизгладимые слѣды послѣдней войны Мехиканцевъ съ Испанцами. Я нетерпѣливо желалъ видѣть эту любопытную часть Мехики; товарищъ мой, капитанъ Донъ-Руперто, спѣшилъ не меньше моего къ этимъ мѣстамъ, гдѣ, въ молодости, онъ провелъ столько дней и столько ночей, обильныхъ приключеніями. Несмотря на то, не прежде какъ послѣ двухъдневнаго путешествія отъ деревни Агдахатланъ, при выѣздѣ изъ долины Санта-Изабела, увидѣли мы голубоватыя вершины Кордильероу, рисующіяся на горизонтѣ, какъ зубчатые городки кружева. Съ этой минуты мы ускорили бѣгъ нашихъ коней, и черезъ нѣсколько часовъ ѣзды, по дорогѣ, извивающейся между огромными деревьями, достигли наконецъ бамбуковой хижины, которая стояла не вдалекѣ отъ горъ, и которую капитанъ Руперто заранѣе назначилъ мѣстомъ нашего отдыха.

— Гей! Курено! — закричалъ онъ, останавливая свою лошадь передъ хижиной; — живъ ли ты?

— Кто тамъ! — спросилъ какой-то разбитый, дребезжащій голосъ изъ хижины.

— Я, капитанъ Кастанось, *con mil diabolis!* — отвѣчалъ капитанъ, — тотъ, кто приставлялъ фитиль къ пушкѣ, подъ которой ты былъ лафетомъ.

(*) Курено значитъ пушечный лафетъ. Солдаты Курено — то же, что солдаты-лафетъ.

Страшная фигура показалась на порогъ хижины. Это былъ старикъ, изуродованный ужаснѣйшимъ образомъ, у котораго всѣ спинныя кости, казалось, были вывихнуты и переломаны. Несчастнѣйшій шелъ согнувшись въ дугу. Лицо его, изуренное старостью и страданіями, сохранило, однакожъ, въ своихъ чертахъ такое выраженіе благородства и гордости, которое поразило меня. Длинныя пряди сѣдыхъ волосъ падали въ беспорядкѣ на его мускулистый лобъ, низко пригнутый къ землѣ, и изрытый глубокими морщинами. На обнаженныхъ рукахъ его были видны толстыя жилы, очень похожія на вѣтви плюща, обвиняющаго могучій дубъ. При взглядѣ на этого чуднаго старика, на его суровое лицо, вполонину закрытое космами волосъ, точно гривой, казалось, что видишь стараго льва, изувѣченнаго, во время своей силы и молодости, пулями охотниковъ.

— Ну, слава Богу! мой храбрый Курено, — сказалъ капитанъ, — я очень радъ, что вижу въ живыхъ тебя, обломка прежнихъ нашихъ временъ.

— Да, — отвѣчалъ Курено, — поколѣніе наше исчезаетъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и нигдѣ не увидятъ старыхъ солдатъ Мексики.

— А Гуанахуатена здѣсь?

— Нѣтъ, я одинъ, — отвѣчалъ Курено. — Вотъ ужъ годъ, какъ спитъ тамъ; — и онъ показалъ на тамагиндовое дерево, стоящее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины.

— Миръ праху ея! — сказалъ капитанъ. — Но надобно правду сказать, мой храбрый товарищъ, что тебя плохо наградили за твои заслуги.

— Чего же мнѣ больше, — отвѣчалъ солдатъ простодушно и безъ всякаго неудовольствія; — у меня есть кусокъ земли, очень достаточный для моей жизни, и слишкомъ достаточный для могилы. Развѣ мы ломали кости свои изъ какой-нибудь награды? Потомство вспомнить про Курено — и будетъ съ меня.

Слова капитана Руперто и стараго солдата дали мнѣ понять, что я вижу передъ собой одного изъ тѣхъ людей, ко-

торыхъ судьба, несмотря на всѣ ихъ жертвы и подвиги, обрѣкла забвенію. Но кто былъ этотъ герой, въ чемъ состояли его заслуги — этого я не зналъ еще. Мы вошли въ хижину, и тамъ я былъ свидѣтелемъ разговора почти совершенно для меня непонятнаго. Собесѣдники говорили только объ Испанской войнѣ, въ которой они участвовали; напоминали другъ другу событія, очень хорошо извѣстныя имъ, но нисколько не извѣстныя мнѣ. Черезъ полчаса, однакожь, капитанъ Руперто долженъ былъ разстаться съ своимъ старымъ товарищемъ, потому что до *венты* (*), стоящей у подножія Сіерры-Мадре, гдѣ былъ назначенъ нашъ ночлегъ, оставалось еще далеко.

— У васъ славная лошадь, — сказалъ мнѣ нашъ хозяинъ въ то время, когда я сталъ садиться на нее.

Лошадь, при видѣ уродливой скорченной фигуры старика, который, приближался къ ней, скорѣе ползъ, чѣмъ шель, испугалась и хотѣла стать на дыбы; но въ ту же минуту Курено протянулъ къ ней руку, и она стала, какъ вкопаная. Между тѣмъ нога моя была ужъ въ стрѣмъ, и мнѣ не видно было, черезъ шею лошади, что такое согнувшійся Курено сдѣлалъ съ ней.

— Что это значитъ? — спросилъ я, удивленный такимъ внезапнымъ ея спокойствіемъ.

— Ничего, — отвѣчалъ чудакъ; — садитесь, я держу вашу лошадь. — Когда я сѣлъ, я увидѣлъ, что Курено держалъ, въ своемъ жилистомъ кулакѣ, переднюю ногу моей лошади такъ крѣпко, какъ будто она была прикована къ землѣ.

— Прикажете пустить? — спросилъ богатырь, смѣясь.

— Сдѣлай одолженіе; — отвѣчалъ я этому Милону Кротонскому; — иначе лошадь моя никогда у тебя не вырвется.

Освободившись изъ этихъ тисковъ, испуганное животное со всѣхъ ногъ бросилось всторону, и мнѣ стоило большаго труда снова подѣхать къ хижинѣ.

(*) Постоялый дворъ, гостиница.

— Увы! — сказал старикъ со вздохомъ, — послѣ одного пушечнаго выстрѣла, сдѣланнаго вотъ этимъ господиномъ капитаномъ, Дономъ Руперто, я съ каждымъ днемъ слабѣю.

— Что же ты былъ во время твоей молодости, спиборъ-Курено? — сказалъ я.

— Кастроносъ когда-нибудь вамъ расскажетъ, — отвѣчалъ старый солдатъ, который отпустилъ насъ не прежде, какъ взявъ съ капитана обѣщаніе захватить къ нему на цѣлый день, на возвратномъ пути.

Оставивъ этого чуднаго пустыянника, мы продолжали нашъ путь по направленію къ Сіерра-Мадре. Ея вершинны, ея каменныя скалы, ея вострыя пики все яснѣе и яснѣе возникали изъ тумановъ съ своими обнаженными боками, съ своими извилистыми тропинками, съ своими зілющими безднами. Скоро мы въѣхали подѣ мрачную тѣнь огромныхъ скалъ, совершенно заслонившихъ отъ насъ солнце, между тѣмъ какъ позади насъ, послѣдніе лучи его ярко догарами на вершинахъ Текпльи. Тутъ капитанъ указалъ мнѣ вдаль, на одномъ отлогомъ уступѣ Сіерры, ниже котораго лѣниво тянулись тяжелыя массы облаковъ, небольшое квадратное строеніе. Это строеніе, составлявшее родъ маленькой, уединенной крѣпостцы, въ казавшееся на такой высотѣ аэролитомъ, упавшимъ туда съ неба, была *вента*, мѣсто нашего ночлега.

У подошвы горъ мы остановились, чтобы дать лошадямъ маленькій отдыхъ, передъ труднымъ путемъ по горнымъ тропинкамъ, въ который пустились наконецъ при невѣрномъ свѣтѣ сумерекъ. Мы надѣялись на луну, и луна дѣйствительно не измѣнила намъ. Она озарила своимъ блѣднымъ сіяніемъ узкую тропинку, по которой пробирались мы, и которая, прихотливо извиваясь то вокругъ подножія голой скалы, то надъ обрывомъ глубокой пропасти, постоянно вела однакоже къ *вентѣ*. Черезъ два часа утомительнаго пути, мы достигли наконецъ площадки, на которой стояла *вента*, и которая издали казалась очень узенькой, но въ сущности составляла обширную площадь, опоясанную цѣпью горныхъ вершинъ. Что касается до самой *венты*, это была, какъ и

всѣ Мехиканскія *венты*, бѣлый домикъ, съ красной, черепичной кровлей и съ колонадой, образующей перистиль. Онъ стоялъ на самомъ краю площадки, и изъ него была видна вся дорога, по которой мы ѣхали, и такой обширный ландшафтъ, какой только можетъ обнять взоръ орла, плавающего подъ облаками.

Прежде насъ пріѣхали въ эту гостиницу погонщики муловъ; расположившись около нея становищемъ, они разложили огни, и ихъ спутанные мулы жевали свой кормъ, заданный имъ на ночь. Подъ портикомъ *венты* спали, на голомъ полу, съ дюжину Индійцевъ, подлѣ каретнаго кузова, снятаго съ дрогъ. Только такимъ образомъ, на рукахъ носильщиковъ, можно перетащить карету черезъ Сьерру-Мадре.

Этотъ кузовъ и эти Индійцы давали намъ знать, что въ *вентъ* есть еще путешественники; и въ самомъ дѣлѣ это былъ одинъ изъ Индѣйскихъ депутатовъ, присутствовавшихъ на Мехиканскомъ конгрессѣ, возвращавшійся, съ своимъ семействомъ, изъ Тепиха, куда мы съ капитаномъ отправлялись.

Между тѣмъ какъ капитанъ Руперто отправился заказывать ужинъ, я сѣлъ на балконъ гостиницы, откуда взоръ свободно могъ проникать въ ущелія Сьерры. Луна озаряла мрачныя углубленія, изъ которыхъ тихо поднимался вечерній туманъ. Повсюду виднѣлись массы горъ, взгроможденныя одна на другую, скалы, разбѣвшіяся и раздвинутыя какъ будто силой подземныхъ вулкановъ, которые угасли впоследствии; а далѣе, взоръ терялся въ длинныхъ равнинахъ, по которымъ тянулись безконечные отроги низкихъ уступовъ Сьерры. Только возвращеніе капитана, объявившаго, что ужинъ готовъ, могло меня отвлечь отъ созерцанія этой чудной перспективы. Съѣлавъ сытному ужину гостиницы всю должную честь, какой только могъ ожидать онъ отъ проголодавшихся путешественниковъ, мы снова вышли насладиться свѣжимъ прекраснымъ вечеромъ. Капитанъ вывелъ меня на тропинку, заросшую густой травой, и вдругъ остановившись, указалъ пальцемъ на землю: у нашихъ ногъ лежала пушка, до половины вросшая въ землю собственной своей тяжестью.

Капитанъ сѣлъ на нее, и пригласилъ меня сдѣлать то же. Въ эту минуту чистое, синее небо было усыпано милліонами звѣздъ; въ воздухѣ разливалась самая пріятная прохлада; погонщики муловъ, расположившіеся около *венты*, пѣли, сидя передъ огнемъ, свои простые романсы; звонъ колокольчиковъ, навязанныхъ на шею муловъ, смѣшивался съ брячаньемъ гитары; всякій глухой, отдаленный шумъ, всякій далекій топотъ копытъ доносился до насъ тонкой струей вечерняго вѣтерка, и сторожевыя собаки *венты* отвѣчали на эти отдаленные звуки протяжнымъ лаемъ. Капитанъ привелъ меня въ этотъ часъ къ этой пушкѣ для того, какъ говорилъ онъ, что здѣсь казалось ему очень кстати разсказать мнѣ свои военныя походы. Я совершенно согласился съ нимъ, и онъ началъ разсказъ, который я слушалъ, не прерывая

I.

Горный уступъ.

Экспедиція Гидальго и его первыхъ военныхъ товарищей, — началъ капитанъ, — составляетъ, такъ сказать, первый періодъ Мехиканской народной войны. Послѣ того сцена совершенно измѣнилась: вмѣсто нестройныхъ массъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій выступило нѣсколько ротъ, хорошо сформированныхъ, которыя успѣли собраться въ самыхъ скрытныхъ убужищахъ горной мѣстности. Предводительствуя небольшимъ числомъ солдатъ опытныхъ, новые начальники Мехиканской войны не были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Гидальго и Алисидъ, цѣлымъ народонаселеніемъ. Они запретили грабить города и истреблять хлѣбъ въ поляхъ; не вѣлили прикасаться къ стадамъ; нисколько не мѣшали движенію торговли, — и все эти распоряженія скоро привлекли въ Мехиканскую армию богатыхъ хлѣбопашцевъ, купцовъ, владѣтелей обширныхъ фермъ. Послѣ ареста Гидальго, въ Баханъ, мѣсто его заступилъ Донъ Ингаціо Районъ, который, не смотря на то, что приготовлялся въ коллегіи Сантъ-Ильдефонсо больше къ службѣ гражданской, чѣмъ къ военной, скоро, однакоже,

успѣлъ стать высоко на своемъ новомъ поприщѣ. Армія его, къ которой присоединились еще партизаны Гидальго, успѣвшіе спастись отъ солдатъ Элизондо, и которая была расположена въ Сальтилль, состояла не больше какъ изъ четырехъ тысячъ человекъ. Но Донъ Игнаціо не колебался съ этой горстью людей открыть компанію. Прежде всего онъ рѣшился овладѣть Кахатехасомъ; а чтобъ достигнуть этого города, надобно было пройти полтора ста миль въ странѣ пустынной, безводной и населенной непріятелями. Между тѣмъ занять Кахатехасъ было необходимо для того, чтобъ сдѣлать этотъ важный пунктъ центромъ военныхъ дѣйствій. Эта трудная экспедиція, исполненная съ рѣдкой храбростью и искусствомъ, считается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ военныхъ подвиговъ генерала Района.

Я участвовалъ въ походѣ отъ Сальтилля до Кахатехаса. Мы выступили 26-го Марта 1811 года, и едва только оставили Сальтилль, какъ должны были начать стычки съ Испанскими *зверильясами*. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней *зверильясы* не давали намъ ни на минуту покоя. Наконецъ, въ Пинонскихъ ущеліяхъ, насъ остановила дивизія генерала Ока. Войска наши, утомленные четырехъ-дневнымъ переходомъ, начали отступать, и никакъ не устояли-бы передъ сильнымъ натискомъ непріятеля, еслибы не поспѣлъ во время одинъ изъ нашихъ начальниковъ, генералъ Торрець, который въ свою очередь ударилъ на Испанцевъ съ такимъ ожесточеніемъ, что они, вмѣстѣ съ нашими пушками и боевыми припасами, которыя было захватили, оставили на мѣстѣ до трехъ-сотъ человекъ убитыхъ. Къ несчастью, они успѣли проколоть наши мѣха и разбить наши бочки; вода вытекла изъ тѣхъ и другихъ, а намъ оставалось еще сдѣлать слишкомъ сто миль по пустынной степи, гдѣ не было ни колодезь, ни источникъ. Съ нами была толпа женщинъ. Каждый изъ насъ, сдѣлавшись солдатомъ вдругъ, по необходимости долженъ былъ вестъ съ собой и жену. Вы никакъ не можете вообразить, какія страшныя муки заставляла насъ терпѣть жажда, во время этого долгаго пути, подъ знойнымъ

солнцемъ, никогда ни заслоняемымъ облаками, и по раскаленной, песчаной землѣ, которая не освѣжается даже росой.

Недостатокъ воды въ нашемъ войскѣ не только заставилъ страдать людей и животныхъ, но даже сдѣлалъ для насъ бесполезными наши артиллерійскія орудія, на которыя мы надѣялись какъ на лучшую нашу опору. Послѣ двухъ, или трехъ выстрѣловъ, пушка такъ накалялась отъ знойнаго солнца, что ее невозможно ужъ было заряжать. И при всѣхъ этихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, при этомъ физическомъ изнуреніи, мы должны еще были выдерживать жаркія атаки Испанскихъ отрядовъ. Между тѣмъ энергія нашей арміи нисколько не ослабѣвала; наши женщины первыя подавали намъ примѣръ храбрости, и изъ числа ихъ имя Гуана Хуатены, спутницы пзубѣченнаго солдата, котораго вы видѣли вынче утромъ, на долго останется въ памяти. Она во многихъ случаяхъ помогала намъ своимъ пзобрѣтательнымъ воображеніемъ, и разъ, для того, чтобъ увеличить въ глазахъ Испанцевъ силы наши, выстроила всѣхъ своихъ подругъ во фронтъ, съ пушкою впереди. Обманутый этой военной хитростью, непріятель дѣйствительно уступилъ намъ очень выгодную позицію, господствующую надъ Какатехасомъ.

Блестательные успѣхи нашего оружія заставили наконецъ Испанцевъ прекратить эти безконечныя стычки, которыя столько беспокоили насъ вначалѣ похода. Послѣ дѣла, въ которомъ хитрость Гуанахуатены упрочила намъ побѣду, мы остановились на мѣстѣ, называющемся *Ласъ-Анимасъ*. Печальное зрѣлище представлялъ въ этотъ день нашъ лагерь. Томимые жаждой, изнуренные усталостью, мы лежали на землѣ, усыянной трупами нашихъ лошадей и выючныхъ муловъ. Мрачная тишина, царствующая въ нашихъ палаткахъ, прерывалась только стономъ раненыхъ, просившихъ хоть капли воды, чтобъ освѣжить лихорадочный жаръ, терзавшій ихъ внутренность. Нѣсколько солдатъ бродили, какъ привидѣнія, между этими несчастными, изъ которыхъ одни были едва живы, другіе ужъ совсѣмъ бездыханны; часовые съ трудомъ могли держать ружья на плечахъ и передвигать ноги. Я

самъ изнемогъ почти до безчувственности, и чтобы хоть сколько-нибудь заглушить жажду, меня томившую, сосалъ желѣзный эфесъ моей сабли. Не вдалекѣ отъ меня сидѣла женщина, которой мой прежній товарищъ, Альбино Конде, поручилъ своего сына, и которую я, исполняя его послѣднюю волю, взялъ потомъ къ себѣ, вмѣстѣ съ ребенкомъ. Она плакала и громко молила всѣхъ святыхъ, чтобы они послали на насъ хоть какое-нибудь дождевое облачко.

Но солнце село чисто и закатилось во всемъ блескѣ лучей своихъ за ясный, безоблачный горизонтъ. Я тоже молился, чтобы мародеры моего отряда, посланные для отысканія какого-нибудь родника или ручья, нашли его, и пуще всего не забыли бы своего капитана. Молитва моя была услышана: черезъ нѣсколько минутъ, я увидѣлъ одного моего мародера, который прокрадывался ко мнѣ тихо, какъ волкъ. Это былъ мужъ Гуанахуатены, тотъ самый солдатъ, съ которымъ вы познакомились нынче. Въ это время настоящее его имя, Вальдивіа, не замѣнилось еще именемъ Курено, и онъ былъ вовсе не таковъ, какимъ вы его видѣли; напротивъ станъ его былъ прямъ и твердъ, какъ могучее дерево. Я не буду вамъ рассказывать о его богатырской силѣ, которой сами вы были свидѣтелями, а скажу только, что его храбрость и смѣливость равнялись этой силѣ. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Вальдивіа, такъ же какъ и жена его, умѣлъ найтися.

— Синьоръ капитанъ, — сказалъ онъ, приближаясь ко мнѣ таинственно, и закутавшій въ плащъ Испанскаго драгуна, доставшійся ему на полѣ битвы; — синьоръ капитанъ, я принесъ вамъ мѣхъ, въ которомъ есть нѣсколько капель воды для васъ, для ребенка и для женщины; только, ради Бога тише, чтобы этого никто не зналъ.

— Вода! закричалъ я въ восторгъ, который заставилъ меня забыть всякую осторожность.

— Тише! — перебилъ Вальдивіа. — И если вы хотите послушать меня, такъ погодите пить до тѣхъ поръ, пока со-

всѣмъ стемнѣть; а когда вы напьетесь, я скажу вамъ, гдѣ много воды, и предложу дѣльце, на которое вы, вѣрно, согласитесь.

— Я съ жадностью протягивалъ руку къ мѣху:

— Дай мнѣ воды ради самого Бога! — говорилъ я; — дай скорѣй; я умираю отъ жажды, какъ же мнѣ дожидаться ночи.

— Черезъ десять минутъ будетъ совсѣмъ темно, — возразилъ Вальдивія хладнокровно, — и до тѣхъ поръ я не дамъ вамъ воды, потому что бѣшеная толпа солдатъ сейчасъ бросится отнимать ее и убьетъ васъ. Прикажите-ка лучше осѣдлать вашу лошадь, и выведите ее вотъ подъ эти *мескиты*, гдѣ моя стоитъ на-готовѣ, и гдѣ я васъ буду дожидаться. Намъ надобно быть готовымъ сейчасъ. Въ вашемъ распоряженіи есть около ста всадниковъ. Отдайте имъ приказаніе собраться вонъ тамъ, въ долину. Мы скажемъ часовому, что отправляемся отыскивать воду, и насъ пропустятъ безъ генералова приказанія.

Вальдивія ушелъ, не сказавъ больше ни слова, и не смотря на всѣ мои просьбы, унесъ съ собой мѣхъ. Я поспѣшилъ исполнить его совѣтъ, и какъ только совсѣмъ смерклось, всадники мои были въ готовности на назначенномъ мѣстѣ. Я взялъ въ поводъ мою лошадь, взялъ съ собой жепцину и ребенка, и пошелъ подъ мескиты, къ Вальдивіи. Въмѣсто обѣщанныхъ нѣсколькихъ капель воды, онъ подалъ мнѣ полный мѣхъ. Жажда моя была до того велика, что мнѣ надобно было сдѣлать страшное усиліе надъ собой, чтобъ не выпить всё; однакожъ я оставилъ для женщины и для маленькаго Альбино достаточную пропорцію, и когда мы опорожнили мѣхъ, я спросилъ Вальдивію:

— Ну что же такое ты хотѣлъ предложить мнѣ?

— Овладѣть, съ вашей сотней всадниковъ, *хачиендой* (*), въ двухъ миляхъ отсюда. Она занята Испанскимъ отрядомъ, но тамъ много воды.

(*) Родъ укрѣпленной фермы или плантаціи.

— Ъдемъ! — вскричалъ я. — Но если это такъ, почему же не сказать объ этомъ генералу и не попросить у него тысячу челоуѣкъ?

— Почему? — возразилъ Вальдивіа, — потому что въ эту минуту армія едва ли послушается генерала, и приказъ его объ этой экспедиціи только ускоритъ исполненіе заговора, который состоитъ въ томъ, чтобъ сдать Испанцамъ. Да, да, синьоръ капитанъ, если мы не возьмемъ сейчасъ *хаціенду* Святаго Ефстафія, въ которую я умѣлъ пробраться и наполнить тамъ этотъ мѣхъ, завтра у генерала Района не будетъ ни одного солдата. Между нами есть измѣнникъ, и этотъ измѣнникъ генераль Понсъ.

Вальдивіа еще не успѣлъ кончить своей рѣчи, какъ въ одной сторонѣ лагеря послышался шумъ, который постепенно началъ увеличиваться все больше и больше. Факелы замелькали тамъ и сямъ, и освѣтили толпы солдатъ, крики которыхъ доносились до насъ. Потомъ, при свѣтѣ тѣхъ же факеловъ, мы увидѣли генерала Района, вышедшаго изъ своей палатки. Одинъ, и даже безъ шляпы, приблизился онъ къ самой буйной толпѣ мятежниковъ, и хотѣлъ говорить съ ними, но голоса его, всегда уважаемаго, теперь не хотѣли слушать.

— Я ошибся днемъ! — воскликнулъ Вальдивіа; — но генераль, вѣроятно, уговоритъ недовольныхъ, и они успокоятся до утра. Ъдемъ; время терять нельзя; надобно успѣть какъ можно скорѣе сообщить генералу, что у его войска есть вода.

Шумъ въ лагерь все еще продолжался, но не столько уже буйный, и голосъ генерала становился все слышнѣе и слышнѣе между голосами недовольныхъ солдатъ. Я сѣлъ на лошадь, и сказалъ Вальдивію, чтобъ и онъ сѣлся. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — прежде еще мнѣ надобно привести сюда непріятельскаго часоваго, которымъ я запасся на случай.

Не объясняя больше ничего, Вальдивіа удалился, и черезъ минуту я увидѣлъ, что онъ несетъ, подъ мышкой, какую-то черную шевелящуюся массу. Когда онъ подошелъ ближе, я разсмотрѣлъ, что это былъ челоуѣкъ, одѣтый въ форму Испанскихъ копѣйщиковъ. Вальдивіа поставилъ его на землю,

развязалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ, и велѣлъ ему сѣсть, позади себя, на лошадь. Храбрый богатырь мой, развѣдавъ о колодцахъ *хачиенды*, не долго думалъ, какъ достать воды изъ него: онъ разсчелъ, что самый простой способъ для этого, снять часоваго, поставленнаго у бассейна, и разсчелъ еще, что онъ будетъ для насъ очень нужнымъ путеводителемъ при нападеніи на ферму! Какъ схватилъ онъ его, какъ втащилъ къ себѣ на лошадь и связалъ, объ этомъ нечего было и спрашивать, глядя на его жилистыя, могучія руки. Пока Вальдивія ходилъ за часовымъ, въ лагерь все успокоилось, и тѣмъ больше намъ надобно было спѣшить исполненіемъ нашего предпріятія, такъ счастливо начатаго; отрядъ мой былъ готовъ; мы поѣхали такъ скоро, какъ только могли служить наши изнуренныя лошади. Въ продолженіи перехода, я узналъ отъ плѣнника, что гарнизонъ *хачиенды* Св. Ефстафія состоялъ человекъ изъ пяти-сотъ, подъ начальствомъ коменданта Ларринзара, человека гордаго, грубаго и очень нелюбимаго войскомъ. Онъ сообщилъ мнѣ также всѣ нужныя свѣденія о расположеніи гарнизона въ этой небольшой крѣпости, о тѣхъ пунктахъ, которые были защищены слабѣе прочихъ.

При всей нашей поспѣшности мы не могли слишкомъ скоро проѣхать эти двѣ мили: лошади наши были слабы, а дорога дьявольски затруднительна. Не вдалекъ отъ Кахатехаса цѣпь Сіерра-Мадре раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна, и именно та, гдѣ теперь находимся мы, идетъ отъ сѣвера къ югу, параллельно съ берегами Тихаго Океана; другая направляется къ востоку, дѣлая дугу, сообразную съ изгибомъ Мехиканскаго залива. На одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ этой послѣдней цѣпи горъ стояла *хачиенда*, къ которой мы шли. Она занимала вершину самой обширной площади Кордильеровъ.

Благодаря темнотѣ безлунной ночи, мы приблизилъ къ мѣсту нашего назначенія незамѣченные непріателемъ; оставивъ мой отрядъ подъ прикрытіемъ высокихъ деревьевъ, я поѣхалъ впередъ, чтобъ осмотрѣть мѣстность. *Хачиенда*, ко-

торой намъ надобно было овладѣть, составляла обширный параллелограмъ, поддерживаемый толстыми контрфорсами изъ тесаного камня; рѣдкія окна, или, скорѣе, бойницы, съ толстыми желѣзными рѣшетками, были пробиты въ строеніи только съ той стороны, которой оно было обращено къ горамъ. Конюшни, сараи и житницы *хачіенды* были окружены толстой и зубчатой стѣной, составляющей часть этого параллелограма, и въ этомъ-то укрѣпленномъ дворѣ помещался Испанскій гарнизонъ. На углу строенія, противоположномъ той сторонѣ, откуда я его разсматривалъ, возвышалась надъ плоской кровлей колокольня въ три яруса, и указывала, что въ этомъ мѣстѣ была часовня. Задній фасъ *хачіенды* былъ еще лучше защищенъ, чѣмъ бока ея; передъ нимъ зіяла узкая, бездонная пропасть, по другую сторону которой возвышался отвѣсный каменистый утесъ; примыкая къ ней, стѣны *Хачіенды* почти смыкались съ другой стѣной, вытесанной самой природой изъ цѣльной скалы. Это мѣсто называется туземцами: *Эль-Воладеро*.

Мнѣ хотѣлось осмотрѣть ферму со всѣхъ сторонъ, и какая-то непонятная военная гордость подстрѣкала меня объѣхать строеніе и со стороны пропасти, между которой и стѣнами *хачіенды* лежала тропинка не шире, какъ въ шесть футовъ. Днемъ ѣхать по ней еще было возможно, но ночью это составляло опасность страшную даже и для такого привычнаго ѣздока, какъ я. Стѣны фермы шли къ низу откосомъ, и тропинка, огибаясь вполоть около нихъ, то же склонялась косогоромъ, къ крѣпости *Эль-Воладеро*. Несмотря на то, я поѣхалъ по ней.

Я пробѣжалъ безъ всякихъ препятствій ужъ половину моего ненадежнаго пути, какъ вдругъ моя лошадь заржала; это заставило меня содрогнуться; я былъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ тропинка до того сдузилась, что на ней только-только что могли помѣститься ноги лошади. Возвратиться назадъ было невозможно, а между тѣмъ я понималъ, что кто-то ѣдетъ мнѣ на встрѣчу.

— Гей! — крикнулъ я изо всей силы, рассудивъ, что ужъ

безопаснѣе открыть себя, чѣмъ съѣхаться съ кѣмъ-нибудь на этомъ мѣстѣ, — кто тамъ ѣдетъ? остановись.

Но было ужъ поздно. Изъ-за контрфорса, противъ котораго былъ я, и которые, отъ времени до времени, суживали эту проклятую дорогу до самаго нельзя, показался всадникъ. Я невольно встрепенулся на сѣдлѣ, и меня прошибъ холодный потъ.

— Стой, стой! — закричалъ я, уstraшенный опасностью, которая грозила обонимъ намъ; — нельзя ли вамъ, синьоръ кавалеръ, отѣхать назадъ? Мнѣ невозможно.

— И мнѣ тоже, — отвѣчалъ всадникъ мрачнымъ голосомъ. Я началъ молиться о душѣ моей. Намъ не было никакихъ средствъ ни воротиться назадъ, ни разѣхаться, ни слѣзть съ лошадей. Если бы на этомъ мѣстѣ встрѣтились отецъ съ сыномъ, и тогда одинъ изъ нихъ долженъ бы былъ неминуемо слетѣть въ пропасть, чтобъ дать другому дорогу.

Нѣсколько секундъ прошло между тѣмъ, и лошади наши, сблизившись голова съ головой, остановились. Вытанувъ шеи, раздувъ ноздри, онѣ обнюхивали одна другую, и тяжелое дыханіе ихъ доказывало, что онѣ также трепещутъ отъ ужаса, какъ и ихъ всадники, стоящіе другъ передъ другомъ, въ мрачномъ молчаніи. Съ одной стороны падъ нами возвышались крутыя и гладкія стѣны *хачигнды*, съ другой, въ трехъ футахъ отъ стѣнъ, зіяла неизмѣримая бездна. Мнѣ пришла мысль: не врагъ ли стоитъ передо мной? и эта мысль оживила надеждой молодое мое сердце, кипѣвшее въ то время горячей любовью къ отчизнѣ.

— Кто передо мной, другъ или врагъ Мехики? — спросилъ я незнакомца, приготовляясь напасть на него, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта.

— Другъ, — отвѣчалъ мнѣ всадникъ. — Я полковникъ Гардуно.

— А я капитанъ Кастаносъ.

Мы съ полковникомъ были давнишніе знакомцы, и навѣрное давно бы узнали другъ друга, если бы не были такъ

встревожены нашей вовсе неумѣстной встрѣчей. Дня за два назадъ, полковникъ былъ посланъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, который мы считали погибшимъ, потому что съ тѣхъ поръ не получали о немъ никакого извѣстія.

— Ну, полковникъ, — сказалъ я, — мнѣ очень жаль, что вы не Испанецъ.... Вы, вѣроятно, также какъ и я, очень хорошо понимаете, чѣмъ должна кончиться наша встрѣча?

Говоря эти слова, я невольно протянулъ руку къ луку моего сѣдла, за пистолетомъ.

— Да, — сказалъ полковникъ очень хладнокровно, — я такъ хорошо вижу наше положеніе, что давно бы ужъ раздробилъ голову вашей лошади, если бъ только не боялся, что моя, испугавшись выстрѣла, полетитъ въ пропасть вмѣстѣ съ вамп.

Въ самомъ дѣлѣ я замѣтилъ, что полковникъ держалъ свои пистолеты въ рукѣ. Мы опять замолчали. Лошади наши стояли какъ вкопаныя, боясь шевельнуться на краю этой бездны. Между тѣмъ первый порывъ моего ужаса прошелъ; я сталъ спокойнѣе.

— Что же мы будемъ дѣлать? — спросилъ я полковника.

— Бросить жеребій, кому изъ насъ летѣть въ пропасть.

Я разсудилъ, что это дѣйствительно было единственное средство, которое могло рѣшить нашу участь.

— Но тотъ, на кого падетъ эта участь, — продолжалъ полковникъ, — долженъ попробовать отъѣхать назадъ. Конечно, это шансъ очень невѣрный, но все-таки шансъ, и сверхъ того очень выгодный для другаго.

— Такъ вы совершенно не дорожите жизнью? — вскричалъ я, ужаснувшись снова хладнокровія, съ которымъ полковникъ дѣлалъ мнѣ это предложеніе.

— Я дорожу жизнью, можетъ быть, больше, чѣмъ вы, — отвѣчалъ полковникъ отрывисто, — потому что есть на свѣтѣ человекъ, который нанесъ мнѣ смертельную обиду и которому я еще не отплатилъ; но вы видите, что время прохо-

дѣть. Не угодно ли вамъ приступитъ къ розыгрышу нашей послѣдней лотереи?

Но какимъ образомъ бросить жеребій? Послуניתъ палецъ, какъ дѣти? Но ни тому, ни другому изъ насъ не возможно было протянуть руку надъ головой лошади, которая при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи могла дрогнуть и остуניתся. Посредствомъ конья или рѣшетки? Но въ темнотѣ ночи нельзя было разсмотрѣть, на какую сторону упадетъ монета.

— Полковникъ придумалъ способъ, который не приходилъ мнѣ въ голову.

— Послушайте, синьоръ капитанъ, — сказалъ полковникъ, которому я сообщилъ мое недоумѣніе, — вотъ какъ рѣшимъ мы дѣло. Наши непуганная лошади безпрестанно храпятъ и фыркаютъ; тотъ, чья лошадь прежде фыркнетъ...

— Выиграетъ? перебилъ я.

— Итъ, проиграетъ. Я знаю, что вы лихой наѣздникъ, и можете сдѣлать съ лошадыю все, что хотите. Что касается до меня, который, какъ вы сами знаете, еще въ прошломъ году носилъ полукафтанье студента богословія, я новичекъ въ верховой ѣздѣ. Вы можете заставить вашу лошадь фыркнуть насильственно, но остановить ее отъ этого едва ли.

Я согласился, потому что согласиться было надобно. Проходитъ минута, двѣ, три, которыя кажутся мнѣ цѣлой вѣчностью! Наконецъ фыркнула, увы! моя лошадь. Полковникъ не выразилъ своей радости никакимъ восклицаніемъ, ни малѣйшимъ наружнымъ движеніемъ; но внутренно онъ, вѣроятно, поблагодарилъ Бога отъ всего сердца.

— Вы дадите мнѣ еще минуту сроку для послѣдней молитвы? спросилъ я его задыхающимся голосомъ.

— Даже пять минутъ. Довольно ли съ васъ этого?

— Да, — отвѣчалъ я. — Полковникъ вынулъ часы. Я поднялъ глаза къ небу, сіяющему звѣздами. Я насматривался на него въ послѣдній разъ и творилъ теплую, послѣднюю молитву.

— Пять минутъ прошли, — сказалъ полковникъ.

Я не отвѣчалъ ничего, и нетвердой рукой подобралъ поводья, которыя скользнули изъ моихъ пальцевъ, дрожащихъ отъ нервическаго сотрясенія.

— Еще минуту,—сказалъ я полковнику,—потому что мнѣ надобно собрать все присутствіе духа, чтобъ исполнить трудный маневръ, который мнѣ остается къ спасенію.

— Хорошо,—сказалъ полковникъ.

Я, какъ ужъ вы знаете, воспитанъ въ деревнѣ. Все мое дѣтство и часть моей юности провелъ я почти постоянно на лошади, и смѣло скажу, что, если былъ въ мірѣ челоувѣкъ, способный исполнить такую молодецкую штуку верховой ѣзды, которая мнѣ предстояла, такъ это именно я. Я сдѣлалъ надъ собой усиліе почти сверхъестественное, и настроилъ себя такъ, что ужъ равнодушнѣе смотрѣлъ въ глаза смерти, съ которой и прежде случалось мнѣ встрѣтиться не одинъ разъ слишкомъ близко. Въ эту минуту во мнѣ опять оживла надежда.

Когда лошадь моя почувствовала поводья, которыя были опущены съ самой встрѣчи моей съ полковникомъ, она вздрогнула. Я крѣпче утвердился въ сѣдлѣ, желая дать понятіе уstraшенному животному, что хозяинъ его не робѣетъ; ободривъ такимъ образомъ лошадь мою, я заставилъ ее, посредствомъ поводьевъ и шенкелей, отступить назадъ. Ужъ голова ея была довольно далеко отъ головы лошади полковника, который, съ своей стороны, тоже ободрялъ меня своимъ голосомъ. Тутъ я далъ немножко вздохнуть бѣдному животному, которое тряслось всѣми членами, и потомъ началъ продолжать тотъ же маневръ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, я вдругъ почувствовалъ, что задняя нога моей лошади оскользнулась; трепеть пробѣжалъ по мнѣ; я зажмурилъ глаза и проворно откачнулся на сѣдлѣ, къ стѣнѣ *Хачиенды*. На ея гладкой поверхности не было ни высунувшагося камня, ни прутика, ни даже вѣтки плюща, за которую бы я могъ ухватиться, но мое быстрое движеніе вмѣстѣ съ отчаяннымъ усиліемъ лошади спасли меня

отъ смерти: лошадь стала отять на всѣ четыре ноги, но онъ до того тряслись подъ ней, что она почти садилась на колѣни.

Въ эту минуту я достигъ мѣстечка немножко больше просторнаго. Еще бы футъ-два земли, и я бы заставилъ мою лошадь повернуться на заднихъ ногахъ; но здѣсь рискнуть на такую штуку было слишкомъ опасно. Я опять хотѣлъ осаживать лошадь назадъ, но остунившись разъ, она не трогалась съ мѣста, и отъ моихъ понужденій только поднималась въ легкой курбетъ. Ничто не помогло: ни голосъ мой, ни поводья, ни шноры. Между тѣмъ я все еще не терялъ присутствія духа, потому что мнѣ очень не хотѣлось умереть. Наконецъ у меня въ головѣ вдругъ блеснула мысль, которую я въ ту же минуту рѣшился исполнить: это былъ очень невѣрный, но послѣдній и единственный шансъ къ спасенію.

При мнѣ всегда былъ длинный и тонкій ножъ, который я клалъ за отворотъ сапога. Я досталъ его, и лѣвой рукой началъ гладить шею моей лошади, лаская ее съ тѣмъ вмѣстѣ и моимъ голосомъ. Бѣдное животное отвѣчало на мои ласки тихимъ, жалобнымъ ржаніемъ. Постепенно я велъ руку по шеѣ, все выше и выше, до того мѣста, гдѣ становая жила соединяется съ черепомъ. Щекотливая лошадь встревожилась, затрясла головой, но я ее успокоилъ моимъ голосомъ. Когда я оцупалъ пальцами біеніе становой жилы, біеніе, такъ сказать, ея жизни въ мозгу, я наклонился на сѣдлѣ, къ сторонѣ стѣны, потихоньку вынулъ ноги изъ стремянъ, и потомъ, однимъ махомъ, вонзилъ тонкое лезвіе ножа въ становую жилу лошади, около самой холки. Какъ пораженная громомъ, лошадь, безъ малѣйшаго неправильнаго движенія, упала прямо вичкомъ, а я, ставъ ногами на землю, въ ту же минуту отпрыгнулъ къ стѣнѣ. Я былъ спасенъ. Крикъ радости невольно вырвался у меня; полковникъ отвѣчалъ на мое восклицаніе, и эти клики повторились на днѣ пропасти какимъ-то протяжнымъ раскатомъ, какъ будто она стонала о томъ, что отъ нея ускользнула добыча. Прислонившись къ стѣнѣ, я уперся ногами въ трупъ моей лошади, и онъ покотился въ бездну. — Отдохнувъ съ минуту, я скорѣй пробѣжалъ, чѣмъ прошелъ

весь обратный путь по тропинкѣ, до того мѣста, откуда подѣхалъ къ ней. Но когда я вышелъ въ долину, когда опасность совершенно миновалась, я упалъ безъ чувствъ: такъ сильны были потрясенія, которыя испыталъ я. Когда я открылъ глаза, передо мной стоялъ полковникъ.

II.

Хачиенда Святаго Ефстафія.

Поздравивъ меня съ спасеніемъ, расхваливъ мою ловкость и хладнокровіе, полковникъ спросилъ, по какому случаю очутился я ночью, одинъ, подъ стѣнами строенія, занятаго непріятельскимъ гарнизономъ. Я ему рассказалъ планъ мой.

— Сколько у васъ людей? спросилъ онъ.

— Около ста человекъ, которые рѣшились или достать воды, или умереть.

При этихъ словахъ, глаза полковника засверкали радостью и какимъ то-свирѣпствомъ.

— Васъ тоже мучить жажда? спросилъ я.

— Да, жажда мщенія, — отвѣчалъ онъ; — и вотъ отъ чего, не смотря на мою обязанность возвратиться въ лагерь, я до сихъ поръ не возвращаюсь туда. День и ночь скитаюсь я около этихъ стѣнъ, и стараюсь найти возможность отомстить.

— Но за что же, полковникъ?

— За обиду, которой я не долженъ пережить, не омывъ ее кровью врага, или не заплативъ ему за безчестіе безчестіемъ. У меня въ отрядѣ осталось еще человекъ пятьдесятъ, и я присоединю ихъ къ вашимъ, — прибавилъ полковникъ, круто повернувъ разговоръ и повидимому не желая болѣе дѣлать никакихъ объясненій на мой вопросъ.

Я назначилъ ему мѣсто, гдѣ онъ можетъ меня найти, и поспѣшилъ къ моей командѣ, которая ожидала меня съ нетерпѣніемъ. Едва только успѣлъ рассказать я Вальдивіи происшествіе, которое случилось со мной, какъ ужъ полковникъ Гардуно явился съ своими всадниками. Онъ сообщилъ намъ, что еще на капунъ пробовалъ овладѣть хачиендой и нападалъ на нее, но былъ отраженъ съ значительнымъ урономъ. Тутъ

мы составили военный советъ, и полковникъ сдѣлалъ строгій допросъ плѣнному Испанцу; потомъ нашъ отрядъ тронулся съ мѣста.

— Есть ли часовой на колокольнѣ? — спросилъ опять полковникъ плѣнника, когда мы подошли къ стѣнамъ фермы.

— Тамъ ставить всякую ночь часового, — отвѣчалъ Испанецъ, — но вы можете быть увѣрены, что онъ спитъ на своемъ посту, на которомъ за нимъ никто не наблюдаетъ, по неудобности взбираться туда.

Пока Испанецъ говорилъ эти слова, за стѣнами *хахиенды* послышалась перекличка часовыхъ: *Alerta Centinela!* Мы внимательно прислушивались къ этимъ окликамъ, которые раздавались то тамъ, то здѣсь, и потомъ замирали вдали. На колокольнѣ никто не откликнулся; это подтвердило намъ, что часовой дѣйствительно спитъ.

— Ахъ, еслибъ у насъ была хоть одна пушка! — воскликнулъ Вальдивіа; — между тѣмъ какъ человекъ пятьдесятъ, съ помощію своихъ *лассо* (*), могли бы взобраться на плоскую крышу, надъ которой возвышается эта колокольня, мы разбили бы ворота, и такимъ образомъ напали бы съ двухъ сторонъ на этихъ собакъ, *башмашниковъ* (*gahurines*) (**).

— Мы оставили пушку въ кустарникъ, недалеко отсюда, — сказалъ полковникъ; — но она не годна къ употребленію. Подъ ней сломанъ лафетъ, и теперь это совершенно бесполезный кусокъ мѣди.

— А есть ли у васъ заряды? — спросилъ я полковника въ свою очередь.

Подъ пушки стоитъ и ящикъ съ зарядами, — отвѣчалъ Гардуно; — но я вамъ говорю, что она никуда не годится. Это все равно, что ружье безъ приклада.

Я бросилъ значительный взоръ на моего богатыря, Вальдивіа, который понялъ меня.

(*) Волосная веревка, съ железнымъ кольцомъ на концѣ, которую Американскіе Индійцы употребляютъ вмѣсто аркана.

(**) *Gachurine* — человекъ, который носитъ башмаки. Это имя Индійцы дали своимъ первымъ Испанскимъ завоевателямъ.

— Я возьму съ собой нѣсколько человѣкъ, и пойду, отыщу пушку, — сказалъ онъ. — Ну, господа, нынче мы напьемся досыта.

— Возьми съ собой побольше людей, — сказалъ я ему.

— Какова пушка? Если она не тяжеле всадника съ лошадыю, такъ и мнѣ не нужно помощника.

— Она тяжеле, — перебилъ полковникъ; — съ тобой поѣдутъ десять человѣкъ, которые знаютъ, въ какомъ она мѣстѣ.

Черезъ четверть часа Вальдивіа возвратился съ своей командой. Опутавъ пушку веревками, они тащили ее лошадыми, по землѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, пушка зацѣпилась за камень, и лошади не могли сдвинуть ее съ мѣста; но Вальдивіа помогъ горю: онъ приподнял пушку, и она опять пошла. Я между тѣмъ выстроилъ моихъ людей шагахъ въ трехъ-стахъ отъ *хахиенды*.

— Теперь, друзья мои, — сказалъ я имъ, — мы можемъ сдѣлать нападеніе двумя способамъ: или съ крикомъ отчаянно броситься всѣмъ на одинъ пунктъ, или раздѣлиться на два отряда, и пока одни станутъ разбивать ворота ядрами, другіе ползутъ приступомъ на стѣну, съ той стороны, гдѣ выдается терраса, подъ колокольной. Тѣ, которые пойдутъ на приступъ, возьмутъ съ собою плѣнника, и онъ будетъ ихъ проводникомъ, подъ страхомъ смерти. Но знайте, что для этого нужно пятьдесятъ человѣкъ самыхъ храбрыхъ и рѣшительныхъ охотниковъ: стѣна стоитъ надъ бездонной пропастью, и воротиться съ нея невозможно: тотъ, кто вздумаетъ спуститься назадъ, погибнетъ безвозвратно.

— Я первый иду на приступъ, — воскликнулъ полковникъ, — и можетъ быть наша смѣлость поможетъ намъ добраться до самаго коменданта!

— Вамъ, какъ я вижу, очень хочется захватить его, — замѣтилъ я полковнику.

— Да, какъ врага, который нанесъ мнѣ смертельную обиду.

Примѣръ полковника ободрилъ нашихъ *гверильеросовъ*; охотниковъ нашлось много, и онъ выбралъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ. Одинъ только Испанецъ шелъ на эту экспедицію не совсѣмъ охотно, и ему, повидимому, очень не хотѣлось

лѣзть на стѣну въ двадцать пять футовъ вышины, и которая при томъ перпендикулярно возвышалась надъ пропастью.

Пятьдесятъ человѣкъ, отобранные полковникомъ, начали приготовляться къ приступу. Стѣны *хахиенды* были украшены очень частыми выступами, въ родѣ зубцовъ, которые здѣсь называются *астопая*, и служатъ признакомъ благороднаго происхожденія владѣльца. Каждый солдатъ, продѣвъ свое *лассо* въ кольцо, закинулъ его на зубецъ мертвой петлей, и стѣна въ минуту покрылась этими вислыми, веревочными лѣстницами. Но прежде чѣмъ начался приступъ, мы условились съ полковникомъ, что солдаты его, взобравшись на стѣну, не должны нападать на Испанскій гарнизонъ до тѣхъ поръ, пока я не сдѣлаю по воротамъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыхъ намъ казалось достаточно для разбитія воротъ. Потомъ Гардуно, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, первый взялся за веревку, по которой долженъ былъ лѣзть на стѣну; далъ ее въ руки Испанцу, и велѣлъ ему лѣзть впередъ, а самъ, взявъ кинжалы въ зубы, послѣдовалъ за нимъ. По его примѣру, начали подниматься и солдаты, и скоро пятьдесятъ человѣкъ, держась руками за веревки и упираясь ногами въ стѣну, повисли надъ пропастью, какъ будто пятьдесятъ демоновъ, выскочившіе изъ нея.

Подвигъ этотъ былъ подвигъ страшный, потому что оскользшись какъ-нибудь рука или отцѣпясь *лассо*, человѣку не было никакого спасенія; но со всѣмъ тѣмъ постъ, который занималъ я, былъ еще опаснѣе. Часовой, поставленный на колокольнѣ, если бы даже и не спалъ онъ, не могъ замѣтить людей, поднимающихся на стѣну, за выступомъ платформы; но насъ могли открыть тотчасъ по выходѣ изъ рощи, и прежде, чѣмъ мы успѣли бы подойти на дистанцію, гдѣ нужно было намъ поставить пушку, которую приходилось опять волочь за собой по землѣ.

Я медлил открывать себя до тѣхъ поръ, пока всѣ наши взобрались на стѣну и взошли на террасу. Прежде всего я велѣлъ зарядить пушку; къ ней опять прицѣпили лошадей, и потащили ее. Но едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ, какъ

часовой, поставленный на плоской крыше одного из сараев фермы, замѣтил насъ, и выстрѣлилъ изъ своего карабина. Пуля однакожь не сдѣлала намъ никакого вреда, и мы удвоили наши усилія, стараясь какъ можно скорѣе поставить пушку противъ воротъ, на которые хотѣли напасть. Скоро послышался другой выстрѣлъ, и потомъ, за стѣнами *хаціенды*, раздались звуки трубъ и громъ барабана. Видя, что намъ не удалось застать гарнизонъ въ расплохъ, и занять нужную намъ позицію прежде, чѣмъ насъ замѣтятъ, я приказалъ моимъ всадникамъ кричать ура, непрерывно измѣняя голоса, чтобы увеличитъ такимъ образомъ, въ воображеніи непріятеля, число нашихъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ помощію этой хитрости, голоса ста человекъ казались голосами пяти-сотъ человекъ; съ этимъ вмѣстѣ я приложилъ къ пушкѣ фитиль, и громъ ея выстрѣла покрылъ своими перекатами эти дикіе крики.

Въ минуту стѣны *хаціенды* покрылись Испанскими солдатами, которые открыли по насъ сильный огонь. Несмотря на то, что онъ становился для насъ гибеленъ, солдаты мои, томимые жаждой питья и жаждой победы, выдерживали его мужественно. Мы отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы нашими; всадники, тащившіе пушку, удвоили свои усилія; но когда они огибали уголъ стѣны, заходя къ переднему фасу *хаціенды*, гдѣ были главные ворота, ихъ вдругъ остановилъ широкій и глубокій ровъ, черезъ который не было никакой возможности перетащить орудіе, безъ помощи понтоннаго моста. Это неожиданное препятствіе поставило насъ въ страшное затрудненіе.

— Ничего, — сказалъ Вальдивія, — мы разобьемъ стѣну. Эти кирпичи еще скорѣе разлетятся отъ ядеръ, чѣмъ крѣпкія ворота, окованныя желѣзомъ.

Замѣчаніе его дѣйствительно было справедливо, и я соскочилъ съ лошади, чтобы навестъ пушку. Но едва я подошелъ къ ней и бросилъ взглядъ по ея направленію, у меня неволью вырвался крикъ отчаянья. Мы были задержаны на такомъ мѣстѣ, что наша пушка не могла бить въ непріятельскую

стѣну, и ядра должны были ушпаться въ землю ниже ея. Все казалось потеряннымъ: какъ навѣсть орудіе безъ лафета? А между тѣмъ непріятельскія пули сыпались на насъ градомъ; положеніе наше становилось критическимъ. Безъ лѣстницъ намъ не было никакой возможности броситься на приступъ подъ такимъ сильнымъ огнемъ, и пятьдесятъ человекъ, взобравшіеся уже на террасу *хацінды*, съ тѣмъ, чтобы напасть на гарнизонъ вѣсть съ нами, подвергались теперь неминуемой опасности или лечь на мѣсть, или быть взятыми въ плѣнъ.

— На сколько надобно поднять пушку, чтобы навѣсть ее на стѣну?—спросилъ меня Вальдивіа.

— Фута на полтара,—отвѣчалъ я ему, пригнувшись снова къ пушкѣ, и измѣряя глазомъ ея направленіе.

— А если у васъ будетъ лафетъ въ полтара фута вышины, пробьете ли вы тогда брешь?

— Непрѣменно.

— Въ такомъ случаѣ моя спина замѣнитъ вамъ лафетъ.

— Ты шутишь, Вальдивіа! — сказалъ я, глядя на него съ удивленіемъ.

— Нисколько.

— Всѣ знали его богатырскую силу, но всѣ, точно также, какъ я, удивились такому оригинальному предложенію. Между тѣмъ Вальдивіа, въ доказательство того, что онъ дѣйствительно не шутилъ, сталъ на колѣни, уперся руками въ землю, и приготовилъ свои широкія плеча для поддержанія пушки.

— Шесть человекъ съ трудомъ подняли ее и взвалили на спину Вальдивіа. Геркулесъ и не поморщился отъ этой тяжести, не погнулся отъ нея ни на одну линію. Подъ животъ Вальдивіа подбѣли *лассо* и прикрутили имъ пушку къ туловищу неустрашимаго солдата, какъ каронаду къ борту корабля.

— Набивайте пушку порохомъ до самаго жерла! — закричалъ Вальдивіа.

— Непріятельскія пули продолжали на насъ сыпаться, и одинъ изъ людей, находившихся при пушкѣ, повалился

мертвой подлѣ самаго солдата, превратившагося въ лафетъ. Орудіе однакоже зарядили.

— Пагнись немножко, — сказалъ я Вальдивіи. — Такъ, хорошо; ну теперь держись крѣпче.

— Живой лафетъ сдѣлался неподвиженъ, какъ будто выкованный изъ желѣза. Я приложилъ оптиль къ затравкѣ; выстрѣлъ грянулъ, и въ стѣнѣ открылось обширное отверстіе.

— Ну что? — спросилъ Вальдивія, приподнимаясь немного на своихъ могучихъ рукахъ, чтобъ посмотрѣть на дѣйствіе ядра.

— Славно, любезный, — сказалъ я: — ядро попало прямо въ цѣль. — Вальдивія снова нагнулся; пушку снова зарядили огромнымъ зарядомъ; — второй выстрѣлъ раздался, и надъ стѣной взвилось цѣлое облако пыли.

— Послѣ этого выстрѣла Вальдивія опять приподнялся.... Славно было видѣть, спяньоръ кавалеръ, славно было видѣть, какъ этотъ молодецъ, сила котораго равнялась силѣ двадцати человекъ, приподнималъ на себѣ тяжелую пушку какъ перушко! Жилы лба его напряглись, лицо горѣло, и воспаленнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за дѣйствіемъ ядеръ, летѣвшихъ съ его спины. Крики восторга и удивленія невольно вырывались у моихъ солдатъ, надежда которыхъ, напитокъ свѣжей, холодной воды, оживала съ каждой минутой.

— Еще одинъ выстрѣлъ, — вскричалъ богатырь, — только цѣльте немножко лѣвѣе.

Я послѣдовалъ совѣту Вальдивіи. Пушку зарядили въ третій разъ, и въ третій разъ она грянула. Тутъ у Вальдивіи вырвалось какое-то глухое восклицаніе; онъ по прежнему хотѣлъ приподняться, но ужъ не могъ. Пушку сняли съ него. Онъ вздохнулъ свободнѣе, попробовалъ еще разъ встать на ноги, но усиліе напрасное! ноги отказались служить ему, и этотъ человекъ, еще за минуту назадъ только спяньый и бодрый, оставался неподвиженъ подъ своей собственной тяжестью, какъ бездушная масса.

Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что это чудо силы, что этотъ богатырь, замѣнившій намъ собой военную машину,

былъ парализованъ, я не могъ однакожъ оставаться подлѣ него, и долженъ былъ поспѣшно броситься къ брешу, которую мы пробили. Въ то же самое время, пятьдесятъ человекъ, предводительствуемые полковникомъ, по нашему третьему выстрѣлу, выскочили изъ своей засады, и съ крикомъ бросившись на непріятеля, отвлекли часть его отъ защиты бреша. Въ одно мгновеніе проложили мы себѣ кровавый путь между рядами Испанцевъ. Сквозь брешъ солдаты наши увидѣли, по срединѣ двора *хаціенды*, колодезь, и тогда ужъ никакія силы человѣческія не въ состояніи были удержать ихъ стремительной атаки. На дворъ завязалась страшная свалка, точно на корабль во время абордажа. Сумракъ ночи скрывалъ отъ Испанцевъ нашу малочисленность, между тѣмъ какъ ихъ силы приблизительно были намъ извѣстны. Крики: *да здравствуетъ Мехика!* раздавались со всѣхъ сторонъ, и наконецъ я услышалъ голосъ полковника, который кричалъ: — къ коменданту, ребята, къ коменданту! Взялъ его живаго и не дѣлать ему ни одной царапины!

Какъ жалѣлъ я въ эту минуту, что съ нами не было Вальдивіа, могучія руки котораго очень бы намъ пригодились, но дѣлать было нечего. Пока я напрасно старался пробиться къ коменданту, который былъ замѣтенъ по своему мундиру, вдругъ надъ нимъ взвилась широкая петля *лассо* и опустилась прямо на его голову; я видѣлъ, какъ онъ зашатался, какъ упалъ, но больше ужъ не видалъ и не слышалъ ничего: Ударъ въ голову карабиннымъ прикладомъ повалилъ меня безъ чувствъ къ ногамъ сражающихся... Когда я опомнился; на дворъ *хаціенды* было уже тихо, и подлѣ меня лежалъ храбрый Вальдивіа. Нѣсколько человекъ нашихъ солдатъ держали въ рукахъ зажженные факелы, и поднявъ ихъ высоко, ярко освѣщали ими довольно большое пространство, по срединѣ котораго вколачивали въ землю четыре кола.

— Гдѣ мы?—спросилъ я Вальдивіа, котораго тотчасъ же узналъ.

— Въ нашемъ собственномъ владѣніи, чортъ возьми!—сказалъ

онъ. — Я говорилъ вамъ ; что мы останемся побѣдителями. Правда, что эта побѣда стоитъ мнѣ....

— А это что за церемонія готовится здѣсь?—прервалъ я его.

— Это церемонія мщенія , которымъ сей-часъ будетъ наслаждаться полковникъ Гардуно.

Когда колья были вколочены, привели челоѵка, съ блѣднымъ, свирѣпымъ лицомъ. На немъ не было ужъ мундира, но я узналъ въ немъ Испанскаго коменданта.

— Комендантъ,—сказалъ полковникъ , приблизившись къ нему,—вы нанесли самое низкое оскорбленіе непріятелю , котораго взяли въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ ; теперь этотъ непріятель заплатитъ вамъ тѣмъ же.

По знаку полковника , коменданта положили ничкомъ между четырехъ кольевъ, и привязали къ нимъ его руки и ноги ; потомъ начался свистъ прутьевъ.... Я отвернулся, понявъ очень хорошо, отчего полковникъ такъ жадно искалъ случая отмстить Испанскому коменданту.

— Ну, ступайте теперь, куда хотите,—сказалъ полковникъ, кончивъ экзекуцію;—и впередъ не безчестите свое имя нарушеніемъ военныхъ законовъ.

Комендантъ удалился, при насмѣшливыхъ крикахъ солдатъ, скрежеща зубами отъ злобы и отчаянія.

— Ну, а ты что?—спросилъ я Вальдивію.

— Я исполнилъ мое обѣщаніе,—отвѣчалъ солдатъ.—Нарочный, котораго я послалъ къ генералу Району, уведомилъ его о нашей побѣдѣ, и армія его не перейдетъ къ Испанцамъ. Что касается собственно до меня , я едва ли больше гожусь на что-нибудь: спина моя, кажется, совсѣмъ сломана.

Геркулесъ, два раза выдержавшій на себѣ сотрясеніе пушки при выстрѣлѣ, не вынесъ третьяго. Но со всѣмъ тѣмъ страшная сила пороха не могла переломить его желѣзныхъ костей, а только нанесла ему вывихъ. Вотъ отъ чего онъ и остался живъ.

Благодаря геройскому подвигу этого челоѵка, прозваннаго съ тѣхъ поръ *лафетомъ*, генералъ Районъ могъ продолжать

свое движеніе на Кахатехась, и 15-го Апрѣля 1811 года, т. е. черезъ двадцать дней по выходѣ нашемъ изъ Сальтильо, мы заняли этотъ городъ, который составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ Мехики.

Взятіе Кахатехаса навело ужасъ на непріятеля, и имена Района и Торреца, до тѣхъ поръ неизвѣстные, сдѣлались знамениты. Къ несчастію, переходъ отъ Сальтильо до Кахатехаса, и взятіе этого города, какъ будтобы истощили всю энергію и все военныя способности генерала Района. Съ этой минуты, онъ дѣлалъ только однѣ непрерывныя ошибки, которыя, съ рѣдкими исключеніями, давали Испанцамъ постоянный перевѣсъ надъ нимъ. Наконецъ, онъ, при всей своей храбрости, совершенно потерялъ вѣру въ свое военное счастье, и при первой минутной неудачѣ бѣжалъ отъ непріятелей. Звѣзда его закатилась; онъ видѣлъ это самъ, но не только не хотѣлъ уступить кому-нибудь другому главное начальство надъ арміей, а напротивъ всѣми мѣрами старался вредить каждому генералу, который затмевалъ его своими талантами. Однимъ словомъ, вся военная слава Района чуть ли не заключается въ исторіи Курено, которую я рассказалъ вамъ, и которая составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ этой кампаніи.

Капитанъ умолкъ. Наступила совершенная ночь; огни погонщиковъ угасли, и шумъ вечера замѣнился торжественной тишиной. Намъ нуженъ былъ отдыхъ для завтрашняго пути, въ который мы хотѣли пуститься пораньше, но со всѣмъ тѣмъ я не могъ не спросить капитана: осталось ли въ военныхъ дѣлѣхъ Мехики имя Курено, подлѣ имени генерала, котораго онъ спасъ своимъ геройскимъ подвигомъ.

— Увы!—отвѣчалъ капитанъ, — когда поколѣніе нашихъ старыхъ воиновъ угаснетъ, ни одна душа не будетъ знать, чѣмъ былъ обязанъ генералъ Районъ солдату Вальдивіа.

ОРГАНИЗМЪ И ЖИЗНЬ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ СЪ МАТЕРІАЛЬНОЙ (ХИМИЧЕСКОЙ) СТОРОНЫ.
(Первоначальныя понятія.)

Если явленія міра неорганическаго поражаютъ наблюдателя своею громадностію и своимъ блескомъ, то наоборотъ явленія міра органическаго, живаго въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, совершаясь въ малыхъ размѣрахъ, изумляютъ своею сложностію и разнообразіемъ. Гроза, землетрясеніе, изверженіе волкана, подъемъ или провалъ горнаго хребта представляютъ не болѣе таинственнаго, загадочнаго, занимательнаго для мыслителя, какъ жизнь малѣйшей былинки, разцвѣтаніе и увяданіе цвѣтка, рожденіе и смерть едва замѣтнаго червя. Правда, не всякаго занимаютъ эти явленія, потому что не всякій способенъ всмотрѣться въ нихъ, осмыслить ихъ для себя, тогда какъ явленія міра неорганическаго каждый осмыслить по своему. Зевсъ Громовержецъ находитъ поклонниковъ прежде Цереры: за то въ миѣ Цереры болѣе внутренняго смысла, чѣмъ въ миѣ Зевса, громящаго Титановъ.

Жестоко ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что постигнуть сущность жизни одного малѣйшаго растенія легче, чѣмъ постигнуть сущность явленій, совершающихся въ цѣлой массѣ планеты. И то и другое природа навсегда сокрыла отъ пытливой мысли непроницаемой завѣсой. Можно видѣть явленія, можно ихъ сравнивать и различать, соединять и раздѣлять, можно подмѣчать ихъ формы, ихъ типы, можно выводить законы, по которымъ они совершаются; но нельзя понять ихъ сущности, нельзя опредѣлить, что они сами въ себя. Много успѣховъ сдѣлала наука, много сдѣлаетъ еще, но никогда не переступитъ той-завѣтной черты, гдѣ оканчивается все конечное.

И потому мы не беремся опредѣлять, что такое организмъ,

что такое жизнь; не беремся даже различить положительно живое существо от мертвого, потому что не имеем для этого достаточных признаков. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ предѣлы жизни и смерти? Срубленное и изсушенное дерево намъ кажется мертвымъ. Но вотъ на него дѣйствуетъ свѣтъ, теплота, влажность. Оно разрушается, тлѣетъ, по видимому умираетъ болѣе, чѣмъ прежде,—но это неправда. На немъ оказалась плѣсень, и микроскопъ доказалъ, что эта плѣсень есть совокупность безконечнаго множества живыхъ растений. Въ немъ зародились черви. Стало быть, дерево, или лучше, вещество дерева, разрушалась, не умерло, а ожило въ новой формѣ. Изъ куска мяса, по видимому мертвого, выработываются частицы плоти и крови животнаго; стало быть, то, что казалось мертвымъ, ожило. Кто знаетъ, можетъ быть, изъ, безжизненнаго кремня, при условіяхъ, которыхъ мы не можемъ предвидѣть, явится живое существо; можетъ быть эта сухая масса, по всемогущему слову Господа сплѣтется, одѣнется плотью, напитается влагою, проникнется жилами, получитъ духъ жизни и подвигнется и оживетъ.

Это мечта, скажутъ многіе,—не мечта, скажетъ каждый, кто рѣшится всмотрѣться въ дѣло. Передо мной окаменѣлое дерево. Разлагаю—оказывается, что оно состоитъ почти изъ чистаго кремнезема. Какаѣ-то до сихъ поръ таинственная сила могла превратить древесину въ кварцъ. Это сдѣлалось, конечно, путемъ химическаго соединенія. Но что могло соединиться при однихъ условіяхъ, то при другихъ можетъ разложиться. Стало быть, если изъ древесны могъ образоваться кремешъ, то почемужъ изъ кремня не можетъ образоваться древесина, или, по крайней мѣрѣ, уголь? Образовавшаяся древесина оживетъ черезъ тлѣніе; образовавшійся уголь превратится въ газъ (сгоритъ), и въ этомъ видѣ вдохнется организмами, угодобится плоти ихъ.

Но оживленіе возможно и безъ разложенія. Голая гранитовая скала, разрушаясь мало по малу, превращается въ глинистую массу. Въ этой массѣ укореняются растенія, всасывающія составныя начала глины, какъ-то: щелочи, кремнеземъ, глиноземъ. Эти вещества,

мертвья въ гранитѣ, теперь, подъ животворнымъ вліяніемъ органпзма, ожили сами,—ибо въ живомъ тѣлѣ все живо.

Такъ оживаетъ фосфорнокислая известь въ тѣлѣ мяскопитающаго животнаго, поташъ въ тѣлѣ растенія, мѣль или мраморъ—въ раковинѣ.

По этому мы не видимъ строгаго смысла въ выраженіяхъ: вещество мертвое и вещество живое, вещество неорганическое и вещество органическое. Что можетъ жить, то не мертво, и если не живо, не жизнедѣтельно, то, по крайней мѣрѣ, жизнеспособно.

Жива ли кость въ тѣлѣ животнаго, древесина въ древесномъ стволѣ, скорлупа яйца, створка живой раковины? Несомнѣнно съ одной стороны, что кость питается и измѣняется непрерывно, стало быть въ ней является существенный признакъ жизни—непрерывное измѣненіе вещества. Но это измѣненіе достигаетъ только извѣстнаго предѣла. Главное вещество кости—фосфорнокислая известь повидимому или вовсе не измѣняется, или измѣняется весьма медленно и только наполняется болѣе и болѣе. Притомъ не подлежитъ сомнѣнію, что измѣненіе кости сильнѣе въ слояхъ наружныхъ, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ глубже слой.

Любопытнѣе всего здѣсь то, что внутренность кости становится полою и наполняется веществомъ мягкимъ, почти жидкимъ, костнымъ мозгомъ. Откуда берется это вещество? По своему составу оно сходно съ веществомъ кости и существенно отличается отъ него только малымъ количествомъ солей. Отъ кости оно отдѣлено внутреннею околокостною плевою. Сосуды кровеносные до него не достигаютъ. Следовательно вещество это отдѣляется изъ самой кости сквозь плеву. Всмотрѣваясь внимательнѣе въ этотъ процессъ, мы находимъ слѣдующее: внутри кости съ самаго перваго ея образованія находятся микроскопическія зернушки. Эти зернушки одарены двоякою способностію: а) притягивать къ себѣ жидкое вещество изъ кости, и б) размножаться. Но это размноженіе достигаетъ только извѣстнаго предѣла. Оно прекращается съ ростомъ животнаго. Въ этой эпохѣ количество

костнаго мозга нѣсколько времени остается одинаковымъ, а это значить, что образованіе приходитъ въ равновѣсіе съ истребленіемъ. Потомъ истребленіе беретъ перевѣсъ надъ образованіемъ—количество мозга уменьшается и наконецъ кость иссыхаетъ.

Что мы видимъ въ кости и костномъ мозгѣ животнаго, тоже самое видимъ въ древесинѣ и сердцевинѣ растенія. Есть, конечно, значительная разница въ составѣ между костью и древесиною, мозгомъ и сердцевиною; но значеніе, по формѣ образованія и истощенія, рѣшительно одно.

Ту же форму найдемъ мы въ отложеніи жира въ клетчаткѣ животнаго, крахмала въ клеткахъ картофеля, сахара въ корняхъ свекловицы, и пр.

Наконецъ—давно извѣстно, что явленія болѣзненные совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ и явленія обыкновенныя, съ тѣмъ лишь развитіемъ, что законы неправильно применяются. Есть извѣстны болѣзныя явца, такъ называемыя болтуны. Эти явца образуются въ организмъ птицы рѣшительно также, какъ образуется въ животномъ кость съ ея мозгомъ, въ растеніи древесина съ сердцевиною, какъ образуется клетка съ ея жиромъ, крахмаломъ, сахаромъ.

Но въ образованіи здороваго, обыкновеннаго явца есть что-то другое. Кромѣ силы, размножающей зернушки (*coariscula*), и силы, притягивающей изъ скорлупы жидкость, бѣлокъ, здѣсь является еще сила сосредоточивающая и соединяющая зернушки, такъ что изъ нихъ образуется наконецъ желтокъ, а изъ желтка, при извѣстныхъ условіяхъ, цыпленокъ. Въ грубомъ видѣ подобное явленіе можно наблюдать въ крови. Положите каплю ея подъ микроскопъ, принявъ напередъ ту предосторожность, чтобы ссыданіе было замедлено, но не совсѣмъ остановлено. Вы увидите, что между двумя кровяными шариками, образуется соединительная нить, между другими тоже, и наконецъ произойдетъ цѣлая сеть изъ шариковъ, связанныхъ нитями,—свертокъ (*coagulum*). Вещество соединяющее, вещество, изъ котораго образуются нити, здѣсь есть фибринъ. Какое-нибудь подобное вещество должно быть

и въ желткѣ. Однакожь приписать этому веществу исключительно образованіе желтка невозможно, ибо здѣсь является не безобразная масса, подобная свертку крови, а что-то стройное. Такъ и изъ крови въ живомъ и здоровомъ организмѣ образуются не свертки, а частицы органа, имѣющія свою опредѣленную и всегда одинаковую форму.

Обращаясь къ нашему вопросу, мы находимъ, что вещество костнаго мозга окончателно вырабатывается въ кости, вещество сердцевины въ слояхъ древесины, вещество янца въ скорлупѣ. Слѣдовательно кость, древесину, скорлупу мы должны почитать живыми и дѣтельными, хотя жизнедѣтельность скорлупы достигаетъ только пзвѣстнаго предѣла, когда она распадается и отпадаетъ. Не таково значеніе раковинъ. Первоначально соответствуя скорлупѣ и будучи органомъ для выростаія въ ней содержимаго, раковина въ послѣдствіи остается при животномъ и питается отъ него, какъ кость питается въ позднѣйшемъ періодѣ жизни животного на счетъ костнаго мозга. Изъ всего этого мы выводимъ покуда одно заключеніе, именно то, что все, находящееся въ живомъ тѣлѣ, живо.

Обыкновенно различаютъ вещества органическія отъ неорганическихъ по ихъ составу, принимая за основаніе, что первыя состоятъ изъ углерода, водорода и кислорода, иногда азота, послѣднія изъ другихъ элементовъ, или, если изъ тѣхъ же, то иначе соединенныхъ. Но это различіе едва ли основательно. Изъ тѣхъ же элементовъ состоятъ, по всей вѣроятности, такъ называемыя простыя вещества, и если они не разложены, то не потому, чтобъ были просты, а потому, что связь составныхъ началъ такъ крѣпка, что превосходитъ наши средства разложенія.

Гораздо важнѣе различеніе вещества живаго отъ мертваго по формѣ. Первое принимаетъ форму, болѣе или менѣе подходящую къ шару, послѣднее имѣетъ форму правильно геометрическую (кристаллъ). Однакожь эта послѣдняя форма

при известныхъ условіяхъ является и въ веществахъ явно органическаго происхожденія, напр. въ сахаръ, и съ другой стороны частицы вещества неорганическаго также при известныхъ условіяхъ могутъ принимать форму округлую. При томъ, принявъ это различіе, пришлось бы допустить, что все жидкое, и особенно все газообразное, живо. Предположеніе по нашему мнѣнію, не лишнее основанія, однакожь не доказанное до сихъ поръ ни чѣмъ и никѣмъ.

При всѣхъ трудностяхъ опредѣленія органическаго вещества или тѣла, мы, однакожь, не смѣшаемъ обыкновеннаго растенія или животнаго съ минераломъ. И потому, не гоняясь наконецъ за строгимъ опредѣленіемъ, мы можемъ слѣдить жизнь, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ доступна. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ объ организмѣ высшемъ и низшемъ.

Что законы жизни для самаго высшего млекопитающаго животнаго и самаго безобразнаго слизняка одни и тѣже, это рѣшено несомнѣнно. Вся разница въ томъ, что высшій организмъ разнообразнѣе въ своихъ частяхъ, многосложнѣе въ своихъ отправленіяхъ, чѣмъ низшій. Безъ сомнѣнія, отправленія организма соответствуютъ его потребностямъ: но въ низшихъ организмахъ потребности или весьма ограничены, или выполняются разными отдѣльными существами, составляющими, относительно единства отправленій, какъ бы одинъ организмъ. Я смотрю на улей пчелъ какъ на одинъ организмъ, въ которомъ различныя отправленія производятся разными особями, рабочими пчелами, трутнями, маткою. Въ высшихъ организмахъ большая часть отправленій совершается одною, нѣкоторыя двумя особями. Такимъ образомъ въ ульѣ рабочая пчела замѣняетъ руки и ноги, матка, можетъ быть, первые центры высшихъ организмовъ, по крайней мѣрѣ по отправленіямъ.

Предположимъ, что есть животныя, у которыхъ при огромной величинѣ тѣла нѣтъ нервныхъ центровъ, т. е. нѣтъ головного и спиннаго мозга. Въ этомъ случаѣ каждая часть этого животнаго будетъ жить своею отдѣльною жизнью,

совершенно независимо отъ другой части, съ которою она будетъ связана только механически. Разсѣкните это животное надвое, на множество частей, и вы увидите, что каждая часть живетъ, потому что каждая часть чувствуетъ и движется, даже питается, ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно каждая часть снабжена нужными для того органами. Любопытный примеръ этого рода животныхъ представляетъ плоская глиста (*taenia solium* и *bothryoccephalus*). Между одной и другой частью этого страннаго существа нѣтъ, повидному, никакой существенной связи.

Предположимъ дальше, что разные части животнаго тѣла, имѣя отдѣльные нервы чувствующіе и движущіе, связаны однакожь общей узловой системой. Животное будетъ имѣть общій желудокъ, можетъ быть, общую кровеносную систему: но каждая его часть будетъ снабжена отдѣльными органами чувствъ и движенія. Такимъ образомъ, если животное будетъ состоять изъ десяти колецъ, то оно будетъ имѣть десятка два глазъ, столькоже ушей, столькоже, или болѣе, органовъ, замѣняющихъ ему руки, ноги ипр. Очевидно, что эти органы во столько разъ должны быть слабѣе, во сколько они многочисленнѣе.

Въ высшихъ организмахъ является общая нервная система, болѣе или менѣе развитая. Органы чувствованія и движенія становятся отъ этого малочисленнѣе, за то сильнѣе. Если предположимъ, что то или другое млекопитающее животное не имѣло бы нервной системы, то мы должны предположить, что оно имѣло бы для каждаго позвонка два глаза, два уха, четыре оконечности, и о страданіи или опасности одного позвонка другой узнавалъ бы единственно помощію зрѣнія и слуха.

Въ низшихъ организмахъ каждую часть мы имѣемъ право считать особымъ организмомъ или совершенно отдѣленнымъ отъ цѣлаго (пчела отъ улья), или связаннымъ съ нимъ, механически (звѣнья плоской глисты), или органически, но слабо (кольца кольчатыхъ животныхъ); въ высшихъ каждую часть мы также могли бы считать особымъ организмомъ, но состоящимъ въ неразрывной связи съ цѣлою системой, такъ что

уничтоженіе одной части или уничтожило бы цѣлую систему, или, по крайней мѣрѣ, отняло бы нѣкоторыя изъ ея отправленій.

Въ низшихъ организамахъ каждая часть, развиваясь сама по себѣ, принимаетъ опредѣленную форму самобытно-живаго существа и при благоприятныхъ условіяхъ достигаетъ до высшаго возможнаго предѣла развитія : въ высшихъ организамахъ , каждая часть , развиваясь подъ вліяніемъ цѣлой системы , принимаетъ то же опредѣленную форму, но не форму самобытнаго живаго существа, а форму соответствующую системѣ, и достигаетъ только той степени развитія, какую можетъ допустить цѣлость системы. Отступленіе составитъ болѣзнь цѣлой системы.

Такимъ образомъ каждый высшій организмъ мы почитаемъ состоящимъ изъ безчисленнаго множества низшихъ, ограниченныхъ въ своемъ развитіи и своей дѣятельности силою системы. Изъ этого слѣдуетъ, что,

а) Хотя дѣятельность каждой частицы высшаго организма и ограничена дѣйствіемъ системы, но существенныя органическія отправленія, каковы: непрерывное измѣненіе вещества, опредѣленная продолжительность жизни и способность размножать свой видъ, неминуемо должны принадлежать каждой частицѣ.

б) Частица, освободившись отъ вліянія системы, будетъ развиваться, но не такъ, какъ она развивалась бы подъ вліяніемъ системы, а своеобразно, какъ независимый организмъ. — Развѣтіе этихъ двухъ положеній составитъ нашу теорію органической жизни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что количество, напр., крови въ тѣлѣ взрослога челоуѣка несравненно больше, чѣмъ въ тѣлѣ младенца. Но доказано, что органическая часть крови, кровяные шарики ни чуть не крупнѣе у взрослога, чѣмъ у ребенка. Стало быть, число шариковъ несравненно болѣе у взрослога, чѣмъ у ребенка, и стало быть, въ крови есть сила, размножающая кровяные шарики.

Извѣстно, что количество, напр., клетчатки несравненно больше у взрослого челоуька, чѣмъ у ребенка; но величина клетокъ у взрослого ничуть не значительнѣе величины клетокъ у ребенка. Стало быть, въ организмѣ есть сила размножающая клетки, и вѣроятно, эта сила принадлежитъ самой клетчаткѣ.

Каждый органъ взрослого челоуька больше, чѣмъ тотъ же органъ младенца; и однакожь первоначальныя органическія частицы въ органѣ взрослого челоуька ничуть не крупнѣе соответствующихъ частицъ въ органѣ младенца. Стало быть, гораздо значительнѣе ихъ число, и стало быть, въ каждомъ органѣ есть сила, размножающая органическія частицы.

Но какъ размножаются органическія частицы въ организмѣ взросломъ, такъ размножаются самые органы въ зародышѣ, такъ размножаются и цѣлые организмы. Мысль эта можетъ показаться смѣлою, даже дерзкою, тѣмъ не менѣе она истинна.

Omnia vivunt ex ovo, и *Omnia vivunt ex liquido*, говорили старыя физиологи. Въ обоихъ положеніяхъ есть истина, но ни то, ни другое невѣрно въ своей исключительности, и даже оба вмѣстѣ не обнимаютъ цѣлаго предмета. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый органъ питается изъ крови, т. е. изъ крови получаетъ и шарики, служащіе яичками для его частицъ, и жидкость, служащую питательнымъ веществомъ каждой частицы; и однакожь частицы органа образуются только въ органѣ, и въ каждомъ органѣ особымъ, своего вида. Въ организма изъ тѣхъ же шариковъ и той же жидкости происходятъ безобразный свертокъ, а не дивно правильная частица органа.

Очевидно, что сила, дающая форму лицу и жидкости, заключается въ самомъ органѣ, а не въ крови. Эту силу называютъ *силою уподобляющею*: пожалуй такъ, хоть мы съ своей стороны гораздо лучше рѣшились бы назвать ее *силою организующею*. Не надобно считать ее невещественною или невѣсомою, какъ обыкновенно думаютъ ученые: напротивъ,

она вещественна такъ точно, какъ вещественна цвѣточная пыль, какъ вещественна плодотворная жидкость самца въ царствѣ животныхъ. Безъ этой силы органъ получаетъ изъ крови столькоже шариковъ, столькоже жидкости, но эти шарики, эта жидкость не оживаютъ въ приличной органу формѣ и извергаются вонъ или безъ измѣненія, или особымъ образомъ измѣненные, и измѣнивши, разстроивши самый органъ.

Каждая частица организма, подобно цѣлой системѣ, должна имѣть опредѣленную продолжительность жизни въ данной формѣ, должна также, какъ и цѣлая система, имѣть свои возрасты. Зарожденіе, ростъ, достигающій до высшаго, назначеннаго для этой частицы предѣла,—размноженіе вида и наконецъ старость также точно свойственны каждой частицѣ, какъ и цѣлому организму. Замѣчательно, что, когда первоначальный простой зародышъ достигаетъ извѣстнаго предѣла развитія, въ немъ или отъ него начинаютъ рождаться зародыши органовъ; когда всѣ эти зародыши явились, начинаютъ образоваться зародыши частицъ; когда такимъ образомъ каждый органъ достигъ до высшаго возможнаго развитія, сила производящая обращается на образованіе новыхъ организмовъ тогоже вида, а прежній организмъ старѣетъ, тогдаетъ и наконецъ умираетъ, т. е. уничтожается сила, связующая его части. Но не надобно смѣшивать смерть организма съ смертью частицъ. Организмъ несравненно долговѣчнѣе частицъ и въ продолженіи своей жизни перемѣняетъ ихъ много разъ. Многіе натуралисты думаютъ, что черезъ шість лѣтъ не остается въ тѣлѣ ни одной частицы прежней, а всѣ замѣняются новыми.

Частица умершая отдѣляется отъ своего органа, теряетъ свою форму, расплывается въ жидкости и изводится вонъ изъ организма въ видѣ отдѣленій (*secreta*) и изверженій (*excreta*).

Что одинъ органъ родится отъ другаго органа, это подтверждается ихъ перерожденіемъ въ растеніяхъ. Лепестокъ, тычинка, даже пестикъ суть видоизмѣненія листа. При однихъ условіяхъ, именно при условіяхъ благопріятствующихъ развитію и жизни недѣлшаго, намѣсто тычинки является

лепестокъ ; при другихъ , благопріятствующихъ размноженію особей , лепестокъ перераждается въ тычинку. Подобнымъ образомъ листь можетъ переродиться въ листь чашечки и наоборотъ. Стало быть зародышъ листа , листка , лепестка , тычинки и пестика одинаковъ , и стало быть зародышъ лепестка можетъ произойти отъ зародыша листка. Подобнымъ образомъ , надобно думать , отъ зародыша одного органа въ тѣлѣ животномъ рождается зародышъ другого органа : ибо развитіе органовъ животнаго тѣла въ ихъ типической , простѣйшей формѣ ничуть не значительно развитіи органовъ растеній.

Окончательный выводъ нашъ изъ предыдущаго разсужденія будетъ тотъ , что частица рождается отъ частицы , органъ отъ органа такъ точно , какъ организмъ отъ организма. Даже первоначальный типъ организаціи во всѣхъ случаяхъ будетъ одинаковъ. Типъ этотъ мы знаемъ : онъ всегда , постоянно есть пузырекъ съ сосудомъ , въ него оканчивающимся. Какъ пузырекъ , такъ и сосудъ въ послѣдствіи растутъ и въ тоже время въ пузырькѣ образуются новые пузырьки , сначала совершенно подобные первому , но потомъ иногда получающіе особія формы. Каждый пузырекъ получаетъ свой сосудъ (каналъ) отъ первоначальнаго сосуда , съ которымъ или остается въ непосредственной связи во всю жизнь организма , органа или частицы , или , напротивъ , эта связь разрывается и пузырекъ съ своимъ сосудомъ становится отдѣльнымъ , притомъ проходнымъ или непроходнымъ , смотря по назначенію въ организмѣ.

Подобно тому , какъ тычинка цвѣтка , по совершеніи оплодотворенія , мало по малу теряетъ свою организацію и наконецъ умираетъ , и частица органа , оплодотворивъ частицу крови , мало по малу теряетъ свою форму , расплывается , умираетъ и изводится вонъ изъ организма. На мѣсто ея поступаетъ вновь родившаяся частица , исполняющая въ организмѣ тоже дѣло , какое и прежняя , т. е. растущая , живущая , оплодотворяющая и наконецъ умирающая. Подобно тому , какъ изъ раннаго цвѣтка при равно благопріятныхъ условіяхъ рождается больше сѣмень , чѣмъ изъ поздняго , и отъ частицы юнаго организма

родится болѣе новыхъ частицъ, чѣмъ отъ частицъ зрѣлаго и стараго. Оттого юный организмъ растетъ, т. е. частицы его размножаются и производительность превосходитъ смертность; въ организмъ зрѣломъ они уравниваются, въ старомъ смертность беретъ перевѣсъ надъ производительностью; организмъ худѣетъ.

Всѣми признано истиннымъ положеніе, что болѣзненные явленія суть только видоизмѣненія явленій физиологическихъ, и что притомъ изъ этихъ видоизмѣненій весьма часто становится ясное законъ самаго жизненнаго процесса. Изъ предыдущей теоріи можно уже заключить, что питаніе и вообще измѣненіе вещества можетъ быть порочнымъ а) или отъ порочнаго свойства питающей жидкости, напр. крови. Если ея шарки неспособны оплодотворяться, или по оплодотвореніи неспособны къ развитію и жизни въ формѣ органа, то съ одной стороны органъ худѣетъ, съ другой составъ самаго питательнаго сока становится неправильнымъ, или, какъ обыкновенно выражаются, порочнымъ, содеража въ себѣ вещества чуждыя для сока. Отсюда разные болѣзненные отложенія. б) Или отъ порочнаго свойства питаемаго органа, какъ-то: отъ неспособности его къ оплодотворенію частицъ сока или крови, отъ неспособности уподоблять себѣ оплодотворенное. Въ первомъ случаѣ частицы питательнаго сока, напр. крови, уже готовы къ оплодотворенію, но не оплодотворяясь, производятъ усиленное раздраженіе самаго органа и иногда цѣлаго организма, такъ называемое воспаленіе, съ послѣдующими явленіями: во второмъ случаѣ частицы органа замѣняются частицами менѣе организованными, напр. частицы мускула частями жира, ткань легкихъ бугорками, древесина мякотью, похожею на сердцевину, крахмалъ сахаромъ. с) Или отъ избытка плодотворной силы органа—излишнее питаніе, (hypertrophia). Для объясненія этого явленія нужно припомнить, что какъ цѣлый организмъ имѣетъ двоякую цѣль, именно поддержаніе самого себя, чрезъ непрерывное пѣчненіе или обновленіе своего вещества, и поддержаніе и размноженіе вида, такъ и каждый

органъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что его второе значеніе состоитъ въ поддержаніи организма. Легкое, напр., съ одной стороны питается само, съ другой, превращая черную кровь въ красную, служитъ для питанія цѣлаго организма. Мускуль и самъ питается, и служитъ орудіемъ движенія; печень вырабатываетъ изъ крови и частицы своего существа и желчь. Если одно изъ двухъ отправленій усиливается, то другое неминуемо слабѣетъ, и наоборотъ. На излишне тучной почвѣ тычинки цвѣтка перерождаются въ лепестки: цвѣтокъ становится махровымъ и теряетъ способность размноженія вида. Такъ отолстѣніе сердца уничтожаетъ его способность сокращаться и двигать кровь; излишнее питаніе селезенки разстроиваетъ пищевареніе. Можетъ быть также d), что одна часть органа развивается на счетъ другой или одинъ органъ на счетъ другаго. Это можетъ быть или съ полною замѣною всѣхъ отправленій органа, или безъ замѣны. Примѣры явленій перваго рода весьма многочисленны. Если изъ двухъ цвѣточныхъ почекъ срѣзать одну, другая разовьется гораздо сильнѣе и роскошнѣе. По сокращеніи одного кровеноснаго сосуда сильно развивается другой, и кровообращеніе восстанавливается. Такъ точно недостатокъ одной желѣзы обыкновенно восполняется сильнѣмъ развитіемъ ея пары.

Иногда при недѣятельности или слабости одного органа усиливается другой, имѣющій хотя неодинаковое, но подобное значеніе. Легкія и печень служатъ для очищенія или претворенія крови. У утробнаго младенца легкія не дѣйствуютъ. За то печень чрезвычайно развита и въ извѣстной мѣрѣ замѣняетъ легкія. Такъ потовыя желѣзы до извѣстной степени могутъ замѣнять почки, и наоборотъ. Но разительнѣйшіе примѣры этого явленія мы встрѣчаемъ въ растеніяхъ. Здѣсь замѣщеніе можетъ простирается даже до высшихъ жизненныхъ отправленій, до размноженія вида. Извѣстно, что многія растенія размножаются не только отъ сѣменъ, но отъ корней и вѣтвей. Другія размножаются еще страннѣе, напр. картофель отъ шишекъ. И однакожь не подлежитъ сомнѣнію, что въ картофель оплодотвореніе совершается обыкновеннымъ

образомъ, въ цвѣткѣ; только плодъ въ нашемъ климатѣ не созрѣваетъ. Видъ неминуемо долженъ бы былъ погибнуть, еслибъ природа не употребила страннаго средства для его сохраненія. Она перенесла вещество сѣмени, уже оплодотворенное, въ шишки, гдѣ подъ защитою крахмала и земли оно можетъ сохраниться и послужить къ размноженію вида. Любопытно знать, будутъ ли способны къ размноженію вида шишки картофеля, если не будетъ цвѣта.

Последнее явленіе, сюда относящееся, есть е) образованіе лжеорганизмовъ (*pseudorganisationes*). Въ нашей теоріи это явленіе объясняется очень легко. Мы видѣли, что частица рождается отъ частицы подобно тому, какъ организмъ отъ организма; но что въ своемъ развитіи, и относительно формъ и относительно величины, каждая частица ограничивается силою системы. Уничтожится дѣйствіе системы на эту частицу, и она, при благопріятныхъ условіяхъ, будетъ развиваться самобытно и своеобразно, составитъ особый организмъ, болѣе или менѣе совершенный. Мы видѣли, что частицы могутъ умирать въ живомъ организмѣ; такъ точно частицы могутъ жить и въ мертвомъ, по крайней мѣрѣ жизнеспособность ихъ не прекращается со смертію, съ разрушеніемъ системы. Изъ частицъ трупа, при достаточной теплотѣ, влажности, доступѣ воздуха, образуются черви. Изъ зародыша частицъ живаго животнаго внутри организма являются глисты. Изъ частицъ живаго растенія образуются грибы и потомъ черви.

Любопытно бы было рѣшить вопросъ: достигаютъ ли эти организмы полнаго развитія, т. е. получаютъ ли они способность размножать свой видъ обыкновеннымъ путемъ. Существованіе въ некоторыхъ изъ нихъ органовъ размноженія вида повидимому наводитъ на положительное рѣшеніе: но не надобно забывать, что присутствіе органа не всегда соединено съ его дѣятельностію. Сосцы есть у самцовъ, но не дѣйствуютъ; подобнымъ образомъ могутъ остаться недѣтельными и другіе органы.

Что касается до формы образованія этихъ лжеорганизмовъ, она достаточно извѣстна. Первоначально образуется шарикъ,

потомъ пузырькъ, не соединенный съ органомъ исполнѣн и служащій гнѣздомъ (placenta) лжеорганизму. Въ этомъ пузырькѣ могутъ образоваться новые пузырьки, изъ которыхъ произойдутъ самыя животныя. Около нихъ собирается вещество, служащее для питанія животныхъ, подобно тому, какъ около желтка собирается бѣлокъ. Наконецъ животное образуется и начинаетъ жить собственною жизнію или на счетъ организма, его произведшаго, или совершенно оставивъ его, на счетъ другихъ организмовъ.

Очевидно, что каждый видъ организма и въ организмахъ сложныхъ каждый органъ долженъ производить этимъ способомъ особыя формы лжеорганизмовъ. Такъ иной видъ грибовъ образуется отъ корня ели, иной отъ корня березы, иной отъ гниющаго пня. Такъ одинъ видъ червей является въ печени, другой въ кишкахъ, иной въ кожѣ. Даже въ одномъ организмѣ и въ одномъ органѣ, но въ разныхъ возрастахъ, являются разные формы лжеорганизмовъ. Такъ въ одномъ возрастѣ является одинъ, въ другомъ другой видъ *ascaris*, въ третьемъ *taenia*.

Продолжительность жизни этихъ существъ въ зародышномъ состояніи весьма различна отъ различныхъ причинъ. Съ одной стороны понятно, что чѣмъ больше пищи, тѣмъ быстрее развитіе, и наоборотъ; количество же пищи для лжеорганизма обратно пропорціонально количеству пищи, потребляемой истиннымъ организмомъ. Известно, что грибы растутъ преимущественно прежде цвѣта и послѣ созрѣванія плода дерева. Для питанія ихъ нужны азотистыя вещества: но пока растение цвѣтетъ, пока наливается его плодъ, вещества эти поглощаются цвѣтомъ и плодомъ и потому естественно развитіе грибовъ замедляется. Худосочное свойство крови животнаго, ослабляя питаніе истиннаго организма, естественно успиваетъ развитіе лжеорганизмовъ, доброкачественное наоборотъ. Далѣе самое количество зародышей, при одинаковыхъ условіяхъ, естественно должно или ускорять или замедлять ихъ развитіе. Если одно и тоже количество пищи должно служить и для питанія одного и для питанія сотни зародышей, то понятно,

что въ первомъ случаѣ развитіе будетъ во сто разъ быстрее, чѣмъ въ последнемъ. Наконецъ различные виды лжеорганизмовъ должны препятствовать развитію другъ друга, отнимая другъ у друга пищу. Такимъ образомъ кожныя сыпы или язвы замедляютъ теченіе внутреннихъ органическихъ болѣзней; съ закрытіемъ первыхъ усиливаются послѣднія.

Грибъ по нашей теоріи не есть ни растеніе, ни животное. Это зародышъ животного лжеорганизма, происшедшій чрезъ перерожденіе частицы растенія или животного, это оплодотворенное яйцо, изъ котораго въ послѣдствіи образуется животное. Подобная форма должна быть свойственна всѣмъ лжеорганизмамъ и нѣкоторые остаются въ ней весьма долгое время, другіе напротивъ, быстро развиваясь, являютъ въ видѣ червей.

Въ природѣ органической нѣтъ смерти въ собственномъ значеніи этого слова: есть только перерожденіе вещества, уподобленіе его высшими организмами ихъ крови и плоти или при разрушеніи высшихъ организмовъ переходъ ихъ плоти и крови въ низшія, отдѣльныя органическія формы. Правда, органическая матерія можетъ оставаться нѣсколько времени недѣятельною; но никогда она не теряетъ своей жизнеспособности и должна окончательно ожить въ той или другой формѣ. Что оживляетъ ее, мы не знаемъ и не узнаемъ никогда: но какъ она оживаетъ, какъ принимаетъ ту или другую форму, какъ переходитъ изъ одной формы въ другую, мы знаемъ изъ многочисленныхъ и весьма точныхъ наблюденій. Съ усовершенствованіемъ средства наблюденія данныя будутъ многочисленнѣе, точнѣе, яснѣе. Наука сдѣлаетъ еще огромные успѣхи, но, повторимъ еще разъ, никогда не раскроетъ она тайны организаціи и жизни въ нихъ самихъ, не постигнетъ ихъ сущности. Сущность жизни волею Творца навсегда сокрыта для смертныхъ. С.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма объ Индіи, князя *А. Д. Салтыкова* (*). Москва. 1851 года, въ 8-ку.

Азія едва ли не прежде Европы дѣлается намъ извѣстною. Азія есть колыбель перваго человѣчества и почти всѣхъ религій, страна, въ которой зародились первыя сѣмена всего того, что впоследствии на почвѣ Европы принесло изобильные и драгоценные плоды. Изъ Азіи мы получаемъ золото и серебро, чай и кофе, прекрасный фарфоръ и превосходный лакъ, дорогія шали, парчи и роскошные ковры; въ Азіи все резко противоположно Европѣ, — и природа съ ея произведеніями, и люди съ ихъ нравами, обычаями, жизнію, даже цвѣтомъ тѣла и волось, и чертами лицъ. Эти впечатлѣнія объ Азіи вѣрзываются въ нашей памяти съ самаго равнаго нашего дѣтства; а извѣстно, что изъ всѣхъ впечатлѣній, впечатлѣнія дѣтства самыя сильныя и глубокія, и остаются въ душѣ нашей на всю жизнь. Подъ вліаніемъ ихъ, мы никогда не перестаемъ фантазіею стремиться на Востокъ, гдѣ, вслѣдствіе этихъ же впечатлѣній, все должно быть, какъ намъ кажется, чудно, поразительно, увлекательно и обаятельно. Такимъ образомъ въ душѣ нашей мало по малу является и возрастаетъ желаніе короче познакомиться съ этою страной, ея жителями и ихъ всецѣлою жизнію. Вотъ почему, если намъ попадаютъ подъ руку описанія путешествій по Европѣ и Азіи, то мы всегда готовы предпочесть послѣднія первымъ. Вотъ почему и «Письма объ Индіи» Князя Салтыкова, мы увѣрены, обратятъ на себя вниманіе читателей, потому что въ нихъ интересъ и занимательность далеко превышаютъ скуку, какая нерѣдко бываетъ при чтеніи подобныхъ сочиненій.

Первый вопросъ, который представляется въ нашей головѣ, по

(*) Сужденіе иностранцевъ объ этой книгѣ помѣщено въ одной изъ прежнихъ книгъ Москвитянина.

прочтеніи «писемъ объ Индіи», былъ вопросъ: къ какому разряду сочиненій должно ихъ отнести, — ученымъ или литературнымъ, и къ какимъ литературнымъ, — изящнымъ и занимательнымъ, или неизящнымъ и нестойщимъ вниманія читателей? Изъ книги Князя Салтыкова ясно видно, что онъ въ перепискѣ съ своимъ другомъ имѣлъ цѣлю сообщить ему все, что случалось съ нимъ на пути изъ Европы въ Азію и въ самой Азіи, и описать все предметы, какіе встрѣчались и быстро смѣнялись передъ его глазами; слѣдовательно, въ книгѣ князя Салтыкова нѣтъ ни особенно важныхъ наблюденій, ни глубокомысленныхъ догадокъ, соображеній, сравненій и выводовъ, ни даже велеречивыхъ описаній мѣстъ и картинъ природы, какъ это встрѣчается во всѣхъ, такъ называемыхъ ученыхъ путешествіяхъ. Необыкновенно же легкой и ясной слогъ, простое описаніе новыхъ въ каждомъ письмѣ предметовъ, возбуждающихъ и поддерживающихъ любопытство въ читателѣ, требуютъ отнести «Письма объ Индіи» къ литературнымъ и даже изящнымъ литературнымъ произведеніямъ.

Мы думаемъ, что князь Салтыковъ очень хорошо поступилъ, что въ своихъ письмахъ не прибѣгнулъ къ ученымъ соображеніямъ, догадкамъ, сближеніямъ и сравненіямъ. Тогда книга его въ глазахъ читателей, вѣроятно, потеряла бы много. Князь Салтыковъ, кажется, хорошо самъ это понимаетъ, и просто описываетъ попадавшіяся ему на пути мѣста и предметы, предоставляя читателю всякія сравненія и сближенія; отъ того подобныхъ мѣстъ въ «Письмахъ объ Индіи» очень мало.

Стр. 9-я: «Обширный городъ Бомбай раскинутъ посреди пальмоваго лѣса. 280,000 Индійцевъ и Гевровъ населяютъ его.... Передъ вами — люди полунагіе, въ бѣлыхъ полостяхъ, съ мѣднымъ цвѣтомъ лица, съ разрисованными плечами и руками, въ чалмахъ бѣлыхъ, алыхъ, желтыхъ или зеленыхъ. *Передъ вами женщины, также едва облеченныя въ разноцвѣтныя прозрачныя, какъ паутина, ткани, разукрашенныя золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, подвѣсками, на шею, на рукахъ, на ногахъ, серьгами въ ушахъ, въ ноздряхъ, раздушенныя благоуханными цвѣтами, влѣстными въ волосы....*» и прочее.

И на 12-й страницѣ: «Безъискусственная грація туземцевъ — для Англичавъ Европейская грамота: простота не нравится уму, привыкшему къ вычурности. *А между тѣмъ, что можетъ быть прекраснѣе смѣшныхъ пародовъ, безобразныхъ нашихъ дѣлъ, въ*

«сравненіи съ чудной первобытной одеждой Индіянокъ, скроенной «и прилаженной самой природой!»

На с. 61 напрасно авторъ думаетъ, что *«языческой Руси Князья «вели такуюже жизнь, какъ Индійскіе Раджи.»*

Во 1-хъ, въ языческой Руси князья, при своемъ безпокойномъ, норманскомъ характеръ, не сидѣли въ «низкихъ удушливыхъ покаяхъ»; имъ вообще не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, и они метались въ разные концы новаго своего отечества, или тревожили другія государства, напримѣръ, Грецію, и были сами тревожимы другими племенами и народами; слѣд. онѣ и не вели однообразной и скучной семейной жизни. Во 2-хъ, самымъ главнымъ предметомъ увеселеній Русскихъ языческихъ князей въ мирное время были пиры съ дружиною и народомъ, и зрѣлищъ никакихъ и никогда въ древнѣй Руси не бывало, — по крайней мѣрѣ никто изъ лѣтописцевъ о нихъ не говоритъ ни слова.

Замѣтимъ еще, что въ «Письмахъ объ Индіи» нѣрѣдко встрѣчаются описанія различныхъ удобствъ и невыгодъ, мелкихъ удачъ и неудачъ, какія случаются съ каждымъ путешественникомъ. Въ нихъ вы прочтете, напримѣръ, что онъ нуждался въ деньгахъ, въ Европейской пицѣ, въ удобномъ квартирномъ помѣщеніи, что его нѣсколько разъ роняли съ паланкина и безпокоили крысы и наѣкомыя; прочтете даже о томъ, какія онъ дѣлалъ предположенія касательно своей поѣздки въ такія-то и такія мѣста, и какія писалъ распоряженія своему управляющему, и наконецъ, какіе сны снились ему на пути... За исключеніемъ этихъ недостатковъ, которыхъ, впрочемъ, тоже мало, мы назвали бы «Письма объ Индіи» неукоризненными. Особенно намъ нравится слогъ: легкій, плавный слогъ! Далѣе: въ каждомъ письмѣ вы встрѣтите, какъ мы уже сказали, новые предметы, отъ чего всѣ «Письма» занимательны и читаются съ удовольствіемъ. Правда, что многіе изъ этихъ предметовъ извѣстны читателямъ; но эта извѣстность — условная: иные подробно знаютъ, напримѣръ, обряды сожженія женщинъ съ умершими мужьями, а другія только кое-что объ этомъ слышали. Въ «Письмахъ» же Салтыкова всѣ эти предметы описаны и довольно подробно, и очень занимательно.

Рекомендуемъ книгу князя Салтыкова читателямъ, такъ называемаго, *легкаго чтенія*, то есть повѣстей и романовъ. У насъ и до сихъ поръ есть еще люди, которые не перестаютъ жаловаться на скудность книгъ, годныхъ для чтенія. Многіе, читая только романы и повѣсти, и начитавшись ихъ вдоволь, скоро ими пресыщаются; всѣ, послѣ прочтенныхъ романовъ и повѣстей, вновь выходящія, кажутся имъ извѣ-

стными по содержанию и скучными по изложению, отчего требуют романовъ и повѣстей съ героями возвышенныхъ характеровъ, сильныхъ страстей, могучей воли, со сценами поразительными, съ обстановками новыми и занимательными. Но такъ какъ великость, сила и могущество рѣдкое явленіе въ природѣ и мірѣ нравственномъ; то и такіе романы и повѣсти появляются очень рѣдко. Взяться же за чтеніе чего-либо по-серьезиѣ романовъ и повѣстей, для этого требуется много условій: подготовленіе къ нему, трудъ, умъ и прочее. Такимъ образомъ приходится читателямъ легкаго чтенія или совсѣмъ отказаться отъ чтенія, или читать то, что имъ черезъ-чуръ уже надобно. Для такихъ-то читателейъ описанія путешествій есть необходимая отрасль литературы, а въ числѣ ихъ «Письма объ Индіи» есть прекрасная книга, потому что эти письма и занимательны, и очень хороши, и даже полезны, и стоятъ гораздо выше многихъ длинныхъ и скучныхъ романовъ и повѣстей. *Н. Р.-Р.*

**ПАМЯТНИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ
РОССІИ СЪ ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ.** По Высочайшему повелѣнію, изданные II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. *Часть I.* Сношенія съ государствами европейскими. *I томъ* — съ Имперіею Римскою, съ 1488—1505.— С. П. Б. 1851. I—XXV. 1620.

Для полной, вѣрной оцѣнки того значенія и той важности, которая должно приписать изданію древнихъ дипломатическихъ актовъ, нуженъ длинный рядъ работъ по части древней русской дипломатіи, и длинный рядъ годовъ исторической русской литературы, точно такъ же, какъ это нужно для вѣрной оцѣнки изданій Археографической Коммиссіи. Оба изданія имѣютъ то общаго между собою, что воскрешаютъ предъ нами наше прошедшее, столь знаменательное для всего настоящаго и всего будущаго. Настоящее, занятое своими собственными вопросами и задачами, рассматриваетъ прошедшее только съ своей точки зрѣнія, и не можетъ вполне объять и понять все богатство прошедшаго. Для полной разработки, полнаго обсужденія и полнаго усвоенія уроковъ и указаній прошедшаго, нужно нѣсколько такихъ моментовъ изъ будущаго, которые, въ свой чередъ, назовутся настоящимъ, и приложатъ свое вниманіе и свое усиліе къ разработкѣ прошедшаго. Работа надъ прошедшимъ есть задача для каждаго настоящаго и заслуга для всего будущаго. Посему изданіе памятниковъ имѣетъ полное право на бла-

оговорѣнную признательность многихъ грядущихъ поколѣній, которыя не могутъ не сочувствовать живительной мысли возрожденія прошедшаго.

Съ такимъ чувствомъ приступили мы къ чтенію и изученію давно ожидаемаго сокровища, которое теперь, по волю Государя Императора, открыто предъ нами, трудами II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Этимъ изданіемъ наконецъ осуществляется потребность обнародованія дипломатическихъ актовъ, высказанная еще Императрицею Екатериною II (1). Но, какъ многое изъ задуманнаго Великими Петромъ I и Екатериною II, изданіе государственныхъ актовъ Россіи предоставлено было совершить благополучно царствующему Императору Николаю I. По идеѣ, данной Государыней Екатериною II, трудились, но безъ послѣдствій, и Миллеръ, и Малиновскій, и Бантышъ-Каменскій, и графъ Румянцевъ (2). Только графъ М. М. Сперанскій положилъ прочное начало дѣлу изданія, помѣстивъ въ Полномъ Собр. Законовъ, государственные трактаты Россіи, съ половины XVII в.

Но изданіе дипломатическихъ актовъ, лежащее предъ нами, существенно отличается отъ изданія трактатовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, въ значеніи законовъ Имперіи. Въ этомъ изданіи трактатовъ, естественно, опущено все, что служило близкимъ или отдаленнымъ поводомъ и мотивомъ къ составленію самаго трактата, — опущены все переговоры и вся внѣшность заключенія акта. Изданіе дипломатическихъ актовъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Читая памятники этихъ актовъ, мы какъ бы лично присутствуемъ при историческомъ развитіи нашей дипломатіи, и слѣдимъ за исторіею всѣхъ и каждаго изъ ея актовъ, начиная съ первой минуты зарожденія его въ умѣ правительства по всѣмъ степенямъ развитія въ переговорахъ, и со всею наглядностію окончательнаго составленія, въ формѣ трактата. Это единственное собраніе, за исключеніемъ, быть можетъ, собранія юридическихъ актовъ (3), въ которомъ сохранялось каждое слово, съ его древнею, на-

(1) Ук. 1779, Янв. 28, п. П. П. С. З. N 14, 834, въ книгѣ штатовъ дух. и гражд. «для россійской исторіи, повелѣваемъ учинить собраніе всѣхъ нашихъ древнихъ и новыхъ трактатовъ, по примѣру Дюмонова, и поручить статскому совѣтнику Миллеру».

(2) См. введеніе въ Собр. Русск. Грамот. и Роброклоп. Указатель трактат. VII и слѣд.

(3) Весьма жаль, что, при изданіи Юридическихъ Актовъ, ограничилисъ только нѣсколькими документами, въ каждомъ родѣ, образцами. Древнія формы только любопытны; древняя жизнь всегда поучительна.

ивною силою, напр. *угорскими шами королю Батуру не глатить найма его воинамъ* (1); — равно какъ, въ актахъ этого собранія, сохранилась и всякая фраза, которою наши древніе дипломаты скрывали, при нуждѣ, свои задушевные мысли и желанія, въ родѣ слѣдующей: *паробокъ есми у Государя своего молодой, болшія дѣла мнѣ какъ вѣдать мочно* (2). Правда, всѣ эти слова и мысли и фразы относятся къ одному предмету — къ сношеніямъ внѣшнимъ; но чего не касались эти сношенія въ самой Россіи отъ сватовства и браковъ государей до суда и расправы надъ иностранцами, до торговли, судоходства, ямовъ?

Передъ нами, пока, I-й томъ I-й части сношеній съ Европою, содержащій въ себѣ *сношенія Россіи съ Римскою имперіею*, съ 1488 до 1595. Но сколько тутъ предметовъ для размышленія; сколько вопросовъ для изученія! Общее содержаніе этихъ актовъ — ходъ событий, подавшихъ поводъ къ сношеніямъ этихъ державъ, равно какъ самый результатъ посольствъ имперскихъ и русскихъ — все это извѣстно было давно, — извѣстно изъ исторіи Карамзина и изъ другихъ сочиненій. Посему, говоря объ изданіи дипломатическихъ актовъ, показать только содержаніе этихъ актовъ, значитъ ничего еще не сказать объ нихъ. Достоинство и важность дѣла требуетъ болѣе глубокаго вниманія и обстоятельнаго знакомства съ изданными актами.

Должно вспомнить, что издаваемые теперь Памятники принадлежатъ времени, когда ни въ Россіи, ни на западѣ Европы не было *постоянныхъ миссій* или посольствъ, которыя бы проживали цѣлые годы, при извѣстномъ дворѣ, въ качествѣ законнаго присутственнаго мѣста, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, и для остановленія своимъ veto всего, что противно пользамъ ихъ отечества. Въ этомъ состоитъ существенное отличіе древней дипломатіи отъ новой, образовавшейся, на западѣ, преимущественно, съ половины, а, въ Россіи, съ конца XVII в., мѣся съ Петра В. До этой эпохи, повсюду, въ Европѣ, послы приходили и уходили, по мѣрѣ временной надобности, и по требованію случая; посольства оставались въ мѣстѣ назначенія только до окончанія одного дѣла, до рѣшенія одного вопроса, и потомъ замѣнялись другими, новыми, при другихъ лицахъ, съ другими дѣлами, съ другими наказами. Отсюда выходило естественное преобладаніе словесныхъ переговоровъ передъ письменными сношеніями: во-первыхъ потому, что едва изъ

(1) Диплом. Акт. I, 827.

(2) Диплом. Акт. I, 777.

сторонъ могла быть совершенно неготовою къ вершенію дѣла, задуманнаго и обдуманнаго другою, и должна быть склоняема къ дѣйствию или бездѣйствию дѣявшимъ рядомъ переговоровъ, доказательствъ, убѣжденій. Съ другой стороны, словесные переговоры были необходимы и потому, что каждое новое посольство должно было выполнять весь чинъ посольскій, съ *прáвленія* или перваго представленія до прошальной аудіенціи.

Между тѣмъ, при отсутствіи въ тогдашней дипломатіи, особенно напр. въ сношеніяхъ Россіи, одного общаго языка, которымъ владѣтъ новѣйшая дипломатія, и по причинѣ всегдашней важности вопросовъ, составляющихъ предметъ государственныхъ сношеній, должно было прибѣгать къ переводу словесныхъ рѣчей на бумагу, и къ письменнымъ документамъ. Отсюда образовалось то огромное количество актовъ, — наказовъ, статейныхъ списковъ, рѣчей и отвѣтовъ, — которое входитъ въ составъ изданія дипломатическихъ актовъ; это положеніе дѣлъ оказалось теперь весьма полезнымъ, для изученія исторіи древней дипломатіи, но въ то время было не безъ затрудненій правительству.

Мы уже сказали, что всякое новое посольство могло вызвать къ дѣятельности новыя лица, — съ новыми наказами, съ новыми усиліями и новыми средствами ума и характера. Естественно, что отсюда, въ результатъ, получалось замѣчательное разнообразіе въ тактикѣ переговоровъ, въ ходѣ доказательствъ, въ способѣ взаимнаго убѣжденія сторонъ. Отсюда же могла произойти опасность получить разнорѣчивыя рѣшенія по одному и тому же дѣлу, не вслѣдствіе перемѣны въ существѣ его обстоятельствъ, а вслѣдствіе особенностей въ личности посланниковъ. Эта опасность вызвала, для древней дипломатіи, такое устройство, по которому дѣла переговоровъ совершались почти непосредственно Государемъ, въ его Думѣ и Думой или Совѣтомъ. Рѣдки случаи, въ которыхъ иноземныя посольства правились не въ присутствіи Государя; никогда не слушаетъ Государь посольствъ, безъ бояръ, Пановъ Рады или Совѣта; отправленіе собственнѣхъ пословъ происходило также, при помощи подробнѣйшихъ наказовъ, съ обозначеніемъ иногда самыхъ словъ, въ которыя должно было облечь мысль Правителя. Разумѣется, было бы несправедливо представлять пословъ того времени говорящими машинами или чисто-страдательными лицами. Они носили образъ Государя (1), — были его совѣтниками, и засѣдали въ Думѣ, при совѣщаніи о предметѣ ихъ посольства, — въ самыхъ Наказахъ пред-

(1) См. мою рѣчь о Древ. Рус. Диплом., 1847. Стр. 86. Дип. Акт. 275.

писывалось имъ говорить о дѣлахъ, какъ *пригоже* (1), или, какъ *Богъ положитъ имъ на сердце* (2). Ограниченія личнаго вліянія пословъ были необходимы для сохраненія того единства, при разнообразіи, которое необходимо вслкому государственному дѣлу, и которое такъ характеризуетъ акты древней нашей дипломатіи. Акты дипломатіи хранились въ государевой казнѣ, и, при вслкомъ случаѣ, Дума и Рада справлялись съ ними, держась, по возможности, разъ даннаго отвѣта, разъ возбужденнаго вопроса и добытаго переговорами рѣшенія. Итъ нужды, что годы, десятки лѣтъ, а за ними и столѣтія раздѣляютъ появленіе одного посольства отъ другаго; если только дѣло, ихъ вызвавшее, одно и тоже, отвѣтъ на послѣднее посольство уже напередъ данъ, — стояло *возрить въ старыя грамоты* (3). И этаго отвѣта предковъ держались потомки всѣми силами. Въ этомъ выражается духъ единства нашей древней дипломатіи, господствовавшій въ ея взглядѣ на пользы отечества, въ ея требованіяхъ, въ ея направленіяхъ. Въ сохраненіи этаго единства состояли всѣ ограниченія, со стороны наказовъ, для дѣйствія пословъ.

Другая черта, характеризующая нашу древнюю дипломатію, уже вытекаетъ изъ этаго единства, и состоитъ въ настойчивости, съ одной, и въ неуступчивости, съ другой стороны. Несправедливо было бы назвать это свойство неподвижностію или застоємъ; въ послѣднемъ случаѣ, сношенія съ Россіею были бы невозможны, тогда какъ до насъ дошла масса вершенныхъ дѣлъ посольскихъ, почти со всѣми государствами Европы и частію Азіи. Правда, что переговоры шли встарину весьма мешкатно; да вѣдь не у насъ однихъ! На западѣ въ это время также чувствовали неудобства отъ медленности, и, при нѣкоторыхъ дворахъ, старались, хоть и безуспѣшно, помочь этому горю установленіемъ болѣе продолжительныхъ и постоянныхъ сроковъ пребыванія посольства, напр. втеченіе 6 лѣтъ (4). Въ Россіи не дѣлали и того, какъ бы знав, что мешкатность переговоровъ происходила отъ всего учрежденія посольствъ, не бывшихъ постоянными, и особенно отъ свойства вопросовъ дипломатіи, требующихъ всесторонняго разсмотрѣнія. *Дѣло переговоровъ — дѣло великое*, говоритъ наши акты, — дѣло цѣлой русской исторіи, говоримъ мы, и соглашаемся, что спѣшить было не возможно. Да и некуда было торопиться. Близкихъ къ намъ, ежеднев-

(1) Во многыхъ мѣстахъ Дипл. Акт.

(2) Рѣчь о древ. Дипл., 86, примѣч. 2.

(3) Диплом. Акт. 153.

(4) Большею частію между родственными домами. Дипл. Акт. 761.

ныхъ событій, въ Европѣ еще не было. Между тѣмъ Россія требо- вала къ себѣ всего вниманія правительства, и возбуждала въ своихъ правительственныхъ лицахъ все ихъ вниманіе. Интересы отечества пред- стояли уму Думы, какъ единственныя требованія закона и сердца, какъ единственный достойный предметъ изученія. Въ этомъ отношеніи замѣчательны знанія и навыкъ нашихъ древнихъ дипломатовъ. Несмотря на всю массу разнородныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, ни объ одинъ вопросъ не спотыкается ни дьякъ, ни бояринъ: потому что ни одинъ вопросъ не представляется ему чѣмъ-то новымъ и случайнымъ, безъ связи съ исторіей и со всѣмъ прошедшимъ; отвѣтъ прежде дан- ный въ памяти каждаго, и — вотъ основаніе для дальнѣйшихъ перегово- ровъ. Можно обойти вопросъ и прежнее его рѣшеніе; но измѣнить, переговорами, было невозможно. Между тѣмъ, сравнивая отвѣты на- шихъ бояръ съ отвѣтами литовскихъ и цесарскихъ уполномоченныхъ, частенько и теперь станешь на сторону нашихъ бояръ Юрья да Ши- гоны. Россія думала только о себѣ, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ; вотъ источникъ ея неуступчивости и настойчивости. Да какое же госу- дарство не думаетъ и не думало прежде всего о себѣ? И разумная мысль, разумная заботливость о себѣ не есть эгоизмъ, а тотъ есте- ственный путь, указанный самимъ Провидѣніемъ, который ведетъ госу- дарства къ образованію мирнаго человѣческаго общества, по началамъ народнаго права. Разумныя и потому успешныя усилія къ собствен- ному развитію ведутъ государства къ болѣе и болѣе прочному сбли- женію съ другими, — къ сближенію съ возрастающимъ количествомъ точекъ соприкосновенія, — къ сближенію съ умножающеюся возможно- стію замѣнять свои уступки приобрѣтеніями. Кто болѣе другихъ сдѣ- лалъ для себя, болѣе другихъ можетъ сдѣлать для своихъ сочленовъ, въ обществѣ.

Наконецъ, соображая все разнообразіе средствъ древней дипломатіи, раз- мно сдержанное единствомъ управленія и уваженіемъ къ прошед- шему, соображая эту вѣрность хода переговоровъ и эту несомнѣнную привычку бояръ и дьяковъ рѣшать дѣла посольскія, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что наша дипломатія не могла родиться вдру- гъ, въ концѣ XV вѣка, въ такой полнотѣ, въ какой видимъ ее въ изданныхъ актахъ, пережившихъ, по особеннымъ счастливымъ обстоя- тельствамъ, другіе болѣе древніе акты. Нѣтъ, наша дипломатія должна быть древнѣе самихъ этихъ актовъ, ею произведенныхъ, и должна ле- жать своими корнями глубоко въ отдаленнѣйшей древности Руси (1).

(1) Въ рѣчи о *древ. рус. дипломатіи* найдемъ много доказательствъ дре- вности тѣхъ формъ и тѣхъ началъ, которыя встрѣчаются въ изданныхъ теперь актахъ. На нѣкоторыя мѣста укажу въ этой статьѣ.

Посмотрите, какъ все правильно и полно развито въ русской дипломатіи конца XV и въ XVI вѣкѣ.

Какъ скоро иноземное посольство приближалось къ русской границѣ, начальникъ ближайшаго къ рубежу мѣста или города тотъ-часъ давалъ о томъ знѣть сосѣднему воеводѣ, а воевода гналъ гонца съ грамотою къ Москвѣ. Изъ Москвы, отъ В. Князя и Царя дѣлался вопросъ о томъ, кто прѣѣхалъ, *послы ли великіе*, собственно *послы*, или *послы легкіе*. иначе *посланники*, или *гонцы*, *гончики легкіе* (1). Гонцы не имѣли, говоря современнымъ языкомъ, никакого дипломатическаго характера, и составляли встарину тоже, что въ наше время курьеры (2). По различію, которое дѣлали у насъ между послами и посланниками, была различна форма *встрѣчи* и *пріема* этихъ двухъ родовъ уполномоченныхъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ готовились къ встрѣчѣ; посылались приставы съ подорожными, и *болре, для пріятія пословъ*; назначались кормы и мѣста стоянки, по всему пути, отъ рубежа до столицы. Пріемъ дѣлался по опредѣленнымъ правиламъ, — *по обычаю, по взаимности* или *по закону возмездія*, реторсін, если нашимъ посламъ, въ отечествѣ новоприбывшихъ, отказано было въ какой-нибудь обычной почести (3). Такъ, по взаимности, В. К. Іоаннъ Васильевичъ III *подаетъ руку* цесарскому послу Делатору, потому что Цесарь подавалъ свою руку нашему послу (4). По тому же В. К. Василій Іоанновичъ впоследствии, не давая, по обычаю, руки посламъ литовскимъ, подаетъ ее Герберштейну (5). Наоборотъ, Великій же Князь Іоаннъ III *не велитъ* Юрію Траханіоту *поклонъ править Цесарю*, потому что посолъ цесарскій *не правилъ ему поклона* (6).

Правленіе посольства происходитъ, по Диплом. Актамъ, въ порядкѣ, установленномъ въ глубокой древности (7). Прежде всего отдается *поклонъ* — NN велѣлъ тебѣ поклониться; послѣ того, идетъ вопросъ о здоровьѣ; далѣе выраженіе благодарности за подарки, *поминки*; за тѣмъ, посолъ долженъ подать *поминки*; наконецъ *представитъ* вѣрющую грамоту, и рѣчь говорить статьями, чередуясь съ това-

(1) Диплом. Акт. 482, 487, и др.

(2) Рѣчь о древ. Дипл. 85. Предисловіе къ Дипл. Актамъ XIV, примѣч.

(3) По обычаю пріемъ описанъ во всѣхъ почти случаяхъ, упоминаемыхъ въ Диплом. Актахъ.

(4) Дипл. Акт. 26. (5) Дипл. Акт. 262.—173, 174, 176, 190 и др.

(6) Ibid. 82. (7) Рѣчь о древ. Дипл. 35.

ринцами, членами посольства (1). Съ этой рѣчи начинались *переговоры*.

Способъ веденія переговоровъ былъ различенъ, какъ и въ наше время, по различію въ полномочіяхъ. Одни послы имѣли право только *переговоры вести* и трактовать о дѣлѣ; другіе имѣли власть *переговариваться* и *утверждать*, т. е. заключать договоръ, — то, до чего договорились (2). Состоялся *актъ грамоты*, сообразно переговорнымъ статьямъ, — посольство кончало свое дѣло. Следовательно, чинъ посольства, въ это время, есть уже правильный, логическій актъ, котораго отдѣльные моменты состоятъ: 1, въ *пріемъ* или предложениі, вопросѣ; 2, въ *переговорахъ* или сужденіи, и 3, въ *отпускѣ съ грамотой* или заключеніи, рѣшеніи, приговорѣ. Эту древнюю форму дипломатическихъ сношеній можно назвать классической, потому что въ ней сохранилось и единство мѣста, и единство предмета, и единство лицъ.

Посмотрите теперь на *частные вопросы*, касающіеся посольскаго права и, такъ сказать, теоріи переговоровъ. Начнемъ съ того, что русское правительство, при всякомъ случаѣ, высказываетъ свое желаніе имѣть частыя, непрерывныя сношенія съ державами европейскими. В. Князь Іоаннъ III часто говорилъ Максимилиану: какъ было бы желательно, чтобы *наши люди ѣздили между нами здоровья нашею видѣти* (3). Съ 1520 годовъ прерываются наши сношенія съ Римской Имперіею; за то съ 1570-хъ посольства изъ Россіи и обратно учащаются, при помощи *объясненій*, такъ называемыхъ *lettres de condoléance et de félicitation*, посылаемыхъ Іоанномъ IV къ Максимилиану II и Рудольфу II (4).

Кто могъ быть посломъ, въ глазахъ русскаго правительства? По нашимъ обычаямъ, нѣкоторыя державы должны были слать къ намъ великихъ пословъ, напр. Литва и Польша должны были присылать своихъ *Пановъ Рады* (5), хотя Герберштейнъ, въ 1547 г., увѣрялъ, что послать можно и *рибу* (6). Но, во всякомъ случаѣ, права пословъ были обезпечены въ Россіи ясными, опредѣлительными понятіями. Посла разсматривали у насъ, какъ представителя Государя, потому что *всякъ посланникъ лицо Государя своего носитъ* (7); считали

(1) Акт. Дипл. 14, 15 и мн. друг. (2) Акт. Дипл. 597, и друг. (3) Дипл. Акт. 154, 720, 766 и друг.

(4) Объясненія, съ выраженіемъ сожалѣній, утѣшеній или съ поздравленіями, см. Дипл. Акт. 718, 721, 722, 910, 929 и друг.

(5) Дипл. Акт. 240. (6) Ibid. (7) Дипл. Акт. 275.

обязанностию не чинить послу не только личных оскорблений и обидъ въ имуществъ, но и принужденія въ *дѣлахъ его и рѣчахъ* (1). Замѣчательна при этомъ *довѣренность*, которую оказываютъ, при нашемъ Дворѣ, посольству иноземному, то отстраняя мысль, будто его подозреваютъ въ лазутничествѣ (2), — то позволяя посламъ одной державы видѣться съ послами другой, — и даже отрекаясь отъ чтенія грамотъ, посылаемыхъ изъ Москвы иноземнымъ посломъ къ правительству и другимъ лицамъ враждебной въ то время Литовско-Польской державы (3). Всего этого *посольскаго права*, естественно, русскій Дворъ требуетъ отъ другихъ и для своихъ пословъ. — Дѣлая, впрочемъ, относительно *почестей и церемоніала*, различіе между посольствами разныхъ державъ, и не желая никому уступать своего преимущества, даже въ этомъ отношеніи, русскій Дворъ осторожно выводитъ пословъ своихъ изъ всѣхъ случаевъ столкновенія въ этикетѣ. Въ наказахъ, данныхъ въ разные времена, посламъ русскимъ, отправлявшимся къ Императорамъ, постоянно повторяется предписаніе принимать приглашеніе къ *столу* только въ томъ случаѣ, когда тамъ не будетъ пословъ другой державы, или, когда дадутъ слово посадить ихъ на первомъ мѣстѣ. Въ противномъ случаѣ, они могутъ выгнать даже изъ-за стола (4).

Не менѣе определенныхъ правилъ можно вывести изъ актовъ относительно веденія переговоровъ, относительно мѣста, лицъ, участвовавшихъ, — принятыхъ формъ и способовъ. Такъ главнымъ мѣстомъ переговоровъ издавна считалась Москва, какъ въ болѣе отдаленные вѣка Кіевъ (5); и посылать пословъ своихъ въ иной городъ, за рубежь, или вести переговоры не въ Москвѣ считалось, по старымъ обычаямъ, *безчестьемъ* для Россіи (6). Въ тоже время, дѣла наши со Швеціей, Ливоніей, Норвегіей, рѣшались, большею частію, въ Новгородѣ (7). — Тамъ и здѣсь, послы должны были говорить съ боярами; Царь и Великій Князь не слушаетъ ихъ безъ бояръ, хотя случалось, что бояре выслушивали, въ Москвѣ, какъ въ Новгородѣ, не въ присутствіи В. Князя

(1) Дип. Акт. 237, 243, 250. См. также Рѣчь о древ. Дипл. 35, 58 и друг. мѣста.

(2) Дипл. Акт. 213. Хотя люди короля Сигизмунда находились при Герберштейнѣ, но бояре объявили ему, чтобъ онъ *о томъ* сумнянія никотораго не держалъ.

(3) Диплом. Акт. 213. 219. 247. 250. (4) Дипл. Акт. 854. (5) Рѣчь о древ. Дипл. 36. (6) Дипл. Акт. 209, 212, 225, 255 — 257.

(7) Дипл. Акт. 81. И въ то время, когда мы держали Новгородъ, по ихъ волю, и когда почали держать въ своей волѣ.

и Царя (1). Болре иногда всѣ присутствуютъ при переговорахъ, большею частію только нѣкоторые. При боярахъ, самъ Государь изрѣдка говаривалъ съ послами (2), а *Государево слово живетъ крѣпко и неподвижно, и инако слово его не живетъ* (3).

Языкъ переговоровъ, разумется, былъ двойной, съ переводомъ на латинскій или нѣмецкій (4). Знакомыхъ съ этими, языками, должно быть, было довольно, если словесные отвѣты, по обычаю, давались тутъ же, тотчасъ; и притомъ такіе отвѣты, что въ тотъ же день могли быть перенесены на бумагу и составить актъ вѣчнаго обязательства. Эти письменные отвѣты и рѣчи, переведенные на языкъ повятный для посла, сообщались ему непременно на другой день, до начала дальнѣйшихъ переговоровъ, составляя какъ бы протоколъ предшествовавшаго засѣданія. Общее правило для переговоровъ, съ русской стороны, состояло въ томъ, чтобы говорить, какъ *пригоже, съ крѣпка, на крѣпко* (5). При этомъ дѣлалось различіе между обязанностію *говорить о дѣлѣ* и только *заговаривать*, возбуждать вопросъ, какъ бы невзначай, безъ особеннаго интереса (6). Рѣчи, не заключавшія дѣла или не усиливаемыя доказательствами, назывались *разговорными*, или *только рѣчами, въ которыхъ дѣла нѣтъ* (7). Нельзя и здѣсь не замѣтить прекрасной черты нашего Двора, — *совѣстливости въ веденіи дѣла*. Услыжавъ, что Максимилианъ I занялъ престолъ отца своего, съ которымъ имѣлись условія о взаимной помощи, и что Максимилианъ имѣеть нужду въ русскомъ содѣйствіи противъ короля польскаго, Іоаннъ III, поговоривъ о томъ съ боярами, положилъ послать грамоту къ Максимилиану, съ предложеніемъ услугъ, если онъ нужны, потому что *то пригоже* (8).

Перейдемъ теперь къ самому предмету переговоровъ, и покажемъ рѣшенія, которыя древняя русская дипломатія считала справедливыми относительно различныхъ вопросовъ международныхъ отношеній.

а) *О сватовствѣ*, которое должно быть къ чести В. Князя. За Маркграфа не обшачать Великой Княжны, потому что В. Князь Московскій Іоаннъ III происходитъ отъ древняго княжескаго рода, состоявшаго въ любви и пріязни съ Цесарями Византіи, наконецъ имѣеть теперь въ свойствѣ Ивана Палеолога Римскаго Цесаря: *такому Вели-*

(1) Дип. Ак. I, 419, 206. (2) Дипл. Акт. 82.

(3) Ibid. 536, 537. 1348: какъ слово свое молвилъ, такъ и стоитъ.

(4) Дипл. Акт. 41. (5) Дипл. Акт. 126, 223, 382. (6) Акт. дипл. 95, 96.

(7) Акт. дипл. 96. (8) Акт. дипл. 297. (9) Дипл. Акт. 151.

кому Государю какъ давати дочи за Маркграбія? Если же зайдетъ рѣчь о сынѣ Римскаго Цесаря, тогда обшчатъ ему руку В. Княжны (1). О приданномъ запрещается русскимъ посламъ трактовать съ совѣтниками германскаго Императора, потому что въ Россіи не слыхано, чтобы между великими Государями о приданномъ рѣда была; а ставется дѣло, Государь Московскій, для своего имени и для своей дочки, дастъ казну, какъ пригоже (2). О имуществѣ того изъ супруговъ, который умретъ бездѣтнымъ, у насъ того убѣжденіа, что оно дѣлается законнымъ наслѣдіемъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго (3).

б) О правѣ на русскую землю. Общее выраженіе для этаго права есть *вотчина* или *отчина*, — выраженіе, повторяемое въ нашихъ дипломатическихъ и государственныхъ грамотахъ съ древнѣйшихъ временъ, съ Ярослава I и его преемниковъ, и притомъ всегда въ одномъ значеніи — *единства, нераздѣльности и неотчуждаемости* русской земли. Тоже самое встрѣчаемъ мы въ разсматриваемыхъ актахъ, гдѣ начало вотчинности налагаетъ, какъ бы, обязанность на каждаго В. Князя не токмо не отречься отъ той или другой части русской земли, но всегда стараться объ ея собраніи воедино, объ ея возвращеніи и присоединеніи къ Россіи (4).

в) О союзахъ съ иноземными державами. Въ дипломатическихъ актахъ употребляется, въ этомъ смыслѣ, слово *завѣщаніе*, очевидно измененное изъ древнѣйшаго выраженія Нестора — *свѣщанья*, *совѣщаніе*, *уговоръ*, *условіе* (5). Отсюда заимствуютъ акты титулъ *завѣщательнаго брата*, который взаимно даютъ себѣ наши Государи и нѣмецкіе Императоры (6). Характеръ союзовъ того времени состоитъ въ *общности*, въ обязанности стоять одной сторонѣ за другую, *всѣми силами*, — *дѣйствовать за однихъ*, — и *однолично*, одному союзнику безъ другаго *ни смолвы, ни миру съ врагомъ не чинить* (7). Эта обязанность продолжалась *до живота*, — формула, замѣнявшая другую, западную — *воевать противъ Короля NN и дѣтей его* (8).

г) О мирѣ и понятіяхъ, касавшихся военнаго права. Война счи-

(1) Дипл. Акт. 6, 17, 29, 30.

(2) По началу вотчинности русской земли, въ приданное за русскими В. Княжнами всегда давали одно движимое, казну. См. мою рѣчь о дрв. Дипл., 59. Акт. Дипл. 46.

(3) Дипл. Акт. 279, 284. (4) 287, 288.

(5) Рѣчь о дрв. Дипл. 17. Дипл. Акт. 117, 123, 222; 29, 30, 49, 51.

(6) Дипл. Акт. 131, 200. (7) Дипл. Акт. 91. (8) Дипл. Акт. 58, 84.

тается, по русскимъ актамъ, *последнимъ средствомъ*, *ultima ratio*, и наши бояре постоянно твердятъ, что *сначала надо искати миромъ, потомъ войною* (1). Дѣлалось; въ это время, различіе между *миромъ прочнымъ, вѣчнымъ* (2), — *перемиремъ*, которое было заключаемо на срокъ, — и *отложениемъ оружія*, *suspension d'armes*, которое нисколько не рѣшало спорнаго вопроса, и только отлагало на время враждебныя дѣйствія воюющихъ сторонъ. Оно заключаемо было на самый короткій срокъ, и оставляло объ стороны въ положеніи, извѣстномъ подъ именемъ *uti possidetis* (3).

Но мы напрасно бы старались представить здѣсь читателямъ всѣ предметы, входившіе въ составъ переговоровъ; этихъ предметовъ тамъ тысячи. Притомъ же, извлекая отдѣльные вопросы изъ актовъ, все-таки нельзя дать полнаго понятія о томъ духѣ, который господствуетъ въ живой бесѣдѣ дипломатическихъ актовъ. Наконецъ, мы оставляемъ переговоры и для того, чтобы найти время сказать нѣсколько словъ о самыхъ дипломатическихъ бумагахъ древности.

Наша древняя дипломатія знала, въ разсматриваемый нами періодъ, разнообразнѣйшія формы для своихъ документовъ: *вѣрющія грамоты*, или письма, которыми Государь приглашаетъ другаго Государя почтить его посла доврѣемъ; *Наказы*, или уполномочія, служившія, какъ и нынѣ, основаніемъ и предѣлами для дѣятельности посланника; — *Списки*, такъ называемые *статейные*, или копии со словъ и рѣчей, произносимыхъ послами, во время переговоровъ; — *опасы*, *геллейтовые листы*, или посольскіе паспорта, для свободнаго проѣзда и выѣзда пословъ изъ государства, гдѣ они были акредитованы; — *подорожныя грамоты*, при помощи которыхъ послы могли пользоваться ямскою гоньбою (4); — наконецъ собственно *грамоты*, перемирныя, докончальныя и т. п. — Все это *исходило* отъ Царя и Думы, *возвращалось* къ Царю и Думѣ, и *хранилось* въ государственной казнѣ (5). Отсюда уже можно видѣть, до какой степени подозрительно обвиненіе, которое Кошкинъ взводитъ на бояръ русскихъ (6), намекая, что они, будучи въ послахъ, сочиняли рѣчи свои, въ статейныхъ спискахъ, послѣ, на досугъ, обдумавши, съ

(1) Дипл. Акт. 234. (2) Рѣчь о древ. Дипл. 18.

(3) Даже плѣнные не освобождались изъ плѣну; Дипл. Акт. 290, 394, 396, 439 и т. д.

(4) При надобности, послы ѣхали день и ночь, Дипл. Акт. 538.

(5) Этому обстоятельству мы обязаны сохраненіемъ Диплом. Акт. См. Рѣчь о древ. Дипл. 87. (6) Кошкинъ, глав. IV.

прикрсами. Мы видѣли, что посольскія рѣчи говорились въ присутствіи двора, который давалъ на нихъ отвѣты тутъ же, и что рѣчи и отвѣты, въ тотъ же день, передавались бумагъ, въ видѣ журнала или протокола. Скажи наши послы одно, и напиши въ своемъ протоколѣ другое, не согласное съ протоколомъ Пановъ Ряды или Цесарскихъ совѣтниковъ, — нельзя было бы избѣгнуть возраженій. Оставь они при Цесарскомъ дворѣ отвѣтъ, какъ удался, и вези другой, похитрѣй, въ Москву, въ собственномъ статейномъ спискѣ, — не миновать столкновений между государями, которымъ стоило возрѣть въ грамоты, чтобы найти виновныхъ. Нѣтъ, статейные списки были нѣчто въ родѣ фреско въ живописи; поправки, подчистки были невозможны.

Здѣсь было бы у мѣста обратить вниманіе на языкъ дипломатическихъ актовъ, — языкъ чисто-русскій, по мѣстамъ, безъ всякой примѣси, и свободный отъ вліянія церковнаго, — языкъ разговорный, на которомъ происходили бесѣды при дворѣ Московскомъ (4). Но у насъ еще много своего дѣла. Мы должны упомянуть здѣсь о дипломатическихъ формулахъ и титулахъ.

Титулъ: *Божією милостію, Мы* и пр., столь древній въ нашей дипломатіи (2), измѣняется въ XVI в., съ Іоанна IV, тѣмъ, что ему предшествуетъ, въ каждой почти грамотѣ Цари, воззваніе къ Святой Троицѣ, и глубокая, прекрасная молитва глаголатъ о народѣ, по волѣ Божіей. «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преплагающая — Дателью премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый, Крайній Верхъ! «Направи насъ на истину Твою, и научи насъ на повелѣнія Твоя, да «возлагоемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога на-«шего милостію» и т. д. (3).

Обратимъ также вниманіе на титулъ, который даютъ цесарскіе послы нашимъ боярамъ, величая ихъ названіемъ *величайшихъ отцевъ* (4). Этимъ римскимъ привѣтствіемъ, безъ сомнѣнія, цесарскіе послы также мало думали указать на родовыя отношенія, какъ и Цесари наименованіемъ нашего Государя *завыщательнымъ братомъ* (5).

Но довольно о дипломатіи вообще. Для болѣе нагляднаго знакомства съ нею, укажемъ на два, на три случая древней дипломатической дѣятельности, по изданнымъ памятникамъ. Возьмемъ сначала *переговоры*

(1) Напр., какъ легко читается мѣсто въ Дипл. Акт., 792 — 794. (2) Рѣчь о др. Дипл. 48. (3) См. также рѣчь, 68, 69. (4) Дипл. Акт. 389 и др. мѣста.

(5) Тоже должно сказать о *младшихъ*, въ противоположность старѣйшимъ, Seniores, Seigneurs, какъ въ фразѣ: молодой паробокъ — и пр. см. выше.

о посредничестве, которое принялъ на себя Герберштейнъ, для замиренія Россіи съ Литвою, 1517 (1). 21 Апрѣля вѣтаго года, Цесарскій посолъ Герберштейнъ говорилъ В. Князю Василю Иоанновичу, при бо-брахъ его, слѣдующую рѣчь: «извѣстно цѣлой вселенной, какой вредъ наносятъ христіанству Государи Европы, своими расправами и кровопролитными бранями. Пользуясь ихъ раздорами, невѣрные тѣмъ съ большею смѣлостію нападаютъ на нихъ, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ покоряютъ христіанскія земли своей власти, какъ напр. Константинополь и Греческое царство, Боснію, Сербію, Далмацію и друг. Посему Римскій Цесарь Максимилианъ, помня обязанность христіанскаго Государя защищать стадо овецъ Христовыхъ, и вѣдая, что это можетъ совершиться только при общемъ мирѣ въ христіанствѣ, принялъ всѣ средства къ замиренію Европы, принуждая къ тому однихъ войною, дѣйствуя на другихъ свойствомъ, на иныхъ союзомъ или родствомъ. И нынѣ обращается къ твоей напаяности и къ королю Сигизмунду, въ надеждѣ замирить васъ своимъ посредничествомъ».

Апр. 22, положено сказать Герберштейну отвѣтъ, чрезъ бояръ Юрья, Шигону, Григорія и Меншаго, которые говорили свои статьи, чередуясь два раза, и увѣряя Императорскаго посла, что В. Князь совершенно согласенъ въ необходимости мира въ христіанствѣ, чтобъ *бесерменская рука не высилася, а царства невѣрныхъ не ширились*; что В. Князь охотно предлагаетъ миръ Сигизмунду, которому стоить прислать пословъ въ Москву, для заключенія докончанья, какъ *пригоже*; наконецъ, что В. Князь радъ навсегда сохранить съ Максимилианомъ I завѣщанье и вѣчный миръ, и *дѣля съ нимъ дѣлать за одинъ, до живота*.

Выслушавъ отвѣтъ, Герберштейнъ предлагаетъ себя въ посредники, *промежники*, въ переговорахъ Россіи съ Литвою, а городъ Ригу или иной какой городъ въ мѣсто съѣзда пословъ обѣихъ сторонъ. Посредничество охотно принято, но вопросъ о мѣстѣ съѣзда подвергся спору. «*О томъ, Жигимонтъ, положи на своемъ разумѣ, пригоже ли Король чинить, прося, чтобъ Государь нашъ послалъ своихъ пословъ гдѣ на границу, а самъ своихъ къ нашему Государю послать не хочетъ; вставляваетъ новины, а старины не помнитъ?*» Всегда прежде и всѣ дѣла дѣлались у нашего Государя, въ Москвѣ, и отступить отъ вѣтаго обычая *непригоже, безчестье, умаленіе, для В. Князя*.

Затрудненіе устраняется согласіемъ Короля Сигизмунда прислать въ

(1) Диплом. Акт. 197 и слѣд.

Москву пословъ своихъ, подь условіемъ не считать этаго случая обязательнымъ обычаемъ на послѣдующее время. Герберштейнъ отправляетъ своего племянника Фонъ-Турна, въ Литву, съ грамотами къ Королю, о высылкѣ въ Москву пословъ литовскихъ; и, не смотря на отговорки бояръ, основанныя на довѣренности къ нему, какъ послу Императора, настаиваетъ, чтобы они прочли грамоты, отправляемыя имъ съ Фонъ-Турномъ.

Въ ожиданіи прибытія литовскаго посольства, Герберштейнъ предлагаетъ боярамъ вопросъ, можно ли будетъ ему видаться прямо и сноситься непосредственно съ литовскими послами; и просить у бояръ на то особой *науки*, *инструкціи*? Бояре отвѣчаютъ ему полною довѣренностію, говоря, чтобы онъ дѣлалъ дѣло по наказу своего Государя, Цесаря, а *они какую еще могутъ дать ему науку?*

Наконецъ литовскіе послы, Щитъ и Богущъ, прибыли. Но переговоры нельзя было начать, потому что Сигизмундъ, отправляя посольство на Москву, въ то же время продолжаетъ вести войну. Щитъ и Богущъ говорятъ въ защиту Короля, что *война до перемирья*, и что это наблюдается *даже у невѣрныхъ*. Это наша старинная поговорка: *ратъ стоитъ до мира, а миръ стоитъ до рати* ⁽¹⁾, только превратно истолкованная. Сомнительный успѣхъ войны заставляетъ литовскихъ пословъ торопиться переговорами; надежда русскихъ выиграть въ войнѣ и потомъ въ переговорахъ заставляетъ бояръ медлить. Но вотъ получается вѣсть о торжествѣ русскаго оружія. Отирывается, въ присутствіи Московскаго Государя, общее засѣданіе русскихъ бояръ и литовскихъ пословъ, при посредничествѣ Герберштейна.

Объ стороны сходятся въ желаніи мира, для отраженія невѣрныхъ; расходятся въ условіяхъ собственнаго замирненія, требуя, съ обѣихъ сторонъ, чтобы *миръ былъ, какъ пригоже*. «*Ино, что пригожество*», спрашиваетъ Герберштейнъ. Русскіе говорятъ: 1, *нечестъ*, В. Княгинѣ Еленѣ причиненную, *направить*, наказавъ виновныхъ; 2, города, въ Литвѣ ей принадлежавшіе, передать В. Князю; и 3, вотчину В. Князя — Кіевъ, Полотскъ, Витебскъ и другія мѣста возвратитъ. Щитъ и Богущъ, отрицая законность всѣхъ русскихъ требованій, настаиваютъ на возвращеніи Литвѣ Смоленска, и половины Новгорода, Пскова, Вязьмы, Дорогобужа.

Герберштейнъ, выслушавъ эти требованія, объявляетъ, что обѣ стороны *говорятъ высоко*, и что онъ *не знаетъ серединго пути*. Впро-

(1) Рѣчь о древ. Диплом. 42.

чемъ тутъ же старается доказать, что В. Князь никакого не имѣетъ права на города литовскіе, бывшіе во владѣніи В. Княгини Елены. Бояре ссылаются на весь свѣтъ въ томъ, что имѣніе одного изъ супруговъ, умершаго бездѣтно, переходитъ къ ближайшему родственнику; а кто ближе В. Князя къ В. Княгинѣ Еленѣ? Далѣе Герберштейнъ, находившій справедливымъ даже требованіе Литвы о возвращеніи ей Смоленска, вислолько не признаетъ законными русскія требованія относительно вотчины Московскаго В. Князя, и для расположенія Московской Думы къ уступкамъ, приводитъ примѣръ великодушнаго отрѣченія отъ Вероны, сдѣланнаго Максимилианомъ въ пользу Венеціи. Бояре отвѣчаютъ, что В. Князь Московскій никогда не можетъ отступить отъ своей вотчины, какъ безспорнаго своего права. «То вѣдаетъ братъ нашъ, которымъ обычаемъ Венеціаномъ Верону отдалъ, продолжаютъ они словами В. Князя, а мы того обычая не имѣемъ, ни имѣти хотимъ, чтобъ намъ своя вотчина отдавати.»

Итакъ о мирѣ между Россіей и Литвой говорить было нечего; перемиріе имѣло свои трудности, и первая изъ нихъ состояла въ вопросѣ о плѣнныхъ. По понятіямъ нашего правительства, какъ и дѣйствительно, перемиріе ведетъ за собою выдачу или размѣнъ плѣнныхъ. Цитъ и Богушъ не соглашаются. И Герберштейнъ долженъ былъ, не кончивъ дѣла, уѣхать изъ Россіи, проживъ въ ней болѣе полутора года, и признавшись, что онъ не могъ служить посредникомъ между Россіей и Литвой по причинѣ незнанія ихъ отношеній.

Дѣло, начатое Герберштейновомъ, кончилось впрочемъ скоро, при слѣдующемъ императорскомъ посольствѣ; Россія и Литва заключили *отложніе оружія*, по началу *ut i possidetis*, не именуя своихъ взаимныхъ владѣній, и безъ размѣна плѣнныхъ, срокомъ на одинъ годъ.

Другой важный случай, вызвавшій императорское посольство, въ лицѣ Кобенцеля и принца Фонъ-Бухау, имѣлъ мѣсто при царѣ Іоаннѣ IV, и состоялъ въ дѣлѣ объ избраніи эрцгерцога Эрнеста на престолъ Польскій 1576 г. (1).

Отправленный передъ тѣмъ въ Австрію русскій посолъ Іоанна IV, Ушаковъ, былъ задержанъ Шведами; но царскія грамоты дошли до Императора Максимилиана II, который воспользовался предложеніемъ Іоанна, и отправилъ къ нему своихъ пословъ, для соглашенія въ средствахъ избранія Эрнеста на престолъ польскій. Съ приближеніемъ посольства къ русскимъ границамъ, дано о томъ знать въ Москву, Го-

(1) Дипл. Акт. 481 и слѣд.

сударю, который, назначивъ бояръ для встрѣчи великихъ пословъ Императора, повелѣлъ остановить ихъ на время въ Дорогобужѣ, и потомъ проводить въ Можайскъ, гдѣ и принялъ ихъ лично. Вѣроятно, опустошенія, произведенныя Крымскимъ ханомъ въ Москвѣ, не позволили Царю сдѣлать пріемъ посламъ въ его столицѣ. Въ Можайскѣ, Іоаннъ IV расположился въ частномъ домѣ; и тамъ, въ брусной меншей избѣ, въ русскомъ саженомъ платьѣ, въ царской шапкѣ и даядиѣ, со скипетромъ въ рукахъ принялъ цесарскихъ пословъ, при сынѣ своемъ царевичѣ Иванѣ, одѣтомъ въ саженую шубу, окруженный боярами и дворянами въ золотномъ платьѣ, наполнявшими собою избу, сѣни, крыльцо.

Кобенцель и принцъ Фовъ-Бухау правили сначала поздравленіе или поклонъ, потомъ спросили о здоровьѣ, далѣе подали проминокъ — *ланцугу золоту* — съ камнями, а на ней имя Цесаря — «мыслете» написано, съ его цесарскимъ вѣнцомъ; наконецъ подали *вѣрющую грамоту*.

Царь подалъ имъ руку и велѣлъ сѣсть на ближайшей къ нему скамьѣ, у большаго ковра. Наконецъ молвилъ посламъ и дворянамъ ихъ: *будте у насъ у стола*.

Столъ былъ въ большой брусной избѣ. Бояре и дворяне сѣдѣли въ шубахъ нагольныхъ; а стольники и чашники были въ золотномъ платьѣ и въ чепкахъ золотыхъ. А поставецъ былъ соловецъ и колодезь, судно и писарь, и иные многіе суды золотые и поставцы; и столовые суды всѣ были золотые. А въ столовыхъ сѣняхъ были суды многіе, разныя поставцы серебряныя

Такой замѣчательный пріемъ сдѣланъ былъ Яну Кобенцелю и Даніелю принцу Фовъ-Бухау царемъ Іоанномъ IV, Января 24, 1576, въ Можайскѣ. Что до задержки ихъ въ Дорогобужѣ, то еще прежде того Царь велѣлъ объявить австрійскому посольству, что, если рѣшился ихъ остановить въ дорогѣ, такъ это сдѣлано по особеннымъ обстоятельствамъ, въ противность господствующимъ въ Россіи обычаямъ, именно потому, что иногда торговые люди выдаютъ себя за посланниковъ. Тогда же данъ наказъ приставамъ, сопровождавшимъ пословъ, какъ отвѣчать, на случай, если послы спросятъ у нихъ про хана Крымскаго, про Казань и Астрахань, Швецію, Ливонію и т. д. О Крымскомъ ханѣ сказать, что Царь не былъ въ Москвѣ, во время нападенія хана, потому что не задолго передъ тѣмъ заключено съ ханомъ перемиріе, и Царь на то *оплошалъ* ⁽¹⁾, былъ въ отъздѣ и т. п. О дру-

(1) Также точно отвѣчали мы, въ другомъ случаѣ, на вопросъ о взятіи Полотска Стефаномъ Баторіемъ, Дипл. Акт. 778.

гихъ сказать, что или побѣждены и покорены, или замиренны; о Ливонцахъ отвѣчать, что они *подуровали*, теперь ихъ смиряютъ и т. д.

Наконецъ 26 Январ., въ той же брусняной *дубовой избѣ*, начались переговоры. Императорскіе послы убѣждаютъ Московскаго Царя, не допускать, чтобы на польскомъ престолѣ возсѣлъ турецкій султанъ, французскій король или семиградскій князь; писать о томъ къ литовскимъ и польскимъ панамъ Рады, убѣждая ихъ избрать на королевство сына Максимилиана Эрнеста. За своего кандидата австрійскіе послы обязуются, что онъ будетъ владѣть Литвой и Польшей нераздѣльно, а Кіевъ и другія мѣста, какъ *безспорную вотчину Московскаго Государя, своему брату Иоанну поступится*. Сверхъ того обѣщаютъ Царю Кобенцель и принцъ Ф. Бухау помощь Императора противъ Швеціи, и, болѣе или менѣе ясно, содѣйствіе къ завоеванію Ливоніи.

Столь лестныя для насъ предложенія не могли не быть приняты съ радушіемъ. Вкрадывалось недоверіе, которое и высказано посламъ въ слѣд. формѣ: «было бъ то дѣло между государями крѣпко и неподвижно. Государь нашъ кому слово молвить, и то живетъ крѣпко и неподвижно. Не такъ бы было, какъ король Людовикъ, Владиславовъ сынъ, Угорской; какъ на него пришелъ турецкій Султанъ, Цесарь и нѣмецкіе государи ему не пособили и его выдали.» Несмотря на то, разумѣется, послы Императора говорили, что и его слово инако не живетъ, и успокоили бояръ и Царя, такъ что ихъ отпустили съ благопріятнымъ отвѣтомъ, и скоро вслѣдъ за ними послали грамоты къ польскимъ и литовскимъ панамъ Рады.

Въ этихъ грамотахъ царь Іоаннъ IV предлагаетъ избрать на престолъ или сына своего Феодора, или его самаго Царя, или наконецъ Цесарева сына. На этомъ условіи, Царь обѣщаетъ Радѣ миръ и докончанье, столько необходимыя для всего христіанства, и для соединенной Польско-Литовской державы. Въ противномъ, случаѣ можетъ быть кровопролитіе, за которое Богъ взыщетъ на виновныхъ.

Стефанъ Батуръ ⁽¹⁾, какъ извѣстно, былъ счастливымъ всѣхъ союзскателей; предсказаніе Іоанна сбылось.

(1) По поводу этого древняго правописанія можно бы сдѣлать замѣчаніе важное для нашего времени. Теперь вошло въ обычай писать имена государей Московскихъ въ сокращенной формѣ, напр. В. Князь *Иванъ*, Царь *Иванъ*, и т. д. Дѣйствительно встречаются въ древнихъ актахъ такіа сокращенія, но не вездѣ. Въ то же время, въ актахъ употребляется и полная форма *В. Князь Іоаннъ*, *Царь Іоаннъ*, — *Іоанновичъ*. Имя царей писалось, какъ титулъ, въ двухъ формахъ. Между тѣмъ, въ словѣ: *Батуръ* (откуда Батуринъ) нѣтъ выбора; а мы все пишемъ его Баторіемъ.

Вотъ случай преступленія, совершеннаго иноземнымъ посломъ въ Россіи, 1549 (1). Новопривышій изъ имперіи Янъ Криштофъ (Хриштофъ) самъ Гришу, подъячюго, билъ по уху, а дптина его у подключникова дптины кордомъ у руки персть отсъкъ, и т. д. В. Князь былъ тогда на Волокѣ; получивъ такое донесеніе о безчиніи посла, онъ велѣлъ своимъ боярамъ довести о томъ до свѣдѣнія пословъ, товарищей Яна, и предложить имъ, чтобъ они Яна всчюнули, чтобъ Янъ впередъ такъ не чинилъ, чтобъ брату Государя нашего Максимиліану отъ него нечти не было, а людямъ Государя нашего срамоты не было. Послы Императора Францискъ де Колла, Автоній де Ковти и Фопъ-Турнъ объявили боярамъ, что они надъ Яномъ воли не имють, и всчюнути его отъ того не могутъ. Посему бояре, доложивъ о томъ В. Князю, отвели Яну особое подворье, отдѣльное отъ другихъ пословъ, и велѣли его беречи, приставили къ нему стражу, чтобъ Янъ другаго лиха не учинилъ, и такъ держали его до пріѣзда въ Москву В. Князя; который приказалъ выдать Яна Криштофа на руки посламъ и на ихъ береженье.

Вообще уже въ этомъ первомъ томѣ дипломатическихъ актовъ такъ много занимательнаго, поучительнаго и достойнаго изученія, что съ трудомъ отрываешься отъ чтенія до послѣдняго столбца, а ихъ тутъ болѣе полуторы тысячи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Отчетливость и дипломатическая вѣрность его такова, что въ цѣломъ, объемистомъ томѣ, намъ не случилось встрѣтить ни малѣйшей опечатки. Бумага, печать, удобство формата не оставляютъ ничего болѣе желать. Книга снабжена предисловіемъ, замѣчаніями, реэстромъ и оглавленіемъ. Предисловіе особенно интересно извѣстіями о приказѣ посольскомъ, V—XII, который завѣдывалъ дѣлами посольскаго правленія, и о приказѣ розрядномъ, XXIV—XXV, который также участвовалъ въ посольскомъ дѣлѣ, распоряжаясь, такъ сказать, внѣшнюю его стороною, пріемомъ, размѣщеніемъ, угощеніемъ, оказаніемъ внѣшнихъ почестей. Равномѣрно замѣчательно предисловіе яснымъ, общимъ очертаніемъ посольскихъ обычаевъ и всего посольскаго производства. Но здѣсь можно было бы пожелать историческаго введенія во всѣ томы, предлагащія къ изданію, — и введенія обширнаго, которое, съ одной стороны, изобразило бы, учено-исторически, происхожденіе и дальнѣйшее развитіе нашей древней дипломатіи (2), а, съ другой, изложило бы акты или свѣды ихъ, со-

(1) Дипл. Акт. 411 и слѣд

(2) Первая попытка такого изслѣдованія дана въ моей Рѣчи о древ. рус. Дипломатіи.

храпившіеся отъ первыхъ періодовъ Русской Исторіи. Такое изданіе вполне бы осуществило прекрасный планъ Императрицы Екатерины II, которая за образецъ изданія дипломатическихъ документовъ принимаетъ Дюмоновъ *Coprs universel diplomatique*, заключающій въ себѣ акты съ 800 года по Рождествѣ Христовѣ, и, въ видѣ дополненія, Разсужденіе Руссе о сношеніяхъ древнѣйшихъ народовъ (1), — чтобы намъ не въ чѣмъ было завидовать ни общему собранію Дюмона, ни частному, англійскому, Реймера.

В. Лешковъ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Книжка V. Сбп. 1851.

Статья первая.

Предъ нами лежитъ новая книжка ежегодныхъ изданій Географическаго Общества, на которыя мы привыкли смотрѣть съ истиннымъ уваженіемъ и которыя бываюгъ всегда наполнены трудами, составляющими дѣйствительное обогащеніе науки. На этотъ разъ главнымъ предметомъ разысканій, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», была географія степей средней Азіи, имѣющихъ на сѣверѣ Араль съ его загадочнымъ происхожденіемъ, служащихъ раздольемъ для кочевковъ нѣкоторыхъ племенъ, и мѣстами представляющихъ осѣдлое населеніе. Описанія Аральскаго моря, г. Макшеева, Хивинскаго ханства г. Данилевскаго, свѣденія о дикокаменныхъ киргизахъ, доставленныя отъ Генераль-Губернатора Западной Сибири, пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря и Хивинскаго ханства г. Ханькова, это все статьи, которыя доставляютъ множество новыхъ и важныхъ фактовъ и которыя приносятъ въ даръ географической наукѣ наша русская ученость. На ней лежала обязанность познакомить Европу съ средне-азійскими степями и тамошними степными государствами, потому что ничьиученія экспедицій или торговые караваны не могутъ туда проникнуть съ такими удобствами, какъ наши. Въ этомъ отношеніи должно отдать ученой дѣятельности Россіи полную и заслуженную справедливость: какъ скоро призваніе раскрыть малонзвѣстныя государства средней Азіи было понято, многіе путешественники

(1) Къ такому превосходному изданію, каково наше изданіе Дипломатическихъ актовъ, позволено быть придирчивымъ. Къ числу придирокъ, которыя можно сдѣлать, относимъ слѣд. вопросъ: почему въ заглавіи: *Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи*, прибавлено: *съ державами иностранными*? Не подумалъ бы кто, что предполагаются возможными дипломатическія сношенія не съ державами иностранными, а внутри государства.

направили туда свою пылливость, и, как плод своих разысканій, представили нашему любопытству чрезвычайно интересныя картины общественного быта и сцены природы. Мы находились бы въ большомъ затрудненіи, если бы спросили насъ, кому изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, начиная съ Муравьева, отдать преимущество: по ихъ свѣденіямъ составлены въ Европѣ описанія Бухары и Хивы, ихъ имена цигуются во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ Среднюю Азію. Оставляя теперь труды этихъ изыскателей, остановимъ наше вниманіе на новомъ описаніи Хивинскаго ханства, составленномъ г. Данилевскимъ съ отчетливою подробностію и полнотою, и притомъ среди такихъ благопріятныхъ для изслѣдованія обстоятельствъ, которыми не пользовались его предшественники. Мы увѣрены, что окажемъ читателямъ истинную услугу, познакомивъ ихъ съ любопытнымъ описаніемъ г. Данилевскаго и дополнивъ его свѣденіями изъ другихъ статей.

Нѣкоторые полагаютъ, что Хивинское ханство лежитъ между 36° и 44° с. ш., но правильнѣе будетъ сказать, что оно, какъ степное государство, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, и что въ немъ кочуютъ племена, которыхъ подданство очень сомнительно. Астрономическое положеніе города Хивы было опредѣляемо различно; впрочемъ предѣлы, въ которыхъ заключены разныя показанія о широтѣ, не велики: отъ $40^{\circ} 40'$ до $41^{\circ} 40'$ с. ш., больше разницы относительно долготы (меридіанъ Ферро): отъ $75^{\circ} 40'$ до $78^{\circ} 40'$. При такомъ астрономическомъ положеніи климатъ города Хивы, лежащаго 5 градусами южнѣе Астрахани, долженъ быть, конечно, очень тепелъ, и, въ самомъ дѣлѣ, весна тамъ начинается въ Февраль, въ Мартѣ виноградныя, фиговыя и гранатныя деревья распускаются, а въ первыхъ числахъ Апрѣля покрываются зеленью. Но степной климатъ ханства отличается крайностями: въ Сентябрь мѣсяцъ случаются уже утренніе морозы, которыхъ сила постепенно возрастаетъ, и въ Декабрь или Январь дѣлается столь ощутительною, что даже замерзаетъ Аму-Дарья. Въ Декабрь же мѣсяцъ начинается порошиться снѣгъ, который однако лежитъ не болѣе трехъ или четырехъ дней и никогда не выпадаетъ въ такомъ изобиліи, чтобы покрывалъ землю нѣскольکو толстымъ слоемъ. Эти термометрическія и атмосферныя явленія показываютъ, какими рѣзкими признаками отличается климатъ степей средней Азіи отъ Европейскаго. Астрономическое положеніе Хивинскаго ханства соотвѣтствуетъ Неаполитанскому королевству; но не только здѣсь, даже во Франціи среднія температура зимнихъ мѣсяцовъ нигдѣ не опускается ниже нуля, и рѣки, кромѣ необычайныхъ случаевъ, не замерзаютъ. Въ Парижѣ Сена замерзла во всю

ширину только одинъ разъ (1829 г.) во все время текущаго столѣтїа. Не смотря на свою особенность, характеризующую отдаленными предѣлами холода и тепла, и быстрыми переходами отъ одного къ другому, климатъ Хивы вообще здоровъ и повальныхъ или эндемическихъ болѣзней тамъ незамѣтно. Только лихорадка, чахотка и воспаленіе глазъ, состоящая въ связи съ мѣстнымъ свойствомъ страны, появляются чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и въ особенности чахотка, по сухости воздуха, дѣйствуетъ быстро. О чахоткѣ сдѣлано еще замѣчаніе, что она развивается преимущественно у тѣхъ, кто употребляетъ много опиѣ. Воспаленіе глазъ происходитъ какъ отъ сухости воздуха, такъ и отъ страшной пыли. Можно, впрочемъ, полагать, что населеніе Хивы могло бы возрастать гораздо скорѣе, если бы тамъ была извѣстна медицина и были введены медицинскія учрежденія, напр. для прививанія оспы, котораго совершенно не знаютъ. Доселѣ вся практика находится въ рукахъ невѣжественныхъ врачей или, лучше, шарлатановъ, которые употребляютъ нѣсколько эмпирическихъ или симпатическихъ средствъ, нисколько не понимая болѣзней: хивинскіе врачи жгутъ передъ родильницею, въ трудныхъ родахъ, змѣиную кожу! Кровь они пускаютъ маленькимъ ножомъ, всего чаще изъ переносья.

Въ Хивинскомъ ханствѣ протекаетъ нѣсколько рѣкъ, изъ которыхъ самая знаменитая Аму-Дарья. Думаютъ, что она нѣкогда текла не въ Аральское, а въ Каспійское море. Касаясь съ большою осторожностію этого вопроса, Данилевскій упоминаетъ о нѣкоторыхъ лощинахъ и сухихъ руслахъ, по которымъ онъ самъ шелъ, или о которыхъ успѣлъ собрать нѣкоторыя свѣденія. Эти новые факты имѣютъ большую важность для рѣшенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, равно какъ и сообщенное извѣстіе о мнѣніи самихъ хивинцевъ. Они полагаютъ, что теченіе рѣки точно измѣнилось, но что это произошло чрезъ приведеніе въ исполненіе намѣреній одного хана, который, имѣя столицу въ городѣ Ургенчѣ, захотѣлъ переселить часть жителей, стѣсненныхъ малымъ количествомъ земли, съ лѣвой стороны Аму на правую, по направленію на сѣверъ къ Аральскому морю. Песчаное свойство страны заставило прорыть много каналовъ для орошенія пашни, отъ чего воды Аму-Дарьи получили новое стремленіе и рѣка съ тѣхъ поръ проложила себѣ новый путь къ Аральскому морю. Оставляя этотъ любопытный историческій вопросъ, возвратимся къ настоящей гидрографіи. Аму-Дарья протекаетъ въ ханствѣ около семи-сотъ верстъ и въ этомъ пространствѣ омываетъ населенныя мѣста на протяженіи четырехъ-сотъ верстъ. На берегахъ ея стоитъ нѣсколько большихъ городовъ: Пит-

накъ, Повый Ургенчъ, Кипчакъ, Кодженли, Кууградъ. Ширина рѣки въ южной половинѣ ея теченія мѣняется отъ 200—425 саж., удерживая впрочемъ чаще послѣдній размѣръ. Но отъ Кипчака рѣка постепенно дѣлается уже, такъ что противъ Кууграда она имѣетъ не болѣе 60 саж. Это суживаніе въ стѣверныхъ мѣстахъ очень естественно, потому что, оканчивая тамъ свое теченіе и приближаясь къ поглощающему ее бассейну Аральскаго моря, она прекладываетъ нуть по странѣ, имѣющей весьма малый склонъ, раздѣляетъ свои воды и пускаетъ рукава, которые при устьѣ образуютъ настоящую дельту. Глубина ея различна, но во многихъ мѣстахъ найдена около семи аршинъ, а по рассказамъ жителей, Аму-Дарья нигдѣ не имѣетъ значительной глубины, хотя на ней нѣтъ и бродовъ; особенно мелки ея устья, но изъ нихъ восточный имѣетъ до четырехъ футовъ (*). Соответственно съ этими отношеніями нельзя ожидать, что рѣка быстра, и дѣйствительно въ мѣстахъ наблюденія найдено было, что скорость теченія составляетъ отъ 30—35 саж. въ минуту, а по близости къ морю, гдѣ рѣка образуетъ дельту, даже менте — до 20 саж. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. отъ новаго Ургенча до Кууграда, лодка съ товаромъ, безъ парусовъ и веселъ, дѣлаетъ по семи верстъ въ часъ, что даетъ 58 саж. въ минуту. Берега рѣки, кромѣ рѣдкихъ и незначительныхъ промежутковъ, покрыты тальникомъ и колючимъ кустарникомъ. У Кууграда появляется густой камышъ, который разрастается сплошною массою, особенно въ низшемъ теченіи рѣки, и затрудняетъ всякое сообщеніе, по чему کوچущія въ этихъ мѣстахъ племена должны были прорубить просѣки и проложить тропинки.

Мы потому распространялись объ Аму-Дарьѣ, что она имѣетъ особенную важность для Хивинскаго ханства. Если когда-нибудь сравненіе рѣки съ артеріею, по которой разносится питаніе и жизнь, можетъ имѣть мѣсто, то это именно въ настоящемъ случаѣ. Вся главная масса народа, занимающагося земледѣліемъ, живетъ въ южной полосѣ ханства, омываемаго Аму-Дарьей, мѣстами только встрѣчающіеся пески дѣлаютъ ее необитаемою. Хотя вообще полагаютъ, что на Востокъ народъ лѣнивъ и что тамъ земля представляетъ видъ дикости и запустѣнія, но этого никакъ нельзя сказать объ южной часта Хивы, населенной народомъ дѣятельнымъ, который, только чрезъ неуспынный трудъ, могъ превратить пустыню въ обильныя поля и цвѣтущіе сады, если только вѣрять всѣмъ сообщаемымъ свѣденіямъ, полученнымъ

(*) Пояснительная записка г. Ханькова, стр. 299.

чрезъ разспросы. Довольно привести одинъ фактъ: пшеницы высѣвается на тапанъ до 5 батмановъ (т. е. на десятину до $2\frac{1}{4}$ четвертей), и она въ хорошіе годы родится самъ 42 и 44! Такимъ образомъ съ десятины получается отъ 27 до 30 четв. пшеницы, которая продается отъ 22 до 30 к. с. за батманъ, т. е. 1 пудъ 8 фунтовъ. Довольно привести, повторимъ, этотъ фактъ земледѣльческаго производства, чтобъ отдать полную справедливость хивинскому хозяйству, потому что этотъ блистательный результатъ не одолженъ своимъ существованіемъ природѣ, плодородной почвѣ, или счастливому климату, а человѣческому прилежанію и искусству. Отъ Аму-Дарьи проведено 14 главныхъ каналовъ, которые имѣютъ около 40, а мѣстами даже около 24 саж. ширины, такъ что могутъ служить для плаванія. Мы сочли, что они имѣютъ протяженія 830 верстъ. Къ этимъ главнымъ резервуарамъ воды проведены боковые каналы гораздо меньшей ширины, но своими развѣтвленіями идущіе на протяженіи 800 верстъ. Наконецъ отъ боковыхъ каналовъ идутъ канавки, направленные къ полямъ и садамъ каждаго владѣльца, для орошенія которыхъ они служатъ. Сухой климатъ, недостатокъ дождевой воды, глинистая, солонцовая и вообще неблагоприятная почва, свойственная степной полосѣ, заставили жителей прибѣгнуть къ системѣ искусственнаго орошенія и покрыть землю сѣтью канавъ. Поле раздѣляется на участки, каждыя величиною въ $\frac{1}{3}$ нашей десятины, и этотъ участокъ орошается упомянутыми каналами, которые наполняются водою близъ лежащихъ боковыхъ резервуаровъ. Поверхность поля срывается ниже уровня воды; вмѣсто навоза, котораго недостаетъ по малому скотоводству, разбрасывается кусками глина обветшавшихъ зданій, земля, взятая около жилыхъ мѣстъ и смѣшанная съ золою, соломой, потомъ все это разравнивается и на поле напускаютъ изъ каналовъ воду, которая покрываетъ его дюйма на два (не много болѣе вершка) и стоитъ до тѣхъ поръ, пока уйдетъ въ землю. Тогда начинаются сельскія работы, разрыхленіе почвы, сѣвъ, и послѣ показавшихся всходовъ, напускаютъ воду еще нѣсколько разъ, смотря по состоянію погоды и роду владѣльчаемаго хлѣба. Необходимая потребность орошать поля, и чрезвычайная, государственная важность каналовъ, отсюда истекающая, послужили поводомъ къ нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ. Каналы надо чистить, чтобы отъ ихъ постепеннаго засоренія нисколько не затруднялось орошеніе; плотины, которыми въ осеннее время запружается ихъ истокъ изъ Аму-Дарьи, надо снимать; и этотъ рядъ работъ совершается въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ посредствомъ общественной повинности. Каждое семейство, которое для оро-

шенія пользуется водою изъ известнаго канала, обязано выставить одного работника, который исправляетъ по наряду работы, и все это происходитъ подъ наблюдениемъ ханскаго чиновника. Но тѣже самые каналы, которые поддерживаютъ плодородіе полей, могутъ быть причиною бѣдствій и опустошеній, если не обуздать стремленіе водъ Аму-Дарьи, которая во время разлива можетъ затопить пашни и жилища. Съ этою цѣлю ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ устрояютъ плотины при истокѣ изъ Аму-Дарьи тѣхъ каналовъ, гдѣ замѣчается большій напоръ воды. Изъ кустарника, который обильно растетъ по берегамъ рѣки, устрояютъ родъ туръ, наполняемыхъ глиною; эти туры опускаютъ на дно и связываютъ свитыми изъ камыша канатами, для того, чтобы они лучше могли сопротивляться натиску воды. Иногда на первый этажъ туръ накладывается второй, и все покрывается землею, кустарникомъ, чтобы придать большую тяжесть. Такія плотины оказываются достаточными. Кроме того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ берега рѣки очень низки, такъ что рѣка отъ прибыли воды угрожаетъ наводненіемъ, дѣлаются продольныя плотины, о которыхъ мы не нашли подробностей, но которыхъ устройство, вѣроятно, такое же.

Богатое земледѣльческое производство, котораго Хивинцы достигаютъ при помощи изложенныхъ гидротехническихъ и сельскихъ работъ, дало возможность народу значительно размножиться, такъ что въ южной населенной части принимаютъ по 4450 душъ на кв. милю, и даже въ сѣверныхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаютъ пустыри и камышь, принимаютъ не менѣе 773 душъ. Число всего народа полагается до 75,000 семействъ, или, считая по 4 души на семейство, до 300,000 человекъ. Въ Хивѣ усматривается та особенность, что значительная часть хлѣбопашцевъ (около $\frac{1}{3}$ всего народа) не ведутъ осѣдой жизни. Вѣроятно они живутъ по полямъ только во время сельскихъ работъ, а по окончаніи уборки хлѣба, и сдѣлавъ новые запасы, отправляются со скотомъ кочевать въ привольныя степи. Главныя части разноплеменнаго населенія ханства чуть: *осѣдыя* племена: Сарты, Узбеки и Аралы, *кочевья*: Каракалпаки, Киргизы, и Трухмены, *пльнныя*: Персіяне и Ямшиды. Сарты коренные жители ханства, Узбеки завоеватели. Прежде Узбеки имѣли разныя преимущества по службѣ и пользовались разными исключительными правами, но ихъ сила стала возбуждать недовѣріе хановъ, въ слѣдствіе котораго значительные роды были истреблены, такъ что теперь важнѣйшія должности, управленіе городами и ханскими имуществами сосредоточились въ рѣкахъ Сартовъ. Киргизы кочуютъ въ разныхъ мѣстахъ степей и въ камышахъ, около устьевъ Аму-Дарьи,

по берегамъ Арала. Они очень бѣдны, такъ что не всегда въ состоянн платить хану дань. Для управленія ими устроена на берегу Сыръ-Дарьи крѣпостца Бишъ-Кале, въ которой прежде жилъ хивинскій чиновникъ. Но въ 1842 году толпа Киргизовъ папала на эту крѣпостцу, убила ея начальника, и хивинскій ханъ до сихъ поръ еще не успѣлъ водворить здѣсь прежняго порядка управленія. Столь же слабы узы, которыя связываютъ съ Хивою Туркменъ, народъ многочисленный, сильный и кочующій въ отдаленн отъ ханства. Нѣтъ сомнѣнн, что они совсѣмъ уклонились бы отъ хивинскаго подданства, еслибъ не было нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ. Одно изъ нихъ — это перевозка товаровъ изъ Россн въ Хиву и обратно, для чего нанимаютъ Туркменовъ: въ случаѣ неудовольствн эти извозчики могли бы быть задержаны хивинскими властями. Потомъ недостатокъ хлѣба и вообще жизненныхъ средствъ заставляетъ ихъ посѣщать базары хивинскаго ханства и искать тамъ необходимое. Перснанъ считается въ ханствѣ до 45,000 семействъ, т. е. $\frac{1}{8}$ доля всего народа. Они были увлечены въ плѣнъ ханами, которые въ разныя времена дѣлали набѣги на Персидскн предѣлы, и поселены въ разныхъ мѣстахъ для исправленн самыхъ тягостныхъ работъ. Нѣкоторые изъ Перснанъ выкупились на волю и живутъ своимъ хозяйствомъ, но возвратиться на родину не могутъ. Ямшнды изъ рода Авганцевъ. Они въ числѣ 7,000 кибитокъ также были плѣнены въ 1839 году и пригнаны въ Хиву, гдѣ отданы имъ подѣ кочевья земли по направленн къ городу Кипчаку, земли, до того скудныя, что Ямшнды не въ состоянн платить дани.

Много любопытнаго встрѣтили мы также въ топографическомъ изображенн края и въ свѣденнхъ о разныхъ отрасляхъ сельской промышленности и торговли, но изъ опасенн распространить чрезъ мѣру свой отчетъ, должны будемъ ограничиться указаннмъ на эти статьи и рекомендовать ихъ любозпательному читателю. Не можемъ только умолчать, что въ разбираемой книгѣ мы нашли рецензю, съ обвиненнми которой мы никакъ не соглашаемся. Рецензн эта посвящаетъ цѣлыхъ 28 страницъ мелкой печати на изложене разныхъ недостатковъ «Экономической Статистики» изданной г. Горловымъ. Если книга эда дѣйствнтельно такъ несовершенна, какъ доказываетъ г. рецензентъ, то она не стоитъ такого подробнаго разбора; если же она такъ замѣчательна, что заслуживаетъ такой подробный отчетъ, то непонятно, какъ въ ней не найдено ни одной хорошей стороны, даже ни одного дѣльнаго замѣчанн (*). Рецензн облечена такою формою и мѣстами написана

(*) Просимъ на слова наши по смотрѣть, какъ на риторическую фигуру, а принять въ буквальный смыслъ — не найдено даже *ниодного* дѣльнаго замѣчанн. —

такимъ серьезнымъ тономъ, что неопытный читатель легко можетъ повѣрить на слово г. рецензету. Такъ какъ «Экономическая Статистика» по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ тѣхъ порицаній, которыя произноситъ г. рецензентъ, и такъ какъ вся рецензія состоитъ изъ обвиненій, которыя легко устранить, то мы сообщимъ наше мнѣніе о ней въ слѣдующей статьѣ. — Z.

Современникъ. N 6. Іюнь. N 7. Іюль.

Полемика—дѣло хорошее, когда она имѣетъ цѣль литературную—т. е. когда результатъ ея—разъясненіе тѣхъ или другихъ началъ критики. Другаго рода полемики, основанной на личной литературной враждѣ, поддерживаемой заносчивостью самолюбія—мы не хотимъ признавать. Пока не доходило дѣло до началъ нашей критики—мы молчали, считая весьма не учтивымъ занимать публику мелкими личными отношеніями. *Новый поэтъ* въ двухъ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ 6-мъ и 7-мъ N Современника, высказалъ довольно ясно и по своему насмѣшливо—неудовольствіе, возбужденное въ немъ нашими положеніями. Прекрасно—мы готовы отвѣчать, какъ ему—представителю извѣстнаго направленія критики, такъ и публикѣ, довольно равнодушной впрочемъ къ тѣмъ или другимъ направленіямъ.

Но прежде, чѣмъ пунктъ за пунктомъ примемся мы возражать г. Новому поэту,—мы готовы предложить вопросъ о причинѣ вражды ко всему новому, замѣчаемой въ русской литературѣ, въ pendant къ вопросу князя В. Ѳ. Одоевскаго, о враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ Русской литературѣ? Въ самомъ дѣлѣ, почему повторяется постоянно одинъ и тотъ же фактъ: извѣстное направленіе вопіетъ сначала неистово противъ всего ему предшествовавшего—во имя чего-то новаго, потомъ, когда истощить все, что въ этомъ новомъ было справедливаго, пустится въ крайности,—застынетъ или лучше сказать окаменѣетъ въ нихъ, и позоритъ все простое, все некрайнее именемъ новаго, молодаго и т. д. Во первыхъ—что за бѣда, если положенія новы, были бы они истинны;—потомъ,—за чѣмъ упрекать въ претензіи на новостъ, то, что этой претензіи не имѣетъ.

Вопросъ поставляется такимъ образомъ:

Или въ нашихъ положеніяхъ видятъ дѣйствительно что-то новое—и онѣ не нравятся потому, что новы.

Или — насъ упрекаютъ въ томъ, что мы выдаемъ старое за новое, и хотятъ отъ насъ непременно новыхъ истинъ, во что бы то ни стало.

На новость положеній мы не имѣемъ притязаній: на серьезность и искренность убѣжденій, можетъ быть и старыхъ, но нами усвоенныхъ и принятыхъ за истинныя, — безъ сомнѣнй, имѣемъ и должны имѣть.

Прежде всего г. Новый поэтъ и вообще критики Современника посмѣиваются — надъ словомъ *художественность*, которое будто бы наследовано нами отъ одного журнала, и надъ словомъ *искренность* — исключительно будто бы намъ принадлежащимъ.

«Художественность! искренность таланта!» — такъ восклицаетъ г. Новый поэтъ въ письмѣ своемъ за Май мѣсяцъ — «Вотъ условіе, безъ котораго никакое произведеніе не можетъ быть прочно, не можетъ составлять приобрѣтеніе въ литературу! Перечитывая на дняхъ «Москвитянина», я вполне убѣдился въ этомъ, созналъ, что молодая редакція этого журнала точно провозглашаетъ истинны высокія и новыя. Я кавсъ и беру назадъ опрометчивыя слова свои въ V N Современника, касающіяся этой редакціи Художественность! искренность таланта!

«Художественность и искренность повсюду преслѣдуютъ меня, гдѣ бы я ни былъ: на Невскомъ проспектѣ, у Дюссо, въ Лѣтнемъ саду, или даже на Минеральныхъ водахъ у г. Излера, гдѣ поютъ цыгане и братья Мальчугины, изъ коихъ одна — сестра, гдѣ декламируетъ малороссійскія пѣсни г. Карпенко, пляшутъ на канатахъ акробаты, гдѣ есть между прочимъ акробаты, бенгальскіе огни и два хора музыки. Я не хочу писать повѣстей, романовъ, драмъ, стихотвореній — хорошихъ, забавныхъ, поучительныхъ и проч. Нѣтъ! я рѣшился *творить* теперь художественныя произведенія, въ которыхъ бы обнаруживалась искренность таланта, *то есть* эта чистота представлений и воспроизведенія жизни во всей ея непосредственной простотѣ, жизни не балованной, такъ сказать, частыми и ослабляющими художественную способность разсужденіями и сомнѣніями, ни вмѣшательствомъ личности и чисто личныхъ ощущеній — произведенія, въ которыхъ характеры были бы типичны, оригинальны и цѣлесообразны — произведенія, въ основаніи которыхъ лежали бы непременно глубокія мысли, и что бы эти мысли зачинались въ головѣ моей не въ отвлеченной формѣ, а въ живыхъ образахъ, и домысливались только особеннымъ художественнымъ процессомъ до болѣе типическаго представленія и проч. и проч. Вотъ какія произведенія я хочу творить.»

Въ этой обращенной на слова художественность и искренность — тирадъ, которую мы выписали буквально со всеми ея милыми укло-нениями отъ предмета въ пользу минеральныхъ водъ, братьевъ Мальчугиныхъ, Дюссо и проч. — въ этой тирадъ, недостаетъ прежде всего искренности. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ дѣйствительно подозрѣвалъ насъ въ провозглашеніи высокихъ и новыхъ истинъ. Мы уже разъ объявили, что не провозглашаемъ новаго — не потому впрочемъ, чтобы вооружились противъ новаго дѣльнаго — а отстаиваемъ изъ стараго, то, что было въ немъ справедливаго, что таковымъ остается и что напрасно позабываютъ. Мы рѣшились, одвимъ словомъ, проходить зады съ *современной* критикой. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ былъ искрененъ въ своей ироніи надъ *художественностью*.... Чѣмъ, какъ не законами *искусства*, должна руководствоваться критика произведеній, принадлежащихъ къ области *искусства*? съ какой точки зрѣнія смотрѣть на произведенія литературныя, какъ не съ литературной... съ точки зрѣнія промышленности, или вообще, политико-экономической? Правда, читали мы, назадъ тому года четыре, политико-экономическія статьи о стихотвореніяхъ Кольцова, но все, что было въ нихъ дѣльнаго, въ литературѣ не относилось, а все относившееся къ литературной оцѣнкѣ было въ нихъ ученически-слабо. Не давно объявили намъ торжественно, что критика чисто-художественная свое время отжила, и замѣнилась критикой *исторической*. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ предполагалъ въ насъ незнаніе значенія *исторической* критики. Историческая критика, которая рассматриваетъ произведеніе въ связи съ личностью автора и съ жизнью эпохи, есть высшій видъ художественной критики: Гервинусъ, Гилдебрандъ, Филльмаръ и другіе знаменитые представители ея, въ оцѣнкѣ произведеній по связи ихъ съ личностью автора и съ духомъ эпохи, не опускаютъ изъ виду и чисто-художественной точки зрѣнія. Но какими началами исторической критики руководствуется редакция *Современника*, выдающая за талантливыя произведенія — «Дачный разговоръ», «Записки Тамарина», — какими началами исторической критики объясняется, на примѣръ, выходка ивогороднаго подписчика противъ Индѣйской драмы, переведенной когда-то въ Москвитянинъ г. Коссовичемъ, — что за историческая критика у г. Новаго поэта — мы не знаемъ. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ серьезно смѣялся и надъ *искренностью*, которой мы требуемъ отъ художественныхъ произведеній. Смотрѣть ли на литературу съ точки зрѣнія критики исторической, т. е. какъ на отраженіе общественной жизни извѣстнаго народа, извѣстной эпохи —

и на произведение, какъ на связанное съ личностью автора, поясняемое этою личностью и въ свою очередь ее поясняющее—или съ точки зрѣнія художественной, какъ на отраженіе и воспроизведеніе жизни вообще съ разумными законами ея управляющими, человѣческой личности съ психологическими пружинами ея движущими,—все таки произведеніе дорого, поколику оно искренне, поколику оно не клеветать на жизнь вообще, и на жизнь известной эпохи въ особенности.... Съ исторической ли, съ художественной ли точки зрѣнія—повѣсти, печатаемая въ Современникѣ и посвященная на воспроизведеніе прзрачныхъ явленій—ложны. *Не можетъ быть*, наконецъ, чтобы можно было добросовѣстно обвинять насъ въ *поклоненіи* драматическому этюду г. Островскаго, какъ идеалу искреннихъ произведеній. Этюдъ г. Островскаго самъ по себѣ; онъ имѣетъ свои собственныя достоинства, и самая пародія г. Новаго поэта выставила эти достоинства, ибо все забавное въ ней принадлежитъ г. Островскому; но мы съ своей стороны не брали и не беремъ на себя отвѣтственности за достоинства и недостатки «Неожиданнаго случая». Мы только не приписывали себѣ страннаго права ограничивать дѣятельность какого бы то ни было даровитаго человѣка известнымъ бытомъ; не предлагали къ легкому очерку—положеній о комедіи вообще, и не мудрствуя лукаво—видѣли и видѣмъ хорошее даже въ легкомъ очеркѣ. Мы, однимъ словомъ, смотрѣли на этюдъ безотносительно, тогда какъ критика Современника взглянула на него подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, что г. Островскій долженъ *непремѣнно* писать комедіи изъ купеческаго быта, и до другаго чего-нибудь не имѣетъ права касаться. Въ такомъ опекунствѣ, похожемъ нѣсколько на тактику разныхъ *стражей чистоты русскаго языка и литературы*—есть много комическаго, и мы жалѣемъ, что это комическое ускользнуло отъ вниманія г. Новаго поэта. Вотъ бы пища его сатирическому уму—какъ говорить Ноздревъ.

Если все это—оставляя въ сторонѣ достоинства и недостатки «Неожиданнаго случая»—такъ, если г. Новый поэтъ не можетъ быть *искрененъ* въ своихъ нападкахъ на художественность и искренность, то спрашивается, изъ чего хлопочетъ нашъ противникъ? Онъ могъ написать пародію на этюдъ, хотя ничего не доказалъ этимъ, кромѣ достоинствъ самаго этюда, и въ каррикатурахъ выставилъ только рѣзко тонкія психологическія черты подлинника,—но связать съ «Неожиданнымъ случаемъ»—наши эстетическія положенія, если только угодно ему признавать ихъ нашими, онъ не имѣлъ никакого права.

«При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга», повѣствуетъ онъ въ письмѣ

«за Юль, «меня провожали болѣе или менѣе знакомые литераторы, «и въ томъ числѣ критикъ, разбиравшій въ «Современникѣ» драматическій этюдъ г. Островскаго, помѣщенный въ *Кометъ*, этотъ критикъ, не возвысившійся еще, къ сожалѣнію, до пониманія художественности и искренности, за полчаса до минуты разставанья, до трюкового звука кондукторской трубы, я отвелъ въ сторону критика «Драматическаго этюда» крѣпко пожалъ ему руку, посмотрѣлъ на него значительно и сказалъ:

«Вы знаете, какъ глубоко и искренно я васъ уважаю. Вы человекъ съ талантомъ и со вкусомъ; но ваши взгляды на искусство устарѣли. Вамъ бы слѣдовало усвоить себѣ новѣйшую теорію *художественности* и *искренности*, а для этого я совѣтовалъ бы вамъ читать, перечитывать и изучать библиографическія статьи «Москвитяина», «подъ которыми подписываются буквы Г. Е. О. и У. Подъ этими таинственными буквами скрываются всѣ замѣчательные мыслители, пролагающіе совершенно новую тропу въ мірѣ искусства. Я скажу болѣе: вамъ не душно было бы самому съѣздить въ Москву для того, чтобы короче познакомиться съ этими теоріями, глубоко проникнуться ими; тогда бы взглядъ вашъ просвѣтлѣлъ, кругозоръ расширился, вы уразумѣли бы во-первыхъ художественное значеніе «*Неожиданнаго случая*» и моихъ *Разстегаяевъ*, а во-вторыхъ, увидѣли бы неизмѣримую пропасть, разделяющую беллетристическія произведенія отъ художественныхъ».

«Здѣсь надобно замѣтить, что за недѣлю до моего отъѣзда, я прочелъ на мои *Разстегаяи* еще въ рукописи критику «Современника», который отзывался о нихъ почти такъ же неблагоклонно, какъ и о «*Неожиданномъ случаѣ*».

«Не просвѣтленный новыми художественными теоріями, критикъ иронически улыбался, слушая меня, какъ будто сожалѣя о моемъ заблужденіи и воображая, что онъ находится въ истинѣ».

«— Объясните мнѣ одно, — сказалъ онъ — что доказываютъ ваши «*Лиловій*» и «*Пюсовій*» къ чему выводить такія пошлыя лица? Вы «ражаетъ ли въ вашихъ «*Разстегаяхъ*» это пошлое какую-нибудь идею? И не въ правѣ ли сказать читатели:

«Съ кого они портреты ищутъ,

«Гдѣ разговоры эти слышатъ?»

«Какъ, вы не видите идеи въ *Разстегаяхъ*?» воскликнулъ я, разгораясь. Право, мнѣ искренно жаль васъ. Слушайте же, я расскажу

вамъ, какъ зародились *Разсвѣан* въ головѣ моей, и какое они «имѣютъ значеніе. Между множествомъ смѣшнаго въ жизни вамъ попадались, конечно, на глаза и тѣ странныя отношенія, которыя не крѣдко связываютъ людей между собою, заставляя ихъ принимать «другъ въ другъ какое-то дѣтское, неразумное участіе, выражающееся «обыкновенно тѣмъ, что одинъ считаетъ себя обиженнымъ, если другой «не расскажетъ ему тотчасъ же, хотя бы ничтожнѣйшее обстоятельство «въ своей жизни! Иногда ихъ даже тяготятъ подобныя обязательства, «но они добродушно выполняютъ ихъ во имя связывающей ихъ «дружбы и т. д.»

Всю эту довольно длинную выписку дѣлаемъ мы съ цѣлію подтвердить прежде-сказанное. Последняя часть выходки — не пародія, а просто переписка того, что высказано однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ по поводу «Неожиданнаго случая». Пародировать такъ — очень легко; — только, опять не искрененъ здѣсь г. Новый поэтъ. *He можетъ же онъ добродушно вѣрить въ возможность существованія такихъ людей, которыя на основаніи двухъ, трехъ статей считали бы себя замѣчательными мыслителями, пролагающими новую тропу въ мірѣ искусства. Искать же новаго и вѣчно новаго довольно странно. Претензіи на оригинальность въ наше время выражаются не такъ. Гораздо оригинальнѣе принимать гордо рѣзительный тонъ, изъяснять съ высоты величія презрѣніе къ серьезнымъ принципамъ, нежели отстаивать принципы, и, повторяемъ опять, проходить зады. Оригинальнѣе гораздо обратить критику въ шутовство, — бесѣдовать съ читателями по поводу книги, объ устрицахъ и шампанскомъ, описывать впечатлѣнія великосвѣтскаго челоуѣка на Московскихъ гуляньяхъ. Это вдвойнѣ хорошо, во-первыхъ и для публики занятно, а во-вторыхъ — можно похвастаться и своею великосвѣтскостію.*

Мы на такую оригинальность не мѣтимъ, но крѣпко готовы стоять за свою добросовѣстность. Ею осмѣливаемся мы объяснить и то, что подъ нашими небольшими статьями подписываемъ мы буквы Г. Е. О. У., возмущающія г. Новаго Поэта и возмущавшія блаженной памяти Иногороднаго подписчика. Редакція журнала, конечно, должна быть органическимъ цѣлымъ, т. е. состоять изъ личностей, болѣе или менѣе связанныхъ убѣжденіями — но все таки, она состоитъ изъ личностей. Каждая изъ этихъ личностей имѣетъ свой отъѣнокъ и въ правѣ имѣть его. Что за деспотическій уровень, нивелирующий все, стирающій всѣ различія, что за темная сила кружка, который кладетъ на все одно клеймо, что за стереотипные взгляды? Г. Новый поэтъ же

может не видать, что если есть что-либо новое въ нашихъ воззрѣнiяхъ, такъ это именно весьма старая вражда къ темной силѣ кружковъ, и точно столько же старая любовь къ правдѣ. Это старое, действительно, должно назаться новымъ г. Новому поэту.

До сихъ поръ, нападки его, какъ видите, самыя неопредѣленныя и, къ чести его сказать, самыя невинныя. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего невиннѣе, какъ шутить: скажутъ только развѣ:

Шутить, весь вѣкъ шутить—какъ васъ на это станеть?

Но отшутиться можно даже и отъ такого возраженiя. Неопредѣленность же нападокъ ясна съ перваго раза. Какой критики желаетъ новый поэтъ? Исторической—но мы не только противъ нея, а за нее, но смѣшно было бы прилагать законы исторической критики къ эфемернымъ журнальнымъ явленiямъ. Политикоэкономической?—но *таковая* по крайней мѣрѣ очень односторонна и близорука. Впрочемъ всего, что—критики на основанiи личныхъ впечатлѣнiй и при томъ не чьихъ-ли бо, а впечатлѣнiй его самаго, г. Новаго поэта, или, по малой мѣрѣ, Инороднаго подписчика. Поясните же намъ все-таки *законы*, которыми управляются ваши личные впечатлѣнiя.

Въ последнемъ письмѣ своемъ, г. Новый Поэтъ высказалъ впрочемъ и нѣчто опредѣленное, хотя относящееся къ частному случаю и привязанное опять къ слову:

«Молодая редакция Москвитанина—говоритъ онъ—изобрѣла новое слово *свищъ* и прибавляетъ притомъ, что это слово не совсѣмъ «учтливое. Разбирая *Антонику* г-жи Туръ, молодая редакция говоритъ: «Антонина *страждетъ недугомъ* многихъ очень даровитыхъ и «умныхъ женскихъ натуръ—любовью къ людямъ, *которыхъ назовешь* «*всегда по неволѣ* не совсѣмъ учтивымъ именемъ *свищей*. Да про- «стать намъ это *странное названiе*, мы не знаемъ другаго, которое «бы *впрямь* опредѣляло натуру Славина (въ повѣсти Ошибка) или «Мишеля (въ Антонинѣ) (Москвитянинъ N 41. стр. 325.).»

«Почему Славинъ и Мишель *свищи* и почему это странное не «совсѣмъ учтливое и—я прибавлю отъ себя—непонятное названiе *впрямь*, «нежели какое-либо другое слово, опредѣляетъ натуру такихъ людей? «Правдѣ, Славинъ и Мишель—люди поверхностные, обыкновенные, не «герои, но они люди *святскiе*, порядочные, и ничего нѣтъ удивитель- «наго, что они умѣютъ возбуждать *недугъ* въ даровитыхъ, умныхъ «и притомъ такъ же *святскихъ* женщинахъ. Не влюбляться же имъ «непрѣменно въ людей съ глубокими натурами, въ ученыхъ и инте- «раторовъ, да и притомъ, развѣ можно указать мѣсто сердцу женщины,

«Прямолья, тутъ остановись.»

Эта выходка опять страдает явно *недугом* недостатка искренности. Прежде всего, г. Новый Поэтъ — какъ русскій человекъ, не можетъ не знать значенія слова: *свищъ*. Свищемъ называется орехъ, который съ виду кажется и настоящимъ орехомъ, а внутри весь прогнилъ... Потомъ, Славинъ и Мишель люди точно поверхностные — но не *обыкновенные*. Потому-то они и *свищи*, что имѣютъ претензію на необыкновенность, на глубокія страсти и моральныя страданія — и при первомъ же столкновеніи съ какою-либо бабушкою или тетушкою, оказываются крайне несостоятельными въ своихъ страстяхъ и страданіяхъ. Что они люди *свѣтскіе*, мы не споримъ, но чтобы они были люди порядочные, это подлежитъ большому сомнѣнію. Считались они, правда, когда-то порядочными, но время славы ихъ, кажется, прошло. Что они способны возбуждать недугъ въ даровитыхъ и притомъ *свѣтскихъ* женщинахъ, опять не споримъ, но говоримъ только, что это фактъ чрезвычайно печальный, что доказывается примѣромъ Ольги въ «Ошибкѣ» и Антонины. Наконецъ, откуда взялъ г. Новый поэтъ, что мы рекомендуемъ даровитымъ и свѣтскимъ женщинамъ влюбляться въ глубокія натуры, и тѣмъ паче, въ ученыхъ и въ литераторовъ? Не въ томъ дѣло — глубока или нѣтъ натура — а въ томъ, есть ли въ ней *правда*, какова бы пожалуй эта правда ни была.

Жизнь лучше сновъ и правда лучше лжи...

и можно скорбѣть объ Антонинѣ, не упрекая ее впрочемъ въ привязанности къ Мишелю — скорбѣть, что *всю* любовь свою отдала она пустому мальчишкѣ, въ которомъ нѣтъ ничего *своего*, кромѣ способности плакать надъ собственнымъ безсиліемъ. Г. Новый поэтъ не станетъ же себя и насъ увѣрять, что Антонина была очень счастлива отъ встрѣчи съ такою натурою.

Оставляемъ полемику и займемся литературною частію двухъ № Журнала.

Мертвое озеро. Въ 6-мъ и 7-мъ № «Современника» окончены второй томъ этаго романа — и, что важнѣе всего, въ части восьмой втораго тома, появилось наконецъ само «Мертвое озеро». Главный герой восьмой и девятой части втораго тома — Тавровскій, племянникъ Натальи Кирилловны. Еще въ концѣ седьмой части, авторы романа предупреждали, что читателю придется часто встрѣчаться съ Тавровскимъ, и сами выдавали характеръ его за многосторонній. По всей видимости, они даже дорожатъ этимъ лицомъ — стало быть, критика поставлена ими въ обязанность слѣдить за развитіемъ этого характера.

«Здѣсь не мѣсто — говорятъ авторы романа, въ первый разъ знакома читателя съ племянникомъ Натальи Кириловны — вдаваться въ подробное «описание его многосторонняго характера, который долженъ развиваться «постепенно самъ собой. Слѣдуетъ рассказать только событія, предшествовавшія отъѣзду Тавровскаго изъ Петербурга. Это случилось «съ небольшимъ черезъ годъ, по возвращеніи его изъ-за границы. «Въ этотъ годъ, Тавровскій истратилъ въ Петербургѣ до милліона и «задолжалъ почти столько же; онъ велъ жизнь праздную, разсвѣнную «и шумную, давалъ праздники, проказничалъ, былъ записнымъ театра- «ломъ, проигрывалъ страшныя суммы. Лошади и экипажи его были «лучше въ городѣ, и онъ поминутно то дарилъ, то проигрывалъ ихъ, «а себѣ заводилъ еще лучше. Игра не была его исключительной «страстію; онъ могъ не играть вовсе цѣлый годъ и даже ни разу «не вспомнить о картахъ, но если уже попадалъ за зеленый столъ, то «игралъ страстно, безразсудно, забывалъ все, кромѣ картъ. За картами «онъ изумалъ своею горячностью, страшными кущами, и еще необы- «кновенной физической крѣпостью. Казалось, онъ могъ вовсе не спать. «Въ то время, какъ люди, съ которыми онъ игралъ, мѣнялись, онъ «однѣнь готовъ былъ сидѣть сколько угодно, пересиживая самыхъ «отчаянныхъ банкетовъ, которые, играя съ нимъ, уходили спать «по очереди. Два милліона, прожитые въ годъ, доставили ему въ Петер- «бургѣ общую популярность — у однихъ онъ слылъ за мота и чуть не «помѣшавшаго, у другихъ — за отличнѣйшаго малаго, пріятнаго собесѣд- «ника и надежнаго товарища — у всѣхъ вообще за прекраснаго, но «взбалмошнаго человѣка. А ему просто было скучно; *такая полоса* «*была тогда*, какъ онъ самъ иногда обозначалъ нѣкоторые періоды «своей жизни; онъ былъ до того избалованъ людьми и счастьемъ, «что ему никогда и въ голову не приходило спрашивать: зачѣмъ онъ «сдѣлаетъ то или другое? и не лучше ли не дѣлать или сдѣлать иначе? «И онъ никогда не задавалъ себѣ такихъ вопросовъ, и никогда не «жалѣлъ о томъ, что сдѣлано. Онъ такъ же легко дѣлалъ и хорошее, «какъ дурное; только онъ никогда не искалъ ни того, ни другаго. «Не мало было людей, гдѣ нибудь потихоньку благословлявшихъ его «внѣ, потому что если ему случалось сдѣлать добро, то онъ никогда «не дѣлалъ его вполовину, и человѣкъ, которому посчастливилось «возбудить его сострадательность, уже на всю остальную жизнь не «внуждался болѣе ни въ чѣмъ участіи, и эти благородныя порывы, «которые почти всегда дѣлались извѣстными — не черезъ самаго Тавров- «скаго, который черезъ минуту забывалъ о нихъ, а потому что они

«всегда отличались оригинальностью — мирились с нимъ тѣхъ, кого «возмущала его расточительность. Всѣ же прочіе, знавшіе его, отзывались о немъ съ восторгомъ, потому что, проматываясь, онъ, если и «дѣлалъ вредъ, то одному себѣ. Выходки его всегда были забавны и «оригинальны. Когда популярность его возросла въ Петербургѣ до «такой степени, что о немъ начали говорить тотчасъ послѣ погоды и «дневныхъ новостей, — одинъ актеръ — тогдашній комикъ и любимецъ «публики — вздумалъ копировать его: онъ одѣлся точь въ точь какъ «Тавровскій, усвоилъ его манеру, походку, и явился на сцену. Тавров- «скій всѣхъ болѣе апплодировалъ актеру, громко хвалилъ его и на «другой день актеръ получилъ посылку съкоротенькой запиской: «Милостивый государь! вы съиграли свою роль превосходно, благо- «дарю васъ; одну только невѣрность замѣтилъ я: на васъ были «стеклянные запонки, а Тавровскій не носитъ никакихъ, кромѣ бриль- «янтовыхъ, которыя и прошу васъ принять въ знакъ моего уваженія «къ вашему таланту. *Тавровскій.*»

«Таковъ былъ Тавровскій; всѣ удивлялись ему, всѣ подчинялись «неотразимому влиянію его ума, любезности, привлекательности, и «самые кредиторы его сознавались, что, придя къ нему съ рѣшитель- «нымъ намѣреніемъ вытребовать свои деньги, они чувствовали, погово- «ривъ съ нимъ полчаса, желаніе предложить ему еще въ долгъ денегъ.»

Нельзя не отдать справедливости искусству, хотя и чисто внѣшнему, съ которымъ авторы романа совокупили въ избранномъ ими героѣ — нѣсколько анекдотическихкихъ, известныхъ всѣмъ чертъ — нельзя не видать такъ же, что они довольно добросовѣстно стараются отдѣлаться отъ тяготящаго надъ всѣми болѣе или менѣе влиянія призрака Печорина, и создать что-либо новое изъ *различныхъ* чертъ имъ знакомыхъ — но эти черты не связаны никакимъ внутреннимъ единствомъ, потому что, какъ кажется, недостаточно известны еще авторамъ психологическія пружины дѣйствій и странностей типа, который существуетъ дѣйствительно. Этотъ типъ — не Печоринъ: онъ живетъ слишкомъ очерта голову, слишкомъ безъ задвей мысли — онъ не станетъ анализировать *напередъ* всѣхъ своихъ ощущеній, не посмотрится въ зеркало передъ дуэлью. Этотъ типъ точно былъ и есть въ русской жизни: можете быть, поприщемъ для полнаго разгула его, былъ XVIII вѣкъ. Съ другой стороны, много общаго, не исключительно русскаго вошло въ его образованіе. Нѣкоторыя черты его напоминаютъ то Роуэ XVIII столѣтія, то Дона Жуана въ костюмѣ Маркиза, мольеровскаго Дона Жуана, отъ котораго съ поклонами уходитъ Mr Dimanche, пришедшій

за долгомъ — по вообще, въ нашей литературѣ, этотъ типъ еще не вырѣлъ, и Тавровскій—далеко ниже задачи, предположенной авторамъ романа,—вышелъ далеко не тѣмъ, о чемъ бредило у нихъ въ душѣ смутное предчувствіе...

Въ деревнѣ, куда уѣхалъ Тавровскій, въ одну изъ своихъ прогулокъ, встрѣтился онъ случайно съ двумя дикими красавицами—крайне фантастическими, и существующими только въ воображеніи авторовъ романа:

«Съ визгомъ и крикомъ вбѣжали на площадку двѣ женскія фигуры, какъ дикія козы, онѣ бѣгали, прыгали, догоняя другъ друга и разсмакивая длинными сучьями, которыми каждая была вооружена и отъ которыхъ листья разлетались во всѣ стороны. Странность ихъ туалета такъ поразила скрытаго наблюдателя, что онъ не вдругъ могъ понять, что такое онъ видитъ. Пестрыя ситцевыя платья обрисовывали стройныя и гибкія ихъ талии, руки, шея были открыты, на плеча «накинута были куски бѣлаго полотна, узломъ завязаннаго у горла, «на этихъ лоскуткахъ, какъ змѣи, рѣзко отдѣлялись черныя ихъ косы. «Лица и плечи были закрыты широкими листьями репейника, которые «около головы образовывали что-то въ родѣ полей пастушеской шляпы—«вѣроятно для защиты лица отъ солнца.»

Видно, что авторы не жалѣютъ красокъ и стараются придать какъ можно болѣе эффекта своимъ фантастическимъ фигурамъ. Жаль только, что эффектъ-то выходитъ ложный.

«Наконецъ одна изъ нихъ—продолжаютъ далѣе авторы—утомленная, «упала на траву, что-то сказавъ на странномъ языкѣ. Подруга послѣдовала ея примѣру, но не для того, чтобъ отдохнуть: она стала «кататься по травѣ быстро, какъ шаръ брошенный по скату «горы (?). Наконецъ она вдругъ неожиданно остановилась при поворотѣ «на спину, закинула руки на голову, отводя сначала листья отъ своего «лица, и шурясь стала глядѣть на небо. То была молодая худощавая «цыганка, съ чертами лица правильными и рѣзкими. Ея смуглота была «съ лоскомъ и съ такимъ яркимъ румянцемъ, какъ будто въ немъ «было что-то кровавое. Брови сходились на ея высокомъ лбу, густыя «рѣсницы придавали ей и безъ того чернымъ глазамъ «страшно дикій «блескъ. Губы были тонки, такъ что довольно большіе зубы постоянно «были на виду и легкая черная тѣнь на верхней губѣ придавала имъ «страшную рѣзкость; курчавые ея волосы были синеватаго цвѣта, «а заплетенныя двѣ косы крутились какъ змѣи.»

Вотъ вамъ одна цыганка. Какая *страшная* рѣзкость, какая *страшная* выпуклость въ изображеніи — скажемъ мы, употребляя любимый эпитетъ авторовъ. А вотъ другая, представляющая совершенную противоположность — и изображенная, такъ сказать, отрицательно:

«Подруга ея *рѣзко* отличалась вѣжностью своей кожи, хотя тоже «смуглой. У ней не было этого кроваваго румянца и той *леснящейся* «смуглоты, ни тѣхъ матово-сизыхъ, курчавыхъ волосъ. Казалось, тѣхъ «цыганскій *смягчился* въ ней въ самую лучшую его сторону. Глаза «у ней были черны, но *длинные* *мягкія* рѣсницы *смягчали* ихъ блескъ; «брови не сходились какъ у первой, а *нельзя* были проведены. Волосы «были длинны и *слегка* вились только около лба и висковъ. Она была «средняго роста: ~~серпы~~ ея были болѣе округлены. Движенія и смѣхъ — «все въ ней было *мягче*, чѣмъ у худошавой цыганки. Она отбросила «отъ своего лица завялые листья, и, накинувъ на голову кусокъ полотна, «приняла полулежащую позу и какъ бы о чемъ-то думала, разглядывая «траву и лѣтливо перебрасываясь словами съ лежавшей на спящъ «цыганкой.»

Тавровскій шалить съ цыганками — онъ въ свою очередь тоже шалить съ ними, пугаютъ его Мертвымъ озеромъ, изъ котораго будто бы онъ вышли — но между тѣмъ, на обѣихъ, и въ особенности на Любу, у которой *смягчался* цыганскій типъ, онъ производитъ сильное впечатлѣніе; — Стеша впрочемъ тоже съ своей стороны не равнодушна къ нему — и все отношеніе двухъ шаловливыхъ дѣвушекъ къ Тавровскому, выходило бы въ романъ довольно граціозно и мило — если бы не вмѣшалось тутъ мелодраматическое чучело, въ особъ цыгана, который — *мрачно* глядитъ на Тавровскаго, злится на него и съ перваго же разу подымаетъ на него ножъ.

Происхожденіе страсти Тавровскаго къ Любѣ — весьма основательно выведено авторомъ изъ его капризной и раздражающейся сопротивленіемъ природы. На джарку подѣйствовалъ онъ своей наружностью, ловкостью, смѣлостью — наконецъ своимъ пѣніемъ. Тавровскій увлеченъ наковецъ самъ.

Вскорѣ потомъ, Тавровскій поѣхалъ къ одному изъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, и въ дочери его узналъ цыганку Любу. Куратовъ, сосѣдь Тавровскаго, любилъ цыганку, прижилъ съ нею дѣтей, потомъ разлюбилъ ее, и она съ горя утопилась въ Мертвомъ озерѣ.

Перервемъ нѣсколько разказъ объ отношеніяхъ Тавровскаго къ Любѣ, чтобы заняться главнымъ героемъ романа, «Мертвымъ озеромъ». Оно

появилось наконецъ, на сценѣ, окруженное суевѣрными преданіями и всякаго рода эффектами:

«Какое-то уныніе разливалось кругомъ озера, которое даже въ бурю «было покойно. Вѣтеръ, бушующій на горахъ, замыкая, какъ бы страшился нарушить спокойствіе озера; однѣ только верхушки деревъ «медленно покачивались и наполняли воздухъ страннымъ гуломъ. «Мрачный и раскиданный ельникъ стоялъ неподвижно, простирая свои «длинные сучья къ озеру, какъ бы стараясь защитить его отъ солнца. «Осока, страшной высоты тростникъ окаймляли озеро, а изумрудный «мохъ въ видѣ травы, предательски укрывался между кустарниками «ельника.»

«Ни дичь, ни звѣри, ни огромное количество рыбъ не *плыли* «жителей. Деревня была расположена на горѣ, позади барскаго дома. «Съ незапамятныхъ временъ было тутъ преданіе, что озеро и лѣсъ, «его окружающій, населены *злыми духами*. Одна страшная необходи- «мость въ дровахъ или въ срубкѣ дерева отваживала мужиковъ спу- «скаться въ лѣсъ къ озеру. Ни разу не возвращались домой, безъ какихъ- «нибудь подтвержденій о страшныхъ слухахъ, ходившихъ по деревнѣ «объ озерѣ. Огромную шуку, забредшую на берегъ озера, чтобы «погрѣться на солнцѣ, принимали за злаго духа, и мужикъ, бросивъ «свою неконченную работу, бѣжалъ какъ безумный домой рассказать «о зломъ духѣ, въ видѣ огромной рыбы. *Пропавшія* у мужика корова, «лошадь — все *приписывалось* озеру (?).

«Къ подтвержденію суевѣрія жителей деревни, *много способствовали* «безъ вѣсти *пропавшіе* люди, бывшіе въ лѣсу около озера. Въроятно «они погибли въ страшныхъ болотахъ, но никто не сомнѣвался, что «погибшіе были жертвой злыхъ духовъ, а не своей неосторожности.»

Видите ли, какъ эффектно — хотя не весьма грамотнымъ языкомъ описано Мертвое озеро! Можно предполагать, что это все не даромъ, что читателей ожидаютъ различныя ужасныя происшествія, но только не теперь. Авторы бросаютъ Мертвое озеро, и опять увлекаютъ Тавровскаго въ Петербургъ, заставивши его обручиться съ Любой. Въ Петербургъ къ нему является Дагоберъ, т. е. Иванъ Софронъ. Иванъ Софронъ спасаетъ его отъ раззоренія, отыгрываетъ за него 350,000 рублей, а Тавровскій вдругъ, ни съ того ни съ сего, при- «зжаетъ къ нему, да принимается ухаживать за его дочерью. Иванъ Софронъ въ качествѣ добродѣтельнаго челоука дѣлаетъ сцену, и второй томъ романа оканчивается подъ весьма неблагоприятными ауспичіями.

Кромѣ « Мертваго озера » въ 6-мъ N Современника мы прочли еще по части русской словесности: « Воспоминаніе о Захарѣ Иванычѣ » г. Вонлярлярскаго, остроумный и бойкій разсказъ, въ которомъ основа совершенно ничтожна, но за то подробности очень хороши. Хорошъ и самъ Захаръ Иванычъ, и камердинеръ его Трифоновъ и и содержатель русской гостинницы въ Дрезденѣ, несчастный Гайдуковъ и наконецъ Александръ Фридрихъ Зельферъ съ отцемъ его Христіаномъ Зельферомъ. Вѣроятно всѣ прочли уже прекрасный беллетристическій разсказъ г. Вонлярлярскаго и знакомы съ этими упомянутыми нами лицами.

Разсказъ: « Друзья » въ 7-мъ N мы лично прочли тоже не безъ удовольствія, и даже удивлялись, почему онъ показался многимъ чрезвычайно дѣтскимъ. Герой и героиня—очень милы и искренни,—что они молоды, это еще не бѣда, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ сознаетъ ихъ молодость и даже побаивается за нихъ въ заключеніи разсказа.

Кромѣ беллетристики, особеннаго вниманія заслуживаютъ: продолженіе очень хорошихъ статей г. Хотинскаго « О Волшебствѣ и Натуральной магии » (статья 4),—статья « О Пропілеяхъ » г. Б. Ордынскаго, написанная съ знаніемъ дѣла и съ безпристрастіемъ,—статья г. Милютіна: Обзоръ Дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Римскою имперіей, составленная по изданнымъ недавно памятникамъ. Замѣтимъ только, что напрасно Польскаго короля рецензентъ называетъ жаднымъ нѣсколько разъ: Польское слово жадный значитъ просто никакой.

Нельзя не отдать справедливости разнообразію и интересу « Смѣся » въ обоихъ нумерахъ Журнала. Г.

Отечественныя Записки 1851 года N. 6 и 7-й, Іюнь и Іюль.

Мои Старые знакомцы: III «Передняя», В. М. Лазаревскаго. Два первые разсказа того же автора были уже напечатаны въ вышеишемъ же году въ Отечественныхъ Запискахъ. Мы высказали тогда свое сужденіе, какъ объ нихъ, такъ и вообще о талантѣ и манерѣ Г. Лазаревскаго. Оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, мы можемъ, следовательно, только немного прибавить къ сказанному прежде. Во всякомъ, литературномъ ли, или какомъ другомъ дѣлѣ, есть всегда передовые, начинатели, которые сами прокладываютъ новый путь, открывая новые, еще не тронутые родники, и есть люди, которые подчиняются новому направленію, идутъ по немъ вслѣдъ за другими. Первыхъ вызываетъ

на новое поприще само дѣло, ихъ близкое знакомство съ чѣмъ бы то ни было, живое пониманіе духа того, о чемъ они пишутъ. Вслѣдствіе всего этого они вдругъ начинаютъ видѣть интересъ въ томъ, въ чемъ другіе не подозрѣвали интереса. За ними начинаютъ и всѣ смотреть другими глазами на вещи, удивляясь иногда, какъ имъ самимъ не пришло тоже въ голову, когда, повидимому, стоило только поглядѣть, чтобы увидѣть. Но не замѣчаютъ они, что недостаточно еще идти по пути, удачно проложенному другими, для того, чтобы самимъ достигнуть удачи, что способность придать интересъ и значеніе чему-нибудь новому дается только тому, кто вынесъ свой взглядъ изъ самой дѣйствительности, кто не схватилъ его на сторонѣ, по наслышкамъ, а добылъ самъ изъ живыхъ источниковъ. Тогда только образы, которые онъ вынесетъ изъ вновь открытой имъ сферы, будутъ истинны и вѣрны дѣйствительности, тогда только вполне правы и обязательны для другихъ будутъ его сочувствія или несочувствія къ изображенному предмету и вообще плодотворною станетъ его дѣятельность. Если же посторонними путями добытыя убѣжденія и взгляды станутъ вносить писатель въ поверхностно знакомую ему сферу, если принесетъ онъ готовую любовь или нелюбовь къ извѣстному дѣлу, тогда обнаружится шаткость во всемъ, что ни произведетъ онъ, случайны будутъ его любовь или иронія и можетъ онъ опозорить дѣло, попавъ даже и на правую его сторону. Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, стало теперь у насъ насущною потребностію знакомство съ народностію, изученіе простонароднаго быта, потребностію такою сильною, что она вызвала на это поприще много дѣятелей, что подкупается вниманіе публики однимъ вѣтхимъ видомъ этого направленія въ какомъ-нибудь произведеніи. При такихъ условіяхъ всегда найдутся люди, которые подчинятся общимъ требованіямъ и начнутъ *изучать* бытъ простыхъ классовъ, на которые прежде обращали мало вниманія, и передавать публикѣ результаты своихъ наблюденій; но тотъ-часъ же обнаружится малое знакомство ихъ съ избраннымъ дѣломъ, несамородность ихъ направленія, несамостоятельность тѣхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ формируются ихъ произведенія. —

Но обратимся къ Г. Лазаревскому.... Уже въ первыхъ его рассказахъ было замѣчено нами много произвольнаго, натянутого, невѣрнаго съ дѣйствительностію; но мы могли ожидать отъ него исправленія въ этихъ недостаткахъ. Напротивъ — напечатанный теперь третій рассказъ *»Передняя»* еще слабѣе двухъ предъидущихъ. Представить въ интересномъ, трогательномъ видѣ два лица изъ лакейскаго быта и выжать

во что бы то ни стало драматическій эффектъ изъ ихъ столповенія, — вотъ задача, которую предложилъ себѣ Г. Лазаревскій. Достигъ онъ этой задачи тѣмъ, что идеализировалъ обонъ своихъ героевъ, вложивъ въ нихъ такія мысли, чувства и рѣчи, которыя свойственны развѣ только господамъ. Таковы напр: разговоръ Настя съ Фердинандомъ о ея родинѣ, рассказъ ея о встрѣчѣ на перевозѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и многое другое, что такъ и бросается въ глаза своею неестественностію. Драматическаго эффекта достигъ Г. Лазаревскій опять таки пожертвованіемъ естественности. Изъ данныхъ разсказа очень трудно понять, зачѣмъ ушла Настя къ себѣ на родину. Неужели потому только, что теплѣе тамъ, цвѣту больше въ полѣ, могилы стоятъ по степямъ, да небо такое ясное, звѣзды такъ и горять?.... Странно!.. Страданія Фердинанда безъ нея и наконецъ его походъ вслѣдъ за нею, хотя и трогательны, но также неестественны. —

Несомнѣнными достоинствами Г. Лазаревскаго остаются и въ этомъ разсказѣ нѣкоторыя удачныя лирическія мѣста и умѣнье тронуть своихъ читателей. Жаль только, что въ настоящемъ случаѣ они были несомнѣнны съ задачею автора изобразить простонародный бытъ, который онъ мало знаетъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе? —

Въ седьмой части *Старого дома* выходитъ наконецъ на сцену «Калиостро въ Петербургъ» — Судя объ этомъ предметѣ съ самой снисходительной точки зрѣнія, мы все таки должны замѣтить, что Калиостро можно было вывести и эффектнѣе и таинственнѣе, что бы, конечно, доставило больше удовольствія нѣкоторымъ охотникамъ и охотницамъ до страшнаго и чувствительнаго. Какъ же можно сравнить «Калиостро въ Петербургъ» напр. съ Монте-Кристо. Таже исторія о Калиострѣ въ Петербургѣ продолжается и въ Іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, но не смотря на то, что въ этой же книжкѣ напечатанъ и эпилогъ, весь Старый Домъ окончится только въ слѣдующей книжкѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить уже о знакомомъ намъ авторѣ нѣсколькихъ повѣстей, *М. М. Достоевскомъ*, который выступаетъ въ іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ на новое поприще, поприще драматическое, съ комедіей въ одномъ дѣйствіи: *Старшая и Меньшая*. При самомъ началѣ чтенія этой комедіи, мы невольно обратили вниманіе на одно обстоятельство, которое уже и прежде нерцательно поражаало насъ въ другихъ современныхъ комедіяхъ. Почти къ каждому слову дѣйствующихъ лицъ прибавлены объясненія: "какимъ голосомъ это сказано, съ какимъ тѣлодвиженіемъ и т. д., однимъ

словомъ, вся комедія испещрена вносными примѣчаніями такого, напр. содержанія: (съ раболовпвой улыбкой, досказывая, хвастливо и съ желаніемъ разговориться, вдругъ теряетъ свою сановитость и проворно загоразиваетъ ему дорогу, какъ будто у него не хватило рѣшимости...) и много другихъ. Для кого сдѣланы всѣ эти примѣчанія? Для актеровъ или для публики? Если въ комедіи выведены лица, которыхъ характеры обрисованы живо и вѣрно, если столкновенія между этими лицами происходятъ естественнымъ образомъ, тогда безъ сомнѣнія всякій догадается въ данномъ случаѣ и о томъ, какимъ голосомъ сказана какая-нибудь фраза и какимъ тѣлодвиженіемъ она сопровождается. Если же ничего этого нѣтъ, то никакія примѣчанія не помогутъ читателю понять лучше и цѣльнѣе дѣйствующія лица комедіи и ихъ отношенія. Напротивъ они ясно указываютъ, что авторъ какъ бы опасается, что бы не поняли иначе тѣхъ душевныхъ движеній, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ проходятъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, и вѣроятно его опасенія на чемъ-нибудь основываются. Но странно же однако видѣть, что авторъ, уже создавъ свои лица, давъ имъ объективное существованіе, все еще боится выпустить ихъ изъ своихъ рукъ и какъ бы опасается за каждое ихъ слово и жестъ, забывая, что, разъ вышедши изъ его рукъ, они дѣлаются общимъ достояніемъ и всякій получаетъ право судить о нихъ на основаніи тѣхъ существенныхъ данныхъ, которыя лежатъ въ нихъ самихъ, а не по тѣмъ рекомендаціямъ, которыми сопровождаетъ ихъ непрерывно авторъ. Къ сожалѣнію, подобный обычай довольно распространился въ нашей литературѣ въ последнее время. Прежде, у нашихъ лучшихъ комиковъ этого не было. Зачѣмъ же понадобились они нашимъ новымъ сочинителямъ? Всякому, конечно, случалось замѣчать, какая огромная разница бываетъ иногда между впечатлѣніемъ, производимымъ пьесой въ чтеніи, и тою же самою пьесой, сыгранной хорошими актерами. Смотришь на сценѣ, пьеса идетъ живо, встрѣчаешь въ ней если не характеры, то извѣстные типы, смѣешься надъ комическими положеніями; читаешь ту же самую пьесу — куда дѣвались всѣ ея достоинства! Нѣтъ ни цѣльныхъ характеровъ, ни истинно комическихъ положеній. Стоитъ только позадуматься надъ этимъ вопросомъ, чтобы увидѣть, что главнѣйшая доля очарованія, испытаннаго нами въ первомъ случаѣ, принадлежитъ, безспорно, не самой пьесѣ, но искусной игрѣ актеровъ и сценической обстановкѣ пьесы. Авторъ иногда только намекнетъ на какую-нибудь черту характера, не сознавши ея самъ съ достаточной ясностью и еще менѣе выразивши ее приличнымъ образомъ. Искусный актеръ дополнитъ, воссоздастъ

все неподдающееся, а иногда сочинить и новое. Для этого онъ, конечно, имѣеть болѣе средствъ, нежели авторъ; въ его распоряженіи и тонъ голоса, и манеры, и выраженіе лица. Изъ какого-нибудь положенія самаго по себѣ мало комическаго, онъ сумѣеть создать по крайней мѣрѣ смѣшное, и обійти также потому, что не одно только слово имѣеть онъ въ своей власти. Кто, наконецъ, не знаетъ, что можетъ иногда сдѣлать комическій актеръ изъ безмолвной роли, единственно посредствомъ тѣлодвиженій и проч. Всѣ эти пособія сцены и игры давали иногда ходъ плохимъ пьесамъ, возвышали достоинство слабыхъ, однимъ словомъ, содѣйствовали ихъ успѣху. Все это, пожалуй, очень законно; но люди разсуждающіе все таки отличали дѣйствительныя достоинства пьесы отъ тѣхъ, которымъ они обязаны сценическому обаянію; истиннымъ орудіемъ дѣйствія пьесы на читателя они все таки полагали слово и считали незаконнымъ вносить напр. въ комедію, назначенную для чтенія, описательные образы въ родѣ гравюръ, прилагаемыхъ къ известнымъ родамъ сочиненій. — Но въ такомъ случаѣ въ рукахъ комическаго писателя оставалось менѣе средствъ къ произведенію эффекта, онъ долженъ былъ болѣе трудиться надъ языкомъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, болѣе опредѣленно обозначать ихъ положенія, болѣе заботиться о комизмѣ самихъ характеровъ, о движеніи въ пьесѣ. — Все это становится, разумѣется, менѣе пужнымъ, при внесеніи въ комедію описаній, ибо тогда уже авторъ распоряжается большимъ количествомъ средствъ къ возбужденію смѣха въ читателяхъ; гдѣ напр. въ разговорномъ языкѣ нѣтъ комизма, онъ опишетъ вамъ смѣшныя жесты своихъ лицъ, ихъ гримасы, и вы разсмѣтеся невольно. Тамъ же, гдѣ есть комическое въ данномъ положеніи лица, но выражено очень слабо, вельсно, такъ что изъ однихъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ и изъ ихъ характеровъ нельзя понять его, онъ расскажетъ вамъ отъ себя за своего героя, что думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ онъ въ это время. — Въ какой степени этотъ новый обычай нашихъ писателей и этотъ очевидный рассчетъ единственно на игру актеровъ вредно дѣйствуетъ на успѣхъ нашей драмы, объ этомъ, кажется, говорить нечего.

Конечно только въ представленіи получаетъ драматическая пьеса полный смыслъ и значеніе, и, конечно, не все равно прочесть пьесу или увидѣть ее на сценѣ, хорошо разыгранною; однако она должна быть такъ написана, чтобы помощію однихъ словъ, вложенныхъ авторомъ въ уста своихъ героевъ, уяснялось, по крайней мѣрѣ для мысли, все въ пьесѣ, понятенъ былъ малѣйшій отбѣнокъ тѣхъ душевныхъ движеній, которымъ это слово служитъ внѣшнымъ выраженіемъ;

и этого преимущественно долженъ стараться достигнуть авторъ въ пьесѣ, назначаемой имъ для чтенія. Читатель, конечно, иногда можетъ вообразить себѣ фигуры героевъ, съ которыми онъ знакомится въ комедіи, ихъ тѣлодвиженія въ известномъ случаѣ, тонъ ихъ голоса; но такія представленія будутъ случайныя, не существенныя, главнѣйшее же вниманіе его будетъ устремлено на пониманіе тѣхъ психологическихъ движеній, которыя имѣлъ въ виду авторъ и которыя составляютъ сущность дѣла. Сценическое представленіе, при всѣхъ своихъ преимуществахъ предъ простымъ чтеніемъ, не можетъ также имѣть ничего инаго въ виду, кромѣ того, чтобы ясно и отчетливо выставить психологическій міръ героевъ комедіи; ибо въ немъ только заключается истинный комизмъ, а не въ тѣхъ кривляньяхъ, перемѣнахъ голоса и прочихъ тѣлодвиженіяхъ, которыя должны служить только проводниками къ постиженію внутреннихъ перемѣнъ въ дѣйствующихъ лицахъ. Если такимъ образомъ вся внѣшняя обстановка, находящаяся во власти актера, должна служить только къ пониманію душевныхъ движеній представляемаго имъ лица; то какую услугу могутъ оказать, къ пониманію пьесы при чтеніи, отрывочныя показанія обрѣзкой обстановкѣ въ родѣ тѣхъ, которыя мы привели выше изъ комедіи Г. Достоевскаго? Не ясно ли, что они могутъ только мѣшать, егда возмѣ слова, лучшаго проводника душевныхъ движеній, неясный и неполный образъ, только запутывающій пониманіе. Не ясно ли также, что единственное ихъ назначеніе есть приданіе внѣшняго, не существеннаго комизма тому, въ чемъ дѣйствительно ятъ комизма.

Можетъ быть такія объяснительныя фразы нужны для актеровъ. Но во первыхъ они вредны уже тѣмъ, что для актеровъ даровитыхъ, облегчая повидимому дѣло, въ самомъ дѣлѣ приучаютъ ихъ къ игрѣ мѣстами, къ игрѣ фразъ, и такимъ образомъ удаляютъ ихъ отъ настоящаго пути, въ которомъ каждое слово должно вытекать изъ пониманія цѣлой фигуры изображаемаго лица; они отнимаютъ у актеровъ ту самобытность, которую отнимать у нихъ не должно, какъ у художниковъ своего рода; ибо не должно забывать, что нельзя допустить совершенной опеки автора надъ актерами и считать этихъ послѣднихъ за механическихъ исполнителей воли перваго, въ особенности въ такихъ пьесахъ, которыя могутъ быть подняты единственно игрою даровитыхъ актеровъ.

Можетъ быть и не стоило бы заниматься долго такимъ неважнымъ обстоятельствомъ, каковы объяснительныя фразы, замѣченныя нами въ комедіи Г. Достоевскаго; и дѣйствительно мы бы не пустились въ

длинное разсужденіе объ этомъ предметъ, если бы подобное явленіе было .одинокимъ; но къ несчастію, въ нашей литературѣ начинается образовываться подобное направленіе, и противъ него-то возстать сочли мы долгомъ. Поэтому пусть не сочтеть г. Достоевскій словъ нашихъ, направленными единственно на него: вражду съ направленіемъ, можно позволить себѣ и тѣ нѣсколько рѣзкія фразы, которыхъ бы мы постарались не допустить, если бы имѣли дѣло съ личностію автора. Переходимъ теперь къ самой комедіи *Старшая и Меньшая*....

Содержаніе ея слѣдующее. У г. Стручкова, ссужающаго деньгами подъ разные залого, двѣ дочери: Прасковья Петровна 21 года и Авдотья Петровна 19 лѣтъ. Меньшая, какъ это довольно ясно видно изъ комедіи, дѣвушка съ характеромъ, разчетливая, не мечтательница и главная въ домѣ; Старшая, сколько можно догадаться изъ пьесы, довольно глупенькая и безхарактерная фантазерка (впрочемъ это последнее лицо очень не удалось автору). За Меньшую сватается Максимъ Савичъ Кубышкинъ, *известный болѣе подъ именемъ Максима Савича*, богатый человекъ лѣтъ 50; она готова выдти за него по расчету; но встрѣчается препятствіе — мать не хочетъ ее выдать за мужъ прежде старшей. Максимъ Савичъ, *страстно* влюбленный въ свою невѣсту, употребляетъ всѣ усилія для устраненія этого препятствія, и уже представилъ 5 жениховъ для Старшей; но ни одинъ изъ нихъ ей не понравился. Неугомонный Максимъ Савичъ отыскиваетъ наконецъ шестаго; это нѣкто Борисъ Николаевичъ Коринъ, должникъ его лѣтъ 35, очень молодой человекъ, одѣтъ изящно и, какъ говорится, *благородно*: въ утреннемъ лѣтнемъ костюмѣ, на шеѣ лорнетка; протягиваетъ на удареніяхъ и *вообще тонируетъ.*» Разчитывая на этого шестаго жениха, Максимъ Савичъ посылаетъ сказать ему, что будетъ у него на другой день; тотъ, полагая, что онъ пріѣдетъ за долгомъ, спѣшитъ къ Стручкову заложить нѣкоторыя изъ вещей; здѣсь они встрѣчаются. Максимъ Савичъ предлагаетъ простигъ долгъ Корину, если онъ согласится жениться на Старшей дочери Стручкова; Коринъ отказывается и хочетъ даже увѣзти; но по просьбѣ Максима Савича остается обѣдать. Максимъ Савичъ уходитъ къ старику Стручкову и оставляетъ Корина одного; въ это время входятъ Меньшая. Между ними происходитъ одна изъ тѣхъ сценъ, по случаю собаки, вышитой по канвѣ, которыя могутъ иногда быть очень хорошо разыгранными, но которыя довольно странны въ чтеніи. Съ этой самой минуты начинаются между двумя нѣкоторыя отношенія, которыя выражаются пока въ обоюдномъ кокетствѣ. (Кажется, мысль автора была изобразить сочувствіе двухъ лицъ, ко-

торыя знаютъ другъ другу цѣну и отличили себя взаимно среди пустыхъ и ничтожныхъ лицъ, ихъ окружающихъ). Между тѣмъ Старшая успѣла уже почему-то влюбиться въ Корина и начинать ревновать къ нему Меньшую; Коринъ съ своей стороны открывается въ любви Меньшой и просить ея руки. Объясненіе ихъ подслушано Максимомъ Савичемъ и приводитъ его въ очень комическое бѣшенство. Была минута, когда младшая, увлеченная блестящею, въ сравненіи съ Максимомъ Савичемъ, фигурою Корина, поколебалась было въ выборѣ между богатствомъ своего жениха и симпатіею къ Корину; но врожденная расчетливость торжествуетъ, и она отдаетъ свою руку Максиму Савичу. Коринъ, вѣроятно, тоже рѣшается жениться на Старшей, хотя этого и не видно прямо изъ комедіи.

Мы очень хорошо понимаемъ, что сухое изложеніе содержанія комедіи, подобное нашему, не можетъ дать полягаю понятія о самой пьесѣ, притомъ о такой пьесѣ, которая вся держится на разговорахъ и вообще на отдѣльныхъ сценахъ; но, по крайней мѣрѣ, изъ рассказаннаго нами читатели могутъ познакомиться съ завязкою и движеніемъ пьесы и судить о достоинствахъ комедіи въ этомъ отношеніи; о другихъ мы скажемъ. Лучшее въ пьесѣ лицо Меньшой: отъ того многія сцены, въ которыхъ участвуетъ она (какъ напр. объясненіе Корина въ любви, и нѣкоторыя сцены съ Максимомъ Савичемъ) ведены очень искусно и по всѣмъ вѣроятіямъ выйдутъ на сценѣ очень удачными. Недурень также Максимъ Савичъ, которымъ вообще авторъ умѣлъ ловко воспользоваться для комическихъ сценъ. Коринъ понятенъ очень мало, не смотря на то, что очень подробно описанъ авторомъ, Старшая еще меньше. Не нравится намъ также манера выводить лакеевъ только дураками и больше ничѣмъ—такой комизмъ очень поверхностенъ. Къ натяжкамъ въ пьесѣ мы причисляемъ каламбуръ лакея въ отвѣтъ Корину на вопросъ его: «принимаетъ ли баринъ?» каламбуръ горничной на счетъ головы и нѣкоторыя другія. Вообще пьеса написана игриво, не лишена забавныхъ сценъ и можетъ имѣть успѣхъ на сценѣ. Но какаѣ же это комедіи?...

По иностранной литературѣ, кромѣ 5 и 6 частей Давида Копперфильда младшаго, въ Юльскоѣ книжкѣ напечатана еще 4-я часть Исторіи Пенденписа—романа Вилльяма Теккерея.

Въ отдѣлѣ статей ученаго содержанія напечатаны: *Религіозно-языческое значеніе избы Славнина А. И. Афанасьева, Взглядъ на современное состояніе астрономіи въ Англіи, Очеркъ климатовъ въ отношеніи къ ихъ различной теплотѣ, и наковецъ Эпическая*

novel—статья О. Буслаева. Первая статья представляет весьма любопытное собраніе фактовъ, заимствованныхъ авторомъ изъ множества источниковъ. Въ наше время нельзя смотрѣть безъ особеннаго участія на каждую попытку объяснить что-нибудь изъ нашей старины и нашего народнаго быта; даже простой сборъ фактовъ, сгруппированныхъ около одного вопроса, представляетъ уже значительный интересъ, если иногда и не самъ по себѣ, то, по крайней мѣрѣ, какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій. Впрочемъ въ такомъ новомъ дѣлѣ, какъ изученіе нашей старины, и при небольшомъ количествѣ хорошихъ изслѣдованій, нельзя, конечно, избѣжать недосмотровъ и промаховъ или даже и натяжекъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ является толкователемъ собранныхъ имъ фактовъ. Такими представляются намъ въ интересной статьѣ г. Афанасьева нѣкоторыя мѣста; такъ напр. говоря, что пѣтухъ въ язычскорелигіозной системѣ былъ «символомъ очага, его аттрибутомъ,» авторъ, между прочимъ, приводитъ въ доказательство пословицы: «и пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится» (на своемъ пепелищѣ и курица гребѣтъ). «Здѣсь, говоритъ онъ, прямо высказана тѣсная связь пѣтуха съ пепелищемъ, подъ которымъ разумѣется изба и очагъ; сравните: огонь—огнище, пепель—пепелище. Теперь становится вполне понятнымъ, почему домовый висколько не стѣсняется пѣтушнымъ крикомъ, котораго такъ боится вся нечистая сила!» Такъ ли это? Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Народныя преданія сохранили много свидѣтельствъ о богослужебномъ значеніи стариковъ и старухъ.... Хозяинъ, какъ служитель очага, носилъ имя огнищанина; отъ хозяйки, по народной поговоркѣ, должно пахнуть дымомъ». Хозяйка у нашего народа есть по преимуществу стряпуха, по этому не мудрено, что, по народному представленію, отъ нея, если она хозяйка настоящая, должно пахнуть дымомъ. Намъ кажется, что такое объясненіе евали не естественнѣе.

Вторая статья есть записка Біо, составленная имъ по случаю ревизіи Гринвичской Обсерваторіи 1850 г. «Такія ежегодныя ревизіи были учреждены въ 1710 году для повѣрки работъ на обсерваторіи. Благовидною цѣлю хотѣли тогда прикрыть несправедливый поступокъ противъ Флемстида, управлявшаго тридцать шесть лѣтъ Гринвичской Обсерваторіею; тогда хотѣли принудить его къ безвозмездной выдачѣ собранныхъ имъ наблюденій посредствомъ собственныхъ его снарядовъ, которыя прибрѣтала онъ съ большими пожертвованіями. Наблюденія Флемстида нужны были Ньютону для его теоріи луны. Нынешнія ревизіи не оскорбляютъ уже директора Обсерваторіи, но способствуютъ

къ усовершенствованію и разпространенію его трудовъ. Ревизионная коммисія составляется изъ президентовъ Королевскаго Общества Наукъ и Общества Астрономическаго, изъ пяти непремѣнныхъ членовъ того и другаго Общества и изъ двухъ астрономовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго Университетовъ. Ревизія производится всегда въ первую субботу мѣсяца Іюня. Ученая коммисія выслушиваетъ общее донесеніе директора, сообщаетъ ему свои замѣчанія, рассматриваетъ его требованія, и послѣ отдаетъ отчетъ Совѣту Адмиральтейства, который опредѣляетъ новыя издержки для Обсерваторіи. Гринвичская Обсерваторія состоитъ нынѣ подъ управленіемъ знаменитаго Эйра (Airy)».

Настоящая записка, не смотря на краткость свою, представляетъ много интереса; но особенно утѣшительными показались намъ свѣденія о множествѣ любителей астрономіи, занимающихся небомъ не по обязанности, а изъ одного благороднаго желанія поддержать и разпространить науку.

Очеркъ климатовъ по интереснымъ свѣденіямъ и популярному изложенію заслуживаетъ также вниманія.

Въ Іюльской книжкѣ помѣщена чрезвычайно интересная статья Ѳ. Буслаява — *Этическая поэзія*. Статья эта представляетъ очень много любопытныхъ указаній, сближеній и т. д. Въ особенности методъ автора отличаетъ эту статью отъ другихъ статей, близкаго содержанія, появляющихся въ нашихъ журналахъ. Впрочемъ для полной оцѣнки достоинствъ этой статьи нужно, во первыхъ, подождать окончанія ея, а во вторыхъ, посвятить ей довольно обширную критическую статью, что, можетъ быть, и будетъ сдѣлано въ нашемъ журналѣ. Въ помѣщенной теперь первой части содержатся слѣдующіе отдѣлы: языкъ; періодъ донсторической. — Происхожденіе поэзіи; мифъ; сказаніе. — Разрозненные члены эпическаго преданія; эпическіе приемы.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены: вторая и послѣдняя часть статьи Т. Н. Грановскаго о сочиненіи П. Кудрявцева — *Судьбы Италіи*. Не принимая на себя произнести сужденіе о справедливости всего, что высказано г. Грановскимъ по поводу сочиненія г. Кудрявцева, мы не можемъ однако не отдать должнаго вниманія прекрасному изложенію и ясности доводовъ, приводимыхъ критикомъ.

Другая критическая статья принадлежитъ Г. Кавелину; она написана по поводу статьи г. Афанасьева о *Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ*, напечатанной въ Альманахѣ-Комета. Было бы интересно прочитать отвѣтъ г. Афанасьева на эту статью, ибо, при очевидномъ несходствѣ его мнѣній съ мнѣніями г. Кавелина о томъ же предметѣ, вопросъ могъ бы очень

далеко подвинуться впередъ, какъ это всегда бываетъ при столкновени двухъ добросовѣстныхъ, но противоположныхъ мнѣнй.

Исчислимы еще нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ статей, помещенныхъ въ *смѣси* Юньской и Юльской книжекъ От. Зап., и тѣмъ заключимъ нашу рецензію. Мы уже говорили не разъ о достоинствѣ статей такого содержанія, каковъ образъ открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланнымъ въ 1849 году. Въ Юньской книжкѣ помещена еще такая же статья, которая занимается открытіями и изслѣдованіями, сдѣланными въ 1850 году. Интересъ ея не менѣе прежнихъ, жалъ только, если этотъ обзоръ 1850 года отнять у автора возможность окончить обзоръ 1849.

Къ числу любопытныхъ же статей должно причислить слѣдующія: Воспоминанія очевидца о войнѣ Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою въ 1847 и 1848 годахъ; художественная выставка вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; Англійскіе туристы—очеркъ Вильяма Теккерея, путешествіе Габе и Гюка въ Тибетъ, и въ особенности: два письма изъ Варшавы, отъ г. Лѣствицына къ Редактору От. Зап., въ которыхъ сообщаются самыя подробныя, до сего времени, извѣстія о любопытной находкѣ въ рѣкѣ Сбручѣ, въ Подоліи, въ такъ называемыхъ горахъ Мѣдоборскихъ, мы разумѣемъ истуканъ Святovidа, о которомъ было уже писано во многихъ журналахъ.—Къ сказаннымъ письмамъ приложенъ и рисунокъ истукана.

Что касается до повѣсти г. Котлиревскаго—Гуляйпольцы, то она представляетъ, конечно, нѣкоторый интересъ своимъ мѣстнымъ колоритомъ, но нельзя не замѣтить, что во всемъ касающемся творчества, какъ характеровъ, такъ и положеній, въ авторѣ ея видно мало искусства и таланта.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 16.

Августъ.

Кн. 2.

22 АВГУСТА 1851 ГОДА.

Былъ день... Въ столицѣ православной,
Представъ предъ Господа алтарь,
ТЫ возложилъ въпець державный
Нашъ Православный ГОСУДАРЬ!

Въ тотъ день, въ веселіи великомъ,
Въ сияньѣ свѣтломъ торжества,
ТЕБЯ срѣтала громкимъ кликомъ
Первопрестольная Москва.

Молитвы голосъ всенародній
ТЕБЯ напутствовалъ тогда:
ТЫ пелъ, Помазанникъ Господній,
На путь великаго труда.

Теки года ТВОЕЙ державы,
И четверть вѣка облекло
Въницомъ величія и славы
ТВОЕ высокое чело...

И вновь, въ веселіи великомъ,
 Въ сіянь светломъ торжества,
ТЕБЯ срѣгаетъ громкимъ кликомъ
 Первопрестольная Москва.

И надъ столицей умиленной,
 Привѣтамъ радостнымъ внемля,
 Несется благовѣсть священный
 Со стѣнь священнаго Кремля:

Звучить онъ словомъ преподобнымъ
 Руси Предстателей святыхъ,
 Благословеніемъ заgrabнымъ
 Почившихъ Праотцевъ **ТВОИХЪ**,

Въковъ грядущихъ упованьемъ,
 Въковъ минувшихъ торжествомъ,
 И настоящимъ ликованьемъ
 На светломъ праздникѣ **ТВОЕМЪ**.

Маститый градъ ииѣтъ слова;
 Въ его устахъ гремятъ, какъ встарь,
 Два заповѣдныхъ Русскихъ слова,
 Два слова: **БОГЪ** и **ГОСУДАРЬ!**

Л. Мей.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕН-
НОЕ ВЪ БОЛЬШОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, СУНОДАЛЬНЫМЪ
ЧЛЕНОМЪ ФИЦАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ,
Июня 25-го дня 1851-года (*).

*Яко свободни, а не яко прикровеніе
имуще злобы свободу, но яко раби
Божіи: всѣхъ почитайте, братство
возлюбите, Бога бойтесе, царя чтите.
1 Пет. II. 16. 17.*

Что́ важнѣйшія изъ сихъ заповѣдей, преподанныхъ Апосто-
ломъ, знакомы намъ, и не остаются у насъ безъ дѣйствія, о
томъ свидѣтельствовать можетъ нынѣшній день.

Заповѣдь: *Царя чтите*, является въ дѣйствіи, когда бла-
гословенный день рожденія благословенно царствующаго Царя
вы воспоминаете радостно и торжественно.

Заповѣдь: *Бога бойтесе*, является въ дѣйствіи, когда вы
вашу радость о Царѣ, ваши о Немъ желанія и надежды при-

(*) Осмѣливаемся украсить наше изданіе послѣднимъ изъ произнесенныхъ
словъ Всероссийскаго злагоуста. Ред.

носите предъ Бога, чтобы Онъ благословилъ вашу радость, призрѣлъ на ваши желанія, совершилъ ваши надежды.

И да будетъ неразрывенъ союзъ сихъ двухъ заповѣдей, прекрасный и благотворный! Народъ, благоугождающій Богу, достоинъ имѣть благословеннаго Богомъ Царя. Народъ, чтущій Царя, благоугождаетъ чрезъ сіе Богу: потому что Царь есть устроеніе Божіе.

Какъ небо бесспорно лучше земли, и небесное лучше земнаго: то также бесспорно лучшимъ на землѣ должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и училъ Богъ Боговидца Моисей: *Виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исход. XXV. 40.), то есть, на высоту Боговидчїя. Согласно съ симъ Богъ, по образу Своего небеснаго единначалїя, устроилъ на земли Царя; по образу Своего вседержительства—Царя Самодержавнаго, по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—Царя наследственнаго.

О если бы всѣ Цари земные довольно внимали своему небесному достоинству, и къ положеннымъ на нихъ чертамъ образа небеснаго вѣрно присоединяли требуемая отъ нихъ, богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намѣренїя и дѣятельности! О если бы всѣ народы довольно разумѣли небесное достоинство Царя и устроеніе царства земнаго по образу небесному, и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, благоговѣніемъ и любовію къ Царю, смиреннымъ послушаніемъ Его законамъ и повелѣніямъ, взаимнымъ согласіемъ и единодушїемъ, и удаляли отъ себя все, чему нѣтъ образа на небесахъ: провозношеніе, раздоръ, своеволіе, своекорыстіе, и всякое зло мысли, намѣренїя и дѣйствїя! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Всѣ царства земныя были бы достойнымъ преддверїемъ Царства Небеснаго.

Россія! Ты имѣешь участіе въ семь благъ паче многихъ царствъ и народовъ. *Держи, еже имаши, да никто же прииметь вѣнца твоего* (Апок. III. 11.). Сохраняй, и продолжай украшать твой свѣтлый вѣнецъ, непрерывно подвизаясь совершеннѣе исполнять вѣнцедательныя заповѣди: *Бога бойтеса, Царя чтите.*

Простираясь отъ извѣстнаго къ тому, что, можетъ быть, менѣе усмотрѣно и повято въ словѣ апостольскомъ, обращаю ваше вниманіе на то, что Апостолъ, уча страху Божию, почтенію къ Царю, повиновенію начальствамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ учить свободѣ. *Повинитеса, говоритъ, всякому чловѣчу начальству Господа ради; аще царю, яко преобладающую, аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, — яко свободни.* Повинуйтеса, ~~какъ~~ свободныя. Повинуйтеса, и пребывайте свободны.

Кто усомнился бы, довольно ли совмѣстимы сіи части ученія, того спросилъ бы я: если есть обязанныя долгомъ повиновенія тебѣ, на примѣръ подчиненные по званію и должности, слуги, работники: не примѣчаешь ли, что одни изъ нихъ повинуются только по необходимости, неохотно, принужденно, другіе добровольно, охотно, усердно, слѣдственно свободно? И не разумѣешь ли, что повинующійся только по необходимости, будетъ уступать сей необходимости не болѣе, какъ поколику не можетъ преодолѣть ее, будетъ работать для тебя какъ можно менѣе, съ малою заботою о успѣхѣ дѣла и о твоей пользѣ, и даже готовъ совсѣмъ пренебречь дѣло, какъ скоро не будетъ понуждать надзоръ, или угрожать наказаніе и лишеніе воздаянія: напротивъ того повинующійся по свободному расположенію будетъ трудиться для тебя полною силою, вѣрно и безъ надзора, тщательно и въпъ страха наказанія? И такъ не очевидно ли, что повиновеніе можетъ быть соединено съ свободою, и что такое повиновеніе лучше повиновенія несвободнаго?

Но есть трудность въ томъ, какимъ способомъ согласить и соединить повиновеніе и свободу, когда ихъ направленія

представляются противоположными;—свобода хочет расширять человеческую дѣятельность, а повиновеніе ограничиваетъ ее. Въ семъ случаѣ дѣло зависитъ наиболѣе отъ того, какъ понимаютъ свободу. Ибо едва ли есть въ языкахъ человеческихъ слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманію и злоупотребленіямъ, какъ слово: *свобода*.

Нѣкоторые подъ именемъ свободы хотятъ понимать способность и невозбранность дѣлать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто несбыточная и нелпая, но незаконная и пагубная.

Знаете ли, кто первый на землѣ прельщенъ былъ сею мечтою?—Первый человекъ, Адамъ. Получивъ при сотвореніи высокія способности и могущественныя силы, бывъ поставленъ владыкою райа и земли, онъ пользовался обширнѣйшею свободою, какую можетъ имѣть сотворенное существо. Но и сей свободѣ поставленъ былъ предѣлъ: древо познанія добра и зла. Адаму не предоставлено было свободы вкусить отъ плода его. Злоупотребитель свободы, старѣйшій человекъ, чрезъ злоупотребленіе свободы сдѣлавшійся духомъ тмы и злобы, темными внушеніями научилъ тому же злоупотребленію человекъ. Человекъ захотѣлъ имѣть свободу совершенно неограниченную, какъ Богъ, и дерзнулъ переступить за предѣлъ, положенный заповѣдію Божіею. И что же послѣдовало? Онъ не только не приобрѣлъ болѣе свободы, но утратилъ большую часть и той, которую имѣлъ: и если бы и не осудилъ его Богъ, то естественная необходимость поврежденной грѣхонаденіемъ его природы такъ же осудила бы его на рабскій трудъ: *въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой*.

Удивительно покушеніе праотца незаконно расширить область свободы, и безъ того почти всемірную: впрочемъ оно можетъ быть изяснено недостаткомъ знанія опытнаго, хитростию искусителя, и самою обширностію дѣйствительнаго владычества, при которой легко было не остановиться передъ предѣломъ, по видимому, ничтожнымъ. Что касается до его потомковъ, обнаруживающихъ подобное стремленіе,—не знаю,

~~свободы: ...~~

болѣ ли надобно дивиться тому, что они не уважаютъ, и какъ бы не видятъ предѣловъ, указуемыхъ человѣческой свободѣ и закономъ Божиимъ, и самымъ составомъ общества человѣческаго, и необходимою природою,—или болѣе оплакивать сію прирожденную заразу, которую они наслѣдовали отъ зараженнаго злоупотребленіемъ свободы праотца, и которую, по омраченію ума, подобнымъ образомъ наслѣдственному, недовольно умѣютъ усмотрѣть, и еще менѣе уврачевать, хотя это и просто при свѣтѣ истинномъ.

Разумѣйте же,—скажу съ Пророкомъ,—*разумѣйте безуміи въ людехъ, и буи нѣкогда умудритесь* (Пс. ХСІІІ. 8.). Поймите, мечтатели безграничной свободы, гибельное безуміе вашихъ мечтаній,—поймите наконецъ, хотя послѣ жестокихъ опытовъ, когда сокрушившая свои предѣлы свобода не разъ обогрѣла лице земли неповинною кровію, и проливая потоки крови человѣческой, утопяла въ нихъ и сама себя!

Но какъ же правильнѣе понять и опредѣлить свободу?—Любомудріе учить, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и дѣлать лучшее и что она по естеству есть достояніе каждаго чловѣка. Чего бы, кажется, и желать болѣе? Но сіе ученіе имѣетъ свой свѣтъ на высотѣ умозрѣнія природы человѣческой, какъ она должна быть: а нисходя къ опыту и дѣятельности, какова она есть, оно встрѣчаетъ темноту и преткновенія.

Въ непзчслности рода человѣческаго многіе ли имѣютъ такъ открытый и образованный разумъ, чтобы вѣрно усматривать и отличать лучшее? И тѣ, которые видятъ лучшее, всегда ли имѣютъ довольно силы рѣшительно избрать оное и привести въ дѣйствіе? Отъ лучшихъ нзъ чсловѣковъ не слышимъ ли жалобы: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе не одрътаю* (Рим. VII. 18)? Чѣмъ сказать о свободѣ людей, которые хотя не въ рабствѣ ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстію, одержимы злою привычкою? Свободенъ ли корыстолюбецъ? Не закованъ ли

въ золотыя оковы? Свободенъ ли плотоугодникъ? Не связанъ ли, если не жесткими узами, то мягкими сѣтями? Свободенъ ли гордый и честолюбивый? Не прикованъ ли, не за руки и за ноги, но головою и сердцемъ, не прикованъ ли къ своему собственному истукану? Такимъ образомъ опытъ и сознаніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не говорятъ ли того, что вообще говорить Божественная Истина: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*—(Іоан. VIII. 34)?

Наблюденіе надъ людьми и надъ обществами человѣческими показываетъ, что люди, болѣе попустившіе себя въ сіе внутреннее, нравственное рабство, — въ рабство грѣхамъ, страстямъ, порокамъ, — чаще другихъ являются ревнителями внѣшней свободы, — сколь возможно расширенной свободы въ обществѣ человѣческомъ предъ закономъ и властію. Но расширеніе внѣшней свободы будетъ ли способствовать имъ къ освобожденію отъ рабства внутренняго?—Нѣтъ причины такъ думать; съ большею вѣроятностію опасаться должно противнаго. Въ комъ чувственность, страсть, порокъ уже получили преобладаніе, тотъ, по отдаленіи преградъ, противопоставляемыхъ порочнымъ дѣйствіямъ закономъ и властію, конечно, неудержимѣе прежняго предастся удовлетворенію страстей и похотей, и внѣшнею свободою воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастливая свобода, которую, какъ изъяснился Апостоль, *имѣютъ, яко прикровеніе злобы!* Благословимъ законъ и власть, которые, поставляя, указуя и защищая поставленные по необходимости предѣлы свободнымъ дѣйствіямъ, сколько могутъ, препятствуютъ злоупотребленію свободы естественной и распространенію нравственнаго рабства, то есть рабства грѣху, страстямъ и порокамъ.

Я сказалъ: сколько могутъ; потому что совершеннаго прекращенія злоупотребленій свободы, и погруженныхъ въ рабство грѣха возведенія въ истинную и совершенную свободу не только нельзя ожидать отъ закона и власти земныхъ, но для сего не довѣтъ и законъ небеснаго Законодателя. Законъ

предостерегаетъ отъ грѣха, согрѣшившаго обличаетъ и осуждаетъ: но не сообщаетъ рабу грѣха силы расторгнуть узы сего рабства, и не преподаетъ средства загладить содѣянные беззаконія, которыя, какъ огненная печать грѣховнаго рабства, лежатъ на совѣсти. И въ семь-то состоятъ *немоющее закона* (Рим. VIII. 3), о которомъ необинуясь свидѣтельствуеть Апостоль.

Здѣсь вновь представляется вопросъ: что же есть истинная свобода, и кто можетъ ее дать и особенно—возвратить утратившему ее грѣхомъ?—Истинная свобода есть дѣятельная способность чловѣка, не поработеннаго грѣху, не тяготимаго осуждающею совѣстію, избирать лучшее при свѣтѣ истины Божіей, и приводить оное въ дѣйствіе при помощи благодатной силы Божіей. Возвратить сію свободу рабу грѣха можетъ только Тотъ, Кто даровалъ ее при сотвореніи безгрѣшному чловѣку. Сіе объявилъ Самъ Творецъ свободы: *аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете* (Іоан. VIII. 36). *Аще вы пребудете во словеси Моємъ, воистинну ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы* (31. 32). Исусъ Христосъ Сынъ Божій, въ воспріятомъ ествѣ нашемъ пострадавъ и умерши за насъ, Своею кровію очистилъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ (Ев. IX. 14.), и расторгши узы смерти Своимъ воскресеніемъ, расторгъ и связующія насъ узы грѣха и смерти, и, по вознесеніи Своемъ на небо, низславъ Духа истины, даровалъ намъ чрезъ вѣру свѣтъ Своея истины—усматривать лучшее, и Свою благодатную силу—творить оное.

Вотъ свобода, которой не стѣсняеть ни небо, ни земля, ни адъ, которая имѣеть предѣломъ волю Божію, и это не въ ущербъ себѣ, потому что и стремится къ исполненію воли Божіей,—которая не имѣеть нужды колебать законныя постановленія чловѣческія, потому что умѣеть въ нихъ усматривать ту истину, что *Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки*. (Пс. XXI. 29.), которая непринужденно чтить законную чловѣческую власть и ея повелѣнія, не

противныя Богу, поелику свѣтло видить ту истину, что нѣсть власть, аще не отъ Бога, суція же власти отъ Бога учинены суть (Рим. XIII. 1.). И такъ вотъ свобода, которая совершенно согласна съ повиновеніемъ закону и законной власти, потому что она и сама того хочетъ, чего требуетъ повиновеніе.

Много имѣлъ бы я сказать о христіанской внутренней, а не внѣшней, нравственной, и духовной, а не плотской, всегда благодѣлюющей и никогда не мятежной свободѣ, которая можетъ жить въ хижинѣ такъ же удобно, какъ въ домѣ вельможескомъ или царскомъ, которою подвластный, не преставаъ быть подвластнымъ, можетъ пользоваться столько же, какъ властелинъ, которая и въ узахъ и въ темницѣ ненарушима, какъ то можно видѣть въ христіанскихъ мученикахъ. Но уже время положить конецъ слову.

Возлюбимъ свободу христіанскую,—свободу отъ грѣха, отъ страсти, отъ порока, свободу охотно повиноваться закону и власти, и дѣлать добро Господа ради, по вѣрѣ и любви къ Нему. И никто да не будетъ прельщенъ людьми, отъ какихъ остерегаетъ насъ Апостольское слово,—которые свободу обѣщаютъ, сами раби суще тльнїя (2 Петр. II. 19.). Аминь.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

НА

ВОСТОКЪ.

(Современные очерки.)

При ослѣпительномъ блескѣ всемірной въ Лондонѣ выставки, на которой практической умъ челоѡвка, тѣсно сроднившійся съ веществомъ, воплощается въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ затѣйливаго искусства — едва ли будетъ кстати заговорить о чемъ-нибудь иномъ, постороннемъ. Едва ли не покажется страннымъ указывать на звѣзды духовнаго міра, въ ту самую минуту, когда солнце промышленности стало на своемъ зенитѣ, и отвѣсными лучами своими простираетъ повсюду жаркій, томительный полдень! Лондонская выставка сосредоточила нынѣ всеобщее вниманіе до такой невѣроятной степени, что у современнаго челоѡчества теперь *одина* только *взглядъ*, устремленный на *одну* и ту же *точку* въ пространствѣ — туда, гдѣ владычица морей сановито угощаетъ пріѣзжихъ со всего бѣлаго свѣта, выставляя передъ ними груды вещества и несметныя издѣлія хитраго творчества — словно *ширму* исполинскаго размѣра — за которою на роскошной постели притаившись лежитъ трудно-больной, самодовольный вѣкъ нашъ! Да, горделивый страдалецъ богатъ всѣми земными благами, кромѣ *здоровья*. Къ нему стеклись поклонники со всѣхъ концевъ земли съ пріѣтствіями и возгласами, съ данію удивленія и восторженныхъ похвалъ; но отъ нихъ больному, увы, не чуть не легче!

Впрочемъ, какъ ни стали бы судить о больномъ и его богатствѣ, позволительно наблюдателю сомнѣваться въ прямой пользѣ Лондонской выставки, но отрицать знаменательность этого безпримѣрнаго вселенскаго зрѣлища, не возможно. Въ немъ высказался XIX вѣкъ какъ въ эпопею ему свойственной. Всемирная выставка на берегахъ Темзы, совпадающая съ преполовненіемъ нынѣшняго столѣтія, возвѣщаетъ весьма многое чуткому слуху, ложно обѣщая земнороднымъ возможность какого-то бездушнаго братства, основаннаго на соревнованіи и взаимныхъ выгодахъ, безъ соучастія взаимной христіанской любви. Но въ тоже время, Лондонская выставка говоритъ намъ и правду; она обнаруживаетъ силу разумнаго и дружнаго трудолюбія: какой спасительный урокъ! ибо работа и трудъ для грѣшнаго человечества тоже, что громовой отводъ для высокаго, но шаткаго зданія; подъ ударами грозы.

Пора намъ обратиться къ нашему предмету, и безъ дальнѣйшихъ отступленій заняться обзоромъ всего новѣйшаго въ духовной литературѣ неподвижнаго Востока, надъ которымъ однакожь сбывается теперь словцо Галилея о шарѣ земномъ: *erig si muove!* Читатели Москвитянина, судя по себѣ, конечно, простятъ намъ невольное уклоненіе отъ Востока на Западъ; не даромъ Лондонская выставка названа всемирною, и по необходимости бросается каждому въ глаза. Въ кунсткамерѣ человечества мудрено было-бы *слона-то намъ и не при- мѣтить!*»

Движеніе умовъ на Востокъ тѣмъ особенно замѣчательно, что оно увлекаетъ не однихъ христіанъ на встрѣчу загадочной будущности, но вмѣстѣ и мусульманъ располагаетъ къ нововведеніямъ. Любимая мечта современныхъ денствовъ начала по видимому сбываться. Вопреки устарѣлымъ предразсудкамъ турецкаго народа и турецкихъ книжниковъ, правительство завести училища въ Константинополь, учредило недавно Академію наукъ, готовитъ Университетъ и вводитъ во всю отрасль внутренняго управленія новые гражданскіе уставы, отчасти заимствованные у западныхъ европейскихъ державъ. Между

прочимъ и цензура вновь издаваемыхъ или привозимыхъ книгъ не забыта имъ, такъ что при изданіи сочиненій христіанскихъ неизбѣжнымъ сдѣлалось отнынѣ остерегаться малѣйшаго намека на ученіе Магометова. Такимъ-то образомъ наукамъ и искусствамъ нашего времени открывается въ Турціи свободный доступъ, мимо заповѣдей, догматовъ и нравовъ христіанскихъ. Явленія странныя въ лѣтописяхъ міра — попытка воскресить сарацинскую образованность, стремленіе — перенять у современнаго просвѣщенія европейскаго *все* — кромѣ *спасительной истины*. Смотри по различію душевныхъ убѣжденій и вѣрованій, многіе въ наше время надѣются, многіе страшатся успѣха въ этомъ невиданномъ предпріятіи. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить кореннаго различія между движеніемъ умовъ у христіанъ и у мусульманъ восточныхъ. Первые, въ продолженіе послѣднихъ 80 лѣтъ, движимые внутреннимъ побужденіемъ, не переставали и не перестаютъ заботиться о стяжаніи познаній земныхъ въ подкрѣпленіе своей народности и вѣры; напротивъ того племена мусульманскія лѣниво и неохотно повинуются данному правительствомъ направленію. Христіане борются съ препятствіями на поприщѣ гражданскихъ нововведеній; Турки придумываютъ и воздвигаютъ преграды на каждомъ шагу, и смотрятъ на усилія властей какъ на повальную болѣзнь, какъ на скоропреходящія повѣтрія. По словесію улемовъ или книжниковъ турецкихъ безсильно противъ потока, съ тѣхъ поръ какъ не стало въ Турціи янычаръ. Законники корана едва ли не предчувствуютъ, что мусульманство, стремясь къ европейскому просвѣщенію, совершаетъ надъ собою неотразимое, хотя и медленное самоубійство.

Обратимся къ стихіи христіанской въ народонаселеніи Востока; она къ сожалѣнію не однообразна и разлагается на разнородные составы: православныя племена, послѣдователи латинства, реформаты, армяне, несторіане, копты и т. д. Это раздробленіе не мало препятствуетъ распространенію христіанскихъ началъ, зиждительныхъ по существу, отъ вліянія которыхъ можно было бы ожидать пріамаго возрожденія восточ-

ныхъ народовъ. И подлинно—не на что посмотрѣть мусульманамъ: вездѣ устарѣлыя и безсознательныя ереси; между ними разсыпалась горсть западныхъ пришельцевъ, проповѣдующихъ, на перекоръ другъ другу, не послѣдователямъ корана, а исповѣдникамъ Евангелія. И всѣ они въ одномъ только бываютъ согласны: я разумно — въ неприязни къ церкви православной. Но противоборство разнородныхъ силъ сообщило, съ нѣкотораго времени, неподвижному дотол Востоку необыкновенное умственное движеніе. Въ Константинополь, Смирнѣ, въ Бейрутѣ, даже въ Аѳинахъ, духовная жизнь и духовная литература состоятъ изъ рѣзкихъ противоположностей. Вездѣ училища открываются не въ помощь, а въ подрывъ другимъ училищамъ. Напримѣръ, въ Византіи вы найдете учебныя заведенія православныхъ и рядомъ съ ними училища латинистовъ, школы англо-американскихъ миссіонеровъ, и типографіи, работающія для противоположныхъ цѣлей. Тоже самое явленіе повторяется въ Смирнѣ, Бейрутѣ и у самага Гроба Господня. Въ Египтѣ православные такъ малочисленны, что тамъ, при отдельномъ направленіи мѣстнаго правительства, казалось невозможнымъ сопротивленіе усиліямъ Запада. Однакоже и въ Египтѣ, съ недавняго времени, горсть православныхъ открыла въ Александріи и Каирѣ свои небольшія училища для мальчиковъ и дѣвочекъ съ намѣреніемъ отклонить двусмысленныя услуги западныхъ наставниковъ и наставницъ. Въ королевствѣ Греческомъ, среди христіанскихъ Аѳинъ, замѣтна та же борьба умственная, тѣ же усилія туземцевъ и пріѣзжихъ гостей, равно занятыхъ искуснымъ нападеніемъ и законною обороною. И тамъ, какъ вездѣ на Востокѣ, церковь наша, по неизслѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, постоянно находится въ осадномъ положеніи. Посему не удивительно, что на Востокѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, не одни военные, но и простые граждане выступаютъ на бой, стараясь уничтожить подкопы и проломы, направленные противъ древняго оплота народности и вѣры. Любопытно и поучительно для всякаго мыслящаго наблюдателя слѣдить за дѣйствіями западной и восточной партій, изъ коихъ первая порывается сроднить съ

собою Востокъ, а другая отражаетъ усилія Запада силою врожденнаго чувства и отдѣльной своей жизни.

Послѣ появленія въ Константинополь знаменитаго отвѣта восточныхъ патріарховъ на грамоту Пія IX-го, духовная жизнь нашей церкви обнаружилась снова многими утѣшительными признаками. Изъ нихъ главнѣйшій, которому суждено увѣковѣчиться въ исторіи, выразился въ соборныхъ дѣяніяхъ, имѣвшихъ цѣлю — примиреніе помѣстной церкви Греческаго королевства съ патріаршимъ престоломъ. Это важное событіе совершилось 29-го іюня прошлаго 1850 г. Іерархамъ независимой Греціи предоставлено навсегда право самоуправленія посредствомъ Аѳинскаго Синода, председательствуемаго митрополитомъ Аѳинскимъ. Недавно вышелъ изъ печати въ Константинополь полный сборникъ всѣхъ достопамятныхъ опредѣленій и грамотъ, изданныхъ по этому случаю. Изъ нихъ видно, что духовенство и народъ Греціи, всегда желавшіе законнаго единенія и общенія съ церковью-матерью, сдѣлали къ примиренію первый шагъ, который привелъ къ спасительной цѣли. Нельзя не порадоваться тому, что дѣйствіи собора и опредѣленія его приняты въ послѣдствіи всѣми православными церквями. Но подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ причинъ, духовная литература по необходимости должна была выразиться безчисленными мелкими произведеніями, носящими на себѣ характеръ болѣе или менѣе полемическій. Надлежало опровергать разностороннія нареканія иновѣрцевъ, отвѣчать Риму, защищать память Фотія и Михаила Керуларія противъ огромныхъ книгъ и мелкихъ брошюръ западнаго изуверства; а иногда входить въ пренія съ роемъ греческихъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ отражаются мнѣнія и толки всѣхъ существующихъ на востокъ партій. Вотъ почему современная литература восточная невольно напоминаетъ намъ извѣстный стихъ: «журналовъ тысячи, а книги ни одной.» Впрочемъ будь это сказано не въ буквальномъ смыслѣ. Кромѣ изумительнаго въ 4-хъ томахъ сочиненія О. Константина Икономоса о 70 толковникахъ (*), имъ же недавно издаана не большая, но любо-

(*). См. Москвитянинъ 1850 г.

пытная и богатая свѣденіями книга подъ названіемъ *Сіонскій поклонникъ*. Чего въ ней нѣтъ! Начавъ съ писемъ св. Григорія Нисскаго о путешествіяхъ въ Іерусалимъ и небольшого разсужденія о томъ же предметѣ монаха Пахомія, авторъ воскрешаетъ память всѣхъ именитыхъ богомольцевъ разныхъ вѣковъ. Архимандритъ Аѳеимъ Мазараки перепечаталъ и дополнилъ собраніе словъ и рѣчей извѣстнаго и въ Россіи проповѣдника Иліи Миниати. О древностяхъ Константинополя и Аѳинъ издаются теперь полезныя сочиненія. Вышла въ Константинополь славянская грамматика для Грековъ, составленная трудами преподавателя церковно-славянскаго языка въ Халкійскомъ богословскомъ училищѣ. Появилась также на небосклонѣ словесности, подобно злобѣщей кометѣ, новая книга старца Θεофила Капри подъ заглавіемъ: *Гностика*, или о началахъ наукъ, религій и философіи. Съ тѣхъ поръ, какъ училище, имѣющее основаніе на островѣ Андросъ, закрыто, Θεофилъ Капри не иначе можетъ распространять ложное и вредное свое ученіе, какъ посредствомъ тисненія. Въмѣсто опаснаго расадника, ему осталось одно средство дѣйствовать на умы: онъ съѣтъ плевелы на удачу; разумѣется, своею книгою онъ вызвалъ къ единоборству не одного, а многихъ поборниковъ здраваго ученія и христіанской истины. Мы назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ, по чувству признательности: это гг. Каллигасъ и Неофитъ Ваввасъ. Выходятъ кромѣ того въ свѣтъ и нѣкоторые полезные переводы по части религій и наукъ, напр. «писма о Богослуженіи» А. Н. Муравьева и «писма о должностяхъ свящ. сана» скоро выйдутъ изъ печати въ Аѳинахъ; а въ области точныхъ и естественныхъ наукъ, исторіи, археологіи и медицины нѣкоторые профессора Аѳинскаго Университета не остаются праздными.

На равнѣ съ журналистикою и учеными разысканіями развивается въ Греціи изящная Словесность. Однако говорить о ней подробно мы не намѣрены, потому что бѣльшая часть ея произведеній отзывается мѣстною политикою, и говорить языкомъ страстей. Скажемъ только, что любовь къ поэзіи еще жива въ древней и прелестной ея колыбели. Недавно богатый гре-

ческій кунецъ Амвросій Ралли, живущій въ Триестѣ, установилъ ежегодно денежную награду для выдачи тому, кто подъ творческимъ небомъ Греціи напишетъ лучшее стихотвореніе. И въ первый разъ въ настоящемъ году награда присуждена молодому поэту Залакостъ за поэму, въ которой онъ изобразилъ пламенными чертами осаду, паденіе и славу Миссолонги.

Впрочемъ народная поэзія въ Греціи всего чаще сбивается на сатиру и драму, такъ какъ проза на полемику, вызываемую мѣстными обстоятельствами Эллады и вообще Востока. Такъ, напримѣръ, современныя, вновь усиливаемыя притязанія латинянъ на исключительное обладаніе св. мѣстами палестинскими заставили ревнителей православія отстанвать древнія права нашей церкви. Нѣкто г. Борѣ, изъ числа приверженцевъ латинства, издалъ недавно наступательную брошюру о семь предметъ, подъ заглавіемъ: *Question des Saints lieux*. Нельзя было смолчать, чтобы молчаніемъ неумѣстнымъ не подтвердить тяжкихъ обвиненій въ подлогѣ и нарушеніи чужихъ правъ. Ибо г. Борѣ смѣло утверждаетъ и спится доказать, что всѣ разновременныя грамоты, у Грековъ хранящіяся, не подлинны, вымышлены, не имѣютъ никакой достовѣрности. Нашелся въ Константинополѣ человекъ глубоко-ученый и твердо-вѣрующій, который немедленно откликнулся на вызовъ западнаго обвинителя полнѣе и дѣльнѣе опроверженіемъ на французскомъ языкѣ (*). Авторъ раздѣляетъ исторію св. мѣсть на шесть періодовъ, отъ начала христіанской эры, и въ каждомъ изъ нихъ раскрываетъ судьбы Гроба Господня, доводя изслѣдованіе до настоящаго времени. Эту превосходную апологію, соединяющую основательность историческихъ и критическихъ свѣдѣній съ изяществомъ слога и меткою діалектикой, припи-

(*) Общепонятный переводъ вышелъ въ свѣтъ прежде греческаго подлинника, въ ноябъ 1851 года, и озаглавленъ: *Réponse à la brochure de Mr Borè, intitulée: Question des saints lieux*. Не отстала впрочемъ отъ первой апологіи и вторая, приписываемая бывшему Патриарху Константиноу. Она уже вышла изъ печати въ французскомъ переводѣ; но нами еще не получена. Византія, нѣкогда подвластная Франкамъ, отражаетъ нынѣ потомковъ ихъ — оружіемъ слова.

сываютъ извѣстному врачу и ученому Стефану Караѳодори, знатоку восточныхъ языковъ и вмѣстѣ священной и классической словесности. Православные въ одинъ голосъ благодарны ему за трудъ побѣдоносный и благовременный.

По отношенію къ живому, устному слову, въ которомъ дышитъ человѣческая мысль и зачинается всякая народная дѣтельность, современный Востокъ представляетъ взору наблюдателя не менѣе поучительныя явленія. Общеупотребительные языки примѣтно въ немъ измѣняются и цѣлесообразно развиваются. На каждомъ изъ нихъ придумываютъ новыя слова для выраженія условныхъ понятій европейскихъ. Даже турецкій письменный языкъ правительства, столь богатый примѣсю арабскихъ и персидскихъ словъ, привлекая изъ стараго рудника дорогой металлъ первобытной восточной рѣчи, выбиваетъ изъ него ходячую, мелкую монету, съ чеканомъ современной мысли и гражданственности со всевозможными ея оттенками. Знатки утверждаютъ, что съ нѣкотораго времени дипломатическій и дѣловой слогъ блестящей Порты примѣтнымъ образомъ совершенствуется.

Въ Греціи языкъ церкви, королевскаго двора, министерствъ, судебныхъ мѣстъ и періодическихъ изданій, крѣпнеть съ каждымъ днемъ, устанавливается и природную чистоту свою соединяетъ съ удивительною воспримчивостію. И это также несомнѣнный признакъ жизни духовной и умственной! Странное явленіе въ сферѣ антропологии: современный греческій языкъ вмѣстѣ и *старъ* и *молодъ*, ожилъ и живетъ на всемъ *готовомъ*, не заимствуя ровно *ничего* изъ достатка чужихъ языковъ. Въ обширной области наукъ онъ вездѣ какъ-бы *у себя дома*; возьметъ обратно все, ему принадлежащее, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, и безъ малѣйшаго усилія облакаетъ новыя понятія и названія, родными звуками, придающими имъ точный, определенный смыслъ и какую-то особенную прелесть. Ни въ разговорномъ, ни въ книжномъ языкѣ современныхъ намъ Эллиновъ вы не встрѣтите слѣдовъ той уродливой, ученой терминологіи, отъ которой такъ пострадалъ столь прекрасный собою языкъ русскій.

Кромѣ языковъ, собственно азіійскихъ, въ предѣлахъ турецкой державы живутъ своею жизнью и на большомъ пространствѣ господствуютъ Славянскія и Румунскія нарѣчія. И въ нихъ замѣтно сильное движеніе народной мысли. Сербы, даже Болгаре воздѣлываютъ съ любовью заросшее иноязычіемъ поле роднаго языка при помощи ученыхъ разысканій и трудовъ южныхъ Славянъ, населяющихъ сосѣднюю Австрію. Конечно, въ сихъ благородныхъ усиліяхъ, часто отзывающихся мѣстнымъ патріотизмомъ, нѣтъ стройнаго единства; за то какъ много самосознанія и упованія на будущее!... Рядомъ съ Славянами вдоль лѣваго берега Дуная и выше къ западу, до подошвы Карпатскихъ горъ, расселено отдѣльное племя Румуновъ, инако Волоховъ и Молдаванъ. И они дорожатъ своимъ природнымъ Латино-славянскимъ языкомъ, обрабатываютъ его прилежно, какъ заповѣдное наслѣдство отъ предковъ. Переводъ Библии и здѣсь положилъ твердое основаніе книжному, письменному языку, и сообщилъ ему безсмертіе слова жизни. Дотоле простонародная рѣчь Румуновъ была какъ моль и лепетъ младенческой, которому суждено было замолкнуть среди могучаго говора народовъ сильнѣйшихъ. Къ сожалѣнію не одни Румуны, но и прочія племена Востока, заботясь каждое о сохраненіи своего природнаго языка, не ясно сознаютъ и плохо понимаютъ важность благодѣянія, оказываемаго имъ всѣмъ св. православною Церковью—которая матерински посвящаетъ всѣ нарѣчія, въ служеніе слову истины.

И подлинно нѣтъ языка столь грубаго и скуднаго, который не усвоилъ-бы себѣ новую жизнь, сдѣлавшись орудіемъ общественнаго богослуженія и молитвы. Съ нимъ вмѣстѣ освящается и народность каждаго отдѣльнаго племени: его особенная рѣчь съ той самой поры входитъ, такъ сказать, въ составъ трезычной надписи на Крестѣ Спасителя міра.

Въ заключеніе настоящаго очерка, оглянемся еще разъ на необъятную, подвижную картину, которую развертываетъ передъ нами наблюденіе современной человѣческой жизни. Каждый народъ старается, болѣе чѣмъ когда-либо, обозначить рѣзкими чертами свое отдѣльное бытіе, свою идеальную лич-

ность. Но въ то же время, вездѣ непреборнимо дѣйствуетъ и совершается во вселенной общій законъ сближенія и единенія между людьми разсѣянными по лицу земнаго шара. Ограниченному уму человѣческому не по силамъ и недано разгадать тайну столь противоположныхъ направленій. *Дробленіе безъ непріязни и борьбы: сочетаніе духовныхъ разнородныхъ силъ челоуѣчества, безъ искаженія народныхъ личностей*: — какаѣ неразрѣшимая задача!... Это *асимптомы*, безконечно сближающіяся, но не совпадающія въ одной точкѣ! *Кто уразумѣетъ Господень и кто совѣтникъ ему бысть? Для любви и премудрости Божіей невозможнаго нѣтъ; чему свидѣтелемъ и орудіемъ въ теченіи двухъ тысячелѣтій, Религія христіанская.* Она все оживляетъ и все миритъ, все движетъ въ духовномъ порядкѣ вещей, по волѣ и судьбамъ Тріединаго Божества. Изучая звѣздное небо надъ нами, мы найдемъ въ немъ вѣрное подобіе того, что нынѣ совершается въ современномъ намъ челоуѣчествѣ.

Планетныя системы неуклонно вращаются около своихъ средоточій. Но тѣмъ не менѣе и онѣ увлекаются всеобъемлющимъ движеніемъ мірозданія, и отдѣльная жизнь ихъ безсознательно подчиняется одному закону. Не то-ли самое сбывается нынѣ, явственнѣе прежняго, во всѣхъ проявленіяхъ *народностей*, и челоуѣчества?... Мнимая борьба жизненныхъ началъ, которой мы не постигаемъ, поведетъ безъ сомнѣнія всѣ особляющіяся личности не разрушая ихъ — къ высшему, всепримиряющему единству.

А. Стурдза.

Одесса

Іюля 20 дня 1851 го г.

НАШЪ ВѢКЪ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуеть....
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни,
И свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуеть.

Безвѣріемъ палимъ и изсушемъ,
Невыносимое онъ днесъ выносить....
И сознаеть свою погибель онъ,
И жаждеть вѣры — но о ней не просить....

Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ замкнутой дверью:
«Впусти меня! — я вѣрю, Боже мой,
«Приди на помощь моему невѣрью!»

Ф. Тютчевъ.

Москва,
30 Іюля, 1851 г.

МОЗАИКА.

(ИЗЪ ДОРОЖНАГО ПОРТФЕЛЯ).

Аква Санта. — Неожиданная встрѣча съ русскимъ. — Неудачная операція доктора Баттони. — Что значать слухи. — Замокъ Чьуччи. — Приготовленія къ путешествію. — Начало пѣшаго хожденія къ Сибилю. — Энтузіастъ природы и несправедливый развалинъ. — Квинто Дечимо. — Походный ужинъ. — Папскіе инженеры. — Разговоры путешественниковъ, охотно выслушивающихъ другъ друга. — Неприятная встрѣча.

На востокъ отъ Рима и на югъ отъ Аскола въ живописныхъ отрогахъ Аbruццъ, лежитъ городокъ Аква-Санта, опущенный по обрывчатымъ своимъ скатамъ оливковыми деревьями (*). Въ немъ только одна прямая и горизонтальная, и, можно прибавить, порядочная улица. Она то расширяется до того, что по ней могутъ пройти рядомъ девять навьюченныхъ муловъ; то такъ суживается, что возъ съна, который везетъ пара воловъ, не рѣдко уноситъ съ собою, но чаще роняетъ на мостовую бѣлье, вывѣшенное въ окнахъ домовъ для сушки, — и тогда появленіе итальянки въ окнѣ становится нестерпимо. Она, какъ громовая туча, раздражается въ воздухъ бранью; — и долго, долго потомъ бываетъ слышенъ рѣзкій голосъ ея отвѣди и воламъ, и съну, и правящему скотами, и наконецъ самому бѣлью, какой нибудь безотвѣтной рубашкѣ.

(* *Acqua Santa* — *Святая вода*. Такъ названъ этотъ городокъ благочестивыми жителями потому, что здѣсь находится свѣрвый источникъ, приносящій очевидную пользу больнымъ, посѣщенія которыхъ учащаются съ каждымъ годомъ.

— Ого! — замѣтитъ пожалуй иной читатель, знакомый съ Италіей по нелѣпымъ слухамъ; — послѣ этого неудивительно, что итальянки такъ страшны въ любви и во всѣхъ ея обстановкахъ.

Я признаюсь, не видалъ здѣсь, за исключеніемъ театраль-ныхъ подмостокъ, этихъ женщинъ ни съ кинжаломъ въ рукѣ, ни съ ядомъ въ перстнѣ; но часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ онѣ, поссорившись между собою, срывали съ своихъ ногъ стоптанные башмаки и обращали ихъ въ довольно опасное орудіе, потому что послѣ схватки на лицахъ озарницъ являлись синяки и опухоли.

Разъ мнѣ случилось видѣть въ Римѣ, какъ три женщины, въ побойцѣ, до того спутались руками, ногами и носами, что подоспѣвшіе карабинеры должны были употребить по крайней мѣрѣ четверть часа времени, чтобы разнять ихъ; но предоставляю эти сцены созерцанію римской полиціи, тѣмъ охотнѣе, что желаю закурить сигару у одного изъ молодыхъ людей, которые сомкнулись въ группу на описанной мною улицѣ городка Аква-Санты.

По костюму—это едва-ль не ветурины, или должны быть мѣлкіе помѣщики. Тѣже полубархатныя, почти рыжаго цвѣта, куртки и сѣрыя шляпы съ широкими полями; только сорочки и шейные платки что-то слишкомъ щеголеваты; — да и по лицамъ видно, что не тутошныя жители — ни одного правильнаго, красиваго профиля, и почти всѣ блекуры. — Ба, да у нихъ портфели въ рукахъ! Вѣрно художники!

— Позвольте огня! — сказалъ я обратившись къ одному изъ нихъ, который отличался отъ прочихъ большимъ ростомъ и окладистой бородой, и курилъ сигару. Поблагодаривши за огонь, я помѣстился вблизи на камень и невольно обратилъ на себя ихъ вниманье, — и вѣроятно потому, что также имѣлъ при-себѣ небольшую палку.

— Такъ ты, Шарль, непременно идешь на Сибиллу? — (*) спросилъ художникъ съ окладистой бородой у маленькой, но

(*) Гора, вторая по высотѣ послѣ Гранъ-Сасео, въ Папскихъ владѣніяхъ.

плотной фигурки, вооруженной складным стулом ландшафтиста.

— Я тебя сказал уже разъ, Фредерикъ, что хоть одинъ, но пойду, во что бы то ни стало. И право стыдно, господа, что вы такіе соны; ни одного товарища въ дорогу».

Я, постоянно мечтавшій сдѣлать въ этихъ мѣстахъ путешествіе пѣшкомъ, единственно потому не рѣшался на это, что самъ не имѣлъ спутника,—и теперь нетерпѣливо выжидаль случая предложить себя въ сотоварищи Шарлю, который изъ трусости ли идти одному, или въ самомъ дѣлѣ недовольный отсутствіемъ предпримчивости въ своихъ братьяхъ, горячился противъ нихъ болѣе и болѣе.

— Только бы вамъ и видѣть, и рисовать тѣ дреколья и негодный тростникъ, которые было угодно синьоръ Терезъ навалить предъ окнами нашей квартиры! — сказалъ Шарль, махнулъ рукой и хотѣлъ уйти.

— Да покажи-же, что ты сегодня сдѣлалъ? — вскрикнулъ Фредерикъ, и всѣ повторили его слова окруживъ разсерженнаго.

Портфель открылась и пошла по рукамъ.

— Прекрасно, прекрасно, неподобное мѣсто, какія линіи горъ, чудесно! — и другія похвалы на французскомъ и итальянскомъ языкахъ и художнику, и святой имъ мѣстности, посыпались въ изобиліи.

— Вотъ вершина горы св. Грегоріо, моя точка зрѣнія; посреди Монте де Фіори; вправо, на горизонтъ Грань-Сассо; а влево видѣется Адриатическое море, — говорилъ Шарль указывая всё это на своемъ рисункъ. — А если съ этой точки зрѣнія, — прибавилъ онъ, — повернуться болѣе въ лѣвую сторону, то видна угрюмая Сибилла (*).

Снова раздались похвалы.

(*) Я надѣюсь издать путевыя мои записки отдельною книгою, къ которой будутъ приложены и политипаж; вотъ почему читатель встрѣчаетъ здѣсь одни голыя названія живописныхъ мѣстностей.

Вѣрно не даромъ, — подумалъ я; приблизился къ кружку, и увидѣлъ болѣе панорамный, но прекрасный рисунокъ обширнаго вида горъ.

— Вы также художникъ? — спросилъ меня Шарль.

Въ Италіи для художниковъ всѣхъ націй языкъ общій-итальянскій, и потому я тотчасъ же отвѣтилъ моему новому знакомцу по-итальянски:

— Вы угадали! и не только сходенъ съ вами по званію, но даже и по желаньямъ.

— Какимъ образомъ?

— Я также собираюсь идти на Сибиλλу.

— Чудесно! — вскрикнулъ Шарль, — пойдите хоть сегодня вечеромъ; не такъ будетъ жарко.

— Что за неугомонный! — вымолвилъ Фредерикъ, выпустивъ это слово вмѣстѣ съ сигарочнымъ дымомъ.

— Я не могу идти сегодня, — отвѣтилъ я, — потому что далъ слово проѣзжему здѣсь доктору Баттони ѣхать съ нимъ въ Аквилію, что не такъ далеко отсюда.

— Да что же вы тамъ будете смотрѣть? — неужели развалины? — спросилъ Шарль.

— Нѣтъ, мраморныя статуи, недавно открытыя въ тамошнемъ амфитеатрѣ.

— Вы вѣроятно скульпторъ? — спросилъ меня Фредерикъ.

— Потому-то я и отлагаю наше путешествіе на Сибиλλу, — отвѣтилъ я.

— Такъ какъ же ты хочешь, Шарль, — замѣтилъ Фредерикъ, — чтобы скульпторъ промѣнялъ такія любопытныя вещи на твою Сибиλλу; на эту, положимъ, высокую гору, но все-таки неболѣе какъ груду камней.

— Тебѣ бы только писать съ природы горшки, метлы, да кострюли; да наводить выставки изображеньями лимоновъ, устриць, раковъ... несносный! — сказалъ разгорячась Фредерикъ Шарль, и взявъ меня подъ руку отошелъ въ сторону.

— Я очень радъ сотоварищу! — сказалъ онъ.

— Черезъ недѣлю я буду готовъ къ походу! — сказалъ я пейзажисту, и мы распрощались.

Придя домой, я нашелъ письмо отъ Баттони, который писалъ, что на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, будутъ готовы верховыя лошади, и чтобы я взялъ съ собой лишь самое необходимое, дабы не обременять ни проводника, ни лошадей. Для сокращенія пути надо было перебираться черезъ горы.

Вечеромъ я зашелъ въ кофейную, гдѣ надѣялся встрѣтить доктора, чтобы точнѣе условиться о времени нашего отъѣзда.

— Per-basso! — вскрикнулъ онъ, увидѣвъ меня, и сильно ударилъ по столу кулакомъ, въ которомъ было сжато только что прочитанное имъ письмо. — Разбойники! — вскрикнулъ онъ рѣзче.

— Что съ вами, докторъ?

— Вотъ вамъ и поѣздка въ Аквилу! — продолжалъ онъ болѣе и болѣе разгорячаясь; — вотъ вамъ и статуи! — тутъ онъ такъ стряхнулъ въ воздухъ кисть правой руки, что хрустнули суставы пальцевъ; — вотъ и оцѣнка; вотъ и стоятъ ли они того, чтобы ихъ утаить; вотъ и выгоды продать ихъ тайно Англичанамъ!

— Что значать ваши слова? — спросилъ я Баттони, которого счелъ въ эту минуту помѣшаннымъ.

— Мои слова ничего не значать, потому что ихъ нельзя привести въ исполненіе!

— Я все-таки не понимаю васъ, что значить утаить статуи и продать ихъ тайно и выгодно Англичанамъ?! — объяснитесь, докторъ!

— Я васъ просилъ, — началъ Баттони почти шопотомъ, и какъ бы одумавшись, — съѣздить со мною, и лишь сказать ваше мнѣніе объ этихъ статуяхъ, чѣмъ вы оказали бы большую услугу и мнѣ, и смотрительно древностей въ Аквилѣ.

— Я очень желалъ видѣть эти рѣдкости; но не намѣревался брать никакого участія въ вашихъ, какъ кажется, несовсѣмъ чистыхъ предпріятіяхъ, и потому я съ вами не поѣду!

— Извините, что обезпокоилъ васъ моею просьбою, — сказалъ докторъ со вздохомъ, — я и самъ теперь не поѣду. Смотритель древностей въ Аквилѣ убитъ. Вотъ письмо жены его!

Баттони передавая мнѣ послѣднее, закричалъ, кафетьеру: стаканъ воды!—и началъ обѣими руками утирать потъ, выступившій у него на лбу.

Въ письмѣ я нашелъ слѣдующее:

«Нѣскольکو ночей къ ряду обворовывали нашъ фруктовый садъ. Въ ночь на пятницу мужъ мой, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, слышалъ голоса подъ окномъ, которое выходило въ этотъ садъ. Онъ схватилъ палку и выскочилъ въ окно съ намѣреніемъ поймать воровъ. Вдругъ раздакъ «выстрѣлъ, на который сбѣжались всѣ домашніе, и мужа моего нашли прострѣленнымъ на вылетъ въ грудь. О, какое несчастіе, синьоръ Баттони! — пріѣзжайте, ради Бога пріѣзжайте!

— Я вашъ!—сказалъ я Шарлю, вошедшему въ это время въ кофейную. Мы можемъ отправиться на Сибиллу хоть завтра!

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!—вскрикнулъ онъ по-русски, вѣроятно съ намѣреніемъ поразить меня этою нечаянностью, и спросилъ: вѣдь вы Русскій?

— Точно! — сказалъ я обрадовавшись звукамъ роднаго языка;—но какъ вы объ этомъ узнали?

— Помылите!—Если здѣсь у зрителя стѣрныхъ ваннъ разобьется на кухни горшокъ, то уже на другомъ концѣ улицы, въ домѣ каноника, знаютъ объ этомъ происшествіи въ ту же минуту. Это должно быть уже телеграфическое свойство самаго здѣшняго воздуха, — замѣтилъ новый мой знакомецъ, улыбувшись.—Представьте,—продолжалъ онъ,—какъ-то утромъ я выѣзжалъ изъ города, чтобы рисовать на горѣ св. Грегорію. Осель мой, избѣгая встрѣчи съ нѣсколькими воззками, споткнулся. Я, съ портфелемъ, съ огромнымъ зонтикомъ, съ складнымъ стуломъ, съ поводьями въ рукахъ, рисковалъ серьѣзнымъ паденіемъ; но представьте мое удивленіе.... уронивши всѣ мои атрибуты на землю, я очутился чуть не въ объятяхъ прехорошенькой дѣвушки, которая шла съ боку дороги. Можете вообразить, какъ я обрадовался моему чудесному спасенію; но оно не было такъ благопріятно для самой

дѣвочки. Жена здѣшняго мѣльника была свидѣтельницей этой сцены, и къ вечеру уже былъ изданъ первымъ тисненіемъ цѣлый романъ, завязкъ котораго послужилъ также не мало платокъ, развязавшійся на моей шеѣ во время паденія, — подарокъ дѣвочки въ знакъ моей благодарности. И я увѣренъ, что не позже, какъ мѣсяца черезъ два, матушка будетъ писать мнѣ изъ Петербурга, что....

— Какъ, да вы еще и изъ Петербурга? — перебилъ я Шарль, радуясь еще болѣе такой встрѣчѣ.

— Я родился тамъ, но уже пять лѣтъ не видалъ его, и ѣзжу по Франціи, Испаніи и Италіи.

— Извините, что перебилъ васъ! Что вы хотѣли сказать о письмѣ вашей матушки?

— Вѣрно напишеть, что до нее дошли слухи, будто я скакалъ сломя голову чрезъ горы, на бѣшенномъ конѣ, и упалъ въ пропасть, куда увлекъ и несчастную красавицу итальянку.

Мы оба разсмѣлись.

— Повѣрьте, — продолжалъ пейзажистъ, — чѣмъ болѣе пространствомъ отдѣляются люди, тѣмъ болѣе въ превратномъ видѣ доходятъ до нихъ слухи о происшествіяхъ и мѣлкихъ случаяхъ жизни. Вѣдь рассказывалъ что нибудь нельзя же не имѣть желанія заинтересовать слушателя; а въ этомъ случаѣ рассказчикъ невольно и пошевелить свою фантазію, да и привреть ловко, если онъ ловокъ безъ сомнѣнія.

— Вѣдь Итальянцы не глупый народъ! Они не даромъ пустили въ ходъ поговорку: *se non è vero, è ben trovato*, замѣтилъ я. А иногда рассказчикъ, сдуру, — снова началъ Шарль, брякнетъ и совершенную нелѣпость, которая, переходя изъ устъ въ уста, постоянно растетъ, пока не дойдетъ по назначенію къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ же не брать участія въ своихъ близкихъ. Назадъ тому годъ, сестра моя увѣряла меня въ письмѣ, что я былъ въ плѣну у бандитовъ, и неотступно просила не скрывать отъ нее этого случая, и описать какъ можно подробнѣе всѣ ужасы, отъ которыхъ я такъ счастливо отдѣлался.

— Что же вы отвѣчали на это?

— Послалъ ей карриатуру. Нарисовалъ одного разбойника, рука котораго прошла сквозь прорванный карманъ моей блузы; а другаго бандита заставлялъ разсматривать мою картину, — и изъ его рта помѣстилъ слова: *questo non vale niente* (*). Да, въ заключеніе описалъ ей истинное происшествіе, бывшее въ Римѣ, когда мошенники, напавъ на двухъ художниковъ ночью въ Колизеѣ, не нашли у нихъ въ карманахъ ни байка, и напутствовали восторженниковъ древности и лунныхъ римскихъ ночей побоями за то, что ходять гулять безъ денегъ.

Мы оба захохотали, — и отъ смѣха нашего проснулся сидѣвшій близъ насъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, котораго я зналъ какъ отличнаго игрока въ шашки. Протерши глаза, онъ приветствовалъ меня, и объявилъ, что я могу, когда мнѣ будетъ угодно, отправиться въ замокъ Чьуччи.

— Мнѣ хочется нарисовать его запускльый и чрезвычайно живописный дворъ, — сказалъ я Шарлю, полагая, что онъ знакомъ съ этимъ замкомъ.

— Я этого замка не знаю! — замѣтилъ пейзажистъ.

— Онъ отсюда всего миляхъ въ двухъ, въ сторону къ Асколи, и я уже былъ въ немъ одинъ разъ. Это строеніе очень любопытно какъ памятникъ среднихъ вѣковъ. Хотите знать его исторію? — она коротка.

— Прошу васъ!

— Владѣтель этого замка, какъ рассказываютъ здѣсь въ народѣ, имѣлъ большое число вассаловъ, и жестокими разбоями наводилъ ужасъ на окрестности. Папы отрѣшали его отъ Церкви; а онъ, по возвращеніи съ грабежа, опускалъ тяжелые запоры въ воротахъ своего огромнаго, неприступнаго логовища; пировалъ, замышляя къ другому дню новый планъ нападенія, и умственно дѣлилъ добычу слѣдующаго дня съ своими вассалами, какъ бы она уже находилась въ его рукахъ. Рассказываютъ, что изъ Рима въ ту пору было объявлено жителямъ здѣшнихъ окрестныхъ мѣстъ: кто доставитъ этого

(*), Это ничего не стоитъ, нигуда не годится.

владельца замка живымъ или мертвымъ въ руки правительства, тому передадутся все его богатства, и самая земля, и замокъ. Явились два рыбака, по фамилиі Чьуччи (*), которые доставляли въ замокъ рыбу. Они воспользовались отсутствіемъ вассаловъ, и пробрались къ ихъ начальнику, отрубили ему голову, которую и вынесли изъ замка въ тѣхъ же корзинахъ, въ которыхъ доставляли рыбу. Недавно двое молодыхъ людей, потомки этихъ рыбаковъ, удержавшіе ихъ фамилію, прожили все и вошли въ долги, такъ что самый замокъ и земля продавались съ молотка; а одинъ изъ Чьуччи заблаговременно продалъ въ здѣшнюю кузницу восемь полныхъ рыцарскихъ вооруженій, бывшихъ непоследнимъ украшеніемъ въ залѣ замка,—и кузнецъ заплатилъ ему по три байка за пудъ.

— Да возрыдаетъ археологія!—примолвилъ шутя Шарль.— Однако серьезно говоря,—прибавилъ онъ,—это досадно! Въдъ и вы, и я могли бы пріобрѣсти это вооруженіе.

— Кузнецъ не археологъ,—замѣтилъ я, — и потому естественно, что достояніе науки обратилось въ гвозди и подковы.

— Хотя я небольшой любитель развалинъ, но мнѣ хотѣлось бы увидать этотъ разбойничій притонъ,—сказалъ пейзажистъ, и обратился съ просьбою къ проснувшемуся Итальянцу, о позволеніи войти со мной вмѣстѣ въ замокъ, на что получилъ согласіе,

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? — спросилъ Шарль Итальянца.

— Съ Піетро Бабети,—отвѣчалъ тотъ.

— Ясно!—замѣтилъ мнѣ Шарль.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ послѣдній Итальянца.

— Ничѣмъ.

— Что вы дѣлаете?— снова спросилъ пейзажистъ, полагая что не былъ понятъ.

— Ничего.

— Какъ, рѣшительно ничего?

(* На здѣшнемъ мѣстномъ нарѣчій это слово означаетъ свинью; даге читатель увидитъ, какъ потомки рыбаковъ поддержали фамилію своихъ предковъ.

— Рѣшительно ничего,—отвѣчалъ спокойно Итальянецъ и спросилъ себя сигару.

— Здѣсь такіе люди не рѣдки, — замѣтилъ я Шарлю; но за то онъ по крайней мѣрѣ славно играетъ въ шашки, — и тутъ же я получилъ приглашеніе Итальянца пристѣсть къ столу съ шашками.

— Такъ завтра? — спросилъ меня Шарль, выходя изъ кофейной.

— Завтра,—отвѣтилъ я,—послѣ обѣда.

На другой день за хорошей погодой дѣло не стало. Полкомбинни, горбатенькій хозяинъ моей квартиры, ходившій въ припрыжку, не мало удивился, что я собираюсь идти на Сибиллу пѣшкомъ. Онъ говорилъ о неудобствахъ пути, о жарѣ; пугалъ усталостью, опасностями; неотступно навязывалъ мнѣ свою лошадь и, изъ желанія приобрести за это плату, приписывалъ ей такія необыкновенныя достоинства, какихъ можетъ быть и самъ не имѣлъ. Когда я отказался на отрѣзъ отъ его лошади, то онъ началъ предлагать въ проводники своего сына.

— Лучшаго проводника вы не можете мнѣ дать,—сказалъ я ему,—какъ ту толстую, съ желѣзнымъ остриемъ, палку, съ которой вы иногда прогуливаетесь; да еще я слышалъ—вы имѣете родственника въ Триссунго, въ которомъ я буду вѣроятно къ ночи, то не хотите ли написать къ нимъ письмо, чѣмъ премного обяжете!

Черезъ полчаса я спряталъ въ мой альбомъ письмо съ вычурнымъ титуломъ, стоящимъ нашего милостиваго государя, *all' illustrissimo Signore, il Signore Marco Petrucci*;—и пошелъ на главную улицу городка изъ оврага, на отвѣсъ котораго лѣзился, какъ птичье гвѣздо, домъ моего хозяина.

Шарль уже былъ готовъ, и вооруженный какъ я палкою, завидя меня издали, сталъ прощаться съ товарищами.

— Чтобы намъ не сбиться съ пути, — сказалъ онъ мнѣ, когда я приблизился къ художникамъ, то мы не пойдѣмъ

лѣсомъ, чрезъ который тропинка, какъ мнѣ говорили, часто уклоняется далеко въ сторону отъ рѣки, а послѣдняя между тѣмъ должна привести насъ къ цѣли;—и для того, чтобъ не заблудиться, я вамъ предлагаю спуститься въ оврагъ и идти лѣвымъ берегомъ, по самой окраинѣ.

— Помилуй, Шарль,—перебилъ Фредерикъ,—да лѣвымъ берегомъ вы также встрѣтите препятствія; онъ на всемъ протяженіи, какъ я слышалъ, покрытъ огромными камнями.

— Ну, такъ полземъ чрезъ камни, поплывемъ противъ водопадовъ!—вскричалъ пейзажистъ съ досадой.

— Ступай лучше лѣсомъ, говорю я тебѣ, а то сломаешь голову!—вскрикнулъ въ свою очередь, разгорячившись Фредерикъ, который правда былъ постарше насъ обоихъ.

— Надобль ты мнѣ сиднль!—возразилъ Шарль.—Вѣдь я иду не на твоихъ ногахъ! Наконецъ, я знаю, ты предпочитаешь умереть на постель, а для меня такая смерть была бы невыносимо скучна. Не хочешь ли ты по этому тракту, гдѣ нѣтъ не только почтовой, но даже сельской дороги, въ мѣстахъ, гдѣ не было уже одиннадцать лѣтъ ни одного иностранца (*), не хочешь ли, Фредерикъ, проѣхать здѣсь на лежачихъ рессорахъ какъ какой-нибудь англійскій мордь, или не вздумаешь ли спрашивать въ попадающихся на пути астеріяхъ, блюда по картъ Мабилля, какъ этого обыкновенно ищутъ нѣкоторые Русскіе денди.

— Дѣлай какъ хочешь!—перебилъ Фредерикъ.

— Они,—продолжалъ въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ Шарль,—не встрѣчая въ Италіи французской кухни, бранятъ страну искусствъ, какъ будто ѣдутъ по Европѣ единственно съ цѣлью усовершенствовать себя въ кухонномъ дѣлѣ.—Однако пора въ дорогу!—Знаешь ли, сказалъ Шарль смѣясь и обращаясь къ Фредерику,—если я поврежу себѣ голову, то попрошу скульптора, моего спутника, реставрировать ее.—Вы не откажитесь?—спросилъ пейзажистъ, обратившись ко мнѣ.

(*) Последній былъ Пруссійскій инженеръ, который измѣрялъ горныя высоты Аbruццъ.

— Не откажусь безъ сомнѣнія отъ опасностей пути, если бы онъ встрѣтился; что же касается до реставраціи, то надѣюсь обойдется и безъ нее.

Мы пустились, и начали спускаться въ глубокой оврагъ по накиданнымъ нарочно для схода каменьямъ.

На городской башнѣ пробило 2 часа.

Мы были уже на четверть версты отъ Аква-Санты, когда этотъ городокъ, потонулъ въ оливковыхъ и каштановыхъ деревьяхъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезъ изъ нашихъ глазъ и кружокъ художниковъ, которые до того махали намъ платками и шляпами въ знакъ прощанья и счастливаго пути.

Теперь мы очутились вдвоемъ, глазъ на глазъ съ дивной природой.

— Боже мой, какія здѣсь мѣста! — вскрикнулъ Шарль.

Точно, не лзя было не полюбоваться этою мѣстностью. Между дикихъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую, съ оглушительнымъ шумомъ стремится рѣка, и, въ дикой волности своей, то скачетъ чрезъ груды камней и осыпаетъ ихъ ослѣпительной пылью, то стихнувъ на время разстилается обильнымъ спокойствіемъ, а потомъ съ новой яростью бросаетъ на скалы своею ножию каменныхъ глыбъ; но безсильная опрокинуть въковыя громады, она съ воплемъ дробится въ брызги и упавъ снова крутитъ волну и шлетъ ее на нескончаемый бой. — На скалъ мнѣ почудилась тѣнь Сальватора Розы.

Когда мы прошли значительное пространство, то убѣдились, что правымъ берегомъ не лзя и подумать идти; онъ представлялъ сплошныя скалы; лѣвый же хотя и былъ заваленъ большими каменьями; но мы находили особенное удовольствіе въ преодолѣніи этихъ преградъ, и слова Шарля: ползѣмъ чрезъ каменья, поплывемъ противъ водопадовъ, сбылся болѣе нежели на половину.

— Дивная природа, — говорилъ Шарль, — можно ли сравнить ее съ какими бы то ни было созданьями челоуѣка? Я признаюсь, только передъ ней, глазъ на глазъ съ нею, мужаюсь

силами и чувствую себя вполне существующимъ. Въ ней какъ-то не замѣчаешь совершеннаго уничтоженія, не видишь смерти; а если и является послѣдняя, то всегда вмѣстѣ съ возрожденіемъ, вьющимъ новою, сильною жизнію. Взгляните, подымается волна, гребень ея закипаетъ пѣной; мгновеніе... и она распалась, раскатилась; а потомъ обратилась едва не въ зеркальную поверхность, и въ паденіи своемъ опять плѣняетъ взоръ человѣка; а мѣсто ея заняла въ то же время другая волна; — а здѣсь надломленный и изсохшій сукъ каштановаго дерева оживаетъ въ вашихъ глазахъ, въ объятыхъ игриваго плюща. Вонъ, громадный камень въ водѣ, можетъ быть темъ этой выдающейся скалы, которое въ продолженіе вѣковъ прожигалось до сердцевины своей солнцемъ, теперь обливается прохладными, безпрестанно смѣняющимися одна другую струями. И какъ не любить природу, не желать видѣть ее во всей красотѣ, не любоваться ея вѣчнымъ, ничѣмъ нерушимымъ обновленіемъ?

Шарль взялъ меня подъ руку, и мы пошли по проторенной дорожкѣ, возлѣ самаго края кипучей бездны.

— Признаюсь вамъ, — началъ снова мой спутникъ, — я не люблю, или вѣрнѣе сказать ненавижу развалины, — бы я ихъ ни встрѣтилъ. Для меня Римъ въ особеннос... имъ. И право, немало счастливы тѣ художники, которые не подымая головы, могутъ просиживать цѣлые дни въ Коллизеѣ, и тщательно копировать какую-нибудь упавшую съ высоты капитель. Эта сосредоченность на любви къ необходимому въ искусствѣ мелочамъ, сковываетъ ихъ ф... которая не поражается ужасающимъ видомъ колоссальнаго каменнаго скелета, такъ сильно говорящаго о бренности всего того, чѣмъ человѣкъ думаетъ гордиться. При каждомъ посѣщеніи какой бы то ни было развалины, я уношу въ своей груди грустное, подавляющее чувство; а въ Римѣ развалины повсюду, и на нихъ натыкаешься какъ на сгнившіе, распавшіеся гробы древняго міра. Много, правда, извлекаютъ поученій грядущія поколѣнія на этомъ обширномъ кладбищѣ; но видъ кладбища еще ужаснѣе дѣйствуетъ на душу, если на немъ слышится смѣхъ,

нарушающей его тишину; а въ Римѣ безумно-веселый карнавалъ зажигаетъ праздничные огни на могилахъ своихъ предковъ, и начинается съ первымъ ударомъ капитолійскаго колокола, который какъ нарочно имѣетъ еще одну обязанность—извѣщать католическій міръ о смерти Папы.

— Помилуйте, вы, поклонникъ природы, и отдаетесь такимъ грустнымъ мыслямъ, когда предъ нашими глазами столько живыхъ красотъ?!—замѣтилъ я; но Шарль молчалъ, и молчалъ до тѣхъ поръ, пока мы не завидѣли картинный городокъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки; здѣсь скалы праваго берега какъ бы посторонились, дабы дать пріютъ человѣку. Чѣмъ ближе мы становились къ этому городку, тѣмъ слышнѣе были крики людей и удары молотовъ, впадавшие въ какую-то дикую гармонию съ шумнымъ потокомъ рѣки, что и пробудило Шарля отъ задумчивости.

— Это должно быть Квинто Дечимо!—сказалъ онъ.

— Сколько миль мы сдѣлали, какъ вы думаете?—спросилъ я его.

— Не могу сказать вамъ точно; но солнце должно быть уже низко; посмотрите, какими холодными тонами покрывлось все ~~наше~~ насъ!

— Однако тма, которая начинаетъ располагаться на ночь въ разсѣлинахъ камней и глубинахъ лѣса, не можетъ быть утѣшительна для путешественника,—и обновленіе свѣта ужъ никакъ не будетъ ранѣе завтрашняго утра,—замѣтилъ я шутя восторженнику обновленія природы.

— Бьюсь объ закладъ! — вскричалъ Шарль смѣясь, — что луна, которой не было видно вотъ уже двѣ ночи къ ряду, выручитъ меня непременно, повѣрьте мнѣ какъ пейзажисту!

Мы пришли въ Квинто Дечимо, гдѣ строился каменный мостъ, перекинутый красивою легкой аркой черезъ рѣку. Мы прошли черезъ временной деревянный, и глазамъ нашимъ представилась на правомъ берегу широкая прекрасная дорога, которая до того была отъ насъ скрыта группою домовъ.

— Присядемте и подкрѣпимся! — предложилъ мнѣ спутникъ, — и мы помѣстились на каменномъ прилавкѣ одного изъ домовъ, вблизи моста.

Костюмы наши врядъ ли могли обратить на насъ вниманіе столпившихся вдругъ въ этомъ мѣстѣ немногочисленныхъ жителей Квинто Дечимо. Блаузы, опоясанныя ремнями, сѣрые шляпы, шинели, связанные на спину, — такой костюмъ здѣсь не диковина; но вѣроятно, физиономіи, совершенно не сходныя съ лицами окружавшихъ насъ, и нашъ языкъ привлекли любопытную толпу, сквозь которую Шарль быстро проскользнулъ, и черезъ минуту, воротившись ко мнѣ, развертывалъ изъ виноградныхъ листьевъ купленную имъ превосходную провинциальную ветчину.

— Съ этими господами церемониться нечего! — замѣтилъ онъ, поводя глазами по итальянцамъ, и откупоривая кубышку съ виномъ, которая висѣла у него на тесьмѣ чрезъ плечо.

— Мы теперь странники, и городскія приличія въ сторону! — прибавилъ я, и свернулъ въ трубку ломтикъ ветчины, на который немало зарился глаза дюжины находившихся вокругъ насъ оборванныхъ мальчишекъ; — и какіе красавчики были между ними!

Нѣсколько молодыхъ людей, также съ неизменно красивыми лицами, рослые, одѣтые чисто и въ неизбежныхъ бархатныхъ курткахъ рыже-коричневаго цвѣта, усѣвшись около насъ, вступили съ нами въ разговоръ и начали вопросами: откуда мы и куда? — Это были инженеры, строившіе мостъ.

Мы отдали имъ полную справедливость въ прочности и непритязательной красотѣ мостовъ, какіе намъ случалось видѣть въ этомъ углѣ Италіи; въ непритязательной красотѣ, нужно прибавить, которая исходитъ изъ самаго удобства постройки.

— Иначе я и не понимаю красоты строенія; — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Намъ могутъ служить примѣромъ въ этомъ случаѣ и соты пчелъ, и паутина паука, и мало ли какія явленія въ мірѣ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ. Положимъ, что здѣсь дѣй-

ствуется такъ называемый нами инстинктъ; однако онъ ведетъ неразумныя существа къ цѣли безошибочно.

— У человѣка мысль должна поражать форму, — сказалъ педантически другой инженеръ.

— А если у человѣка нѣтъ мысли, а онъ хлопочетъ только о формѣ; можно ли, въ такомъ случаѣ, ждать красоты? — спросилъ Шарль, не переставая усердно утолять свой аппетитъ ветчиною.

— Отъ чего же, — замѣтилъ третій инженеръ: — можно ждать, какъ сидѣть у моря и ждать погоды.

— Такъ не однимъ намъ принадлежитъ эта пословица! — сказалъ я, обращаясь къ моему спутнику.

— Да неужели вы, — отвѣтилъ послѣдній, — не обращали до сихъ поръ вниманья на поговорки и пословицы итальянцевъ? — Я уже не впервые слышу такія, которыя какъ будто переведены слово въ слово съ нашего языка, хотя, вѣроятно, этого предположить нельзя.

— Какъ до сихъ поръ чрезъ Кочеру, какъ по ближайшему тракту, — спросилъ я инженеровъ, — здѣсь нѣтъ, не говорю уже почтовой, но даже проселочной дороги изъ Рима въ Асколи, въ этотъ любопытный городъ во всѣхъ отношеніяхъ?

— Это въ ваши степи, сеньоръ Форестьере (*); здѣсь надо срубать скалы или вести дорогу по верхушкамъ каменьевъ, вонъ что выглядываютъ торчками изъ водопадовъ, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, указывая на рѣку.

— Ужъ если пошло на затрудненія, то мы съ нашей стороны можемъ указать на наши пространства, — замѣтилъ я, — а вы ужъ лучше сознайтесь, господа, что поотстали такъ маленько отъ прочихъ. Въ Европѣ едва ли не всѣ лучшіе города давно уже замѣнили солнце газовымъ освѣщеніемъ, а въ Римѣ, до сей поры, существуетъ единственный садъ при кофейной на Корсо, который дивитъ публичку десяткомъ газовыхъ рожковъ.

(*) Иностранецъ.

— Скажите пожалуйста, — спросилъ Шарль инженеровъ, — что же предполагаемая желѣзная дорога изъ Рима въ Неаполь?

— Папа Григорій не соглашается, — отвѣтили два инженера вдругъ. Въ это время городскіе часы пробили восемь.

— Время въ дорогу! — сказалъ Шарль, и мы встали съ мѣстъ.

— Однако, синьоры, — сказалъ шутливо одинъ изъ инженеровъ, — я долженъ васъ предупредить, что путь, который вамъ предстонтъ отсюда до вашего ночлега — Триссунго, не лежитъ на рельсахъ, и вы не будете убаюканы быстрою издою въ вагонахъ. Я совѣтывалъ бы вамъ переночевать здѣсь; а завтрашнее утро, пожалуй хоть съ восходомъ солнца, вы пуститесь дальше!

— Луна, съ свѣтомъ которой не можетъ спорить никакое газовое освѣщеніе, — вскричалъ пейзажистъ, — эта луна, если не замѣнитъ намъ удобнаго пути, то дастъ возможность любоваться тѣмъ живописными мѣстами, которыя, правда, чрезъ ваше искусство, представляютъ болѣе удобствъ къ сообщенію; но можетъ быть и потеряютъ свою первобытную красоту; а для преслѣдованія красоты, вы видите, мы не жалѣемъ ногъ.

— *E'un veritabile artista!* — вскрикнулъ кто-то въ толпѣ.

Стемнѣло и стало сыро. Мы накинули шинели на плеча, и вышли изъ городка въ дальнюю дорогу; насъ сопровождали криками: добрый путь, добрый вечеръ!

Отвага и полное довольство самихъ собою заиграли на лицѣ Шарля, и у него вырвалось восклицаніе:

— Какой славный народъ эти итальянцы!

— Да, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя рѣдко посѣщаются иностранцами, — отвѣтилъ я. — За то Римъ, Неаполь, Болонья, Венеція, и другіе болѣе значительные города, могутъ поставить цѣлыя полки такихъ людей, у которыхъ совѣсти на столькоже, на сколько у капуциновъ здѣшнихъ монастырей трудолюбія. Да и въ какомъ впрочемъ центрѣ цивилизаціи и промышленности люди не поклоняются золотому тельцу; ему они готовы привести въ жертву все, исключая, безъ сомнѣнія, личной выгоды.

— Вотъ закладъ и былъ бы выигранъ; взгляните! — вскрикнулъ вдругъ Шарль.

Луна выкатилась из-за каштановаго лѣса, и освѣтила правый берегъ рѣки, по которому мы теперь шли; впереди мы завидѣли легкій деревянный мостъ, связанный изъ жердей, и дрожавшій подъ ногами перебѣгавшихъ чрезъ него овецъ; рѣка ревѣла; при встрѣчѣ съ нами овцы жались въ кучи, и производили своимъ бѣгомъ не шумъ, но шорохъ въ воздухъ. За стадомъ шель пастухъ, покрытый въ родъ бурки, козлинымъ мѣхомъ и вооруженный большой палкой; двѣ большія бѣлыя собаки, подобія тѣхъ, которыя невольно поражаютъ посягателя Ватикана, приостановились, оглядѣли насъ, и, вѣроятно, не нашедши въ насъ сходства ни съ волками, ни съ разбойниками, замахали своими пушистыми хвостами и пошли за пастухомъ. — *Tenino he, tenino he* (*)! — кричалъ послѣдній отстававшимъ овцамъ.

— Вотъ вамъ картина, Шарль! — И скажите, на чемъ держится этотъ мостикъ? Если бы я не видѣлъ, какъ прошло по немъ стадо, то, право, врядъ ли бы рѣшился перейти чрезъ него.

— А я совершенно о другомъ думаю, — перебилъ меня пейзажистъ, — что еслибы на эти прутьики, продолжалъ онъ, случайно взбѣжалъ красивый конь, страшно бы онъ рухнулъ въ бездну, и быстрый потокъ этихъ водъ не далъ бы замѣтить и пятна крови на крутыхъ бокахъ и прыткихъ ногахъ скакуна.

— О, да вы не довольствуетесь прелестью дѣйствительности и обладаете очень пылкой фантазией!

— Вы правы, — отвѣтилъ Шарль, и призадумавшись продолжалъ, — но знаете ли... мнѣ кажется, эта способность, при крайнемъ развитіи, бываетъ часто причиною и несчастій чловѣка.

Спутникъ мой оказался въ высшей степени впечатлительнымъ, и въ порывчатомъ потокѣ своихъ мыслей самъ былъ похожъ на невзнузданнаго коня, котораго только что нарисовало на мосту его воображеніе.

(*) Это повуканіе овецъ непереводимо.

— По моему мнѣнію, — продолжалъ онъ, — фантазія составляетъ сферу истиннаго художника, какъ деньги дѣлаютъ сферу торгаша, какъ почести образуютъ сферу честолюбца. Последнимъ доступно расшпрять свою сферу и осуществлять ее, хотя постепенно; самый идеалъ ихъ лежитъ въ болѣе положительныхъ предѣлахъ матеріальнаго міра; но гдѣ вы укажете границу проявленія фантазіи, окриленной восторженнымъ состояніемъ души? Не дразнятъ ли художника съ малолѣтства высокими идеалами геройства, благородства, самоотверженія, однимъ словомъ, всеми красотами нравственной силы человека, желая побудить будущаго производителя къ проявленію истинно великихъ образцовъ? Не стараются ли въ самомъ началѣ художественнаго образованія шевелить и распалить чувствительность, дабы облагородить и приучить къ совершенной и идеальной нѣгѣ фантазію? Не хлопчутъ ли, сколь возможно, направить его къ достиженію самаго точнаго выраженія прекраснаго, начатки и типы котораго онъ впоследствии мечтаетъ найти въ окружающей его жизни. — И вотъ пылкій юноша, настроенный къ чудесному, къ высокому, съ тысячами проектовъ самыхъ блистательныхъ дворцовъ, какихъ не строилъ и Вулканъ на Олимпѣ, съ страстнымъ желаніемъ расписать чуть не самое небо подвигами великихъ людей, съ любимыми мечтами, которыя рисуются предъ нимъ въ нескончаемыхъ рядахъ мраморовъ, съ поэтическимъ трепетомъ озирающей природу, вдругъ ринулся въ омутъ вседневной жизни, — и, Боже мой, сколько онъ надѣлаетъ въ этой жизни глупостей! — Нося съ собою свой міръ идей и фантазій, на сколько кочекъ неудачъ и оскорбленій наткнется онъ? — И вотъ онъ падаетъ съ своего седьмаго неба; блестящее и зыбкое зданіе его будущности разбивается въ куски отъ соприкосновенія съ нуждою, съ невѣжествомъ; градъ пересудовъ и насмѣшекъ бьетъ ему въ лицо. И вотъ плоды избыточной, облагороженной фантазіи; а опытность говорить: по дѣломъ, самъ виноватъ, зачѣмъ, вступая въ жизнь, не смотрѣлъ себѣ подъ ноги, а несъ голову вверхъ; вотъ по неволѣ и спотыкался, и натыкался на такихъ людей, которые ...

— Не споткнитесь, Шарль!—вскрикнулъ я моему спутнику, видя, что онъ разгорячился рѣчью, и готовъ былъ, обыкновеннымъ поднятiемъ ноги, перешагнуть яму, едва не въ сажень.

— Благодарю васъ за предостереженiе; но въ другой разъ я буду осторожнѣе. Я увлекся; а вы насмѣхаетесь!

— Полноте, Шарль; увлекаться туда,—сказалъ я, показывая на луну,—я готовъ съ вами вмѣстѣ, потому что мысль расширяется только о землю; но васъ и себя вмѣстѣ подвергать опасности упасть въ яму, и переломить голову или ногу, было бы непростительно съ моей стороны.

Спутникъ мой готовъ было что-то мнѣ сказать, какъ вдругъ на обломкѣ дерева, переброшенномъ чрезъ яму, предъ которой я остановилъ Шарля, выросла небольшая, но бравая мужская фигура, одѣтая въ красивый кампаньольскiй костюмъ и съ ружьемъ на перевѣсѣ въ рукахъ.

— Не видали ли вы, здѣсь прошла дѣвушка? — спросилъ насъ кампаньоль басистымъ, но не твердымъ голосомъ.

Этотъ вопросъ заставилъ насъ переглянуться между собою, и въ тоже время крѣпче ухватиться за наши палки.

— Пусть онъ первый перейдетъ яму!—сказалъ я Шарлю.

— Проходи!—вскрикнулъ громко пейзажистъ итальянцу,—и мы стали въ оборонительное положенiе, на случай какого-нибудь съ его стороны покушенiя напасть на насъ.

Итальянецъ стиснулъ губы, молчалъ, однако перешелъ на нашу сторону, и мы предложили ему продолжать свою дорогу.

(Продолженiе впереди.)

Н. Рамазановъ.

Т Р И Д Н Я

ВЪ АУЛЪ ЮСУФЪ-КАДИ.

Скучны Кавказскія степи весною и лѣтомъ, а еще скучнѣе осенью и зимою. Ни тогда, когда одѣнутся онѣ зеленью и цвѣтами; ни тогда, когда наступитъ теплая пора и сѣвкосное время; ни тогда, какъ колосья поспѣютъ къ жатвѣ и уборкѣ въ копны: никогда не слышно здѣсь веселыхъ пѣсень, которыми во время полевой работы воодушевляетъ себя сѣверный земледѣлецъ. Не слышать здѣсь тѣхъ пѣсень, какъ не слышать и щебетанья воздушныхъ пернатыхъ, весело порхающихъ въ сѣверныхъ дебряхъ. Вездѣ — небо, трава, да безмолвная тишина, изрѣдка лишь прерываемая дикими звуками свирѣли чобана, да дребезжаньемъ перепела; повсюду—

«Степь, песокъ, да трава,
Небеса, да земля;
Ни ползвукъ кругомъ—
Пустота, тишина;
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечуть порой,
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой....»

Повсюду—степь, песокъ, да трава.... И этотъ край, еще такъ недавно пустынный и дикій, нынѣ населется дѣятельнымъ многочисленнымъ; еще и теперь переселенцы спѣшатъ сюда шумными, радостными, безпечными толпами, спѣшатъ какъ въ обѣтованную землю! У нихъ, какъ и вездѣ, свои домашнія радости, свои удовольствія, свои заботы, свои труды, все-

дневные хлопоты, утраты и печали!... Но тихи и скромны свободные часы горнаго семьянина-земледельца; однообразна жизнь его, какъ однообразны и безответны широкія, подвластные ему степи; самое веселье его — не то русское неприторное веселье, дышащее искренностью, радушіемъ и неприужденностью, — нѣтъ, оно какъ солнце, проглядывающее сквозь мрачныя тучи, какъ слезы, облегчающія грудь страдальца!... Впрочемъ, рядомъ съ бытомъ поселянина есть другой бытъ, другая жизнь, несравненно тоскливѣе, пустыннѣе, однообразнѣе первой: это — жизнь кочевыхъ плѣмянъ, окруженныхъ повсюду степями и небомъ. Здѣсь все —

«Степь, песокъ, да трава,
По краямъ — небеса,
По срединѣ — курганъ....»

и ничего болѣе.... Одинокій человекъ, случайно заброшенный въ эту пустынную глушь на нѣсколько времени, дичаетъ какъ робкая лань, тоскуетъ какъ дитя безъ рода и племени.... Въ этихъ только мѣстахъ можно вполне сознавать и чувствовать всю горечь бездольнаго одиночества!

I.

Во второй половинѣ Іюня 1846 года, осмью верстами южнѣ пограничнаго озера Манычъ, кочевало свободное племя Туркменъ. То былъ ауль Юсуфъ-Кади, изъ рода Чоудыръ. Прошла недѣля, какъ снялся онъ съ урочища Бадринъ-Сала, и расположился длинною полосою по обѣ стороны незначительной рѣчки, протекающей по глубокой балкѣ, простирающейся издалека съ сѣвера на югъ.

Дивная растительность благодатныхъ этихъ мѣстъ, не тротутыхъ плугомъ земледельца въ теченіи, быть можетъ, весьма длиннаго ряда вѣковъ, стоитъ быть воспѣтою въ поэтическихъ пѣсняхъ, слагаемыхъ туземными *бакши*. (*)

(*) *Бакши* — у Ногайцевъ и Туркменъ — пѣвецъ, сопровождающій пѣнію своему игрою на *кобуръ* — у однихъ, и на двухъ-струнной *тамдръ* — у другихъ.

Дикая прелесть зеленеющей степи, обставленной грядками сторожевых курганов и сливающейся с далью синяго горизонта, на долго оставляет неизгладимое впечатлѣніе въ памяти и чувствахъ случайнаго посетителя широкой пустыни. Утомленный однообразіемъ глазъ повсюду видить только тоску, безотрадную тоску по отчизнѣ!

Ароматенъ и свѣжъ здѣшній воздухъ, воздухъ цвѣтущихъ и тучныхъ степей цѣлины, какъ ароматенъ и свѣжъ воздухъ цвѣтника. Влажность утренней росы и повременно набѣги дождевыхъ тучъ освѣжаютъ жары лѣта, едва сносные безъ этого обновленія, подъ душнымъ войлокомъ тѣсной кибитки. Дыханіе не страдаетъ отъ пыли, какъ страдаетъ оно въ постоянныхъ жилищахъ цивилизованной осѣлости. Человѣкъ и животное покоятся здѣсь на мягкой муравѣ и цвѣтахъ, благоговляя пустынное приволье кочевой своей жизни.

Быстро растутъ неприхотливыя жилища въ пустынь. Тамъ, гдѣ сего-дня степь, съ помятою травою и ковылемъ, гладкая какъ тихое море, завтра кипить уже жизнь многочисленнымъ муравейникомъ, развивается шумнымъ разговоромъ словоохотливаго рассказчика, торопливымъ топотомъ коня запоздавашаго собесѣдника. Тамъ, гдѣ еще такъ не давно было только гнѣздо перепела или сайги, теперь курятся огни и жалобно блеютъ смиренныя жертвы котла, или отдыхаетъ стадо громадныхъ верблюдовъ. А черезъ двѣ недѣли — опять та же пустыня...

Было 21 Іюня. Ауль *Юсуфъ-Каді* готовился къ какому-то празднеству, къ какому-то торжеству, занимавшему умы всѣхъ — отъ мала до велика, въ томъ числѣ и самого Каді, пользующагося глубокимъ уваженіемъ своего народа. Торжество это должно было совершиться 23 числа.

Что же это за торжество? Что это за праздникъ, ожидаемый съ такимъ единодушнымъ нетерпѣніемъ? Сколько намъ было извѣстно, это — не свадьба, не какой-нибудь слезливый

При всемъ тождествѣ названій, эти разнородныя *бакши* — другъ отъ друга какъ лебо отъ земли!

Курбанъ-Байрамъ; нѣтъ, это долженъ быть веселый, очень веселый праздникъ.... Иначе, къ чему столько безконечныхъ хлопотъ, приготовленій!—Гонцы еще вчера ускакали съ приглашеніями по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ ближайшимъ дружелюбнымъ ауламъ—и ускакали, какъ видѣлъ всякій, сломя голову. Въ числѣ посланныхъ былъ даже *Кѣдѣ*, братъ жены *Чоудырскаго* *Кадн*. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что это праздникъ не народный, не общій, а частный, домашній праздникъ въ семействѣ *Юсуфа*....

Но вотъ скачетъ дѣвушка лѣтъ десяти-двѣнадцати на маленькой горской лошаdkъ. Лицемъ она прекрасна какъ ангелъ; пышные локоны ея то разстилаются по плечамъ волнами, то играютъ съ вѣтромъ въ тактъ рѣзватога скака.... Стань очаровательной малютки затянуть въ цвѣтной шелкокуй бешметъ, съ крючками и петельками изъ чистаго золота; на локонахъ бархатная шапочка, вся въ рѣзномъ серебрѣ. Какъ крѣпко, вольно и ловко держится эта юная навздица на богато-окованномъ черневымъ серебромъ орчакѣ! Двое провожатыхъ ѣдутъ слѣдомъ за нею.

Вдали отъ середины аула, къ сѣверо-востоку, въ сторонѣ, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ кибитокъ въ кочевомъ безпорядкѣ. Одна изъ нихъ отличается особенною величиною, опрятностію и многолюдствомъ: это кибитка самаго *Юсуфа*. По сторонамъ ея расположены другія, меньшія, принадлежащія близкимъ роднымъ его жены; а въ тридцати шагахъ—во всемъ блескѣ роскоши степной красуется бѣлый шатеръ, щедро обвитый и изукрашенный лентами и алымъ сукномъ, какъ кибитка богатой четы молодыхъ: это жилье кунака — *Апицаръ*, поѣтившаго на ту пору гостепримнаго *Кадн*.

Больше сорока человекъ гостей съѣхалось уже въ этотъ день, по призыву, на назначенный праздникъ. По лѣвую сторону двери громадной кибитки, на коврахъ и травѣ, возсѣдали не спѣсивые поѣтители, и между ними—самъ *Кадн*, низенькій, полный жизни и здоровья, широкоплечій старикъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, умный, смѣтливый, зоркій.... Судили-рядили, по восточному обычаю, о дѣлахъ степной полп-

тики и о домашнихъ, но чинно и тихо, безъ споровъ, что доказывало уваженіе къ хозяину гостей.

Вдругъ раздалась едва слышная рысь....

— *Аль айгэргъ, Баби (Бавбэкъ)!—* произнесла звучнымъ голосомъ прелестная малютка-наѣздница, остановившись близъ собѣдниковъ—и мигомъ спрыгнула на землю.

Тотчасъ ретивый конекъ былъ разсѣданъ услужливымъ дядею *Бавбэкъ* — и пущенъ на волю. При первыхъ звукахъ мелодическаго голоса малютки, въ дверяхъ кибитки появилась, въ нарядной одеждѣ изъ золота и шелку, высокая, стройная женщина, нѣкогда прекрасная собою.

— *Афъ!*— радостно вскрикнуло дитя—и, ласкаясь, упало въ объятія счастливой матери....

Никто, увидя въ первый разъ эту восхитительную кудрявую головку, не повѣрилъ бы, что она принадлежитъ не дѣвушкѣ-наѣздницѣ, но *Абдалль*, единственному сыну *Юсуфа-Кади*, и высокой женщины, его единственной жены....

II.

Наступило 22 Іюня. Безоблачное небо предвѣщало жаркій день. Одноаульные посѣтители спѣшили шумными толпами къ двѣнадцати-*термейной* (*терме* — рѣшетка) кибиткѣ *Юсуфа*. Пріѣзжіе гости, расположившіеся на ночлегъ у знакомыхъ, собирались одинъ по-одному, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, смотря по отдаленности временнаго помѣщенія. Стекались и *бакии* съ звонкими *тамдрами* и важные эфенди въ своихъ бѣлыхъ-на-бѣло чалмахъ и лучшей, праздничной одеждѣ; стекались и богачи-сибариты степные, и должностные люди—головы, старшины, *аксакалы*; сюда же торопились и бѣдняки, смиренная братія *Ира*....

Тридцать тучныхъ и рослыхъ кобылицъ, лучшихъ изъ всего косяка *Юсуфа*, давно стояли на привязи. Теперь ихъ было вдвое болѣе противъ того числа, какое пригонялось и привязывалось всѣдневно для наполненія величайшаго въ своемъ родѣ тулука, заключавшаго въ себѣ любимый степной

напитокъ—*кымызъ*. Пять человекъ занялись доеніемъ; десять зажиточныхъ семействъ общали присылку готового *кымыза*; множество домашнихъ бѣдняковъ, охотниковъ при случаѣ полакомиться на чужой счетъ, дали хозяину вѣрное слово прислуживать гостямъ, въ теченіе двухъ дней, бесплатно. По одному зову Кăди, шесть опрятныхъ кибитокъ мгновенно передвинулись къ нему изъ разныхъ угловъ аула, и просторно заключили въ рѣшетчатыхъ стѣнахъ своихъ нахлынувшія толпы разнородныхъ варваровъ....

Всю ночь раздавались въ кибиткахъ звучныя пѣсни. Больше двухъ-сотъ слушателей ловили каждый звукъ *тамдры*, каждое слово неумоимаго пѣвца *Алла-Гула*, сына *Мухаммеда-Бакиш*, знаменитаго между своими старца-поэта, почему-то не участвовавшаго въ нынѣшнемъ празднествѣ Кăди. Кромѣ его были здѣсь *Аджи-Муратъ* и извѣстный слѣпецъ *Сулейманъ-Бакиш*. Оба послѣдніе имѣли по незначительному кружку слушателей, по большей части стариковъ или бѣдныхъ гостей, которымъ, по тѣснотѣ, не было мѣста между нарядною знатною, окружавшею знаменитаго *Алла-Гула*. Лкующій и восторженный, онъ, казалось, забывалъ все слушающее его съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Могучее пѣніе его разносилось далеко по зарѣ и покрывало даже дикія восклицанія и говоръ многочисленныхъ сборищъ, не имѣвшихъ помѣщенія по близости пѣвца. Чародѣй этотъ то извлекалъ изъ глазъ своихъ слушателей самую непритворную слезу, то возбуждалъ шумные клики восторга. Я однажды, только теперь, видѣлъ эти слезы, лившіяся ручьями, неволью, изъ глазъ посѣдѣвшихъ *аджи*, эфенди и прочихъ почетныхъ гостей; только теперь я видѣлъ ихъ къ изумленію своему, но ни прежде, ни послѣ—никогда не видалъ я слезъ на суровыхъ лицахъ Туркмена или Ногайца....

Вотъ, между прочимъ, одна изъ мелкихъ пѣсень *Алла-Гула*, это—пѣснь *Кіоръ-Оглы*, воспѣваемаго повсюду на Востокъ, какого-то неизвѣстнаго исторіи герол (*).

(*) Переводъ этой характеристической пѣсни сдѣланъ для меня, въ числѣ многихъ другихъ, ^{башки} приставомъ Кара-Ногайскаго народа, нынѣ главнымъ

«Ворона не соловей—
 Не одъвнѣть запаха розы.
 Въ полѣ ходящія бѣлыя птицы (*)
 Не могутъ знать, что такое озеро.
 Тотъ, кто не трудился,
 Кто на скатерть не клалъ пищи (**),
 Кто не испыталъ трудовъ житейскихъ —
 Тотъ и не знаетъ, въ чемъ заключается власть.
 Давшій одно, а взявшій вдвое,
 Съ словомъ добра смѣшивающій слово зла,
 Достигшій знатности изъ послѣднихъ —
 Какъ пойметъ оное устройство общества?
 Несовершенный въ мужествѣ,
 Не плакавшій и не смѣявшійся (кстати?),
 Не понимающій самого себя—
 Не будетъ понимать и другихъ!
 Кіоръ-Оглы, съ тѣхъ поръ, какъ явился на свѣтъ,
 Не измѣнялъ своему назначенію....
 Кто не выросъ въ брани,
 Тотъ и не можетъ судить о храбрости!...»

Голоса и пѣсень у Туркменскихъ соловьевъ, какъ извѣстно, станеть легко не на одну сряду недѣлю. Удивительная память и непонятная организація груди и горла!

— *Чай иссы* (чай горячій)! — проговорила пріятливо стройная *Менірзъ*, супруга *Кади*, обращаясь къ молодому кунаку—*Апицѣрзъ*.

— *Аллахъ-беренетъ-беръ-сенъ* (да благословить Аллахъ)!— отвѣчалъ онъ на это.

приставомъ, маіоромъ *Девлетъ-Мирзою Шихалиевымъ*, которому долгомъ считаю принести искреннѣйшую благодарность, не теряя надежды на подобныя одолженія и на будущее время. *А. А.*

(*) Здѣсь, очевидно, говорится о птицахъ безъ перепонки. Восточная муза, въ порывъ своего импровизаторскаго вдохновенія, не имѣла времени сообразить, что въ числѣ «ходящихъ по полю бѣлыхъ птицъ» могутъ быть также гуси, лебеди и другія, которыя *могутъ знать, что такое озеро*. *А. А.*

(**) То-есть: не предлагая угощенія для достиженія власти, какъ водится и нынѣ у *Аліатцевъ*. *А. А.*

Люди хлопотали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ, стлкнувались, шумѣли, словно пожаръ или чума были въ аулѣ. А онъ, этотъ прелестный мальчикъ, этотъ дѣвообразный *Абдалла*? Онъ едва понималъ, что не далѣе, какъ завтра, должна рѣшиться участь его выющихся локоновъ, принадлежности пола инаго.... Шелковый безметъ его, сшитый пятью швейми въ одинъ день (*) изъ матеріи, подаренной богатымъ родственникомъ, давно уже красовался на домашней выставкѣ. Настала пора подарковъ всякаго рода юному виновнику праздника. Не требовали къ не желали многого: каждый приносилъ, что могъ, по силамъ. Азіатскій обрядъ этотъ почтенъ былъ истинно по-европейски двумя кусками превосходной матеріи, подаренной кунакомъ-*Анцидръ*; они произвели во всѣхъ зрителяхъ дикую радость. Долго подарки переходятъ изъ рукъ въ руки, долго остаются вывѣшенными на-показъ; и чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ выше стоитъ хозяинъ въ мнѣніи своихъ гостей; чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе молвы, пересудовъ и разсказовъ.

Абдалла, какъ мы сказали, единственное дитя *Юсуфа-Къади* и его единственной жены. Рѣдкій ребенокъ этотъ, тихостию нрава, послушаніемъ и необыкновенною привязанностию къ своимъ родителямъ пріобрѣлъ такую безпредѣльную любовь ихъ, что въ наше время и между Европейцами не легко найти подобное въ этомъ отношеніи семейство. Бракъ *Къади* и *Мендръ*, единственной—противъ обычая кочевыхъ богачей—жены его, не смотря на желаніе этой рѣдкой и достойной уваженія четы, не принесъ ей дѣтей женскаго пола. Недостатокъ этотъ придумали замѣнить хотя на-время, отступленіемъ отъ обычая, воспрещающаго мужчинѣ носить на головѣ волосы (кромѣ одного завѣтнаго пучка),—и вотъ почему *Абдалла*, носившій до-сихъ поръ локоны дѣвушки, былъ для своихъ родителей, въ одно время, и сыномъ и дочерью....

Многіе разсказывали мнѣ объ этомъ обстоятельстве иначе.

(*) Это въ обыкновеніи у степныхъ народовъ. Скорость въ приготовленіи обновъ между ними удивительна! *А. А.*

Утверждали, что Кăди имѣлъ уже нѣсколько дѣтей, но почти всѣ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Какъ быть, чтобы спасти хотя одного ребенка отъ ненасытной смерти? *Менаръ* была беременна. Вотъ однажды, когда наступалъ уже срокъ разрѣшенія, въ кибитку Кăди является незнакомая женщина и начинаетъ торговать у будущей матери ея ребенка. Сначала такое неслыханное предложеніе показалось родителямъ страннымъ; но, пораздумавъ нѣсколько и будучи убѣждены знахарями въ томъ, что предразсудокъ временной продажи дѣтей оказываетъ иногда спасительныя послѣдствія, они рѣшились покориться его вліянію на сохраненіе жизни ребенка.... Торговъ былъ славенъ заблаговременно: платою должны были служить, если родится дѣвочка—одна доска (*бакшід*), если мальчикъ—двѣ доски чаю. При такихъ условіяхъ не воспрещается родителямъ подарить что-нибудь ребенку на содержаніе. Такіе подарки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и платою за временныя попеченія о немъ до извѣстнаго возраста, и по обыкновенію, гдѣ оно существуетъ, должны составлять всегда порядочный задатокъ.

Родился *Абдалла*. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: продали его въ другой ауль.... Прошло времени не мало, годъ, два и болѣе: *Абдалла* росъ и хорошѣлъ всякому на диво. Но вдругъ разнеслось въ народѣ, что онъ умеръ.... Легко представить себѣ, какъ были опечалены такою вѣстью злополучные родители. Погоревали, погоревали—да и утѣшились: время сдѣлало свое.... Вотъ однажды сидѣли они вдвоемъ и вспоминали про старое горе.

— Можно войти?—послышалось въ это время за кибиткой.

— Войди,—отвѣчалъ Кăди, мгновенно принявъ на себя важный видъ служителя Аллаха и набожно произнеся вслухъ: «*Лаилагъ-иль-Аллахъ!*»

Вошла высокая женщина, закутанная съ ногъ до головы въ бѣлый прозрачный *тастъръ* (женское головное покрывало) и съ ребенкомъ въ рукахъ.

— Хотите купить?—спросила она неожиданно у супруговъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? — спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Угадайте!...

— Мальчикъ, — отвѣчали они опять, какъ бы согласившись....

— Такъ и быть, продамъ.... Цѣна два червонца, да, сверхъ того, сколько прибавите сами, не откажусь....

Дали два червонца, доску чаю, да разныхъ тряпокъ на женскія обновы.

— Любите его, какъ и я любила свое дитя, — промолвила потомъ гостя, а оно любить васъ будетъ, надѣюсь....

Тогда изъ-подъ раскрытаго *тастар* глазамъ изумленныхъ супруговъ предстало прелестнѣйшее бѣлокурое дитя — сынъ ихъ *Абдалла!*....

Съ тѣхъ поръ ребенокъ растетъ у родителей и хорошеетъ день-отъ-дня; съ тѣхъ поръ носить онъ локоны и, какъ пріемышъ, называетъ родную мать свою нѣжнымъ, ласковымъ, мелодическимъ именемъ — «*Афа!*»

III.

Все ликовало въ ауль *Юсуфа-Киди*. Самый день — 23 Июня, казалось, былъ свѣтлѣе, веселѣе, теплѣе обыкновеннаго. Всякій торопился сбросить съ себя прежнее одѣяніе и облечься въ полные щегольскіе и живописные свои костюмы. На всѣхъ появились шелковые, атласные и парчевые халаты и бешметы; заблестало серебро повсюду, гдѣ оно соответствовало средствамъ и вкусу.

Кунаки пріѣзжіе и одноаульные находились въ полномъ собраніи и съѣздѣ. Всѣхъ всадниковъ, не считая пѣшихъ пришельцевъ, было не менѣе четырехъ-сотъ.

Около полудня, кибитки мало-по-мало начинали пустѣть. Народъ, пресытившійся артистическимъ пѣніемъ и игрою неутомимыхъ бакши, сдѣлалъ къ удовольствіямъ другаго рода. Скачка малютокъ на заклады происходила еще наканунѣ, вечеромъ. Теперь празднество открылось скачкою, джигитовкою пятидесяти и болѣе всадниковъ, раздѣлившихся на нѣсколько

шартій. Дистанція бѣга простиралась на десять верстъ. Скакать въ-разсыпную, сломя голову, безъ соблюденія необходимыхъ скаковыхъ условій, по-нашему — дѣло, не стоящее вниманія; но, по понятіямъ кочеваго туземца, и этотъ родъ скачекъ имѣеть свою занимательность и значеніе. Призы, вызывавшіе на удалство, заключались въ серебряныхъ дѣвкахъ, и зависѣли совершенно отъ щедрости присутствовавшихъ богачей. Помнится, болѣе другихъ отличался въ этой скачкѣ одинъ приставскій казакъ (*Дувѣнцикъ, дувѣнъ*) изъ туземцевъ, и остался въ значительномъ выигрышѣ. Туркмены въ искусствѣ наѣздничества—сказать не обинуясь—далеко уступаютъ Ногайцамъ, обитающимъ въ при-Пятигорскихъ аулахъ, Калусо-Саблинскимъ и Бештау-Кумскимъ. Но объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ Москвитянинѣ въ другое время.

Не входя въ описаніе всѣхъ игръ, сопровождавшихъ домашнее празднество *Юсуфа-Кади*, расскажемъ здѣсь только то, что, по нашему мнѣнію, отличается, своею замѣчательною особенностію, своимъ оригинальнымъ характеромъ. Говоримъ о единоборствѣ силачей-охотниковъ.

Въ 4 часа по-полудни, когда безоблачное солнце, нестерпимо палившее своими знойными июньскими лучами, начинало склоняться къ западу, всѣ разъединенныя выборомъ зрѣвшихъ толпы стали сосредоточиваться въ одно мѣсто, на гладкую поляну, находившуюся позади кибитки *Юсуфа*. Большая часть всадниковъ спѣшилась, образовавъ своими густыми рядами широкій кругъ, состоявшій изъ представителей двухъ родовъ: *Чоудырѣ* и *Игдырѣ*; не доставало третьяго рода Туркменъ, *Сѣюнжяд-джи* (правильнѣе—*Сѣюнъ-Аджи*), кочевавшего въ то время гораздо дальше. На западной сторонѣ круга на первой линіи арены, помѣстились на цвѣтныхъ коврахъ, самые почетнѣшіе богачи и достойные чалмоносцы — эфенди и аджи (меккскіе поклонники) обоихъ родовъ, числомъ до шестидесяти; на юго-восточной—расположились бойцы *Чоудырскіе*; на сѣверо-восточной—ихъ *Игдырскіе* противники, окруженные своими. На южной сторонѣ находился возсѣдавшій на складномъ креслѣ кунакъ—*Анциарѣ*, а рядомъ съ нимъ, на травѣ—самъ Кади и юный *Абдалла*.

Больше сорока всадниковъ избраны были съ обѣихъ сторонъ, чтобы блюсти порядокъ и тишину. Сонму духовенства, повсюду занимающему патриархальное мѣсто уваженія, принадлежало обычное право и честь произносить роковые приговоры, рѣшающіе счастливое имя побѣдителя. По законамъ туркменскихъ понятій о борьбѣ, нужно только упасть одному, чтобы побѣда тотчасъ же провозглашена была удѣломъ другаго. Упасть, по понятіямъ народнымъ, значитъ — быть побѣжденнымъ; не принимается въ уваженіе, если боецъ упадетъ, запнувшись за что-либо или поскользнувшись: онъ все равно побѣжденъ. Вотъ почему воину необходимо держаться на ногахъ до послѣдней крайности; иначе — вѣчный позоръ неизбѣженъ.

Двое прислужниковъ внесли маленькій треножный столикъ (у Ногайцевъ — *сапрà*) и съ подобающею важностію поставили его предъ толпою судей-эфендіевъ: на столикъ поставили большую деревянную чашку, наполненную мелко-нарѣзанными кусочками жареной баранины и такими же кусочками мяски отъ перетопленнаго бараньяго сала. Каждый изъ бойцевъ, приготовляясь выступить на скользкое поприще борьбы, долженъ былъ съѣсть нѣсколько кусочковъ, вѣроятно, по Азіатскому обыкновенію, въ знакъ незлобія и мира. Знаюки силы и ловкости избранныхъ для состязанія бойцевъ, тоже совѣщались между собою о томъ, на кого должна была пасть изъ нихъ первая болзливая доля.... Обѣ стороны долго думали объ этомъ важномъ предметъ, пока не раздался ропотъ всеобщаго ожиданія и нетерпѣнія. Выборъ палъ...

Въ то же мгновеніе велпканъ, завернутый съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, былъ медленно, тихо, выведенъ на средину арены. Онъ остановился и съ минуту стоялъ неподвижно, какъ-бы желая освоиться съ новостью своего положенія. Всѣ взоры устремились на него: всѣ старались угадать, кто онъ, и, жарко споря между собою, ошибались. Многіе требовали ускоренія развязки; но флегматическій, неповоротливый проводникъ все еще медлилъ, желая, казалось, возбудить большее любопытство зрителей. Наконецъ, онъ

взялъ исполина подъ руку, и, по-прежнему, тихо, лѣнливымъ шагомъ подвелъ его къ судьямъ, предъ которыми туркменскій Голиафъ, не открывая своего таинственнаго вида, почтительно опустился на одно колено. Тогда нѣсколько словъ, пропесенныхъ вполголоса старѣйшимъ изъ эфендіевъ, съ длинною серебряною бородою, и, вѣроятно, заключавшихъ въ себѣ краткую молитву и благословеніе—дали знакъ, по которому боецъ поднялся на ноги не менѣе почтительно, подошелъ къ столику, взялъ нѣсколько кусковъ баранины, и съѣлъ ихъ подъ простынею; потомъ обратясь къ судьямъ, приложилъ правую руку къ своей груди—и возвратился на средину круга объ-руку съ представлявшимъ его проводникомъ....

Этотъ боецъ былъ изъ рода *Чоудыръ*.

Сильно и глубоко поражены были этою нѣмою сценою *Игдырскіе* знатоки. Ростъ избраннаго противною парти бойца изумлялъ ихъ и приводилъ въ нерѣшимость. Прошло четверть часа.... Ожидавшій соперника великанъ начиналъ бить ногою тактъ отъ скуки и нетерпѣнія. Еще нѣсколько мгновеній—и родъ *Игдыровъ* былъ-бы непремѣнно заклеименъ единодушнымъ и страшнымъ для всякаго названіемъ — *трусозъ!*... Но онъ не допустилъ себя до такого ужаснаго, торжественнаго посяганія, и, съ ропотомъ разхлынувъ направо и налѣво, далъ дорогу представителю, ведшему съ собой бойца, окутаннаго, подобно *Чоудырскому*, бѣлою простынею. Этотъ былъ хотя, по-видимому, и средняго роста, но плотнаго, крѣпкаго сложенія. Твердою поступью приблизился онъ къ мѣсту представленія, опустился, какъ и прежній, на одно колено, получилъ благосклонное разрѣшеніе, съѣлъ нѣсколько кусочковъ сала, приложилъ правую руку къ груди—и возвратился на мѣсто, гдѣ былъ его проводникъ....

До этой минуты они еще не замѣчали другъ друга, и ни тотъ, ни другой не зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, —какъ вдругъ быстро сорванныя съ нихъ проводниками простыни совершенно обнажили предъ зрителями атлетическія формы обоихъ, обличавшія несокрушимую крѣпость и силу....

Кому не случилось видѣть, какъ встрѣчаются два хищные

звѣря, рѣшившіеся растерзать одинъ другаго, тотъ едва-ли, не бывъ очевидцемъ, можетъ представить себѣ всю ярость и ненависть туркменскихъ бойцевъ, это невыразимое остервененіе и обоюдную жажду уничтоженія противника предъ лицомъ родныхъ, знакомыхъ друзей!—Колоссальный ростъ одного и его прочные, мощные члены, казалось, слиты были изъ мѣди; ширина плечъ и груди обещали силу и здоровье огромнаго вола. При этомъ рѣдкая пропорціональность формъ исполина до того была прекрасна, что зритель съ трудомъ могъ оторвать взоръ свой отъ этого страшнаго чловѣка. Противникъ его едва только могъ равняться ему до плеча; но за то ужъ какъ былъ онъ мускулистъ и крѣпокъ, какъ удивительно ловокъ и живъ, какъ отличался стройностью стана, пѣжностію пріятнаго не-азіатскаго лица и близкою кожи!... Премесь и заглядѣнье!

Въ воздухѣ завѣяли платки; но шгдѣ ни звука, ни шелеста, ни шопота: все безмолствовало, притаивъ дыханіе и обратившись въ напряженное зрѣніе. Торжественна была эта минута, когда противники, въ нѣсколькихъ шагахъ, измѣряли взорами другъ друга! Насмѣшливый великанъ улыбался надмѣнно, заранѣе увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ; но прекрасное, увлекательное лице его противника, ставшаго въ граціозную позу и спокойно сложившаго на высокой груди свои бѣлыя руки, выражало надежду и отважность. Свѣтъ и вѣтеръ раздѣлены были по-ровну между обоими; перевязи, прикрывавшія среднія части тѣла и состоявшія изъ весьма искусно подобранныхъ внутрь *станъ*, представляли какъ тому, такъ и другому, одинаковыя удобства въ борьбѣ и нападеніи....

Съ быстротою и легкостію серны красивый *Игдырецъ* первый измѣнилъ свою граціозную позу, и сдѣлавъ первое нападеніе, какъ эластическій шаръ эфирно отпрыгнувъ далеко въ сторону отъ бросившагося на него въ то же мгновеніе исполина. Завязалась рѣзвая, забавная, безконечная игра кошки съ мышью, игра, начинавшаяся нѣсколько разъ и всегда оканчивавшаяся необыкновенными антрша и воздушною ловкостію

одного, удачно и непостижимо избѣгавшаго яростныхъ усилій другаго, тщетно старавшагося схватить на-лету свою жертву. Здѣсь, какъ и всегда, въ этотъ періодъ борьбы, перевѣсъ былъ на сторонѣ хладнокровія и проворства. Мудрено пере-сказать, съ какимъ рѣдкимъ, невиданнымъ искусствомъ была ведена эта бѣшеная игра, раздражившая мощнаго силача до послѣдней степени остервенѣнія, и—напротивъ—все болѣе и болѣе занимавшая его веселаго, неустойчиваго противника, который со всякимъ прыжкомъ становился все легче и легче, отважнѣе и живѣе. То подкрадывался онъ къ противнику на самое ближайшее разстояніе, съ быстротою молніи забѣгая сзади, или дразнилъ его почти предъ самыми глазами; то вихремъ кружился около него, катался колесомъ, становился на руки вверхъ ногами—и неумовимо ускользалъ, замѣтивъ малѣйшее невыгодное движеніе разсвирѣпѣвшаго непріятеля; то дѣлалъ онъ изумительныя прыжки черезъ голову, безвредно становясь на землю, какъ ни въ чемъ и не бывалъ; то иногда покушался даже прыгнуть на плечо великана, и, перекувырнувшись на воздухъ, катился потѣмъ опять черезъ голову, какъ шаръ.

Но вотъ вы едва замѣтили, какъ они столкнулись, едва замѣтили, какъ сплелись они рука съ рукою, свились клубомъ, какъ змѣи.... и понеслись!... Уже ничто не въ состояніи было ихъ разнять, ничто не могло остановить этой варварской борьбы и ожесточенія: и то и другое лице, теперь равно было ожесточено злобою и гнѣвомъ. Какъ голодные волки рвутъ свою добычу, такъ два бойца—Туркмена рвали другъ друга желѣзными руками, вихремъ кружась по аренѣ. Напряженные члены и кровью налившіеся глаза ихъ, казалось, готовы были поминутно лопнуть; конвульсивно сжатыя губы, покрытыя кровавою пѣною и потѣмъ, шептали проклятія. То они готовы были оба рухнуть на землю; то высоко взбрасывали одинъ-другаго на воздухъ, не выпуская изъ рукъ; то тяжело, судорожно падали на колѣна, стараясь изломать замертво стиснутые члены; то снова становились на ноги, снова начинали безконечную борьбу—и снова кружились, снова неслись въ сумасшедшемъ остервенѣніи. Любо и трепетно

было смотрѣть на это бѣшенство! Можно было положительно сказать, что здѣсь дѣло шло скорее о смерти, нежели о жизни.... Слышно было даже, какъ трещали вывертываемыя руки и ноги—и каждый изъ зрителей легко предвидѣлъ, что, безъ внимательства стражи, обезумѣвшіе бойцы оба должны были остаться на-мѣсть до грозной трубы Азраэля....

Между тѣмъ, къ общему изумленію, совершенно неожиданнѣйшій оборотъ приняла эта дикая пытка силы и искусства. Въ самое рѣшительное мгновеніе, когда только-что собравшій всѣ свои силы исполнивъ готовился сломать или раздавить своего противника, тотъ счастливо успѣлъ высвободиться изъ удушавшихъ его объятій, сдѣлавъ легкое движеніе впередъ, потѣмъ съ непостижимымъ проворствомъ перекинулся назадъ—и громадный *Чоудирскій* колоссъ, словно чудомъ поднятый на воздухъ, стремглавъ полетѣлъ черезъ его голову, и въ двухъ саженьяхъ всею тяжестью тѣла ударился о землю.... Дикая кошка на похитителя дѣтей своихъ, или только испуганная внезапнымъ шорохомъ бѣлка—можетъ прыгнуть такъ, какъ прыгнуть на него побѣдитель!...

Яростно заволновались ряды гостей-черни. Одни торопились удержать побѣду за *Игдырцемъ*; другіе—сбросить, измѣять, раздавить торжествующаго бойца-непріятеля. Все закипѣло буйствомъ и бранью. Натѣзники смѣшались съ пѣшими зрителями, и малочисленной стражѣ весьма трудно было удержать бѣснующееся невѣжество въ границахъ прежняго порядка. Только громкія увѣщанія самого *Юсуфа-Къди* могли утишить волненіе. Одни торжествовали побѣду, другіе пылали ненавистью и мщеніемъ. Бойцы были уведены каждый въ свою сторону, а имя одержавшаго верхъ огласилось въ воздухъ воплями и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ человѣкъ!...

За первую парю слѣдовали другая, третья и т. д., до двѣнадцати. Каждая пара бойцевъ выходила на арену тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и первая, и отличалась тѣмъ же, а иногда еще и большимъ звѣрствомъ и беспощадностью, пока кто-либо изъ бывшихъ не оставался побѣдителемъ. Многимъ изъ любителей нравилась «лежачая борьба», происходившая у двухъ или трехъ паръ. На нашъ взглядъ—ни

что не можетъ быть ужаснѣе этого боя. Ожесточеніе въ борьбѣ этой достигаетъ иногда съ обѣихъ сторонъ до того, что противники, въ забытіи и изступленіи, рвутъ другъ-друга зубами и ногтями, или, въ припадкѣ величайшаго бышенства и безсилія, грызутъ землю и вырываютъ руками огромныя куски дерна! Въ такихъ крайнихъ случаяхъ присутствующіе спѣшаютъ ихъ рознять; но, бывали случаи, рассказываютъ, что рознятые бойцы вымѣщали неудовлетворенную злобу свою на миротворителяхъ, какъ смогли, не имѣя права и возможности продолжать прерванную битву. Иногда, случается, побѣжденный боецъ по чувству-ли самоохраненія, или будучи трусливѣе своего противника, если удастся, катится по аренѣ въ забавное бѣгство.... Лежащая борьба, сколько можно судить о ней по двумъ-тремъ примѣрамъ, требуетъ невѣроятной ловкости и силы: здѣсь уже нѣтъ никакой надежды ни на быстоту ногъ, ни на случайности, прерывающія часто гимнастическія упражненія удалцовъ въ самомъ началѣ.

Послѣ борьбы, заключившей собою всю игру, кругъ зрителей сдвинулся тѣснѣе. *Юсуфъ-Киди* ввелъ въ него за одну руку жену свою, съ невообразимою щедростію украшенную золотомъ (*), и маленькаго *Абдаллу*, безсознательно и кротко озиравшася на сжатые массы гостей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ произнесъ *Юсуфъ* рѣчь свою къ духовенству и народу, объяснилъ въ ней свои домашнія обстоятельства, и, коснувшись слегка свершенія извѣстнаго числа лѣтъ *Абдалль*, замѣнявшему до тѣхъ поръ сына и дочь, объявилъ, что теперь, по этому случаю, онъ охотно и съ радостію готовъ пожертвовать имъ на служеніе Аллаху, начавъ съ обученія дитяти, какъ заведено, священнымъ книгамъ и письму. Горькими слезами окончилъ онъ свои слова; тоскливая *Мендъ* отвѣчала ему неутѣшнымъ рыданіемъ, трогавшимъ душу.... *Абдалла* едва-ли понималъ, что онъ одинъ причиною всего этого гѣря, и самъ плакалъ, глотая

(*) Бѣлый канаусовый *тастаръ* ся былъ въ нѣсколько рядовъ обшитъ по всѣмъ краямъ золотыми монетами, не говоря уже о другихъ частяхъ щегольскаго—по туркменскимъ понятіямъ—наряда. Все на ней блистало золотомъ, парчею и шелкомъ!

свои слезы.... Тогда старѣйшій изъ ефендіевъ на рѣчь *Юсуфа* отвѣчалъ утѣшительною, не менѣе сильною и вразумительною рѣчью. Народъ, не за-долго предъ тѣмъ жаждавшій варварскихъ зрѣлищъ, жался теперь, ловя каждое слово; многіе плакали. Трогательна была эта сцена, рѣшившая на всегда участь роскошныхъ волосъ *Абдаллы!*

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ угощеніи. Оно, какъ требуютъ обычаи, состояло изъ конскаго и бараньяго мяса, приготовленнаго еще на-канунъ. Приготовление состоитъ въ томъ, что сварятъ, что слѣдуетъ, въ котль, безъ всякой приправы, изрѣжутъ мелко-на-мелко—и дѣло съ концемъ. Сначала чинными рядами расположились было на мягкой муравѣ проголодавшіеся гости, предъ которыми, по распоряженію хозяина, немедленно очутились цѣлыя батареи деревянныхъ чашекъ съ *бишь-бармакомъ*. Пока все еще шло благополучно, и одинъ разъ даже совершенно счастливо удалось прислуживавшимъ обнести первые ряды; но, послѣ того, вполонину насыщенные гости заблагоразсудили подняться на ноги и, при первомъ появленіи второй порціи, отважно броситься на похищеніе.... Началась страшная свалка. Кулакъ и плеть дѣйствовали дружно, повсюду отбивая аппетитную добычу и сбивая съ ногъ все, рѣшавшееся на опасное сопротивленіе. Малочисленная прислуга, видя буйный напоръ толпы и получая, не вѣдомо за что, щедро сыпавшіеся отвсюду полновѣсные удары и толчки, пустилась со всѣхъ ногъ въ благоразумное бѣгство.... Это голодное сумасшествіе свирѣпствовало до тѣхъ поръ, пока все на-чисто было опорожнено, пока груды брошенныхъ чашекъ не напомнили бѣснующимся, что обѣдъ былъ окончательно съѣденъ. Такъ заключилась на этотъ разъ—въжливость и обжорство!

Послѣ обѣда, гости, какъ водится, выкурили по трубкѣ табаку, при чемъ почетные выпили по чашкѣ кымызу, и потомъ, не поблагодаривъ даже хозяина за приглашеніе и пріемъ, съѣли на коней,—а чрезъ пять минутъ были уже далеко, джигитуя въ разсыпную....

Агавангель Архиповъ.

ПИСЬМО

БАРОНА Г. А. ФОНЪ-РОЗЕНКАМПФА

ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА

КЪ ГРАФУ К. ЗАМОЙСКОМУ

ВЪ ВАРШАВУ.

(Письмо это въ Русскомъ переводѣ доставлено было для помѣщенія въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, но не было въ немъ напечатано; мы не думаемъ однако же оскорбить скромности издававшего этотъ журналъ Г. И. Спасскаго; напечатаніемъ этого письма и сдѣланныхъ имъ, по желанію нашему, на него примѣчаній, въ *Москвитяинѣ*, а напротивъ надѣемся чрезъ то воздать ему должное, равно какъ и покойному Барону Г. А. Фонъ-Розенкампу, извѣстному любителю археологическихъ изысканій, между прочимъ, по сочиненію его: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ», который пріобрѣтаетъ теперь еще новое право на уваженіе, столь живымъ сочувствіемъ въ письмѣ своемъ къ истиннымъ заслугамъ и полезнымъ трудамъ. Ред.).

Въ доказательство моего къ Вамъ уваженія посылаю Вамъ тетрадь картъ и рисунковъ, изданныхъ здѣсь и принадлежащихъ къ большому статистическому сочиненію о Сибири. Оно явилось первое послѣ великаго промежутка, для продолженія извѣстій объ этой странѣ, которыми обязаны мы *Миллеру*, *Фишеру*, *Георгію* и *Герману*. Издатель этого сочиненія, выходящаго періодически, подъ названіемъ *Сибирскаго Вѣстника*, Григорій Ивановичъ Спасскій, почтенный чиновникъ, долго жившій въ Сибири, и который, въ продолженіи того времени, обозрѣлъ ее въ разныхъ направленіяхъ, съ постояннымъ намѣреніемъ лучше узнать эту страну. Не имѣя

еще славы упомянутых Академиковъ, онъ не менѣ ихъ основателенъ, и очень вѣренъ въ своихъ описаніяхъ, пишетъ правильно и ясно. Онъ во многихъ отношеніяхъ исправляетъ своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ, и, что всего болѣе, особенно любить свой предметъ. Онъ продолжаетъ его на свой счетъ, чему минуло уже 7 лѣтъ; матеріаловъ у него вдвое или втрое противъ того, сколько издано. Можетъ быть надобно бы составить 50 такихъ книгъ, чтобы совокупить все существующее и самые любопытные предметы, встречающіеся въ этомъ новомъ мірѣ, который можно назвать сѣвернымъ *Перу*, и который теперь, говоря географически, есть продолженіе сѣверной Индіи.

Вы много обогатите ученый свѣтъ, сверхъ удовольствія, которое мнѣ доставите распространеніемъ извѣстности объ этомъ изданіи, которое достойно искуснаго переводчика, умѣющаго воспользоваться предметами, непосредственно занимательными для иностранцевъ; хотя въ немъ нѣтъ ни одной строки, которая не заслуживала бы внимательнаго чтенія во Франціи и во всей Англіи. (*) Вскорѣ вы и сами въ томъ убѣдитесь изъ этого изданія, которое не замедлю къ вамъ доставить, сколько его до-нынѣ вышло. Между тѣмъ разсмотрите посылаемую тетрадь. Вы найдете въ ней между прочимъ изображенія древностей и вступленіе въ исторію Сибири; руны, надписи, до сихъ поръ никѣмъ не разобранныя, кумиры не извѣстные и мѣстнымъ язычникамъ; огромныя гробницы, въ которыхъ найдены разныя вещи, сосуды, оружія и проч., доказывающія роскошь своего времени; орудія древней Чуди, служившія

(*) Нѣкоторые изъ любознательныхъ иностранцевъ предупредили желаніе почтеннаго автора этого письма, или отчасти и сочувствовали ему, напечатаніемъ переводовъ изъ Сибирскаго Вѣстника, именно: въ *Journal des Savants* (Oktobre 1822) о древнихъ Сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ; въ *St. Petersburg Zeitschrift* (1824) Путешествія по Алтайскимъ горамъ; въ *Conservateur Impartial* (1824) Описанія Бурятовъ; все эти сочиненія принадлежатъ самому издателю. Сверхъ того извѣстныя оттуда же разныя статьи помѣщены: въ *Journal des Voyages*, въ *Дневникъ Виленскій*, въ *Мониторъ Варшавскій* и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Англіи.

для разработыванія рудниковъ; наконецъ развалины большаго города и многихъ зданій, когда-то обитаемыхъ народами, древнѣйшими Татаръ и Остяковъ, но о которыхъ не осталось никакого преданія, кромѣ лишь ихъ имени.

Все это будетъ занимательно для ученыхъ и путешественниковъ, которые вздумаютъ обозрѣть эти мѣста, подъ руководствомъ сказаннаго изданія. Что касается собственно до меня, то, не бывъ ни антикваріемъ, ни нумизматомъ, ни изслѣдователемъ языковъ, я ищу только положительнаго въ древнемъ и новомъ законодательствѣ для сближенія общежительныхъ отношеній минувшихъ вѣковъ съ настоящимъ, потому что нельзя хорошо узнать однихъ, не углубясь въ другіе. И въ этомъ отношеніи изданіе, продолжаемое Г. Спасскимъ, содержитъ также весьма занимательныя извѣстія, которыя, какъ надѣюсь, въ слѣдующихъ книгахъ еще болѣе будутъ развернуты. Внимательность моя къ Сибирской Исторіи и къ объясненіямъ, которыми даритъ насъ авторъ, возбуждена была теперь чтеніемъ Лѣтописи XVII вѣка, спустя около 50 лѣтъ по завоеваніи этой страны сочиненной Ильею Ремезовымъ (*). Онъ не увлекательный историкъ нашего времени, но его читаешь съ болѣе большимъ удовольствіемъ, нежели все недавно изданное объ этомъ предметѣ, потому что нашъ лѣтописецъ ограничивается только однѣми событіями, и излагаетъ ихъ съ простодушіемъ, принадлежащимъ только убѣжденію въ истинѣ. Повѣствованіе о завоеваніи Сибири есть

(*) Эта Лѣтопись называется еще и Тобольскою. Она составлена сыномъ боярскимъ Семеномъ Емельяновымъ Ремезовымъ и дѣтьми его Леонтиемъ, Семеновомъ и Иваномъ, и находится въ С. Петербургской Академіи наукъ; откуда и авторъ письма могъ ею пользоваться, а что вѣроятно, то онъ извлекъ сообщенія имъ извѣстія изъ Лѣтописи позднѣйшаго времени, Ильи Черепашова, въ которую почти вполнѣ внесена со всеми излишествами и недостатками Лѣтопись Ремезовыхъ, или даже отчасти Исторіи Миллера и Карамзина. Лѣтопись Ремезовыхъ не имѣетъ такого достоинства, какъ Саввы Есипова и названная Карамзинымъ Строгановскою, хотя она принадлежала Г. И. Спасскому и получена имъ отъ него чрезъ А. Н. Оленина. Она наполнена множествомъ пустыхъ выдумокъ и украшена плохими картинками. Все же надобно бы и ее напечатать.

вмѣстѣ и жизнеописаніе знаменитаго челоѣка, котораго два изображенія вы увидите въ началѣ тетради, сдѣланныя по современнымъ ему рисункамъ : на одномъ представленъ онъ въ одѣяніи военачальника, съ почетными знаками на груди. Въ этомъ одѣяніи принималъ онъ въ завоеванной столицѣ князей и данниковъ, покоренныхъ имъ Россіи. На другомъ изображеніи онъ представленъ въ вооруженіи, въ которомъ являлся на сраженіе.

Ермолай, или, какъ сокращенно называли его Донскіе казаки, Ермакъ, принадлежитъ также къ небольшому числу людей, производящихъ великія дѣла съ малыми средствами, и при томъ такими, которыя онъ самъ создалъ, и которыми умѣлъ дать цѣну хорошо направленнымъ своимъ умомъ, и тою непреложною силою воли твердой и постоянной, отличающей людей необыкновенныхъ во всѣхъ вѣкахъ.

Взгляните на карту N 1, представляющую обширность сграны, покоренной Ермакомъ съ 5 или 6 тысячами козаковъ. Весьма ошибся бы тотъ, кто, слѣдуя нѣкоторымъ писателямъ, не знавшимъ хорошо источниковъ, увидѣлъ бы въ Ермакѣ только смѣлаго мятежника, который, предводительствуя шайкою отважныхъ разбойниковъ, получилъ случайно землю почти пустую и худо защищаемую невѣждами Татарами. Подлинно то, что онъ и его Донскіе товарищи, стѣсняемые въ своихъ древнихъ правахъ и образъ управленія, воеводами, можетъ быть превосходившими еще ихъ грабительствомъ, удалились во внутренность государства, и по рубежу отъ станицы до станицы достигли Пермской области, смежной съ Сибирью (*). Тамъ жилъ Максимъ Строгановъ, ввукъ Аники (съ Семеномъ и Никитою Строгановыми же). Онъ увидѣлъ въ Ермакѣ челоѣка, способнаго взяться за исполненіе обширнаго плана,

(*) Такая мысль, не оправдываемая ни Лѣтописями, ни преданіями, принята, можетъ быть, авторомъ письма для того, чтобы болѣе облагородить имя Ермака, сокрытіемъ старыхъ его грѣховъ на Волгѣ, въ чѣмъ онъ впрочемъ ни сколько не нуждался послѣ славныхъ дѣлъ, совершенныхъ имъ въ Сибири и обезсмертившихъ его имя.

начертаннаго имъ самимъ. Строгановъ помогъ ему своими свѣдѣніями и средствами, имѣя всегда въ виду пользу Россіи и своего Государя, предвареннаго уже объ атомъ походѣ. Не должно также думать, что Татары и князья ихъ были гораздо менѣе образованы, чѣмъ Русскіе того времени. Напротивъ того, страна была не менѣе населена пынѣшнѣго. Жители находились подѣ властію хана (Кучума), имѣя свои обычаи и законы. Они имѣли также общины (*communes*) съ правомъ участія въ правленіи; вели торговля связи съ Востокомъ, откуда получали предметы роскоши въ замѣнъ своего скота, рыбы, особливо зѣриныхъ мѣховъ, которыя продавались дорого. У нихъ было и огнестрѣльное оружіе, даже пушки, и укрѣпленныя мѣста, сверхъ личной ихъ храбрости. Словомъ, у нихъ не было недостатка въ средствахъ, ни въ желаніи защищаться отъ непріятныхъ сосѣдей, которыхъ они часто отражали. Они, вѣрно, отразили бы войско въ 10 кратъ больше того, какое было у Ермака, если бы не этотъ витязь былъ начальникомъ его. Они покорились лишь его высокому духу. Между тѣмъ онъ въ 6 сраженіяхъ разбилъ хана, имѣвшаго время приготовиться. Ермакъ всегда гнался за нимъ по слѣдамъ, всегда одерживалъ надъ нимъ побѣду, и не давая ему отдыха, пока не отнялъ у него столицы и всѣхъ укрѣпленій. И такъ онъ умѣлъ не только истребить войско своего непріятеля, но, что составляло гораздо большую трудность, умѣлъ укрощать собственное войско и подчинилъ своихъ казаковъ строгому порядку. Никто изъ нихъ не смѣлъ пуститься на грабежъ, подѣ опасеніемъ смертной казни; и онъ никогда не позволялъ грабить тамъ, гдѣ не было сопротивленія. Не читавъ *Виргилія*, онъ зналъ правило Римскаго поэта *pacere subjectis et divellere superbos* (щадить покорившихся и низлагать гордыхъ), что въ положеніи Ермака гораздо труднѣе было ему сдѣлать, нежели *Виргилію* свой прекрасный стихъ. Князь и его дворяне, начальствуя надъ своимъ народомъ, должныствовали содержать отъ себя войско этого завоевателя, которое отъ непрерывныхъ сраженій ежедневно умньшалось, но котораго храбрость и слава умножались въ тойже степени.

Какъ скоро какое-либо сословіе или кто порознь присягнули Царю, въ такомъ случаѣ они лично и съ имѣніемъ своимъ, пользовались полною безопасностію. Онъ сдѣлалъ еще болѣе— умѣлъ владѣть самимъ собою. Когда ему привели красавицу, дочь одного изъ покоренныхъ князей Елизея, какъ говоритъ Лѣтопись, то онъ, не зная по-латыни, поступилъ какъ Римскій полководецъ Циціонъ, отослалъ ее къ отцу ея, не прикоснувшись къ ней. Ни одинъ изъ казаковъ его не смѣлъ, подъ смертною казнію, брать татарскихъ женъ, ни входитъ внутрь ихъ жилищъ, а если кто уличенъ былъ въ сообщеніи съ татаркою, даже безъ всякаго насилія, то долженъ былъ очищаться покаяніемъ предъ всѣмъ войскомъ, по всей строгости установленныхъ на то правилъ. Онъ требовалъ наблюденія какъ великаго и малаго поста, такъ и другихъ церковныхъ правилъ на всякомъ мѣстѣ, и священникамъ, сопутствовавшимъ съ ними, оказываемо было величайшее уваженіе. Наконецъ, онъ предоставлялъ всякому народу, Татарамъ, Остякамъ, Вогулчанамъ и пр., исполнять свои законы вѣры и обычаи. Такимъ образомъ, внушая въ одной степени довѣріе и страхъ къ себѣ, Ермакъ уже не встрѣчалъ болѣе препятствій. Онъ ограждался, какъ говоритъ лѣтописецъ, выгоднымъ о себѣ имѣніемъ, сильнѣйшимъ его войска; и такое его поведеніе, соблюдаемое въ продолженіи 6 лѣтъ, доказываетъ, что онъ былъ не то, что счастливый разбойникъ, или старшина Афгановъ, который проситъ у васъ учтиво вашего черепа, чтобы привязать его къ барабану. Онъ заключалъ въ себѣ свойства истиннаго законодателя, и при другихъ обстоятельствахъ содѣлался бы имъ: *ex ungue leonem*. Донесеніе его, посланное Царю по покореніи всѣхъ этихъ земель, съ прошеніемъ прислать кого-либо для принятія ихъ во владѣніе и управленіе, писанное имъ своеручно, исполнено достоинства. Рѣчь, говоренная имъ, когда товарищи его, видя войско, истощенное побѣдами до 600 человекъ, хотѣли возвратиться въ Россію или приблизиться къ подмогъ, которой они ожидали, столь же сильна, какъ рѣчь Аннибалова въ Тивъ

Ливіи (*). Ермакъ умѣлъ пользоваться своими выгодами лучше этого славнаго вождя. Занявъ Сибирскую столицу, навсегда истребилъ владычество хана, покореннаго Россіи, простиравшееся, какъ вы видите на картѣ N 1, на 1000 верстъ въ длину и 700 верстъ въ ширину, слѣдуя по теченію рѣкъ Оби, Иртыша, Туры и пр. Счастіе осыпало его своими дарами, пока не окончились его подвиги, чрезъ достиженіе своей цѣли. 1584 г. 6 Августа (завоеваніе началось весною 1578 г.), онъ выступивъ на встрѣчу каравану, ожидающему изъ Бухаріи; остановился почти съ 300 казаковъ для ночлега при устьѣ Вагая, впадающаго въ Иртышъ, сомнѣваясь, чтобы ханъ, который не смѣлъ напасть на него въ чистомъ полѣ съ нѣсколькими тысячами Татаръ, отважился на то здѣсь съ другой стороны двѣхъ рѣкъ, и тѣмъ болѣе, чтобъ было мѣсто, гдѣ онъ могъ перейти въ бродъ столь широкою рѣку, какъ Иртышъ. Но ханъ воспользовался темнотою ночи, и

(*) Донесеніе, или лучше сказать, повинная. Царю Ивану Васильевичу отъ Ермака, вѣроятно, издвѣія Ремезовыхъ, — потому что ни чѣмъ не доказывается, чтобы Ермакъ былъ даже грамотный человекъ, — вовсе не имѣетъ никакого достоинства; но рѣчи, говоренныя имъ или его товарищами, и тоже, безъ сомнѣнія, сложенныя самими летописцами, довольно замѣчательны, какъ, напримеръ, та, которая произнесена при упомянутомъ нашимъ авторомъ случаѣ: «О братія наша единомысленная, како намъ бѣжати? уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается, не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укориши на себѣ не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога; не отъ многихъ бо вои побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы, братія, сами, колико зла сотворихъ безбожнии они и окаянии Агаряне Сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей Русской Пермстей земли, Государевымъ городомъ запустѣніе, и православнымъ Христіаномъ постыченіе и плѣненіе велие, и Строгановыхъ острожкомъ колпико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мститъ имъ окаяннымъ за кровь ихъ хрестыянскую. Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, како мы честнымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣты и слово свое даша, и увѣришеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико Всемогій Богъ намъ помощи подастъ; а отиудъ не побѣжати, хотя до единого всѣмъ умрети; а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщавомся. Аще намъ Всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и во смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.»

стражи Ермака, при печальномъ на нее нападеніи вся была перерѣзана. Вскорѣ Татары окружили со всѣхъ сторонъ эту горсть сонныхъ людей, и пробились до самой ставки Ермака. Шумъ разбудилъ его. Онъ схватываетъ свое оружіе и пробивается сквозь непріятеля, поражая его. Ни одна изъ стрѣлъ, осыпавшихъ его, не ранила его. Онъ достигаетъ другаго берега рѣки, гдѣ ждали его суда. Тамъ онъ бросился на ближайшее, но, остушившись мимо доски, падаетъ въ рѣку. Обремененный двумя кольчугами, не могъ онъ выплыть и исчезъ въ водѣ. Остальные казаки перебиты. Одинъ лишь только остался, чтобы принести въ Сибирь вѣсть объ этомъ несчастіи. Татары не знали, что послѣдовало съ Ермакомъ, и уже на другой день рыбаки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, закинувши сѣти, вытянули утопшаго, въ которомъ тотчасъ узнали Ермака. Объявлено было въ сосѣдствѣ. Самъ ханъ прибылъ туда. Сначала всѣ обрадовались при видѣ мертваго тѣла непобѣдимаго человѣка, котораго уже считали властителемъ во всей странѣ, и положи тѣло на возвышенномъ мѣстѣ, бросали въ него стрѣлы въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Отсюда передаю я вамъ почти слово въ слово лѣтописца. По удовлетвореніи первыхъ чувствованій мести, вдругъ всѣ Татары, какъ бы по вдохновенію, предались живѣйшему раскаленію. Они повергаются предъ тѣломъ Ермака на землю, и онъ имъ кажется не врагомъ, но чѣмъ-то выше человѣка, котораго они оплакиваютъ кончину; родилось сожалѣніе, что не избрали своимъ властителемъ того, который во время своей жизни явилъ имъ столько же доказательствъ своей правоты, сколько силы и храбрости. Его предають погребенію съ величайшими почестями, заколають въ жертву на его могилѣ 30 быковъ и 10 барановъ; разделяютъ между собою его оружіе и одѣяніе, спорятъ между собою о раздѣлѣ столь драгоцѣнныхъ остатковъ послѣ Ермака. Всякую субботу, будто бы видно было пламя, выходившее изъ земли того мѣста, гдѣ лежала голова Ермака; а въ родительскія субботы, когда совершается по обрядамъ Греческой церкви поминовеніе усопшихъ, то же самое пламя являлось въ видѣ столба.

Лѣтописецъ, жившій, какъ выше сказано, спустя 50 или 60 лѣтъ послѣ этихъ событій, простодушно увѣряетъ, что явленія эти и тогда еще продолжались, но только все это видели одни Татары, а не Русскіе, которые даже не знаютъ, гдѣ погребенъ этотъ храбрый витязь. Онъ же увѣряетъ, что Калмыцкой тайша Аблай исцѣлился отъ тяжелой болѣзни, напившись воды смѣшанной съ землею, взятою съ могилы Ермака; о чемъ, какъ и о другихъ случившихся съ нимъ происшествіяхъ засвидѣтельствовалъ приложеніемъ своей печати.

Вы видите, что добрые Татары, при всемъ простодушіи своемъ, чувствовали заслуги этого мужа, которыхъ долго не помнило собственное его отечество. И никакой памятникъ не свидѣтельствуетъ еще народной признательности за столь знаменитыя оказанныя имъ услуги, которыхъ слѣдствія, важныя для Россіи, раскрываться будутъ отъ вѣка въ вѣкъ (*). Но у побѣжденных имъ народовъ, которыхъ онъ лишилъ независимости, сохранилось о немъ доброе мнѣніе, и онъ сдѣлался предметомъ народныхъ пѣсней и преданій. Цицеронъ сказалъ правду: *Vita hominum in memoria populorum*—жизнь людей въ памяти народовъ, и нашъ Державинъ: заслуги въ гробѣ созрѣваютъ.... великіе мужи возрастаютъ по смерти. Существенное дѣло въ томъ, чтобы совершить подвигъ, о которомъ люди должны вспомнить. Привѣтствуйте, пожалуйста, этого великаго мужа XIV вѣка, котораго мы еще такъ мало знаемъ.

Съ франц. В. Анастасевичъ.

(*) Памятникъ Ермаку поставленъ 18 Октября 1838 года въ Тобольскѣ. Въ Временникъ (1849, кн. 3.) помѣщено описаніе его и приложенъ точный чертежъ.

2 Октября 1894 г.

Указъ о городской вѣдѣ.

Указъ о запираніи въ Бѣлой городъ воротъ въ ночныхъ часѣхъ, и въ саняхъ на возжахъ возницамъ не ѣздить, 191-го года. Стольники, и Полковники, и Стряпчіе, и Дворяня Московскіе, и Жильцы, и всякихъ чиновъ люди! Великіе Государи, Цари и Великіе Князи: Іоаннъ Алексѣевичъ; Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, велѣли вамъ сказать:

Нынешняго $\frac{1722}{191}$ -го года Генваря съ $\frac{2}{3}$ -го числа, указали они, Великіе Государи. Бѣлой городъ съ вечера запираеть въ началѣ $\frac{1}{4}$ часа ночи, и съ того часу въ Бѣлой городъ никого конныхъ и пѣшихъ не пропускать, а изъ города всякихъ чиновъ людей, кто куда ѣхать или итти похочеть, пропускать безъ задержанья; а съ утра городъ отпирать за часа до свѣта. Да вамъ же указали Великіе Государи сказать: вѣдомо имъ, Великимъ Государямъ, учинилось, что изъ васъ многіе учали ѣздить въ саняхъ на возжахъ съ бичами большими, чего никогда не повелось, и вѣдучи по улицамъ и по переулкамъ небреженіемъ людей побиваютъ; и впредь бы вамъ съ сего времени въ саняхъ на возжахъ не ѣздить, а ѣздить съ возницами по прежнему обычаю, чтобъ отъ того никакимъ людямъ увѣчья не было.

А буде кто изъ васъ впредь учнетъ такъ ѣздить, и тѣхъ людей указали Великіе Государи на караулахъ въ воротахъ имать, и приводить въ Стрѣлецкой Приказъ, и за то людямъ вашимъ чинить жестокое наказанье. И вамъ бы о томъ Великихъ Государей указъ вѣдать, и въ саняхъ ѣздить съ возницами, а не на возжахъ!

Да Великіежъ Государи указали васъ, Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, которые по ихъ, Великихъ Государей, указу днюютъ въ верху, въ палатахъ по вся дни смотреть по часту; Стольникомъ же, которымъ въ дневанье приказано, чтобъ вы всякой въ свое дневанье были на ихъ Государевъ дворъ въ указныхъ палатахъ всѣ, и надъ вами смотреть, чтобъ вы въ указныхъ палатахъ всякой въ свое дневанье сидѣли смирно, и межъ себя безчинства и шуму никакова и брани не чинили; а буде учнетъ кто какое безчинство чинить и шумѣть, или межъ себя браниться, и такихъ людей велѣно имъ присылать въ Розрядъ. И вамъ бы впредь одволично въ указныхъ палатахъ быть всѣмъ, а безчинства никакова ни чинить, и шуму бѣ и брани межъ себя у васъ отнюдь не было.

$\frac{1722}{191}$ -го Генваря въ $\frac{1}{4}$ день сей Великихъ Государей указъ записанъ въ книгу; а тѣмъ всѣмъ чинамъ сказано за переградю сегожъ числа, и посланы о томъ для вѣдома памяти въ Стрѣлецкой, Земской, въ Ямской Приказы, и чтобъ Черныя слободы конные охотники и всякихъ чиновъ люди, которые извозничаютъ, на возжахъ не ѣздить.

(Доставлено П. И. Ивановымъ.)

Измѣняется ли климатъ съ теченіемъ времени?

Вопросъ, поставленный мною въ заглавіи этой статьи, раздѣляетъ ученыхъ изслѣдователей природы на двѣ партіи: одни отвѣчаютъ на него прямо и утвердительно, другіе отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, уклоняются отъ прямого отвѣта. Первая партія гораздо сильнѣе послѣдней, потому что къ ней, кромѣ специальныхъ естествоиспытателей, присоединяется почти вся остальная часть *разсуждающаго чело-вѣчества*, которая, при этомъ, гораздо болѣе довѣряетъ собственной опытности, — собственнымъ *поверхностнымъ* наблюденіямъ, — (да не оскорбятся этимъ эпитетомъ тѣ изъ читателей, которые не причисляютъ себя къ специальнымъ естествоиспытателямъ), — чѣмъ строгимъ выводамъ Метеорологовъ и Климатологовъ. — Причина, по которой специально-ученые не сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ, заключается въ томъ, что правильныя метеорологическія наблюденія, на которыхъ можно бы было основать окончательное рѣшеніе выставленнаго мною вопроса, ведутъ свое начало съ недавняго времени. Причина же огромнаго большинства одной изъ этихъ партій, можетъ стать, объяснится для многихъ послѣдующими строками этой статьи. Что касается моего собственного убѣжденія, — если оно для кого-нибудь интересно, — то я высказалъ его въ одномъ изъ положеній, которыя въ 1848 году защищалъ публично въ здѣшнемъ Университетѣ; передаю его здѣсь слово въ слово: «Измѣненія земной поверхности, происходящія отъ истребленія лѣсовъ, осушенія болотъ и пр. вообще отъ обработыванія почвы, не производятъ столь замѣтной перемѣны въ климатъ мѣстъ, которую имъ обыкновенно приписываютъ. Разказы древнихъ о суровости «климата Германіи слишкомъ преувеличены». — Изъ этихъ словъ читатели видятъ, что я не принадлежу къ большинству, но, выражая свое мнѣніе въ отрицательной формѣ, не могу быть причисленъ и къ крайней лѣвой сторонѣ. Заключение, выведенное посредствомъ *наведенія* (*inductio*), отъ частныхъ примѣровъ къ общему правилу, по моему

мнѣнію, и не должно быть выражаемо въ такой же формѣ, въ которую облекаются абсолютно-вѣрные истины, исключая тѣхъ случаевъ, когда примѣры, служащіе основаніемъ къ заключенію, попадаются ежеминутно, на каждомъ шагѣ. Въ защиту своего положенія и указывалъ на такія явленія, которыя несомнѣнно замѣчены были древними и переданы потомству историками въ определенныхъ и точныхъ выраженіяхъ, ссылаясь на явленія, ежедневно повторяющіяся и по этому не подлежащія никакому сомнѣнію, — на крутыя и быстрыя перемѣны погоды, случавшіяся и на нашей памяти, — въ слѣдствіе которыхъ одинъ и тотъ же мѣсяць, въ одномъ году бываетъ у насъ очень холоденъ, а въ другомъ необыкновенно тепелъ. Въ опроверженіе возраженій, основанныхъ преимущественно на сказаніяхъ древнихъ писателей о суровости климата тѣхъ странъ, которыя, по нашему мнѣнію, считаются теперь довольно благо-растворенными, подвергалъ строгому критическому разбору *неопредѣленность* такихъ сказаній, приводилъ нѣкоторыя мѣста изъ другихъ, почти столько же древнихъ писателей, противорѣчащія этимъ сказаніямъ, и болѣе всего обращалъ вниманіе на шаткость и невѣрность сужденій о климатѣ различныхъ мѣстъ, оставляемыхъ и въ наше время путешественниками, посѣщавшими описываемыя ими мѣста на весьма короткое время (*).

(*) Такъ напр. я припоминаю теперь, что, въ запискахъ одного французскаго путешественника, напечатанныхъ въ концѣ прошедшаго или въ началѣ текущаго столѣтія (не помню, подъ какимъ именно заглавіемъ), я читалъ слѣдующіе рассказы *очевидца* въ подтвержденіе сообщаемого имъ своимъ соотечественникамъ понятія о суровости Петербургской зимы и о грубости русскихъ нравовъ: 1) « Однажды, идя по Невскому проспекту, — пишетъ французъ, — я увидѣлъ, что шедшій мнѣ на встрѣчу офицеръ остановился передъ часовымъ, который не отдалъ ему подобающей чести; часовой стоялъ неподвижно и не отвѣчалъ ни слова на строгія замѣчанія офицера; выведенный такимъ упорствомъ изъ терпѣнія, офицеръ толкнулъ часового, и тотъ повалился, какъ плаха, при чемъ голова его разсколчилась на нѣсколько частей какъ глыба льда. Часовой, какъ видите, превратился въ ледъ отъ сильной стужи. 2) « Въ праздникъ крещенія совершается здѣсь крестный ходъ на рѣку (Иордань) », продолжаетъ французъ; — не смотря на сильный холодъ, въ это время приносятъ новорожденныхъ для крещенія. Священникъ беретъ, по порядку, младенцевъ изъ рукъ ихъ матерей и погружаетъ въ прорубь, при чемъ не рѣдко случается, что онъ роняетъ дѣтей въ воду; не обращая никакого вниманія на слезы матерей, онъ прерыводушно, въ такомъ случаѣ, обращается къ слѣдующимъ съ

Теперь мнѣ пріятно подѣлиться съ читателями Москвитянина разборомъ выставленнаго мною вопроса, сдѣланнаго г. *Мартенсомъ* въ примѣненіи ко Франціи, — къ той именно странѣ, на которую чаще всего указываютъ послѣдователи мнѣнія объ измѣняемости климата. Этотъ разборъ помѣщенъ въ *Annuaire météorologique de la France pour 1850*. Привожу его здѣсь во всей подробности.

Измѣняется ли климатъ Франціи?

Вопросъ, предложенный въ такой формѣ, слишкомъ неопредѣленъ. Прежде всего мы должны отдѣлить вѣковыя перемѣны отъ такихъ, которыя могутъ и могли совершиться въ теченіи одной человѣческой жизни, напр. въ теченіи 80 лѣтъ. Спросите объ этомъ у любого старика, — всякій будетъ отвѣчать одно и тоже: Во время его дѣтства зимы были гораздо короче, лѣтомъ жаръ сильнѣе и весна наступала гораздо раньше. — Но точныя и неумолимыя цифры разрушаютъ очарованіе, возбуждаемое подобными отвѣтами. Во многихъ городахъ, напр. въ Парижѣ, Берлинѣ, Миланѣ, Женевѣ, имѣется непрерывный рядъ наблюденій, обнимающихъ собою послѣднее столѣтіе. Справьтесь съ этими наблюденіями, и вы удостовѣритесь, что ничто не измѣнилось: ни *средняя* температура года, ни температура зимы, весны, лѣта и осени. Эти лѣтописи положительной Метеорологіи представляютъ намъ неправильную послѣдовательность годовъ, то теплыхъ, то холодныхъ или умѣренныхъ, — то дождливыхъ, то страшно сухихъ; въ нихъ мы находимъ и долгія зимы, и короткія, — и раннія весны, и позднія. Ничто не измѣнилось, кромѣ этого старика, котораго память съ годами ослабѣла. Онъ былъ молодъ въ то время, когда зима казалась ему не такъ холодною и когда весна наступала для него равнѣе теперешнаго. Жаръ его крови восполнялъ недостатокъ теплоты атмосферной; живость его воображенія украшала первые майскіе дни и заставляла улыбаться унылую природу, окованную еще въ это время холодомъ; однимъ словомъ, солнце его собственной молодости освѣщало и согревало вокругъ него всю природу, украшая ее всеми прелестями, которыя сообщаются

«словами: *nitchewo, dawai drougot*». Такого рода рассказы, конечно, уже сами въ себя заключаютъ очевидную *нелѣпность*; но сколько въ такой же степени *нелѣпныхъ* извѣстій случается намъ читать въ запискахъ иностранннхъ путешественниковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что такимъ извѣстіямъ искусно придается какая-то правдоподобность.

вышшимъ предметамъ, при полнотѣ внутренняго счастья. Итакъ это общее убѣжденіе, передаваемое отъ одного поколѣнія другому, имѣетъ основаніемъ своимъ физиологическую или субъективную причину, которую съ одной стороны объясняется ложность его, а съ другой оправдывается то легковѣріе, въ слѣдствіе котораго это ложное убѣжденіе дѣлается общимъ достояніемъ. — Впрочемъ не свѣжо ли еще и у насъ воспоминаніе о зимахъ 1846, 1847 и 1848, которыя были такъ теплы (*), что, судя по нимъ, скорѣе можно составить понятіе объ улучшеніи нашего климата, чѣмъ объ измѣненіи его въ другую сторону.

Итакъ, если должно считать за доказанную истину, что климатъ Франціи не измѣнился въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ, то можно еще предложить себѣ вопросъ; не измѣнился ли онъ въ теченіи историческаго періода, для котораго положительные документы начинаются со времени Римскаго владычества. — Этотъ вопросъ рѣшаемъ былъ и утвердительно и отрицательно: на первой сторонѣ находится *Араго*, подкрѣпляющій свое мнѣніе огромнымъ ученымъ авторитетомъ (см. *Annaire du bureau des longitudes pour 1833*) и *Фюстерь*, основывающій свои выводы на обширныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, (см. *Sur les changements dans le climat de la France*). Противное мнѣніе (отрицающее измѣненіе климата) защищали и защищаютъ: *Скавъ* (Schouw), — отецъ европейской географіи растений; *Гаспаринъ*, ученѣйшій изъ нашихъ агрономовъ; *Дюро-де-л-Малль*, одинъ изъ ветерановъ французскаго образованія, и *Альфонсъ-де-Кандоль*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ботаниковъ. Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу каждаго изъ двухъ противоположныхъ мнѣній. Ограничусь короткимъ указаніемъ ихъ; пусть читатель обсудитъ потомъ самъ.

Три рода доказательствъ обыкновенно приводятъ въ пользу мнѣнія, что климатъ Франціи, будучи весьма суровымъ во времена римскаго владычества, улучшился около VIII столѣтія, а потомъ, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени, опять сдѣлался хуже. Во-первыхъ: ссылаются на свидѣтельства современныхъ историковъ, преимущественно на рассказы Юлія Цезаря и Діодора Сицилійскаго. Дѣйствительно эти

(*) Эти зимы и у насъ въ Москвѣ были *умѣренны*, исключая Января 1848 (нов. ст.), въ теченіе котораго стояли жестокіе морозы. М. С.

писатели не находят достаточно-сильных словъ для выраженія суровости зимы въ Галліи. Но ихъ метафоры совершенно сходны съ тѣми, которыя употребляемъ и мы сами, когда, недовольные непостоянною погодою, вооружаемся противъ климата собственной нашей родины. Впрочемъ нечего и удивляться, что Итальянцы жалуется на холодъ въ центрѣ или даже на сѣверѣ Франціи. Такого рода сужденія имѣютъ всегда относительное значеніе. Всякой выхваляетъ или порицаетъ свой климатъ, сравнивая его съ климатомъ сосѣдственныхъ мѣстъ. Норвежскіе купцы, основавшіеся въ Лапландіи, восхваляютъ южную часть своего отечества такими же пышными выраженіями, какія употребляемъ мы, восхваляясь прекраснымъ небомъ Италіи. Они проклинаютъ трехмѣсячную ночь и безконечную зиму, на которыя впрочемъ произвольно себя осудили, — тогда какъ природные Лапландцы хвастаются у себя мягкостію (или умѣренностію) зимняго холода передъ Русскими, которые пріѣзжаютъ къ нимъ изъ Архангельска для закупки теплыхъ мѣховъ. — Съ другой стороны Сициліецъ не можетъ произнести, безъ содроганія отъ внутренняго холода, слово: *maestro*, которымъ называется сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій иногда зимою въ Неаполь. — Такого рода свидѣтельства не имѣютъ никакой силы, они состоятъ въ словахъ безъ всякаго опредѣленнаго смысла, безъ всякаго внутренняго значенія (*). Перейдемъ къ доказательствамъ болѣе основательнымъ. Они заимствованы отъ измѣненія предѣловъ, между которыми воздѣлывались и воздѣлываются опредѣленные растенія.

(*) Точно также разсматриваетъ эти свидѣтельства и знаменитый *Биомъ*.
 • Путешествуя съ конца въ конецъ по Европѣ, можно доставить себѣ
 • весьма большое удовольствіе, если прислушиваться къ тому, какимъ
 • образомъ жители каждой страны отзываются о своихъ сѣверныхъ сосѣ-
 • дяхъ, понося ихъ климатъ. Въ Италіи бранятъ климатъ Французскій,
 • находя его и жесткимъ и суровымъ. Здѣсь (во Франціи) мы считаемъ
 • себя весьма счастливыми, во Англія намъ кажется жилищемъ вѣчныхъ
 • тумановъ. Въ Лондонѣ ни сколько не жалуется на свой климатъ, но,
 • говоря о Шотландіи, называютъ ее стороною, лишенною солнечнаго свѣта.
 • Шотландцы находятъ такой отзывъ весьма смѣшнымъ, но сами жалуются
 • о бѣднѣхъ островитянахъ (т. е. о жителяхъ шотландскихъ острововъ).
 • А тѣ, въ свою очередь, утверждаютъ, что у нихъ не такъ холодно, какъ
 • въ самой Шотландіи, а что жители Исландіи и Фаррейскихъ острововъ,
 • въ этомъ отношеніи, дѣйствительно несчастны. — Я увѣренъ, что даже и
 • Исландцы умѣютъ чѣмъ-нибудь похвастаться передъ Шпицбергеномъ.
 (См. *Recueil d'observations géodésiques, astronomiques et physiques. Paris, 1821. 4. p. 540*). М С.

Въ древнихъ лѣтописяхъ упоминается о виноградникахъ Пикардїи, Нормандїи, Брегани и даже Англїи; въ нихъ означается даже, подъ названїемъ годовъ, время собиранїя винограда и приводится мѣста изъ современныхъ писателей, которые выхваляли различнымъ образомъ вина: Нантское, Парижское, Верновское и Ланское. — Всѣ эти факты исторически вѣрны, но изъ нихъ выводить ложныя заключенїя. — Въ то время, — когда сообщенїя между различными мѣстами были не такъ часты, по причинѣ трудностей и даже опасностей въ дорогѣ, когда поземельная собственность была не такъ раздроблена, когда цѣнность земель была (сравнительно) не такъ велика, — бароны или монастыри, обладая обширными помѣстьями, отдѣляли небольшую часть ихъ для виноградниковъ, даже и въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ лѣтняя теплота (обыкновенно) была недостаточна для созрѣванїя винограда. — Количество собираемаго винограда было очень бѣдно, и онъ никогда почти не дозрѣвалъ; — но чрезъ годовъ пять или шесть каждыя, случалось довольно жаркое лѣто, послѣ котораго можно было приготовить *посредственное* виноградное вино въ замѣну обыкновенныхъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ ягодъ и другихъ плодовъ. — И теперь еще мы встрѣчаемъ виноградники, совершенно неожиданно, въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ, по удобству сбыта, они доставляютъ владѣльцу значительную выгоду. Такіе виноградники существуютъ въ окрестностяхъ Парижа, Берлина, Дрездена, Мемеля и даже въ Данїи. Ужели же изъ этого слѣдуетъ заключить, что климатъ въ этихъ мѣстахъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ мѣстахъ сопредѣльныхъ съ ними, въ которыхъ однакожъ винодѣліе вовсе неизвѣстно? — Ни сколько. — Это объясняется тѣмъ, что рабочїй классъ большихъ городовъ потребляетъ и *отвратительное* вино, которое ближайше производители могутъ доставлять туда за дешевую цѣну, потому что доставка для нихъ почти ничего не стоитъ.

Все, что сказано нами о воздѣлыванїи винограда, можно повторить и относительно оливковыхъ деревьевъ. Прежде воздѣлыванїемъ ихъ въ Провансѣ занимались несравненно въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ настоящее время: эти деревья встрѣчались почти на каждомъ шагу вдоль Роны до самаго *Монтелимара*; — теперь же путешественникъ видитъ ихъ въ первый разъ уже пробѣжавши *Понъ-сентъ-Еспри*. Причина такой перемѣны понятна. Жители этихъ мѣстъ, не видя для себя большой выгоды заниматься долге этою отраслю промышленности, потому что деревья чрезъ каждыя 10 или 12 лѣтъ вымерзаютъ, и еще чаще подвергаются опустошенїю вредныхъ насекомыхъ, замѣнили ее болѣе

прибыльною частію, именно разведеніемъ шелковицы и землепашествомъ. — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣвернѣе *Понъ-сентъ-Еспри* существуютъ еще оливковые сады, свидѣтельствуя тѣмъ, что климатъ этихъ мѣстъ не измѣнился; таковыя сады находятся въ *Санъ-Жюльенъ-де-Пейрола*, *Понъ-Даркъ*, *Бошатель*, — въ 16 километрахъ (15 верстахъ) къ югу отъ *Валанса*. — Подобная же перемѣна произошла и относительно разведенія апельсиновыхъ деревьевъ. Въ средніе вѣка они были повсемѣстно разводимы въ Провансѣ и въ Руссильонѣ; но мало по малу конкуренція Мальты, Испаніи и Сициліи отодвинула эти разсадники къ *Ниццѣ* и къ долинѣ Генуезской. Но съ тѣхъ поръ, какъ пароходы привозятъ необыкновенно скоро испанскіе и мальтійскіе апельсины къ сѣвернымъ берегамъ Европы, Лигурія потеряла всѣ прежнія выгоды своего положенія передъ означенными странами, т. е. ближайшее разстояніе и въ слѣдствіе того меньшую убыль товара при перевозкѣ его. Такимъ образомъ эта отрасль промышленности и тамъ теперь въ совершенномъ упадкѣ. Уже въ 1843 году цѣна апельсинъ была такъ незначительна, что, по этой причинѣ, оставляли ихъ на деревьяхъ, потому что выручка за нихъ не вознаграждала поденную плату за собираиіе. — Владѣтели апельсиновыхъ разсадниковъ начали уже заниматься приготовленіемъ воды изъ цвѣтовъ этихъ деревьевъ (*Teau de fleur d'orange*), съ твердою рѣшимостью, въ случаѣ неудачи этого производства, уничтожить до послѣдняго корня драгоцѣнныя деревья и на мѣсто ихъ насадить маслины. — Если такой переворотъ дѣйствительно совершится, то, лѣтъ черезъ сто, найдется, можетъ быть Метеорологъ, который станетъ приписывать уничтоженіе апельсиновыхъ деревьевъ, въ Генуезской долинѣ, измѣненію ея климата.

Послѣднее доказательство, приводимое въ защиту мнѣнія объ измѣненіи климата Франціи, заимствуется отъ качества различныхъ винъ въ различное время. Въ этомъ отношеніи ссылаются постоянно на сказку (Fabliau) подъ заглавіемъ: «*Bataille des vins*» *Генриха Андела*, повѣствователя XIII столѣтія. Въ этой сказкѣ описывается, какимъ образомъ король французскій *Филиппъ Прекрасный* производить судъ надъ винами. «У него совѣтникомъ его капелланъ, родомъ «Англичанинъ, — человекъ полу-сумасшедшій, — который, надѣвши на себя «всѣ свои регалии, подвергаетъ вина предварительному испытанію. Прежде «всего представляются вина изъ *Бовс*, *Эталпа*, *Шалона*; но, едва онъ «нихъ увидѣлъ, какъ, предавая тотчасъ же проклятію, выгналъ по-«зорнымъ образомъ изъ залы и запретилъ имъ навсегда являться въ «обществѣ порядочныхъ людей. Этотъ строгій приговоръ сдѣлалъ

«такое сильное впечатлѣніе на вина *Манса* и *Тура*, что они тотчасъ же со страха повернули назадъ (правда, что это было лѣтомъ) и «искали спасенія въ бѣгствѣ, не дожидаясь рѣшенія своей участи. — «Тоже случилось съ винами *Аржанса* (между *Лизьё* и *Каеномъ*), *Реннъ* и *Шамбелю*. Одного взгляда, брошеннаго случайно капелланомъ на ихъ сторону, достаточно было, чтобы ихъ привести въ смятеніе. Они тотчасъ же скрылись, и прекрасно сдѣлали, — потому что, если бы они сколько нибудь помѣдились, то Богъ знаетъ, чтобы съ ними было. Когда зала нѣсколько освободилась отъ этой сволочи, въ ней осталось только доброе вино; потому что капелланъ даже «терпѣть не могъ посредственности. — Въ слѣдствіе чего предстали *Клермонское* и *Бовоазень*, и были приняты отличнымъ образомъ. «Ободренное такимъ пріемомъ, *Аржантѣиль* приближается самонадѣнно, и, безъ стыда, позволяетъ себя отвѣдать (*se donne sans rougir*), «выставляясь такимъ образомъ достойнѣе всѣхъ другихъ состязателей: «но *Иверрфиттъ*, смѣшавши съ грязью, въ свойственныхъ ему выраженіяхъ, такое надменное притязаніе, утверждало въ свою очередь, что оно заслуживаетъ предпочтеніе, и сослалось на свидѣтельство «своихъ сосѣдей: *Марли*, *Монморанси* и *Дѣйль*...» Другія вина, которыя при этомъ выходятъ на сцену, или и до сихъ поръ считаются знаменитыми, или происходятъ изъ центральныхъ и южныхъ провинцій Франціи. — Отвѣдавши ихъ, капелланъ, «находя, что вино нѣсколько «вкуснѣе, чѣмъ всѣ напитки, приготовляемые изъ плодовъ и ягодъ на «его родинѣ, бросилъ свѣчу на полъ и предалъ проклятію всякій напитокъ, приготовленный во Фландріи Англии и по ту сторону *Оазы* (*par de la l'Oise*)»

Эта сказка свидѣтельствуетъ противъ тѣхъ, которые приводятъ ее въ подтвержденіе своего мнѣнія. Она доказываетъ, что вина *Этампа*, *Бове*, *Шилона*, *Манса*, *Тура*, *Аржанса* и *Реннъ*, считались въ XIII вѣкѣ весьма дурными; и теперь тѣ изъ нихъ, которыя поддерживаютъ свое существованіе, пользуются такою же репутаціею. Относительно *Клермона* и *Бовоазень*, которыя, по видимому, были въ порядочномъ ходу, не лѣзя ничего сказать положительнаго, потому что теперь многія мѣстности извѣстны подъ этими двумя названіями. Но не очевидно ли, что *Генрихъ Андели* въ насмѣшку выводигъ на сцену, при этомъ состязаніи, вина изъ окрестностей Парижа? Изъ нихъ на самомъ виду «*Аржантѣиль*, которое безъ стыда позволяетъ себя отвѣдать, «выставляясь такимъ образомъ достойнѣе всѣхъ другихъ состязателей.» — Такое состязаніе между одинаково-дурными винами, очевидно, есть

остроумная шутка, потому что ни одно из них не удостоивается никакою награды.

Мнѣ остается теперь отразить последнее доказательство, весьма часто приводимое въ защиту тогоже мнѣнія: оно былобы весьма сильно, еслибы не основывалось на смѣшеніи именъ. — Говорятъ, что Генрихъ IV заивалъ устрицы *Сюренскимъ* виномъ, изъ окрестностей Парижа. Но возможно ли предположить, чтобы этотъ король, столь великій знатокъ въ винахъ, выбралъ именно такой отвратительный напитокъ? Не должно ли согласиться, что это вино въ его время имѣло несравненно лучшее качество, чѣмъ теперь? Аббать Каронъ, основатель Сенскаго — и — Оазскаго Общества Естественной Исторіи, еще въ 1810 году, — когда онъ былъ секретаремъ Общества земледѣлія въ означенномъ департаментѣ, — открылъ происхождение этого гастрономическаго парадокса. Въ окрестностяхъ *Вандома*, въ старинной вотчинѣ Генриха IV, произрастаетъ особеннаго рода виноградъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *сюрень* (*surgen*). Изъ него выдѣлывается бѣлое вино весьма пріятнаго вкуса, которое знатоки-гастрономы сберегаютъ съ большимъ тщаніемъ, потому что оно чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше. Это-то вино, по требованію короля, поставляемо было къ его двору, и Генрихъ IV находилъ его весьма хорошимъ. А этого было достаточно, чтобы придворные находили его превосходнымъ, — въ слѣдствіе чего во все время его царствованія при дворѣ пили *Сюренское вино*. Близъ *Вандома* и до сихъ поръ еще существуетъ виноградникъ, извѣстный подъ названіемъ виноградника Генриха IV (*Closerie de Henri IV*). Но Людовикъ XIII не имѣлъ къ этому вину таковоже пристрастія, какъ его отецъ, — оттого оно и вышло въ послѣдствіи изъ моды. Изъ этого разсказа видно, что многіе смѣшивали названіе особеннаго рода винограда съ названіемъ деревни въ окрестностяхъ Парижа.

Впрочемъ весьма несправедливо придавать большую силу такимъ доказательствамъ, въ пользу, или противъ, защищаемаго мнѣнія, которыя заимствуются отъ качества винъ въ различное время, потому что, какъ замѣтилъ и самъ *Араго*, — знаменитѣйшій защитникъ мнѣнія объ измѣненіи климата Франціи, — «это качество слишкомъ много «зависитъ отъ свойства употребляемаго для выдѣлки его винограда, «и отъ раченія, какое прилагаетъ при этомъ вино-производитель; — въ «слѣдствіе чего оно не можетъ служить въ этомъ вопросѣ неоспоримымъ «доказательствомъ.» — Прибавимъ къ этому, что вкусъ народа, съ теченіемъ времени, мѣняется; — вкусъ нашихъ предковъ нисколько не сходенъ съ нашимъ; въ настоящее время мы не можемъ считать тонкими

знатоками, по части гастрономіи, такихъ людей, которые лакомялись воронами, аистами и бакланами (*pelicanus carbo*) и, по выраженію *Белона*, естествоиспытателя XIII столѣтія, мясо выпи (*ardea stellaris*) считали «между прелестями Французскими (*entre les delices français*)».

Слѣдуетъ ли теперь заключить, что климатъ Франціи не измѣнился? Нѣтъ.... Намъ остается только жалѣть, что Исторія Метеорологіи не доставляетъ намъ никакой возможности отвѣчать на этотъ вопросъ ни положительно, ни отрицательно. Черезъ нѣсколько вѣковъ, когда будетъ собранъ длинный и непрерывный рядъ термометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ посредствомъ весьма тщательно вывѣренныхъ инструментовъ, можно будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ и легко и рѣшительно. — Тогда извѣстно будетъ, измѣнился ли климатъ, или нѣтъ; и, въ случаѣ измѣненія, можно будетъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ и на сколько именно произошла въ немъ перемѣна. — Теперь же этотъ вопросъ остается *нерѣшеннымъ*, подобно многимъ другимъ вопросамъ, въ высшей степени связаннымъ съ настоящимъ и съ будущимъ благосостояніемъ человѣчества.

Сообщивъ во всей подробности разборъ Мартенса, не лишнимъ считаю прибавить еще краткіе выводы, относительно того же вопроса, сдѣланные другими современными Метеорологами; всѣ эти выводы ведутъ къ тому заключенію, что мы не имѣемъ, въ настоящее время, никакихъ положительныхъ данныхъ объ измѣненіи климата какой-нибудь страны въ продолженіи историческаго времени, и что всѣ явленія, на которыя указываютъ защитники противнаго мнѣнія, или ничего не доказываютъ, или, скорѣе даже, доказываютъ неизмѣняемость климата. Такимъ образомъ, судя потому, «что воздѣлываніе винограда невозможно «въ той странѣ, которой *средняя годовая температура* значительно «выше 17°, и что финики не созрѣваютъ тамъ, гдѣ *температура* «ниже 18°, надобно заключить, что температура страны, въ которой и «финики и виноградъ въ одинаковой степени приносятъ хорошіе плоды, «не ниже 17°, и не выше 18°. — Въ такомъ положеніи была *Палестина* «еще во времена Моисея, — въ такомъ же положеніи она остается и «доселѣ. Итакъ въ этомъ случаѣ показанія естественнаго термометра «доставляютъ намъ прямое доказательство неизмѣняемости температуры «въ Палестинѣ съ самаго начала времени историческихъ до нашего «времени. — *Страбонъ* опредѣленно утверждаетъ, что въ его время «*Северскія горы* (въ Галліи Нарбонской) составляли сѣверную границу «разведенія оливковаго дерева. То же самое мы находимъ и теперь. —

«*Теофраст* упоминаетъ, что вывезенное изъ Персїи въ Грецію дерево «*Cordia myxa*, только на островъ *Кипръ* могло доставлять съдобные плоды, — но нигдѣ дальше къ сѣверу; — то же самое и въ наше время известно о плодахъ этого дерева. — Средняя температура въ *Римѣ*, по повѣйшемъ многолѣтнимъ наблюденіямъ, = 12°, 4. — *Плиніи*, при описаніи Римской равнины, упоминаетъ о миртахъ и лаврахъ, «которые, какъ известно теперь, для успѣшнаго прозябанія, требуютъ средней температуры не менѣе 11°, 5; изъ этого обстоятельства слѣдуетъ заключить, что температура Рима и въ тогдашнее время была не многимъ выше 11°, 5, потому что онъ прибавляетъ, кромѣ того, что лавры въ Тосканѣ, равно какъ и въ окрестностяхъ Рима, «нерѣдко погибали отъ холода. — *Варронъ* обозначаетъ время собиранія винограда около Рима между 21 Сентября и 23 Октября, — и теперь въ общей сложности изъ многихъ лѣтъ оно падаетъ на 2 Октября. — «Слишкомъ сильная теплота Итальянскихъ равнинъ не благоприятствуетъ произрастанію высокорослыхъ елей; поэтому означенные деревья встрѣчаются только на значительной высотѣ Аппенинскихъ склоновъ; — «точно такія же замѣчанія относительно распространенія этихъ деревьевъ находимъ у *Плинія* и у *Виргилія*.» (*)

Кромѣ изложенныхъ, болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о неизмѣняемости *средней температуры* различныхъ мѣстъ на земной поверхности, читателямъ, безъ сомнѣнія, известно весьма остроумный выводъ, сдѣланный *Лапласомъ*, по которому въ *средней температурѣ* всего земнаго шара со временъ *Гиппарха* (слѣдовательно въ продолженіи почти 2.000 лѣтъ) не обнаруживается *замѣтнаго* уменьшенія, — но въ то же время имъ известно также, что всѣ изслѣдованія коры земной ведутъ насъ къ заключенію, что температура, по мѣрѣ углубленія, увеличивается, и что, судя поэтому, внутри земнаго шара долженъ господствовать такой сильный жаръ, при которомъ всѣ известныя намъ вещества, входящія въ составъ земли, находится тамъ въ расплавленномъ состояніи. — Сличая такіе выводы между собою, читатели, не занимающіеся специально этимъ предметомъ, конечно, находятъ въ нихъ противорѣчіе общеизвестному физическому закону, по которому всякое теплое тѣло, помещенное въ холодномъ пространствѣ, всегда охлаждается. — Слѣдовательно они непременно должны усомниться въ справедливости того или другаго вывода. — И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ понять, что теплота внутренняго ядра

(*) См. *Dove*—Meteorologische Untersuchungen, стр. 95.

земли не выходитъ чрезъ холодную твердую оболочку ея въ окружающее пространство? Худая теплопроводность вѣтшей коры земной можетъ только замедлить, но не можетъ совсѣмъ остановить, истеченіе теплоты изъ внутренности земли въ атмосферу; — во всякомъ случаѣ охлажденіе всей земли, какъ бы оно мало и медленно ни было, должно происходить непрерывно, — а слѣдов. и температура на поверхности земли непрерывно должна уменьшаться въ такой же прогрессіи, — и это уменьшеніе должно наконецъ, — по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, — обнаружиться въ измѣненіи климата различныхъ мѣстъ. Стало быть или невѣрно заключеніе о внутренней температурѣ земли, или ошибоченъ выводъ *Лапласа* о неизмѣняемости средней температуры земнаго шара.

Противъ такого силлогизма возражать нечего. Охлажденіе внутренняго ядра земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и охлажденіе земной поверхности, дѣйствительно должно происходить по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ происходитъ охлажденіе всякаго теплаго тѣла, помѣщеннаго въ холодномъ пространствѣ. — Но чтобы объяснить такой физическій *парадоксъ*, — чтобы понять, почему не обнаруживается и слѣда такого охлаждения земли, въ строгомъ выводѣ *Лапласа*, надобно принять въ соображеніе различныя предѣлы, которыми ограничиваются всѣ наши — человеческія измѣренія. — Такъ напр. въ общежитіи, при измѣреніи времени, мы ограничиваемся *минутами*, — только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ принимаемъ въ расчетъ *секунды*; Астрономы стараются принимать въ расчетъ не только *десятыя*, но даже и *сотыя доли* секунды. Но въдъ секунду можно раздѣлить не только на 100, но и на 1,000, и на 10,000 и т. д. частей; всѣ эти величины, какъ бы онѣ малы ни были, мы можемъ представить въ умѣ своемъ. Это несомнѣнно, — но измѣреніе ихъ на самомъ дѣлѣ можетъ простираться только до извѣстнаго предѣла. Точно тоже надобно замѣтить и о другихъ величинахъ, измѣряемыхъ нами посредствомъ различныхъ инструментовъ. Поэтому мы принимаемъ вообще *равными* между собою такія величины, между которыми наши измѣренія не обнаруживаютъ разности, — но эти величины не всегда *дѣйствительно* равны между собою: онѣ могутъ быть больше или меньше одна другой, такими количествами, которыхъ мы измѣрить не можемъ. — Выводъ *Лапласа*, о неизмѣняемости средней температуры земнаго шара со временъ *Гиттарха*, основанъ на томъ, что въ скорости суточнаго обращенія земли, въ наше время и во время *Гиттарха*, не обнаруживается такой разности, которая бы равнялась *одной сотой доли*

секунды. — Сообразно уже съ этимъ дѣлается заключеніе, что въ средней температурѣ земнаго шара, въ продолженіи тогоже времени, не произошло такой перемѣны, которая бы равнялась *четыремъ десятиымъ* долямъ градуса, по Цельсіеву термометру. — Стало быть, если и произошла какая-либо перемѣна, въ теченіи 2,000 лѣтъ, то эта перемѣна относительно скорости суточного обращенія земли должна быть меньше одной *сотой доли* секунды, а относительно средней температуры земнаго шара меньше *II. четырехъ* десятыхъ долей градуса.

Полагая теперь, что перемѣны, меньшія вышеприведенныхъ, дѣйствительно случились; и соображаясь съ законами охлажденія, найденными по опыту для нѣкоторыхъ веществъ, при данныхъ обстоятельствахъ, многіе естествоиспытатели рѣшали слѣдующій вопросъ: *сколько времени потребно для того, чтобы земной шаръ охладился на одинъ градусъ Реомюра термометра?* — Такъ напр. Бишофъ, основываясь на собственныхъ опытахъ надъ постепеннымъ охлажденіемъ базальтовыхъ шаровъ, вылитыхъ изъ расплавленной массы, и принимая вмѣстѣ съ Фурье, что средняя температура земнаго шара со временъ Гиппарха уменьшилась на $0,024$ Р., находитъ, что для такого уменьшенія температуры подъ экваторомъ, которая бы равнялась одному градусу Реомюра термометра, потребно $82,836$ лѣтъ; — для совершеннаго же охлажденія земной поверхности, т. е. для того, чтобы температура земной поверхности сравнялась съ температурою небеснаго пространства ($= -45,6$), потребно $49,105,914$, т. е. около 50 миллионъ лѣтъ (*).

Конечно, эти выводы не могутъ быть принимаемы совершенно вѣрными, потому что въ основаніе ихъ, какъ сказано, приняты *гипотетическія* числа: перемѣна температуры земнаго шара со временъ Гиппарха $= 0,024$ Р. и температура небеснаго пространства $= -45,6$. — Во всякомъ случаѣ, однакожъ, они даютъ намъ приблизительное понятіе о томъ, съ какою медленностію происходитъ охлажденіе земнаго шара, — что это охлажденіе, если оно и дѣйствительно продолжается, мы можемъ считать, не только для столѣтій, но даже и для тысячелѣтій, равнымъ нулю.

М. Спасскій.

(*) См. *Bischof — Wärmelehre*, стр. 479.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Морскія войны время Французской Республики и Имперіи. Соч. Жюрьенъ-де-ла-Гравьера, Капитана Французскаго флота. Переводъ съ Франц. 2 части. Издан. Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Въ тип. А. Дмитриева. 1851.

Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, Исторія Франціи извѣстна намъ подробнѣе другихъ. Мы познакомились съ французскимъ языкомъ и его литературою раньше, чѣмъ съ языками и литературою другихъ Европейскихъ народовъ; намъ долго нравились Французы, и мы долго были подъ вліяніемъ ихъ общественной жизни, развитія, цивилизаціи. Всѣ это привело насъ къ болѣе подробному знакомству съ Исторіею жизни Французовъ, чѣмъ прочихъ народовъ. Но въ самой Исторіи Франціи подробнѣе всего извѣстна намъ Исторія первой Французской Республики и Имперіи.

Книга, заглавіе которой мы сей часъ выписали, знакомить насъ еще подробнѣе съ этою великою эпохою, объясняя намъ дѣятельность Франціи на морѣ съ 1793 по 1805 годъ. Разумѣется, что Англія, какъ морская держава по преимуществу, играетъ во время морскихъ войнъ этихъ годовъ первую роль. Гравьеръ описываетъ войны ея съ Франціею и союзными державами ея, и описываетъ ихъ ясно, полно и вѣрно, такъ что намъ кажется, отчетливѣе, нагляднѣе и лучше картинъ морскихъ битвъ этихъ годовъ, и подробнѣе фактовъ, относящихся къ этимъ морскимъ битвамъ, не возможно представить и изложить; здѣсь онъ всѣ главнѣйшія и необходимыя исчерпаны. Но лежащая предъ нами книга имѣетъ въ виду не одно описаніе исторіи морскихъ войнъ 1793—1805 годовъ, но еще другую, не менѣе важную цѣль, которая ставитъ эту книгу въ разрядъ небывалыхъ еще на Русскомъ языкѣ и достойныхъ особеннаго вниманія каждаго моряка. Читатель, не знакомый съ языкомъ, или, лучше сказать, терминами, употребляемыми моряками въ морскомъ дѣлѣ, не вездѣ пойметъ описанія морскихъ битвъ. Такъ напримѣръ, кромѣ *блокированія*, *крейсерованія*, *буж-*

сированія и тому подобныхъ дѣйствій кораблей, читатель встрѣчаетъ при описаніи битвъ слѣдующія слова и выраженія: «Обозначимъ коротенько положеніе обѣихъ эскадръ въ эту критическую минуту: Англійскій авангардъ поворотилъ оверъ-штагъ, и догонялъ 16 кораблей Кордовы; аррьергардъ продолжалъ идти тѣмъ же гамомъ, чтобы послѣдовательно поворачивалъ, входить въ кильватеръ Виктори. Испанскій адмиралъ полагалъ, что теперь настоящій моментъ для того, чтобы пройти подъ вѣтеръ непріятельской линіи; онъ надѣялся, что въ дымѣ этотъ маневръ укроется отъ Адмирала Джервиса. Вѣдъ самъ «колонну, онъ спустился къ Англійскому аррьергарду. Но Нельсонъ, «вновь поднявшій свой коммодорскій брейдъ-вымпелъ на корабль Каптенъ (Капитанъ Миллеръ), наблюдалъ за судьбою дня. Сзади его, «въ аррьергардѣ, было только два корабля: Экселентъ, подъ командою «Коллингвуда, и небольшой 64-хъ-пушечный Дайадемъ. Едва только «маневръ Кордовы успѣлъ обозначиться, какъ Нельсонъ, угадавъ цѣль «его, понялъ, что ему не будетъ времени предупредить Адмирала «Джервиса, и ждать его приказаній. И въ самомъ дѣлѣ; нельзя было «терять ни минуты, чтобы воспротивиться намѣренію Испанскаго Адми- «рала. Нельсонъ, не колеблясь, выходитъ изъ линіи, поворачиваетъ «черезъ фордевиндъ, и пройдя между кораблями Экселентъ и Дай- «адемъ, которые продолжаютъ идти тѣмъ же курсомъ, загоразиваетъ «дорогу Сантисима Три니다дъ, втому огромному трехъ-дечному, «съ которымъ ему суждено было еще разъ встрѣтиться при Трафальгарѣ. «Онъ принуждаетъ его привести къ вѣтру, и отбрасываетъ его на Англій- «скій авангардъ. Часть этого авангарда тогда проходитъ подъ вѣтеръ «Испанской линіи, чтобы предупредить вторую подобную попытку «Испанскаго Адмирала. Остальные же Англійскіе корабли, имѣя въ го- «ловѣ Виктори, выходятъ на вѣтеръ у Испанцевъ и ставятъ ихъ «аррьергардъ въ два огня» и тому под.

Въ книгѣ «Морскихъ войнъ» описываются подробно морскія сѣлы воюющихъ державъ, характеризуются адмиралы и начальники кораблей, обозначаются вполнѣ мѣстности битвъ и веденіе этихъ битвъ, словомъ, въ ней описывается все то, что имѣютъ въ виду стратегія и тактика, какъ науки. Извѣстно, какъ еще мало обработаны эти двѣ существеннѣйшія и необходимѣйшія отрасли и на Западѣ, а и того меньше обработаны стратегія и тактика въ приложеніи къ морскому дѣлу. Онѣ, какъ преимущественно практическія, и особенно тактика, должны основываться на опытахъ, на фактахъ. На основаніи только опытовъ и фактовъ можетъ явиться ихъ теорія, а слѣдовательно эти опыты и факты

существенно необходимы для созданія, развитія и усовершенствованія ея. Чѣмъ больше будетъ собрано подобныхъ опытовъ и фактовъ, чѣмъ разнообразнѣе они и способнѣе къ приложенію на дѣлѣ, тѣмъ лучше, яснѣе, истиннѣе будетъ самая теорія. Безъ тактики Суворова и Наполеона, (разумѣется на сухомъ пути), нѣтъ тактики въ настоящее время, какъ теорія, какъ науки; а какимъ образомъ могла явиться эта теорія безъ описанія и изученія всѣхъ военныхъ дѣлъ этихъ двухъ великихъ полководцевъ? Къ такимъ же результатамъ должна привести и книга «Морскихъ войнъ», какъ описаніе знаменитыхъ битвъ знаменитыхъ адмираловъ и сильнѣйшихъ морскихъ державъ. Глядя съ этой-то точки на «Морскія войны», мы находимъ, что подобной книги еще не было на Русскомъ языкѣ, хотя она также весьма замѣчательна и въ историческомъ отношеніи. Въ ней передъ каждой битвой обозначены не только число судовъ, ихъ вооруженіе, количество людей, но и качество каждаго корабля и внутреннее, нравственное достоинство находящагося на немъ начальника и подчиненныхъ его. Выпишемъ для примѣра слѣдующія, какъ самыя враткія мѣста.

«Флотъ, ввѣренный Джервису, состоялъ изъ 25-ти-кораблей, 24-хъ «фрегатовъ, 10 корветовъ, 7-ми бриговъ, 5-ти большихъ транспортовъ, 22-хъ орудійхъ каждый, 2-хъ 14-ти-пушечныхъ тендеровъ, одного «лазаретнаго судна, одного брандера, одного судна для приѣма плавильныхъ, а всего изъ 76-ти судовъ (стр. 79. часть 1.).

«Испанцы, писалъ Нельсонъ въ 1795 году, дѣлають прекрасныя «суда, но имъ не сдѣлать такъ легко матросовъ. Экипажи ихъ плохи, а офицеры еще хуже; притомъ они неповоротливы и лѣнны (стр. 8) часть 1).

«Принимаясь за преобразование флота, Лордъ Джервисъ обратилъ вниманіе на три предмета: на порядокъ, въ которомъ содержатся «суда, потому что отъ этого, по его мнѣнію, зависѣло здоровье команды; на военное образованіе и на дисциплину эскадры. Въ эту эпоху тифусъ и скорбутъ опустошали корабельные экипажи. Употребленіе кислыхъ напитковъ начало уже предохранять Англійскія суда «отъ послѣдней болѣзни, но тифусъ еще часто бывалъ слѣдствіемъ заключенія большаго числа людей въ маломъ и сыромъ пространствѣ. Въ то самое время, какъ Лордъ Джервисъ прибылъ въ Средиземное море, Испанскій корабль Танкреди, постигнутый этой заразой, принужденъ былъ оставить эскадру и возвратиться въ Неаполь, чтобы «высадить тамъ остатки своей команды. Адмиралъ Джервисъ, прослужившій на морѣ сорокъ восемь лѣтъ, могъ, основываясь на опытѣ,

«указать предохранительныя средства противъ этой болѣзни. По его приказанію, на всѣхъ корабляхъ, въ носовой части баттарейной палубы, были устроены просторныя лазареты, отдѣлявшіеся отъ баттарей съемною переборкою, и освѣжавшіеся при помощи двухъ широкихъ портовъ. Кроме того, онъ приказалъ непременно хотя разъ въ недѣлю, выколачивать и провѣтривать матросскія койки, тюфяки и «одѣяла; запретилъ *скачивать* водою жилия палубы и кубрики; и чтобы върнѣ заставить исполнять свои приказанія, требовалъ, чтобы подробности этихъ періодическихъ заботъ, также какъ и подробности «ежедневной чистоты, вносились въ корабельныя журналы за подписью «самыхъ капитановъ (стр. 70 и 71. ч. 1.)

Описанія битвъ превосходны. Здѣсь находится много даже умилятельныхъ сценъ, превосходнѣйшихъ поэтическихъ картинъ. Чтобы доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, выпишемъ нѣкоторыя мѣста хотя изъ описанія Трафальгарской битвы, чтобы вмѣстѣ съ этимъ дать возможность судить о языкѣ перевода и живости изложенія битвъ.

«Какъ только увѣрился Нельсонъ, что его приказанія выполнены, «что эскадра его выстроена въ двѣ колонны, и идетъ подъ всеми парусами на французскіе корабли, онъ сошелъ въ каюту. Тамъ взявъ «дневникъ свой, въ который еще въ то же утро занесъ послѣднія движенія своей эскадры, онъ сталъ на колѣни, и написалъ слѣдующую «краткую молитву:

«Да благоволитъ Богъ Всемогущій даровать Англій, ради общаго «блага всей Европы, полную и славную побѣду! Да не позволитъ Онъ «ни одной частной слабости помрачить блескъ ея, и да не попуститъ «Британскій флотъ забыть священныя долгъ челоуколюбія! Что «касается меня самого, моя жизнь въ рукахъ Того, Кто ее даровалъ «мнѣ. Да благословитъ Онъ мои усилія на вѣрную службу отечеству! «Его волю предаю себя и справедливое дѣло, защита котораго мнѣ «ввѣрена.

«Выполнивъ эту благочестивую обязанность, Нельсонъ, какъ вѣрный «отецъ, считалъ долгомъ еще одно: къ духовной своей онъ прибавилъ «статью, въ которой завѣщалъ Леди Гамильтонъ и дочь ея Горацию «Нельсонъ признательности Англій. Приготовясь такимъ образомъ къ «смерти, онъ вышелъ на верхъ, гдѣ ожидали его приказаній потребо- «ванные имъ командиры фрегатовъ. Подойдя къ командиру фрегата «Эвріаль, капитану Бляквуду, пользовавшемуся, вмѣстѣ съ капитаномъ «Гарди, особенною его дружбою и довѣренностью, онъ сказалъ: коман- «диры нашихъ фрегатовъ близко будутъ сегодня къ неприятелю, по-

«тому что я хочу удержать их на Виктори какъ можно долѣе. Нельсонъ, если вѣрять свидѣтельству капитана Бляквуда, былъ въ эту минуту спокоенъ и рѣшительнъ, но болѣе серьезнъ и важнъ, чѣмъ обыкновенно.

«Нѣсколько разъ, замѣчая бодрый видъ союзнаго флота, онъ изъясняя сожалѣніе, что этотъ флотъ поворотилъ, и, казалось, съ тайнымъ безпокойствомъ посматривалъ на горизонтъ, уже предвѣщавшій «бурю», и на поле битвы, перенесенное маневромъ Вильнѣва отъ входа въ проливъ къ сосѣдству опасныхъ рифовъ Кониль и Санти-Петри. «Около 11-ти часовъ, онъ пошелъ по баттареймъ, гдѣ люди стояли «уже по мѣстамъ у орудій, поблагодарилъ офицеровъ за ихъ распоряженіи, сказалъ по нѣскольکو одобрительныхъ словъ каждому комендору, и укрѣпленный въ своей увѣренности видомъ этихъ мужественныхъ лицъ и этихъ жилистыхъ рукъ, вышелъ опять на верхъ, чтобы «сдѣлать оковчательный сигналъ атаки Коллингвуду.

«Сигналъ былъ коротокъ и ясенъ: «я имѣю намѣреніе», увѣдомлялъ «онъ телеграфомъ Коллингвуда, «прорѣзать непріятельскій авангардъ, «чтобы пресѣчь ему путь въ Кадиксъ. Вы, съ своей стороны, «прорѣжьте аррьергардъ у двѣнадцатаго крѣпости съ хвоста линіи. И «между тѣмъ какъ Ройяль-Сверень готовился исполнить это приказаніе, самъ Нельсонъ направилъ Виктори къ Сантиссима-Тринидадъ, «одинадцатому съ головы въ линіи союзниковъ. Этимъ двойнымъ движеніемъ, онъ предоставлялъ себѣ атаковать своими 12-ю кораблями, «уже не 16; какъ предполагалъ сначала, а 23 непріятельскихъ корабля. «Мнѣ нужно, по крайнѣй мѣрѣ, 20 кораблей изъ этого флота», «сказалъ онъ капитану Бляквуду въ томъ увлеченіи, какое всегда овла- «дѣвало имъ съ приближеніемъ битвы: «взять или истребить менѣе, «не значило бы побѣдить» (стр. 130 ч. II).

«Былъ полдень. Англичане подняли бѣлый флагъ Св. Георгія. При «повторенныхъ кликахъ: да здравствуетъ Императоръ! трехцвѣтнй «флагъ взвился надъ кормами французскихъ кораблей. Въ тоже время «Испанцы, подъ флагомъ обѣихъ Кастилій, подняли длинный деревян- «ный крестъ. Вильнѣвъ подаетъ сигналъ къ бою, и корабль Фуіе «посылаетъ первое ядро въ Ройяль-Сверень; сатальный огонь сопро- «вождаетъ этотъ выстрѣлъ, но Англійскій корабль молчитъ. Ройяль- «Сверень находится въ одной милѣ впереди Белльиля, и почти на «траверзѣ Виктори, въ разстояніи отъ него около двухъ миль. Безъ «поврежденій, среди этого дурно-направленнаго огня, онъ идетъ къ «кораблю Санта-Анна, ни на одно мгновеніе не уклоняясь отъ своего

«пути, молчаливый, безстрашный, будто охраняемый какою-то невидимой силой. Несколько лидеръ, попавшихъ въ корпусъ судна, не причинили вреда командѣ, которой приказано было лечь у пушекъ въ «батареяхъ, а снаряды, пролетающіе между рангоутовъ, обрываютъ только нѣсколько неважныхъ снастей. Выдерживая въ продолженіе десяти минутъ огонь соединеннаго флота, и готовясь врѣзаться во французскій аррьергардъ, Коллингвудъ обратился къ своему флагъ-капитану: «Ротерамъ! Чего бы не далъ Нельсонъ, чтобъ быть на нашемъ мѣстѣ?» «Смотрите», восклицалъ въ то же время Нельсонъ, «какъ благородно Коллингвудъ ведетъ въ дѣло свою эскадру!» «И точно, Коллингвудъ указалъ путь Англійскому флоту и пожалъ первые лавры этого дня (стр. 135 ч. II.)».

Пропускаемъ подробное описаніе маневръ, эволюцій, атакъ ишибокъ кораблей; оно понятно и наглядно, при разсматриваніи приложенныхъ плановъ, на которыхъ обозначены всѣ диверсіи судовъ, а потому къ иной битвѣ приложено по нѣскольку плановъ, и переходимъ къ страшнымъ картинамъ, патетическимъ сценамъ.

«При видѣ столькихъ жертвъ, Англійскіе лекаря, подавая имъ наскоро недостаточную помощь, начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ сраженія. Священникъ съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣжитъ отъ этого страшнаго мѣста, отъ этой бойни, какъ онъ еще много лѣтъ спустя называлъ это мрачное, душное и облитое кровью пространство. Онъ выскакиваетъ на пиканцы, и среди дыму и общей суматохи видятъ Нельсона и Капитана Гарди, прохаживающихся на ютъ. Не вдалекѣ отъ нихъ нѣсколько человѣкъ бѣгло перестрѣвливаются съ марсами Французскаго корабля. Вдругъ адмиралъ покачнулся и падаетъ на палубу. Пуля съ крьюселя Редутабля ударила адмирала въ лѣвое плечо, пробила эпюлетъ, и пройдя въ грудь, остановилась у позвоночнаго хребта. Священникъ спѣшитъ къ нему, но его опередили одинъ сержантъ и двое рулевыхъ. Они поднимаютъ адмирала, обогрешаго кровью, которую облила палуба. Гарди, не слыхавшій его паденія, оборачивается въ эту минуту, и испуганный, блѣднѣе самого Нельсона, говоритъ ему: «Надѣюсь, милордъ, что вы равны неопасно?» «Для меня все кончено, Гарди», отвѣчаетъ адмиралъ. *Наконецъ* имъ удалось! Мнѣ раздробило хребетъ». Матросы, поднявшіе Нельсона, берутъ его на руки и кладутъ на кубрикъ, среди кучи раненыхъ (стр. 140 ч. II.)

«Съ своего смертнаго одра, Нельсонъ слышитъ восклицанія, которыми экипажъ Виктори привѣтствуетъ взятіе Буцентавра. Онъ проситъ, чтобы позвали капитана Гарди. «Гарди», говоритъ онъ, вопро-

«шая его взоромъ: «какъ идетъ сраженіе?... побѣда за нами?» «Безъ сомнѣнія, милордъ», отвѣчаетъ Гарди: «мы уже овладѣли 12 или 14 «непріятельскими кораблями, но 5 кораблей авангарда поворотили, и «кажется, намѣрены напасть на Виктори. Я собралъ около насъ 2 и 3 «еще не тронутые корабли, и мы готовимъ имъ хорошую встрѣчу.» «Надѣюсь, Гарди,» прибавилъ адмиралъ: «что изъ *нашихъ* кораблей «ни одинъ не спустилъ флага?»... Гарди спѣшитъ его успокоить. «Будь- «те увѣрены, милордъ», говоритъ онъ: «съ этой стороны нечего опа- «саться.» Тогда Нельсонъ привлекаетъ ближе къ себѣ командира Вик- «тори. «Гарди», шепчетъ онъ ему на ухо: «я уже мертвецъ... еще «нѣсколько минутъ, и все будетъ кончено. Подойди поближе.... Пс- «слушай, Гарди.... когда меня не станетъ, обрѣжь у меня клочъ во- «досъ, и передай его моей Леди Гамильтонъ.... да не бросай въ море «мое бѣдное тѣло». Гарди съ чувствомъ пожимаетъ руку адмирала, и спѣшитъ наверхъ (стр. 149 ч. II).

«Побѣда Англійскаго флота полная, рѣшительная. Гарди, освободив- «шись отъ всѣхъ опасеній, хочетъ лично увѣрить въ этомъ адмирала. «Еще разъ, сквозь окровавленную толпу раненыхъ, онъ пробирается «къ ложу Нельсона. Среди этой жаркой и удушливой атмосферы, герой «лежалъ тревожимый послѣднею заботой. Уже холодной потъ высту- «палъ на его чель, оконечности членовъ его уже охладѣли, и онъ, «казалось, удерживалъ послѣднее дыханіе на губахъ своихъ за тѣмъ «только, чтобы унести съ собою въ могилу отраду новаго торжества. «Разсказомъ о славномъ окончаніи великой битвы, Гарди владетъ пре- «дѣль ужаснымъ мученіямъ, и тихо развязываетъ крылья этой энерги- «ческой душѣ. Нельсонъ отдаетъ ему еще нѣсколько приказаній, шеп- «четъ прерывающимся голосомъ еще нѣсколько словъ, потомъ, послѣд- «нимъ усиліемъ приподнявшись до половины, «благодареніе Богу», го- «воритъ онъ: «я исполнилъ мой долгъ!» и упавши снова на постель, «черезъ четверть часа отдаетъ душу Богу спокойно, безъ потрясеній, «безъ конвульсій (стр. 151 ч. II).

Извѣстно, какъ важны въ морской тактикѣ Нельсонъ и Джервисъ. Теоріи тактики ихъ возбуждали и возбуждаютъ многіе споры ученыхъ моряковъ и не перестанутъ занимать первыя мѣста въ этой наукѣ. Граньеръ старался преимущественно охарактеризовать этихъ двухъ ад- «мираловъ, и со всею подробностію описываетъ ихъ военныя дѣйствія, хотя также прекрасно очерчены характеры Латушъ, Вильвѣва и дру- «гихъ. При чтеніи «Морскихъ войнъ временъ Французской Республики и Имперіи», ясно видно, что онъ имѣлъ въ виду именно изложить пра-

вила тактики Джервиса и Нельсона и показать, на основаніи этихъ правилъ, причины торжества на морѣ Англіи надъ союзнымъ флотомъ Франціи, Испаніи, Швеціи и другихъ государствъ. Какова-жъ теорія тактики этихъ двухъ геніевъ-адмираловъ, предоставляемъ судить самимъ морякамъ. Въ переведенной книгѣ Гравьера они найдутъ ей и критическую оцѣнку. Мы только скажемъ, что авторъ Морскихъ войнъ изложилъ въ своей книгѣ почти полную біографію Нельсона. Въ ней онъ показалъ даже домашнія и семейныя отношенія этого адмирала. Сначала при чтеніи ихъ намъ казалось, что Гравьеръ судитъ пристрастно о немъ; но многіе случаи, гдѣ онъ отдаетъ ему полную справедливость, заставили перемѣнить наше мнѣніе. Тѣмъ не менѣе Гравьеръ, то приписывая Нельсону геніальность, то отнимая ее у него, не рѣдко самъ себѣ противорѣчитъ. Для доказательства слѣдимъ хотя слѣдующія мѣста.

«Нельсонъ былъ, безъ сомнѣнія, величайшій изъ Англійскихъ адмираловъ; но не много менѣе счастья, и его соотечественники, сами столько же строгіе, какъ и адмиралъ Декре, провозгласили бы его *самымъ неспособнымъ*. (Просимъ читателя это замѣтить!) Въ самомъ дѣлѣ, Нельсонъ былъ одинаково дерзокъ, одинаково пренебрегалъ *всѣми правилами*, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ торжествовалъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ фортуна ему измѣняла. При Абукирѣ и Тевеарифѣ, подѣ Коппенгагеномъ и Булонью, тактика его одна и таже: разнища только въ успѣхѣ. Вездѣ та же смѣлость, то же увлеченіе, та же наклонность испытывать невозможное. Вся тактика Нельсона, *со всѣмъ ея величіемъ и ея ошибочностью*, заключается въ одномъ правилѣ: броситься съ рѣшимостію въ самый пылъ опасности, и на дѣлаться на товарищѣй, чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ. Это правило внушалъ онъ капитанамъ своимъ подѣ Булонью, — это правило выполнялъ онъ на дѣлѣ, до послѣдней минуты жизни. Слѣдя за нимъ *на полѣ битвы, изучивъ средства и ихъ результаты въ великихъ битвахъ, имѣ совершенныхъ*, чувствуешь невольное желаніе, вопреки принятымъ идеямъ, приложить къ нему мнѣніе Джервиса о побѣдителяхъ при Кампердоунѣ. Это былъ храбрый офицеръ, мало поставившій тонкости тактики, въ которыхъ онъ скоро бы запутался. Увидя *непріятеля, онъ поспѣшилъ къ нему, не заботясь о томъ, какой выстроить ордеръ баталіи. Чтобы побѣдить, онъ рассчитывалъ на мужественный примѣръ, какой онъ хотѣлъ подать своимъ капитанамъ, ии результатъ соответствовалъ его надеждамъ* (Стр. 119 ч. I).

Не правда ли, что все это нами выписанное сбивается на толки тѣхъ

добрыхъ людей, которые въ простотѣ сердечной толкуютъ, что если бы Наполеонъ не былъ такъ счастливъ, да если бы у него не было другихъ храбрыхъ полководцевъ, которые выигрывали ему сраженія, то онъ такой же человекъ, какъ и они грѣшные, эти самые добрые люди? При мнѣніи, что Нельсонъ одерживалъ побѣды смѣлостью и решительностію, можно, пожалуй, заключить, что и Юлій Цезарь и Суворовъ, были неспособные полководцы, потому что они въ осваиваніи своей тактики полагали: *veni, vidi et vici*.... Должно быть Нельсонъ былъ презытнѣйшій человекъ, потому что, будучи *совсѣмъ не способнымъ, совершилъ великія событія*.... Но выпишемъ еще нѣсколько строкъ для сравненія.

«Инструкція, которую Нельсонъ написалъ для своихъ офицеровъ, «принимая начальство надъ Доувскою эскадрой, быть можетъ, лучше, нежели вся его официальная переписка, выказываетъ его прямой и вѣрный взглядъ, привыкшій обнимать разомъ обширный горизонтъ. Знаменитый адмиралъ въ нѣсколькихъ строкахъ обрисовываетъ твердою, искусною рукою, свой общій планъ атаки и защиты, и съ намѣреніемъ умалчиваетъ о подробностяхъ. Геній не испытанный боялся бы быть не достаточно полнымъ; Нельсонъ напротивъ, опасался слишкомъ большой ясности. Онъ оставался тамъ, гдѣ могутъ встрѣтиться неожиданныя случайности, и избѣгаетъ точности, которая на такомъ обширномъ и неопредѣленномъ поприщѣ оставила бы открытое поле власти и перъзительности. (Стр. 42, ч. II).

Право, престраннѣйшій человекъ былъ этотъ покойникъ Нельсонъ! Какъ таки, будучи *совсѣмъ не способнымъ*, онъ въ тоже время имѣлъ прямой и вѣрный взглядъ, привыкшій разомъ обнимать обширный горизонтъ, обрисовывалъ твердою, искусною рукою въ нѣсколькихъ строкахъ планъ атаки и защиты?...

Непостижимый человекъ!...

Разумѣется, что всѣ эти сдѣланныя нами замѣчанія не относятся къ русскому переводчику, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ строкою сдѣлалъ очень дѣльные замѣчанія и поправки относительно историческихъ фактовъ.

Гравьеръ, какъ мы сказали, особенно хотѣлъ охарактеризовать Нельсона. По видимому, онъ хотѣлъ описать жизнь его и какъ адмирала, и какъ человека, ради чего и описываетъ семейныя его отношенія; но почему же не сдѣлалъ онъ того и съ біографією другихъ адмираловъ, хотя напримѣръ, Джервиса, котораго онъ только характеризуетъ, какъ

адмирала? Джервисъ былъ тоже великій человекъ, геній, и тактика его также замѣчательна. Слѣдовательно въ трудъ Гравьера какъ будто нѣтъ соразмѣрности частей—то есть, представляя полную біографію Нельсона, онъ долженъ бы описать также и біографію другихъ адмираловъ. Это бы еще ничего, а главное, что многія обстоятельства жизни Нельсона не идутъ къ дѣлу. Изъ «Морскихъ войнъ» ясно, что цѣль автора была, описывая ихъ, представить правила морской тактики, которыми руководствовались какъ Нельсонъ, такъ и другіе адмиралы. Но скажите, что приложимо къ тактикѣ изъ описанія отношеній Нельсона къ безразвратной Леди Гамильтонъ, плодомъ которыхъ была незаконно рожденная дочь?... Это, кажется, ни къ какой тактикѣ не приложимо. Еще таки, когда объясняются причины пребыванія Нельсона у береговъ Неаполитанскаго королевства и острова Мальты, эти отношенія служатъ истолкованіемъ этихъ причинъ, въ другихъ же мѣстахъ книги Гравьера онъ вовсе не нужны, потому что не идутъ къ дѣлу, къ предпріятой цѣли. Извѣстно, что каждый человекъ, будь онъ адмиралъ или полководецъ, министръ, поэтъ и тому подобное, но поставленный въ двухъ сферахъ жизни, общественной, государственной или политической, и частной, домашней или семейной, можетъ дѣйствовать совершенно различно. Онъ можетъ быть великимъ адмираломъ или полководцемъ, замѣчательнымъ министромъ или поэтомъ, и въ то же время очень дурнымъ семьяниномъ, родственникомъ, и на оборотъ.

«Морскія войны», давно уже переведенныя на другіе языки, появились и у насъ. Мы совершенно увѣрены, что онъ обратятъ вниманіе нашихъ историковъ, а особенно моряковъ, и сдѣлаются для послѣднихъ настольною и любимую книгою. Послѣднія двѣ главы второй части:—«Вліаніе Джервиса и Нельсона на судьбы Англійскаго флота» и «какъ нужно дѣйствовать Франціи въ ожиданіи новой войны на морѣ», просто, должны быть, кажется, наизусть выучены каждымъ морякомъ. И вообще въ книгѣ «Морскихъ войнъ» такъ много дѣльнаго, разумнаго, замѣчательнаго, касательно исторіи ихъ, а особенно морскаго дѣла, что если бы мы вздумали выписывать все то, что замѣчательно въ историческомъ отношеніи и на что должны обратить вниманіе наши моряки, то выпущены бы были выписать полъ-книги каждой части. Слогъ перевода, какъ видѣли наши читатели изъ сдѣланныхъ нами краткихъ выписокъ, совершенно не укоризневъ; а изданіе книги, какого лучше быть не можетъ.

Принесемъ же нашу искреннюю, глубочайшую благодарность, какъ переводчику за тщательный прекрасный переводъ ея, такъ и Комитету Морскихъ Ученыхъ за превосходное изданіе! *Н. Р.-Р.*

ОПИСАНІЕ ПУТИ ОТЪ ИРКУТСКА ДО МОСКВЫ, составлен-
ное 1849 г. В. П.—М. 1851 г., въ 12 д., 230 стр.

»Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы!» Да это составляетъ болѣе 5,300 верстъ! Какое огромное разстояніе, и какое обиліе матеріаловъ должно представиться наблюдательному путешественнику на такомъ пространствѣ! Девять губерній съ ихъ городами и одна столица — Москва!....

Посмотримъ теперь, на сколько авторъ »Описанія пути отъ Иркутска до Москвы» былъ не скупъ на сообщеніе нами ожидаемыхъ свѣдѣній. По количеству страницъ, на первомъ планѣ представляется губернія Пермская (38 стр.); за нею губерніи: Томская (32 стр.), Иркутская, отъ самаго Иркутска (30 стр.), Тобольская (27 стр.), Енисейская (25 стр.), Вятская и Владимірская (по 17 стр. для каждой), Казанская (16 стр.), Нижегородская (14 стр.), и Московская (5 стр.); и собственно для Москвы — 10 страницъ.....

Всего на 5,339 верстъ пришлось 230 страницъ, или по страницѣ на каждыя 24 версты. Между тѣмъ *семь* губернскихъ и до *двадцати* уѣздныхъ городовъ, по этому тракту лежащихъ, должны бы потребовать для себя по нѣскольку страницъ; но Авторъ очень скупился для нихъ: онъ имъ жертвовалъ весьма мало. Мы уже не говоримъ о Москвѣ, собственно которой авторъ посвятилъ 10 страницъ; этого, конечно, для нея очень мало, или очень много: о ней не наговориться и не написать, потому что она границами имѣетъ: *все или ничего*. Слѣдовательно за Москву можно даже съ Авторомъ и помириться; но за другіе города, на примѣръ Нижній и Владиміръ, конемъ обоимъ увлѣнено въ книгѣ только 6 страницъ — безъ враждебной мысли къ автору остаться нельзя. Иркутскъ, Томскъ, Пермь, Казань — почти также не болѣе ихъ были удостоены его вниманіемъ къ нимъ. Но ежели число страницъ не можетъ быть мѣркою для вмѣстимости, то взглянемъ, что и какъ именно авторъ описываетъ въ своемъ дальнемъ путешествіи. Вотъ, на примѣръ, по выѣздѣ изъ Нижняго-Новгорода, какъ онъ рассказываетъ намъ про первую станцію отъ Орловки (см. 196 и 197 стр.).

»Орловская станція находится подлѣ тракта. Мѣстность ся сырая и болотная. Здѣсь до пяти домовъ.

»Отъ Орловской до Черноръчинской (а далѣе авторъ три раза называетъ ее »Чернольскою«) станціи $22\frac{3}{4}$ вер.

»Отъ станціи Орловской шоссе окружаетъ большой сосновой лѣсъ. На 2 в. два моста по $5\frac{1}{4}$ саж. каждой. На 4 в. два моста по 6

саж. Здѣсь дорогу окружаетъ березовой и сосновой лѣсъ. Отъ 4 и болѣе половины 5 вер. она окружена надолбами. На 6 вер. мостъ въ $5\frac{1}{2}$ саж. На 7 и 8 она огорожена надолбами. На 10 вер. около тракта въ лѣвой сторонѣ деревня въ 4 дома Подлѣсская. Подлѣ деревни этой небольшое озеро. Далѣе дорогу окружаетъ большой, сосновой лѣсъ, до котораго отъ деревни шоссе огорожено надолбами. На 11 вер. мостъ въ 2 саж. и отъ него небольшіе подъемъ и спускъ. При концѣ спуска дорога огорожена надолбами. На 13 вер. мостъ въ 8 саж. и другой въ $2\frac{1}{2}$ саж. На 14 дорога съ обѣихъ сторонъ саженъ на 20 огорожена надолбами. На 15 дорога огорожена надолбами на 12 саж., далѣе мостъ въ 20 с. Здѣсь вправо подлѣ тракта узкое и длинное озеро, а въ лѣвой сторонѣ болото. На 18 вер. продолжительной, едва замѣтной подъемъ. Здѣсь дорога огорожена надолбами на 16 саж. съ правой стороны. На 20 она огорожена надолбами на 22 саж., за тѣмъ слѣдуютъ два моста—одинъ въ 1 саж. а другой въ $2\frac{1}{2}$ саж. На 21 два моста по 6 саж. противъ нихъ, на лѣвой сторонѣ отъ тракта, два долгихъ озера. На 22 вер. мостъ въ 12 саж. Дорогу окружають съ обѣихъ сторонъ надолбы.« — Вотъ вамъ и полное буква-въ-букву описаніе станціи, занявшее цѣлую печатную страницу; всѣмъ прочимъ станціямъ посчастливилось не много болѣе, а намъ еще менѣе.

Конечно, Орловская станція одна изъ самыхъ бѣдныхъ и новыхъ; правда и то, что авторъ, представляя плодъ своихъ искренно-усердныхъ и добросовѣстныхъ путевыхъ наблюдений, и общалъ не болѣе, какъ только: «составить описаніе почтоваго тракта (*) отъ Иркутска до Москвы, какъ линіи, на протяженіи которой болѣе населенности, жизни и, движенія и развитія внутреннихъ силъ государства.» Выполненіе этой темы, заданной себѣ авторомъ, отъ береговъ Ангары до береговъ Москвы, требовало бы болѣе; но ни Исторіи, ни Статистики, ни для указаній на замѣчательности по дорогѣ — онъ не удѣлилъ почти ни какаго мѣста въ книгѣ; а представилъ, какъ мы видѣли выше, одну топографію, съемку мѣстности, нивеллировку, слѣди ея почти шагъ за шагомъ: всѣ мостики, спуски и подъемы, повышенія и пониженія поверхности дороги, гати и надолбы, качество земли и лѣсовъ, степей и кустарниковъ и т. п.; а между тѣмъ ни *про одно* село и деревню (кромѣ,

(*) Отъ коего, впрочемъ, авторъ дважды уклонился въ объездъ сокращенною, или, какъ онъ говоритъ:» купецкою дорогою отъ Каниска (а не Каяска), чрезъ Шадринъ до бывшаго города Тюкалы (вѣроятно, Тюкалинска). Купцы этою дорогою, до Екатеринбургa, (окраиваютъ путь противъ почтоваго до 300 верстъ.

какъ на стр. 149-й о селеніи Дубровскомъ), не сказалъ, кому они принадлежатъ и сколько въ нихъ душъ крестьянъ, или жителей въ городахъ.

Хотя авторъ и имѣлъ время и терпѣніе высчитывать или измѣрять подробно величину *каждаго* по дорогѣ мостика и протяженіе гатей и надолбовъ; но видно, что онъ слишкомъ торопился выполнить свою любимую, сокровенную идею, или «мечту», какъ онъ говоритъ, чтобы «попутешествовать, поглядѣть на Божій міръ, полюбоваться разнообразіемъ и красотой творенія, посмотреть на нашу матушку-Москву—блокаменную и благоговѣнно преклониться предъ ея святынею». Иначе онъ заглянулъ бы по дорогѣ въ храмы Божіи, или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь бы сказалъ о святыняхъ и достопамятностяхъ на примѣръ Владиміра, Нижняго-Новгорода и другихъ городовъ, и о разныхъ достопримѣчательностяхъ, что слѣдующему въ-слѣдъ за нимъ, по его маршруту и указанію, любопытному путешественнику служило бы вмѣсто чичероне. Но писать одну только съемку мѣстности, или дѣлать описъ мостовъ, гатей, надолбовъ, подъемовъ и спусковъ съ горъ и пригорковъ, качества лѣсовъ и земли, и т. п. слишкомъ видимыхъ каждому предметовъ и безъ указанія—скучновато. Сотни мостовъ отъ одной сажени до пяти и болѣе—предметы незанимательны, если они не спеціальны,—хотя бы по крайней мѣрѣ они отцвѣчались какою-нибудь исторіею, или подкрѣплялись смѣтами объ ихъ цѣнности, или замѣчательною трудностію въ ихъ построеніи, или наконецъ особенною величиною. Не достаточно служить маршрутомъ только путешественнику, но слѣдовало бы имѣть въ виду услужить и тому изъ любопытныхъ читателей, который никогда не ѣздилъ и не поѣдетъ по этой дорогѣ. Иное дѣло указать на такія мосты, какъ на примѣръ въ Енисейской губерніи между станціями Тинскою и Поимскою—до 2-хъ верстъ, и на слѣдующей, за селеніемъ Новопоимскимъ—мостъ въ длину около 3-хъ верстъ, или близъ города Красноярска мостъ въ 300 сажень, соединяющій два довольно большія селенія—Кожевниково и Шумково (*). Это непріятное замѣчаніе высказывается потому болѣе, что авторъ владѣетъ языкомъ мыслию и шутливостію, и что онъ могъ бы во мно-

(*) Енисейская губернія представляетъ и еще особенность: въ 15-ти верстахъ отъ города Красноярска, который, по замѣчанію автора, нинѣ спитъ какъ утомленная барыня, послѣ бала,—находится на степи и по берегу Качи, деревня Тварагова, въ коей 48 домовъ, устроенныхъ по тракту въ одну линію; она сплалась съ деревнями: Установой (въ 50 домовъ), Тороковой (въ 51 д.),

гиль мѣстѣхъ отпѣвать свои скучные разказы. Въ доказательство нашихъ словъ прослѣдимъ (взглядомъ) пройденный имъ путь отъ Иркутска до Москвы и представимъ нѣсколько выписокъ въ разныхъ родахъ и предметахъ.

По Иркутской губерніи вообще, и въ особенности городу *Иркутску*, какъ мѣсту своего жительства, и еще съ святыми силами при отпавкѣ въ дальній путь—авторъ посвятилъ на описаніе болѣе своего вниманія. — О городѣ *Нижеудинскѣ* авторъ замѣчаетъ: «Особенности Нижеудинска: лѣтомъ страшное обиліе мошекъ (мусситовъ), и всегдашняя дороговизна на жизненные припасы, происходящая отъ сосѣдства съ Бирюсинскими золотыми присками. Отъ мошекъ защищаются волосяными сѣтками и дымокурами въ каждомъ дворѣ, а отъ дороговизны—христіанскимъ смиреніемъ. И за всемъ тѣмъ живутъ весело.»

По губерніи Енисейской: О городѣ *Канскѣ* (о коемъ, по обыкновенію, не сказано даже о числѣ жителей, и домовъ) авторъ ничего особеннаго не замѣтилъ, кромѣ того, что въ городѣ бытъ сельскій замѣтенъ во всемъ—отъ постройки домовъ до образа жизни и одежды жителей, и что между промышленнымъ и торговымъ классами, замѣтны Евреи, тамъ пріютившіеся и, по ловкости своей, разбогатѣвшіе. — О селѣ *Рыбномъ*, при рѣчкѣ Рыбной, впадающей въ р. Канъ:—«Селеніе это примѣчательно тѣмъ, что сюда выходятъ рабочіе съ золотыхъ присковъ по окончаніи лѣтнихъ работъ, и здѣсь пропиваютъ на нимъ весь полугодовой и тяжкой трудъ свой, такъ что нѣкоторые не уходятъ далѣе Рыбнаго селенія и возвращаются назадъ на прискы, не имѣя средства слѣдовать на мѣста своихъ жительства. За то въ Рыбномъ три новенькихъ винные подвала.» — О городѣ *Красноярскѣ*, сказавши, что природа его—отъ г. Канска—поразительно сходна съ природою Забайкальской,—что его окружаетъ степь въ нѣсколько верстъ, на коей можно бы построить, не стѣсняясь, городъ величиною съ Лондонъ,—что на постройку тамошняго великолѣпнаго во всей Сибири собора, въ червь уже оконченнаго, пожертвовано золотопромышленниками болѣе милліона,—авторъ замѣчаетъ, что Красноярскъ, съ 1837 по 1845 годъ, когда былъ тамъ разгаръ золотопромышленности, изумлялъ всю Сибирь своєю роскошью: невѣроятныя сокровища извлекались тогда изъ

Емельяновой (во 146 д.) и Заледвевой (во 180 дом.), что составило протяженія на 6 верстъ. Подобную сосредоточенность населенія едва ли гдѣ можно еще встрѣтить.

нѣдръ Енисейской губерціи, деньги массами разсыпались въ Красноярскъ, дома и квартиры утроились въ цѣнѣ, жизненные припасы учетверились (цѣна ржаному хлѣбу была по 5 р. асс. за пудъ); но жизнь кипѣла бурно, шумно, упоительно! Но въ 1845 году золотопромышленная дѣятельность перешла въ Енисейскъ, и съ того времени роскошь города Красноярска — почилла!

По губерніи Томской, — о губ. городѣ *Томскѣ* говорить: »При входѣ въ городскую садь, устроенъ публичный, деревянный театръ, т. е. не досчаной балаганъ, а театръ съ ложами и очень красиваго устройства! Томскъ, доселѣ славившійся только своими лошадьми и ямщиками, обскакалъ, опередилъ въ любви къ Талин, всѣ города въ Сибири. Группа кочующихъ артистовъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ и осѣдлость, тѣшатъ публику разными пьесами, отъ комедіи до трагедіи, — включительно. Сумароковъ и Шиллеръ, Коцебу и Аблесимовъ, проходятъ по сценѣ, самодовольно улыбаясь.« — »Въ Томскѣ и Ачинскѣ есть особенность въ городскихъ экипажахъ — это предлинныя линейки, довольно неуклюжія, но почему-то въ особенномъ употребленіи. На вкусы нѣтъ правила. На подобной линейкѣ, можетъ очень спокойно не токмо уѣзжаться, но даже (если угодно) улячься, цѣлое семейство. — Просторно и оригинально!« — Лѣтомъ Томскъ тихъ и пустыневъ, но зимою во время сѣзда золотопромышленниковъ и торговцевъ, оживляется дѣятельностью. Содержаніе въ Томскѣ, сравнительно съ Красноярскимъ — въ трое дешевле. — О городѣ *Колывань* авторъ замѣчаетъ только, что онъ изобилуетъ сѣнокосными и хлѣбопахатными землями и рыбою, а окрестныя горы — кедровыми орѣхами. Въ его рѣчкѣ Чеусъ ловятъ разнаго рода рыбу: стерлядь, хотя небольшая, но очень вкусна и продается не дороже 4 руб. асс. пудъ. Караси же — въ 25 коп. асс пудъ! — О городѣ *Канскѣ* (т. е. *Канискѣ*), гдѣ за недостаткомъ сосноваго лѣса употребляютъ кедръ, березу и осину, и гдѣ кровли на многихъ домахъ изъ бересты, покрытой сверху дерномъ, — авторъ говоритъ: »Въ самомъ городѣ цѣлую улицу занимаютъ Евреи. Въ похвалу города можно сказать то, что здѣсь живутъ тихо и незатѣйливо, городскіе экипажи такіе же, какъ и въ Ачинскѣ — длинныя линейки, родныя сестры телѣгѣ; одно непохвально, — это обыкновеніе, отпускать на улицу по волѣ собакъ, которыя стаями каждый экипажъ встрѣчаютъ и провожаютъ, прыгая подъ устцы лошадямъ съ воемъ и ласмъ.« — Отъ станціи Турумовой до села Спасскаго, на протяженіи верстѣ десяти — степь сливается съ горизонтомъ, и нѣтъ грустнѣе чувства, какое наполняетъ сердце путника на безграничной степи. Человѣкъ тогда кажется былин-

кою, покрытою безпредѣльнымъ небеснымъ сводомъ; взоръ утопаетъ то въ синемъ воздухѣ, то въ глубокой дали, какъ посреди моря, и вполне чувствуется тогда одиночество. — Какъ ни тяжело плаваніе въ морѣ житейскомъ, гдѣ и бури и подводные камни; но на степи гладкой и просторной, одному, еще хуже. — Степь убѣдительно доказываетъ и сердцу и разуму, что человекъ созданъ для жизни общественной.»

По Тобольской губерніи, о бывшемъ городѣ *Тюкаль* (то есть *Тюкалинскѣ*), авторъ замѣчаетъ: »Тюкала имѣетъ нѣсколько улицъ, достаточно грязныхъ, униженныхъ бѣдными, съ берестяными кровлями хижинами, между которыми есть дома и на городскую стать, особенно замѣтнѣе другихъ красуется домъ повѣреннаго питейнаго откупа, обставленный въ видѣ батареи, опустѣлыми винными бочками. — Тюкала лишилась имени города около 8, или 10 лѣтъ, и кажется, не груститъ о потерѣ своей городской знаменитости, памятникомъ которой остались публичный садъ и деревянной гостинной дворъ, съ отверстыми и до нынѣ лавками, въ которыхъ по полкамъ красуются разные товары, для крестьянской потребности. Въ Тюкаль двѣ церкви, одна каменная, а другая деревянная и до 350 домовъ.« — О городѣ *Ишимѣ* — что въ немъ замѣтно повсюду довольство, потому что тамъ цѣны на жизненные припасы очень дешевы и потребителей (въроятно, по числу жителей) не много. »Глядя на счастливыя лица Ишимскихъ жетелей, озабоченныхъ токмо насущностію дня, я невольно вздохнулъ и пожалѣлъ о томъ, почему человекъ вѣчно стремится къ чему-нибудь! — Не истинное ли счастье, укрыться отъ бурь житейскихъ въ какомъ-нибудь Ишимѣ, и прозябать въ тиши?« — Говоря о *Барабинской степи* (*), авторъ заключаетъ: »Крестьяне, не смотря на ихъ березовые домики и берестяныя кровли съ жердочками, все вообще зажиточны, такъ что рѣдко изъ нихъ не имѣетъ двухъ паръ лошадей. У богатыхъ, горницы разкрашены, кажется, однимъ барабинскимъ артистомъ; потому что фантазія его вездѣ одинакова: она на потолкахъ домовъ расписала цвѣты, не существующіе въ природѣ, а на дверяхъ изобразила цѣпныхъ медвѣдей, сильно смахивающихъ на домашнихъ свиней. — У многихъ домовъ, ставни разкрашены и расписаны узорами, а на тесовыхъ крышахъ у домовъ, верхній охлупень (князёкъ) съ рѣзбою и прорѣзями.

(*) Крестьяне и крестьянки Барабинской степи поселены здѣсь Екатериною Великою частію изъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Польшу и укрывшихся въ извѣстный тамъ, раскольниковій притонъ Вѣтку, и частію изъ поселенцевъ (ссылочныхъ) и ихъ погочковъ.

Около воротъ заплоты такъ же съ прорѣзями. Картинки суздальской гравировки украшаютъ стѣны въ горницахъ, а въ одномъ домѣ, чадолюбивый родитель, вмѣсто картинокъ, обляпалъ полстѣны — чистописаніемъ своего сына. Это мой Мишка навараксалъ, говоритъ онъ, самодовольно улыбаясь и поглаживая свою бороду. И счастливый родитель глотаетъ похвалы своему борзо-писцу Мишкѣ! — Суздальскія картинки нынѣ стали въ Сибири очень рѣдки, и только на Барабинской степи еще можно полюбоваться — гисторіями въ лицахъ: о носѣ и сильномъ морозѣ, о Омѣ музыкантѣ и Еремеѣ плясунѣ, козѣ въ сарафанѣ и проч. Обертки съ сургучу здѣсь также играютъ роль картинокъ, и по поводу этому, здѣсь имена нѣкоторыхъ сургучныхъ фабрикантовъ въ большой славѣ.»

По Пермской губерніи, и частію Тобольской, Авторъ замѣчаетъ о курганахъ, что они встрѣчаются тамъ непрерывно и непрерывно по три въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. »Эта тройственность кургановъ даетъ мысль, что они устроены такъ, а не иначе, по какому-нибудь взрванію. Курганы эти — могильные памятники, но какому народу они принадлежали, нѣтъ преданія. Очевидно однакоже, что они принадлежали народу кочевому, по устройству ихъ на степяхъ и около рѣкъ и большихъ озеръ, тамъ, гдѣ пастбища.«— О городѣ *Шадрино*, имѣющемъ 4 каменные церкви и до 600 домовъ, что Шадрино довольно значительный городъ по торговлѣ, однакожъ бытъ сельскій все еще замѣтенъ въ его обитателяхъ. Такова сила мѣстности! За тѣмъ авторъ рассуждаетъ о роскоши, и вмѣстѣ неудобствахъ и дороговизнѣ (не существующихъ, впрочемъ, для купцовъ или торговцевъ) проѣзжать на вольной почтѣ — отъ Шадрина до Казани и далѣе, на разстояніи болѣе 4,000 верстъ..... О городѣ *Екатеринбургъ*, имѣющемъ 8 каменныхъ церквей и одну часовню: въ немъ много каменныхъ домовъ, очень красиво выстроенныхъ; большая улица, широкая и прямая, вымощена камнемъ и обсажена березовою аллеєю, а прочія улицы неровныя, съ рытвинами и грязныя; есть переулки, которые походять на лазейки; есть улицы, гдѣ вы провѣзжаете съ опасностію на каждомъ шагу — упасть съ экипажа — прямо въ болото грязи, по причинѣ рытвинъ, выбоинъ и торчащихъ въ разныхъ мѣстахъ камней. Тротуары деревянные и не во всѣхъ улицахъ. Вообще нельзя похвалиться здѣсь устройствомъ и красотою домовъ, и нельзя надѣяться терпѣнію жителей имѣть такія улицы! — Изъ городскихъ удобствъ: двѣ гостиницы, двѣ кондитерскія и постоялый дворъ — каменные. Много домовъ съ лавками, погребками и разнаго рода заведеніями, а

на одномъ каменномъ домѣ, растлуты полутора-саженныя, вызолоченныя вожницы. Вывѣска огромная и оригинальная! — Екатеринбургъ нынѣ наилучшій городъ по восточную сторону Уральскаго хребта. Между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ, на станціи Златоустовской авторъ говоритъ: »Замѣчательно, что здѣшніе домашніе утки и гуси, летаютъ такъ же легко и свободно, какъ и полевые. Это же самое я замѣтилъ и на Барабинской степи. Птицы эти улетаютъ тамъ за 20 вер. на озера, гдѣ погостивъ нѣсколько дней, возвращаются домой.« — О городѣ *Кунгуръ*, въ коемъ 7 церквей и до 20 каменныхъ домовъ, авторъ замѣчаетъ: »Городской быть въ смѣшеніи съ деревенскимъ. Въ промышленности преобладаетъ извозничество и производство необходимыхъ для извозу вещей. Кунгуръ славится во всей Сибири, особенно своими сапогами, изъ кониной кожи и юфти, съ длинными и узкими голенищами и съ тройнымъ рядомъ мѣдныхъ и желѣзныхъ гвоздей, на толстыхъ подошвахъ и плоскихъ каблукахъ. Эта обувь составляетъ щегольство ямщиковъ, извозчиковъ и крестьянъ, и на крѣпкой ногѣ не уступаетъ копыту лошади.« — О губ. городѣ *Перми*, въ коемъ 8 каменныхъ церквей, авторъ, при сообщеніи кратчайшихъ свѣдѣній, говоритъ: »Если въ городѣ мало особенно замѣчательнаго, то за городомъ на кладбищѣ, есть примѣчательный памятникъ — это надгробный монументъ, надъ могилою знаменитаго Доктора Граля, имя котораго, какъ друга человечества, достойно занимать мѣсто на страницахъ Исторіи. Этотъ примѣрный медикъ всю жизнь свою посвятилъ на помощь своимъ больнымъ. Днемъ и ночью у него были въ готовности заложенные въ экипажъ лошади, чтобы по первому же призыву спѣшить на помощь. Безъ различія лицъ и званія, онъ съ одинаковою готовностію спѣшилъ и въ палаты богача и въ убогую хижину. За практику ничего не принималъ, кромѣ подарковъ въ день своего Ангела. Бѣдные пользовались отъ него медикаментами безденежно. Должность свою отправлялъ онъ всегда въ мундирѣ. Такъ высоко онъ цѣнилъ назначеніе медика и его священную обязанность! Практика его была до того велика, что только утромъ въ извѣстные часы и ночью можно было найдти его дома. Остальное время дня, все было посвящено больнымъ. Я предполагалъ увидѣть памятникъ Гралю на городской площади, и, ошибся!« — Объ *Оханскѣ*, въ коемъ каменная церковь и до 300 домовъ — все деревянные и простенькіе: »Только домъ питейнаго откупа виднѣе другихъ. Вообще городъ Оханскъ былъ бы очень хорошею деревнею, не тяготясь именемъ города.«

По Вятской губерніи, говоря о городѣ Малмыжъ, въ коемъ двѣ

церкви и около 300 деревянныхъ домовъ, авторъ прибавляетъ, что въ немъ—» въ числѣ городскихъ удобствъ двѣ гостиницы, для посвященія—Узное училище, и за тѣмъ самъ Балзакъ, плодовитый на мѣлчайшія подробности, задумался бы при описаніи пресловутаго Малмыша, котораго насущная исторія бѣла, какъ первая страница пепочатой книги, нарицаемой—меморіаль. Благодаря проливному дождю и грязи, наполнявшей улицы, я насмотрѣлся до слезъ на Малмышь, и оттого простился съ нимъ съ трепещущими на рѣсницахъ слезами.»

По губерніи Казанской—о губ. городѣ *Казани* (имѣющей до 40 церквей и монастырей и до 56,000 жителей (не меньше-ли?), которой посчастливилось услышать о себѣ отъ путеописателя болѣе словъ и внимательности, въ сравненіи съ другими городами, и которую онъ ставитъ, послѣ столицъ, первымъ губернскимъ городомъ во всей имперіи, авторъ, между прочимъ, такъ живописуетъ: »Видъ города очень красивъ, а въ то время, когда я приближился къ Казани,—онъ былъ очарователенъ! Въ это время, солнце блистало уже около горизонта, въ волнахъ розовыхъ и синихъ облаковъ и бусилъ мѣлчайшій дождикъ. Солнечные лучи, проходя сквозь эту влажную пыль, покрывали городъ и поле оранжевымъ свѣтомъ, съ переливами свѣта и тѣни, а противъ города, на небесахъ, образовались двѣ великолѣпныя и полныя радуги, какъ двѣ волшебныя арки, основаніемъ которыхъ было блестящее изумрудное поле.— На яркой зелени кустарниковъ трепетали свѣтлыя, дождевыя капли и казались прозрачно-розовыми, поле казалось ковромъ, сотканнымъ и вышитымъ руками фей!— Окна на дачахъ, облитыхъ оранжевымъ свѣтомъ, пылали ярко-золотистымъ огнемъ! Въ восторгѣ отъ этой, неожиданной и выше всякаго описанія картины, я невольно произнесъ: »Небеса престоль Твой, и земля—подножіе ногъ Твоихъ!« Къ довершенію очарованія,—въ городѣ раздался гулъ колоколовъ,—благовѣсть къ заутрени.«—» Въ Университетѣ богатое собраніе физическихъ инструментовъ, и посреди двора бронзовый монументъ, поставленный Гавріилу Романовичу Державину.—Поэтъ изображенъ сидящимъ, въ задумчивости, одѣтый въ легкую одежду дреннихъ и сандалии. Мнѣ кажется, этотъ нарядъ нейдетъ Русскому?«—»Казань въ Исторіи Государства Россійскаго, составляетъ собою особый и славный эпизодъ, но тщетно искалъ я слѣдовъ, гдѣ нѣкогда обитали ея могучіе ханы! Я воображалъ встрѣтить опустѣлую алгамбру, и нашелъ грязную татарскую слободу, жители которой усердно предлагаютъ купить у нихъ шали, платки, аракчины и халаты, запрашивая за товаръ свой въ три-дорога, и отдавалъ за третью часть противъ

запрошенной цѣны.—Послѣ этого, я не искалъ уже слѣдовъ древности Казани, оставя безъ вниманія даже домики прекрасной Сумбеки, видя ясно, что нынѣ Казань—дѣятельно-торговый городъ, шеголяющій своими халатами и сафьянами.«—А вотъ и послѣднiя слова автора о Казани, при выѣздѣ его изъ города: »Казань на долго останется въ моей памяти: по великолѣпному впечатлѣнiю, полученному при приближенiи къ ней, по красотѣ и изяществу ея зданiй, и по грязи, покрывающей ея улицы, и по гадкой водѣ, отъ которой я съѣлся бо-лѣнь.«—О городѣ *Свияжскъ*, имѣющемъ 6 церквей и 2 монастыря мужескiй и женскiй; въ первомъ изъ нихъ почиваютъ мощи Св. Германа:—»Улицы въ городѣ прямыя и довольно широкiя, есть немного каменныхъ зданiй, деревянные дома большiе и старыя, гостинный дворъ состоитъ: изъ посудесятка деревянныхъ лавокъ съ разною мѣлочью. Вообще г. Свияжскъ—городъ бѣдный. Жители занимаются славомъ по Волгѣ на лодкахъ въ Казань—пассажировъ. Мѣстоположенiе города довольно красивое и веселое.«—О городѣ *Чебоксарахъ*, до коего »дорога идетъ окруженная березовою аллеєю, а около города, съ версту бѣжить степью, скатываясь крутымъ спускомъ въ улицу г. Чебоксаръ«.—въ немъ до 40 каменныхъ церквей и монастырь:—»Въ числѣ городскихъ удобствъ, есть порядочная гостинница, и какъ вездѣ, по городамъ, вывѣски на стѣнахъ домовъ возвѣщаютъ о существованiи разныхъ искусствъ и ремеслъ, въ томъ числѣ и ремесла портнаго, только едва ли Чебоксарскiй портной удовлетворилъ бы прихотливый вкусъ столичнаго шеголя? Примазанные деготькомъ сапоги здѣшнихъ франтовъ мѣшанъ, тоже не даютъ идеи, чтобы здѣсь былъ артистъ сапожникъ. За то здѣсь русскiй кафтанъ, съ широкою, богатырскою грудью гуляетъ на распахку по улицамъ, и подъ вечерокъ, въ гостинницѣ, гремятъ удалыя приволжскiя пѣсни.«—Отъ г. Чебоксаръ до станци стараго Сундыря 24⁵/₄ в.—»Селенiе *Старыя Сундыри*, расположено по восточному скату горы и раздѣлено рвомъ, чрезъ который перекинутъ небольшой мостъ. Въ селенiи этомъ 45 домовъ. Живутъ все Чуваши. По любви ли къ природѣ, или по любви къ скотамъ, они живутъ въ тѣсномъ союзѣ—съ телятами и поросятами, по этому у нихъ домашнее хозяйство, буквально,—подъ руками. Воздухъ въ домахъ—приличный клеу и стойлу. Тотъ же образъ жизни ведутъ Черемсы и Вотьяки.«

По Нижегородской губерни—о городѣ *Васильсурскъ* или просто *Василь*, имѣющемъ каменную церковь и до 200 домовъ:—»По положенiю, казалось бы, городу надобно имѣть болѣе блестящiй видъ; но онъ

существуетъ мѣлкою промышленностію. За то здѣсь каждый житель, которому не лѣнь, ежедневно можетъ имѣть къ своему столу живую етерлядь, превосходнаго вкуса и качества. — Наслажденіе — ни почто здѣсь цѣнимо! — О губ. г. *Нижемя-Новгородь*, въ коемъ до 16 церквей и три монастыря, очень и очень мало сказано — и о самомъ городѣ и о его ярмаркѣ, — обо всемъ — только двѣ странички, общими мѣстами, такъ что мы не знаемъ, что и выписать. Видно, что авторъ слишкомъ утомился, и двѣ губерніи, Нижегородскую и Владимірскую, съ ихъ городами, какъ будто прохалъ на *курьерскихъ*. А между тѣмъ онѣ такъ важны и такъ буквально мрутъ къ заданной имъ самому себѣ темѣ при отправленіи въ Москву, что объ нихъ слѣдовало бы поговорить не мало.

По *Владимірской губерніи* о городахъ *Гороховицъ* и *Вязникахъ* (въ послѣднемъ 8 церквей и до 30 каменныхъ домовъ) — авторъ сказалъ *меньше странички*, тогда какъ инымъ станціямъ, ни мало не интереснымъ и ни чѣмъ не замѣчательнымъ, подобно приведенной нами выше — Орловской — посвящалъ по цѣлой страницѣ и болѣе на станцію. Такая несоразмѣрная услужливость къ незамѣчательному и невнимательность къ интересному сильно вредятъ и темъ и достоинству книги. — Но губ. городъ *Владиміръ* вызвалъ и остановилъ на себѣ вниманіе автора-путешественника — на 3¹/₂ шутивыя страницы, впрочемъ то же безъ особыхъ историческихъ подробностей.

Нашъ разборъ книги «Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы,» незамѣтно сдѣлался очень великъ. Этимъ мы показали, какъ дорожимъ книгами этого рода. Отъ Г-на В. П., судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его книжки, можно было ожидать болѣе удовлетворительныхъ результатовъ и описаній такого тракта, на 5,339 верстахъ — «линии, на протяженіи которой болѣе населенности, жизни и движенія и *развитія внутречнихъ силъ Государства.*»....

Книга напечатана опрятно и на бѣлой бумагѣ. Кромѣ типографскихъ, впрочемъ весьма не значительныхъ и не многихъ опечатокъ, самому автору принадлежитъ много весьма важныхъ ошибокъ въ собственныхъ названіяхъ городовъ, рѣкъ и проч., на примѣръ: г. Тюкала (вмѣсто Тюкалинскъ), г. Гижига (вм. Гижигивскъ), г. Канскъ (вм. Каинскъ), г. Покровскъ (вм. Покровъ), р. Арпень (вм. Рпень), р. Кержеть (вм. Киржачъ), въ г. Вязникахъ р. Блзъма (вм. Клязьма); нѣкогда принадлежавшее Суворову село Ундель (вм. Ундоль), ст. Чернолѣсская (вм. Чернорѣчинская), сел. Бунысы (вм. Буньково), поле Ваганька (вм. Ваганьково) и проч. Почти всѣ эти собственныя названія являются въ книгѣ по

нѣскольکو разъ — и ни разу не выставлены въ своемъ настоящемъ имени. Въ особенности не посчастливилось городу Каннску, Томской губерніи: его совсѣмъ нѣтъ; ибо онъ авторомъ превращенъ въ г. Канскъ, и потому въ книгѣ его являются и описываются два Канска: одинъ въ Евсейской губерніи, другой въ Томской.

Жаль, что къ книгѣ не приложено алфавита городамъ, станціямъ, (коиъ болѣе 220), селамъ, деревнямъ, рѣкамъ, и проч. *Ив. Дм.*

ОПИСАНІЕ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА въ нынѣшнемъ его состояніи. Въ тип. Имп. Академіи наукъ. 1851.

АКТЪ ШЕСТАГО ВЫПУСКА СТУДЕНТОВЪ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА 23 Іюня, 1851, тамъ же.

Съ нѣкотораго времени отчеты учебныхъ заведеній возбуждаютъ вниманіе всѣхъ читателей, какъ прежде возбуждали только нѣкоторыхъ. Они даютъ имъ возможность слѣдить за ходомъ образованія въ нашемъ отечествѣ и судить объ успѣхахъ, какіе дѣлаемъ мы на поприщѣ умственнаго развитія, знакомя въ тоже время съ характеромъ, цѣлю и средствами заведеній. «Описаніе Главнаго Педагогическаго Института» представляетъ намъ основаніе, различныя преобразованія, цѣль, составъ, права и преимущества, части учебную, воспитательную, хозяйственную, составъ и штаты этого заведенія, съ приложеніемъ списковъ студентовъ прежнихъ и нынѣшняго выпусковъ и формы о принятіи воспитанниковъ въ Институтъ.

Учебныхъ заведеній, благодаря заботливости и попеченію Правительства, у насъ очень много; но немногіе знаютъ о характерѣ, назначеніи и цѣли ихъ. Нѣкоторые изъ родителей, отдавая дѣтей своихъ въ то или другое заведеніе, знаютъ только, что изъ того-то выпускаютъ учащихся въ военную службу, а изъ этого — въ гражданскую, въ одномъ даютъ такіа-то права и преимущества учащимся при поступленіи ихъ на службу, а въ другомъ такіа; но какое учащееся получаютъ образованіе въ этихъ заведеніяхъ, какія средства имѣютъ заведенія для достиженія своей цѣли, словомъ, о духѣ, такъ сказать, заведеній, характерѣ и цѣли ихъ знаютъ немногіе. «Описаніе Главнаго Педагогическаго Института» даетъ полное и ясное понятіе обо всемъ этомъ въ отношеніи этого заведенія. Оно начинается исторіею Института и различныхъ его преобразованій. Выпишемъ это мѣсто «Описанія», какъ весьма любопытное.

«При С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ, со времени ея основанія, въ 1725 году, находилась *Гимназія*, которая до 1762 года называлась Университетомъ. Здѣсь, подъ руководствомъ Академикомъ, образовались учителя для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

«Въ 1782 году, когда Императрица Екатерина II составила планъ постепеннаго и повсемѣстнаго въ Имперіи образованія Народныхъ училищъ, основана была *Учительская Семинарія*, для приготовленія учителей Народныхъ училищъ. При открытіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1803 году, Мая 20 дня, Учительская Семинарія была совершенно преобразована. Заведеніе сперва названо *Учительскою Гимназією*. По предмету своему, состоявшему въ образованіи юношества къ учительской должности, она составляла отдѣленіе имѣвшаго учредить въ С.-Петербургѣ Университета; почему и повелѣно было, въ 1804 году, принять ей названіе *Педагогическаго Института*, собразно тому, какъ называются таковыя отдѣленія въ другихъ Университетахъ.

«Въ 1816 году, 23 Декабря, Высочайше утверждено новое образованіе Педагогическаго Института. Институтъ, составлявшій доселѣ временное отдѣленіе предположеннаго Университета въ С.-Петербургѣ, утвержденъ былъ въ особенномъ и неперемѣнномъ существованіи своемъ, подъ названіемъ *Главнаго Педагогическаго Института*. «Существенный предметъ сего Института состоялъ въ образованіи учителей, магистровъ, адъюнктовъ, профессоровъ, для всѣхъ училищъ въ Имперіи, подѣдомственныхъ Министерству Просвѣщенія и не зависѣвшихъ отъ онаго, наставниковъ для частныхъ учебныхъ заведеній или пансіоновъ и для домашняго воспитанія. Для достиженія «существенной цѣли Главнаго Педагогическаго Института, преподавались въ немъ всѣ тѣ науки, (исключая медицинскія), изящныя искусства и языки, которымъ обучаются въ Университетахъ. Главному Педагогическому Институту, имѣвшему всѣ возможныя пособія, дозволено было учредить при себѣ *Пансіонъ*, для воспитанія дѣтей на особенномъ «положеніи. Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ преподавались «*собственные курсы*, для образованія учителей, и *публичныя*, для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ. Собственные курсы «раздѣлялись на первый курсъ, предварительный, продолжавшійся два «года, окончательный, или высшихъ наукъ, трехлѣтній, и педагогическій «однолѣтній. Курсъ высшихъ наукъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій:

«философско-юридического, физико-математического и историко-филологического.

«Въ 1817 году, Октября 25, учрежденъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ *второй разрядъ Главнаго Педагогическаго Института*, для образованія въ немъ учителей Приходскихъ и Уѣздныхъ училищъ.

«Въ 1819 году, Февраля 8, Главный Педагогическій Институтъ преобразованъ въ *С-Петербургскій Университетъ*, а второй разрядъ Главнаго Педагогическаго Института, въ 1822 году Юня 25, былъ упраздненъ.

«Въ 1828 году, Сентября 30, для умноженія числа достойныхъ наставниковъ юношества, сверхъ существующихъ при Университетахъ Педагогическихъ отдѣленій, учреждено въ С-Петербургѣ особое заведеніе, подъ названіемъ *Главнаго Педагогическаго Института*. Въ немъ, какъ и прежде, было три курса: предварительный, окончательный и педагогическій. Окончательный также состоялъ изъ трехъ факультетовъ: философско-юридического, физико-математического и историко-филологического.

«Въ 1832 году, 19 Апрѣля, открыто при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ *отдѣленіе для малолѣтняго возраста*.

«Въ 1838 году, 14 Декабря, сверхъ малолѣтняго возраста, присоединенъ къ Главному Педагогическому Институту возобновленный *второй разрядъ Главнаго Педагогическаго Института*, для приготовленія учителей въ Уѣздныя училища.

«Въ 26-й день Юля, 1847 года, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ отдѣленіе младшаго возраста и второй разрядъ, какъ учрежденія, исполнившія свое назначеніе и за тѣмъ оказавшіяся ненужными, упразднить.

«Съ приведеніемъ такимъ образомъ Института въ первоначальное состояніе, для большей специальности, оный ограниченъ двумя факультетами: Историко-философскимъ и Физико-математическимъ; Юридическій же факультетъ упраздненъ. Оклады упраздненныхъ кафедръ юридическаго факультета обращены на вновь открытыя кафедры: Астрономіи, Русской Исторіи и Славянскихъ нарѣчій.

«Въ 1849 году, Юня 27, Министръ Народнаго Просвѣщенія, находя Предварительный курсъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ исполнившимъ свое назначеніе и болѣе не нужнымъ, предписалъ впредь не производить приѣма воспитанниковъ въ сіе отдѣленіе, а

«только укомплектовать студенческий курсъ, раздѣлив оный на старшій и младшій, и назначивъ для каждаго изъ нихъ двухгодичный срокъ, такъ что все воспитаніе Институтское, наравнѣ съ Университетомъ, должно продолжаться только четыре года, вмѣсто прежнихъ шести лѣтъ.» (Стр. 1—5).

Но мы обратимъ вниманіе на цѣль, для которой существовалъ и въ настоящее время существуетъ Педагогическій Институтъ.

«Главный Педагогическій Институтъ учрежденъ для приготовленія «Профессоровъ и Учителей въ учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія. При сей главной цѣли Института, нѣкоторые студенты онаго могутъ поступать въ комнатные надзиратели пансіоновъ при Гимназіяхъ, или другихъ казенныхъ воспитательныхъ заведеній, а въ учителя по Военно-Учебнымъ заведеніямъ и въ домашніе наставники» (Стр. 5).

Мы имѣли уже случай замѣтить, что многіе изъ родителей поступаютъ въ дѣль образованія дѣтей бозсознательно, ошупью, а многіе изъ учившихся или учащихся берутъ на себя обязанность домашнихъ наставниковъ не по внутреннему призванію и расположенію, не по врожденнымъ способностямъ, а единственно изъ выгодъ, какія доставляетъ преподаваніе уроковъ въ домахъ. Можно злоупотреблять всѣмъ для своихъ личныхъ интересовъ, даже святымъ долгомъ воспитанія. Толкуютъ же постановленія и законы соответственно своимъ выгодамъ, женятся по расчету на знатныхъ и богатыхъ, торгуютъ совѣстію для приобрѣтенія и обезпеченія своего имущества; отъ чего же не пустаться и въ домашніе учителя и наставники, если домашнему учителю платятъ хорошую цѣну, если онъ, исполняя должность учителя, часто дѣлается еще другомъ дома, и живетъ въ совершенномъ довольствѣ и счастіи?... Но къ чему толковать о злѣ, гдѣ бы оно ни существовало, въ какихъ бы сферахъ жизни ни являлось. Главное дѣло — врачевать болѣзнь, искоренять, или, по крайней мѣрѣ, уменьшать существующее зло. Учрежденіе Педагогическаго Института, какъ мы видѣли и изъ исторіи его, всегда имѣло въ виду образованіе учителей и наставниковъ, какъ публичныхъ заведеній, такъ и домашнихъ. Извѣстно, что и мало способный учитель, если только онъ знаетъ, какъ приняться за дѣло обученія дѣтей, гораздо болѣе успѣетъ, нежели и очень способный, но не умѣющій взяться за него. Мы говоримъ это потому, что не можетъ же быть, чтобы всѣ воспитанники Института были равно способны къ должности учителей и наставниковъ: но всѣ они, — въ этомъ всякій убѣжденъ, — какъ посвятившіе себя исключительно

ва приготовленіе къ этой должности, могутъ выполнить ее несравненно отчетливѣе, сознательнѣе, превосходнѣе, чѣмъ тѣ, которые берутся за нее *exromptam*. Образование педагоговъ, кромѣ цѣли—доставленія въ публичныя заведенія и въ дома достойныхъ учителей и наставниковъ, должно дать еще общій характеръ образованію и воспитанію нашего юношества, и уничтожить ту пестроту, которая существуетъ въ настоящее время въ познаніяхъ молодыхъ людей, что одинъ слишкомъ много знаетъ, а другой, учившійся у того же учителя, почти ничего. Здѣсь разница происходитъ, не отъ способности воспитанниковъ, а отъ того, что учитель, занимаясь съ однимъ, удачно попалъ на врожденныя его дарованія, а съ другимъ таже была употреблена метода, но не пришла въ натурѣ питомца. Дай же Богъ побольше воспитанниковъ Педагогическому Институту!

«Актъ шестаго выпуска Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института» есть какъ бы оправданіе того, что сказано въ «Описаніи Института» и служить къ нему дополненіемъ, потому что, при изложеніи отчета за выѣшній годъ, дѣлаются мѣстами ссылки на «Описаніе». Въ этой книгѣ мы остановимся на рѣчи г. Вышнеградскаго.

Г. Вышнеградскій разсматриваетъ въ своей рѣчи «какіе вопросы относятся къ области Педагогіи и какіи пути прямо и надежно ведутъ къ ихъ рѣшенію». Онъ говоритъ: «Воспитаніе, разумѣя подъ «симъ словомъ только то, которое совершается намѣренно и обдуманно, есть искусственный процессъ, въ которомъ человекъ неразвивается при помощи различныхъ употребляемыхъ взрослыми мѣръ, развиваетъ всѣ стороны своего существа соответственно той цѣли, ради которой существуетъ человекъ и гражданинъ. Изъ сего понятія о воспитаніи открывается, что опредѣленіе педагогическихъ мѣръ, «безспорно будучи цѣлью всякаго изслѣдованія о семъ предметѣ, вовсе «не составляетъ единственной и даже главной задачи педагогіи. Ибо «разумно могу предписать мѣры воспитанія только тогда, когда знаю «во 1, цѣль, ради которой воспитываю, 2, природу лица, мною воспитываемаго. Такимъ образомъ главныхъ вопросовъ въ наукѣ о воспитаніи три: 1, о цѣли, ради которой воспитывается человекъ, 2, «о его природѣ, и 3., о средствахъ, кои должны быть употребляемы «для того, чтобы воспитываемое лице достигало своей цѣли» (стр. 5).

Изложивъ такимъ образомъ главные вопросы, составляющіе содержаніе Педагогіи, г. Вышнеградскій переходитъ къ объясненію ихъ. Онъ доказываетъ, во 1-хъ, необходимость предположенія и яснаго сознанія цѣли, къ которой должно вести воспитаніе. Но цѣли воспитанія

могутъ быть различны. Пожалуй, и Мавиловъ имѣлъ цѣль для своего сына, думая сдѣлать его дипломатомъ. Поэтому г. Вышнеградскій полагаетъ, что цѣль и сознание ея должны быть истинныя, а не ложныя, разумныя и нравственныя, а не химерическія и нелѣпыя, словомъ, онѣ должны быть соответственны назначенію чело­вѣка и гражданина.

«Въ жизни чело­вѣка»—говоритъ авторъ рѣчи, главнымъ образомъ «могутъ быть различаемы два назначенія: одно, условливаясь общечеловѣческими свойствами нашими, обще всѣмъ людямъ; для всѣхъ равно обязательно указаніе Предвѣчной Истины: *будьте совершенны, яко же и Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть*. Это наша цѣль главная; вто назначеніе высшее; стремленіе къ нему есть существенное условіе, необходимое для достиженія всѣхъ прочихъ цѣлей. Но по вѣчному закону Премудраго Устроителя и Верховнаго Правителя чело­вѣческихъ обществъ' (,) каждый чело­вѣкъ въ особой формѣ и въ особой мѣрѣ долженъ развивать и проявлять въ общественной жизни тѣ силы, кои составляютъ сущность нашей природы; неравномѣрно раздѣляя между людьми разнообразныя дарованія, и такимъ образомъ поставляя насъ въ зависимости другъ отъ друга, Промыслъ не разрывно связалъ насъ одного съ другимъ узами взаимной нужды и тѣмъ самымъ положилъ незыблемое основаніе гражданскому обществу. Итакъ каждый долженъ служить Обществу тѣми способами, кои даровала ему природа, указало происхожденіе или опредѣлила Государственная власть. Какое обширное поприще, какой важный предметъ для соображеній педагога! Онъ долженъ глубоко вникнуть въ особенности различныхъ классовъ народныхъ и служеній общественныхъ, и на основаніи того опредѣлить, какое воспитаніе вѣрвѣйшимъ образомъ приготовляетъ къ той дѣятельности, которая ждетъ каждого изъ насъ на поприщѣ служенія обществу. Такъ на-прим. (,) всѣ мы чувствуемъ, что воспитаніе женщины во многомъ должно отличаться отъ воспитанія мужчины: но стоитъ только прислушаться къ разнообразнымъ, нерѣдко противоположнымъ мнѣніямъ о сущности сего различія, дабы убѣдиться въ томъ, что большинство разсуждающихъ не имѣетъ яснаго сознанія объ особенности и сущности служенія, предназначеннаго женщинѣ отъ природы. Одни требуютъ, чтобы воспитаніе ея ограничивалось пріобрѣтеніемъ тѣхъ знаній и способностей, кои необходимы для матери и хозяйки, другіе желаютъ видѣть женщину украшенною тѣми дарами, кои необходимы для возвышенія общественной жизни; одни почитаютъ совершенно ненужными для женщины тѣ сокровища умственнаго образованія, кои

«почитаются столь важными и благотворными для мужчины, другие, в силу разумно-человѣческой природы ея, требуют и для нея равной съ мужчиною доли въ общемъ достоинствѣ человѣческой образованности. Чѣмъ объяснить такое разномысліе касательно предмета, по видимому простаго и вѣсѣмъ близкаго? Отчего споры о немъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка, вопреки справедливому ожиданію, не приводятъ ни къ какому положительному результату? Отъ того, что большинство начинаетъ судить объ этомъ предметѣ, не уяснивъ себѣ достаточно той идеи, безъ которой не возможно рѣшеніе сей задачи, — идеи объ особенной цѣли, о своеобразности назначенія и служенія женщины. Тѣ же трудности, тоже разногласіе и по той же причинѣ встрѣчаемъ въ каждомъ разсужденіи о мѣрѣ, содержаніи и способахъ образованія низшихъ классовъ общества. Посему желающій постановить твердыя и разумныя правила касательно воспитанія долженъ, предварительно изслѣдовать: а) общую вѣсѣмъ людямъ цѣль жизни нашей, б) тѣ особенныя назначенія, кои условливаются націею, поломъ, сословіемъ, будущею должностію и специальными природными дарованіями (стр. 7).

Перехода къ изложенію втораго вопроса науки о воспитаніи — *о природѣ чловѣка*, и доказывая необходимость его существованія въ содержаніи педагогій, г. Вышнеградскій указываетъ, какія именно стороны этого вопроса существенно необходимы для научнаго построенія педагогической системы. Здѣсь онъ объясняетъ: а) какъ относится естественный чловѣкъ къ цѣли земнаго бытія своего; потомъ говоритъ о необходимости изслѣдованія б) вопроса объ основныхъ законахъ, по которымъ совершается развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ чловѣка, и наконецъ указываетъ, какіе существуютъ способы къ рѣшенію, с) имѣеть ли чловѣкъ какія либо врожденныя расположенія, или все содержаніе его души есть произведеніе вѣншихъ явленій».

Для опредѣленія *средствъ воспитанія*, третьей задачи Педагогій, г. Профессоръ считаетъ за первый способъ — *опытъ*, а за второй и важнѣйшій — *познаніе общихъ законовъ развитія чловѣческой души*.

Разсматривая всѣ изложенныя выше вопросы, которые должна имѣть въ виду Педагогія, и которые, по-тому должны составлять существенное содержаніе ея, мы видимъ, что г. Вышнеградскій обнимаетъ эту науку въ обширномъ объемѣ и съ глубокимъ сознаніемъ содержанія ея, и Грифе, напримеръ, имя котораго упоминаетъ г. Вышнеградскій, дѣйствительно представляетъ попытки создать что-то въ родъ науки Педагогій, но не создалъ ея, увлекшись слишкомъ отвлеченными изслѣдованіями о психическомъ развитіи чловѣка и почти совершенно

оставляя въ сторонѣ опытъ, примѣненіе своимъ началъ къ дѣйствительности. Правда, что и г. Вышнеградскій только излагаетъ въ своей рѣчи тѣ вопросы, которые должны входить въ составъ Педагогіи, а не рѣшаетъ ихъ; но важно, что эти вопросы означены, указаны, а слѣдовательно задана та задача, надъ рѣшеніемъ которой должна главнымъ образомъ трудиться Педагогія. Быть можетъ, ее рѣшитъ самъ же г. Вышнеградскій, потому что въ отчетъ объ ученыхъ трудахъ профессоровъ Института, говорится, что онъ въ минувшемъ академическомъ году занимался составленіемъ *Руководства къ Педагогикѣ*. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ свѣтъ этой въ высшей степени нужной книги. Не многіе отчеты могутъ сравняться съ этими въ ясности, полнотѣ и дѣлесообразности. Видѣвъ мастеръ своего дѣла.

Н. Р.-Р.

ПАНТИОНЪ И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. Июль.
Книжка первая.

1) *Отдѣлъ драматическій: «Царскіе потѣшныя или Кожуховскій походъ, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, изъ времени Петра Великаго.»* Soi disante комедія «Царскіе потѣшныя» — назадъ тому гдѣтъ пять, играна была въ Петербургѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ, и мирно скончалась послѣ втораго представленія. Для чего появилась она снова на свѣтъ Божій, неизвѣстно, ни ей вѣроятно, плохой комедіи, ни намъ, обязаннымъ отдавать о ней отчетъ публикѣ. «Царскіе потѣшныя» носятъ на себѣ всѣ родовые признаки различныя драматическихъ представлений и повѣстей, заимствуемыхъ изъ эпохи Петра В. Гг. сочинители такихъ штукъ, всѣ безъ различія, какъ набившіе, такъ и не набившіе руку въ этомъ дѣлѣ, начиная съ Гг. Подеваго и Кукольника, слѣдуютъ обыкновенно одному рецепту въ изображеніи того, съ чѣмъ боролся великій Преобразователь. По рецепту написаны и «Царскіе потѣшныя», которыхъ содержаніе мы расскажемъ отчасти для того, чтобы познакомить читателя съ этимъ рецептомъ.

Дѣйствіе открывается на Преображенскомъ дворѣ, въ казармахъ. На барабанахъ сидятъ нѣсколько офицеровъ и сержантовъ, и въ томъ числѣ Меншиковъ, Артамоновъ и неизбѣжный Нѣмельъ, капитанъ Политъ, отличающійся тѣмъ, что онъ коверкаетъ русскій языкъ и соответственно своей фамиліи (Pflicht) говоритъ безпрестанно о долгѣ службы. Разговоръ идетъ о Кожуховскомъ походѣ. При семъ удобномъ случаѣ, Меншиковъ говоритъ:

«Конечно, это шутка, но, какъ всякая шутка нашего Царя скрываетъ въ себя благую цѣль, то и эту онъ хочетъ приучать народъ свой къ шуму и движенію военному, вмѣстѣ съ тѣмъ искоренить невѣжество, предрасудки и пагубные остатки мѣстничества.... Все онъ дѣлаетъ шути: шути—преобразуетъ войско, шути—создаетъ флотъ.... «но шути эти скоро отзовутся страхомъ для сосѣдей и враговъ Россіи, онъ прославятъ наше отечество и увѣковѣчатъ доблестную память Петра Алексѣевича. Такъ, братья.... и если мы—его счастливые «сподвижники, усердно и дружно пойдемъ за нимъ, то и наши имена, «теперь не больше, какъ имена потѣшныхъ, впишутся въ исторію дѣланій нашего Царя....» Потомъ, Меньшиковъ остается наединѣ съ Артамоновымъ и Артамоновъ открывается ему въ пряничной любви къ дочери закоренлаго врага нововведеній, князя Мышецкаго....

Да позволять намъ читатели остановиться немного и спросить, почему до сихъ поръ еще наши драматурги не могутъ шагу сдѣлать безъ приторной любви — почему такъ мало подѣйствовали на нихъ извѣстные слова Гоголя въ «Театральномъ развѣздѣ» и самыя произведенія великаго поэта. Не грѣхъ вспоминать иногда хорошее старое, и мы не можемъ удержаться, чтобы не привести по этому поводу энергической выходки изъ одной, превосходной во многихъ отношеніяхъ критической статьи—1844 года: «Чуть только начнемъ мы писать комедію,—говорить ея авторъ»—выходитъ книга, въ которой много «словъ, много пошлостей, много вздора и нѣтъ нисколько истины, дѣйствительности. Интрига всегда завязана на пряничной любви, увѣчливающейся законнымъ бракомъ, по преодолѣніи разныхъ препятствій. «Любовь у насъ во всемъ—и въ стихахъ, и въ романахъ, и въ пошлостяхъ, и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Подумаешь, что на Руси, люди только и дѣлаютъ, что влюбляются, да по преодолѣніи разныхъ разныхъ препятствій, женятся, — и, замѣтите, всегда безкорыстно, безъ расчетовъ на приданое, на связи, на выгодное мѣсто, всегда на дѣвѣ идеальной, дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Гоголь сказалъ правду: *Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и азатлать, во что бы то ни стало, другаго, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку, не больше ли имѣютъ теперь электричества денежный капиталъ, выгодная женитба, чѣмъ любовь?»* Но нашимъ комикамъ этого и въ голову не входило. Пошлый любовникъ съ пряничными фразами, пошлая барышня, нѣчто въ родѣ «сентиментальной *servante endimanchée*, разлучникъ негодій и дядя резо-

«лѣръ—внзвынныя лица ихъ комедій. Всѣ говорятъ, словно по книгѣ читаютъ, не услышишь живаго слова и нѣтъ признака того, что бываетъ въ дѣйствительности. Оно и лучше: ни кто не узнаетъ себя и не осердится. Волки сыты и овцы цѣлы.»

На такой же прямишной завязкѣ основана и комедія «Царскіе потѣшныя.» Герои ея шуты, какихъ на свѣтѣ не бываетъ или условныя куклы съ условными рѣчами, съ приторными чувствами. Артамоновъ рассказываетъ—что въ «грустномъ взглядѣ» своей любезной при встрѣчѣ съ нею, онъ «прочелъ, что она помнитъ и по прежнему любить его.»—«Вчера—продолжаетъ онъ—я встрѣтился съ нею на *гульбищѣ*—и былъ «пораженъ внезапною переменѣю въ лицѣ ея; *цвѣтущія здоровьемъ щеки были покрыты страшною блѣдностью*; отуманенные какимъ «то (Sic!) горемъ глаза ея, какъ будто говорили мнѣ о близкомъ несчастіи, которое грозитъ намъ обоимъ....» Удивительное дѣло—какъ подобныя, очевидныя, вопіющія пошлости не надобли еще ихъ производителямъ!... Кто, скажите на милость, можетъ принимать во всемъ этомъ участіе, кому не смѣшно и не досадно, что авторъ заставляетъ принимать въ нихъ участіе Меньщикова, котораго голова занята была вѣроятно не такимъ вздоромъ?... «Бѣдняжка... *чувствительно* говоритъ къ *чувствительному* Артамонову—«право, я начинаю принимать участіе въ твоихъ любовныхъ интригахъ.»

Приходитъ царскій шумъ Тургеневъ, прозванный кievскимъ полковникомъ и тоже принимаетъ участіе въ любовномъ горѣ Артамонова! хотя боится идти къ князю Мышецкому. «Нѣтъ, братъ—слуга покорный, «Я ужъ тебѣ разъ на отрѣзъ отказалъ и теперь повторю, что мнѣ «своей бока еще не надобли, а съ княземъ шутить нельзя.»

Значить—поборникъ старинны, князь Мышецкій, съ перваго же раза представляется въ видѣ *дантиста*, въ томъ значеніи снова, какое придаетъ ему капитанъ Копѣйкинъ, и мы, говоря словами князя Одоевского, имѣемъ удовольствіе видѣть изображеніе стараго боярина, списанное прямо съ его кучера. Все это—какъ и слѣдуетъ. Но ничто не можетъ сравниться въ *комизмѣ* съ сценою смотря войска, набраннаго изъ подъячихъ, стряпчихъ, жильцевъ, дворянъ и обучаемаго капитаномъ Фелихтомъ. Это грубое малеванье *замычательно* по своему безобразію—и мы считаемъ долгомъ выписать всю эту сцену, съ немногими сокращеніями—чтобы познакомить читателей съ общею манерою нашихъ драматурговъ и при разборѣ всѣхъ другихъ произведеній этого рода, только сослаться на извѣстный уже рецептъ.

«*Потышные выводят на сцену толпу подвячихъ , стряпчихъ, жилищевъ, дворянъ, а сами становятся на другую сторону.*»

«*Артамоновъ. Экой народъ-то! Чудо богатыри! Не бось, все люди «бывалые въ походахъ, не бось съ княземъ Голицыннмъ и Крымъ «бिरали и татаръ бивали!... А вонъ тамъ собралась еще вагага. «Посмотримъ что за птицы? (уходитъ).*»

«*Пфлихтъ. Слушайте, что мой вамъ сказывалъ!*»

«*Одинъ изъ толпы. Да ты еще ничего намъ не сказывалъ, бояринъ.*»

«*Пфлихтъ. А, пожалуйста! Завтра рано будетъ вамъ здѣсь, «съ оружіемъ, кто что есть приходитъ и умѣть дѣлать артакуль и всѣ «военный экзерсисъ. Ну понимаетъ?*»

«*Одинъ изъ толпы. Несовсѣмъ, бояринъ.*»

«*Другой. Ничего не разумѣемъ, бояринъ.*»

«*Пфлихтъ (съ нетерпѣніемъ) Прошу покорно сдѣлають что ни «будетъ съ такой безтолкова народъ! (первому офицеру) Расталкани «нимъ, пожалуйста, г. офицеръ, ихъ долгъ служба.*»

«*Первый офицеръ. Завтра утромъ вамъ всѣмъ надобно опять придти «сюда съ оружіемъ, какое у кого есть; вамъ покажутъ всѣ правнн «строю, а потомъ будьте готовы къ походу подъ Кожухово.*»

«*Артамоновъ. Теперь говорите мнѣ ваши имена и званія: я запишу «ихъ въ книгу.»*»

«*Всѣ вмѣстѣ. Азъ есмь...*»

«*Артамоновъ. Только не всѣ вдругъ; подходите ко мнѣ по одиначкѣ: «ты кто?*»

«*Одинъ изъ толпы. Азъ изъ жилищевъ московскихъ и т. д.»*»

Чувствуете ли вы читатели всю силу комизма?... Не чувствуете? тѣмъ хуже для васъ. Какъ смѣшно нѣмецъ коверкаетъ русскій языкъ — какъ смѣшно должно быть слово: Азъ есмь! на которомъ по всей видности сосредоточенъ комизмъ... Но это все еще цвѣточки комизма — настоящее дѣло вперед: настоящее дѣло въ Авоно, сына князя Мышецкаго, котораго неволею ташутъ на службу.

«*Авоно (за сценою). Да куда же это, дядюшки, тащите вы меня? «Пустите! въ послѣдній разъ вамъ говорю, не то, отцу пожалуюсь...*»

«*Пфлихтъ. А, вотъ еще одинъ молодецъ! Давай ого здѣсь! (Авоно «приводятъ на сцену).*»

«*Авоно. Умилосердитесь! Да что же это хотѣтъ со мной дѣлать?*»

«*Одинъ изъ стрѣльцевъ, приведшихъ Авоно. Вотъ мы и пришли; «г. Капитанъ скажетъ, что тебѣ дѣлать.*»

«*Аюня.* (кляпясь) Разсуди, господишь... какъ любя: авось ты «воумишь воть этихъ... воть я стоялъ себѣ на площадѣ, никого не «трогалъ я ничего дурнаго не дѣлалъ, воровы не сиугнулъ, на народъ «глядѣлъ только, а воть эти раз...то, бишь дяди, ни съ того, ни «съ другаго, цапъ царапъ — да и поволокли сюда. Отпусти меня «домой голубчикъ дядюшка, а этихъ то хорошенько, чтобъ въ другой «разъ не бойко за воротъ всякаго... Чтобъ не мiali потылипу... да «еще кому!

«*Одинъ изъ стрѣльцевъ.* Намъ велѣно было только привести его «въ Преображенскій приказъ. (*Пфлихтъ* даетъ знакъ и стрѣльцы «уходятъ).

«*Аюня.* Такъ я въ Преображенскомъ? Господи! Да за что жъ это?

«*Пфлихтъ.* Чего вы испугался, милодой господь, вамъ въ Пре- «ображенскомъ надобно будетъ только долгъ служба показалъ.... «миножко поучиться...

«*Аюня.* Учиться? какъ учиться? для чего учиться? Да вы сиро- «сили бы меня прежде: хочу ли я учиться? Дома всегда такъ дѣлаютъ; «и если ужъ чего я не хочу...

2-й *Офицеръ.* А не хочешь, такъ и насильно заставятъ: здѣсь «вѣдь не дома. Да и чего болтаться ученья? взялъ мушкетъ въ руки, «да знай и поигрывай имъ.

«*Аюня.* Какъ... играть мушкетомъ? Что ты! Да отецъ мой, «бывало, ни подъ какимъ видомъ не велитъ и дотрогиваться до «мушкета: онъ десятокъ можетъ убить.»

И это говорить, по странной прихоти автора, сынъ стараго боярина, котораго мужество, испытанное въ бояхъ, не подлежитъ ни какому сомнѣнiю! Вообще, откуда взялъ авторъ своего Аюню? изъ чего клевететь онъ на жизнь вообще и на жизнь избранной имъ эпохи? Благо ужъ эта эпоха прошла, такъ и носи на нее всякую небывальщину!... Но, зачѣмъ спрашивать у нашихъ борзописцевъ, почему пишуть они то или другое... Докончимъ выписку.

«1-й *Офицеръ.* Вотъ для того-то и надобно учиться, какъ играть «нимъ, чтобы онъ не убивалъ того, кто имъ играетъ, а другихъ, «кого нужно.

«*Аюня.* Бррр!.. подумать страшно. Вѣдь, если я напримѣръ, «другихъ убиваю, то и меня могутъ убить?»

«2-й *Офицеръ.* Вѣстимо не пощаждать.

«*Артамоновъ.* Скажи-ка скорѣй имя твое и званiе, и ступай на «свое мѣсто.

«*Аюня.* А, наконецъ-то узнать, кто я. Вотъ этимъ кричалъ я «во все горло, что я дескать сынъ стольника и воеводы Князя Юмы Кодратьевича Мышецкаго — такъ они и усомъ не повели.

Самъ князь Мышецкiй съ друзьями его, отцемъ Артамонова и Сид- «кимъ, изображены точно такими же красками какъ Аюня — княжна Марiя вся насквозь пропитана конфетными чувствами. Развязка пьесы осно- «вана на томъ, что князь Мышецкiй, побѣжденный на маневрахъ потѣш- «нымъ, отдаетъ наконецъ руку своей дочери Артамонову. Дѣйствiе тя- «нется вяло — нигдѣ не встрѣтили мы ни одного живаго мѣста и если

заняли читателей разборомъ одной изъ ничтожѣйшихъ штукъ, то единственно потому, что хотѣли и себя и ихъ избавить на будущее время отъ разборовъ таковыхъ же. Есть надежда—что «Потѣшные, не послѣдняя попытка въ этомъ родѣ—такія попытки весьма многочисленны къ стыду драматургін и сцены, многія изъ таковыхъ, — искусныя и ловчѣе сшитыя, имѣли и имѣютъ даже успѣхъ.

II.) *Отдѣлъ Повествовательный.* Здѣсь напечатана первая часть довольно интереснаго разсказа Габріеля Ферри «Лѣсной скиталецъ» о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ по его окончаніи. Теперь замѣтимъ только, что «Лѣсной скиталецъ» написанъ съ живостью и ловкостью автора («Мехиканскихъ сценъ».

III.) *Исторія искусства.* Въ этомъ отдѣлѣ окончена статья «начало и развитіе оперы въ Европѣ»—вообще весьма поверхностная и не представляющая большаго интереса. Другая статья «Гофманъ и его жизнь»—по видимому французская, написана довольно легко и читается безъ скуки, хотя совершенно безъ пользы.

IV.) Въ отдѣлѣ «Мемуаровъ» въ которомъ прекратились къ сожалѣнію «Записки Тальмы»—начата скучная и ничѣмъ особенно не замѣчательная автобіографія Датскаго поэта Андерсена: Сказка моей жизни безъ вымысла. Кромѣ того есть въ этомъ N Пантеона:—Панорама иностранныхъ театровъ и смѣсь «въ которой между прочимъ нашли мы любопытную статью» «товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ»—и прочтѣе ее, подивились, какимъ образомъ и почему попала она въ театральныи Сборникъ. Авторъ, человекъ знакомый коротко съ странною, интересующею теперь Европу, предлагаетъ путешественникамъ различныи совѣты, внушенные ему практическою опытностью. Странную связь нашла редакція между этими совѣтами и драматургіею или сценою. Глава напримѣръ о «гигиеническихъ предосторожностяхъ для переселенцевъ въ новый свѣтъ»—или глава «о вещахъ необходимыхъ переселенцемъ!» Скажите на милость—что это за мистификація?

Балагуръ блеститъ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ. *Репертуаръ же русской сцены* подарилъ публикѣ водевилъ г. А. Б. «*Ключатая бумага или у страха глаза велики.* Нѣкто г. Странный, бонсея хлопчатой бумаги и рассказываетъ о разныхъ несчастіяхъ ею причиняемыхъ. Между прочимъ онъ рассказываетъ слѣдующее.

«*Странный.* А съ другой госпожей случилась штука поинтереснѣе этой. *Я и не зналъ до сихъ поръ; что у нихъ бываетъ* «этакъ вата.

«*Василиса Гурьевна.* Ну, да ладно; говори скорѣй.

«*Странный.* Она была на вечерѣ, въ большомъ обществѣ, и имѣла «необдуманность подойти къ топившемуся камину.— Не прошло пяти минутъ, что она простояла въ такомъ положеніи, какъ вдругъ выстрѣлъ «да такой что изъ твоей mortarы,—и ее отбросило сажень на пять....»

Не правда ли, что *простодушіе* нашей драматургін—умилительно? Г.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О НАСЛѢДСТВЕННОЙ СМЕРТИ ГУСТАВА ФУНЬИ.

(Процессъ Графа и Графини Бокарме).

Мы не считаемъ нужнымъ излагать показанія свидѣтелей, весьма многочисленныхъ, потому что все важное видно изъ обвинительнаго акта, изъ рѣчей (requisitoire) королевскаго прокурора и изъ рѣчей защитниковъ. Притомъ самый способъ ихъ показаній отнимаетъ у нихъ занимательность. Они не рассказываютъ, а отвѣчаютъ на мягкіе вопросы. Изложимъ однакожъ содержаніе показанія Г. Стаса о ходѣ химическихъ изслѣдованій.

Врачи, производившіе вскрытіе трупа, заключили, что смерть послѣдовала отъ поглощенія остраго яда, вѣроятно сѣрной кислоты. Следователь съ этимъ заключеніемъ передалъ внутренности умершаго Г. Стасу. Достаточно было одного взгляда, чтобы увѣриться, что предположеніе было ошибочно. Однакожъ онъ замѣтилъ присутствіе кислоты, и по запаху предположилъ, что это кислота уксусная. Теперь представлялся вопросъ: дѣйствительно ли это была уксусная кислота и дѣйствительно ли отъ нея умеръ Фуньи.

Языкъ былъ сверху и справа сильно окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, какой обыкновенно замѣчается въ омертвѣвшихъ (пораженныхъ антоновымъ огнемъ) тканяхъ живаго организма. Снизу языкъ былъ красенъ. Надлежало изслѣдовать, произошли ли эти явленія отъ уксусной или другой кислоты. Оказалось, что языкъ не содержалъ другихъ кислотъ, кромѣ уксусной. Но количество кислоты, найденной въ языкѣ, никакъ не могло быть достаточнымъ для произведенія замѣченныхъ въ немъ измѣненій. Грань языка разрушалась отъ малѣйшаго прикосновенія. — Г. Стасъ хотѣлъ увѣриться, содержится ли кислота въ желудкѣ и количество ея достаточно ли для отравленія. Половину содержимаго въ желудкѣ онъ смѣшалъ съ водою и подвергнулъ перегонкѣ. Понятно, что кислота должна

была перейти, а вещества нелетучія (fixes) остаться въ ретортѣ. Работа эта продолжалась 52 часа, и тогда химикъ замѣтилъ чрезвычайное измѣненіе въ перегоняемомъ веществѣ. Невозможно было продолжать дальше, потому что снаряды лопались каждую минуту. Предполагая возможность ошибки въ своихъ первыхъ опытахъ надъ языкомъ, онъ произвелъ ихъ снова, но опять не нашелъ ни стрной, ни другихъ кислотъ, ни вообще минеральныхъ ѣдкихъ веществъ, которыя бы могли произвести измѣненія, замѣченныя въ языкѣ.

Надобно было обратиться къ изслѣдованію веществъ органическихъ, и Стась искалъ тѣхъ веществъ, особенно алкалоидовъ, которые въ послѣднее время нерѣдко употреблялись для отравы (стрихнинъ, бруцинъ, кантаридинъ и проч). Ихъ не было. Оставалось искать алкалоидовъ, достаточно извѣстныхъ, но на которые, какъ на яды, мало обращалось вниманія. Г. Стась, не зная, какъ онъ говорить самъ, какому святому молиться, налилъ поташу на вещества, содержащіяся въ ретортѣ. Тотчасъ же онъ почувствовалъ чрезвычайно сильный, ѣдкій запахъ. Это убѣдило его, что здѣсь былъ одинъ изъ алкалоидовъ летучихъ. Онъ отдѣлилъ алкалоидъ обыкновенными способами. Это была пахучая жидкость. Химикъ написалъ въ своихъ замѣткахъ:

Аконитинъ или никотинъ?

Но на другой же день онъ убѣдился, сдѣланными изслѣдованіями, что это не былъ аконитинъ. Оставалось отыскивать никотинъ, при томъ такъ, чтобы въ дѣйствительномъ отравленіи Фуньи именно этимъ веществомъ никто не могъ сомнѣваться. Опыты продолжались два мѣсяца. Сначала нужно было извлечь алкалоидъ изъ отравленнаго тѣла, потомъ доказать, что это никотинъ, а не что-либо другое. Химикъ замѣчаетъ:

«Въ донесеніи моемъ я изложилъ всѣ подробности. Я не скрылъ ничего. Всѣ ошибки, какія я сдѣлалъ, обозначены, потому что я хотѣлъ дать способы желающимъ опровергать меня; но рядомъ съ ошибками я обозначилъ также и положительные факты, мною приобрѣтенные».

Изъ содержимаго въ желудкѣ Фуньи Г. Стась извлекъ четыре пузырька вещества, имѣющаго слѣдующія свойства: Совершенно чистое, оно безцвѣтно, прозрачно какъ вода, запахъ сначала издаетъ слабый, потомъ постепенно сильнѣе и сильнѣе, ѣдкій, удушливый. Вкусъ этого вещества различенъ, смотря по количеству. Въ маломъ количествѣ вкусъ просто острый; но если количество сколько нибудь значительно, т. е. если вещества взять столько, сколько можно захватить на кончикъ очень тонкой иглы, тотчасъ чув-

ствують обжогъ, распространяющійся по всему рту. Г. Стась при этихъ обстоятельствахъ потерялъ на время всякую чувствительность конца языка, такъ что не почувствовалъ бы, еслибъ приложить къ языку раскаленное желъзо. По этому невозможно опредѣлить вкусъ никотина.

Въ соединеніи съ соленою кислотою онъ даетъ четырехъ-стороннія ромбоидальныя призмы, цвѣта болѣе или менѣе густаго; смотря по объему. Это свойство, какъ Г. Стась убѣдился своими изслѣдованіями, принадлежитъ исключительно одному никотину.

Хлористый палладій съ никотиномъ даетъ вещество твердое, шоколаднаго цвѣта, а при избыткѣ никотина получается жидкость, прозрачная какъ вода. Это также исключительное свойство никотина.

За тѣмъ Г. Стась нашелъ никотинъ въ языкѣ, въ печени, въ легкихъ. Перепонка желудка, промытая дважды водою, удержала въ себѣ количество никотина, достаточное для того, чтобы получить его въ жидкомъ видѣ.

За тѣмъ Г. Стась отдалъ отчетъ въ чрезвычайно тонкихъ опытахъ надъ другими предметами, доставленными ему слѣдователемъ. Въ дощечкахъ паркета, взятыхъ изъ столовой въ Битремонъ, онъ нашелъ никотинъ. Въ платьѣ Г. Фуньи и подсудимаго онъ опредѣляетъ пятна крови, замытыя водою и мыломъ, обозначая даже составъ послѣдняго. Панталоны Франсуа Деблики представляли множество пятенъ. Одно изъ нихъ происходило отъ кислоты сѣрной и соленою, другія отъ кали, третья отъ никотина, но не чистаго, а въ тѣмъ видѣ, какъ онъ содержится въ вытѣжкѣ изъ табаку. Жидкости, доставленныя слѣдователемъ, содержали воду, нашатырь, бѣлѣца, вино, уксусъ, желъзо. За тѣмъ слѣдователь доставилъ ему остатки двухъ кошекъ и нѣсколькихъ утокъ, вырытыхъ изъ земли въ Битремонъ. Одну кошку Г. Стась разсматривалъ, и нашелъ, что она была отравлена пахучимъ алкалоидомъ. Но признаки этого алкалоида частію были сходны, частію разнились съ признаками никотина, а количество было слишкомъ мало, такъ, что Г. Стась, какъ экспертъ, не говоритъ ничего рѣшительно, хотя, какъ человекъ, и думаетъ, что это никотинъ.

Въ Февралѣ Г. Стась приступилъ къ опытамъ надъ дѣйствіемъ никотина, какъ яда. Первый опытъ сдѣланъ съ чистымъ никотиномъ, второй съ никотиномъ смѣшеннымъ; на третьемъ опытѣ животное было убито безъ яда, введеніемъ воздуха въ вены.

Въ первомъ опытѣ въ ротъ собаки были влиты два кубическихкихъ сантиметра никотина. Столь значительное количество употреблено было потому, что дѣло шло не о ядовитости никотина, а

о томъ, произведетъ ли онъ дѣйствія на организмъ, замѣченны въ тѣлѣ Фуньи. Тотчасъ по влитіи собака оставлена свободною. Она была какъ будто поражена громомъ, упала, полминуты продолжались конвульсіи, и жизнь угасла. Въ продолженіи конвульсій, языкъ высунутый висѣлъ безъ всякаго движенія. Другая собака была отравлена также и съ тѣми же явленіями.

Тотчасъ по смерти влили въ горло этой послѣдней собакѣ 30 куб. центиметровъ укусу, взятаго въ Битремонѣ. Языкъ первой собаки сдвѣлся фіолетовымъ тотчасъ по соприкосновеніи съ ядомъ, языкъ второй также. Но по влитіи укусу пурпуровый (?) цвѣтъ исчезъ, и нельзя было замѣтить, чтобы онъ подвергался дѣйствию ядаго вещества.

Третья собака убита воздухомъ для сравненія внутренностей. Вскрытіе произведено черезъ 48 часовъ. Оказалось:

Языкъ первой собаки, убитой никотиномъ безъ укуса, былъ сильно красенъ и распухъ. Слизистая оболочка отставала при первомъ прикосновеніи. Желудокъ и печень не представляли ничево особеннаго. Легкія были точно въ томъ состояніи, какое замѣчается у умершихъ отъ обморока (asphyxia), какъ Г. Стасъ замѣтилъ и въ легкіяхъ Фуньи. Между первымъ и вторымъ позвонками (?) въ спинномъ мозгѣ замѣтно обильное изліяніе крови.

Языкъ второй собаки былъ синій, какъ и у Фуньи, желудокъ красный, и наружная его перепонка сильно налита. Сосуды переполнены черною кровью. Желудокъ Густава Фуньи представлялъ тѣже явленія. Печень Фуньи была кисла, печень второй собаки также. Ясно, что тѣло этой собаки, умершей отъ никотина, и которой потомъ влили укусъ, представляло тѣже явленія, какъ и тѣло Г. Фуньи.

За тѣмъ Г. Стасъ, желая уничтожить всякое сомнѣніе насчетъ ядобитости вещества, полученнаго имъ изъ тѣла Фуньи, не придавая впрочемъ важности вопросу, никотинъ это или нѣтъ, сдѣлалъ три опыта надъ птицами, употребивъ для этого весьма малое количество яда. Первые двѣ птицы умерли мгновенно. Въ послѣднемъ опытѣ менше капли влито въ ротъ большаго голубя. Тотчасъ послѣдовали конвульсіи, и животное умерло не болѣе какъ чрезъ двѣ минуты.

На вопросъ: былъ ли для отравленія Фуньи употребленъ чистый никотинъ, Г. Стасъ отвѣчаетъ положительно. Онъ утверждаетъ также, что отравленіе произведено необыкновеннымъ способомъ, т. е. не посредствомъ обмана; ибо при первомъ прикосновеніи яда къ языку, отравляемый долженъ почувствовать ~~тѣ~~ самое, что

онъ почувствовалъ бы при прикосновеніи раскаленнаго желѣза. Но не легко проглотить кусокъ желѣза, раскаленнаго до красна.

За тѣмъ изъ положенія тѣла Фуньи и изъ обжеговъ экспертъ выводитъ заключеніе, что ядъ былъ влитъ въ ротъ отравленному, когда онъ лежалъ, а не иначе.

Г. Стасъ на вопросы президента и проч. объясняетъ многое относительно количества никотина въ табакѣ, способовъ его приготовления, дѣйствія реактивовъ и проч. Последній вопросъ относился къ ээиру. Подсудимый объявилъ, что въ бутылкѣ содержался никотинъ съ ээиромъ; но ээира не найдено. Г. Стасъ заключилъ, что, по глубокому его убѣжденію, Фунья отравленъ чистымъ никотиномъ.

Съ 13 засѣданія началась и до 15-го включительно продолжалась рѣчь (requisitoire) Королевскаго Прокурора де-Марбе. Принявъ въ основаніе обвинительный актъ, онъ разсматриваетъ его постепенно, стараясь вездѣ доказать виновность подсудимыхъ.

Бракъ ихъ напр., говоритъ онъ, былъ совершенъ по чистому расчету. Фамилія Бокарме и женихъ искали богатства, фамилія Фуньи и невѣста, принадлежавшіе къ мѣщанству, почестей. И тѣ и другіе ошиблись. Состояніе Лидіи Фуньи оказалось ничтожнымъ, а у Графа благороднаго и почетнаго было одно имя. Здѣсь обвинитель припоминаетъ обращеніе Графа съ женою и дѣтьми и отношеніе его къ нянькамъ и горничнымъ.

Графиня играла роль большой барыни, Графъ вдавался въ безразсудныя хозяйственныя предпріятія; то и другое разстроивало имѣніе, и долги постепенно возрастали. При появкѣ кредиторовъ было въ обычаѣ или бѣжать или запираеть ворота.

Графъ воспользовался однажды завѣдомо билетомъ въ 500 фр. не имѣющимъ силы; въ другой разъ онъ поддѣлывалъ билетъ въ 1000 фр. За тѣмъ послѣдовало рѣшеніе отравить Густава.

Прокуроръ разсматриваетъ:

1. Приобрѣтеніе ядовитыхъ растений.
2. Приготовленіе къ добыванію.
3. Химическія операціи и
4. Совершеніе преступленія.

Изъ обвинительнаго акта видно, что Графъ являлся къ химикамъ и механикамъ подъ ложными именами. Къ этому присоединяется любопытный фактъ о покупкѣ растений. Графъ является лично къ Г. Фанъ Гуту и покупаетъ одно растеніе. Въ обычаѣ было записывать имена покупателей, но Графъ на это не согласился.

Разбирая сношенія съ химиками, прокуроръ указываетъ особенно на соучастіе жены въ этомъ дѣлѣ. Оба супруга однажды приходятъ въ книжную лавку, требуютъ сочиненіе Гг. Пелуза и Фреми и отыскиваютъ въ немъ статью *никотинъ*. Прочитавъ ее, они оставляютъ лавку *очень веселые*.

Прокуроръ обращаетъ потомъ вниманіе на оклеветаніе невесты Густава Фуньи. Въ безыменномъ письмѣ, присланномъ покойному, читаемъ: «Вы, конечно, не останетесь безъ потомства, потому что она представила уже доказательство своего плодородія.» Подобное выраженіе содержится въ письмѣ Графини Бокарме, съ присовокупленіемъ, что у невесты есть уже *естественный наследникъ*.

Графиня знала, что мужъ занимается приготовленіемъ яньютина, знала также, что это вещество готовится для Густава, и притомъ знала это задолго до преступленія.

Относительно совершенія преступленія прокуроръ не представляетъ ничего новаго. Всѣ свѣденія содержатся уже въ обвинительномъ актѣ. Но что касается до соучастія Графини, въ рѣчи на это обращено особенное вниманіе.

Она удалила изъ столовой прислугу, зная о намереніи своего мужа. Она не велѣла подавать огня, когда стало темно. Столовая была съ окнами на двѣ противоположныя стороны. Еслибъ былъ огонь въ комнатѣ, преступленіе трудно было совершить, потому что все, что дѣлалось въ комнатѣ, было видно со двора.

Графиня вышла изъ залы по ея показанію въ то время, когда мужъ ея повалилъ Густава на землю. Но изъ показаній свидѣтелей видно, что она вышла не прежде, какъ крики жертвы замолкли.

Для чего она вышла и заперла за собой двери? Конечно для того, чтобы воспрепятствовать кому-либо подать помощь Густаву. По выходѣ она прислонилась между кухней и столовою въ углу, такъ чтобы ее нельзя было видѣть.

Наконецъ прокуроръ предполагаетъ, что или она вливалъ ядъ, или, что вѣроятнѣе, налила его на лице Густава, отъ чего онъ и лишился силъ и отъ чего прекратились крики.

За прокуроромъ говорилъ Г. Пепъ, защитникъ Графа Бокарме. Содержаніе какъ его рѣчи, такъ и рѣчи Г. Лашо, слѣдовавшей за второй рѣчью (герлике) прокурора, въ сущности одинаково. Они стараются доказать

а) Что многія странности Г. Бокарме объясняются его воспитаніемъ. Онъ родился въ Америкѣ, первые годы велъ полудикую жизнь и удержалъ послѣ многія привычки. Въ Европѣ онъ предавался наукамъ, но не могъ углубиться въ нихъ и остался мечтателемъ;

б) Что онъ былъ добрый супругъ и добрый отецъ;

с) Что никотинъ приготовлялъ онъ съ чисто коммерческою цѣлю, не имѣя въ виду отравленія;

d) Что Густавъ Фуньи отравленъ не чистымъ никотиномъ, а смѣшеннымъ съ эфиромъ. Эфиръ могъ испариться;

е) Что укусъ употребленъ былъ какъ противудіе;

f) Что Графиня обвиняетъ своего мужа злонамѣренно, желая его погубить;

g) Что наконецъ нѣтъ ни одного положительнаго доказательства, на основаніи котораго можно бы было обвинить Графа или Графиню въ намѣренномъ и насильственномъ отравленіи Фуньи.

Гг. Тусенъ и Арминьи, защитники Графини Бокарме, стараются доказать

a) Что бракъ Графини былъ весьма несчастливъ по жестокости и развратности мужа; что этотъ человекъ какъ вообще, такъ особенно по отношеніямъ къ семейству, всегда оказывался въ высшей степени безнравственнымъ;

b) Что Графиня писала диктованныя Графомъ письма, будучи принуждена къ тому силою, и не знала, къ чему эти письма вели;

с) Что она старалась воспрепятствовать браку Фуньи потому что обманута была ложными слухами на счетъ его невесты, и теперь считаетъ за счастье торжественно отречься отъ своего мѣвнія;

d) Что о химическихъ работахъ мужа она долго не знала, и только наконецъ онъ признался ей, что онъ готовитъ никотинъ;

е) Что предупредить брата она не имѣла времени, а также не могла воспрепятствовать совершенно преступленію: лично въ немъ участія не принимала и въ комнатѣ не была; но старалась скрыть преступленіе, когда оно уже совершилось, потому что не хотѣла погубить мужа.

f) Что показаніе Графа объ отравленіи Фуньи Графинею по неосторожности, есть явная нелѣпость;

g) Что напрасно Графъ и его защитники стараются показать себя не противниками, а защитниками Графини. Это обдуманнѣйшій планъ скрыть свою безнравственность притворствомъ и въ тоже время выставить себя только укрывателемъ неумышленнаго проступка. Между тѣмъ уже изъ того, что Графъ столько разъ твердилъ при слѣдствіи: «я не могу говорить истины, не обвиняя моей жены,» ясно, что онъ чувствовалъ, что ему не повѣрятъ, и старался взвести обвиненіе на жену.

Првнія кончились тѣмъ, что оба подсудимые объявили, что они невинны.

14 Іюня (н. ст.) въ вечернемъ засѣданіи по окончаніи првній,

Президентъ предложилъ присяжнымъ восемь вопросовъ, по четыре о каждомъ подсудимомъ, и именно:

1. О совершении преступленія.
2. О подстрекательствѣ къ преступленію.
3. О доставленіи яда, и
4. О пособничествѣ въ преступленіи.

Присяжные разрѣшили первый вопросъ относительно Графа Бокарме положительно, всѣ остальные отрицательно.

Въ слѣдствіе чего Графиня Бокарме, какъ оправданная, немедленно освобождена, а Графъ Бокарме приговоренъ судомъ къ смертной казни, съ предоставленіемъ трехъ дней срока для апелляціи.

За тѣмъ Г. Пепъ, защитникъ Графа Бокарме, потребовалъ отъ суда выдачи свѣдѣтельства о томъ, что въ засѣданіе 27 Мая Лидія Фуны спрошена въ отсутствіи Гр. Бокарме, что засѣданіе это закрыто прежде, чѣмъ президентъ объявилъ Графу Бокарме о содержаніи отвѣтовъ жены, и что 28 Мая, ни прежде ни послѣ допроса самаго Бокарме, объ этомъ содержаніи ему не было объявлено.

Свѣдѣтельство выдано съ тѣмъ измѣненіемъ, что Президентъ повторилъ содержаніе отвѣта Лидіи Фуны въ самыхъ вопросахъ, предложенныхъ Графу.

Въ послѣдствіи узнали, что присяжные обвинили Графа единогласно и оправдали Графиню большинствомъ десяти голосовъ противу двухъ.

Что касается до новостей заграничныхъ, то очень понятно, что здѣсь прежде всего рѣчь о Лондонѣ, гдѣ теперь, выражаясь языкомъ афишъ и объявленій, *great attraction* всѣхъ націй. Если Хрустальный Дворецъ, этотъ исполинскій kaleidoscope промышленности, вмѣщаетъ въ себя выставку воплощенныхъ мыслей всѣхъ народовъ, то Лондонъ представляетъ не менѣе любопытную выставку характеровъ, обычаевъ, привычекъ, мнѣній и вѣрованій всѣхъ странъ земнаго шара, въ живыхъ представителяхъ ихъ народности. Говорятъ, что надо вѣхать въ Парижъ, чтобы *смотреть* Англичанъ; въ обществѣ Французовъ, столь противоположныхъ Англичанамъ своими обычаями, джонъ-булизмъ этихъ послѣднихъ выдается рѣзче, замѣтнѣе. Такъ теперь и въ Лондонѣ, всѣ національные отгѣнки личностей болѣе разительны на безцвѣтномъ полѣ Британскаго неизмѣннаго характера, а странности Англичанъ свѣтлыми блестками яснѣютъ на пестрой ткани иноземныхъ обычаевъ... Какое приволье для наблюдателя нравовъ!

Но намъ нѣтъ ни времени, ни мѣста описывать эту живую

панораму человеческого рода. За чѣмъ отбивать хлѣбъ у какого нибудь романиста, который придумаетъ къ періоду выставки занимательную интригу, сладитъ неожиданную встрѣчу, выведетъ необыкновенную развязку, а описаніемъ нравовъ и обычаевъ наполнить цѣлый томъ. Выставка тоже не новость.—При томъ мы уже бросили бѣглый взглядъ на сокровища *crystal palace*. Заглянемъ въ театры. Но и тамъ не много новаго, особливо въ Ковентъ-Гарденскомъ.

Въ театрѣ Королевы, подъ дирекціей Г. Ломлея, привлекаютъ толпу Г-жи Зонтагъ и Софья Крувелли. Последняя изъ нихъ безусловно царствуетъ на Лондонской сценѣ. Всѣ журналисты, даже извѣстный своею строгостію критикъ журнала Times, Девизонъ, осыпаютъ ее неистощимыми похвалами. На Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ поютъ Тамбурины и Гризи. Последняя особенно отличилась въ «Нормѣ». О театрахъ покуда болѣе сказать нечего. Поговоримъ о самомъ Лондонѣ, и о вліяніи, произведенномъ на этотъ городъ выставкою.

Странно, а надобно сознаться, что теперешній «сезонъ» въ Лондонѣ вовсе не такъ блестящъ, какъ въ прошлые года. Успѣхи выставки были предвидѣны и теперь несомнѣны. Неудачи Лондона не были предвидѣны, но также не подлежатъ сомнѣнію. Стеченіе иностранцевъ не такъ велико, какъ ожидали. Вотъ причина. Не средствъ не достало чужеземцамъ пріѣзжать въ Лондонъ, а любопытства. Въ этомъ виноваты Англійскіе журналы; они первые обнародовали обманутыя ожиданія Лондонскихъ жителей, и это была ошибка непростительная. Надобно было, напротивъ, захотѣть гостей разсказами о многолюдномъ собраніи посѣтителей. Толпа всегда идетъ за толпою,—такъ уже ведется въ свѣтъ, Богъ знаетъ почему. Одни идутъ за другими, машинально, безсознательно, инстинктивно, такъ что трудно остановить это безотчетное стремленіе, какъ трудно привлечь толпу къ предмету презрѣнному, покинутому. Такъ было и съ Лондономъ. Что-то остановило стремленіе туда чужеземцевъ, и ожиданія жителей обмануты. Можно насчитать до 20,000 семействъ, которыя выехали за городъ, въ надеждѣ отдать выгодно въ наемъ свои дома. Дома стоятъ пустыя, а они платятъ за наемъ дачъ. Другіе отдавали помѣщенія въ городѣ, заново омеблировали, украсили; а объявленія о наймѣ до сихъ поръ налѣплены на стѣнахъ ихъ домовъ. Многіе даже уѣхали въ чужіе края, опредѣливъ на издержки путешествія выручку за наемъ дома въ Лондонѣ, и изъ собственнаго кармана пополнять расходы на повѣзку.

Этѣ надежды, это довѣріе, что выставка привлечетъ множество привѣзжихъ, до того овладѣли купцами, банкирами и даже недовѣрчивыми евреями квартала Сити, что составились компаніи на акціяхъ, которыя наняли по тридцати, сорока, даже по сту домовъ, отъ барскихъ палатъ до уютнаго домика, предполагая получить огромные барыши, и все остались въ большомъ накладе.

Булочники, мясники, продавцы жизненныхъ припасовъ, все менѣе ошиблись въ расчетъ. Все сдѣлали огромные запасы. Мясо вздорожало еще до открытія выставки, а теперь многочисленныя стада бродятъ на окрестныхъ пастбищахъ, и много съедаютъ, не будучи съедены сами, къ неутѣшному сожалѣнію мясниковъ.

Нѣтъ сомнѣній, что и зданіе и предметы выставки—чудеса мысли и искусства и вполне достойны вниманія; но можно было предвидѣть, что обитатели большей части западной Европы, надъ которыми 1852 годъ виситъ какъ мечъ Дамоклеса, не покинутъ семейнаго очага въ эпоху столь важныхъ политическихъ работъ, чтобы за дорогую цѣну (Лондонъ всегда славился дороговизною) посмотреть, хотя и въ большихъ размѣрахъ, на то, что въ каждомъ городѣ найдется въ образчикахъ.

Дороговизна тоже не приманка, а въ Лондонѣ просятъ съ вась фунтъ стерлинговъ, какъ въ другомъ городѣ талеръ, гульденъ или цѣлковый. Да хоть бы и сосѣдка Франція, кого она отправила въ Лондонъ? Своихъ выставщиковъ (exposants), ихъ родныхъ и пріятелей, дюжину журналистовъ, да нѣсколько путешественниковъ, которые, благодаря услужливой предпримчивости оборотливыхъ компаній, вѣдутъ на восемь дней въ Лондонъ, съ рассчитанными напередъ издержками, и еще изъ расходныхъ денегъ стараются сберечь что-нибудь на покупку англійскихъ рѣдкостей.

Нельзя однакоже сказать, чтобы Парижъ и все приморскіе къ проливу города не заохочивали къ этой повѣздкѣ. Столица Франціи почти вся была залита объявленіями, въ которыхъ на всѣхъ языкахъ разглашали дешевизну перевада. На примѣръ: по желѣзной дорогѣ чрезъ Руанъ, Гавръ или Діень можно съзидить въ Лондонъ и обратно за сорокъ франковъ. Правда, что часовъ 8 или 10 приходится быть на морѣ и что для многихъ ничто не вознаградитъ мученій морской болѣзни. Но перевады чрезъ Будонъ и Фалькстонъ, быстрый и во всемъ удобный, также не дорогъ. Напившись поутру кофе въ Парижѣ, за шестьдесятъ франковъ, въ первоклассныхъ вагонахъ, вы привѣдете вечеромъ къ чаю въ Лондонъ. Чрезъ Кале обойдется дороже, а вы не увидите Фалькстона, который какъ будто катится съ крутизны горы въ синія волны

гавани. Наконецъ можно вхать Темзою. Путь чрезвычайно живописный и занимательный для тѣхъ, кто можетъ выдержать нѣсколь-ко часовъ на морѣ, прежде нежели войдетъ въ спокойныя воды рѣки, которая, убѣгая изъ своего отечества, пересылаетъ въ родной край, за свои невозвратныя струи, богатства цѣлаго свѣта. Рашель вхала чрезъ Фалькстонъ. Она перешла на пароходъ прямо изъ Булонскаго театра, гдѣ играла Adrienne Lecouvreur. За ней слѣдомъ отправились супруги Угальдъ, Аркаль и Дюпре, ветеранъ Парижской сцены.

Кстати о ветеранахъ драматическаго искусства: Фридерикъ ле-Метръ восхищаетъ теперь Брюссельскую публику. Онъ игралъ недавно въ драммѣ: *La dame de Saint-Gropez*. Вотъ что пишутъ о немъ въ журналахъ.

Къ публикѣ, довольно многочисленной и шумной, собравшейся на представленіе водевиля, предшествовавшаго драммѣ, присоединилось еще много зрителей, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала торжества ле-Метра. Шумъ умолкъ. Великій артистъ еще не появился на сценѣ, а магическое вліяніе его таланта уже воцарило типину вниманія въ публикѣ, эту неотъемлемую дань высокаго дарованія. Трудно найти въ одномъ актерѣ всѣ способности, всѣ превосходныя качества, которыми одаренъ ле-Метръ. Жаръ чувства, комизмъ, сила выраженія, все, что должно быть принадлежностію великаго артиста, все въ немъ есть, и онъ безнаказанно можетъ въ одной и той же, пьесѣ, въ томъ же актѣ, въ той же самой сценѣ, возбудить въ васъ трепеть ужаса, вызвать слезу и заставить смѣяться; а неподражаемое искусство владѣть набыткомъ этихъ качествъ, согласовать ихъ съ интонаціею голоса, пролягать ихъ смѣлымъ жестомъ, придать имъ выраженіе истины, возведо ле-Метра на ступень современныхъ знаменитостей. Не подчиняйте его правиламъ, — онъ убьютъ его геній. Оставьте ему свободу движеній, поставьте его лицомъ къ лицу съ положеніемъ труднымъ, но естественнымъ, и вы увидите, какіе жаркіе лучи правды просіяютъ въ чертахъ его, какія блестящія искры истины посыплются съ его жестовъ. Однимъ взглядомъ, однимъ движеніемъ, однимъ звукомъ послушнаго голоса, онъ вразумляетъ зрителя, исполнъ передаетъ ему ощущенія дѣйствующаго лица. Онъ не оставитъ безъ вниманія малѣйшихъ подробностей положенія и выдастъ ихъ съ тою полнотою исполненія, безъ которой излишнее къ нему вниманіе было бы мелочностію. Взгляните, какъ онъ ходитъ, какъ смотритъ, какъ слушаетъ. Это верхъ искусства въ естественности подражанія; зритель забываетъ актера и видитъ только представляемое имъ лицо.

Въ драммы *Dame de Saint-Tropez*, съ третьяго акта до самаго конца, артистъ не далъ отдохнуть публикѣ отъ трепета удивленія и ужаса. Тревога то сомнѣній, то увѣренности, въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ наконецъ женѣ своей: «vous êtes une emproi-saucheuse», была торжествомъ его таланта, а выраженіе лица, въ пятомъ актѣ, когда онъ увидѣлъ въ зеркало настоящаго отравителя, вырвала у зрителей единогласный крикъ удивленія. Совокупность нравственнаго наслажденія и физическихъ страданій, развивающаяся въ чертахъ его, когда онъ объявляетъ невинность Гортензій, и этотъ поспѣшный говоръ, которымъ онъ сянтся опредѣлять приближающуюся смерть, высоки невыразимо. Душевныя волненія, возбуждаемая неподражаемой игрой Ле-Метра, такъ неотразимы, такъ глубоки, что они утомляютъ нравственныя силы зрителя. Перейдемъ отдохнуть въ Парижъ, который въ отсутствіе корифеевъ его сцены, вѣрно, придумалъ что-нибудь новое, чтобы занять праздную толпу.

И дѣйствительно придумалъ. Ничего не можетъ быть изобрѣтательнѣе нужды и спекулятивной мысли Француза. Триумвиратъ Парижскихъ затвѣнниковъ: Горо, Пласъ и Руджіери, вздумали наложить дань на провзжихъ поклонниковъ выставки, которыхъ Парижское разгулье задержало въ этомъ городѣ, и на скучающихъ Британскихъ выходцевъ, прѣзжавшихъ въ столицу роскоши копить деньги. Гг. Горо, Пласъ и Руджіери намвреваются дать непрерывный рядъ праздниковъ и увеселеній, которыя будутъ продолжаться до самаго Сентября, въ надеждѣ задержать этой нравственной сѣтью стаи перелетныхъ птицъ на Лондонскій сезонъ, прѣсѣвшихъ отдохнуть въ Парижъ. Она приготовляютъ неслыханные концерты, управленіе которыми поручается Берліозу, ночныя и дневныя спектакли, утренніе и вечерніе балы, историческія кавалькады, цѣлыя флотиліи аэростатовъ, изумительныя фейерверки, словомъ, все, что только можетъ привлечь и задержать толпу всѣхъ странъ и всевозможныхъ обычаевъ. Прибавьте къ этому всѣ приманки любопытства, которыми усванъ Парижъ: музеи, дворцы, общественныя заведенія, смотры войскъ, маневры, и можно надѣяться, что народонаселеніе города удвоится на эти дватри мѣсяца. Теперь этотъ проектъ разсматриваютъ подлежащіи власти, а между тѣмъ правительство поручило Франкони устроить на Марсовомъ полѣ его конныя представленія, въ соревнованіе съ скачками, учрежденными правительствомъ и жокей-клубомъ. Тамъ же будутъ представленія ожидаемыхъ изъ пустынь Африки и уже прибывшихъ во Францію бедуиновъ, называемыхъ: *Fantasia*, родъ

сражений и набеговъ пустынной скалы. Разумвется, что не обойдется и безъ воздухоплавателей.

Вотъ что дѣлается въ Парижскомъ театрѣ:

Мы уже говорили, что туда ожидали Альбони на смѣну Віардо. Г-ну Рокеплану нужна была роль, чтобы придать настоящую цѣну таланту этой замѣчательной артистки. Нужна была роль, привнесенная къ особенностямъ ея голоса, къ ея наружности, къ ея естественности и граціи. Г. Скрибъ взялся создать такую роль, Г. Оберъ обвѣщаль музыку. Времени было не много. Г-жа Альбони была тогда въ Испани, но ее вскорѣ ожидали въ Парижъ, только на Май и Іюнь, а потомъ она, кажется, отправится въ Лондонъ. Скрибъ скоро нашелъ сюжетъ и еще скорѣе обработалъ его. Боялись, что Оберъ не успеетъ. Г. Рокепланъ поставилъ въ условіяхъ 50000 фр. неустойки, и все было готово къ сроку. Преданія о медленности музыкальныхъ композиторовъ начинаютъ измѣняться,—мы живемъ не въ тѣ уже времена, когда Мейеръ-Бееру нужно было годъ времени и сто репетицій, чтобы поставить большую оперу. Теперь разучиваютъ и ставятъ по три оперы въ два мѣсяца.

Вотъ какъ создалась Зерлина или Корзина апельсиновъ, Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, либретто Скриба, музыка Обера.

Дѣйствіе въ Палермо. Театръ представляетъ гавань. Лазарони улеглись на солнцѣ какъ ящерицы. Женщины работаютъ; мужчины отдыхаютъ послѣ трудовъ. Хоръ лѣнивый, слабый, томный едва слышенъ въ устахъ этой изнѣженной черни. — Да, мы забыли сказать, что увертюра дышетъ свѣжестью мысли, не шумна, полна прекрасныхъ фразъ и упрямо навѣкаетъ на любимый мотивъ: канцонетту Альбони. Герцогъ Роканера выходитъ изъ дворца. Въ придворномъ шитомъ золотомъ мундирѣ, съ пунцовой лентой черезъ плечо, онъ выѣхался въ томпу бродяхъ, полуодѣтыхъ въ рубища. Лазарони и торговки фруктами составляютъ кружокъ около герцога, который поетъ, что у него нестерпимая жена, что прежняя его любовница Зерлина, пропавшая пятнадцать тому лѣтъ, была во сто разъ лучше сестры короля, на которой онъ женился по расчету и которая отравляетъ его жизнь. Пропѣвъ эту арію, онъ уходитъ. Въ роли герцога дебютировалъ баритонъ Мерли. Въ гавань пришелъ корабль съ апельсинами, вѣроятно изъ Португаліи: она одна можетъ осмѣлиться прислать апельсины въ Сицилію. Лазарони толпятся у пристани. На берегъ выходятъ Женщина Это Зерлина, о которой обнякомъ говорилъ Герцогъ. Залпъ рукоплескавій, судорожные оглушительные взрывы восторга публики, всрѣтили Альбони. Надобно имѣть величествен-

ное спокойствіе и привычку della simpatica diva, чтобы не смутиться этии пріемомъ, который, ввроятно, не совсѣмъ понравился Г-жѣ Віардо. Она пропѣла пріветствіе Сициліи; — зрители закричали *bis*, и букеты посыпались къ ногамъ пѣвицы. Зерлина, похищенная морскими разбойниками, возвращается въ Сицилію, чтобы отыскать дочь свою Джемму и — продать апельсины. Изъ дворца выходитъ дама. Маленькій негръ подаетъ ей письмо, — она отдаетъ ему въ отвѣтъ апельсинъ, купленный у Зерлины, — это условіе на тайное свиданіе. Зерлина узнала это изъ брошенной дамою записки. Является другая дама, — Джемма, дочь Зерлины. Герцогъ воспитываетъ ее во дворцѣ, какъ свою племянницу, и вскорѣ выдаетъ за мужъ за маркиза Буттура, родственника короля. Зерлина узнаетъ дочь свою, но боясь разстроитъ свадьбу, молчитъ. За тѣмъ слѣдуетъ прекрасный финалъ, въ которомъ женскіе голоса эффектны въ своемъ соединеніи. Зерлинѣ дозволено снабжать дворецъ апельсинами. Джемму играетъ М-ше Пани; — герцогиню М-ше Дамегон.

Во второмъ актѣ Зерлина приноситъ во дворецъ апельсины. Мы забыли сказать, что есть еще молодой офицеръ Родольфъ. Онъ весь въ золотѣ и любитъ Джемму, дочь Зерлины, невесту Буттуры. Зерлина на сторонѣ Родольфа, какъ герцогиня на сторонѣ Буттуры. Наконецъ герцогъ узнаетъ Зерлину. Рокканера въ трудномъ положеніи, ему предстоитъ выборъ: уговаривать жену, которой онъ боится, на бракъ Джеммы съ Родольфомъ, или лишиться Джеммы, которую мать уведетъ продовать по улицамъ апельсины. Приходитъ герцогиня. Зерлина узнаетъ въ ней даму, потерявшую записку о тайномъ свиданіи.

Дѣйствіе третье. Для глазъ это главное дѣйствіе. Декорація изумительно хороша и вполне достойна театра оперы, у котораго не должно быть соперниковъ. Праздникъ въ садахъ герцога. Иллюминація а giorno, — цвѣты, озаренные блескомъ освѣщенія, толпятся букетами, тянутся гирляндами; изъ фонтановъ, окруженныхъ статуями, журчатъ и льются блестящія струи свѣтлой воды. Вдали дворецъ, съ ярко освѣщенными, открытыми галлерейми. Видъ безподобный! Сходятся гости. Эти группы нарядныхъ, замаскированныхъ, блестящія, производятъ прекрасный эффектъ въ очаровательной картинѣ. Тутъ назначено свиданіе герцогини съ маркизомъ. Герцогиня объявляетъ своему мужу, что по случаю брака его племянницы, король назначаетъ его вице-королемъ. Рокканера, восхищенный сначала, приходитъ потомъ въ отчаяніе, вспомнивъ о требованіи Зерлины, которая, видя его нервшимость, объявляетъ ему,

что маркизъ теперь на свиданіи съ знатной дамой. Ну, чтожъ за бѣда, отвѣчаетъ герцогъ, которому хочется быть королемъ. Тутъ начинается дивертисементъ. Рокепланъ не щадилъ ничего для самой блестящей обстановки этой оперы. Танцы прелесной группы двушекъ, одѣтыхъ въ бѣлой и розовый цвѣта, восхитили зрителей; Китайскій танецъ доставилъ и удовольствіе неожиданности и случай посмѣяться. Математическая точность движеній, сившныя пз, изученная неловкость, много позабавили публику, Герцогиня упорствуетъ и непременно хочетъ обвинять своего любовника съ прекрасною Джеммою. Зерлина рѣшилась отдать ее за Родольфо. Роканера не знаетъ, что дѣлать. Какъ тутъ сладить дѣло? Очень легко. Зерлина подаетъ апельсинъ Джеммѣ и говоритъ ей: «покажи это потихоньку герцогинѣ, и скажи ей—я знаю все». Джемма исполнила приказаніе матери. Герцогиня, пораженная этими словами, сначала смутилась, но потомъ, ободрившись, остается непреклонною. Тогда подходитъ къ ней Зерлина, показываетъ записку и говоритъ: «она все знаетъ, и я все знаю». Герцогиня уступаетъ, и, обратясь, говоритъ маркизу: «онѣ все знаютъ». Наконецъ все знаютъ все: одинъ только герцогъ ничего не знаетъ. Герцогиня соглашается — поютъ — всѣ счастливы. — Финалъ, въ которомъ звучитъ опять прекрасный мотивъ основной канцонеты. Альбони заключаетъ дѣйствія чудесами вокализаци. Занавѣсъ падаетъ среди неистовыхъ рукоплесканій. Альбони, Альбони! кричатъ толпа, — Альбони является, спокойная, скромная, подымаетъ нѣсколько брошенныхъ ей букетовъ и уходитъ съ улыбкой признательности. Потомъ вызываютъ авторовъ. Успѣхъ былъ дѣломъ Альбони.

Эдуардъ Литтонъ Бульверъ написалъ комедію: *Not so bad as we seem, or many Sides to a character, не такъ мы дурны, какъ кажемся, или многосторонній характеръ*. Доходъ автора съ представленій этой комедіи назначенъ въ пользу приюта для литераторовъ. Бульверъ, Диккенсъ и другіе заботятся объ учрежденіи этаго приюта, и составляютъ союзъ, подъ названіемъ литературной и художественной гильдіи. Приютъ этотъ будетъ въ связи съ однимъ изъ надежныхъ обществъ застрожанія жизни, и кромѣ окладнаго содержанія заслуженнымъ, но безпомощнымъ сочинителямъ, будетъ выдавать случайныя вспомошествованія и займы. Домъ союза будетъ построенъ на землѣ, подаренной для сего Бульверомъ; жителей будетъ избирать особый комитетъ. Они будутъ или члены (*members*) или товарищи (*associates*), и будутъ получать на содержаніе до 200 ф. ст. въ годъ, и принимаютъ за то обязанность представить для чтенія на засѣданіяхъ, не менѣе трехъ сочиненій въ годъ о пред-

метахъ, относящихся къ литературѣ, наукамъ и искусствамъ. Старость найдетъ здѣсь успокоеше, а даровитая юность убежище отъ прозаическихъ заботъ о жизненныхъ потребностяхъ. Приютъ этотъ охранитъ будущаго Чатертона отъ самоубійства, будущаго Сутея отъ сумашествія, и Борнса отъ ничтожной должности сборщика пошлннъ.

Вновь учрежденный въ Австріи департаментъ художествъ, дѣятельно заботится объ укомплектованіи и успѣхахъ недавно основанной академіи. Особенное вниманіе обращено на процвтавшее нѣкогда въ Вѣнѣ и вовсе упавшее искусство гравированія на мѣди; департаментъ не щадитъ денегъ на образованіе искусныхъ граверовъ.

На выставкѣ Австрійскаго Союза изящныхъ искусствъ было много хорошихъ картинъ, въ томъ числѣ прекрасная картина покойнаго Дангаузера: бабушка и внучка; Мейера, маленькая волонощица; Энгубера, деревенскій живописецъ. Крушеніе парохода «Президентъ», кисти Ахенбаха, есть прекрасное, смѣлое, поразящее произведеніе искусства, а юный художникъ Селени превосходно изображаетъ природу въ своихъ ландшафтахъ. Въ его картинѣ Южные Альпы, проявляется высокий талантъ. Гаушъ, Рафальтъ и Свобода, могутъ почетомъ достойными представителями Вѣнской ландшафтной школы. Конрадъ Грефе представилъ на выставку прекрасный ландшафтъ, гравированный на мѣди.

Живопись *all fresco*, бывшая нѣкоторое время въ пренебреженіи, снова входитъ въ права свои, еще съ большими противъ прежняго преимуществами. Два Баварскіе химика изобрѣли способъ придавать удивительную прочность фрескамъ. Художникъ пишетъ особо приготовленными красками, на поверхности, покрытой массою, въ которую краски удобно всякаютъ, впитываются, и такъ сказать, соплощаются съ нею. Первое удобство новаго способа состоитъ въ томъ, что живописецъ можетъ поправлять написанное, какъ въ свѣтлыхъ мѣстахъ, такъ и въ тѣняхъ, что было невозможно прежде. Когда картина кончена, ее покрываютъ особою прозрачною обмазкою, которая, не измѣняя красокъ, предохраняетъ ихъ отъ вліянія воздуха, воды и даже огня; опыты, произведенные въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, вполне въ томъ удостовѣрили. Камень съ фресками, по новому способу, покрытый непроницаемымъ составомъ, былъ брошенъ въ жаркій огонь, и не только живопись не истребилась, но даже краски не измѣнились. Обмазка эта, въ составъ коей входитъ, вѣроятно, стекло, называется *wasserglas*. Тотъ, кто изобрѣлъ ее, заботился единственно о предохраненіи отъ огня театралныхъ декораций. Въ послѣдствіи онъ соединился съ профессоромъ Мюнхенской Академіи, весьма опытнымъ въ живописи *all fresco*, который применилъ этотъ способъ къ охраненію картинъ, писанныхъ на стѣнахъ. Вотъ способъ, употребляемый Каульбасомъ и Корнеліусомъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВѢСТИ ИЗЪ КІЕВА.

Изъ всѣхъ мѣстъ благословенной нашей Россіи, Кіевъ болѣе всѣхъ привлекаетъ къ себѣ благоговѣнное вниманіе своей вѣковой святынею, и видитъ среди себя непрерывное стеченіе богомольцевъ. Круглый годъ въ немъ бывають поклонники; всего болѣе встрѣтите вы ихъ весной и лѣтомъ. Не каждый годъ бываетъ одинакое стеченіе народа, но всегда оно очень значительно (отъ 50 до 80 тысячъ). Въ теченіи года почти вся Россія перебываетъ у святыни, т. е. немногіе представители всѣхъ концовъ ея являются сюда помолиться о себѣ и о присныхъ своихъ. Съ первыхъ дней весны, особенно послѣ Свѣтлаго праздника, храмы Кіева почти не затворяются: съ ранняго утра до поздняго вечера наполняются они богомольцами, которые, то безмолвно молятся тамъ, то благоговѣнно разсматривають благолѣпіе храма, то слушаютъ молебень, часто раздающійся тогда, — такъ что непрерывный рядъ молебновъ претворяетъ день въ одинъ всѣдневный молебень; слова молитвы и благодаренія неумолчно оглашаютъ своды храмовъ. Разновидныя толпы, всякаго званія и возраста, непрерывно спуютъ вдоль и поперекъ по широкораскинувшемуся Кіеву; шумное движеніе Кіева почти не увеличивается, потому что богомольцы вообще пѣшкомъ посѣщаютъ святыни его. Я сказалъ, что рѣшительно всякій храмъ наполняется богомольцами; кромѣ того обширныя ограды, или дворы церковныя, особенно при монастыряхъ, всегда устаны необозримымъ множествомъ народа. Разнообразныя живописныя группы непременно остановятъ на себѣ ваше вниманіе; почти на всѣхъ вы подмѣтите характеръ благоговѣнной настроенности духа, выражающійся въ словѣ, взглядѣ, сердечномъ вздохѣ. Группъ этихъ особенно много на обширной площади Печерской Лавры. Смотри на безпрерывный входъ и выходъ богомольцевъ изъ Лавры, чувствуешь, что какъ нельзя болѣе вѣрно изображена на Святыхъ вратахъ Лавры слѣдующая пророческая надпись: «отверзутся врата твоя присно, Иерусалиме новый, день и ночь не затворятся...» И какія разнообразныя картины представляются вамъ на этой красивой Лаврской площади въ лѣтнее время, въ свѣтлый, ясный день, когда вся она, съ утра до вечера, покрыта народомъ! Наблюдательный взоръ вашъ невольно займется многими группами богомольцевъ, которыхъ увидите тамъ: одни изъ нихъ покупають Лаврскія просфоры, записываютъ на

нихъ имена своихъ присныхъ,—и живыхъ, и усопшихъ—для поминовения на проскомидіи, другіе спѣшать въ пещеры Лавры поклониться мощамъ Св. угодниковъ;—на встрѣчу имъ возвращаются многія группы, успѣвшія уже, чуть свѣтъ, обойти Св. пещеры. Вы замѣтите въ рукахъ этихъ богомольцевъ обожженные свѣчи, съ ними они совершили поклоненіе мощамъ, ихъ заботливо берегутъ они въ воспоминаніе своего поклоненія, и дорожатъ ими, какъ священнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ болѣзни, въ часъ смертный. Иные одѣляютъ нищихъ деньгами, хлѣбомъ, прося молиться за здравье или упокой; другіе группами сидятъ подъ тѣнію деревъ и читаютъ священныя книжки, купленныя ими въ Лаврѣ, или рассказываютъ другъ другу преданья старины о Києвѣ и Св. Лаврѣ. Иные тутъ же отдыхаютъ отъ трудовъ и молитвы, многіе даже ночлегъ свой имѣютъ на площади Лаврской, подъ открытымъ небомъ. Иные расхаживаютъ толпами, рассматривая величественную «небеси подобную» церковь Печерскую, или любясь исполинско-колокольнею, построеніе которой украшено народнымъ преданіемъ, общезвѣстнымъ; другіе съ трудомъ и частымъ отдыхомъ взошли на 345 ступеней Лаврской колокольни, чертятъ тамъ свои имена и смотрятъ на чудные виды, открывающіеся оттуда на далекое пространство; нѣкоторые, боясь взлѣсть на колокольню, съ крыльца типографіи обозрѣваютъ очаровательное Задѣлпрое, его обширныя зеленѣющіе лѣса, заливы и озера. Наконецъ, одни читаютъ живописную исторію о воздушныхъ мытарствахъ, пройденныхъ Св. Феодорою (Четь-Мясиен, Мартъ, 26), сопровождая чтеніе благоговѣйными замѣчаніями, сердечными вздохами; другіе рассматриваютъ надгробныя памятники, украшающіе могилы извѣстныхъ людей, военнопочинковъ, пожелавшихъ избрать себѣ мѣстомъ успокоенія Св. Лавру, послѣ разнородныхъ жизненныхъ браней, съ людьми и со страстями; иные ходятъ по живописнымъ крутизнамъ и долимамъ Києва, любясь съ восторженнымъ умиленіемъ дивною красотою святаго мѣста и его окрестностей!—Особенно величавое зрѣлище стекшихся богомольцевъ бываетъ на той сторонѣ Дѣвпра, предъ Києвомъ, когда усталыя толпы, забывъ изнуреніе, всѣ бѣдствія далекаго пути и нужду въ поковъ, благоговѣйно молятся предъ святыми храмами, благодаря отъ глубины сердца Провидѣніе за то, что оно сподобило ихъ узрѣть желанную цѣль ихъ долгаго пути, который весь есть трудъ и молитва! Одинъ видъ Києва производитъ въ душахъ поклонниковъ какое-то полное неизяснимой радости ощущеніе. Многіе изъ нихъ уже возвращаются домой, но все еще, какъ бы

възда ворота, и немного осталось, чтобъ соединить весь круговой рядъ казармъ, почти вездѣ уже положена закладка послѣднихъ, остающихся построекъ; болѣе 2 тысячъ чел. занято здѣсь постоянной и разнообразной работой. Упомяну еще о замѣчательныхъ частныхъ домахъ, которые составятъ собою украшеніе Кіева: Гг. Эйсмана, Миклашевскаго (на одной улицѣ), Серебряникова, Чернышева. Передъ Университетомъ ровняется обширная площадь, на которой будетъ воздвигнутъ памятникъ насадителю Св. вѣры и просвѣщенія, равноапостольному Владиміру; близъ Университета возвышается чрезвычайно красивое зданіе 2-й Кіевской Гимназіи, строится Левашовскій Институтъ для дворянъ, Дворянскій домъ. Въ близъ лежащей рощѣ воздвигается зданіе Кадетскаго Корпуса. За Житомирской заставой проэктирована новая обширная часть города; она начинается отъ Университета, проходитъ близъ слободы *Кудрявецъ* (возлѣ стараго Кіева) и должна соединиться съ *Глубокицами*, примыкающими къ Подолу. Для нее отведено 409 десятинъ и 2080 саж. земли, принадлежавшей вдовству Кіевской Палаты Государственныхъ Имуществъ. Кромѣ застроенныхъ уже нѣсколькихъ кварталовъ, предполагено еще составить здѣсь 20 кварталовъ. Отъ бульварной улицы, идущей близъ Университета, начертано провести шоссе, вмѣсто предполагаемаго прежде, по Житомирской дорогѣ, и имѣвшаго 4 изгиба. Въ этой новой части города предполагаются многія казенныя постройки; объ нихъ—въ свое время.— Утвержденъ уже проектъ расширенія и устройства въ лучшемъ видѣ здѣшней Духовной Академіи, находящейся на Подолѣ. Отъ Подола, по правому берегу Днѣпра, до новаго строящагося моста проводится шоссе на возвышенія 2 сажени отъ обыкновеннаго уровня Днѣпра; отъ напора воды, во время разлива, шоссе защищено ешипиномъ, во множествѣ положенныхъ подъ насыпью; отъ ешипинка появились ростки и вѣтви; эта зеленая сторона шоссе чрезвычайно красива, если смотрѣть на нее по Днѣпру; такъ какъ изъ горъ течетъ множество ключей, то всѣ открытыя проведенны по нѣскольку вмѣстѣ, чрезъ нихъ перекинуты мосты; тамъ, гдѣ рѣчка близко подходитъ къ шоссе, устроены кирпичные, тамъ же, гдѣ берегъ далеко отъ шоссе, сделаны деревянные мосты; всѣхъ мостовъ 15, кирпичныхъ 5, деревянныхъ 10. По срединѣ шоссе, между Подоломъ и новымъ мостомъ чрезъ рѣчку, противъ воздвигнутой на Печерскъ Николаевской башни, устроена необыкновенно прочная небольшая башня, какъ пристань собственно крѣпости. Земляная насыпь уже готова почти на всемъ разстояніи; набивка шоссе щебнемъ начнется въ это же

лвто (2) Нечего и говорить о той пользе, какую принесет этот чрезвычайно удобный и вдвое близкий путь сообщения привозных из-за Днѣпра съ Подоломъ. Мы ждемъ значительныхъ, благотворныхъ для торговли послѣдствій отъ шоссе, какъ вообще отъ всего того, что создаетъ наше заботливое и предупредительное Правительство. — О строящемся мостѣ чрезъ Днѣпръ, было уже подробно говорено въ Москвитинѣ; здѣсь можно прибавить только то, что уже готовы четыре каменныхъ быка, остается еще сдѣлать 2 на среднемъ рѣкѣ. Длина моста 365 саж., ширина болѣе 8 саж., цѣнность его полагають въ 2.350,000 р. с. Рѣчку *Черторой* или *Чарторой* предполагено запрудить, чтобы воды ея, вливаясь прямо въ Днѣпръ и увеличивъ собой массу водъ его, сдѣлали русло его болѣе глубокимъ и удобнымъ для плаванія судовъ, тогда какъ теперь плаваніе это въ лѣтнее время производится не по Днѣпру, а по *Черторою*. Говорятъ, что въ старину *Черторой* было русломъ Днѣпра, нынѣшнее же русло Днѣпра есть не что иное, какъ выкопанный каналъ, сдѣланный съ тою цѣлю, чтобы суда могли прямо приставать къ Подолу, вотъ отчего русло *Черторою* гораздо глубже (хотя уже) русла Днѣпра, котораго онъ составляетъ теперь рукавъ на пространствѣ 3, 4-хъ верстъ. — Въ своемъ разсказѣ я обошелъ кругомъ весь Кіевъ, — ворочусь опять къ храмамъ, по поводу которыхъ начать я этотъ разсказъ о новостяхъ Кіева; коснусь теперь внутренней жизни Кіева.

(3) Не стану говорить здѣсь о чрезвычайной быстротѣ и сложности работъ на шоссе, на которомъ постоянно 700 человекъ находятся въ различныхъ занятіяхъ; отчетливость и дѣятельность работъ дѣлають большую честь инженерамъ, заведывающимъ устройствомъ шоссе; надо вспомнить при этомъ тѣ глубочайшіе рыи и огромные холмы, которые существовали здѣсь до начатія шоссе; еще не прошло и двухъ лѣтъ, а они ужъ совершенно исчезли, и на мѣстѣ ихъ вьется ровной широкой лентой изумительно-быстро явившееся шоссе. При разрывѣ вала, идущаго надъ Днѣпромъ, напротивъ восточнаго конца Царскаго саа, открытъ на этихъ дняхъ (29 Мая) огромный глиняный кувшинъ, въ которомъ заключалось около 4 нуль какихъ-то древнихъ серебряныхъ монетъ. Свѣдѣнія объ этомъ открытіи еще не получили точной извѣстности и опредѣленности, и потому я оставляю до будущей статьи болѣе подробный и обстоятельный разсказъ объ немъ. Теперь замѣчу только, что монеты эти по величинѣ двухъ видовъ: одна какъ 75 к. сер., а другія какъ 30 к. сер.; на нихъ разнообразныя причудливыя орнаменты и надписи, кажется, восточныя, что и заставляетъ видѣть въ нихъ памятникъ глубокой древности. Монеты очень тонки, издаютъ глухой звукъ, но металлъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію. П. С.

Я получилъ уже для образчика двѣ монеты изъ Кіева отъ другаго корреспондента, и отправилъ ихъ въ Петербургъ для разсмотрѣнія Г. Савельеву, опытному восточному нумизмату; монеты восточныя, Арабскія, а количество ихъ, — пять пудовъ, можно причислить къ тяжеловѣснымъ доказательствомъ Г. Егупова съ товарищами, что Россія въ древности торговли не производила. М. П.

Въ прошломъ же году вполне вызолоченъ заново величественный иконостасъ соборной церкви Печерской Лавры, по усердію незабвенной Графини А. А. Орловой, пожертвовавшей миллионъ рублей на благолѣпіе Лавры. Теперь окачивается позолота иконостаса въ Софійскомъ соборѣ; въ немъ также возобновляется стариная живопись и очищаются мозаическія изображенія. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ Соборѣ. — Чудная внутренность его, вся блиставшая золотомъ, мозаикою и мраморомъ въ первые дни основанія ^(*), подверглась опустошительному разоренію сначала, во время княжескихъ междусобій, отъ Мстислава, сына Боголюбскаго, потомъ отъ Рюрика Ростиславича и Ольговичей, наконецъ отъ Татаръ. Къ счастью остались мозаическія изображенія, остатки мрамора и нѣсколько столбиковъ изъ порфира. Къ великому удовольствію поклонниковъ и славъ храма, оставшаяся мозаика скоро исправится въ первобытной своей красѣ, а изображенія, осыпавшіяся отъ времени или разрушенія людскаго, замѣнятся фресками, сообразно мозаикѣ, по золотому полю. Изъ остатковъ мрамора находятя: гробъ Ярослава, капители колоннъ иконостаса и вмѣсто перилъ орнаменты, высѣченные изъ камня на хорахъ; орнаменты эти одинаковой чеканки съ гробомъ Ярослава. Вотъ все, что осталось отъ великолѣпія храма Ярославова. Послѣ Татаръ, болѣе полутора вѣка пребылъ Софійскій соборъ въ запустѣніи (хотя и совершалось въ немъ богослуженіе), разрушался болѣе и болѣе, наконецъ, въ концѣ 14 вѣка, послѣдній изъ Митрополитовъ всея Россіи, Кипріанъ сталъ заботиться о возстановленіи собора и успѣлъ нѣсколько привести его въ лучший видъ; но въ концѣ 15 столѣтія (1484) Крымскій Ханъ Менгли-Гирей опустошилъ соборъ, а въ концѣ 16 столѣтія (1596) Софійскимъ соборомъ овладѣли Уніаты. Только 35 лѣтъ владыки они имъ, но привели его въ совершенный упадокъ. Знаменитый Митрополитъ, Петръ Могила, возвратилъ (1632 г.) Софійскій соборъ и позаботился о сохраненіи древнихъ стѣнъ его отъ разрушенія, для чего устроилъ двѣ двухъ-ярусныя галлерей, оградилъ каменными столбами или опорами, устроилъ 17 престоловъ, вмѣсто од-

(*) Кіевскій Софійскій соборъ можно почестъ, кажется, самымъ древнѣйшимъ изъ всехъ храмовъ въ Россіи: въ 1037 г., 4 Июля (по слову летописи) онъ уже былъ освященъ. На западной сторонѣ храма, надъ главнымъ входомъ открыта недавно слѣдующая надпись: «храмъ сей святыи нача создатися отъ Р. Х. 1011 года, а совершися и освятися 1038». Надпись принадлежитъ къ позднѣйшему времени, какъ видно по начертанію буквъ, но съ чего-нибудь же она да написана. Въ такомъ случаѣ откуда противорѣчіе въ показаніи года летописью и надписью?..

ного, и прибавилъ многіе куполы и фронтоны, сверху древнихъ, которые остались внутри, подъ кровлею,—черезъ это совершенно измѣнился внѣшній видъ собора, который въ началѣ былъ копіей, въ маломъ видѣ, Византійскаго храма, т. е. обь одномъ куполѣ и внутри крестообразный. — Митрополитъ Гедеонъ Четвертискій, при помощи Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, ревностно занимался устройствомъ и благолепіемъ его. Съ тѣхъ поръ, почти все послѣдующіе Венецосцы не оставляли соборъ своимъ попеченіемъ и часто вносили богатые вклады. Такъ какъ ничего существенно-важнаго не было сдѣлано для устройства собора до настоящей поры, то я прямо перейду къ днямъ недавно минувшимъ. Въ 1844 году, на южной стѣнѣ собора, подъ штукатуркою и патью слоями масляной краски открыты были древніе Греческіе фрески (а впоследствии во всемъ соборѣ), которыми былъ расписанъ соборъ при Ярославѣ. Академикъ Соллцевъ, которому принадлежитъ честь сего открытія, занялся, по волю Государя Императора, снятіемъ древнихъ рисунковъ и составленіемъ, по образу ихъ, новыхъ для всего храма ⁽¹⁾; приняты были мѣры къ скорѣйшему и дѣятельному возобновленію собора. Прошло нѣсколько лѣтъ, пока продолжались приготовительныя работы и составлялись рисунки, наконецъ, съ 25 Іюня 1849 года поручено (хозяйственнымъ образомъ) возобновленіе собора Члену Комитета, Іеромонаху Печерской Лавры отцу Ирнарху, который уже 30 лѣтъ подвизается въ живописномъ искусствѣ, въ послѣдніе годы ревностно изучилъ стиль фресковъ собора и завелъ при немъ школу для изученія фресковъ. Обильные плоды его многосторонней, подвижнической дѣятельности не замедлятъ обнаружиться: при непосредственномъ его надзорѣ и собственныхъ неусыпныхъ трудахъ, работы производятся такъ усердно и быстро, что въ теченіи настоящаго лѣта, къ храмовому празднику собора (8 Сентября) отецъ Ирнархъ надѣется окончить всю отдѣлку храма. Къ этому жъ времени поставится весь вызолоченный иконостасъ собора; замѣтимъ кстати, что иконостасъ не будетъ теперь закрывать величественный мозаическій образъ Богоматери, находящейся въ олтарѣ, на полуевоодъ отъ горняго мѣста и называемый *Нерушимою стѣною*, въ память восьмивѣковаго неповрежденнаго своего существованія.—Вотъ въ какомъ видѣ появится, по окончаніи всѣхъ работъ, внутренность Софійскаго собора: въ куполѣ, который весь будетъ имѣть золотое поле, въ самомъ вѣщѣ его, Богъ

(1) Подобныя памятники Византійскаго художества XI вѣка, разительные сходные, встрѣчаются въ Палермо.

Отець, вокругъ Него въ сіяніи 4 Серафима; потомъ первыиъ рядомъ изображеній на стѣнахъ купола будутъ 12 ликомъ Архангеловъ; ниже ихъ, въ простѣнкахъ между окошками, лики святителей; на 4 углахъ, концахъ ротонды, четыре Евангелиста. Наконецъ, на стѣнахъ собственно собора, различныя изображенія лицъ, группъ, событій Евангельскихъ; на многочисленныхъ столпахъ храма⁽¹⁾ повсюду и во весь ростъ изображенія святыхъ и множество арабесковъ; — все это будетъ возобновлено совершенно по образцу древняго художества. Скажу еще о тѣхъ мозаическихъ изображеніяхъ, которыя остались невредимы до нашихъ временъ и явятся нѣсколько очищенные. Въ оттарѣ колоссальный образъ Божіей Матери, ниже ея божественная трпеза, еще ниже лики Святителей и мучениковъ. На столпахъ алтарныхъ, состороны церкви, находятся изображенія Архангела Гавріила, благоустующаго, и Св. Дѣвы, Внутри церкви, на восточной дугѣ подъ куполомъ образъ Спасителя, а напротивъ его, на западной дугѣ, образъ Богоматери. Изъ 4 Евангелистовъ сохранился образъ Марка и часть Евангелиста Іоанна, да еще на 15 ликахъ мучениковъ уцѣлѣла древняя мусія. Такимъ образомъ Софійскій соборъ скоро получитъ — по возможности — тотъ видъ, въ какомъ былъ онъ въ свое первое время, во время величія и славы Кіева.

Къ большому благоутвию Собора, на колокольнѣ его, которая была досель въ 3 яруса⁽²⁾, воздвигается теперь четвертый ярусъ съ высокими куполомъ. Само собою разумется, что видъ колокольни, собора и всего Кіева сдѣлается еще лучше, привлекательнѣе, невагляднѣе. Работы по колокольнѣ предположено окончить также къ храмовому празднику собора.

Зима этого года въ Кіевѣ была очень малоснѣжна, поэтому разливъ Днѣпра не могъ быть значителенъ; но такъ какъ въ Россіи были большіе снѣга, и бассейнъ Днѣпра многочислененъ, то разливъ былъ довольно великъ, впрочемъ менѣе, чѣмъ въ 1845 и 1850 года. Днѣпръ вскрылся 15 Марта, а совершенно освободился отъ льда 20-го числа и до 25 Апрѣля продолжался его разливъ, съ этого дня вода стала убывать, но и до сихъ поръ Днѣпръ

(1) Эти столбы чрезвычайно служиваютъ ширину собора и дѣлятъ его на множество продолговатыхъ, узкихъ четырехъугольниковъ. Столбы эти сдѣланы совершенно неужными для собора желѣзными связями, которыхъ вовсе не было и нѣтъ.

(2) Она основана въ 1746 году, при Митрополитѣ Ризамѣ, и долго называлась *триумфальною*, по своимъ вѣнцамъ украшеніямъ.

еще не вошелъ въ свои берега (1). Разливъ его почти всякій годъ бываетъ очень значителенъ, затопляетъ все Заднѣпровье, верста на 8 вдале отъ города; особенно замѣчательнъ былъ разливъ его въ 1845 году, когда вода вливалась во все улицы Подола, ведущія къ Днѣпру, и отъ многихъ домовъ выплывали на лодкахъ. Всякій годъ, впрочемъ, Днѣпръ затопляетъ низкую часть Подола, называемую *Оболонье*, и картины бываютъ тогда маленькіе домики и сарай, окруженные со всехъ сторонъ водою; не ранѣе половины Іюня наводятся временныя мосты чрезъ Днѣпръ, а до того времени переправа производится на баркасахъ, дубкахъ и паромкахъ; послѣдніе въ этомъ году тянулись паромодомъ, который на разстояніи 5 верстъ, тащилъ всякій разъ два-три парома, совершенно нагруженные. Какъ чудно хорошъ, какъ живописенъ бываетъ, во время полнаго разлива, Подоль, который огибается тогда съ трехъ сторонъ Днѣпромъ, и замѣтно выдаваясь однимъ концомъ въ рѣку, напоминаетъ собою Золотой Рогъ, столько славный своей красотой. Красивыя зданія Подола и частію разбросанныя по немъ стройныя тополи дѣлаютъ Подоль всегда самую красивѣйшею частію города; но всего болѣе получаетъ онъ пріятности во время разлива, особенно если смотреть на него съ шоссе, или съ Александровской горы, или съ паперти Андреевской церкви, откуда панорама его представляется шире, яснѣе, величественнѣе, разнообразнѣе. Къ этому виду не привыкли еще самые Кіевляне: слова восторга и очарованія часто раздаются изъ устъ гуляющихъ, при взглядѣ на ту картину, которую представляетъ собою Подоль, во время полнаго разлива. Кіевъ богатъ очаровательными видами во многихъ мѣстахъ, но всего красивѣе, всего непагладнѣе тотъ же Подоль, откуда ни взгляните на него. Горы Кіева представляютъ собою чрезвычайно удобные пункты для того, чтобы любоваться чудесною разнообразною красотой мѣстности. Самые лучшіе виды открываются съ паперти Андреевской церкви, съ кладбищенской горы Щеговицы, съ Царскаго сада, съ Александровской горы и многихъ другихъ возвышенныхъ мѣстъ.

По малоснѣжью переходъ отъ зимы къ веснѣ совершился

(1) Кстати скажу, что нѣтъ когда-то случилось слышать о простомъ рыбаке вотъ какую чрезвычайно удачную филологическую замѣтку о происхожденіи слова «Днѣпръ»: такъ какъ рѣка эта постоянно была стремительна и часто силою напора воды своихъ, дѣлала для себя новое русло, то по этому и дано было ей названіе *Дно-перъ*, т. е. что она всякій разъ претъ, выширается, вытискиваетъ для себя дно; а изъ этого уже слова *дно-перъ*, послѣ ряда измѣненій, образовалось—Днѣпръ. Передаю, что слышалъ, представляя наслерамъ своего дѣла судить, до такой степени правдива и основательна эта замѣтка.

скоро, безъ грязи, которая никогда не бываетъ велика въ нашемъ городѣ, благодаря почти вездѣ находящимся мостовымъ. Теплые, ясные, весенніе дни часто бывали въ Мартъ, особенно въ Апрель; погода въ Светлый праздникъ была чудно хороша; но Май походилъ болѣе на Сентябрь: сильный холодъ и частые дожди, комически разстроивавшіе прогулки и поездки за городъ, — вотъ что было у насъ въ Маѣ; только къ концу его настали теплые дни, ночи все еще прохладны, а днемъ такъ парить, что дождь не заставить себя долго дожидаться. Въ окрестностяхъ Кіева была, не разъ уже, сильная гроза, повредившая мельницы, хлѣбъ и плодовые деревья, въ самомъ же Кіевѣ она ограничивалась проливнымъ дождемъ и чрезвычайно сильными ударами грома.

Светлый праздникъ прошелъ скромно, съ обыкновенными увеселеніями: для народа на площадяхъ устроены были балаганы, палатки, качели, вокругъ которыхъ толпилося множество любопытныхъ; въ купеческомъ Клубѣ былъ одинъ вечеръ; впрочемъ въ Кіевѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ Малороссіи, Светлый праздникъ проводится почти въ семейномъ кругу: на первый день праздника посѣщаютъ родителей, или самыхъ старѣйшихъ членовъ семейства, на второй, на третій, и т. д., во всю недѣлю, собираются, по искони заведенному порядку, въ каждомъ семействѣ родныхъ поочередно, по порядку старшинства. Дѣлю другое — Рождественскія святки, которыя проводятся, хотя съ такой же формальностью, но несравненно и чудите и разнообразіе. Послѣ Св. Праздника, на сценѣ здѣшняго театра, дебютировала пріѣхавшій изъ Харькова трагическій актеръ Г. Львовъ. Онъ участвовалъ въ трехъ или четырехъ спектакляхъ, и по всей справедливости заслуживалъ полного вниманія со стороны Кіевской публики; преимущественный успѣхъ его былъ въ роли Гамлета, — это очень много говорить въ пользу его сценическихъ дарованій. Игра его привлекала много зрителей въ театръ, который теперь очень часто пустуетъ. Одной изъ причинъ малаго процвѣтанія нашего театра можно почесть отсутствіе епешбле-я въ составѣ актеровъ и актрисъ, другою — недостатокъ трагическихъ персонажей: часто трагическія роли раздаются лицамъ, занимающимъ амплу Щепкина или Мартынова, — ну, можете представить, каковъ бываетъ ходъ пьесы отъ такой раздачи ролей. — Въ Маѣ явился на нѣсколько представлений пѣвецъ Соловкинъ, ученикъ Тамбурины; его участіе въ спектакляхъ пріятно разнообразило монотонныя театральныя представленія. Въ Маѣ же были даны два концерта: первый — вокальный и инструментальный дѣвицею Лелорренъ, при содѣйствіи воспитаницъ Образцоваго

Пансіона Г-жи Зальвской; второй на кларнетъ — слѣпцомъ Валеріемъ Вирскимъ; о первомъ скажу, что цѣна билета была 3 р. сер., о второмъ — что едва-ли на немъ были слушатели, и этого довольно объ нихъ!..

Съ первыхъ чиселъ Мая начались у насъ Дворянскіе и Городскіе выборы, продолжавшіеся до 20 Мая. Они прошли тихо, скромно, безъ всякихъ увеселеній, какими обыкновенно сопровождаются они въ другихъ мѣстахъ и какіе бывали когда-то въ нашемъ Кіевѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Кандидатами на Губернскаго Предводителя Дворянства избраны Графъ Тишкевичъ и Графъ Броницкій. Градскимъ главою избранъ Кіевскій 2-й гильдіи купецъ, И. И. Ходуновъ, бывший прежде уже нѣсколько трехлѣтій головою.

Дурная погода, стоявшая въ Кіевѣ въ теченіи Мая, мѣшала частымъ гуляньямъ Кіевлянъ въ любимомъ ихъ мѣстѣ — Царскомъ саду; но это не помѣшаетъ мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ. Уже кое-гдѣ было замѣчено, что Кіевскій Царскій садъ есть одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ садовъ во всей Россіи. Тѣмъ дѣло и оканчивалось, не потому, чтобы этой фразой все уже было сказано для яснаго представленія сада; но потому, что представить полную и наглядную картину сада не такъ легко. Я далекъ отъ мысли дать вамъ совершенное отчетливое понятіе о Царскомъ садѣ своимъ очеркомъ, тѣмъ не менѣе я съ охотою хочу кое-что сказать здѣсь объ немъ, какъ о предметѣ, достойномъ вниманія и любопытства: садъ нашъ такъ часто доставляетъ собою удовольствіе Кіевлянамъ и притомъ чуть-ли не гораздо болѣе, чѣмъ наши театры, салоны, клубы. — Почти каждый вечеръ, а по праздникамъ и воскресеньямъ непременно, рѣзво мчатся въ Царскій садъ со всѣхъ сторонъ щегольскіе экипажи. Невыразимая прелесть мѣстоположенія, разнообразная, пестрая, шумная толпа гуляющихъ, чудный тихій вечеръ, свѣтлое голубое небо, часто совершенно безоблачное, очаровательный, благодатный воздухъ, дивные виды, открывающіеся со многихъ мѣстъ сада, — все это такія роскошныя блага, которыя и отдѣльно могутъ доставить много удовольствія, а тѣмъ болѣе, когда все они вмѣстѣ. Вотъ почему рѣшаюсь я посвятить нѣсколько строкъ слабаго описанія Кіевскому Царскому саду.

Войдемте въ него съ западной стороны. Сейчасъ по входѣ, на право и на лѣво идутъ пограничныя аллеи сада, по которымъ проложена дорога вокругъ него. Мы пойдемъ прямо, по извилистой дорожкѣ, которая ведетъ на ровную площадку, переплетенную множествомъ дорожекъ и усаженную цвѣтами; волны запаху

обнимутъ васъ здѣсь; свѣжесть, легкость воздуха благотворно по-
дѣйствуютъ на вашу организмъ. Густые ряды деревьевъ возвы-
шаются съ трехъ сторонъ, огибая подковообразно площадку, на
которой мы теперь стоимъ; сразу замѣтно, что виды на горы
должны быть единственно-хороши. Холмистыя, широкія возвышенія
и деревья, растущія одно надъ другимъ, манятъ къ себѣ вашу
взоры. Пойдемъ далѣе: передъ нами разбѣгаются аллеи во всѣ сто-
роны; трудно избрать, по какой пойти, — вездѣ найдемъ мы осо-
бенную прелесть, вездѣ получимъ отрадное ощущеніе, вездѣ встрѣ-
тимъ картинныя виды, которыми можно только любоваться, которые
выше всякаго описанія. Мы найдемъ здѣсь и удивительныя тропинки,
идя по которымъ, можно прійти въ такое тѣнистое мѣсто, что вамъ
покажется, будто вы Богъ въсть въ какомъ далекомъ лѣсу. При
самомъ началѣ прогулки по этимъ извилистымъ аллеямъ, которыя
всѣ ведутъ къ главной аллее сада, вамъ представится мысль, что
въ немъ гораздо болѣе природы, чѣмъ искусства, — послѣднее вы
замѣтите только въ проложенныхъ дорожкахъ, бесѣдкахъ и отлич-
номъ порядкѣ, въ какомъ содержится садъ. Подымаясь все выше,
вы замѣтите, что кругозоръ становится шире, разнообразнѣе, при-
влекательнѣе, такъ пріятно остановиться гдѣ-либо и осмотрѣть все
вокругъ: съ одного мѣста вы увидите предъ собой сверху главную
аллею и по ней множество гуляющихъ; вамъ бросятся въ глаза
два гибкіе прамы тополя, стоящіе предъ серединой аллею; а съ
другаго мѣста предъ вами откроется здали широкій полукругъ,
увѣчаный вѣтвистыми деревьями; отъ него къ ногамъ вашимъ
разстилается внизу на большомъ пространствѣ поляна, вся усыпан-
ная деревьями и чуть мелькающими дорожками; съ третьяго мѣста
представятъ вамъ другіе чарующіе виды, такъ что если вы впе-
чатлительный и воспріимчивый наблюдатель, являетесь сюда съ
записной книжкой, и вы скоро исчертаете многія страницы въ ней
бѣглыми описаніями и роскошными впечатлѣніями. Отъ полноты
замѣчаній вы забудете набросить на бумагу множество роетъ
вьющихся въ головѣ вашей мысли; на каждомъ шагу садъ пред-
ставляетъ вамъ—то въ себѣ самомъ, то въ городѣ, новыя, полныя
плѣняющей прелести виды. А чего-чего не увидите вы изъ мно-
гихъ мѣстъ его возвышенныхъ аллей! По мѣрѣ того, какъ вы
подвигаетесь, предъ вами со всѣхъ сторонъ видоизмѣняется гори-
зонтъ: по-за вершинамъ деревъ, вдали, мелькаетъ золотой куполъ
Лаврской колокольни, далѣе стройныя ряды ровныхъ тополей,
красиво отбѣивающихъ лучшую часть города — *Липки*, огромное
зданіе Коммерческаго Банка, необыкновенно красивый, привлека-

тельный Институтъ Благородныхъ дѣвицъ съ золотымъ крестомъ, далекій, величественный Университетъ съ Гимназіей, сверкающіе куполы Софійскаго Собора, Михайловскаго монастыря; массивная Десятинная церковь, красивый Римско-Католическій храмъ и множество хорошенькихъ домовъ, на счастливомъ мѣстоположеніи. Между всеми этими предметами разсыяно много гибкихъ, высокихъ тополей, которые такъ пріятны глазу. И чѣмъ чаще вы будете приходить, тѣмъ болѣе будете замѣчать и уносить съ собою очерковъ, но все таки замѣтки ваши не скоро будутъ полны, память глаза и память воображенія постоянно будутъ припоминать вамъ новые отгѣвки, въ которыхъ есть своя прелесть, своя грація: такъ много величавой, очаровательной картинности во многихъ мѣстахъ нашего сада, такъ много неодолимаго обаянія въ немъ, что въ вашей памяти невольно припомнятся многія чудеса мѣстностей далекихъ странъ, вы будете думать, что видите предъ собою прелестный уголокъ Швейцаріи, Итали... Здѣсь именно, любуясь садомъ и окрестными мѣстами, всего скорѣе, всего чаще припоминаешь слова Гребенки: «хороша, богата природа! Невольно снимешь шапку и отъ души перекрестишься! Стоитъ-ли человекъ прекрасныхъ даровъ Божіихъ?» (Куликъ, пов. Гребенки).

Главнымъ мѣстомъ всеобщаго гулянья въ саду всегда бываетъ одна большая аллея, расположенная по крайней возвышенности сада, съ которой прямо начинается спускъ къ Крещатику и Подолу. На одномъ концѣ аллеи находится кондитерская; а на другомъ — очень красивая бесѣдка съ балкономъ, обращеннымъ къ Днѣпру. Съ этой бесѣдки открывается единственный видъ на Подоль, Днѣпръ и все Заднѣпровье, сивьющее своими лѣсами, заливами, озерами и островками, покрывающими обширный лугъ. Чуденъ этотъ видъ, во время полнаго разлива Днѣпра, когда пространство верстъ на 7, на 8 вѣдь покрывается водою, изъ-подъ которой чуть выказываются кустарники; по Днѣпру то и дѣло плывутъ барки, плоты, байдаки и даже пароходъ, то тянуцій за собой несколько суденъ, то перевозающій толпы богомольцевъ, нагромоздившихъ два-три паромы! Дымъ черной лентой вьется въ синемъ небѣ, стада птицъ шумно рвуютъ въ воздухъ, вездѣ полная жизнь природы, обновленной богатыми силами, послѣ зимняго отдыха! Чуденъ этотъ видъ во всякій лѣтній вечеръ, когда Днѣпръ тихо катитъ въ берегахъ свои воды: не слышны всплески его волнъ — по гладкой поверхности его заснуютъ вдоль и поперегъ лодки гуляющихъ, рыбаковъ, поселянъ, везущихъ въ городъ продавать дрова, свѣно, — лавственно доносятся до слуха вспомогательные ободра-

тельные крики рабочих на чуть-чуть движущейся баркѣ; у ногъ вашихъ скалы стоятъ наравнѣ съ вершинами деревьевъ, которые растутъ кое-гдѣ у подошвы горъ; когда свечерѣетъ и румяные отблески зашедшаго солнца обливаютъ окрестность пылительнымъ свѣтомъ и отражаются въ зеркальной лазури Днѣпра; когда, наконецъ, на лѣсномъ, голубомъ небѣ засверкаютъ звѣзды, блеснутъ огни на Подолѣ и вдоль по Днѣпру зажгутся во многихъ мѣстахъ огоньки;— все это надолго удерживаетъ зрителя предъ собою и повергаетъ его въ пріятное, покойное состояніе, полное ощущеній, мечтаній и думъ! Чуденъ этотъ видъ и въ раннее лѣтнее утро, когда востокъ уже весь блещетъ розовымъ цвѣтомъ, изъ-за лѣсу встаетъ солнце, золотитъ величавую гладь Днѣпра и сыплетъ яркіе лучи свои на дремящіе деревья, въ воздухъ уже начинается всеобщій гулъ звуковъ, среди котораго ясно отдаются переливы и трели соловья, невыразимый шопотъ деревьевъ — это дыханіе сада, стройное, звучное,—а по временамъ протяжный гулъ благовѣстъ; наконецъ, когда васъ проникаетъ здоровая свѣжесть, которую особенно чувствуешь по утрамъ, и притомъ въ саду, и притомъ на гористомъ мѣстѣ, близъ рѣки; совокупите все это въ одно, и воображеніе наше создастъ вамъ полную картину утра, какихъ много встрѣчаемъ мы, подъ нашимъ теплымъ небомъ, въ нашемъ пылительномъ Царскомъ саду! Нѣсколько ниже этой бесѣдки, изъ которой открываются такіе ненаглядные виды, на другомъ холмѣ, къ западу, высится другая бесѣдка, легкая, прозрачная, съ красивой колоннадой; она выдается къ рѣкѣ далѣе, чѣмъ первая, и видъ отсюда, уже знакомый вамъ изъ прежней бесѣдки, становится шире и сложнѣе, — отсюда видны и весь Подолъ и военный Никольскій соборъ на Печерскѣ. Главный видъ — все таже обширная даль съ волнами воды и зелени; казалось бы, что за виды на ней могутъ привлечь нашъ взоръ, а между тѣмъ даль эта полна чарующей силы и вновь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе своей безпредѣльностью, которая такъ знакома, такъ близка душѣ нашей — частицъ безпредѣльнаго! Вы видите, сколько красотъ вмѣщаетъ въ себѣ нашъ садъ! сколько другихъ красотъ представляется изъ него! Какой просторъ воображенію, разгулъ фантазій и мечтамъ! Сколько предметовъ и для поэта и для художника хранить въ себѣ этотъ садъ, въ избранную лѣтнюю пору!..

Взглянемъ теперь на посѣтителей сада. По утрамъ, отъ 5 до 9 часовъ, садъ полонъ гуляющихъ, преимущественно пьющихъ воды. Не будемъ оставиваться на группахъ: однѣ любятъ тѣмъ видами, которые уже знакомы вамъ, другія скоро проходятъ по

аллеямъ сада и стремятся къ заведенію минеральныхъ водъ, третьи молча проводятъ, по обыкновенію, свободный свой утренній часъ— и смотрятъ на часы, чтобы не опустить время, нужное для исполненія обязанностей. Гуляющихъ бываетъ немного и гулянье длится не долго.

Всего наряднѣе, всего интереснѣе бываетъ садъ по вечерамъ, когда собирается въ немъ чрезвычайное множество гуляющихъ, всякаго званія, возраста и состоянія, когда широкія, тѣнистыя аллеи его полны гуляющихъ, а на главной и ходить тѣсно, когда веселые мотивы музыки возбуждаютъ довольство на лицѣ, раздается свободный, веселый смѣхъ и слышатся разные шумные звуки: то бойкая Французская рѣчь, то вкрадчивая Польская любезность, то тихій Русскій говоръ. Весело тогда ходить въ нашемъ красивомъ саду, весело глядѣть на изящные, милые уборы, на цвѣтущія красотою лица, прислушиваться къ отрывочнымъ фразамъ и соиздать по нимъ пестрыя картины, вдохновляясь пльнительными лицами.— А Кіевъ богатъ хорошенькими: это аксіома, противъ которой никто не станетъ спорить. Видѣть разомъ почти все лучшее Кіева — можно именно въ саду, особенно по Воскресеньямъ и праздникамъ, когда играетъ музыка. Взглядываясь пристально въ эту разнovidную толпу гуляющихъ, скоро можно заключить, что если всѣ ходить по одной, главной аллее, такъ это потому, что она болѣе открыта, свѣтла и, следовательно, блескъ наряда и красота лица скорѣе бросятся въ глаза, скорѣе поразятъ пылкое сердце. Всматриваясь въ фizioномію гуляющихъ, ихъ походку, пріемы, можно безошибочно угадать, что одни пришли въ садъ за тѣмъ, чтобы себя показать, другіе — чтобы увидѣться съ тѣмъ, кого хочется видѣть, а эти — почваниться новенькимъ нарядомъ, а тѣ-вотъ — съ простой цвѣлю повеселиться. Наблюдательному взору много пищи представить нашъ садъ, пылкому посѣтителю — много предметовъ для восторга, и самому скучному меланхолику много развлеченій: вотъ почему всѣ такъ любятъ садъ, вотъ почему въ немъ, и по утру, и въ вечеру, всегда найдете вы гуляющихъ и, подѣ-часъ, обильный сюжетъ для разсказа. Въ послѣднемъ отношеніи садъ нашъ — почва богатая, еще не тронутая, не воздѣланная. Онъ ждетъ еще досулаго пера, для котораго такъ много интересныхъ матеріаловъ найдется въ нашемъ Кіевѣ, въ его обществѣ, семейной жизни, нравахъ, привычкахъ....

Довольно! О Царскомъ садѣ не наговоришься вдоволь, если только начнешь говорить объ немъ. Въ немъ столько красотъ мѣстности, видовъ, что, въ замѣнъ всякаго подробнаго описанія, можно со ею справедливостію сказать любителю природы: «прійди и вижди!»

Въ саду помѣщается заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ. Здѣсь кстати бы сказать нѣсколько словъ объ немъ, но письмо мое давно уже перешло предѣлы письма, и потому не распространяясь много, приведу здѣсь нѣсколько статистическихъ чиселъ изъ отчета объ этомъ заведеніи за 1850 годъ. Курсъ леченія начался 14 Мая и продолжался до 1 Сентября. Въ теченіи этого времени пользовалось водами 138 лицъ, получило облегченіе 125. Дохода заведеніе имѣло 8,603 р. 88½ к.; израсходовано въ теченіи года 6,833 р. 36¼ коп. Весь капиталъ заведенія къ 10 Мая 1851 г. считается 7,739 р. 92¼ к., кромѣ приготовленныхъ водъ, матеріаловъ для составленія водъ и бутылокъ порожнихъ на сумму 2,526 р. 34 копѣйки.

Еще нѣсколько словъ о гуляньяхъ въ Царскомъ саду.— Гулянья въ немъ по вечерамъ, длятся отъ 7 до 9 часовъ и позже, особенно, когда сіяетъ луна, при свѣтѣ которой садъ получаетъ новую, невыразимую прелесть; тогда гулянье, продолжалось долго въ саду, длятся еще по красивымъ улицамъ Кіева. Группы изъ сада расходятся и теряются по всемъ частямъ города. И какъ хороши бывають эти прогулки въ тихую, лунную ночь! Какъ пріятно на сердцѣ! Какъ ненаглядно-красивъ бываетъ тогда Кіевъ, какъ привлекательно блестятъ его близенькіе домики, отгнѣнные тополяны, высокія колокольни! Какъ звучно и далеко раздаются звуки шарманки, а иногда чрезъ растворенное окно вырвутся полныя нѣтъ и очарованія мелодіи на фортепиано, прозвучитъ восхитительный, нѣжный голосъ!... А меломановъ у насъ такъ много! Свѣжесть воздуха, свѣжесть благоуханія, чарующая взоръ обстановка, благотворно дѣйствуютъ на расположеніе духа, незаметно становившись говорливѣе, добрѣе, воспримчивѣй. Но мало по малу по дорогѣ ложатся длиннѣе и длиннѣе тѣни отъ горъ и высокіхъ домовъ Кіева, тише и тише становится на улицахъ, часы уже нѣсколько разъ били четверть, наконецъ, раздаются мѣрные звуки колокола, бьетъ полночь; и Кіевляне предаются шокою неохотно, медленно, какъ бы не желая разстаться съ благодатнымъ, свѣжимъ воздухомъ чудной ночи, съ темноглубымъ небомъ, съ ненаглядными видами веселаго, красиваго Кіева!...

П. С.

8 Іюня, 1851 г.

ЗАШТАТНЫЙ ГОРОДЪ ТУРУХАНСКЪ.

Туруханскъ одинъ изъ самыхъ северныхъ городовъ Сибири. Онъ находится подъ 65° 55' северной широты и 105° 18' восточной долготы; следовательно, Березовъ южнѣе его около двухъ градусовъ, Якутскъ около трехъ, Нарышъ около пяти. Въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ Русскихъ городовъ, положеніе которыхъ определено астрономически, преимущество предъ Туруханскомъ берутъ только Кола и Нижне-Колымскъ: оба они севернѣе его около трехъ градусовъ.

Начало Туруханска относится къ XVII-му столѣтію.

Въ 1598 г. до Царя Ѳедора Ивановича дошли слухи, что на далекомъ северѣ, близъ Оби рѣки, «яже двѣма устьи влиде въ Окіянь - море» существуетъ земля Самоѣдовъ; а потому, для *провѣданія* этой земли, въ томъ же году былъ посланъ нѣкто Ѳедоръ Дьяковъ. Результаты этой экспедиціи намъ неизвѣстны, кромѣ того только, что Дьяковъ доходилъ до р. Енисея. Однако мысль овладѣть Самоѣдскою землею не оставила наше правительство и въ послѣдующее время. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ этому былъ слухъ, доходившій отъ времени до времени въ Тобольскъ, о богатствѣ помянутой земли. При Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, въ 1600 г., на р. Тазу былъ уже основанъ городокъ подъ именемъ Мангазеи — Укрѣпясь здѣсь, отрядные начальники постоянно посылали во все стороны партіи казаковъ для сбора ясака. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути на востокъ отъ Мангазеи, казаки наши шли рѣку Туруханъ, а плывя по ней внизъ по теченію, естественно, должны были выйти въ Енисей. При впаденіи Турухана, Енисей расширяется, дѣлится на нѣсколько протоковъ и образуетъ довольно большой тундристый островъ, покрытый лозникомъ и самыми жалкими соснами и березками. Ровное и открытое положеніе этого острова показалося казакамъ весьма удобнымъ къ учрежденію тутъ караульнаго поста; а потому они выстроили на немъ зимовье и назвали его Туруханскимъ. Это было въ 1609 году. Вскорѣ послѣ этого, Мангазея сгорѣла, а устраивать новый городъ на томъ же мѣстѣ оказалось неудобнымъ по причинѣ нездороваго климата и болотистой почвы. Это было поводомъ къ тому, что въ 1672 году, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, все жители Мангазеи переведены въ Туруханское зимовье и тутъ выстроены деревянный городъ, подъ именемъ Новой Мангазеи или Туруханска. Впрочемъ, то мѣсто, гдѣ была старая Мангазея, въ послѣдствіи времени снова заселилось. Нынѣ тутъ находится селеніе *Тазовское у Часовни*.

Такова древняя исторія Туруханска. Дальнейшая судьба его представляет весьма мало интереса. 19 Января 1782 г. онъ причисленъ къ Томской области Тобольскаго намѣстничества; 17 Марта 1785 г. ему данъ гербъ — въ зеленомъ полѣ серебряный песецъ, «потому что онаго округа песцы наилучшими почитаются»; 18 Марта 1804 г. гербъ этотъ измѣненъ: въ щитѣ, разделенномъ горизонтально на два, въ верхней половинѣ вѣвно изображать гербъ Томска, къ вѣднью котораго онъ причисленъ, а въ нижней — въ красномъ полѣ серебрянаго песца, идущаго въ правую сторону; наконецъ, въ 1822 году, при открытіи Енисейской губерніи, Туруханскъ изъ окружнаго города Томской губерніи переименованъ заштатнымъ Енисейской; присутственныя мѣста его закрыты, казна и три чугуновыхъ пушки перевезены въ Красноярскъ и Тобольскъ; а для управленія дѣлами полиціи и для сбора ясака назначенъ особый чиновникъ, съ названіемъ отдѣльнаго засѣдателя.

Туруханскъ — самое скучное, самое глухое и самое нездоровое мѣсто, какое только можно себѣ вообразить.

Находясь въ 1414 верстахъ отъ своего губернскаго города Красноярска и въ 1084 верстахъ отъ окружнаго Енисейска, Туруханскъ рѣдко — рѣдко бываетъ кѣмъ-либо посѣщаемъ, и даже самая почта ходитъ въ него только одинъ разъ въ мѣсяцъ. Причина этому та, что единственный путь сообщенія съ нимъ — Енисей, весьма ненадеженъ и зимою и лѣтомъ. Енисей — рѣка бурная, которая, кажется, никогда не бываетъ спокойна. Часто случается, что какая-нибудь купеческая барка, отправляясь изъ Красноярска или Енисейска въ Туруханскъ, останавливается на полпути и цѣлыя недѣли ждетъ, пока утихнетъ вѣтеръ и представится возможность безопасно плыть далѣе. На всемъ протяженіи Енисея отъ Енисейска до Туруханска, раскинутъ рядъ бѣдныхъ деревушекъ, верстахъ въ 25 или 30 другъ отъ друга; жителей въ каждой — отъ 3 до 5 человекъ. Каждая барка, для большей безопасности, должна непременно остановиться у каждой такой деревеньки и взять въ лоцманы кого-нибудь изъ жителей. Въ противномъ случаѣ, ей очень не мудрено стать на мель и тогда ея хозяину грозитъ неминуемый убытокъ. Зимою по Енисею поднимаются такіа мѣтели, называемыя здѣсь *пургами*, что путешественникъ, отправляясь изъ одной деревеньки въ другую, долженъ заранѣе приготовиться ко всякаго рода неприяностямъ. Иногда пурга продолжается по нѣскольку сутокъ, при жестокомъ морозѣ, и, естественно, закоситъ совершенно и собакъ, и нарты, и людей. Поэтому, Туруханскъ никакъ не можетъ пожаловаться на частыя посѣщенія. Онъ живетъ какъ будто разобщенный отъ остальнаго міра.

Все народонаселеніе Туруханска состоитъ изъ 394 человекъ мужескаго пола. Мѣщанъ 72 души, казаковъ считается до 45 душъ, а остальные—поселенцы. Аристократію составляютъ отдаленный заседатель, казачій командиръ, помощникъ заседателя, лекарь, винный и соляной приставъ и мѣстный священникъ.

Туруханскіе мѣщане — совершенно нищіе, потому что не могутъ найти ни работъ, ни особенно доступныхъ промысловъ, которые бы могли улучшить ихъ благосостояніе. Но за всеѣмъ тѣмъ привязанность къ родинѣ у нихъ такъ велика, что они ни за что не хотѣтъ приписаться къ какому-нибудь другому городу. Впрочемъ одна изъ самыхъ главнѣйшихъ причинъ ихъ нищеты—лѣность. Трудно повѣрить, до какой степени этимъ людямъ тяжело приняться за какую-нибудь работу. Правда; что некоторые изъ нихъ не подходятъ подъ это правило и, живя въ зимовьяхъ внизъ по Енисею къ Ледовитому морю, занимаются добычею пушнаго звѣря, — но это такія рѣдкія исключенія, что объ нихъ можно и не упоминать. Большая часть Туруханскихъ мѣщанъ ведетъ жизнь до того праздную, что не въ состояніи даже прокормить себя, между тѣмъ, какъ рыбы тамъ въ изобиліи, родится довольно хорошо картофель и даже можно сѣять ячмень. О дачи и говорить нечего: ея бездна.

Казаки, напротивъ, самая дѣятельная часть Туруханскаго населенія. Только они такъ заняты службою, что у нихъ едва-едва остается сколько-нибудь свободнаго времени для того, чтобы пріобрѣсти себѣ что-нибудь. Ихъ обыкновенно назначаютъ смотрителями хлебныхъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, разбросанныхъ по всеѣмъ пунктамъ Туруханскаго края; ихъ употребляютъ на посылки по двѣмъ службамъ; наконецъ, они преимущественно занимаются сплавомъ казеннаго хлеба по Нижней Тунгузкѣ. Последняя обязанность считается самою трудною. Нижняя Тунгузка впадаетъ въ Енисей верстахъ въ двадцати пяти выше Туруханска, близъ селенія Троицко-монастырскаго; она чрезвычайно быстра и усвяна страшными порогами, которые начинаются отъ впаденія въ нее рѣчки Подпорожной. На всеѣмъ протяженіи Нижней Тунгузки находится четыре урочища наиболѣе посѣщаемыхъ бродячими Тунгусами и другими инородцами: Нижне-Чумское, Таймурское, Усть-Турыжское и Тайминское. Всякій годъ въ Августъ мѣсяцъ до тридцати казаковъ отправляются вверхъ по теченію этой рѣки на лубныхъ лодкахъ, и, приставъ у одного урочища, ждутъ выхода инородцевъ и продаютъ имъ хлебъ, потомъ отправляются въ другое и т. д. Такимъ образомъ, они поднимаются болѣе 1200 верстъ

против теченія. А какъ Тунгузка замерзаетъ весьма рано, именно въ половинѣ Октября, то очень часто случается, что казаки зимуютъ гдѣ-нибудь на берегу ея и возвращаются въ Туруханскъ по прошествіи льда, то есть не ранѣе Іюня мѣсяца. Обратное плаваніе совершается чрезвычайно быстро: 1200 верстъ проплываютъ не болѣе, какъ дней въ пять или шесть. Въ Августѣ мѣсяцѣ, тѣ же самые казаки отправляются вновь съ хлѣбомъ по Тунгузкѣ. Такимъ образомъ у нихъ почти нѣтъ свободнаго времени.

Въ Туруханскѣ не получается ни газетъ, ни журналовъ, — по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Всѣ самыя необходимыя потребности не только очень дороги, но случается даже, что ихъ нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги. Все нужно выписывать или изъ Енисейска или покупать въ три-дорога отъ торговцевъ, плавающихъ туда за вымыномъ у инородцевъ рухляди. Говядина — рѣдкость и зимою и лѣтомъ. За то рыбы сколько душъ угодно, и Туруханскія копченныя сельди пользуются повсемѣстною знаменитостію въ Енисейской губерніи. — Жаль только, что ихъ приготавливаютъ совсѣмъ не такъ хорошо, какъ бы можно было.

Весь Туруханскъ состоитъ изъ одной кривой улицы и нѣсколькихъ кое-какъ разбросанныхъ домишекъ. Нѣтъ ни одного зданія, которое, не грѣша, можно бы было назвать домомъ; Церквей двѣ; но они ничѣмъ не замѣчательны. Гостиный дворъ почти совсѣмъ развалился.

Весна открывается въ Туруханскѣ не ранѣе конца Мая; въ началѣ Іюня только что начинается трава и распускаются ивы и вербы. Когда стааетъ снѣгъ, весь Туруханскъ покрывается грязью, которая не просыхаетъ цѣлое лѣто. Прежде во многихъ мѣстахъ сдвиганы были деревянныя тротуары; но теперь они совершенно развалились. Лѣтомъ страшныя жары, не уничтожая гризи, заражаютъ ее гниlostью, которая производитъ убійственную испаренія. Къ довершенію всего, появляются мириады мошекъ. Спасти отъ нихъ одно средство — надѣть сѣтку изъ лошадиныхъ волосъ или развести курево. Мошки не даютъ покоя днемъ, а комары — ночью. Во время сильныхъ жаровъ, протоки, окружающіе островъ, на которомъ расположенъ Туруханскъ, совершенно пересыхаютъ, такъ что за водою надо ѣздить на Туруханъ, версты за четыре отъ города. Впрочемъ, жители такъ лѣнны, что предпочитаютъ лучше брать воду изъ одного озера, находящагося не далеко отъ Туруханска, которое сплошь наполнено вшиями. Все лѣто въ Туруханскѣ почти непрерывный день: едва солнце сядетъ на западъ, какъ уже снова показывается на востокъ. Нѣсколько дней оно и совсѣмъ не сходитъ съ горизонта.

Зимой картина перемняется; говоримъ зимою, потому что она наступаетъ сейчасъ за лѣтомъ, такъ что осени почти и не замѣтно. Въ началѣ, а иной годъ въ половинѣ Ноября огромныя сугробы снѣга заваливаютъ Туруханскъ до того, что между ними едва замѣтны его бѣдныя лачужки. Жестокія пурги иногда по нѣскольку дней буквально не позволяютъ сдѣлать двухъ шаговъ по улицѣ. Морозы простираются до 40 и болѣе градусовъ. Съ половины Октября по Январь солнце доходитъ только до половины горизонта и потомъ скрывается, оставляя послѣ себя зарево. Зато жители Туруханска почти каждую ночь наслаждаются зрѣлищемъ превосходныхъ сѣверныхъ снѣговъ.

Однакожь, не смотря на это грустное описаніе, въ которомъ и сотою доли не сказано того, что можно бы было сказать, — бываютъ дни, когда Туруханскъ какъ будто бы оживаетъ, на единственной улицѣ его замѣчается движеніе, все какъ будто принимаетъ какой-то праздничный видъ. Мы говоримъ преимущественно о томъ времени, когда въ Туруханскъ приплываютъ торговцы изъ Енисейска и Красноярска и привозится хлѣбъ для казенныхъ запасныхъ магазиновъ.

Обыкновенное время прибытія купеческихъ судовъ въ Туруханскъ—около половины Юня. Въ это же время (весь Юль мѣсяцъ) здѣсь бываетъ и ярмарка, на которую выходятъ Остяки и Тунгусы разныхъ родовъ. Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи говоритъ, что въ это время эта ярмарка была довольно значительна; это очень легко можетъ быть, но теперь она совершенно ничтожна. Иностранцы ежегодно жалуются на постепенное уменьшеніе звѣря, и ежегодно менше и менше выносятъ съ собой рухляди. Въ слѣдствіе этого, и торговцевъ приплываетъ въ Туруханскъ все менше и менше, потому что приобрѣтеніе пушны и можетъ только привлечь ихъ сюда. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ закупаютъ въ это время весьма выгодно рыбу, солятъ ее здѣсь и потомъ доставляютъ на продажу въ Енисейскъ. До Красноярска Туруханская рыба доходитъ рѣдко, а иногда даже и совсѣмъ не доходитъ, потому что ея привозится сюда въ достаточномъ количествѣ изъ Томска и продается дешевле. Во время пребыванія въ Туруханскѣ Енисейскихъ торговцевъ, все жители стараются запастись отъ нихъ на цѣлый годъ всеми необходимыми вещами: хлѣбомъ, холстомъ, сукномъ, кожею, чаемъ, сахаромъ и т. п. Хотя многіе и утверждаютъ, что распространеніе въ простомъ народѣ чая спасительно въ томъ отношеніи, что уменьшаетъ

употребленіе спиртныхъ напитковъ, однакожъ это не совсѣмъ справедливо относительно Туруханскихъ мѣщанъ и поселенцевъ. Страстные охотники до чаю, который здѣсь не очень дешевъ, какъ и все, они тѣмъ не менѣе страстные охотники и до водки.

Кромѣ ярмарки, въ Туруханскѣ проявляется особенная жизнь, особенное движеніе во время годовыхъ праздниковъ, торжественныхъ дней или именинъ и крестинъ у отдѣльнаго застѣателя. Тутъ у него перебиваетъ цѣлый городъ съ поздравленіями, а аристократія приглашается и на закуску. Иногда такія закуски, съ приличнымъ количествомъ возляній, бывають весьма продолжительны. Насмѣшники рассказываютъ, что одинъ разъ, давно уже тому назадъ, во время подобнаго торжества, въ Туруханскѣ, воскресенье пришлось въ понедельникъ. Отдѣльный застѣатель, пригласивъ къ себѣ въ субботу всю Туруханскую аристократію, уподчивалъ ее до того, что она, имѣя до прихода своего къ нему твердое намѣреніе отстоять на другой день обѣдню, чуть чуть не отправилась въ церковь въ понедельникъ: ей казалось, что это было воскресенье.

Городскіе доходы Туруханска ничтожны: по десятилетней сложности они простираются до 150 р. с., изъ которыхъ до 120 р. получается съ откупной питейной суммы. *Кн. Костровъ.*

30 Марта, 1881 г.

Красноярскъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

(А. Григорьева).

I.

Da die dramatische Darstellung, vermittelt der Gebärde und der Rede ihre Aufgabe lost, und beide zum Ausdruck der *idealen* Persönlichkeit verwenden werden sollen, so ist die absolute Bedingung nach der Naturseite des Individuums, dass die sinnliche Gestalt und der sinnliche Ton des Individuums, die Fähigkeit haben zur Darstellung des Idealen Seibildet zu werden.

Rötscher. Die Kunst der dramatischen Darstellung in ihrem organischen Zusammenhange entwickelt.

Пріѣздъ въ Москву прекрасной гостыи, которая, по всему праву, можетъ занять мѣсто между истинными артистками всякой сцены, и въ настоящее время, конечно не имѣетъ соперницъ ни на одной изъ Русскихъ сценъ — послужить нашему журналу счастливымъ поводомъ начать постоянную и по возможности подробную лѣтопись театра.

Явленія, которыя выдаются изъ ряду вонъ къ области искусства — кромѣ того, что влекутъ къ себѣ неодолимо, что уясняютъ, дѣлаютъ сколько-нибудь осозательною положительную сторону изящнаго — дѣйствуютъ еще и отрицательно, разъясняя все то, что отстало отъ нихъ, указывая подлежащее мѣсто посредственному, отталкивая людей съ чутьемъ надолго, если не навсегда, отъ всего того, что имъ противоположно. Пронесись хотя мимолетно подобное явленіе — и вы, начинавшіе уже пѣсколько привыкать къ повседневной посредственности, начинавшіе все менѣе и менѣе быть способными оскорбляться пошлостью, вы, едва-едва не дошедшіе до тупаго сна, — вы встрепенетесь: васъ освѣжила какая-то струя чистаго воздуха, въ васъ мгновенно пробудились самыя тонкія и самыя свѣтлыя впечатлѣнія — и пусть прекрасный образъ уже далеко отъ васъ, — онъ оставилъ вамъ на память о себѣ самый лучший даръ, какой онъ могъ оставить — отвращеніе отъ всего ложнаго.

Не знаю, согласятся ли со мною всѣ читатели, но, постоянно посѣщающіе театръ и притомъ добросовѣстные, это — *conditio sine qua non* — согласятся, безъ сомнѣнія, что страсть къ театру можетъ подѣ часъ вовлечь въ самыя забавныя крайности даже че-

ловька, преданнаго не шутя искусству. Какъ вы ни вооружаетесь самыми строгими требованіями, какъ ни зовите на помощь всевозможныя теории, теоріи не спасутъ васъ отъ неизбежныхъ увлеченій. Разъ вы пришли въ театръ, положимъ, съ свѣжею головою, съ воспоминаніями о лучшихъ впечатлѣніяхъ: васъ поразитъ, конечно, все ложное, что вы увидите на сценѣ, ваше ухо оскорбитъ всякій мало-мальски аффектированный тонъ, всякій безъ нужды угловатый жестъ, всякое дешевое выраженіе поддѣльнаго паэоса; но вы любите искусство—вы пойдете въ другой, въ третій разъ—и увь! въ четвертый ваши отрицательныя впечатлѣнія потеряли уже много своей рѣзкости. Вы любите сцену—тѣмъ хуже! вы способите другаго обмануть самого себя, вы ловите жадно каждый звукъ, который сколько-нибудь покажется вамъ истиннымъ и вѣрнымъ, вы готовы простить за минутный, можетъ быть, совершенно случайный порывъ все то, что было нелѣпо, ложно и дико до или послѣ этого порыва. Вы вѣрите въ искусство, вы носите въ себѣ идеалъ искусства—увь! тѣмъ чаще вы подвергаетесь искушенію находить повсюду этотъ идеалъ, не подозревая въ своемъ иливномъ самоослѣпленіи, что безпрестанно дѣлаете уступки. И вотъ въ одинъ прескверный вечеръ, который, однако, показался вамъ пресквернымъ—вы попались самымъ комическимъ образомъ въ западню: подкупило ли васъ упоеніе такъ называемой толпы, которая, какъ извѣстно всемъ, легко ловится на удочку взрывовъ недорого купленнаго паэоса, заслонило ли отъ васъ свѣтлое воспоминаніе недостатка настоящаго—настроены ли вы были сочувствовать всему, что покажется за надежду на лучшее: дѣлю не въ причинахъ, — дѣлю въ томъ, что вы отступили отъ строгихъ и чистыхъ требованій, и благо вамъ, если уцѣлвало въ васъ хоть отвращеніе къ рутинерству, которое, конечно, хуже и аффектаціи и того, что Пѣмцы называютъ бомбастомъ; благо вамъ, если вдалились вы въ какую-нибудь крайность, а не пошли обычной колеей всѣхъ такъ называемыхъ театраловъ, Китайцевъ партера, съ невозмутимымъ спокойствіемъ Олимпійцевъ, встрѣчающихъ всякую гаерскую выходку, всякіе неистовые вопли, — равнодушныхъ ко всему кромѣ эксцентрическихъ танцевъ или не менѣе эксцентрическихъ куплетовъ водевилей домашняго издѣлія. Между тѣмъ, утративши рѣзкость отрицательныхъ впечатлѣній, вы не только не приобрѣли новыхъ положительныхъ—вы нарушили порядокъ и гармонію прежнихъ.

Повторю по Русски слова одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ критиковъ искусства, взятыхъ мною эпиграфомъ къ

статье. «Через посредство внешности и рѣчи—говорить Рётшеръ, «разрѣшаетъ драматическое представленіе свою задачу, и какъ «внешность, такъ и рѣчь, должны быть обращены въ выраженіе «идеальной личности: — такимъ образомъ необходимое условіе со «стороны естественныхъ данныхъ натуры артиста или артистки— «то, чтобы внешний видъ и тонъ были способны къ представле- «нію идеальнаго». Въ другомъ мѣствъ того же самаго сочиненія го- «воритъ онъ о значеніи драматическаго представленія въ отношеніи къ поэтическимъ образамъ, имъ осуществляемымъ: «То, что въ «драматической поэзіи является только рельефнымъ, посредствомъ «сценическаго представленія возводится въ цѣльный округлый об- «разъ, въ нѣчто живое и дѣйствительное. Сценическое представ- «леніе сообщаетъ плоть и кровь духовно-конкретнымъ созданіямъ «драматической поэзіи, вдыхаетъ въ нихъ жизнь, даетъ наслаж- «даться ими какъ живымъ настоящимъ».

Привожу слова Рётшера не по пристрастію къ теоріямъ во- «обще и къ теоріямъ Нѣмецкихъ критиковъ въ особенности—а какъ «вѣчные и простые законы искусства, которые невольно припоми- «наются при наслажденіи всякимъ изъ ряду выходящимъ явленіемъ «потому, что прямо выведены изъ разсматриванія такихъ явленій. «Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы въ замѣчательной артистикѣ, къ игрѣ которой прилагаются эти законы, авторъ видѣлъ самое «полное ихъ осуществленіе. Явленіе, выходящее изъ ряду обыкно- «венныхъ, идеальное въ здоровомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ еще «то благодѣтельное дѣйствіе на человѣка, наслаждающагося имъ, «что даетъ возможность оцѣнить себя ни выше, ни ниже того, «чего оно именно стоить—своею собственною идеальностью вызы- «вая цѣльный, полный идеалъ, какъ масштабъ для оцѣнки себя.

Извѣстно, что идеалъ слагается въ душѣ изъ различныхъ част- «ныхъ прошедшихъ или настоящихъ впечатлѣній, а не является «самъ собою, такъ, ни съ того, ни съ чего. Правда, что въ душѣ «человѣка, разрозненные впечатлѣнія, прошедшія и настоящія, гар- «монически совокупаются въ нѣчто цѣльное и высшее ихъ, по- «частно взятыхъ, правда, что изъ прошедшихъ и настоящихъ они «становятся, такъ сказать, будущими, т. е. возможными, имѣющими «бытіе только неосязаемое, бытіе въ душѣ человѣка—но основа, «подкладка этого возможнаго существованія суть явленія дѣйстви- «тельные. Въ настоящемъ, въ данномъ случаѣ на примѣръ, въ от- «ношеніи къ артистикѣ, подавшей поводъ ко всѣмъ этимъ разсуж- «деніямъ—вслѣдъ за непосредственнымъ наслажденіемъ, зритель не- «волью начинаетъ анализировать, поверять свои впечатлѣнія, при-

ложить къ нимъ тотъ или другой масштабъ, сложившійся изъ данныхъ прошедшаго или настоящаго; хорошо ли, дурно ли это—это вопросъ посторонній: довольно того, что фактъ, что повѣрка является сама собою, что старая апофегма: «вещи познаются по сравненію», остается старою истиною.

Такъ поступать и авторъ, предлагаемой статьи, при оцѣнкѣ игры Г-жи Самойловой и считаетъ необходимымъ оговориться, что идеалъ его сложился изъ впечатлѣній прошедшаго и настоящаго.... Потому прежде всего онъ будетъ говорить о *данныхъ* натуры артистки, потомъ о прежнихъ впечатлѣніяхъ, какими обязана она ей игрѣ, и наконецъ перейдетъ къ ролямъ, играннымъ ею на Московской сценѣ.

Есть два рода артистическихъ натуръ.—Одни способны создавать цѣльные, полные типы, отрѣщаясь почти совершенно отъ собственной личности. Только что появляется на сцену лицо, созданное такимъ артистомъ или артисткой—вы, чуть что не съ перваго появления его—ознакомились съ нимъ, знаете его привычки, образъ жизни, имѣете право гадать о психологическихъ пружинахъ, движущихъ его существованіе. Такіе артисты изъ самыхъ ничтожныхъ данныхъ создадутъ вамъ полный, округлый образъ, инстинктивно угадаютъ все тончайшія черты, изъ которыхъ слагается личная особенность известнаго существа. Созданія ролей такими артистами можно сравнить развѣ только съ портретами Брюлова, которые, по суду знатоковъ, схватываютъ все то, что въ лицѣ есть неперемѣннаго, подчиняя все случайное общему, и между тѣмъ не опускаютъ никакихъ отгѣнковъ. Такихъ артистовъ и артистокъ весьма мало—но такова, напримеръ, Фанни Эльслеръ, такова Г. Садовскій, такова Г. Самойлова.... Такова была, вероятно, Гаррикъ.

Есть другія артистическія натуры, которыя на всякое созданіе налагаютъ клеймо своей собственной личности, создаютъ, такъ сказать, чертами, а не цѣлостно по силѣ, юмору или прелести ихъ личности вы противостоять не можете,—вы удивляетесь имъ не меньше, какъ и первымъ. Это—Кинъ, это—Мочаловъ, это—Щепкинъ, это—Мартыновъ, Рѣпина, Самойлова. Случается, что представляемое лице слишкомъ близко ихъ личности, и тогда они тоже создаютъ типы. Такъ Мочаловъ былъ типомъ въ Ричардѣ III, но только мѣстами былъ Гамлетомъ; такъ Щепкинъ—типъ въ роли Чупруна, въ Городничемъ, но за то беретъ только своимъ личнымъ комизмомъ во многихъ роляхъ, а иногда прибѣгаетъ даже къ общимъ мѣстамъ; такъ Мартыновъ всюду тотъ же Мартыновъ—хотя не посмотрѣвъ на этого все того же Мартынова; такъ

наконецъ, Самойлова всюду то же, полное женской прелести и женской страсти существо, свѣтлый, воздушный образъ, влекущій вась къ себѣ неотразимо, — и смотря на игру такихъ артистовъ, вы увлекаетесь не типомъ, а прекрасною и энергическою личностью. Если случайно подобная личность восприметъ въ себя всецѣло типъ великаго поэта — она явится уже полнымъ воплощеніемъ мысли поэта, и неудержимый ужасъ и слезы или неудержимый смѣхъ пробудить она въ зритель.

Было бы странною односторонностью одинъ родъ предпочесть другому, и весьма грубымъ педантизмомъ — не признавать втораго рода ради перваго. Правда то только, что артисты-рутинеры совершенно не могутъ создавать типовъ, и что специальность самаго небольшого объема, специальность, ограниченная, пожалуй, однимъ видомъ типовъ, гораздо достойнѣе уваженія, чѣмъ рутинерство, налагающее на все клеймо пошлости; но вѣдь рутинеры грѣшатъ противъ искусства не перевѣсомъ личности въ игру, а совершенною безличностью, такъ сказать безчертностью. Высокая артистическая личность усвоить во всякомъ созданіи поэта доступныя ей, родныя ей черты, и выйдутъ эти черты огненными передъ зрителя; рутинеръ не видитъ ничего живаго въ образахъ поэта, мѣряетъ ихъ на общій аршинъ, усматриваетъ въ нихъ только сухую схему, родъ, можетъ пожалуй правильно разобрать разсудкомъ общія психологическія пружины страстей, подмѣтитъ общія, т. е. наиболее видныя и болѣе или менѣе одинаковыя ихъ проявленія; это-то и есть заученье, искусство превращать общее (*das Allgemeine*) въ пошлое (*das Gemeine*). Рутинеръ — это псевдоклассическая трагедія и комедія; но высокая артистическая личность, какова напримѣръ Рашель, умѣютъ оживить даже сухія діалектическія сцены Французскихъ трагиковъ, какъ высокая личность Мольера сверкаетъ огнемъ и силою даже въ узкихъ, условныхъ формахъ искусства, въ оковахъ суровой и ограниченной Поръ-рольской морали.

Въ каждомъ художникѣ должно разсматривать двѣ стороны — непосредственныя данныя природы и то, что выработано самимъ художникомъ изъ этихъ данныхъ. Говорить о важности какъ той, такъ и другой стороны вообще, значило бы терять понапрасну слова. Надобно, следовательно, ограничиться частнымъ явленіемъ — Г-жею Самойловой: опредѣливши, къ какого рода артистическимъ натурамъ принадлежитъ она, опредѣлить самыя качества ея природы. Г-жа Самойлова одарена прекрасными вышними средствами, каковы: наружность, физіономія, голосъ. Наружность, т. е. цѣлый образъ нашей артистки, не кидается въ глаза особенной

роскошью формъ и всего меньше античностью, — не прелесть силы, а прелесть слабости составляетъ особенное свойство ея наружности: это собственно не образъ, обозначенный рельефою, а свѣтлый призракъ, легкое, воздушное видѣніе — и потому, едва ли можно найти что-либо лучше Г-жи Самойловой для представленія Шекспировыхъ женщинъ: и Дездемону, и Офелію, и Юлію, и Миранду и Титанію, и Розалинду и даже честолюбивую, но женственно-слабую Леди Макбетъ — съ равнымъ успѣхомъ можетъ играть Г-жа Самойлова, благодаря своей наружности. Физиономія Г-жи Самойловой — какъ сценическая физиономія — превосходна. Не только чувства, но малѣйшіе оттѣнки чувствъ обозначаются на ея лицѣ, и притомъ, что всего важнѣе, обозначаются соответственно: сильное — рѣзко, оттѣнки — легкими измѣненіями. Притомъ, у Самойловой нѣтъ несчастной манеры *стараться* выразить на лицѣ оттѣнки чувствъ: выраженіе приходитъ у нея само собою, какъ необходимое послѣдствіе психологическихъ причинъ, отзывовъ, пробуждаемыхъ положеніями въ душѣ; тогда какъ многіе артисты и артистки въ потъ лица трудятся предъ зрителями надъ своей физиономіей. Наконецъ, Г-жѣ Самойловой данъ органъ голоса, какого нѣтъ у другихъ — то дѣтски-нѣжный, то полный серебрянаго смѣха, то стремящійся сдѣлаться рѣзкимъ и энергическимъ и звучащій между тѣмъ только энѣргическою слабости.... Въ этомъ послѣднемъ его качествѣ заключается, по мнѣнію однихъ, недостатокъ Г-жи Самойловой, а по мнѣнію другихъ ея высшее и лучшее достоинство... По мнѣнію первыхъ, Г-жа Самойлова играетъ *слабо* драматическія роли. Надобно поставить вопросъ прямо. Что разумѣютъ эти господа подъ драматическими ролями? Если только роли Реганы, Гонерили (въ Лирѣ), Маргариты Анжуйской (Ричардъ III), Леди Мильфортъ (Коварство и любовь) или Марвудъ (Миссъ Сара Сампсонъ), однимъ словомъ, роли неистово-страстныя, представляющія собою извращеніе женственности, — то дѣйствительно, для созданія этихъ ролей, средства Г-жи Самойловой весьма недостаточны; но они вполне удовлетворительны для чисто-женственныхъ образовъ Шекспира (отъ Юліи до Леди Макбетъ включительно) и другихъ великихъ мастеровъ. Что Г-жа Самойлова не можетъ потрясти нервы визгомъ — это такъ, но едва ли самое такое потрясеніе принадлежитъ къ числу драматическихъ въ истинномъ смыслѣ слова. Вообще, съ теми, для которыхъ она не высокая трагическая артистка, даже въ роляхъ, какія играла она до сихъ поръ предъ Московской публикой, для которыхъ пропали задаромъ слова:

Какъ, герцогъ, и увась подвинится рука
На женщину?

въ дочери Карла Смѣлаго, или движеніе, съ которымъ она откинулась назадъ, услышавши изъ устъ любимаго чловѣка имя соперницы. или стонъ, тихій, но внятнѣй, когда она клянется принадлежать Оливье Ледемъ — съ тѣми, которые *пропустили* сцену окаменѣнія при словахъ Заревскаго: «я женатъ», — говорить объ искусствѣ серьезно нельзя... Сама натура предназначила Г-жу Самойлову быть артисткой болѣе трагической, нежели комической, и артистка сама сознаетъ это; искреннѣе, полнѣе отдается она трагическимъ ролямъ, нежели ролямъ свѣтскихъ кокетокъ, играющихъ въ чувство. Къ сожалѣнію мѣстный патриотизмъ театраловъ пустилъ въ ходъ великую истину, что Г-жа Самойлова собственно актриса комическая, — часть публики, ходящая въ театръ только въ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ-то въ дебюты М-ле Вуато или въ представленія «Провинціалки» повѣрила на слово и вотъ новооткрытая истина гуляетъ въ публикѣ и находитъ отпоръ себѣ только въ истинной публикѣ театра, т. е. въ немногихъ серьезно смотрящихъ на искусство людей, да въ массѣ, понимающей многое чутьемъ и привѣтствовавшей громкими простодушными изъявленіями восторга страстные порывы поэтической, чудной Микаэлы. Играй Г-жа Самойлова только свѣтскихъ кокетокъ, будь она способна только передавать фальшивое и условное ее не за что было бы поставить выше обыкновенныхъ хорошихъ и умныхъ артистокъ. Важно то, что, когда дойдетъ дѣло до порыва, когда дойдетъ дѣло до чувства — будь легко или тяжело, свѣтло или скорбно это чувство, — въ порывѣ сказывается артистическая натура, — чувство становится осязательнымъ. Бросаетъ ли она отъ себя въ сторону дурацкій колпакъ Микаэлы, — подаетъ ли она пить Квазимодо, спрашиваетъ ли она лукаво и нѣжно Заревскаго: кого бы онъ спасъ, если бы въ горящей хижинѣ была она, да еще кто-нибудь, — нѣмбеть ли она какъ статуя при страшныхъ словахъ его: я женатъ, — вездѣ тутъ не рутина, а вдохновеніе — страстное, граціозное или грустное. Въ эти минуты смотрите на ея подвижную фizioномію, слѣдите на ней всѣ отбѣнки душевнаго процесса, ловите жадно ея тихій стонъ, ея грудныя звуки, ея страстный шепотъ, въ эту минуту передъ вами высокая артистка — и, что болѣе еще, передъ вами всегда женственный образъ, существо, которому дано и любить, и страдать, и веселиться *по женски*. Это — Корделія, Дездемона, Юлія, Шиллерова Луиза — хотя, конечно не Регана или Гонерилль, не леди Мильфортъ — хотя,

конечно, господь, на нервы которых подѣйствуютъ только френетическія движенія и ненстовые крики—мало удовлетворить такой драматизмъ... Даже, какъ комическая артистка, Г-жа Самойлова отличается искренностію, и никогда не прибѣгаетъ къ гримасамъ, хотя нельзя не сказать, что иногда, въ интонаціи нѣкоторыхъ фразъ слышится вліяніе чужой манеры, и это, какъ мнѣ кажется, составляетъ одинъ изъ важныхъ недостатковъ въ игрѣ Г-жи Самойловой... Иногда, она *пропоетъ* фразу, вмѣсто того, чтобы сказать ее просто, и это пѣніе подѣйствуетъ всегда какъ-то неприятно, какъ нѣчто чуждое, несвойственное всей игрѣ Г-жи Самойловой: какъ будто хочетъ артистка перехитрить природу, какъ будто хочетъ присвоить себѣ чужой недостатокъ. Къ счастью, подобное пѣніе фразъ слышится рѣдко, и чаще, артистка впадаетъ въ крайность, свойственную своей натурѣ—въ быструю, почти лихорадочную рѣчь, и тутъ-то слышатся подъ часъ звуки слишкомъ рѣзкіе, невыработанные или лучше сказать слишкомъ молодые. Въ цѣломъ, впрочемъ, эта манера дѣйствуетъ сильно, обяательно—держитъ васъ въ какомъ-то постоянномъ напряженіи. Эта сила увлеченія не ограничивается у Г-жи Самойловой однимъ только трагическими или драматическими движеніями. Въ комической роли Вельской, въ комедіи «Поездка за границу», въ Провинціалкѣ (въ особенности передъ бесѣдою съ Графомъ), вездѣ увлечется она сама, и въ эти минуты игра ея поражаетъ художественной истиной. Напомню сцену съ старухой-тѣтушкой, въ комедіи «Поездка за границу»: сколько злости самой неподдѣльной, хотя опять такъ граціозной, женской, слышится въ ея тонѣ, какое торжество выражается на ея лицѣ, когда она бѣситъ старую сплетницу, у которой вся Москва подъ опекой.

Но не на одни только внѣшнія средства Г-жи Самойловой вооружаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ ней только замѣчательную комическую артистку. Еще недавно, въ одномъ изъ Петербургскихъ изданій, посвященномъ исключительно театру (Пантеонъ и Репертуаръ, N 3) случилось мнѣ читать статью Г. Кони, въ которой явнымъ образомъ отдается предпочтеніе Самойловой, какъ артисткѣ комической, передъ Самойловой артисткой трагической. Статья, написанная, впрочемъ, умѣренно и благородно, видитъ, сколько мнѣ помнится, нѣкоторую холодность и вмѣстѣ напряженность въ драматизмъ Г-жи Самойловой. Но здѣсь опять надобно разъяснить дѣло и условиться въ значеніи страстности. Прежде всего—страстность, происходящая отъ присутствія огня внутри моральнаго существа артиста или артистки, не должна быть

смягчиваема съ сантиментальностью, плаксивостью и вообще тактъ называемою теплою—свойствомъ, какъ известно, весьма обыденнымъ и дешевымъ. Съ другой стороны, понятіе о страстности нельзя ограничить одними бурными, пенстовыми порывами: *инал* страстность первическаго существа, и *иная*, свойственная сантиментальнымъ темпераментамъ. Есть страстность сосредоточенная, выражающаяся своимъ особливимъ образомъ въ измѣненіяхъ лица, въ дрожаніи голоса, въ лихорадочности рѣчи—страстность, опять таки принадлежащая преимущественно слабости и, слѣдственно, вполнѣ женственная. Съ этою сосредоточенною внутри страстностью, всегда связапа внѣшняя грація, не покидающая женщину даже въ минуты полнаго самозабвенія,—никимъ образомъ отдается, напримеръ, Вакханка, и инымъ образомъ стыдливая, цѣломудренная Нимфа,—но странно было бы, по присутствію стыда и граціи заключить объ отсутствіи страстности. Поясню общее положеніе частнымъ примѣромъ. Мѣстные театралы не довольны движеніемъ Г-жи Самойловой въ роли Микаэлы, когда яма соперницы отбрасываетъ ее назадъ отъ любимаго человѣка,—поза ея кажется имъ слишкомъ искусственною только потому, что изящна,—но вѣдь виновата ли Г-жа Самойлова въ томъ, что изящно выразилась у нея и самый искренній порывъ? Подразумывается, что въ этой сценѣ цвѣтели довольны *натуральностью*, приносящей въ жертву дикому порыву всякую грацію. Когда тутъ Микаэль заботится о граціи,—скажутъ они? Да никто и не требуетъ заботливости, потому что настоящая грація—даръ природы, и столько же непосредственна, какъ и изступленный порывъ. Опять повторяю: чѣмъ виновата артистка, когда она не можетъ не быть граціозною въ самомъ порывѣ?

Отъ этихъ общихъ разсужденій, вызванныхъ болѣе или менѣе различными толками объ игрѣ артистки переходу къ самой игрѣ ея въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ мнѣ удалось ее видѣть и прежде—въ Петербургѣ, и въ настоящее время—въ Москвѣ.

Первое впечатлѣніе значитъ весьма много, и оно, болѣе или менѣе, отражается въ послѣдующихъ. Бываетъ, разумется, что послѣдующія впечатлѣнія діагонально противоположны первому, расходятся съ нимъ окончательно, но и тогда даже, вліяніе перваго впечатлѣнія выражается отрицательно и притомъ весьма сильно. Когда ожидаемъ многого и ожиданія не оправдываются—то, естественно, становимся чрезъ мѣру строгъ къ тому, что сильно раздражало чувство и мало удовметворило его. Вообще при самомъ строгомъ анализѣ, весьма трудно, или лучше сказать, вовсе не-

возможно оторваться от этого вліянія поколику во всякое дѣло человеческое входитъ личность.

Г-жу Самойлову видѣлъ я въ первый разъ въ роли Дездемоны — роли неблагодарной для пошлой артистки которой нужны сильные эффекты. Граціозная, чистая какъ голубица, доверчивая до самыхъ странныхъ промаховъ, нетерпчивая, какъ ребенокъ до навязчивости — однимъ словомъ, Шекспировская женщина, Дездемона, поставленная въ трагическую коллизію съ энергической натурой Отелло и съ демонскимъ характеромъ Яго, отдѣляется отъ этихъ рѣзкихъ фигуръ своей воздушностью и легкостью. доходящею до призрачности. Такою именно явилась и Г-жа Самойлова: не было въ ней ни тѣни желанія блеснуть эффектомъ, кинуться въ глаза зрителю какимъ-нибудь усиленнымъ движеніемъ, но вездѣ и повсюду была она легкомысленнымъ и чистымъ ребенкомъ, но съ явнымъ отсутствіемъ всякой задней мысли приставала она къ раздраженному уже Африканскому льву съ просьбами за Кассіо, — но въ высшей степени просто отдавалась она мрачнымъ предчувствіямъ и тягостному вліянію пѣсни объ нѣтъ, — нисколько не навязываясь на участіе зрителя, не выставляясь рельефно, была настоящей Дездемоною: однимъ изъ самыхъ удавшихся образовъ воздушной мечты высокаго мастера. Много артистическаго такта нужно для того, чтобы сыграть Дездемону такимъ образомъ, много даже смѣлости, по крайней мѣрѣ несравненно больше, нежели сколько потребно ея на эффектные выходы, — и тѣмъ болѣе была достойна уваженія такая простота созданія, что Г-жа Самойлова не была еще тогда (1845) по достоинству оценена публикою, при-выкшей, какъ вездѣ, видѣть только рѣзкости и умѣющей восхищаться менѣе рѣзкимъ только въ признанныхъ уже талантахъ.

Черезъ годъ, если не болѣе, послѣ того, какъ я видѣлъ Г-жу Самойлову въ Дездемонѣ — она явилась Пушкинской Татьяной, — въ странной передѣлкѣ Евгенія Овѣгина. Меня, сколько я припоминаю прежнія впечатлѣнія, и повѣряю ихъ послѣдними, поразила тогда, какъ поразила и поражаетъ въ последнее время — какая-то дѣвственность, чистота въ игрѣ артистки. — Страстный порывъ какъ будто не досказывается вполнѣ, какъ будто оставляетъ еще чего то желать, но тѣмъ сильнѣе онъ дѣйствуетъ. Только горели, лучше сказать, поэтическая скорбь высказывается ясно и опредѣленно.

За тѣмъ я видѣлъ прекрасную артистку въ роляхъ: *Эсмеральды*, *Луизы* (Коварство и любовь), *Анны Демби* (Кингъ), *иначе Олги* (Заревской) и во множествѣ комедій. Если называть созда-

нѣмъ только осуществленіе индивидуальныхъ типовъ — то созданія не было ни въ одной изъ поименованныхъ мною ролей, за исключеніемъ княжны *Ольги* и *Луизы*. Всюду артистка играла сама себя, или лучше сказать *женственность*, какъ Щепкинъ играетъ всюду самого себя, т. е. свой юморъ. Но за исключеніемъ Фанни-Эльслеръ, я не видалъ ни одной артистки, которая создавала бы типы — не знаю, видѣли ли мои читатели, и въ особенности тѣ, отъ которыхъ слышится упреки на недостатокъ типичности въ образахъ, осуществляемыхъ Г-жей Самойловой. Знаю только, что лучшее истолкованіе *женственности* представляетъ собою игра Г-жи Самойловой, знаю, что для многихъ живы, и существуютъ всегда въ памяти различные моменты ея игры; что многіе, со мною вмѣств видятъ въ памяти *Эсмеральду* на сыромъ полу тюрьмы съ тусклымъ взглядомъ, и слышатъ слова: мнѣ холодно.... *Луизу* въ мрачной резигнаціи, ходящую взадъ и впередъ по комнатѣ, — *Ревекку*, прощающуюся съ Ивангое, въ холодныхъ рвчгахъ которой пробивается вся скорбь затаенной и отвергнутой страсти, — *Анну Демби*, съ нервической дрожью рассказывающую Кину свои впечатлѣнія, или скидающую вуаль и шляпку для спасенія соперницы, — княжну *Ольгу*, граціозно-гибко склонившуюся на перилы мостика, или нѣмвующую какъ, статуя, при роковомъ признаніи Заревскаго, — а типы ли или нѣтъ эти прекрасные или грустные образы — чувство зрителя не спрашиваетъ. Мѣрять всѣхъ артистовъ однимъ масштабомъ, будь этотъ масштабъ даже глубоко уважаемый мною талантъ Садовскаго — педантизмъ или односторонность взгляда на искусство.

Собственно говоря, одинъ серьезный упрекъ можно сдѣлать артисткѣ, и упрекъ болѣе важный, нежели всѣ другіе. Не всѣ моменты роли одинаково ею прочувствованы: она какъ будто устремляетъ все свое вниманіе на *points saillants*, на патетическія мѣста; иногда, особенно начиная роль, она какъ будто не играетъ, а читаетъ, — читаетъ съ толкомъ, съ чувствомъ пожалуй; но слова, произносимыя ею, не перешли въ ея моральное существо, слышится какой-то начитанный тонъ. Однимъ словомъ, невыдержанность, недостатокъ художнической отдачи — разногласіе частей роли между собою — вотъ одинъ недостатокъ Г-жи Самойловой, и онъ проглядываетъ одинаково, какъ въ драматической, такъ и въ комической артисткѣ. Она живетъ какъ будто бы только для увлеченій, не обрабатываетъ среднихъ терминовъ, и отъ того, самыя искреннія порывы ея кажутся инымъ эффектомъ.

Перехожу теперь къ ролямъ, въ которыхъ являлась артистка

передъ Московской публикой. Я не видалъ перваго спектакля. Она пошлая драма: «Окно во второмъ этажѣ» ⁽¹⁾, и еще болѣе пошлая комедія «Странная ночь»; послѣднюю, впрочемъ, я видѣлъ и поминился, если не съ нею, этою исполненной праздною болтовней и дикою претензіи великосвѣтской комедіи, то по крайней мѣрѣ съ исполненіемъ. Въ этомъ исполненіи, впрочемъ, первенство принадлежитъ не Самойловой, которая здѣсь только умна, граціозна и женственна, — а Г. Шумскому. Его Ардатовъ — созданіе истиннаго мастера, — глубже задуманное артистомъ, нежели авторомъ. Только что входитъ этотъ человекъ — въ лицѣ его, въ походкѣ, въ тонѣ рчи — вся его натура, созданная изъ пошлыхъ претензій, пустоты, желанія оригинальничать и моральной праздности. Апатія дешево купленнаго, такъ сказать, мизернаго разочарованія, положила какое-то позорное пятно на эту самодовольную и старающуюся казаться озабоченною физиономію. Когда онъ трагическимъ тономъ зоветъ на дуэль князя, вы знаете напередъ, что этой дуэли не будетъ, что это только такъ, для эффекта, а между тѣмъ онъ вѣдь и себя и васъ увѣрялъ въ противномъ.

Второй спектакль, въ которомъ участвовала Г-жа Самойлова, состоялъ изъ втораго акта «Дочери Караа Смѣлаго», комедіи «Провинціалка» и сцены изъ «Онвгина». И «Микаэла», и «Дарья Ивановна», и «Татьяна» заслуживаютъ самой подробной оцѣнки.

Если взять характеръ Микаэлы — такъ, какъ онъ является въ пьесѣ, хотя и составленной съ знаніемъ сценическихъ эффектовъ драмъ, то выйдетъ нѣчто странное, съ одной стороны крайне неопредѣленное, съ другой — поставленное на огромнаго ходуля. Вся роль принадлежитъ къ числу судорожныхъ, держится только эксцентрическими положеніями и существуетъ только для нихъ, однимъ словомъ, это не образъ, а обыкновенное грубое малеванье Французскихъ мелодрамъ Анисе Буржуа и Комп., или Нѣмецкихъ романтическихъ трагедій Грильбарцера, Гальма и другихъ. Что прикажете дѣлать артисту съ подобными ролями, какую индивидуальность отыщеть онъ въ лицѣ, которое само по себѣ ничтожно и

(1) Я видѣлъ эту женщину, которой, кажется, и нельзя никому сыграть хорошо — развѣ истаніи. Г-жа Самойлова была прекрасна во второмъ, кажется, актѣ, гдѣ легкомысленная женщина постигаетъ свой ноступокъ. Приказывая обольстителю выйти изъ спальни, она живо напомнила Рашель, которая, всего больше правилась нѣтъ въ выраженіяхъ благороднаго негодованія, оскорбленнаго чувства, сознанія собственнаго достоинства. Положеніе Самойловой, когда, сидя въ креслахъ, проталкивала она руку, указывая на дверь, было безподобно. Когда она просила мужа о прощеніи, слышались звуки изъ сердца, звуки, которые рѣдко услышать можно, и которыми надвѣяла природа нашу артистку. М. П.

заимствуетъ жизнь отъ исключительнаго положенія. Остается играть отвлеченную страсть, а Г-жа Самойлова сдѣлала больше: передъ зрителями явился цѣльный и прекрасный образъ.

Странно было впечатлѣніе, произведенное на многихъ первымъ появленіемъ и первыми звуками голоса Микаэлы. Во второмъ актѣ «Дочери Карла Смѣлаго» явились сперва на сцену герцоги, графы, любовникъ и королева, которые всѣ говорили съ самымъ страннымъ пафосомъ: такъ и слышалось какъ-то въ каждомъ словѣ, что все это жетъ, какъ жетъ сама драма, жетъ грубо, дико: рѣчи любви звучали чѣмъ-то заученнымъ, — враги махали картонными мечами: все было такъ, какъ обыкновенно бываетъ на театральномъ *позорищѣ*. Но вотъ перемѣняется декорачія: медленною походкой, какъ бы падая подъ гнетомъ томленія любви и мукъ презрѣннаго и исключительнаго положенія, входитъ въ своемъ фантастическомъ нарядѣ странное созданіе. Тихо, едва слышно говоритъ этотъ воздушный призракъ, но истинной скорбью проникнуты его жалобы, — но слова любви звучатъ безумною, хотя дѣвственною страстью, — но вѣрится негодованію, съ которымъ бросаетъ онъ свой дурачкій колпакъ. Является тотъ, кого любитъ Микаэла..... Здрожала она, онѣмѣла, уничтожилась, упала на колѣни передъ нимъ, въ одномъ воплѣ высказала всю дикую, несконванную приличіями страсть, слушала его рѣчи и долго не слышала ихъ содержанія, глядела ему въ глаза съ упоеніемъ полнаго самозабвенія, касаясь лихорадочно-трепещущими руками его плечъ и рукъ. Тутъ была вся правда, вся сила и вся прелесть страсти женщины—полуробенка—полудикарки. Но онъ говоритъ ей: «спаси меня» — и все, все готова она отдать для его спасенія, свою честь, единственное, что есть у неѣ, свою тѣсную комнатку съ цѣломудреннымъ ложемъ. Онъ не хочетъ, не принимаетъ этой страшной жертвы, — но Микаэла — дикарка, страсть ея не знаетъ границъ и условій, — помедли онъ минуту — она кинулась бы въ окно, къ которому бросилась съ отчаяннымъ порывомъ. Но, слава Богу, онъ тамъ въ ея тѣсной комнаткѣ, въ комнатѣ придворной дурочки. Кто пойдетъ туда, кто станетъ искать государственнаго врага въ конурѣ домашней собачки? А между тѣмъ она тщетно старается пересилить свою лихорадку, бѣдная, дикая дочь природы, бѣдное, запуганное дитя исключительнаго положенія..... Чу—слышимъ шаги, это они—это преслѣдователи. Микаэла сдѣлала послѣднее отчаянное усиліе надъ своими судорожно трепещущими членами, но подозрительно это онѣмѣніе, но въ тонѣ голоса, странно напряженномъ, слышна тревога, но бѣдное лице выдаетъ ее. Оправданія безо-

лезны — законъ существуетъ не для нея, и съ отчаяніемъ проклинаетъ она людской законъ. Не спасетъ ли ее женственность?

Какъ, герцогъ! и у васъ поднимется рука

На женщину?....

говорить она съ инстинктивнымъ чувствомъ женскаго достоинства. Тщетно, все тщетно — напрасно бросается она къ двери, какъ дикій звѣрь къ своей берлогѣ, напрасно готова она, какъ собака, умереть у порога, напрасно ея дикое, отчаянное неистовство. То неистовство слабости, энергія безсилія... Одной сильной мужской руки достаточно для того, чтобъ оттолкнуть ее — стдѣть только, чтобы эта рука посягнула на женщину!

Только врагъ, только страшный Оливье, преслѣдующій ее своею животненной страстью, спасаетъ ее, и Микаэла, дѣтя непосредственныхъ впечатлѣній, готова повѣрить въ великодушіе Оливье, готова благословлять его... Но страшную цѣну полагаетъ за услугу брадобрѣй Людовика XI. Микаэла должна принадлежать ему, не за то, впрочемъ, что онъ оказалъ ей услугу, а потому, что Христіанъ любитъ другую, герцогиню Бургундскую Марію. Не вѣрить Микаэла искусителю, но если такъ, то клянется принадлежать ему, и только слабый грудной стонъ вырывается у нея при клятвѣ, какъ будто нѣсколько самыхъ тонкихъ струнъ порвало у нея въ душѣ. Да нѣтъ! Этого быть не можетъ, Христіанъ ее любитъ, и она съ дикимъ нетерпѣніемъ отворяетъ дверь, по уходѣ Оливье, и первое слово, которое слышитъ она изъ устъ Христіана — ненавистное имя соперницы. Какая-то страшная сила отбрасываетъ ее отъ него, и окаменѣвши въ этомъ положеніи, раздражается она не дикимъ воплемъ, а стономъ новой порванной струны, последней изъ золотыхъ струнъ лиры сердца.

Бѣги, бѣги — тебя я проклинаю!

Таково впечатлѣніе зрителя, и если бы, по моимъ убѣжденіямъ, цѣнилъ я во что-нибудь критику, основанную на одномъ холодномъ анализѣ, то, конечно, сталъ бы доказывать художественную правду каждаго порыва артистки въ этой роли; но я предпочелъ передать впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что оно повторилось дважды, и во второй разъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ первый. Вся роль Микаэлы во второмъ актѣ драмы состоитъ изъ порывовъ и исключительныхъ положеній — и потому здѣсь не было даже неровности, единственнаго недостатка въ игрѣ артистки. Г-жа Самойлова играла, конечно, не Микаэлу дикой драмы, а играла (какъ и вездѣ) женственность, поставленную въ исключительное положеніе. Этой-то женственностію, никогда, даже въ ми-

нуты порывовъ не перестающей быть женственностію, искренней, полной стремленій — увлеклась та часть публики, которая еще не требуетъ *rapet et ceteras*, неистовыхъ воплей и неестественныхъ судорогъ.

Другое дѣло роль Дарьи Ивановны въ «Провинціалкѣ».... Комедія Г-на Тургенева была разобрана въ нашемъ журналѣ, разобрана строго, т. е. съ полнымъ уваженіемъ къ блестящему таланту ея автора, на основаніи требованій совершенно справедливыхъ въ отношеніи къ нему. — Лучшія лица въ комедіи: Дарья Ивановна и графъ. Они полные, цѣлѣте другихъ, не взмываютъ себя ни разу. Лучшими вышли они и въ представленіи, въ которомъ опять равно были прекрасны Г-жа Самойлова и Г-нъ Шумскій.

Будь Дарья Ивановна просто интриганка, ловкая кокетка безъ сердца — это лицо не удалось бы артисткѣ, которая даже комическому лицу Вельской, въ комедіи «Повѣдка за границу», придала что-то сердечное, внушающее участіе, женственное. Дарья Ивановна и у автора комедіи и въ игрѣ артистки — вотъ какова: воспитанная въ аристократическомъ домѣ, привыкшая къ изящнымъ, даже нѣсколько условнымъ, нѣсколько, пожалуй, ложнымъ формамъ жизни, по натурѣ очень неглупая, очень добрая, хотя съ примѣсью маленькой женской злости и охоты подурачиться насчетъ ближняго, весьма самолюбивая, — она примирилась только по крайней горькой необходимости съ окружающимъ ее бытомъ, съ мужемъ — медвѣдемъ, съ мелочною щепетильностію маленькаго хозяйства. Но она не идеалистка, или по крайней мѣрѣ не на столько идеалистка, чтобы не умѣть найтись, гдѣ бы то ни было — не на столько даже, чтобы впасть сначала въ моральную апатію, — а потомъ обратиться въ тучную барыню и отъ скуки бить своихъ дѣвокъ. Она имѣетъ вліяніе на мужа, но это вліяніе вовсе не то, чтобы она прибрала его къ рукамъ, т. е., пожалуй, онъ и въ рукахъ у нея, да руки-то эти держать его такъ деликатно, что онъ не вырывается изъ нихъ по другимъ болѣе тонкимъ, ему самому непонятнымъ причинамъ.... Ей самой было бы тяжело и непріятно держать его въ рукахъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно держать въ рукахъ мужей нѣкоторыя барыни — она не хочетъ *приказывать* ему, — но съ другой стороны она привыкла, чтобы онъ слѣпо исполнялъ ея просьбы, угадывалъ ея полунамеки. Воспитанная въ роскоши, въ удовольствіи, хотя, можетъ быть, выносившая много униженій, сопряженныхъ необходимо съ двусмысленнымъ положеніемъ воспитанницы знатной барыни, — она мало мирится съ буд-

нымъ достаткомъ своей теперешней жизни, а все-таки не хотѣла бы и прежней. Въ ней много гордости, которую въ иныхъ случаяхъ нельзя не назвать добродѣтелью, и много сознанія своего женскаго достоинства, много даже нѣсколько самолюбиваго сознанія своего превосходства надъ всѣмъ окружающимъ. Только этому превосходству суждено выказываться надъ слабымъ и простымъ мужемъ, надъ провинціальнымъ юношей—Мишей, можетъ быть, надъ городскими дамами — просто пріятными, и пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, — и эти торжества ее не удовлетворяютъ. Ей хотѣлось бы побороться съ чѣмъ-нибудь посильнѣе: въ ея натурѣ много силъ еще не початыхъ, еще требующихъ простора. Эти силы уцѣвли совершенно въ сферѣ окружающаго ее быта, уцѣвли такъ, что, не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, эта женщина способна сама увлекаться, какъ ребенокъ. Однимъ словомъ, передъ нами не просто интригантка, заботящаяся о томъ, какъ бы добыть мужу мѣсто въ Петербургѣ, а даровитая, полная силъ женская натура, которая, увлекая, сама готова увлечься, которая радуется не столько результатамъ побѣды, сколько возможности бороться и побѣдить; и осуждайте вы эту женщину за ея вѣтренность, браните за самолюбіе — по все-таки сами увлечетесь ею, вы простите ей, можетъ быть много, за одинъ полудѣтскій порывъ.

И вотъ, въ глушь утѣднаго города пріѣзжаетъ графъ Любинъ. графъ Любинъ—это ея прошедшее, ея блестящая, хотя подъ чась и горькая жизнь въ аристократическомъ домѣ, радужныя мечты и горькія разубѣжденія. Она была дѣвочкой, когда знала его, когда онъ, ввротятно, отъ празднои скуки, писалъ ей страстныя посланія, — она слѣпо вѣрила тогда всему, вѣрила на слово. Но теперь ужъ не такъ! И въ маленькой женской головкѣ созрѣваетъ уже планъ, и доврчива она только уже къ силамъ своей даровитой натуры. Вся энергія ея проснулась. Въ тревожномъ, почти лихорадочномъ волненіи, вся сосредоточенная въ свою мысль, ходитъ она по комнатѣ, поутѣвляя на вопросы Миши. Все въ ней готово на борьбу, и ничто не уничтожитъ этой энергической натуры. И борьба начинается. Прежде всего, Дарья Ивановна женскимъ инстинктомъ угадываетъ самое лучшее средство отдѣлать себя отъ окружающаго ее быта. Сковаузлся она передъ графомъ за странности мужа, за неуклюжесть лакея—дѣло ея было бы проиграно, какъ проигрывается оно Машею и Мошкинымъ въ «Холостякѣ» Г. Тургенева; выкажи она свое полное разьединеніе съ окружающимъ ее бытомъ—графъ не сталъ бы уважать ее. Нѣтъ, она дѣйствуетъ иначе. Она прямо показываетъ, что видитъ вещи такъ, какъ они на самомъ

дѣлѣ существуютъ, но не презираетъ ихъ, не становится на ходули. Спрашивается: жетъ ли она въ своей бесѣдѣ съ графомъ? Трудно рѣшить, — всего скорѣе, что на половину жетъ, на половину же увлекается сама — увлекается не графомъ, а своимъ прошедшимъ. Такъ по крайней мѣрѣ поняла «Дарью Ивановну» артистка и, кажется, поняла вѣрно.

Обращаясь къ частностямъ выполненія роли, я долженъ указать почти на все сколько-нибудь выдающіяся мѣста.... Необыкновенная простота и вмѣстѣ граціозность каждаго движенія, умѣнье быть на сценѣ, совершенно какъ дома, умѣнье, которое дается весьма немногимъ — вотъ что больше всего бросалось въ глаза. Сидитъ ли Дарья Ивановна за пальцами, по видимому, вся занята работою, а между тѣмъ не пропускающая безъ вниманія ничего, что вокругъ нея происходитъ, говорить ли она мужу, чтобы онъ велѣлъ снять шляпу лакею графа, — ходить ли она тревожно по комнатамъ, готовясь на борьбу, — стоять ли она передъ зеркаломъ и обращается къ своему платью — вездѣ видна была женщина, больше всего и прежде всего женщина, по преимуществу женщина... А разговоръ съ графомъ?.. Необыкновенная свобода и грація всѣхъ движеній, тонкое и умное кокетство, увлеченіе при воспоминаніяхъ, торжество самолюбія, высказывающееся въ повтореніи словъ графа: *vous êtes un ange.. vous êtes adorable...*, дѣтски шаловливый тонъ словъ: какія у него морщины! тонъ, который нѣкоторымъ, безъ малѣйшаго основанія, показался рѣзкимъ... А слова: ступай, ступай — которыя Дарья Ивановна говоритъ мужу, намѣревающемуся идти за нею въ садъ? Все это дѣйствовало сильно на публику.

Превосходенъ въ «Провинціалкѣ» былъ Г. Шумскій. Вѣрнѣе и ярче создать типъ невозможно. Небрежность и свобода каждаго движенія, выраженіе свѣтской апатіи на физиономіи, зѣвота праздности и скуки, самодовольство, сознаніе собственнаго *величія* и презрѣніе ко всему окружающему — вотъ общія черты образа, представляемаго Г. Шумскимъ съ такою поразительною правдою. Когда онъ входитъ и обращается съ вопросомъ къ стряпчему: вы Г. Ступендлевъ? — въ тонѣ его звучитъ не досада за дерзость заставить его — графа Любина явиться къ такому мелкому чиновнику, — нѣтъ, слышно полное, небрежное, уничтожающее презрѣніе, слышно, что и мысли объ оскорбленіи себя онъ не допускаетъ. Но вотъ графъ Любинъ встрѣчаетъ старую знакомую, — и ее, на первый разъ, обзрываетъ онъ съ высоты величія, и съ ней говорить онъ сначала съ снисхожденіемъ покровительства. Вообще видно, что онъ только пообощелся немного, и самая ласковость

его была бы оскорбительна всякому, кроме простоватого Ступендьева. Движеніе, съ которымъ идетъ онъ въ кабинетъ страпчаго, заняться дѣломъ—верхъ художественнаго совершенства.... Но все это можно еще описать, можно по крайней мѣрѣ хоть напомнить. Сцены съ Дарьей Ивановной, пѣніе романса, увлеченіе — словъ: «сердце — вы говорите: сердце, а развѣ у меня нѣтъ сердца?» и словъ: «поднимите меня», обращенныхъ съ аристократической гордостью въ стряпчему въ самомъ конфузномъ положеніи,—это все нужно было видѣть, и только видѣвшіе согласятся съ нами въ томъ, что Г. Шумскій былъ въ роли Графа истиннымъ, высокимъ художникомъ.

Не таковъ былъ М. С. Щепкинъ въ роли Ступендьева, которому нельзя не пожелать больше спокойствія: странно было видѣть, какъ онъ *забѣгался*, подобно мальчику, передъ прибытіемъ Графа, какъ онъ *испугался*, подобно пойманному преступнику, заставши его на коленяхъ передъ женою! Какъ онъ кричалъ и умолялъ! Но, разумѣется, у него, какъ великаго таланта, многія мѣста были выражены прекрасно, напримѣръ, когда онъ оставался одинъ и разсуждалъ, идти ли ему въ садъ за женою, какъ разговаривалъ съ ними.

За то лице Миши у Г. Васильева вышло несравненно удачнѣе, нежели у автора пьесы. Молодой, даровитый артистъ *создалъ* лице почти такъ же, какъ Г. Шумскій—только послѣдній, по самому значенію своей роли выдался рельезнѣе.

Остается сказать вѣскольکو словъ о Татьянѣ, прочтенной Г-жею Самойловой, въ первый разъ въ этотъ спектакль, и прочтенной ею еще разъ въ одинъ изъ прощальныхъ. Это исполненіе Татьяны во второй разъ имѣло весьма мало общаго съ исполненіемъ въ первый. Въ первый разъ артистка играла въ полномъ смыслѣ слова, и никогда первая половина монолога, до прибытія Онегина, вложеннаго поэтомъ въ уста Татьяны, не казалась поэтичнѣе, грустнѣе, задушевнѣе.

Это была настоящая Татьяна. Въ другой разъ было уже не то: прекрасная артистка только читала, читала умно, но холодно: (1) можетъ быть, потому, что слишкомъ взволнованная восторженными приѣмомъ публики, она не имѣла силы войти въ роль.

Въ слѣдующій—третій спектакль—дана была «Прихоть кокетки», одна изъ самыхъ пошлыхъ штукъ домашняго издѣлія, слу-

(1) Сцену съ Онегинымъ въ оба раза она не выдержала: не видать и не слышать было ни борьбы, ни скорби,—только рѣзительность, и то не высокая. Вообще въ ней больше было Татьяны, чѣмъ Княгини. П.

шая которую стыдишься за Русскую драматургію, и грустишь за артистовъ, обязанныхъ по возможности вѣрно выражать самую странную ложь. Трудно отдымать лице представляющее отъ лица представляемаго и, не смотря на всю граціозность Г-жи Самойловой, не смотря на то, что она умѣла найти искреннія движенія въ самой ложной роли—вынести всей пьесы было совершенно невозможно. Одно только осталось у всѣхъ въ памяти—слова: «какой жалкій ребенокъ!..» (1) Кроме Г-жи Самойловой превосходить былъ опять Г. Шумскій, создавшій совершенно другаго Графа, нежели Графа «Провинціалки» (2).

За симъ, Г-жа Самойлова явилась въ нашей Московской комедіи М. Н. Загоскина «Поездка за границу». На сколько эта комедія, хотя и далеко не лучшая изъ комедій ея даровитаго автора, хотя и написанная подъ влияніемъ напередъ заданной темы—лучше и выше всѣхъ безобразныхъ штукъ въ родъ «Странной ночи», «Прихоти кокетки», — оказалось при сопоставленіи ея рядомъ съ ними. Тутъ есть живыя лица, есть комическія положенія, и нѣтъ претензій.

Игра Г-жи Самойловой придала интересъ роли Вельской, и притомъ такой интересъ, который едва ли имѣлъ въ виду авторъ пьесы. Вельская у Г. Загоскина—лице смѣшное, лице съ претензіями, и до сихъ поръ, оно выходило въ представленіи карикатурнымъ. Г-жа Самойлова смягчила его, сообщила значеніе всему, что было въ немъ женскаго—и явилась женщина, возбуждающая скорѣе сочувствіе, нежели смѣхъ. Въ особенности хороша была артистка въ объясненіи съ старушкой, у которой вся Москва подъ опекой. Я замѣтилъ уже разъ, что тутъ было много женской злости, не перестающей быть граціозною, много увлеченія, много *страсти*. Наравнѣ съ Г-жею Самойловой стояли Садовскій I, который одинъ только въ состояніи создать лице лакея изъ такихъ данныхъ, какія были у него въ роли, и Г-жа Сабурова I—въ роли тетушки.

(1) Правда, тяжело, мудро было выдержать эту утонченную пьесу, но все-таки Г-жа Самойлова умѣла доставить зрителямъ много удовольствія: послѣ появленія видна была женщина пораженная. Въ ея молчаніи, въ ея положеніи видно было, что происходитъ въ ея душѣ, а какъ она доверчиво обратилась къ своей непріятельницѣ, какъ просила Графа—однимъ словомъ, это была не актриса. П.

(2) Позволяю себѣ быть другаго мнѣнія, и думаю, что такихъ вертопраховъ Г. Шумскій играть не можетъ: это не его роль. Въ Графѣ былъ онъ превосходить, въ Ардатовѣ также,—но въ Кокеткѣ и Камелинѣ—гораздо слабѣе. П.

Теперь, по порядку представлений, слѣдуетъ говорить о созданіи роли княжны Ольги въ «Заревскомъ». Слово «созданіе» употреблено здѣсь мною, конечно, не изъ желанія польстить артисткѣ, а потому, что оно настоящимъ образомъ выражаетъ игру Г-жи Самойловой. Но прежде, чѣмъ коснуться этой роли, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самой драмѣ.

Авторъ драмы «Заревскій» — покойный Ефимовичъ, писавшій подъ псевдонимомъ Ивана Раянча — по своимъ взглядамъ на искусство принадлежитъ къ Нѣмецкой школѣ драматурговъ, и притомъ не къ школѣ Шиллера и Гёте, а къ школѣ, отчасти, Виланда и Коцебу, отчасти романтической. Увлекаясь теоріями съ одной стороны и Французскими эффектами съ другой, не одаренный творческою способностью, хотя искренно и пламенно любившій искусство, онъ шелъ по самой ложной дорогѣ, хотя, конечно, болѣе вѣхъ нашихъ обыкновенныхъ драматурговъ былъ достоинъ идти по настоящей. Напередъ заданныя темы, заученныя приемы, портили ему всякое содержаніе. Растерявшись, можетъ быть самъ въ худо переварившихся въ его душѣ теоріяхъ, и между тѣмъ страстно желавшій писать для театра, Ефимовичъ рѣшился быть либреттистомъ. «Заревскій», «Музыкантъ и Книжница», «Кошечка» — все это — либретто, склеенныя изъ разныхъ матеріаловъ и написанныя для Г. Самойлова, Г. Каратыгина, Г-жи Самойловой или Г. Мартынова. Цѣня лучше другихъ дарованія этихъ артистовъ — чему доказательствомъ служатъ дѣльныя, серьезныя и отличающіяся знаніемъ искусства статьи въ Иллюстраціи, — Ефимовичъ рѣшился, во что бы ни стало, писать для нихъ роли. Побужденіе, какъ видите, совершенно внѣшнее, хотя болѣе благородное, чѣмъ всѣ другія внѣшнія побужденія, которыя руководствуютъ вообще нашихъ дѣятелей на поприщѣ отечественной драматургіи.

Драма «Заревскій» сложилась изъ известной повѣсти Занда «Мельхиоръ», и изъ весьма несостоятельной теоріи автора «*Rechtliche Gerechtigkeit*», которую онъ непремѣнно, во что бы то ни стало хотѣлъ проводить повсюду. Можно себя, не зная даже пьесы, представить, какой monstrum horribile visu долженъ родиться отсюда. Основной характеръ, на которомъ все сходится въ драмѣ, самъ «Заревскій» явнымъ образомъ не уяснился самому автору, или, лучше сказать, изъ рода не перешелъ для него въ видъ. По мысли, заданной напередъ, выходитъ грубоватый, страстный, энергическій морякъ, т. е. родъ, — по ходу происшествій — является чловѣкъ съ крайне слабою волею, чловѣкъ уже *тронутый*; вслѣд-

ствіе насильственно вложенной въ драму теоріи, Заревскій долженъ поступать совершенно вопреки своей натурѣ, скрывать неизвѣстно по какимъ причинамъ то, что скрывать онъ вовсе и не имѣетъ нужды—иначе драма пропала съ самаго перваго акта.

Княжна Ольга вышла удачливѣ героя, т. е. та княжна Ольга, какую вы видѣли публично въ Г-жѣ Самойловой. Княжна Ольга, это—свѣтская двушка, хотя съ прекрасными задатками, хотя съ потребностью и способностью любить. Иначе сказать, если позволить ей условныя понятія—она будетъ любить, но выйти за черту этихъ понятій она не можетъ. Натура ея не бѣдна, но ограничена. Кроме того, она—избалованный ребенокъ, котораго не удивить и даже не привяжетъ особенно, что—либо обыкновенное,—ребенокъ, жадно желающій новаго, капризный, своенравный—и вѣчно самостоятельный, даже въ отношеніяхъ съ человѣкомъ, котораго ей позволительно любить и котораго она любитъ. Судьба или авторъ пьесы ставятъ этого прекраснаго и по наружности холоднаго ребенка въ отношенія съ страстной мужской натурой, не очень умной, но за то искренней до грубости. Потребности княжны Ольги удовлетворены вполне: этотъ человѣкъ и новъ для нея, т. е. не похожъ на пустыхъ свѣтскихъ господъ, ее окружающихъ, и, съ другой стороны, отецъ желаетъ, чтобъ она его полюбила, свѣтъ не запрещаетъ этой любви. Прекрасно! Но что же? Въ этой мужской натурѣ встрѣчаетъ она отпоръ: отпоръ раздражаетъ еще болѣе нетерпѣливаго ребенка, самоувѣреннаго до такой степени, что онъ не врѣтъ искренности отпора. И княжна Ольга права: она любима и дѣтски торжествуетъ свою побѣду и шалитъ съ своимъ страннымъ братцемъ. Нетерпѣливая, какъ настоящая женщина, и спокойная совершенно насчетъ всѣхъ послѣдствій, она хочетъ насильственно заставить склониться передъ собою то, что она считаетъ только гордостью въ любимомъ человѣкѣ. Она жертвуетъ собою, т. е. не то чтобы точно жертвовала, а такъ, для скорѣйшаго окончанія дѣла, идетъ въ его комнату, хочетъ поставить его въ безвыходное положеніе—или жениться на ней или сдѣлать ее посмишницею свѣта: не забудьте, что въ послѣднюю часть своей дилеммы она не врѣтъ, что по всѣмъ даннымъ предполагаетъ необходимымъ послѣдствіемъ бракъ. Но этотъ человѣкъ, который точно любитъ ее, какъ никто не могъ ее любить—онъ женатъ... И первое слово, которое вырывается у нея послѣ минуты перваго окаменѣнія: «отдай мнѣ мое доброе имя»... Оно невозвратно—значитъ она должна погибнуть.

Вотъ характеръ княжны.—Чтобы понять и создать его такъ,

мало было искренности порывовъ: надобно было *подчинить* эти порывы строгому закону свѣтскихъ приличій, заковать ихъ въ условныя формы — и однако, заковать такъ, чтобы повсюду просвѣчивало искреннее чувство, чтобы повсюду видна была женщина. Это и дѣлаетъ Г-жа Самойлова. Тонкое мастерство, оконченность отдѣлки этой рѣли оцѣнены немногими и весьма многими непонятъ: большая часть, восхищавшихся артисткою въ этой роли, восхищалась какъ-то бессознательно—хотя, быть можетъ, ни за что не стояла она большихъ восторговъ. Въ первомъ актѣ она—граціозный, живой ребенокъ, стыдливо выслушивающій предположенія отца о бракѣ ея съ Заревскимъ, но покорно готовый на все. Странно, неловко ей при первомъ свиданіи съ Заревскимъ—но простота и рѣзкость его манеръ скоро выводятъ ее изъ затруднительнаго положенія; съ самой первой минуты уже раздражено ея женское любопытство, оскорблено немного женское самолюбіе тѣмъ, что гость предпочитаетъ сонъ разговорѣ съ нею.... Во второмъ актѣ, ребенокъ уже выросъ — является уже дѣвушка, отдающаяся первому обаянію сладкихъ мечтаній, видна уже женщина, знающая свою власть надъ другимъ. Кругомъ ея—ореола первой любви, первыхъ обаятельныхъ грезъ — и мелодично звучать ея рѣчи, и неотразимой прелестью полны ея лукаво-простодушныя вопросы, и такъ мило, такъ искренно пристаётъ она къ Заревскому, ставить его въ самыя затруднительныя положенія. Онъ сердится—значитъ она не ошиблась, значитъ онъ ее любитъ — и полудѣтски, полустрастно, съ увѣренностью самолюбивой женщины говорить ему она: «вы меня любите, ужъ знаю, что любите». Цѣль достигнута... Опять одинъ безпечный, рѣзвый ребенокъ. Какъ серна прыгнула она на мостикъ, и дразнить и мучить оттуда своего дикаря. «Братецъ... Владиславъ Николаевичъ... Всѣ моряки такіе сердитые?» «Всѣ». «Прощайте!» — и бѣжитъ съ звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ....

Третій актъ: съ гордою рѣшимостью идетъ Ольга къ Заревскому, спокойно, прямо говорить ему, что онъ долженъ на ней жениться.. но когда слышитъ отъ него слово любви, она робѣетъ, какъ будто бы услышала что-нибудь новое, нежданное, не отъчаётъ страстными порывами на его ласки: ее пугаетъ страсть.... Но вотъ она слышитъ его страшное признаніе—и камневетъ какъ статуя. Все умерло въ ней въ одну минуту, все покрылось какой-то ледяной корою. Когда очнулась она—это была уже не прежняя Ольга, это была опять свѣтская дѣвушка—поставленная въ самое трагическое положеніе—и этикъ поясняется холодный, льдсколю искусственный тонъ словъ: «отдай мнѣ мое доброе имя». Ей остается

только умереть....и въ эту минуту снова слышится искренній тонъ въ ея рвчи....

Уловить всю двойственность этого характера—способна только Г-жа Самойлова....На сколько въ созданіи княжны Ольги — выше она своего либреттиста—это ясно для всякаго. Замѣчательныхъ моментовъ ея игры въ этой роли не перечислишь. Къ числу особенно выдающихся своею граціей, кромѣ известнаго вопроса съ мостика,—отношу я слова: «если бы въ горящей хижинѣ и т. д. — *Кого бы вы спасли?*» Тонъ этихъ словъ былъ не одинаковъ въ различныхъ представленія. Иногда слышалась въ немъ женская самоуверенность, иногда что то умоляющее, дѣтски милое, простодушное: что было върше и лучше—рѣшить трудно: какъ-то, такъ и другое равно свойственно характеру, созданному артисткой....Мѣсто не совсѣмъ удачное было одно, слова: «отдай мнѣ мое доброе имя»—да и то, какъ кажется, отъ того, что Г-жа Самойлова слишкомъ хотѣла выставить холодную, свѣтскую сторону роли.

Говорить объ окружающемъ Г-жу Самойлову въ «Заревскомъ»—какъ-то странно. Г. Леонидовъ, по видимому, думалъ надъ ролью Заревскаго, и одну черту характера—грубоватую, рвзкую простоту передалъ хорошо, — но что же прикажете дѣлать, когда въ самой натурѣ артиста нѣтъ страстности?... Роль была только понята върно, но не прочувствована.

Въ бененсѣ своей, Г-жа Самойлова дала *Житейскую школу*—и сдѣлала все, что только могла сдѣлать изъ своей роли.

Потомъ, она являлась въ слѣдующихъ новыхъ роляхъ, въ драматическихъ: 1) Клары д'Обервилъ, 2) Терезы (Женевская сирота), 3) Габріэли (Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ), 4) Мареры (4-й актъ «Царской невесты»), 5) Шарлотты (Вертеръ и Шарлотта), 6) Луизы (Старая мыза); въ комическихъ: 1) Вѣры Васильевны (Бѣлая камелія), 2) Элаганской (Андрей Степановичъ Бука), 3) Софьи Павловны (Горе отъ ума).

Я лично имѣю непреодолимое отвращеніе къ судорожнымъ ролямъ жертвъ, гонимыхъ невинностей и т. д., въ мелодрамахъ Французскаго издѣлія, но ужъ если непременно надобно выносить медицинскія или полицейскія драмы,—то по крайней мѣрѣ необходимо, чтобы въ нихъ играла Г-жа Самойлова. Ея женственная натура обращаетъ все рвзкое и аффектированное въ нѣжное, мягкое и изящное—все, что у другой артистки напрашивалось бы насильственными мѣрами (въ родѣ раздражительныхъ воплей) на участіе—въ игрѣ Г-жи Самойловой возбуждаетъ само собою или грустнотихое чувство или дѣйствительно тревожный интересъ. Оставляю

въ сторону Клару д'Обервиль, Терезу и даже царицу Марю, ⁽¹⁾ по совершенной безцвѣтности этихъ ролей, но не могу не говорить о Габріэли, Шарлоттѣ и Луизѣ.

Габріэль въ «Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ» тоже принадлежитъ къ безцвѣтнымъ ролямъ, и притомъ къ особенному genre, который пущенъ въ ходъ Скрибомъ: это слѣпая молодая девушка. Роли слѣпыхъ требуютъ необходимо того, что называется *tour de force*,— но въ самомъ *tour de force* есть степени, и игра Г-жи Самойловой, въ особенности въ сценѣ, когда слѣпая Габріэль ошупываетъ стѣны—была однимъ изъ поразительнѣйшихъ *tour de force*, какіе мнѣ случалось видать, поразительнѣйшихъ потому, что при всемъ напряженіи, артисткою хранилась постоянно женственность, что была красота въ этомъ напряженіи, была идеальность, безъ которой всѣ порывы дѣйствуютъ только раздрачительно.

Совсѣмъ иное роль Шарлотты. Французская передѣлка Вертера—прегрозная пародія на произведеніе гения, и трудно вообразить себя что-либо болѣе дикое или нелѣпое, чѣмъ это дополненіе къ судьбѣ типа, въ которомъ сказалось настроеніе цѣлой эпохи. И въ психологическомъ отношеніи невѣрно, чтобы Вертеръ слѣдался такимъ негодаемъ, какимъ угодно было его представить Г. Эмиль Сувестру, да и недостойно искусства клеймить позоромъ какое бы ни было историческое явленіе. Вертеръ не могъ иначе кончить, нежели какъ кончилъ онъ въ романѣ Гёте, а если бы даже и не застрѣлился онъ,—то все-таки, какъ одна сторона морального существа самаго поэта, какъ воплощеніе задушевной мысли эпохи — выросъ бы вмѣстѣ съ поэтомъ и съ эпохою.... Но смѣшно требовать отъ Французскаго рутинера, каковъ Г. Сувестръ, уваженія къ искусству и къ историческимъ явленіямъ: все приносить рутину въ жертву минутному успѣху, и герои знаменитаго романа употреблены просто для заманчивости заглавія мелодрамы, Собственно, передъ вами не Вертеръ и не Шарлотта, а мужъ, измѣняющій женѣ, и жена страдающая отъ невѣрности мужа. Лице же Альберта — просто повтореніе лица доктора Анри, въ драмѣ Дюма: «Агнеса».

Стало быть, не Шарлотту, а просто, страдающую жену игралъ Г-жа Самойлова, и въ этомъ отношеніи, Французская штука доставила ей довольно много случаевъ высказать свои прекрасныя средства—

(1) Въ Марю я видѣлъ Г-жу Самойлову, и отдаю ей справедливость, не говоря о прочемъ, въ ея движеніяхъ, совершенно пріятныхъ Русской дѣвицѣ стараго времени, не похожихъ на движенія Европейской дѣвицы. П.

выразить нѣсколько новыхъ моментовъ женственности. Напоминаю въ особенности сцену прощанія съ Вертеромъ въ первомъ актѣ, робкій, полуопущенный, слезящій взглядъ, дрожащій, скорбный тонъ словъ... сцену съ Вертеромъ во второмъ актѣ, отчаяніе при открытіи, что онъ любитъ другую,—сцену съ соперницей въ третьемъ актѣ и слова къ ея отцу: «пусть она назоветъ его... если смѣетъ», сцену смерти въ четвертомъ... Все это было полно истиннаго драматизма.

Наконецъ, игра Г-жи Самойловой въ *ужасной* драмѣ: «Старая мыза» удовлетворила и охотниковъ до эффектовъ... Тутъ, она отдавалась безъ границъ порывамъ, воплямъ, стонамъ, хотя все-таки не теряла женственности. Въ особенности чтеніе письма передъ страшнымъ судьей — отцемъ было проникнуто такимъ патетизмомъ, который поразилъ всехъ одинаково... Все емогло въ эту минуту, все боялось перевести дыханіе... такъ было это глубоко прочувствовано артисткою!...

Говорить объ остальныхъ роляхъ Г-жи Самойловой я считаю излишнимъ. Разбирая игру ея въ «Бѣлой камелии» или въ «Букѣ», надобно было бы говорить о каждомъ ея жестѣ, о каждомъ словѣ... Мудрено ли, что въ «Бѣлой камелии» она играла три раза совершенно одинаково: къ чему и измѣнять то, что разъ создано вѣрно, и что поразить своей истиной и простотою, какъ въ первый, такъ и въ третій разъ—одинаково?

Скажу въ заключеніе моей статьи, что какъ Москва о прекрасной артисткѣ, такъ, вѣроятно, и артистка о Москвѣ — сохранить самыя пріятныя воспоминанія. Было много трогательнаго, истиннаго въ восторгахъ публики, въ безконечныхъ вызовахъ послѣ двухъ послѣднихъ представленій. Артистка поняла съ своей стороны все, что было искренняго въ этомъ чувствѣ, и отвѣчала на него чувствомъ же. И могло ли быть иначе? Въ Москвѣ ли не найдется теплаго сочувствія къ одному изъ прекрасныхъ и граціознѣйшихъ дарованій?

1881 г., Мал 21.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Московской Сберегательной Кассы за прошлый годъ можетъ подать поводъ къ нѣсколькимъ любопытнымъ выводамъ. Дѣйствія ея возрастаютъ съ каждымъ годомъ, но, какъ кажется, не совершенно въ удовлетворительной степени относительно къ числу населенія столицы, и особенно къ тѣмъ сословіямъ, для которыхъ преимущественно существуетъ это полезное учрежденіе. Гдѣ искать причинъ этому—въ характерѣ ли Русскаго человека и Москвича въ особенности, у котораго послѣдняя копейка ребромъ идетъ, а тароватость считается почти добродѣтелью, или въ другихъ причинахъ? Приведемъ самыя данныя, и попросимъ читателей вникнуть въ смыслъ ихъ. Къ 1 Января 1850 г., въ Кассѣ оставалось капитала слишкомъ 419 тысячъ руб. серебр. Въ теченіи 1850 г. внесено было до 265½ т., такъ что, съ приписанными на прежніе взносы процентами, капиталъ, обращающійся въ Кассѣ, составилъ болѣе 700 т. р. с. Изъ нихъ, за выдачею обратно слишкомъ 200. т. къ 1-му Января этого года оставалось болѣе 500 т. (почти по 15 т. книжкамъ). Вкладовъ всего болѣе было отъ чиновниковъ (до 87 т.), потомъ отъ мѣщанъ (болѣе 47 т.); менше—отъ иностранцевъ (до 10 т.) и отъ *ремесленниковъ* (около 5 т.). Если подъ послѣдними обозначены одни только цеховые, то такая малая цифра легко объяснима по незначительному числу этого сословія; но если подъ словомъ «ремесленники» обозначены все занимающіеся ремеслами (а они бываютъ и изъ мѣщанъ и изъ другихъ сословій), то это не слишкомъ утѣшительно, какъ свидѣтельство, что привычка доводить хлѣбъ до рукъ сильнѣе мудрой дѣдовской пословицы: «береги денежку на черный день». За то порадовали насъ взносы отъ военно-служащихъ нижнихъ чиновъ (до 23 т.) и въ пользу малолѣтнихъ (болѣе 43 т.)

Для параллели, представимъ здѣсь же нѣсколько данныхъ изъ отчета С.-Петербургской Сберегательной Кассы. Кругъ ея дѣйствій обширнѣе Московской. Къ 1 Января 1850 г., оставалось капиталовъ слишкомъ 840 т.; въ этомъ году поступило болѣе 525 т., такъ что, съ процентами, весь капиталъ, оставшійся въ Кассѣ, простирается слишкомъ до 1 мил. 400 т. р. с. За выдачею изъ него обратно 385 т., къ 1 Января 1851 г., оставалось почти до милліона р. с. Наибольшая сумма вкладовъ принадлежала крестьянамъ (107½ т.) и ремесленникамъ (96½ т.), наименьшая: —купцамъ (до 24 т.) и воспитанникамъ Воспитательнаго дома (до 8 т.). Военно-служащіе нижніе чины внесли до 60 т. Въ пользу малолѣтнихъ внесено было 55½ т. р. с.

Желательно, чтобы при отчетахъ Сберегательныхъ кассъ, были обозначаемы, если только это возможно, и лѣта вкладчиковъ. Это повею бы къ новымъ любопытнымъ заключеніямъ.

СЪЕЗЪ.

Е Я Е Ю Ш К А.

(САТИРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ). (*)

I.

Львица. — У большаго стола сидитъ нянюшка *Евлевна*, старуха лтъ шестидесяти, и влосеть чулокъ. Рядомъ съ нею сидитъ *Прасковья*, двадцати-лтъннл дѣвка, и шьетъ кисеть для табаку изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ лоскутковъ.

ЕВЛЕВНА.

Съми-ка, дѣвѣшка, со свѣчки-то!... Ничего не разгляжу; никакъ, опять петлю спустила.

ПРАСКОВЬЯ.

Глаза-то у тебя, бабушка, не видятъ. Я недавно съмала. (Снимаетъ со свѣчи). Эки съѣмы-то! только слава, что съѣмы.

ЕВЛЕВНА.

Какъ вечеръ, такъ тѣ и застелеть глаза.

ПРАСКОВЬЯ.

Посмотри-ка вотъ! Ладно эдакъ будетъ: синій-то гарде-напель суды — къ красной тафтицѣ?

(*) Предъ помѣщеніемъ этихъ сценъ считается нужнымъ оговориться: было время въ исторіи живописи, когда идеальное была главнымъ, любимымъ предметомъ: всѣ живописцы испытывали свои силы для изображенія небесныхъ ликомъ. Священное писаніе представляло источникъ изображеній. Потомъ картины историческія, ландшафты, заняли мѣсто библейскихъ. Въ наше время въ модѣ tableaux du genre, картины житейскія, а нѣкоторыя школы отличались и всегда преимущественно ими, напримеръ Фламандская. Поэзія, и вообще литература, переходитъ также чрезъ разныя степени, и ищетъ вдохновенія на разныхъ высотахъ. Одни были у насъ сначала любимымъ, поднимъ родомъ сочиненій, потомъ трагедій; пливъ авторы, какъ живописцы, обратились къ жизни действительной, въ ея уклопеніяхъ, болѣзняхъ, недостаткахъ: господствуетъ направленіе сатирическое. Журналъ долженъ быть литературнымъ отраженіемъ времени, и потому Москвитинниъ предлагать иногда разныя статьи этого рода, требуемыя его читателями, безъ которыхъ существовать не можетъ, но ивѣсть считаетъ своею обязанностию помѣщать въ каждой книгѣ произведенія и изъ другихъ родовъ словесности; высмѣхъ, предлагать мысли и образы изъ другихъ областей чувства: такъ въ ннѣшнемъ номерѣ, помѣщая этотъ сатирическій отрывокъ, онъ помѣстилъ новѣсть герпогини Дарбувилъ и лирическое стихотвореніе г. Мел. Ред.

ИВЛЕВНА.

Когда не ладно! Чтò ть и спрашивать! Сама знашь... золотья рученьки!

ПРАСКОВЬЯ.

Ну, ужь ты, бабушка!

ИВЛЕВНА.

Чего ну?... Ужь такъ. — А меня и спрашивать не пошто: я чтò смысло?... И молода-то была, ничевохынъко не умъла: работа-то и на умъ не шла, не объ томъ думалось.

ПРАСКОВЬЯ.

Экое житье, подумашь, было прежде-то!

ИВЛЕВНА.

Да, не ноньшнему чета, — нечего грѣха таить. (*Разглядывает чулокъ*). Такъ и есть, — спустила петлю. Подыми-ка, дѣвынька! (*Подаетъ чулокъ Прасковьи*).

ПРАСКОВЬЯ (*беретъ чулокъ*).

Экъ ты, баушка, намизюкала! неровно-то какъ!

ИВЛЕВНА.

Э, ничего, дѣвка! Чтò нашего брата, старого человека, хаять!... И такъ износимъ. Лишь бы только не сложа руки сидеть. Какъ ни нахомукала — ладно! (*Бьетъ девять часовъ*).

ПРАСКОВЬЯ.

Вотъ, еще девять только!

ПРАСКОВЬЯ.

Осипъ какъ долго неидетъ. Видно засмотрѣлся тамъ.

ИВЛЕВНА.

Экъ ты скоро больно захотѣла! Такъ вотъ и придетъ.... какже! Глазъетъ, чать, себѣ. — Да чтò Сашеньки не слыхать!

ПРАСКОВЬЯ.

Играетъ тамъ въ гулочки съ Дунькой да съ Катькой.

ИВЛЕВНА.

Какъ бы онъ въ потемкахъ-то не расшибся.

ПРАСКОВЬЯ.

Вотъ, расшибется.... Развѣ въ первый разъ, что-ли?
(Изъ другой комнаты слышенъ дѣтскій голосъ: «гулю»).
Слышь, играетъ себя!

ІЕВЛЕВНА.

А пусть играетъ; не ревѣль бы только, де не приставаль.
(Входитъ лакей Осипъ, высокій и молодой мальи).

ПРАСКОВЬЯ.

А! вотъ и Осипъ Михальчъ. — Ну, что? насмотрѣлись?

ОСИПЪ.

Въ милую душеньку, Прасковья Ивановна. Третью кад-
рель зачали, какъ пошоль. (Вынимаетъ изъ кармана платокъ
съ орѣхами и подаетъ Прасковью). Не разсудите ли изъ на-
шего кармашка орѣшковъ пощелкать?

ІЕВЛЕВНА (подымля глаза отъ вязанья).

Не бось, меня, мигачь, не поподчуеть!... И за человека
не считаешь?

ОСИПЪ.

Вѣдь ужъ зубы-то у васъ, чать, не ахти-то тово-сь,
Алена Іевлевна?

ІЕВЛЕВНА.

Орѣшекъ другой все сгрызу. А вотъ кабы ты да доб-
рый былъ человекъ, такъ нащелкаль бы старухъ съ деся-
токъ молодыми-то зубами; а то, только и знашь, что по пусту
ихъ скалишь!

ОСИПЪ.

Съ моимъ пріятнымъ удовольствіемъ. Хоть два нащелкаю.

ПРАСКОВЬЯ.

Разскажите, Осипъ Михальчъ: что, какъ тамъ на балѣ?

ОСИПЪ.

А вотъ позвольте сперначала къ вашей бесѣдѣ пріор-
титься. (Сидится). Что за рукодѣльице производить изволите?
(Берется за шитье Прасковья).

ПРАСКОВЬЯ (вырывая у него шитье).

Сдѣлайте одолженіе, не цапайте!... Не по вашей части.

Осипъ.

А кому, сибю спросить?

Ивлевна (*сердито*).

Шабру.

Осипъ.

Какому шабру-съ?

Ивлевна (*такъ же*).

Какъ дадутъ те въ руки, такъ и увидишь, какому.

Осипъ (*встряхивая плечами*).

Понимаемъ-съ!

Прасковья.

Разкажите лучше, Осипъ Михалычъ, какъ всё тамъ?
Полноте балагурить-то!

Осипъ.

Да что рассказывать? Известное дѣло,—какъ есть балъ...
все въ должной манерѣ. Лакеи тебѣ во фракахъ, какъ слѣ-
дуетъ. Данила цѣпь себѣ вывѣсилъ на жеметку... серебряная,
позблоченая цѣпь: въ лотарею выигралъ. Все по праздни-
чному. Барыни все въ бѣлыхъ платьяхъ....

Прасковья.

Скажите!... Такъ ужь всё и въ бѣлыхъ?

Осипъ.

Не то, чтобы, знаете, всё, а много-таки. Есть и въ тѣ-
кихъ... примѣромъ сказать... разѣ, что ли!

Прасковья.

Ну, и много танцуютъ?

Осипъ.

Не перестаютъ. И все больше кадрили и валицъ.

Прасковья.

Скажите! Ну, а съ кѣмъ наша барыня танцуетъ?

Осипъ.

Валицъ все съ разными, а первыя двѣ кадрили съ мо-
имъ бариномъ .прошлась.

ИВЛЕВНА.

Съ кѣмъ было и поцлцать, какъ не съ милымъ дружкоймъ?

ОСИПЪ.

Ужь и съ милымъ дружкоймъ!... какое же-съ, Алена
Ивлевна.

ИВЛЕВНА *сердито*).

Чего какое-же? Ты же и спорить.... молодъ еще больно,
зубоскаль.

ОСИПЪ.

Я не спору вѣдь, Алена Ивлевна, а такъ только.

ИВЛЕВНА.

И такъ только нечего. Чать по твоему, не каждый онъ
день частить къ нашей-то барынѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ,
какъ вы у насъ флигель наняли?... Барина дома нѣту, — а
ужь онъ тутъ какъ тутъ.

ПРАСКОВЬЯ.

Да дай ты, бабушка, рассказать Осипу Михалычу!

ИВЛЕВНА.

А пусть его рассказываетъ!... Мѣшаю ему, что-ли?

ПРАСКОВЬЯ.

Ну, а еще кто съ кѣмъ танцовалъ, Осипъ Михалычъ?

ОСИПЪ.

Ужь я, признаться, и разглядѣть не могъ, кто съ кѣмъ....
Такая пестрота идетъ!... Ровнешенько ничего не разберешь.

ПРАСКОВЬЯ.

А кто изъ кавалеровъ будетъ всѣхъ ловчѣе?

ОСИПЪ.

Какъ тамъ ни прикидывай, а безъ всякой лести мой-съ.

ПРАСКОВЬЯ.

Въ мундиръ они?

ОСИПЪ.

Какже-съ! какъ слѣдуетъ, просто, прелесть! Видъ адакій
еройственный, знаете; одно слово — офиція.... Шпорами зве-

нить, каблуками, знаете, пристукивается.... Апалеты — и все это.... Будь я дѣвица какая ни на есть, — право слово, (показываетъ на уши) по свхъ бы мѣсть влюбился.

Прасковья.

Ужъ это точно, что всѣмъ взялъ вашъ Андрей Петровичъ.

Осипъ.

Одно слово — офиція!

Прасковья.

Антикъ — офицеръ!

Евлевна.

Я бы те покойника Семена Ефимыча, царство ему небесное, показала, — такъ ты бы не то сказала.

Осипъ.

То же изъ военныхъ былъ-съ, Елена Евлевна?

Евлевна.

Какъ есть военный. А мундиры тогда красные носили, аполеть вотъ не было, а сапоги выше колѣнъ. — Вотъ какъ сейчасъ вижу, прѣхаль онъ, родной, на побывку.... Барина-то стараго ужъ на свѣтъ не было; барыня въ параличь лежала. Барышня только съ ней жила, Анна Ефимовна, вотъ что за Малининычъ, за помещикомъ. — Ждали мы Семена-то Ефимыча долго, роднаго. Вотъ прѣхаль. Вся дворня на дворъ высыпала — встрѣчать.... Я еще молодехонька тогда была, — ай-ай молодехонька.... годокъ никакъ восемнадцатый мнѣ только пошолъ. — Филатка ты, чать, помнишь, дѣвчонка?... Еще на правой-то рукѣ шесть пальцевъ было?

Прасковья.

Не помню, баушка.

Евлевна.

Правда, онъ никакъ въ тѣ-поры умеръ, сердешный, какъ тебя къ мадамъ въ Казань отдали.... Ты еще какъ есть ребенокъ была.

Осипъ.

Что же-съ, Елена Іевлевна, ефототъ Филатка?

Іевлевна.

Пошолъ онъ ворота отпирать; а я тутъ у самой у калитки стояла. Сталъ онъ подворотню вынать, — да какъ, знашь, шестипалый-то былъ, подворотня-то у него и сорвисъ съ руки, да ребромъ-то мнѣ на ноженьку. Я такъ и не вспомнилась, слезы изъ глазъ такъ вотъ градомъ, градомъ. А молодой-то баринъ въ тѣ-поры, не захотѣлъ, знать, дожидаться, покулева Филатка прокляжата, вылезъ изъ повозки-то да въ калитку. А я вотъ тутъ какъ тутъ стою. Какъ вошолъ онъ, я, дура, только ротъ разинула: на него гляжу.... молоденька, знашь, была. А онъ, родной, какъ вотъ есть красавецъ, шапочку снялъ, платочкомъ батистовымъ обмахивается. Глаза голубые, волосы въ кудеркахъ по всей головѣ, самъ кровь съ молокомъ, усы молоденьки.... такъ только что пушокъ одинъ. Идетъ, улыбается, всѣмъ намъ кланяется; тому «здорово», другому «спасибо». А я дура, забылась и дороги не даю, и щеки-то не вытру.... всѣ въ слезахъ. А ротъ туда же разинула! Поглядѣлъ онъ на меня, а у меня сердце вдруть такъ и ёкнуло — и сама не знаю, съ чего.... Подошелъ онъ ко мнѣ, взялъ меня за правое за плечо, спрашиваетъ, что плачу. А у меня и языкъ не поворотился; только глаза потупила да щеки фартукомъ тру.... Изъ деревни-то, знашь, меня только-что взяли, къ городу и не привыкла еще. Да ужь старуха — у насъ ключницей тогда была, Мардарья, — скрыпача жена — Сидоровна выручила. Меня подъ бокъ толкать.... «Дура», говорить: «что ты разнюнилась?» Да и барину-то говорить: «Глупенька она, батюшка, ваше сіятельство; известно, деревеньщина. Вотъ на вашу милость засмотрѣлась, да ногу себѣ зашибла». А я какъ вотъ есть вся въ огнѣ стою.

Осипъ.

А вотъ сказали вы, Елена Іевлевна, сапоги тогда носили выше колѣнъ.... Голенища тоже ваксили-съ?

Іевлевна.

А какже!

Осипъ.

Вотъ-съ, думаю я, ваксы какая машина выходила!

Прасковья,

Ну, а потомъ что же, баушка?

Евлевна.

Ну! что потомъ!... Ужъ я те скакъ разовъ сто рассказывала.

Осипъ.

Позвольте еще разокъ прислушать.

Евлевна.

Ну, прѣхаль онъ, родимый, — Семень-то Ефимычъ, царство ему небесное.... Живеть недѣлю, живеть другую. Все больше около старой барыни сидѣль, у постели у ея. Только вечеромъ, бывало, къ намъ заглянетъ въ дѣвичью.... А насъ двоекъ-то косою десятокъ былъ, — не то что нониче.... да всѣ одна къ одной: какъ на подборъ — красавицы. Придетъ, бывало, родной; ту по щекъ потреплетъ, ту по плечу, — съ той косынку, али платокъ съ шеи сдернетъ. Какъ теперь вотъ вижу, въ первый-то разъ пришолъ, — и ко мнѣ подошолъ. Взялъ меня сзади за оба за плеча; «какъ зовутъ?» говорить... Иида духъ у меня занялся. «Аленой, ваще сѣятельство», говорю.... Такъ черезъ силу и сказала-то. А онъ вынулъ изъ книжника красную ассигнацію — да мнѣ ее за пазуху. «Вотъ» говорить: «тебѣ, за то, что Аленой зовутъ!» Такой балагуръ былъ покойникъ, царство ему небесное. — А тутъ святки подошли, да и молодую-то барышню просватали. Начали мы каждый вечеръ святочныя да свадебныя пѣсни пѣть. Самъ-то, бывало, придетъ, съ нами и золото хоронитъ, — и кольцо свое въ блюдо клалъ.... Таланъ да богатство ему въ пѣсняхъ-то все выходило, да сбѣтъя-то тѣмъ пѣснямъ не было. А со мной все заигрывалъ, сердешный. Таково-то мнѣ жутко стало; и румянецъ-то у меня пропасть, и вся-то я перехудала.... По цѣлымъ по ночамъ не сыпала: лежу — все объ немъ думаю. Больно онъ меня зазнобилъ своей кра-

сой, родимый! — Ну, дьвынька, известно.... барскій глазъ!... Отъ его милости не укрыдось. Такъ и такъ.... Тутъ ужъ мнѣ, дьвынька, пришла лафа.... Что не день, то праздникъ. Чего—чего мнѣ не дарилъ!.... какъ сыръ я въ маслѣ ката-лась.— Годъ видно эдакъ шло.... Раздѣла я какъ маковъ цвѣтъ.

Осинь.

А потомъ уехалъ-съ?

Ивлевна.

Всѣгимо. Пожилъ вдосталь, барышню пристроилъ—Анну Ефимовну, матушку утѣшилъ.... И на службу пора! Призвалъ онъ меня передъ отъездомъ—то своимъ къ себѣ, обнялъ меня крепко, въ губы поцѣловалъ ласково таково, волосы мнѣ при-гладилъ. Больно мнѣ горько стало, нида слезы изъ глазъ въ три ручья. А онъ, родной... «Не плачь!» говорить: «не успѣлъ я тебѣ отпускной изготовить.... Да твоей службы», говорить, «твоей любви не забуду.... По почвѣ», говорить, «вольную тебѣ вышлю!»—А я только гляжу на него, на яснаго сокола, да слезыньки за пазуху—капъ, капъ.... (*Всхлипываетъ*).

Прасковья.

Полно плакать-то, баушка! — Ужь не воротишь вѣдь.

Ивлевна (*сквозь слезы*).

Когда воротишь?... Только-что уехалъ, прислалъ, род-ной, письмо, что походъ имъ вышелъ. Пошолъ въ чужую сторонушку,—да и возврату не было.

Осинь.

Убили-съ, Алѣна Ивлевна?

Ивлевна

Да.

Осинь.

А вотъ сказали вы, Алѣна Ивлевна: апалеть тогда не носили. Я думаю, виду того еройственного не было. (*Слы-шнень въдали дѣтскій голосъ: «Дунька, Дунька! я напелъ!»*).

ПРАСКОВЬЯ.

Пора, чать, и спать укладывать Сашу-то.

ИВЛЕВНА *(отирая глаза)*.

И то, пора... Сашенька! а Сашенька!

САША *(мальчикъ, 'лтъ пяти, об-
гаетъ и шлепается на полъ)*.

ПРАСКОВЬЯ.

Экъ грохнулся!

ИВЛЕВНА *(подымая Сашу съ полу)*

Ну, не плачь, не плачь, родной!

САША *(ревётъ)*.

Ааа... колынку... ааа... колынку ушибъ...

ИВЛЕВНА.

Вишь ты полъ-то какой озорной: ушибъ Сашеньку.
Топни въ него ножкой хорошенько! плюнь на него!

САША.

Ааа... ааа... *(плюетъ и топаетъ ногой, продолжая
реветь)*.

ИВЛЕВНА *(сердито)*.

Да перестань реветь-то, рева!

САША.

Ааа... Больно!

ИВЛЕВНА.

Ну! заживетъ до свадьбы.

САША *(унимаясь и подходя къ
столу)*.

Няня, дай мнѣ ореховъ!

ПРАСКОВЬЯ.

Какихъ тебѣ ореховъ? Видишь, одни кожуры.

САША.

У тебя въ карманъ есть.

ПРАСКОВЬЯ.

Нѣтъ у меня ничего въ карманѣ.

ЛЕВЛЕНА (*Саша*).

Полно ты просить-то! Спать пора!.... Ишь набѣгался, — весь мокрехонекъ. Пойдемъ!

САША.

Рано еще. Я не хочу спать.

ЛЕВЛЕНА.

Мало ли чего не хочешь!.... Пойдемъ! Я каша молочной припаса, — въ печкѣ тамъ стоитъ. (*Беретъ его за руку*). Пойдемъ.

САША.

Я не хочу спать.

ПРАСКОВЬЯ.

Вишь ты раскапризился!

ЛЕВЛЕНА.

Пойдемъ! я тебѣ конфетку изъ сахару стоюлю на свѣчкѣ. (*Уводитъ Сашу*).

ОСИПЪ.

Признаться, и меня ужь что-то клонить. Преползшая ефто вещица!

ПРАСКОВЬЯ.

Что такое-сь?

ОСИПЪ.

Да сонъ-то-сь. Съ ефтой вещицей разбиваться не надобно!

ПРАСКОВЬЯ.

А у насъ клоповъ развелось просто видимо-невидимо. Заснутъ не дають.

ОСИПЪ.

У насъ во флигеръ тоже-сь.... Поджигаю, поджигаю имъ, врагамъ, ноги.... Не помогаетъ!... Ужь такіе ефти народы неакуратныи!

Прасковья.

Хоть бы гитару вы принесли, Осипъ Михайлычъ.

Осипъ.

У барина заперта-сь въ комнату, Прасковья Ивановна.

Прасковья.

Ахъ, какая досада!... А гармонью еще не починили?

Осипъ.

Нѣтъ.... сломалъ мошенникъ Андрюшка! *(помолчавъ)*. Не угодно-ли орешковъ-съ? *(Вынимаетъ платокъ съ орешками)*.

Прасковья.

Покорно васъ благодарю. *(Беретъ орешковъ)*. Какъ бы это аракуль принести: погадать?

Осипъ *(подвигаясь ближе)*.

Какъ ни гадайте, Прасковья Ивановна, все одно выйдетъ.... Есть одинъ человекъ—и тому человеку вы по самому по сердцу пришли.

Прасковья *(улыбалась)*.

Полноте ужъ вы!

Осипъ.

Ужъ это верно такъ. *(Помолчавъ съ улыбкой)*. Какъ же-съ.... Прасковья Ивановна.... насчетъ.... какъ-бы оно-съ.... это-съ....

Прасковья *(толкая его локтемъ въ грудь)*.

Охъ вы любезники!

II.

Дѣтская. — Саша пьетъ кашу у стола.. Левевна оправляетъ постель.

САША.

А мама съ папой придутъ скоро?... Мама хотѣла мнѣ гостинца привести.

ЛЕВЕННА.

Кушай, кушай! полно разговаривать-то!

САША.

А что же ты конфекту общала мнѣ стопить на свѣчкѣ?

ИВЛЕВНА.

А изъ чего я тебѣ стоплю? (*Подходить къ столу*). Кушай, кушай!... Сахару у меня нѣтъ.

САША.

А зачѣмъ же ты говорила?

ИВЛЕВНА.

Ну зачѣмъ говорила?... Зачѣмъ, что ты непослушный.

САША.

А я спать не лягу!

ИВЛЕВНА.

А я прибую!

САША.

А я маменькѣ скажу!

ИВЛЕВНА.

А не смѣешь сказать.

САША (*плаксивымъ голосомъ*).

А скажу!

ИВЛЕВНА (*ласковымъ*).

Ну полно ты! Попутить съ тобой нельзя, плакса эдакій!... Кушай что ли?

САША.

А когда же ты мнѣ конфетку сдѣлаешь?

ИВЛЕВНА.

Когда сахару побольше отъ маменьки принесешь.

САША.

Да она отъ сахарницы не отходить, когда чай наливаютъ.... какъ я возьму?

ИВЛЕВНА.

Попроси!

САША.

Да она не дастъ.

ИВЛЕВНА.

Ты скажи, что для нянюшки!

САША.

Все не дастъ (молчаніе).

ИВЛЕВНА.

Ну довьтъ что ли?

САША (сердито).

Довьтъ.

ИВЛЕВНА.

Ну поди сюда! я тебя раздвну.

САША (жалобнымъ тономъ).

Няня! мнѣ не хочется спать...

ИВЛЕВНА.

Ну, полно, полно, родной! Такъ только кажется тебѣ; а легъ—и уснулъ.... Завтра пораньше встанешь за то. Какъ проснулся,—а ужъ маменькинъ гостинчикъ на столѣ лежитъ.

САША.

Право, няня...

ИВЛЕВНА.

Ну перестань, перестань! Поди сюда! (Раздвываетъ Сашу).

САША.

Ты мнѣ скажешь сказку?

ИВЛЕВНА.

Скажу, скажу. (Укладываетъ ребенка въ постель).

САША.

Ну, скажи сказку!

ИВЛЕВНА.

Сейчасъ. А ты эдакъ не лежи! За чѣмъ внизъ лицомъ легъ? руки-то зачѣмъ такъ положишь? Ты лягъ на бочокъ!... Эдакъ не хорошо. Вонъ, Вишняковы дѣточки все эдакъ лежали.... Папенька съ маменькой и умерли; сироточками, родные, остались.

САША *(съ испугом)*.

Отчего же это, няня?

ЛЕВЛЕНА.

Ну такъ ужъ быть было тому. — Ну поцѣлуй меня!
(цѣлуетъ мальчика).

САША.

А вотъ, няня, мама съ офицеромъ долго такъ цѣлуются!

ЛЕВЛЕНА.

А ты развѣ видѣлъ?

САША.

Видѣлъ. Мама сидитъ на диванѣ, и офицеръ на диванѣ; а мама взяла его за шею, да и стала цѣловать — долго такъ, долго... Я прибѣжалъ, а она меня прогнала оттуда, сказала: «поди въ игрушки играть!»

ЛЕВЛЕНА.

Вишь ты!

САША *(помолчавъ)*.

Няня, а няня! нѣтъ ли у тебя сахарку?

ЛЕВЛЕНА.

Нѣту, сказала — нѣту. Вотъ ты у мамы попроси побольше!... Да какъ не станеть давать, а ты скажи: «А я папѣ скажу, какъ ты съ офицеромъ цѣловалась!»

САША.

А какъ она не дастъ?

ЛЕВЛЕНА.

Ужъ ты только скажи! Дастъ.... И чего ни попросишь у нея, — скажи только: «папѣ, молъ, скажу, какъ ты съ офицеромъ цѣловалась!» такъ все дастъ.

САША.

Такъ я всегда ей такъ говорить стану. И варенья тоже станеть давать, няня?

ЛЕВЛЕНА.

Тоже. — Ну, ладно, родной. Спи-себѣ! Пора.

САША.

А сказочку-то, няня, скажешь!

ИВЛЕВНА.

Скажу, родимый, скажу. Лежи-знай! (*садится*).

САША.

Ты, няня, какую скажешь? Скажи про Лутоношку!

ИВЛЕВНА.

Долга про Лутоношку.

САША.

Ну про Аленушку.

ИВЛЕВНА.

Какую скажу, ту и ладно.

САША.

Ну...

ИВЛЕВНА (*задумано*).

Ужь-какъ жилъ-былъ козелъ съ козою. Пошолъ козелъ по лыки; пошла коза по орѣхи. Пришолъ козелъ съ лыками; нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ калеными...

САША (*перерываетъ старуху*).

Я эту сказку знаю, няня. Скажи другую!

ИВЛЕВНА.

А я не знаю другой. Подъ эту скорѣе зашепъ (*Тѣмъ же заунывнымъ тономъ*). Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленами. Добро же тѣ, коза! Нашлю на тя волка. Волкъ нейдетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ калеными. Добро же тѣ, волкъ! Нашлю на тя людей. Люди неидутъ волка бить; волкъ нейдетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ калеными. Добро же вамъ, люди! Нашлю на вась медвѣдя. Медвѣдь неидетъ людей давить; люди неидутъ волка бить; волкъ неидетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ калеными. Добро же тѣ, медвѣдь! Нашлю на тя огонь. Огонь неидетъ медвѣдя палить; медвѣдь неидетъ людей давить; люди неидутъ.... (*Помолчавъ*). Сашенька!... Ну, занিশнулъ, — спить. (*Гаситъ свѣчу*).

М. Михайловъ.

ПЕНЕЛОПИЧЕСКІЙ ЛОСКУТОКЪ

отъ Редакціи.

Новая ткань Пенелопова обѣщаетъ не уступать въ длину знаменитой древней ткани Пенелопиной, и чуть ли не грозитъ бѣднымъ читателямъ даже безконечностію, а шить изъ нея нечего. Московскіи Вѣдомости, послѣ мѣсячнаго молчанія, развернули вдругъ, нечаянно и неожиданно, еще нѣсколько поютницъ, длинныхъ, длинныхъ, длинныхъ, и мы увидѣли, что ткань ткалась втайнѣ, хоть на виду и не примѣчалось работы. Эти полотнища, la quale oreга, выданы, какъ послѣднее слово, зеркальное заключеніе, рѣшеніе, повершеніе, приговоръ, актъ сознанія, однимъ словомъ — конецъ, но увы, тотчасъ оказалось, что конецъ былъ не хазовый: за нимъ выкинуто еще нѣсколько аршинъ съ разсужденіемъ о личностяхъ, которое такъ дѣльно, основательно, гуманно, что мы советуемъ всѣмъ рецензентамъ съ нимъ справляться чаще, а сами перенесемъ его цѣликомъ на страницы нашего журнала. «Не соглашаясь съ кѣмъ-нибудь во мнѣніи, всякій имѣетъ полное право выставить противное ему мнѣніе такъ, какъ оно ему кажется: онъ можетъ надъ нимъ смѣяться, если оно ему смѣшно, досадовать на него, если оно ему досадно. Онъ можетъ ошибаться, но, по крайней мѣрѣ, онъ избѣгнетъ личностей, сохранитъ достоинство, будетъ столько благоразуменъ, что не подвергнетъ сомнѣнію своего собственнаго дѣла, прибѣгая къ разнымъ собрикетамъ, къ разнымъ выходкамъ, ни мало не касающимся вопроса, къ непонятнымъ намекамъ, выдержкамъ изъ сочиненій своего противника, совсѣмъ сюда не относящихся, наконецъ ко всему, въ чемъ выражается слишкомъ расхорившееся самолюбіе. Есть люди, которые такъ самолюбивы, что не могутъ никакъ избѣжать его внушеній: но отъ нихъ требуется, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго приличія въ тонѣ; слова, лишенная болѣе существеннаго достоинства, должны, по крайней мѣрѣ, отличаться спокойствіемъ; кто никакъ не можетъ обойтись безъ личностей (по пословицѣ: утопающій хватается и за соломинку), тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, вспомнить о читателяхъ, и сдѣлаетъ свои выходки хоть забавными.

«Иногда пужно пояснять свои слова примѣромъ. Представьте себѣ споръ, въ которомъ противники вмѣсто того, чтобы сосредото-
 чить свое вниманіе на спорномъ вопросѣ, будутъ привѣтство-

вать другъ друга такъ: ты невжда, ты кривой, ты рыжій, маляръ-Ефремъ, и тому подобными любезностями. Скажетъ ли одинъ: по моему мнѣнію это холстина, а не бумага; а другой ему въ отвѣтъ: ты знаешь ли, что такое холстина? да ты былъ ли тамъ-то и тамъ-то?»

Мудрыя правила, любезныя наставленія, тонкія замѣчанія! Ахъ, если бы редакторъ М. В. прикладывалъ ихъ чаще къ тѣмъ статьямъ, кои онъ у себя помѣщаетъ, и помнилъ ихъ тверже, когда писать свои. Но нѣтъ! На дѣлѣ выходитъ противное. Вся мы видимъ ясно сучья въ глазахъ ближняго, а своихъ бревенъ не примѣчаемъ! Описаны были, напримѣръ, картоны, и представлены доказательства, почему можно считать ихъ Рафаэлевыми или Рафаэлевскими. Преступленія большаго тутъ не было: мало ли картинъ приписывалось тѣмъ или другимъ мастерамъ, и мало ли есть опровержений всякаго мнѣнія. Если мы ошибаемся безпрестанно въ произведеніяхъ Суздальскихъ икономазовъ, то мудро ли ошибиться въ Рафаэлі или Корреджіо! И сказать бы просто: мнѣніе неосновательно, по такимъ-то причинамъ. Нѣтъ, Московскія Вѣдомости напечатали: это—навязыванье, это — дружба, здѣсь нужны другіе аршины! Причины ихъ были опровергнуты. Не такъ, не такъ, восклицаютъ Московскія Вѣдомости, вотъ какъ надо было отвѣчать намъ,—и приводятъ слова Петра Перваго: Данилычъ, Данилычъ! И этого не умѣлъ ты сдѣлать! Почему же Редакція Москов. Вѣдомос. не приложила своего краткаго примѣчанія къ этимъ строкамъ? А какъ бы кстати было сказать: «всякая личность въ литературномъ спорѣ должна считаться признакомъ, по крайней мѣрѣ, не совсемъ хорошаго тона, не совсемъ хорошаго вкуса». Но зачѣмъ далеко ходить намъ за примѣрами, въ доказательство, какъ легко давать уроки, и какъ трудно исполнять ихъ: въ послѣдней статьѣ, назначенной быть образцемъ и хорошаго тона, и хорошаго вкуса, не говоря уже о тѣхъ двухъ, коими вызвана статья Москвитянина, мы читаемъ слѣдующее замѣчаніе о переводѣ мѣста изъ Вазари:

«Читатели, конечно, удивлены предложеніемъ, которое начинается словомъ: *Которая*. Относительное мѣстоименіе *который* употребляется по Русски въ началѣ предложенія!

«Неужели и здѣсь надобно видѣть что-нибудь серьезное. Видно, волненіе переводчика было слишкомъ велико, когда онъ забылъ даже сослаться на грамматику Востокоева. По-Русски, въ началѣ предложенія, никогда не можетъ ставиться относительное мѣсто-

именіе *который*, и при переводѣ на Русскій языкъ необходимо употребить указательное мѣстоименіе: сей или этотъ. Неужели точно также и въ минуту болѣе спокойную перевелъ бы авторъ статья это мѣсто? Сомнительно! Авторъ статьи, обладая знаніемъ Итальянскаго языка, еще болѣе долженъ владѣть Русскимъ языкомъ.

Переводы разделяются на литературные и подстрочные, слово въ слово, которые бывають иногда пужны въ спорныхъ случаяхъ, гдѣ переводчикъ не заботится о своемъ языкѣ, а только о возможной близости къ подлиннику и вѣрности. Цигуемый переводъ сдѣланъ именно съ этой цѣлю, о чемъ и *предупреждены* читатели, но рецензентъ М. В. опускаетъ изъ виду подстрочность и учитъ своего противника грамматикъ (долгъ, правда, платежемъ красенъ, но видно не всегда). Рецензентъ выбралъ это мѣсто съ особенною любовью, соп атоге, «чтобъ дѣлать свои выходки хоть забавными», и приводитъ другой переводъ исподстрочный, гдѣ употреблено противникомъ то же слово, заключая: не хорошо, г-нъ комментаторъ! А мы заключимъ: не добросовѣстно, г-нъ рецензентъ!

Укажемъ еще на одно мѣсто въ замѣткахъ: «Что касается до историческихъ данныхъ, говорятъ М. В., то ученый, хотя и не вѣрить въ историческія данныя, но, какъ историкъ, убѣдился въ истинѣ своего предположенія. Онъ дѣлалъ долги «историческія наблюденія», и такъ какъ эти наблюденія привели его къ убѣжденію, то въ нихъ надобно видѣть главную силу доводовъ ученаго, хотя онъ и не вѣрить тому, что его убѣдило»

Это недобровѣстно, г-нъ рецензентъ, повторимъ мы опять! Не только въ исторіи, но и въ юриспруденціи, и въ жизни, безпрестанно встрѣчаются случаи, когда мы говоримъ, и должны говорить: все это такъ, но нельзя подумать, повѣрить... или: факты обвиняють такого-то, но онъ не виноватъ, наружность обманчива, и тому подобное. Следовательно, въ приведенныхъ словахъ нѣтъ ничего ни смѣшнаго, ни страшнаго, а смѣшнымъ можно сдѣлать все, лишь была бы охота.

Вставки объ одной соломинкѣ, за которую хватается утопающій противникъ, о двухъ соломенкахъ, на которыхъ хочетъ онъ держаться, объ умилятельной привязанности его къ Вазари, о сильномъ волненіи, о душевной бурѣ, о стеченіи народа, въ числѣ доказательствъ, и другія любезности, конми испещрены всѣ замѣтки, хотя и напечатанныя однимъ шрифтомъ, нельзя приять также сильными подтвержденіями благихъ правилъ рецензента.

Что же сказать намъ въ заключеніе? Чѣмъ повершить наши замѣчанія? Споръ надоть, обратившись отъ Рафаэля къ личностямъ, и напрасно М. В. возобновляли оставленное дѣло. Не хорошо въ горячности употреблять лишнія слова, но искажать хладнокровно чужія, гораздо хуже, а пропускать умышленно важныя и распространяться о мелочахъ, какъ будто ничего и не было кромѣ ихъ, не только не хорошо, но даже очень дурно. Браниться стыдно, а бросаться камнями или камешками, грязью, непозволительно. Сердиться, пожалуй, смѣшно: но *дразнить* недостойно.

М. П.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНІЧНЫЯ.

Князь Меттернихъ въ Брюссель.

Въ Брюссель, на площади Grand Sablon, есть домъ, построенный въ готическомъ вкусѣ, уютный, укромный, покрытый блѣдно-желтою краскою, — самой смиренной наружности. Простое это зданіе, еще недавно почти незамѣчаемое проходящими, сдѣлалось теперь предметомъ всеобщаго любопытства, историческимъ памятникомъ города: — въ немъ живетъ Князь Меттернихъ...

Каждый день, по полудни, къ крыльцу этого дома подъезжаютъ великолѣпные экипажи, изъ нихъ выходятъ посѣтители, по видимому иностранцы, принадлежащіе къ высшему сословію общества. Прїездъ продолжается до самаго обѣда. Стеченіе посѣтителей чрезвычайно велико, и въ чертахъ ихъ замѣтно, что посѣщеніе ихъ не есть только дань учтивости, а усердное поклоненіе, внушенное набожнымъ чувствомъ душевнаго уваженія.

Дѣствительно, ивоземцы стекаются теперь въ Брюссель на поклоненіе великому мужу; прїезжаютъ воздать ему честь за несомнѣнныя услуги, оказанныя Европѣ, въ теченіе его полувѣковаго поприща; и здѣсь, какъ и во всѣхъ странствіяхъ на поклоненіе, рука объ руку съ набожнымъ усердіемъ идетъ и безпокойное любопытство. Настоящее предвѣщаетъ столько грозныхъ событій въ грядущемъ, что невольно рождается желаніе спросить о будущности одного изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые, долго управляя событіями, привыкли ихъ предугадывать, и заключенія своей прозорливости передаютъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, отличительнымъ признакомъ великихъ умовъ.

«Чтобы прочесть судьбы міра сквозь иракъ, насъ окружающій; «взоры мои,—говоритъ часто князь Меттернихъ съ благородною «скромностію,—взоры мои не проникательнѣе взоровъ того, кто

«вздумаетъ разгадывать загадки. Во мнѣ должно видѣть только живую книгу историческихъ истинъ, которая начинается нашимъ столѣтіемъ, въ которой есть столько страницъ, сколько протекло дней съ начала этого вѣка. Читая эту книгу, легко будетъ вывести заключенія о будущемъ, основанныя на данныхъ прошедшаго».

Въ этой живой книгѣ, какъ изъываетъ себя князь Меттернихъ, замѣчательнѣе всего безучастное спокойствіе его физиономіи, когда онъ рассказываетъ бурныя событія 1848 года, и слыдять ихъ вліяніе во всѣхъ его отрасляхъ. Когда онъ описываетъ Мартовскія смуты въ Вѣнѣ, которыя принудили его удалиться въ чужія края, рассказъ его, безпристрастный и ясный, какъ летопись, не отзывается ни смущеніемъ, ни горечью, ни грустію. Эта твердость души, почерпнутая изъ сознанія исполненнаго долга, придаетъ установленнымъ имъ, но угрожаемымъ нынѣ учрежденіямъ непобѣдимое владычество. Князь Меттернихъ достоинъ теперь удивленія не только какъ незыблемая вершина политическихъ убѣжденій, но какъ вершина и сила вѣдѣній. Безуспѣшныя усилія тѣхъ, которые стремились разрушить его учрежденія, доказываютъ прочность этихъ учрежденій. После столь жаркой борьбы, същаній, конгрессовъ, разрушеній и сооруженій, зданіе Германіи проявилось снова въ прежнемъ своемъ видѣ, обозначенное неизгладимою мыслію того великаго мужа, который зачалъ и соорудилъ его. По истеченіи трехъ лѣтъ, Франкфуртскій сеймъ, какъ фениксъ, возникаетъ изъ своего пепла. Этотъ сеймъ, установленный въ 1815 году, примененный къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, обеспечивавшій всѣ пользы Германіи, есть дѣло князя Меттерниха; какъ человекъ необыкновенно предусмотрительный, онъ создалъ его такъ, чтобы можно было подвергнуть его всѣмъ измѣненіямъ, которыя потребуются обстоятельствами.

Основная мысль этого сейма была соединеніе всѣхъ государствъ Германіи, чтобы общими силами противостать нашествіямъ. Цѣль была достигнута. Внезапно, въ темную зимнюю ночь, съ границъ Франціи львилось грозное провидѣніе. На чель его кровавымъ слѣдомъ начертана была бѣдственная цифра 1793. Ужасъ былъ неописанный. Германія возстала, и революція воздвигла амвонъ свой въ церкви Св. Павла въ Франкфуртѣ. Дѣло шло объ основаніи единства Германіи. И что же? единство Германіи еще не основано, церковь Св. Павла (Saint-paulskirche) заперта, а сеймъ 1815 возстановленъ въ полномъ тожествѣ, на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ 1815 году. Случайные Дакурги, собравшіеся въ этой церкви, политики Эрфуртскаго со-

брація и даже члены Дрезденской Конференціи не нашли ничего лучшаго для благоденствія Германіи, какъ отпраздновать воскресеніе возставшаго изъ гроба Германскаго сейма. Проектъ главы Австрійской дипломатіи, цѣль коего была усилить и расширить границы союза воплощеніемъ въ конфедерацію всѣхъ вѣдѣній Австріи, даже этотъ проектъ показался неудобносполнимымъ, и можно подумать, что Провидѣніе не хотѣло допустить, чтобы какой либо памятникъ ознаменовалъ въ Германіи слѣды революціи 1848 г.

Можно полагать съ нѣкоторымъ убѣжденіемъ, что проектъ этотъ былъ отвергаемъ и прежнимъ первымъ министромъ Вннскаго Кабинета, каждыиъ разъ, какъ онъ устранялъ влеченіе мощной своей мысли, чтобы сдѣлать внушеніямъ чисто консервативнаго благораумія. Онъ непременно постигалъ, что исполненіе этого проекта, придавая Австріи грозное могущество сочлена конфедерации, лишитъ это государство, въ отдѣльномъ его значеніи, политической самобытности, своеобразія, собственного веса и вліянія въ равновѣсіи государствъ Европы. Не слишкомъ ли велика эта жертва для Германіи?

Это напоминаетъ остроумное взрѣченіе одной Прусской Патриотки, одаренной рѣдкимъ умомъ, княгини Б. фонъ С. Это случилось въ то время, когда Франкфуртскій Парламентъ, въ числѣ многихъ политическихъ нововведеній, вздумалъ предложить Королю Фридриху Вильгельму внѣць Императора Германіи. Услыша объ этомъ, княгиня воскликнула съ живостію, въ которой просвѣчивалось негодованіе: «О, нѣтъ! Пруссія не должна исчезнуть въ Германіи!»—Что эта умная женщина сказала въ порывѣ патриотическаго изступленія, князь Меттернихъ не разъ, можетъ быть, говаривалъ про себя, думая объ Австріи. Нѣтъ сомнѣнія, что съ 1815 года много подобныхъ сему проектовъ было предложено на разсмотрѣніе этого неутюжимаго ума, но почему же не сдѣлано даже и попытки къ ихъ исполненію? Записки Князя объясняютъ намъ это, если можно назвать записками замѣтки, которыя онъ каждыиъ вечеръ кладетъ на бумагу о современныхъ людяхъ, сочиненіяхъ и событіяхъ.

Князь Меттернихъ работаетъ съ юношескимъ рвеніемъ. Онъ трудится теперь надъ сочиненіемъ, которое должно бросить лучъ свѣта на политику цѣлой его жизни. Хотя трудъ этотъ предпринять не столько для того, чтобы разрѣшить современные вопросы, какъ для удовольворенія привычекъ: давать себѣ отчетъ о всѣхъ предметахъ, по мѣрѣ ихъ проявленія, это сочиненіе броситъ свѣтъ на задушевную мысль великаго Австрійскаго Министра и на тайну его дѣйствій. Оно удовлетворитъ многостороннему любопытству.

Когда дѣло идетъ о такихъ лицахъ, какъ князь Меттернихъ, любопытство это; раздраженное до крайности, насыщается часто разсказами, болѣе или менѣе ложными слухами, болѣе или менѣе преувеличенными. Напримѣръ, развѣ не разсказывали, съ таинственнымъ видомъ, какъ разсказываютъ фантастическія повѣсти Гофмана, что князь Меттернихъ изъ кабинета своего дома на площади des Sablons въ Брюссель, управляетъ дѣлами Австріи, и что онъ диктуетъ резолюціи надворной канцеляріи, посредствомъ тайнаго телеграфа, котораго одна оконечность примыкаетъ къ зеленой конторкѣ его кабинета, а другая къ кабинету директора этой канцеляріи въ Вѣнѣ.

Эта сказка, передаваемая великими политиками гостинныхъ, породила другую небылицу: утверждаютъ, что въ домѣ князя Меттерниха есть огромная мастерская мыслей (*Gedanken Schmiede*), въ которой выдѣлываются разнородные планы противъ конституціонныхъ и республиканскихъ праменій. Тамъ оттачиваютъ различныхъ родовъ орудія противъ хартій и народныхъ учреждений.

И такъ, не только востокъ есть колыбель сказокъ и чудесныхъ выдумокъ. Князь Меттернихъ, вовсе не думая о непосредственномъ вліяніи на ходъ государственныхъ дѣлъ, и не желая этого, живетъ въ Брюссель среди своего семейства, посвящая большую часть своего времени наукамъ, которыя онъ всегда любилъ. Жизнь его проста, какъ жизнь челоѣка, узнаваго тщету челоѣческаго величія.

Каждое утро, хозяйка и хозяйка скромнаго домика на площади Grand Sablon, отправляются къ обѣднѣ, съ своими дѣтьми и слугами. Умилительная картина лучшихъ временъ, напоминающая Родольфа Габсбургскаго, служащаго литургію въ домашней церкви своего замка, посреди группы своихъ набожныхъ дочерей. Воздавъ честь и поклоненіе Господу, подателю всѣхъ благъ, по возвращеніи изъ церкви, бросивъ взглядъ на корреспонденцію и на журналы, князь садится завтракать въ 11 часовъ. Ничего не можетъ быть веселье, свободнѣе, естественнѣе, этой семейной трапезы. Вечеромъ, за обѣдомъ, князь является челоѣкомъ свѣтскимъ, государственнымъ мужемъ, около котораго, въ теченіе сорока лѣтъ, сосредоточивались важнѣйшія дѣла Европы; но поутру, за завтракомъ, князь Меттернихъ, съ непринужденнымъ умомъ и сердцемъ, самый увлекательный говорунъ. Кто хочетъ узнать истинную фizioномію князя и его семейства, тотъ долженъ изучать ихъ въ эти минуты. Войдите тогда въ домъ du Grand Sablon, — вы найдете въ немъ образъ мира и семейнаго достоинства.

Теперь съ княземъ живутъ только супруга и дочери. Сыновья его въ отсутствіи, за исключеніемъ, впрочемъ, меньшаго, ввѣреннаго попеченіямъ наставника.

Во всѣхъ Европейскихъ журналахъ много писали о богатствѣ князя Меттерниха. Довѣрчивые читатели воображали, что въ его Вѣнскомъ домѣ находились несмѣтныя сокровища, и что Іоганисбергскія лозы покрыты были золотыми гроздями вмѣсто виноградныхъ. Революція разразилась надъ этими прекрасными мечтами, и онѣ разсѣялись. Князь, отъѣзжая изъ Вѣны, получилъ отъ своего банкира весьма умвренную сумму, которой отъ долженъ былъ ограничиться на скромное содержаніе семейства во все пребываніе въ Англіи. Вмѣсто несмѣтныхъ сокровищъ, Вѣнскіе грабители, нашедши въ домѣ князя только документы на владѣнія и фамильныя бумаги, уничтожили ихъ, а агенты Франкфуртскаго общества «Германія» выпили все, что гостеприимная заботливость князя оставила въ подвалахъ дома изъ Іоганисбергскаго богатства. Теперь изгнанникъ живетъ въ своемъ Брюссельскомъ Reigo доходами, сборъ которыхъ чрезвычайно затруднителенъ въ теперешніе худые и смутные года; и таковъ навѣкъ этого возвышеннаго характера, что онъ, прославленный златолюбцемъ, никогда не могъ превозмочь всегдашняго своего отвращенія заниматься собственными дѣлами по имѣнію. Онъ, кажется, забылъ, сколько Австрія должна ему быть признательна за его многочисленныя и блестящія заслуги. На утреннихъ бесѣдахъ онъ разговариваетъ о своемъ семействѣ, о дѣлахъ вообще, но никогда о личныхъ своихъ интересахъ, и какъ только рѣчь коснется этого предмета, онъ уклоняется съ вѣжливой разборчивостію гордости, которая есть отличительная черта его характера.

Послѣ завтрака князь уходитъ въ свой кабинетъ, читать или писать. Онъ читаетъ обыкновенно журналы всѣхъ партій и всѣхъ отгвнковъ, какъ человекъ, знающій цѣну мнѣнія въ современныхъ политическихъ правахъ, и желающій изучить это мнѣніе во всѣхъ его проявленіяхъ. Мы сказали уже выше, что онъ обо всемъ ежедневно пишетъ свои замѣчанія. Эти замѣчанія походятъ на бюлети гениальнаго врача о болѣзни Европы, разгадавшаго недугъ, но лишенаго средствъ его излечить. Въ кабинетъ его два стола. Онъ переходитъ отъ одного стола къ другому; на одномъ пишетъ, за другимъ читаетъ и размышляетъ, покуда не начнутся по-полуденныя посвщенія. Удивляясь его любознательной дѣятельности, семейство его опасается вредныхъ для его здоровья послѣдствій. Изрѣдка, и только когда погодный день склонить его уступить

настоятельнымъ просьбамъ княгини и дочерей, почтенный старецъ, не выносившій движенія экипажа, соглашается выйти, опираясь на руку своей старшей дочери графини Сондаръ, которая провела въ Брюссель осень и зиму, и теперь продлила еще свое здѣсь пребываніе, чтобы пробыть и весну съ престарѣлымъ своимъ родителемъ.

Разговоры съ княземъ Меттернихомъ пріобрѣтаютъ новую прелесть участіемъ въ нихъ княгини, третьей супруги бывшаго Министра. Въ лицѣ ея, строгія черты патриціанки смягчены нѣжнымъ выраженіемъ доброты. Больше живая, больше воспримчивая, нежели князь, она представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Князь Меттернихъ, какъ вельможа, весьма естественный въ обращеніи, сохранилъ однако ту холодную осторожность, которую дипломатическія занятія цѣлой жизни обратили у него въ привычку. Въ княгинѣ, напротивъ того, проявляется часто какое-то восторженное одушевленіе, озаряющее внезапно рѣчь ея, и можетъ быть, что этой-то пылкости рѣчи, этому отклику чувства въ голосъ, обязана она тою ненавистью, которую питаютъ къ ней враги ея супруга. Когда Французская революція разлилась почти по цѣлой Европѣ, можно было замѣтить, что княгиня больше, нежели князь, подвергалась недоверчивости и нападеніямъ нѣкоторыхъ партій. Въ эту эпоху, исполненную тревогъ и событій, княгиня выказала, какъ женщина, такіа впечатлѣнія, которыя великій политикъ умѣлъ скрыть.

Не должно однако же судить о частной жизни княгини по ея жизни общественной и официальной. Это два совершенно различныя существованія. Въ домашнемъ быту, княгиня, какъ всѣ женщины ея званія, отличающаяся умомъ и сердцемъ, имѣетъ приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ; и тѣ, которые видятъ, какъ она приноситъ утѣшенія скорбящимъ и помощь несчастнымъ друзьямъ своимъ, убѣждены, что доброта ея души не уступаетъ живости ея ума; но въ жизни официальной, она никогда не встрѣчала въ толпѣ своихъ знакомцевъ эту помѣсь людей преданныхъ, которыхъ называютъ въ свѣтѣ *добрыми пріятелями* (*gute Bekannten*). Всѣ знавшіе ее были или ревностные почитатели, или ожесточенные противники. Это одно изъ тѣхъ существъ, которыя привлекаютъ или отталкиваютъ, потому что они пылки, потому что душа ихъ отсвѣчивается въ каждомъ движеніи ихъ жизни; съ ними невозможно сохраить безстрастную холодность: надобно покориться ихъ вліянію или отвергнуть его.

Чтобы яснѣе обозначить различіе мнѣній или способности чувствовать князя и княгини Меттернихъ, мы расскажемъ слѣдующій случай:

Недавно, въ жару политическаго пренія, княгиня съ обычнымъ увлеченіемъ перешла поочередно всѣ событія, предшествовавшія и сопровождавшія послѣднюю революцію. Потомъ княгиня пламенный взглядъ въ грядущее и описала его грознымъ и ужасающимъ. Сопольники ея возстали противъ этихъ страшныхъ предвѣщаній, и утверждали, что демократы никогда не сдѣлаются демагогами, и что прошли времена, когда челевчество покорилось владычеству гильотины. Въ это время князь Меттернихъ вошелъ въ гостиную.

Вотъ этотъ господинъ, — сказала княгиня своему супругу, съ большимъ одушевленіемъ въ голосъ, — видитъ въ будущемъ одив только розы, — ничего, кромѣ розъ, на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ.

Я васъ помирю, — отвѣчалъ князь. — Вы видите все въ красномъ, этотъ господинъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Если грядущее не устало коврами изъ розъ, оно еще не покрыто и кровавой пеленою!

Эта умѣренность покажется, можетъ быть, удивительною въ устахъ чловека, который, по мнѣнію многихъ, былъ всегда представителемъ абсолютизма, но она только естественна въ чловека, который собственнымъ опытомъ извѣдалъ всю власть воли и всемогущество мысли на судьбы народовъ.

Гостиная князя Меттерниха, въ Брюсселѣ, не подчинена никакому оффиціальному этикету. Это блестящій пассажъ, черезъ который, не останавливаясь, проходитъ вся дипломатическая Европа. Въ Брюсселѣ, предупредительность людей государственныхъ, прицевъ, посланниковъ, высшихъ сановниковъ и всякаго рода знаменитостей, болѣе относится къ личности князя и болѣе лестна для него, какъ оффиціальное уваженіе тѣхъ же самыхъ особъ къ первому министру Австрійскаго правительства. Въ этой гостиной сходятся и представители Фламандскаго дворянства, и избранные горожане, и дипломатическіе агенты, акредитованные при дворѣ Короля Леопольда. Въ одномъ только Брюссельская жизнь князя походитъ на Вѣнскую: онъ принимаетъ визиты, но никогда ихъ не платитъ.

Вотъ очеркъ насоро жизни того, кто можетъ быть теперь названъ королемъ Европейской дипломатіи, и котораго изгнаніе еще болѣе возвысило, какъ и всѣхъ знаменитыхъ изгнанниковъ нашего плачевнаго времени. (Изъ *Indépendance Belge*).

Всемирная выставка прежде всего ознакомила весь читающій міръ съ именемъ Г. Пекстона, садовника-зодчаго, какъ прозвали его журналы всѣхъ націй. Два мѣсяца раскащика-молва не уста-

вала твердить это имя, и въ цѣломъ свѣтъ оно стало, если не столь славнымъ, то не менѣе известнымъ, какъ имя Микель-Анжело, который взбросилъ на воздухъ куполь Пантеона, и повѣсилъ его надъ гробницею Св. Петра.

Теперь черная туча носится надъ увѣнчанной главою Г-на Пекстона, и угрожаетъ затмить лучи его славы. Вотъ въ чемъ дѣло:

Разсмотрѣвъ проекты зданія для всемірной выставки, представленные Англійскими и иностранными архитекторами, коммиссія, опасаясь завлечься въ слишкомъ значительные расходы, привѣтливо встрѣтила мысль: построить огромную теплицу изъ стекла и желѣза. Эта идея принадлежитъ Г. Пекстону. — Для исполненія проекта избранъ былъ архитекторъ — Г. Фоксъ, который развилъ, усовершенствовалъ, дополнилъ прекрасный помыслъ Г. Пекстона, принялъ на себя постройку и прибавилъ къ ней славный трансептъ, возбуждающій единодушное удивленіе всѣхъ посѣтителей выставки.

До сихъ поръ Г. Пекстонъ пользовался одинъ славою соорудителя волшебнаго *Cristal—palau*. — Теперь Г. Фоксъ, окончивъ великій трудъ свой, вздумалъ и свою утомленную главу украсить лучезарнымъ вѣнкомъ известности и бросить нѣсколько тѣни на своего счастливаго сотрудника.

Граждане города Дерби, гдѣ родился Г. Фоксъ, задумали дать ему-обѣдъ; приготовленные къ этому обѣду рѣчи должны были зажечь мину, и взорвать весь избытокъ славы, переданный Г-ну Пекстону болтливою молвою. Этотъ взрывъ обѣщалъ раздолье привязчивой полемикѣ и партіи обвѣихъ сторонъ, съ перьями въ рукахъ, только и ожидали открытія арены этого турнира.

Насталъ грозный день. За десертомъ Г. Фоксъ исторически разсказалъ все дѣло, начиная съ зарожденія помысла до окончательнаго его исполненія. Въ этомъ разсказѣ, онъ безъ обиняковъ присвоилъ принадлежащую ему, по его мнѣнію, долю славы, и не признавалъ даже за Г. Пекстономъ первенства помысла, находя его въ оранжереяхъ и теплицахъ, построенныхъ по распоряженію герцога Девонширскаго, у котораго Г. Пекстонъ главнымъ садовникомъ. Г. Пекстонъ, присутствовавшій на этомъ обѣдѣ, молча дозволилъ обобратъ себя, и даже при своемъ тоствѣ, не нашелъ что сказать, кромѣ нѣсколькихъ шутокъ насчетъ Грагамскаго шара, задвѣшаго за трансептъ. Тѣмъ и кончилось все дѣло. Ожидали ожесточенной битвы, — а увидѣли только строптиваго побѣдителя и смиренную жертву. Г. Пекстонъ, кажется, перегорѣлъ въ лучахъ своей мгновенной славы!

Какъ бы то ни было, Хрустальный дворецъ такъ несравненно прекрасенъ, что славу его строителя, безъ грѣха можно поделить на двоякъ,—и каждому довольно достанется на долю.

Отъ входа чрезъ трансептъ представляющійся видъ такъ во-слухителевъ, что у посетителя невольно вырвется крикъ удивленія.

Два въковые дуба, которые строитель приютилъ въ трансептъ, спасая ихъ отъ сокрушительнаго топора прежнихъ прожектеровъ здашя, какъ будто съ умысломъ поставлены тамъ, чтобы дать сравнительное понятіе о громадности этого храма искусствъ. Ступите шагъ впередъ—и васъ окружаетъ новое очарованіе. Вы въ волшебномъ саду. Пирамиды роскошныхъ цвѣтовъ возвышаются передъ вами, какъ обложки самоцвѣтной радуги. Партеры пестрыми коврами стелются у ногъ вашихъ. Тропическіе цвѣты яркими звездами сіяютъ въ изумрудной своей зелени. Все это дышетъ полнотою растительной жизни, подъ говоръ волны, катящейся по уступамъ роскошныхъ бассейновъ, подъ звучный пеекъ фонтановъ, подъ немолчный ропотъ свѣтлой струи, тихо льющейся изъ мраморной урны. Толпы статуй, изъ мрамора, бронзы, чугуна, глины, съ изящными формами, въ роскошныхъ позахъ, кроются за бархатнымъ пологомъ цвѣтовъ, или подъ твнью густой зелени, и все это обрамлено стѣнами разноцвѣтныхъ тканей, побѣдными знаменами труда и генія современной промышленности, образцовыми издѣліями народовъ цѣлаго міра.

Что можетъ быть эффектнѣе этого огромнаго хрустальнаго фонтана, помѣщеннаго въ центръ трансепта. Онъ, кажется, высъченъ изъ прозрачной волны, а жидкій хрусталь струи его, играя съ лучемъ солнца, похищаетъ его радужные отблески, и дождемъ цвѣтныхъ искръ разсыпается въ воздухъ. Это волшебная мечта Тысяча и одной ночи.

Здѣсь наслажденіе проникаетъ въ васъ всеми чувствами. Вы вдыхаете въ себя благоуханія самаго роскошнаго цвѣтника, вы вслушиваетесь въ мелодическій стонъ волны, взброшенной играющими надами на звонкій хрусталь, и жадно слѣдите стухомъ, какъ эти звуки хрустальной гармоникки робко сливаются съ отдаленными раскатами гармонической грозы испанскаго органа, и цвучихъ трубъ Сакса. Зрѣніе поражено прелестью формъ, блескомъ и изысканностію цвѣтовъ, прихотью вкуса всехъ націй!

Прибавьте къ этому движущійся цвѣтникъ толпы, всегда новой, всегда разнообразной, и вы сознаетесь, что можно терпѣливо сносить и угольный чадъ улицъ и туманы Лондонскаго Іюня, чтобы насладиться этимъ обворожительнымъ зрѣлищемъ.

Сколько цвѣтовъ, сколько прекрасныхъ тканей, ковровъ, статуй, вазъ. Взоръ утомляется въ этомъ лабиринтѣ изящнаго, избалованный вкусъ надолго сохранить свое разочарованіе среди посредственностей обычной жизни, и самая память, пораженная красотой общаго, не съумѣетъ уловить прекрасныхъ очерковъ и отличительныхъ достоинствъ частныхъ.

Въ отдѣленіи скульптуры много прекрасныхъ статуй. Американскія произведенія въ этомъ родѣ занимаютъ почетное мѣсто на выставкѣ. Греческая невольница (the greek slave) произведеніе Американскаго художника Повера, съѣздившая въ Римъ и привезенная въ Лондонъ два года тому, имѣла здѣсь чрезвычайный успѣхъ. Статуя продана, какъ сказываютъ, за 2,000 ф. ст.

Лучшія произведенія Французской скульптуры суть группы: собакъ, змѣй и дѣтей А. Лешена. Говорятъ, что за эту двѣ группы и право ихъ воспроизведенія (копіи) заплачено 25,000 франковъ. Фавнъ Лекена, Св. Георгій, поражающій змѣя, Дюсеньера, и нѣсколько группъ Этекса достойны вниманія любителей и похвалы знатоковъ.

Бельгійскій скульпторъ, Г. Симонисъ, отличился въ грандіозномъ стилѣ статуею Готфрида Бульфонскаго, а въ наивномъ, двумя мальчиками, о которыхъ мы уже говорили въ краткомъ обзорѣ выставки. Выраженіе одного изъ этихъ мальчиковъ съ прорваннымъ барабаномъ, такъ естественно, что работники засматривались на него, и одинъ старый плотникъ, полагая, что никто изъ его товарищей этого не видитъ, поцѣловалъ мраморнаго ребенка, воскликнувъ: *poor little boy!* (бѣдный мальчикъ). Завидная похвала искусству художника.

Мы не беремъ на себя заботы описывать всѣ замѣчательные предметы выставки, тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ нихъ извѣстны уже публикѣ изъ другихъ журналовъ; мы ограничимся только исчисленіемъ предметовъ, которые первенствуютъ тамъ, по одному изъ трехъ правъ на вниманіе: *изяществу*, *пользѣ* и *эксцентричности*. Можетъ быть, мы многого пропустимъ, многое не заметимъ, по недостатку или неполности получаемыхъ нами свѣдѣній; но, по крайней мѣрѣ, мы постараемся быть безпристрастными въ этой борьбѣ промышленности 78 образованныхъ націй. Вотъ эти предметы:

Модель пловучей церкви, устроенной для моряковъ въ Филадельфій.

Фонтанъ изъ Кельнской воды (Eau de cologne) Г. Роленда.

Телеграфъ Американскихъ гостиницъ, коимъ проволоки всѣхъ номеровъ сведены къ одному колоколу, который звонитъ число того номера, гдѣ дернуть звонокъ.

Платокъ, сотканный на фабрикѣ Г-жи Реатліе, изъ нитокъ, которыхъ фунтъ стоитъ 4,000 франковъ.

Обломки монументальнаго графина, въ которомъ человекъ могъ бы плавать.

Красныя рыбки въ клеткѣ и птицы въ бокалѣ (Лондонъ).

Модель кладбища: the national necropolis, съ помѣщеніемъ на пять милліоновъ труновъ (Лондонъ).

Рубашка, на груди которой вышиты всѣ монументы Испаніи, кафедральныя храмы, театры, Эскуріаль и Алгамбра (Англія).

Волаиъ платья изъ Бельгійскаго кружева, на исполненіе рисунка коего потребно было 4,260 коклюшекъ. Другое платье изъ Брюссельскаго кружева, съ фабрики Вандерлекена, проданное за 45,000 франковъ.

Кремптонова локомотива, вѣсомъ въ 37 тоннъ.

Голландскія полотна и ковры.

Астрономическіе часы упрощеннаго механизма.

Модель вагона, который можно сейчасъ остановить, Амстердамскаго мастера Клаксена.

Подражанія Китайскимъ лакамъ (Нидерланды).

Двери, колосальныя вазы и мебель изъ малахита (Россія).

Ювелирныя и серебряныя издѣлія (Россія).

Черный алмазь.

Оконныя стекла Мерешала изъ Метца.

Механическій болванъ для портныхъ, принимающій по произволу мастера всѣ формы особы, съ которой снята мѣрка, стоящій около 44 тысячъ рублей серебромъ.

Одѣяло на ноги, которое можно смятое захватить въ горсть и надъ которымъ четырнадцать работниковъ трудились девять мѣсяцевъ.

Огромная музыкальная труба, трехъ метровъ въ поперечникъ и сорока восьми футовъ въ длину цилиндра, изобрѣтенія Бельгійскаго инструментальнаго мастера Сакса, которая издаетъ чрезвычайно громкій звукъ отъ дуновенія человѣческихъ губъ.

Кружевной черныи уборъ, заказанный герцогиню Соммерсетъ по рисункамъ Г-жи Куде, въ ящикъ, украшенномъ гербомъ этой фамиліи.

Англійскіе подпилки по три копейки медью за штуку.

Фертепельна по 25 рублей сереб.

Шведская и Норвежская желѣзная руда.

Эскильстунское холодное оружіе. Стокгольмскія ножевыя издѣлія.

Витканый изъ шелку портретъ короля Оскара 1-го.

Мотокъ льняныхъ нитокъ въ 4,000 Французскихъ локтей (*aune*) длиною; въсемъ въ полъ-уницъ, выпряденный Шведскою крестьянкою

Статуя юнаго пастуха, Шведскаго скульптора Г. Молина.

Англійская машина для приготовления конвертовъ для писемъ. Машина обрѣзываетъ, складываетъ и сменяетъ конверты.

Листъ бумаги въ 300 метровъ длиною.

Сварядъ Вагнера, съ помощію коего становится ощутительнымъ и опредѣляется возрастаніе быстроты при паденіи тѣлъ.

Лионская матерія съ узоромъ по золотому фону, стоящая по сту рублей серебромъ Французскій локоть, и вообще все предметы Лионскихъ мануфактуръ.

Тарелки изъ расписаннаго фаянса по одному пенни за штуку.

Бѣдный мальчикъ, статуя Г. Симониса.

Опустошеніе Іерусалима, по образцу Роберта. Эта литографія красками есть произведеніе Бельгійскаго художника Луи Фега, рисовальщика Англійской королевы, и имѣетъ уже на 100 тысячъ франковъ подписчиковъ.

Машина, выдѣлывающая иглы.

Толедскій клинокъ шпаги, свернутый улиткой въ футляръ.

Вертикальный типографическій прессъ, отпечатывающій по 10,000 экземпляровъ въ часъ.

Механическая собака-автоматъ *à la Vaucanson*, сдѣланная, чтобы замѣнить умершую собачку Леди Герриетъ Шеперсъ.

Канapé изъ каменнаго угля.

Анатомическіе препараты доктора Анзу. Человѣкъ изъ картонной массы, который раскладывается на 1,700 частей, и жукъ, составленный изъ 128 частей.

Образцы мраморовъ, изъ коихъ построены все известныя зданія въ Греціи.

Бриллиантовый головной уборъ королевы Испанской, работы Г-жи Лемонье.

Косточка Италіанской вишни, на которой вырѣзаны рельефомъ портреты 12-ти Италіанскихъ поэтовъ.

Англійская глиняная посуда.—Подражанія Японцамъ.

Шляпа изъ Флорентинской соломы, купленная Лордомъ Пемброкомъ за 5,000 франковъ.

Англійскія бумажныя рубашки по одному шиллингу.

Севрскія вазы. Чайныя приборы изъ фарфора, называемаго яичной скорлупою.

Новыя Лионскія ткани, названныя туманными тканями или *Crêpe aëroplane*.

Мужское или женское полное одѣяніе изъ шерсти, по три съ половиною рубля серебромъ уборъ.

Типы всѣхъ употребляемыхъ въ мірѣ буквъ, изъ Вѣнской Императорской типографіи.

Топографическія карты Парижскаго военнаго депо.

Рояль изъ розоваго дерева съ украшеніями изъ бронзы и подъ чернью, съ фабрики Эрарда.

Растенія, сохраненныя сдавленіемъ (rag compression) по способу Г. Массона.

Выпуклые планы (engrelief) доковъ и гавани въ Ливерпулѣ.

Модели паркетовъ Русскихъ, Бельгійскихъ, Парижскихъ мастеровъ.

Хрустальный фонтанъ въ срединѣ транспта съ Бирмингемской фабрики.

Богемскій и Англійскій хрусталь.

Портреты королевы Викторіи и принца Альберта, вытканные изъ шелка на станкѣ (Лионъ).

Превосходно Седанское сукно съ фабрики Г. Бако, по 4 франка за метръ.

Французскія шали, подобіе кашемирскихъ, такъ тонкія, что ихъ можно продѣть въ кольцо.

Флорентинскія твердые камни (pièges dures). Римскія Мозаики.

Статуи и группы: Амазонка Кисса; Греческая невольница Повера; Вакханка Глессингера. Фринел и другія статуи Прадье; собачки Лешена, Готфридъ Бульйонскій Симониса; голодъ, холера—Этекса.

Англійская машина для чески шерсти Гг. Липча и Инглиза.

Турецкіе ковры, вѣчный образецъ для насъ прочностію, комфортомъ и неподражаемою яркостію цвѣтовъ.

Оружіе Льежскихъ фабрикъ.

Художественныя издѣлія изъ бронзы, Барбедьена; копія въ уменьшенномъ масштабѣ Кола.

Рефракторъ Мюнхенскихъ мастеровъ Метца и сына; ихъ микроскопъ, увеличивающій предметъ въ 1,800 разъ.

Константинопольскія сѣдла и оружіе.

Чудовищный контр-басъ въ 5 метровъ вышины, на которомъ хватки на грифъ берутся посредствомъ клавиатуры ключей.

Англійскія поддѣльные кружева, отъ 1 пенни до 5 шиллинговъ за одинъ ярдъ.

Каминъ изъ бѣлаго мрамора съ изваяніями, принадлежащій королю Бельгійскому.

Инструменты, изобрѣтенныя и усовершенствованныя Саксомъ.

Регуляторъ Детуша изъ Парижа и его математическіе инструменты.

Англійскія мозаики изъ цвѣтнаго и золоченаго стекла, въ родѣ тѣхъ, которыми украшены стѣны церкви Св. Марка въ Венеціи.

Модель храма Св. Софіи въ Константинополѣ.

Перочинный ножичекъ съ 300 лезвьями.

Лампъ съ выпуклымъ рефрактофомъ, отражающій свѣтъ простой лампы Карселя на двѣнадцать миль.

Телескопъ Росса, огромнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ.

Огромный магнитъ, поднимающій 300 килограммовъ.

Шитый Берлинскою шерстью коверъ, для королевы Викторіи, 150-ю Англійскими дамами. — Эксминстерскіе ковры.

Платя и шали изъ шерсти кашемирскихъ козъ, разведенныхъ Прищеми Альбертомъ въ Виндзорѣ.

Огромныя глыбы камней, повѣшенные вѣзъ зданія, которыя единственно силою сцепленія Вестминстерской бѣлой извести (cement white) держатъ другіе огромныя же камни отъ двухъ до трехъ квадратныхъ метровъ въ объемѣ.

Кататоптрическіе и діоптрическіе снаряды для морскихъ маяковъ.

Ко-и-нуръ, — величайшій въ свѣтѣ алмазъ.

Китай вовсе ничего не прислалъ на выставку; Китайскіе предметы, находящіеся въ Cristal palace, собраны по магазинамъ и заняты въ частныхъ домахъ, на время выставки. Англійскій Консулъ прислалъ изъ Китая нѣсколько сырыхъ произведеній: красную мѣдь, воскъ, шелкъ, пеньку, зерно и химическіе препараты

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о театрѣ. Театръ Королевы находится въ срединѣ одной изъ фашіонабельныхъ частей города, называемой Гей-Маркетъ. Зданіе перестроено въ 1820 году. Наружность, украшенная портикомъ, величественна. Ковентгарденскій театръ построенъ въ 1808 году. Портикъ его есть подобіе портика храма Минервы въ Аѳинскомъ Акрополисѣ. Внутренность зданія недавно передѣлана.

Долго въ Лондонѣ былъ только одинъ театръ Итальянской оперы, театръ Королевы, которымъ дирижируетъ Г. Доллей. Нѣсколько лѣтъ тому, когда знаменитый Импресаріо поссорился съ нѣкоторыми актерами, Ковентгарденскій театръ, передѣланный для оперы, вступилъ съ нимъ въ состязаніе. Журналы много говорили о сумасбродствѣ Г. Делафальда, который въ это предпріятіе убилъ цѣлое свое наслѣдство. Два милліона поглотила бездна этого труднаго соперничества. Ветераны Итальянскихъ артистовъ

составили тогда общество и начали давать представленія въ этомъ театрѣ; потомъ и кто Г. Гай взялся за это дѣло, и теперь, благодаря Маріо, къ которому публика такъ расположена, благодаря двадцатилѣтней привычкѣ Г-жи Гриси вынуждать аплодисменты, благодаря, наконецъ, какому-то влеченію Королевы къ этому театру, болѣе нежели къ тому, который носитъ ея имя, и по милости нѣсколькихъ пьесъ Мейербера, въ которыхъ удачно распределены роли, дѣла Ковентгарденскаго театра цѣлурны.

Кто не видалъ огромныхъ залъ Италіанскихъ театровъ: La Scala, San Carlo, Fenice, тотъ будетъ пораженъ величественными размѣрами Лондонскихъ театровъ—Королевы и Ковентгарденскаго. Въ her Majesty's Theater пять этажей ложъ, числомъ до двухъ-сотъ. Внутренность ложъ обита Персидскою матеріею, по бѣлой землѣ въ густой узоръ, что представляетъ прекрасный видъ, но вредитъ туалетамъ дамъ, которыя вынуждены надѣвать вѣчно черное платье, какъ наиболее эффектное въ этой рамкѣ. Атласный съ золотымъ узоромъ завѣсъ украшаетъ отверстіе ложи. Въ Ковентгарденской залѣ, которая не такъ велика, завѣсы и обои пунцовыя.

Въ Италіанскихъ театрахъ, билетъ въ партеръ (pitt), стоящій три рубля серебромъ, даетъ право посѣщать всѣ мѣста театра, за исключеніемъ райка. Съ этимъ билетомъ можно посѣщать знакомыхъ въ ложахъ. Билетъ въ нумерныя стали оркестра (ближій къ сценѣ рядъ креселъ) стоитъ одинъ фунтъ стерлинговъ. Въ партеръ ходятъ и дамы, но должны быть безъ головныхъ уборовъ,—въ волосахъ. Мужчинамъ дозволены въ одеждѣ только черныя и бѣлыя цвѣта. Цвѣтная полоска на галстукъ или жилетъ преграждаетъ входъ. Въ залѣ Королевскаго театра помѣщается до трехъ тысячъ зрителей. Оркестромъ Ковентгарденскаго театра дирижируетъ знаменитый капельмейстеръ Коста, который былъ душею интриги противъ Королевскаго театра.

Фиделіо Бетгоvena даютъ на обонхъ театрахъ. L'enfant prodige Обера переведенъ для Англичанъ на Италіанскій языкъ и явился здѣсь подъ скромнымъ названіемъ: Il prodigo. Переводъ либретто лишилъ музыку во многихъ партіяхъ той ответственности, даже можно сказать созвучія словамъ, которая такъ удачна въ Французскомъ текстѣ. Актеры затрудняются, согласуя пѣніе съ другимъ порядкомъ слоговъ въ словахъ, и измѣняя противъ прежняго минуты, чтобы перевести духъ. Г-жа Зонтагъ исполняетъ здѣсь роль, созданную въ Парижѣ Г-жею Дамеронъ. Талантъ ея не увядаетъ.

Г-жа Угальдъ имѣла въ Лондонѣ большой успѣхъ. Парижскія романическія приключенія не повредили этой актрисѣ въ странѣ строгихъ нравовъ. Англичане уважаютъ добрыя нравы въ закулисной области, но многіе изъ нихъ, потерявъ къ актрисамъ уваженіе, тѣмъ болѣе ихъ любятъ. Голосъ Г-жи Угальдъ отзывался утомленіемъ и ничего не выигралъ въ этой огромной залѣ, но музыкальная энергія, изумительная живость и счастливая смѣлость этой кантатрисы, свискали ей всеобщее расположеніе. Колетти слишкомъ пасмуренъ въ роли веселаго жреца. Гордонъ слишкомъ бережетъ свой звучный теноръ. У него не дождешься этихъ порывовъ, этихъ *Slancio*, которые увлекаютъ слушателя.

Софья Крувелли, эта олимпическая музыкальная драма, полная любви, полная преданности къ своему искусству, эта юная пѣвица, которая вскорѣ будетъ несравненна, часъ отъ часу лучше, внятнѣе передаетъ звучнымъ своимъ голосомъ воиженія пылкой души. И что же, — толпа часто и не замѣчаетъ совершенствъ ея таланта. Въ Англіи нравится только искусство, освященное похвалами преданій. Для Англичанъ, въ искусствахъ только то хорошо, что цѣлая Европа признала прекраснымъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПАВЛОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Кому не извѣстны Павловскія издѣлія? Почти всякій изъ насъ обѣдаетъ съ Павловскими ножомъ и вилокю, чинитъ перо Павловскимъ ножичкомъ, носитъ платье, скроенное Павловскими пошницами, запираетъ свои пожитки Павловскимъ замкомъ, съ котораго времени и бриться стали Павловскими бритвами. Сподручно сбывать свои произведенія досужимъ Павловцамъ: Нижегородская ярмарка подъ бокомъ, къ тому же сосѣди ихъ, Вязниковскіе и Гороховскіе афени, сную въкъ свой вдоль и поперегъ по Русской землѣ, доходя до Иркутска и Кяхты, разносятъ въ корбкахъ своихъ Павловскія издѣлія и извѣстность села Павлова. Тысячъ десять дюжинъ двулезвийныхъ перочинныхъ ножей Павловскихъ Персіане ежегодно увозятъ съ Нижегородской ярмарки въ свою сторону, гдѣ затупивъ имъ остріе, дѣлаютъ своего рода вилки. Павловскіе замки, врезанные въ Павловскіе же и Макарьевскіе сундуки, идутъ въ Бухару, Хиву, Ташкентъ; даже на границахъ Афганистана находили эти сундуки, и видали, какъ дивуются туземцы звону отпиравшаго и запиравшаго хитростнаго замка Павловскаго.

Горячіе поклонники села Павлова называютъ его Русскимъ Бирминггамомъ. Преувеличено это сравненіе, но тѣмъ не менше Павлово все-таки чрезвычайно замѣчательно по своей промышленности. Велико это селеніе, широко раскинулось оно по красивому высокому берегу Оки, въ немъ насчитается болѣе тысячи домовъ, болѣе 700 слѣсарныхъ верстаковъ, болѣе 7000 населенія, но все-таки одному селу не сдѣлать того огромнаго количества металлическихъ издѣлій, которое ежегодно расходуется по блгу свѣту подъ названіемъ Павловскихъ. Сосѣднее съ Павловымъ село Ворсма и еще тридцать два селенія Горбатовскаго уезда (Нижегородской губ.) занимаются приготовленіемъ этихъ произведеній. Большая часть этихъ селеній принадлежитъ Графу Шереметеву, 7 населены государственнымъ крестьянами.

Павловскій слѣсарный округъ занимаетъ до 200 квадратныхъ верстъ и ограничивается рѣками Окою и Кишмою, кромѣ того Тумботинскій приходъ на лѣвой сторонѣ Оки противъ Павлова. Въ округъ этомъ заключаются слѣдующія селенія:

	дворов.	5,870	числом. 1,200 обоего пола.	прикл. работниковъ	700	верстаковъ доновъ съ са- сар работни
1. Павлово село, въ немъ.	1037	5,870			700	верстаковъ
2. Меленки дер.	42	340			30	доновъ съ са- сар работни
3. Заплатива дер.	48	321			43	
4. Завалищи дер.	30	231			25	
5. Таринская дер.	25	223			10	
6. Крюкова дер.	22	184			15	
7. Бобровское дер.	12	97			7	
8. Дѣлгова дер.	12	76			6	
9. Тарка село.	120	823			64	
10. Ворсма село.	430	2,921	" 300 "		247	верстаковъ и 200 куз.
11. Ясенцы дер.	59	412			30	доновъ съ са. зар. работн
12. Коровина дер.	58	424			33	
13. Долоткова дер.	23	123			22	
14. Ворвань дер.	25	265			7	
15. Кишкина дер.	33	262			6	
16. Кшшемская дер.	22	120			2	
17. Рыбино село.	74	273			12	
18. Булатникова дер.	44	291			38	
19. Давыдков. дальн. село.	57	366			10	
20. Давыдк. ближн. село.	111	746			100	
21. Каликино дер.	47	307			11	
22. Ярымово село.	86	519			7	
23. Мартово село.	60	325			30	
24. Мартово дер.	57	363			19	
25. Золино село.	66	486			42	
26. Богданова дер.	49	333			10	
27. Тумбатыно село.	100	740			93	
28. Хрѣново дер.	35	273			30	
29. Санницы дер.	53	307			40	
30. Козловка дер.	17	120			10	
31. Шульгина дер.	15	98			6	
32. Щербинина дер.	50	321			10	
33. Панино село.	172	1167			2	

Всего . . 3,091 — 19,736 — 1,500 — 947 верстаковъ.
200 кузницъ.
800 дворовъ.

Полагая на два двора въ деревняхъ только по три верстака, получимъ цифру 1,200; всего же верстаковъ около 2,150, и сверхъ того 200 кузницъ для чернодѣльной работы.

Земля здѣсь суглинистая, мѣстами песчаная, хлѣбъ родится плохо и требуетъ сильнаго удобренія. Въ большихъ селеніяхъ ее къ тому же мало, такъ напримѣръ при селѣ Ворсмѣ ее считается только 2,845 десятинъ, т. е. менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу. Въ Павловѣ немного побольше, но все менѣе трехъ десятинъ. — Землю эту отдаютъ въ кортому немногіе жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ. Такихъ въ Ворсмѣ не болѣе 65 семействъ, въ Павловѣ десять. Берутъ землю Павловскую въ кортому и жители сосѣднихъ деревень, которые платятъ за то отъ полутора до двухъ рублей ассигнаціями за четверть (1). Въ самомъ селѣ Павловѣ лошадей почти не держатъ, ибо онѣ не нужны; мастеровому челоѣку некуда ѣздить, ибо сбытъ его работы на мѣстѣ, и много такихъ домовъ найдете вы въ этомъ селѣ, которые обвѣтшали и почти развалились уже, не выдавъ на своемъ, поросшемъ травою, дворѣ лошади; при многихъ домахъ и воротъ нѣтъ, одна калитка для прохода людей и коровы. — При такомъ порядкѣ вещей навозъ въ Павловѣ дорогъ, землепашцы платятъ копейку по 20 ас. за возъ. Сѣно съ обширныхъ приокскихъ луговъ идетъ на прокормленіе коровъ, и болѣею частию отвозится въ лодкахъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ во время ярмарки встрѣшь и выгоднѣе сбытъ его. — По деревнямъ есть семейства, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ, по и тутъ по зимамъ земледѣльцы садятся за верстаки. Въ приведенной выше таблицѣ подъ именемъ дворовъ съ слѣсарными заведеніями разумются такіе, которыхъ хозяева исключительно уже занимаются слѣсарничествомъ, вовсе незная сохи. Въ некоторыхъ деревняхъ, напр. Меленкахъ, Заплатинѣ, Крюковѣ, занимающіеся земледѣліемъ передаютъ заботу о землѣ старикамъ, а сами только недѣли на двѣ въ лѣто оставляютъ верстакъ для пашни. — Впрочемъ, землепашество и здѣсь считается выгоднымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ Меленкахъ: «какъ бы земля было вдоволь, кто бы сталъ за верстакъ; и теперь лошадь есть, такъ и ладно: пашни. — Старикъ-то больше пашней возьметъ, нежели нашъ братъ щипцами; «у него пашня пашней, а мастерство мастерствомъ — вѣдь зимой кто и старички садись за слѣсарную работу».

Нужда, малоземельность — вотъ причины, развившія Павловскую промышленность. И если исключить изъ общаго количества работниковъ — такъ называемыхъ фабрикантовъ, т. е. тѣхъ, на которыхъ работаетъ бѣдность, словомъ если исключить тѣхъ, кото-

(1) Въ десятинахъ полторы четверти.

рыхъ народъ зоветъ хозяевами, останется около 20,000 населенія обоого пола, которое въ потъ лица своего, при тяжелой работѣ въ круглый годъ, едва выработываетъ на свое пропитаніе. Бѣдность работниковъ поразительна. Заключение Владимірова воеводы Добрыни о богатствѣ ходившихъ въ сапогахъ Болгаръ не могло бы быть отнесено къ жителямъ Павлова, которые непремѣнно всѣ и всегда «въ сапогахъ»; здѣсь это не составляетъ признака довольства: работаетъ Павловецъ дома босикомъ, сапоги же надѣваетъ отъ только выходя изъ дому, а ему домосвуду рѣдко приходится уходить со двора и почти никогда вонъ изъ села. Сапоги для него дешевле лаптей. Не смотрите и на то, что этотъ работникъ носитъ ситцевую рубаху, а жена его ходитъ въ ситцевомъ сарафанѣ, это не роскошь; нѣтъ, нужда заставила его одѣваться въ ситецъ; у него нѣтъ земли для посѣва льна, у жены его нѣтъ ни гребня, ни ткацкаго стана, она помогаетъ своему мужу: глядитъ ножи, полируетъ ихъ. Двадцатикопѣечный (ассиг.) Ивановскій ситецъ дешевле пестряди и холста, которые для Павловца недоступны. Бѣдный работникъ работаетъ на хозяина изъ его матеріаловъ понедѣльно; каждую субботу бываетъ расчетъ, и онъ получаетъ до 10 р. асс. На это онъ долженъ содержать себя и весь домъ, ибо у него нѣтъ хозяйства: и хлѣбъ, и дрова, и одежда все съ базара. Болезнь или другая какая-либо причина остановки въ работѣ повергаетъ его въ безысходную бѣдность.

Другой разрядъ работниковъ, которые работаютъ на себя или же по заказамъ фабрикантовъ. Имѣя маленькія деньги, онъ покупаетъ свои матеріалы и продаетъ издѣлія по вольной цѣнѣ скупщикамъ на базарахъ, раздаетъ въ долгъ аѣнямъ или сбываетъ богатымъ фабрикантамъ. Въ этомъ разрядѣ рабочаго класса замѣтно довольство; нѣкоторые изъ этого разряда продаютъ свои издѣлія на базарахъ, бывающихъ въ Павловѣ и Вязьмѣ, и сидятъ на мосту на Нижегородской ярмаркѣ. Изъ нихъ одни работаютъ своей семьей, а другіе имѣютъ и работниковъ; разбогатѣвъ въ слѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, такой мастеровой дѣлается фабрикантомъ.

Павловская промышленность существуетъ издавна: еще при Петрѣ Великомъ здѣсь были слѣсарни, которые впоследствии стали дѣлать и ружья, научившись у Туляковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Павловѣ было 270 верстаковъ, и цѣнность выработываемыхъ издѣлій во всемъ слѣсарномъ округѣ доходила до 105,000 руб. асс.; въ истекшей половинѣ XIX ст. особенно развилась эта промышленность. Но не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ она получила

свою самобытность и усовершенствовалась. До того времени лучшие мастера издѣлія свои отправляли преимущественно въ Петербургъ къ Канаплю и др.; тамъ на Павловскія издѣлія клали Англійскія клейма, и онѣ преспокойно сбывались за чужеземныя. Ворсменскій крестьянинъ *Ив. Сем. Завьяловъ* своимъ неутомимымъ усердіемъ достигъ извѣстности и первый не убоился на издѣліяхъ клеймить свое имя Русскими буквами. Своимъ трудолюбіемъ онъ поборолъ самого страшнаго для всякаго Русскаго фабриканта врага: предубѣжденіе, что Русскія руки неспособны сдѣлать вещь подобную иноземной. На выставкахъ Петербургскихъ, Московскихъ, Варшавскихъ и Нижегородскихъ—издѣлія Завьялова заслужили особенное вниманіе, и здѣсь всѣ убѣдились, что Русскія руки могутъ дѣлать хорошія слѣсарныя издѣлія, и тогда-то имя даровитаго мастера-ваго, Завьялова, стало знакомо по всей Русской землѣ.—Требованія на его вещи увеличивались съ каждымъ годомъ, работа кипѣла, и Завьяловъ едва успѣвалъ исполнять многочисленныя заказы для Москвы и Петербурга. Съ легкой руки Завьялова пошли въ ходъ и другіе мастера. *Ив. Калякинъ* изъ Павлова, прежде того работавшій на Канаплю, и *Петръ Горшковъ* изъ Павлова же, получившій первую извѣстность въ 1843 году на Московской выставкѣ, и доведшій свои издѣлія до такой степени совершенства, что имъ едва ли не предется взять первенство предъ всеми подобными Русскими издѣліями. Эти главные мастера, а также и другіе второстепенные держатъ въ рукахъ своихъ Павловскую промышленность, и масса рабочаго класса совершенно зависить отъ нихъ.—Явленіе то же самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ Шуйскихъ и Ивановскихъ.

Фабрика Завьялова находится въ Ворсмя; въ мастерской, находящейся при домѣ, въ которомъ живетъ хозяинъ, находится десять верстаковъ, при которыхъ до 40 рабочихъ, получающихъ жалованья отъ 40 до 150 руб. сер. въ годъ. Кромѣ того фабрикантъ раздаетъ работу и по домамъ, преимущественно односельскимъ рабочимъ. Сталь покупается Англійская въ Петербургъ, Русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмя. Той и другой на сумму 4,500 р. въ годъ. Завьяловъ работаетъ большею частію по заказамъ для Петербурга и Москвы, продаетъ также свои издѣлія на Нижегородской ярмаркѣ. Всего въ годъ онъ продаетъ на сумму до 20 тысячъ серебромъ.

На Нижегородскихъ выставкахъ 1837 и 1849 годовъ издѣлія Завьялова были оценены такъ:

	На 1-й выставкѣ.	На 2-й выставкѣ.
Стол. ножи 1 сорта за дюж. отъ 10 до 170 р. с.	} отъ 8 до 15 р.	}
— — — 2 сорта — — — отъ 7 — 80 р. с.		
Браты..... отъ 4 р. 50 к. до 15 р.	— — — 5 р.	
Перочн. ножи за штуку отъ 70 к. до 8 р. 80 к.	— отъ 50 к. до 1 р. 50 к.	
Ножныцы..... за штуку отъ 37 к. до 4 р. 50 к.	— отъ 70 к. до 1 р. 50 к.	

Изъ сличенія цѣнъ на издѣлія Завьялова, существовавшія на двухъ выставкахъ, черезъ 12 лѣтъ одна послѣ другой бывшихъ, видно, до какой степени понизились цѣны на произведенія этого фабриканта. Но не упадокъ достоинства ихъ былъ тому причиною, напротивъ, въ 12 лѣтъ Завьяловъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Причину пониженія цѣнъ слѣдуетъ приписать: во первыхъ—увеличенію количества выдѣлки вслѣдствіе увеличившейся потребности, во вторыхъ усовершенствованію издѣлій другихъ фабрикантовъ, напр. П. Горшкова и Калякина, которые сдѣлались достойными соперниками Завьялова, въ 1837 году еще не имѣвшаго соперниковъ. Къ тому же цѣнность высшихъ сортовъ издѣлій Завьялова и всѣхъ Павловскихъ мастеровъ зависитъ не столько отъ качества выдѣлки металла, сколько отъ отдѣлки оправы, на которую употребляется разнаго рода матеріалъ отъ оленьяго рога и чернаго или кокосоваго дерева до черепахи, янтара и другихъ дорогихъ матеріаловъ, отъ простой выдѣлки до работы рѣзной и мозаической. На выставкѣ 1849 года Завьяловъ выставилъ 24 экземпляра, которые отличались достоинствомъ стали и чистотою отдѣлки рукоятокъ, которыя были просты, не затѣливы, но удовлетворяли требованіямъ самаго образованнаго вкуса.

Завьяловъ извѣстенъ всѣмъ; за свои издѣлія получалъ онъ много наградъ: право употреблять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ, медали, почетный кафтанъ, почетные отзывы. Но самую высшую наградою его было посѣщеніе его мастерской Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ Августѣ 1837 года. Прѣзжая черезъ Ворсму, Его Императорское Высочество нарочно остановился въ этомъ селѣ, чтобы видѣть фабрику Завьялова и разсмотрѣть въ подробностяхъ ходъ работъ въ ея мастерскихъ. Въ 1845 году Его Императорское Высочество Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, бывши на Нижегородской ярмаркѣ, посѣтилъ лавку Завьялова, въ 1850 году Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ бытность въ Нижнемъ-Новгородѣ, удостоили фабриканта милостивымъ пріемомъ и пожаловали ему драгоценный подарокъ.

Ив. Игн. Калякинъ имѣетъ мастерскую въ Павловѣ. У него 9 верстаковъ; главные работники—онъ самъ и сынъ его—оба ук-

рашенные за свое искусство медалями. Кромѣ постоянныхъ работниковъ онъ имѣетъ у себя много мастеровъ, работающихъ въ селѣ Павловѣ по домамъ. Сталь покупаетъ Англійскую въ Петербургѣ, Русскую — въ Ворснѣ, Горбатовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Имѣя его известно на выставкахъ Петербургскихъ и Московскихъ, издѣлія его не уступаютъ Завьяловскимъ. Но вотъ въ чемъ состоитъ преимущество Калякина предъ этимъ главою Павловскихъ фабрикантовъ. — У насъ на Руси ужъ такое заведеніе мастерской, когда не богатъ, такъ самъ работаетъ, трудится день и ночь, смотритъ за каждымъ мастерскимъ, за всякимъ его приемомъ. Богъ благословитъ его, наживетъ капиталаецъ, разбогатеетъ, и зажилъ себе барниномъ, самъ пересталъ работать, занялся одними коммерческими дѣлами, обзавелся подмастерьями, да хорошо еще, если попалъ на хорошаго подмастерья, а иногда тутъ-то и бѣда. — Завьяловъ до некоторой степени подвергся этой почти неизбежной участи Русскаго челоука. Калякинъ же съ сыномъ, хотя и разбогатѣли, но до сихъ поръ не оставили мастерской, и работа въ ней постоянно идетъ подъ надзоромъ опытнаго глаза хозяйскаго. Другое обстоятельство: у Завьялова цѣль раздѣленія труда, каждый работникъ дѣлаетъ вещь отъ начала до конца, онъ и сталь рѣжетъ, онъ и оттачиваетъ ее и полируетъ, онъ же и рукоятку дѣлаетъ. У Калякина трудъ раздѣленъ, и отъ того работа спорѣе, да и отдыха-то чище.

На Нижегородской выставкѣ 1837 года Калякинъ, еще не получившій большой известности, поставилъ ножи столовые за дюжину отъ 7 до 43 р. сер., перочинные отъ 43 к. до 4 р. 63 коп. На выставкѣ 1849 года отъ него было 110 экземпляровъ ножей столовыхъ, перочинныхъ и садовыхъ, — ножницъ и бритвъ. Издѣліямъ его была назначена цѣна выше Завьяловской. Калякинъ имѣетъ право выставлять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ (1).

Петръ Ив. Горшковъ — третій изъ главнѣйшихъ дѣателей Павловской промышленности, имѣетъ мастерскую въ Павловѣ; въ ней 8 верстаковъ, 4 ручныхъ машины, 2 горна, 110 чарковъ, 700

(1) Цѣнность вещей Калякина: столовые ножи съ ручками слоновой кости 1 N—20 р. за дюжину, то же, N 2 съ ручками чернаго дерева 14 руб., десертные ножи съ перламутровыми ручками N 1 за дюжину 24 руб., то же N 2-й 20 р. Ножи перочинные съ ручкой оленьяго рога двулезвийные 50 к. за штуку, трезлезвийные 75, съ перламутровымъ черенкомъ о 4 лезвіяхъ 1 р. Садовые ножи съ ручкой оленьяго рога по 2 и по 3 р. Ножницы изъ Русской стали 80 к. и 75 к. Ножъ поварской разъемный 2 рубля.

точильныхъ пилъ и до 400 зубрильевъ, шильевъ и долотъ. Горшковъ составилъ себѣ первую извѣстность на Московской выставкѣ 1843 года, потомъ былъ на Варшавской (1845) и на Петербургской 1849, гдѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, удостоился наименованія придворнаго мастера Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны и получилъ право имѣть государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ. Въ томъ же 1849 году онъ выставилъ 172 экземпляра на Нижегородской выставкѣ и получилъ почетный отзывъ. Издѣлія Горшкова превосходны, отдалка его вещей самой высокой работы; жаль, что она не довольно проста, но бросается въ глаза затѣйливыми формами, иногда при отсутствіи вкуса. Сравнительно съ Завьяловскими и Калакинскими издѣліями, издѣлія Горшкова при равномъ достоинствѣ дешевле, а это также не послѣднее достоинство (1).

Замѣчу другихъ мастеровъ Павловскихъ, имѣющихъ большую или меньшую извѣстность. 1) Финеевъ *Воротилонъ*, въ Павловѣ, первый послѣ вышеозначенныхъ какъ по обширности производства (6 верстаковъ), такъ и по достоинству издѣлій. Его издѣлія отличаются дешевизною: есть столовые ножи очень хорошіе съ рукоятками чернаго дерева въ 3 р. за дюжину, пара бритвъ въ 1 р. 50 к. 2) *Николай Баннъ*, приготавлиющій въ Павловѣ однѣ только ножицы всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ. 3) *Ив. Барановъ* имѣющій мастерскую въ Ворсми, дѣлающій ножи, преимущественно перочинные и садовые. 4) *Ст. Бакановъ*, государственный крестьянинъ села Рыбца, нынѣ умершій, замѣчательнъ былъ по отличнымъ перочиннымъ ножамъ, дѣланнымъ по Англійскимъ образцамъ, которые были высланы Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Гаркинскую волость для государственныхъ крестьянъ, занимающихся слѣсарною промышленностью. Бакановъ человекъ былъ небогатый, но смѣшленный и трудолюбивый; умеръ молодъ, а на него можно было надѣяться, что пойдетъ далеко.—5) *Ив. Першинъ*, въ Ворсми; работа его очень чиста, но сталь не на всѣхъ издѣліяхъ одинакова. 6) *Вас. Сачковъ*, государственный крестьянинъ села Мартова, дѣлающій очень хорошіе перочинные ножи. 7) *Алфей Воропаевъ* и 8) *Александръ Воро-*

(1) Цѣнность вещей Горшкова: столовые ножи съ настиковыми и перламутровыми черенками за дюжину 24 р., то же, слововой и наконтовой кости 20 р., то же, съ мраморными черенками 16 р., то же, съ рукоятками чернаго дерева N 1-й—8 р., за N 2-й—6 р., за N 3-й—8 р., за N 4-й—4 р. 50 к., за N 4-й 5 р. 70 к., за N 5-й—5 р. 43 к., за N 6-й—2 р. 88 к., за N 7-й—2 р.

павсы, оба изъ Павлова; у того и другаго производство ножей и замковъ обширное, но еще замѣчательнѣе ихъ 9) третій *Воропавсы* Федоръ, занимающійся исключительно приготовленіемъ замковъ, доставившихъ ему большую известность: они легки и прочны, чисты по отдѣлкѣ и нѣкоторые отличаются затѣйливыми секретами. 10) Трое *Теребинныхъ*, производящіе огромное количество недорогихъ столовыхъ ножей, распродаваемыхъ на Нижегородской ярмаркѣ и Вязниковскими ходобщиками. 11) *Ив. Кридинъ*, въ дер. Мелевкахъ, работаетъ самъ съ тринми сыновьями и двумя работниками щипцы для свѣчей сотъ по пяти въ недѣлю. 12) *Якимъ Мордвиновъ* тамъ же, занимается съ патью работниками тѣмъ же производствомъ (*).

Нельзя сказать, чтобы изъ многочисленныхъ мастеровъ Павлова, Ворсы и др. селеній только одни Завьяловъ, Горшковъ и имъ подобные могли выдѣлывать отличныя издѣлія. Напротивъ, иногда въ бѣдности, въ безысходной нищетѣ скрывается такой работникъ, который не только не уступитъ первостатейному мастеру, но даже превзойдетъ его. Но у него нѣтъ ни денегъ, ни известности, и нужда заставляетъ его кормиться работою на богатыхъ, которые раздаютъ матеріялы изъ выработки. Трудно бѣдняку, продовольствующемуся всею покупнымъ, трудно ему при ограниченной платѣ за трудъ выйдти изъ толпы работниковъ, завести свою самобытную дѣятельность, самому продавать свои издѣлія и стать на ряду съ первостатейными. У него достанетъ и умненья и терпѣнья сдѣлать вещь не хуже той, которая, выходя изъ его же дома въ первоначальной степени отдѣлки, только очищается у богача, гдѣ на нее наложить пышное клеймо съ государственнымъ гербомъ и именемъ известнаго мастера, и тѣмъ возвысить цѣнность въ четыре или пять разъ. — Другой и отдѣлалъ бы свою вещь точно также, и ни одинъ самый опытный глазъ не отыскалъ бы разницы

(*). Кроме этихъ замѣчательны по хорошей работѣ: государственные крестьяне села Рыбина—Ермолевъ и Кириловы, дер. Булатниковой—Рысевы, села Ворсы Рогозинъ, Золянинъ, Ив. Рыбаковъ, Ксеное. Одицовъ, Ае. Панковъ, села Павлова: Спорышевъ и Лапинъ. Все это производители пожеваго товара; изъ замочниковъ замѣчательны Минзевы, Цвѣтовы, Бронниковы, изъ роду которыхъ былъ известный путешественникъ ко святѣмъ мѣстамъ, издавшій описаніе своего странствованія. Замѣтить здѣсь кстати, что во всею слѣсарною округу всѣ крестьяне носятъ фамиліи, не прозяща, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ, но фамиліи наследственныя. Здѣсь есть свои аристократы своего рода, фамильная гордость, для которой основа: хорошее мастерство, капиталъ и владычство въ церкви.

въ его издѣліи съ издѣліемъ знаменитаго фабриканта, но при его скудныхъ доходахъ, гдѣ возьметъ онъ капиталъ, необходимый и на заготовку матеріаловъ и на собственное обезпеченіе? А потомъ, какъ онъ сбудетъ свои издѣлія при недостаткѣ кредита и извѣстности?—Продастъ скупщикамъ на Павловскомъ базарѣ, отдастъ въ долгъ афенянину? Но ни тотъ, ни другой не дастъ ему хорошей цѣны, а афенянину въ долгъ ему и отдать нельзя. Правда, примѣра не бывало, чтобы ходебщикъ не заплатилъ денегъ при разсчетѣ не только съ подобными мелкими промышленниками, но даже по забору на большія суммы, (безъ всякой росписки), у богатыхъ торговцевъ на Нижегородской ярмаркѣ. Но Павловцу не стать имѣть съ нимъ дѣло: разсчетъ далекъ—мѣсяцевъ двѣнадцать, осьмнадцать. Къ тому же Вязниковецъ паровитъ взять вещь «подешевле да посердитый» дай ему вещь съ Англійскими буквами, которая въ захоластьяхъ принесутъ ему нѣсколько лишнихъ процентовъ барыша.—Какая же тутъ извѣстность? И ставить другой на своемъ Русскомъ издѣліи Англійскія буквы часто безъ всякаго смысла, и раскупаются они многими жителями отдаленныхъ мѣстъ, вврующими въ сердечной простотѣ въ чужеземное происхождение Павловскаго товара. Много такихъ вещей съ Англійскими клеймами уходитъ и въ Персію, и, быть можетъ, иной туристъ, увидѣвъ Павловскій перочинный ножикъ, преобразовавшійся въ Персидскую вилку, подумаетъ, что она завезена изъ родной его Британіи, тогда какъ изъ Павлова свезли ее къ Макарію, а здѣсь купилъ ее Армянинъ или Персіанинъ, да и увезъ во владѣніе Шаха.

Говоря о бѣдныхъ рабочихъ, нельзя не упомянуть о *Василь Корытцевѣ* изъ Ворсмы и *Василь Горшковѣ* изъ Павлова. Корытцевъ прежде работалъ въ мастерской Завьялова; онъ бѣденъ, Горшковъ, кажется, еще бѣднѣе. Случились у Корытцева деньжонки, слышалъ онъ о Петербургской выставкѣ 1849 года, и слѣмалъ онъ 8 ножичковъ на показъ міру. На бѣду его какъ-то онъ запоздалъ—ножи не попали на выставку; подумывалъ уже онъ продать ихъ на Нижегородской ярмаркѣ въ разность, какъ вдругъ дошла до него вѣсть о выставкѣ Нижегородской. Выставкой этой распорядился я. Какъ теперь помню Корытцова, подошедшаго ко мнѣ несмѣлой поступью, съ робкимъ видомъ, съ какимъ-то недоувѣріемъ къ себѣ: въ рукахъ у него было восемь ножичковъ. Въ это время столы уже ломились подъ Павловскими издѣліями, великолѣпныя вещи П. Горшкова красовались по срединѣ, на первомъ мѣстѣ стоялъ патріархъ Павловцевъ—Завьяловъ, рядомъ съ нимъ—Калякинъ: пышныя, золотомъ писанныя вывески, государственныя

гербы висели надъ ними, и вниманіе посѣтителей было обращено туда преимущественно; Корытцеву мѣста не доставало. Его вещи однако были приняты, равно какъ и бритвы другаго бѣдняка Вас. Горшкова, тѣ и другія поставлены были на краю линіи металлическихъ издѣлій, у самой двери. Изчезли онѣ въ огромной массѣ слѣсарныхъ вещей, бывшихъ на выставкѣ (до 3,000 экземпля.). При первой свободной минутѣ разсмотрѣлъ я вещи этихъ бѣдняковъ и удивился имъ: и въ отношеніи достоинства стали, и по чистотѣ легкой, изящной, простой и благородной отделки пожи Корытцева далеко превосходили всѣ бывшіе на выставкѣ; бритвы Вас. Горшкова были также превосходны. И что за цѣны: конторскій ножикъ въ отличной перламутровой обдѣлкѣ 1 р. сер., четырехлезвийные перочинные ножи въ черепахѣ и перламутрѣ съ превосходными серебряными наставками 1 р., а обѣ двухъ лезвийхъ 60 к. Теперь полтора года, какъ я однимъ изъ этихъ ножей рѣжу и перья, и карандашъ, и бумагу—и все, что придется, а онѣ все какъ новыя. Бритвы Горшкова были по 1 р., а въ черепаховой оправѣ 5 р. Не доверяя себѣ, я пригласилъ экспертовъ: имъ отдалъ на судъ произведеніе неизвѣстныхъ дотоле мастеровъ. Эксперты единогласно признали ихъ лучшими.— На другой же день мастера были представлены Начальнику губерніи; на ихъ издѣліе обращено было вниманіе публики, и тотчасъ же на издѣліяхъ Корытцева и Горшкова появились билеты съ подписью: «*чроданы*».—Комитетъ выставки сдѣлалъ для нихъ все, что могъ; назначилъ имъ первыя денежныя награды: Корытцеву 30, а Горшкову 25 р. Но что значили эти незначительныя выдачи этимъ «даровитымъ бѣднякамъ»? могли ли онѣ выдвинуть ихъ изъ ряда нищихъ—производителей? Но, благодаря Бога, у насъ на Руси такіе люди не остаются безъ помощи и поощренія. Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ отчета о выставкѣ Нижегородской о достоинствѣ работъ Корытцева и Горшкова, Высочайше повелѣть соизволилъ: «заказать Корытцеву ножей, а Горшкову бритвъ на тысячу рублей, для Его Императорскаго Величества». Въ 1850 году Г. Начальникомъ Нижегородской губерніи чрезъ Министра Финансовъ, приготовленные по сему заказу вещи были представлены Державному Покровителю Русской промышленности. Съ какой наградой можетъ сравниться такая милость Царская для Русскаго человѣка!— О бѣднякахъ заговорили: «ему Самъ Царь заказывалъ ножи, онѣ на Царя работали»—и этихъ словъ слишкомъ достаточно, чтобы доставить бѣдняку кредитъ и извѣстность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Корытцевъ и Горшковъ пойдутъ теперь далеко.

Матеріалы получаютъ Павловцами изъ слѣдующихъ мѣстъ: Англійская сталь изъ Петербурга, Русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмѣ, Сахариныхъ въ Горбатовѣ и съ заводовъ Нижегородскихъ. На этихъ заводахъ сталь куютъ изъ желѣза Демидовскаго и Юрузанскаго, а также и Катаевскаго. Въ Ворсмѣ выковывается до 7,660 пудъ, въ Горбатовѣ до 4,500 ежегодно. Заводъ Боронина самый старинный въ Нижегородской губерніи, но его сталь ярка и уступаетъ стали Нижегородской, которая, и особенно Рукавишника и Пятова, отличнаго достоинства: въ полировку чиста, въ изломѣ мелка, равна, безъ раковистыхъ зеренъ и безъ пленокъ.— Польское серебро, мѣдь, черепаха, перламутръ, слоновая и мамонтова кость, олений и простой рогъ, дерево черное и кокосовое, наждакъ закупаются Павловцами на Нижегородской ярмаркѣ, всего для Павлова, Ворсмы и другихъ мѣстъ на сумму 32,000 р. сер. Угли привозятъ въ Павлово изъ-подъ Горбатова и изъ Владимірской губерніи, а въ другія мѣстности, напр. въ Ворсму, Золино и пр. изъ лѣсныхъ дачъ Графа Шереметева, Горбатовскаго уѣзда, Хвощевской и Панинской вотчинъ; почти половина потребнаго горючаго матеріала поступаетъ отсюда. Въ Ворсму угли привозятъ по зимамъ и Мордва Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда. Въ сложности угли обходятся отъ 15 до 20 к. за четверть, а дрова по 2 р. 15 к. за однополѣнную сажень. Дровъ, кромѣ получаемыхъ изъ Шереметевскихъ дачъ, для одной Ворсмы покупается до 2,000 сажень, на сумму до 4,300 р.; углей же покупныхъ до 36,000 четвертей, на сумму до 6300 р. сер. Политуру многіе мастеровые, напр. Калякинъ, готовятъ сами изъ окисла желѣза, которое отпадаетъ во времяковки; его растираютъ въ порошокъ, простѣваютъ, обливаютъ сврной кислотой, потомъ прокалываютъ, и политура готова.

Въ Павловѣ и Ворсмѣ выдѣлывается разнаго рода ножевыи товаръ, ножницы, кинжалы и шпаги. Оружіе здѣшнее, однако, далеко уступаетъ Тульскому. Въ Павловѣ дѣлаютъ также вѣсовыя коромысла; изъ заводчиковъ этого рода особенно замѣчательнъ *Бабыринъ*, котораго вѣсы съ опущеннымъ внизъ указателемъ, на Нижегородской выставкѣ 1849 года обращали на себя вниманіе, хотя и стояли рядомъ съ вѣсами Семеновскаго уѣзда и вѣсами знаменитаго Вѣсовщикова, Нижегородскаго цеховаго, котораго издѣлія считаются первыми въ своемъ родѣ и которыя заслужили золотую медаль. Кромѣ того въ Павловѣ работаютъ молотки, щипцы сахарныя и свѣчныя, щетки для суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ, замки и пр. Работаютъ также сундуковъ тысячъ по шести и болѣе, и сбываютъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ Бухарцамъ и Армянамъ.

По деревнямъ занимаются выдѣлкою того или другаго издѣлія исключительно. Такъ напр. въ Меленкахъ работаютъ только свѣчные щипцы и замки. Въ Завалищахъ, Золинѣ, Заплатинѣ, Крюковѣ, Богдановѣ исключительно одни значки, равно какъ и въ Панинѣ, гдѣ впрочемъ всего только два слѣсарныхъ заведенія. Въ Вязовкѣ—одни ножницы, въ Таринскомѣ—ножи и замки, въ Миртовыхъ селѣ и деревнѣ, Хрѣновѣ, Тумбожинѣ, Долотковѣ, Булатниковѣ, Рыбинѣ, Давыдовѣ, Козловкѣ, Шульгинѣ и Щербининѣ—одни ножи, въ остальныхъ селеніяхъ ножи и ножницы. Въ селѣ Сосновскомѣ, не входящемъ, впрочемъ, въ составъ Павловскаго округа, но находящемся неподалеку отъ него, есть также замочники, и кромѣ того дѣлаютъ тамъ глухари (звонки для лошадей).

Кромѣ того въ Ворсмы находится 200 кузницъ для *чернодѣльной работы*. Работа здѣсь непрерывная: дѣлаютъ топоры, крестьянскіе ножи и множество ножницъ для стрижки овецъ. Для точенія топоровъ, мотыгъ, долотъ и лопатъ на этихъ кузницахъ находится двадцать колесъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, и болѣе 80 точильныхъ колесъ для точенія ножей; эти приводятся въ движеніе руками работниковъ.

Выдѣлывается разнаго рода издѣлій Павловскихъ: въ Ворсмы на 53,000 р., въ Павловѣ на 37,000, въ другихъ селеніяхъ на 25,000; всего на 115,000 р. сер.

Цѣнность нѣкоторыхъ вещей удивительно низка: такъ работники дер. Меленокъ продаютъ въ Павловѣ свои щипцы по гривеннику и менѣе, а щипцы съ пружинами за двугривенный. Есть ножи столовые по 1 р. за дюжину, перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ за дюжину 20 к. сер. Эти-то ножи отправляются на Востокъ.

Сбываютъ свои произведенія скупщикамъ, которые берутъ товаръ на базарахъ Павлова и Ворсмы; огромные транспорты, по Окѣ, отвозятся ежегодно на Нижегородскую ярмарку, гдѣ на мосту и въ особыхъ желѣзныхъ радахъ вы можете увидать огромнѣйшій запасъ Павловскихъ издѣлій. Фабриканты продаютъ высшія сорты въ Москвѣ и въ Петербургѣ; мало вещей раскупается на ярмаркѣ Ростовской и въ Малороссіи; Вязниковскіе афени развозятъ Павловскія вещи повсюду; чернодѣльная работа Ворсмы идетъ на Нижегородскую ярмарку; ножницы для стрижки овецъ въ огромномъ количествѣ отправляются въ южныя губерніи.

Такова Павловская промышленность, столь замѣчательная по своему развитію и оборотамъ. Не упоминаю здѣсь о другихъ вѣтвяхъ промышленности Павловской: мыловареніи, свѣчномъ производствѣ и пр. Говоря объ этихъ предметахъ, я вышелъ бы за

предѣлы Павлова.—Современемъ поговорю и объ этомъ предметѣ въ общей связи съ сальною промышленностію Нижегородскаго края, теперь же ограничусь краткимъ описаніемъ селъ Павлова и Ворсмы—какъ главныхъ мѣстъ такъ называемаго Павловскаго производства.

Павлово не смотритъ селомъ; это городъ и городъ не рядовой. По высокому, чрезвычайно красивому берегу Оки расположены узкія кривыя улицы, мѣстами мощенныя деревьями; девять цервей, которыя можно назвать великолѣпными, красуются по горѣ; тридцать обширныхъ каменныхъ домовъ, тысяча деревянныхъ городской постройки, усады, обнесеныя досчатыми заборами, кипучая дѣятельность, многолюдные базары, пристань, все это придаетъ Павлову видъ одного изъ хорошихъ уѣздныхъ городовъ. Народъ здѣсь красивъ, и хотя и бѣденъ, но щеголеватъ; за то здѣсь же рядомъ съ бѣдностью живутъ такіе богачи, какіе и въ городахъ на рѣдкость; отсюда, напр. вышелъ въ купцы Акифьевъ, живущій теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ, владѣтель нѣсколькихъ милліоновъ. Много жителей средней руки—очень зажиточныхъ. Все они особенно отличаются набожностію, приверженностію къ Св. церкви и дѣлаютъ значительныя вклады въ храмы Господни. Покойный Преосвященный Іаковъ не могъ равнодушно говорить о Павловцахъ и ихъ усердію къ вѣрѣ. Въ двухъ церквахъ села Павлова сохраняются пастырскія письма этого святителя, такъ рано погибшаго для церкви и для науки.— Въ этихъ письмахъ Преосвященный Архіепископъ высказываетъ тѣ чувства, которыми былъ онъ проникнутъ при видѣ Павловцевъ въ храмахъ Господнихъ.— Здѣсь нѣтъ ни одного раскольника, бывшіе прежде обратились къ единствѣннѣ и построили двѣ каменныя церкви, изъ которыхъ одну можно назвать тоже великолѣпною. Въ ней чрезвычайно богата ризница, особенно замѣчательно одѣяніе на престолѣ, сдѣланное изъ Мюнхенской шелковой матеріи. Оно было, говорятъ, заказано для облаченія на престолѣ Успенскаго Московскаго Собора, ко дню коронаванія Императора Павла I, но присылка его въ Россію почему-то запоздала, и потому куплено было оно Павловцами. Замѣчательны ризницами церкви Соборная, въ которой риза на старинной иконѣ Смоленской Богородицы цѣнится въ 3,000 р. сер.; Евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ всѣмъ пудъ тридцать два фунта; дарохранительница серебряная вызолоченная въ 26 ф.; ризы на иконахъ серебряныя по 20 и 26 фунтовъ; колоколъ въ 1,000 пудъ; высокой работы плащаница; ризы бархатныя, шитыя золотомъ, газетовыя, дорожорывыя. Одинъ Акифьевъ въ эту церковь пожертвовалъ

ризы на сто тысяч.— Въ Никольской церкви множество ризъ бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, низанныхъ жемчугомъ, елейная лампада изъ чистаго золота, риза на иконѣ Смоленской Богоматери, низанная крупнымъ жемчугомъ, котораго болѣе полутора фунта. Въ Воскресенской церкви на иконѣ Казанской Богородицы 32,549 жемчужинъ и 42 брилліанта; на Смоленской Богородицѣ риза изъ 11 ф. серебра съ 22,323 жемчужинами. Во всѣхъ церквахъ чугунныя полы, золоченыя рѣзные иконостасы. А прихожанъ немного, такъ напр. при Вознесенской церкви только 660 человекъ.

Изъ стариннаго въ Павловѣ замѣчу: Троицкій соборъ, строенный въ 1653 г. и прекрасно сохранившійся; подъ нимъ подвалъ, въ которомъ многіе еще помнятъ; какъ сохранились луки, стрѣлы, копья и сулицы. Это оружіе древняго Павлова-Острога мальчишки растаскали. Замѣчательная въ соборѣ икона—семейный образъ князя Якова Куденстовича Черкаскаго, храмоздателя: онъ изображаетъ Якова Персянина и преподобныхъ Евдокію и Дарію. Царскія двери лѣваго (Пятницкаго) притвора, обложенныя золоченымъ серебромъ, писаны изографомъ Дорофеевымъ, который писалъ въ половинѣ XVII ст. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; храмозданный каменный крестъ 1653 года; запрестольный крестъ XVII ст., обитый золоченою мѣдью, антимисъ, освѣщенный въ 1663 г. Изъ писцовыхъ книгъ видно, что были здѣсь вклады царя Михаила, но они утрачены. Никольская церковь—строенье 1682 года; въ Воскресенской церкви, оставшейся послѣ упраздненнаго мужскаго монастыря, напрестольный крестъ 1705 г. съ надписью: икона Казанской Богоматери, списокъ современный съ явленія.

Соборъ стоитъ на особой горѣ, которая зовется *Острожною*; кое гдѣ сохранились остатки вала, неподалеку одна улица—*Острожная*, другая *Стрѣлецкая*. Часть села отъ собора за р. Таркой называется *Слободою*.

Ворсма въ 12 верстахъ отъ Павлова на большой дорогѣ, послѣ построения Московско-Нижегородскаго шоссе, называющійся «старою Московскою». Оно расположено по косогору надъ рѣкой Кишмой и широкимъ прекраснымъ озеромъ, разлившимъ свои воды, посреди которыхъ какъ бы изъ озера выходятъ бѣлыя стѣны и зданіе монастыря Островоезерскаго. Ворсма не такъ красива, какъ Павлово, но также, какъ и оно, имѣетъ городской видъ: улицы широки и прямы, усады обнесены досчатыми заборами, красивыя церкви, сады, при красивыхъ домахъ, и къ тому же кипучая промышленность, вѣчное движеніе.— Церкви также довольно

богаты, жители набожны, и здѣсь нѣтъ раскольниковъ, которые все обращены къ единовѣрью и построили въ Ворсми каменную церковь.

П. Мельниковъ.

Макарьевъ на Волгѣ.

П И С Ъ М О.

къ Редактору изъ Шуи.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ имѣю честь представить вамъ три подлинныя письма, известныхъ въ историческомъ мѣрѣ особъ. Два изъ нихъ Графа Петра Ивановича Шувалова, писанныя къ Ярославскому воеводѣ Шубину, а послѣднее Графа Михаила Михайловича Сперанскаго—къ зятю его, протоіерею села Черкутина, М. О. Третьякову. Жалѣю, что другое письмо Графа, къ его же зятю, бывшее у меня въ рукахъ, не могло попасть ко мнѣ. Оно было писано въ достопамятный 1812 годъ, изъ Нижняго-Новгорода, вѣроятно въ то время, когда Французы, занявши Москву, покушались приблизиться съ однимъ изъ своихъ отрядовъ къ г. Покрову. Между тѣмъ слухи о приближеніи дошли и до Черкутина, которое находится недалеко отъ Покрова; а какъ, по Русской пословицѣ: у страха глаза велики, то Протоіерей О. Третьяковъ, опасаясь незваныхъ гостей, рѣшился удалиться изъ своего села и отъ своей паствы, и испрашивалъ на то совета Михаила Михайловича. Отвѣтомъ на это былъ советъ — лучше оставаться въ селѣ, и между прочимъ прибавлены слова Св. Писанія: что же будетъ стадо, немущее пастыря, и пастырь, оставившій своихъ овецъ? Такія черты души Сперанскаго истинно драгоценны для Русскаго сердца.

Доставляя вамъ письма, предлагаю еще нѣсколько краткихъ моихъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ, показавшихся на мои глаза нѣсколько интересными. Если замѣтки эти покажутся для васъ стоящими вниманія, то не откажите дать имъ мѣстечко въ вашемъ Москвитянинѣ. Не упоминаю вамъ о настоящихъ археологическихъ поискахъ и раскопкахъ въ г. Суздаль: они вамъ известны лучше моего. Прошедшимъ лѣтомъ привелось мнѣ быть въ селѣ Лучкино, отстоящемъ отъ Шуи въ 32 верстахъ, по направленію къ г. Коврову. Село это, въ старину, принадлежало, какъ видно изъ моихъ бумагъ, Спасо-Евѣиміеву Суздальскому монастырю; близъ коего, между запаханными хлѣбомъ полями, находится старинное кладбище, окопанное небольшимъ валомъ и известное у мѣстныхъ.

крестьянъ подъ именемъ *Княжескаго*. Изъ выкапываемыхъ тутъ надгробныхъ, древней формы, памятниковъ, сильно попорченныхъ временемъ или неискусными руками крестьянъ, замѣченъ мною одинъ камень съ слѣдующимъ остаткомъ надписи: «Князь... во иноцѣхъ...» Какіе же положены были тутъ князья, я не могъ догадаться. Если бы порыться, покопать, то, можетъ быть, нашлись бы камни и съ неповрежденными надписями. Удивительно, что усыпальница эта не при церкви, или не подъ церковью села, потому что, особенно въ старину, значительныхъ лицъ погребали болѣе подъ церквами, или близъ нихъ, въ особыхъ зданіяхъ извѣстныхъ подъ названіемъ *усыпальницъ*, напримѣръ въ слободѣ Мстерѣ (Вязниковскаго уезда) погребены подъ церковью тѣла Князей Ромодановскихъ; въ селѣ Тейковѣ (Шуйскаго уезда) погребенъ родъ Князей Прозоровскихъ; въ Ковровѣ, въ особомъ зданіи близъ собора, погребенъ родъ Князей Ковровыхъ.

Прошедшаго 1850 года, въ 21 N Москвитянина, въ статьѣ Г. Мельникова—о смутномъ времени 1612 года было сказано: «А въ начальники кому идти подъ Москву, выбрали (Нижегородцы) Стольщика Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который былъ въ то время въ своей вотчинѣ, въ Суздальскомъ уездѣ; но не въ Пурехѣ, который, между прочимъ, тогда не принадлежалъ Пожарскому, а пожалованъ былъ ему Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ». Я, съ своей стороны, полагаю—не въ Пурехѣ, не въ Ландехахъ Нижнемъ и Верхнемъ, и не въ Мыту, какъ нѣкоторые предполагаютъ, потому что эти волости и села тоже пожалованы Пожарскому Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а вѣроятно всего К. Пожарскій тогда находился въ своей родовой вотчинѣ Мугреевской, ⁽¹⁾ находящейся (нынѣ Вязниковскаго уезда) при рѣкѣ Лукѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго Ландеха и Мыта, внизъ по р. Луху, и въ 40 верстахъ отъ Пуреха. Мугреевская вотчина извѣстна и до сихъ поръ; она состоитъ изъ трехъ селъ: Мугреева-Никольскаго, Мугреева-Дмитревскаго и Мугреева-Лукина съ деревнями. Села эти расположены между собою на пространствѣ пяти верстъ.

Означеніи мѣщанъ у насъ встрѣчаются разныя мнѣнія. Мнѣ попался въ руки подлинный актъ, который это слово довольно объясняетъ. Вотъ слова сего акта: «Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи-Самодержцу, бѣеть челомъ и являетъ холопъ твой *мѣщанинъ* Дорофейко Кузьминъ, смѣль Угримовъ, на Суздальца, на Никиту Иванова, сына

(1) *Акты Историч. Археограф. Комм.*, томъ II, N 87.

Карпова. Въ нынѣшнемъ, Государь, 165 году Маія въ 25 день, побхалъ я, холопъ твой, на твою Государеву на службу, и захалъ я ко церкви, престолу Преображенья Господа Бога Нашего—помолитца и съ родителю проставца, и припелъ ко мнѣ тотъ Никита Ивановъ, сынъ Карповъ, съ людьми своими и со крестьяны своими, учалъ меня бить и грабить, и людешекъ моихъ билъ и грабилъ, и грабежу Государь съ меня сваялъ и съ людешекъ съ моихъ тотъ Никита Ивановъ сынъ Карповъ съ людьми своими и со крестьяны денегъ и збруи служивыя, пистолей, и сабель, и платья, и седель, на сто рублевъ съ полтиною, и впредь онъ, Никита Ивановъ, сынъ Карповъ, съ людьми своими и со крестьяны на меня холопа твоего и на людешекъ моихъ похвалитца убійствомъ смертнымъ и пожегомъ и иными дѣлами лихими. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня холопа своего, вели Государь мое челобитье и явку записать Царь. Государь смилуйся, пожалуй.»— На оборотѣ челобитной написано: «165-го (1657) года, Іюня въ 9-й день подалъ явку *мѣщанинъ* Дорожей Кузьминъ, сынъ Угримовъ (въ Шуѣ), земскому старостѣ Григорью Игнатьеву сыну, съ товарищи». Подобный же актъ у меня былъ и другой, но на этотъ разъ я не могъ его отыскать. Официально слово *мѣщанинъ*, кажется, въ первый разъ употреблено было въ Регламентѣ Петра Великаго. Можно думать, что слово это перешло къ намъ въ Россію изъ Польши.

Я нашелъ также нѣкоторыя древнія извѣстія о Шуѣ; какъ-то: о воеводахъ, иконописцахъ, богадѣленной избѣ, которыя не попали въ мою книгу (Описание Шуи). «1703 года, Октября 15 дня, по указу Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по памяти изъ ратуши, за приписью бурмистра Курдюмова, Шуйскіе земскіе бурмистры Борисъ Ламановъ съ товарищи съ Шуи, съ посаду, выслали къ Москвѣ къ Государеву двору рыщика, да четырехъ человекъ *иконниковъ*.»— Льта 7178 (1670) года (слова акта) Шуйскій земскій староста Лука Андреевъ съ земскими цѣловальники Московскихъ стрельцовъ головъ Василью Трегубову показали, что «въ Шуѣ на посадѣ бѣглыхъ солдатъ нѣтъ, а живеть-де у нихъ на посадѣ старый солдатъ охочихъ людей Ивашко Семеновъ, сынъ Щеголевъ, а живеть-де онъ въ мірской богадѣленной избѣ». *В. Борисовъ*

Іюня 30, 1881 г.

Изъ Петербурга.

Извлекаемъ некоторыя данныя изъ отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1850 г.—Университетовъ, лицеевъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ находилось 10; дворянскихъ институтовъ, гимназій и равностепенныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеній 71; уездныхъ училищъ 457; приходскихъ, волостныхъ и начальныхъ 2,418; частныхъ заведеній 734; всего 3,710. Учащихся въ нихъ: въ высшихъ слишкомъ $3\frac{1}{2}$ т., въ среднихъ болѣе 23 т., въ низшихъ и частныхъ болѣе 173 т., всего около 200 т. челов. (болѣе противъ 1849 г. почти 5 т.). Кромѣ того, Еврейскихъ училищъ въ Имперіи считалось слишкомъ 3 т., болѣе нежели съ 33 т. учащихся. — Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено болѣе 1,000 чел.—Публичныхъ библиотекъ въ губернскихъ и некоторыхъ уездныхъ городахъ считалось 48; изъ нихъ наибольшее число книгъ находилось въ Тамбовской библиотекѣ (слишкомъ 13 т.), наименьшее въ Орловской (Вятск. губ.) (до 500); въ Карамзинской Симбирской библиотекѣ было до 4,700 томовъ. — Ученыхъ и литературныхъ обществъ въ вѣдѣніи Министерства состояло 15; пять изъ нихъ получаютъ пособіе отъ правительства. — Сложность вышедшихъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году оригинальныхъ сочиненій простирается до 663, переводныхъ до 33. Первые заключаютъ въ себѣ, взятая въ одномъ экземплярѣ, болѣе 6,400 листовъ, вторыя до 400. Периодическихъ изданій выходило съ разрѣшенія цензуры 56; они составляли около 5,800 л. Общій итогъ печатныхъ листовъ въ книгахъ и периодическихъ изданіяхъ, взятыхъ въ одномъ экземплярѣ, простирается до 12,600. (Противъ 1849 г. число книгъ уменьшилось почти 170-ю, а объемъ до 1,400 л.) Иностранныхъ книгъ ввезено въ Россію болѣе 640 т. томовъ (болѣе противъ предшествовавшаго года почти 77-ю т.), да въ Царство Польское слишкомъ 58 т. — Въ отчетѣ за 1849 г. было упомянуто о назначенномъ умершимъ Д. С. С. Ивановымъ, по духовному завѣщанію, въ распоряженіе Академіи Наукъ капиталъ въ 5 т. р. с. По представленію Г. Министра послѣдовало Высочайшее соизволеніе: согласно желанію завѣщателя, означенный капиталъ внести въ Опекунскій Совѣтъ для приращенія процентами, и когда онъ возрастеть до 40 т. р. с., предоставить Академіи Наукъ отдѣлить 10 т. р., для употребленія изъ нихъ 7 т. въ награду за лучшее

сочиненіе «О премудрости и неспостижимости Творца вселенной», а остальные на напечатаніе онаго; затѣмъ 30 т. р. обратить въ неприкосновенный капиталъ, со впесеніемъ въ одно изъ кредитныхъ учрежденій, и получаемые чрезъ каждыя 50 лѣтъ проценты употреблять, по усмотрѣнію Академіи, въ награду за сочиненіе по части нравственной и физической. — Государю Императору благоугодно было соизволить на безденежный отпускъ изъ Спб Монетнаго двора до 500 пудовъ мѣди для сооружаемаго Крылову памятника, модель коего составляетъ Барономъ Кютомъ. Памятникъ этотъ будетъ поставленъ въ Лѣтнемъ саду, на площадкѣ предъ кофейнымъ домомъ. — Въ концѣ 1842 г. Высочайше разрѣшено было Академику Устрялову, предпринимающему написать Исторію царствованія Петра Великаго, рассмотреть въ государственныхъ архивахъ нашихъ подлинныя дѣла и бумаги времени преобразователя Россіи. Въ послѣдствіи времени дозволено этому ученому отправиться въ Вѣну для пополненія собранныхъ матеріаловъ выпискамъ изъ тамошняго таиннаго государственнаго архива. Наконецъ, въ прошломъ году Академикъ Устряловъ посѣтилъ Москву и губерніи Южной Россіи, для изслѣдованія въ тамошнихъ архивахъ историческихъ матеріаловъ и для обзоренія мѣстъ, ознаменованныхъ подвидами Петра. Въ Московскомъ архивѣ, гдѣ хранится необъятное множество документовъ для исторіи царствованія Петра Великаго, онъ нашелъ любопытныя свѣдѣнія о Гетманахъ: Самойловичѣ, Мазепѣ, Скоропадскомъ и Полковникѣ Полуботкѣ; но самое главное пріобрѣтеніе заключается въ сѣятѣ имъ списокъ съ подлиннаго розыскаго дѣла по доносу Кочубея и Искры на Мазепу. Сверхъ того, онъ сдѣлалъ множество выписокъ изъ огромнаго собранія бумагъ Князя Меншикова, въ которыхъ, какъ Царь, такъ и любимецъ его являются въ истинномъ свѣтѣ. Въ актахъ времени Петра В., хранящихся въ Воронежѣ, есть нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о строеніи на тамошней верфи военныхъ судовъ и о бывшихъ на рѣкѣ Воронежѣ корабельныхъ экзерциціяхъ. (Въ этомъ же архивѣ оказалось значительное собраніе подлинныхъ рескриптовъ Императрицы Екатерины II, въ томъ числѣ нѣсколько собственноручныхъ, къ Воронежскимъ воеводамъ и намѣстникамъ.) Изъ Воронежа Академикъ Устряловъ отправился въ Полтаву для изученія мѣстности, которое послужитъ немалымъ пособіемъ къ вѣрному описанію совершавшейся тамъ битвы. Обзорѣвъ южныя степи, гдѣ болѣе 250 лѣтъ мы боролись съ Крымскими Татарами, и развалины столь страшныхъ для насъ въ прежнее время Перекопскихъ укрѣпленій, Устряловъ посѣтилъ и Кіевъ, но не нашелъ

здесь другихъ матеріаловъ для Исторіи Петра, кроме известныхъ уже по сочиненіямъ Митрополита Евгенія. (1)

Займствуемъ также главныя данныя изъ отчета Почтоваго Управленія за 1850 годъ. Почтовые сборы, произведенные въ 1849 г., составили слишкомъ 4 милл. 190 т. р. с. На содержаніе всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства употреблено болѣе 9 милл. 450 т., платежъ прогонимыхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ составилъ болѣе 1 м. 270 т., и иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію слишкомъ 130 т. За исключеніемъ этихъ расходовъ, очистилось почтоваго дохода около 1 м. 330 т. р. с. Сборъ въ столичныхъ почтамтахъ составилъ болѣе $\frac{1}{4}$ почтоваго дохода (19% изъ Спб. губ. и около 11% изъ Московской). Количество частныхъ отправленій было: писемъ простыхъ до 9 милл. 625 т., денежныхъ до 1 м. 285 т., страховыхъ до 825 т., посылокъ до 267 т., всего около 12 миллионновъ. Казенныя отправленія произведены были въ числѣ почти $16\frac{1}{2}$ милл. пакетовъ простыхъ, денежныхъ и посылокъ. Самые большія цифры по отправленію корреспонденціи представляютъ, кроме столицъ, губерніи: Лифляндская, Кіевская, Ярославская, Тверская, Новгородская и Одесса; самыя меньшія: Олонецкая, Архангельская и Астраханская. Подано было къ отправленію капиталовъ казенныхъ и частныхъ слишкомъ 414 милл. 340 т. (казенныхъ почти на 206 м. 550 т., частныхъ слишкомъ на 207 м. 790 т.) (Суммы, пересданныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, представляющихъ капиталы, въ это исчисленіе не входятъ, посылаясь чрезъ почту какъ документы.) Казенныхъ посылокъ, съ которыхъ, по объявленной имъ цѣнѣ, были заплачены страховыя, отправлено съ небольшимъ на 40 т., а частныхъ слишкомъ на 6 милл. р. с. Вообще надобно замѣтить, что въ первое десятилетіе, съ 1829 по 1839 г., денежныя пересылки умножились на 73 милл., въ последнее же десятилетіе на 176 милл.—Въ первые шесть мѣсяцевъ 1850 г. поступило почтоваго сбора болѣе 2 милл. 160 т. р. с. На почты подано было къ отправленію частныхъ писемъ и посылокъ болѣе $6\frac{1}{2}$ милл., казенныхъ 7 милл. 615 т.— По особенной значительности столичныхъ почтамтовъ представляется обзоръ ихъ дѣйствій за весь 1850 годъ:

(1) Изъ отчета Академіи Наукъ узнаемъ, что Г. Устряловъ уже окончилъ два тома Исторіи Петра, въ которыхъ событія доведены до большой Сѣверной войны; но къ началу ея онъ предполагаетъ приступить не прежде, какъ по окончаніи всего сочиненія, которое должно составить 40 томовъ. Отрывокъ изъ перваго тома былъ напечатанъ въ Ж. М. II. II.: «Лесортъ и потѣхи Петра В. до 1689 года».

	С. Петербургскаго.	Московскаго.
Доходовъ поступило.....	772,000	452,000
Капиталовъ и посылкокъ получено и отправлено на сушу.....	201,220,000	78,705,000
Получено и отправлено писемъ и посылкокъ.....	6,000,000	5,000,000
По городской почтѣ.....	1,288,000	241,000 (†).

Упомянувъ въ предпроедшей книгѣ о юбилей Н. М. Лонгинова, считаемъ умвственнымъ сказать здѣсь о состояніи одного изъ благодѣтельныхъ учрежденій, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, именно *Дѣтскихъ Приютовъ*. Не смотря на недавнее существованіе ихъ въ нашемъ отечествѣ, великая польза, приносимая ими, оцѣнена всеми сословіями, и сочувствіе къ нимъ выражается болѣе или менѣе повсемѣстными пожертвованіями, въ числѣ которыхъ найдете и щедрое даваніе жертвующаго отъ своихъ избытковъ, и скромное, но безцѣнное по чувству жертвователя, приношеніе отставнаго солдата.... Изъ отчета Комитета Главнаго Попечительства Дѣтскихъ Приютовъ узнаемъ, что къ началу 1850 года число приютовъ въ Россіи простиралось до 71. Кромѣ столицъ, они находились слишкомъ въ 40 городахъ, именно: въ Вильнѣ, Архангельскѣ, Кіевѣ, Астрахани (по 2), Казани (3, въ томъ числѣ одинъ мусульманскій), Туль, Екатеринославѣ, Ростовѣ (Екатеринослав. губ.), Минскѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Старобельскѣ, Саратовѣ, Вологдѣ, Владимирѣ, Гавриловѣ (посадъ Суздальску. Владим. г.), Томскѣ, Псковѣ, Полтавѣ, Витебскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязни, Пензѣ, Кишиневѣ, Твери, Смоленскѣ, Ярославлѣ, Могилевѣ, Одессѣ, Калугѣ, Костромѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Ковно, Красноярскѣ, Уфѣ и Петрозаводскѣ (по 1). Въ С. Петербургѣ находилось 16 приютовъ (и по 1 въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и Павловскѣ), въ Москвѣ 9. Число дѣтей, посѣщавшихъ эти приюты, простиралось до 7,360. Въ 1850 году открыты были приюты въ Перми и Новочеркасскѣ. Кромѣ того, въ Пермской же губерніи существуютъ, съ 1849 г., три приюта въ имѣніяхъ владѣтельницы Нижнетагильскихъ заводовъ, Г-жи Карамзиной, которая учредила ихъ на собственный счетъ, для призрѣнія дѣтей обоаго пола. Равнымъ образомъ положено основаніе къ устройству приютовъ въ городахъ Верхотурьи и Кунгурѣ, той же губерніи. Принаты мѣры къ ско-

(†) Значительный перевѣсъ въ Сиб. происходитъ отъ разсылки по городской почтѣ періодическихъ изданій (болѣе 858 т. экз.); въ Москвѣ же эта разсылка не существуетъ. Число пересланныхъ писемъ по г. п. въ Петербургъ болѣе Москвы почти на 190 т., а визитныхъ билетовъ только 5-мя т.

рому открытію приюта въ Иркутскѣ, для чего тамошнее попечительство имѣетъ, уже достаточныя средства. Попечительства съ цѣлію устройства приютовъ открылись въ Орлѣ и Симферополѣ; а въ Гроднѣ, Новгородѣ, Динабургѣ, Симбирскѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ и Тобольскѣ сосредоточены, для этой же цѣли, нѣкоторыя денежныя средства. По одному новому приюту, кромѣ существующихъ, предполагается устроить въ Твери и Смоленскѣ. Владимірское попечительство считаетъ возможнымъ приступить, въ непродолжительномъ времени, къ учрежденію, по примѣру приюта въ посадь Гаврилковскомъ, подобныхъ же приютовъ по губерніи, въ чемъ ощущается сильная потребность по промышленнымъ городамъ и селамъ ѳной, гдѣ при множествѣ мастеровыхъ и фабричныхъ дѣти ихъ остаются безъ надзора. Таковы: Шуя, Александровъ, Переяславль, села: Иваново, Тейково; Васильевское, Лежнево, и также горныя, металлическія и хрустальныя заводы Меленковского, Покровскаго и Судогодскаго уѣздѣвъ. Дай Богъ, чтобы всѣ эти предположенія осуществились въ самомъ скоромъ времени, и дали бы право еще болѣе радоваться утѣшительнымъ проявленіямъ общаго сочувствія къ безпомощному дѣтству, обнаруживаемаго во всѣхъ краяхъ нашего отечества. Это сочувствіе доказывается тѣмъ, что денежныя средства приютовъ, состоящія главнѣйше изъ пожертвованій, не оскудѣваютъ: въ 1849 г. въ попечительства поступило всего до 308 т. р. с., такъ что, за исключеніемъ расходовъ въ продолженіе этого года (болѣе 233½ т.), къ началу слѣдующаго оставалось суммы, принадлежащей приютамъ, слишкомъ 520 т. р. с. Кромѣ того, приюты имѣютъ собственныхъ домовъ 34. Такова вѣщная часть. Что касается до внутренней, т. е. попеченія о прирвнн дѣтей, то, кажется, нѣтъ нужды говорить, что она болѣе нежели удовлетворительна. Заменяя въ нѣкоторомъ отношеніи для малютокъ семейство, приютъ заботится объ нихъ съ нѣжностію и предусмотрительностію истинно родительскою....

23 Іюня, въ Педагогическомъ Институтѣ происходитъ шестой выпускъ студентовъ, окончившихъ курсъ ученія. Изъ трудовъ студентовъ десять сочиненій признаны достойными напечатанія. Съ особеннымъ удовольствіемъ назовемъ изъ нихъ тѣ, которыя относятся къ Русской Исторіи: Воцареніе Михаила Теодоровича, описанное по современнымъ источникамъ, П. Лаврова; Завоеваніе Рюгена Вольдемаромъ Датскимъ; О Реймскомъ Евангеліи, и Русскія былинныя о пиряхъ Владимира и богатыряхъ его времени, его же; Исландскія саги, К. Ленстрема.

П. В. Голубковъ, которому Русская наука обязана уже мно-

гимн приношеніями, представилъ въ Археологическое Общество слишкомъ 3 т. р. с. на изданіе одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной словесности: «Сказанія о Св. Борись и Глѣбѣ», съ современными рисунками.

Прошедшій мѣсяць вообще не бѣденъ литературными новостями. «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи», изд. Географическимъ Обществомъ; «Исторія судебныхъ учреждений въ Россіи», соч. К. Троцина; «О литературной собственности вообще и въ особенности правахъ сочинителей въ Россіи», разс. Проф. Калмыкова; «О паровыхъ машинахъ», соч. Фелькнера; (изданная, вторая часть «Космоса» Гумбольдта; впрочемъ, въ Москвѣ); «Исторія морскихъ сраженій войнъ времени Республики и Имперіи: 2-е изданіе «Ботаники» В. И. Далъ все это болѣе нежели щедро для среды лѣта, когда, по введенному порядку, литература наша справляетъ свои каникулы.....

Провинціальная литература наша также не уменьшаетъ своей дѣятельности. Въ Тифлисѣ объявлено объ изданіи новаго литературнаго журнала, на Грузинскомъ языкѣ, подѣ редакціею Князя Эристовъ. Содержаніе его: Грузинская словесность, переводы, науки и искусства и сельское хозяйство. Онъ будетъ выходить ежемѣсячно, брошюрами. Выручка отъ этого изданія назначается въ пользу Тифлискаго заведенія Св. Нины. Въ Тифлисѣ же вышелъ «Обзоръ дѣйствій Намѣстника Кавказскаго для развитія сельскаго хозяйства съ 1845 по 1850 годъ». Изъ этой замѣчательной книги, составленной, по порученію Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, членомъ его Х. И. Колодзевымъ, мы надеемся представить впоследствии извлеченіе.

Подобныя извѣстія, доказывающія, что просвѣщеніе быстро распространяется въ Кавказскомъ краѣ, мы сообщаемъ почти въ каждой книгѣ Москвитянина. Съ радостію можно сказать теперь, что и другое просвѣщеніе—свѣтъ истинной вѣры—начинаетъ проникать въ полудикія племена, населяющія Закавказье. Недавно, и именно на Свѣтлой недѣлѣ, нѣсколько старшицъ Енгилоевцевъ, живущихъ въ горахъ Елисуйскихъ, и бывшихъ въ древности христианами, приняли святое крещеніе въ Тифлисѣ. Этотъ примѣръ и ревность проповѣдниковъ слова Божія привнесли желанные плоды: для новыхъ дѣтей Церкви будетъ учреждена архіерейская кафедра въ Абхазіи, издревле просвѣщенной христіанствомъ, слѣды котораго сохранились и въ памятникахъ страны, и въ вѣрованіяхъ ея жителей....

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ слѣдяхъ. Въ горахъ Осетин и другихъ ущельяхъ горскихъ племенъ видны и теперь разрушенныя церкви и каменные груды ихъ развалинъ. Дремучіе лѣса, крутыя скалы и вершины горъ Абхазіи, Сванетіи и Осетин наполнены подобными слѣдами процвѣтавшаго некогда христіанства. Уваженіе къ этимъ остаткамъ питаютъ и самыя горцы. Осетины оказываютъ особенное благоговѣніе къ церквямъ: Архангела Михаила въ Трусовскомъ ущельѣ, Божіей Матери въ Заклинскомъ, Св. Георгія въ Жамурскомъ, и друг. Они рассказываютъ о чудесахъ, которыхъ сами были свидѣтелями, и торжествуютъ христіанскіе праздники. Во время годовыхъ праздниковъ, около церкви совершаются договоры и примиренія между враждебными семействами. Постъ предъ Рождествомъ Христовымъ и весь Великій постъ соблюдаются довольно строго. Имъ известны дни: Вай, Свѣтлаго Воскресенія, Благовѣщенія Господня, Св. Георгія, имя пророка Или, и проч. Абхазы, обитающіе по берегамъ Чернаго моря, доннынъ празднуютъ три дня Пасху и употребляютъ крашенныя яйца, день сошествія Св. Духа и Рождества Христова. Развалины древней церкви почитаются и у нихъ священными и клятвенными мѣстами, даже въ обыкновенныхъ условіяхъ общественнаго быта.

Изъ Одессы есть одна литературная новость. Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи объявило о вторичномъ возобновленіи предложенной имъ еще въ 1846 г. задачи: написать въ вопросахъ и отвѣтахъ «Руководство для Новороссійскаго крестьянина». Срокъ для присылки сочиненій назначается по 15 Марта 1853 г. Награда состоитъ изъ золотой медали въ 150 червонцевъ. На первый конкурсъ по этой задачѣ представлено было 4 сочиненія, изъ коихъ наиболее удовлетворительнымъ оказалось написанное Директоромъ Таганрогской гимназіи Флоренсовымъ, и поэтому было награждено серебряною медалью.

Въ Оренбургѣ вышелъ мѣстный адресъ-календарь, въ которомъ, между прочимъ, заключаются любопытныя этнографическія свидѣнія о губерніи. Подобная же справочная книга издана и въ Вильнѣ, тамошнимъ статистическимъ комитетомъ, который вообще готовитъ много матеріаловъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Во Владимірѣ, какъ, вѣроятно, уже знаютъ наши читатели изъ газетъ, найдено, въ предпрошломъ мѣсяцѣ, нѣсколько старинныхъ монетъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалась надпись: *Князь Велики Игорь всея Руси...* Извѣстіе это было немедленно перепечатано въ столичныхъ газетахъ, и одна изъ нихъ, подумавъ, вы-

разила сомнѣніе въ правильномъ чтеніи подписи: вмѣсто Игорь, *сл-роятно*, должно читать: и Государь. Но сомнѣваться тутъ нечего; лѣтъ 25 тому назадъ этотъ Игорь производилъ много шума въ Петербургѣ. Найденные вмѣстѣ съ монетами перстни гораздо любопытнѣе.... Но какъ бы то ни было, а за подобныя извѣстія нельзя не благодарить редакціи Владимирскихъ Вѣдомостей, также какъ и за всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тому краю, столь богатому историческими воспоминаніями. И тѣмъ страннѣе встрѣтить въ этихъ же Вѣдомостяхъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ, «Ширь Святослава». Что это такое? Историческій рассказъ, легенда, мѣстное преданіе? Ни то, ни другое, а просто Телеграфская исторія, отрывокъ изъ напечатаннаго романа Полеваго. Не понимаемъ и придумать не можемъ причины, по какой вздумалось Г. Редактору тревожить этотъ отрывокъ, давно покоящійся сномъ забытѣя въ памяти той публики, которая когда-то почитывала романическія исторіи Телеграфа.

Наконецъ, вотъ нѣсколько ученыхъ извѣстій изъ Гельсингфорса, сообщенныхъ Профессоромъ Гротомъ.—Въ минувшемъ осеннемъ полугодіи явились здѣсь три диссертациі, изданныя для полученія различныхъ кафедръ при Александровскомъ Университетѣ, и двѣ изъ нихъ принадлежатъ ученымъ, которые далекими и смѣлыми путешествіями снискали уже нѣкоторую извѣстность въ Европѣ. 7 Октября, Г. Кастренъ защищалъ диссертацию на званіе Профессора вновь учрежденной кафедры Финскаго языка. Содержаніе ея, важное для сравнительной филологіи, совершенно ново въ области этой науки. По строго соблюдаемому правилу здѣшняго Университета, это сочиненіе, какъ и всѣ диссертациі въ подобныхъ случаяхъ, написано на Латинскомъ языкѣ; оно состоитъ въ разсмотрѣніи «личныхъ приставокъ Алтайскихъ языковъ» (*De affixis personalibus linguarum Altaicarum*). Подъ именемъ Алтайскихъ авторъ разумѣетъ языки Финскіе, Самодскіе, Турецкіе, Монгольскіе и Тунгузскіе. Онъ нашелъ, что, по чрезвычайному обилію и особенному свойству личныхъ приставокъ, всего болѣе замѣчательны языки Самодскіе; подобныя же частицы встрѣчаются и въ остальныхъ, исчисленныхъ здѣсь языкахъ: изслѣдованіе сущности, значенія, происхожденія, образованія и сродства этихъ приставокъ въ Алтайскихъ языкахъ—вотъ предметъ диссертациі Г. Кастрена.—Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ученаго, другою филологъ защищалъ диссертацию, написанную имъ для полученія кафедры Восточныхъ языковъ. Въ то время, когда Г. Кастренъ странствовалъ по тундрамъ Сибири, Г. Баллинь изучалъ языки и бытъ Востока, принимая на себя видъ туземца на бере-

гахъ Нила или въ знойныхъ степяхъ Аравіи. Послѣ многолѣтнихъ странствованій на Востокъ, онъ прибылъ въ Гельсингфорсъ, и написалъ диссертацию, подъ заглавіемъ: «Элегическая поэма Ибнъ-уль-Фарида, съ объясненіями Абдъ-уль-Гани» (*Carmen elegiacum Ibn-ul-Faridi, etc.*).—Вскорѣ послѣ того, Г. Тернегрень, желая занять катедру Всеобщей Исторіи Литературы, защищалъ диссертацию «О Макиавелъ» (*De Machiavello*), въ которой онъ старается представить главный трудъ этого писателя «*Il Principe*» съ новой точки зрѣнія, и защитить его отъ нѣкоторыхъ обвиненій, вводимыхъ на него потомствомъ.

Г. Акиандеръ, лекторъ Русскаго языка при Александровскомъ Университетѣ, преимущественно посвятилъ свои труды изученію теоріи этого языка. Плодомъ его трудовъ была Русская грамматика, написанная на Шведскомъ языкѣ и уже имѣвшая три изданія. Въ 1844 г. Г. Акиандеръ напечаталъ составленную имъ тоже по-Шведски Русскую исторію до Петра Великаго (*Russa rikets historia*)—трудъ выполненный по Карамзину, Устрялову и Эверсу. Наконецъ, въ 1849 г., онъ издалъ «Извлеченіе изъ Рускихъ летописей» (*Utdrag ur Rycka Annaler*). Здѣсь собраны, въ буквальный. Шведскомъ переводѣ, не только всѣ мѣста нашихъ летописей, относящіяся къ Финскимъ племенамъ въ Финляндіи и вообще въ Россіи, но и всѣ, заключающіяся въ этихъ источникахъ, извѣстія о явленіяхъ природы, народныхъ бѣдствіяхъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. Для исторіи Финскихъ народовъ самымъ богатымъ матеріаломъ служатъ Новгородскія летописи; но Г. Акиандеръ не ограничился ими въ своемъ сборникѣ, и принялъ въ основаніе одиннадцать различныхъ источниковъ Русской исторіи; сверхъ того почерпнулъ многое изъ примѣчаній, приложенныхъ къ Исторіи Карамзина. Извлеченія собирателя, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, оканчиваются 1710 г. Нѣтъ сомнѣнія, что они принесутъ существенную пользу тѣмъ изъ Финскихъ и Шведскихъ ученыхъ, которые, не зная Русскаго языка, занимаются исторіею Сѣвера и понимаютъ важность нашихъ летописей для своихъ занятій.

Нѣкоторые изъ литераторовъ Гельсингфорскаго Университета согласились читать поочередно о какомъ-нибудь предметѣ, по выбору каждаго, бесплатно, для всей городской публики. Мѣстомъ чтеній назначена была университетская зала; съ 1849 г. они происходили постоянно, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, въ двѣ недѣли разъ, по вечерамъ, и собраніе слушателей всегда было чрезвычайно многочисленно. Всѣ дамы здѣшняго образованнаго круга считали обязанностію посѣщать эти литературные вечера.

Они продолжаютя и нынѣ. Обыкновенно бываетъ по два чтенія, и каждое должно длиться не долѣе $\frac{3}{4}$ часа. Послѣ оба чтенія печатаются въ одной книжкѣ, которое продается въ пользу Финскаго литературнаго общества. Содержаніе напечатанныхъ доселѣ чтеній довольно разнообразно. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ, по новости предмета и по характеру собственнаго изслѣдованія, Г. Гротъ называетъ разсужденіе Г. Кастрена: «О первобытной родинѣ Финновъ». Авторъ считаетъ ихъ въ ближайшемъ родствѣ съ Самовдами и Турками, и эти три племени составляютъ, по его мнѣнію, особую группу народовъ, занимающую средину между племенами Монгольскими и Кавказскими.

Но довольно ученыхъ извѣстій. Нѣтъ ли какихъ другихъ новостей?

Ярославль, и въ настоящемъ своемъ видѣ очень красивый городъ, долженъ скоро сдѣлаться еще красивѣе съ окончателемъ предпринятыхъ построекъ. Недавно начата постройкою больница при заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, которая, по обширности и красотѣ фасада, займетъ почетное мѣсто между городскими зданіями. Предположено устроить постоянный мостъ черезъ Которость, мостъ черезъ Медвѣдицу и еще мостъ надъ Семеновскимъ спускомъ съ Волги, губернаторскій домъ на берегу Волги, корпусъ для полиціи и гаубвахты, на Ильинской площади, зданіе для складки комиссаріатскихъ вещей, гостинный дворъ, разрушенный пожаромъ, набережную на Которости, общественныя бани, больницу для инвалидовъ и зданіе почтамта. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ уже начаты.... Другое предполагаемое нововведеніе въ Ярославль, это—устройство школы ткачества, въ слободѣ Тальковской, среди бѣднаго народонаселенія, для дѣтей котораго это заведеніе должно принести несомнѣнную пользу, тѣмъ болѣе, что школа будетъ родъ приюта. Подобная же школа приденія будетъ устроена въ селѣ Великомѣ.

Автомъ очень бы кстати поговорить о погодѣ, о надеждѣ на урожай; но толки о первой прискучили всѣмъ, а о послѣднемъ нельзя сказать еще ничего вѣрнаго. До слѣдующей книги остаются за нами извѣстія менѣе случайныя. Объ обрушившемся мостѣ во Владимирѣ, о страшномъ пожарѣ въ Архангельскѣ вы, навѣрно, знаете уже изъ газетъ, и вносить подробности этихъ печальныхъ происшествій въ нашу летопись у насъ недостаетъ духа... Изъ Архангельска у насъ есть другое извѣстіе. Тамошній почетный гражданинъ Петръ Куйкинъ, въ память совершенія двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, предпринялъ построить

на свой счет каменное зданіе для богадѣльни при городскомъ кладбищѣ Архангельска....

Наконецъ, изъ дальнаго края Россіи, изъ Омска, передадимъ извѣстіе о событіи, случившемся нѣсколько лѣтъ тому, но дошедшимъ сюда лишь недавно. Событіе это такого рода, что говорить о немъ, гордиться имъ, восхищаться — никогда не поздно.... Это было зимою 1837 года, въ Голодной степи, одной изъ Киргизскихъ. Хорунжій Алексѣй Рытовъ шелъ съ командою изъ 33 казаковъ. Вдругъ, 5 Декабря, встрѣчаетъ онъ партію мнѣжныхъ Киргизъ, числомъ до тысячи человекъ. Что тутъ дѣлать? Не ужели защищаться, тѣмъ болѣе думать о нападеніи? *Одинъ противъ тридцати трехъ* — кажется, здѣсь не можетъ быть и мысли о борьбѣ, и навѣрное никто не счелъ бы безчестнымъ для себя уступить такому превосходству, сложить оружіе предъ непріятелемъ. Но Рытовъ былъ Русскій офицеръ; а для Русскаго война лучше «лечь костью», по завѣту предковъ, нежели сдаться въ плѣнъ, измѣнить святости присяги. Онъ рѣшился защищаться съ горстью своихъ храбрецовъ. Киргизы не замедлили ринуться на эти три десятка безстрашныхъ, повидимому обреченныхъ гибели; но казаки не дрогнули и отразили нападеніе. Снова бросились Киргизы — и снова устояли казаки. Эти неудачи, разумется, должны были раздражить врага, который уже рассчитывалъ кому какой ясырь достанется при дѣлѣжѣ; нападенія сдѣлались ожесточенные, но не поколебали стойкости нашего отряда, который почти три дня выдерживалъ натискъ Киргизовъ. Наконецъ, 7 Декабря, Рытовъ отважно бросился съ своими казаками на штурмъ непріятельскаго укрѣпленія. Онъ былъ впереди и первый палъ подъ ударами ятагановъ; но его смерть открыла казакамъ дорогу къ овладѣнію укрѣпленіемъ.... Ура! отомстимъ за командира!.... и врагъ обращается въ бѣгство.... Что за богатырскіе подвиги, что за геройскій духъ, какая преданность долгу службы!.... Память о храбромъ офицерѣ не умереть. По прекрасному обычаю, имена тѣхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, которые положили животъ свой за вѣру и отечество, начертываются на черной мраморной доскѣ, находящейся въ церкви заведенія: а Рытовъ былъ воспитанникомъ Войсковаго казачьяго училища, что нынѣ Сибирскій Кадетскій Корпусъ....

Дѣйствія Художественнаго Общества. Число членовъ Общества къ началу этого года простиралось слишкомъ до 190 (почетвыхъ 19, дѣйствительныхъ 172). Цѣль его — развести водвореніе искусства въ древней столицѣ нашей — достигается преимущественно посредствомъ Училища живописи и ваянія, и въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ Москвичи съ удовольствіемъ видятъ ежегодно возрастающіе успѣхи этого заведенія. Учениковъ въ немъ состоитъ около 140, въ томъ числѣ 2 архитектора, 7 скульпторовъ, всѣ остальные — живописцы. Занятія ихъ свидѣтельствуютъ сколько объ искусствѣ даровитыхъ преподавателей Училища, каковы М. И. Скотти, Н. А. Рамазановъ, К. И. Рабусъ, — столько же и объ ихъ собственныхъ дарованіяхъ. Пособія живописныя, исходатайствованныя отъ Академіи, особенно копія съ Мадонны Рафаэлевой, имѣютъ уже благотворное вліяніе на образованіе вкуса учениковъ. Рисунокъ, въ отношеніи къ рельефу, производимому искусствомъ светлотыни, достигаетъ замѣчательной степени совершенства. Искусство колорита, можно сказать, приобрѣтено Училищемъ: талантъ Новоковича въ этомъ отношеніи есть явленія достойное всякаго вниманія и поощренія. Дѣятельность художниковъ-преподавателей, оживляющая ихъ мастерскія, одушевляетъ учениковъ и развиваетъ новыя дарованія. Талантъ Шарвуда въ композиціи и группировкѣ общаетъ необыкновенное развитіе, если будетъ выдержанъ и поправленъ изученіемъ великихъ образцовъ. Питомцы Училища по части перспективы и пейзажа приносятъ очевидную пользу не только искусствомъ своимъ, но даже изученіемъ памятниковъ и видовъ разнообразной мѣстности по всемъ концамъ Россіи (напр. Гг. Шуквостовъ, Рыбинскій, Соврасовъ, Бочаровъ, Герцъ, Милюшинъ, Соленовъ, Аммонъ). Искусство оживлено, применено къ потребностямъ отечества, таланты изъ всѣхъ сословій къ Училищу, и молодой нашъ разсадникъ постоянно цвѣтетъ новыми надеждами и укрѣпляется въ силахъ; благодаря неутомимой и единомысленной дѣятельности всѣхъ преподавателей Училища....

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гомеопатическая больница. На Самотекъ, въ приходъ церкви Троицы, что въ Троицкой, въ глухомъ переулкѣ, рядомъ съ самою церковью, стоитъ небольшой одноэтажный домъ, довольно скромной наружности, почти нисколько не отличающійся отъ соседнихъ. Домъ жилой, но кто живетъ тутъ, объ этомъ знаютъ и заботятся не многіе въ Москвѣ. Почти каждое утро изъ него выходятъ нѣсколько стариковъ и старухъ, идутъ въ церковь, и, отстоявъ службу, возвращаются опять домой. Больше, въ другое время, ихъ и не увидишь. По утрамъ же иногда встрѣтятся на крыльцѣ этого дома двое-трое очень скромно одѣтыхъ людей, на лицѣ которыхъ написана забота, горе и еще что-то, отъ чего со стороны жаль становится человека. Въ полдень промелькнуть въ домъ нѣсколько женщинъ, съ узелкомъ подъ мышкой.... Больше ничего не замѣтите. Да.... аккуратно каждый день подъѣзжаетъ къ крыльцу экипажъ, изъ экипажа выходитъ кто-то, и, побывъ въ домъ часъ-два, уѣзжаетъ обратно. Что же это за домъ, и ужъ не таинственность ли какая скрывается въ немъ? Таинственности нѣтъ никакой. Въ домъ находится богадѣльня, устроенная Графомъ А. И. Остерманомъ-Толстымъ, и гомеопатическая больница, заведенная его племянникомъ, Княземъ Л. М. Голицынымъ. О больницѣ-то мы и скажемъ слова два. Слишкомъ пять лѣтъ какъ существуетъ она, но известна очень немногимъ. Между тѣмъ, имѣя 20 кроватей, она приносила и не перестаетъ приносить пользу страждущимъ, по мѣрѣ своихъ средствъ. Въ продолженіе 5 лѣтъ (1845—50) она призвала слишкомъ 640 человекъ больныхъ, изъ которыхъ болѣе $\frac{2}{3}$ выздоровѣли совершенно; умершихъ въ ней было 1 изъ 15. Сверхъ того приходило за медицинскими совѣтами и пособіями до 480 ч., и изъ нихъ большая часть выздоровѣли. Кромѣ этихъ очень удачныхъ результатовъ, представляемыхъ гомеопатическимъ заведеніемъ, замѣчательно еще то обстоятельство, что медикаменты для всѣхъ вообще больныхъ стоили ежегодно не болѣе *двадцати рублей серебромъ!*.... Предоставляемъ гг. врачамъ рѣшать, что лучше—аллопатія, гидропатія, гомеопатія, электропатія или еще какая *патія*: а намъ, болѣющимъ, все равно, въ какомъ бы источникѣ не отыскалась живая вода, хотя бы близъ Самотеки.... Описаніе болѣзней, отъ которыхъ пользуемы были обращающіеся въ гомеопатическую больницу, можно видѣть въ самомъ заведеніи....

Надежды шелковой промышленности. Не говоря уже о давнемъ времени, даже и теперь не всякій повѣритъ, чтобы Русскія шелковыя издѣлія, сработанныя въ Москвѣ простымъ мужичкомъ, по указаніямъ своего хозяина, чтобы они могли когда-нибудь соперничать съ знаменитыми Ліонскими и по красотѣ, и по прочности, и по цѣнѣ. А между тѣмъ, возможности этого соперничества уже нельзя опровергать: есть ясное доказательство, или, если угодно, фактъ. Шелковыя ткани съ фабрики Московскаго купца Кондрашева заслуживаютъ полное одобреніе на Лондонской выставкѣ и не боятся сравненія съ Ліонскими. Разумвется, успѣхъ этотъ важенъ особенно по ожидаемымъ отъ него послѣдствіямъ: онъ долженъ разсвѣтъ предубѣжденію большинства потребителей противъ мѣстныхъ произведеній, возвыситъ довѣріе къ производителямъ и имѣть значительное вліяніе на развитіе шелковой промышленности. Развитію этому, по счастливому случаю, общаетъ содѣйствовать еще одно обстоятельство, возникшее именно тогда, какъ Москвичи любовались, въ Московскомъ магазинѣ, шелковыми тканями Г. Кондрашева, приготовленными для всемірной выставки. Известно, что на Московскихъ фабрикахъ потребляется въ годъ не менѣе 20 тысячъ пудовъ такъ называемаго Шемахинскаго, шелку получаемаго изъ Закавказья. Но Шемахинскій шелкъ много дешевле иностраннаго, и именно по причинѣ его дурной размотки, которая производится туземцами Закавказья какъ попало. Но почему же бы не разматывать этотъ шелкъ здѣсь, въ Москвѣ? спросите вы: кстати, у насъ же разводять шелко-вицу, есть Комитетъ шелководства. Объ этомъ-то и думали давно, но вѣдь задумать и исполнить — не одно и то же. Наконецъ, благодаря стараніямъ Комитета и въ особенности Секретаря Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, С. А. Маслова, дѣло двинулось. Сынъ одного изъ здѣшнихъ фабрикантовъ, А. И. Шабунинъ, отправился на Кавказъ съ цѣлію закупки шелковичныхъ коконовъ и доставленія ихъ въ Москву для размотки. Общество снабдило его письмами и наставленіями, Намѣстникъ Кавказскій оказалъ ему свое просвѣщенное покровительство, — и Г. Шабунинъ закупилъ въ Нухѣ нѣсколько пудовъ прошлогоднихъ коконовъ, сдавилъ ихъ и отправилъ въ Москву, чтобы тамъ сдѣлали опытъ ихъ размотки. Если опытъ этотъ будетъ имѣть желанный успѣхъ (въ чемъ нельзя сомнѣваться: говорить, что двое здѣшнихъ капиталистовъ, уже намѣрены устроить шелко-размотное заведеніе въ обширномъ видѣ), тогда Г. Шабунинъ приступитъ къ самому дѣлу: онъ станетъ покупать коконы на мѣстѣ, сдавливать ихъ и отвозить

въ Москву чрезъ Баку, Астрахань и Нижній Новгородъ. Теперь онъ ввроятно уже приступилъ къ этому опыту, развитіе и успѣхъ этого новаго предпріятія обѣщаютъ много выгодъ какъ для покупателей, такъ и для продавцевъ. Оно произведетъ поощрительное для производителей повышение цѣнъ коконовъ. Хорошая и правильная размотка шелка возвыситъ цѣнность его, тогда какъ настоящій образъ размотки только понижаетъ ее. Самая размотка будетъ стоить дешевле въ Москвѣ, нежели на мѣстѣ. Этотъ способъ доставитъ возможность отправлять въ Россію произведенія Кавказскаго шелководства водою, чего до сихъ поръ не было, потому что если отправлять не въ видѣ коконовъ, а шелкомъ, то нельзя успѣть размоткою до закрытія навигаціи. Въ Москвѣ же откроется новая промышленность для рукъ женщинъ и дѣтей. О выгодахъ покупателей уже не говоримъ: онъ очевидны сами по себѣ.

Кромѣ Закавказья, мѣстомъ для покупки коконовъ, хотя далеко не въ столь большомъ количествѣ, можетъ служить и Малороссія, гдѣ разведеніе шелковичныхъ червей увеличивается болѣе и болѣе. Комитетъ шелководства объявилъ, что онъ съ своей стороны готовъ оказать всякое содѣйствіе лицамъ, которые согласились бы закупать коконы въ этомъ краю.

Лѣтъ за семь тому, учрежденіе Комитета шелководства при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства казалось многимъ совершенно неумѣстнымъ. На опыты разведенія шелковицы здѣсь, въ Москвѣ, нерѣдко смотрѣли съ улыбкой; размотка шелка, производившаяся въ Земледѣльческой школѣ, привлекала любопытныхъ, но немногіе понимали прямую пользу отъ однихъ опытовъ. Теперь сомнѣвающіеся должны замолчать передъ очевидностью и допустить богатая надежды на будущее: свѣтъ пустило глубокіе ростки....

Справка въ Гамптонкуртъ.

Всѣхъ, слѣдившихъ полемику о Рафаэлевскихъ картонахъ, будетъ, конечно, интересовать справка, которая сдѣлана въ Гамптонкуртъ. Объявлено было мнѣніе, что живописные холстинные картоны Лухманова—копіи съ Гамптонкуртскихъ. Этому мнѣнію противорѣчили: убавка двухъ фигуръ и нѣкоторыя измѣненія въ картонѣ—Смерть Ананіи, надпись и особенно прибавка ниши съ статуею и цоколя внизу съ двумя мифологическими фигурами на картонахъ: Ославленіе Волхва или Обращеніе Проконсула Сергія.

Говорили, что убавить фигуры и сдѣлать измѣненія въ позахъ, по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ, копису будто бы возможно; говорили, что надпись не требуетъ подлинника: надпись не картина; но ужъ прибавить цѣлый бокъ къ картинѣ, копись, конечно, не имѣетъ никакого права. Я зналъ, что по описаніямъ и по гравюрамъ Гамптонкуртскаго картона этихъ фигуръ на немъ не было; но все-таки необходимо было навести справку на самомъ мѣстѣ.

Такъ какъ меня въ этомъ дѣлѣ интересовала истина, то я съ своей стороны употребилъ средства для того, чтобы навести эту справку. К. А. Коссовичъ, пребывающій въ Лондонѣ для библіотрафическихъ порученій Императорской Публичной Библіотеки, по моей личной просьбѣ, удѣлилъ мнѣ праздничное утро и въ Гамптонкуртѣ произвелъ необходимую справку, въ слѣдствіе которой оказалось, что ни ниши со статуей, ни цоколя съ двумя мифологическими фигурами, однимъ словомъ, всей этой чудной каменистой живописи, которая такъ пѣвнела знатоковъ искусства на живописной холстинѣ, на Гамптонкуртскомъ картонѣ нѣтъ. Что касается до надписи, то она есть, и выведена черными буквами, а на холстинѣ желтыми, подъ цвѣтъ золота. Теперь уже, кажется не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Лухмановскія живописныя холстины не могутъ быть копіями съ Гамптонкуртскихъ картоновъ.

С. Шевыревъ.

Р. С. Скоро надѣюсь получить и сочиненіе Гава о картонахъ и коврахъ, самое подробное.

С М Ъ С Ъ.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИГРОКА.

РУКОПИСЬ НЕИЗВѢСТНАГО,

изданная П. Виссеногофомъ.

I.

А добродѣтельный чловѣкъ все-таки не взять въ герон. И можно даже сказать, почему не взять. Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному чловѣку... потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго чловѣка ..

Н. Гоголь. Мерт. души.

На 19 году я кончилъ курсъ моего воспитанія и былъ выпущенъ изъ пансіона. Я освободился отъ моего опекуна, вступилъ въ управленіе маленькимъ имѣніемъ и поступилъ на службу въ одну изъ временныхъ комиссій, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Порядочное жалованье, доходъ съ деревни могли бы быть достаточными для безбѣдной жизни.

Я посещалъ лучшіе дома Московскаго общества: хотя отецъ мой былъ небогатый чловѣкъ, но одинакую со мною фамилію носили нѣсколько значительныхъ семействъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу, а родственныя связи моей матери и участіе благодѣтели моихъ родителей сдѣлали для меня доступными салоны высшаго общества; но уже я былъ несчастливъ, я страдалъ, сильно страдалъ, червь самодубія уже точилъ мое испорченное сердце, зависть отравляла все мое существованіе, мнѣ хотѣлось быть замѣтнымъ въ толпѣ; всѣ мои желанія стремились къ тому, чтобъ меня видѣли и мнѣ завидовали. Каждый балъ, каждый вечеръ растравлялъ все болѣе и болѣе мое самолюбіе и мой мрачный взглядъ на жизнь; я видѣлъ въ салонахъ—безпечныхъ, веселыхъ богачей, которые, ничего не дѣлая, могли наслаждаться жизнью, видѣлъ предпочтеніе, имъ оказываемое, видѣлъ, какъ одна и та же дѣвушка была совершенно другимъ существомъ со мною бѣднымъ чиновникомъ канцеляріи—и съ денди, возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ сумазброднымъ образомъ промоталъ сотни тысячъ рублей. Покрой платья, манеры богача, словомъ, все то, что себѣ можетъ позволить счастливецъ и чего не простать ни кѣмъ непри-

мъчешному, все это меня подвигало на какое-то страшное чувство ненависти къ жизни и къ людямъ. Правда, и у меня были всегда чистыя перчатки, клетчатые чулки, по модѣ сшитый фракъ, приличная квартирка, даже ямская карета, чтобъ ѣхать на балъ... Но что же это? Это дѣлалось все какъ-то на живую нитку... Чтобъ нанять карету, я долженъ былъ отказать себѣ въ другомъ необходимомъ, а фракъ мой долженъ былъ беречь и не могъ мнѣять ихъ такъ часто, какъ перчатки... Я видѣлъ ясно, что во многихъ домахъ меня принимали потому, что нужны кавалеры для танцевъ.— Нѣтъ, не этого хотѣлъ я,—я хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ говорили, чтобъ женщины за мною гонялись, ловили меня въ обществахъ, чтобъ мнѣ завидовали мужчины. Хотя я былъ не красавецъ, но недурень собою, чего же мнѣ не доставало для достиженія моей цѣли? Ужъ? Я былъ очень очень, не глупъ. Воспитанія? Я былъ весьма хорошо воспитанъ—для гостинныхъ. Добраго поведенія? Но порочныхъ мыслей моихъ не зналъ никто... Нѣтъ, для достиженія моихъ цѣлей нужно было только одно богатство, одни деньги!.. Онъ-то и составляли предметъ моихъ помышлений; я видѣлъ, что безъ денегъ не было наслажденія... Какъ же достать ихъ? Служить, чтобъ получить выгодное мѣсто съ большимъ жалованьемъ; но на это надо употребить по крайней мѣрѣ десятокъ лѣтъ сильнаго труда, погубить лучшую часть жизни въ заботахъ и лишенияхъ. Заняться какою-нибудь наукою—это было для меня невозможно: я получилъ образованіе энциклопедическое... играть въ карты,—но надобно было бы и уметь играть, и имѣть счастье, а также и деньги... Жениться на богаткѣ,—но я хотѣлъ, чтобъ меня самого искали красавицы-невесты, какъ богатаго жениха... бракъ казался мнѣ уже послѣднимъ средствомъ къ обогащенію. Словомъ, голова моя терялась въ предположеніяхъ...

Одно происшествіе еще болѣе поссорило меня съ жизнью; это происшествіе была неудачная любовь... Изъ всѣхъ двушекъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Московскихъ обществахъ, обращала на себя мое вниманіе Лиди Мистерина. Ея бойкій умъ, блестящая красота, большіе голубые глаза, блѣдное, благородное, гордое лицо, резко отъищенное густыми локонами волнистыхъ русыхъ волосъ, не покидали ни на минуту моего воображенія. Мать Лиди имѣла открытый домъ въ Москвѣ, и хотя говорили въ обществахъ, что дѣла Мистеринъ были разстроены, но она жила большой рукой. Увлечательная, непринужденная, всегда острая въ разговорахъ, Лиди была лучшимъ украшеніемъ Московскаго общества. Многие денди вздыхали о ней напрасно. Всегда гордая, хотя и до-

ступая для свѣтскаго разговора, она умѣла искателей своихъ держать въ почтительномъ отдаленіи. Скоро замѣтилъ я, что Лиди оказывала мнѣ явное предпочтеніе предъ другими мужчинами, искавшими жидно ея ласковаго взора.

«Отчего вы такъ рѣдко ангажируете меня танцовать?»—спросила она меня на одномъ балѣ.

— Отъ того, что я боюсь надоесть вамъ,— отвѣчалъ я,— я слишкомъ признателенъ и за тѣ немногія минуты, которыя вы удѣляете мнѣ въ нашемъ краткомъ разговорѣ.

«Развѣ я вамъ показала, хотя однажды, что я съ вами скучаю?»

• — Нѣтъ, я этого не замѣтилъ, но это я отношу къ вашему уму и образованію, притомъ же я не хочу отнимать удовольствія у другихъ. Развѣ вы не видите, какъ всѣ спѣшаютъ уловить ваше ласковое слово...

«Вы очень великодушны. Но это великодушіе весьма обидно для женщины; тотъ, кто предпочитаетъ женщину другимъ, бываетъ болѣе эгоистъ, чѣмъ вы. Вы сегодня не искренны со мною.

— Конечно, какъ и всегда,—отвѣчалъ я, ободренный свободнымъ, приветливымъ разговоромъ дѣвушки, гордость которой была всѣмъ извѣстна.

«Стало вы всегда притворялись, во всемъ, что ни говорили со мною? а я иногда такъ любила васъ слушать, мнѣ такъ нравились ваши всегдашніе парадоксы...

— Нѣтъ, не все же я лгалъ. Все, что я сказалъ вамъ во время нашего знакомства, были мои убѣжденія; но кто знаетъ, можетъ быть, въ моемъ молчаніи заключалась вся моя неискренность, можетъ быть, говоря съ вами много, я умолчалъ именно то, что умѣю лучше всего чувствовать. Стало быть, я точно былъ не искрененъ съ вами....

«Что касается до меня, то я ни съ кѣмъ не была такъ откровенна, какъ съ вами....

— Все это правда, но разговоръ нашъ касался больше общихъ предметовъ, разныхъ сторонъ жизни человека, а не моей; я вамъ ни разу не говорилъ о моихъ чувствахъ....

«Они должны быть очень испорчены и непостоянны.

— Почему жѣ вы это заключаете?

«По вашей недовѣрчивости въ счастье жизни.

— Это происходитъ отъ того только, что я не встрѣчалъ до сихъ поръ существа, которое бы умѣло убѣдить меня въ противномъ; это отъ того, что я еще не испытывалъ, что значитъ взаимная любовь.

«Это сущіе пустяки, отвѣчала Лиди, стараясь скрыть внутреннее волненіе и, перекусивъ нѣсколько своихъ розовыхъ губки, она сдѣлала принужденную улыбку, которая весьма шла къ ней. Потому она прибавила:

L'amour est une bonne chose
Quand on n'en prend qu'une légère dose.

Читали ли вы эту истину на конфетномъ билетѣ?

— Я никакъ не думалъ, чтобъ вы дали такой жесткій отвѣтъ, — сказалъ я съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«А почему жь?»

— Потому что въ этомъ отвѣтѣ даже не заключается уваженія къ тому, съ кѣмъ вы говорите, не только какого-нибудь сочувствія...

«Кто же вамъ сказалъ, что дѣвушка на балѣ должна быть всегда искренною?»

— Но если бъ я просилъ васъ?...

«Надобно попробовать.... не знаю.... это зависитъ отъ минуты....»

— Теперь, или никогда, будьте со мною искренны.

«Извольте; такъ искренна, какъ предъ моимъ лучшимъ другомъ.»

Я позабылъ тогда, что Лиди имѣла даръ и способность очаровывать каждого, съ кѣмъ говорила; она любила это кокетство, которое составляетъ красоту женщины, она желала нравиться всѣмъ, даже и тѣмъ, которыхъ не только не замѣчала, но презирала, а я былъ молодъ, я счелъ слова Лиди о дружбѣ за слова близкія къ взаимной любви....

— Дайте мнѣ слово, что разговоръ этотъ останется между нами и его не узнаетъ никто, никогда.

«Но для чего это, развѣ мы сдѣлаемъ какое-нибудь преступленіе, говоря откровенно?»

— Нѣтъ, но онъ можетъ окончиться невыгодно для меня.

«Извольте....»

— Я люблю васъ давно искренно.... спрашиваю васъ теперь, можете ли вы любить меня?

«Могу....»

— Что слышу я! стало я счастливъ?... я могу просить вашу руку....

«Нѣтъ, никогда....»

— Никогда?...

«Никогда.... потому что матушка моя не согласится на нашъ бракъ.»

— Но мы можемъ обвѣнчаться тайно...

«Это невозможно!...

— Почему жъ? я вѣсь пожертвую для моей любви къ вамъ, почему жъ это невозможно?

«Потому, что я сама не хочу быть вашей женой....»

— Но не вы ли сказали, что вы меня любите?

«Да и еще разъ повторяю, если бы вы обладали миліонами, носили блестящее имя и не были тѣмъ, что вы есть и по наружности, и по уму,— я не любила бы васъ.... Вы мнѣ давно очень нравитесь; но я столько же самолюбива, какъ и вы. Я старѣлась нѣсколькими годами и уже люблю не въ первый разъ. Когда ваша любовь ко мнѣ пройдетъ, то что отъ нея останется для меня? Неизвѣстное имя, холодный мужъ. Я тщеславна!... если бъ вы имели огромное богатство, блестящее имя, я бы васъ избрала перваго... Но я съ вами говорю, какъ съ другомъ: вы еще моуды; для женщины, какъ я, одной любви недостаточно, я хочу наслажденій, а они безъ богатства невозможны; изысканный кругъ, въ которомъ вы меня всегда видите, сдѣлался моею привычкою, и богатая жизнь, которую мы ведемъ,— только наружна; дѣла наши разстроены, у меня нѣтъ приданаго.... мы съ вами должны бы были питаться незабудками....»

— Но ежели я буду богатъ?... я употреблю все силы....

«Этого нельзя сдѣлать въ одну минуту.... а впечатлѣнія мнѣ наюсля: кто поручится, что завтрашній же день не истребитъ васъ совершенно изъ моего воображенія....»

Кадриль кончилась, и я, какъ ошеломленный, остался одинъ среди толпы. Бѣшенство, обиженное самолюбіе тѣснили грудь мою; я бросился опретью съ проклятаго бала, проклиная адскія условія свѣта.... проклиная свои дерзкія желанія... свои несбыточные предположенія....

Когда человекъ еще чего-нибудь надеется въ жизни, тогда онъ счастливъ. Пусть надежда его будетъ мыльный пузырь, самая безобразная, несбыточная мечта; пока ледветъ ее въ груди человекъ, до тѣхъ поръ онъ счастливъ по своему: у него есть планъ для дѣйствій, цѣль для жизни. Но какъ скоро увидаль человекъ, что надежды его разрушены, тогда прощай счастье, малодушный впадаетъ въ уныніе, навсегда пылкій безпокойно устремляется къ другой цѣли... Мнѣ казалось, что надежды мои на достиженіе Лиди еще не кончились, я видѣлъ, что мнѣ недоставало только одного богатства.... И что же сдѣлалъ я?... Я распустилъ слухъ, что получилъ богатое наслѣдство; оставилъ службу, потому что уже не могъ ничѣмъ заниматься, у меня

была одна цѣль: приобрѣтеніе, — одна мысль — блистать въ обществѣ, прослыть богачемъ. Я продалъ свое имѣніе, нанялъ большую квартиру, завелъ дорогіе экипажи и повелъ такой образъ жизни, что долженъ былъ въ полгода остаться безъ гроша. Иные вѣрили, а иные сомнительно смотрѣли на мой образъ жизни. Встрѣчался съ Лиди въ обществѣ, я ограничивался одними вѣжливыми поклонами, иногда даже разговаривалъ съ нею, но уже не дѣлалъ никакого намека о любви. Хотя она никогда не спрашивала меня, почему я пересталъ бывать у нихъ, однако отъ друзей моихъ узналъ я, что ее очень занимало все, что касалось до меня; она всячески старалась узнать причину моего наружнаго богатства.

Вотъ образчикъ моего дня: я вставалъ къ двумъ часамъ послѣ полудня, пересвиставъ нѣсколько арій изъ оперъ, одѣвался, садился въ красивый фазтонъ и отправлялся на кузнецкій мостъ; тамъ я покупалъ всѣ прихоти для моего щегольского туалета, затѣжалъ на Тверской бульваръ, на репетицію въ театръ, дѣлалъ нѣсколько визитовъ, и къ 5-ти часамъ являлся обѣдать и хвастать въ клубъ, потомъ лѣтѣлъ навѣстить знакомую танцовщицу или швею; въ 8 часовъ былъ въ театрѣ, потомъ на балъ, или опять отправлялся хвастать въ клубъ, гдѣ уже началъ вести игру въ палки. Я не рѣшался еще играть въ большую, мой проигрышъ и выигрышъ составлялъ всегда не болѣе 1000 руб. ассигнаціями. Ведя такую жизнь, я еще болѣе сблизился съ богатыми молодыми людьми; но жизнь моя поглощала столько денегъ, что мнѣ угрожала совершенная нищета, если я не прибѣгну къ какимъ-либо способамъ для поддержанія моего шаткаго существованія.

Между всеми праздными богачами, съ которыми я видался ежедневно, все мое вниманіе обращалъ на себя молодой человекъ Оребуровъ, въ короткое время сдѣлавшій себѣ огромное состояніе счастливою игрою въ палки. Про него были двѣ молвы въ городѣ: одни говорили, что онъ игралъ нечисто, другіе, напротивъ, его удачу въ игрѣ приписывали чудному случаю счастья, тѣмъ болѣе, что состояніе себѣ онъ выигралъ на глазахъ у всѣхъ, играя въ клубахъ съ людьми, которые были вдвое его старѣе и опытнѣе въ игрѣ.

Однажды я пріѣхалъ къ нему утромъ, когда онъ былъ еще въ постель.

«Откуда такъ рано? спросилъ меня съ удивленіемъ Оребуровъ, зная, что я люблю спать по утрамъ.

— Я нарочно всталъ рано, чтобъ застать тебя одного, мнѣ нужны большія деньги, или ничего, — мнѣ надоело *тлнуть кани-*

тель и путаться по маленькой, прибавилъ я, говоря игрецкимъ языкомъ, я хочу съ тобой пройти въ серьезное разсужденіе.

«Почему жъ и не такъ, отвѣчалъ Оребуровъ, потягиваясь, карта бумага, не жареное—не пажнетъ; а во что будемъ мы играть?»

— Въ тентире.

«Это надоедаетъ и въ клубахъ. У себя дома я ни во что больше не играю, какъ въ банкъ; пойдемъ—сказалъ онъ, поднимаясь съ постели, *попутаемся... попутаемся...*— Мы вошли вмѣстѣ въ большой кабинетъ, въ которомъ было нѣсколько разложенныхъ карточныхъ столовъ.

«Я буду метать тебѣ ответный, продолжалъ Оребуровъ, ставъ что хочешь, а вотъ двѣ шкатулки золота, они къ твоимъ услугамъ. Сказавъ эти слова, онъ открылъ обѣ шкатулки и высыпалъ груды золота на зеленый столъ...

— Сколько тутъ денегъ? спросилъ я его, смотря съ жадностію на золото.

«Тутъ триста пятьдесятъ тысячъ на ассигнаціи,— если этого мало, мы добавимъ, вотъ банковые билеты на 700 т. рублей.

Передо мною былъ миллионъ чистыхъ денегъ! Онъ представлялъ въ умѣ моемъ всѣ прелести жизни, наслажденія любви, покой и беззаботность, словомъ, все, что составляетъ здѣсь счастье,— за чѣмъ гонится юноша, взрослый и старикъ. У меня въ карманѣ было 30 т. рублей ассигн.; это было все мое состояніе... я въ четверть часа могъ быть и нищій и богачъ... я не сталъ колебаться, гадкая посредственность равнялась нищету, я хотѣлъ или взять этотъ миллионъ или отдать последнее.

«Въ моей игрѣ нѣтъ мѣлу, — сказалъ Оребуровъ, давая мнѣ снимать, — ставъ на карту, что можешь.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ... я расцелъ, что мелкой маркой идти было хуже, можно было дробью отдать всѣ деньги, почему рѣшился поставить на одну карту все мое состояніе. Я выдернулъ изъ колоды тройку и, бросивъ на нее деньги, сказалъ: идеть 30 т. руб.

«Ты повтируешь, какъ Испанскій грандъ, сказалъ, улыбнувшись, Оребуровъ, и началъ метать.

По второму абцугу тройка была дша. Кровь отвалила отъ моего сердца. Я могъ теперь спрятать свои деньги и играть на деньги моего противника, но я этого не сдѣлалъ, мнѣ все казалась мелка марка, я загнулъ пароле на тройку... Кровь опять подступила у меня и къ сердцу, и къ головѣ... Оребуровъ началъ метать. Прошло почти половина талин: тройка не выходила.

— Атанде! сказалъ я. Позволь мнѣ уменьшить, я ставлю на пе....

«Вишь какой гусы прервалъ, свився, Оребуровъ, гдѣ ты это такъ понаторвалъ? а, кажется, давно ли играешь? какже позволю я тебѣ теперь уменьшить, когда всего осталось въ талии только шесть картъ, тройка или пятое, или непременно убита.— Въ самое это время тройка упала на лѣво, а у банкмета въ оставшихся четырехъ картахъ на рукахъ были три тройки. Оребуровъ поблѣднѣлъ, досада примѣтно выразилась на его лицѣ. Онъ тотчасъ отсчиталъ мнѣ 90 т. рублей. Я ободрился и отодвинулъ назадъ отсчитанную мнѣ сумму, въ которой были и золото и билеты банка.

— Не надо, сказалъ я, идетъ на 7-мѣ кушей,— и загнулъ на тузъ два угла... Мертвое молчаніе воцарилось тогда между играющими... Дѣло шло о 210 т. рубляхъ.

«Ты, кажется, хочешь меня сего дня заставить пить чай безъ сахару, сказалъ, улыбаясь, Оребуровъ; голубчикъ тузикъ, удружи!.. Тузъ упалъ на лѣво... Оребуровъ опять поблѣднѣлъ, у меня сердце забилось пуце прежняго. Теперь у меня уже было порядочное состояніе... Но этого было еще мало для меня.

«Ты продолжаешь? спросилъ меня недоувѣрчиво Оребуровъ.

— Продолжаю, отвѣчалъ я. Это слово сорвалось у меня съ языка, это слово было выраженіе фанфаронства, мнѣ хотѣлось блеснуть моею дерзостію предъ противникомъ, который сначала такъ небрежно принялъ мой вызовъ на гробовую игру,—Идетъ 210 т. на пе, сказалъ я, перегибая на туза.

«И тридцать тысячъ мазу, прибавилъ Оребуровъ, взявъ другую колоду, или я не бью, возьми свои деньги.

По мнѣ пробѣжала лихорадочная дрожь...

— Хорошо, отвѣчалъ я.

Но первому абцугу тузъ упалъ направо...

Дыханіе у меня сжалось, я сталъ нищимъ изъ богача...

Не показывая не милѣйшаго вида, что происходило у меня въ душѣ, я до крови разодралъ всю мою грудь ногтями и, между тѣмъ улыбулся....

Оребуровъ равнодушно придвинулъ къ себѣ деньги.

— Ты знаешь мою карету и лошадей, сказалъ я Оребурову, мои картины и дорогіе часы и вотъ это кольцо? Позволь мнѣ все это поставить на карту въ 15 т. рублей ассигн.

«Изволь.

— Идетъ дама, сказалъ я.

Оребуровъ началъ метать, и дама была убита. Желая показать, что я спокоенъ, я медленно зввнулъ.

— Хорошо, я тебя сейчас все это пришло, теперь заведу на репетицію... прибавилъ я, какъ будто уже позабывъ о проигрышѣ.

«Однако ты сегодня ловко простудился, прервалъ меня Оребуровъ, я воображаю въ какой ты теперь подмазкъ... Ты долженъ быть въ самыхъ дикихъ обстоятельствахъ.... Но послушай!... Тебѣ могутъ быть нужны лошади и вещи, оставь ихъ у себя, я могу подождать».

— Нѣтъ, мнѣ ничего ненужно, сказать я, стараясь задушить въ душѣ моей стыдъ, испытываемый при предложении помощи моимъ же достояніемъ.

«Ну, полно церемониться, перебилъ Оребуровъ, вѣдь я знаю, что ты небогачъ, полно передо мною корчить магната, вѣдь я знаю, что ты мнѣ проигралъ сегодня все, что могъ проиграть; я вижу въ тебѣ характеръ и аккуратность, этого довольно для игрока.... Возьми назадъ и деньги.... Я тебѣ предлагаю ихъ взаймы, отдашь когда будешь въ состояніи... Только, чтобъ это осталось между нами. Будемъ въ тайнѣ друзьями и товарищами по игрѣ. Ты мнѣ будешь нуженъ, очень нуженъ, мы другъ другу будемъ полезны и будемъ равно богаты, только слушайся меня... Я давно тебя люблю и давно искалъ твоей тружбы, одному играть и выигрывать невозможно.... Вотъ тебѣ мой дружескій советъ.... Вѣги по возможности всякихъ счетовъ въ игрѣ, не выигрывай никогда въ долгъ, столько, сколько человекъ не въ состояніи отдать, береги свою репутацию, притворяйся певиннымъ игменкомъ и не играй ни когда иначе, какъ навѣрное,—на счастье играютъ одни дураки, понимаешь ли ты меня?»

— Но я не умью, отвѣчалъ я, я не знаю никакихъ секретовъ въ игрѣ....

«Нужды нѣтъ, я тебя выучу».

— Но если меня поймаютъ?»

«Тогда тебя, разумеется, назовутъ подлецомъ; но есть, братецъ, такія вещи на свѣтѣ, которыя не уловимы и для мудрецовъ, а ихъ могутъ знать дураки. Повѣрь, что честность въ игрѣ, какъ и вездѣ, совершенные пустяки; всякій, кто играетъ, желаетъ выиграть, какъ бы добродѣтельнѣе человекъ не былъ; а кто играетъ на все состояніе, тотъ желаетъ выиграть во что бы то ни стало, и еслибы можно было только, почесавъ перепосицу, всѣ деньги друга перевести въ свой карманъ, то, вѣрь мнѣ, что всѣ самые добродѣтельные игроки ходили бы съ расчесанными до крови переносицами; если же иной и играетъ честно, это только потому, что еще не просвѣтился и боится пощечины».

— Да как же ты самъ сей часъ проигрываешь мнѣ большій кушъ?

«Ну это было твое ослиное счастье, которое, конечно, другой разъ въ жизни уже не повторится; я металь тебѣ баламутъ, въ которомъ только и выигрываютъ двѣ карты, надобно же, чтобъ ты на нихъ именно попалъ.... Это судьба, братецъ.

Въ это время послышался стукъ подѣхавшей кареты.

«Перемѣнимъ разговоръ, сказалъ торопливо Оребуровъ, кто-то прѣхалъ; будь у меня завтра рано, я потолкую съ тобою серьезно объ одномъ важномъ дѣлѣ, и научу тебя необходимымъ вещамъ въ игрѣ....»

Мы замолчали;—въ это время повернулась ручка у замка, и вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ съ черными, какъ смоль, усами.

«Угодно ли попутаться, М-г Каркановъ? сказалъ хозяинъ.

— Отъ чего бы и не такъ, отвѣчалъ вошедшій.

«Гордоновъ, хотите ли метать пополамъ? спросилъ меня Оребуровъ.

— Извольте.

Игра кончилась въ десять минутъ, мы выиграли по 15 тысячъ.

«Прѣзжай же завтра, теперь мнѣ некогда, — мы будемъ имѣть продолженіе прерваннаго разговора, сказалъ Оребуровъ.

II.

На другой день рано утромъ отправился я къ Оребурову. Его парадныя комнаты еще только что убирались; въ дверяхъ, вѣдущихъ въ залъ, я долженъ былъ остановиться, ибо въ это время выметалась туча картъ, загромоздившихъ собою входъ

— Баринъ проснулся? спросилъ я слугу.

«Проснулся и приказали просить.»— Я вошелъ въ кабинетъ Оребурова. Оребуровъ сидѣлъ въ халатѣ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежали груды запечатанныхъ картъ; въ фарфоровой вазѣ была горячая вода, на столѣ было разложено множество стальныхъ инструментовъ, употребленіе которыхъ мнѣ было во все неизвѣстно, клочекъ хлопчатой бумаги, очки, два большихъ бинокля, циркуль, треугольникъ и утюгъ....

«Вотъ ты одинъ изъ весьма немногихъ, сказалъ мнѣ Оребуровъ, которыхъ я принимаю въ моемъ кабинетѣ въ то время, когда онъ представляетъ такую милую мастерскую. Но какъ вчера ты выигралъ на вѣрное, то сталъ товарищъ мнѣ по ремеслу, и какъ ты общался быть моимъ вѣрнымъ сотрудникомъ, то пора тебѣ сбро-

свить эту невинность, которая ведет только къ нищѣтѣ, и пора посвятить тебя во всѣ таинства азартной и вѣрной игры. Это, братъ, не то, что подкладывать лишнюю черносливную косточку между большимъ и указательнымъ пальцемъ, вѣтъ, тутъ нужна снаровка похитрѣе; во первыхъ: надо умѣть составить и свестъ игру; во вторыхъ: надо приготовить игру сообразно съ умомъ и степенью догадливости игрока; а въ третьихъ: надо умѣть выиграть столько, чтобъ выигравши можно было получить деньги. Видишь ли ты всѣ эти вещи на столѣ,—онѣ лежатъ здѣсь не даромъ, каждая изъ нихъ приноситъ пользу умному человѣку и додѣлываетъ то, чего никакъ не хотѣтъ додѣлать Александровская фабрика. Теперь я научу тебя разнымъ *штучкамъ изъ Лодоиски*, садись-ка. Вотъ я прежде всего покажу тебѣ, какъ надобно подпечатывать колоду.

Я устремилъ все мое вниманіе на Оребурова. Оребуровъ взялъ одну изъ лежащихъ передъ нимъ запечатанныхъ колодъ.

«Заприка дверь ключемъ,—прибавилъ онъ,—осторожность не мѣшаетъ; конечно, теперь еще такъ рано, никто не взойдетъ, но все лучше.—Когда я заперъ дверь, тогда Оребуровъ отщипнулъ клочекъ хлопчатой бумаги, помочилъ его въ горячей водѣ и началъ то прикладывать, то отнимать отъ штемпеля, которымъ придерживался бандероль колоды. Не болѣе пяти минутъ продолжалась эта работа, какъ штемпель отсталъ отъ бандероля; тогда Оребуровъ осторожно отмочилъ тою же хлопчатую бумагою одну сторону бандероля и, открывъ отверстіе у одного бока колоды, высыпалъ всѣ карты на столъ.—Вотъ видишь ли, какъ это все просто дѣлается, продолжалъ онъ,—возми-ка отбери въ этой колодѣ четъ и нечетъ.—Когда я исполнилъ его приказаніе, тогда онъ взялъ четныя карты, началъ каждую изъ нихъ по отдельности класть на стальную дощечку, имѣвшую на оконечностяхъ выпуклости и маленькую впадину на серединѣ. Положа карту на эту дощечку, онъ прикрывалъ ее подобною ей, такъ что каждая карта находилась въ тискахъ отъ 2-хъ до 3-хъ минутъ. Когда всѣ карты подверглись такому процессу, тогда онъ смѣшалъ ихъ съ прочими картами колоды и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: по игрецки это называется, братецъ, созданіе самой невинной *верховочки*; выгода этой игры состоитъ въ томъ, что когда мой противникъ будетъ метать банкъ, то по сѣмкѣ я всегда могу узнать, четъ или нечетъ верхня карта, и потому всегда избѣгну несчастія попасть подъ первый абцугъ.

— Ну это самый пустой авантажъ! сказалъ я, для этого не стоитъ такъ долго трудиться.

«Чтобъ авантажъ былъ не пустой, отвѣчалъ Оребуровъ, надо понтировать семпелями и не такъ крупно; онъ весьма важенъ à la longue.

Потомъ Оребуровъ распечаталъ подобнымъ же маперомъ несколько другихъ колодъ. На одной онъ отметилъ всѣхъ тузовъ циркулемъ, сдвлавъ на бокахъ едва приметныя точки.— Это, братецъ, необходимо для палочной игры, прибавилъ онъ, вотъ напримѣръ, ты далъ противнику карту, а тебѣ, видишь, идетъ тузъ, то, разумеется, ты, чтобъ избѣгнуть его, передернешь.— И действительно Оребуровъ передернулъ карту такъ искусно, что я, сѣдя подлѣ него и смотря внимательно на его руки, ничего не замѣтилъ.— Эта игра не проигрывается, сказалъ Оребуровъ, но для этого надобно упражнять свои руки ежедневно,—я тебѣ советую, ты всякій день, какъ встанешь и покуда сѣдишь дома въ халатъ, бери колоду и упражняйся... Это все равно, что игра на скрипкѣ: не поиграй педелью какой-нибудь артистъ, совсѣмъ не та легкость и мягкость въ смычкѣ...

На другой колодѣ Оребуровъ намѣтилъ всѣхъ фигуръ, тоже двѣя маленькія, едва замѣтныя точки циркулемъ. Когда такимъ образомъ онъ перемѣтилъ всѣ колоды, то опять вложилъ ихъ въ пакеты, обернулъ бандеролями и намазавъ штемпеля кисточкою, обмоченною въ вишневыя клей, опять приклеилъ ихъ къ бандеролямъ.

«Хорошо ли идетъ моя фабрикація, Гг. подмастерье?—спросилъ онъ.

— Отлично, — отвѣчалъ я.

«Хотя, братецъ, ты долженъ непременно метать, потому что понтируютъ одни дураки, но иногда бываютъ случаи, продолжалъ серьезно Оребуровъ, гдѣ и умный человекъ долженъ дѣлать глупости, для того, чтобъ показать, что онъ дѣлаетъ то же, что и другіе, следовательно, на случай, если тебѣ придетъ необходимость понтировать, то я дамъ тебѣ и на этотъ случай фортель. Вотъ, напримѣръ, возьми колоду и дай мнѣ срѣзать, я тебѣ всегда такъ срѣжу, что буду въ состояніи поставить вѣрную карту.—Я далъ срѣзать Оребурову. Онъ срѣзалъ.—Идетъ десятка, сказалъ онъ.—Я началъ метать, и десятка дапа была по второму абцугу.

«Что, хитро? спросилъ меня Оребуровъ, а просто сущіе пустяки: вотъ видишь ли ты этого трефового валета, которымъ я рѣзалъ, видишь ли ты его поясъ? тутъ вставленъ сгальной крючекъ, который имѣетъ такой размѣръ, что когда ты прорѣзываешь колоду картою, онъ прорѣзываетъ собою еще четыре карты, и ты,

сидя съ боку, можешь видѣть четвертую карту, которая при меткѣ падаетъ во второмъ абцугѣ налѣво. Эта игра называется, братецъ, по-игрецки: *подцѣли на крючекъ*. А то вотъ еще очень авантажная игра,—продолжалъ Оребуровъ весьма серьезно: *нашпокъ*.

— Какъ же это?

«Это весьма просто, напримѣръ: вотъ видишь тройку? ты ее ставишь; если банкومتъ тебѣ тройку даль, ну и хорошо, а если тройка упала направо, то ты молчи, она у тебя сдвигаться можетъ двойкою.—И въ самое это время онъ приложилъ руку къ очку, бывшему на серединѣ карты,—очко осталось у него въ рукѣ, а карта представляла двойку.

«А то вотъ Польскія фигуры, продолжалъ Оребуровъ, показывая мнѣ на королей; ну мечи, прибавилъ онъ, поставя одного изъ королей.

Я началъ метать и убилъ короля.

— Убилъ, сказалъ я.

«Неправда, отвѣчалъ Оребуровъ, у меня идетъ дама; и онъ показалъ мнѣ половину карты,—это была дѣйствительно дама; когда же онъ открылъ всю карту, то оказалось, что другая половина карты была приставлена отъ короля. Подобныя же понтерки онъ показалъ мнѣ изъ пятерокъ, которыя отвѣчали и за пятерку и за туза, ибо два верхнія очка пятерки съ одной стороны были искусно уничтожены.

«Теперь я выучу тебя, какъ складывать баламутъ и круглый пнтось; смотри: надо сперва положить даму и даму, потомъ тройку и даму, пятерку и тройку, четверку и пятерку, короля и тройку, семерку и короля, туза и короля, и т. п., чтобы только направо всегда выходила новая карта, а налѣво какая хочешь. Тасовать же станешь, то ихъ тасуй въеромъ, вотъ такъ, они никогда не растасуются.—Тутъ дѣйствительно Оребуровъ раздвинулъ всѣ карты на подобіе дамскаго въера и повидимому прорѣзалъ одну карту черезъ другую, такъ что онъ всѣ перетас овались, а на самомъ дѣлѣ онъ остались въ томъ же порядкѣ, какъ были сложены.—Чтобъ тебѣ удобнѣе было различать крапъ и мѣтки на картахъ, советую, братъ тебѣ носить очки какъ у меня.—И тутъ онъ подалъ мнѣ свои очки. Когда я ихъ надѣлъ и посмотрѣлъ на карты, то каждая изъ нихъ была съ полъно, до того стекла увеличивали предметы и ясно показывали малѣйшее пятнышко на рубашкѣ карты.

«Теперь я выучу тебя, какъ дѣлать *широкій листъ*, сказалъ Оребуровъ; смотри!—Онъ взялъ изъ колоды одну карту, окунулъ ее всю въ воду, потомъ наложилъ на нее платокъ и началъ гладить утюгомъ. Послѣ чего онъ положилъ ту карту между двум

стальными дощечками, представлявшими родъ пресси, и накрѣпко завинтилъ ихъ бока. Когда карта подежалась между дощечками минутъ пять, тогда онъ ее вынулъ, вложилъ въ колоду и подаль мнѣ снять.—Ощупай широкую карту и снимай подъ нее, сказалъ онъ мнѣ. Я безъ труда ощупалъ карту, которая действительно была шире другихъ, и снялъ подъ нее.—Это игра для татарки,—прибавилъ Оребуровъ, водъ средство всегда, когда надо снять шкуру.

«Ну на первый разъ довольно, сказалъ Оребуровъ, теперь займемся, поговоримъ посерьезнѣе; я знаю, что съ тобой очень друженъ одинъ милый человекъ.

— Кто это?

«Баронъ Брунстбаръ.

— Друженъ.

«Надо его немного пощипать; ну на что ему деньги? онъ, говорятъ, глупъ, какъ пробка и скупъ какъ настоящій Гарпагонъ.

— Да онъ не играетъ въ карты.

«Это пустяки! ты только дай мнѣ честное слово, что не продашь его никому кромѣ меня; даешь ли честное слово?

Баронъ Брунстбаръ былъ мнѣ товарищъ по воспитанію, человекъ нѣсколько разъ оказавшій мнѣ знаки искренней дружбы.

— Не можешь ли ты мнѣ указать кого-либо другаго? сказалъ я,—этого человека я люблю, мы съ нимъ дружны съ дѣтства.

«Ты просто оселъ! прервалъ меня Оребуровъ: да если человекъ, желающій обогатиться посредствомъ игры, будетъ разбивать родство и дружбу, то онъ насидится безъ хлѣба; дѣло-то въ томъ и есть, любезный, что въ игрѣ только и можно скорѣе всего поддѣть друга; вѣдь вынче враги, или даже малознакомые страхъ какъ осторожны; за наши наслажденія должны непременно платить одни друзья; или сиди дома и соси лапу. Ну что же ты молчишь? Впрочемъ, ну, если не съ тобою, то я съ другимъ достану этого Брунстбара, убытокъ будетъ только на твоей сторонѣ; вѣтъ, братъ,—я тебѣ предсказываю, что съ твоими понятіями надо служить въ канцеляріяхъ, а не метать банкъ; тутъ, братецъ, филантропія ведетъ прямо въ яму....

— Хорошо, я тебѣ доставлю случай познакомиться съ барономъ, но онъ играть не будетъ, ты самъ увидишь.

«Ужъ это не твое дѣло, а мое, отвѣчалъ Оребуровъ.

III.

Послѣ совершеннаго разрыва съ Лиди, у меня явилась странная мысль, во что бы то ни стало, разорять именно тѣхъ, кто ей нравится, и особенно того, кому она отдаетъ предпочтеніе прѣзъ другими.

Вдругъ распространился слухъ, будто Баронъ Брунтсбаръ ищетъ руки Мистериной; слухъ этотъ былъ основателенъ; Баронъ былъ выгодный женихъ въ городѣ, всегда восхищался Лиди и принадлежалъ къ толпѣ ея ревностныхъ обожателей. Зависть, сильнѣйшая изъ моихъ страстей, примѣшалась тутъ вмѣстѣ съ ревностію и оскорбленными; самолюбіемъ; мнѣ пришла рѣшительная мысль разорить Брунтсбара... Но всѣ мои происки оставались тщетными; на многихъ завтракахъ и обѣдахъ Баронъ, не смотря на различныя ухищренія, приметно уклонялся отъ игры; мы долго толковали съ Оребуровымъ и наконецъ согласились исполнить наше намѣреніе на дачѣ. Я нанялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы загородный домъ со всеми удобствами для сельской жизни. Въ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ дней я пригласилъ Барона и Оребурова. Разнесшіяся по небу сврыя тучи и пузыри въ лужахъ предвѣщали, что дождь обложится на нѣсколько дней. Мы играли на билиардѣ, болтали, завтракали, дождь лилъ ливнемъ,—намъ становилось скучно. День уже склонялся къ вечеру, дождь все не умолкалъ, мы уговорили Барона остаться ночевать; когда онъ отослалъ карету, и мы были обезпечены, что онъ не увидѣтъ, тогда я сказалъ Оребурову: мечи банкъ, я пойду по маленькой, и началь понтировать по 10 рублей на *чучелу* ⁽¹⁾,—между тѣмъ подавали шампанское.

— Что ты дѣлаешь, когда тебѣ скучно?—спросилъ я Барона.
«Ничего,—отвѣчалъ тотъ.

— Почему жъ ты не играешь?

«Потому что это занятіе для меня скучнѣе всякой скуки.

— Вы правы, сказалъ Оребуровъ, съ вашимъ состояніемъ нѣтъ никакого шанса для игры: проигрышъ не можетъ сдѣлать разницу, а выигрышъ вамъ не принесетъ никакого удовольствія—кажется, вы ни въ чемъ не терпите нужды. Вамъ если можно играть, то это развѣ на орѣхи или на конфекты.

(1) Игрѣеое зырженіе—играть ни въ чью съ своимъ пріятелемъ, для завлеченія другаго.

Баронъ не отвѣчалъ ничего. Мы продолжали играть, такъ прошла и полночь, мы проиграли до пятиго часа утра... Я остался въ выигрышѣ около шести тысячъ рублей.

— Хорошо, ребятишкамъ на молочнишко, сказалъ я, потрихивая червонцами.

«Да ты теперь богаче меня,—сказалъ Брунтсбаръ управляющій меня обманулъ и я теперь сижу безъ гроша.

— Возьми у меня вотъ эти деньги въ займы.

«Съ большимъ удовольствіемъ, я возвращу тебѣ черезъ мѣсяцъ.

— Когда хочешь.

На другой день опять шелъ дождь. После завтрака Оребуровъ мнѣ сказалъ: послушай Гордоновъ, двѣать теперь нечего, а въ лютой подмазкѣ; ты непременно долженъ дать мнѣ реваншъ; а хочю хоть немного отыграться.

— Изволь,—отвѣчалъ я. Разложили столъ, мы опять начали играть, Баронъ курилъ трубку и звалъ, дождь лилъ ливнемъ. Я проигралъ выигранныя деньги и еще тысячу десять своихъ; игра продолжалась.....

— Поставь на счастье карту, Брунтсбаръ,—сказалъ я Барону,— для поддержки тали, ты видишь какъ мнѣ неидеть.

«Нѣтъ, я далъ себѣ слово никогда не играть, да и нѣтъ денегъ; я знаю, Г. Оребуровъ играетъ въ большую.

— Помилуйте, развѣ вы не видите, что это игра не для денегъ, а для удовольствія.

«Пожалуйста поддержи талию, сказалъ я опять Барону; ну, Оребуровъ, позволь ему ставить на карту вмѣсто денегъ конфекты.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

«Ну, идетъ фунтъ конфектъ!»—сказалъ Баронъ, и поставилъ карту.

Я продолжалъ тоже понтировать. Карта Барона была убита, онъ поставилъ другую, тоже убита, было убито 20 картъ.

«Однако, почему же фунтъ конфектъ я вамъ проигрываю?»

— Почему хотите, отвѣчалъ Оребуровъ.

«Вы слишкомъ великодушны, по крайней мѣрѣ по пяти рублей.

— Очень хорошо.

Въ полчаса Баронъ проигралъ 100 фунтовъ конфектъ; игра продолжалась.—Баронъ сталъ горячиться; чрезъ десять минутъ Баронъ проигралъ 1000 фунтовъ конфектъ.

— Приведите это въ деньги,—сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, и Оребуровъ записалъ за нимъ пять тысячъ. Баронъ пошелъ маркой въ 500 рублей, и въ полчаса за нимъ было написано 120,000 руб.

— У меня теперь нетъ денегъ, сказалъ Брунстбаръ, но Г. Гордоновъ за меня поручится, вотъ вамъ моя росписка.

«Достаточно вашего слова, отвѣчалъ Оребуровъ».

Ровно черезъ мѣсяць Баронъ заплатилъ деньги Оребурову, но какъ челоѵка аккуратнаго и скупаго этотъ проигрышъ его разбѣсилъ. Ему хотѣлось непременно отыграться, онъ началъ играть въ палки въ клубъ, каждый день искалъ игры съ Оребуровымъ; мы играли пополамъ, и не болѣе какъ въ полгода все дѣрвни Барона были проданы, а деньги остались у меня съ Оребуровымъ; онъ еще перебивался нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ началъ продолжать.... Баронъ у Мистеринныхъ получилъ отказъ; быстрое разореніе его сдѣлалось извѣстнымъ; въ городѣ все, кого онъ называлъ друзьями, въ томъ числѣ и я и Оребуровъ, отстали отъ него по немногу; всякій бѣжалъ челоѵка, который могъ попросить взаймы денегъ. Вскорѣ у Брунстбара уже не было ни лошадей, ни порядочной квартиры.... Онъ окончательно *покатился*.... Наконецъ, несчастнаго можно было встрѣтить на большихъ Московскихъ улицахъ, всего въ заплаткахъ, иногда безъ шинели во время проливнаго дождя.... Такъ быстро совершилось паденіе богача, во въ большомъ городѣ, гдѣ происшествіе смѣняется происшествіемъ, объ этомъ поговорили нѣсколько дней и забыли; другая новость замѣнила рассказы о разорившемся Баронѣ....

М Л О Ч И.

«О счастья съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бдѣнь я;
Ужель вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынь бытій?»

Такъ говоритъ Баратынскій. (Замѣчаемъ это для тѣхъ господъ, которые считаютъ себя въ правѣ не читать ничего, кромѣ своихъ собственныхъ произведеній, да, изрѣдка, трудовъ своихъ пріятелей, — господъ, которымъ ничего не стоитъ, однимъ почеркомъ пера, разбить славу Ломоносова, Державина, Богдановича, Дмитріева, Карамзина: «это, дескать, старье, въ архивъ давно пора его, да развѣ въ хрестоматіи напечатать изъ милости, и то со звездочкой, для предостереженія молодаго поколѣнія; а вотъ, не угодно ли прочесть мою статейку. Гриша (мы съ нимъ недавно обѣдали у Излера) клянется, что Жюль-Жанену и во снѣ не приснится такого фельетона. Славный малой этотъ Гриша, и пишетъ не дур-

но, очень не дурно. Сказать правду, я да онъ, да развѣ еще Андрей Андреевичъ—только и есть литераторовъ въ высококъ, полномъ значеніи этого слова»... Да-съ, видно птицу по полету, робко замѣчаетъ читатель, ошеломленный фельетончикомъ, гдѣ литературный шутокъ, на диво всѣмъ, отъ устрицъ переходитъ къ «беллетристичкѣ», потомъ патетически восхищается вистомъ-ералашью, приходитъ въ «экстазъ» отъ цыганъ, ридитъ и судитъ о музыкѣ, коверкаетъ теорію художествъ, и въ заключеніе, *pour la bonne bouche* своего фельетоннаго венегрета, глумится надъ «Душенькой», не находя въ ней ни граціи, ни женственности, и, главное, ни капли *шпику*, которымъ такъ щедро надмены Парижскія гризетки и лоретки... Но обратимся къ дѣлу.—«О счастья съ младенчества тоскуя»... такъ говоритъ Баратынскій, такъ говорило и повторяетъ, хотя не въ стихахъ, почти все человечество, съ различными измѣненіями, смотря по тому, какъ кто понимаетъ счастье, и не тревожатъ эти слова лишь тѣхъ невинно-безмятежныхъ людей, для которыхъ уже самый процессъ вещественной жизни составляетъ полное счастье. Но неужели все тосковать, неужели нѣтъ никакихъ средствъ быть счастливымъ? — «Какъ не быть, отвѣчаетъ виковая мудрость: довольствуйся тѣмъ, что есть, помни золотую средину, *auges mediocritas*, (но не будь посредственностью въ жизни), держи умъ въ ладу съ сердцемъ»... «Позвольте, позвольте, прерываетъ искатель счастья: этою моралью прожужжали мнѣ все уши. Не трудитесь продолжать: напередъ знаю, что скажете. Въ любой азбукѣ найдешь эти утѣшительныя правоученія. Вы давайте мнѣ то, что можно приложить прямо къ жизни, не мораль, не пустую отвлеченную теорію, за которую я и гроша не дамъ, а дѣльную практику.» Понимаете? Мудрость безмолвно откланивается, но не успѣла она еще выйти изъ дверей, къ искателю счастья является какой-то господинъ, благообразной наружности, одѣтый весьма прилично, съ порядочными манерами; подъ мышкой у него изрядная кupa.—Что вамъ угодно? не совсемъ учтиво спрашиваетъ искатель счастья.—«Имѣвъ удовольствіе слышать, что вы находитесь въ несчастіи отъ недостатка счастья, я осмѣлился предложить вамъ мои всепокорнѣйшія услуги»... (при этомъ господинъ галантерейно расшаркивается и принимаетъ самое почтительное положеніе).—Да вы кто такой? — «Современность, животрепещущая современность, честь имѣю рекомендоваться». — А, очень пріятно. Извините, что я васъ не узналъ. Садитесь пожалуйста. Такъ что же вы... я не вслушался давеча? — «Да насчетъ счастья-съ». — Что же, вы изобрѣли его? — «Помилуйте, все силы свои

употребилъ на это, не жалѣлъ, можно сказать, ни крови, ни поту, единственно для блага человечества. Вотъ-съ, извольте, соблаговолите принять съ нашимъ почтеніемъ». — Что это такое? — «Книга-съ: «Правила честнымъ образомъ пріобрѣтать себѣ довольство въ жизни, умножать доходы и достигать благополучія, или изложеніе средствъ сдѣлаться со временемъ, если не весьма богатымъ, то по крайней мѣрѣ достаточнымъ, въ какомъ бы званіи кто ни былъ». Извольте обратить особенное вниманіе, что тутъ говорится: честнымъ образомъ; это, можно сказать, благоденствіе для совѣсти». — Да, честь нынче ужасно возвысилась въ цѣнѣ; все кричатъ о чести, о добросовѣстности. — «Такъ ужъ вы на этотъ счетъ будьте спокойны: честь останется при васъ, а богатства и счастья не оберетесь». — Г-мъ! Позвольте-ка взглянуть на ваше изобрѣтеніе. Да вѣдь это, кажется, не новая книга? — «Справедливо извольте говорить. Только теперь къ ней приклеена новая обертка, для близору-съ, понимаете? — и продается она по уменьшенной цѣнѣ: три гривенника, для блага человечества, а не изъ какихъ-нибудь выгодъ. Не извольте беспокоиться». — Помню я эти три гривенника. Заплатилъ послѣдніе за Ротшильдовскій способъ разбогатѣть: куда, Ротшильдъ надулъ! Потомъ какой-то господинъ А. Б. выхлѣлъ съ: «Нѣчто бѣднѣе объ искусствѣ наживать деньги: тоже три гривенника. Я съ-дуру и купилъ это «Нѣчто». Надуванція, чистѣйшая надуванція. Учитъ, какъ обдѣлать на чужой счетъ: знаю я эту систему и безъ него. Толку мало; эти обдѣлы у меня въ горлѣ пѣтухомъ поютъ.... «Повѣрьте честному сѣву, это совсѣмъ не то, не такой работы; здѣсь дѣло на совѣсти. Останетесь довольны». . . Искатель счастья не рѣшается, однако, пріобрѣсти драгоценныя «Правила». — А это что у васъ такое? спрашиваетъ онъ, видя, что господинъ Современность вынимаетъ еще какую-то книгу. — «Это уже известное публикѣ, одобренное ею Россійское сочиненіе: Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ, въ 3 частяхъ, 3-е изданіе; тоже по уменьшенной цѣнѣ.... для блага человечества. Ужъ въ этомъ не извольте сомнѣваться». — Ну, этотъ «Способъ» я знаю: устарѣлъ. — «Такъ возьмите «Правила». — Право не знаю, что дѣлать: папиросокъ надо бы купить.... а я въ чертовскомъ безденежьи. — «Помилуйте-съ, да вамъ скоро регалии будутъ ни по чѣмъ. Всего-то три гривенника: на всю жизнь купите счастье, вѣкъ будете благодарить меня. Я не изъ корысти какой-нибудь — единственно для общей пользы, ей-Богу-съ». Убѣжденный искатель счастья со вздохомъ вынимаетъ изъ портъ-монета два пяти-алтынныхъ и отдаетъ ихъ господину Современности. —

«А позвольте еще спросить, осмѣлюсь беспокоить, продолжаетъ этотъ послѣдній: у васъ нѣтъ дражайшей супруги?» — Нѣтъ Миѣ не везетъ ни въ картахъ, ни въ любви. Ни одной порядочной партіи. — «Жаль-съ. А я приготовилъ было для васъ: «Искусство быть любимой и счастливой въ супружествѣ». Новѣйшее, отличнѣйшее сочиненіе». — Ну, когда женюсь, такъ пожалуй возьму. А теперь вы ступайте съ этимъ «Искусствомъ» къ моей соседкѣ, она жаждетъ любви. — «Мое почтеніе-съ!»

— Хлопочемъ мы о счастіи, — не упускаемъ изъ виду и другихъ вспомогательныхъ средствъ, содѣйствующихъ услажденію нашей земной жизни. «Ручная книга Русской опытной хозяйки» вышла седьмымъ изданіемъ, исправленная и дополненная; «Странуха» — поддѣлка подъ знаменитые труды Г-жи Авдвевой — дождала до втораго изданія; явилась «Русская постная повариха»; Слѣпецъ-старецъ Герасимъ Степановъ тиснулъ 2-мъ изд. свой «Послѣдній поваренный трудъ» — лебединая пѣснь автора пяти кухонныхъ книгъ; нашелся «Новый способъ готовить лучшіе водки и ликеры въ нѣсколько минутъ»; напечаталось «Наставленіе готовить отличныя игристыя кислыя щи, квась и пиво»; къ ярмаркѣ печатается третье изданіе энциклопедіи, составленной обществомъ кухарокъ... И всеми этими благами подарила насъ половина текущаго урожайнаго года! Раздолье желудку, кататься какъ сыръ въ маслѣ, жарь, вари, пеки, распространяйся въ объемъ и прибавляй себѣ жизненной полноты, *turgor vitalis*, какъ говорятъ медики...

— Впрочемъ, сказать по правдѣ, кухня и ея произведенія — предметы первостепенной, безъ всякаго преувеличенія, міровой важности. Чтò бы ни говорили иные умники, увѣряющіе, вслѣдъ за древними философами, что человекъ живетъ не для того только, чтобы ѣсть, а напротивъ, ѣсть для того, чтобы жить, — гастрономія нивогда не перестанетъ услаждать большинство человечества, и желаніе покушать хорошо всегда будетъ для многихъ, и очень многихъ, единственною цѣлью жизни. — Со всего свѣта съѣзжаются теперь въ Лондонъ гости на всемірную выставку. Одного влечетъ сюда любознательность, другаго простое любопытство, третьяго желаніе людей посмотреть, себя показать, четвертаго (и такихъ людей наберется много) желаніе получить право говорить: «когда я былъ въ Лондонѣ, на выставкѣ»... И всѣ эти тысячи тысячъ посетителей хрустальнаго дворца, разумѣется, каждый будутъ обращать особенное вниманіе на то, чтò болѣе занимаетъ кого: здѣсь чудеса механики, тамъ малахитовая мебель, тутъ золотой самородокъ, безцвинный алмазъ ко-и-нуръ, дальше кашемирскія шали,

восхитительныя ткани ⁽¹⁾, музыкальные инструменты... всего не перечесть. Но гдѣ будетъ собираться больше посѣтителей, гдѣ слышно будетъ больше восклицаній, радостнаго изумленія, похвалъ и гомерическаго восторга? Навѣрно, въ томъ небольшомъ уголку, гдѣ красуется исполнискій пирогъ, испеченный Голландіею, и гдѣ рядомъ съ нимъ висятъ два другія чуда гастрономіи: пяти-пудовой свадебный пирогъ и сахарная модель хрустальнаго дворца, названнаго «пирогомъ всѣхъ націй»... Право, слюнки потекутъ у инаго при взглядѣ на эти блистательныя доказательства современнаго умѣнья кушать, и не одинъ посѣтитель позавидуетъ присяжнымъ судьямъ выставки, имѣющимъ право оценивать всѣ произведенія и слѣдовательно, пробовать, узнавать достоинства этихъ баснословныхъ пироговъ... А рядомъ съ хрустальнымъ дворцомъ, въ Горь-Гоузъ, современная знаменитость кухни — Лондонскій поваръ Соѣ открылъ «всемирный симпозиумъ», гдѣ обѣщаетъ заразъ накормить до шести тысячъ человекъ, а потомъ еще обѣщаетъ читать лекціи о поваренномъ искусствѣ, которыя, по его словамъ, должны произвести переворотъ, впрочемъ благотворный, потому что, по его новозобретенной системѣ, содержаніе стола будетъ обходиться вполнину дешевле, чѣмъ теперь. (Г. Соѣ нельзя не вврить: онъ далъ великолѣпный обѣдъ всѣмъ журналистамъ, собравшимся въ Лондонъ). После такихъ фактовъ нечего и говорить о важности гастрономіи. — Но спрашивается: что, если господа кухмистеры и пирожики удостоятся награды за свои произведенія (а это легко можетъ случиться), какую медаль слѣдуетъ дать имъ? Уже, конечно, не такую, какая назначена для прочихъ выставщиковъ (экспонентовъ); приличнѣе всего, съ портретомъ Карема или Вателя, а еще приличнѣе наградить ихъ бронзовымъ вертеломъ или 7-мъ изданіемъ «Русской опытной хозяйки». Въ наше время, когда всѣ національности сближаются, ни Французскому, ни Англійскому повару ни чуть не унизительно посвятить свои способности, свою профессію — печенію Русской кулебки по наставленію «Постной поварихи». Да и почему бы нашей кулебакѣ не занять почетнаго мѣста между Голландскимъ пирогомъ, или Стразбургскимъ паштетомъ? Почему бы, спрашиваемъ, не устроить всемирной выставки гастрономической, куда каждый бы народъ явился съ произведеніями своей кухни, съ предметами, служащими ему пропитаніемъ. Зрѣлище было бы — если не поучительное, то, по крайней мѣрѣ, любопытное и усладительное для тѣхъ господъ, современные во-

(1) Замѣтимъ кстати, что *первыми* изъ предметовъ, представленныхъ на выставку, были два модные чепчика. Какое счастливое предзнаменованіе!...

просы которыхъ ограничиваются привозомъ устрицъ или улю-объяденьемъ въ клубъ. Притомъ, такая выставка наглядно доказала бы положеніе естествоиспытателей, что человекъ — вселенное животное.... А воть ревнители общественной пользы, съ гастрономіей впереди, займутся этимъ проэктомъ, и заслужатъ себѣ вънокъ изъ лавровъ съ окорока Вестфальской ветчины, или 7-е изданіе «Хозяйки» въ бархатномъ переплетѣ...

— Читаемъ мы гастрономическія книги, не забываемъ и тѣхъ, кто непосредственно служить нашему желудку. Одно животное, очень уважаемое на кухнѣ, являющееся на столѣ въ двадцати видоизмѣненіяхъ, и всегда къ полному удовольствію гастрономовъ, — оно даже удостоилось неслыханной почести. Если вамъ когда случится (въ Москвѣ) проходить по одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ въ каждомъ окнѣ развѣшены и разставлены самыя соблазнительныя приманки для глазъ, и этимъ путемъ всевозможной «галантерейности» вы дойдете наконецъ до гастрономическаго (попросту еѣстнаго) магазина — взгляните вверхъ. Горитъ какъ жаръ, но не жаръ-птица, а именно то самое животное, о которомъ упомянуто выше, животное, измѣнившее судьбу размолвки Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, животное, составлявшее предметъ сердечной страсти господина Скотятина, словомъ.... но вы позволите намъ не называть этого животнаго по имени. Стоитъ оно на *пьедесталѣ*, во всей красѣ, созерцательно опустивъ голову и уши внизъ, и видѣться на всю улицу блескомъ своей позолоты. И такіе «монументы» встрѣтятся не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и жаль, что они не снабжены приличными надписями, которыя свидѣтельствовали бы о признательности человечества къ означенному животному. Но положимъ, что этотъ монументъ замѣняетъ вывѣску: здѣсь, дескать, можно вкусить «блюда боговъ», по выраженію древнихъ гастрономовъ. Это ничего. Сочувствіе наше простерлось далѣе. Года четыре тому назадъ, между нашими филантропами завязался жаркій споръ о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ животными. «Это варварство, какъ мы мучаемъ безвинныхъ тварей», кричали защитники угнетаемыхъ лошадей, коровъ и собакъ: «гуманность должна проявляться во всемъ. Освободите животныхъ отъ тиранніи, предоставьте каждое природѣ, и выѣте мяса, потому что человекъ дичаетъ отъ него», и проч. и проч. — «Докажите намъ, возражала противная сторона, что съ животными слѣдуетъ обращаться гуманно, что мы дѣлаемъ преступленіе, похищая цыпленка изъ-подъ крыла насѣдки, — докажите, и мы станемъ питаться щавелемъ, салатомъ, чѣмъ прикажете». Посло-

рили, поспорили — тѣмъ дѣло и кончилось. Животныя не получили никакихъ привилегій, даже не составилось въ пользу ихъ ни одного скотололюбиваго или филоктинического общества. Но теперь оказывается, что споръ о гуманности не пропалъ даромъ. Въ III № Московскихъ Полиц. Вѣдомостей этого года мы имѣли удовольствіе прочесть слѣдующее объявленіе: «Нужна кухарка готовить кушанье и ходить за коровой немолодыхъ лѣтъ....» Если бы мы жили въ Индіи, то такое объявленіе очень естественно приписать вліянію Браманизма, для послѣдователей котораго корова — священное животное. Но здѣсь дѣло объясняется просто: гуманность, и все тутъ. Притомъ же, во время цвѣтущей молодости, корова эта, вѣроятно, приносила густѣйшія сливки и вкуснѣйшее молоко, приносила въ изобиліи, и отличалась благонаравіемъ (напримѣръ, не бѣгала со двора: въ наше время, какъ видно тоже изъ объявленій, и коровы, подражая собакамъ, нерѣдко дезертируютъ). Почему же не позаботиться о такой примѣрной коровѣ, когда она достигла немолодыхъ лѣтъ? почему не нанять кухарку для ухода за нею? почему, по смерти, не почтить ея памяти портретомъ? Дѣло бывалое....

— Но довольно о гастрономіи и ея принадлежностяхъ. Обратимся снова къ выставкѣ. Если конецъ вѣнчаетъ дѣло, то и начало все-таки много значить. Стоило Лондону первому устроить всемірную выставку, и вслѣдъ за нимъ не замедлили явиться претенденты на подобное же соединеніе всѣхъ народовъ въ средѣ своей. Въ Америкѣ уже составленъ проектъ покупки и перевозки хрустальнаго дворца изъ Лондона въ Нью-Йоркъ для выставки въ слѣдующемъ году, и Янки заранѣе разсчитываютъ барыши отъ этой спекуляціи. За Нью-Йоркомъ, по всѣмъ правамъ на имя всемірной столицы, выступить Парижъ, съ Парижа сдѣлаетъ контрафакцію Брюссель, а потомъ отъ такой блистательной роли не захотятъ отстать и прочія Европейскія столицы, и всемірная выставка сдѣлается, пожалуй, самой обыкновенной вещью.... Но это впереди, и въ ожиданіи этого будущаго Парижъ пока сильно хлопочетъ, какъ бы привлечь къ себѣ въ гости большую часть иностранцевъ, которые съѣдутся въ Лондонъ. Какъ ни сумраченъ политическій горизонтъ Франціи, но удовольствія идутъ своимъ чередомъ. Устраиваютъ огромную художественную выставку; но она врядъ ли сравняется своею занимательностію съ другимъ зрелищемъ, которое добрый градъ Парижъ, быть можетъ, приготовить для своихъ посѣтителей; по крайней мѣрѣ составленъ проектъ постройки національнаго театра, въ которомъ вмѣщалось бы до 12 т.

зрителей и который «служил бы для Французовъ средствомъ къ изученію исторіи, нравственности и любви къ отечеству!!!»
Ridendo castigat mores....

— Впрочемъ, какихъ нѣтъ путей для изученія чего бы то ни было: главное, нужна смысленость. Было, напримѣръ, у насъ, въ незапамятные времена, довольно число людей, которые бѣжали Русскаго духа, а потомъ познакомились съ нимъ отрицательнымъ способомъ, между прочимъ—посредствомъ Французскаго языка. Хотя не часто, но и теперь еще представляются подобные способы. Помните Мужика-польку и Акулину-польку? По случаю наступленія рабочей поры, они уволены изъ танцкласса въ деревню; а чтобъ М-г танцмейстеръ не былъ безъ дѣла, прикомандирована къ нему для упражненій «Афросинья-полька» (взроятно, это какая-нибудь деревенская баба, жившая въ Москвѣ въ кухаркахъ). Кавалеромъ къ «Афросиньѣ» назначенъ полка: «Вареная патока съ имбиремъ». Въ первый день появленія въ танцевальную залу этихъ двухъ новичковъ, многимъ, не видавшимъ ихъ прежде, какъ-то странно было читать: *dans l'entracte l'orchestre exécutera le: polkas «Афросинья» et «Вареная патока съ имбиремъ.... «Афросинья— это еще понятно; но wagaiaa patoka.... qu'est ce que cela?»* Въ отвѣтъ выскачила сама Патока съ своими припѣвами о дядѣ Семіонѣ и теткѣ Аришѣ, отработала свой урокъ съ Афросиньей, и удалилась со сцены при громѣ рукоплесканій зрителей, граціозно раскланиваясь и присѣдая.... Рекомендуемъ Гг. композиторамъ, для ихъ вдохновеній, особенно по части модныхъ шоттшей, ералашей и редовъ,— рекомендуемъ изъ той же деревни, откуда Патока, вареную грушу, макъ жареный, медовой, и въ особенности раскатистую «по ягоду по клюкву, по Владимирскую по кррррупну!» Изъ этой послѣдней искусная рука можетъ составить грандіозную сонату à la Верди, т. е. съ причиннымъ употребленіемъ дюжины литавръ, трубъ и Турецкаго барабана. А Комаринскаго нашего Гг. композиторы, промышляющіе «Мужиками-польками», его вы не трогайте: позвольте намъ знать его въ томъ видѣ, какимъ вышелъ онъ на свѣтъ, да еще восхищаться фантазією М. И. Глинки на его мотивы, тою самою фантазією, въ которой вы и такъ называемые глубокіе знатоки музыки не нашли ничего классическаго. Гг. знатоки! нашъ «Бычокъ», нашъ «Комаринской» тѣмъ именно и хороши, что въ немъ нѣтъ ничего классическаго, что отъ его звуковъ сердцу просто весело, плечи сами собою шевелятся въ ладъ, а въ ногахъ чувствуется какой-то позывъ... А отчего это—того не скажетъ вамъ ни одно руководство къ изученію классической музыки....

— Хороши новыя польки, очень хороши... но Лондонская выставка не идетъ съ ума. О чемъ ни заговори, все думается о ней, и откуда бы ни зашла рѣчь, непременно склонится она къ Лондону. Кого не будетъ тамъ? Чего вельзя найти на всемирной выставкѣ?—Извѣстное двою: птичьего молока, простодушно замѣтитъ Русскій мужичекъ. Нѣтъ, братъ, и это пожалуй будетъ. Есть штуки еще помудренѣе; вотъ ихъ-то врядъ ли отыщешь на выставкѣ. Недавно была въ Москвѣ труппа вольтижеровъ, «артистовъ своего искусства», пріѣхавшая прямо изъ Рима, для удовольствія почтеннѣйшей публики. Множество диковинокъ привезли съ собою: напримеръ, цѣлый олимпъ, состоящій изъ 16 дѣвицъ, дитя-купидона, Турецкую мифологію, ученаго бульдога, грамотную лошадь; но всего рѣдкостивѣе, всего замѣчательнѣе былъ одинъ изъ членовъ труппы, называвшійся, по словамъ афиши, «Англійскій клопъ, комикъ гимнастики!» Что за чудо, толковали зрители, перечитывая афишу: знаемъ мы, что иные туристы, преимущественно занимающіеся своею особою, рассказываютъ ужасныя вещи о претерпѣнныхъ ими мученіяхъ на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ отъ провинціальныхъ клоповъ; читали когда-то, что въ Персіи водится такъ называемый Міанскій клопъ, любопытный для естествоислѣдовъ и очень опасный для туземцевъ; но что такое Англійскій клопъ, исправляющій должность комика гимнастики, рѣшительно не понимаемъ.—А ларчикъ просто открывался. За обогащеніе естественной исторіи новымъ насекомымъ надобно благодарить новое правописание. Извѣстенъ былъ у насъ прежде клоунъ (clown), родня паяцу, и клопа изъ него нельзя было сдѣлать. Вздумалось преобразователямъ языка приблизиться къ Англійскому выговору, и грѣхъ попуталъ ихъ....

— Есть еще новость, которая—не знаемъ, имѣется ли на выставкѣ, но во всякомъ случаѣ любопытна: это «непревѣнный механическій контролеръ». Какой же это контролеръ? «Новѣйшее, наиболѣзньшее изобрѣтеніе,» но ужъ навѣрно не Русской работы. «Сіе изобрѣтеніе, говоритъ объявленіе, чрезвычайно полезно, какъ для всехъ помѣщиковъ, равно и для каждаго торгующаго промышленника, потому что посредствомъ сего механическаго контролера они прелегко могутъ бдительность ихъ подчиненныхъ повѣрять съ точностью. Изъ всехъ случаевъ, въ которыхъ непревѣнный механическій контролеръ можетъ быть употребленъ, мы упоминаемъ слѣдующіе. Помѣщикъ, желаетъ ли удостовѣриться, что сторожъ находится при должности всю ночь и обходилъ вездѣ въ назначенныя часы, то на другой день устрои, не выходя изъ своей

комнаты, онъ можетъ это узнать посредствомъ механическаго контролера, не спрашивая о томъ сторожа, которому, можетъ быть, даже не известно, какимъ образомъ хозяинъ угадалъ бдительность или неисправность его. Механическій контролеръ показываетъ даже часы сна или отсутствія. — Купецъ, приказавъ своему прикащику приходить въ разное время въ назначенное мѣсто, можетъ узнать посредствомъ механическаго контролера, исполнилъ ли наложенную обязанность. — Госпожа, подозревающая горничную или лакея, украдкою открывающихъ двери или ящикъ, можетъ основательность своихъ подозрѣній увидѣть посредствомъ механическаго контролера, который ей покажетъ, была ли открыта дверь, и въ какіе часы, въ продолженіе ея отсутствія. Изъ оныхъ примѣровъ видно, въ сколь многихъ случаяхъ можно сей инструментъ приспособить, и при видѣ онаго всякій убѣдится въ математической точности онаго. «Разумется, этимъ обиліемъ смѣхъ и оныхъ нельзя убѣдиться: надобно посмотреть на удивительное изобрѣтеніе. Смотримъ (оно выставлено у Г. Готье, на Кузнецкомъ мосту), и почти ничего не понимаемъ. Нѣчто въ родѣ телеграфа: но примѣненіе его? — Увидите на дѣлѣ.» — То есть надобно купить контролеръ. А сколько стоитъ? — «Устроенный на одни сутки 50 р. с.,» а на всю недѣлю, который особенно полезенъ, 225 р. с. — Ну, нельзя сказать, чтобъ это было дешево. Конечно, совѣсть каждаго, подписаннаго дѣйствию механическаго контролера, должна будетъ держаться въ струнку, трудно станетъ погнуть ея, — но вѣдь трудно не значить невозможно, и у кого нѣтъ контролера въ душѣ, того не наставить на путь никакіе механическіе, какъ бы замысловато ни было ихъ устройство...

— Но положимъ, что недобросовѣтность, неаккуратность, вольная и невольная, будутъ убиты въ конецъ механическимъ контролеромъ: когда-то еще наступитъ это отрадное будущее, а мы уже теперь убиты... надгробною литературою. Растетъ она, хотя не быстро, но все-таки растетъ и распространяется. Зловѣщія объявленія (въ Сиб. Ведомостяхъ) отъ фабрики надгробныхъ монументовъ «въ новѣйшемъ вкусѣ» не перестаютъ появляться время отъ времени. Впрочемъ, глаза уже нѣсколько привыкли къ этому шепчету мого, и сердце рѣдко тревожится печальнымъ предчувствіемъ. Но какой недобрый духъ занесъ эти объявленія въ Москву, кто просилъ ихъ сюда? «Имѣются въ готовности разные чугунные памятники, кресты разной величины и кресты ажурные (!!) на разныхъ постументахъ» (?) и т. д. Недостаетъ только новѣйшаго вкуса и ручательства за прочную отдѣлку. И это печатается, окру

женное бордюрой, разъ десять къ ряду. Извольте радоваться. Да помилуйте господа! Конечно, очень понятно желаніе сбыть свои надѣля, да зачѣмъ же на ближняго-то нагонять тоску? Ваши издѣлія не нуждаются въ публикаціяхъ, они и безъ того обезпечены въ вѣрности сбыта, и хотя мы усердно желаемъ процвѣтанія всякой промышленности, но для вашей позвольте сдѣлать исключеніе; человечество ничего не потеряетъ отъ этого....

— За то, другая, почти столь же юная, литература заставляетъ насъ забывать непріятности, испытываемыя отъ надгробной это литература чайная. Началась она очень недавно, года четыре тому, и именно по случаю оправданія чайныхъ торговцевъ отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, а особенно процвѣла въ послѣднее время. Г. Климушинъ далъ ей особенное движеніе своими *остробукетно-медвяно-затхлисто-розанистыми* нововведеніями. Старикъ лянсинъ и мыюконъ, фучанъ и ванза ополчились противъ Г. Климушина, и сперва одинъ неизвѣстный доказалъ ему, что имя значитъ много не только въ чаяхъ — и вездѣ, а потомъ Г. Поповъ еще подробнѣе развилъ эту же мысль. Для насъ, потребителей, все равно какъ бы онъ назывался чай, лишь былъ бы хорошъ («какъ хочешь зови, лишь хлѣбомъ корми»); но производители приняли горячо къ сердцу нововведенія Г. Климушина и опроверженія его противниковъ. Работорцы раздѣлились, и время отъ времени не перестаютъ раздаваться выстрѣлы то съ той, то съ другой стороны, хотя числомъ вообще берутъ консерваторы перевѣсъ надъ прогрессистами. Пошли увѣренія въ добросовѣстности и честности. Публика въ недоумѣніи, а мы радуемся, что все эти споры, даже самыя объявленія пишутся болѣе чѣмъ грамотно — литературно. Пишите господа, не утомляйтесь въ полемикѣ, а когда заключите миръ, составьте общими силами «чайлду», поэму, гдѣ бы достойнымъ образомъ была воспѣта брань лянсино-мыюконовъ съ остробукетно-медвяно-розанисто-затхлистыми....

— Еще болѣе были пріятны намъ слѣдующія строки изъ отчета Общества посвященія бѣдныхъ за Февраль мѣсяць этого года: «получено отъ NN, по поводу бенефиса В. В. Самойловой, вмѣсто обычнаго букета талантливой бенефицианткѣ, въ пользу дѣтскаго ночлега 12 р. 60 к. с. (См. Сѣб. Полн. Вѣд. N 111). Навѣрно, Г-жа Самойлова поблагодаритъ невѣстнаго своего поклонника, который въ честь ея составилъ такой прекрасный букетъ....

— Еще одно слово о Лондонской выставкѣ. Французы, какъ известно, не слишкомъ жалующіе своихъ соседей, подсмываются надъ названіемъ ея «всемирною». Помилуйте, кричатъ они да здѣсь нѣтъ такой-то и такой націи; мало того: Джонъ-Булъ поддвмалъ, сочинилъ Китай, да и Персидскія надвлія на выставкѣ смотрятъ очень подозрительно. Дѣло въ томъ, что Китайскіе предметы, привлекающіе зрителей на выставкѣ, присланы не изъ Китая, а взяты изъ магазиновъ въ Бондъ-Стритъ. Среднее царство очень обидлось даже мысли, что его сивють приглашать на состязаніе съ западными варварами, и не прислало ничего; а между тѣмъ на выставкѣ есть и Китайскія ткани, и фарфоровая башня, и даже цѣлое семейство Китайцевъ, ангажированное какимъ-то спекуляторомъ....

— Процессъ Бокарме также доставилъ Французамъ случай пошутить «Мало того, говоритъ *le Couraige*, что Бельгійская контрафакція наноситъ огромный вредъ нашей книжной торговлѣ, — даже Бельгійскіе процессы не совсемъ безубыточны для насъ. Такъ, кто бы могъ подумать, что процессъ Бокарме причинитъ нашимъ финансамъ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ? А между тѣмъ, это фактъ. По послѣднему бюджету, табачный акцизъ доставлялъ 117 милл. франковъ: сумма порядочная. Теперь, по извѣстіямъ Парижскаго откупа, продажа табаку, со времени Монесскаго процесса, чрезвычайно уменьшилась. Всѣ провинціальныя дамы не позволяютъ своимъ мужьямъ курить, на томъ основаніи, что они вдыхаютъ въ себя частицы никотина; а что никотинъ смертельный ядъ, объ этомъ прекрасный поэтъ узналъ лишь изъ процесса Бокарме. Также выходитъ изъ моды подчиванье другъ друга табакомъ, и обычай предлагать сосѣду свою табакерку, освященный правилами вѣжливости, начинаетъ становиться подозрительнымъ, особенно если предлагающее лицо имѣетъ надежду на получение наследства отъ того, кому предлагаетъ. Словомъ, смерть Густава Фуньи обойдется Французскимъ государственнымъ доходамъ въ 5 милл. франковъ».

— Теперь время жаркихъ состязаній между лошадьми различныхъ породъ, скакунами и рысаками. Англійскіе спортсмены придумали по этому довольно оригинальный способъ испытанія, именно бѣгъ лошади противъ гонки гребнаго судна. Такое состязаніе, разумется на огромные заклады, происходило недавно въ Портсмутѣ, между легкою гичкою на сильной греблѣ и лошадыю на скорой рыси. Гичка была длиною 28 футовъ; гребцовъ на ней было четверо, изъ лучшихъ перевозчиковъ, и рулевой. Она от-

правились отъ Лойнтъ-бича къ пристани въ Порчестеръ, а всадникъ повхалъ рысью отъ того же мѣста, по дорогѣ къ Порчестерскому замку. Теченіе благоприятствовало гичкѣ. Разстояніе, которое ей должно было прогрести, составляло около $3\frac{1}{2}$ миль, а для рысака около 8 миль. Гичка обогнала, потому что пришла къ замку въ 27 минутъ, а рысакъ въ 32 минуты.

— На этотъ разъ мы заключимъ «Мелочи» извѣстіемъ очень не мелочнымъ для многихъ. Ловъ устрицъ при берегахъ Франціи въ нынѣшнемъ году былъ необыкновенно обиленъ, почти вдвое болѣе противъ прошлагодняго. 83 милліона черепокожныхъ подарило море туземнымъ рыбакамъ на мѣствъ, это огромное количество стоитъ не болѣе 580 т. франковъ, (по 7 франковъ за тысячу), но цѣна его, вѣроятно, удесѣтерится, когда корабли и пароходы развезутъ дорогія лакомства по всемъ Европейскимъ столицамъ, считая здѣсь Москву и Петербургъ. *Аvis aux gastronomes!*

Журнальныя замѣтки

— Въ 140 № Свѣ. Пчелы, среди замѣчаній о Разсужденіи Г. Вещнякова (О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества), Московскіе Князья объявлены «старшинами въ родѣ потомства Рюрикава». Смѣю увѣрить достопочтеннѣйшаго Фаддея Венедиктовича, что Московскіе Князья были не только не старшими, даже и не средними, а самыми младшими въ родѣ потомства Рюрикава. Еще болѣе: они были младшими не только въ потомствѣ Рюрика, но даже и въ потомствѣ втораго родоначальника ихъ, Ярослава Всеволодовича. А именно: отъ старшаго брата Ярослава — Константина происходятъ Князья Ростовскіе, Углицкіе и проч. Отъ старшаго сына Ярослава — Андрея произошли Князья Суздальскіе и Нижегородскіе. Нечего говорить о старшинствѣ предъ ними Князей Рязанскихъ, Смоленскихъ, Галицкихъ. И изъ сыновей Невскаго Московскіе происходятъ отъ меньшаго, Данила.

И даже сыновья Даниловы — Георгій и Іоаннъ Калита искали себѣ Великаго княженія предъ старшимъ своимъ дядей, Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, вопреки понятію о старшинствѣ. Следовательно, для исторіи первыхъ Князей Московскихъ можно взять девизомъ Евангельское слово о послѣднихъ, которые будутъ первыми, а идея Г. Булгарина, впрочемъ совершенно справедливая, не имѣетъ здѣсь приложенія.

М. П.

— Въ 7-й книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщена любопытная статья: «О торговыхъ сношеніяхъ между туземцами сѣверо-восточнаго берега Азіи и сѣверо-западной Америки». Главные производители этой торговли—Оленине Чукчи, которые вымѣниваютъ у Русскихъ товары и снабжаютъ ими, вмѣстѣ съ своими произведеніями, пространство Американскаго берега на протяженіи почти 1,700 верстъ. Сообщивъ множество подробностей о торговлѣ этихъ предприимчивыхъ дикарей, статья оканчивается слѣдующими словами: «Замѣтимъ въ заключеніе, что имѣя передъ глазами такіе факты, странно заподозрѣвать или и совершенно отвергать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые изслѣдователи наши, существованіе древней торговли Россіи съ Азіею, свидѣтельствуемой и Арабскими географами, и множествомъ куваческихъ монетъ, найденныхъ и безпрестанно находимыхъ на пространствахъ Имперіи — потому только, что Россія въ IX и X вѣкѣ была покрыта льдами, а жители ея находились на весьма низкой ступени гражданскаго развитія. Роль Чукочъ играли тогда по преимуществу Волжскіе Болгаре, и торговцамъ изъ Мавраннаграе и съ береговъ Тигра и Евфрата пробираться на Волгу было едва ли не легче, чѣмъ теперь нашимъ купцамъ на берега Анюя или Авадыра. Малороссійскій табакъ, составляющій одну изъ главнѣйшихъ статей Русско-Чукоцко-Американской торговли, долженъ совершить сухопутьемъ, чтобы дойти только до Чукочъ, болѣе 12 тысячъ верстъ! Относительно же степени образованности, не говоря уже о Волжскихъ Болгарахъ, Русь и сосѣдніе съ нею Финскіе народы не могли стоять ниже Чукочъ, Азіагиотовъ, Кукоквинцевъ и подобныхъ имъ дикарей.»

ОПЕЧАТКА.

Въ Современныхъ извѣстіяхъ № 12, стр. 338, строка 24, вмѣсто *воскресающему*, должно читать: *воскресающему*.

КРОАЗИЛЬ.

ПОВЕСТЬ АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЕ.

I.

Въ началъ царствованія Людовика XV, одинъ молодой человекъ, по имени Кроазиль, сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, возвращался изъ Парижа въ Гавръ, на свою родину. Отецъ поручалъ ему одно коммерческое дѣло, которое и кончилось въ ихъ пользу. Спѣша принести добрыя вѣсти отцу, онъ шелъ веселый и скорый обыкновеннаго, потому что, несмотря на значительную сумму денегъ въ своихъ карманахъ, онъ странствовалъ пѣшкомъ для своего удовольствія. Это былъ коноша веселаго нрава, не глупый, но до того разсыянный и вѣтреный, что слылъ у всѣхъ за дурака. Жилетъ застегнувши на сторону, распустивши волосы по вѣтру, съ шляпкой подъ мышкой онъ пробирался по берегамъ Сены, то съ мечтаніями въ головѣ, то съ пѣснями на устахъ; вставалъ съ солнцемъ, ужиналъ въ харчевнѣ, вполне довольный своимъ странствованіемъ по прекраснѣйшей сторонѣ Франціи. Опустошая по дорогѣ Нормандскія яблони, онъ искалъ рѣмъ въ своей головѣ (потому что всякій вѣтреникъ немножко поэтъ) и придумывалъ мадригалъ для одной хорошенькой дѣвушки, своей землячки. То была дочь главнаго фермера, мамзель Годд, жемчужина Гавра, богатая наследница, за которой многіе ухаживали. Кроазиль попалъ къ г. Годд, разумется, случайно: онъ относилъ иногда къ нему на домъ вещи, закупленныя у его отца. М-г Годд, котораго имя, не очень громкое, плохо шло къ его огромному богатству, вознаграждалъ себя спесью за незнатность рожденія, и при всякомъ случаѣ, выказывалъ себя

страшно и безжалостно-богатымъ. Онъ, стало быть, вовсе не былъ такимъ человекомъ, чтобъ открыть свой салонъ для сына золотыхъ дѣлъ мастера; но у мамзель Годо были лучше глаза въ мѣръ, Кроазиль же былъ очень не дурень собой, и какъ ничто не мѣшаетъ хорошенькому мальчику влюбиться въ хорошенькую дѣвушку, то и Кроазиль обожалъ мамзель Годо, которая не была оттого въ горѣ. Объ ней думалъ онъ и теперь, приближаясь къ Гавру; но какъ въ жизнь свою ни о чемъ онъ не думалъ серьёзно, то и теперь, не заботясь о неодолимыхъ препятствіяхъ, разлучившихъ его съ возлюбленной, онъ ломалъ себѣ голову надъ словомъ, которое риемовало бы съ ея именемъ. Мамзель Годо звали Жюли, и риему подобрать было не трудно. Кроазиль, достигши Гонфлёра, сѣлъ на корабль, довольный въ душѣ, съ деньгами и мадригаломъ въ карманъ, и едва высадился на берегъ, побжалъ къ отцовскому дому.

Онъ нашель лавку запертою, и постучался нѣсколько разъ, не безъ удивленія и страха, потому что день былъ не праздничный;—никто не шелъ. Онъ сталъ звать отца, но напрасно. Онъ зашелъ къ сосѣду спросить, что случилось; вместо отвѣта, сосѣдъ отворотился, какъ будто не хотѣлъ и узнать его. Кроазиль повторилъ свои вопросы; и тогда онъ узналъ, что его отецъ, запутавшись въ своихъ дѣлахъ, обанкрутился и бжалъ въ Америку, оставивъ кредиторамъ все свое имущество.

Не почувствовавъ еще вполне своего несчастья, Кроазиль былъ сперва пораженъ мыслью, что онъ, можетъ быть, не увидить болѣе отца своего. Ему казалось невозможнымъ, чтобы его вдругъ такъ оставили, онъ непременно хотѣлъ войти въ лавку, но ему объяснили, что она запечатана; онъ сѣлъ на порогъ и, отдаваясь своему горю, залился горячими слезами, не слушая утѣшеній окружавшей толпы, призывая безпрестанно отца, хотя и зналъ, что онъ далеко отъ него; наконецъ, онъ всталъ, устыдившись собравшагося народа, и въ глубокомъ отчаяніи побрелъ къ пристани.

Достигши берега, онъ бродилъ вдоль его, какъ заблудившійся, не зная куда идти и что съ нимъ будетъ.

Онъ считалъ себя погибшимъ безъ возврата, — ни убъжища, ни средства къ спасенію, и ужъ конечно, ни друзей. Одинъ, бродя по берегу моря, онъ радъ былъ умереть; преслѣдуемый этою мыслью, онъ взбирался уже на возвышенный валъ, какъ подошелъ къ нему Жанъ, старикъ, служившій нѣсколько лѣтъ его семейству.

— А, это ты, бѣдный мой Жанъ! — воскликнулъ онъ. — Ты знаешь, что случилось здѣсь безъ меня. Неужели мой отецъ бросилъ насъ безъ извѣщенія, безъ прощанья?

— Онъ уѣхалъ, — отвѣчалъ Жанъ, но не уѣхалъ не простясь съ вами.

Въ тоже время онъ вынулъ изъ кармана письмо и отдалъ его своему молодому господину. Кроазиль узналъ руку отца, и не распечатывая письма, съ восторгомъ поцѣловалъ его; но въ письмѣ было только нѣсколько словъ. Не усладились горе молодого чловѣка, — увеличилось вдвое. Честный до сихъ поръ и слывшій за такого, разоренный неожиданнымъ несчастьемъ (банкротствомъ товарища), старикъ оставалъ сыну нѣсколько словъ утѣшенія, и только надежду, — последнее благо, долѣе другихъ не покидающее чловѣка.

— Жанъ, другъ мой, ты носишь меня на рукахъ, — говорилъ Кроазиль, прочитавши письмо, и ты одинъ можешь любить меня на свѣтѣ; это отрадно мнѣ, но тяжело для тебя, потому что, какъ правда-то, что отецъ мой отплылъ отсюда, — брошусь и я въ это море, его носившее, не передъ тобой, не сейчасъ, но завтра или позже, потому что я погибъ.

— Что вы хотите дѣлать? — возразилъ Жанъ, показывая видъ, что не понялъ его словъ, но удерживая Кроазиль за полу его — платя; что вамъ дѣлать въ морѣ, господинъ мой! Вашего батюшку обманули; онъ ждалъ денегъ, которыя не дошли, а это была не бездѣлица. Могъ ли онъ здѣсь остаться? На моихъ глазахъ тридцать лѣтъ устраивалъ онъ свое состояніе; при мнѣ дѣлалъ онъ свои обороты, и деньги доставались ему по грошамъ. Это былъ честный чловѣкъ и искусный; съ нимъ поступили жестоко. Последніе дни я былъ еще при немъ, на моихъ глазахъ уходили деньги, столько

лѣтъ на моихъ же глазахъ къ нему приходившій. Вашъ батюшка уплатилъ все, что могъ, въ продолженіе цѣлаго дня, и когда конторка его опустѣла, онъ не удержался, и сказалъ мнѣ, указывая на ящикъ, гдѣ осталось всего шесть франковъ: «здѣсь было сто тысячъ франковъ, сегодня утромъ!» Это не банкротство, государь мой, такое дѣло не безчеститъ человека!

— Я не сомнѣваюсь въ честности моего отца, — отвѣчалъ Кроазиль, — какъ не сомнѣваюсь въ его несчастіи. Я не сомнѣваюсь также въ его любви; но мнѣ хотѣлось бы обнять его, и — что же мнѣ дѣлать? Я не созданъ для бѣдной жизни, у меня нѣтъ на столько ума, чтобъ начинать снова свое состояніе. И будь даже умъ — нѣтъ отца моего. Если онъ работалъ тридцать лѣтъ, чтобъ разбогатѣть, сколько же работать придется мнѣ для поправленія этого несчастія? Несравненно болѣе. И доживетъ ли онъ до тѣхъ поръ? Разумѣется, нѣтъ; онъ умретъ тамъ, и я не могу даже идти къ нему; одна смерть соединитъ насъ.

Не смотря на все огорченіе, Кроазиль имѣлъ много вѣры въ душъ. Отчаяніе заставляло его желать смерти, но онъ колебался въ своемъ намѣреніи. Съ первыхъ словъ этого разговора, онъ оперся на руку Жана, и оба возвращались въ городъ. Удалившись на большое разстояніе отъ берега и взшедши въ центральныя улицы города, Жанъ началъ свою рѣчь къ Кроазилу.

— Мнѣ кажется, — говорилъ онъ, что добродѣтельный человекъ долженъ любить жизнь, и что несчастіе ничего не доказываетъ. Если батюшка вашъ, благодаря Бога, не лишилъ себя жизни, какъ можете вы думать о смерти? Если уже нѣтъ на васъ безчестія, и весь городъ знаетъ про то, — что же подумаютъ объ васъ? Что вы не могли перенести бѣдности. Это недостойно человека и христіанина; потому что, въ сущности, что такое пугаетъ васъ? Есть люди, которые родились въ бѣдности и никогда не знали отца и матери. Я знаю, что человекъ на человека не приходитъ, да вѣдь, наконецъ, нѣтъ же ничего невозможнаго для Бога. Что бы вы стали дѣлать въ такомъ случаѣ? Батюшка вашъ не родился богатымъ, не въ обиду вамъ будь сказано, и это-то, можетъ

быть, утѣшаетъ его. Были бѣ вы съ нами послѣдній мѣсяць, вы были бы тверже. Да, сударь, разориться можно, никто не избѣгнетъ банкротства, но вашъ батюшка, смѣю сказать, былъ человѣкомъ, хотя и ухалъ немного раненько. Но что же дѣлать? Не всякій день корабли ходятъ въ Америку. Я провожалъ его до пристани, и если бѣ вы видѣли его печаль! какъ завѣщаль онъ мнѣ заботиться о васъ; извѣщать его о вашей судьбѣ!... Нѣтъ, сударь, не слѣдуетъ вамъ за топоромъ бросать топорнице. У всякаго бываетъ горе на землѣ, и я былъ солдатомъ прежде, чѣмъ попалъ въ слуги. Я жестоко страдалъ, но я былъ молодъ; я былъ въ вашихъ лѣтахъ въ ту пору, и мнѣ казалось, что Провидѣніе не можетъ покинуть человѣка двадцати пяти лѣтъ. Отчего не хотите вы прѣдоставить Богу исправить несчастье иль ниспосланное? Отдайтесь ему, и все устроится со временемъ. Если я смѣю вамъ совѣтовать, подождите года два или три, и быюсь объ закладъ, что не станете жалѣть больше. Всегда есть время разстаться съ жизнью! Зачѣмъ же выбирать на то дурную минуту?

Все время, пока Жанъ старался убѣдить своего господина, Кроазиль шелъ молча, и какъ часто страждущіе люди, смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы ища предмета, который бы могъ привязать его къ жизни. Случаю угодно было, чтобы тѣмъ временемъ, мамзель Годѣ, дочь главнаго фермера, проходила мимо ихъ съ своей гувернанткой. Домъ ея былъ недалеко отсюда, и Кроазиль видѣлъ, что она пошла къ себѣ. Эта встрѣча произвела на него болѣе дѣйствія, чѣмъ всѣ убѣжденія въ мѣрѣ. Я говорилъ уже, что онъ былъ немножко вѣтренъ и всегда уступалъ первому движенью. Не думая долго и безъ всякихъ объясненій, онъ оставилъ старика-слугу и пошелъ стучаться къ дверямъ М-гъ Годѣ.

II.

Вообразите себѣ теперь, что называлось прежде 'откупщикомъ' (financier), и вамъ представится огромное брюхо, коротенькія ножки, страшный парикъ и широкая рожа съ трѣхъяруснымъ подбородкомъ, — и вовсе не даромъ при-

выкли всё представлять себѣ подобную особу. Всѣ знаютъ, къ какимъ злоупотреблѣнiямъ привели королевскiя фермы, и, кажется, въ природѣ существуетъ законъ, по которому жирнѣе прочихъ становятся люди, жиряющiе не только отъ своей праздности, но и отъ трудовъ своихъ собратiй.

М-г Годдъ былъ одинъ изъ самыхъ классическихъ откупщиковъ, то есть, одинъ изъ самыхъ толстыхъ; на ту пору онъ страдалъ подагрой, модной болѣзнию того времени, то же, что нынче мигрень. Разлегшись въ длинныхъ креслахъ, закрывши въ половину глаза, онъ нѣжился въ углу своего будуара. Зеркала, его окружавшiя, отражали во всѣ стороны его величественную фигуру; мѣшки, набитые золотомъ, лежали на столѣ; вокругъ него, мебель, пантели, двери, замки, каминъ, потолокъ—все было позолочено; платье было позолочено тоже; не знаю, мозгъ его былъ ли тоже позолоченъ. Онъ рассчитывалъ обороты одного маленькаго дѣльца, которое должно было доставить ему нѣсколько тысячъ лундоровъ; онъ улыбался наединѣ этой мысли, когда доложили ему о приходѣ Кроазилъ, который вошелъ скромно, но рѣшительно, со всей беспорядочностью челоуѣка, желающаго утопиться. М-г Годдъ немного удивился этому неожиданному посѣщенiю; онъ подумалъ, что дочь его сдѣлала какую-нибудь покупку; онъ утвердился въ этой мысли, увидя ее входящую въ одно почти время съ молодымъ челоуѣкомъ. Онъ сдѣлалъ знакъ Кроазилу не садиться, но говорить. Мадмазель усѣлась на софѣ, и Кроазилъ, стоя, началъ рѣчь почти такими словами:

— Милостивый государь, отецъ мой обанкрутился. Банкрутство товарища принудило его прекратить свою уплату, и не въ силахъ глядѣть на свое посрамленiе, онъ убѣжалъ въ Америку, отдавши кредиторамъ все, до послѣдней копейки. Меня не было здѣсь, когда это случилось; я только что изъ дороги, и всего два часа какъ узналъ объ этомъ происшествiи. У меня нѣтъ вовсе средства къ жизни, и я рѣшился умереть. По всей вѣроятности, по выходѣ отъ васъ, я брошусь въ воду. Нѣтъ сомнѣнiя, что я бы утопился, если бъ случай не свелъ меня сейчасъ съ вашей дочерью. Я люблю ее, милостивый государь, всей полнотой моего сердца; уже два года

я влюбленъ въ нее, и молчалъ до сихъ поръ, сдерживаемый уваженіемъ къ ней; но теперь, объявляя вамъ это, я выполняю священную обязанность, и я оскорбилъ бы Бога, если, готовясь къ смерти, не пришелъ къ вамъ просить о вашемъ согласіи на мой бракъ съ мамзель Жюли. Я не имѣю вовсе надежды получить это согласіе, но я долженъ просить васъ, потому что я добрый христіанинъ, милостивый государь, а когда добрый христіанинъ до того несчастенъ, что не можетъ переносить болѣе жизни, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, смягчить свое преступленіе, испытавши всѣ неудачи прежде, чѣмъ рѣшится на послѣднее средство.

Въ началъ этой рѣчи, М-г Годо полагалъ, что пришли занять у него денегъ, и благоразумно прикрылъ платкомъ лежавшіе подлѣ него мѣшки, заранѣе готовя учтивый отказъ, потому что онъ всегда былъ расположенъ къ отцу Кроазилля. Но выслушавши до конца, и смекнувъ, въ чемъ дѣло, онъ не сомнѣвался болѣе въ помѣшательствѣ молодаго человѣка. Ему приходила даже мысль позвонить и велѣть его вывести; но твердая осанка, рѣшительное лицо такъ поразили откупщика, что ему жаль стало этого спокойнаго помѣшательства. Онъ велѣлъ только дочери удалиться, чтобъ не слышала она болѣе подобныхъ неприличностей.

Во время рѣчи Кроазилля, мамзель Годо краснѣла, какъ персикъ въ августъ мѣсяцъ. По приказанію отца она вышла. Молодой человѣкъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ, котораго она, повидимому, не замѣтила. Оставшись наединѣ съ Кроазиллемъ, М-г Годо откашлялся, всталъ, потомъ опять опустился на свои подушки, и сказалъ, стараясь принять отеческій видъ.

— Мой другъ,—я вѣрю, что ты не смѣешься надо мною и дѣйствительно лишился разсудка. Не только извиняю тебѣ твою выходку, но не хочу даже наказать тебя. Мнѣ очень жаль, что бѣднякъ, отецъ твой, обанкрутился и уѣхалъ отсюда; это больно, и я понимаю, что это могло лишить тебя ума. Я хочу что-нибудь для тебя сдѣлать; возьми стулъ и садись сюда.

— Это лишнее, милостивый государь,—отвѣчалъ Кроазилль;—вы отказали мнѣ, и я ухожу. Желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

— Куда же идешь ты?

— Написать къ отцу и проститься съ нимъ.

— Э, чортъ возьми! ты говоришь, пожалуй, правду; ты идешь топиться, или чортъ меня побери.

— Да, милостивый государь; покрайней мѣрѣ я такъ думаю, если не измѣнитъ рѣшимость.

— Славная выходка! Фу ты, глупость кака! Садись-ка, говорю тебѣ, и выслушай меня.

М-г Годо разсудилъ очень вѣрно, что неприятно, если стануть говорить, что человекъ, кто бы онъ ни былъ, утопился по выходѣ отъ него. Онъ откашлялся опять, взявъ табакерку, бросилъ разсыпанный взглядъ на свое жабо, и продолжалъ:

— Ты глупъ, ветренъ, ребенокъ еще, это ясно, ты не знаешь самъ, что говоришь. Ты разорился, вотъ въ чемъ дѣло. Но этаго, любезный другъ, недостаточно; надо подумать о житейскихъ дѣлахъ. Еслибъ ты пришелъ ко мнѣ просить... чего бы... ну, хоть добраго совета, изволь, это бы ничего; но чего же ты хочешь? Ты влюбленъ въ мою дочь?

— Да, милостивый государь, и я повторяю вамъ, что далеку отъ надежды получить ее въ супружество; но какъ одно это можетъ привязать меня къ жизни, — если вы вѣруете въ Бога, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь — то вы поймете, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ.

— Вѣрую ли я въ Бога или нѣтъ, это до тебя не касается; я не люблю подобныхъ разспросовъ; отвѣчай прежде: гдѣ ты видѣлъ мою дочь?

— Въ лавкѣ моего отца и въ этомъ домѣ, когда приносишь сюда закупки мамзель Жюли.

— Кто тебѣ сказалъ, что ее зовутъ Жюли? Каковы времена, прости Господи. Но, зовутъ ли ее Жюли или Жавотъ, знаешь ли ты, что нужно напередъ, чтобъ осмѣлиться рассчитывать на руку дочери главнаго фермера?

— Не знаю ничего, развѣ чтобъ быть богатымъ, какъ и она.

— Другое нужно, любезный, — нужно имя.

— Такъ что жъ! меня зовутъ Кроазиль.

— Тебя зовуть Кроазиль, несчастный! Развѣ это имя— Кроазиль?

— Клянусь честью, милостивый государь, по душѣ и по совѣсти, это имя такое же хорошее, какъ и Годд.

— Ты грубиянъ, и заплатишься мнѣ за это.

— И, Боже мой! не сердитесь пожалуйста; я не хочу вовсе обижать васъ. Если тутъ есть что нибудь-для васъ обидное и вы хотите наказать меня,—вамъ не изъ чего гнѣваться; я сейчасъ иду, утоплюсь.

Хотя М-г Годд общалъ себѣ выпроводить Кроазилья какъ можно тише, во избѣжаніе всякаго скандала, благо-разуміе его не могло, однакожь, устоять противъ нетерпѣнія оскорбленной гордости; разговоръ, на который онъ пытался обречь себя, казался ему уже невыносимымъ въ душѣ. Прошу подумать, что чувствовалъ онъ, выслушивая подобныя рѣчи.

— Постой, сказалъ онъ почти выѣ себя, съ твердой рѣшимостью прекратить переговоры, ты вовсе не такъ глупъ, чтобъ не оставалось въ тебѣ капли здраваго смысла.... Богатъ ли ты?... нѣтъ. Имѣешь ли имя?... тоже нѣтъ. Какая же безумная мысль привела тебя? ты надобѣдасшь мнѣ, хочешь застрашать глупой выходкой; ты очень хорошо знаешь, что это не поведетъ ни къ чему; ты хочешь свалить свою смерть на мою шею. Въ чемъ же можешь ты на меня пожаловаться? долженъ ли я хоть копейку твоему отцу? виноватъ ли въ твоёмъ несчастьи? Эхъ, чортъ возьми, люди топятся и молчать.

— Я и попробую это; вашъ покорнѣйшій слуга.

— Постой еще! Пусть же не говорятъ, что я отпустилъ тебя безъ помощи. Возьми, братъ, вотъ тебѣ четыре луидора; ступай, отобѣдай на кухню, и чтобъ я не слыхалъ о тебѣ больше.

— Весьма благодаренъ, я не голоденъ и не нуждаюсь въ вашихъ деньгахъ!

Кроазиль вышелъ изъ комнаты, и откупщикъ, успокоивши свою совѣсть сдѣланнымъ предложеніемъ, уткнулся опять въ свое кресло и пустился въ прежнія мечтанья.

Мамзель Годд, въ это время, была ближе, чѣмъ думали;

она ушла, правда, повинувась отцу, но не пошла въ свою комнату, а остановилась прислушаться за дверью. Не понимая дерзости Кроазилля, она, однакожь, не оскорблялась его, потому что любовь, съ тѣхъ поръ, какъ мiръ стоитъ, ни разу не считалась за оскорбленіе; съ другой стороны, не сомнѣваясь болѣе въ отчаяніи молодого человека, мамзель Годо разомъ поддалась двумъ чувствамъ болѣе всего опаснымъ для женщины, — состраданію и любопытству. Когда разговоръ кончился, и Кроазилль готовъ былъ уйти, она быстро прошла черезъ залу, и чтобъ не застали ее, направила шаги къ своей комнатѣ; но почти въ ту же минуту она воротилась назадъ. Мысль, что Кроазилль, можетъ быть, дѣйствительно погубить себя, невольно смутила ея сердце. Не понимая сама, что дѣлаетъ, она пошла къ нему навстрѣчу; зала была велика, и молодые люди шли медленно одинъ къ другому. Кроазилль былъ блѣденъ какъ смерть, и мамзель Годо напрасно искала слово, которое выразилю бы ея чувства. Проходя мимо его, она уронила букетъ изъ фіалокъ, который держала въ рукѣ. Онъ тотчасъ нагнулся, поднялъ букетъ, и подалъ его дѣвчужкѣ; но она не взяла его, продолжала идти, не говоря ни слова, и вошла въ кабинетъ своего отца. Кроазилль, оставшись одинъ, положилъ букетъ къ сердцу и вышелъ изъ дому, встревоженный духомъ, не зная, что и подумать объ этомъ происшествіи.

III.

Не успѣвъ пройти онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ увидѣлъ вѣрнаго Жана, бѣгущаго къ нему на встрѣчу съ радостнымъ видомъ.

— Что случилось? спросилъ онъ, — какое еще извѣстіе несешь ты мнѣ?

— Милостивый государь, отвечалъ Жанъ, надо сказать вамъ, что вашъ домъ распечатанъ, и вы можете занять его. Всѣ долги вашего батюшки заплачены, вы хозяинъ его дома. Правда, что повывнесли оттуда все серебро и камелья, даже мебели не оставили; но все-таки же домъ принадлежитъ вамъ,

и вы не все еще потеряли. Я бѣгаю цѣлый часъ, ищу васъ вездѣ, и я надѣюсь, сударь, что поступите теперь благоразумно.

— Да что же я сдѣлаю такое?

— Продайте этотъ домъ, сударь, это все ваше богатство; онъ стоитъ около тридцати тысячъ франковъ. Съ этими деньгами, пскрайней мѣрѣ, не умрешь съ голоду; и кто же вамъ въпасть закупить товаровъ и торговать себѣ на здоровье?

— Мы увидимъ это, — отвѣчалъ Кроазиль, спѣша къ своему дому. Онъ съ нетерпѣлиемъ желалъ увидѣть отцовское жилище; но когда онъ вошелъ въ него, грустное зрѣлище открылось ему, и онъ остановился на порогѣ. Лавка въ безпорядкѣ, пустыя комнаты, разоренная спальня его отца, вездѣ бѣдность во всей ея паготѣ. Не оставалось ни одного стула, всѣ ящики были перешарены, конторка взломана, касса похищена; ничего не ускользнуло отъ жадныхъ розысковъ кредиторовъ и б.юстителей правосудія, которые, разграбивши домъ, исчезли, оставивъ растворенными двери, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ проходящимъ, что обязанность ихъ исполнена.

— Такъ вотъ, — воскликнулъ Кроазиль, вотъ что осталось отъ тридцати лѣтъ работы и честнаго житья, — и все оттого только, что въ назначенный день, не чѣмъ было расплатиться за неосторожную подпись руки.

Въ то время, какъ молодой человекъ прохаживался вадъ и впередъ, томимый грустными мыслями, Жанъ находился въ какомъ-то странномъ замѣшательствѣ. Онъ полагалъ, что его господинъ былъ безъ денегъ, можетъ быть, даже безъ обѣда. Онъ всячески пытался выспросить его объ этомъ и предложить ему, въ случаѣ нужды, часть своей экономической суммы. Измучившись цѣлые четверть часа въ отыскиваньи приличнаго приступа къ дѣлу, онъ ничего не выдумалъ, подошелъ къ Кроазилу, и спросилъ его нѣжнымъ голосомъ:

— Любите ли вы, сударь, по прежнему курочатокъ подъ капустой?

Бѣднякъ произнесъ эти слова такимъ шуточнымъ и виѣсть трогательнымъ тономъ, что Кроазиль, не смотря на свою тоску, не могъ удержаться отъ смѣху.

— А къ чему ведетъ этотъ вопросъ?— сказалъ онъ.

— А къ тому, — отвѣчалъ Жанъ, — что жена моя готовила мнѣ къ обѣду куропатокъ, и если вы еще по прежнему любите ихъ....

Кроазиль вовсе забылъ до этой минуты о суммѣ, которую онъ несъ своему отцу; предложеніе Жана заставило его вспомнить, что карманы его полны золотомъ.

— Благодарю тебя отъ всего сердца, — сказалъ онъ старику, — и принимаю съ радостью твой обѣдъ; но если ты безпокоишься объ моемъ существованіи, разувѣрь себя, у меня есть деньги, даже больше чѣмъ нужно сегодня на ужинъ, который въ свою очередь ты раздѣлишь со мною.

Говоря это, онъ положилъ на каминъ четыре мѣшка, туго набитыхъ, развязалъ ихъ и нашелъ въ каждомъ по пятидесяти лундоровъ.

— Хотя эта сумма не принадлежитъ мнѣ, — прибавилъ онъ, — я могу воспользоваться ею на день или на два. Къ кому нужно отнестись, чтобъ передать ее моему отцу?

— Вашъ батюшка, — отвѣчалъ поспѣшно Жанъ, поручилъ мнѣ сказать вамъ, что эти деньги ваша собственность, а не говорилъ я вамъ объ этомъ потому, что не зналъ, какъ кончились ваши дѣла въ Парижѣ. Батюшка вашъ не будетъ имѣть тамъ ни въ чемъ недостатка; онъ остановится у одного изъ нашихъ корреспондентовъ, который приметъ его какъ нельзя лучше; притомъ же онъ захватилъ съ собой что ему нужно, увѣренный вполне, что оставляетъ здѣсь еще много, и что оставилъ онъ здѣсь, — то все ваше, сударь; онъ пишетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ, и мнѣ поручено нарочно повторить вамъ это. Это золото, стало быть, ваша собственность, какъ и домъ, гдѣ мы теперь. Я могу даже привести вамъ въ точности тѣ слова, которыя говорилъ мнѣ вашъ батюшка, узвзая отсюда: «пусть мой сынъ проститъ мнѣ, что я его оставляю; пусть помнитъ онъ, изъ любви ко мнѣ, что я еще живъ, и пусть воспользуется онъ всемъ оставшимся отъ уплаты моихъ долговъ, какъ своимъ наследствомъ». Вотъ его собственныя выраженія, сударь; такъ спрячьте же это въ карманъ, и если вы хотите отобѣдать со мной — пойдемте, прошу васъ, ко мнѣ домой.

Радость и чистосердечіе, блиставшія въ глазахъ Жана, не оставляли больше сомнѣній въ душѣ Кроазилья. Отцовскія слова растрогали его до того, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ; съ другой стороны, четыре тысячи франковъ въ подобное время была не шутка. Что же касается до дому, это было пособіе не совсѣмъ еще вѣрное; выгадать на немъ можно только продавши его, — а продать-то не такъ легко и скоро. Все это, однакожъ, значительно поправило состояніе молодаго челоуѣка; онъ вдругъ почувствовалъ себя мягче, раздумался надъ своимъ страшнымъ намѣреніемъ, и ему стало, такъ сказать, и легче и грустнѣе на душѣ.

Закрывши ставни въ лавкѣ, онъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Жаномъ, и проходя снова по городу, не могъ не задуматься, какъ ничтожны наши печали, если они иногда открываютъ неожиданную радость въ едва свѣтящемся лучѣ надежды. Съ этой мыслью онъ сѣлъ за столъ рядомъ съ своимъ старымъ слугою, который во время обѣда старался всѣми средствами забавлять своего господина.

У людей легкомысленныхъ одинъ счастливый недостатокъ: они скоро огорчаются, но имъ даже нѣтъ времени утѣшать себя, такъ легко имъ бываетъ отдаться развлеченію. Напрасно бы сочли вы ихъ безчувственными или эгонстамп; они чувствуютъ, можетъ быть, живѣе другихъ и въ состояніи посадить себѣ пулю въ лобъ въ минуту отчаянія; но пройдетъ эта минута и останутся они въ живыхъ, въ нихъ является потребность пообѣдать, поѣсть и попить, какъ водится, чтобы замѣнить послѣ слезами ложась въ постель. Радость и горе не скользятъ надъ ними; они пролетаютъ какъ стрѣлы надъ ихъ головами: это чудныя и крѣпкія натуры, умбющія страдать, но неумбющія лгать, въ которыхъ читаешь все какъ въ книгѣ, натуры не хрупкія и пустыя какъ стекло, а полныя и прозрачныя какъ горный кристаллъ. Пообѣдавъ и выпивъ съ Жаномъ, Кроазиль не утопился, а пошелъ въ театръ. Стоя въ серединѣ партера, онъ вынулъ изъ жилета букетъ мамзель Годд, и втягивая его благовоніе, углубился въ себя, и сталъ спокойнѣе думать объ утреннемъ происшествіи. Подумавши нѣсколько минутъ, онъ ясно увидѣлъ истину, а

именно, что дѣвушка, оставляя свой букетъ въ его рукахъ и отказываясь принять его, хотѣла выказать ему свое вниманіе; ибо иначе отказъ и молчаніе были бы признакомъ ея презрѣнія, а предположеніе такое было невозможно. Кроазиль рѣшилъ потому, что мамзель Годо добрее и мягче своего отца, и ему не трудно было припомнить, что на лицѣ дѣвушки, когда она проходила черезъ залу, выразилося смущеніе, тѣмъ болѣе истинное, что казалось невольнымъ. По смущеніе это, было ли то любовь или только сожалѣніе, или еще меньше, можетъ быть, просто состраданіе? Боялась ли мамзель Годо, что дѣйствительно умретъ онъ, Кроазиль, или боялась она быть причиной смерти челоуѣка вообще, кто бы онъ ни былъ? Букетъ хотя и завялъ и облетѣли листьы съ него, но запахъ его былъ такъ тонокъ, связанъ онъ такъ граціозно, что, глядя на него и вдыхая его ароматъ, Кроазиль невольно ощущалъ надежду въ душѣ. Это была гирлянда изъ розъ вокругъ пучка фіалокъ. Сколько чувствъ, сколько тайнъ прочиталъ бы Турокъ въ этихъ цвѣтахъ, разгадывая ихъ языкъ! Но не для чего быть и Туркомъ въ этомъ случаѣ. Цвѣты, падающіе съ груди хорошенькой женщины, и въ Европѣ, какъ и на Востокъ, никогда не бываютъ пѣмь; расскажутъ ли они, что видѣли самц, покоясь на хорошенькой шеѣ, и того уже довольно для влюбленнаго, а это дѣйствительно рассказываютъ они. Любовь очень сходна съ ароматомъ; есть даже люди, утверждающіе, что любовь есть своего рода ароматъ; несомнѣнно одно, что цвѣтокъ, его издающій, лучшій цвѣтокъ въ мирѣ созданий.

Въ то время, какъ Кроазиль передумывалъ это, обращая мало вниманія на играемую трагедію, сама мамзель Годо оказалась въ ложѣ напротивъ его. Ему и не приходило въ голову, что когда она замѣтитъ его, ей покажется страннымъ видѣть его здѣсь послѣ всего случившагося. Напротивъ, онъ вслѣски старался подойти къ ней, но ему не удавалось. Пріѣхала фигурантка изъ Парижа сыграть *Меропу*, и толпа была страшная, никакой возможности двинуться съ мѣста. Дѣлать нечего: онъ удовольствовался тѣмъ, что направилъ свои взоры на красавицу, и не сводилъ съ нея глазъ ни минуты. Онъ за-

мѣтилъ, что она занята чѣмъ-то, недовольна и отвѣчаетъ всѣмъ съ какой-то досадой. Ея ложа, разумеется, была окружена Нормандскими щеголями, сколько ихъ было въ городѣ; всякій старался пройти мимо нея въ галлерее, по му что войти къ ней въ ложу всѣмъ было невозможно: одинъ почтенный батюшка ея, своей персоной, занималъ болѣе трехъ четвертей ложи. Кроазиль замѣтилъ еще, что она не морщитъ и не слушаетъ пьесы. Облокотясь на балюстраду, поддерживая рукой подбородокъ, оглядывая все разсѣяннымъ взоромъ, она казалась, посреди своихъ уборовъ, статуей Венеры, переодѣтой въ маркизу; роскошь ея платья и прически, румянецъ, подлѣ которымъ угадывалась блѣдность, вся граціозность ея туалета еще рѣзче выдавала ея неподвижность. Никогда Кроазиль не видалъ ее такъ прекрасной. Урвавшись въ антрактъ-пѣз толпы, онъ побѣжалъ взглянуть черезъ рѣшетку ложи, и, странное дѣло, едва прислонился онъ головой, какъ мамзель Годд, неподвижная болѣе часа, вдругъ обернулась. Она слегка вздрогнула, увидѣвъ его, и бросила на него бѣглый взглядъ; за тѣмъ приняла прежнюю позу. Было ли въ этомъ взглядѣ удивленье, безпокойство, радость или любовь; говорилъ ли онъ: «Какъ! вы не умерли!» или: «слава Богу! вы еще живы!» не рѣшается сказать навѣрное; но все таки, послѣ этого взора, Кроазиль поклялся въ душѣ или умереть, или заставить полюбить себя.

IV.

Изъ всѣхъ препятствій, вредящихъ любви, самое большое есть, безъ сомнѣнія, то что называютъ ложнымъ стыдомъ, — который, впрочемъ, стыдъ очень истинный. Кроазиль не имѣлъ этого жалкаго недостатка, происходящаго отъ спѣси и робости; онъ былъ не такой человекъ, чтобъ нѣсколько мѣсяцевъ увиваться, вертѣться около любимой женщины, какъ кошка около птицы въ клеткѣ. Рѣшился онъ не топиться — ему оставалась одна забота, передать своей дорогой Жюли, что онъ живетъ для нея одной, но какъ сказать ей это? Идти вто-

рично къ главному фермеру, — нѣтъ сомнѣнiя, что М-г Годб велитъ его вытолкать въ двери. Выходя прыжкомъ изъ дому, Жюли была всегда съ гувернанткой; поэтому нечего было за ней бѣгать. Проводить ночи подъ окнами возлюбленной, безспорно, любимое дѣло любовниковъ, но теперь оно было бы вовсе некстати. А какъ лучшее средство, хогя и самое опасное, писать людямъ, если нельзя говорить съ ними, то и написалъ онъ къ ней на другой же день. Въ его письмѣ, разумеется, не было ни складу, ни ладу. Оно было написано почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Мадмоазель!

е мнѣ навѣрное, умоляю васъ, сколько денегъ нужно имѣть, чтобъ осмѣлиться просить вашей руки. Я вамъ дѣлаю странный вопросъ; но я васъ люблю безнадежно, и не могу не сдѣлать его, а вы единственная особа въ мiрѣ, къ которой я могъ съ нимъ обратиться. Мнѣ показалось, вчера вечеромъ, что вы смотрѣли на меня въ театрѣ. Я хотѣлъ умереть, лучше бы я умеръ дѣйствительно, если ошибаюсь и если этотъ взглядъ былъ не для меня! Скажите мнѣ, неужели случай можетъ быть такъ жестокъ, что обманываетъ себя человекъ такъ жалко и такъ отрадно? Я думалъ, что вы повѣлываете мнѣ жить. Вы богаты, хороши собою, я знаю; вашъ батюшка снѣсивъ и жаденъ, и вы имѣете право быть гордой; но я люблю васъ, остальное все сонъ. Взгляните на меня этими прелестными глазами, подумайте о томъ, что можетъ любовь, потому что я страдаю, подумайте, что я могу бояться, и съ какимъ невыразимымъ наслаждениемъ пишу я къ вамъ это безумное письмо, которое навлечетъ на меня, можетъ быть, вашъ гнѣвъ; но подумайте также, что есть частица вашей вины въ этой глупости. Зачѣмъ оставили вы мнѣ этотъ букетъ? Станьте, прошу васъ, на мое мѣсто, если можно; я смѣю думать, что вы меня любите, и смѣю просить васъ отвѣтить на это письмо. Простите меня, заклинаю васъ. Я отдалъ бы свою жизнь, чтобъ увѣриться, что не оскорбляю васъ, и что вы любовь мою выслушиваете съ этой ангельской улыбкой, которой обладаете одинъ вы. Что бы вы

ни сдѣлали, вашъ образъ остался во мнѣ; вы изгладите его не иначе, какъ вырвавши мое сердце. До тѣхъ поръ вашъ взоръ будетъ жить въ моемъ воспоминаньи, пока этотъ букетъ сохранить свой аромать, пока слово любви будетъ имѣть значеніе, я сохранию въ душѣ своей надежду».

Запечатавши письмо, Кроазиль пошелъ къ дому откупщика и прохаживался взадъ и впередъ по улицѣ, до тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ кого-то выходящаго отъ М-г Годд. Случай, всегда готовый на услуги любовникамъ, устроилъ такъ, что горничная мамзели Жюли пошла въ этотъ вечеръ покупать себѣ чепчикъ. Она пробиралась къ модисткѣ, когда подошелъ къ ней Кроазиль, сунулъ ей въ руку лундоръ и просилъ передать свое письмо. Сдѣлка была заключена; горничная взяла деньги на чепчикъ, и обещалась исполнить его комиссію изъ благодарности. Кроазиль въ восторгъ прибѣжалъ домой и сѣлъ на порогъ въ ожиданіи отвѣта.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ отвѣтѣ, надо сказать словечко о мамзель Годд.

Она не была вовсе лишена отцовской снѣси, но природная доброта спасала ее. Она была балованнымъ ребенкомъ, въ всемъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно говорила она мало, и никто не видалъ ее съ иголкою въ рукахъ; она проводила дни за туалетомъ, а вечера на софѣ, какъ бы не слушал, что говорится кругомъ. Что касается до ея уборовъ, она была страшная кокетка, и собственное лицо, безъ сомнѣнія, было знакомо ей больше всего на свѣтѣ. Складка на воротничкѣ, черненькое пятнышко на пальцѣ, привели бы ее въ отчаяніе; за то уже, если нравилось ей платье, ничто не можетъ передать послѣдняго взгляда, который бросала она въ зеркало, выходя изъ своей комнаты. Она не показывала ни сочувствія, ни отвращенія къ удовольствіямъ, которыя такъ любитъ дѣвушка; она охотно ѣхала на балъ и отказывалась отъ него также безъ всякаго непріятнаго чувства, иногда безъ всякой причины; театръ наводилъ на нее скуку, и она обыкновенно засыпала въ немъ. Когда отецъ, любившій ее безъ памяти, предлагалъ ей выбрать себѣ подарокъ по своему вкусу, она цѣлый часъ не могла рѣшиться, — не могла отыскать себѣ удо-

вольствія. Когда М-г Годд принималъ или давалъ обѣды, случалось, что Жюли не выходила въ залу: она проводила вечеръ одна у себя въ комнатѣ, прохаживалась взадъ и впередъ въ полномъ нарядѣ, съ вѣромъ въ руки. Если ей говорили комплименты, она отворачивалась; пытались ухаживать за ней, она отвѣчала только взглядомъ, до того блестящимъ и строгимъ, что останавливался всякій дерзкій. Никогда острое слово не вызывало въ ней смѣха, ни разу оперная арія, тирада изъ трагедіи не трогали ее, никогда, наконецъ, сердце ея не отдавалось влеченію, и глядя на нее, проходившую во всемъ блескѣ ея небрежной красоты, вы подумали бы, что это красавица-лунатикъ, обтекающая здѣшій міръ въ полуснѣ.

Такое равнодушіе и такое кокетство, повидимому, не вѣжутся вмѣстѣ. Одни говорили, что она ничего не любитъ, другіе, что она любитъ только сама себя. Одно слово, впрочемъ, могло бы объяснить ея характеръ: она ждала. Съ четырнадцати лѣтъ, она безпрестанно слышала, что лучше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ; она была увѣрена въ этомъ, и заботилась потому о своемъ туалетѣ: небрежность въ отношеніи къ своей особѣ сочла бы она нарушеніемъ святыни. Лучше сказать, она рядилась въ свою красоту, какъ ребенокъ рядится въ праздничное платье; но она не думала вовсе, чтобъ этой красотѣ суждено остаться непризнанной; подъ наружной безопасностью скрывалась тайная, непоколебимая сила воли ея, тѣмъ болѣе твердая, что не показывалась наружу. Кокетство обыкновенныхъ женщинъ, растрчиваемое въ глазахъ, жеманствъ и улыбкахъ, казалось ей гибельнымъ, пустымъ, почти презрительнымъ маневромъ. Она чувствовала, что обладаетъ сокровищемъ, и ей казалось недостойнымъ расточать его по мелочамъ: ей нуженъ былъ равный соперникъ; но, привыкшая видѣть предупреждаемыми свои желанія, она не искала этого соперника; скажу больше, ее дивило, что онъ не является. Почти пять лѣтъ выѣзжала она въ свѣтъ, выставляя на показъ свои фижмы, фалбалы и прекрасныя плечи; и ей непонятно было, что бы она могла не внушить сильной страсти. Если бы пришлось ей высказать задушевную мысль, она съ радостью отвѣчала бы

своимъ обожателемъ: «Такъ чтоже! если я въ самомъ дѣлѣ, такъ хороша, отчего не стрѣляетесь вы за меня?» Отвѣтъ, который, впрочемъ, сдѣлали бы многія дѣвушки, и который у многихъ, не говорящихъ ни слова, лежитъ на днѣ души, иногда таетъ на устахъ.

И что же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть невыносимѣе для женщины, когда она молода, хороша, богата, смотрится въ зеркало, видитъ свои наряды, вполне способная нравиться, готовая заставить полюбить себя, и въ тоже время говорить себѣ: «Мнѣ удивляются, всѣ находятъ меня очаровательной, и никто не любитъ меня. Платье мое отъ первой мастерицы, кружева мои изумительны, прическа безукоризненна, лицо, какого нѣтъ въ мѣрѣ, талія тонка, нога изящно обута; и все это для того только, чтобъ звать въ углу залы! Говоритъ ли со мной молодой человекъ, онъ смотритъ на меня, какъ на ребенка; ищутъ ли моея руки, то вѣрно для моего приданого; сожметъ ли кто мнѣ руку въ танцахъ, это вѣрно провинціальнѣйшій фразеръ; войду ли я, вездѣ пробѣжить шопотъ удивленія, но никто не скажетъ мнѣ наединѣ слова отъ души, отъ котораго забилось бы мое сердце. Мнѣ слышно, какъ хвалить меня наглецы, въ двухъ шагахъ отъ меня, и ни одного робкаго, искренняго взора, который искалъ бы меня. Во мнѣ кипитъ душа, полная жизни, а я все-таки выхожу нарядной куклой, которую водить, заставляютъ прыгать на балу, которую гувернантка одѣваетъ утромъ и разоблачаетъ вечеромъ, чтобы завтра снова повторить ту же пьесу».

Вотъ что не разъ говорила себѣ мамзель Годд, и были дни, когда эта мысль наводила на нее тяжелую скуку, и она по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижной, нѣмою. Въ такомъ же расположеніи духа была она и теперь, когда Кроазиль написалъ ей письмо. Она пила шоколадъ и мечтала, развалилась въ мягкихъ креслахъ, какъ вошла къ ней горничная и съ таинственнымъ видомъ вручила ей письмо. Она взглянула на адресъ и, не узнавая руки, погрузилась снова въ задумчивость. Горничная принуждена была тогда объяснить, въ чемъ дѣло, и объяснила довольно смутившись, не зная, какъ примутъ ея выходку. Мамзель Годд слушала не-

подвижно, раскрыла письмо и бросила на него одинъ только взглядъ; за тѣмъ потребовала она листь бумаги и небрежно написала эти нѣсколько словъ:

«И, Боже мой! я вовсе не горда. Будь у васъ сто тысячъ экию, я бы пошла за васъ съ радостью».

И этотъ отвѣтъ горничная сейчасъ же принесла Кроазилью, который далъ ей еще лундоръ за ея труды.

V.

Сто тысячъ экию, какъ говорится, не подыметь на улицѣ; и будь Кроазиль недоверчивъ, онъ могъ бы подумать, читая письмо мамзели Годд, что она дура или смѣется надъ нимъ. Онъ не подумалъ, впрочемъ, ни того, ни другаго; онъ видѣлъ только, что любезная Жюли его любить и что ему нужно сто тысячъ экию, и съ этихъ поръ онъ только и думалъ, какъ достать эту сумму.

Двѣсти лундоровъ было уже у него въ рукахъ, за тѣмъ домъ, стоявшій, какъ я говорилъ уже, около тридцати тысячъ франковъ. Что же дѣлать теперь? Какъ быть, чтобъ эти тридцать четыре тысячи франковъ выросли вдругъ въ триста тысячъ? Первая мысль, которая пришла молодому человѣку, была поставить на карту все свое состоянiе; но для этого надо было продать домъ. Кроазиль наклеилъ сначала на воротахъ записку, что домъ продается; потомъ, мечтая, что бы сдѣлать съ вырученными деньгами, онъ сталъ выжидать покупателя.

Прошла недѣля, потомъ другая; не явилось ни одного покупателя. Кроазиль по цѣлымъ днямъ горевалъ съ своимъ Жаномъ, и отчаянiе начинало уже овладѣвать имъ, когда какой-то жидъ-мѣняло позвонилъ у его дверей.

— Этотъ домъ продается, господинъ. Вы его хозяинъ?

— Такъ точно.

— А что стоитъ онъ?

— Тридцать тысячъ франковъ, какъ мнѣ кажется; по крайней мѣрѣ, такъ говорили моему отцу.

Жидъ обошелъ всѣ комнаты, влезалъ наверхъ, спускался въ погреба, стучался въ стѣны, пересчитывалъ ступени

на лѣстницахъ, пробоваль, какъ отворяются двери и запираются замки, открываль и затворяль окна; потомъ, въ заключеніе, осмотрѣвши, что нужно, не говоря ни слова, не дѣлая никакого предложенія, поклонился Кроазилу и ушелъ.

Кроазиль, цѣлый часъ слѣдившій за нимъ съ трепещущимъ сердцемъ, не мало пораженъ былъ этимъ молчаливымъ уходомъ. Онъ полагаль, что жидъ хотѣль дать себѣ время подумать и что онъ вскорѣ придетъ опять. Онъ ждалъ его цѣлые восемь дней, не выходилъ изъ дома, боясь прогулять его посѣщеніе, и глядѣль въ окно съ утра до вечера; но все было напрасно: жидъ не приходилъ. Жанъ, вѣрный своей жалкой роли резонѣра, читаль, какъ говорится, мораль своему господину, отговаривая его продавать домъ такъ поспѣшно и для такой безразсудной цѣли. Умирая отъ нетерпѣнія, скуки и любви, въ одно прекрасное утро, Кроазиль взяль съ собой двѣсти луидоровъ и вышелъ изъ дому, попробовать счастья съ этими деньгами, если ему не предвидѣлось уже другихъ. Картежные дома въ то время не были еще публичными, не была въ ходу еще эта утонченность цивилизацій, чтобъ любовью изъ насъ могъ разориться во всякое время, лишь бы желаніе зародилось въ душѣ. Вышедши на улицу, Кроазиль остановился, не зная куда идти ему рисковать своими деньгами. Онъ смотрѣль на сосѣдніе дома, вѣрилъ ихъ глазами и мыслями, стараясь отыскать въ нихъ что-нибудь подозрительное снаружи, и угадать, чего ему нужно. Молодой человекъ благовидной наружности, щегольски одѣтый проходилъ въ это время мимо его. Судя по внѣшности, это былъ батюшкинъ сынокъ. Кроазиль учтиво подошелъ къ нему.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ ему, — извините мою нескромность. У меня двѣсти луидоровъ въ карманѣ, и я умираю отъ охоты проиграть ихъ или выручить больше. Не можете ли вы указать мнѣ честный домъ, гдѣ дѣлаются такія дѣла. При этомъ странномъ вопросѣ молодой человекъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Вотъ и прекрасно, отвѣчалъ онъ, если вы ищете безчестнаго дома, пойдемте за мной, — я туда...

Кроазиль пошелъ за нимъ, и черезъ нѣсколько минутъ

они очутились оба въ домъ богатой наружности, гдѣ были приняты какъ нельзя лучше почтеннымъ джентльменомъ хорошаго тона. Нѣсколько молодежи сидѣло уже за зеленымъ столомъ. Кроазиль скромно занялъ мѣсто среди нихъ, и не болѣе какъ въ часъ времени его двѣсти лундоровъ были проиграны.

Онъ вышелъ мрачный, на сколько можетъ быть мраченъ человѣкъ, сознающій себя любимымъ. Ему не на что было пообѣдать, но не объ томъ беспокоился онъ.

— Что мнѣ дѣлать теперь, спрашивалъ онъ самого себя, откуда достать денегъ? къ кому обратиться въ здѣшнемъ городѣ? Кто дастъ сто лундоровъ за этотъ домъ, котораго я не могу сбить съ рукъ?

Въ минуту этого замѣшательства подвернулся ему жидъ-мѣняло. Онъ обратился къ нему, и въ качествѣ вѣтренника, высказалъ ему, въ какомъ онъ находится положеніи. Жиду вовсе не было большой нужды въ покупкѣ дома; онъ зашелъ заглянуть въ него изъ любопытства, или вѣрнѣе, для успокоенія совѣсти, какъ собака мимоходомъ забываетъ въ кухню черезъ отворенную дверь, чтобы взглянуть, нельзя ли стащить что-нибудь; но онъ увидалъ Кроазилья въ горѣ, въ отчаяніи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, и не могъ устоять противъ влеченія воспользоваться его бѣдностью, рискуя понести убытокъ въ покупкѣ дома. Онъ предложилъ ему почти четверть настоящей цѣны. Кроазиль прыгнулъ ему на шею, назвалъ его своимъ другомъ и спасителемъ, подписалъ безобразнѣйшій контрактъ, и на другой день, съ четырьмястами лундоровъ отправился снова къ зеленому столу, гдѣ такъ быстро и учтиво обобрали его наканунѣ.

По дорогѣ проходилъ онъ мимо пристани. Корабль готовился къ отплытію; вѣтеръ былъ тихъ, море покойно. Со всѣхъ сторонъ приходили и уходили негоціанты, матросы, морскіе офицеры въ своихъ мундирахъ. Носильщики таскали огромные тюки съ товарами. Пассажиры прощались; легкія барки скользили со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ лицахъ читали страхъ, вѣтерпѣнье или надежду; и посреди этого смятенія величественный корабль покачивался мѣрно, раздвигая свои гордые паруса.

— Чудное дѣло, думаль Кроазиль, рисковать такъ своимъ имуществомъ и за морями искать опаснаго счастья! Съ какимъ смущеніемъ провожаешь этотъ корабль, нагруженный столькими богатствами, благосостояніемъ столькихъ семействъ! И какъ же весело за то встрѣтить его опять, возвращающагося съ двойнымъ достояніемъ, съ бѣльшей гордостью и съ большимъ богатствомъ! Отчего я не купецъ, какъ они! отчего нельзя мнѣ также рисковать своими четырьмя стами лундоровъ! отчего не купить мнѣ нѣсколько тюковъ шолку и полотна? кто запретитъ мнѣ, если у меня есть деньги? отчего бы этому капитану не взять моихъ товаровъ? и какъ знать? вмѣсто того, чтобъ оставить эту жалкую и единственную сумму на зеленомъ столѣ, можетъ быть, я удвою ее, утрою честнымъ промысломъ. Если Жюли истинно любитъ меня, она подождетъ нѣсколько лѣтъ, и останется вѣрной мнѣ до тѣхъ поръ, когда мнѣ можно будетъ на ней жениться. Торговля доставляетъ иногда бѣльшія выгоды, чѣмъ думаютъ; сколько примѣровъ видимъ мы, что вдругъ рождались и возрастали богатства на этихъ измѣнчивыхъ волнахъ; отчего же Провидѣніе не захочетъ благословить попытку, ведущую къ такой похвальной цѣли, вполне достойной Его покровительства? Изъ этихъ купцовъ, нажившихъ такія богатства и посылающихъ корабли во всѣ концы земнаго шара, не одинъ, можетъ быть, началъ торговлю на сумму еще меньше моей. Они разбогатѣли съ Божьею помощью; отчего же не разбогатѣть и мнѣ? Мнѣ кажется, попутный вѣтеръ дуетъ въ эти паруса, и корабль вселяетъ во мнѣ довѣріе къ себѣ. Идетъ, жребій брошенъ, пойду къ капитану, его лицо мнѣ нравится; напишу потомъ Жюли и сдѣлаюсь искуснымъ негоціантомъ.

Величайшее несчастіе людей нѣсколько вѣтренныхъ состоитъ въ томъ, что минутами терпятъ они вовсе голову. Жалкій юноша, не думая долго, привелъ въ исполненіе свою фантазію. Покупить товаровъ, когда есть деньги въ карманѣ, и не знаешь ни въ чемъ толку, — дѣло самое пустое. Капитанъ съ видомъ покровительства сводилъ Кроазиль къ одному фабриканту, который продалъ ему полотна и шолку, на сколько могъ онъ уплатить; и все это сейчасъ же было сложено

въ тельжку и перевезено на бортъ. Кроазиль, полный радости и надежды, собственноручно огромными буквами написалъ свое имя на своихъ тюкахъ. Съ чувствомъ невыразимой радости глядѣлъ онъ, какъ ихъ укладывали; настала часть отъезда, и корабль отплылъ отъ берега.

VI.

Нечего и говорить, что вслѣдствіе этаго предпріятія ничего не осталось денегъ у Кроазилья. Съ другой стороны, домъ его былъ проданъ; отъ всего добра оставалось ему только платье на его плечахъ; жилища не было, денегъ тоже. Несмотря на все свое доброе желаніе, Жанъ никакъ не могъ полагать, что бы господинъ его дошелъ до такого состоянія; Кроазиль не то чтобы былъ гордъ, но слишкомъ беззаботенъ, чтобы говорить объ этомъ; онъ рѣшился спать подъ открытымъ небомъ, а что касается до обѣда, разсчелъ слѣдующимъ образомъ: по его предположенію корабль долженъ былъ воротиться въ Гавръ черезъ полгода; онъ продалъ, скрѣпя сердце, золотые часы, подарокъ отца, который удалось ему съсречь до сихъ поръ, и выручилъ за нихъ тридцать шесть ливровъ. Съ этими деньгами, по четыре су на день, можно было прожить почти полгода. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ разсчетѣ, и написалъ къ мамзель Годо, извѣщая ее о своихъ дѣлахъ; онъ ни слова не говорилъ ей о своей бѣдности; напротивъ, онъ писалъ ей, что предпринялъ вслѣдствіе торгую операцію, которой результаты близки и несомнѣны; онъ объяснялъ, что *Флёретъ*, наемный корабль, въ полтораста тоннъ, везетъ въ Балтійское море его шолкъ и полотно; онъ умолялъ ее остаться вѣрною ему въ продолженіе года, не осмѣливаясь просить большаго срока, и съ своей стороны, самъ клялся ей въ вѣчной любви.

Когда мамзель Годо получила это письмо, она сидѣла въ углу передъ своимъ каминемъ и держала въ рукѣ, вмѣсто экрана, торговый бюллетень, объявляющій о приходѣ и выходѣ каравановъ изъ гавани и объ ихъ несчастіяхъ на морѣ. Никогда, конечно, и въ голову не приходило ей заняться по-

добными вещами, и она ни разу и строчки не прочла на этих листкахъ. Письмо Кроазилъ было причиной, что она читала бюллетень, который держала въ рукахъ; первое слово, поразившее ея глаза, было имя *Флёрета*; корабль погибъ у береговъ Франціи въ первую же ночь послѣ своего отплытія. Экипажъ спасся съ большими усиліями, но товары пошли всѣ ко дну.

Мамзель Годѣ, при этой новости, забыла вовсе, что Кроазилъ писалъ ей о своей бѣдности; ее опечалило это извѣстіе, какъ будто дѣло шло о миллионерѣ. Въ одну минуту ужасъ бури, разъяренные вѣтры, крики утопающихъ, разореніе чело-вѣка ея любящаго, цѣлая сцена изъ романа представилась ея мысли; бюллетень и письмо выпали у ней изъ рукъ; она встала въ страшномъ смятеніи, грудь ея волновалась, глаза готовы были облиться слезами, и она пустилась ходить большими шагами, твердо рѣшившись дѣйствовать, и спрашивая себя, что ей дѣлать въ этомъ случаѣ.

Надобно отдать справедливость любви, что чѣмъ препятствія сильнѣе, яснѣе, неотразимѣе, словомъ, чѣмъ меньше благоразумія въ ней, тѣмъ сильнѣе раздражается страсть, тѣмъ больше любитъся. Прощедши нѣсколько разъ по комнатѣ, не забывая, разумеется, ни дорогаго вѣера, ни благо-взгляда въ зеркало мимоходомъ, Жюли опустилась опять въ свои кресла. Кто поглядѣлъ бы на нее въ эту минуту, тотъ бы насладился чуднымъ зрѣлищемъ: глаза ея искрились, щеки горѣли; она испустила долгій вздохъ и прощентала съ очаровательной радостью и печалью:

Бѣдный мальчикъ! онъ разорился для меня!

Независимо отъ состоянія, которое должно было достаться ей послѣ отца, мамзель Годѣ владела, какъ собственностью, имѣніемъ, оставшимся ей послѣ матери. Она и не думала объ немъ никогда; въ эту минуту, въ первый разъ въ жизни вспомнила она, что можетъ располагать полмилліономъ франковъ. Она улыбнулась этой мысли; предпріятіе странное, смѣлое, чисто женское, почти такое же безразсудное, какъ и

самъ Кроазиль, пробѣжало въ ея головѣ; она лелѣяла эту мысль нѣсколько времени, потомъ принялась приводить ее въ дѣло.

Она пустилась розыскивать, нѣтъ ли у Кроазилья кого нибудь изъ родныхъ или друзей; горничная отражена была для этихъ поисковъ. Перебрали всѣхъ и нашли наконецъ въ четвертомъ этажѣ одного стараго дома, какую-то тетку, полуразбитую параличомъ, которая не вставала съ своихъ кресель и пять-шесть лѣтъ не выходила изъ дому. Эта бѣдная женщина, очень немолодыхъ уже лѣтъ, казалось, поставлена была въ мѣръ, или върнѣе, оставлена въ мѣръ какъ образецъ немощей человѣческихъ. Слепая, страдающая подагрой, почти оглохшая, она жила одна на своемъ чердакѣ; но природная веселость, на зло несчастьямъ и болѣзни, поддерживала ее въ восемьдесятъ лѣтъ и заставляла любить еще жизнь; сосѣди никогда не проходили мимо, не зашедши посидѣть съ ней, и устарѣлыя пѣсни ея восхищали дѣвушекъ во всемъ кварталѣ. Она жила небольшимъ пожизненнымъ доходомъ, для нея вполне достаточнымъ; пока длился день, она занималась вязаньемъ; все, что происходило послѣ смерти Людовика XIV, было ей неизвѣстно.

Къ этой-то почтенной особѣ отправилась тайно Жюли. Она разрядилась въ пухъ, не пощадила ни перьевъ, ни кружевъ, ни лентъ, ни брилліантовъ; она хотѣла соблазнить; но истинная красота ея въ эту минуту была мысль, обладавшая ею. Она вошла къ старушкѣ по крутой и темной лѣстницѣ, и поклонившись граціозно, говорила ей почти слѣдующими словами:

— У васъ есть, милостивая государыня, племянникъ, по имени Кроазиль, который любитъ меня и просилъ моей руки; я люблю его также и хотѣла бы за него выдти; но мой отецъ, М-г Годд, главный откупщикъ здѣшняго города, не соглашается на нашъ бракъ, потому что племянникъ вашъ не богатъ. Я ни за что въ свѣтъ не подамъ повода къ безславію и ни кому не сдѣлаю огорченья; я не смѣю и думать распорядиться собой безъ согласія моего семейства. Я пришла попросить васъ объ одной милости, въ которой, умоляю

вась, не откажите мнѣ; вамъ надобно самимъ сдѣлать предложеніе моему отцу. У меня, благодаря Бога, есть небольшое состояніе, которое все къ вашимъ услугамъ; возьмите, когда вамъ угодно, пятьсотъ тысячъ франковъ у моего нотариуса; скажите, что эта сумма принадлежитъ вашему племяннику, и она действительно принадлежитъ ему; это не подарокъ, который я хочу ему сдѣлать, а долгъ, который я ему уплачиваю, потому что я причиной разоренія Крозиля, и должна исправить его. Мой отецъ не скоро согласится; вы должны настаивать и дѣйствовать съ твердостью; я съ своей стороны буду стараться объ этомъ же. Никто въ свѣтъ, кромѣ меня, не имѣетъ права на эти деньги, никто и не узнаетъ, какъ попали они въ ваши руки. Вы тоже не богаты, я знаю, и, пожалуй, побойтесь удивить всѣхъ, давая такія деньги вашему племяннику; но вспомните, что отецъ мой васъ не знаетъ, что вы мало показываетесь въ городѣ, и что поэтому вамъ не трудно будетъ прикинуться возвратившейся изъ какаго-нибудь путешествія. Это дѣло, разумѣется, не обойдется вамъ безъ затрудненій, вы должны будете оставить ваше кресло, но вы осчастливите двоихъ, и если вы когда знали любовь, я надѣюсь, вы не откажете мнѣ.

Почтенная старушка, во время этой рѣчи, поддавалась попеременно удивленью, безпокойству, нѣжности и очарованію. Последнее слово убедило ее.

— Да, дитя мое, — повторила она нѣсколько разъ, — я знаю любовь, знаю ее!..

Говоря это, она сдѣлала усиліе, чтобы встать; ослабшія ноги едва удержали ее. Жюли подошла къ ней и протянула ей руку чтобы помочь ей; и вдругъ, почти невольно очутились они въ объятіяхъ одна у другой. Уговоръ былъ сдѣланъ; сердечный поцѣлуй запечатлѣлъ его, и за нимъ воспослѣдовали и всѣ необходимыя переговоры.

По окончаніи всѣхъ объясненій, благодѣтельная дама вынула изъ ящика почтенное тафтяное платье, хранившееся со дня ея свадьбы. Этой древней мебели было не менѣе пятидесяти лѣтъ; но ни одно пятнышко, ни одна пылинка не оставили на ней слѣда; Жюли была отъ него въ восхищеніи.

Послали нанять карету, лучше которой не было въ цѣломъ городѣ. Благодѣтельная дама приготовила рѣчь для произнесенія передъ М-г Годо; Жюми научила ее, какъ тронуть сердце ея отца, и не скрыла отъ нея, что спѣсь — его щекотливая струна.

— Придумайте только средство полѣстить ему съ этой стороны, — сказала она, — и мы будемъ въ выигрышѣ.

Благодѣтельная дама глубоко задумалась, окончила свой туалетъ, не говоря ни слова, пожала руку будущей племянницы, и сѣла въ карету. Скоро подъѣхала она къ дому М-г Годо; входя по лѣстницѣ, она выпрямилась, какъ будто помолодѣла десятью годами. Величественно прошла она чрезъ залу, гдѣ выпалъ букетъ у Жюми, и когда отворилась дверь въ будуаръ, она сказала твердымъ голосомъ шедшему впереди лакею:

— Доложите о вдовствующей баронессѣ де-Кроазиль.

Это слово рѣшило счастье двухъ любовниковъ; М-г Годо былъ ослѣпленъ имъ. Хотя пять-сотъ тысячъ франковъ и считалъ онъ бездѣлицей, но рѣшился на все, чтобъ сдѣлать свою дочь баронессой, и она стала баронессой; кто бы смѣлъ оспаривать у ней это титуло? По моему, она вполне заслужила его....

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

30 Іюня было въ г. Лилль большое музыкальное торжество. Въ огромной залѣ, гдѣ на устроенныхъ кругомъ галлерейхъ помѣщалось до 8,000 посѣтителей, собралось девять-сотъ восемьдесятъ артистовъ обоого пола, которые исполнили замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія, подъ дирекцію Г. Жирара, капельмейстера концертнаго общества Парижской консерваторіи.

Подобныя торжества были уже въ Лилль въ 1829 и 1838 годахъ, но торжество настоящаго года далеко превзошло прошедшія, не смотря, что тогда оркестромъ дирижировалъ Габенекъ.

Удивительно, что эти музыкальные праздники учредились въ Лилль, городъ преимущественно промышленномъ; еще удивительнѣе, что, тогда какъ вездѣ музыкальные праздники даются обыкновенно по какимъ-либо вовсе не музыкальнымъ случаямъ, здѣсь единственная цѣль торжества есть музыка.

Мѣсяца четыре тому назадъ учредилась коммисія изъ 200 членовъ, которые постановили построить для этаго торжества особое зданіе, по принятому ими плану Гг. Бевинья и Дюэза.

Г. Военный Министръ далъ обществу для зданія мѣсто, въ паркѣ артиллерійскаго арсенала (parc a boulets), и постройка шла такъ успѣшно, что чрезъ шесть недѣль въ новой залѣ можно было уже начать репетиціи.

Коммисія была не менѣе двятельна. Члены ея въ скоромъ времени собрали до 300 пѣвцовъ изъ любителей музыки, которыя, участвуя въ концертахъ, платили еще и за входъ. Пѣвцовъ собралось также около трехъ-сотъ. Прежній капельмейстеръ Лилльскаго театра г. Бенаръ, началъ репетиціи, и когда г. Жираръ пріѣхалъ изъ Парижа, все было уже такъ слажено, что ему оставалось только придать исполненію художественную отдѣлку.

Коммисія имѣла прекрасную, благонамѣренную идею, допустить въ программу концерта, въ среду музыкальныхъ знаменитостей, каковы Бетховенъ, Гайднъ, Марселло и проч., имена двухъ Лильскихъ композиторовъ: Гг. Бауманна и Лавенна.

Концертъ начался двумя отрывками симфоніи съ фа г. Бауманна; первая часть и скерцо (scherzo) этой симфоніи, исполненные оркестромъ съ удивительнымъ совершенствомъ, были приняты публикою съ лестнымъ для юнаго таланта одобреніемъ.

За симъ слѣдовала Херувимская пѣснь Бортиянскаго, бывшаго директора хора придворныхъ пѣвчихъ въ С.-Петербурѣ, умершаго въ 1826 году.

Хоръ этотъ написанъ безъ акомпанимента. Девять-сотъ артистовъ съ изумительнымъ согласіемъ и точностію исполнили эту высокую, трогательную, напечатлѣнную безстрастною восторженностію музыку, и восемь тысячъ слушателей проникнуты были торжественнымъ, благоговѣннымъ восхищеніемъ (*).

(*) Херувимскую пѣснь и многія другія сочиненія покойнаго Бортиянскаго вывезъ въ Парижъ г. Берлюозъ. По возвращеніи изъ Петербурга, онъ помѣстилъ въ Journal des Debats отъ 19 Октября 1830 года письмо, въ которомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. Сообщаемъ кстати читателямъ Москвитинамъ переводъ этого письма, (полученный нами изъ Тары):

«Правила Греческой Церкви воспрещаютъ употребленіе музыкальныхъ инструментовъ и даже органовъ въ православныхъ церквахъ, поэтому Русскіе пѣвчіе поютъ безъ акомпанимента. Придворные пѣвчіе такъ искусны, что не нуждаются даже въ регентѣ, чтобы подать томъ или показать шѣру.

«Нельзя вообразить ненарушимаго согласія и изумительной точности, съ которыми этотъ хоръ, оставленный, такъ сказать, самому себѣ, внезапно переходилъ изъ одного тона въ другой, отъ пѣвья протяжнаго къ живому; и даже речитативы и стихи, не подчиненные шѣрѣ, исполнялись съ невозможною стройностію. Двадцать четыре человека пѣвчихъ, одѣтые въ богатый костюмъ, двумя равными хорами поставлены были по обѣимъ сторонамъ алтаря (на крылосахъ), одинъ противъ другаго. Басы составляли рядъ наиболее отдаленный отъ середины, передъ ними стояли тенора, а впереди дѣти: дисканты и альты. Неподвижные, въ глубокомъ молчаніи ожидали они минуты, чтобы начать пѣніе, и вдругъ, по непринятному для предстоющихъ знаку, данному, вѣроятно, одному изъ нихъ, запылали они огнемъ голосный концертъ, одно изъ самыхъ грандіозныхъ сочиненій Бортиянскаго. «Въ этой гармонической тканн были такія части, которыя казались неисполнимыми: то паузы, то какіе-то неопредѣленные стоны, похожіе на тѣ, что слышатся въ сонныхъ грезахъ; а иногда проявлялись такіе звуки, какъ «вопли, вырвавшіеся изъ стѣсенной груди страдальца. Потомъ все это утихаетъ, въ постепенномъ пониженіи звуковъ, неизтравномъ, чуть слышномъ, облачнымъ, небесномъ, какъ будто эту пѣснь поетъ хоръ ангеловъ, возносящихся съ земли и исчезающихъ постепенно въ высотахъ зенита.

Передъ этой пѣснію, г. Лавенъ сыгралъ на органъ приличный ригурпаль. Потомъ слѣдовали: квартетъ изъ Карла VI, который г. Галеви переложилъ на этотъ случай на 16 голосовъ, впрочемъ, эти 16 голосовъ составляли только 4, въ четыре созвучія каждый;—прекрасное *O filii* Лейфинга, нѣмецкаго композитора и пастора, жившаго въ началѣ XVII вѣка, написанное на два хора безъ акомпанимента. Превосходный хоръ изъ Сотворенія міра Гайдна заключилъ первую часть концерта. Вторая часть началась увертюрою изъ Оберона. За симъ слѣдовалъ гимнъ солнцу изъ оперы: Павелъ и Виргинія, Лесюера. Лучшей пьесой концерта былъ псаломъ Марседо: *Idie limmensi pavanno*. По требованію публики, артисты повторили его и исполнили съ увлекательнымъ совершенствомъ. *Inflamatus* изъ *Stabat mater* Россини, самое религіозное мѣсто изъ этого сочиненія, имѣло чрезвычайный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что соло, пропѣтое г-жею Жюльенъ, показало въ полномъ блескѣ прекрасный голосъ артистки. Наконецъ, въ заключеніе этого музыкальнаго торжества, исполнено Ласгутова изъ *Requiem* Берліоза. Пьеса эта полна какого-то дикаго величія, странной энергіи. Впечатлѣніе этой музыки могущественно, но оно болѣе поражаетъ, нежели вохищаетъ удивленнаго слушателя. Нѣтъ сомнѣнія,

«Артисты Парижскаго филармоническаго общества, желая хотя нѣсколько ознакомить нашу публику съ талантомъ Бортияскаго, пытались исполнить одну изъ самыхъ простыхъ пьесъ его богатаго репертуара. Они разучили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ четырехъголосную кавтату: *Дже Херувимы*, и поютъ ее такъ, какъ она поется по-Русски, иногда съ отбѣнками, припоминающими мнѣ надала Петербургскихъ придворныхъ пѣвчихъ. Къ несчастію, намъ не достаетъ ни Русскихъ дискантовъ, доставляемыхъ Украиню, ни этихъ мужскихъ голосовъ, которыхъ производитъ одинъ только «холодный» кливать, голосовъ исключительныхъ, ни ходящихъ до *sol*, третьей струны контрбаса, при посредствѣ которыхъ низкія ноты концерта сдвигаются низшею октавою, какъ въ органѣ, съ помощію пѣдалей. Намъ недостаетъ особаго заведенія, гдѣ бы наши хористы, занимаясь постоянно ученіемъ, хорошо направлялись, могли съ одной стороны забывать грубыя прищывки въ пѣніи, къ которымъ навываютъ въ театрахъ, и съ другой стороны, приобретать такія достоинства, которыхъ никогда отъ нихъ не спрашивали. Не знаю, въ какую именно эпоху жилъ Бортияскій. Кажется, что придворная Капелла нѣсколько лѣтъ была подъ его дирекціей. Въ числѣ Русскихъ композиторовъ, преемниковъ Бортияскаго въ этой должности, сохранившихъ вѣрно стиль его твореній, надобно упомянуть о М. Глинкѣ, многія сочиненія котораго, исполненные оригинальности, лѣтъ 8 тому назадъ мы слышали въ Парижѣ, и о генералѣ Львовѣ, виртуозѣ и композиторѣ величайшаго достоинства. Теперь придворная Капелла состоитъ подъ его дирекціей».

что Берлиозъ принадлежитъ къ числу великихъ современныхъ композиторовъ, но это гений строгій, жесткій, лишенный иногда нежности, составляющей прелесть музыки.

Расходы на это трехдневное торжество простираются до ста тысячъ франковъ (25,000 рубл. серебр.). 57,000 фр. собрано подпискою. Постройка залы, порученная г-ну Газаруза за 30,000 фр., стоила ему болѣе 110,000, при самой заботливой бережливости. Размѣщеніе оркестра ново, оригинально и очень эффектно: это подобіе горы, съ долинами, рвами, стремнинами. Хоры покрываютъ впереди двѣ діагональныя покатости, устроенныя въ ступени. Левая покатость занята дамами. Нельзя выразить всю прелесть эффекта, при видѣ 300 дѣвушекъ, юныхъ, свежихъ, почти всѣхъ прекрасныхъ, одѣтыхъ съ однообразною простотою. Въ самомъ верху оркестра поставленъ органъ, нарочно сдѣланный для сего торжества, въ коемъ устроено семь строевъ въ среднѣ и одинъ регистръ педалей отдѣльно.

Первое музыкальное торжество въ Лиля учредилось также по подпискѣ. Король Карль X пожертвовалъ 200 франковъ, герцогиня Беррійская 100 фр., герцогъ Орлеанскій 100 фр., герцогиня Орлеанская 50 фр., меръ г. Лиля 1,700 фр. и проч.

На первый случай, общество это исполнило въ церкви Св. Маврикія обѣдню, составленную изъ отрывковъ разныхъ композиторовъ: *Kyrie* Бетговена, *Gloria* Гайдна, *Credo* и *Ecce panis* Керубини, *Sanctus* Гайдна, *Benedictus* Бетговена; прочія части Мегюля, Моцарта, Ансіота. Въ заключеніе сыграли увертюру изъ Оберона. Странная мысль!

Сегодняшній концертъ, вообще менѣе строгаго стиля, чѣмъ вчерашній, привлекъ еще болѣе почитателей. Концертъ начался седьмою симфоніею Бетговена. Кто не знаетъ этаго превосходнаго творенія? Излишне было бы говорить о немъ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ пьесахъ, заслужившихъ особенное вниманіе публики, и которыя, по ея требованію, были повторены; одна изъ нихъ принадлежитъ XVI, другая XVII вѣку.

Первая—это павана (*la pavane*), плясовая пѣсня, соч. Туано-Арбо. Павана есть старинный испанскій танецъ, прозванный такъ потому, что танцующіе кружатся одинъ около другаго, какъ павлины, коихъ испанское названіе присвоено танцу. Павана Арбо взята изъ собранія плясовыхъ пѣсней, изданнаго имъ въ 1579 году. Мелодія эта написана для хора. Г. Венерлинъ придумалъ для концертовъ Св. Сециліи въ Парижѣ, ко второму и третьему куплету этой пѣсни, родъ акомпанимента въ контрапунктъ, исполненный въ

первый раз однимъ гобоемъ, а во второй флейтами и фаготами въ октаву. Тимпанъ (*tambour de basque*), отбивающій ритмъ въ третьемъ куплетъ, производитъ прекрасный эффектъ. Павана была превосходно пропѣта и принята громомъ рукоплесканій публики.

Другая пьеса есть хоръ изъ *Кастора и Полукса*, соч. Рамо, съ акомпаниментомъ только смычковыхъ инструментовъ. Не странное ли дѣло, этотъ успѣхъ старинной музыки, простой и выразительной. Мы столько употребляли во зло эффекты гармоніи, что влеченіе къ старинной музыкѣ можно почесть реакціею вкуса противъ современной музыки. Кто знаетъ?—Можетъ быть мы обратимся къ простому, невычурному выраженію чувства, освобожденному отъ оглушительной свиты громкихъ звуковъ, которые часто затемняютъ его теперь. Но тогда мы будемъ богаты опытомъ; мы будемъ искусно естественны и обдуманно-просты.

Г. Эзе пропѣлъ за симъ арію перваго акта изъ оперы *Блудный сынъ*. Это была ошибка. Трудно, чтобы одинокая арія произвела эффектъ въ такой огромной залѣ, хотя бы и была сопровождаема хоромъ и спѣта отличнымъ артистомъ. Тоже можно сказать о пѣвицѣ, исполнившей арію изъ *Нормы*.

Хоры изъ *Эврипиды* пропѣты были прекрасно.

Проповѣдываніе анабаптистовъ, коимъ оканчивалась первая часть концерта, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ мѣстъ *Пророка*, но музыка Мейербеера такъ примѣнена къ сценѣ, такъ хорошо сливается съ драматическимъ дѣйствіемъ, что отдѣльно производитъ только второстепенный эффектъ.

Тріо изъ Вильгельма Телла, исполненное Гг. Меральтомъ, Эзе и Обеномъ, шло неподражаемо хорошо. Г. Меральтъ проявлялъ извѣстную кантилену: «*Ses jours, qu'ils ont osé proscrire*», съ такою полнотою чувства, что оно перелилось въ слушателей, и пѣвца поминутно прерывали самими восторженными похвалами.

Увертюра изъ «*Юный Генрихъ*» подтверждаетъ сказанное нами о старинной музыкѣ. Охотничья пѣсня, вставленная въ эту увертюру, произвела на публику изумительное впечатлѣніе. Что ни говори, а публика всегда права. Она любитъ силу, энергію, но любитъ ее въ сіюмъ чувствѣ, а не въ оглушительномъ трескѣ звуковъ, которымъ нынѣ передаютъ силу чувства.

Остается упомянуть о знаменитомъ маршѣ изъ *Iudas Machabée*, и объ отрывкахъ изъ *Весталки*, коими заключается программа концерта и музыкальное торжество. Отрывки изъ *Весталки* были уже собраны самимъ композиторомъ Спонтини для концерта, дан-

наго въ честь ему обществомъ концертовъ Парижской консерваторіи. Предъ исполненіемъ этихъ пьесъ, депутація комисіи торжества поднесла г-ну Жирану, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики, выбитую въ честь ему золотую медаль. Вторые дирижеры оркестра, Гг. Мюллеръ и Бепаръ, также получили медали. Въ заключеніе концерта, по единогласному требованію публики, повторена была *Lacrymosa* Берліоза.

На слѣдующій день, въ залъ концертовъ, великолѣпно освѣщенной, былъ балъ. Пространство въ 4,000 кв. метровъ, исполненное блестящей толпою, при освѣтительномъ блескѣ освѣщенія по извѣстному способу Шарансона, представляло очаровательное зрѣлище. Огромнымъ оркестромъ (болѣе 150 музыкантовъ) дирижировалъ Страусъ, и балъ открытъ вальсомъ, сочиненнымъ имъ нарочно по случаю этого торжества. Послѣ бала, въ теченіе пятнадцати дней, публикѣ дозволено будетъ осматривать залу; потомъ она будетъ сломана. Но слѣды торжества не исчезнутъ въ объемахъ его храма. Кто былъ свидѣтелемъ, тотъ навсегда сохранитъ воспоминаніе объ этомъ величественномъ праздникѣ.

Опера Тальберга, «Флоринда или Мавры въ Испаніи» (*the Moors in Spain*) играна недавно въ первый разъ въ Лондонѣ. Сценаріо написанъ Скрибомъ и переведенъ на Италійскій языкъ какимъ-то господиномъ, котораго фамилія оканчивается буквою *i*. Предметъ не новъ и не занимателенъ. Король соблазнилъ Флоринду, дочь графа Жюльена, который, чтобы отомстить королю, передаетъ государство Маврамъ. Нельзя написать содержанія оперы короче этого. Роль графа Жюльена игралъ Лаблашъ, Флоринды—Софья Крувелли. Кольцолари, Симсъ-Ривсъ и Колети исполнили прочія роли. Демлей не смѣлъ никого отказать знаменитому пѣвисту, сдѣлавшемуся зятемъ знаменитаго басса.

Въ Лондонѣ успѣхъ еще ничего не означаетъ. Кто, какъ г. Тальбергъ, имѣетъ имя, друзей, сношенія, ему не трудно попасть въ славу. Пять или шесть лордовъ и пара журналовъ, могутъ обладать мнѣніемъ публики. Въ Парижѣ дѣло другое. Какую бы ни возбудилъ симпатію сочинитель, его судятъ и часто осуждаютъ, не смотря на то, что говоритъ импрезарій и журналы-друзья. Доказательствомъ тому можетъ служить *la corbeille des oranges*, которую лицепріятіе журналовъ не могло заставить понравиться публикѣ; но вѣроятно г. Тальбергъ хорошо зналъ все это, и вѣрно зналъ, что дѣлалъ. Но доволенъ ли онъ успѣхомъ? Надобно спросить объ этомъ у его совѣсти, а не у его свѣтскости. Ему аплодировали—это извѣстно;—но каковъ былъ сборъ, —это неизвѣст-

но... И въ Англійской публикѣ есть люди (исключеній гдѣ не бываетъ!), которые въ состояніи сѣудить о музыкѣ и не подчинять себя вліянію лордовъ и г. Ломлея. Эти люди могутъ разсказать въ Парижѣ, Миланѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Вѣнѣ и проч., что г. Тальбергъ музыкантъ, гармонистъ, ученый контрапунктистъ, но что лучъ мелодическаго вдохновенія не освѣтилъ Флоринды. А притомъ, зачѣмъ дебютировать большою оперою. Два-три акта, переплетенные пѣвучими фразами, обрамленные звучной оправой оркестра, могли бы сойти съ рукъ и безъ вдохновенія, между тѣмъ какъ четыре длинныя акта медленно тянутся безъ мелодической основы. Не смотря на неопредѣленную симфонію увертюры, не смотря на ученую, сухую строгость перваго акта, можно было еще надѣяться, зная искусство и ученость г-на Тальберга и все огромныя его ресурсы, что драматическая прелесть и сила творчества, необходимыя въ лирической музыкѣ, разовьются вмѣстѣ съ страстною драммы, но ожиданія были тщетны: все ученныя комбинаціи, даже слишкомъ ученныя, трудъ старательный, добросовѣстный, хитрости въ оркестрировкѣ изумительныя, но нѣтъ жаркой мысли, нѣтъ пламенной страсти! И наконецъ очень много шума если не изъ ничего, то изъ немногаго. Эготъ крикъ утомителенъ не для однихъ только пѣвцовъ. Г. Тальбергъ хотя родомъ Нѣмецъ, но онъ немножко и Италіанецъ. Онъ хотѣлъ принести жертву богамъ Авзоніи формою, оставаясь Германцемъ въ сущности. Эта лирическая двойственность не могла угодить ни одной сторонѣ. Нельзя не отдать справедливости г-ну Тальбергу, какъ искусному исполнителю и прекрасному композитору для фортепьяно, тѣмъ болѣе, что талантъ его всегда избѣгалъ безстыднаго шарлатанства, въ которомъ многіе изъ музыкальных знаменитостей искали и къ несчастію нашли часть своего успѣха. Талантъ его скромнѣе при всемъ сознаніи своего достоинства. Жалко, что мы не можемъ похвалить его оперу, какъ не можемъ не хвалить его игры и высокихъ артистическихъ качествъ. Если Флоринда выказала въ невыгодномъ свѣтѣ творческія способности г. Тальберга, то доказала гениальныя драматическія способности Софьи Крувелли, создавшей роль Флоринды. Сколько таланта развила она при исполненіи этой тяжелой роли, сколько искусства и знанія проявилось въ ея пѣніи! Лаблашъ, который уже нѣсколько лѣтъ поетъ только одни речитативы и *les morceaux d'ensemble*, гдѣ остатокъ его сильнаго голоса беретъ такія звучныя октавы, Лаблашъ измѣнилъ на эготъ случай своему обычаю. Онъ игралъ съ чувствомъ, съ достоинствомъ. Кольцоляри, игралъ

любовника. Любовь его была холодна какъ равнодушіе. Англичанинъ Симсъ-Ривсъ былъ пламените Італьянца. У него есть прекрасные оттънки въ голосъ. Коллетти все еще прекрасный basso-voce и талантъ совершенный. Магіе Крувелли, въ роли Пажа незамѣтна, потому что роль ея ничтожна. Кто умѣетъ цѣнить сладость контръ-альта, и знаетъ, какъ поеть M-lle Marie, пусть ожидаетъ ея дебюта въ другой оперѣ. Для нея готова роль въ Семирамидѣ.

Кстати о Семирамидѣ—разскажемъ кое-что о Россини.

Львивецъ заснулъ съ послѣднимъ актомъ Вильгельма Теля. Изрѣдка клеветники-журналы увѣрили, что онъ написалъ ту или другую оперу,—ложь обнаруживалась и подобнымъ разсказамъ перестали вѣрить. Вотъ что разсказываютъ теперь люди, заслуживающіе вѣроятія: Недавно Россини гостилъ въ деревнѣ у маркиза Цумпieri, близъ Болоньи. Охотились, удили, ловили перепелокъ, форедей. Занимались и музыкою. Россини понадобилась тетрадь съ кэцонетами, которая была заперта въ его городской квартирѣ. Г. Ронкони, вхавшій въ Болонью, предложилъ привести тетрадь. Мастро согласился. Вотъ ключъ,—сказалъ онъ—тетрадь въ конторкѣ, но пожалуйста, саго тіо, не трогай свертка бумаги, который лежитъ тамъ же. Ронкони отправился, входитъ въ домъ Россини, объявляетъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и его вводятъ въ кабинетъ. Онъ отворяетъ конторку, беретъ тетрадь, но какъ противустать искушенію, увидя свертокъ? — Любопытство превозмогло разборчивую нерѣшительность. (Ронкони самъ это разсказывалъ въ Лондонѣ). Это, какъ онъ и ожидалъ, была музыка,—слова маркиза Цумпieri, музыка Джакино Россини. На первомъ листѣ написано слѣдующее:

Elena, opera in cinque atti.

Non sarò rappresentato che dieci anni dopo la mia morte (не будетъ представлена прежде десяти лѣтъ по моей смерти).

Вѣроятно, неблагодарный львивецъ полагалъ, что если онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ, то по его смерти достаточно будетъ и одного десятилѣтія, чтобы музыкальный вкусъ Европы, оглушенный криками и тромбонами настоящаго, пришелъ въ себя, какъ приходитъ къ чистому источнику чловѣкъ, уинвшійся крѣпкими, поддѣльными напитками.

Дагеръ умеръ недавно въ окрестностяхъ Парижа, 62 лѣтъ отъ роду, пользуясь національною наградою, назначенною ему Палатою, за чудесное изобрѣтеніе, которому придаю его имя. Дагерръ долго былъ декорационнымъ живописцемъ театровъ. Ученикъ Миданскаго живописца Деготти, онъ писалъ удив-

вительныя декорации прежняго Ambigu: лунныя сіянія, солнечныя восходы, эффекты свѣта, которые прославили его кисть, прежде нежели ученая ихъ комбинація составила его славу. Онъ написалъ, вмѣстѣ съ Цицери, славныя декорации *Алладина или волшебной лампы* для театра оперы. Потомъ онъ устроилъ діораму, которая сдѣлала его извѣстнымъ и — раззорила. Тогда-то, съ помощію г-на Ніэпса изъ Дижона, онъ искалъ средства упрочить картины, которыя передаетъ камера-обскура. Успѣхъ увѣнчалъ его труды, и онъ надѣлилъ отечество открытіемъ, котораго усовершенствованія быстро ведутъ къ результатамъ почти невѣроятнымъ. На сихъ дняхъ открытъ способъ упрочивать и цвѣта передаваемыхъ предметовъ. Воздухъ все еще имѣетъ вліяніе на эти цвѣтныя изображенія, которыя лучъ свѣта оставляетъ на юдѣ;—со временемъ и цвѣта будутъ неизгладимы, какъ очерки, и тогда фотографія совершенно убьетъ акварельную живопись.

Лѣтній садъ въ Парижѣ продается. Жалко этаго цвѣтника подъ крышей, гдѣ давались премилые праздники. Тогда какъ Лондонъ собирается преобразовать въ лѣтній садъ свой Хрустальный дворецъ, гдѣ будутъ прогуливаться пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, грѣхъ Парижу не сохранить своего садика, хотя онъ въ сравненіи съ Лондонскимъ и похожъ на букетъ цвѣтовъ подъ хрустальнымъ колоколомъ.

До сихъ поръ не появилось еще ни одного романа изъ событій Лондонской выставки, но драматургія воспользовалась уже этимъ случаемъ. Недавно давали въ Парижѣ, на театрѣ Porte S-te Martin, пьесу подъ названіемъ: Palais du cristal, которая впрочемъ не имѣла успѣха. На театрѣ *Monpensier* также играли на дняхъ: *The english exhibition*, забавную эксцентрическую шалость. Въ Берлинѣ г. Родольфъ Жене и въ Вѣнѣ г. Фельдманъ также вывели на сцену нѣсколько случаевъ выставки.

Комедія Леона Гозлана: *la fin d'un roman*, въ которой дебютировала на Théâtre Français, хорошенькая Дельфина Марке, бывшая въ труппѣ театра Varietes, очень хорошо принята публикою.

Одеонъ закрытъ на четыре мѣсяца. Въ послѣднее время, не смотря, что тамъ играла одна изъ сестеръ г-жи Рашель, Сара, такъ схожая съ нею чертами, театръ этотъ часто бывалъ пустъ, и это подало поводъ Французскимъ каламбуристамъ прозвать Одеонъ *Пустынею Сары* (Саары). *Les contes d'Hoffmann*, фантастическая драма Жюля Барбье и Мишеля Карре нѣсколько поддерживала этотъ театръ.

La corbeille d'Oranges, опера Скриба и Обера, о которой мы

недавно говорили, обманула ожиданія и автора, и композитора, и публики. Только несравненная Альбони охраняет ее отъ совершеннаго паденія.

Лѣтніе жары увлекаютъ публику въ Елисейскія поля. Всѣ бѣгутъ изъ Сенегальской атмосферы бульварныхъ театровъ въ циркъ г-на Дежана. Иранъ Франкинъ Американецъ, превостоядщій въ силѣ и легкости все, что до сихъ поръ насъ удивляло, изумляетъ публику своимъ искусствомъ. Съ помощію трамплина, чрезвычайно упругаго, называемаго *la baloude*, онъ дѣлаетъ невѣроятныя штуки и прыгаетъ такъ высоко, что его воздушныя вышки можно скорѣе почестъ полетомъ птицы, чѣмъ скачкомъ безкрылаго животнаго. Недавно онъ прошелъ, или, лучше, пролетѣлъ цѣлую воздушную гамму въ 46 скачковъ, 46 разъ рискуя сломить себѣ шею. Звѣаки толпятся и аплодируютъ.

Въ Іюнь, на театрѣ комической оперы, давали въ первый разъ новую оперу *Raymond ou le secret de la reine*, г-на Амбруаза Тома, автора: *Кауда, Сна лѣтней ночи и пр.*, преминика вѣалаго Спотини въ институтъ музыки. Либретто не принадлежитъ на этотъ разъ вѣаичному и неизбѣжному г. Скрибу, — а Гг. Розье и Левенъ. Эта опера поддержитъ успѣхи театра комической оперы. Жѣлезныя дороги, спектакли на открытомъ воздухѣ, публичныя сады и аэростаты сдѣлали заговоръ противъ Парижскихъ театровъ; но г. Перень, директоръ комической оперы, открылъ калифорискую розсыпь въ любопытствѣ публики, и мастерски ее разработываетъ, такъ что театрѣ всегда полонъ.

Оберъ, знаменитый директоръ Парижской консерваторіи, назначавшій, не считая неудачной *Corbeille d'Oranges*, 50 прекрасныхъ партій, въ томъ числѣ двѣ или три образцовыхъ, получилъ отъ Пруссака Короля орденъ: *за достоинство въ наукахъ и искусствахъ*. Этотъ орденъ имѣютъ только шестьдесятъ кавалеровъ: 30 Прусскихъ подданныхъ и 30 иностранцевъ, въ томъ числѣ Франсуа Араго, Мейербееръ, Горацій Верне и другія знаменитости.

Маэстро Верди заказана партія для открытія сезона Итальянской труппы. Либретто будетъ написано по-Итальянски Французомъ, знающимъ хорошо языкъ Метастазія. Верди имѣлъ новый успѣхъ въ Неаполѣ.

Общество взаимныхъ пособій драматическихъ артистовъ, подъ председательствомъ барона Гейлора, собирается на свое годичное засѣданіе для отчета о своихъ дѣйствіяхъ. Теперь это общество имѣетъ 22,000 фр. дохода. Балъ, данный прошлой зимою въ залѣ Комической оперы, принесъ въ очистку 30,000 фр., большая лоттерей артистовъ 80,000 фр.

На Марсовомъ полѣ открываютъ новый ипподромъ. Арена будетъ имѣть 500 метровъ длины. Съ разрѣшенія правительства за входъ на Марсово поле въ дни представленій будетъ платиться 50 сантимовъ. Въ день открытія, г. Пуатевенъ поднимется на аэро-стать, съ женою и экипажемъ, запряженнымъ парокъ лошадей. Арабскія *фантазіи*, о которыхъ мы говорили, привлекаютъ вниманіе любопытной публики. Аэронавты братья Гогаръ царствуютъ въ воздушной области прежняго ипподрома при заставѣ *de l'Etoile*.

Теноръ Шапюи дебютировалъ въ оперѣ. Онъ ученикъ Консерваторіи. Говорятъ, что онъ беретъ грудное ит, (*l'ut depoitrine*), эту баснословную ноту, которую берутъ теперь все теноры, хотя бы ея и не имѣли. Этотъ фениксъ появился въ *Пророкъ*. Черезъ нѣсколько дней на томъ же театрѣ дебютировалъ другой теноръ, прѣхавшій изъ Бордо, г. Делагровъ. Директоръ оперы г. Рокпланъ пытался привлечь на свою сцену дѣвицу Софью Крувелли и сестру ея Марію, чтобы восхищать публику въ новой оперѣ Галеви *le juif errant*, но не смотря на все старанія г. Рокплана и на щедрія его предложенія, M-lle Cruvelli отказалась изъ опасенія пѣть съ Французскимъ текстомъ. Напрасно ей ставили въ примѣръ Альбони, такъ чудесно усопособленную г-мъ Ганри Пуатье, наставникомъ пѣнія въ академіи музыки,—застѣнчивая красавица не убѣдилась. Она почитаетъ себя слишкомъ неопытною на сценѣ, чтобы принять на себя ответственность, возлагаемую на нее раннею славою ея имени, при удовлетвореніи драматическимъ требованіямъ первой Парижской сцены. Впрочемъ оправдывая скромность, впушившую этотъ отказъ, нельзя не пожалѣть объ этой неуверенности въ актрисѣ, прославившейся въ Европѣ въ первыхъ попыткахъ на самомъ трудномъ поприщѣ. Парижская опера есть капиталъ закулиснаго міра; только тамъ можно получить вѣнокъ Европейской славы. Впрочемъ, Парижъ скоро увидитъ Крувелли подъ эгидію г-на Лумлея, и здѣшняя публика съумѣетъ оценить талантъ, на какомъ бы языкѣ ни были его торжественныя прованіенія.

Кстати о г. Лумлей. Онъ сыгралъ прекрасную шутку съ Ковентгарденскимъ театромъ въ Лондонѣ. Принцъ Албертъ пожелалъ слышать Фиделіо Бетговена, забытаго послѣ знаменитой Малибранъ. Труппа Ковентгарденскаго театра должна была исполнить эту оперу. Г. Лумлей приходитъ къ Крувелли. «Можете ли вы спѣть это черезъ восемь дней?»—Но я не знаю еще и первой ноты этой партіи. — «Вы имѣете восемь дней времени.» — Правда, черезъ восемь дней я готова.—Черезъ недѣлю г. Лумлей давалъ Фиделіо—это было во вторникъ, а Ковентгарденская труппа еще со-

мигивалась, что приготовить эту оперу къ четвергу. Королева, принцъ Албертъ и вся знать собрались на представленіе, и Крувелли такъ исполнила свою роль, что она сдѣлалась теперь трудною и для искусной Гризи.

Mlle Madeleine Brohan исполнила нѣсколько новыхъ ролей, — новыхъ или въ репертуарѣ, или для нея. Успѣхамъ ея мѣшаетъ нѣсколько участіе къ *Mlle Elise Denain*. Ея протекторы считаютъ себя обязанными защитить ее отъ вторженія юнаго таланта въ область ея репертуара. Г. Скрибъ передалъ двѣдцѣ Броганъ многія роли своихъ пьесъ, которыя занимала *Mlle Denain*, и касиръ театра говоритъ, что г. Скрибъ умно сдѣлалъ.

Въ Парижѣ загорѣлась новая мысль: устроить *народный театр*. Проектъ этотъ поспорилъ много убѣжденных и много своеобразныхъ видовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ прошеніе объ этомъ въ комиссію театровъ, которая рѣшила отказать. Но прежкетеры еще не отчаяваются въ успѣхъ. Проектъ этотъ подало общество подъ названіемъ *драматическій Орвеонъ*, состоящее изъ авторовъ, артистовъ и композиторовъ. Они предполагаютъ представлять для народа образцовыя произведенія поэзій и музыки. Другое общество извѣстнѣйшихъ лицъ, большею частію партій легитимистовъ, предлагаетъ открыть *Theatre de la famille*, на которомъ будутъ даваться для народа сочиненія самой строгой нравственности. Говорятъ, что общество этого театра, благодаря участію значительныхъ лицъ, имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи миллионъ основнаго капитала.

На лѣвый пьедесталъ фасада биржи, отъ улицы *Notre-dame des victoires*, поставлена уже одна изъ четырехъ статуй, которыя будутъ украшать углы этого зданія. Статуя эта, работы г. Прадье, изображаетъ промышленность. Г. Прадье, чувственный аенинецъ современной скульптуры, такъ же искусенъ въ строгомъ стилѣ монументальныхъ украшеній. Его *промышленность* отличается помысловъ, прекраснымъ положеніемъ тѣла, смѣлымъ набросомъ драперій и изящнымъ расположеніемъ и мягкостію складокъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ деталямъ, статую эту выгоднѣе видѣть изъ окрестныхъ домовъ, чѣмъ съ земли, — а это ошибка художника.

Кромѣ цирка г-на Дежана, кромѣ ипподрома Арио, кромѣ театровъ *du peuple* и *de la famille*, кромѣ множества пѣвучихъ кіосковъ, (*kiosques chantants*), музыкальныхъ кофейныхъ, танцевальныхъ садовъ, и проч. и проч., явились въ Парижѣ *народныя арены*, построенныя менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяць, при входѣ въ предместье *St-Antoine*. Арены эти имѣютъ 100 метровъ длины на 60 ши-

рины, то есть едали менше Нимскихъ аренъ, построенныхъ Римлянами, нашими наставниками въ публичныхъ увеселеніяхъ. Это зданіе странно украшено—въ готическомъ вкусь!

Нѣкто Тибодо, родъ сумасброда, давалъ долгое время странное направленіе театру *Variétés*. Англичанинъ Bows, Bowes или Boss, который по праву собственности поручилъ г-ну Тибодо эксплуатацію этаго театра, истративъ огромныя суммы, наконецъ наскучилъ неуспѣхомъ и закрылъ на время этотъ театръ. Во время закрытія передлана зала, въ уровень по комфорту съ залами Водевила и Гуппазе. Открытіе послѣдовало въ прошломъ мѣсяцѣ подъ руководствомъ г. Карпье, известнаго за челоѵка искуснаго и дѣятельнаго. Дѣйствительно, г. Карпье успѣлъ въ пятнадцать дней преобразовать залу, установить новый репертуаръ, сдѣлать нужныя перемены въ труппѣ, изгладить невыгодныя слѣды прошедшаго и искусно приготовить будущее. Зала прекрасна и удобна. Три пьесы открытія имѣли успѣхъ, и артисты одушевлены этимъ усердіемъ, которое рождаетъ совокупность выгодъ, какъ необходимая рамка для замѣчательныхъ талантовъ, которые обогащаютъ тѣ театры, гдѣ ихъ умѣють употребить. Арналь, Деклеркъ, Барду, Шарль-Пере, г-жи Дежазе, Пажъ и проч. — имена такъ привлекательныя, что г. Карпье скоро вознаградитъ понесенныя этимъ театромъ потери.

Въ Іюнь было восемнадцать театральныхъ новостей: одна опера, двѣ комедіи, двѣ драмы и тринадцать водевилей, тридцати трехъ сочинителей.

Въ Парижѣ много вещей дѣлается *на вѣтеръ* (en l'air), но и тамъ ничего не было вѣтренѣе помысла г. Тома Дарвиля, который обѣщаетъ олицетворить сказку объ Икарѣ. Онъ намѣренъ удивить Парижскую публику большимъ воздушнымъ полетомъ, съ двумя своими сыновьями, на крыльяхъ, которыя будутъ имѣть пятнадцать футовъ въ размахъ, и которыя, по словамъ г. Дарвиля, подѣлутъ возможность тому, кто будетъ ими снабженъ, дѣлать въ воздухѣ какія угодно эволюціи, погружаться въ пространство, подниматься отвѣсно вверхъ, плыть горизонтально надъ землею, словомъ. принимать всѣ аюры ласточки, съ свойственною ей легкостію.

Впрочемъ, г. Дарвиль въ прошломъ мѣсяцѣ перелетѣлъ уже на крыльяхъ чрезъ Сену. Мы живемъ въ такое время, въ которое можно всего ожидать и ничему нельзя удивляться. Люди гуляютъ подъ водою, летаютъ по воздуху, а несгораемымъ и счету нѣтъ. Любопытно видѣть, какъ г. Дарвиль сдѣлаетъ былъ изъ басни Икара, если не сдѣлаетъ баснею своего объявленія. Если искусство

летать усовершенствуется, то мечта Кобдена объ уничтоженіи таможенныхъ границъ между государствами, вскорѣ осуществится. Тогда граница не будетъ преградой для крылатыхъ контрабандистовъ; развѣ что заведутъ летучіе кордоны таможенной стражи...

Театръ *de la porte S-t Martin* закрытъ въ 87-й разъ съ первоначальнаго открытія. Послѣдній его директоръ г. Курнье, имѣвшій порядочное состояніе, совсѣмъ разорился. г. Курнье написалъ драму *Вѣра и сомнѣніе*. До сихъ поръ онъ вѣровалъ въ пріобрѣтеніе богатства, теперь ему не осталось и сомнѣнія въ томъ, что онъ разорился. Считая славный *Theatre Historique* и *Водевиль*, теперь уже три дирекціи обанкрутились. Многія еще полагаютъ за ними, если какое новое специальное узаконеніе не придетъ въ помощь искусству и промышленности, которыми живетъ на счетъ Франціи цѣлая Европа, и отъ которыхъ умираютъ съ голода во Франціи.

Г. Глесингеръ, авторъ-художникъ знаменитой вакханки, сдѣлалъ новую статую, изображающую Луизу Савойскую, мать Франциска I-го. Статуя эта поставлена въ Люксембургскомъ саду. Недавно толпа собралась около пьедестала и начала аплодировать какъ въ оперѣ. Знаменитый художникъ не былъ свидѣтелемъ своего торжества.

Говорятъ, что Дженни Линдъ уничтожила свой контрактъ съ Бернумомъ и возвращается въ Европу. Въ четырнадцать мѣсяцевъ она приобрѣла миліонъ триста тысячъ франковъ; Бернумъ сдѣлалъ при этомъ два миліона.

Г. Мерль, драматическій авторъ и ученый журналистъ, бывшій мужъ покойной г-жи Дорваль, известной актрисы, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья, вынужденъ былъ покинуть свой критическій фельетонъ *de l'Union*, тридцать лѣтъ помѣщаемый въ *Quotidienne*. Г. Мерль всегда былъ авторитетомъ въ драматическихъ вопросахъ. Фельетонъ *de l'Union* переходитъ въ руки Теодора Мюре, автора нѣсколькихъ романовъ. Только что этотъ Несторъ критики положилъ перо, театръ *Ambigu-comique* возобновилъ двадцать восемь лѣтъ забытую фантастическую драму *le Monstre*, въ сочиненіи которой онъ участвовалъ и успѣхъ которой не исчислили триста представлений.

Фридерикъ Леметръ, возвратившись изъ Бельгіи, вступилъ снова на сцену театра *Gaité*, вмѣстѣ съ Клариссою Мируа, въ *Dame Saint-Tropez*.

Черито, возвратившаяся изъ Мадрида, ангажирована въ Лондонъ. Еще г. Ломлей! Г. Сенъ-Леонъ остается въ театрѣ *Оперы*.

Актеръ Парижской оперы Роже играетъ съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ творенія Мейербеера. Въ этой столицѣ намѣреваются возобновить забытую оперу Моцарта *Belmonte et Constance*. Известная пѣвица г-жа Бабнигъ и теноръ Мартенсъ займутъ первыя роли въ этой пьесѣ. Осенью будутъ тамъ играть новую оперу Дорка *Le Prevost de Paris*.

Въ Берлинѣ предполагаютъ дать комедію съ страннымъ названіемъ: *Вотъ какъ строятъ дома*. Это 58 пьеса, сочиненная г-жею Бирхъ-Пейферъ, Прусскимъ Скрибомъ.

Старшій артистъ Германскихъ театровъ, и вѣроятно, театровъ цѣлаго свѣта, есть г. Августъ Пихлеръ, который находится теперь режисеромъ въ Оскабрукъ, въ Гановрѣ. Ему 80 лѣтъ. День его рожденія праздновали недавно его многочисленная семья и депутаціи театровъ: Ввнскаго, Берлинскаго, Ганноверскаго, Дрезденскаго, Веймарскаго, Лейпцигскаго, Брауншвейгскаго, Гамбургскаго, Детмольдскаго и проч., и всѣхъ городовъ, гдѣ восьмидесятилѣтній импрезарій былъ при этой должности. Владѣтельный герцогъ Липпе Детмольдскій прислалъ своего камергера приветствовать почтеннаго старика, а городъ Пирмонъ выдалъ ему грамоту на званіе почетнаго гражданина.

Въ Ввнѣ учреждается должность капелльмейстера Австрійской арміи.

Жители Ввны восхищаются картиною г. Павла Делароша: «Наполеонъ въ Фонтенебло 31 Марта 1814 года». Всѣ Ввнскіе журналы отзываются съ большою похвалою объ этой картинѣ, и даже въ честь художника написаны стихи. Это образцовое произведеніе принадлежитъ г-ну Шлеттеру, Лейпцигскому консулу. Выставка этой картины, дозволенная владѣльцемъ по ходатайству Австрійскаго общества изящныхъ искусствъ, посвящена была слишкомъ 150,000 лицъ и принесла сбора до 25,000 франковъ. Общество это, существующее не болѣе восьми мѣсяцевъ, помѣщало до сихъ поръ на выставкѣ только произведенія Немецкихъ, Бельгійскихъ и Голландскихъ художниковъ, и сдѣлало теперь весьма лестное исключеніе для Французской школы. Этотъ успѣхъ поощритъ, вѣроятно, Французскихъ художниковъ, присылать свои произведенія на выставку этого общества, откуда они легко перейдутъ въ кабинеты любителей искусствъ.

Между тѣмъ какъ Г-жа Альбони покупала на Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ домъ въ 200,000 франковъ, г-жа Фанни Эльслеръ купила въ Ввнѣ домъ слишкомъ въ миллионъ франковъ Лю-

бопытно знать, что заплатитъ Дженни Линдъ за пріютъ, гдѣ будетъ отдыхать послѣ заатлантическихъ трудовъ.

Одна изъ дочерей Мейербеерэ приняла христіанскую вѣру.

Въ концѣ Іюля умеръ въ Парижѣ маршалъ Гораціи Себастиани, о которомъ сообщаетъ слѣдующія подробности, можетъ быть, нѣсколько пристрастныя, *Independance Belge*. Мы говоримъ—пристрастныя, потому что помнимъ одну статью о Себастиани, помѣщенную лѣтъ шесть тому назадъ въ *Revue de deux mondes*, которая была къ нему гораздо строже, и выставила между прочимъ съ смѣшной стороны его хвастовство и щегольство.

Біографія генерала Себастиани, обильная важными политическими фактами, составитъ памятную страницу въ современной исторіи. Мы должны ограничиться тѣсною рамкою некрологической статьи; постараемся изложить вкратцѣ замѣчательнѣйшія подробности жизни маршала, въ четыре эпохи его многолѣтняго поприща. Его историкъ разскажетъ потомству, что сдѣлалъ онъ, будучи военномъ, что совершилъ въ званіи дипломата, что говорилъ въ камерѣ депутатовъ и что предпринималъ, когда былъ министромъ.

Гораціи Себастиани, котораго король Іосифъ самъ изъявилъ желаніе возвести въ званіе герцога Мурціи, былъ сынъ Корсиканскаго бочара. Еще въ юномъ возрастѣ, по непонятной странности, онъ убавлялъ себѣ лѣта, и 18 брюмера увврялъ, что ему 23 года, то есть, что онъ родился въ 1775 году, между тѣмъ какъ онъ родился 19 Ноября 1771 года.

Прекрасный собою, одаренный тѣми качествами, которыя бросаются въ глаза проникательнымъ начальникамъ, Себастиани Делла Порта (названіе деревни, откуда онъ родомъ), обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который быстро двинулъ его на пути славы. Его прекрасная наружность много содѣйствовала его личнымъ достоинствамъ въ пріобрѣтеніи успѣха на многообразныхъ поприщахъ, гдѣ онъ всегда успѣвалъ, или храбростію или искусствомъ убѣждать и умнѣемъ властвовать. Онъ началъ службу секретаремъ губернатора своей родины, потомъ перешелъ въ драгуны подпоручникомъ, произведенъ подъ Арколемъ въ эскадронные командиры, а въ 1799 на полѣ сраженія подъ Вероною генералъ Моро назначилъ его полковникомъ. Онъ попалъ въ милость къ Наполеону, когда сей послѣдній былъ въ борьбѣ съ Директорією. 17 Брюмера Наполеонъ поручилъ ему занять съ отрядомъ драгунъ мостъ, называемый тогда *pont-tournaut*, и конвоировать его съ его квартиры при улицѣ *Chantereine* въ Тюльери. Когда совѣтъ старѣйшинъ (*conseil des Anciens*) назначилъ будущаго Императора

Комендантомъ Парижа, и когда законодательное собраніе (le congrès législatif) переведено было въ Сень-клу, молодой полковникъ отправился съ своимъ полкомъ къ зданію совета пяти-сотъ, чтобы быть въ ассистенціи при утвержденіи этой мѣры. Дѣло рѣшено безъ препій. На другой день онъ находился въ Сень-клу и дѣятельно участвовалъ въ событіяхъ, измѣнившихъ систему правленія. Съ этого дня установилась его счастливая будущность на политическомъ поприщѣ.

По восшествіи на Императорскій престолъ, Наполеонъ, вспомоществуемый военною славою Себастіани, женилъ его на дѣвицѣ знатнаго рода. Всемъ извѣстно, съ какимъ искусствомъ Императоръ слаживалъ, такъ называемыя имъ, *смѣшанія* (fusions), сочетая свои юныя боевыя знаменитости съ старинными историческими именами Французской знати, которая кое гдѣ еще осмѣливалась на него коситься. Наполеонъ выбралъ для Себастіани молодую красавицу знатнаго рода, ту самую, которою плѣнился Андрей Шенье въ Консьержери, откуда она какимъ-то чудомъ освободилась: дѣвицу Куаньи, сестру теперешняго герцога этого имени. Въ замѣтъ за согласіе на этотъ бракъ, Императоръ возвратилъ дѣвицѣ Куаньи конфискованное ея имѣніе. Себастіани былъ такъ благороденъ, что отдалъ Герцогу своему тестю слѣдующую ему по раздѣлу часть. Въ послѣдствіи, Герцогъ былъ почетнымъ кавалеромъ при дворѣ Герцогини Орлеанской. Отъ этого брака маршалъ имѣлъ дочь, — несчастную супругу Герцога Пралена.

Женитьба Себастіани ознаменовала новую эпоху въ его политической жизни. Произведенный, послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, въ начальники дивизіи, онъ былъ нѣсколько разъ посыланъ съ порученіями на Востокъ, и въ 1806 году назначенъ посланникомъ въ Константинополь. Это была лучшая эпоха его карьеры. Къ большому удивленію и оскорбительному соблазну гарема и дивана, коихъ обычаями пренебрегалъ Себастіани, онъ первый осмѣлился явиться къ Султану въ мундирѣ и въ сапогахъ.

Его удивительная дѣятельность, его величественный видъ и рѣшимость способствовали ему преодолѣвать множество препятствій и торжествовать надъ личными опасностями. Онъ старался возстановить упавшее мужество султана Селима, испуганнаго угрозами двухъ первенствующихъ въ Европѣ державъ, и прилать отчаявшейся столицѣ Турціи видъ грозной обороны. Британскій флотъ вынужденъ былъ выйти изъ Босфора и имя Наполеона прогремѣло въ Турецкихъ мечетахъ.

Во время пребывания своего въ Константинополѣ, Себастьянъ лишился своей первой супруги. Въ послѣдствіи онъ женился на Герцогинѣ де Граммонъ, вдовѣ Генерала Давыдова, удалившейся во время революціи въ С. Петербургъ. Сестра ея, Леди Тенкервилъ была одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ въ Англіи.

Въ Испаніи Себастьянъ покыль себя славою. Онъ взялъ Гренаду и овладѣлъ Малагою. Тогда-то Король Іосифъ хотѣлъ возвести его въ званіе Герцога Мурціи, но Наполеонъ, пожаловавшій ему уже титулъ Графа Имперіи, не дозволилъ принять званіе Герцога. Въ Германіи, куда онъ за симъ отправился, продолжалъ онъ стяжать лавры, и вскорѣ, участвуя въ войнѣ противъ Россіи, онъ первый вступилъ въ Москву. Послѣ вторженія Французовъ въ Саксонію, оказавъ большія заслуги подъ Лейпцигомъ, и во время войны во Франціи, онъ былъ при сдачѣ Парижа. Онъ, можетъ быть, нѣсколько поторопился согласіемъ на сверженіе Наполеона, и, можетъ быть, слишкомъ охотно принялъ орденъ Св. Лудовика, но когда Наполеонъ прибылъ съ острова Эльбы, Себастьянъ возвратился подъ знамена своего благодѣтеля. Не смотря на то, послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, Король назначилъ маршала Себастьяна членомъ комисіи, коей поручено было трактовать съ союзными дѣржавами о мирѣ, послѣ чего онъ удалился въ Саксонію. Наскуча миромъ и не предвидя войны, онъ возвратился во Францію попытаться счастья въ законодательномъ собраніи. Корсика выбрала его своимъ депутатомъ, и онъ присоединился въ палатѣ къ партіи лѣвой стороны. Тамъ, если онъ не былъ вовсе либераломъ, то по крайней мѣрѣ держался оппозиціи. По примѣру Фуа и Ламарка, онъ всегда былъ на сторонѣ войны и держалъ сторону Италіи противъ Австріи, измѣнивъ впрочемъ свое мнѣніе въ послѣдствіи, когда сталъ министромъ. Корсика не избрала его снова въ 1824 году, но въ 1826, округъ де Вервень (de Vergvins), гдѣ онъ имѣлъ большія помѣстья, возобновилъ его выборъ. Онъ снова принялся за оппозицію, но съ умѣренностію чловѣка, который ожидаетъ отъ судьбы министерскаго портфеля. Въ 1831 году надежда эта осуществилась. Мы говорили уже о его мужествѣ, о его военныхъ доблестяхъ,—здѣсь мѣсто упомянуть о его способностяхъ. Себастьянъ говоритъ мало. Его главное достоинство состояло въ политическомъ инстинктѣ, чрезвычайно вѣрномъ, и въ изумительномъ хладнокровіи, которое ничѣмъ нельзя было поколебать. Это не былъ умъ частныхъ, умъ находчивый, какъ напримѣръ адмиралъ де Риньи; онъ не былъ богатъ помыслами, но имѣлъ умъ прямой, съ которымъ онъ, какъ въ ясновидѣніи, видѣлъ ясно и

далеко, а его хладнокровіе вело безусловно къ цели. Въ 1830 году, когда самые искусные политики опасались нарушенія мира, Себастьяни, измѣня направленіе своихъ рѣчей, и сдѣлавшись изъ воина государственнымъ мужемъ, поддерживалъ Казимира Перье и удивилъ даже Тайлера, эту древнюю развалину, на которую опирался тогда не одинъ изъ Европейскихъ троновъ.

Сдѣлавшись министромъ, онъ измѣнилъ свой взглядъ на вещи, какъ обыкновенно бываетъ съ человекомъ, который, взобравшись на высоту, видитъ многое, чего не видалъ прежде. И дѣйствовалъ онъ нѣсколько различно съ тѣмъ, какъ прежде говорилъ.

Оставивъ кабинетъ въ 1831 году, вслѣдствіе отказа палаты въ ратификаціи трактата касательно Американскаго долга въ 25 милліоновъ, Себастьяни отправленъ былъ посланникомъ, сначала къ Неаполитанскому двору, а потомъ въ Лондонъ. Тогда можно было сказать, что карьера его была кончена. Лудвигъ Филиппъ, который много любилъ его, возвелъ его въ 1840 году въ званіе маршала Франціи. Люди, бывшіе долго близкими къ маршалу Себастьяни, утверждаютъ, что кто его зналъ хорошо, тотъ находилъ въ немъ еще болѣе душевныхъ качествъ, чѣмъ умственныхъ достоинствъ. Беранже, знаменитый здравымъ смысломъ и вѣрностію сужденія еще болѣе, чѣмъ своимъ умомъ, такъ заключаетъ о Себастьяни, съ которымъ онъ былъ коротокъ: Сначала высокомерный до оскорбленія, покойный маршалъ становился добрымъ, и даже добрымъ человекомъ, съ тѣмъ, кто ему нравился.

Когда онъ принялъ министерство Иностраныхъ Дѣлъ, онъ нашелъ тамъ одного чиновника изъ числа высшихъ умовъ, по вѣрности взгляда, правотѣ и хладнокровію, словомъ, самую надежную практическую podporу для государственнаго человека. Это былъ г. Десажъ, умершій въ прошломъ году, человекъ скромный, углубленный въ самого себя и еще болѣе молчаливый, чѣмъ Себастьяни, который, въ воспоминаніе о востокѣ, прозвалъ его *пѣвымъ сералл*. Вскорѣ, узнавъ этотъ возвышенный характеръ, этотъ умъ твердый и скромный, министръ не могъ уже обойтись безъ г. Десажа; онъ сдѣлался для него домашнимъ гениемъ, демономъ Сократа. Г. Десажъ былъ долгое время повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Турціи, по отъѣздѣ оттуда генерала Гильемано, и только о востокѣ, объ одномъ востокѣ становился разговорчивъ и вызывалъ на разговоръ министра. Оба были полны воспоминаній объ этой странѣ чудесъ, въ которой каждый изъ нихъ игралъ свою роль: одинъ на поприщѣ славы, другой на пути пользы. Генералъ Себастьяни сдѣлался почти болтливымъ дома. Онъ былъ, чего мно-

где не знают, человекъ весьма образованный, любилъ древнихъ авторовъ, и оставилъ богатую библиотеку. Зная его уже въ старости, можно было понять, что прежде онъ обладалъ вполне даромъ нравиться. Никто болѣе его не сдѣлалъ сердечныхъ побѣдъ, и юность его длилась долго, какъ юность герцога Ришевье.

Обладая богатымъ имѣниемъ Куаньи, въ мирное время онъ жилъ великолюбно, съ щеголеватой изысканностію женщины. Онъ любилъ давать и давалъ щедро, только любилъ также, чтобы о томъ помнили. Истина, равно какъ и честолюбіе преобладали въ этой замѣчательной жизни, которая окончилась въ безучастномъ эгоизмѣ, въ рномъ признаковъ младенчества въ старости. Лѣта привели многія изъ умственныхъ способностей въ дѣтство, лишивъ ихъ силы мышленія и оставя имъ одни инстинктивные побужденія. Этой безчувственности обязанъ онъ былъ тѣмъ, что не такъ сильно почувствовалъ ударъ, нанесенный судьбою его отеческому сердцу въ самомъ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ. Комната, въ которой герцогиня погибла насильственной смертію, находилась въ нижнемъ этажѣ того дома, котораго бен-этажъ занималъ ея отецъ. Дверь этой комнаты заперли на ключи, и младенческая безсознательность графа позволяла ему безъ содроганія проходить мимо этой двери. Когда покойный маршалъ лежалъ уже на катафалкѣ, впучата его играли въ саду, подлѣ окномъ той самой комнаты, гдѣ погибла злополучная ихъ мать. Теперь, по смерти маршала, вѣроятно удалятся они отъ этого жилища скорби и преступленія.

Жюльенъ и Соле.

Мы уже сказали въ одномъ изъ предшествовавшихъ номеровъ нашего журнала, что умные взятыя за дѣло, есть самое дѣльное умье. Эту дилемму въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доказываютъ въ Лондонѣ два Француза, искусные шарлатаны: Жюльенъ—музыкантъ, и Соле—поварь. Стоитъ рассказать ихъ продвѣлки, не только для того, чтобы выказать ихъ оборотливую изобрѣтательность, какъ съ тѣмъ, чтобы показать, какими странными средствами можно успѣть у Англичанъ

Жюльенъ былъ извѣстенъ въ Парижѣ еще до своего отъѣзда въ Англію. Онъ дирижировалъ концертами въ Гурецкомъ саду (Jardin Turc), куда Парижская публика съѣзжалась погулять въ миниатюрныхъ рошицахъ и пить сорбетъ, приправленный пылью. Жюльенъ царствовалъ въ этомъ садикѣ, стоя на возвышеніи и держа въ рукахъ, облеченныхъ въ палеваы перчатки и оторо-

ченыхъ огромными манжетамъ, капельмейстерскій жезлъ эмблему его музыкальной власти. Въ эту эпоху его занимательной жизни онъ имѣлъ удивительный поепипокъ, который много помогъ его извѣстности; примѣры подобныхъ подвиговъ случались только между баснословными героями Аріоста. Поссорившись съ однимъ изъ музыкантовъ, бывшихъ некогда полковымъ фехтмейстеромъ, Жюльенъ былъ вызванъ. Онъ просилъ восемь дней отсрочки, чтобы приготовить къ дуэли. Наконецъ, насталъ роковой день. Противникъ Жюльена прокололъ его насквозь, такъ что эфесъ шпаги плотно прикрылъ рану. Естественно, что противникъ выпустилъ изъ рукъ шпагу. Тогда Жюльенъ бросился къ нему и нанесъ ему жестокой ударъ, постъ чего остановился съ шпагою въ груди, конецъ которой торчалъ изъ его спины. Никто не рѣшался вынуть оружія; Жюльенъ самъ вытащилъ изъ раны шпагу, такъ чудесно проскользнувшую мимо важнѣйшихъ жизненныхъ органовъ. Мѣсяцъ спустя, Жюльенъ опять надѣлъ палева перчатки, вооружился своимъ музыкальнѣмъ жезломъ и продолжалъ дирижировать концертами, въ обычныхъ элегическихъ позахъ, къ которымъ очень шла болѣзненная блѣдность его лица. Цѣлый Парижъ стекался посмотреть этаго Орфея-дуэлиста.

Обстоятельства, понудившія Жюльена удалиться изъ Франціи были странны какъ и цѣлая жизнь этаго артиста. Недовольный мѣстнымъ начальствомъ, чтобы отомстить, онъ выдумалъ чудесную афишку, въ которой совокупность нѣкоторыхъ буквъ, божье замитныхъ, нежели прочія, составляли, смотря издали, оскорбительное выраженіе противъ полиціи. Не имѣя большаго желанія посидѣть въ исправительной тюрьмѣ, Жюльенъ бѣжалъ въ Англію. Этому будетъ лѣтъ двѣнадцать. Тогда былъ въ Лондонѣ нѣкто Элейзонъ, который давалъ музыкальныя прогулки, довольно безуспѣшныя. Жюльенъ, какъ знатокъ дѣла, взялся за эту спекуляцію, устроилъ это очень оригинально, пустился по провинціямъ съ затою музыкантовъ, и привлекъ вниманіе новизною предпріятія и эксцентрическими уловками. Онъ, напримѣръ, не входилъ по ступенямъ на подмостки, гдѣ стоялъ его пульпитръ, а внезапно подымался къ нему изъ подполья сквозь отверстія, сдѣланныя въ этихъ подмосткахъ, окруженный театральными молніями и въ лучезарномъ сіяніи Бенгальскаго огня. Костюмъ его былъ самый вычурный, съ фантастическимъ шитьемъ по швамъ, а вѣчныя палева перчатки подавалъ ему на серебряномъ блюдѣ лакеи въ богатой ливревѣ. Послѣ каждой пьесы онъ падалъ, какъ бы въ изнеможени, на кресла. Всѣ эти способы были еще неизвѣстны, и пуб-

лика топились, чтобы поглядеть на Г. Жюльена, — а пожалуй и послушать.

Впрочемъ догадливый проказникъ всегда держалъ въ своей капеллѣ какого-нибудь искуснаго артиста, челоѵка съ истиннымъ талантомъ. Сначала это былъ знаменитый Кешнгъ, артистъ на кларнетъ, котораго мелодическое дыханіе и непостижимая бѣглость пальцевъ по клавиатурѣ пистоновъ, умѣли сотрясать упорныя фибры Англійскаго слуха. Жюльень вошелъ въ моду и вскорѣ началъ дирижировать концертами и балами большаго свѣта, увлеченнаго приманкою рожковъ, пистоновъ и палевыхъ перчатокъ. Известность Жюльена вскорѣ отразилась и на женѣ его, Англичанкѣ, цвѣточницѣ съ улицы *Медоксъ*, такъ что Англичанки не иначе пріѣзжали слушать музыку мужа, какъ съ букетомъ цвѣтовъ, заплаченными два или три фунта стерлинговъ, супругъ счастливаго музыканта.

Жюльень искусно пользовался своимъ счастьемъ. Онъ открылъ при *Regent-Street* обширный музыкальный магазинъ, который и до сихъ поръ существуетъ подъ его фирмою, хотя въ немъ и другой хозяинъ. Вскорѣ, въ своихъ концертахъ смѣнилъ онъ инструментальную музыку пѣніемъ; это нововведеніе также ему удалось. Впрочемъ на свѣтломъ небѣ нашего спекулянта бывали и бури. Жюльень, зная, что съ Англичанами можно на многое отваживаться, иногда слишкомъ много отваживался. Въ одинъ изъ его пѣздовъ на Дублинъ, тамошняя публика, негодуя за какое-то не приличіе, закидала его эстраду дохлыми кошками, грязью и проч., и въ него самаго бросала тухлыя яйца. Въ Лондонѣ, гдѣ этотъ случай надѣлалъ шуму, все полагали, что Жюльень уже не встанетъ послѣ Дублинскаго паденія; ничуть не бывало! — Онъ вскорѣ явился съ новою полькою, безстыдно названною: *полька-личница!* — Толпа, гонимая этой цинической отвагою, снова бросилась слушать Жюльена.

Съ тѣхъ поръ распутное кѣ нему публики дошло до изступленій. Его имя, его портреты, появились на всемъ и всадѣ. Подобіе его выдѣлывали изъ фарфора, изъ каучука, изъ шоколада, изъ пряниковъ. Изображенія его красовались и на помадныхъ банкахъ и на чашкахъ и на столовой посудѣ. Балъ не въ балъ, если музыкой дирижировать не Жюльень. Даже дворъ допустилъ его въ свое святилище. Онъ вскорѣ приобрѣлъ огромныя деньги и имѣлъ четыре дома на Лондонской набережной: его музыкальный магазинъ, детский магазинъ его жены, загородный домъ въ модной деревнѣ *Гемптедѣ* и большой домъ въ городѣ при улицѣ *Герлей*, гдѣ все помно

блистали позолотомъ. Въ этомъ-го истинно царскомъ жилищѣ устроилъ онъ *королевскую Академію Англійской музыки*, которую правильнѣе было назвать Англійскою королевскою Академіею музыки. Цѣль его была создать въ Англии *національную музыку*. Эта мысль польстила жителямъ Лондона и поправилась Двору. Пособіа, участіе, поощренія,—посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Надобно было открыть театръ;—избрали Дрюри-Ленскій. Фантастическій маэстро въ устроенной въ его Герлей-Стритскомъ домѣ эстрадѣ, обитой бархатомъ, принималъ артистовъ и давалъ аудіенціи. Театръ открытъ (въ 1847 году) пьесами, написанными по-Англійски или переведенными на этотъ языкъ: опера Бальвора *The Maid of Honog*, потомъ *Линда* и *Лучія Доницетти*, потомъ многія другія, въ коихъ пѣли Г-жи Дорусъ и Симсъ Ривсъ. Г. Берліозъ дирижировалъ оркестромъ, который развѣ потому только былъ Англійскій, что былъ въ Лондонѣ!

Никогда не бывало такой роскоши на какомъ-либо театрѣ. Жюльенъ одѣлъ хористокъ какъ прима-доннѣ, и передняя завѣса была изъ шелкового бархата. Началось все прекрасно, но кончилось дурно, такъ что въ одно доброе утро Г. Жюльенъ оказался несостоятельнымъ на 400 т. франковъ. Четыре дома Жюльена исчезли, расположеніе публики охладилось и приходилось начинать снова чѣмъ-либо другимъ.

Хуже всего было возмущеніе Англійскаго дилетантизма, которому надоели эксцентрическіе успѣхи любимца публики. Люди богатые и степенные составили общество, и ангажировали всѣхъ лучшихъ артистовъ, на которыхъ только Жюльенъ могъ рассчитывать, такъ что ему не съ чѣмъ было начать. Всѣ полагали, что Жюльенъ пропадетъ,—но публика худо его знала, или, лучше сказать, Англійская публика худо знала Англичанъ!

Жюльенъ выписалъ изъ Парижа двѣнадцать барабанщиковъ національной гвардіи и красавца тамбуръ-мажора. Барабаны подстроили, онъ сочинилъ чудовищный кадрили (*un quadrille monstre*) и пустился по провинціямъ, привлекая толпы слушателей и собирая опять огромныя деньги. Даже въ Лондонѣ возставшія противъ него возмизія богатыхъ людей и отличныхъ артистовъ, была побеждена, и барабанщики Жюльена имали огромный успѣхъ, до того, что *Life's guards* (лейбъ-гвардіи) давала праздникъ этимъ краснымъ эполегамъ въ казармахъ Альбани-Стритъ, и лига истинныхъ любителей музыки, которыхъ самолюбіе и любовь къ искусствамъ были возмущены музыкальнымъ шарлатанизмомъ Жюльена, не устояла противъ *громкихъ* успѣховъ непобѣдимаго.

Жюльенъ самъ сознается, что въ десять лѣтъ приобрѣлъ отъ Англійской публики до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые разошлись какъ на издержки для эксцентрической обстановки его фарсовъ, такъ на щедрую плату артистамъ и на удовлетвореніе его склонности къ мотовству. Теперь Жюльенъ дирижируетъ оркестромъ, въ зоологическомъ саду Соррея, гдѣ сборъ простирается иногда до 25,000 франковъ (6,250 руб. сер.) въ вечеръ, а по окончаніи сезона, разъѣзжаетъ по провинціямъ съ какимъ нибудь знаменитымъ артистомъ. Теперь у него есть удивительный контръ-басистъ Боттесини, который на гигантскомъ контръ-басѣ делаетъ все, что Г. Беріо на скрипкѣ. До сихъ поръ Жюльенъ вполнѣ пользуется расположеніемъ публики, оправданнымъ даже иностранцами. На Лондонской выставкѣ много иностранныхъ предметовъ съ изображеніями Жюльена. Портретъ его находится на ящикахъ Германскаго таможеннаго союза; на юстрѣ, присланной изъ-за Рейна, знаменитый капелмейстеръ изображенъ съ своимъ магическимъ жезломъ. Въ Лондонѣ онъ сдѣлался героемъ многихъ памфлетовъ; Дулькамара (въ Любовномъ напитокѣ) старается ему подрывать, а въ народныхъ театрахъ безпрестанно его копируютъ.

Поваръ Сойе, не столько по уму и смѣтливости, какъ по произведенному эффекту, есть достойный сподвижникъ Жюльена. Описаніе ихъ проделокъ не такъ интересно, можетъ быть, въ отношеніи собственно къ ихъ личностямъ, но оно рѣзко выказываетъ отличительныя черты Англичанъ. Народъ этотъ, въ совокупности, какъ общество, какъ нація, какъ правительство, способенъ на великія и полезныя дѣла, но индивидуально, во многихъ случаяхъ, Англичанинъ поступаетъ совсемъ иначе, чѣмъ поступилъ бы Нѣмецъ, Французъ, Испанецъ и другіе европейцы. *Excentricity*, это слово, созданное для Англичанъ, хорошо обрисовываетъ ихъ обычаи выходить изъ обыкновеннаго круга дѣйствій въ частной жизни. Сколько фактовъ подтверждаютъ эту истину. Англія, пренебрегая Байрономъ, двадцать лѣтъ восхищалась тщеславнымъ щеголемъ, который даже не былъ умнымъ человекомъ, за то мастерски повизывалъ галстукъ,—лордомъ Броммелемъ...

Горъ-гаузъ (Gore-House) домъ, въ которомъ Сойе, нѣсколько мѣсяцевъ тому, сосредоточилъ свои приманки, давно уже пользуется въ Лондонѣ нѣкоторою извѣстностію. Тамъ жила Леди Блессингтонъ. Многие старались найти сближеніе между Gore House и l'Abbaye-aux-Bois, но это ошибка. Знавшіяся, наиболее уважаемыя дамы цѣлой Европы съѣзжались въ современный Hôtel

Rambouillet, гдѣ за недостаткомъ новаго тартюфа читали *Memoires d'outre tombe*, тогда еще не издавныя, между тѣмъ какъ ни одна порядочная Англичанка не переступила бы чрезъ порогъ Леди Блессингтонъ.

Маргарита Паверъ (Paver), въ послѣдствіи леди Блессингтонъ, родилась въ Ирландіи. Отецъ ея былъ Solicitor, родъ адвоката-прокурора, и умеръ не оставя никакаго состоянія. Его три дочери, красавицы, все выгодно вышли замужъ: одна за лорда Кенторбори, другая за капитана Фарлейга, а третья, проведя молодость болѣе пышно, чѣмъ нравственно, встрѣтила лорда Блессингтона уже въ старости, который на ней и женился.

Леди Блессингтонъ жила въ *gore-house* съ двумя племянницами, дочерьми ея брата, этой загадочною жизнью, въ которой пышность и нищета тѣсно соединяются и гдѣ искусство уметь сокрыть нищету и придать двойной блескъ великолѣпію. Леди Блессингтонъ писала, промышляла торговлею мнѣяльныхъ лавокъ. Есть ея сочиненія: *Опасности святской жизни*, *Англійскія красавицы*, и другія. Она шаталась по отдаленнымъ улицамъ Лондона, собирая рѣдкости, которыя пролавала богатымъ лордамъ, съѣзжавшимся къ ней на чай. Часто экипажъ ея останавливался на *Wardour-Street*, средоточіи Лондонскихъ мнѣяль, гдѣ археологическія свидѣнія обѣдлившей леди находили множество предметовъ, которымъ она умѣла придать историческое достоинство и которые изъ ея рукъ переходили въ кабинеты ея богатыхъ знакомцевъ.

Правда, что никто изъ женщинъ не посѣщала леди Блессингтонъ, но за то у ней съѣзжались все знаменитости нашей эпохи. Въ числѣ ея славныхъ посѣтителей были поочередно: Лордъ Байронъ (который некогда любилъ ее), Сутей, Лансдоумъ, Вордсвортъ, Томасъ Муръ, Кемпблъ, Роджерсъ, Диккенсъ, Вашингтонъ-Ирвингъ, Корстеръ, Теккерей, Порменби, Бульверъ и многіе другіе артисты, писатели, государственные люди. Прибавьте къ этому аристократическую свиту богатыхъ лордовъ, и вы составите себѣ понятіе о блестящемъ кругѣ посѣтителей леди Блессингтонъ, до того времени, какъ безпощадные кредиторы напали на это жилище и разхитили все, что въ немъ было.

Продажа движимости изъ Горъ-Гауза принесла огромныя суммы. Лорды скупили по невѣроятнымъ цѣнамъ вещи, принадлежащія ихъ пріятельницамъ. Долги уплачены, хотя они и простирались до 4 000 фунтовъ стерлинговъ.

По выгдѣ изъ Gore-House Леди Блессингтонъ, домъ этотъ купилъ Г. Соје. Онъ былъ поваромъ въ Reform-club, гдѣ полу-

чалъ 40,000 франковъ (10,000 рублей серебромъ) въ годъ и экипажъ. Ожидая большаго съезда на выставку, Соёе, какъ искусный спекулянтъ, вздумалъ воспользоваться привычкою знати съезжаться въ Gore-House, и устроилъ тамъ гастрономическое заведение.

Фельетонисты Европейскихъ журналовъ, бывшіе на открытіи выставки, рассказали, съ какою роскошью Соёе отдѣлялъ этотъ домъ, желая заставить молву говорить о его заведеніи. Онъ созвалъ всѣхъ представителей Европейской журнальной литературы на пиръ и угостилъ ихъ по-царски. Только мѣсто отступника Жюль-Жанена осталось не занятымъ. Его аристократическая гордость не уступила увѣщаніямъ Амфитріона.

Горъ-Гаузъ стоитъ при улицѣ, ведущей изъ Гайдъ-Парка, вблизи Кенсингтона, въ двухъ шагахъ отъ *Cristal-Palace*. На стѣнѣ, вдоль по улицѣ, Соёе сдѣлалъ слѣдующую надпись:

SOLENS universal Symposium.

Буквы имени навыворотъ. На дверяхъ осталась прежняя надпись *Gore-House*, какъ при Леди Блессингтонъ.

При входѣ платится шиллингъ, за который выдаютъ билетъ. Этотъ билетъ можно отдать въ счетъ за расходы.

Маленькія сѣни названы, по находящейся тамъ надписи, *the cupola of Jupiter tonans* (куполь Юпитера громовержца); сѣни эти окрашены небесно-голубою краскою, а на потолокъ пригнѣлена изъ серебряной бумаги рука съ снопомъ молній изъ того же матеріала. Въ передней, неискусной кистью нарисованы всѣ монушеты Европы. Эта комната называется *рабочая Микель Анжела* или *the hall of architectural Wenders*.

Прежняя столовая зала (теперь всѣ комнаты столовая) украшена голубыми обоями, покрытыми газочъ съ серебряными и бумажными звездами. Кое-гдѣ нагнѣлены бумажныя пальмы, которыхъ отклеившіяся отъ сырости листья висѣтъ фестонами. Эта комната прозвана Перувианскимъ лѣсомъ, или *the night of Stars* (звѣздная ночь). Рядомъ, бывшая бібліотека ученой леди обтянута бѣлымъ, розовымъ и светло-голубымъ каленкоромъ. На полкахъ для книгъ уставленъ столовый хрусталь. Эта комната названа залой парнаса или *the Blessington temple of the musee*. Большая соседняя зала, гдѣ собиравось описанное выше общество, обита зеленымъ гляцованнымъ коленкоромъ, усвяннымъ металлическими слезками. Здѣсь *table d'hôte* по шести шиллинговъ съ особы.

Войдемъ въ бель-этажъ. По стѣнамъ, около лѣстницы изображены, какъ попало, всѣ современныя знаменитости: Лордъ Веллингтонъ, Г. Соёе, Викторъ Гюго, и проч. Спальня Миледи преобразилась въ свадебную залу Даван, или *the Shorme of Gema*. Изъ нея сдѣлали газовый гротъ съ сталактитами изъ серебряной бумаги. Комната племянницъ графини названа уборною *à la Pompadour*, или *the alcove of camellias*. Обои тамъ изъ желтаго газъ,

съ орнаментами изъ красиваго коленкора и съ гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ. Наконецъ, чтобы заключить описаніе, скажемъ, что комната Г. Соје запирается массивною дубовою дверью, которой четвертую часть занимаетъ тюремный замокъ, а на немъ виситъ, крестообразно, продѣтая въ два огромныя кольца, тяжелая желѣзная цѣпь, на которой можно бы повѣсить корабельный якорь. Кто пойметъ цѣль этого сумасбродства, тотъ можетъ похвастаться своею смѣтливостію.

Изобрѣтатель всѣхъ этихъ чудесностей водрузилъ англійскій флагъ на крышѣ своего храма.

Украшенія сада прилажены къ украшеніямъ дома. Въ концѣ устроена палатка и названа *the campment of all nations* и *Pavilion d'Amphytrion*. Скатерть выткана нарочно въ 300 футовъ длиною. Недавно какой-то проказникъ отрезалъ и укралъ порядочный кусокъ этой скатерти. Названія всѣхъ націй висятъ по стѣнамъ въ рѣзвыхъ рамкахъ. Слово *Франція* написано трехцвѣтными буквами на бурныхъ облакахъ.... Мысль не дурна! — Кое-гдѣ разбросаны палатки съ столами изъ бѣлыхъ досокъ, покрытыхъ клеенкою. Толпа находитъ все это прекраснымъ и бѣжитъ въ *Symposium*, не извѣстно почему такъ названный. Нерѣдко тамъ обѣдаетъ 800 и болѣе особъ. Если считать среднимъ числомъ по шести шиллинговъ, — сумма порядочная!

Одинъ изъ павильоновъ въ саду украшенъ картинами работы Г-жи Соје, которая была артисткою, воспитанницею поселившася въ Лондонѣ французскаго живописца Г. Симоно. Соје принялся жены нѣсколько тому лѣтъ и соорудилъ ей великолѣпный памятникъ. Желая, чтобы эпитафія вполне выразила его горесть, онъ обратился къ одному изъ славнѣйшихъ поэтовъ Англій. Сей послѣдній долго заставилъ ожидать надгробной надписи, и наконецъ, уступая просьбамъ Г. Соје, написалъ ему:

SOYEZ TRANQUILLE.

Эпитафія-клямбуръ не понравилась знаменитому повару.

Соје теперь лѣтъ 45 отъ роду. Онъ одѣвается также странно, какъ странно украшенія его дома. Покрой его платья, даже обувь отличны отъ употребляемыхъ фасоновъ. Впрочемъ, онъ добрый малой, любитъ пожить, болѣе привязанъ къ славѣ, чѣмъ къ деньгамъ, и воображаетъ, что вся Европа ему удивляется Дуракомъ назвать его нельзя, а сумасбродъ онъ — безъ всякаго сомнѣнія.

Вотъ человекъ, который вмѣстѣ съ Жюльеномъ овладѣлъ вниманіемъ Лондона. Жюльень побѣдилъ, съ своими барабанщиками, партію избранныхъ артистовъ и богачей; мудро-ли, что Соје какимъ-нибудь новымъ блюдомъ, какъ *un Soufflé monstre à la Clontarg*, произведетъ диверсію противъ *M-lle Rachel*.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВѢСТИ ИЗЪ ОДЕССЫ.

Въ Воскресенье 17-го Іюня совершено было въ нашемъ городѣ заложеніе часовни во имя *Всѣхъ Святыхъ Россійскихъ*, воздвигаемой у берега моря, вблизи огромной лестницы, ведущей къ берегу отъ приморскаго бульвара. Высокопреосвященный Инокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, первый возымѣвшій мысль соорудить святое зданіе, положить и первый краеугольный камень въ его основаніе. При заложеніи присутствовали также: ея Сіятельство, статсъ-дама Ея Императорскаго Величества, супруга Намѣстника Кавказскаго, Елисавета Кеверіевна Воронцова, прибывшая предъ тѣмъ въ Одессу, господинъ Одесскій Градоначальникъ и другіе городскіе чины; многочисленное стеченіе народа напоминало собою городской праздникъ. — Часовня эта предназначена для помѣщенія тѣхъ списковъ изъ Чудотворныхъ иконъ и изображеній Угодниковъ Русскихъ, которые юная Одесса получила въ благословеніе ко дню перваго полуучрежденнаго торжества (22 Августа 1849 года) отъ церквей и обитателей Русскихъ городовъ, какъ священныя символы Вѣры, охранявшіе города эти въ продолженіе многихъ столѣтій. Въ непродолжительномъ времени воздвигнется это хранилище святыни, въ которомъ мореплаватели, отправляясь въ открытыя моря, предъ ликами Святыхъ Угодниковъ будутъ возносить молитвы свои о благополучіи предстоящаго имъ путешествія, а прибывшіе къ порту — благодареніе о совершенномъ уже подъ Божіемъ охраненіемъ странствіи; такъ что Святыня эта въ символъ водруженнаго на часовнѣ креста будетъ освящать отправляющихся въ далекій и опасный путь мореплавателей животворною, умаляющею опасности, надеждою, а совершавшимъ его напоминать о той предвѣчной любви, съ которою Небесный Промыслитель заботится о всѣхъ *странствующихъ и путешествующихъ*, проводя ихъ чрезъ неизвѣримыя пространства и

пучины морскія.—Изянно составленный планъ этой нововоздвигаемой часовни прилеженъ при Новороссійскомъ календарь на настоящій годъ. — 20 Юня Ришельевскій лицей праздновалъ окончаніе академическаго года. По совершеніи въ Лицейской церкви Божественной литургіи родители и родственники воспитывающагося юношества и студенты Лицея собрались въ залъ этого заведенія. Актъ начался молитвою «Царю небесный», потомъ Профессоръ чистой математики Г. К. Брунъ произнесъ рѣчь о изложенномъ имъ рѣшеніи численныхъ уравненій по способамъ Горнера и Греффе, въ которой представилъ ту важность, какую имѣють для науки эти два способа, до сего времени почти неизвѣстные въ отечествѣ нашемъ. Сколько намъ извѣстно, мы не имѣли еще рѣшеній уравненій степеней выше четвертой, и хотя многіе и рѣшали численныя уравненія въ 6-й, или даже въ 8-й степени, по рѣшенія эти не даютъ совершенно конечныхъ результатовъ: каждому, не посвященному въ знаніе математики, легко теперь судить, какую важность для науки имѣеть настоящій трудъ почтеннаго Профессора, окончательно рѣшившаго численныя уравненія 12-й степени.—Вслѣдъ за рѣчью Г. Бруна Профессоръ Русской Словесности К. П. Зеленецкій прочелъ рѣчь: «Объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящнаго». Въ сочиненіи этомъ, составляющемъ какъ бы курсъ эстетики, авторъ самостоятельно представилъ характеристику изящнаго, его зарожденія и развитія, и, разсматривая главнѣйшіе виды изящнаго, указалъ на факты въ произведеніяхъ отечественной словесности, что не могло не имѣть сочувствія въ слушателяхъ.—Во время последовавшаго за симъ чтенія отчета о годовичномъ состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея розданы были студентамъ награды, за представленныя ими сочиненія на заданныя въ началъ года темы. За рѣшеніе темы по предмету Русской статистики: «Описать моря, озера и рѣки Россіи въ отношеніи къ торговлѣ внѣшней и промышленности внутренней», удостоенъ *золотой медали* студентъ Юридическаго отдѣленія III курса Іона Галаганъ, и *серебряной* студентъ того же отдѣленія и курса баронъ Николай Остенъ-Сакенъ. За рѣшеніе темы по предмету Исторіи Русскаго права: «Представить историческое обзорнѣе памятниковъ Русскаго законодательства со времени изданія Судебника Царя Іоанна IV до изданія уложенія 1649 года», удостоенъ *золотой медали* студентъ III курса Юридическаго отдѣленія баронъ Владиміръ Остенъ-Сакенъ. Разсужденіе студента Галагана своею дѣлностью обратило на себя особенное вниманіе Сѣната Лицея. Актъ кончился народнымъ гимномъ «Боже, царя храни»

Послѣ чего Высочайшепресвященный Императоръ благословилъ каждо-
 даго изъ окончившихъ въ настоящемъ году курсъ наукъ студен-
 товъ на предстоящее имъ поприще государственной службы. Ея
 Сіятельство Княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова удостоила
 и это ученое празднество своимъ просвѣщеннымъ присутствіемъ.

*Италянская опера. Русскій театръ. Загородные концерты. Ор-
 кестріонъ.*

Въ рѣдкіе годы Одесса представляла столько различныхъ
 мѣстъ для общественныхъ удовольствій, сколько представляетъ нынѣ
 въ настоящее время. Скажемъ объ нихъ по порядку важности.
 Первое мѣсто, разумѣется, занимаетъ Италянская опера. Одес-
 систы не помнятъ, чтобы когда-нибудь была здѣсь Италянская
 опера столь многосложная и въ такой мѣрѣ богатая талантливыми
 артистками и артистами, какъ въ настоящій сезонъ; достоинствами
 этими опера начала хвалиться съ тѣхъ поръ, какъ содержаніе ея
 принялъ на себя здѣшній почетный гражданинъ Андросовъ, кото-
 рый не щадилъ никакихъ издержекъ для того, чтобы довести оперу
 до того совершенства, какое она можетъ имѣть при мѣстныхъ
 средствахъ; и въ самомъ дѣлѣ достигъ его: опера наша такова,
 лучше и полнѣе какой и не льзя требовать въ Одессѣ. Полагая,
 что подробный обзоръ и, такъ сказать, поголосный разборъ всѣхъ
 артистокъ и артистовъ нашей труппы не можетъ быть заинтере-
 селенъ для иногороднаго читателя, я упомяну здѣсь объ однихъ
 только замѣчательностяхъ въ оперѣ. Въ прошедшій сезонъ въ
 труппѣ находились пять примадоннъ; изъ нихъ двѣ, *Брамбилла* и
Басседжіо, привлекая къ себѣ вниманіе и любовь публики, дарили
 ее истинными восторгами искусства. Такъ какъ человекъ и въ
 природѣ и въ искусствѣ не хочетъ признавать двухъ предметовъ
 совершенно равныхъ по достоинству, хотя бы они казались тако-
 выми, и стремится возвысить одинъ, унижая другой, то и даро-
 вѣтыя артистки наши подверглись подобному же человеческому
 самоисправію. Лишь только онѣ начала пѣвать и восторгать пуб-
 лику своими удивительными голосами, въ публикѣ начали уже об-
 наруживаться двѣ партіи, изъ которыхъ одна отдавала преимуще-
 ство таланту Брамбиллы, другая — Басседжіо; такое раздѣленіе
 диллетантовъ обнаружилось до того яснымъ, что въ прошедшій
 сезонъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ появилось нѣсколько статей, изъ
 которыхъ одна ратовала за Брамбиллу, другія за Басседжіо. Въ
 настоящее время эти партіи диллетантовъ, хотя еще существуютъ,
 но уже не съ такимъ, какъ прежде, энтузіазмомъ: на сторонѣ той

и другой ратуютъ, впрочемъ, пѣвоторые изъ записныхъ театраловъ, стараясь выразить свое усердіе числомъ брошенныхъ артисткамъ букетовъ. Не принадлежа, по счастью, къ числу энтузіастовъ и не давая воли увлеченію, а, сколько ни слыжалъ обихъ пѣвицъ, до сихъ поръ не могъ сдѣлаться ни *брамбилстомъ* ни *басседжистомъ*; между тѣмъ какъ достоинства той и другой пѣвицы найдуть сужденіе въ моемъ впечатлѣніи. Вотъ оно: голосъ Брамбиллы — голосъ страсти: нѣжный, гибкій, выходящій окою сердца, проникающій въ душу какою-то магнетическою силою; слушая его, переходишь изъ одного настроенія чувства въ другое какъ-то незаметно, сладостно, какъ бы на мелодическихъ перебивахъ этого голоса;—это практическая сторона голоса Брамбиллы, въ теоретическомъ же отношеніи въ немъ слышится строгая обработанность, очаровательная свѣжесть и чистота. Голосъ Басседжіо — голосъ чувства; звуки его прямо дѣйствуютъ на чувство слушателя; чарующему вліянію его на чувство покоряешься какъ-то осязательно для души; переливы его мужественны, энергичны; онъ овладѣваетъ чувствомъ и вниманіемъ вашимъ съ какою-то насильственною, магическою властію; если хотите, въ немъ болѣе жизни, болѣе восторга, чѣмъ въ голосъ Брамбиллы, но качествомъ этимъ онъ не превосходитъ голоса этой послѣдней пѣвицы, который въ свою очередь, какъ мы дали понять, имѣетъ болѣе тихой, мелодической сладости, болѣе душевной теплоты. Голосъ Басседжіо, также какъ и голосъ Брамбиллы, звучитъ теоретическою обработкою и правильностію; но въ немъ мѣстами слышится какой-то *лирическій беспорядокъ*, который придаетъ пѣнію такую же прелесть, какою отзывается это качество въ одѣ лирическаго поэта. Роли, избранныя артистками для своихъ дебютовъ, совершенно согласны съ характеромъ ихъ голосовъ. Брамбила отличается въ операхъ лирико-драматическихъ, Басседжіо въ трагическихъ. И такъ, обѣ пѣвицы имѣютъ каждая и свои особенныя и общія между собою достоинства; по этому нужно быть энтузіастомъ и человекомъ одностороннимъ, чтобы увлечься какою-либо партією: истинный цѣнитель искусства, по нашему крайнему разумнію, есть тотъ, вниманіе и удивленіе котораго возбуждаютъ всѣ стороны искусства, который не увлекается однимъ моментомъ, однимъ мѣстомъ прекраснаго, но съ постоянною душевною трезвостію опредѣляетъ значеніе и другаго его момента, и другой стороны изящнаго; въ противномъ же случаѣ, личность, анализирующая изящное, высказываетъ свою односторонность (*partialité*), критическую слабость и неустойку критеріума при сужденіи объ изящномъ.

При началъ настоящаго сезона, когда Брамбилла и Васседжіо поочередно увлекали публику, пронеслась вѣсть, что въ скоромъ времени прїѣдетъ въ Одессу сестра нашей примадонны, Брамбилла старшая, *prima donna assoluta*, объ успѣхъ которой на Италіанскихъ театрахъ мы до того слышали въ частныхъ беседахъ. Ожиданіе это скоро оправдалось: Брамбилла прїѣхала, театрамъ зашумѣли, засуетились; за три дня впередъ до представленія нельзя было найти ни одного билета въ кассѣ. Первый дебютъ повопрївахшей пѣвицы была Норма, въ роли которой она съ тѣхъ поръ только и является на нашей сценѣ. Наслышавшись много хорошаго о г-жѣ Брамбиллѣ, я съ нетерпѣніемъ желалъ услышать ее: въ третій дебютъ ея, когда любопытство публики удовлетворилось и театръ сбѣжался свободнѣе, и я имѣлъ возможность удовлетворить своему любопытству. Оказалось, что Брамбилла дѣйствительно поетъ хорошо, голосъ ея обработанъ до *plus ultra*; но сладости, той упонительной сладости, какою отличается голосъ сестры ея, нашей старой знакомки, я не нашелъ въ голосѣ новопрївахшей. «Гдѣ же та *dolcezza della voce*, о которой вы говорили мнѣ?» спросилъ я своего прїятеля, слыхавшаго Брамбиллу въ Неаполь и бывшаго свидѣтелемъ тѣхъ восторговъ, какіе она производила въ артистической странѣ своего отечества. «*La dolcezza della voce passa colla dolcezza degli anni*» (*), отвѣчалъ онъ мнѣ. Дѣйствительно, въ голосѣ Брамбиллы слышится что-то такое, что напоминаетъ прежнюю силу его: къ этому особенно приводитъ та правильность и то строгое соответствіе въ переливѣ звуковъ, какое слышится въ этомъ голосѣ; но весь характеръ голоса, если позволено будетъ такъ выразиться, колоритъ пѣнія далеко не удовлетворяетъ праву его на безукоризненную прїятность; въ немъ замѣтна какая-то тусклость, которую, можетъ быть, нужно приписать времени, этимъ всеразрушающимъ *anni*, какъ сказалъ мой прїятель. Впрочемъ, роль Нормы, которую пѣвица эта исполняетъ, можетъ быть выслушана съ начала до конца не безъ удовольствія, — возбужденію этаго удовольствія въ слушателя много способствуетъ игра Брамбиллы, которую справедливо можно назвать прекрасною актрисой: естественность и увлекательность игры ея иногда заставляютъ забывать о неудовлетворительности самаго пѣнія, и въ этомъ-то отношеніи, т. е. въ отношеніи игры, Брамбилла составляетъ собою весьма замѣтное прїобрѣтеніе въ труппѣ.

Въ настоящемъ же сезонѣ начали дебютировать дѣвицы примадонны: *Гверини* и *Рамбуръ*. Изъ нихъ Гверини, по характеру

(*). Прїятность голоса проходитъ съ прїятностію лѣтъ.

своего голоса контръ-альто и по его достоинствамъ, сдѣлалась необходимою въ труппѣ: нельзя, напримѣръ, исполнять роли сэвоара (въ *Linda di Chamuni*) удовлетворительнѣе того, какъ исполняетъ ее Гверини. Серебряный голосокъ ея звучитъ неподражаемою чистотою, какою-то свѣтлостію и прозрачностію; правда, его еще не коснулась строгая теоретическая обработка; но природная сила этого голоса, живительно дѣйствующая на душу, заставляетъ забывать о нѣкоторыхъ его погрѣшностяхъ противъ требованій искусства. — О г-жѣ Рамбургъ нельзя сказать многого ни про, ни contra. Это одна изъ тѣхъ пѣвицъ, которыя не вызовутъ изъ души вашей восторговъ и не возбудятъ возмутительнаго негодованія: голосъ ея довольно слабъ и тихъ, хотя тоже довольно правиленъ и обработанъ. При хорошей примадоннѣ, исполненіе ею ролей довольно пріятно: такъ она исполняетъ роли Адалджиды (въ *Нормѣ*) и (при игрѣ г-жи Гверини) Лиды (въ *Linda di Chamuni*); прочія второстепенныя и третъестепенныя пѣвицы удовлетворяютъ каждая своему мѣсту въ труппѣ. Теперь обратимся къ пѣвцамъ. При началѣ настоящаго сезона, опера имѣла чувствительный недостатокъ въ тенорѣ. Г-нъ Віани, дебютировавшій въ продолженіе прешедшаго сезона, во всѣхъ отношеніяхъ былъ самымъ отраднымъ явленіемъ въ оперѣ: его сильный голосъ, его превосходная, истинно артистическая игра, его красивый видъ и осанка, составляли качества, которыя рѣдко соединяются въ одномъ хорошемъ пѣвцѣ. Имя Віани было какимъ-то магнетическимъ именемъ, при появленіи котораго на эишѣ, можно было впередъ сказать, что театръ будетъ полонъ. Къ крайнему сожалѣнію мѣстный климатъ не благопріятствовалъ здоровью этого пѣвца, заставившему его удалиться подъ голубое небо своего прѣдѣльнаго отечества. Послѣ него четыре тенора, одинъ за другимъ, явились на нашей сценѣ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ не только замѣнить Віани, но даже достоинствами своими сколько-нибудь соответствовать прочимъ сюжетамъ труппы. Наконецъ, теноръ *Ноденъ*, недавно пріѣхавшій изъ Италіи, достойно замѣняетъ теперь своего даровитаго предшественника. Въ прекрасномъ голосѣ этого пѣвца слышатся строгая обработанность и къ удивительной частотѣ звуковъ присоединяется какая-то восторженная, лирическая увлекательность. Пѣвца этого можно упрекнуть только за его жестикуляцію, которая иногда не соответствуетъ внутреннему смыслу пѣнія; но за то выраженіе звуковъ, осмысленное характеромъ роли, обнаруживаетъ въ Ноденѣ сознаніе и, такъ сказать, душевное усвоеніе этой роли; безъ этого послѣдняго качества самый счастливый голосъ не можетъ выска-

зять себя во всей силѣ и достойно поправиться. Впечатлѣніе, которымъ дарить Нодень въ роли Эдгардо (въ оперѣ Lucia di Lammermoor), это глубокое, потрясающее душу и вмѣстѣ съ тѣмъ восторгающее впечатлѣніе, не скоро изгладится изъ души слушателя. То мѣсто, въ которомъ Эдгардо удостоверяется, что невеста его Lucia подписала согласіе на бракъ ея съ Артуромъ, и, отдавъ ей обручальное ея кольцо, срываетъ съ руки ея свое и поетъ:

Nai tradito il cielo e l'amor!...
 Maladetto sia l'istante
 Che di te mi rese amante...
 Stipe iniqua, abb minata
 So doveva da te fuggir!...
 Ah! di Dio la mano irata
 Ti disperda... (*)

это лирическое мѣсто составляетъ торжество таланта Недева, и, такъ сказать, *maximus* восторговъ публики: bravo, единодушное, незадуманное bravo срывается тогда не съ языка, но выходитъ изъ-подъ самаго сердца; это легко замѣтить въ публикѣ. Будемъ надѣяться, что пѣвецъ этотъ еще долго будетъ дарить намъ подобными восторгами, для чего пожелаемъ ему здоровья и другихъ житейскихъ благъ въ нашемъ городѣ!.. Дзрванія двухъ другихъ теноровъ составляютъ довольно удовлетворительныя посредственности. За то оба баритона *Ронкони* и *Оттовіани* выходятъ изъ ряда посредственностей, какъ своими голосами, такъ и игрою. Ронкони въ драматическихъ роляхъ, какъ, напримѣръ, въ роли отца Линды (въ оперѣ Линда ди Шамуни), привлекаетъ всеобщее вниманіе своею превосходною игрою. Оттовіани чрезвычайно хорошъ въ роль Рижарда (въ оперѣ I puritani e i cavalieri); игра его вездѣ носитъ характеръ самостоятельнаго развитія и сознательнаго драматизма. Стоитъ еще упомянуть о комикъ-буффѣ г. Фрицци, который въ оперѣ «Леонора» успѣлъ понравиться публикѣ какъ нельзя болѣе. Прочіе пѣвцы не замѣчательны въ отдельныхъ личностяхъ, но все вмѣстѣ служатъ прекрасному ensemble-ю.

Кромѣ Итальянской оперы у насъ есть и Русскій театръ—оперный. Русскіе спектакли въ настоящемъ сезонѣ начались весьма недавно, а потому мы и не успѣли еще совершенно познакомиться

(*) Ты извѣстила небу и любви!.. Да будетъ же проклята та минута, въ которю я полюбилъ тебѣ!.. Я долженъ былъ убѣгать отъ тебѣ, несправедливое, гнусное отродье!.. А!.. пусть же погубитъ тебѣ разраженная рука Божія!..

съ некоторыми изъ новоприбывшихъ къ намъ дебютантовъ. Впрочемъ, въ г-жѣ Ливкѣевой, артисткѣ, дебютировавшей прежде на Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, мы нашли самое пріятное знакомство: развязная, безъискусственная, свободная игра ея оживляется пріятнымъ голосомъ, которымъ владѣетъ Ливкѣева. Въ пьесѣ «Комедія съ дядюшкой» она обнаружила еще одинъ талантъ, талантъ ловкой танцовщицы, который публика признаетъ въ ней, если вѣрить какому-нибудь значенію букетовъ, летящихъ на сцену въ то время, когда танцовщица (роль г-жи Ливкѣевой) удивляетъ дядюшку своей качучей. Превосходный талантъ Ливкѣевой мы особенно замѣтили въ пьесѣ барона Корфа «Бѣлая Камелія»: нельзя понять и исполнить роли Вѣры Васильевны совершенно того, какъ понимаетъ и исполняетъ ее г-жа Ливкѣева. Жаль, что игра жеппе premier г. Толченова не соответствуетъ игрѣ этой даровитой артистки; въ игрѣ Толченова, какого бы характера ни была исполняемая имъ роль, всегда замѣтно притязаніе на какой-то надутый драматизмъ, иногда совершенно искажающій роли. Пройдя молчаніемъ всѣхъ остальныхъ актеровъ и актрисъ, изъ которыхъ ни одно лице не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ посредственностей, мы, удовлетворяя требованію справедливости, упомянемъ о г. Воробьевѣ. Игра этого актера-комика такого свойства, что при появленіи его на сцену цѣловольно пробуждается вниманіе зрителя, какъ бы сухо не было содержаніе пьесы и какъ бы плохо ни исполнялась она прочими актерами. Не смотря на двухлѣтнее появленіе Воробьева на Одесской сценѣ, публика всегда съ новымъ удовольствіемъ смотритъ на него даже въ тѣхъ пьесахъ, которыя повторяются довольно часто: скорѣе наскучаетъ пьеса, но игра г. Воробьева всегда занимательна.

Терпѣливому читателю, я увѣренъ, не стаетъ терпѣнія слушать мой незанимательный рассказъ о театрѣ; въ настоящее лѣтнее время вниманію его становится жарко оставаться такъ долго въ театрѣ; я это чувствую, а потому приглашаю любопытнаго читателя, хоть ради отдыха, отправиться въ такое мѣсто, гдѣ плещутъ морскія волны, движется свѣжій, упоительный воздухъ и грудь дышетъ вольнѣе, но не думайте, что бы я намѣревался угостить васъ однимъ воздухомъ и моремъ; такъ думать, значило бы подозревать въ читателяхъ нашихъ чистыхъ мечтателей: я хочу доставить имъ болѣе существенное эстетическое наслажденіе, наслажденіе слышать прекрасную музыку. Для этого стоитъ только отправиться на прекрасную приморскую дачу «*Belle vue*,» находящуюся въ полуторѣ верствъ отъ города. Если разстояніе это пока-

жется вам слишкомъ большимъ, чтобы пройти его пѣшкомъ, садитесь въ омнибусъ, который находится подлѣ театра: омнибусъ свезетъ васъ на дачу за 20 коп. сереб. Два раза въ неделю въ Belle vue играетъ оркестръ, составленный изъ здѣшнихъ любителей-артистовъ «Музыкальные вечера» ихъ, начавшіеся еще съ прошедшаго лѣта, продолжаютъ по настоящее время; зимою артисты давали ихъ въ залѣ одной изъ лучшихъ здѣшнихъ гостиницъ, а съ появленіемъ весны снова перевели ихъ на дачу. Нельзя было избрать лучшаго мѣста для этихъ «вечеровъ.» Belle-vue находится у самаго берега моря и заслонена отъ города возвышеннымъ скатомъ, такъ что городская пыль, распространяющаяся далеко по окрестностямъ, вовсе недоступна къ Belle-vue, а потому воздухъ здѣсь всегда чистъ и растворенъ упитательною морскою прохладою. Въ вечерахъ принимаютъ участіе до 15 артистовъ, а иногда и болѣе; въ программѣ концерта всегда находится нѣсколько пьесъ серьезной музыки: отрывки изъ оперъ, фантазій, сонаты, въ промежуткахъ между которыми исполняются танцевальныя и другія легкія пьесы, часто композиціи котораго-нибудь изъ самыхъ же исполнителей. Особенное вниманіе публики обращаетъ на себя талантъ молодаго артиста Якеша, играющаго на флигель-горни. Таланты Нергеборна (первая скрипка), Гримма (волторнъ), Урбанска (кларнетъ) тоже далеко выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ музыкальныхъ способностей. Публика наша должна быть очень благодарна артистамъ, которые за самую ничтожную плату (входъ 25 к. с.) сдѣлали возможнымъ каждому слышать прекрасное исполненіе лучшихъ, образцовыхъ композицій. Кромѣ удовольствія, вообще отъ подобныхъ концертовъ можетъ быть и частная польза: въ такомъ городѣ, какъ Одесса, мы предполагаемъ существованіе многихъ молодыхъ людей, занимающихся музыкою, но не имѣющихъ средствъ къ своему развитію; въ «музыкальныхъ вечерахъ» они имѣютъ случай услышать исполненіе болѣе трудныхъ пьесъ и тѣмъ доставать себѣ несомнѣнную пользу.

Теперь, по принятому нами порядку, мы упоминаемъ и объ *оркестріонѣ*. Подъ этимъ именемъ существуетъ въ нашемъ городѣ огромная музыкальная машина, помѣщенная въ городскомъ саду, въ одной изъ гостиницъ. Одна величина этой машины (8 аршинъ длины и 6 ширины) уже обращаетъ на нее вниманіе; вниманіе сопровождается удивленіемъ, когда слышишь игру этого великаго инструмента: въ звукахъ его отзываются звуки полнаго музыкальнаго оркестра. Подобныя вещи невольно заставляютъ подумать о тѣхъ успѣхахъ механики, какіе она сдѣлала въ послѣднее время.

30 Іюня 1884 г.

Н. Бѣльскій.

Изъ Троицка обыкновенно съ 1 Мая до глубокой осени Троицкъ измѣняетъ свою физиономію. Промышленность извѣстнаго класса людей оживаетъ. Это въ слѣдствіе прибытія Средне-Азіатскихъ каравановъ, которые на дилхъ только, въ числѣ 1000 верблюдовъ, появились предъ здѣшнимъ мѣновымъ дворомъ. Такое позднее прибытіе объясняется слишкомъ позднею и вмѣстѣ бѣдственною весною, какъ на линіяхъ, такъ и въ степи. Да и вообще, изъ Киргизскихъ степей, въ нынѣшнемъ году, вѣсти доносились неблагопріятныя. Опустошительныя бураны зимою, и глубокіе снѣга, лежавшіе на низменныхъ мѣстахъ еще въ Маѣ, много причинили горя и убытковъ жителямъ (*).

Въ ожиданіи, пока совершенно завяжется мѣна и торговля, т. е. когда подойдутъ вновь еще Средне-Азіатскіе караваны и дальніе Киргизы, считаю не лишнимъ сказать кое-что и о состояніи золотыхъ пріисковъ здѣшняго края, въ 1850 году, большая часть которыхъ съ весны начинаетъ свою дѣятельность. (Зимнихъ промывокъ очень не много). Золотопромышленность въ Оренб. краѣ въ послѣдніе годы нисколько не подвинулась впередъ, хотя число пріисковъ и увеличилось. Причины, мѣшающія ея развитію, заключаются: съ одной стороны въ бѣдности капиталовъ у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ—и за тѣмъ несвоевременной высылкѣ денегъ на пріиски, въ неменьшей бѣдности рабочихъ рукъ, въ худомъ устройствѣ пріисковъ (исключая немногихъ) и неизмѣнно на нихъ машинъ даже посредственныхъ; съ другой-же—въ разныхъ спорахъ, несогласіи между компаньонами, и проч.

Оренбургскіе золотые пріиски, состоящіе изъ казенныхъ и частныхъ, находятся въ Троицкомъ и Верхнеуральскомъ уѣздахъ. Казенные пріиски, въ числѣ 40, подъ общимъ названіемъ *Міасскихъ*, какъ и всегда, шли своимъ обычнымъ путемъ и въ прошломъ году, рѣзко отличаясь во всемъ отъ частныхъ. Количество добытаго на нихъ золота составляло: 51 пудъ, 14 фун. и 72 зол., изъ 24,299,152 пудъ золотосодержащаго песку, промывка которыхъ стоила казнѣ, каждыя сто пудъ, по 61½ коп. с.

Частные промыслы, въ числѣ слишкомъ 45, находятся въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ на земляхъ Тептярскихъ казенныхъ и на Башкирскихъ кортомленныхъ; въ Троицкомъ же на земляхъ Оренб.

(*) Главное богатство жителей—скотъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ ходитъ круглый годъ на тебеневкѣ: (на подвожн. корну).

казацьяго войска. Количество золота, добытаго на нихъ въ прошломъ году, равнялось: 51 пуд. 33 фун. 3 зол. и 35 дол. Большею дѣятельностію и удачною промывкой отличались пріиски на Теттарскихъ земляхъ: *Пальтабановскіе*, Генераль-Лейт. Жемчужникова, съ 509 рабочими, гдѣ намыто 9 п. 39 ф. 91 зол. 80 дол.; и въ Тривцкомъ уездѣ, Комп. Гайп. Сов. Жуковской—съ 300 раб.,—13 пуд. 3 ф. 56 зол. 74 дол.; меньшій-же—купца Болотова,—съ 100 раб. 1 фунтъ, 17 зол. 57 дол.—Рабочіе люди большею частію крестьяне и казаки, также Башкирцы, Мещеряки и Киргизы. Число ихъ простиралось до 3000. Поденная плата производилась отъ 15—50 к. на каждаго.

Вообще, добыча чистаго золота въ Оренбургскотъ край, въ прошломъ году, какъ на казенныхъ, такъ и частныхъ пріискахъ, равнялась: 103 пуд. 7 фун. 75 зол. 35 дол. —

26 Июня, 1831 г.

М. Н. Ястребовъ.

Р. С. Въ первыхъ числахъ Августа, въ редакцію доставится статья: «о Среднеазиатской торговлѣ въ 1850 г.»

Изъ ТАРЫ. Въ сочиненіяхъ многихъ нашихъ изслѣдователей обращено вниманіе на народныя прозвища. У насъ въ Тарѣ слышится иногда въ укоръ прозвище *Коловичей*; вотъ его происхожденіе: по указу 5 Февраля 1722 года Тарскіе жители должны были принять присягу тому наследнику престола, кого наименоуетъ Царствующій Государь. Тарскій Козачій Полковникъ Подушинъ затруднился въ исполненіи указа—какъ присягнуть неизвѣстному, и, посоветовавшись съ другими, не присягнувъ и увлекъ за собою всѣхъ. По этому случаю, въ 1724 году пріѣхалъ въ Тару на слѣдствіе Петрово-Соловова, человекъ корыстолюбивый, злой и сластолюбивый; принялся за это дѣло круто: многихъ сажалъ на колъ, другихъ вѣшалъ за ребра—словомъ, казнилъ по своему произволу. По преданію, въ это несчастное время разорено до 500 домовъ (слова статистики Тарской 1786 года). Нынѣ Тарскихъ мѣщанъ называютъ въ укоризну — *Коловичами*.

С. Т.

Изъ КРАСНОЯРСКА. Нынѣшняя весна въ Енисейской губерніи ознаменовалась такимъ сильнымъ разлитіемъ рѣкъ, какого давно никто не запомнитъ. 27 Апрѣля вскрылась рѣка Канъ, и хотя она отстоитъ отъ Канска около версты, но вода въ ней отъ напору льда такъ возвысилась, что вошла въ самый городъ и затопила его. Чтобы имѣть

хоть какое-нибудь понятіе объ этомъ наводненіи, достаточно сказать, что жители въ это время спасались на лодкахъ, а часовой при провіантскомъ магазинѣ принужденъ былъ взлѣсть на крышу. Вода стояла въ одинаковомъ положеніи около трехъ сутокъ и потомъ стала постепенно убывать. Убытковъ жители потерпѣли до 15 т. руб. сер. Подобнаго наводненія въ Канскѣ не было съ 1825 года.—Рѣка Енисей въ г. Красноярскѣ вскрылась 31 Апрѣля, и воды большой въ это время не было; около половины Мая она стала постепенно прибывать и возвысилась до того, что затопила такія мѣста, которыя съ незапамятныхъ временъ не покрывались водою. У самаго Красноярска берега Енисея весьма круты и высоки; по этому воды въ городъ не заходило. Но ниже Красноярска она затопила многія селенія, такъ что священникъ села Ладейскаго, отстоящаго отъ Красноярска въ 9 верстахъ, нашелъ замѣтку въ одной изъ церковныхъ книгъ, что подобное наводненіе было въ селѣ Ладейскомъ только въ 1748 году. Въ городѣ Минусинскѣ, который стоитъ на небольшомъ протокѣ Енисея, верстахъ въ шести отъ главнаго русла, нельзя бы было, кажется, ожидать особеннаго возвышенія воды; однако же, этотъ протокъ 18 Мая вышелъ изъ береговъ и затопилъ всю эту часть города, которая прилегаетъ къ рѣкѣ. Наводненіе продолжалось двѣнадцать сутокъ и нанесло убытковъ до 1000 р. сереб. Рѣки менше замѣчательныя въ сравненіи съ Енисеемъ,—Абаканъ, Аекызъ, Таштыпъ, Оя, Юсь и Туба также разливались весьма сильно и причинили не мало убытковъ жителямъ Минусинскаго округа. Къ счастью,—смертныхъ случаевъ почти нигдѣ не было.

К. Костровъ.

20 Іюля 1851 г.

Два слова о статьѣ Московскихъ Вѣдомостей противъ книги о Фонъ-Визинъ.

Не помню гдѣ-то и когда то, только очень давно, Князь Вяземскій остроумно замѣтилъ, что счастливъ бываетъ авторъ, если находитъ читателя, который понимаетъ его вполне. Прочитавъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью (во многихъ отношеніяхъ основательную и благонамѣренную, коей мы отдаемъ полную справедливость) противъ его книги о Фонъ-Визинъ, нельзя не пожалѣть, что такого счастья не досталось ему въ лицѣ почтеннаго господина Ф. В.—на. Г. Ф. В.—нъ обвиняетъ Князя Вяземскаго въ пристрастіи къ энциклопедистамъ, и приводитъ множество современныхъ свидѣ-

тельство объ ихъ безправственности, низости, наглости, самолюбіи, корыстолюбіи, и проч. Эти свидѣтельства очень уважительны, принимаются нами совершенно, и подѣ ними вѣроятно изъ первыхъ подпишется Князь Вяземскій, разделяющій мнѣніе объ энциклопедистахъ со всеми благочестивыми и благонамѣренными нашими современниками, для которыхъ вопросъ принадлежитъ давно къ числу порѣшенныхъ. Но не за энциклопедистовъ вступался Князь Вяземскій въ прекрасномъ своемъ сочиненіи о Фонъ-Визинѣ, а вообще за авторовъ, которыхъ творецъ Недросля и Бригадира осудилъ слишкомъ резко, *безъ исключенія*, не обращая вниманія на ихъ достоинство и значеніе. Можетъ быть, въ благородномъ своемъ движеніи за сословіе, къ которому самъ принадлежитъ, онъ выразился нѣсколько сильно (точно какъ Фонъ-Визинъ въ своемъ осужденіи), но за одно-другое выраженіе непозволительно взводить на него преступленіе ученое и литературное, давая частному положенію общій смыслъ. А что касается до уваженія Князя Вяземскаго къ нашему безсмертному комику, то въ немъ, кажется, никто сомнѣваться не можетъ. Вся его книга считается по справедливости *достойнымъ панегирикомъ* этому примѣчательнѣйшему изъ русскихъ умовъ, съ которымъ самъ онъ имѣетъ наиболѣе сродства. Я почею обязанностію объяснить недоразумѣніе почтеннаго автора статьи, потому что Московскія Вѣдомости имѣютъ обширный кругъ читателей, и обвиненія ихъ могутъ разноситься далеко, а мы должны дорожить славою такихъ людей, какъ Фонъ-Визинъ, или какъ Князь Вяземскій, потому что она принадлежитъ намъ всемъ.

М. Погодинъ.

30 Іюля.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

(А. Григорьева).

II.

Г. Полтавцевъ въ роляхъ — Гамлета, Гюга Бидерманна и Чацкаго.

Появленіе трагическаго артиста, подразумевается, даровитаго, составляетъ событіе весьма важное въ исторіи каждаго театра — тѣмъ болѣе важное, что повторяется довольно рѣдко. Много пужно, въ-самомъ-дѣлѣ, даровитости для того, чтобы заставить зрителя пережить различныя болѣе или менѣе сильныя чувства, заставить его перенестись въ болѣе или менѣе необыкновенныя положенія трагическаго героя, — но съ другой стороны, нѣтъ ничего и легче для даровитаго артиста, какъ, овладѣвши разѣ зрителемъ, заставить его смотрѣть на себя съ особенною симпатіей.

Еще недавно — тому назадъ четыре года — необыкновенное, громадное, почти гениальное дарованіе держало подъ какимъ-то обаяніемъ всю многоразличную массу посѣтителей театра. Да извинять меня читатели, что по поводу игры новаго трагика, я невольно вспоминаю о томъ — чей голосъ волновалъ не разѣ всѣ нѣдры и моего и, можетъ быть, ихъ сердца. Странный это былъ голосъ, въ-самомъ-дѣлѣ, то мелодически передававшій рѣчи любви, то страшнымъ, повсюду слышнымъ шопотомъ ревности или отчаянія подымавшій каждый волосъ на головѣ дыбомъ. Еще болѣе странна была эта много-подвижная фязіономія, съ ея, метавшими молніи, глазами... Все, казалось, соединилось въ этомъ любимцѣ природы для того, чтобы создать великаго артиста — и дѣйствительно такимъ былъ онъ, но былъ, къ сожалѣнію, только минутами. Мочаловъ не былъ художникомъ въ настоящемъ значеніи этого слова: нельзя было поручиться ни за одно его представленіе, хотя не было почти ни одного, когда бы, въ самой ничтожной роли,

у него не вырвалось какого-нибудь слова, которое надо, по, на всегда уносилъ съ собой очарованный или пораженный ужасомъ зритель. И все прощалось ему за одно какое-нибудь слово, за одну какую-нибудь свѣтлую минуту; на этой физиономіи отпечатывались все безвыходныя муки Огелло, все мрачное отчаяніе Гамлета; этотъ человекъ дѣйствительно способенъ былъ «закрыть слезами весь театръ», и «преступленіе заставить содрогнуться», и «заморозить кровь въ жилахъ у зрителей». Да почиеть въ мѣрѣ прахъ великаго артиста.... Мы не возмутимъ его исчисленіемъ недостатковъ, можетъ быть, столько же громадныхъ, какъ и самыя достоинства.... Надобно сказать только, что зрители почти на столько же виноваты были въ недостаткахъ артиста, сколько и самъ онъ. Мочаловъ былъ вполне идоломъ тѣхъ, на кого онъ разглубоко подѣйствовалъ. Его поклонники готовы были высидѣть цѣлыя часы, выжидая его свѣтлыхъ минутъ, выносили и цѣлныя тѣлодвиженія, и рутинерство, и однообразіе тона, и, можетъ быть, тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ приветствовали взрывы настоящаго пабоса.

Но Мочаловъ былъ явленіе исключительное, и снисхожденіе къ его недостаткамъ, хотя и бывшее въ высшей степени вреднымъ для артиста, еще имѣетъ за себя оправданія. Часто сама строгая критика молчала, пораженная взрывами этой вулканической патуры.... Нельзя сказать, чтобы она была права въ своемъ молчаніи. Еще болѣе будетъ она неправа, если позволить себѣ безграничное увлеченіе въ отношеніи къ новому избраннику, которому, какъ кажется, суждено быть преемникомъ Мочалова. Да не ждетъ же г. Полтавцевъ снисхожденія отъ нашей скромной летописи: онъ слишкомъ завладѣлъ симпатіями массы и нашими собственными симпатіями, мы не сомнѣваемся въ силѣ его таланта, и не позволимъ себѣ въ отношеніи къ нему никакихъ уступокъ. Судь критики въ отношеніи къ нему долженъ быть строгъ до придирчивости.

Прежде всего рассмотримъ непосредственныя данныя г. Полтавцева, и рѣшимъ вопросъ, въ какой мѣрѣ эти непосредственныя данныя удовлетворяютъ идеалу трагическаго артиста, или иначе—способенъ ли по своимъ внѣшнимъ средствамъ г. Полтавцевъ къ представленію идеальнаго? Наружность вообще, физиономія, голосъ, движенія—вотъ въ чемъ заключаются внѣшнія средства артиста. И такъ во первыхъ: *наружность*. Известно, что Деканъ былъ безобразенъ, что Бербеждъ былъ очень толстъ, Гарриксъ—не высокъ ростомъ, Кинъ—худо сложенъ, Мочаловъ неуклюжъ—но такими были все эти артисты *только* до появленія на сцену: на театрѣ, они, такъ

сказать, преобразались, и никто не узнавал безобразнаго Лекена въ прекрасномъ Оросманѣ, неуклюжаго Мочалова въ страстномъ Фердинандѣ. Наружность сценическая вовсе не то, что наружность въ обще-принятомъ значеніи, какъ декораціи вовсе не то, что картины, и, можетъ быть, некоторые недостатки наружности въ обще-принятомъ значеніи слова являются достоинствами наружности сценической. Разумѣется, не должно входить въ крайность и нельзя утверждать, чтобы наружность вовсе ничего не значила. Странно было бы, напримѣръ Гамлета, Отелло или даже Короля Лира вообразить съ наружностью нашего знаменитаго комика М. С. Щепкина; странно было бы тоже, напримѣръ, вообразить г-жу Косицкую въ роляхъ Юліи или Дездемоны. Уродливъ былъ и покойный Мочаловъ, когда подъ конецъ своего поприща явился въ роли Ромео; но, въ приведенныхъ нами примѣрахъ, наружность находится уже въ слишкомъ явномъ разладѣ съ поэтическимъ образомъ, сложившимся въ нашей головѣ изъ данныхъ, представляемыхъ упомянутыми драмами. Вообще же на наружность артиста должно смотрѣть съ той точки, на сколько она способна къ осуществленію представляемыхъ имъ идеаловъ. Съ этой точки зрѣнія, наружность г. Полтавцева, весьма красивая даже и въ обыкновенномъ смыслѣ — можетъ быть истинно-прекрасною сценическою наружностью для типовъ Гамлета, Отелло, Коріолана, Макбета, однимъ словомъ, для всякаго *мужескаго* типа; нисколько даже не повредитъ она артисту и въ роли Ромео, хотя на первый взглядъ, нѣкоторая тучность и противорѣчитъ, повидимому, понятію о юномъ любовникѣ Юліи: можно надѣяться, что внутренній жаръ и пылъ молодой страсти будутъ парализировать это, чисто вѣншее, впечатлѣніе. Что касается до *физиономіи* г. Полтавцева, то, далеко уступая физиономіи Мочалова въ энергичности и мужеской красотѣ чертанинъ, — уступая даже физиономіи г. Леонидова въ правильности и чистотѣ линий, она одарена, однако, самымъ важнымъ качествомъ — подвижностью, а это — то качество именно и нужно для физиономіи трагическаго артиста. Притомъ, есть физиономіи, способныя выражать только одни ощущенія, измѣняться, такъ сказать, только въ направленіи одной страсти. такова, напримѣръ, физиономія г-жи Косицкой, необыкновенно выразительная и прекрасная въ передачѣ чувствъ напряженной скорби и напряженнаго отчаянія, и совершенно неспособная къ отраженію болѣе легкихъ нюансовъ; есть еще другія сценическія физиономіи, обладающія, по видимому, необыкновенною подвижностью, но подвижность которыхъ есть только форсировка и слѣдствіе долгой рутинны, дѣйствующая всегда непріятно на зри-

теля какъ вѣчто слишкомъ явно поддѣльное, чисто-внѣшнее, несвязанное съ внутренними ощущеніями — такова иногда физіономія г. Самарина I. — Лицо г. Полтавцева способно къ передачѣ многообразныхъ ощущеній, и никогда не бываетъ такъ хорошо специфически, какъ въ минуту страшной душевной бури или энергическаго порыва отчаянія, гнѣва, вражды. Больше всего должно остерегаться молодому артисту того сладкаго выраженія, которое часто беретъ его физіономія, какъ будто на прокатъ у другой. Это непріятно-чувствительное выраженіе вредитъ ей постоянно... Третьимъ качествомъ, необходимымъ для трагическаго артиста — *голосомъ*, г. Полтавцевъ награжденъ природою въ высшей степени щедро. Этотъ звучный, металлическій и обширный органъ голоса дѣйствуетъ иногда обаятельно: въ немъ соединяются и сила и нѣжность, — притомъ, сила почти никогда не выражается въ оскорбительной для слуха рѣзкости, какъ у другихъ — даже знаменитыхъ трагическихъ артистовъ, каковы, напримѣръ, Каратыгинъ I, Кунстъ, — и съ другой стороны, нѣжность не перестаетъ быть мужескою и только по волю самого артиста переходитъ часто въ вѣчто сантиментальное и приторное, отзывающееся манерою г. Самарина I. Г. Полтавцевъ, по видимому, на столько еще молодъ, что не знаетъ всѣхъ своихъ средствъ, и въ особенности противозаконно поступаетъ онъ съ лучшимъ изъ нихъ, съ своимъ превосходнымъ голосомъ. Общія недостатки его въ этомъ отношеніи заключаются, во первыхъ — въ неумѣстномъ крикѣ, къ которому почти постоянно прибѣгаетъ онъ во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ безъ различія, и во вторыхъ, — въ сантиментальности и пѣвучести тона. Пока не дошло дѣло до взрыва, въ которомъ скажется энергическая, сильно чувствующая и страдающая душа, — г. Полтавцевъ поетъ по нотамъ, поетъ точно также, какъ г-жа Косицкая или г. Самаринъ I, не хуже и не лучше ихъ, ударяя по преимуществу на прилагательныя и дѣлая изъ рѣчи какую-то жалобную расподію. Известно, что и покойный Мочаловъ прибѣгалъ очень часто къ этому жалобному пѣнію, и надобно предполагать, что примѣръ его вреднымъ образомъ подѣйствовалъ на г. Полтавцева. Во всякомъ случаѣ долгъ честной критики сказать г. Полтавцеву разъ навсегда, что онъ идетъ по ложной дорогѣ, что, не сойдя съ нея, не пердѣлавши совершенно своей манеры, онъ не сбѣлается такимъ артистомъ, какимъ онъ и можетъ, и долженъ быть. Для его успѣховъ не лзя не пожелать, чтобы онъ на время вдался въ противоположную крайность — въ рѣзкость и отрывочность. Продолжая говорить расподически и вдаваясь въ слезливую сантиментальность, онъ

можетъ усвоить несчастную манеру, которая погубитъ его талантъ и, рано или поздно, поставитъ его на одну доску съ рутинерами. Остается наконецъ сказать о *движеніяхъ* г. Полтавцева: — въ отношеніи къ нимъ должно замѣтить только то, что они, или совершенно соответствуютъ душевнымъ порывамъ и въ гармоніи съ ними являются изящными, благородными, энергическими, — или уже такъ неловки, странны, рутинны, что становится больно за прекрасное и сильное дарованіе, позволяющее себѣ такую недобросовѣстную небрежность въ одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ исполненія. Положимъ, что это — сторона внѣшняя, но вѣдь и артистъ играетъ не одною только душою: на всего себя онъ долженъ смотреть какъ на грубый матеріалъ, подлежащій переработкѣ въ идеальное изваяніе. Внѣшностью производятся часто величайшіе спеническіе эффекты — стоитъ только вспомнить Каратыгина — Велизарія передъ Сепатомъ, закрывшагося тогою на подобіе Агамемнона при жертвоприношеніи Ифигеніи, или Каратыгина же Коріолана и Людовика XI (*). Дѣло не въ томъ, далась ли поза непосредственнымъ вдохновеніемъ или нагляднымъ изученіемъ статуи — дѣло въ истинѣ позы, рельефо выставяющей поэтической образъ, въ энергіи, красотѣ или прелести жеста, поясняющаго слово: есть вещи, которымъ не учить непосредственное вдохновеніе, которыя достигаются честнымъ, серьезнымъ трудомъ. Самыя душевныя движенія, на сколько они выражаются во внѣ, должны быть изучаемы въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Гаррикъ не даромъ изучалъ физиономіи сумасшедшихъ, когда собирался играть Лира. Собственное чувство пусть остается при артистѣ какъ неотъемлемое, неоцѣненное сокровище, но оно должно быть пополняемо, повторяемо, изощряемо опытомъ и наблюденіемъ. Воспримчивой, т. е. настоящей художественской натурой наблюденія и опыты обращаются въ ея собственность; потому-то она и художественская, что можетъ стоять въ уровень со всѣмъ, переселяться въ какой угодно міръ, въ какое угодно положеніе — сама оставаясь свободною, цѣльною, непричастною частнымъ явленіямъ. Не будь она такою — и выражай только сама себя, она скоро истощила бы собственный запасъ — скажу еще больше: она была бы разбита первымъ эксцентрическимъ положеніемъ, первымъ порывомъ.

Конечно, г. Полтавцевъ еще такъ молодъ, что нельзя и требовать отъ него совершеннаго спокойствія, полнаго владѣнія собою,

(*). Вотъ кто долженъ быть идеаломъ нашихъ артистовъ, во всемъ, что касается до этой внѣшней части драматическаго искусства. М. П.

но за то ужь, если онъ въ настоящую минуту только актеръ по вдохновенію, нельзя прощать ему и рутинны, несовмѣстной съ вдохновеніемъ, убивающей его.

Разсмотрѣвши внѣшнія средства молодого артиста, приводящія къ заключенію самому благопріятному, я перехожу къ внутреннимъ, къ тѣмъ, безъ которыхъ ничтожны все внѣшнія данныя. Три главныхъ внутреннихъ свойства необходимы трагическому артисту: 1) трагическій пафосъ или, пожалуй, страстная организація, — 2) способность переноситься душою въ исключительныя положенія, и 3) любовь къ дѣлу, безъ которой невообразимъ артистъ вообще и слѣдственно артистъ трагическій. Удивятся, вѣроятно, многіе, что я не упоминаю о способности создавать типы, но мнѣ кажется, что прежде всего способность къ созданію тѣхъ, или другихъ, притомъ большаго или меньшаго числа типовъ, т. е. способность отрѣшаться отъ себя самого и изъ себя создавать нечто другое — присуща всякой художнической натурѣ и заключается въ каждомъ изъ исчисленныхъ условій, образующихъ *спеціально* трагика, какъ заключается въ каждомъ изъ условій, образующихъ *спеціально* комика. Чѣмъ шире въ художникѣ объемъ этой способности, чѣмъ многообразнѣе доступныя ему типы — тѣмъ ближе онъ къ недослагаемому почти идеалу артиста вообще, не комика и не трагика исключительно, а творца — Гаррика — Лира и Фальстафа въ одно и тоже время, Тальмы, Шредера, Ифоланда. Но теперь, я говорю исключительно о наклонности художнической природы къ олицетворенію трагическихъ образовъ.

Хотя, по словамъ великаго поэта нашей эпохи «равно дивны стекла, отражающія движенія мелкихъ насекомыхъ и движеніе свѣтилъ небесныхъ», хотя въ настоящую минуту смѣшно говорить о преимуществѣ комическаго или трагическаго представленія жизни, но все таки нельзя не согласиться, что на воображеніе молодое, еще не тронутое, сильнѣе дѣйствуютъ грандіозныя, рѣзкими штрихами обозначенныя фигуры, нежели обыкновенныя, хотя выражающія не менѣе глубокой смыслъ лица. Вопросъ не въ томъ, справедливо ли подобное предпочтеніе — но существованіе его есть фактъ несомнѣнный и въ особенности въ молодыхъ натурахъ. Естественно, что молодому артисту, посвящающему себя на олицетвореніе различныхъ образовъ, прежде всего кидаются въ глаза, запрашиваются, такъ сказать, на сочувствіе, герои съ исключительными страстями. Въ послѣдствіи, разумеется, артистъ, приглядѣвшись къ этимъ лицамъ, увидитъ, что многія изъ нихъ далеко уступаютъ какому-нибудь мелкимъ фигурамъ Подколесина, Хлестакова

и т. д., — что дѣло не въ томъ, въ какое положеніе поставленъ драматическимъ поэтомъ его герой, а въ томъ—на сколько въ этомъ герояхъ заключается *человѣчности*; но сначала, разумеется, пріятнѣе ему вообразить себя какимъ-нибудь Прокофѣемъ Ляпуновымъ, выкидывающимъ за окно Нѣмца Фидлера, чѣмъ Подколесинимъ, который самъ скачетъ въ окно, обладаемый паническимъ страхомъ; къ этой, весьма понятной наклонности человеческого самолюбія, надобно присовокупить еще и лирическое настроеніе, свойственное извѣстному возрасту. Гораздо легче служить идеаламъ человеческого благородства и величія, живущимъ въ каждой благоустроенной душѣ, читая во славу имъ великолѣпныя тирады о любви, дружбѣ, патріотизмѣ и т. д., однимъ словомъ, о *высокомъ и прекрасномъ*, чѣмъ съ истиннымъ самоотреченіемъ служить орудіемъ смѣха и возбуждать его «сквозь незримыя міру слезы».

Но не такое обыкновенное лирическое настроеніе, которое, замѣчу мимоходомъ, весьма скоро истощается, повлекло, повидимому, г. Полтавцева на ампула трагическаго актера. Въ немъ есть истинный трагическій паѳосъ, безъ котораго не могъ бы онъ быть такъ изумительно, хотя рѣдкими минутами, высокимъ въ Шекспировомъ Гамлетѣ. Подъ трагическимъ паѳосомъ не должно, однако, никакъ разумѣть сантиментальнаго расположенія души, проявляющагося въ вѣчной готовности проливать слезы, терзать слухъ воплями и рыданіями, жалобнымъ пѣніемъ по нотамъ и прочемъ; трагическій паѳосъ не дешевая теплота чувства, пригодная только во Французскихъ мелодрамахъ и въ сценахъ свиданія дѣтей съ дражайшими родителями: это—пламень страсти, взрывы внутренняго волкана, блески молніи, несущей смерть и гибель; этотъ паѳосъ проявится не одними слезами и рыданіями, не однимъ адскимъ хохотомъ, сопровождаемымъ взерошеніемъ волосъ, нѣтъ! часто вспыхнетъ онъ въ глазахъ артиста, въ судорожномъ движеніи, и озаритъ всю фигуру какимъ-то роковымъ, зловѣщимъ свѣтомъ; часто прозвучитъ онъ въ одномъ словѣ, какъ звучалъ недавно въ вопросѣ Гамлета—Полтавцева о тѣни отца:

И блѣдень?

какъ отозвался онъ у него тихимъ стономъ безвыходнаго отчаянія въ словахъ:

А я пойду, куда влечетъ меня мой жалкій жребій,
Пойду молиться—

и присутствіе его, этого истиннаго паѳоса ощутите вы прежде всего на самомъ себѣ, потому что сообщительный пламень прообжигать по всему вашему существу электрической искрой...

Такой-то ничѣмъ незамѣнимый пафосъ данъ природою молодому артисту, — но покаместъ онъ находится еще у него на степенѣ чистаго лиризма. Отъ этого — пафосъ Г. Полтавцева неровенъ, проявляясь иногда съ ужающею силою въ мѣстахъ, которымъ онъ подѣ вліяніемъ лирическаго настроенія способенъ сочувствовать. Цѣльнаго образа представляемаго имъ лица передъ нами еще не обозначается: въ немъ не развилась еще способность усвоивать себѣ цѣлый типъ, — и не развилась отъ двухъ причинъ, во первыхъ отъ молодости, а во вторыхъ (жаль, что мы должны высказать весьма горькій упрекъ) отъ страннаго, поразительнаго неуваженія къ своему дѣлу. Г. Полтавцевъ не только не обдумываетъ представляемыхъ имъ характеровъ, но даже, говоря по просту, не знаетъ ролей, въ чемъ можетъ уличить его всякій, маломальски знакомый съ играемыми пьесами. Онъ какъ будто рассчитываетъ только на эффектные мѣста; избалованный публикою, вызывающею его по нѣскольку разъ за двѣ или за три хорошихъ минуты, — онъ не заботится ни о чемъ, *кроме* этихъ минутъ, прибѣгая даже къ рутинѣ, при истощеніи лиризма. Жестоко ошибается молодой артистъ, если онъ думаетъ, что все въ искусствѣ зависитъ отъ вдохновенія и покрывается вдохновеніемъ. Вдохновеніе, конечно, вещь хорошая — но, вотъ что говорить о немъ одинъ изъ *едохновеннѣйшихъ* артистовъ, именно Тальма. Къ одному изъ друзей своихъ онъ пишетъ, напримѣръ (1814 года) «Plus je vis mon ami, plus je réfléchis, plus j'étudie, plus je me confirme dans *mon opinion* sur l'inégalité des acteurs, qui jouent d'ame. Il ne faut s'attendre de leur part à aucune unité; leur jeu est alternativement fort et faible, chaud et froid, plat et sublime». Кроме того, эту же самую мысль, великій артистъ въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ своимъ собственнымъ примѣромъ: «J'ai joué longtemps d'inspiration, — говоритъ онъ — m'abandonnant à mes sensations du moment et oubliant tout-à-fait, que j'étais Talma, pour me croire Achille ou Orosmane, mais *sans parler de l'épuisement* où me laissait cette méthode, j'étais inégal; bon quand j'étais bien disposé, mauvais lorsqu'un souci personnel me ramenait malgré moi à la réalité. Le comédien doit en effet agir sur la foule et pour y parvenir, il faut qu'il soit maître de lui».

Ежели артистъ, съ постоянною добросовѣстностью изучавшій каждую роль, признается въ недостаточности вдохновенія, въ необходимости взглянуть собою, то тѣмъ болѣе долженъ бояться исключительной довѣренности къ вдохновенію Г. Полтавцевъ, на котораго падаетъ упрекъ въ незнаваніи, или, по крайней мѣрѣ, не

твердомъ знаніи ролей. Невозможно перечестъ всѣхъ ошибокъ, пропусковъ, искаженій, сдѣланныхъ имъ въ Бидерманнъ, Чацкомъ и даже (!) въ Гамлетъ. Да не оскорбится артистъ этимъ упрекомъ, происходящимъ отъ самаго искренняго желанія добра его таланту. Въроятно, гораздо страннѣе было ему встрѣтить о своей игрѣ такой отзывъ — что «Г. Полтавцевъ беретъ не столько своими средствами, какъ *глубокимъ знаніемъ и изученіемъ* роли», что онъ «глубоко постигаетъ Шекспира» (Реперт. и Пант., № 5, Май. Театр. Лѣтоп., стр. 25, 26). Подобные отзывы показываютъ совершенное незнакомство съ дѣломъ въ пишущемъ, и предполагаютъ такое же въ томъ, о комъ они пишутся.

Перехожу теперь къ самому исполненію Г. Полтавцевымъ ролей—Гамлета, Гюга и Чацкаго, въ которыхъ явился онъ по возвращеніи изъ Петербурга. Замѣчу прежде всего, что молодой трагикъ явился какъ будто новымъ человекомъ: послѣднее представленіе Гамлета, не смотря на всѣ недостатки, было совершенно не похоже на зимнія представленія.

О Гамлетѣ вообще писано такъ много, что къ этому многому трудно прибавить что-нибудь новое и истинное, въ особенности послѣ замѣчательной въ высшей степени статьи знаменитаго Гервинуса въ его курсѣ о Шекспирѣ. Величайшая заслуга Гервинуса — въ томъ, что онъ взглянулъ на этотъ многосторонній, запутанный характеръ съ многихъ сторонъ, но въ этомъ же заключается, можетъ быть, и главный недостатокъ его статьи. Глубокій, многосторонній, до мелочей подробный анализъ поглотилъ здѣсь всякій синтезисъ, такъ, что человеку, неломавшему самому головы надъ Гамлетомъ, не перечитавшему многого и хорошаго и дельнаго, написаннаго о Гамлетѣ и Нѣмцами, и Французами, и Англичанами — трудно представить себѣ на основаніи взглядовъ Гервинуса цѣлый характеръ. Можетъ быть, это происходитъ и отъ причинъ лежащихъ въ самой драмѣ, дѣйствительно темной и загадочной — и въ числѣ другихъ, совершенно ясныхъ и спокойныхъ созданій великаго мастера, представляющей собою нѣчто совершенно особенное. Гамлетъ — какъ остроумно выразился Бёрне — какая-то колонія Шекспирова духа. Надобно предполагать, конечно, что моральный процессъ Гамлета имѣетъ далекую связь съ моральными процессами, пережитыми самимъ поэтомъ, — нельзя не видѣть также, что это произведеніе слишкомъ близко душѣ самого творца, нельзя не видѣть, что казнь, совершенная имъ надъ безвольнымъ героемъ, слишкомъ дорого стоила ему самому, — нельзя, наконецъ, удержаться, отъ тайной, тревожной симпатіи къ болѣзненному, полному безпощаднаго эгоизма мечтателю.

Этот грустный, странный образ останется всегда поэтически для васъ, хотя бы вы и убѣдились съ Гервинусомъ въ справедливости карающей его Немезиды; хотя бы вы и упрекнули его вмѣстѣ съ знаменитымъ критикомъ въ жестокости, въ черствомъ фатализмъ. Дѣло въ томъ, что этотъ образъ остается для васъ всегда неразгаданнымъ.—Гамлетъ, таковъ, каковъ онъ дѣйствительно—существовалъ только до начала драмы. Въ драмѣ — эта богатая, многообразная, глубокая натура—потрясена, разбита въ основахъ еще до явленія привидѣнія. Это—хаосъ съ проблесками свѣта, по которымъ мы можемъ догадываться о прежнемъ цѣломъ и полномъ существованіи. Передъ вами съ самаго начала трагедіи — блѣдный, больной мечтатель, утомленный жизнью прежде еще, чѣмъ успѣлъ узнать онъ жизнь, отыскивающій тайнаго смысла ея явленій, растерзанный еще прежде, чѣмъ узналъ онъ истину темными предчувствіями—что міръ вышелъ изъ своей колеи; разбитый противорѣчіями между своимъ я и окружающею его дѣйствительностью, готовый обвинять самого себя за эти противорѣчія и жадно схватывающій оправданіе своей вражды, вызванное имъ изъ мрака могилъ. И въ каждой жилѣ чувствуетъ онъ «крѣпость могучихъ львиныхъ силъ», въ первую минуту этого страшнаго оправданія своего разлада.... Но эта крѣпость дала ему только на минуту. Вотъ онъ опять возвращенъ къ своей обыкновенной жизни, онъ опять тотъ же блѣдный, слабый, страдающій Гамлетъ—онъ робѣетъ уже передъ борьбою, ибо въ его болезненной, мечтательной натурѣ лежитъ грустное сознаніе бесплодности борьбы; онъ знаетъ, что, не созданный дѣлать то, что дѣлали до него другіе,—онъ, представитель иной эпохи, иного поколѣнія, пойдетъ туда «куда, влечетъ его жалкій жребій—пойдетъ молиться» — но пойдетъ не тѣмъ уже, какимъ приходѣлъ. Этотъ страшное сознаніе правды уже озарило его, онъ гизвалъ загробный міръ для оправданія предчувствій души своей, и, облеченное ужасомъ, представало ему это оправданіе, и оправданныя требованія его больнаго я, явились уже теперь долгомъ. Онъ не можетъ сомнѣваться, какъ прежде — предчувствія его правы, но что же въ этой правдѣ ему, больному, разбитому, безсильному? И раздражается онъ только ропотомъ на жизнь и Провидѣніе, ропотомъ, готовымъ обнаружиться передъ пустымъ старичишкой Полоніемъ, передъ ничтожными Розенкранцемъ и Гильденстерномъ. Онъ знаетъ, что онъ правъ—и потому слова его звучатъ гордой, злобной ироніей, но онъ чувствуетъ, что сознаніе правды влечетъ за собою необходимость дѣйствія, и, неспособный перевести мысль

въ дѣло, наединѣ съ самимъ собою предается послѣдней степени отчаянія,—презрѣнію къ самому себѣ. «О Гамлетъ, Гамлетъ — говоришь опъ—позоръ и стыдъ тебѣ!»—но тутъ же, вопреки очевидности, готовъ сомнѣваться въ открытой ему правдѣ: ибо такому человѣку страшно самосознаніе; за все, за самую нелѣпость готовъ онъ схватиться какъ за доску спасенія, прежде чѣмъ приметъ страшную правду. И вотъ Гамлетъ опять впадаетъ въ сомнѣніе, опять попалъ въ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не выбиться его натурѣ; и никогда не былъ онъ болѣе способенъ предложить себѣ вопросъ: «Быть или не быть».... Но, снова нельзя сомнѣваться,—должно дѣйствовать—онъ только заливается адскимъ смѣхомъ, и вмѣсто того, чтобы убить молящагося Клавдія, обманываетъ самъ себя утонченнымъ расчетомъ мести.... Только случайность могла разрѣшить эту путаницу, и случайность разрѣшаетъ ее—и все гибнетъ, доброе и злое, темное и свѣтлое — и «Смерть торжествуетъ страшную рѣзню». Гибнетъ Король, какъ представитель отжившей, чреватой злодѣяньями эпохи — гибнетъ Гамлетъ—слабая заря лучшаго будущаго и большое чадло прошедшаго, гибнетъ все вокругъ Короля и Гамлета, какъ зараженное уже тлетворнымъ дыханіемъ того или другаго—и «Судьба передастъ вѣнецъ» юному, смѣлому, крѣпкому Фортинбрасу.

Таковъ смыслъ трагедіи, или, лучше сказать, таково впечатлѣніе, ею производимое. Нигдѣ, можетъ быть, всѣ отдѣльныя частности не содѣйствуютъ въ такой степени основной мысли, и потому нигдѣ урѣзванія и сокращенія не могутъ быть такъ вредны. Покойный Полевой передвѣлалъ Гамлета, такъ сказать, на *Русскіе нравы*, лишилъ языкъ лицъ колорита и энергіи, ввелъ беззаконнымъ образомъ мелодраму, уничтожилъ нѣсколько явленій, показавшихся ему лишними; время и рутинна довершили это дѣло искаженія, и то драматическое представленіе, которымъ угощаютъ теперь публику подъ названіемъ: «Гамлетъ, принцъ Датскій»—отстоитъ весьма недалеко отъ Дюсисовскихъ передѣлокъ Шекспира. Выпускаются такія сцены, которыя рельежно выставляютъ характеръ главнаго лица или поясняютъ смыслъ драмы, какъ, на примѣръ, сцена IV акта — встрѣча Гамлета съ Фортинбрасомъ и полный значенія монологъ Гамлета, оканчивающійся словами:

Кровь будетъ мысль единая, или вовсе
Въ душѣ не будетъ мысли ни единой.

Выпускается послѣдняя сцена V-го акта — появленіе Фортинбраса, вслѣдствіе чего, въ драмѣ нѣтъ окончанія. Что касается

до сокращеній—ихъ даже и не исчислишь. Надобно надѣяться, что когда талантъ г. Полтавцева созрѣетъ—онъ дастъ намъ настоящаго Гамлета въ другомъ переводѣ, съ другою обстановкою.

Покаместъ, надобно довольствоваться тѣмъ, что есть—отрывками изъ Шекспировой драмы.

Игра г. Полтавцева явнымъ образомъ двоилась: то былъ онъ такъ высокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ дай Богъ быть самому созрѣвшему таланту, то являлся рутинеромъ. Сцена перваго появленія Гамлета и его первый монологъ:

О для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ, не обвѣщали еще ничего особеннаго, но за то, въ сценѣ съ Горацио и Марцелло, въ распросахъ о явленіи тѣни отца, въ смущеніи, растерянности, лихорадочности тона было истинное пониманіе роли, а нѣсколько словъ, какъ-то, вопросъ объ отцѣ:

И блѣдень?

и въ особенности восклицаніе о немъ же:

Человѣкъ онъ былъ—

не напомнили только, а возвратили зрителямъ тѣ впечатлѣнія, которые, по видимому, уже умерли вмѣстѣ съ Мочаловымъ.

Являясь на свиданіе съ привидѣніемъ, г. Полтавцевъ былъ слишкомъ веселъ: онъ забылъ, кажется, что Гамлета бьетъ въ эту минуту внутренняя лихорадка, что къ самому пьянству Клавдія придирается онъ только для того, чтобы хоть на минуту отдалечиться отъ страшнаго ожиданія. При появленіи тени, г. Полтавцевъ оказался актеромъ еще весьма нескучнымъ: лицо свое онъ скрылъ отъ публики и это еще извинительно—можно надѣяться, что современемъ г. Полтавцевъ и покажетъ намъ свое лицо въ эту минуту—но шляпа сбита была имъ очень неловко у себя съ головы,—шпагу вынималъ онъ и опускалъ въ ножны совершенно не кстаи,—бросился за провалившимся привидѣніемъ безъ увлеченія. За то—въ сценѣ съ друзьями по уходѣ привидѣнія, въ клятвѣ надъ мечемъ—нельзя было уже узнать г. Полтавцева: игра его отличалась глубокимъ пониманіемъ положенія—и даже пластически прекрасенъ былъ артистъ во все продолженіе сцены.

Во второмъ актѣ, г. Полтавцевъ былъ почти постоянно слабъ: мало было ироніи въ разговорахъ съ Полоніемъ, а изліянія души передъ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ перешли у него въ нѣчто сантиментальное... Слова: «Какое величіе являетъ собою человѣкъ» и другіе подобныя были произнесены съ тѣмъ ложнымъ и, такъ сказать, ходульнымъ пафосомъ, который называется у Немецевъ технически бомбастомъ; съ комедіантами, г. Полтавцевъ былъ уже черезъ-чуръ веселъ. Вообще, тутъ-то, въ этомъ актѣ,

требуемъ въ артиств по преимуществу размышленія—и выказалась неполнота созданія; поэтической образъ Гамлета вышелъ какъ-то тривиаленъ. Что касается до знаменитаго монолога:

Я одинъ теперь...

Какое я ничтожное созданіе—

и т. д.,

то въ первой половинѣ его, до словъ:

О Гамлетъ, Гамлетъ!

Позоръ и стыдъ тебѣ,

включительно,—артиств опять видимо выросталъ—и тутъ снова высказывался неподдѣльный, поражающій паэось, который заставлялъ забывать недостатки цѣлаго акта; тутъ было уместно и прекрасно все—интонаціи, выраженіе физиономіи, движенія. Опять явился передъ зрителями огромный талантъ, но за то, все окончаніе монолога, вмѣстѣ съ жестомъ, сдѣланнымъ ради эффекта при уходѣ—все это окончаніе по крикливости, вычурности, ходульности—достойно было только рутинера, а не даровитаго артиста. Недостатокъ ли только обдуманности виною этому или уже ржавчина рутинны успѣла вѣсться въ прекрасное и могучее дарованіе?..

Начался третій актъ. Авторъ статьи, какъ и многіе, напередъ ожидалъ, что монологъ: «Быть или не быть» пройдетъ незамѣтно,—ибо убѣжденъ многими примѣрами, что эта внутренняя сосредоточенная дума, почти не можетъ быть передана какъ слѣдуетъ, или, лучше сказать, что не найдется ни одного актера, который бы рѣшился не жертвовать тутъ ничѣмъ эффекту—но не ожидалъ я никакъ, чтобы г. Полтавцевъ пожертвовалъ этимъ монологомъ грубому вкусу толпы въ такой степени. Монологъ онъ прокричалъ, и, конечно, былъ награжденъ рукоплесканіями. Въ сценѣ съ Офеліей—мѣсто горькой и скорбной проши заняла довольно пошлая сантиментальность, или, такъ называемая, теплота чувства, свойственная только рутинерамъ. Такъ же обыкновенно проши и сцена представленія комедіи—по сценою съ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ по уходѣ Короля, словами: «Ты не умѣешь играть на этой флейтѣ, а хочешь играть на душѣ моей»—снова было выкуплено все. Лучше нельзя сыграть этой сцены. Въ монологъ надъ молящимся королемъ не доставало самаго важнаго—колебанія, перѣцимости, овладѣвающихъ Гамлетомъ передъ совершеніемъ дѣла; кромѣ того, г. Полтавцевъ былъ тутъ нехорошъ пластически, а отъ пластической красоты много зависитъ эффектъ этого мѣста. Не было мрачной скорби на физиономіи, лихорадоч-

ности въ движеніяхъ... пусть фигура Каратыгина слишкомъ уже грандіозна и грозна въ этой сценѣ,—пусть движенія Мочалова уже слишкомъ напоминали тутъ тигра, готоваго броситься на добычу—въ этомъ одностороннемъ представленіи все-таки болѣе истинны и поэзіи, чѣмъ въ бездѣятности выполненія г. Полтавцева. Въ этомъ мѣствѣ—нельзя себѣ и вообразить Гамлета иначе, какъ съ зловѣщимъ выраженіемъ взора—тутъ онъ, на нѣсколько мгновеній, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ ада, который, по его выраженію, дышетъ ужасами. Все демоническое, что только есть въ этой натурѣ, должно выступить ярко и рѣзко въ эту минуту и смѣниться потомъ выраженіемъ безвыходнаго, бессильнаго отчаянія.

Но, дай Богъ, чтобы когда-либо, у другаго ли артиста, у самого ли г. Полтавцева, вышла такъ *вся* сцена съ матерью,—дай Богъ, чтобы опять повторились съ такою дикою радостью слова:

Убить, червонецъ объ закладъ, убить,

чтобы опять звучали такимъ же пронзающимъ сердце и вмѣстѣ полнымъ безконечной любви укоромъ рвчи Гамлета къ его матери:

Стыдъ женщины, супруги, матери забыть—

и т. д.,

чтобы гробовымъ холодомъ и ледянымъ сердце ужасомъ, повяло опять такъ же на зрителей отъ словъ:

Смотри, какъ все такъ врачно и ушло,

Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

Вся эта сцена была—вдохновеніе таланта безспорнаго, вся безъ исключеній, отъ искренняго ужаса при появленіи тѣни—до грустной, болзненной ироніи въ обращеніи къ трупу Полонія, отъ отвѣта:

Ничего не дѣлать!

на вопросъ матери:

Скажи, что дѣлать, Гамлетъ?

до горестнаго, унылаго прощанія:

Спокойной ночи, королева. . .

Тутъ былъ весь Гамлетъ—весь съ его нѣжною, впечатлительною и вмѣстѣ съ тѣмъ скептической натурой, съ его энергіей и съ его болзненной слабостью.....

Однимъ словомъ, это была опять та истинная трагедія, о существованіи которой даже успѣли и позабыть многіе по смерти Мочалова.

Точно такъ же былъ г. Полтавцевъ истиннымъ Гамлетомъ въ сценѣ IV акта, въ желчныхъ и полныхъ глубокаго смысла отвѣтахъ—и тутъ на всей фигурѣ его лежала печать чего-то действительно зловѣщаго и роковаго. Оставалось жалѣть только о томъ,

что артистъ измѣнилъ мрачному и сосредоточенному тону въ словахъ: «Впередъ лислицы—собака за вами», произнесенныхъ съ ложнымъ пафосомъ,—да о томъ еще, что Гамлетъ не встрѣтился съ контрастомъ своимъ, Фортиnbrасомъ, и еще разъ не заклеилъ позоромъ своего собственнаго уничтоженія:

Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой....

Пятый актъ. Гамлетъ возвращается въ отечество. Два злодѣйства—смерть Полонія и злобная продѣлка съ невинными и пустыми Розекранцемъ и Гильденстерномъ, тяготѣютъ на его душѣ, но онъ, великій софистъ и скептикъ, дошелъ уже до крайней степени паденія—до черстваго и спокойнаго фатализма: ничто не тревожитъ уже этой природы, обманувшей себя лукавыми и мечтательными отвлеченіями... На кладбищѣ, куда завела его случайность, посреди могильныхъ памятниковъ и свѣжихъ, только что выкопанныхъ могилъ, посреди тлѣющихъ костей и череповъ—его мѣръ! Какъ дилетантъ бесѣдуетъ онъ съ нѣмыми жильцами этого мѣра: меланхолическая сторона его природы отдается мрачнымъ впечатлѣніямъ беззаветно и даже безпечно. Ему, скептическому мыслителю, привольно и любо въ царствѣ мертвыхъ, и никто, кажется мнѣ, удачнѣе живописца Поля Делароша не схватилъ этого момента драмы. Вечернущее свѣрное небо; Гамлетъ сидитъ спокойно на могилѣ съ безцѣльнымъ взглядомъ, съ черепомъ въ рукѣ, весь отдаваясь отвлеченному мышленію... Изъ этого состоянія вырываетъ его погребеніе той, которую онъ нѣкогда любилъ—и только на минуту, только на одинъ порывъ просыпается прежняя, любящая и способная къ любви натура. За тѣмъ, онъ опять впадаетъ въ софистическій фатализмъ и гибнетъ такъ же случайно, какъ случайно жилъ и дѣйствовалъ.

Только порывъ страсти и отчаянія б.лѣ понять и переданъ г. Полтавцевымъ—и надобно сказать, переданъ съ поразительною истиною. Обо всемъ остальномъ онъ нѣсколько не позаботился.

Этимъ, по возможности подробнымъ разборомъ игры г. Полтавцева, авторъ статьи хотѣлъ засвидѣтельствовать всю симпатію свою къ прекрасному таланту.

Въ роли «Бидерманна» въ драмѣ «Смерть или честь»—были у г. Полтавцева въ каждомъ актѣ почти прекрасныя минуты, хотя цѣлое созданіе лица страдало сантиментальностью.

Въ *Чацкомъ* г. Полтавцевъ, за исключеніемъ словъ:

Какъ хороша!

въ первомъ актѣ,—монолога въ третьемъ:

Въ той комнатѣ незначущая встреча...

обращенія къ Софьи въ четвертомъ:

Когда подумаю, кого вы предпочли—

и заключенія послѣдняго монолога—не оставилъ никакихъ особыхъ впечатлѣній. Вообще, сентиментальность тона, пѣніе по нотамъ и незнаніе ролей—вошь три главныхъ врага, которые вредятъ пока-мѣсть артисту, имѣющему полное право—на значеніе въ будущемъ—таланта замѣчательнаго. Все зависитъ, конечно, отъ пути, который изберетъ г. Полтавцевъ.

1851, Іюня 20.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНЧНЫЯ.

Нашъ вѣкъ чудеситъ не на шутку! Мало ему земли, мало неизъзданныхъ равнинъ океана, — пѣтъ, нужно еще вторгнуться въ заповѣдныя степи воздушной области, въ царство сильфовъ, куда и самая мысль нашихъ праѣдковъ не слишкомъ отваживалась за-воснться, гдѣ доселѣ жили одни громаы, кочевали облака, блуждали метеоры, парили орлы и летала пестрая семья его крылатыхъ соплеменниковъ. Зачѣмъ бы, кажется, забираться туда безкрылому животному, которому и такъ слишкомъ много простора на морѣ и на сушѣ? Но властолюбіе и жажда корысти — страсти неугомонныя! они-то бросили его въ пучины океана, завели въ безнодные пески Саары, они-то увлекаютъ его теперь въ безбрежныя пустыни эофра. Гдѣ же предѣлы его пытливой любознательности? гдѣ граница могуществому его помысловъ?

Читая газетныя разсказы о летучихъ господахъ Діагахъ и Дарвиллахъ, которые не хуже коршунувъ задаютъ круги на воздухѣ, поднявшись на нѣсколько сотъ футовъ отъ земли, невольно спрашиваешь себя: полно сказка ли это, повесть о летучемъ деревянномъ конѣ Ивана купческаго сына, которую нянюшки ублаживали насъ въ младенчествѣ; не существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ, блаженной памяти, затѣйникъ Икаръ, и мы ли, наслушавшись этихъ басней, попали на мысль смастерить летучій сварядъ, или сказки эти суть ни что иное, какъ темныя преданія о былой дѣйствительности?... Какъ ни думай — ни гадай, а г. Дарвилль, 1 августа, нынѣ быстро-летящаго года, изволилъ возно-ситься въ Нельи, на изобрѣтенномъ имъ снарядѣ, въ присутствіи многихъ ученыхъ, многихъ представителей Парижскихъ журналовъ и въ вождельномъ здравіи спустился опять назадъ

Вотъ что пишутъ о томъ въ *Independance Belge*.

Занимаемся изъ *Chronique de Paris* любопытныя подробности о воздушномъ полетѣ, исполненномъ г. Дарвилемъ 1 августа въ Нельи, близъ Парижа.

Парижскіе журналы не безъ причины были взволнованы статьями одного изъ вечернихъ журналовъ, о недавно изобрѣтенной машинѣ, способствующей возноситься и летать по воздуху. Объяснительныя письма двухъ изобрѣтателей: Саламанкскаго уроженца Г. Діего и природнаго Француза Тома Дарвиля, придали новую занимательность этому удивительному изобрѣтенію.

Многіе члены изъ Академій Наукъ, различные художественныя ремесленныя училища, обратили также вниманіе на эту новость въ искусствахъ, и заботливо слѣдятъ за опытами, производимыми въ Мадридѣ и Парижѣ.

Чтобы приступить къ сравнительному изслѣдованію системъ Гг. Діего и Дарвиля, намъ хотѣлось прежде видѣть ихъ на опытѣ. После неоднократныхъ отказовъ, г. Дарвиль рѣшился наконецъ произвести опытъ, въ присутствіи нѣсколькихъ журналистовъ, трехъ-четыреухъ ученыхъ и двухъ искусныхъ металло-токарныхъ мастеровъ, которые дѣлали его летучій снарядъ.

Г. Дарвиль пригласилъ насъ именными билетами прибыть въ Нельи 1 августа, въ четыре часа утра. Мѣсто опыта избрано было на берегу Сены, возлѣ *Красной мельницы* (Moulin Rouge). Литераторовъ и журналистовъ собралось двадцать человекъ, въ томъ числѣ Гг. Леонъ Гозланъ, Мери, Рене-де-Ровиго, Эмиль Фонтенъ Дюпортъ, Палье, сотрудникъ журнала *Patrie*, прежде всѣхъ описавшій машину г. Діего, и другіе сотрудники журналовъ *Siècle*, *Union*, *Gazette de France*, *Messenger*, *Charivari* и прочихъ. Ученый механикъ-любитель г. Діего-де-Шамборъ, также присутствовалъ при опытѣ, и еще привезенный г. Гозланомъ, Англійскій туристъ Сэръ Вильямъ Вэксонъ, которому, впрочемъ, хотѣлось усвоить это изобрѣтеніе своему отечеству.

Жюль Жаненъ и Амеде Ашаръ, были нездоровы и не могли пріѣхать въ Нельи.

Въ пять минутъ пятого г. Дарвиль пріѣхалъ съ двумя своими механиками. Машина и крылья привезены въ двухъ закрытыхъ ящикахъ.

Раскладываясь съ присутствовавшими, г. Дарвиль принялся слаживать машину, что продолжалось не болѣе пяти минутъ; потомъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «господа! я приступаю къ опыту; не пугайтесь, и предоставьте мнѣ свободу движеній, не дѣлая никакихъ замѣчаній».

Ставши на своей контрфорсъ, г. Дарвиль сказалъ намъ: «теперь къ дѣлу», и вмѣстѣ съ этими словами, придавивъ ногами педали N 1 и N 6, величественно поднялся на воздухъ въ отвѣсномъ направленіи. Снабженный тонкою шиткой, въ сто метровъ длиною, съ маленькимъ свинцовымъ отвѣсомъ на концѣ, г. Дарвиль вскорѣ доказалъ, что поднялся на триста футовъ отъ земли.

Невозможно описать удивленія, или, скорѣе, ужаса предстоявшихъ въ первую минуту. Вскорѣ раздались самые восторженные крики одобренія.

Потомъ г. Дарвиль сказалъ намъ, съ подоблачной высоты, въ маленюкѣ рупоръ: «теперь, господа, я приступаю къ косвенному и непрерывному полетамъ», и дѣйствительно, перемѣнивъ педали, онъ леталъ во всехъ направленіяхъ, по произволу, плавно, безъ замѣтныхъ сотрясеній и, должно сказать, безъ видимой опасности.

Облетѣвъ пространство, не менѣе обширное, какъ Марсово поле, г. Дарвиль спустился къ намъ съ быстротою, съ которою листъ бумаги, брошенный изъ окна высокаго дома, слетитъ на землю въ тихую погоду.

Поблагодаривъ насъ за наши привѣтствія, г. Дарвиль, обратясь къ г. Палье, сказалъ: «теперь вы видѣли, и сами разсудите, можетъ ли г. Діего состязаться со мною? Я изучилъ его систему: она исполнена неудобствъ. Онъ долженъ летать стоя на доскѣ; руки его заняты. Машина его имѣетъ движеніе висячихъ качелей, отъ котораго стошнить самую крѣпкую натуру. Къ тому же, по письму его изъ Мадрита отъ 18 июля сего года, помѣщенному въ журналъ *Patrie* 24 июля, я видѣлъ, что у него нѣтъ руля, безъ котораго онъ не можетъ поворачивать ни вправо, ни влѣво».

Послѣ нѣсколькихъ возраженій, г. Палье, прекрасно описавшій машину г. Діего въ журналъ *Patrie* 11 июля, вынужденъ былъ сознаться, что г-ну Діего далеко до г. Тома Дарвиля въ искусствѣ плавать по воздуху, что его система гораздо лучше, и одна кажется исполнимою, представляя наименее опасностей.

Между 20 и 25 августа, г. Дарвиль произведетъ публичный опытъ на Марсовомъ полѣ. Вѣроятно, целый Парижъ будетъ присутствовать на этомъ торжественномъ праздникѣ искусства.

Какъ много ожидаемыхъ и непредвидѣнныхъ послѣдствій повлечетъ за собою усовершенствованіе искусства летать по воздуху. Какъ широко раздвинетъ оно завѣтный очеркъ возможнаго для человѣческихъ усилій. Далеко ли до полюсовъ? скажетъ человѣкъ, помѣстясь въ теплое домикъ, снабженномъ летучимъ снарядомъ

и есть нужнымъ на дорогу, гдѣ недосыгаемыя вершины горъ, непроходимыя дебри Австраліи, неизвѣданныя страны средней Африки, недоступныя верховья первенствующихъ въ свѣтъ рѣкъ. Чѣмъ почтпаютъ ему песчаныя заметы Саары, топи Понтискихъ болотъ, и непроходимыя заросли Остъ-Индіи? На сушь, на морь, на воздухъ—вездѣ ему раздолье, вездѣ доступъ. Сколько способъ изысканій, изслѣдованій, сколько неизблечныхъ доселѣ учреждений изменить эта неожиданная новость? И многого невозможно предвидѣть, не зная въ точности предѣла, до котораго могутъ достигнуть усовершенствованія въ этой новой попыткѣ. Удовольствуемся покуда тѣмъ, что изобрѣтательная мысль осуществлена для чело-вѣка старинную Русскую поговорку: «куда хочу, туда лечу», которую можно теперь употреблять и безъ метафоры.... Дай Богъ здоровье Испанцу Діего и г. Дарвию.

Возвращаясь изъ Лондона, г-жа Рашель остановилась на четыре представленія въ Брюссель. Представленія эти начались 2 августа (нов. ст.) въ Théâtre du Cirque. Въ первый вечеръ давали *Phèdre* и *le Moineau de Lesbie*.

Театръ былъ, въ буквальномъ смыслѣ, полонъ. Вся знать, всѣ знаменитости Брюссельскаго гражданства, собрались видѣть и сравненную артистку, и вся эта толпа, одушевленная одною мыслию, однимъ чувствомъ, составляла, такъ сказать, одно цѣлое.

Г-жа Рашель создана артисткой, а внѣшнія обстоятельства много благоприятствовали этому призванію. Во первыхъ она была счастлива уже тѣмъ, что предъ вступленіемъ на сцену не видала ни одной трагической знаменитости, и не попала въ колею *обычнаго*, если можно такъ назвать сценическія привычки, превратившія почти въ непремѣнныя условія. На первомъ шагѣ своего артистическаго поприща, ступила она на подмостки перваго въ свѣтъ театра, и вошла на нихъ смѣло, безъ опасенія неудачи, даже—безъ сознанія опасности.

Не имѣя предъ глазами артистическихъ образцовъ, она въ житейской школѣ училась выражать страсть, скрывать мятное чувство, и наблюдательнымъ умомъ своимъ, ловила тѣ не произвольныя движенія, то едва замѣтное выраженіе въ чертахъ, которыми чувство это, въ избыткѣ своемъ, невольно въ насъ обличается. Создавая роль и усвоивъ положеніе дѣйствующаго лица, она не обдумывала, а только припоминала себѣ, что ей должно дѣлать, и какъ играть въ данномъ случаѣ. *Искусство въ томъ,*

чтобы скрыть искусство, сказала одинъ изъ нашихъ остроумныхъ поэтовъ, и этимъ-то искусствомъ въ особенности отличается г-жа Рашель. Въ ней не заметно старанія выразить какое-либо ощущеніе, не заметно усилія воплотить въ себя страсть, потому что она, такъ сказать, не выдумываетъ позы, жесты, выраженіе, интонацію голоса, а изучила ихъ въ природѣ, и передаетъ, какъ видѣла, какъ замѣтила. Даръ ея преимущественно заключается въ томъ, что она умѣла понять и схватить тѣ признаки страстей и чувствъ, которые составляютъ отличительное характеристическое ихъ выраженіе. Изучая свое искусство въ природѣ, а не копируя его съ великихъ артистовъ, она усвоила достоинства этихъ артистовъ, пріобрѣтеныя ими въ томъ же источникѣ—въ природѣ, и избѣгла ихъ недостатковъ и ошибокъ, вкравшихся въ ихъ талантъ, или по невѣрному взгляду на жизнь, или изъ подражанія другимъ ошибавшимся талантамъ.

Конечно, въ роляхъ г-жи Рашель есть положенія, которыхъ она не могла изучать въ событіяхъ всендневной жизни,—но тогда ей помогаетъ умѣнье къ нимъ примѣниться, и создать изъ запаса своихъ наблюденій естественность неизвѣданнаго и незнакомаго ей положенія.

Г-жа Рашель играетъ роли царицъ съ истинно царскимъ величіемъ. Осанка, поступь, пріемы, рѣчь, все дышетъ достоинствомъ, величіемъ,—царственностію. Ни артистка, ни мы не знаемъ, гдѣ она этому научилась; но кто видѣлъ ее въ этихъ роляхъ, тотъ сознается, что игра ея естественна, что въ ней не заметно и тѣни принужденія, столь часто встрѣчаемаго и въ житейскомъ быту, при несвойственности положенія.

Она воскресила образцовыя произведенія Французскихъ трагиковъ, обреченныя театромъ на вѣчное забвеніе. Публикѣ паскучили не превосходныя творенія Корнеля и Расина, а несовершенство игры артистовъ. Явилась Рашель, и толпа стекается рукоплескать ей въ тѣхъ самыхъ трагедіяхъ, гдѣ прежде звала со скуки. Со временъ Дюшенуа и Тальмы, никто не шель въ театрѣ смотрѣть Французскую трагедію, а теперь двѣнадцать лѣтъ постоянныхъ усилій г-жи Рашель въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Брисселѣ, Франкфуртѣ, подтверждаютъ сказанное нами. Ея артистическія путешествія—истинная разработка Калифорнской россыпи. *Федра, Роксана, Герміона, Марія-Стюартъ*, могли бы выдать заемное письмо на публику, и публика несомнѣнно заплатила бы по *предъявленію*. Афишка съ именемъ г-жи Рашель, есть чистое золото, какъ вексель дома Ротшильдовъ.

Г-жа Рашель, какъ мы уже сказали, дастъ въ Брюсселѣ только четыре представленія, на которыя почти все билеты уже разобраны, со дня первой афишки.

Роль Федры есть совершенство драматическаго помысла. Со временъ Дюшенуа никто не рѣшался ее исполнить, а г-жа Рашель въ этой роли несравненно выше своей предшественницы. Г-жа Дюшенуа была до того дура собою, что ея безобразіе вошло въ пословицу, и талантъ ея долженъ былъ бороться съ этимъ безобразіемъ. Ея главное достоинство составлялъ обворожительный голосъ, который точно проникалъ въ душу зрителя, но въ ней не было драматическаго творчества, способности создать индивидуальность дѣйствующаго лица, и въ переходахъ она была слишкомъ горяча, слишкомъ порывиста. Она съ крикомъ и съ выраженіемъ упрека говорила Энонъ извѣстный стихъ:

C'est toi qui l'a nommée!

Рашель произнеситъ его съ трогательною покорностію судьбѣ, и впечатлѣніе ея на зрителя гораздо сильнѣе.

Выходъ г-жи Рашель на сцену есть торжество искусства въ мимикѣ. Никто не сумѣлъ такъ хорошо сохранить выраженія лица Федры, гдѣ рѣзкіе слѣды опустошительныхъ страстей и угрызѣнія совѣсти не могли изгладить отпечатка поразительной красоты.

Красота эта является во всемъ своемъ блескѣ, во второмъ актѣ, когда Федра признается въ любви Иполиту. Взоръ ея, свѣтившійся въ первомъ актѣ тусклымъ огнемъ сердечныхъ угрызѣній, разсыпаетъ молніи страсти; и жестъ и выраженіе въ чертахъ, и голосъ, все совокупилось въ одно созвучіе, чтобы произнести:

Que de soins m'eut coûtés cette tête charmante!

этотъ стихъ, предсказывающій послѣдующіе. Съ какою изступленною энергіею выхватываетъ она мечъ Иполита, и въ какоухъ уныніи, съ какимъ душевнымъ оцѣпѣнтіемъ предается она совѣтамъ Эноны, узнавъ о прибытіи Тезел, и скрывается отъ взоровъ супруга.

Все эти внезапные переходы отъ одного чувства къ другому, совершенно противоположному, отъ пылкихъ порывовъ страсти къ бездѣйственности отчаянія, такъ естественны въ г-жѣ Рашель, что они терзаютъ душу зрителя.

Омертвѣніе, съ которымъ она выслушала тайну любви Иполита къ Арисіи, слѣдующій за симъ монологъ, гдѣ каждый стихъ бросаетъ новый зловѣщій лучъ свѣта на ея изтерзанное сердце, и и сцена проклятія съ Эноною, исполнены были съ такимъ совершенствомъ, что зрители, въ невольномъ волненіи, ловили каждое

слово, падавшее съ устъ великой артистки. Когда она умолкла, толпа долго еще молчала, какъ бы онемѣвшая отъ изумленія, и вдругъ, движимая одною мыслию, однимъ общимъ чувствомъ, изступленными криками и громомъ рукоплесканій выразила восторгъ свой. Г-жа Рашель до того овладѣваетъ полнымъ вниманіемъ публики, что даже превосходные артисты театра Французскаго въ Парижѣ остаются при ней почти незамѣченными, но въ этотъ спектакль, г-жа Ребека, также превзошедшая встѣхъ своихъ соперницъ въ роли Арисіи, какъ сестра ея въ роли Федры, снискала полное одобреніе публики, темъ болѣе заслуженное, что роль Арисіи чрезвычайно безцвѣтна и однообразна. Г-жа Ребека умѣла *разработать* эту роль съ большимъ искусствомъ, и видя, какъ она воспользовалась всемъ, что могло придать хотя нѣсколько значенія этому ничтожному лицу, не мудро пошло ея чрезвычайный успѣхъ въ роли *Анжелы*, за созданіе которой она принята въ общество театра Французскаго.

Въ *Moineau de Lesbie* г-жа Рашель была очаровательна. Сколько неподражаемаго кокетства въ ея улыбкѣ, въ пріемахъ, въ словахъ! Сколько упрека и любви къ невѣрному Катуту (1) въ ея пламенныхъ взорахъ! Какъ ѣдки ея сарказмы на счетъ смѣшнаго любовнаго триумвирата, мечтающаго замѣнить въ ея сердцѣ любимаго поэта! Только г-жа Рашель можетъ возстановить отдаленную эпоху, такъ искусно воскрешая современные пріемы, навыки и костюмы. Этотъ роскошный, блестящій уборъ первой сцены, который она какъ-будто сняла съ одной изъ статуй древнихъ прелестницъ, населяющихъ нижній этажъ Лувра,—только г-жа Рашель можетъ носить съ ея граціозной небрежностью. Она неподражаема въ искусствѣ разлить гармонию на все частности своихъ созданій. Мы говоримъ о ея искусствѣ одѣваться, но взгляните, что у нея за осанка! Мы удивляемся ея прекрасному, звучному голосу, но посмотрите, что у нея за поступь, какъ она ходитъ, въ особенности какъ умеветь слушать! Умение слушать есть верхъ сценическаго искусства, и намъ понятна досада знаменитой г-жи Марсь, которая, видя первые успѣхи юной питомицы Меньюмены, воскликнула: *«я тридцать лѣтъ учусь хорошо слушать, а эта дѣвчонка слушаетъ еще лучше меня!»* Это случилось на представленіи *Андромахи*, когда *эта дѣвчонка*, въ роли Герміоны была также безукоризненно прекрасна, какъ теперь въ роли Федры.

(1) Мы опасаемся, чтобъ Отечественный Записки не ошиблись опять, считавъ Катуту съ Гибулломъ, и обращаемъ въ тѣ вниманіе, что здѣсь идетъ рѣчь о Катутѣ, о Катутѣ. Ред.

Г-жа Рашель будетъ еще играть *Adrienne Lecouvreur*, *Angéle* и *Horace et Lydie*, и въ послѣдній спектакль *Polyeucte* и второй актъ *Аталія*. Мы будемъ сообщать о ея успѣхахъ по мѣрѣ полученія о нихъ извѣстій.

4-го августа давали на театрѣ *Cirque* въ Брюсселѣ *Adrienne Lecouvreur*, драму гг. Скриба и Легуве. Это было второе представленіе г-жи Рашель. Говоря о представленіи *Федры*, мы сказали, что театрѣ былъ буквально полонъ. Не знаемъ, какое слово употребить теперь, чтобы выразить, какъ полна была огромная зала этаго театра во время представленія *Adrienne Lecouvreur*. Это было настоящее наводненіе публики. Волны толпы, наполнивъ залу, переливались даже въ корридоры. Жители Брюсселя не видали еще г-жу Рашель въ драмѣ, и слѣдовало убѣдиться, сохранитъ ли и здѣсь эта единственная представительница классической трагедіи, свое несомнѣнное превосходство; сумѣютъ ли эти уста, выражающія съ такою звучною полнотою величественныя стихи классиковъ протекшаго столѣтія, передать поэзію чувствъ языкомъ неблагодарной прозы; наконецъ, не утратить ли великая артистка, въ сценахъ Скриба и въ діалогахъ Легуве, ту невыразимую прелесть, то магическое очарованіе, которыми она отличается въ гениальныхъ твореніяхъ Расина и Корнеля? Многіе упрекали г-жу Рашель, что она приносить жертвы ложнымъ богамъ; многіе находили, что артистка, которая могла усвоить слово *Людвика XIV* и сказать: *tragédie — это я*, имѣла уже прекрасный, обширный удѣлъ въ области сцены, и ей печего было гоняться за другимъ; но эти господа обрекали и артистку и публику на вѣчное служеніе вкусу прошлаго столѣтія.

Не такъ думала г-жа Рашель, и мы убѣждены, что публика за это не пожалуется, тѣмъ болѣе, что въ этомъ преобразованіи своего таланта, она явила новую силу своего многосторонняго искусства. Твореніе Скриба послужило ей ступенью въ переходѣ къ совершенной драмѣ, съ которою мужественное самолюбіе артистки давно желало состязаться. Она знала, что г. Скрибъ не заведетъ ее на сбивчивый путь, такъ называемаго, романтизма, и была убѣждена, что изобрѣтательный искусный академикъ придумаетъ для нея положенія выгоднѣе, рельефнѣе созданныхъ мудрыми соображеніями древнихъ властелиновъ театральоу сцены.

Въ *Adrienne Lecouvreur* г-жа Рашель почти не сходитъ со сцены въ послѣдніе четыре дѣйствія, и этимъ именно сочинителямъ обезпечили успѣхъ пьесы. Главная роль затмѣваетъ всѣ прочія, и только талантъ г-на Рафаэля могъ хотя нѣсколько поддержать свою роль, хотя и довольно важную по сюжету, по самую неблагоприятную

въ игрѣ. Слушая, какъ г-жа Рашель читаетъ прозу, можно подумать что она цѣлую жизнь изучала одно это искусство; когда же она декламируетъ стихи Расина или Лафонтена, помѣщенные въ этой пьесѣ, кажется, что она вѣкъ свой говорила стихами. Во всемъ невзролтная естественность. Наблюдая внимательно игру г-жи Рашель, нельзя не удивляться искусству ея придавать каждой рѣчи, каждому умышленному слову, выраженіе настоящаго его значенія. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текстъ не довольно ясно, не такъ полно выражаетъ мысль, краснорѣчивый взоръ или рѣзкій, вразумительный жестъ, вѣрно передаетъ вамъ точный смыслъ сказанной фразы. Какъ нужна, какъ дѣтски-ввѣрчива она во второмъ дѣйствіи. Съ какою очаровательной простотою прочла она известную басню Лафонтена: *Два голубя*. Тѣмъ безсмертнаго баснописца заслушалась этаго разсказа, если онъ на томъ сѣтъ отвыкъ отъ своей всегдашней разсвѣженности. Въ третьемъ дѣйствіи самая разнообразная чувства волнуютъ ее. Она попеременно, то дѣвчаво, то подозрительна, то великодушна, то повелительна, то ревнива. Ночная сцена, такъ искусно обдуманная, лучшая изъ цѣлой пьесы, обличаетъ все могущество таланта г-жи Рашель. Постепенное измѣненіе голоса, въ каждой фразѣ прерывистаго діалога, такъ вѣрно изображающее волненіе ея души,—есть верхъ сценическаго искусства. При началѣ разговора, рѣчь ея плавна и дышетъ спокойствіемъ; потомъ голосъ ея дрожитъ тревогой сомнѣнія, прерывается нерѣшимостью страсти, трепещетъ порывами ревности и звучитъ негодованіемъ гнѣва. Эта буря страстей передана съ такимъ совершенствомъ выраженія, съ такимъ неодолимымъ увѣченіемъ, что въ зритель отзываются все сотрясенія страждущей души Адриенны, сердце его терзается, глядя на неутолимую скорбь страдальцы, и если бы опускающаяся завѣса не припомнила ему, что все это мечта, вымысль, обольщеніе искусства, онъ почелъ бы дѣйствительностію превосходное подражаніе.

Въ четвертомъ актѣ только одна сцена прекрасна, но она такъ хорошо приведена, что публика ее предчувствуетъ. Искусство приготовить такіа сцены можно причесть къ исключительнымъ достоинствѣмъ таланта г-на Скриба. Въ настоящемъ случаѣ даръ сочинителя могъ сдѣлаться камнемъ гнетковенія для артистки. Ей оставалось или пасть или превзойти себя,—и она превзошла себя въ полномъ значеніи этаго слова. Въ этой сценѣ, предъ гнѣвнымъ потокомъ нареканій Адриенны къ принцессѣ Бульонской, есть взоры, есть слова, которыхъ ни описать, ни достойно оцѣнить невозможно. Это вспышка молній, предвѣщающихъ грозу. Эта

женщина, тихая и почти застенчивая, когда она входит въ аристократическую гостиную, гдѣ, по словамъ ея, она пришла искать образцовъ для подражанія, и гдѣ она находитъ соперницу, становится разъяренной львицей въ схваткахъ съ терзающею ее ревностію. Здѣсь является г-жа Рашель во всемъ своемъ блескѣ. Печаль покинутой любовницы, упоеніе мгновеннаго торжества, съ немовѣрной выразительностію отражаются въ чертахъ ея воспримчивой фюзіономіи, въ звукахъ ея голоса, въ рѣзкомъ красно-рвчій ея жестѣ. Энтузіазмъ и умиленіе овладѣли публикою, рукоплесканія загрѣмѣли, и юная артистка представила въ новомъ видѣ своемъ, благодарить благосклоннаго, но справедливаго судью своего.

Послѣ мщенія—смерть; послѣ измѣны—позднее раскаяніе любовника,—вотъ содержаніе пятаго дѣйствія, въ которомъ г-жа Рашель такъ нужна, такъ радостно счастлива, какъ была неукротима и ужасна сначала. Она придаетъ этой неустанной истомѣ страсти опасный отпечатокъ истины, что возбуждаетъ невольное удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ терзаетъ насъ слишкомъ болѣзненными ощущеніями; но такова г-жа Рашель, что даже этотъ упрекъ есть похвала несравненному ея таланту.

Брюссельская публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ представленія *Ангело*. Это еще испытаніе для г-жи Рашель въ новой драмѣ. Между *Adrienne* и *Angelo* такое же разстояніе, какъ между Федрою и Адриенною. Въ этотъ же спектакль она будетъ играть въ новой *древней* комедіи Понсара *Hogase et Lydie*, которой достоинство можно тогда только оценить, когда талантъ г-жи Рашель бываетъ представителемъ таланта г-на Понсара.

11 Августа, въ 8 часовъ вечера скончался въ Цюрихѣ, отъ истощенія силъ, знаменитый некогда Профессоръ Окенъ. Въ двадцатыхъ годахъ слава его гремѣла по всему ученому міру Германіи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ производилъ переворотъ въ наукѣ. Эхо доходило и до Россіи. Мы помѣстимъ здѣсь кстати въ слѣдующемъ номерѣ одно мѣсто изъ путешествія Редактора Москвитина, гдѣ онъ описываетъ печальную свою встрѣчу съ Океномъ, дорогою изъ Милана въ Парму.

Times жестоко насмѣхается надъ своими Бургомистрами и членами городского управленія. По поводу ихъ путешествія въ Парижъ, выставляетъ ихъ образцами обжорства, неповоротливости, торгашества, и другихъ подобныхъ добродѣтелей, — и проситъ Парижанъ не судить о Лондонѣ по Лорду-меру и его сотруди-камъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ СЛОВО

ОЧЕВИДЦА.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ

въ казенномъ селеніи Гагаринцахъ, Подольской губерніи.

Было время, тяжелое время, когда западный край необъятной Россіи, подъ игомъ фанатическаго изуверства, окруженный хитрыми происками враговъ православія, съ горестію видѣлъ храмы Божіи или совсѣмъ уничтожаемыми или обращаемыми въ дома инозаконнаго служенія. Было время, когда милое стадо людей православныхъ, укрываясь отъ зоркаго преслѣдованія хищниковъ своихъ, робко спѣшило къ убогому храму, изъ милости лишь оставленному тѣмъ, которые не покорялись властолюбивымъ видамъ чуждой іерархіи, которые, сберегая въ глубинѣ сердецъ своихъ чистое сѣмя истины, скорбѣли о бѣдствіи издревле православнаго края, и съ боязнію ставили крестъ православія на деревянномъ срубѣ, осмѣливаясь едва возвышать его надъ убогими хижинами своими. Было время, когда пронырливый орденъ, ославившій себя передъ вседенной хитростями и коварствомъ, вымыслилъ средство незаконнаго единенія, съ обидой и крайнимъ угнетеніемъ одной стороны и къ явному возвеличенію другой, забывшей, что *царство Христово нѣсть отъ міра сего*. Было оно и — благодареніе Богу! — прошло невозвратно. Православіе, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, возстало чистое, какъ истина, свѣтлое, какъ первый день созданья, благодатное, какъ благовѣстіе Архангела. Но на храмахъ православныхъ все еще лежала печать прежняго убожества, и хотя вѣрные сыны Церкви уже безъ опасенія шли къ дому святой молитвы, но взорамъ ихъ представлялись тѣ же посѣрѣвшіе отъ времени срубы съ желѣзными крестами, тѣ же тѣсные храмы, за прагомъ которыхъ съдѣлаемы старцы слушали сладкія пѣснопѣнія святой Церкви, имея предъ глазами своими живое свидѣтельство минувшихъ скорбей и лишеній, и ожидая отъ внуковъ своихъ обновленія храмовъ, любимаго пристанища ихъ старости. И не скоро бы, конечно, исполнились ихъ благочестивыя ожиданія, если бы во всю землю Русскую не *изиде вѣщаніе* Великаго, Православнаго, Благочестивѣйшаго Государа нашего, Императора Николая

Павловича, да святится имя Божіе въ храмахъ, сообразныхъ славы и величію древле-Апостольской, всегда единой и неизмѣнной Вѣры.

Въ 1845 году Благочестивѣйшій Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о мѣрѣхъ къ скорѣйшему приведенію къ окончанію постройки и исправленія православныхъ церквей въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній. Во исполненіе сего особыми Указами предписано мѣстнымъ Архіереямъ сего края все дѣла по этому предмету, произволившіяся въ духовныхъ Консисторіяхъ, передать въ мѣстные Палаты Государственныхъ Имуществъ, и работы, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Господина Министра Государственныхъ Имуществъ Графа Павла Дмитріевича Киселева, пошли съ необыкновенной быстротою и успѣшностью. Въ одной Подольской губерніи въ самое короткое время воздвиглись церкви новыя, поддержаны и украшены старыя, снабжены многія изъ нихъ церковною утварію и иконостасами. Православіе, за новѣека дѣлвшееся надъ собой грозу безпокойнаго и мрачнаго Запада, содержимое въ въ тяжкомъ усиліи и почти не видѣвшееся яснаго Востока, на которомъ всегда горѣло незаходимое солнце правды и истины, съ торжествомъ восприняло отъ томительнаго она, бывъ поднято мощной рукою Отца-Монарха, и съ радостію простерло дрожащія руки къ храмамъ, сіяющимъ красотой небесной и благоуханіемъ. Возвращенные отъ чуждыхъ иваръ западной іерархіи, сныи древняго православія идутъ нынѣ съ благодарственными гимнами уже не въ прежніе убогіе храмы, а въ новыя, свѣтлыя, какъ горній Іерусалимъ Царь православный, какъ отецъ сердобольный, устроившій некогда вечерю и праздникъ для блуднаго сына, возвратившагося изъ страны далече, пріемлетъ новыхъ чадъ православія, ожидая ихъ на ступеняхъ храмовъ, Имъ же самимъ созданныхъ и украшенныхъ, и радостно дарствуетъ ихъ этимъ священнѣйшимъ даромъ отъ имени Церкви, Престола и Отечества. *Господи! спаси же Царя нашего Великаго, и услыши ны въ онъ же еще дѣтъ призовемъ тя въ сихъ храмахъ, воздвигнутыхъ Твоимъ Высочайшимъ Помощникомъ!*

Не вдалекѣ отъ Австрійской границы стоитъ селеніе Гавриловцы, принадлежавшее въ древнія времена помѣщику Ляцкорунскому, переходившее потомъ изъ рукъ въ руки и наконецъ поступившее въ казенное управленіе. По близкому соседству съ крѣпостью Хотиномъ, бывшею театромъ кровопролитныхъ сраженій Поляковъ съ Турками, потомъ Русскихъ съ Поляками и

Турками,—селеніе это подвергалось всѣмъ ужасамъ войны и жестокостямъ, со стороны поклонниковъ Ислама.

При последнемъ нападеніи ихъ на Каменецъ-Подольскъ, сел. Гавриловцы, находящееся на пути къ сему городу, было раззорено въ конецъ, и церковь, бывшая въ томъ селѣ, сожжена и истреблена до основанія. Памятникомъ этой кровавой эпохи осталось доселѣ одно Евангеліе, напечатанное во Львовѣ въ 1690 году, и неизвѣстно какимъ случаемъ спасенное отъ руки Турокъ, которые однакожъ изсекли каждую страницу его своими мечами. Около 1780 года, по освобожденіи этого края отъ Турокъ, жители селенія Гавриловецъ собственнымъ иждивеніемъ построили во имя Св. Параскевы-убогій храмъ, въ которомъ съ большимъ трудомъ могло помѣститься человекъ до двадцати. Построенный изъ простаго лѣса, безъ всякаго изящества и благоумія, храмъ этотъ только крестомъ однимъ и гошевой крышей разлился отъ окружающихъ его крестьянскихъ хижинъ. Соразмѣрно малому пространству, оставленному для молящихся, алтарь, отдѣленный скуднымъ иконостасомъ, былъ невообразимо тѣсенъ. Разстояніе жертвенника отъ престола такъ было мало, что трудно пройти между ними; не много больше оно было между престоломъ и царскими вратами, но и здѣсь едва оставалось мѣсто для земнаго поклона; а боковые врата, по тѣснотѣ своей, представляли рѣшительную невозможность, во время большаго выхода, выходить съ Святими Дарами, и священникъ долженъ былъ являться пароду царскими дверями. Вообще, смотря на этотъ въ высшей степени убогій и малый храмъ, невольно переносишься мыслію къ тѣмъ временамъ, когда первобытные Христіане, подъ страхомъ смерти и лютыхъ гоненій, собирались тайно въ домъ кого-либо изъ верныхъ, и въ тишинѣ совершали тамъ свои священнодѣйствія.

За три года предъ симъ положенъ былъ первый камень въ основаніе новой церкви въ сел. Гавриловцахъ. Мѣсто, выбранное для ней, отстоя менѣе, чѣмъ на полверсты отъ большой дороги, было самое выгоднѣйшее, и церковь, выстроенная здѣсь, открывается за нѣсколько верстъ, вѣдущимъ изъ г. Каменца, а съ противной стороны изъ-за Днѣстра—видна вся какъ на ладони, пилая въ небѣ серебряными своими пятью главами. И путникъ, вступающій изъ сосѣдней Австріи на святую землю Русскую, на первомъ шагѣ встрѣчаетъ благодатный привѣтъ православія, освящающій его съ высоты новосозданной церкви, и сплвннть дальѣ, уноса съ собой пріятное впечатлѣніе.

Тотчасъ по заложеніи церкви, жители сел. Гавриловецъ,

навъ, кто виновникъ ихъ неожиданной, духовной радости, единодушно пожелали передать вмѣствъ съ церковію дальнему потомству Державное Имя Всененоснаго своего Благодѣтеля, и немедленно вступили съ прошеніемъ къ Преосвященному Архіепископу Арсенію (что нынѣ Архіепископъ Варшавскій), о посвященіи новостроющагося храма имени Святителя и Чудотворца Николая, Державному Соплеменнику котораго обязаны они счастіемъ видѣть на родной землѣ своей такое благозвѣіе. Вѣрноподающаго, святое усердіе ихъ тогда же увѣчалось Архимандритскимъ разрѣшеніемъ, и съдволенные старцы молили Бога продлѣть дни ихъ жизни для приношенія благодарственнаго сіова за Всененоснаго Отца-Монарха, и, конечно, многіе изъ нихъ въ душѣ своей произнесли потомъ прощальную молитву Симеона Богопріимца: *нынѣ отпушаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи наши спасеніе Твое, еже вси уготовахъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ и въ славу людей Твоихъ.*

3 Іюля нынѣшняго года было днемъ празднованія Гавриловскихъ жителей. На этомъ праздникѣ Господь привелъ и мнѣ быть. Свѣтло, *яко женихъ, исходилъ отъ чертога своего*, взошло утреннее солнце, озаривъ толпы народа, который въ праздничныхъ одѣянїяхъ спѣшилъ къ цвовосозданному храму. У многіхъ изъ богомольцевъ были въ рукахъ большія восковыя свѣчи, какъ видно, шарочно приготовленныя ими для сего высокаторжественнаго случая. Жители г. Каменца, Хотина и окрестныхъ селеній сходились и съѣзжались на праздникъ торжествующаго нынѣ православія, и забывъ на этотъ разъ различіе вѣроисповѣданій, въ духѣ христіанскаго единомыслія спѣшили къ храму, освящаемому во имя ревностнаго защитника вѣры, *названной на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*. Многочисленный соборъ духовенства, облеченнаго въ свѣтлыя ризы, множество развѣзавшихся вокругъ церкви торугвій, народъ, разноцвѣтной тканью раскинувшійся по площади въ оградѣ церковной, ярко сіявшія отъ солнца серебристыя главы храма—все это представляло картину, стоющую кисти художника, животоворю перенесшаго на полотно противоположный сему предметъ не благодатнаго созиданія, а страшнаго разрушенія.

По прибытіи въ сел. Гавриювцы Преосвящ. Евсевія, Епископа Подольскаго и Бранловскаго, немедленно начался торжественный обрядъ освященія храма. Надо выикнуть въ высокое значеніе этого обряда, надо вслушаться въ эти горячія молитвы

взвращающихъ, пронзосимыя устами Архипастыря, надо видѣть таинственно пустынную мірскаго великолѣпія, еще не возведеннаго въ значеніе благолѣпія небеснаго, когда все свѣщи въ новосозданномъ храмѣ остаются до времени невозжженными, когда фимиамъ кадильный не пронесся еще въ высоту дома Божія свѣтлымъ облакомъ, таинственно образующимъ влчніе Духа Святаго, — надо все это выразить умомъ и сердцемъ. чтобы всѣмъ существомъ вострелетать потомъ при громкомъ возгласѣ Архіерея Божія, стоящаго внѣ храма предъ затворенными дверьми: *возмите врата, князи, ваши и возмнется врата въчииа, и увидетъ Царь славы!*—и при тихомъ ангельскомъ пѣніи клира, вопрошающаго изъ внутри церкви: *кто есть сей Царь славы?* О, не понесешь тогда съ собою въ храмъ Божій *суеты и крушенія духа*, когда услышишь, что, входящій сюда, *Господь силъ, той есть Царь славы!* Огложишь тогда всякое попеченіе житейское, поймешь, что *нѣтъ мѣсто сіе, но домъ Божій и сія врата небесна!*...

И вотъ оконченъ торжественный обрядъ освященія. На стѣпахъ храма еще не засохли миромъ назнменованные кресты; возжены уже свѣчи, все облагоухано священнымъ фимиамомъ, и домъ сей сталъ уже домомъ Божиимъ и имя Господа Сия будетъ святиться въ немъ отъ нынѣ и до вѣка. Закономъ должна быть принесена первая молитва за Того, Кто создалъ сей домъ, кто обилѣлъ его славою и велелѣніемъ—за Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича и за весь Августѣйшій Домъ Его! Счастливы мы—кровные сыны Россіи—не растлѣнные ядомъ, растущимъ по дебрямъ Запада, что умѣемъ молиться за Царя нашего! Стократъ счастливы, что Господь Самъ и Царь славы далъ намъ такого сильнаго и славнаго Царя! *Господи! да возвеселится же Царь нашъ силою Твоею и о спасеніи Твоемъ возрадуется зпло! Желаніе сердца Его для еси Ему и хотѣнія устну Его нѣчи лишилъ Его!*

— «Что, любезные,» — спросилъ я группу поселянъ, стоявшихъ близъ ограды церковной, — «хороша у васъ церковь?»

— Э, пане, пане! хочъ бы у царствіи небесному дала Царыца небесна такую радость!

— А кто-жъ вамъ построилъ ее?

— Та звисно хто; нехай Тому Богъ пошле счастье и Царыци Юго и Диткамъ Юго!

— Молитесь, друзья мои!

— До вжежъ молимся и будемъ молиться!

И добрые, простодушные поселяне, съ полными слезъ глазами, припались класть земные поклоны передъ церковью.

— Слава Тоби, Господи!—проговорилъ одинъ старикъ, стоя на коленяхъ и крестясь большимъ крестомъ:—доживъ вику своего; побачивъ, чога миши и не слылось, теперъ хочъ бы и умерты!

И снова преклонилъ онъ сядую голову свою къ землѣ, въ ко-

торую не чрезъ должно положить оны старыя кости свои, унося съ собою въ могилу миръ и благословеніе за радость, освѣтляющую темныя сумерки послѣднихъ дней его жизни...

Любо видѣть и чуять Русскимъ сердцемъ, что все, отъ мала до велика, не остается холодными къ такимъ свѣтлымъ праздникамъ православія! Въ западномъ краю участіе первыхъ сановниковъ губерній въ такомъ дѣлѣ, какъ освященіе православнаго храма, имѣеть ощутительно благотворныя послѣдствія. Многіе изъ нихъ присутствовали при самомъ обрядѣ; другіе успѣли прибыть на литургію, которая кончилась ровно въ часъ полудня. Въ первомъ ряду молящихся, видны были Г. Начальникъ губерніи *Владиміръ Егоровичъ Анненковъ 3*, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Александръ Андреевичъ Половцевъ*, Вице-Губернаторъ Статскій Советникъ *Владиміръ Филипповичъ Пфелеръ*, и другіе первостепенныя губернскіе чиновники. Преосвященный *Евсей* произнесъ въ высшей степени назидательное слово, въ которомъ изложилъ полно и ясно тѣ чувстваванія, какія обязанъ имѣть всякій христіанинъ, почитающій храмъ Божій. Отъ людей, неоднократно сличавшихъ съ нами по православію, слышалъ я восторженные похвалы простому, одушевленному слову нашего Архипастыря, и радовался искренно *помазанію отъ святаго*, почивающему въ сердцахъ его.

Литургія кончилась. Г. управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ, *Афанасій Андреевичъ Абаза*, дѣятельному усердію и ревности котораго обязанъ этотъ край успѣшнымъ исполненіемъ Высочайшей воли и распоряженій Его Сіятельства Графа Павла Дмитриевича Киселева, пригласилъ всѣхъ на обѣдъ сельскій, приготовленный въ уютномъ, но красивомъ домѣ, принадлежавшемъ прежде помѣщику Кофру. За первымъ тостомъ о здравіи Государа Императора, виновника настоящаго торжества, отличившій хоръ пѣвчихъ Его Преосвященства пропѣлъ, всегда такъ глубоко отзвучившій въ сердца Русскаго, народный нашъ гимнъ *Боже, Царя храни!* Всльдъ за тѣмъ провозглашенъ былъ тостъ за Его Сіятельство Министра Государственныхъ Имуществъ Графа Павла Дмитриевича Киселева, — потомъ за Преосвященнаго Евсея, Г. Начальника губерніи, Его Превосходительство Александра Андреевича Половцева, наконецъ за Г. Управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ А. А. Абазу и за всѣхъ благодѣтелей и благотворителей новосозданнаго храма. Въ промежуткахъ между тостами, пѣвчіе пѣли концерты и гимнъ Россіи, положенный на музыку для пѣвческаго хора Подольскимъ Совѣстнымъ Судьею В. Аскоченскимъ.

Закрываю мое Русское, искреннее слово святою, народною молитвой:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царству на славу нашу!

В. А скій.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

19-го числа сего Августа въ 11½ часовъ по полудни изволила осчастливить здѣшнюю столицу Своимъ прибытіемъ, Ихъ Императорскія Величества: Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Александровичъ и Александръ Александровичъ, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна и Супругъ Ея Его Королевское Высочество Наслѣдникъ Принцъ Виртембергскій, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна и Супругъ Ея Его Высочество Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Принцъ Карлъ Прусскій, Его Высочество Наслѣдникъ Принцъ Саксенъ-Веймарскій, Наслѣдникъ Принцесса Саксенъ-Веймарская, Его Высочество Принцъ Ольденбургскій и Его Высочество Принцъ Гессенскій.

Прибытіе Царя и Его Августѣйшаго семейства всегда бываетъ высокимъ и радостнымъ торжествомъ для древней Столицы Русскаго Царства. Но нынѣ Москва встрѣчала Монарха къ тому великому дню, въ который, за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, Онь посреди Московскоѣ Святѣи воспріимъ вѣнецъ Свой на царство.

Москва, обыкновенно столь тихая, оживляемая лишь празднествами Церкви и торжествами Царскими, была и въ сей день исполнена движенія и жизни.

Съ 5 часовъ по полудни народъ съ однимъ помысломъ, съ однимъ чувствомъ спѣшилъ по одному направленію. Но общее движеніе направлялось не въ ту сторону, куда обыкновенно выходила Москва на встрѣчу своему Монарху. Инымъ путемъ Москва ждала этого посѣщенія. Государю Императору угодно было обновить, по Его повелѣнію устроенную, досель небывалую внутри Русской земли дорогу. Придавая новую славу, новое величіе страгъ, Богомъ Ему ввѣренной, нашъ Царь заботливо открываетъ намъ внутренніе источники и пути благодѣствія. Железная дорога, теперь оконченная, свяжетъ воедино двѣ Столицы Русскаго Царства, и откроетъ для нашего быта и промышленности новую эпоху.

Вчера, 20-го Августа, въ 12-ть часовъ дня, Государь Императоръ съ Ихъ Императорскими Высочествами: Государемъ

Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Николаемъ Александровичемъ, Александромъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, Ихъ Высочествами Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ, Принцемъ Меленбургъ-Стрелицкимъ, Принцемъ Карломъ Прусскимъ, Наслѣднымъ Принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ, Принцемъ Ольденбургскимъ и Принцемъ Гессенскимъ, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ наполнявшаго Кремль народа, изволили шествовать изъ Никольскаго Дворца въ Успенскій Соборъ, и у входа, по прибытіи туда Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы съ Ихъ Императорскими Высочествами Государынею Цесарвною, Великими Княгинями Ольгою Николаевною, Екатериною Михайловною и Принцессою Саксенъ-Веймарскою, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, съ Епископами и прочимъ духовенствомъ, въ преднесеніи Святыхъ иконъ, и приветствованы отъ Его Высокопреосвященства краткою рѣчью. Приложившись ко Святому кресту и принявъ окропленіе Святою водою, Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами вступили въ Соборъ, гдѣ послѣ обычнаго молебствія прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ и мощамъ, въ Соборъ почивающимъ, и за сямъ изволили выйти въ предшествіи Митрополита со Святымъ крестомъ, при колокольномъ звонѣ, при непрерывныхъ кликахъ народнаго восторга, и продолжали шествіе въ Большой Императорскій Дворецъ чрезъ Красное крыльцо, на которомъ встрѣчены были Придворнымъ Духовенствомъ.

По осмотрѣ Дворца, Его Императорское Величество изволили присутствовать при разводѣ отъ 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

(Изъ Моск. Вѣд.)

Въ одномъ изъ прежнихъ номеровъ Москвитянина мы говорили о проѣздѣ чрезъ Москву на югъ Гг. *Ливазовскаго, Меера, Фрикке и Лагоріо*, и желали имъ хорошаго лѣта, какъ писателямъ красота природы, и свѣжихъ силъ на новыя труды. Къ послѣднимъ числамъ Іюля мѣсяца воротился сюда Е. И. Мееръ, изъ имѣнія Г-жи Сухово-Кобылиной, не мало жалуюсь на дожливое время; но не смотря на эту невзгоду, онъ привѣзъ прекраснѣйшій *Сельскій видъ*, картину средней величины, которая приобретена Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго художественнаго Общества, любителемъ К. Т. Солдатенковымъ. Такъ какъ успѣхи художниковъ не мало зависятъ отъ вниманія ценителей искусства, то, надѣясь скорѣе сообщить читателямъ Москвитянина любопытную біографію Г. Меера, сочтемъ пріятнымъ долгомъ упомянуть въ тоже время и о прекрасныхъ приобретеніяхъ Г. Солдатенкова, доказывающихъ, что у насъ, между частными людьми, хотя и не въ большомъ числѣ, но есть любители изящнаго. Последнее произведеніе кисти Г. Меера будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки, предполагаемой въ ны-

вѣдшемъ году въ Училищѣ Живописи и Ваянія;—по этому публикъ предоставится право произнести свой судъ надъ трудомъ въ высшей стѣпени замѣчательнаго художника.

Еще мы не успѣли налюбоваться пейзажемъ Г. Меера, какъ изъ Крыма прѣхалъ въ Москву И. К. Айвазовскій, съ друмя картинами самаго любопытнаго содержанія для всѣхъ Русскихъ, и въ особенности для Москвичей. Эти два произведенія кисти столь извѣстнаго художника, какъ Г. Айвазовскій, вѣроятно, также украсятъ выставку Училища Живописи и Ваянія, и, безъ сомнѣнія, принесутъ большое наслажденіе всѣмъ любителямъ прекраснаго. *Н. Р.*

Все вниманіе Московскихъ жителей устремлено на станцію желѣзной дороги. Толпы народа смѣняются безпрестанно передъ нею. Въ день прибытія Августѣйшей фамиліи народъ покрывалъ пространство на нѣсколько верстъ, даже до Останкина.

Въ отечественное Храпильице мое поступили: псалтырь Виленскій, въ 12 доло, 1587 года, неупомнутый даже въ спискѣ Г. Сахарова; крестъ свинцовый съ изображеніями главныхъ праздниковъ, очень древній; одинъ примѣчательный Житейникъ, хоть и не старій; письмо Царевны Екатерины къ одной Кіевской Игуменьѣ, 1712 года; два письма Графа Петра Ивановича Шувалова, знаменитаго учредителя артиллеріи при Царицѣ Елисаветѣ; письмо Сперанскаго къ священнику Третьякову, его зятю. Отрывокъ одного харатейнаго Евангелія 15 вѣка. Слышатся пріятныя извѣстія изъ Казани, Чернигова, Новгорода, Пензы. *М. П.*

8 Августа скончался въ Москвѣ одинъ изъ почтенныхъ и полезныхъ гражданъ—Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Федоровичъ Смирной, старій воспитанникъ Московскаго Университета, служившій Секретаремъ при Графѣ Платовѣ, въ войну 1812 года, и описавшій жизнь его. Постѣдила служба его состояла въ начальствѣ надъ Московскимъ Коммерческимъ банкомъ. Погребеніе (въ Дѣвичьемъ монастырѣ) почитено многими чиновниками и знакомцами покойнаго. Любовь къ словесности не покидала его никогда.

—
Есть надежда, что второй томъ Мертвыхъ Душъ скоро выйдетъ въ свѣтъ. Первый же томъ отпечатается третьимъ изданіемъ, значительно умноженнымъ.

Нашъ неутомимый Жуковскій прислалъ цѣлый томъ новыхъ своихъ сочиненій въ прозѣ. Онъ занимается теперь переводомъ *Иліады*.

С Т. Аксаковъ окончили большое сочиненіе объ охотѣ, которое, вѣрно, сдѣлается дорогимъ подаркомъ, не только для охотниковъ, но и для ученыхъ, для литераторовъ.

Редакція Москвитинина получила слѣдующія новыя повѣсти: Адамъ Адамовичъ,—Г. Михайлова, Вильма—Г. Герца, Райля—Г. Архипова, Комикъ—Г. Писемскаго, которыя будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ, равно какъ и слѣдующія статьи:—Ани—Г. Иванова, Свитежанка—Г. Мея.

С М Ъ С Ъ.

КЛАДБИЩЕ НА БЕРЕГУ МОРЯ,

рассказъ Карла Диккенса.

Кладбище на берегу моря! Какая трогательная летопись безчисленныхъ опасностейъ въ жизни моряка и рыбака. Только блуждалъ посреди надгробныхъ памятниковъ этихъ людей, можно вполне понять ихъ преданность обязанностямъ, принятымъ ими или по выбору или по необходимости. Мы любимъ, въ погодное время, смотреть на неизмѣримую равнину океана, когда опъ, блестя и играя, развиваетъ предъ нами голубую пелену свою. Съ какою жаждою внимательный взоръ нашъ ловитъ на гребнѣ волнъ бляющій призракъ далекаго паруса; съ какимъ участіемъ слѣдимъ мы за быстрымъ парходомъ, обозначающимъ безслѣдный бѣгъ своей длинною струею синяго дыма, и переносящимъ пассажировъ въ инныя страны, къ новымъ зрѣлищамъ, новымъ впечатлѣніямъ. Мы любимъ, какъ заботливые приморцы спускаютъ съ берега рыбацкія ладьи свои, или возвращаются въ нихъ съ моря, при очаровательномъ полусвѣтѣ едва занявшейся зари. Тогда море и оживляющіе его люди, пріодѣваются въ глазахъ нашихъ какимъ-то праздничнымъ блескомъ; труды, бессонныя ночи, тяжкія страданія, смерть, ускользаютъ отъ нашей мысли при видѣ великоблпной декорации, насъ окружающей, и спокойной, беззаботной поступи актеровъ этой сцены. Но какаѧ разница, когда мы взглянемъ на полную обстановку жизни рыбака, если мы не устранимъ зимы и бури отъ картины этаго тревожнаго существованія. Не многіе изъ насъ могутъ слѣдить за морякомъ въ существенсмъ быту его, но кто пожелаетъ имѣть полное понятіе о его жизни, тотъ можетъ ознакомиться со всеми тревогами этой драмы, посѣтивъ прикорское кладбище.

Недавно бродилъ я по двумъ кладбищамъ на приморьѣ Йоркшейра; постараюсь передать здѣсь впечатлѣнія, тогда на скоро набросанныя на бумагу. Сперва посѣтилъ я кладбище при селѣнн Фейлей. Деревня эта хорошо извѣстна путешественникамъ, по окружающимъ ее печальнымъ степамъ и по грозному велшчію, такъ называемаго, *Фейлейскаго моста* — скалистой полосы земли, вдавшейся далеко въ море, проходимой только во время отлива. Когда море возвышается, и волны прилива съ шумомъ разбиваются о скалистые берега этой косы, ничто не можетъ сравниться съ дикою предестью этаго мѣста,

Въ зимнія бури, мостъ этотъ становится для моряковъ истиннымъ мостомъ вздохова. Много судовъ, даже большихъ кораблей, претерпѣли крушеніе отъ этихъ утесовъ.

На одномъ изъ надгробныхъ камней, на которомъ прежде, чѣмъ на другихъ, остановился взоръ мой, я прочелъ слѣдующую надпись: «*Въ память Ричарда Ричардсона, погибшаго въ морѣ 29 Ноября 1799 года*», а на другомъ соседнемъ камнѣ: «*Елисавета, жена его, умершая 19 Января 1833 года, 89-ти лѣтъ отъ роду.*»

Несчастный морякъ погибъ на скалахъ; жена его три мѣсяца отыскивала его тѣло. Въ этой скорбной заботѣ ее поддерживало упорное предчувствіе, что она непременно найдетъ его. Въ теченіе цѣлой зимы слѣдила она за отливомъ моря, и по мѣрѣ, какъ оно сливало съ береговъ, ея пламенный взоръ безпокойно осматривалъ каждый выдавшійся утесъ, погружался въ разсѣды каменистыхъ скаловъ, обгѣгалъ каждую площадку земли между скалами, и рылся въ ступахъ морскихъ травъ, нанесенныхъ грозю. Напрасно сосѣди убѣждали ее отказаться отъ тщетной надежды отыскать тѣло мужа; напрасно говорили ей, что эти трудные поиски во время зимней стужи могутъ быть для нея гибельны, — каждый день она снова появлялась на берегу, не смотра на холодъ и бури. Наконецъ ея неутомимыя старанія увѣщались успѣхомъ; она нашла трупъ своего мужа, и могла, по крайней мѣрѣ, предать его землѣ. Какою душевною силою была одарена эта женщина, прожившая тридцать четыре года послѣ такого трогательнаго подвига супружеской любви и достигшая девятиосто-лѣтней старости!

Неподалеку оттуда находится надгробный камень, поставленный въ память заслуженнаго моряка и его жены, погибшихъ въ переездѣ изъ Лондона въ Шильдсъ. Другой морякъ умеръ на пути въ Квебекъ. Вотъ памятникъ двумъ братьямъ: одинъ утопулъ въ Темзѣ, другой погибъ въ Константинополѣ. Большая часть надгробныхъ камней поставлены только въ память усопшихъ, погибшихъ или умершихъ въ странахъ далекихъ, и не покрываютъ ихъ брешныхъ останковъ. Всѣ надписи просты и трогательны. Въ нихъ отражается та истинная чувствительность, которой мы тщетно ищемъ въ подкупныхъ хвалахъ эпитафій на великолѣпныхъ памятникахъ городского кладбища.

Иногда крушеніе корабля, изсѣченное на камнѣ, изображаетъ участь того, кто подъ нимъ поконится. Далѣе, на могильномъ камнѣ счастливаго мореходца изображенъ корабль на всѣхъ парусахъ, съ надписью, въ которой воздаютъ благодареніе Всевышнему за неоднократно спасеніе его при жизни отъ опасностей его состоянія.

Фейлейское кладбище хранить не менше преданій о погибшихъ на землѣ, какъ и морскихъ легендъ. Одно изъ этихъ преданій, еще недавнее, въ особенности привлекаетъ вниманіе посетителя. При самомъ входѣ, съ лѣвой стороны, на одномъ изъ памятниковъ начертаны имена Елисаветы Кемишъ, умершей въ Августъ 1848 года 22-хъ лѣтъ отъ роду, и инженера Роберта Снарра, погибшаго въ Мартъ 1849 года 32-хъ лѣтъ. Елисавета Кемишъ умерла отъ грудной болѣзни. Она была обручена съ Робертомъ Снарромъ, который такъ горячо любилъ ее, что по ея смерти, почиталъ ея родителей своими, жилъ вмѣстѣ съ ними, и покидалъ ихъ только тогда, когда ходилъ на могилу своей возлюбленной. Получивъ должность въ Нортонберлендѣ, онъ пришелъ проститься съ прахомъ своей невесты. Мать Елисаветы сказала ему: «Робертъ! въ моей горести, я забыла расплатиться съ лекаремъ, пользовавшимъ мою бѣдную дочь;—я пойду заплатить сдѣлающіе ему двадцать фунтовъ стерлинговъ».—Эго уже сдѣлаю, матушка, отвѣчалъ Робертъ, и ни за что не согласился чтобы мать покойницы возвратила ему эти деньги. «Матушка, говорилъ онъ, оставьте эти деньги у себя; если со мною случится несчастье, вы ими заплатите за мое погребеніе, но покуда я живъ, я не возьму ихъ. Если бы Елисавета жила, все мое принадлежало бы ей, и я чувствовалъ какое-то грустное наслажденіе заплатить за нее». Спустя полчаса послѣ этого разговора, съ желѣзной дороги, по которой отправился Робертъ, принесли окровавленный трутъ его, и оставшныя имъ деньги употреблены были въ точности по его назначенію. Онъ похороненъ въ одной могилѣ съ Елисаветою. Поэзія еще не вовсе исчезла на свѣтѣ, когда и желѣзныя дороги платятъ ей дань.

Если продолжать странствіе между гробами, повѣстующими намъ тревожную жизнь моряка, Скарборское кладбище имѣетъ полное право на наше вниманіе. Древняя церковь во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, возвышается при подошвѣ горы и владычествуетъ надъ окружающими ее надгробными памятниками. Эго мѣсто, вѣроятно, было долгое время складомъ смерти. Надобно полагать, что на этомъ кладбищѣ покоится не одна жертва изъ племени вишповъ, жившихъ въ то время, когда Саксоны обладали странною, когда Датчане опустошали приморье съ Регнеромъ Лодброгомъ, укрѣпили мысъ Фламбро, и построили Вайти, бѣлый городъ, гдѣ Петръ Гавестонъ, съ войсками Эдуарда II, командовалъ замкомъ, подъ стѣнами котораго убитъ Джонъ-Мильдронъ, вождь Парламентскихъ войскъ.

Сколько надгробныхъ камней поставлены здѣсь въ память по-

гибшимъ въ далекихъ странахъ всѣхъ частей свѣта! Кладбище это представляетъ исторію ихъ бѣдствій.

Здѣсь прочтете вы участь судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе: *Слава* (изъ Ярмута) погибла съ цѣлымъ экипажемъ; *Бельси* и *Анна* поглощены волнами; *Дружба* разбилась о скалы; *Надежда*, въ минуту гибели, потеряла свой якорь, а *Счастливый возвратъ* не могъ войти въ гавань. Читая эти гранитныя страницы летописи моряковъ, невольно подумаешь, что только безумецъ можетъ вѣрить себя грозной прихоти океана; но взгляните на смуглыя лица, встрѣчающіяся вамъ на пути, и вы не увидите на нихъ ни унынія, ни даже грусти. *Морской волкъ* вездѣ и всегда тотъ же; онъ поетъ свою веселую пѣсню въ гавани, и отправляясь въ далекое плаваніе, на новыя опасности, на гибельныя предпріятія, повторяетъ старую поговорку: «когда-нибудь вѣдь надо же умереть».

Это случилось 5 Ноября 1821 года. Съ утра еще подпался сѣверо-восточной вѣтеръ и ежечасно усиливался. Рыбачьи лодки и суда угольщикова, посѣщающія эти берега, стекались со всѣхъ сторонъ искать убѣжища въ Фейлейской и Скарборской гаваняхъ, за которыми, исключая ненадежной Берлингтоновской бухты, берегъ, на дальнее разстояніе, не представляетъ удобнаго пристанища. День былъ пасмурный и грозный. Жители смотрѣли изъ оконъ своихъ жилищъ, какъ суда входили на рейдъ. Издали, на высотахъ виднѣлись люди, которые, съ трудомъ сопротивляясь вѣтру, старались узнавать суда, оставшіяся въ открытомъ морѣ, и замѣтить угрожающую имъ опасность. Одна мысль, грустная и неотступная, овладѣла всѣми жителями: въ такой бурный день, при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, который всегда сноситъ суда на прибрежныя скалы, не обойдется безъ ужасныхъ бѣдствій. Съ полудня, по морю покатались громадныя волны, страдая на верхи утесовъ пѣну гребней своихъ, а вѣтеръ, завывая въ ущелияхъ, разносилъ по воздуху унылыя свои стоны. Многіе изъ судовъ съ трудомъ входили въ гавань, избѣгнувъ, стараніями экипажа, опасности попасть на соседнія скалы.

Въ числѣ судовъ, искавшихъ убѣжища въ Фейлейскомъ заливѣ, было одно, принадлежащее молодому человѣку, по прозванію Жоржъ Жолнѣ. Съ скудными средствами, оставленными ему покойнымъ отцомъ его, и съ неутомимою дѣятельностію, Жоржъ Жолнѣ, вскорѣ по смерти отца, сдѣлался хозяиномъ рыбацкѣй лодки съ пятью работниками. Дѣла его шли не дурно. Лодка составляла все его состояніе, и не рѣдко въ долгіе часы ночи, когда съти его были закинута въ море, грустная дума тяготѣла у него на

сердцѣ что станется съ нимъ, если съ его *Красавицей Сусанной* случится несчастіе. Лодка эта носила имя его жены, и когда онъ воображалъ себѣ свою пригожую добрую Сусанну съ двумя дѣтьми, въ опротивомъ его жилищѣ на одной изъ небольшихъ улицъ Скарборо, онъ не могъ не содрогнуться отъ ужаса, при мысли, что съ его лодкою можетъ, какъ и съ другими, случиться бѣда. По счастью, это были пролетныя мысли; не оставляя глубокихъ слѣдовъ, онъ усугубляли только его дѣятельность и бдительность.

Нѣсколько уже дней Жоржъ находился на Детгерской отмѣли, для ловли трески, какъ вдругъ состояніе атмосферы начало предвѣщать близкую бурю. Онъ стянулъ свои сѣти, подобралъ паруса, и съ обычною ловкостью направилъ свое судно къ берегу. Вскоръ и всѣ бывшіе тамъ рыбаки послѣдовали его примѣру, и ихъ ладьи вмѣстѣ плыли къ заливу. Но прежде чѣмъ Жоржъ увидѣлъ землю, втѣрь быстро началъ крѣпчать, и когда берегъ былъ уже въ виду, онъ убѣдился, что ему не возможно добраться до Скарборской бухты, и хорошо, если удастся войти въ Фейлейскую. Послѣ долгихъ, немовѣрныхъ усилій, 5 Ноября по полудни, достигъ онъ безопаснаго пристанища, и бросилъ якорь среди другихъ судовъ. Утомленные, промокшіе, истощенные продолжительными усиліями, четыре товарища Жюифа взбирались съ нимъ на гору къ деревнѣ Фейлей; внезапно вниманіе ихъ было поражено необычною толпою матросовъ и рыбаковъ около маяка, изъ которыхъ многіе смотрѣли въ зрительныя трубы, обращенныя къ морю. Это заставило ихъ оглянуться, и они увидѣли прекрасное купеческое судно, безъ парусовъ и, вѣроятно, не повинующееся уже рулю, которое разъяренныя волны несли прямо къ группѣ скалъ, окруженныхъ моремъ, и называющихся «*Спектанъ*». Много судовъ разбилося на этихъ гибельныхъ утесахъ.

«Ничто не спасетъ ихъ теперь», сказали нѣсколько голосовъ, съ спокойствіемъ, которое чужеземецъ почелъ бы безчувственнымъ равнодушіемъ. Между тѣмъ, въ томъ пробѣжало внезапное движеніе. Жоржъ и его товарищи поняли, въ чемъ дѣло. Многіе изъ свидѣтелей этого случая намѣревались подать помощь экипажу судна, обреченнаго на неизбежную гибель. Мало было надежды для пассажировъ; гряда скалъ тянулась на нѣсколько миль, и на всемъ протяженіи со стороны моря образовала отвѣсную стѣну, футовъ въ двѣсти вышиною. Волны, набѣгая на этотъ непреодолимый оплотъ, съ громовымъ гуломъ рассыпались въ брызги у его подножія. Хотя изнеможенный отъ усталости, Жоржъ однако рѣшился немедленно присоединиться къ тѣмъ, которые собирались

подать помощь несчастнымъ, столпившимся на палубѣ гибнущаго корабля, или, по крайней мѣрѣ, показать имъ въ послѣднее утѣшеніе принимаемое участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи.

Забывавъ въ ближайшей питейной домъ, онъ выпилъ кружку пива, захватилъ кусокъ хлѣба и сыру, и вскочилъ въ тележку, отправлявшуюся къ берегу, съ многими рыбаками. Только одинъ изъ его товарищей согласился ему сопутствовать; это былъ его младшій братъ. Прочіе три объявили, что они едва живы отъ усталости и остались въ деревнѣ.

Быстро помчалась тележка. Толпа молодыхъ моряковъ, избравъ ближайшую дорогу, бѣгомъ пустилась къ прибрежнымъ скаламъ. Жоржъ и его спутники, подвѣхавъ на нѣкоторое разстояніе къ этому мѣсту, высели изъ тележки, и также пустились бѣгомъ, неся съ собою круги веревокъ и одежду для тѣхъ, которыхъ удастся спасти. Время отъ времени раздавался съ корабля сигнальный выстрѣлъ гибели. Сначала казалось, что экипажъ, стоявшій на палубѣ, падетъ спасти судно отъ опасности и привести его на якорь, но вскорѣ страшная дѣйствительность ихъ положенія ясно предстала предъ очами несчастныхъ жертвъ, и предстоявшіе, видя ихъ неизбѣжную гибель, бросились къ скаламъ. Сигналь: «бѣдствую» повторялся чаще и чаще.

Когда Жолифъ и его товарищи достигли вершины скалъ, день начиналъ вечерѣть. Вѣтръ былъ силенъ и порывистъ; море волновалось ужасно. Толпа смотрѣла на гибнущій корабль въ мертвомъ молчаніи; одна изъ мачтъ—сломанная лежала вдоль палубы, на которой нѣсколько человекъ, съ воздѣтыми къ нему руками, зывали о помощи. Когда корабль поднесло ближе къ скаламъ, онъ встрѣтилъ сильный отбой волнъ, которыя, ударяясь съ утесы и отхлынувъ назадъ, вскорѣ повалили судно на бокъ. Въ этомъ положеніи несло его къ берегу.

Волны безпрестанно заливали палубу и спосили стоявшихъ на ней несчастливцевъ; ихъ раздражающіе крики слышались даже и въ шумъ бури. Собравшіеся на берегу зрители трепетали отъ ужаса. Сознывая, что ихъ присутствіе бесполезно, они все не могли отворотить взоровъ отъ этого ужасющаго зрѣлища. Какъ будто удерживаемые непреодолимою силою, смотрѣли они въ оцепенѣніи на злополучныхъ, которыхъ каждое мгновеніе приближало къ гибели. Вдругъ показался на палубѣ старикъ съ сѣдыми волосами, покрытыми морскою пѣною. Держась одною рукою за снасти мачты, онъ поднималъ другую къ зрителямъ, и устремилъ на нихъ умоляющій взоръ, какъ бы ожидая отъ нихъ спасенія. Внезапное

волненіе пробѣжало по толпѣ. Корабль поднялся на хребтъ волнъ и вдругъ низринулся въ бездну, почти возлѣ самыхъ скалъ. Еще нѣсколько секундъ—и все будетъ кончено. Съ берега бросали веревки, по отдаленіе и сильный вѣтеръ не допускали ихъ до цѣли, и онѣ опадали внизъ по скалистой стѣнѣ, не достигая судна. Наконецъ, старикъ поймалъ конецъ одной изъ брошенныхъ веревокъ. Цѣлая толпа вскрикнула отъ радости, хотя въ настоящемъ положеніи нельзя было допустить и малѣйшей палежды. Корабль безпрестанно приближался къ утесамъ. Всѣ взоры были устремлены на старика,—всѣ старались замѣтить, успѣлъ ли онъ укрѣпить веревку около себя. Онъ видимо пытался это сдѣлать, держась за мачту, изъ опасенія, чтобы волны, достигающія палубы, не увлекли его, но казалось, что силы его совсѣмъ были истощены. Въ толпѣ слышались слова: *«онъ не въ состояніи,—ему не удастся»*. Въ эту минуту новая волна съ ревомъ хлынула на палубу и покрыла несчастнаго. Когда волна слила, онъ все еще держался за мачту, поднималъ руку, провелъ ею по лицу, какъ бы стараясь отереть глаза отъ воды, и возвелъ взоръ къ небу, съ судорожнымъ усиленіемъ держа конецъ поданной ему веревки, не имѣя силъ обвязать ее около себя. Наконецъ корабль, съ страшнымъ трескомъ взброшенный на прибрежные рифы, заколебался, покачнулся назадъ и до половины опустился въ бездну; потомъ какъ бы собственнымъ усиленіемъ вдругъ ринулся впередъ,—большая мачта съ трескомъ упала, а срубъ, казалось, разсѣлся. Тогда черная корма судна, какъ призракъ поднялась изъ опѣненныхъ волнъ, и исчезла въ кипящей безднѣ, оставя за собою горестный слѣдъ уродливыхъ обломковъ, которые гнѣвныя воды гнали къ негостепримному берегу.

На другое утро вѣтеръ опалъ, и съ разсвѣтомъ множество лодокъ пустилось въ море, пытаясь захватить что-либо изъ выброшенныхъ моремъ предметовъ. Жоржъ отправился одинъ изъ первыхъ. Черты сѣдлаго старца, коего гибели онъ былъ свидѣтелемъ, глубоко запечатѣлись въ его памяти. Цѣлую ночь ему снился этотъ несчастный, и тогда какъ другіе искали добычи, онъ искалъ заботливымъ взоромъ обломокъ мачты, возлѣ которой старикъ стоялъ на канунѣ. Хотя вѣтеръ и стихъ, но море еще сильно волновалось, и опасно было приближаться къ утесамъ. Другіе рыбаки собирали все, что осталось отъ кораблекрушенія,—Жоржъ искалъ обломка мачты, и наконецъ увидѣлъ его, но весьма далеко. Немедленно направилъ онъ свою лодку къ этому мѣсту, и вскорѣ убѣдился, что не ошибся. Виднѣвшаяся изъ волнъ рука держалась за веревку, обвитую около обломка мачты. Сильное волненіе не

допускало лодку приблизиться, но послѣ многихъ усилій Жоржу удалось накинуть петлю на руку утопленника и подвести къ лодкѣ обломокъ. Тогда, ударомъ топора обрубилъ онъ веревку, опутанную около мачты, и вытянулъ въ лодку старика, который тщетно умолялъ ихъ наканунѣ о помощи. Старикъ былъ лѣтъ семидесяти, высокаго роста и величественной наружности.

— Эти черты показываютъ человека не простаго рода, сказалъ Жоржъ.—Смерть его причинить гдѣ нибудь много горя.

Разсуждая такъ, Жоржъ увидѣлъ на рукѣ покойника нѣсколько драгоценныхъ перстней; онъ снялъ ихъ, показалъ товарищамъ, примолвая: «замѣтьте, сколько счетовъ», и положилъ ихъ въ карманъ. Потомъ снялъ съ него обвязанный около тѣла кожаный поясъ, въ которомъ находился обшитый въ клеенку запечатанный пакетъ, и старательно сложенная бумага, нѣсколько подмокшая. Жоржъ бережно развернулъ ее: это былъ адресъ значительнаго торговаго дома въ Гульв.

— Я это самъ вручу этимъ негоціантамъ, сказалъ Жоржъ.

— А наша доля? воскликнули его товарищи.

— Это не принадлежитъ ни мнѣ, ни вамъ, отвѣчалъ Жоржъ. Если Богъ намъ пошлетъ какую добычу за исполненіе долга, мы ею подѣлимся. Что же касается до этихъ предметовъ, я готовъ защищать ихъ до послѣдней капли крови. Теперь попытаемся, не отыщемъ ли чего еще на разживу.

Товарищи Жоржа, недовольные при первыхъ словахъ его, успокоились окончаніемъ этой рѣчи, и приготовились начать поиски. Черезъ нѣсколько часовъ они возвратились съ богатой добычей.

Жолифъ, желая избежать внимательства полиціи въ дѣла старика, вылезъ изъ лодки въ той части залива, откуда ближе было пробраться на дорогу въ Гульв. На пути встрѣтилъ онъ дилижансъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ въ городъ, а на слѣдующее утро явился въ контору торговаго дома, по найденному при старикѣ адресу, разсказалъ, что случилось, и отдалъ бумаги и перстни. Негоціанты были, по видимому, поражены этимъ событіемъ. «Несчастный Энкерсвордъ!» восклицали они. Потомъ вскрыли конвертъ, совѣщались между собою, и одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Жоржу, сказалъ: «Вы поступили какъ честный человекъ. Можемъ увѣрить васъ, что поступокъ вашъ не останется безъ награды. Не скроемъ отъ васъ, что бумаги эти весьма для насъ важны; онѣ охраняютъ весьма значительныя дѣла. Одинъ изъ насъ отправится вмѣстѣ съ вами, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему другу и сотоварищу. Вотъ покуда десять фунтовъ стерлинговъ для васъ, и столько же для вашихъ товарищей».

Тѣло утопшаго погребено въ главной Скарборской церкви.

Въ наступившую зиму, Жоржъ самъ лишился ладья своей. Въ густой туманъ *Красавица-Сусанна* разбила о Фейлейскія скалы, братъ его утонулъ, и онъ самъ едва могъ спастись. Жена его, пораженная этимъ бѣдствіемъ, родила прежде времени, и отъ послѣдствій здоровье ея вовсе разстроилось. Лишенный всего состоянія, Жоржъ пошелъ въ работники, и за скудную плату переносилъ все труды моряка и суровую зиму.

Насталъ Апрель. Больная Сусанна въ первый разъ вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Мужъ свелъ ее подъ руку на пригорокъ къ замку. Послѣ прогулки возвращались они къ своей бѣдной хижинѣ. Бѣдная Сусанна, блѣдная, истощенная страданіями, вела за собой двухъ дѣтей своихъ. У порога ихъ хижины увидѣли они молодого, статнаго человека, который разговаривалъ съ г-жею Брайтъ, ихъ сосѣдкою.

— А вотъ и самъ г. Жолифъ, воскликнула сосѣдка, завидя ихъ.

Незнакомый снялъ шляпу, почтительно поклонился Жоржу, и голосомъ, въ которомъ отзывалось сильное душевное волненіе, сказалъ ему: «Мое имя Энкерсвордъ».

— Энкерсвордъ! вскричалъ Жоржъ, и забытое воскресло въ его памяти.

— Я сынъ того, чье тѣло вы отыскиали въ морѣ, послѣ крушенія корабля *Денкмода*. Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Они вошли въ комнату.

— Вы Англичанинъ? спросилъ Жоржъ молодого человека.

— Я Датчанинъ, отвѣчалъ чужеземецъ, но я былъ воспитанъ въ Гултѣ, и почитаю Англію своимъ вторымъ отечествомъ, которымъ такіе люди, какъ вы, г. Жолифъ, заставили бы меня гордиться, если бы я и не имѣлъ другихъ къ тому поводовъ.

Жоржъ смѣшался. Глаза г-жи Жолифъ заблестали радостію и самодовольствіемъ, и она не старалась скрывать это. Послѣ непродолжительнаго объясненія, г. Энкерсвордъ узналъ все бѣдствія бѣднаго семейства, съ тѣхъ поръ, какъ Жоржъ отыскалъ въ морѣ трупъ его отца, и охранилъ его права на значительное имѣніе.

— Провидѣніе хотѣло, сказалъ г. Энкерсвордъ, чтобы признательность наша имѣла полную цѣну. Я былъ задержанъ зимою въ Архангельскѣ, когда получилъ извѣстіе о смерти моего отца, иначе я давно былъ бы здѣсь. Именемъ матери моей, жены, сестры, брата и сотоварищей моихъ по торговлѣ, прошу васъ, г. Жолифъ, принять отъ насъ лучшее рыбацье судно, какое только есть теперь въ Гултѣ на продажу. Если не найдется судна перваго сорта, можно

построить на заказъ. Примите также сто фунтовъ стерлинговъ, какъ маленькій капиталъ на случай непредвиденныхъ бѣдствій, столь частыхъ въ вашемъ быту. Если когда-либо случится, что это слабое доказательство нашей признательности наведетъ васъ на мысль, что мы еще не сдѣлали для васъ всего, что желали бы сдѣлать, обратитесь тогда къ намъ, и вѣрьте, что вы не тщетно къ намъ обратитесь

Нужно ли говорить, какое благополучіе принесло въ домъ несчастнаго семейства посѣщеніе Г. Анкерсворда, и какъ онъ самъ былъ доволенъ, исполнивъ долгъ свой. Г-жа Жолиофъ вскорѣ выздоровѣла, а Жоржъ часто любовался, какъ новизна *Красавица-Сусанна* неслась на всѣхъ парусахъ по синей равнинѣ залива. Я спрашивалъ въ Скарборской гавани, нѣтъ ли еще между рыбацкими судами *Красавицы-Сусанны*, но мнѣ не удалось отыскать ее, а сказывали мнѣ, что веселый капитанъ купеческаго судна *Гольджеръ-Донскъ*, содержащаго сообщеніе между Копенгагеномъ и Гуллемъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, называется Жоржъ Жолиофъ, и что сынъ его, молодой человѣкъ рѣдкихъ способностей, служить повѣреннымъ при торговомъ домѣ Давидсенъ, Анкерсвордъ и комп., которому принадлежитъ *Гольджеръ-Донскъ*. Радостно было подумать, что благородный поступокъ рыбака встрѣтилъ сердца, умѣвшаго понять и оцѣнить его.

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА ВЪ СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Раймондъ Люлій.

Родъ человѣческій, во всю эпоху своей жизни, томится жаждою неизвѣстнаго. Каждое столѣтіе порождаетъ Прометеевъ, которые, пытаясь отыскать безусловное начало старались изучить тайны науки, проникнуть тайны природы, даже извѣдать пути Провидѣнія. Это стремленіе нашего ума непреодолимо: напрасно перстъ Всемогущаго начерталъ рубежъ для человѣческой мысли, напрасно караетъ Онъ безумную отвагу этихъ титановъ науки,—они снова возникаютъ съ неукротимой дерзостію, и ничто не въ силахъ, удержать порывовъ ихъ гениа. Они стремятся похитить огонь небесный.

Парацельсъ и Раймондъ Люлій должны, кажется, занять первыя мѣста въ этой страшной школѣ, въ особенности послѣдній изъ нихъ, имѣвшій еще въ семнадцатомъ вѣкѣ пылкихъ приверженцевъ, какъ медикъ и какъ философъ.

Личность Раймонда Люлія и его жизнь, такъ романическая и вмѣстѣ философская, вполне достойны изученія. Медикъ, никогда

не учась, алхимикъ мысли и науки, онъ увѣрялъ, что нашелъ универсальное искусство, и доказалъ, по крайней мѣрѣ, своею отвагой и успѣхами, что онъ достаточно постигъ ергодизмъ и лже-мудріе современной эпохи, умвъ въ ней преобладать.

Раймондъ Люль принадлежалъ къ одной изъ блзгороднѣйшихъ семей Испаніи. Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, члены этой фамиліи были очень сильны въ Фландріи. Отецъ его, также по имени Раймондъ, былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ короля Арагонскаго Іакова 1-го, прозваннаго Побѣдителемъ. Онъ содѣйствовалъ своему властелину въ завоеваніи королевствъ Валенціи и Мурціи, и присоединеніи ихъ къ его державѣ. Сопутствуя ему во всѣхъ походахъ, онъ предпринялъ изгнаніе Мавровъ съ Балеарскихъ острововъ, чтобы присоединить къ Арагоніи эту страну, подобіе земнаго рая. Ему удалось отбить Маіорку и Минорку, за что король Іаковъ пожаловалъ ему въ ленное владѣніе часть завоеванной имъ области. Такимъ образомъ содѣлался онъ владѣльцемъ горы Ранды, Рунхуата, Мирамора и проч.

Въ Пальмѣ, столицѣ Маіорки, родился у него въ 1236 году сынъ, который наследовалъ его именемъ, его славою и его достоинствомъ, и который въ послѣдствіи владычествовалъ надъ нравственнымъ міромъ своего времени, подъ именами: Медика-Иллюмината и Раймонда-Чудеснаго (Raymond le fantastique).

Въ тѣ времена, когда чудесное имѣло столько власти надъ умомъ толпы, что наука почиталась чернокнижіемъ, что Естественной Исторіи, Космографіи и Физикѣ давали неблагозвучныя названія Судебной Астрологіи, Алхиміи и чародѣйства, певѣрныя преданія слились съ исторіею, чтобы украсить жизнеописаніе ученаго философа. Современники приписываютъ Раймонду Люлю изобрѣтеніе эликсира долговѣчія и открытіе великаго дѣла (le grand oeuvre). Многіе изъ повѣствователей увѣряютъ, что онъ жилъ триста лѣтъ и былъ современникомъ историческихъ событій трехъ вѣковъ. Басня эта вскорѣ снискала довѣріе, во-первыхъ потому, что отецъ и сынъ Раймонда носили одно съ нимъ имя, во-вторыхъ, что онъ, такъ сказать, размножилъ свою личность, странствуя по цѣлому свѣту, и всюду проповѣдуя свое великое искусство, свои философскія идеи, и оставляя въ каждой странѣ неизгладимые слѣды своего пребыванія.

Что касается до приписываемыхъ ему невозможныхъ открытій, ученость его, необыкновенная въ его время, не мало содѣйствовала распространенію этого убѣжденія. Можетъ быть онъ и самъ воображалъ, что прожилъ цѣлую вѣчность въ одинъ часъ невы-

носимыхъ страданій. И точно, не открылъ ли тотъ эликсира долгой жизни, чьи дни медленно тянутся въ истомѣ безнадежной тоски?

Юность Раймонда протекла въ мечтахъ и бездѣйствіи. Напрасно родители Раймонда покушались занять ученіемъ пылкость его удивительнаго ума. Онъ съ отвращеніемъ отвергъ науку бесполезную и исполненную лжи и безсмыслицъ, которую хотѣли передать ему современные наставники. Ребенокъ этотъ родился послѣ войны, во времена мирныя, въ самомъ благословенномъ климатѣ, и полюбилъ спокойную сладость бездѣйствія и красоты природы. Пятнадцать лѣтъ отъ роду, вмѣсто того, чтобы изучать древнихъ писателей Рима и Греціи, вмѣсто того, чтобы углубляться въ *начала* св. Изидора Севильскаго, читать Косму Индикоплевста, Веніамина Тудельскаго и Петацію, онъ предпочиталъ рѣзвиться въ тѣни роскошныхъ рощей, гдѣ померанцовыя деревья сыпали на луга благовоанный иней бѣлыхъ цвѣтовъ своихъ; онъ любилъ погружать безпокойный взоръ свой въ бездонную синеву Испанскаго неба или въ прозрачную пучину спокойнаго моря. Какое дѣло было ему до жизни и ея волненій, до науки и ея заблужденій? Предъ нимъ разстилалась свѣтлая будущность, озлащенная лучами надежды, и ему отраднѣе было пробѣгать по цвѣтущей области мечты, чѣмъ по безплоднымъ степямъ, по которымъ повело бы его ученіе. Какъ прекрасенъ былъ міръ въ мечтахъ юноши! Подъ тѣнистымъ наметомъ роскошной растительности, мысль его сладко дремала, и душа жадно ловила мимолетныя призраки творческихъ сновъ. Онъ вдыхалъ въ себя благовоанную струю теплаго воздуха, слагалъ стихи, грезилъ о грядущемъ, о славѣ, о любви, и беззаботно смотрѣлъ на игру прихотливой волны.

Но эта сладкая бездѣйственность не могла продлиться; она не совмѣстна была съ нравами того времени, а семейство Раймонда желало въ немъ видѣть достойнаго преемника славы предковъ. Вскорѣ онъ вынужденъ былъ покинуть деревню и переселиться ко Двору. Миловидный пажъ, не безъ сожалѣній въ первое время, вскорѣ привыкъ къ своей новой жизни. Женщины любили его, — онъ любилъ женщинъ. Вскорѣ даже онъ доказалъ имъ, что не хуже другихъ умѣетъ объясниться въ любви и сложить сонетъ на ихъ черныя очи.

Съ тѣхъ поръ, онъ день-ото-дня входилъ въ большую милость при Дворѣ, его осыпали почестями, и сколько по уваженію его личныхъ достоинствъ, столько и въ вознагражденіе заслугъ его отца, король сдѣлалъ его Сенешалемъ острововъ, Меромъ дворца, и женилъ его на богатой наслѣдницѣ, отъ которой онъ имѣлъ трехъ

потомковъ. Раймондъ и послѣ женитьбы не покинулъ волокитства и не пересталъ писать любовные стихи. Въ парчевомъ полукафтанѣ, подъ богатымъ бархатнымъ кафтаномъ, съ закрученнымъ къ верху усомъ, молодой гвидальго умѣлъ правиться блестящимъ сенорамъ Двора, и если любовь эта не занимала его сердца, она наполняла, по крайней мѣрѣ, пустоту его жизни.

Настало однакоже время, когда любовь истинная, восторженная, неукротимая, вторглась въ его душу. Онъ встрѣтилъ молодую генуезку Амброзію ди Кастелло, красота которой равнялась ея добродетели. Юношескіе сны его воскресли; казалось, все существо его возобновилось, и юность уступила въ немъ мѣсто возмужалости. Невѣрныя обольщенія чувствъ ему наскучили, свѣтъ представился ему лживымъ и пустыннымъ, и жизнь безъ любви страстной, вѣчной, казалась ему пустынымъ, ничтожнымъ призракомъ. Онъ всюду слѣдовалъ за Амброзіей, не страшась упиваться ядомъ безнадежной любви. Когда обязанности и строгія условія свѣта ихъ разлучали, онъ удалялся отъ общества, чтобы внимать въ уединеніи упительнымъ рѣчамъ своего любящаго сердца, и писать для своей возлюбленной страстные стихи. Однажды, стоя близь нея въ церкви, когда сердце его сильно билось, и уста трепетали пламенной мольбою, онъ сочинилъ сонетъ, который дышалъ всею дерзостію страстной итги.

Амброзія, не равнодушная къ столь сильной любви, но добродѣтельная супруга и пвжная мать, отвѣчала на посланіе Раймонда, старалась его образумить и отвлечь отъ любви, виновной во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ это письмо, сохранившееся въ архивахъ Пальмы:

«М. Г. Сонетъ, который вы мнѣ прислали, показываетъ мнѣ все «превосходство вашего ума, недостатки, или заблужденія вашего «разсудка. Какъ не повѣрить, что вы искусны въ описаніяхъ красоты, когда вы умѣли украсить безобразіе? Но зачѣмъ вы тратите «божественный вашъ геній на похвалу горсти праха, подцвѣченнаго краскою жизни? Вы должны были употребить ваше умственное могущество, чтобы погасить любовь свою, а не на то, чтобы «выявлять ее.

«Это не потому, чтобы вы были недостойны привязанности «первыхъ дамъ въ мірѣ, но вы ошибаетесь, посвятивъ свое служеніе «послѣдней изъ нихъ. И должна ли душа, способная постигать «величіе Создателя, прилѣпляться страстію къ ничтожному созданію? «должна ли душа эта, прозрѣвшая въ свѣтѣ истины, затемнять слѣпотою ясный взоръ свой?

«Забудьте, М. Г., пожирающую васъ страсть, и не забывайте заботиться о вашей славѣ, для пріобрѣтенія того, чего вы никогда не получите. Если вы не перестанете себя обманывать, я сама васъ разочарую, доказавъ вамъ, что предметъ вашей привязанности долженъ быть предметомъ вашего отвращенія. Я отвергаю любовь вашу, можетъ быть, именно потому, что слишкомъ люблю васъ.»

Письмо это, не только не погасило любви Раймонда, но еще болѣе воспламенило ее. Въ этихъ разсудительныхъ рѣчахъ, въ этой благоразумной воздержности, онъ видѣлъ взаимную любовь. Онъ хотѣлъ повергнуться къ ногамъ Амброзіи, вымолить у ней объѣтъ или признаніе, но дверь ея была заперта для слишкомъ отважнаго любовника, и ни просьбы, ни слезы не помогли.

Раймондъ, терзаемый отчаяніемъ, понялъ, что вся жизнь его сосредоточилась въ его любви. Онъ возненавидѣлъ и свѣтъ и Дворъ, и почувствовалъ, что страсть его возрасла до такой степени, что ему оставалось на выборъ: или любовь Амброзіи, или смерть.

Однажды, прогуливаясь верхомъ по городу, чтобы разсвѣять тоску свою, онъ встрѣтилъ женщину въ черной мантильѣ, и узналъ въ ней предметъ своей страсти. Не повинуясь ни гласу благоразумія, ни сознанію своихъ обязанностей, онъ слѣдовалъ за ней, верхомъ, даже въ церковь. Тамъ бросился онъ къ ея ногамъ, воскликнувъ:

—Амброзія, я люблю тебя!... я люблю тебя безумно... Ужели ты хочешь убить меня?...

Сенора ди Каstellо, смущенная такою любовью и такою отвагой, и желая поскорѣе его отправить и не сдѣлать происшествія гласнымъ, обѣщала его выслушать. Раймондъ удалился, но не прежде, какъ получивъ обѣщаніе тайнаго свиданія.

Ожидая этой желанной минуты, онъ чувствовалъ, что вся кровь его прилила къ сердцу, и силы удвоились. Пламенные взоры его видѣли свѣтъ и природу совершенно въ другомъ видѣ. Солнце казалось ему лучезарнѣе, небо синѣе и глубже, море безпредѣльнѣе... Въ день назначеннаго свиданія, онъ былъ какъ сумасшедшій.

Свидѣвшись, онъ упалъ къ ея ногамъ, не имѣя силъ произнести ни одного слова; біеніе его сердца, безумный взглядъ его, рассказали за него повѣсть его страсти. Бѣдная Амброзія не менѣе его страдала... Могла ли она устоять противъ столь сильной страсти? ...

— Раймондъ, — воскликнула она, — о Раймондъ! вы отважились на все, чтобы услышать признаніе, которое может погубить насъ обоихъ. Когда уже ничто не могло остановить васъ, когда ваша страсть довела и меня до безумія васъ выслушать, такъ знайте же — и я люблю васъ! — Но узнайте также, что это признаніе есть приговоръ къ вѣчной разлукѣ съ вами. Что бы вы ни дѣлали, на что бы ни отваживались, вы болѣе меня не увидите. У меня остались еще въ этомъ свѣтѣ обязанности, которыя я должна исполнить. Онъ есть и у васъ, Раймондъ. Подумайте о нихъ и соберите свои силы. У насъ обоихъ есть семейства, которымъ мы должны отдать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, и которыя требуютъ отъ насъ жизни безъ пятна... Любовь наша преступленіе, — перестанемъ любить другъ друга. Не забывайте Неба и его законовъ, и помните, что нашъ проступокъ будетъ наказанъ вѣчнымъ отверженіемъ. Прощайте, Раймондъ... мужайтесь!...

Сказавъ это, Амброзія хотѣла удалиться, но Раймондъ схватилъ ее съ такимъ выраженіемъ отчаянія, что въ ея сердцѣ зажглась искра любви и сожалѣнія.

Она схватила его горячія руки: «О Раймондъ, — сказала она, — если бы возможно было продлить жизнь вѣчно!... если бы наука разгадала тайну безсмертія!... Если бы грядущіе вѣка принадлежали намъ... Раймондъ, другъ души моей, я ушла бы съ тобою за моря и за горы, я сокрылась бы съ тобою въ самый отдаленный уголокъ земли, и тамъ, пренебрегая свѣтомъ и его законами, забывъ самое небо, я предалась бы тебѣ и наполнила бы блаженствомъ цѣлую нашу вѣчность.

Амброзія также безумствовала. Добродѣтель ея возвратила ей разсудокъ. Съ быстротою молніи вырвалась она изъ объятій безумца, и исчезла навсегда.

На этотъ разъ Раймондъ не старался удержать ее. Съ неподвижнымъ взоромъ, съ пламенеющей головою, онъ не трогался съ мѣста, какъ пораженный громомъ. Любимая имъ женщина открыла предъ очами его генія неизмѣримое поле дѣятельности; она произнесла предъ нимъ магическое слово: Наука — Наука? Раймондъ никогда не подумалъ объ этомъ. Можетъ быть наука доставить ему любовь Амброзіи! Къ чему колебаться, зачѣмъ сомнѣніе, для чего откладывать? Онъ исторгнетъ у невѣдомаго его завѣтныхъ тайны; онъ откроетъ эликсиръ вѣчной жизни, онъ будетъ наслаждаться съ любимицей души своей вѣчнымъ, невозмутимымъ блаженствомъ.

Съ этой минуты судьба Раймонда Люля была рѣшена. Онъ покинулъ всѣ свои должности при Дворѣ и вышелъ въ отставку,

продалъ часть своего имѣнія, обезпечилъ остальнымъ свое семейство и удалился въ уединеніе.

Тамъ онъ принялся учиться со всею пылкостью и могуществомъ дѣвственной мысли, впервые углубившейся въ науку, во всей полнотѣ своей возмужалой силы. Онъ прочелъ съ жадностію всѣхъ Герметическихъ философовъ, существовавшихъ до его времени. Онъ совокупилъ ихъ всѣхъ въ извѣченіи всего изъ нихъ лучшаго. Вскорѣ чтеніе сдѣлалось для него недостаточнымъ. Онъ объѣзжаетъ Европу и Востокъ, онъ пользуется уроками и совѣтами всѣхъ адептовъ своего времени. Онъ выслушиваетъ учениковъ Авероя и Альберта Великаго; онъ ѣдетъ во Флоренцію повидаться съ Брунетто Латини, наставникомъ Данта. Наконецъ наука раскрыла для него таинственную глубину свою, и въ каждой книгѣ, имъ прочитанной, въ каждой лабораторіи, имъ посѣщенной, онъ подстергъ, онъ исхитилъ тайну.

Между тѣмъ время летѣло. Года смѣнялись годами; Раймондъ Люль не замечалъ ихъ. Горячка любознательности овладѣла имъ, и казалось излечила горячку любви. У Раймонда была своя лабораторія. Онъ топилъ металлы и пытался добыть чудесный порошокъ (poudre de projection) химическимъ соединеніемъ соли, меди и ртути. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ красноватый порошокъ показался на поверхности кипящей амальгамы. Онъ бережно собираетъ его, приводитъ въ жидкость и наполняетъ двѣ склянки этою красноватою жидкостію.

О восторгъ, о восхищеніе, о благополучіе! Эликсиръ долгой жизни открытъ. Онъ жадно пилъ чародѣйскую влагу.

Исполненный восторга и той самой непобѣдимой любви, которая побудила его предпринять это великое дѣло, онъ летитъ къ Амброзіи. «Другъ души моей,—писалъ онъ прежде,—я открылъ тайну безсмертія, я везу къ тебѣ всемогущій напитокъ. Твоя красота, какъ путевая звѣзда, свѣтитъ мнѣ на горизонтѣ; я лечу къ ногамъ твоимъ!...»

Когда онъ прибылъ къ Сеноръ ди Кастелло, старая, дряхлая женщина встрѣтила его.

Старый другъ мой,—сказала она;—я счастлива, видя, что ты не забылъ меня. Мнѣ пріятно твое посѣщеніе; теперь я безъ опасенія могу принять тебя.

Раймондъ въ ужасъ отскочилъ отъ нея.

— Амброзія! воскликнулъ онъ;—моя возлюбленная Амброзія!

— Ты не узнаешь меня, сказала она;—лѣта многоизмѣняютъ, не правда ли? Ты не считалъ ихъ со времени нашей разлуки. И ты,

дорогой другъ, и ты много измѣнился; волосы твои посѣдѣли, морщины покрѣли чело... Вѣрь мнѣ, — забудемъ о безсмертіи; намъ досталась бы въ удѣлъ вѣчная дряхлость.

Съ этими словами она подала Раймонду зеркало. Страшный свѣтъ озарилъ умъ Раймонда.

— Несчастна! — воскликнулъ онъ, но я ужепилъ эликсиръ жизни. Неужели ты хочешь опять меня покинуть и оставить одного навсегда, — навсегда! О пей, пей умоляю тебя, говорилъ онъ, подавая ей стьянку. — Я нашелъ безсмертіе; — найду красоту и юность.

— Сжался и надо мной, и надъ собою; посмотри что ты хочешь обезсмертити!

Алхимикъ, въ судорожномъ движеніи, поднялъ руку къ глазамъ; стьянка выпала, разбилась, — эликсиръ испарился. Несчастливецъ впалъ въ припадокъ отчаянія. Его отнесли домой, и тамъ, въ ужасныхъ страданіяхъ болѣзни, онъ бился на своей постели, призывая смерть.

— Великій Боже! — восклицалъ онъ, — ужели я въ самомъ дѣлѣ безсмертенъ, какъ осужденный на вѣчныя муки?

Если къ длинному итогу скорбей и ошибокъ человѣка, прибавить еще одну скорбь и одну ошибку; если счесть одну по одной всѣ муки сердца и совокупить ихъ вмѣстѣ, все это будетъ слабымъ выраженіемъ страданій несчастнаго Раймонда. Но къ чему описывать ихъ! Каждый изъ насъ, живущихъ на этомъ свѣтѣ, каждый испыталъ, хотя однажды въ жизни, хотя одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе, эту неописанную муку. Много существъ предопредѣленныхъ избранныхъ, которые, стоя какъ онъ, между ненавистнымъ прошедшимъ и погубленною будущостію, не чувствуютъ въ себѣ пламевьющей, жгучей струи эликсира долгой жизни!

Послѣ продолжительной болѣзни, Раймондъ возвратился наконецъ къ ненавистному ему существованію; онъ удалился на гору Рондо, въ подземелье, гдѣ у подножія Креста Искупителя велъ жизнь отшельника, въ молитвахъ, постѣ и покаяніи.

Небо умилоствилось надъ нимъ, и одинъ сонъ возвѣстилъ ему смерть мученическую. Въ то же время онъ увидалъ дерево, на листьяхъ котораго были начертаны писмена всѣхъ языковъ, какъ бы указывая ему, что онъ долженъ идти проповѣдывать слово Божіе всѣмъ народамъ міра. Раймондъ пришелъ въ восхищеніе. Универсальное искусство (*l'art universel*) сдѣлалось ему ясно, и уста его повторяли нѣсколько разъ слово, выражающее Творца и творенія: *O bonitas!*

Высокомъріе чловѣка было побѣждено: страсти, волновавшіе сердце поклонника свѣта, поэта и Алхимика—умерли. На этомъ пеплѣ пылало одно только пламя, свѣтлое и неугасяемое: пламя любви божественной, ученія истиннаго, и ревности къ обращенію въ Вѣру Христіанскую.

Изнемогая въ болѣзняхъ, которыя не могли лишить его жизни, терзаемый угрызеніями совѣсти, Раймондъ несъ тяжелейшій крестъ свой съ терпѣніемъ и покорностію. Онъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Амброзіи, и безъ смятенія, не вспоминая прошедшаго, сопровождалъ къ Господу эту душу, которая будетъ ожидать его тамъ и за него молиться. Будучи давно уже вдовымъ, онъ возложилъ власяницу и монашескую рясу, основалъ Францисканскую Коллегію, для обученія восточнымъ языкамъ; потомъ оставилъ Майорку, и пустился по свѣту вѣщать слово истины и обрѣсти скорбь, страданія и смерть.

Смерть! смерть, которую призывалъ онъ ежечасно, какъ единственную надежду, единственную будущность. Смерть, которая не внимала его моленію, и указывая на свѣтъ, отвѣчала ему: впередъ, впередъ!

Это былъ старецъ, убогій, безъ покрова, съ свѣдыми власами, съ потемнѣвшимъ отъ скорби взоромъ, съ горькою улыбкой. Время избороздило морщинами чело его, и ничего уже въ природѣ не могло возмутить его безстрастной души. Плачевная развалина чловѣка, онъ безъ отдыха пробѣгалъ разныя страны свѣта, города и селенія, въ ведро и ненастье, не обращая вниманія: зеленью ли покрыты лѣса или морозный иней лежитъ на нихъ. Увы! онъ не разъ уже видѣлъ привѣтъ румяной зари, онъ давно уже зналъ, что весною зеленѣютъ лѣса, что осенью желтѣетъ и спадаетъ листь. Давно, давно уже повторялъ онъ грустную истину: Ничто не ново подъ луною!

Тогда-то настала эпоха, въ которую Раймондъ Люлле владычествовалъ надъ умственныимъ міромъ среднихъ вѣковъ. Онъ преподавалъ свою философію во всѣхъ университетахъ Европы. Онъ былъ принятъ при всѣхъ Дворахъ, присутствовалъ на всѣхъ Соборахъ. Папы, Императоры, Короли, поколѣнія,—смѣнялись и сѣдовали одни за другими, а Раймондъ, все одинъ, все тотъ же, проповѣдывалъ слово Божіе Сарацынамъ, великое искусство ученымъ, и единство вѣры и ученія, единство общественное—мужамъ государственнымъ и владыкамъ міра.

Иногда его встрѣчали съ восторгомъ, и ученики его, въ фанатическомъ изступленіи, торжественно носили его на рукахъ своихъ;

иногда его обвиняли, сажали въ темницу и осыпали ругательствами и оскорбленіями — враги, соперники и певжды. Но Раймондъ съ твердостью, неустанно продолжалъ начатое. Онъ основывалъ вездѣ монастыри для обученія языкамъ, преслѣдовалъ ереси и приверженцевъ Авероя, и во всѣхъ важныхъ современныхъ событіяхъ является или дѣтелемъ или зрителемъ.

Онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ подвиговъ Крестоносцевъ, видѣлъ кровопролитную борьбу Гвельфовъ и Гибелиновъ. Онъ былъ современникомъ Данта, Рожера Бакона, Флавіо Джіойи, Чимабуи, Джіотта, Жана де Мѣна, Гильома де Лорри, Жуанвила и Доктора Скотта, съ которыми онъ имѣлъ знаменитые диспуты. Онъ жилъ въ царствованіе Михаила Палеолога и видѣлъ разрушеніе царства Латинцевъ, царствованіе Генриха III въ Англіи и учрежденіе представительстваго правленія, царствованіе Лудовика Святого во Франціи и Рудольфа Габсбургскаго въ Австріи. Онъ былъ свидѣтелемъ *Сицилійскихъ вечеровъ* и соперничества Карла Анжуйскаго и Петра Арагонскаго; при немъ Венуа Кастанъ, въ послѣдствіи Бонифацій VII, отнялъ владѣнія у папы Целестина V; при немъ совершилось великое раздѣленіе церкви, при немъ были богоотступные союзы Филиппа Прекраснаго и несправедливое осужденіе Рыцарей Храма.

Более трехъ сотъ томовъ остались памятникомъ чудесной жизни Раймонда Люлля. Онъ составлялъ энциклопедіи о великомъ искусствѣ, написалъ реторику, логику, сочиненія о разумѣ, о памяти и воли о законахъ, о нравственности, о богословіи и политикѣ; о философіи, о физикѣ, о метафизикѣ, математикѣ, медицинѣ и химіи. Онъ трудился, ожидая смерти, которая все отвергала его мольбы и усилія,

Слуга его, Мавръ, напрасно покушался убить его; напрасно претерпѣвалъ онъ нѣсколько разъ кораблекрушенія; напрасно невѣрные терзали его, — жизнь его не уступала покушеніямъ ее исторгнуть. Почти при послѣднемъ издыханіи, изнуренный, избитый и съ поврежденными членами, онъ ощущалъ въ себѣ сверхъестественную силу безсмертія.

Настало однако же время, и Господь явилъ милосердіе къ покаивію грѣшника и мукамъ страдальца. Въ 1315 году, на равнинахъ Пуниса, Африканскіе Мавры раздавили его подъ глыбами камней. Два Генуэзскіе купца, Этьень Коломна и Люи де Пасторга, увидѣли въ наступившую ночь, на берегу моря, фосфорическое сіяніе. Они приблизились, разобрали камни и нашли Раймонда Люлля, измозженнаго, уродливую массу костей и тѣла, но все еще живого!.... Они перенесли его на свой корабль и

отправились въ Испанію. Но часъ милосердія насталъ: Раймондъ Люль, прозванный *чудеснымъ*, или докторомъ-*иллюминатомъ*, умеръ въ 3-го Іюльскія календы, въ виду своей отчизны, острова Маіорки.

Увы! горести, труды, уединеніе безжалостно делятъ быстрое время Раймондъ Люль умеръ не старевосьмидесяти лѣтъ отъ роду!

Раймондъ Люль принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, слава которыхъ всегда остается сомнительною, потому что гений ихъ былъ слишкомъ эксцентричнымъ, его открытія или pomysлы не могли всенародно быть известны. Утопія Раймонда, по мнѣнію однихъ—смѣшная, по словамъ другихъ—высокая, была его *великое искусство*, цѣлью котораго было: уничтоженіе всѣхъ сочиненій метафизическихъ и наукъ спекулятивныхъ, и разрушеніе до основанія схоластики, замѣнивъ всѣ теоріи реалистовъ универсальнымъ средоточіемъ Идеализма.

Докторъ-иллюминатъ пытался, если можно такъ выразиться, создать высочайшее существо въ наукѣ, и хотѣлъ надѣлать человечество обрѣтеніемъ безусловнаго начала въ нашей мысли. Знаменитый адептъ въ ученіи Гермеса, какъ и всѣ ученые въ его время, слѣдуя закону подобій, онъ открылъ родъ алхиміи разума. Древо науки предстало ему въ минуту религіознаго изступленія, и онъ возмечталъ, что не только можетъ раздѣлить плоды его всему человеческому роду, но сохранить и произрастить семена тѣхъ плодовъ.

Одинъ лучъ умственного свѣта открылъ ему средоточіе всякаго свѣта, и онъ полагалъ, что изъ устремленія идей въ это средоточіе, онъ произведетъ для всѣхъ универсальность человеческихъ знаній. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ обрѣсти синтезисъ, до того неоспоримый, чтобы никакой анализъ сталъ не нуженъ непосредственно не восходящій къ этому же синтезису. Онъ изобразилъ идею безусловнаго начала однимъ словомъ: *bonitas* (благость). Изъ этой идеи благости онъ сдѣлалъ оселокъ и признакъ всякой истины, утверждая, что истъ истины безъ благости, и на оборотъ. Такъ понялъ онъ и объяснилъ существо и всемогущество Бога.

Раймондъ полагалъ представить своимъ ученикамъ науку врожденную и универсальную, ключъ къ всевозможнымъ изысканіямъ и тайну ораторской импровизаціи. По его мнѣнію, каждый помыселъ происходитъ отъ воззрѣнія (*intuition*) на предвѣчное слово, и, потому, какъ въ ограниченномъ, такъ и безконечномъ, онъ видитъ только дѣйствіе слова и результатъ этого дѣйствія. Изъ этого понятія онъ хотѣлъ выводить всѣ дефиниціи, которыя служатъ основаніемъ въ ученыхъ трудахъ.

По его понятіямъ, дефиниція тогда только правильна, когда выражаетъ причину, дѣйствіе и результатъ: именительный падежъ, глаголь и подлежащее. Онъ не вѣрилъ, чтобы въ метафизикѣ и въ физикѣ могли быть равно-значенія (синонимы) и самъ употреблялъ въ дефиниціяхъ наименованіе опредѣляемаго предмета, что въ глазахъ толпы казалось ошибкой или избыткомъ простодушія. Напримѣръ, по его способу дефиницій, *изобрѣтеніе* слѣдовало бы опредѣлить такъ: дѣйствіе изобрѣтателя, который изобрѣтаетъ изобрѣтеніе; по его понятіямъ полная дефиниція заключается въ совокупленіи этихъ трехъ выраженій: *изобрѣтатель*, какъ причина или именительный падежъ; *изобрѣтаетъ*, какъ глаголь или дѣйствіе, и *изобрѣтеніе*, какъ результатъ. Понять это было то же, что постичь духъ опредѣляемаго слова, имѣя его силепсисъ, анализъ и синтезисъ.

Раймондъ Люль надѣялся во всемъ предупредить умозрѣніе науки схоластической и замѣнить отвѣченность существенностію. Это было, въ особенности въ то время,—произвести революцію въ метафизикѣ. Эта революція преобразовала бы университеты, уничтожила бы тоги докторовъ и дипломы бакалавровъ,—вотъ почему и встрѣтилъ такое противудѣйствіе докторъ-алюминатъ, опредѣлившій предметы ихъ собственнымъ наименованіемъ, и предлагавшій: для полученія понятій о всѣхъ вещахъ, сравнивать съ критеріумомъ качествъ, коего основаніемъ была благость, то есть Богъ.

Онъ въ древности еще подалъ мысль къ методу Жакото, пытаясь создать интеллектуальную машину, которая должна была привести подъ одинъ уровень все умы и сдѣлать ихъ равночленно способными къ гениальнымъ помысламъ и къ дарамъ таланта.

Разрушая такимъ образомъ подмостки противурѣчивой науки среднихъ вѣковъ, Раймондъ Люль, какъ новый Прометей, поклонникъ слова, хотѣлъ покончить начатое дѣло, установивъ великое единство и изгладивъ слѣды столпотворенія Вавилонскаго. Для этого онъ изучилъ все языки, сравнилъ все ихъ первобытныя начала, сблизилъ ихъ корни, и, такъ сказать, открылъ Европѣ языки восточныя, то есть первобытныя.

Философъ, который въ тринадцатомъ столѣтіи дѣлалъ подобныя усилія для образованія, противопоставя ученіе такъ неожиданное изворотамъ доктора Скотта—*хитраго* или тонкаго, долженъ былъ подать обильную пищу преданію. Раймондъ чудесный слылъ странствующимъ рыцаремъ ума; а мечтатели противопоставили его великому иносказанію Вѣчнаго Жида. Многіе думали, что Раймондъ совершаетъ торжественное покаяніе за какое-нибудь нечеловѣ-

ческое преступленіе, и имя его осталось окруженнымъ суевѣріемъ и ужасомъ.

Не былъ ли Раймондъ дѣйствительно преступецъ, покушаясь открыть человѣку знанія, которыхъ онъ не долженъ былъ вѣдать? Не разгласилъ ли онъ тайны Элевзиса? не разодралъ ли безразсудно завѣсу храма? Кто можетъ это сказать теперь, когда его великое искусство, мечта цѣлой его жизни, идеаль этого страдальца, содѣлался для насъ только философической рѣдкостью, которая вызываетъ улыбку ученыхъ.

Къ чему можетъ послужить ключъ, когда нѣтъ замка?

Къ чему же было бы теперь покушеніе возстановить ученіе философа, какимъ былъ Раймондъ Люль? Безпристрастная исторія исторгла его изъ числа чернокнижниковъ, чтобъ помѣстить въ число безумцевъ. По какому праву можемъ мы возставать противъ этого? Что знаемъ мы изъ вопросовъ, которые будятъ воспоминаніе о немъ.

Безумецъ!.. онъ точно былъ безумцемъ своего вѣка, потому что не былъ понять. Мудрость не можетъ находиться въ предѣлахъ здраваго смысла.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ИГРОКА.

IV.

У каждаго большаго игрока есть непременно свой ассистентъ въ родѣ подмастерья. Онъ обязанъ присутствовать при играхъ, сводить игры, угождать любовницъ своего патрона и нерѣдко хозяйничать въ его домѣ. Ассистентъ почти всегда бываетъ самый дерзкій шуллеръ и почти всегда безъ гроша. По необразованности, безсредственности и недостатку энергіи ему бываетъ недоступно высшее игрецкое общество, онъ не приглашается на игры къ игрокамъ, но ѣздитъ всегда вмѣстѣ съ своимъ патрономъ. Хозяинъ дома его не замѣчаетъ, ибо, принимая настоящаго игрока, принимаетъ его ассистента за одно съ нимъ существо. — Ассистентъ есть круперь игрока, когда тотъ мечетъ банкъ; обязанность его состоятъ въ томъ, чтобъ какъ возможно искусне общитывать и приписывать лишнее, часто даже нарочно устроеннымъ мѣломъ. Вообще ассистентъ, бывая самъ у игрока въ десятой, двадцатой, а иногда даже въ сороковой доль, предохраняетъ его отъ разныхъ недосмотровъ, промаховъ въ играхъ, предостерегаетъ отъ вѣрныхъ игръ, или, смотря по обстоятельствамъ, самъ продаетъ своего патрона.

Монимъ всегдашнимъ ассистентомъ былъ Кесарь Михенчъ Хлопиковъ. Онъ былъ мнѣ необходимъ какъ по удивительной

дерзости въ передержкахъ, такъ по фундаментальному знанію игры и испытанной вѣрности. Самого Кесаря Михенча судьба зашила въ черную шкуру; онъ имѣлъ такую забитую физиономію, что никакъ не имѣлъ смѣлости вызвать порядочнаго человека на бой, а всегда только сводилъ игры. Все выигранное имъ въ *ужную* игру, или полученное за сводъ игры, онъ обыкновенно проигрывалъ, играя на счастье, и почти всегда былъ безъ гроша. Я платилъ ему ничтожныя доли за сводныя игры, платилъ за его квартиру, бралъ ему кресло въ театръ, дарилъ свое платье, угощалъ въ кофейныхъ; и за все это онъ обязанъ былъ сопровождать меня въ баню, быть *au petit soin* подлѣ моей любовницы, заботиться о моемъ благосостояніи, предохранять отъ вѣрныхъ игръ, смѣшать меня, когда мнѣ скучно, и рассказывать анекдоты, ходить лыскомъ, ѣздить въ экипажѣ и верхомъ, однимъ словомъ, жить какъ мнѣ вздумается.

Продѣлки Кесаря Михенча въ маленькихъ игрецкихъ кругахъ до того смѣшили меня, что въ свободное время для меня не было лучше наслажденія, какъ рассказы Кесаря Михенча, который похвастать былъ не послѣдній въ своемъ родѣ. У него была страсть не пріобрѣтенія, а просто страсть игры, и какъ бы ни былъ незначителенъ выигрышъ, онъ равно приносилъ ему наслажденіе. Такимъ образомъ Кесарь Михенчъ съ восторгомъ выигрывалъ у нищаго сохранныю росписку въ 25 руб.; за которую нельзя получить и копѣйки, съ тѣмъ же самымъ восторгомъ выигрывалъ онъ у своихъ пріятелей шинели, панталоны, чбуки, скрипку, словомъ все, что хвтите; мысль, что этотъ выигрышъ былъ — а не, — составляла для него уже наслажденіе, и онъ не заботился о цѣнности вещей, и самага сомнительнаго плюса достаточно было для того, чтобъ Кесарь Михенчъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Но въ то время, которое я описываю, дѣлишки Кесаря Михенча были въ весьма дурномъ положеніи, а именно: Кесаря Михенча постигъ тотъ самый бичъ, который распространился по всему земному шару изъ Авіи, — это адская мучительная болѣзнь любовь, болѣзнь, которую ввиль въ людей искуситель для того, чтобъ она подвигала ихъ на разныя странныя, глупыя жертвы и верѣдко на разныя гадости, смотря потому, на что былъ человекъ способенъ, на глупое или на гадкое дѣло; любовь, [говорю, сильно задѣла Кесаря Михенча; онъ влюбился страстно въ одну Марью Павловну, на которой и женился...

Марья Павловна Хлопикова была молоденькая женщина лѣтъ двадцати двухъ, миленькая брюнеточка, съ носикомъ вздернутымъ

къверху; ея малый ротъ при ея миленькомъ личикѣ придавалъ ей совершенно видъ хорошенькаго ребенка, и всѣ ея приемы отбѣнялись тою дѣтскою наивностію, которую мы видимъ не въ женщинѣ, а въ дѣвушкѣ, занятой еще игрушками. Если Марья Павловна читала книгу вслухъ, то это походило точь въ точь на лепетъ тринадцатилѣтней дѣвочки, которая, бѣгая въ рекреационной залѣ института, твердила свой урокъ передъ приходомъ учителя; когда же она въ деревнѣ, одѣтая въ легкомъ бѣленькомъ платьицѣ и соломенной шляпкѣ, бѣгала по полямъ, то была какъ двѣ капли воды похожа на маленькую дѣвочку, гонящуюся за бабочками. Добрая сердцемъ отъ природы, Марья Павловна была однакожъ неслышна своими капризами въ домашнемъ быту. Воспитанная не матерью, а мачихою при больномъ отцѣ, Марья Павловна получила весьма поверхностное воспитаніе, которое заключалось въ умѣньи кой-какъ лепетать по-Французски, играть на фортепьяно нѣсколько романсовъ да двѣ качучи, и въ умѣньи вальсировать самымъ увлекательнымъ образомъ въ три такта. Къ тому присовокуплялось граціозное смотрѣніе безъ всякой нужды въ лорнетку, умѣнье дѣлать безъ всякой надобности самыя сладострастные, сентиментальныя глазки, вовремя выказывать бѣлые, какъ жемчугъ, зубки, и выставлать маленькую стройную ножку болѣе, нежели сколько требовало приличіе. Съ такими данными въ одинъ изъ вторниковъ Машеньку Прытчеву вывезли въ благородное собраніе. Появленіе милой дѣвушки не осталось непримѣченнымъ цѣлымъ обществомъ. Даже блѣдныя дѣвушки высшаго Московскаго круга навели на нее свои равнодушно-гордыя лорнетки и выговаривали ей почти подъ носъ: *Quelle jolie petite fille!*... Отецъ Машеньки былъ чело-вѣкъ не чиновный; онъ служилъ при почтамтѣ и остановился на чинѣ титулярнаго совѣтника. Приданнаго у его дочери было не много, почему онъ и не думалъ нисколько манериться, когда послѣ двухъ вторниковъ мачиха Машеньки объявила ему, что за его дочь сватается женихъ: Рязанскій помѣщикъ, Кесарь Михеичъ Хлопиковъ. Гдѣ служилъ Кесарь Михеичъ, я ужъ этого не помню, знаю только, что онъ былъ въ отставкѣ, носилъ усы и всячески избѣгалъ разговоровъ о военной и гражданской службѣ. — Что касается до Машеньки, то она долго упрямилась. Ей очень нравились другіе молодые люди, а именно: одинъ гусарскій корнетъ, который часто танцевалъ съ нею въ собраніи, одинъ студентъ — князь; и еще одинъ, хоть и штатскій, но камеръ-юнкеръ съ крестиками и съ фризурою на Французскій манеръ. Однакожъ всѣ эти три купидона помахивали своими крылышками на Машеньку,

какъ говорится, только мимоходомъ; корнетъ былъ очень молодъ и ужасно какъ занимался своимъ рысакомъ и цыганками. Студентъ, по видимому, не думалъ еще ни о службѣ, ни о будущемъ семейномъ счастьи, а камеръ-юнкеръ наравилъ быть министромъ и связями женитьбы упрочить свое повышение и богатство. Одинъ только Кесарь Михенчъ присталъ, какъ говорится, съ пожемъ къ горлу, всякій день то и твердилъ, бывало, мачиха: «Марью Павловну въ одной рубашкѣ возьму, чинъ съ женою, а не съ имѣніемъ жить! — А если не получу руки, говорилъ Хлопиковъ, то ей-Богу застрѣлюсь!» Мачиха Машеньки тоже не долго противилась и дала слово Хлопикову. Основаній къ тому было множество: приданого, какъ выше сказано, у Машеньки были одинъ трапикъ; другая же, главная, причина была та, что Машенька была дѣвочка воструха и составляла товаръ, который, какъ говорятъ Московскія свахи, скоро портится. И вотъ ей день-деньской жужжали въ уши, то отецъ, то мачиха, что Кесарь Михенчъ Рязанской повѣщникъ и прекрасный мужъ, обстоятельный мужъ; если въ службу пойдетъ, скоро до капитана дослужится, потомъ маіоромъ будетъ, тамъ полковникомъ, а тамъ генераломъ, а тамъ ему и звѣзду дадутъ. Наконецъ, Машенькѣ все это страшно надоело; въ одно утро, когда къ ней приставали и мачиха и больной отецъ, она сказала: да ну—иду! и въ тотъ же день объявила Хлопикову: ну хорошо-съ, я васъ люблю-съ. Восхищенный Кесарь Михенчъ принялъ это слово за то чистенькое, сладенькое гармоническое люблю, которое говоритъ восторженная дѣвушка, кидаясь на шею человѣку, замѣняющему для нея весь міръ, и котораго голосъ одишь велитъ ей принести всякую жертву. Хлопиковъ воспламенился, какъ лава Везувія, при этомъ магическомъ словѣ, почему, приподнявъ при семъ удобномъ случаѣ свои плечи, произнесъ на манеръ, какъ говорятъ актеры въ трагедіяхъ: — теперь я твой... я твой до гроба!... я весь твой до самой смерти... только коварная смерть разлучитъ насъ!....

Когда Машеньку вынчали, то она плакала подъ вѣнцемъ, свѣча ея два раза гасла, она послѣ жениха стала на подножку; лошади на возвратномъ пути изъ церкви шибко бѣснлись. Во время обряда нѣсколько старухъ говорили въ одинъ голосъ: — ахъ, какая она худенькая, да маленькая, куропаточка точная, а онъ-то какой дебелый! Нѣтъ, худо будутъ жить, притомъ же въ Мавъ вынчаются, всю жизнь маяться будутъ! — Точно такъ и вышло: съ самаго перваго дня молодые начали жить какъ кошка съ собакой.

Кесарь Михенчъ Хлопиковъ былъ самый хвастливѣйшій изъ

всѣхъ хвастуновъ, какихъ когда-либо видалъ свѣтъ Божій. Самая главная его страсть была выдавать себя за богача, за игрока и за отчаяннаго дуэлиста. Онъ немилосердо хвасталъ каждому то о покупкѣ никогда небывалыхъ гнѣдыхъ лошадей, то фазтона. Иногда увтрялъ, что у своего пріятеля выигралъ не отгибаясь 20 т. руб., тогда какъ весь выигрышъ кончался какою-нибудь сотнею рублишекъ, да и то написанныхъ мѣлкомъ въ обведенномъ кружечкѣ, какъ обыкновенно дѣлается, когда оба играющіе бываютъ пріятелями и когда у обоихъ, при дурной погодѣ, нѣтъ ни гроша въ карманѣ; много-много выигрывался тутъ же какой-нибудь Черкесскій книжалъ Тульской работы, старая ермолка, да пеньковая трубка и тому подобный хламъ; что же касается до дуэлизма Кесаря Михенча, то хотя дѣйствительно онъ между знакомыми слылъ какою-то занозою, но бывалъ задоренъ только тогда, когда ужъ черезъ чуръ кутнетъ и начнетъ сильно напирать, чтобъ его товавищъ *прорезалъ* ⁽¹⁾ хоть маленькую; такъ что всѣ его претензіи на дуэли кончались обыкновенно мировою и прорезаніемъ. Всѣ, кто зналъ Кесаря Михенча, такъ привыкли къ его вызовамъ на дуэли, что, бывало, чуть Кесарь Михенчъ упомянетъ слово: я чувствую оскорбленіе, — какъ другой и говорить: нечего дѣлать, давай, прорѣжемъ маленькую! Тѣмъ дѣло и кончалось. Случаи же, которые Кесарь Михенчъ принималъ себѣ за оскорбленіе, были весьма многочисленны, и главнѣйшіе изъ нихъ заключались въ неотдачу ему картежнаго долга, въ требованіи съ него самаго долга тѣмъ, кому онъ запаливалъ *чернячка*, и въ произнесеніи въ его присутствіи слова супъ, которое рѣшительно составляло тайну, почему такъ остервенялся за него Кесарь Михенчъ. Что это слово Хлопиковъ ненавидѣлъ, рассказалъ какой-то Рязанскій помѣщикъ, но почему — того никто не зналъ. Наконецъ, самымъ величайшимъ оскорбленіемъ Хлопиковъ считалъ, если въ то время, когда онъ хвасталъ, пріятели замѣчали ему: ну, братъ, ты, кажется, зарпортовался! — Тутъ онъ обыкновенно говорилъ: повторите, повторите, милостивый государь, — что, разумется, повторялось при самыхъ мирныхъ послѣдствіяхъ. Зарпортовывался же Кесарь Михенчъ просто на всякомъ шагу; онъ до того привыкъ лгать, что уже въ послѣдствіи и самъ не понималъ, что говорилъ; его самого можно было увѣрить, что, сказанная имъ нечаянно правда была ложь, а ложь была правда, ибо въ головѣ у него рѣшительно все перепу-

(1) Прорезать значитъ на языкѣ некоторыхъ свить проволоку съ бутылки шампанскаго.

талось отъ безпрестанной лжи. Бывало, встрѣтитъ знакомаго, и на вопросъ: что васъ такъ давно пугдѣ не видно? навретъ, папри- мѣръ, что онъ былъ на гауптвахтѣ за какую-нибудь выдуманную дуэль, или наскажетъ, что былъ въ Петербургѣ, да еще передастъ поклонъ отъ какого-нибудь общаго знакомаго, котораго будто видѣлъ у Беранже; иногда встрѣтитъ, и навретъ, что навѣщаютъ васъ и не засталъ дома, то наскажетъ, что былъ на огромномъ балѣ, или на великолѣпныхъ похоронахъ, и все такъ просто, безъ всякой причины.

Но при такомъ малодушіи, въ картежныхъ игоркахъ Кесарь Михенчъ былъ ума палата. Онъ имѣлъ необыкновенную спаровку тотчасъ смѣкать, кого на сколько можно было пустить, дорываясь до материка. Чтобъ знать, кого на сколько можно было пустить, дорываясь до материка, Кесарь Михенчъ употреблялъ слѣдующій способъ наблюденія: онъ быстро окидывалъ однимъ взглядомъ человека, съ которымъ шелъ на бой, и рѣшалъ: если у знакомаго были часы, кольцо и шуба, то пускать его отъ ста до двухъ-сотъ рублей; если же у пріятеля не было часовъ, а вмѣсто шубы шинель на ватѣ съ какимъ-нибудь страннымъ, сомнительнымъ воротникомъ, желавшимъ походить на бобра, то Кесарь Михенчъ рѣшалъ пускать въ долгъ не болѣе какъ на 25 р. ассигн., какъ бы тотъ ни приставалъ къ нему при подмазкѣ. Отъ этого правила Хлопиковъ не отступалъ ни на шагъ, какъ до брака, такъ и послѣ брака, тѣмъ болѣе, что увеличившіеся расходы при брачной жизни требовали еще сильнѣйшихъ мѣръ для увеличенія маленькихъ приходовъ Хлопикова. Но какъ-то все не клеилось; къ непріятностямъ въ семейномъ быту присоединилась и непріятность проигрышей: съ самой жештыбы, исполненной разныхъ огорченій для Кесаря Михенча, ему ни разу не удавалось выиграть въ умную игру, ни на счастье; умной игры какъ-то не представлялось, а на счастье что ни поставитъ, все было бито. Это еще болѣе дѣлало его недовольнымъ въ семействѣ. Былъ у него лакей Сидорка, котораго онъ прежде очень любилъ. Этотъ Сидорка по буднямъ былъ его движимое имѣніе, а по праздникамъ напиваясь положительно, былъ почти всегда недвижимое; но прежде все ему сходило отъ барина, а женившись, Хлопиковъ своего Сидорку началъ колотить всякій день ни за што, ни про што, а самъ сталъ всякій день одинъ, даже безъ знакомыхъ, сильно прорѣзывать. Говорили, что будто онъ иногда захочетъ приласкать жену, а она куда тебѣ, просто чуть въ лицо не плюнетъ; что Кесарь Михенчъ сперва будто и покорностію, и почтеніемъ, и разными подарочками при-

голублявалъ Марью Павловну, даже три раза, чтобъ угодить ей, бралъ ложу надъ бель-этажемъ, на вновь поставленные балеты, и купилъ ей новомодный бурнусъ; но упрямая Марья Павловна возметъ бурнусъ, съездитъ себя и въ балетъ, а съ мужемъ просто слова добраго не скажетъ, вотъ что хотите дѣляйте! Наконецъ Кесарь Михенчъ выбился изъ силъ и началъ Марью Павловну иногда опезпоковывать по части ея косы.... Къ этому же до свиднiя его дошло отъ вѣрнаго Сидорки, что онъ только что со двора, какъ и пойдутъ слоняться по переулку, въ которомъ онъ жилъ, то студентъ, то корнетъ, то камеръ-юнкеръ. Хлопиковъ сдѣлался *ревнивъ какъ турка*. Выключалъ меня, онъ ревновалъ ко всякому свою миленькую Марью Павловну, и уезжая изъ дома, сталъ запираеть ее на замокъ.... Просто, дѣла Кесаря Михенча были въ ужасномъ положенiи....

V.

Кесарь Михенчъ прiвхалъ ко мнѣ однажды такъ рано, что еще, какъ говорится, и черти на кулачки не бились. Было только 10 часовъ утра, и я спалъ мертвымъ спомъ, потому что цѣлую ночь металъ банкъ одному прiвзжему Сибирскому купцу на особой половинѣ, гдѣ приглашались одни разночицы для того, чтобъ люди хорошаго тона не встрѣтились съ ними.

«Что это тебя нелегкая принесла такъ рано? видно профершпилился и въ подмазкѣ; чай, денегъ надо!

— Совсѣмъ нѣтъ.... Ты знаешь, что я честный человекъ, сказалъ, не робѣя при этомъ словѣ, Кесарь Михенчъ; ты знаешь, я не какой-нибудь подлецъ, какъ другiе!...

«Ну что намъ хвастать своими добродѣтелями, отвѣчалъ я, въ особенности tête a tête; ну, разумвется, ты за свои доблестныя качества будешь непременно награжденъ, это я тебѣ еще вчерась предсказалъ.

— У тебя все шутки да насмѣшки на умѣ, прервалъ важно Кесарь Михенчъ, тебѣ хорошо валяться на бархатѣ, да смотри, вѣчно ли такъ будетъ; знаешь ли ты, что тебѣ готовится гробъ?

«Sacristi! воскликнулъ я.

— Ну этого я не понимаю, отвѣчалъ съ неудовольствiемъ мой наперсникъ, а ты слушай дѣло, я не балагурить прiвхалъ.

«Что жъ такое мнѣ готовится? какая-нибудь стачка игроковъ? Какъ будто это новость? Ты съ такимъ удивленiемъ прiшелъ ска-

зять о вещи, которою всегда начинается нашъ день; я не знаю, какъ ты, а я всякій день просыпаюсь съ мыслию, что могу сдѣлаться нищимъ, быть твоимъ pendant,—прибавилъ я улыбаясь,—но я всегда спокоенъ.

— Это все шутки, а я тебѣ говорю, я пріѣхалъ не смѣяться, и если не хочешь слушать, то я сей-часъ же уйду.

«Ну говори, чортъ тебя возьми, сказалъ я потягиваясь и зывая.

— Такъ знай же: Оребуровъ твой врагъ.... Его всего разыграли, и онъ злится, что ты обыгралъ купца Толманова и вотъ этого сибиряка безъ него, говоритъ: Гордонова надо проучить, привести къ одному знаменателю, и вчера присылалъ мнѣ съ своимъ Изжогинимъ предложеніе тебя спустить.... Но ты знаешь, что я не подлець.... Я далъ видѣть, что согласенъ.... Мнѣ предлагаютъ 30 к. съ рубля, но я весь твой; видишь; каковъ я?

«Я знаю, что ты олицетворенная честь, отвѣчалъ я улыбаясь.

— Ну слушай же: Оребуровъ устроитъ на дняхъ игру у Чернохвостова; пригласятъ тебя и еще одного штукаря, который недавно пріѣхалъ изъ Одессы; его выдадутъ за богача;—онъ такъ дергаетъ, что просто хоть на рукахъ лежи—ничего не увидишь. Потомъ я узналъ игру, на которую хотятъ тебя взять.

— Ну говори.

«Тебя хотятъ взять на новую штуку.

— На какую же?

«На мазы!—сказалъ Кесарь, сдѣлавъ загадочную физиономію, и желая удивить меня такимъ страшнымъ отвѣтомъ.

— Стало я буду имѣть дѣло съ аптекаремъ, отвѣчалъ я улыбаясь.

«Тебѣ будутъ метать золотообрѣзною колодою; едва приметная марка будетъ показывать всѣ три съ бока и фигуры; если на лѣво будетъ идти твоя карта, то стоитъ только пожать немного колоду, какъ карта, слѣдовавшая на лѣво, прилипнетъ подъ идущую на право.

«Это уморительно! сказалъ я; ктоже выдумалъ такіа невжности?

— Пріѣхавшій изъ Одессы.

«Я не повѣду на эту игру, отвѣчалъ я, пускай они сами мажутъ этою мазью....

— Какой вздоръ! прервалъ меня Кесарь, повзжай, ты можешь выиграть множество денегъ; помилуй, ты ихъ поймашь на дѣлѣ; что выигралъ, то твое, а что проигралъ, то сотрешь....

Точно ты малолѣтний! будто не знаешь, какъ эти вещи дѣлаются и трусить игры смѣшно.... вѣдь, братъ, тутъ избѣгнешь, въ другомъ мѣстѣ оборвешься хуже еще безъ меня. Волковъ бояться, такъ въ лѣсъ не ходить!

«Оно такъ.... но досадно мнѣ, что Оребуровъ на меня сердится: какъ ни говори, вѣдь онъ меня поставилъ на ноги....»

— Ну да сколько же онъ у тебя и бралъ на вѣрное.

«Что ты говоришь!»

— Ну да ужь это я знаю....

«Неужели?»

— Онъ тебя спускалъ безпрестанно.... и Кукуеву не дальше, какъ третьяго дня спустилъ.

«Но дай же ты мнѣ какой-нибудь авантажъ для игры у Чернохвостова.»

— Изволь, это я могу... когда игра разгорится, я пойду съ тобою метать ... мнѣ предложено тебя спустить; помни это, будетъ вотъ какъ: когда я буду метать, то первыя четыре карты, вышедшія на право, я не буду тасовать въ слѣдующую талію, а подавая снимать, дамъ противнику посмотреть низъ; выйдетъ такъ: если низъ данъ, то четыре карты идутъ какъ лежали по порядку, стало противникъ будетъ имѣть двѣ вѣрныя карты; если же низъ будетъ убитъ, то по нерастасованнымъ четыремъ картамъ противникъ можетъ знать, что ставить; но я, тасуя колоду, положу на верхъ одну лишнюю карту, и потому все выйдетъ на выворотъ; намъ, братецъ, даромъ отдадутъ деньги! Аха, ха, ха!...

«Ну, а что же ты, если тебя прибудутъ!»

— Никогда.... скажу: обдернулся, или еще увѣрю, что они сами какъ-нибудь сбились.

«Ахъ какой ты миленькой!» сказала я: ты настоящій Малекъ-Адель по своей безпримѣрной мнѣ вѣрности, ей, ей, ты подлець до самоотверженія!

— Спасибо, спасибо! Шалапутъ ты этакой.

«Хочешь завтракать?»

— Хочу, хочу. Ты знаешь, что я никогда ни отъ чего не отказываюсь, ѣсть мое наслажденіе, а завтракъ есть тотъ же — для желудка.

«Человѣкъ! принеси маіонезъ и шампанскаго. Вотъ тебѣ на память.... честивѣйшему изъ шуллеровъ, прибавилъ я, подавая ему брилліантовый перстень; носи его подобно Карлу Моору въ означеніе своихъ великихъ подвиговъ.»

— Уж острить умветь, отвѣчалъ Кесарь, улыбаясь и надѣвая съ довольнымъ видомъ кольцо на свой анергическій палець.

Долго бы, можетъ быть, я еще шутилъ на счетъ честности моего Кесаря, но доложили о прїѣздѣ гостей, надо было выйти изъ кабинета.

«На дняхъ воръ у вора дубинку украдетъ, сказалъ я.

— Тото будетъ хорошо, отвѣчалъ Кесарь, потирая руками, и мы пошли въ парадныя комнаты.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, ко мнѣ завѣчалъ Оребуровъ съ знаками прежней дружбы, и объявилъ, что изъ Одессы прїѣхалъ богачъ, съ котсырмы бы не худо было сразиться, что онъ завтра будетъ у Чернохвостова, и Чернохвостовъ меня приглашаетъ.

«Какая будетъ игра? спросилъ я.

— Игра должна быть на счастье, отвѣчалъ Оребуровъ, потому что прїѣзжій понимаетъ игру, и ты знаешь, Чернохвостовъ ханжа и никакихъ авантажей не допуститъ.

«Очень хорошо, я буду, отвѣчалъ я; хочешь ли ты метать со мною по поламъ?»

— Тамъ увидимъ, отвѣчалъ Оребуровъ.

На другой день, когда я прїѣхалъ къ Чернохвостову съ Кесаремъ, тамъ уже находились Оребуровъ и неизвѣстный мнѣ человекъ съ рыжими большими усами. Былъ второй часъ по полудни; присутствовавшіе завтракали. Разложенный столъ и нѣсколько колодъ изломанныхъ картъ давали видъ, что будто уже была игра.

— Вотъ счастливо мечеть;— сказалъ Оребуровъ, показывая на рыжіе усы, въ пять минутъ взялъ у меня 30 тысячъ, а я шель малой маркой. Сдѣлаемъ ему вмѣстѣ банчикъ; тѣмъ игрокъ хорошъ, что при выигрышѣ идетъ понтировать, да еще семпелами.

«За чѣмъ же, я самъ пойду понтировать, отвѣчалъ я.

— Что ты, съ ума что ли сошелъ? сказалъ мнѣ Оребуровъ, отводя къ окну.

«Не расположенъ метать, отвѣчалъ я, желая не быть въ долгъ съ Оребуровымъ.

— Странно!

«Что же? бываютъ вещи еще страннѣе, а тутъ ничего нѣтъ мудренаго: у меня есть лишнія деньги, я ихъ хочу бросить въ мое удовольствіе.

— Пойдемъ двумя марками, я у тебя буду въ долгъ, а ты у меня.

«Нѣтъ, будемъ сего-дня играть каждый для себя.

Оребуровъ съ неудовольствіемъ отошелъ.

«Мечите мнѣ банкъ, сказалъ я рыжимъ усамъ.

— Очень хорошо-съ.

«Вы сколько дѣлаете?» спросилъ я.

Усы затруднились отвѣчать.

— Александръ Петровичъ крупень, сказалъ хозяинъ дома.

«Извольте метать со мною по колодамъ, прервалъ Оребуровъ, мы мечемъ отвѣтныи.

Я поставилъ туза и положилъ на него банковый билетъ въ 50 т. рублей, И усы, и руки, и носъ прѣвзжато задрожали. Онъ прометалъ нѣсколько абцуговъ, пало плюэ; примѣтная радость выразилась тогда на лицѣ всѣхъ присутствовавшихъ, исключая моего Кесаря, который сидѣлъ и не шевелился, былъ тише воды, ниже травы. Онъ боялся, что на него падеть подозрѣніе въ открытіи мнѣ тайны, ибо сколько онъ держался меня, столько же отчасти ему бывалъ нуженъ и Чернохвостовъ и Оребуровъ, отъ которыхъ онъ получалъ себѣ иногда работу и поживу.

— Отзыгрывается и 50 т. мазу! сказалъ я, кладя другой билетъ. Тогда сговорившіеся противники увидали, что всѣ ихъ приготовленныя игры будутъ безуспѣшны, что игра должна будетъ кончиться въ пользу чьей-либо стороны въ пять минутъ, и какъ у нихъ нѣ было даже столько денегъ,—ибо Оребуровъ былъ почти весь проигранъ,—то они рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству, о которомъ не зналъ даже и Кесарь. Когда я срѣзалъ, то рыжіе усы задрожали пуще прежняго; я легъ почти къ нему на руки и вооружился моимъ лорнетомъ, который необычайно увеличивалъ предметы, чтобъ удостовѣриться, былъ ли на колодѣ особый крапъ. Прошло болѣе полуколоды, карта не выходила; наконецъ я замѣтилъ, что усы нѣсколько позамылились: онъ начали сморкаться, имѣя пріемы навольтъ, и замѣтно старались болѣею своею рукою прикрыть колоду.

«Мы Москвичи, сказалъ я ему, и любимъ говорить открыто; когда, сударь, карта идетъ на 100 т. рубл., и играютъ люди незнакомые, то я имѣю привычку и кашлять и сморкаться послѣ, а колоду держу за уголокъ двумя пальчиками, вотъ такъ; и тутъ я показалъ ему, взявъ порожнюю колоду.

— Это замѣчаніе совершенно лишнее, отвѣчали мнѣ рыжіе усы, пріостановясь метать; люди хорошаго общества такъ не говорить, есть законы вѣжливости...

«Не вамъ, сударь, меня учить имѣ, отвѣчалъ я, что такое люди

хорошаго общества. Кто же вамъ сказалъ, что мы все здѣсь люди хорошаго общества?

— Какъ такъ? спросили меня дерзко три голоса.

«Да такъ же; по моему мнѣнію истинно честные люди и люди хорошаго общества среди бѣлаго дня не играютъ въ такія игры, которыя въ пять минутъ двлаютъ изъ богача нищаго; наше пріятное занятіе, господа, есть тотъ же дешвой грабежъ.»

— Мнѣ странно, милостивый государь, что вы это говорите! продолжали рыжіе усы, держа уже двумя пальцами колоду.

— Вотъ новости! сказали Чернохвостовъ и Оребуровъ.

«Теперь мнѣ не время доказывать вамъ истину моихъ словъ, и нѣтъ надобности, извольте продолжать.—Усы кинули на право и на лѣво, и карта моя, тузъ, была дана. Я преспокойно положилъ въ карманъ свои деньги.»

«Прошу мнѣ прислать, сказалъ я. Между тѣмъ усы прехладнокровно стасовали колоду и весьма хладнокровно спросили меня: 100 т. руб; прикажете получить или записать?»

«Какъ получить? вскричалъ я въ бѣшенствѣ, я долженъ получить съ васъ, сударь, карта дана.»

— Какъ дана? закричали въ одинъ голосъ Оребуровъ и Чернохвостовъ.

«Тузъ убитъ, прибавилъ Оребуровъ, мы все видѣли.»

— Ваша карта убита, сказалъ хозяинъ дома, вы не замѣтили, разгорячившись.

«Милостивый государь! позвольте вамъ замѣтить, что я не дамъ себя дурачить.»

— Да какъ же вы будете спорить противъ всехъ? не ужели все подлецы, а вы одинъ здѣсь честный человекъ? вотъ и Кесарь Мищенъ тоже правду скажетъ, спросите его....

Все обратились на Кесаря.

«Говорите, сказалъ я Кесарю.»

Тотъ смѣшался: — право, я не видѣлъ, отвѣчалъ онъ.

«Какъ, вы не видали, что мнѣ дали туза? спросилъ я въ запальчивости.»

— Кажется мнѣ, что тузъ упалъ куда-то.... я, право, въ это время смотрѣлъ на потолокъ, тамъ вонъ крючекъ какой-то.

Я понималъ положеніе Кесаря, и потому оставилъ его; но трое приставали ко мнѣ рвшительно, чтобъ я заплатилъ 100 т. руб; иначе, прибавляли они, дѣло можетъ кончиться худо для меня.

— Такъ, сударь, дѣлаютъ одни... сказалъ мнѣ Оребуровъ, подойдя весьма близко.

«Очень хорошо, я васъ понимаю, отвѣчалъ я; стало, я виноватъ?»

— Вы дѣлаете низость, милостивый государь, вы хотите воспользоваться чужими деньгами, вы подлецъ...

Я схватилъ со стола бутылку и хотѣлъ ее разбить объ голову Оребурова, но меня удержали.

«Завтра, сударь, сказалъ я, я приглашаю васъ раздѣлаться, такъ какъ раздѣляются порядочные люди; что же касается до денегъ, извольте, господа, я подарю ихъ вамъ тогда, когда, не отходя отъ стола, вы мнѣ докажете, что могли заплатить мнѣ то, что проигрывали.

Всѣ молчали: у нихъ не было такой суммы. Я отбросилъ сговѣвшій подлѣ меня стулъ и сказалъ: прощайте же, милые, честные люди... Я жду вашего посредника, прибавилъ я Оребурову, и вышелъ изъ комнаты. Никто не остановилъ меня.

Кто вызоветъ на дуэль и говорить, что онъ можетъ проводить спокойно время до условленнаго часа, тотъ лжетъ... Я не могъ не вызвать на поединокъ; этотъ вызовъ предупредилъ оскорбленіе, не смываемое даже кровью... я порочный человекъ, но струсить мнѣ казалось величайшею подлостью, хуже воровства. Притомъ же, я давно уже питалъ нерасположеніе къ Оребурову: этотъ человекъ одинъ изъ людей, посѣщающихъ общество, зналъ, что я занимаюсь мошенничествомъ, этотъ человекъ оскорбилъ теперь меня при многихъ, и не такъ давно въ обществѣ весьма дерзко при мнѣ смѣялся надъ моею неудачною любовью къ Лиди, прибавя, что хотя у меня и очень ловкіе руки, но Лиди отказалась отъ моей руки; а на другой день разнесшаяся исторія по городу рассказывалась съ разными прибавленіями между играющими, изъ коихъ многіе говорили, что самъ Оребуровъ рассказывалъ, будто я нечаянно моею щекою дотронулся до его ладони... Я рѣшился быть убитымъ, или къ имени вора прибавить имя убійцы.

«Ну, Кесарь, сказалъ я, исторія такъ грязна, что въ нее нельзя путать людей порядочныхъ, съ которыми я знакомъ; она должна остаться между нами, и потому я прошу тебя быть моимъ секундантомъ.

— Что ты! что ты! прервалъ Кесарь, который былъ естественный трусъ; неужели ты будешь драться? что за охота, или убьютъ, или отдадутъ въ солдаты, или еще, пожалуй, въ Сибирь сошлютъ.

«Что же делать, нельзя же это так оставить».

— Слава Богу, что деньги-то спась; а Оребуровъ самъ не захочетъ дуэли.

«Да я-то не позволю себя ругать въ лицо».

— И ну, что же за бѣда? какъ будто гдѣ на балъ! ну въ кабинетъ, такъ и останется.

«Нѣтъ, не могу».

— Да онъ у тебя будетъ прощенія просить, и мы вместе прорыжемъ...

«Нѣтъ, не могу.... ты мой секундантъ».

— Нѣтъ, воля твоя, избавь меня».

«Ну мнѣ не надо секундантъ».

Спустя нѣсколько минутъ, ко мнѣ прѣехали рыжіе усы. Когда доложили о прѣздѣ какого-то Бурцовскаго, я догадался и велѣлъ просить. Оребуровъ сначала хотѣлъ меня пристращать, почему Бурцовскій вошелъ весьма серьезно и объявилъ, что мой противникъ прислалъ его уговориться со мною объ условіяхъ, или назначить для сего секундантъ съ моей стороны.

«Я буду драться безъ секундантъ, отвѣчалъ я; дѣло такъ черно, что я не хочу привлекать къ нему другихъ, а мира между мною и Оребуровымъ быть не можетъ. Часъ поединка будетъ въ семь часовъ сегодня въ роушъ за Рогожской заставой, оружіе—пистолеты, разходиться на 10 шаговъ, вотъ и все тутъ. Я поклонился, и мы разстались. Черезъ полчаса прѣехали опять рыжіе усы. Парламентеръ теперь уже былъ шелковый; онъ говорилъ, что Оребуровъ меня любитъ, что хотя онъ искусный стрѣлокъ, но онъ считаетъ несчастіемъ посягать на жизнь друга, готовъ лучше подвергнуть себя смерти и выстрѣлить на воздухъ, что причиною ссоры одно недоумѣніе и излишнее вино, что онъ готовъ даже просить прощенія».

Я отвѣчалъ, что условія сдѣланы и дуэль должна состояться. По мѣрѣ того, какъ слабѣлъ мой противникъ, во мнѣ вкоренилось эанфронство смѣлаго чловѣка, и секундантъ Оребурова меня оставилъ, не склонивъ на миръ никакими убѣжденіями. За три четверти часа до назначеннаго времени, я выпилъ почти залпомъ бутылку шампанскаго, и взялъ свои пистолеты. Кесарь сдѣлалъ у меня въ задумчивости.

«Кесарь, кому все это достанется? сказалъ я тихо, запирая шкатулку, гдѣ лежали деньги, векселя и ломбардные билеты; въ это время камердинеръ подавалъ мнѣ одѣваться.—Отыщутся какіе-нибудь дальніе наследники, которые и не поманутъ меня, окаянные,

и которых я въ глаза не видать... Или все это будет выморочное. Кесарь, я бы все это злыщаль тебѣ, да потому не двлаю, что ты тогда еще прожалуй меня самъ подстрелишь.

Кесарь молчалъ. — Сумасбродъ ты эгакой, сказалъ онъ, тебѣ бы лучше покаяться, видь на смерть идешь.

Я окинулъ въ послѣдній разъ не безъ трепета мою богатую квартиру. — Никакого, сказалъ я камердинеру, пошли кого-нибудь къ Лизѣ, сказать, что меня сего-дня не будетъ дома до завтра; прощай...

Когда мы дохали до назначенной роши, то Кесарь остался въ фазтѣ, а я пошелъ пѣшкомъ во внутрь; мнѣ попался дошадъ Орѣбурова.

«Гдѣ баринъ?» спросилъ я кучера.

— Тутъ недалеко, отвѣчалъ онъ, гулять изволятъ съ Чернохвостовымъ и Бурцовскимъ.

Спустя нѣсколько минутъ я повстрѣчался съ ними.

«Господа, сказалъ я, я здѣсь, одинъ между вами, мы здѣсь всѣ участники ссоры, въ которой, признаюсь, не много намъ чести. Я не взялъ себѣ даже секунданта, не желая примѣшивать въ исторію людей постороннихъ. Я думаю, что тотъ, кто рѣшается отнимать насильно деньги, можетъ еще не рѣшиться посягнуть какимъ-нибудь постыднымъ образомъ на чужую жизнь... Жизнь и деньги есть еще большая разница... — Мой серьезный тонъ сдѣлалъ ихъ серьезными

— Мы приняли на себя посредство примирить двухъ равно благородныхъ друзей... поссорившихся въ слѣдствіе недоумвнїя, отвѣчали несвязно Бурцовскій и Чернохвостовъ... Орѣбуровъ стоялъ нѣсколько поодаль и молчалъ.

«Примиреніе невозможно, сказалъ я, я слишкомъ оскорбленъ.

— И оно ненужно, закричалъ тогда Орѣбуровъ. Скорвѣ къ двлу, сударь!

«Я безъ секунданта, господа! и потому вотъ мои пистолеты; они заряжены оба. Г. Орѣбуровъ, выбирайте! — Онъ взялъ молча пистолетъ.

Секунданты отмаряли намъ шаги и отошли отъ барьера.

Я цѣлился въ Орѣбурова, но не стрѣлялъ, а онъ выстрѣлилъ, сдѣлавъ не болѣе двухъ шаговъ. Пуля слегка ранила меня въ плечо. Тогда я попросилъ Орѣбурова подойти къ барьеру. Мы стали въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, и я приставилъ свой пистолетъ почти къ самому лбу моего протнвника. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, и при всемъ томъ рѣшился улыбнуться.

Видя невозможность спасенія и желая блеснуть своею неустрашимостію, онъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ: однако вы мнѣ хотите сдѣлать прекрасную феровьерку! «Я хочу убить васъ», отвчалъ я весьма равнодушно и спустилъ курокъ...

Пистолеть осыкъся.

Дуэль окончена! закричали тогда секунданты.

Неправда! отвчалъ я, осычка не есть выстрѣлъ. Они замолчали, а я снова взвелъ курокъ и началъ цѣлиться въ полумертваго Оребурова. Рука моя дрожала, и я самъ весь дрожалъ; убить человека также тяжело, какъ и стать подъ дуло пистолета. Я цѣлился долго, но медленность моя имѣла уже совсѣмъ другую причину,—это было желаніе избѣгнуть убійства.... Наконецъ Оребуровъ не вытерпѣлъ и побѣжалъ отъ барьера. Я далъ по немъ выстрѣлъ; рана была очень далеко отъ головы, имѣла много комическаго, но была совсѣмъ не смертельною.

— Я, сударь, имѣю право еще разъ стрѣлять, сказалъ я ему, но я дарю вамъ эту жизнь, живите для украшенія вселенной! ... И сказавъ эти слова, я удалился. Оребуровъ выздоровѣлъ скоро; черезъ недѣлю онъ уже могъ сидѣть; насмѣшка всадъ сопровождала его; онъ вскорѣ оставилъ Москву, и мы уже больше не встрѣчались.

М О Д Ы.

— Июль—самое глухое время для моды, поэтому не легко будет намъ теперь удовлетворить всегда неутомимому любопытству нашихъ читательницъ. Постараемся, впрочемъ, познакомить ихъ, во первыхъ, съ новою, недавно изобрѣтенною матеріей, названною знакомымъ именемъ *Orléans*. Эта матерія соткана изъ бумаги и шолку; она легка, тонка, мѣлка и гляцовита. Мы не рекомендуемъ ее для нарядныхъ платьевъ, но она несравненна для утреннихъ negligé, для загородныхъ платьевъ и лѣтнихъ amazoneкъ. Для лѣта это просто находка, потому что легче и удобнѣе въ жары нельзя ничего и выдумать.

— Еще новость—это гренадиновые платки, подобные платкамъ *Stella*. Эти платки одноцвѣтные съ яркими и пестрыми коймами, затканными шелкомъ, совершенно въ родъ коймъ турецкихъ шалей. Ничего не можетъ быть лучше этихъ легкихъ и прозрачныхъ платковъ, съ коймами изъ блестящихъ и яркихъ арабесокъ, великолѣпіе которыхъ напоминаютъ намъ Тысячу одну ночь.

— Изъ новыхъ мантилій замѣчательны особенно двѣ: — мантилья изъ бѣлаго крепу-де-шинъ съ бѣлымъ же шитьемъ гладью на оба лица. Она имѣетъ форму мантильи-шарфа безъ воротника, отворотовъ и другихъ подобныхъ украшеній и отделана одной только очень широкой китайской бахромой.

— Мантилья *jardinière* почти такого же покроя какъ и креповая мантилья, но сдѣланная изъ тафты, вышитой разноцвѣтными шолками и обшита двумя рядами бахрамы, изъ коихъ первый очень пестрый, а второй, т. е. нижшій, совершенно бѣлый.

— Въ настоящее время платья дѣлаютъ большею частью рендинготами. Фасонъ этотъ очень удобенъ и какъ нельзя болѣе соответствуетъ лѣтней, которая вообще какъ то овладѣваетъ вами въ жаркій день. Поэтому появились множество матерій, затканыхъ на переднемъ полотнищѣ полосками, идущими вдоль всей юбки и лива. Иногда полоски замѣняются гирляндами цвѣтовъ или арабесокъ, что еще красивѣе и наряднѣе полосокъ.

— Бастовыя шляпки считаются самыми нарядными. Ничего не может быть изящнее и красивее, напр. такой шляпки:—тулья бастовая; поля составлены из бастовых полосок и тюлевых прошвъ, закрытых маленькой блондочкой, пришитой въ видѣ волана; на поляхъ букетъ маленькихъ марабу, а подъ полями букеты вишенъ съ вишневымъ цвѣтомъ. — Эта шляпа изобрѣтенъ г-жи Н., у которой мы видѣли также слѣдующіе головные уборы:

— Шляпа, составленная изъ соломеннаго кружева и бархатца синяго цвѣта; поля составлены изъ трехъ рядовъ этого кружева, отдѣленнаго синимъ бархатцемъ; тулья образуетъ косыночку fashion; съ обѣихъ сторонъ полей букеты васильковъ; тѣже цвѣты, перемѣшанные съ колосьями, подколены подъ полями.

— Шляпа Victoria, составленная изъ креповыхъ біе, отдѣленныхъ мѣстами довольно широкой блондой; край полей сдвигаетъ изъ блонды, пришитой à jour; на поляхъ бѣлая марабу, а подъ оными небольшіе блестящіе цвѣточки; подвязушки изъ бѣлыхъ лентъ.

— Шляпа, сдѣланная изъ волосянаго аграманту чернаго цвѣта и розовыхъ тѣневыхъ лентъ, поля составлены такимъ образомъ: въ край три ряда лентъ пришитыхъ въ видѣ оборокъ, потомъ широкій аграмантъ, далѣе опять три оборки изъ лентъ и, опять аграмантъ. На тульѣ оборочки и аграмантъ пришиты въ видѣ косыночки Marie Stuart. Внутри шляпа подбита вся левтами, спитыми вмѣстѣ; подъ полями ленты; капотъ изъ лентъ, обшитый волосянымъ аграмантомъ.

— Шляпка, считающаяся изъ блонды и соломеннаго аграманту, пришитыхъ на всей тульѣ и на краю полей. Срединка же полей сдѣлана изъ тюля—Pusion собраннаго буфой и украшена сверху и внутри множествомъ миниатюрныхъ полевыхъ цвѣточковъ, перемѣшанныхъ съ кончиками разноцвѣтныхъ ленточекъ.

— Вообще полевые цвѣты въ употребленіи; впрочемъ, фрукты скоро замѣнятъ ихъ. Война Флоры и Помоны; послѣдняя будетъ скоро праздновать побѣду и на нашихъ шляпкахъ и уборахъ въ видѣ тростей будутъ красоваться ветки смородины, вишенъ, винограда и проч.

— Соломка въ такомъ употребленіи, что изъ нее дѣлаютъ даже браслеты. Да, браслеты изъ соломки и бусъ, на подобіе тѣхъ, которые дѣлали прежде изъ шелковаго аграманта и бусъ, также съ кистями. Соломкой вышиваютъ также вуали, что очень мило. Много также вышиваютъ вуалей шелкомъ золотого цвѣта; вѣроятно такія вуали будутъ въ модѣ и зимой.

М О Д Ы.

— Самымъ лучшимъ загороднымъ negligé считается теперь такой нарядъ: юбка фуляровая, жакетовая или тафтинная пестрая и батистовая бвлая кофточка шитая à l'anglaise или просто обшитая въ несколько рядовъ узенькимъ кружевцемъ; это легко, нарядно и не жарко: три главныхъ качества лѣтняго костюма. Чисто эти кофточки дѣлають гладкія батистовыя, отдѣланныя кругомъ широкой буфой, въ которую продернута цвѣтная лента, и подбитыя флорансомъ. Мы видѣли такую кофточку, на розовомъ флорансѣ, съ розовой лентой въ буфѣ, надѣтую на сврую фуляровую юбку, съ розовыми клетками, оборки которой были вѣсто трюанны розовымъ шелкомъ.

— Еще нарядъ въ этомъ же родѣ состоялъ изъ кофточки, обшитой вокругъ рюшемъ изъ голубыхъ лентъ: рукава и воротъ были украшены бантами голубыхъ лентъ. Юбка была фуляровая, голубая, съ бвлыми мушками.

— Дамы носятъ много бвлыхъ кисейныхъ пеньюаровъ, шитыхъ въ тамбуръ, гладью, или и въ тамбуръ и гладью вмѣств. Ихъ украшаютъ кружевомъ и буфами, въ которыя продергивають розовыя ленты; талью означаетъ длинная лента, завязанная поясомъ. Рукава дѣлають очень широкіе и приподнятые бантиками изъ розовыхъ лентъ, при чемъ, конечно, необходимы бархатные браслеты съ хорошенькими пряжечками. Эти пеньюары дѣлаются распашные на богато-вышитыхъ юбкахъ. Иногда къ нимъ дѣлають перелины, округленныя сзади и образующія спереди острые и длинные концы, доходщіе почти до коленъ. Впрочемъ, такой фасонъ болве идетъ къ батистовымъ и жакетовымъ пеньюарамъ, а не къ кисейнымъ.

— Каждый изъ этихъ negligé будетъ еще красивѣе, если при немъ будетъ надѣтъ одинъ изъ прелестныхъ маленькихъ чепчиковъ Г-жи Г., которые она дѣлаеть съ такимъ искусствомъ и тактомъ. Она дѣлаеть ихъ тюлевые или кисейные шитые и убираеть.

бездчисленнымъ множествомъ маленькихъ бантиковъ изъ узенькихъ тафтяныхъ лентъ, очень граціозно-перемѣшанныхъ съ узенькимъ Валенсепскимъ кружевцемъ.

— Появилось новое пардесю, называемое *laitière*; оно дѣлается изъ тафты съ кашпономъ и широкими рукавами, обшитыми, равно какъ и самое пардесю, гофрированной оборкой изъ тафты же, обшитой внизу узенькимъ чернымъ кружевцемъ. Талья означена длиннымъ и довольно широкимъ поясомъ изъ тафты, который также обшить чернымъ кружевомъ. Мы говоримъ такъ подробно объ этомъ пардесю *laitière* потому, что оно, какъ кажется, будетъ любимымъ пардесю всѣхъ живущихъ за городомъ и на водахъ.

— Нѣсколько словъ о дѣтскихъ модахъ: — дѣвочки отъ 9-ти до 12 лѣтъ носятъ болышею частью легкія платья и митильи шарфы изъ тафты, обшитыя аграмантикомъ или кружевцемъ. Дѣвочкамъ меньшаго возраста дѣлаютъ болышею частью платья съ одинаковыми кофточками безъ тальи или совершенно узкія, какъ угодно.

— До семи лѣтъ дѣти носятъ круглыя шляпы изъ Итальянской соломки: это общая мода. Старше носятъ капоты соломенные съ тафтяными задками или совершенно тафтяные.

— Для мальчиковъ ничего не можетъ быть лучше блузы — *taille* изъ парусины-нанки, обшитой бумажной тесьмой или изъ кашемиру и валанси, отдѣланной бархатцемъ или суташемъ. Часто на эти блузы накидываютъ курточки или очень коротенькія пальто безъ тальи изъ бархату.

— Шляпы въ видѣ тока *à la Charles IX* изъ чернаго бархату съ чернымъ перомъ, завитымъ вокругъ — считаются самыми модными.

— Каждый дѣтскій нарядъ дополняется бѣлыми батистовыми понталончиками, шитыми *à l'anglaise* полосатыми чулками и черными полу-сапожками съ лаковымъ поскомъ и союзомъ, застегнутыми сбоку маленькими каменно-угольными пуговицами.

